

Tyragetia

Arheologie
Istorie Antică

SERIE NOUĂ

Vol. XV [XXX] nr. 1

Chișinău
2021

MUZEUL NAȚIONAL DE ISTORIE A MOLDOVEI

TYRAGETIA

Colegiul de redacție**Redactor responsabil:** dr. hab. Eugen Sava**Secretar de redacție:** dr. Aurel Zanoci**Redactori:** dr. Claudia Cemârtan, Mariana Balan

Membri: dr. Marius Alexianu (Iași); dr. Ana Boldureanu (Chișinău); dr. Nikolaus Boroffka (Berlin); dr. hab. Ion Eremia (Chișinău); dr. hab. Alexander Falileyev (Aberystwyth University Ceredigion); dr. Elena Izbitser (New York); dr. hab. Elke Kaiser (Berlin); dr. Maia Kašuba (Sankt Petersburg); dr. Igor Manzura (Chișinău); dr. Eugen Nicolae (București); dr. hab. Ion Niculiță (Chișinău); dr. Virgil Nițulescu (București); dr. hab. Elena Ploșniță (Chișinău); dr. Elena Postică (Chișinău); dr. hab. Gheorghe Postică (Chișinău); dr. hab. Igor Sapozhnikov (Kiev); dr. Ion Tentiuc (Chișinău); dr. hab. Valentin Tomuleț (Chișinău); dr. Victor Trifonov (Sankt Petersburg); dr. Lilia Zabolotnaia (Chișinău).

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu.

All the papers to be published are reviewed by experts.

Revista „Tyragetia” apare de două ori pe an.

Journal „Tyragetia” appears twice a year.

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice corespondență se vor trimite pe adresa Colegiului de redacție al „Tyragetiei”: *Muzeul Național de Istorie a Moldovei, str. 31 August 1989 nr. 121 ”A”, MD-2012 Chișinău, Republica Moldova.* Tel. (0373+22) 238279, e-mail: tyragetia@starnet.md

Manuscripts, books and journals for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the „Tyragetia”: *Muzeul Național de Istorie a Moldovei, str. 31 August 1989 nr. 121 ”A”, MD-2012 Chișinău, Republica Moldova.* Tel. (0373+22) 238279, e-mail: tyragetia@starnet.md

Design: Ivan Litsuk, Mihai Sava

Lucrare apărută în cadrul Programului de Stat (2020-2023), Proiect instituțional „Patrimoniul muzeal și memoria istorică: cercetare, interpretare, prezentare”, cifru 20.80009.09 07.43, finanțat de Agenția Națională de Cercetare și Dezvoltare (ANCD) în baza contractului cu Muzeul Național de Istorie a Moldovei nr. 138-PS din 15.01.2020.

Verum ab Histro oppida Cremniscoe, Aepolium, montes Macrocremni, clarus amnis Tyra, oppido nomen inponens ubi antea Ophiusa dicebatur. In eodem insulam spatiosam incolunt **Tyrgetae**; abest a Pseudostomo Histri ostio CXXX.

Plinii Secundi, *Naturalis Historia*, IV, 12 (26), 82

Iar de la Istru înainte se află orașele Cremniscoe, Aepolium, munții Macrocremni, vestitul fluviu Tyras, care dă numele și orașului, numit odinioară Ophiusa. Tot acolo este o insulă întinsă, locuită de **tirageți**, la o depărtare de o sută treizeci de mii de pași de brațul Pseudostomon al Istrului.

Pliniu cel Bătrân, *Istoria naturală*, IV, 12 (26), 82

CUPRINS (Contents)

I. Studii (Researches)

Наталья Бурдо

Курганная гипотеза Марии Гимбутас: первая волна миграций V тыс. до н.э. (The Kurgan hypothesis of Maria Gimbutas: the first wave of migrations of the 5th millennium BC) 9

Olena Fialko

Funeral escort of the European Scythia' amazons (Escorta funerară a amazoanelor din Sciția Europeană) 25

Ion Tentiuc, Valeriu Bubulici

Considerations regarding the 10th-11th century Scandinavian pendants with animal motifs or in the shape of hemispheric shield found in the Middle Dniester region (Considerații privind pandantivele scandinave cu decor animalier sau în formă de scut semisferic din secolele X-XI, descoperite în regiunea Nistrului Mijlociu) 37

II. Materiale și cercetări (Papers and surveys)

Irina Rusu

Situri paleolitice de pe teritoriul satului Teșcureni, raionul Ungheni (Paleolithic sites on the territory of Teșcureni village, Ungheni District) 51

Александр Колесник, Никита Манько

Веролюбовка – мастерская по расщеплению халцедона и кремня в Северо-Западном Донбассе (Verolyubovka – workshop for chalcedony and flint splitting in the North-Western Donbass) 67

Михаил Видейко, Виталий Рудь, Татьяна Гошко, Мария Видейко

Трипольские поселения этапа VI-II на Днестре (Trypillia VI-II stage sites on Dnieper) 75

Eugen Mistreanu

Un lot ceramic gumelnițean descoperit în localitatea Ciobalaccia, raionul Cantemir (Pottery of the Gumelnița culture, discovered in the village of Ciobalaccia, Cantemir District) 95

Виктор Гребенников, Виктор Стебличенко

Новая находка антропоморфной стелы на Нижнем Ингульце (New find of an anthropomorphic stele on the Lower Ingulets) 105

Эмма Усманова

«Андроновский» головной убор с накосным украшением: реконструкция, символика и происхождение («Andronovo» headgear with braid decoration (nakosnik): reconstruction, symbolism and origin) 109

Ioan Bejinariu, Florin Moței

An eastern style Bronze vessel discovered in Brașov county (Romania) (Un vas de bronz de tip răsăritean descoperit în județul Brașov (România) 123

Victor Dulgher, Sergiu Serbinov, Vladimir Chitic, Aurel Zanoci

Situri din prima epocă a fierului din preajma satului Cinișeuți, raionul Rezina (Early Iron Age sites near the village of Cinișeuți, Rezina District) 133

<i>Сергей Скорый, Виталий Окатенко</i> Бронзовый жезл-булава из Первого Караванского кургана раннескифской поры (Украинская Левобережная Лесостепь) (Bronze mace from the 1 st Karavan barrow of early Scythian time (Ukrainian Left -Bank Forest-steppe)	143
<i>Marina Daragan, Serhii Didenko</i> Scythian quiver sets of the archaic period: state of the art and the chronological considerations (Seturi de tolbă scitice din perioada arhaică: starea surselor și considerații cronologice)	155
<i>Natalia Mateevici, Evgenya Redina</i> Ștampile de Chersones de la Koshary, reg. Odesa, Ucraina (Amphora stamps of Chersonesos from Koshary, Odessa Oblast, Ukraine)	189
<i>Иван Снытко</i> Святылища и сакральные территории Ольвийского полиса античного времени (Sanctuaries and sacred territories of Olbia polis of classical era).....	199
<i>Aurel Zanoci, Mihail Băț</i> Cercetări arheologice la poarta de nord a cetății Saharna Mare (Archaeological research at the northern gate of the Saharna Mare hillfort)	219
<i>Екатерина Савельева</i> Форма для изготовления арулов из Тиры (The mould for making arulae from Tyras).....	233
<i>Виталий С. Синика, Николай П. Тельнов, Сергей Д. Лысенко, Сергей Н. Разумов</i> Курган 16 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье (Barrow 16 of the “Sluiceway” group in the Lower Dniester region).....	239
<i>Светлана Иванова, Андрей Красножон, Олег Савельев</i> Многослойный памятник Приморский бульвар в Одессе: от античности до средневековья (The “Primorsky Boulevard” multi-layered site in Odessa: from antiquity to the Middle Ages).....	297
<i>Vasile Iarmulschi</i> Migration von West nach Ost: Archäologie der Mobilität in der jüngeren vorrömischen Eisenzeit: Beispiel die Zarubintsy-Kultur (Migrație din vest spre est: arheologia mobilității din epoca preromană recentă a fierului: exemplu – cultura Zarubintsy).....	313
<i>Денис Масюта</i> Клеймо на фрагменте амфоры типа Dressel 6B из Тиры (Stamp on a fragment of Dressel 6B amphora from Tyras)	327
<i>Андрей Новичихин</i> Фрагмент каменной формы для отливки зеркал из Горгиппии (Fragment of a stone mold for casting mirrors from Gorgippia)	339
<i>Vasile Mărculeț</i> Operațiunile navale din timpul confruntărilor dintre Constantinus I și Licinius, din vara anului 324 (Naval operations within the confrontations between Constantine I and Licinius in the summer of 324).....	345
<i>George Ivașcu</i> Un model de comunicare politică descendentă: Symmachus, Or. II (A model of top-down political communication: Symmachus, Or. II)	355
<i>Игорь Бондарь</i> Интерпретация сакральных символов и сюжетов на раннесредневековом поклонном камне близ села Рудь (Interpretation of sacral symbols and scenes depicted on the early medieval worship stone near the village of Rudi)	361

<i>Майя Кашуба, Игорь Сапожников, Мария Медведева</i> О собраниях древностей Северного Причерноморья, приобретенных Императорской археологической комиссией у П.А. Маврогордато в 1903 году (The collections of Antiquities of the Northern Black Sea Region, acquired by the Imperial Archaeological Commission from P.A. Mavrogordato in 1903).....	387
<i>Bogdan Petru Nicolici</i> 135 years since the foundation of Romanian Archaeological Society in Chernivtsy (Bucovine) (135 de ani de la fondarea Societății Arheologice Române din Cernăuți (Bucovina)	407
<i>Игорь Сапожников, Майя Кашуба</i> Анадольский и Дмитровский монетные клады Южной Бессарабии: реконструкции находок в конце XIX ст. (Anadol and Dmitrovka coin hoards of Southern Bessarabia: Reconstruction of chance finds in the end of the 19 th century)	419
<i>Ana Boldureanu</i> Cronica descoperirilor monetare (XV) (Chronicle of coin finds (XV))	447
III. Recenzii și prezentări de carte (Paper and book review)	
Michał Grygiel, Chronologia przemian kulturowych w dobie przełomu starzego i młodego okresu przedrzymskiego na Niżu Polskim. Łódź: Fundacja Badań Archeologicznych Imienia Profesora Konrada Jażdżewskiego, 2018, 822 p., ISBN: 978-83-948140-2-1 (<i>Vasile Iarmulschi</i>)	451
Lista abrevierilor (List of abbreviation).....	453
Condițiile de publicare în revista „Tyragetia”	455
The following conditions for publishing in the „Tyragetia” journal.....	456
Условия для публикации в журнале «Tyragetia»	457

КУРГАННАЯ ГИПОТЕЗА МАРИИ ГИМБУТАС: ПЕРВАЯ ВОЛНА МИГРАЦИЙ V ТЫС. ДО Н.Э.

Наталья Бурдо

Ключевые слова: курганная культура, лошадь, среднестоговская культура, дереивская культура, Триполье-Кукутень, миграции, индоевропейцы.

В 2021 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Марии Гимбутас, литовского и американского археолога, одной из крупнейших фигур в изучении праистории Европы. Самую большую известность исследовательнице принесла ее «курганная гипотеза». Она впервые была сформулирована в результате подготовки монографии, посвященной предистории Восточной Европы (Gimbutas 1956), и представлена в Филадельфии в 1956 г. Курганная гипотеза до сих пор остается одной из наиболее популярных теорий происхождения и распространения индоевропейских языков и индоевропейской прародины.

Особое место в курганной гипотезе занимает представление о нескольких «волнах» миграций носителей индоевропейских языков. Больше всего дискуссий вызвала «первая волна», отнесенная М. Гимбутас к V тыс. до н.э. Различные аспекты курганной гипотезы, в основном касающиеся ямной культуры и проблемы индоевропейской прародины, широко обсуждались и остаются актуальными в современных дискуссиях. По мере накопления археологических свидетельств, результатов исследований с применением методов естественных наук – от изотопных датировок раскопанных объектов до исследований ДНК не только древнего населения, но и домашних животных – появилась возможность оценить достоверность представлений об этой проблеме.

Как оказалось, в целом эта концепция не подвергалась детальному анализу. Напомним, что в основе курганной гипотезы лежат реконструкции о прародине индоевропейцев и характеристики пра-индоевропейцев, полученные сравнительной лингвистикой. При-

родная среда – степи, хозяйство – кочевое скотоводство, социальная структура – воинственное патриархальное общество. Одомашнивание обитательницы степей – дикой лошади считалось главным открытием индоевропейцев. Им приписывают также открытие колеса и колесного транспорта. Эти открытия обеспечили мобильность индоевропейцев, появление воинственных всадников, военных вождей, накопление богатства в виде скота, что рассматривалось как свидетельство патриархального уклада и дифференцированного общества. Все эти особенности древних индоевропейцев объясняли широкое распространение в Евразии индоевропейских языков из центра их прародины. Важным аспектом были время и место перечисленных выше событий.

Из истории «курганной гипотезы»

Для формирования лучшего представления о предмете исследования коротко остановимся на истории его возникновения. Задачей М. Гимбутас было найти подтверждение данным лингвистики в археологических материалах. Ее курганная гипотеза (как и любые гипотезы о прародине индоевропейцев) – это попытка увязать лингвистическую модель с археологическими фактами и реконструировать исторические процессы доистории в эпоху ранних металлов V–III тыс. до н.э.

В качестве археологического эквивалента праиндоевропейцев исследовательница рассматривала «курганную культуру». Название это было сконструировано для объединения различных культур энеолита – РБВ V–III тыс. до н.э. в степях Евразии, практиковавших, по мнению М. Гимбутас, погребения под курганом. Кроме него главными характеристиками курганной культуры были признаны: ее локализация в степи; кочевое скотоводческое/конеvodческое хозяйство; сходство погребальных обрядов, керамических ком-

плексов, предметов вооружения, ключевая роль лошади в социально-экономической структуре (мобильность, конные всадники, накопление богатств в виде скота, социальная и имущественная дифференциация, военные вожди). Собственно, о чем-то подобном писал в свое время Г. Чайлд (Childe 1926), но он относил к предкам индоевропейцев носителей ямной культуры. «Курганная теория» М. Гимбутас углубила историю этих предполагаемых предков до начала V тыс. до н.э. При этом были использованы результаты изучения культур этого времени на территории Восточной Европы, появившиеся уже после написания трудов Г. Чайлда.

Следует также отметить, что «курганная гипотеза», впервые представленная М. Гимбутас в 1956 году (Gimbutas 1956), развивалась и уточнялась на протяжении трех последующих десятилетий (Gimbutas 1979; Gimbutas 1991). Курганная гипотеза первоначально предполагала четыре этапа развития курганной культуры – Курган I - IV, включавшие перечисленные культуры, и три волны миграций курганной культуры в Европу V-III тыс. до н.э. Затем число «волн» было сокращено до трех. Окончательная версия «курганной гипотезы» изложена в 1991 г. в X главе “The End of Old Europe: The Intrusion of Steppe Pastoralists from South Russia and the Transformation of Europe” книги «The Civilization of the Goddess» (Gimbutas 1991, 352-401; Гимбутас 2006, 387-444). В «курганную культуру» М. Гимбутас объединила археологические культуры степной зоны Волго-Уральского и Северопонтийского регионов в период V-III тыс. до н.э.

Курганная гипотеза предполагала постепенное, растянутое во времени, распространение курганной культуры волнами миграций. Начиная с 80-х гг. XX в. М. Гимбутас в изложении курганной гипотезы делает акцент на сценарии вторжения праиндоевропейцев в земледельческую Европу и исчезновении доиндоевропейской цивилизации в результате индоевропеизации. Этот сценарий был расписан начиная с предыстории процесса. Далее будут последовательно рассмотрены и проанализированы наиболее важные, ключевые моменты «курганной гипотезы». Среди них: предыстория «курганной культуры», domestикация лошади и ее использование, «курганная культура I» и первая волна миграций.

Предыстория «курганной культуры»

М. Гимбутас обратила внимание на единообразие культурного облика населения первой половины V тыс. до н. э. на огромной территории к востоку от Дона между Средней Волгой, Кавказом и Уралом. По ее мнению, это результат «беспрецедентно быстрого обмена между племенными группами», связанного с подвижностью конных скотоводов. Причем «первые наезды в днепровские степи этих кочевых народов происходили еще до середины V тыс. до н.э.», а позднее «конные воины курганной культуры I» появились в самом сердце Европы (Гимбутас 2006, 389).

Детское погребение с богатым инвентарем М. Гимбутас интерпретирует как «могилу отпрыска благородного, может быть царского рода». Находки костей и фигурки лошади в могильниках послужили для М. Гимбутас основанием для вывода о том, что носители самарской культуры не только разводили лошадей, но были кочевниками, использовали их для верховой езды (Гимбутас 2006, 391).

Самые древние свидетельства одомашнивания лошади зафиксированы М. Гимбутас в лесостепи Средней Волги. Культурные группы древних скотоводов представлены самарской (Поволжье и Приуралье, первая половины V тыс. до н.э.), а затем хвалынской (Средняя Волга – Приазовье, 4900-3500 до н.э.) культурами эпохи энеолита. Этот регион – предполагаемая прародина ИЕ, а самарская и хвалынская культуры отражают этап формирования и предшествуют появлению курганной культуры.

В настоящее время по типу хозяйства выделено два ареала самарской культуры: присваивающе-производящее/скотоводческое на юге лесостепной и в степной зонах и присваивающее – на севере лесостепной зоны. Основу скотоводческого хозяйства составляли лошадь и крупный рогатый скот. Поселения недолговременные, соответствующие скотоводческому типу хозяйства (Васильев 1981).

Хвалынская культура генетически отчасти связана с самарской. Установлено сосуществование поздних памятников самарской культуры и хвалынской, а также выявлены синкретические варианты самарско-хвалынской культуры. Поселенческие памятники недолговременны и носят характер стоянок. Основой

хозяйства хвалынской культуры было скотоводство, включая коневодство. Существовала собственная металлообработка. Медь поступала преимущественно из фракийских источников. Хвалынский очаг металлообработки формировался под влиянием раннетрипольского очага металлообработки и импульсов из фракийско-нижнедунайского региона. Среди медных предметов в хвалынских могильниках присутствуют как преобладающие местные изделия, так и единичные импортные из Типолья В I - Кукутень А и новоданиловского очага металлообработки, а дальность маршрутов, по которым подвигается металл из земледельческих центров, достигает 1500-2000 км (Рындина 1998, 153, 157, 159, 191-192).

Характерны грунтовые могильники с небольшими каменными закладами над могилами. Погребения одиночные, реже коллективные, положение покойников скорченное на спине, выявлены жертвоприношения крупного и мелкого рогатого скота, лошади. Зафиксированы находки черепов и костей крупного рогатого скота, которые интерпретируют как особый вид жертвоприношений: шкуры с головой и конечностями, уложенные в могилу (Васильев 2003, 61-69).

Таким образом, мы видим, что в рассматриваемый период нет оснований для определения населения степей того времени как воинственных скотоводов-кочевников. Наличие лошади (на этом вопросе далее мы остановимся подробнее) не является однозначным свидетельством ни «мобильности», ни «воинственности». Собственно курганы также неизвестны. Связи с населением западных регионов были направлены на получение металла и технологий, связанных с его обработкой.

Лошадь – «главный атрибут» индоевропейцев

Доместикация лошади и характер использования этого домашнего животного играет ключевое значение при выборе археологических культур на роль пра-индоевропейцев. Предполагается существование некоего центра – прародины индоевропейцев, где лошадь была одомашнена и стала использоваться для упряжи и верховой езды, а затем эти достижения распространялись индоевропейцами вместе с языком. Таким образом, главные вопросы – это где и когда появилась домаш-

няя лошадь и где и когда ее стали использовать для упряжи и верховой езды.

В соответствии с курганной гипотезой М. Гимбутас отправной точкой в истории индоевропейцев было одомашнивание лошади около 5000 до н.э. в лесостепных районах между Восточной Украиной и Северным Казахстаном. «Добыча пропитания и передвижение носителей курганной культуры были непосредственно связаны с одомашненной лошадью, что опять-таки представляло резкий контраст с жизнью не знавших лошадей древнеевропейских земледельцев. Скотоводческое хозяйство, постоянно прибавлявшиеся стада крупных животных, верховая езда и необходимость мужской силы при обращении со скотом – это, как можно предположить, способствовало переходу от матриальной к патриальной, военизированной организации общества; в Южной России и в более отдаленных областях он произошел не позднее 5000 г. до н.э....» (Гимбутас 2006, 388).

М. Гимбутас полагала, что одомашнивание лошади произошло в V тыс. до н.э. в лесостепи Средней Волги у носителей самарской культуры, причем тут не только разводили лошадей, но и использовали их для верховой езды. И уже в это время осуществлялись «первые наезды в днепровские степи кочевых народов». «Верховая езда изменила ход европейской предыстории. Вооруженный конный воин представлял смертельную угрозу для мирного безоружного земледельца. С середины V тыс. до н.э. и на протяжении тысячелетий быстроногие лошади несли с собой смуты <...> скифы, сарматы, гунны, авары, римляне славяне и викинги, кельты и герои Гомера, крестоносцы <...> мы видим, что быстроногие лошади способствовали тому, что все существование оказалось подчинено насилию» (Гимбутас 2006, 389). Древнейшим центром одомашнивания лошади М. Гимбутас считала также и азово-днепровские степи – территорию средне-стоговской культуры.

Как видим, в вопросе с лошадью исследовательница выделила несколько ключевых, по ее мнению, моментов: регион и время одомашнивания, место в хозяйстве, использование для верховой езды. Из двух последних пунктов, по ее мнению, следовал неизбежный вывод относительно высокой мобильности и

воинственности общества древних скотоводов. Рассмотрим далее последовательно современные взгляды по перечисленным вопросам.

Одомашнивание лошади. Еще 70 лет тому назад В.И. Громова констатировала сложность проблемы доместикации лошади на основании данных палеозоологии, так как «Отличия костей домашних лошадей от диких не известны, да и вряд ли существуют в абсолютной форме» (Громова 1949, 191). В связи с этим С.Н. Бибиков предпринял попытку решения этой проблемы на основании археологических данных, то есть изображений лошади (Бибиков 1953, 244-247). Вряд ли такой путь можно считать успешным, и его использование М. Гимбутас спустя почти сорок лет не может не вызвать возражений. Современные исследователи также отмечают, что изучение доместикации животных – одна из самых сложных проблем, решение которой возможно за счет применения широкого спектра методов из разных дисциплин (Kosintsev, Kuznetsov 2013, 405).

Среди археозоологов до сих пор нет единого мнения о критериях, позволяющих отличить по остеологическим материалам домашнюю лошадь от дикой. Историография дискуссии о доместикации лошади в степном неолите довольно подробно представлена в исследованиях Н.С. Котовой (Котова 2013, 119-121). Археологи и археозоологи В.И. Цалкин (Цалкин 1970, 201), О.П. Журавлев, Н.С. Котова (Журавлев, Котова 1996, 9-10), В.А. Дергачев (Дергачев 2007) настаивают на существовании домашней лошади и в скотоводческих и в земледельческих культурах с эпохи неолита.

В северном Приазовье и Нижнем Подонье домашняя лошадь появляется на стоянках Матвеевокурганской культуры около 6265 г. до н.э., то есть в VII тысячелетии до н.э. (Крижевская 1992). Исследованиями Н.С. Котовой (Котова 2013, 120) и О.П. Журавлева установлено наличие домашней лошади в VII тыс. до н.э. у носителей неолитических азово-днепровской и нижнедонской культур. Приазовье, вероятно, было одним из центров доместикации лошади уже в неолите. Лишь у неолитического населения, жившего на юге лесостепи и севере степи в непосредственной близости от азово-днепровской и нижнедонской культур (БДК степного Побужья, черкасский

вариант киево-черкасской культуры ДДК), фиксируется развитое животноводство с разведением крупного и мелкого рогатого скота, свиньи. У населения, в становлении которого принимали участие носители азово-днепровской и нижнедонской культур (лизогубовская, поздненеолитическое население Сиверского Донца и Айдара), стадо включало, кроме мелкого и крупного рогатого скота и свиньи, еще и лошадь. На стоянке Гард 3 (6200-5300 до н.э.) найдены как кости домашней лошади, так и тарпана (Журавлев, Котова 1996, 8-12).

В последнее время обоснованно поставлено под сомнение одомашнивание лошадей в Ботаяе, считавшемся одним из древнейших центров доместикации. Промеры костей лошадей из Ботая свидетельствуют о том, что это были дикие лошади. Не подтвердилось также и предположение об использовании здесь твердой упряжи (Kosintsev, Kuznetsov 2013, 406-407). Генетические исследования показали, что ботайские лошади не были предками современных лошадей, а также нет сходства с лошадью Пржевальского, признанной не дикой, а одичавшей одомашненной лошадью. Это подтверждает вывод археозоологов о том, что лошади Ботая относятся к дикому виду. П. Козинцев и П. Кузнецов обоснованно предполагают, что ботайская культура оставлена охотниками на диких лошадях (Kosintsev, Kuznetsov 2013, 406-408).

Исключительную роль степного населения в распространении домашней лошади ставит под сомнение ее наличие у древних земледельцев уже в первой половине V тыс. до н.э. В.И. Бибикова относит немногочисленные кости лошади из трипольского поселения Лука-Врублевецкая (5900-4700 до н.э.) предположительно к домашним животным, они составляют всего 2,1% домашних животных и принадлежали 2 особям (Бибикова 1953, 412-413, 457). С.Н. Бибиков полагал, что на раннем этапе развития Триполья «лошадь уже находилась на пути к одомашниванию» (Бибиков 1953, 185).

О.П. Журавлев настаивает на присутствии немногочисленных особей лошади в стаде трипольцев начиная с раннего этапа. Причем исследователь определяет наличие костей разных лошадей как западного (толстоногие), аналогичного современным тяжеловозам, так

и восточного, упряжных и верховых (наполонину тонконогих) типа. Лошадь была получена трипольцами из разных мест. В поселении Бильшивци найдены следы рабочей патологии на костях лошади, что свидетельствует об использовании ее в качестве тягловой силы (Журавльов 2008, 17-19).

Неожиданно высокий процент (до 16,4%) домашних животных, не характерный для древнеземледельческих культур, представляет лошадь на поселениях Болград-Алденъ. В гумельницких поселениях этот процент может достигать 4%, а в раннетрипольских – 8% (Субботин 1983, 95).

Использование лошади степными скотоводами. До сих пор некоторые исследователи считают, что именно приручение лошади было конкурентным преимуществом степных скотоводов – индоевропейцев, позволившим им заселить огромные пространства Евразии. Однако основной аргумент для таких взглядов – это выводы лингвистов, а не реальные археологические свидетельства.

Современные исследования убедительно доказывают скотоводческий характер хозяйства населения евразийских степей начиная с V тыс. до н.э. Особенности скотоводства в степи были обусловлены природными факторами, оно в значительной мере зависело от климатических колебаний (Котова 2006, 119; Котова 2013, 113-122; Скоробогатов 2011, 182-186) и сезонов вегетации пастбищ в степи.

В Подонье на поселениях репинской и среднестоговской культур обнаружены кости двух видов диких лошадей: тарпана и широкопалой позднелейстоценовой лошади, а кости домашней лошади не выявлены (Котова 2013, 121). Это очевидное свидетельство того, что лошадь была и домашним животным, и объектом охоты в тех местах, где водилась в значительном количестве. Н.С. Котова охарактеризовала такой тип скотоводства в степной Украине для эпохи нео-энеолита, дав ему условное название «восточноевропейский».

Поскольку среднестоговскую и хвалынскую культуры ныне объединяют в одну культурную общность, то эти характеристики можно распространить и на этот регион. Для степного скотоводства типична значительная роль лошади в стаде и малое количество или

полное отсутствие свиней. Важное значение лошади в стаде степных скотоводов объясняется максимальной приспособленностью этого еще не одомашненного животного к восточноевропейским степным ландшафтам.

Лошадь – единственное домашнее животное, которое способно самостоятельно добывать зимой корм на пастбище, разбивая копытами ледяную корку (этот процесс носит название тебеневка). Таким образом, лошадь еще и обеспечивает возможность выпаса другого домашнего скота почти круглый год. Летом после выпаса лошадей пастбища меняют видовой состав трав, который становится наиболее пригодным для выпаса крупного и мелкого рогатого скота. Разные подвиды степного скотоводства выделены в зависимости от преобладания в стаде крупного или мелкого рогатого скота. В периоды аридизации увеличивалась роль мелкого рогатого скота, а в периоды увлажнения климата увеличивалась доля крупного рогатого скота и охотничьей добычи (Котова 2013, 122-125). Реконструкция хозяйства скотоводов в бассейне Волги показывает, что сезонные перекочевки осуществлялись вдоль Волги, а продвижение скота было очень медленным и могло осуществляться пешими пастухами (Горащук 2003, 127), то есть не требовало использования верховой лошади.

Гипотетически устанавливается использование степными скотоводами лошади как вьючного животного, а также конных пастухов, которые использовали ремennую узду. Данные об использовании жесткой узды из рога или металла нет. Череп коня из Деревки со следами удила по радиоуглеродной датировке относится не к энеолиту, а более позднему периоду (Котова 2013, 120). Таким образом, никаких реальных доказательств наличия воинственных степных всадников V тыс. до н.э. пока не найдено.

Курганная культура I

К курганной культуре I причислена среднестоговская культура, но не синхронная с ней и объединенная в культурно-историческую общность хвалынская культура. По мнению М. Гимбутас, появление среднестоговской культуры на Днепре вызвано миграцией хвалынской культуры на Днепр, а с середины V тыс. до н.э. на основе хвалынской культуры

на Нижней Волге складывается раннеямная культура (Гимбутас 2006, 388-393, 397). Сейчас установлено, именно хвалынская культура возникла под влиянием среднестоговской.

В среднестоговскую культуру М. Гимбутас включала стоговский (дошнуровой) и дереивский (шнуровой) периоды, выделенные Д.Я. Телегиным, а также погребения новоданиловского типа (Телегин и др. 2001, 6, 57-108), и рассматривала культуру в целом, без учета хронологической последовательности существования разных памятников разных периодов. Для среднестоговской культуры предполагается культ лошади, одиночные или парные грунтовые захоронения, «предшествующий типичному индоевропейскому набору оружия» в виде кремневых наконечников стрел и копий, топоров и кинжалов, причем «этими видами оружия можно было пользоваться в конном бою», погребения мужчин с богатым инвентарем, и даже могилы «военной элиты» (Гимбутас 2006, 397-398).

Современные данные о ССК¹ не согласуются как с общей интерпретацией, которую им дает М. Гимбутас, так и с некоторыми деталями в ее описании. Формирование хвалынской культуры Н.С. Котова связывает с переселением в связи с аридизацией около 5250-5100 лет до н. э. части населения раннего периода среднестоговской культуры из степного Подонья на правобережье Волги. Здесь в результате синтеза традиций местных самарской и орловской культур со среднестоговскими появилась хвалынская культура (Котова 2006, 161).

В целом данные о характере скотоводства для стоговского периода ограничены малым количеством находок костей животных. Н.С. Котова рассматривает хозяйство расположенной в степной зоне ССК как комплексное, включающее животноводство с разведением крупного и мелкого рогатого скота, свиней, лошадей, а также земледелие, с выращиванием пшеницы-двухзернянки, ячменя, проса, вики эрвилиии. Состав стада и объекты охоты

в значительной степени зависели от климатических колебаний (Котова 2006, 163-164). Данные, указывающие на особую роль коневодства, а тем более наличие верховой лошади или кочевой характер скотоводства, отсутствуют.

В то же время обращает внимание наличие в среднестоговской культуре собственного очага металлообработки (новоданиловского), зафиксированного Н.В. Рындиной. Его производство представляется сложным конгломератом технических взаимодействий с переплетением традиций и приемов культуры Варна, которые преобладали, Триполья В I и собственно среднестоговскими. Присутствуют как местные изделия, которые преобладают, так и импорты из культуры Варна и единичные из Триполья В I. Однако большинство кузнечных приемов новоданиловских мастеров отличались низким качеством исполнения, что свидетельствует об их более низкой квалификации по сравнению с мастерами земледельческих культур (Рындина 1998, 168-170).

Парные погребения, известные в некоторых могильниках ССК, М. Гимбутас (Гимбутас 2006, 399) интерпретирует как свидетельство «обрядов сати» (погребения с вождем его жены или сожительницы). Однако анализ упомянутых ею комплексов не подтверждает такую интерпретацию. Значительная часть погребенных не имеет половых определений. В могильнике Яма парное захоронение взрослых совершено в выложенной каменными плитами могиле с перегородкой для каждого покойника (Телегин 1973, 113, рис. 58/3; Котова 2006, 59, рис. 87).

В могильнике Александрия выявлено 3 парных и 2 групповых погребения. В парном погребении №№18-19 похоронены мужчины; в №№ 23-24 – «двое взрослых»; в парном погребении №№ 37-38 похоронены мужчины, причем оба черепа пробиты острым инструментом (Телегин 1973, 110-111). В грунтовом могильнике Игрень в одном парном погребении № 3 были похоронены мужчина и женщина, а в другом, № 5 – мужчина и ребенок (Котова 2006, 45, рис. 52/1, 5-7). В кургане 8 Кут в погребении № 1 найдено 2 раздавленных черепа (Котова 2006, 59). В мариупольском грунтовом могильнике – парное

¹ Термин ССК по Д.Я. Телегину объединяет памятники стоговского периода раннего энеолита и дереивского среднего/позднего энеолита, памятники новоданиловского типа, синхронные стоговским, выделены особую группу грунтовых могильников (Телегин 1973, 112) или в отдельную культуру (Телегин и др. 2001). Н.С. Котова к ССК относит памятники раннего энеолита стоговского периода и новоданиловские.

погребение XXI – двое мужчин: старческого возраста и 30-35 лет (Котова 2006, 51). В кургане 3 у станицы Батуриная в погребении 14 – взрослый и ребенок, а в погребении № 20 – около ног взрослого обнаружен расчлененный костяк.

Есть ли основания считать носителей ССК «кочевыми скотоводами и воинственными до всадниками», как предполагает М. Гимбутас, опираясь на находки конеголовых скипетров в новоданиловских погребениях периода раннего энеолита и на коневодческий характер поселения Деревка деревинского периода? В целом данные о характере скотоводства для стоговского периода ограничены малым количеством находок костей животных. Н.С. Котова рассматривает хозяйство расположенной в степной зоне ССК как комплексное (Котова 2006, 163-164). Данных, указывающих на особую роль коневодства, а тем более наличие верховой лошади или кочевой характер скотоводства, нет.

«Первая волна»

Реконструируемая М. Гимбутас первая волна вторжения курганной культуры в Восточную и Центральную Европу около 4400-4300 гг. до н.э. была связана с погребениями новоданиловского типа среднестоговской культуры, обнаруженными в Молдавии², Южной Румынии и Восточной Венгрии, то есть далеко на запад от территории среднестоговской культуры в бассейне Днестра и Приазовье. М. Гимбутас акцентирует внимание на курганных погребениях и преобладании в этих могилах погребений мужчин. В качестве примера исследовательница рассматривает курганные погребения с конеголовыми скипетрами в Суворово в Буджаке и Касимче на Нижнем Дунае и приходит к выводу, что они принадлежат «вождям», представителям «воинской элиты» и демонстрируют два аспекта индоевропейской идеологии. Это культ лошади, жертвоприношения лошади³ и «обычай сати» (Гимбутас 2006, 398-399).

² М. Гимбутас ошибочно относит погребение со скипетром из Суворово к территории Молдавии. В действительности это Измаильский р-н Одесской области, Украина (Телегин и др. 2001, 65-66).

³ Приведенные М. Гимбутас факты о жертвоприношении коня в Золотой Балке (Виззев 1960, 166-176) и «недалеко от Одессы» (Шагалий, Черняков 1970, 5-115) не соответствуют приведенным ссылкам.

Курганная культура вплотную подошла к границам с земледельческой культурой Кукутень-Триполье – восточного форпоста цивилизации Старой Европы. Эта миграция стала первым этапом первой волны миграций около 4400-4300 г. до н.э. Днепровский регион стал исходной позицией для следующего этапа миграции первой волны, направленной на запад, когда носители курганной культуры I (новоданиловский тип) достигли Балкан и распространялись вдоль Дуная до культур Винча в Сербии и Лендель в Венгрии.

Последствия первой волны миграции в восточную и центральную Европу М. Гимбутас описывала следующим образом: «Угасание Варны, Караново, Винчи, Ленделя на основной территории и их распространение к северу и северо-западу является косвенным указанием на то, что здесь произошла катастрофа невиданного масштаба, которую невозможно объяснить одними климатическими изменениями, истощениями земель или эпидемиями во второй половине V тыс. Напротив, есть прямые подтверждения набегов конных воинов: об этом говорят не только индивидуальные мужские захоронения под земляными насыпями, но и целый комплекс признаков курганной культуры: поселения на возвышенностях; лошади; превалирование скотоводства; следы насилия и патриархальной системы, символика солнечного культа, все эти элементы теснейшим образом переплелись в общественном, хозяйственном и религиозном устройстве курганной культуры» (Гимбутас 2006, 399-403). Миграции первой волны курганной культуры I, по мнению М. Гимбутас, представлены именно погребениями новоданиловского типа (приблизительно 4800-4200 до н.э.). Современные данные о количестве погребений периода раннего энеолита противоречивы. А.Л. Нечитайло относил к новоданиловской культуре погребения в 41 пункте на территории от бассейна Тисы на западе до Поволжья и Калмыкии на востоке (Телегин и др. 2001, 64-74). Согласно исследованиям Н.С. Котовой, на основной территории среднестоговской культуры в Поднепровье, Северском Донце и Приазовье зафиксировано 24 пункта с могильниками или отдельными погребениями раннего энеолита, включая новоданиловские, из них 15 – курганные. Общее число пунктов с погребениями среднестоговской

культуры составляет 43, из них около 20 курганных (Котова 2006, 9-70). Из них 9 пунктов выявлено в Предкавказье, в том числе 4 – под курганами. В западном регионе на территории от степей днестро-дунайского междуречья до севера Румынии погребения новоданиловского типа известны в 10 пунктах, 3 из них курганные. Кроме того, погребения, которые следует связывать со среднестоговской культурой, отдельные находки конеголовых скипетров и немногочисленные фрагменты ракушечной керамики обнаружены на Балканах в культурах Коджадермен-Караново VI – Гумельница, Варна, Криводол-Сэлкуца.

Могильники новоданиловского типа отличаются от остальных могильников среднестоговской культуры широтой географического диапазона, богатством инвентаря и разнообразными культурными связями как с земледельческими культурами Старой Европы (медные предметы, металлургическое сырье, керамика), так и с Предкавказьем (обсидиан, гешировые бусы, сосуд из Новоданиловки).

По мнению Д.Я. Телегина и Ю.Я. Рассамкина, высокий статус погребенных в могильниках новоданиловского типа был обусловлен тем, что они принадлежали к социальным группам, которые специализировались на обмене престижными предметами. Именно благодаря этому степное население, вплоть до Среднего Поволжья, получало от культур Гумельница и Варна металлические предметы и медное сырье из Балкан-Карпатской металлургической провинции. А.Л. Нечитайло также полагала, что погребения новоданиловского типа могли принадлежать мастерам-менялам, которые обменивали высококачественные кремневые изделия и заготовки (Телегин и др. 2001, 62-63). Без обменных операций было невозможно функционирование новоданиловского очага металлообработки, выделенного Н.В. Рындиной. Здесь зафиксировано переплетение традиций металлообработки земледельческих культур Варна, Триполье, Гумельница и местных мастеров (Рындина 1998, 168-170).

Когда исчезают земледельческие культуры Варна и Караново-Гумельница и очаг этот металлообработки угасает, в степных культурах дереивского периода не фиксируются ни подобных элитных групп (Котова 2006, 156),

ни собственных очагов металлообработки в скотоводческих культурах до времени рубежа энеолита – РБВ (в постмариупольской культуре). По мнению Н.С. Котовой, погребения новоданиловского типа, найденные вне основной территории среднестоговской культуры, могли принадлежать участникам специальных экспедиций, осуществлявших обменные операции в отдаленных территориях. А погребения со скипетрами, совершенные по степному обряду на территории земледельческих культур, могут представлять людей с высоким социальным статусом, который соответствует участникам обменных экспедиций, отправлявшихся в отдаленные земли за медью, а также престижным сырьем – морскими раковинами *Spondilus*. Возможно, считает Н.С. Котова, в таких экспедициях использовали вьючных лошадей, а кроме того, лошадь также могла быть предметом обмена (Котова 2006, 149-150). Тут следует отметить, что именно для периода раннего энеолита, к которому и относятся погребения новоданиловского типа, нет данных, позволяющих утверждать о коневодстве, хотя домашняя лошадь зафиксирована среди остеологических остатков.

Утверждение М. Гимбутас о преобладании в новоданиловских могильниках погребений мужчин не соответствует действительности. Правда, в большинстве случаев данные о поле погребенного не приводятся, но все же некоторые имеющиеся сведения опровергают мнение М. Гимбутас. Так, в грунтовом могильнике Дечия Мурешулуй из 15 выявленных погребений 4 детских (№2(1), №3(1), №7, №9), 1 – женское (п. № 15), многие плохой сохранности и пол не определен (Котова 2006, 64-66). В грунтовом могильнике Джурджулешть из 5 выявленных погребений, отличавшихся богатым инвентарем, 3 – детские, 1 – мужское (возраст 20-25) (Котова 2006, 67-68). Для многих других могильников в большинстве случаев пол погребенных не указан, но среди единичных случаев с определениями присутствуют как мужчины, так и женщины.

Среди погребального инвентаря обнаружены символы власти – булавы, конеголовые скипетры, роговое навершие, медный молоток, однако на основной территории распространения среднестоговской культуры могильные сооружения с символами власти не выделя-

ются среди других погребений. Оценка общего уровня социального развития среднестоговской культуры позволяет предполагать, что такие погребения принадлежали лидерам, выдающимся членам общины, но не «военным вождям». По мнению Н.С. Котовой, 8 из 9 погребений с символами власти могут быть интерпретированы как воинские, в 6 из них оружием является скипетр и булава.

В погребении из Фелчу символом власти мог быть медный топор, присутствуют также наконечники стрел. В погребении мужчины (№ 4) из Джурджулешть символом власти, вероятно, был дротик с золотыми обкладками, а к оружию относится копье со сложным наконечником, дротик с роговым наконечником и медный «стилет». Такое сочетание инвентаря позволяет предположить, что лидеры были и военными предводителями. Кремневые ножевидные пластины, которые М. Гимбутас называет кинжалами, как и кремневые тесловидные орудия («топоры») не имели отношения к вооружению.

Ранее мы упоминали предположения, что новоданиловские погребения с богатым набором престижных вещей принадлежали элитным группам, занимавшимся престижным обменом. Однако анализ погребального инвентаря показывает, что его характер определялся не столько имущественным статусом, сколько поло-возрастными характеристиками. Погребения с символами власти чаще всего не содержат других престижных вещей. В этом отношении богатством украшений выделяются погребения детей и подростков и взрослых репродуктивного возраста. Курганные захоронения не отличаются от грунтовых наличием символов власти или богатством инвентаря и, по мнению Н.С. Котовой, не отражают высокий статус умершего (Котова 2006, 155-157).

Каменные конеголовые скипетры, связанные с погребениями ССК, М. Гимбутас рассматривала как символы власти военных вождей, изображающие взнузданную лошадь – участницу конных военных походов. Зооморфные (конеголовые) скипетры найдены на обширной территории от области культур Караново VI-Гумельница, Криводол-Сэлкуца-Бубани Хум, Варна на юго-западе, на территории Кукутень-Триполье, до хвалынской куль-

туры и Предкавказья (Govedarica, Kaiser 1996, Abb. 1-2)

Скипетры многие исследователи рассматривают как атрибут степных скотоводов и свидетельство их миграций или даже военных вторжений на земли земледельцев. Несмотря на степную принадлежность, скипетры наиболее широко распространены на территории земледельческих культур Старой Европы: Коджадермен-Гумельница-Караново VI, Варна, Криводол-Сэлкуца (Георгиева 2005). Фрагмент скипетра найден на поселении Триполье В I Березовская ГЭС. Считается, что скипетры с разной степенью реалистичности изображают голову лошади, а это животное, одомашненное скотоводами евразийских степей, не было известно земледельцам. Некоторые скипетры найдены на территории могильников культур Варна и Коджадермен-Гумельница-Караново VI в курганных или грунтовых погребениях с инвентарем, характерным для хвалынской и среднестоговской культуры. Ареал распространения скипетров в земледельческих культурах в целом совпадает с территорией, на которой выявлены погребения степных скотоводческих культур, а также с находками керамики с примесью измельченной раковины.

Часть исследователей считает, что концентрация находок скипетров в Карпато-Балканском регионе свидетельствует о том, что именно оттуда они происходят (Збенович 1987, 112; Goveodrica, Kaiser 1996, 76-77). Эта версия представляется важной еще и потому, что в хвалынской-среднестоговской общности нет традиции изготовления предметов из полированного камня, за исключением отдельных булав, которые тоже могут быть импортами.

П. Георгиева полагает, что стратиграфическое положение костяной ложки с зооморфными головками из Созополя и сходство керамического комплекса этого поселения с керамикой Сэлкуца III, Ваксево, Ребарково, Шуплевец четко очерчивает хронологические рамки этих находок хронологическим периодом Гумельница A/V1 – Кукутень А - Триполье В I. Она проанализировала контекст находок скипетров в культурах Коджадермен-Караново VI - Гумельница, Варна, Криводол-Сэлкуца и убедительно показала, что они синхронны с финальными фазами существования этих культур. Нет оснований полагать, что находки

скипетров относятся к периоду, следующему за финалом позднеэнеолитических культур на Балканах и сигнализируют об уничтожении земледельческих культур вторжением скотоводов (Георгиева 2005, 155).

По мнению П. Георгиевой, зооморфные скипетры можно сравнивать с аналогичными изделиями без зооморфных деталей, но изготовленных с использованием золота и меди из Варенского некрополя. Можно предположить, что традиция размещения подобных предметов в могилах характерна для эпохи энеолита для всех культур Балкано-Карпатской металлургической провинции. Исходный вариант и первоначальное место появления скипетров установить невозможно, но очевидно, что они имели разное культурное происхождение в тот период, для которого нет свидетельств массовой миграции, но зафиксированы разнообразные межкультурные контакты (Георгиева 2005, 156).

Соотнесение находок конеголовых скипетров и ракушечной керамики в комплексах Кукутень А - Триполье В I, Коджадермен-Гумельница-Караново VI, Криводол-Сэлкуца и Варна позволяет считать, что появление их относится к периоду 4600-4400 г. до н.э., что приблизительно совпадает с отнесением первой волны курганной культуры I к периоду 4400-4300 г. до н.э. Однако нет оснований полагать, что эти культуры уничтожены степными пришельцами. Дело в том, что сожженные дома на многослойных поселениях относятся к разным хронологическим горизонтам, поэтому не могут рассматриваться как следы разрушительного массового вторжения.

Причиной упадка земледельческих культур стало не военное вторжение степной курганной культуры I, и не их миграции, представленные присутствием незначительных по численности групп скотоводов, а климатические изменения. В земледельческой Европе первым от климатических катаклизмов пострадало население Балкан. Именно холодные сибирские ветры, а не экспансия конных воинов курганной культуры I, также двигавшихся с востока, стали причиной коллапса культур Варна, Караново-Гумельница и Винча. Земледельческое население вынуждено было приспособляться к новым экологическим условиям, в результате изменился хозяйственно-

культурный тип населения, земледельцы становятся пастухами, происходит культурная трансформация.

Примером такой культурной трансформации и продвижения населения, имевшего земледельческие традиции, является культура Чернавода I, сохраняющая некоторые традиции своего земледельческого субстрата в сочетании с новыми чертами. М. Гимбутас полагала, что керамика Чернаводы I «имеет безусловное родство с керамикой курганного типа Молдавии и Украины». Однако это ошибочное мнение. Керамический ансамбль Чернаводы I сочетает характерное для земледельческих культур морфологическое разнообразие и традиции степных культур в технологии и оформлении сосудов. Синкретизм также ярко проявился в вариативности погребального обряда культуры Чернавода (Манзура 2013, 126-139).

Необходимо также подчеркнуть, что вместе с земледельческими цивилизациями Балкан исчезают и такие черты среднестоговской культуры, как богатые погребения с символами власти, очаг металлообработки, тесные контакты с передовыми земледельческими цивилизациями. Это связано с тем, что те же климатические изменения коснулись и южных районов степи. Климатические катаклизмы в степи вызвали уменьшение площадей пастбищ, привели к перегруппировкам и перемещениям населения. По мнению Н.С. Котовой, аридизация климата около 4400 г. до н.э. стала причиной угасания среднестоговской культуры, уменьшения ее территории, смешения с другими культурами. В результате появилась новая дереивская культура.

В курганной гипотезе М. Гимбутас впервые предложила конфликтную модель взаимоотношений земледельческой цивилизации Старой Европы и степных скотоводов. Именно с миграцией первой волны курганной культуры I она связывает исчезновение земледельческих культур на Балканах и подготовку к оборонительным действиям поселений Кукутень-Триполья, отмечая, что в начале IV тыс. до н.э. «ко времени Кукутень В местное население перебралось на те места, которые было лучше оборонять».

Последствием первой волны миграции в восточную и центральную Европу было не только угасание земледельческих культур на Балка-

нах и появление синкретической культуры Чернавода I, но и исчезновение следов степных скотоводов как на «завоеванных» территориях, так и в степном регионе. «Степная инвазия» парадоксальным образом привела не только к хиатусу в хронологии земледельческих культур на Балканах, но и к отсутствию данных о контактах степного населения с земледельцами до периода финала Триполья В II.

На основании интерпретации одних и тех же археологических источников строятся противоположные модели, объясняющие исторические процессы и явления. Многие исследователи придерживались мнения о взаимных мирных контактах между земледельческим и скотоводческим населением, отмечая важную роль этих связей именно для развития степных культур (Манзура 2000, 238; Бурдо 2005, 177-183; Videiko 1994; Рассамакин 2004, 3-17).

Среди сторонников конфликтного сценария миграции степных скотоводов некоторое время была Х. Тодорова, которая полагала, что степная инвазия привела к исчезновению культур фракийского энеолита и временному хиатусу между периодом позднего энеолита и РБВ в некоторых районах (Тодорова 1980, 66-71). Впоследствии Х. Тодорова придерживалась мнения о том, что влияние скотоводов было минимальным, а упадок земледельческих балканских культур вызван экологическими изменениями, приведшими к катастрофическим последствиям (Todorova 1995, 89-90). Мнение о разрушительной роли степного нашествия курганной культуры I последовательно отстаивает В.А. Дергачев, подробно анализируя археологические источники и аргументы М. Гимбутас (Дергачев 1999; Дергачев 2000).

Таким образом, исследования последних десятилетий показывают ошибочность точки зрения М. Гимбутас о гибели балканских культур под натиском курганной культуры.

Дискуссия

Важным вопросом является правомерность выделения курганной культуры. Объединение М. Гимбутас в «курганную культуру» многочисленных культур энеолита-РБВ на огромной территории от Днепра до Урала вызвала критику многих исследователей. Само понятие «курганная культура» предпо-

лагает функционирование этого объединения в качестве определенного единого организма. Это трудно представить, учитывая территориальный и хронологический охват курганной культуры. Очевидна общность курганной культуры М. Гимбутас только по одному параметру – скотоводческому хозяйственно-культурному типу.

Современные тенденции в понимании культурогенеза в евразийских степях в достаточной мере противоположны взглядам М. Гимбутас. С 90-х гг. XX века исследователи предложили новую картину культурогенеза в Каспийско-Черноморских степях в эпоху энеолита – РБВ. Для энеолита Азово-Черноморского региона было выделено несколько самостоятельных культур, отличающихся генетическими, территориальными и хронологическими признаками (Рассамакин 1993, 5-28; Рассамакин 2004, 3-16; Котова 2006; Котова 2013). Сложное взаимодействие между этими культурами, их генетические и хронологические связи не согласуются с объединением их в курганную «суперкультуру». Эта новая система степных культур противоречила представлениям о едином фронте скотоводческих культур, объединенных в курганную культуру, экспансия которой была направлена против земледельческих цивилизаций Старой Европы.

Время (VII тыс. до н.э.), а также центры одомашнивания лошади, как и перечень связанных с этим процессом «степных» и соседних с ними культур в настоящее время отличаются от представлений, определенных М. Гимбутас около тридцати лет тому назад. В то же время, учитывая возможность domestикации лошади еще в VII-VI тыс. до н. э. скотоводами степной зоны, возможно и в двух центрах – в Поволжье и Подолье-Приазовье, приоритет одомашнивания лошади остается за степными скотоводами.

Однако нельзя исключать возможность существования и других центров domestикации лошади, в том числе в среде земледельческих культур. С.М. Бибииков высказал предположение о возможности domestикации лошади в лесной зоне центральной и юго-восточной Европы на основе местного вида крупной лесной лошади, ставшей исходным видом для приручения домашней лошади Триполья

(Бибиков 1953, 244-247). Эту идею никто не проверял, но, возможно, есть вероятность, что она верна, и тогда будет еще один центр доместикации лошади.

Насколько известно, ни один археозоолог не сравнивал кости лошади из трипольских поселений, отнесенные к диким животным (свидетельство существования в лесостепи в V тыс. до н. э. популяции диких лошадей?), с теми, которые определены как домашняя лошадь. Современные генетические исследования не исключают возможности доместикации лошади в разных центрах. Установлено, что в одомашнивании лошади участвовало несколько различных популяций диких лошадей, то есть домашняя лошадь происходит от несколько диких популяций (Jansen et al. 2002).

Составленная на основании доступных в настоящее время археологических свидетельств, археометрических исследований характеристика носителей курганной культуры I, в качестве которых в настоящее время можно рассматривать население среднестоговской культуры, не позволяет представлять их как воинственных конных кочевников, возглавляемых вождями.

Социально-экономическая характеристика среднестоговской культуры М. Гимбутас основана на искаженной интерпретации данных. Скотоводческое хозяйство среднестоговской культуры включало разведение лошадей и было основой комплексной экономики, которая развивалась в экстремальных условиях степного региона. Это не способствовало значительному приросту населения. Небольшое число известных памятников свидетельствует о малочисленности населения среднестоговской культуры, социальная организация которого соответствовала уровню архаичного племени. Лошадь играла важную роль при выпасе скота и поставляла мясную пищу, но нет доказательств использования верховой лошади, а тем более существования военных всадников.

Свидетельств присутствия среднестоговской культуры на территории Старой Европы слишком мало, особенно учитывая распространение их погребений на огромной территории от Предкавказья до Тисы.

Выводы

Курганная гипотеза М. Гимбутас до сих пор остается одной из наиболее популярных гипотез индоевропейской прародины, однако большинство исследователей обращаются в этой концепции к более позднему периоду, связанному с волной миграций ямной культуры, относящейся к курганной культуре III. Предыстория курганной культуры, курганная культура I, соответствующая первой волне миграций, менее востребованы. Анализ археологических источников, лежащих в основе курганной гипотезы М. Гимбутас, особенно курганной культуры I, позволяет выявить несоответствие интерпретаций современным данным. Термин «курганная культура» представляется лишеным содержания, которое в него вкладывала исследовательница, поскольку отражает не общность археологических культур, а общность хозяйственно-культурного типа.

Основанием для определения курганной культуры как пра-индоевропейских предков, а также первичной территорией их обитания и прародиной индоевропейских языков послужили тезисы о доместикации носителями этой культуры лошади, которая обусловила преимущество степным племенам перед земледельческими. Предполагалось, что разведение лошадей автоматически обеспечивало мобильность населения и военную экспансию конных всадников на земли мирной земледельческой Старой Европы. Предыстория курганной культуры связана со степным регионом Поволжья и населением волжской, самарской, хвалынской, которой была одомашнена лошадь. Однако самые ранние свидетельства доместикации лошади установлены для VII тыс. до н.э. в Приазовье, задолго до появления курганной культуры.

Из всех признаков пра-индоевропейцев в курганной культуре I присутствует только один – коневодство, а все остальные признаки – результат неправильной интерпретации археологических источников. Очевидно, что соотнесение курганной культуры I с пра-индоевропейскими языками оказывается ничем не аргументировано.

Утверждение о первой волне миграции курганной культуры I и военной экспансии на Балканы среднестоговской культуры не подтверждается данными археологии. Погребения

ния среднестоговской культуры за пределами ее основной территории слишком немногочисленны даже для простой миграции. Их появление объясняют захоронениями участников обменных экспедиций среднестоговского населения. В среднестоговских погребениях не находят специализированного оружия, а символы власти в виде конеголовых скипетров не могут считаться доказательством существования конных воинов и патриархальных вождей.

Хронологически среднестоговские погребения совпадают с финальными фазами культур Каджедермен-Гумельница-Караново VI, Варна, Криводол-Сэлкуца, однако к исчезновению этих культур среднестоговская культура не имеет никакого отношения. Социально-экономические потенциалы древнеземледельческих цивилизаций (Відейко 2015, 49-99) и степных скотоводческих культур несопоставимы. Незначительные группы скотоводов, погребения которых выявлены на

Балканах, не могли представлять абсолютно никакой угрозы земледельческому населению. Исчезновение земледельческих цивилизаций вызвано климатическими изменениями, которые коснулись также и скотоводческих культур в южных районах понтийско-каспийских степей.

Серьезным недостатком реконструкции культурно-исторических процессов М. Гимбутас ныне представляется то обстоятельство, что ею не были учтены климатические изменения, серьезно влиявшие на условия жизни и поведение населения эпохи энеолита. Установлено, что именно колебания климата (а не одомашнивание лошади) стали катализатором, вызывавшим мобильность населения как со скотоводческим, так и с земледельческим хозяйственно-культурным типом. Изменения среды обитания вызывало перегруппировки археологических культур и было одним из факторов культурогенеза и социогенеза в эпоху палеометалла.

Библиография

- Бибиков 1953:** С.Н. Бибиков, Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре. Материалы и исследования по археологии СССР, 38 (Москва-Ленинград 1953).
- Бибикова 1953:** В.И. Бибикова, Фауна раннетрипольского поселения Лука-Врублевская. В: Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре. Материалы и исследования по археологии СССР, 38 (Москва-Ленинград 1953), 411-458.
- Бурдо 2005:** Н.Б. Бурдо, Трипільське населення і оточуючі племена. Моделі взаємодії. В: (Ред. Л.Л. Залізник) Кам'яна доба України, 7 (Київ: «Шлях» 2005), 177-185.
- Бурдо 2016:** Н.Б. Бурдо, Керамика «типа Кукутень С» в керамических ансамблях культурного комплекса Кукутень-Триполье. *Tyragetia s.n. X/1*, 2016, 7-38.
- Васильев 1981:** И.Б. Васильев, Энеолит Поволжья (Куйбышев 1981).
- Васильев 2003:** И.Б. Васильев, Хвалынская энеолитическая культура волго-уральской степи и лесостепи (некоторые итоги исследования). В сб.: Вопросы археологии Поволжья, 3 (Самара 2003), 61-99.
- Відейко 1999:** М.Ю. Відейко, Вопросы взаимодействия «земледельческого» и «скотоводческого» населения Северного Причерноморья в эпоху энеолита. В сб.: (Ред. С.Б. Охотников, В.Г. Петренко) Краткие сообщения Одесского археологического общества (Одесса 1999), 37-39.
- Відейко 2015:** М.Ю. Відейко, Південно-Східна та Центральна Європа у V-IV тис. до н.е. (Київ 2015).
- Георгиева 2005:** П. Георгиева, За зооморфните скиптри и последните етапи на късноенеолитните култури Варна, Коджадермен – Гумелница – Караново VI и Криводол – Сълкуца. *Studia archaeologica Universitatis Serdicensis IV*, 2005, 144-167.
- Горащук 2003:** И.В. Горащук, Технология изготовления каменных орудий на стоянках хвалынской культуры. В сб.: Вопросы археологии Поволжья, 3 (Самара 2003), 118-133.
- Громова 1949:** В.И. Громова, История лошадей (рода *Equus*) в Старом Свете. Труды Палеонтологического института XVII, 1-2, 1949.
- Дергачев 1999:** В.А. Дергачев, Особенности культурно-исторического развития Карпато-Поднепровья. *Stratum plus 2*, 1999, 169-221.
- Дергачев 2000:** В.А. Дергачев, Два этюда в защиту миграционной концепции. *Stratum plus 2*, 2000, 188-236.
- Дергачев 2007:** В.А. Дергачев, О скипетрах, о лошадях, о войне (Санкт-Петербург: «Нестор-История» 2007).

- Журавльов 2008:** О.П. Журавльов, Тваринництво та мисливство у трипільських племен на території України (Київ 2008).
- Журавльов, Котова 1996:** О.П. Журавльов, Н.С. Котова, Тваринництво неолітичного населення України. Археологія 2, 1996, 3-17.
- Збеневич 1987:** В.Г. Збеневич, Место трипольской культуры в энеолите Причерноморья. В: Кавказ и Юго-Восточная Европа в эпоху раннего металла (Тбилиси 1987), 109-119.
- Котова 2006:** Н.С. Котова, Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья (Луганск 2006).
- Котова 2013:** Н.С. Котова, Деревьевская культура и памятники нижнемихайловской культур (Київ-Харьков «Майдан» 2013).
- Манзура 2013:** И.В. Манзура, Культуры степного энеолита. В: (Ред. И.В. Бруяко, Т.Л. Самойлова) Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (Одесса 2013), 115-153.
- Крижевская 1992:** Л.Я. Крижевская, Начало неолита в степях Северного Причерноморья (Санкт-Петербург 1992).
- Рассамакин 1993:** Ю.Я. Рассамакин, Энеолит степного Причерноморья и Приазовья. In: (Ed. P. Georgieva) The Fourth Millenium B.C. Proceedings of the International Symposium, Nesseburg, 28-30 August 1992 (Sofia 1993), 5-28.
- Рассамакин 2004:** Ю.Я. Рассамакин, Степи Причерномор'я в контексті розвитку перших землеробських суспільств. Археологія 2, 2004, 3-24.
- Рындина 1998:** Н.В. Рындина, Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы (Москва 1998).
- Скоробогатов 2011:** А.М. Скоробогатов, История изучения раннего энеолита Донской лесостепи. В: Грамота, 2 (8): в 3-х ч. Ч. III (Тамбов 2011), 182-186.
- Субботин 1983:** Л.В. Субботин, Памятники культуры Гумельница юго-запада Украины (Київ: Наукова думка 1983).
- Телегин 1973:** Д.Я. Телегин, Середньостогівська культура епохи міді (Київ: Наукова думка 1973).
- Телегин и др. 2001:** Д.Я. Телегин, А.Л. Нечитайло, И.Д. Потехина, Ю.В. Панченко, Среднеостоговская и новоданиловская культуры энеолита азово-черноморского региона (Луганск: Шлях 2001).
- Тодорова 1980:** Х. Тодорова, Энеолит Болгарии (София 1980).
- Тодорова 1986:** Х. Тодорова, Каменно-медная эпоха в България (София 1986).
- Цалкин 1970:** В.И. Цалкин, Древнейшие домашние животные Восточной Европы. Материалы и исследования по археологии СССР, 161 (Москва 1970).
- Childe 1926:** V.G. Childe, A Study of Indo-European Origins (London 1926).
- Gimbutas 1956:** M. Gimbutas, Prehistory of Eastern Europe, Part I. Mesolithic, Neolithic and Copper Age cultures in Russia and the Baltic area. In: American School of Prehistoric Research, Peabody Museum, Harvard University, Bulletin No. 20 (Cambridge, Massachusetts 1956).
- Gimbutas 1979:** M. Gimbutas, The three waves of Kurgan people into Old Europe, 4500-2500 BC. In: Archives Suisses d' Anthropologie Générale, 43 (Genève 1979), 113-137.
- Gimbutas 1991:** M. Gimbutas, The Civilization of the Goddess (San Francisco: Harper 1991).
- Goveodrica, Kaiser 1996:** B. Goveodrica, E. Kaiser, Die aneolithischen abstrakten und zoomorphen Steinzepter Südost- und Osteuropas. Eurasia Antiqua 2, 1996, 59-103.
- Jansen et al. 2002:** T. Jansen, P. Forster, M. Levine, H. Oelke, M. Hurles, C. Renfrew, J. Weber, K. Olek, Mitochondrial DNA and the origins of the domestic horse. PNAS August 6, 2002 99 (16) 10905-10910; <https://doi.org/10.1073/pnas.152330099>
- Kosintsev, Kuznetsov 2013:** P. Kosintsev, P. Kuznetsov, Comment on "The Earliest Horse Harnessing and Milking". Tyragetia s.n. VII/1, 2013, 405-408.
- Todorova 1995:** H. Todorova, The Neolithic, Eneolithic and Transitional Period in Bulgarian Prehistory. In: (Eds. D.V. Bailey, I. Panayotov) Prehistoric Bulgarian. Monographs in World Archaeology 22, 1995, 79-98.
- Videiko 1994:** M.Yu. Videiko, Tripolye – "pastoral" contacts. Facts and character of interactions. Baltic-Pontic Studies 2, 1994, 5-28.

Ipoteza kurgană a Mariei Gimbutas: primul val de migrații din mileniul V a. Chr.

Cuvinte-cheie: cultura Kurgan, cal, cultura Sredny Stog, cultura Dereivka, cultura Cucuteni-Tripolie, migrație, indo-europeni.

Rezumat: Ipoteza kurgană a M. Gimbutas rămâne până în prezent una dintre cele mai populare ipoteze cu privire la patria ancestrală a indo-europenilor. Analiza surselor arheologice, care stau la baza ipotezei M. Gimbutas, în

special a „culturii Kurgan I”, scoate în evidență necorespunderea interpretărilor cu datele arheologice cunoscute în prezent. Termenul „cultură Kurgan” pare a fi lipsit de conținutul pe care cercetătoarea l-a pus în el, deoarece nu reflectă o comunitate a culturilor arheologice, ci un tip economic și cultural comun. Dintre toate semnele proto-indo-europene din cultura Kurgan I, doar unul este prezent – creșterea calului, iar toate celelalte sunt rezultatul unei interpretări incorecte a surselor arheologice. Evident, corelația culturii Kurgan I cu limbile proto-indo-europene se dovedește a fi nerezonabilă. Afirmatia despre primul val de migrație a culturii Kurgan I și expansiunea militară în Balcani a culturii Sredny Stog nu este susținută de date arheologice. Armele specializate nu se găsesc în înmormântările culturii Sredny Stog, iar simbolurile puterii sub formă de sceptri cu cap de cal nu pot fi considerate dovezi ale existenței cavalerilor războinici și a liderilor patriarhali. Însă nu au fost luate în considerare schimbările climatice, care au influențat serios condițiile de viață și comportamentul populației din epoca eneolitică.

The Kurgan hypothesis of Maria Gimbutas: the first wave of migrations of the 5th millennium BC

Keywords: Kurgan culture, horse, Sredny Stog culture, Dereivka culture, Trypillia-Cucuteni, migrations, Indo-Europeans.

Abstract: The Kurgan hypothesis of M. Gimbutas still remains one of the most popular hypotheses of the Indo-European ancestral homeland. Analysis of the archaeological sources underlying the Kurgan hypothesis, especially the “1st Kurgan culture”, reveals the discrepancy between interpretations of modern data. The term “Kurgan culture” seems to be devoid of the content that the researcher put into it, since it reflects not a commonality of archaeological cultures, but a common economic and cultural type. Of all the signs of the Proto-Indo-Europeans in the Kurgan culture I, only one is present, that is, horse breeding, and all the other signs are the result of an incorrect interpretation of archaeological sources. It is obvious that the correlation of the Kurgan Culture I with the Proto-Indo-European languages turns out to be unjustified. The theory about the first wave of migration of the Kurgan Culture I and military expansion to the Balkans by the Sredny Stog culture is not supported by archaeological data. Characteristic weapons are not found in the burials of Sredny Stog culture, and the symbols of power in the form of the stone horse-headed scepters cannot be considered evidence of the existence of “equestrian warriors” and “patriarchal leaders”. Climatic changes, which seriously influenced the living conditions and behavior of the population of the Eneolithic era, were not taken into account.

31.03.2021

Др. Наталия Бурдо, Институт археологии Национальной академии наук Украины, ул. Героев Сталинграда, 12, Киев, Украина, <https://orcid.org/0000-0003-4873-5092>, e-mail: nbburdo@gmail.com

---

FUNERAL ESCORT OF THE EUROPEAN SCYTHIA' AMAZONS

Olena Fialko

Keywords: Scythian Amazons, funeral rite, guards, dependent persons, animals, the Early Iron Age.

The funeral rite of representatives of any community is characterized by a set of specific symbolic actions. It could be the method of burial (cremation, inhumation, mummification, exhibition, etc.), its type (single, pair, triple, collective), the position of the deceased, the form of the burial structure, ritual actions during the funeral and after it, a set of accompanying equipment, and localization of cemeteries. The analysis of these components should give a key to the interpretation of archaeological burial monuments (Алѣкшин 1981а, 3; Алѣкшин 1981б, 19; Alekshin 1983, 138).

The traditional funeral rite of representatives of a certain archaeological culture is a combination of two components: 1 – manifestations of the necessary symbolic actions for the transfer to the afterlife of deceased members of the community, related by a common kinship; 2 – components of the funeral ritual, reflecting the social status of the deceased (Алѣкшин 2016, 174-175).

Regarding the informativeness of the funeral rite as an archaeological source, A. Häusler identified several directions: gender, age and social differentiation of society; partial reconstruction of the form of family and marriage in the days of primitiveness (Häusler 1975, 83-94). V.A. Alekshin envisions wider opportunities for this source in the analysis of rites for six information blocks:

- 1 – Data on culturogenesis, which allows to study the problems of the origin of archaeological culture, its development and replacement by another culture(s);
- 2 – Reflection of ideas about the posthumous fate of a person;
- 3 – Social status of different sex and age groups in ancient society;
- 4 – Information on family and marriage relations;
- 5 – Degree of social stratification of society;

6 – Paleodemography information (systematization of data on diet, life expectancy, diseases, injuries and causes of death of the ancient population) (Алѣкшин 2016, 175-182).

Unfortunately, it is not always possible to use all six information blocks, due to a number of objective reasons. For Scythian monuments, this is, above all, the time of their discovery and the corresponding level of development of science; mass ancient robberies of graves; unsatisfactory preservation of osteological materials; lack of modern technical capabilities. Despite these circumstances, the available database allows us to analyze the funeral rite of the warriors according to a set of certain features, i.e. the scheme common to Scythian antiquities. Such as position and orientation of the dead, elements of the symbolism of the funeral cult, which are reflected in the custom of placing sacrificial food in the grave; placement of a funeral escort, sending a trizna; as well as a certain set of accompanying equipment (Ольховский 1991; Русяева 2013, 50).

Certain features of the Amazon funeral rite (general and special) have already been considered in a series of studies on the complexes of Scythian warriors of certain regional groups of European Scythia (Фялко 1991; Фялко 2010; Фялко 2011; Фялко 2013; Фялко 2016; Фялко 2017; Фялко 2019 etc.). So, in this article I would like to dwell on one of the components of the ritual – the mourning accompaniment of the deceased.

Before directly considering the burial complexes of the Amazons, let us recall the observations of Pascal Boyer. He noted that the rite of burial, as a type of human activity, is universal. It is characterized by strict regulation and submission to certain rules: each participant is assigned a role; special importance is attached to the place of action; each action is performed in a certain way; ritual instruments are characteristic objects that cannot be replaced. Finally, the scenario and sequence of actions are also fundamental (Буайе 2016, 74). All of the above is totally applicable for the ritual process of the Scythian Amazons.

Due to long-standing looting or lack of information (the latter mostly concerns the monuments of Don Region), 243 out of 303 complexes (originating from 267 burial mounds excavated in 116 cemeteries in European Scythia) were available for examination of the details of the funeral ceremony (Фіалко 2020а, 4). This represents 80% of the total number of graves. According to the territorial principle, all burial complexes are divided into **five main groups**:

1. Lower Dnieper steppe (or Steppe);
2. Foothill Crimea;
3. Danube – Dniester steppes (or Transnistria);
4. Dnieper Forest-steppe (or Forest-steppe);
5. Don region (Steppe and partly Forest-steppe).

According to the regional groups, the quantitative indicators were distributed as follows: Steppe – 145 burials (89.5% in its group), Crimea – 15 (83%), Transnistria – 51 (94%), Forest-steppe – 19 (68%), Don region – 13 (32%). The division of graves of armed women in these groups is quite uneven, which is primarily due to the degree of study of the region, as well as the nature and intensity of excavations in it.

All burials of Scythian warriors were performed according to a single rite of inhumation.

Herodotus in the fourth book of his work “The Histories” described in detail the stages of the funeral of the Scythian king. According to these testimonies, in addition to king’s belongings, several of his servants and horses (that were strangled and killed previously) were put in the grave together with the deceased ruler. Other, insignificant, according to the author, Scythians were buried much more modestly (Herod. IV, 71-73). Information on the funeral of the ruler of the country was confirmed by excavations of the royal kurgans, including the kurgan Chortomyk (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991). The nature of the funeral accompaniment of other members of the Scythian community, according to archaeological materials, directly depended on their social status. This is well fixed in the Amazons environment.

Thus, the mourning accompaniment of the Amazons consisted of people and animals, that were in a certain way related to them. I would like to note that human accompaniment is represented by two types: guards in separate graves and dependent persons, who were placed in the same burial as the Amazon. At the same time, the animals were always placed within the grave of the mistress.

Guards

In the architectonics of some kurgans, the relationship between the most common pairs of burials is clearly visible. It concerns the subordination of women’s graves. Among the kurgans with burials of Amazons, there are 13, in which the connection “owner - guardian” is vastly noticeable. They are found in two regional groups – Steppe (eight) and Transnistria (five).

These kurgans are divided into two groups:

- 1 – Kurgans where the main (or central) burial of an Amazon is connected to one or two side / inlet burials of the female warriors;
- 2 – Kurgans with a pair of side/inlet graves of the warriors, not related to the gender of the deceased (might be undefined) in the main burial.

The *first group* includes nine kurgans with pairs of interconnected graves: town of Pokrov (BOF group), kurgan 13, burial 1 (main) and 2 (side) (fig. 1/1); Shelyugi village kurgan 1, burial 4 (main) and 3 (inlet) (fig. 1/2); Zelenoe village kurgan 2, burial 3 (main) and 2 (side) (fig. 2/1); Lvovo village kurgan 11, burial 7 (main) and 2 (side) (fig. 1/3); Butory village kurgan 13, burial 4 (main) and 3 (side) (fig. 2/2); and three near Glinoe village kurgan 11, burial 1 (main) and 2 (side); kurgan 41, burials 1 (main) and 2 (side) (fig. 1/4); kurgan 91, burials 1 (main) and 2 (side). Only four main graves of this group were partially robbed. Without dwelling specifically on the material support of the deceased, we should note a few points. First, the graves of the guards are always individual, while the main deceased could be laid with children or a servant. Secondly, girls can be guards as well (Butory village kurgan 13; Zelenoe village kurgan 5). Thirdly, periodically their material accompaniment is more varied and precious (with gold ornaments, silver hryvnias, etc. – Pokrov town, kurgan 13, burial 2; village Lvovo, kurgan 11, burial 2), which may indicate a high (equal) property or social status of the person serving as a guard. Weapons are represented mainly by arrows, sometimes single spears. Herewith the main Amazon has usually more weapons than the guard.

Kurgan 5 near the village Zelenoe (that was mentioned earlier) also belongs to this group. It includes the central burial 3 of a teenage girl and two side children’s graves 1 and 2 (fig. 3/1). In this case, two lightly armed girls from the lateral graves undoubtedly played the role of guards when crossing to another world.

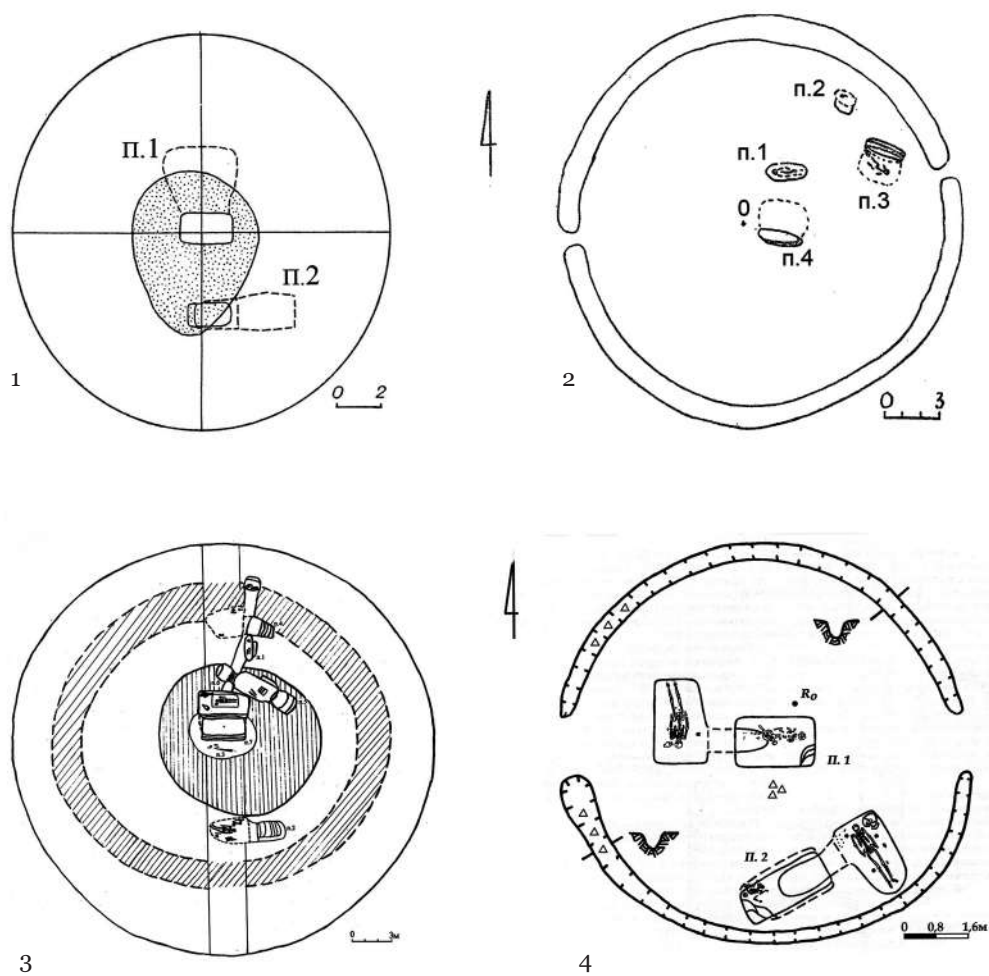

Fig. 1. General plans of mounds with burials of guards of the first group: 1 - Pokrov, gr. BOF, mound 13; 2 - Shelyugi, mound 1; 3 - Lvovo, mound 11; 4 - Glinoe, mound 41 (1-3 - after Фіалко 2020b; 4 - after Тельнов, Четвериков, Синика 2016).

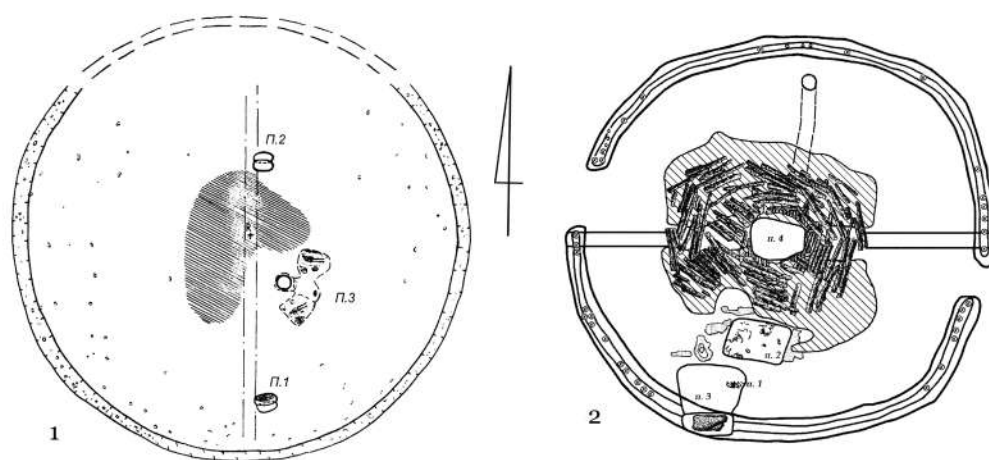

Fig. 2. General plans of mounds with burials of security guards-girls of the first group: 1 - Zelenoe, mound 2; 2 - Butory, mound 13 (1 - after Фіалко 2010; 2 - after Серова, Яровой 1987).

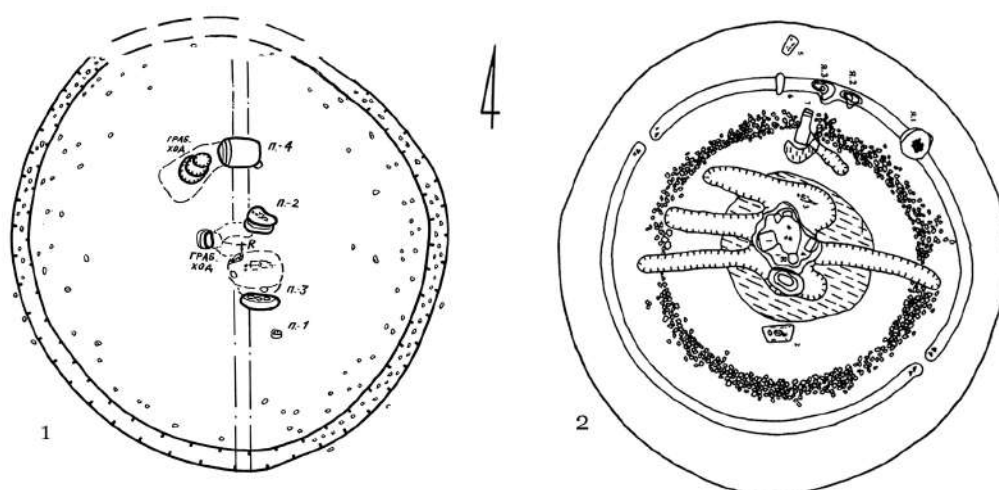

Fig. 3. General plans of mounds with burials of guards: 1 - Zelenoe mound 5 (first group); 2 - Nikolskoe mound 2 (second group) (1 - after Фіалко 2010; 2 - after Агульников, Сава 2004).

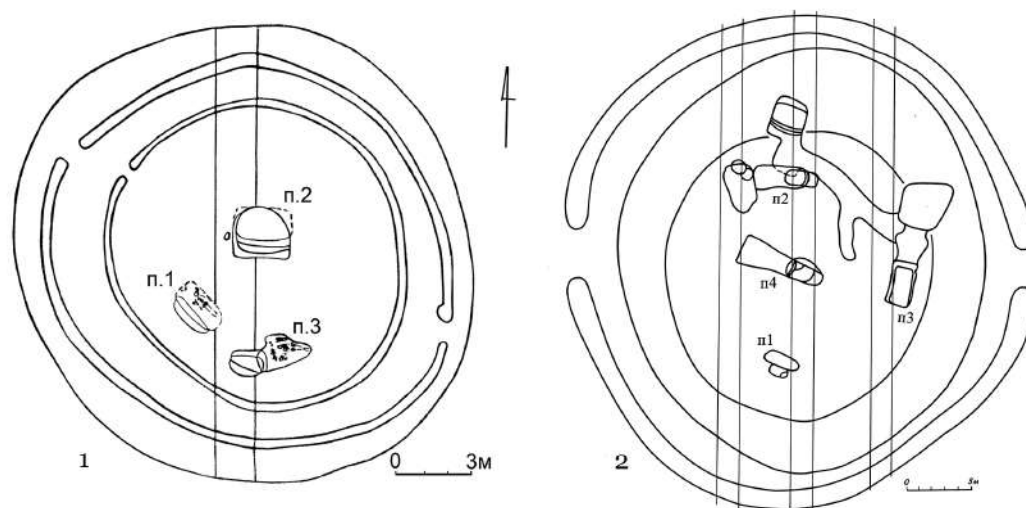

Fig. 4. General plans of mounds with burials of guards of the second group: 1 - V. Znamyanka, mound 10; 2 - Gyunovka, mound 21 (after Фіалко 2020b).

The *second group* includes only four mounds with pairs of side or inlet graves: Nikolskoe village kurgan 2, burial 2 (inlet) and 3 (inlet) (fig. 3/2); V. Znamenka village (group 2) kurgan 10, burial 1 (side) and 3 (side) and kurgan 15, burial 84 (inlet) and 85 (inlet); Gunovka village kurgan 21, burials 1 (side) and 2 (side) (fig. 4/1, 2). In the first three cases of this group in each of the burials the

woman is accompanied, respectively, by a maid, a baby and two children. Weapons are represented by arrows with metal points, spears, stones for slingshots and, in one case, a sword (Nikolskoe village, kurgan 2, burial 2). In the last burial, by the way, there were also bronze ornaments for bridles and four metal pommels. There are as well jeweleries made of precious metals in these graves.

Therefore, the guards were buried in separate, usually individual, graves according to the characteristic rite of the Scythians.

Dependent persons

In the array of burials of the Amazons there are four complexes, in which the main deceased is accompanied by a dependent person. Two of them were discovered in the Steppe Dnieper, two – in the Forest-Steppe. Strict regulations in the placement of servants in the grave of the female warrior cannot be traced.

Just one burial of this group is a child one – burial 2 of kurgan 2 near the Kairy village. The main deceased (a girl of 6-8 years old), who was placed in the chamber, is accompanied by

a male teenage servant guarding the entrance to the cell (fig. 5/1). The girl had a set of 11 arrows and removable jewellery (among them a silver earring and a gold pendant). The teenage boy has 13 arrows, an awl and two sets of horse harness.

Adult deceased are buried in other graves. In the burial 1 of kurgan 18 near the Lvovo village, the main Amazon (60-70 years old) was placed in a chamber. Her set of items included a quiver with 39 arrows, two spears, a gold metopid, removable jewellery made of beads, a mirror, a spindle, an amphora, and others. A young maid aged 20-22 was placed in the entrance pit, opposite the entrance to the cell, without any items (fig. 5/4).

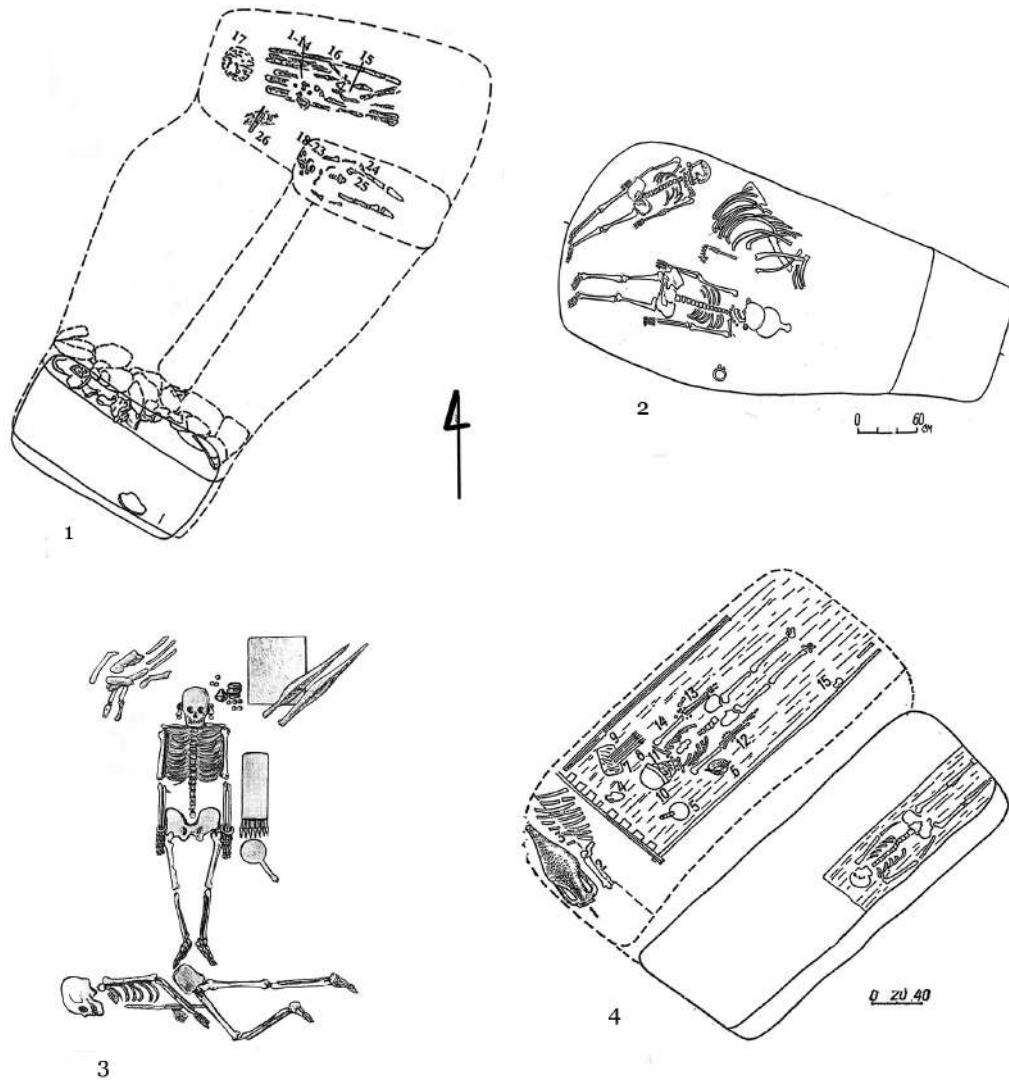

Fig. 5. Plans of burials of Amazons with dependent persons: 1 - Kairy, mound 2, burial 2; 2 - Mirnoe, mound 3, burial 1; 3 - Kholodnyi Yar, mound 20, burial 3; 4 - Lvovo, mound 18, burial 1 (after Фіалко 2020b).

In the burial 3 of kurgan 20 near Kholodny Yar tract the main female deceased was laid in the center of the pit and next to her – a quiver with 47 arrows, two spears, five slingshots, a pair of silver earrings, jewellery, a chandelier, stone tiles, utensils, etc. The young maid (about 18 years old) was placed at the feet of the older woman, perpendicular to her body, on the side (fig. 5/3). She had only two bronze earrings, a pair of tube beads and an iron bracelet.

In the burial 1 of kurgan 3 near the village Myrnoe main woman (21-35 years old) was placed almost in the center of the chamber. She had: a quiver with 45 arrows, gold jewellery (earrings, necklaces, pendants and rings), a mirror, a vessel, etc. The maid was almost squeezed at an angle closer to the mistress's feet (fig. 5/2). She had only a necklace of small glass beads.

A brief overview of these complexes showed that the social subordination of one of the buried was emphasized by his place in the grave. At the same time, there are regional differences in ritual actions. For example, in the Steppe servants were placed separately from the mistress (outside the chamber), and in the Forest-Steppe, on the contrary, in the same space (regardless of the type of grave – a pit or a catacomb). A clear social gradation was also marked by the modest indistinct property of the servants (if it existed at all) comparing to the various sets of material accompaniment for the Amazon masters. At the same time, only the boy-servant from Kairy had a weapon, apparently combining the roles of servant and guard or groom. However, all these persons were intended to facilitate the transition and existence in the afterlife.

Animals

The accompaniment of the Amazons to the afterlife by animals can be attributed to the original features of the Scythian rite. There are two dozen burials of warriors with animals or 6.6% of the total amount. The species composition is extremely limited.

First of all, there are **horses**. Taking in count, that according to narrative sources, the Amazons were skilled riders, they should be buried with the horses. However, the latter are present in only four graves - two in the Forest-Steppe Group and two in Transnistria. In the burial 1 kurgan 1 near the village Nesterovka (fig. 6/1) the bridled horse

lays in a chamber near the deceased, its head to the west (Назаров, Скорый 2019, 94-102). Due to the robbery, his pose is not clearly defined. In the paired burial 1 from kurgan 35 near the village of Bobritsa, made in a pit with a dromos, at the feet of the main buried (perpendicular to her body) lay the skeletons of a maid and a horse, heads to the south. Iron fishing rods were located separately, near the main deceased (Бобринский 1901, 112-114; Ганина 1960, 97). In the burial 1 from kurgan 3 near the village Glinoe the bridled horse was placed in a special northern chamber of the lining type, made in the entrance pit (fig. 6/3). It was lying on the left side, head to the east (towards the mistress), on a compacted clay backfill, which was smeared on top with green clay (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 81-84). And in the burial 1 of kurgan 5 of the same mound at the bottom of the entrance pit, near the entrance to the chamber, there was a stuffed animal of a horse – a skull and bones of extremities (fig. 6/4). At the same time, iron bridles and bit shanks were preserved on the skull (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 89).

According to the suggested by V.S. Sinika classification of horse burials (Синика 2004; Синика 2011; Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 728), following types were represented in the graves of Amazons: anatomically whole skeletons (three cases) and a stuffed horse – burial of the skull and limbs with imitation of an anatomical order (one case). The placement of horses in the grave space varies in different territorial groups. In the Forest-Steppe they were placed next to the mistress, in the burial chamber; in Transnistria – in one grave, but separately: in the entrance pit (at the bottom or in a special chamber-niche, cut into the wall), but with the head towards the deceased.

Both types of horse burials are also known in the graves of adult male individuals in the mound near the village Glinoe and other necropolises in Transnistria and Steppe Dnieper (Чеботаренко, Яровой, Тельнов 1989, 29; Ольховский 1991, 117; Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 729).

Due to the fact that horses are often present in the Scythians male graves, the idea that the horse escort is the “prerogative of men” was established (Очир-Горяева 2012, 46-48). However, in view of the above-mentioned burials of the Amazons, it seems more appropriate to associate the cavalry with the warriors, regardless of their gender.

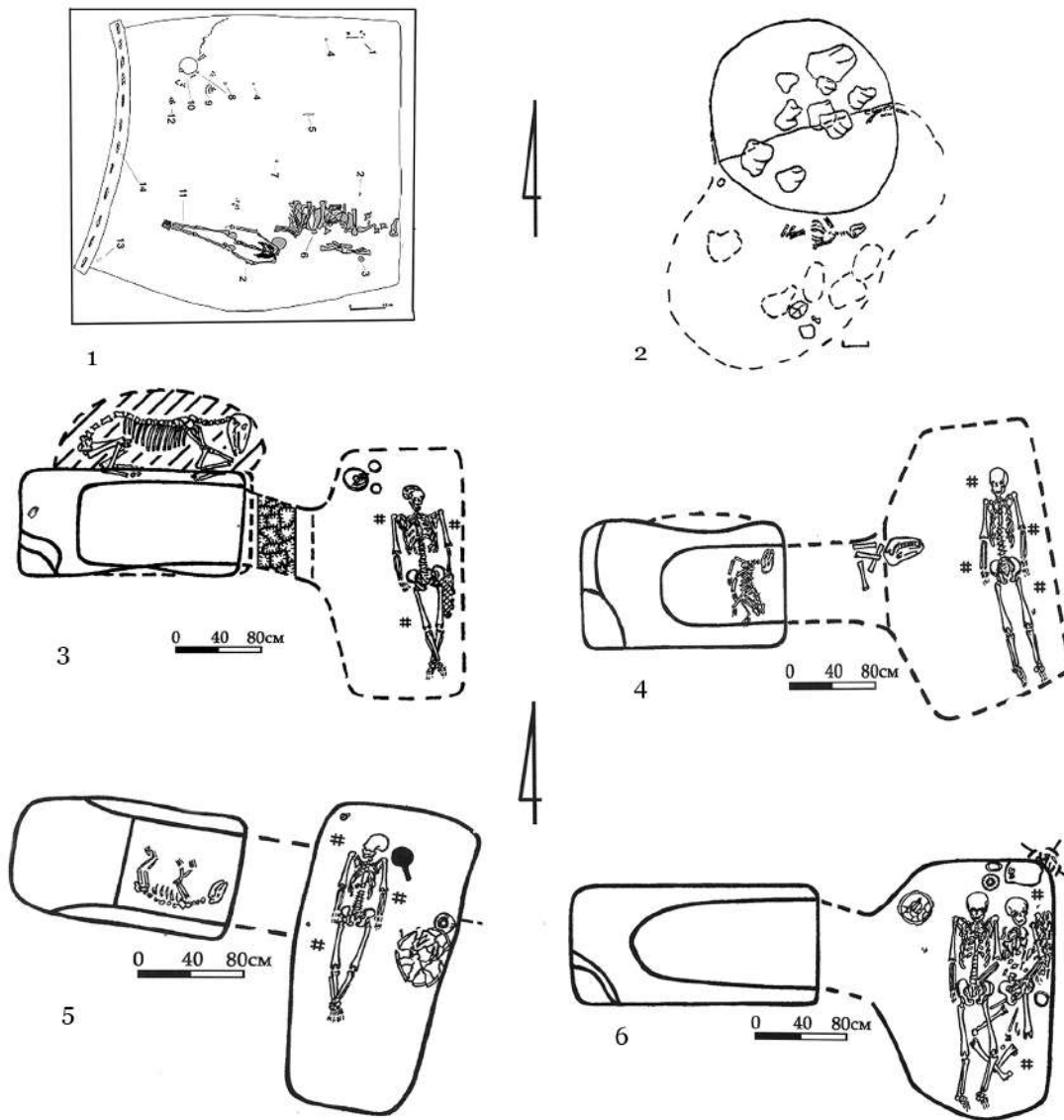

Fig. 6. Plans of burials of Amazons accompanied by animals: 1 - Nesterivka, mound 3, burial 1; 2 - cemetery Mamay Gora, mound 5, burial 3; 3 - Glinoe, mound 3, burial 1; 4 - Glinoe, mound 5, burial 1; 5 - Glinoe, mound 14, burial 2; 6 - Glinoe, mound 13, burial 1 (1 - after Назаров, Скорый 2019; 2 - after Андрух, Тоцев 1999; 3-6 - after Тельнов, Четвериков, Синика 2016).

Since most of the life of the Scythians passed on horseback, their journey to another world had to be associated with the horse. In the funeral ceremony, these animals were involved from its beginning – a tour of the convoy of subordinate territories (or friends) and to the finale – the funeral *trizna*. The number of horses directly depended on the social status of the deceased. At the same time, a review of materials from necropolises excavated in the steppes of the Left Bank Dnieper showed that horses accompanied only 15.9% of the Scythians (Болтрик, Фіалко

2005, 236). The graves in which the deceased was buried with his horse were only 3.9%. For Amazons, this figure, as we can see, was even lower – 1.3%.

The horse was also a sign of both social status and social differentiation, as evidenced by the numerous burials of bridled animals in the kurgans of the Scythian elite (Кнауер 2001, 201). Horses accompanied the burials of representatives of a wide social range - from ordinary soldiers-riders to the highest nobility. Therefore, in the funeral ceremony of the Scythians, these animals were a

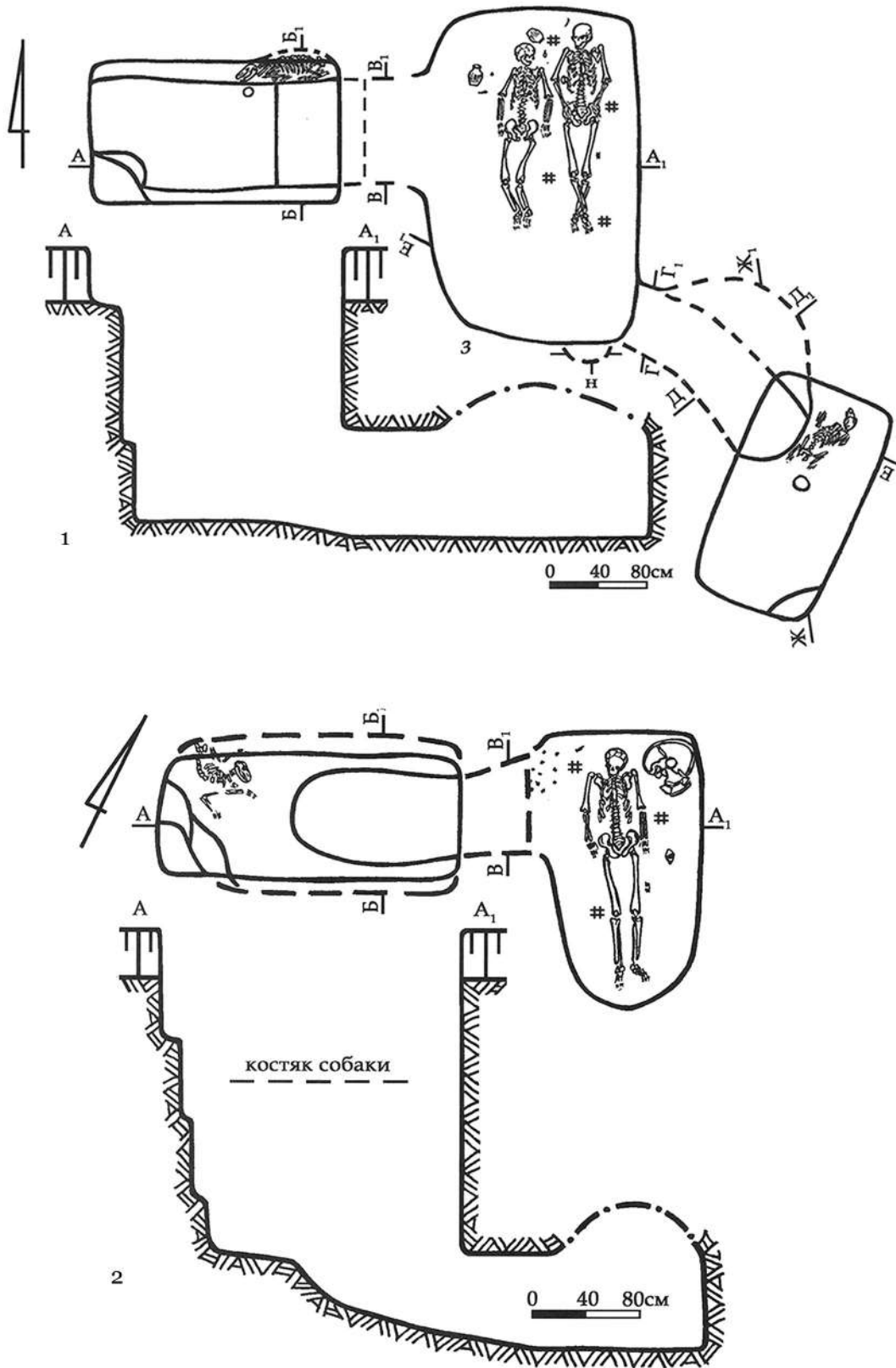

Fig. 7. Burial plans of Amazons with dogs: 1 - Glinoe, mound 9, burial 1; 2 - Glinoe, mound 41, burial 2 (after Тельнов, Четвериков, Сеника 2016).

sacred symbol, a vehicle, and food for the feast. This means that every horse in this farewell action each played their own role (Болтрик, Фіалко 2005, 254). This is also true for the burials of Amazons.

Another animal that accompanied the dead Amazon to the afterlife was **a dog**. 16 burials with these animals were found in the array of burial monuments of the female warriors. There is only one such grave in the Steppe Dnieper region – № 3 in the kurgan 5 of the Mamay-Gora necropolis (fig. 6/2). The skeleton of the dog laid in the filling of the central part of the robbed chamber, on the right side, with folded paws, head to the east (Андрух, Тощев 1999, 43-45). This dog had a certain resemblance to small South Russian shepherds (Секерская 1999, 218).

The remaining 15 graves were discovered in Transnistria, in a burial ground near the village Glinoe, and represented by catacombs. In all cases, the dogs were in the entrance pits: at the bottom or slightly above the bottom, closer to the entrance to the dromos (14) (fig. 6/4, 5) or in a special niche (kurgan 9, burial 1) (fig. 7/1). A couple of dogs were placed in the last paired burial (in different entrance pits). Exceptional is the burial of 1 kurgan 13, where the animal was placed in a chamber next to an older woman (fig. 6/6). For the most part, the dogs lay on their side (right or left), in one case (burial 2 of kurgan 91) with their paws folded; in two graves (№ 2 kurgan 41 and № 2 kurgan 96) their bodies were unnaturally curved (fig. 7/2). In 12 cases, the animals were placed on a green clay underlay. The practice of using a green clay underlay is observed in other complexes of this cemetery. It is also known in the funeral rites of the population of a later time, for example, the Chernyakhiv era (Маромедов 1999, 118). Interestingly, next to the animals in four graves (kurgan 9, burial 1; kurgan 19, burial 1; kurgan 91, burial 1; kurgan 91, burial 2) were placed kind of food or water plates made from the beaten bottom of the molded pots.

Usually, the dogs accompanied the adult women, but in two cases (kurgan 5, burial 1 and kurgan 96, burial 2) they were placed with teenagers. The presence of anatomically whole skeletons or heads of dogs in different places of burial complexes (ditches, embankments, graves) was noted in the Scythian monuments of the Caucasus, Crimea, Dnieper, Transnistria and Danube

regions (Ольховский 1991, 73, 118, 144; Тельнов, Четвериков, Сеника 2016, 732-734). However, a series of graves with dogs in the Northern Black Sea coast is still small and open, as noted above, in a single necropolis near the village Glinoe in the Transnistrian group of burials of Amazons.

Here it is worth mentioning another guide from the mourning accompaniment – **a cat**. The only burial with this animal was also opened in the cemetery near the village Glinoe. In the paired burial 1 of kurgan 13, already mentioned above in connection with the burial of the dog, in the north-eastern corner of the chamber, at the level of the bottom, a small semi-circular niche was arranged. An adult cat was laying there on its side, in a very hunched position, head to the southwest; her paws exceed the niche (fig. 6/6).

The burials of dogs are relatively rare in the sights of the Northern Black Sea coast (Ольховский 1991, 75, 118 и др.; Фіалко 2017, 217), but the case of the burial of a cat is unique to Scythian antiquities (Тельнов, Четвериков, Сеника 2016, 732-736). In the funeral escort of Amazons, these animals occur for the first time. Interesting here is the location of these animals in the catacomb space. The cat was placed in a separate niche, but within the burial chamber, i.e. together with the mistress (as a “pet”), while the dogs were left in the entrance pits, perhaps as guards of the owners' dwelling.

Regarding the semantics of the images of the representatives of the animal world, which formed the mourning accompaniment, we can focus on several points. The horse occupies a very prominent place in the cult, mythology and folk beliefs of Indo-European tribes. In ancient Greek mythology, it is associated with several deities, including Hades – the god of death (Карпов 1913, 237-244). Accordingly, the semantics of the image of a horse is closely connected with the funeral rite of the Scythians. In the mythology, the dog was also associated with the realm of the dead as a chthonic animal, the image of the human soul (Карпов 1913, 228). According to K.F. Smirnov, both the horse and the dog had to accompany their owner to the afterlife as personal helpers (Смирнов 1964, 102). At the same time, the horse had to serve as a carrier, and the dog as a guard and a sort of navigator on a journey between the worlds, who, if necessary, could indicate the way back (Сеника 2006, 59; Тельнов, Четвериков, Сеника 2016, 736).

Therefore, the funeral ritual of the Scythian warriors corresponded to the clear regulations, typical for a nomadic society. Each participant (either the main character or the accompanying of the deceased) was assigned a specific role in the pre-

paration and conduct of the mourning ceremony and its place in the funeral construction. And the number of involved persons usually depended on the position of the deceased woman in the social pyramid.

Bibliography

- Alekshin 1983:** V.A. Alekshin, Burial Customs as an Archaeological Source. *Current Anthropology* 24, 2, 1983, 137-149.
- Häusler 1975:** A. Häusler, Zur Problematik der Gräbersoziologie. In: (Eds. K.-H. Otto, H.J. Brachmann) *Moderne Probleme der Archäologie* (Berlin 1975), 83-102.
- Агульников, Сава 2004:** С. Агульников, Е. Сава, Исследование курганов на левобережье Днестра (Кишинэу 2004).
- Алексеев, Мурзин, Ролле 1991:** А.Ю. Алексеев, В.Ю. Мурзин, Р. Ролле, Чертомлык. (Скифский царский курган 4 в. до н.э.) (Киев 1991).
- Алѣкшин 1981a:** В.А. Алѣкшин, Погребальный обряд как археологический источник. *КСИА* 167, 1981, 3-9.
- Алѣкшин 1981b:** В.А. Алѣкшин, Традиции и инновации в погребальных обрядах (эпоха первобытнообщинного строя). В сб.: (Ред. В.М. Массон, В.Н. Боряз) *Преемственность и инновации в развитии древних культур: материалы методологического семинара Ленинградского отделения Института археологии* (Ленинград 1981), 18-22.
- Алѣкшин 2016:** В.А. Алѣкшин, Информативные возможности археологических погребальных памятников. *Археологические вести* 22, 2016, 173-185.
- Андрух, Тоцев 1999:** С.И. Андрух, Г.Н. Тоцев, Могильник Мамай-Гора, I (Запорожье 1999).
- Бобринский 1901:** А.А. Бобринский, Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смела, 3 (Санкт-Петербург 1901).
- Болтрик, Фіалко 2005:** Ю.В. Болтрик, О.Є. Фіалко, Кінь як складова поховальної церемонії скіфів. *Старожитності Степового Причорномор'я і Криму XII*, 2005, 236-258.
- Буайе 2016:** П. Буайе, Объясняя религию. *Природа религиозного мышления* (Москва 2016).
- Ганина 1960:** О.Д. Ганина, О женских захоронениях в парных погребениях скифского времени. *Записки Одесского археологического общества* 1 (34), 1960, 96-104.
- Кагаров 1913:** Е. Кагаров, Культ фетишей, растений и животных в древней Греции (Санкт-Петербург 1913).
- Кнауэр 2001:** Э.Р. Кнауэр, О «варварском» обычае подвешивания отрубленных голов противника к шее коня. В сб.: (Ред. Е.А. Савостина) *Боспорский рельеф со сценой сражения* (Москва, Санкт-Петербург 2001), 200-215.
- Магомедов 1999:** Б.В. Магомедов, Черняховский могильник Курники на Южном Буге. *Stratum plus* 4, 1999, 102-120.
- Назаров, Скорый 2019:** А.В. Назаров, С.А. Скорый, Скифские катакомбы в междуречье Роси и Тясмина. *Revista Arheologică s.n.* XV/1, 2019, 94-102.
- Ольховский 1991:** В.С. Ольховский, Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.) (Москва 1991).
- Очир-Горяева 2012:** М.А. Очир-Горяева, Древние всадники стезей Евразии (Москва 2012).
- Русяева 2013:** А.С. Русяева, О похоронном ритуале в Ольвии Понтийской в контексте эллинской традиции. *Боспорские исследования XXVIII*, 2013, 47-72.
- Секерская 1999:** Е.П. Секерская, Археозоологические материалы могильника Мамай-Гора. В: С.И. Андрух, Г.Н. Тоцев, Могильник Мамай-Гора, 1 (Запорожье 1999), 210-219.
- Серова, Яровой 1987:** Н.Л. Серова, Е.В. Яровой, Григориопольские курганы (Кишинев 1987).
- Синика 2004:** В.С. Синика, Конь в погребальном обряде на могильнике позднескифского времени у с. Глиное. *Старожитності Степового Причорномор'я і Криму XI*, 2004, 237-239.
- Синика 2006:** В.С. Синика, О культе собаки у скифского населения Северного Причерноморья в VI-II вв. до н.э. В сб.: (Ред. В.П. Копылов) *Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время* (Ростов-на-Дону 2006), 58-60.
- Синика 2011:** В.С. Синика, К вопросу о семантике конских погребений на скифском могильнике III-II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. *Археологія і давня історія України* 5, 2011, 119-124.

- Смирнов 1964:** К.Ф. Смирнов, Савроматы. Ранняя история и культура сарматов (Москва 1964).
- Тельнов, Четвериков, Сеника 2016:** Н.П. Тельнов, И.А. Четвериков, В.С. Сеника, Скифский могильник III-II вв. до н.э. у с. Глиное (Тирасполь 2016).
- Фіалко 1991:** Е.Е. Фіалко, Погребения женщин с оружием у скифов. В сб.: (Ред. Ю.В. Болтрик, Е.П. Бунятян) Курганы Степной Скифии (Киев 1991), 4-18.
- Фіалко 2010:** О.Е. Фіалко, Скифський курганный могильник біля с. Зелене на Херсонщині. Археологія і давня історія України 4, 2010, 201-221.
- Фіалко 2011:** Е.Е. Фіалко, Амазонки Причерноморских степей. В сб.: (Ред. В.Д. Березуцкий) Восточноевропейские древности скифской эпохи (Воронеж 2011), 23-37.
- Фіалко 2013:** Е.Е. Фіалко, Серия погребений амазонок из Нижнего Поднепровья. *Stratum plus* 3, 2013, 203-222.
- Фіалко 2016:** Е.Е. Фіалко, Погребения амазонок Крыма. В сб.: (Ред. З.П. Марина) Археологія та етнологія півдня Східної Європи (Дніпро 2016), 328-345.
- Фіалко 2017:** Е.Е. Фіалко, Серия погребений скифских воительниц в могильнике у с. Глиное (Молдова). Археологія і давня історія України 2 (23), 2017, 208-227.
- Фіалко 2019:** О.Е. Фіалко, Поховання амазонок Лісостепоного Придніпров'я. Археологія і давня історія України 4 (33), 2019, 80-96.
- Фіалко 2020a:** О.Е. Фіалко, Скифські амазонки в археологічних реаліях. Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня доктора історичних наук (Київ 2020).
- Фіалко 2020b:** О.Е. Фіалко, Скифські амазонки в археологічних реаліях. Дисертація на здобуття наукового ступеня доктора історичних наук (Київ 2020).
- Чеботаренко, Яровой, Тельнов 1989:** Г.Ф. Чеботаренко, Е.В. Яровой, Н.П. Тельнов, Курганы Буджакской степи (Кишинев 1989).

Escorta funerară a amazoanelor din Sciția Europeană

Cuvinte-cheie: amazoane scitice, rit funerar, paznici, persoane dependente, animale, epoca fierului timpuriu.

Rezumat: Ritul funerar poartă un caracter universal. El se caracterizează printr-o reglementare strictă, se subordonează anumitor reguli, atunci când fiecărui participant îi revine rolul său aparte. Toate acestea sunt absolut valabile și pentru acțiunile rituale ale amazoanelor scitice.

Au fost analizate 243 de complexe funerare, descoperite în 116 morminte de pe teritoriul Sciției Europene.

Escorta umană este reprezentată de două tipuri: paznici, în morminte separate, și persoane dependente, care au fost puse în același mormânt cu amazoana. Printre tumulii cu morminte ale amazoanelor sunt 13, în care este evidentă legătura „stăpână – paznic”. Paznicii erau îngropați în morminte separate. Printre ei erau și femeile adulte, și fete. Armele lor sunt reprezentate preponderent prin săgeți, uneori – prin sulițe. În patru complexe, defuncta principală era însoțită de slugă. Nu se remarcă o reglementare strictă în plasarea slugii în mormântul războiniceii. Persoanele dependente urmau să faciliteze trecerea și existența războiniceii în lumea de dincolo.

Se înregistrează circa douăzeci de morminte ale amazoanelor cu animale (6,6% din totalul de morminte). Reprezentativitatea speciilor este foarte limitată. Printre ele erau cai (4 cazuri), câini (16 cazuri) și o singură pisică. Animalele erau așezate întotdeauna în mormântul stăpânei.

Ritualul funerar al amazoanelor respecta un regulament strict, caracteristic pentru societatea scitică. Numărul persoanelor implicate depindea de poziția defunctei în piramida socială.

Lista ilustrațiilor:

- Fig. 1. Planurile generale ale tumulilor cu morminte ale paznicilor din primul grup: 1 - or. Pokrov, gr. BOF, tumulul 13; 2 - s. Shelyugi, tumulul 1; 3 - s. Lvovo, tumulul 11; 4 - s. Glineo, tumulul 41 (1-3 - după Фіалко 2020b; 4 - după Тельнов, Четвериков, Сеника 2016).
- Fig. 2. Planurile generale ale tumulilor cu morminte ale paznicilor-fete din primul grup: 1 - s. Zelenoe, tumulul 2; 2 - s. Butor, tumulul 13 (1 - după Фіалко 2010; 2 - după Серова, Яровой 1987).
- Fig. 3. Planurile generale ale tumulilor cu morminte ale paznicilor: 1 - s. Zelenoe, tumulul 5 (primul grup); 2 - s. Nikolskoe, tumulul 2 (al doilea grup) (1 - după Фіалко 2010; 2 - după Агульников, Сава 2004).
- Fig. 4. Planurile generale ale tumulilor cu înmormântări ale paznicilor din grupul al doilea: 1 - s. V. Znamyanka, tumulul 10; 2 - s. Gyunovka, tumulul 21 (după Фіалко 2020b).
- Fig. 5. Planurile înmormântărilor amazoanelor cu persoane dependente: 1 - s. Kairy, tumulul 2, mormântul 2; 2 - s. Mirnoe, tumulul 3, mormântul 1; 3 - Kholodnyi Yar, tumulul 20, mormântul 3; 4 - s. Lvovo, tumulul 18, mormântul 1 (după Фіалко 2020b).

Fig. 6. Planurile mormintelor amazoanelor în companie cu animale: 1 - s. Nesterivka, tumulul 3, mormântul 1; 2 - Mamay Gora, tumulul 5, mormântul 3; 3 - s. Glinoe, tumulul 3, mormântul 1; 4 - s. Glinoe, tumulul 5, mormântul 1; 5 - s. Glinoe, tumulul 14, mormântul 2; 6 - s. Glinoe, tumulul 13, mormântul 1 (1 după Назаров, Скорый 2019; 2 - după Андрух, Тощев 1999; 3-6 - după Тельнов, Четвериков, Синика 2016).

Fig. 7. Planurile mormintelor amazoanelor cu câini: 1 - s. Glinoe, tumulul 9, mormântul 1; 2 - s. Glinoe, tumulul 41, mormântul 2 (după Тельнов, Четвериков, Синика 2016).

Погребальный эскорт амазонок Европейской Скифии

Ключевые слова: скифские амазонки, погребальный обряд, охранники, зависимые лица, животные, эпоха раннего железа.

Резюме: Погребальный обряд носит универсальный характер. Для него характерны строгая регламентация, подчинение определенным правилам, когда каждому участнику отводится своя особая роль. Все это вполне справедливо и для обрядовых действий скифских амазонок.

Проанализированы 243 погребальных комплекса, раскопанных в 116 могильниках на территории Европейской Скифии. Траурное сопровождение амазонок составляли люди и животные.

Человеческое сопровождение представлено двумя типами: охранники в отдельных могилах и зависимые лица, которых положили в одну могилу с амазонкой. Среди курганов с захоронениями амазонок есть 13, в которых хорошо заметна связь «хозяйка - охранник». Охранников хоронили в отдельных могилах. Среди них были и взрослые женщины, и девочки. Их оружие представлено преимущественно стрелами, иногда единичными копьями. В четырех комплексах главную покойницу сопровождал слуга. Строгой регламентации в размещении слуги в могиле воительницы не прослеживается. Зависимые лица предназначались для облегчения перехода и бытия воительницы в загробном мире.

Захоронений амазонок с животными насчитывается два десятка (6,6% от общего количества могил). Видовой состав представлен крайне ограниченно. Среди них были лошади (4 случая), собаки (16 случаев) и единственная кошка. Животных всегда клали в пределах могилы хозяйки.

Погребальный ритуал амазонок отвечал строгому регламенту, характерному для скифского общества. Количество задействованных лиц зависело от позиции покойной в социальной пирамиде.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Общие планы курганов с погребениями охранников первой группы: 1 - г. Покров, гр. БОФ, курган 13; 2 - с. Шелюги, курган 1; 3 - с. Львово, курган 11; 4 - с. Глиное, курган 41 (1-3 - по Фіалко 2020b; 4 - по Тельнов, Четвериков, Синика 2016).

Рис. 2. Общие планы курганов с погребениями охранниц-девочек первой группы: 1 - с. Зеленое, курган 2; 2 - с. Буторы, курган 13 (1 - по Фіалко 2010; 2 - по Серова, Яровой 1987).

Рис. 3. Общие планы курганов с погребениями охранников: 1 - с. Зеленое, курган 5 (первая группа); 2 - с. Никольское, курган 2 (вторая группа) (1 - по Фіалко 2010; 2 - по Агульников, Сава 2004).

Рис. 4. Общие планы курганов с погребениями охранников второй группы: 1 - с. В. Знаменка, курган 10; 2 - с. Гюновка, курган 21 (по Фіалко 2020b).

Рис. 5. Планы погребений амазонок с зависимыми особами: 1 - с. Каиры, курган 2, погребение 2; 2 - с. Мирное, курган 3, погребение 1; 3 - урочище Холодный Яр, курган 20, погребение 3; 4 - с. Львово, курган 18, погребение 1 (по Фіалко 2020b).

Рис. 6. Планы могил амазонок в сопровождении животных: 1 - с. Нестеровка, курган 3, погребение 1; 2 - могильник Мамай Гора, курган 5, погребение 3; 3 - с. Глиное, курган 3, погребение 1; 4 - с. Глиное, курган 5, погребение 1; 5 - с. Глиное, курган 14, погребение 2; 6 - с. Глиное, курган 13, погребение 1 (1 - по Назаров, Скорый 2019; 2 - по Андрух, Тощев 1999; 3-6 - по Тельнов, Четвериков, Синика 2016).

Рис. 7. Планы могил амазонок с собаками: 1 - с. Глиное, курган 9, погребение 1; 2 - с. Глиное, курган 41, погребение 2 (по Тельнов, Четвериков, Синика 2016).

01.03.2021

Dr. hab. Olena Fialko, Institute of Archaeology, the National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingrada ave. 12, Kyiv, 04210, Ukraine, <https://orcid.org/0000-0002-4976-3266>, e-mail: ofialka@ukr.net

---

CONSIDERATIONS REGARDING THE 10TH-11TH CENTURY SCANDINAVIAN PENDANTS WITH ANIMAL MOTIFS OR IN THE SHAPE OF HEMISPHERIC SHIELD FOUND IN THE MIDDLE DNIESTER REGION*

Ion Tentiuc, Valeriu Bubulici

Keywords: Prut-Dniester region, 10th-11th centuries, Scandinavian pendants, zoomorphic ornament, filigree and granulation ornamentation, coin silver.

Introduction

Archaeological investigations carried out in recent decades in the Carpathian-Dniester area has brought to light a significant number of early medieval artifacts indicating the presence in the territory east of the Carpathians, along with the settlements of the local Romance population, of a group of sites with materials that find direct analogies in Scandinavian antiquities. Most of them are concentrated in the Răut-Dniester interfluvium and in the Middle Dniester region. An important number of early medieval artifacts of northern European origin have been also identified outside the mentioned area¹.

The objects of Scandinavian origin, as a whole, have been identified most often in the process of systematic archaeological excavations in the circular fortified settlements of Echimăuți and Alcedar (fig. 1/1), in some hoards, but also among the fortuitous finds. These are mainly work tools and utensils (sets of blacksmith or jewelry tools), weapons, armament or equestrian equipment (battle axes, swords, sabers, “large” knives/dag-

gers, cross-guards of swords or daggers, iron, bronze or gilded silver chapes, iron or bronze hooks for attaching the scabbard to the belt, including the stylized tip in the shape of an animal’s head, arrowheads and spearheads in the shape of a lancet, Carolingian spurs), wrought iron rivets, a bronze scale with two pans, bronze weights, some in the shape of an iron barrel wrapped in bronze foil, bronze or silver ingots, an ingot mold, locks and keys for padlocks and deadlocks, miniature iron or bronze axes, horseshoe-shaped iron fibulae made of twisted bar, bronze bell-shaped pendants with a cruciform split bottom, various ornaments made by casting or pressing in the technique of filigree or granulation, including silver (or bronze) earrings of the “Volhynian type”, gilded silver pendants of the “Gnezdovo type”, openwork silver beads or amulets-medallions in the shape of a hemispherical umbo shield, bronze necklaces of twisted bars with loop-shaped ends, massive silver torques adorned with filigree, with a double-loop clasp system, barrel-shaped beads of amber or blue, gold or silver glass, silver rings, some of them with green (Федоров 1953, 125-125; Рябцева 2006, 158-159, рис. 5/6) or violet (Рябцева 2006, 159; Niculiță 2018, nr. 168)², semiprecious stones, blue or dark green colored glass, others adorned with a frog on the leaf (Рябцева 2006, 159; Niculiță 2018, no. 168.)³, etc. The artifacts reflect the features of the material culture specific to the communities that made, used and / or disseminated them.

Along with archaeological material, the presence of Scandinavians in the Carpathian-Dniester area at the end of the first millennium and the begin-

---

* The article was prepared within the project 20.80009.0807.43 “Museum heritage and historical memory: research, interpretation, presentation”.

¹ We should mention the older finds from Dobrogea, from Dinogetia-Garvăn, Păciul lui Soare, Basarabi-Murfatlar, as well as findings in recent years from Nufăru (Tulcea County). Several Viking swords (one with the inscription “Ulfberht”) from Albești (near Constanța) were recently introduced into scientific circulation by Valery Yotov. It is kept in the Museum of National History and Archeology of Constanța. Among the latest findings we should mention the sword and the helmet from Pașcani (Iași County) (the helmet is kept in the collection of the National Museum of History of Moldova, Iași), the hoard of jewelry tools from Voloave (Soroca District) and other finds.

² It is kept in the collections of NMHM, accession no. FB-26451.

³ They are in the collections of the Odessa Archaeological Museum, accession no. 48694. To these remains we add Kufic and Byzantine silver coins, so loved by the Scandinavians.

ning of the second millennium is attested by some written and lapidary documentary sources from northern Europe (Spinei 1973, 57-81, 259-282), including the runic inscription on the stone of Sjonchem, Gotland Island, dated to the middle or second half of the 11th century (Ekblom 1925, 211; Metzenthin 1941, 12-13; Jansson, Wessen 1962, 262-268; Lozovan 1963, 107-126; Мельникова 2001, 75, 297-299).

In recent years, the collection of artifacts of northern European origin has been completed with new finds. Among the most important we mention the mixed hoard (of coins and ornaments made of silver) from Alcedar (Șoldănești District) found in 2008 (Рябцева, Тельнов 2010, 285-300; Болдуряну 2010, 301-306) and the hoard of jeweler's tools from Voloave (Soroca District) found in 2018 (Tentiuc, Bubulici 2020, 255-279). Their cultural and historical importance perfectly completes the value of the hoard from Răducăneni (Iași County) found in 1969 (Teodor 1980, 403-423; Teodor 1985, 263-268).

A distinct group of northern European artifacts, discovered mainly in the Middle Dniester region, are those in the category of Scandinavian applied arts of the Viking period. Among them there are small round pendants made in the technique of casting or pressing. The characteristic elements of the adornments are, on the one hand, the openwork animal ornament associated with interlaced bands or rods and, on the other hand, the shape of a hemispherical circular shield with pronounced central umbo, the pendants being decorated with filigree and granulation.

1. Openwork pendants with animal motifs

Discovered in hoards or as fortuitous finds, most often in the middle reaches of the Dniester, they were found in the area adjacent to the early medieval round-shaped fortified settlement of Alcedar. They are made mainly of white metal or gilded silver, but there are also bronze objects. Most have a round shape. Rhomboidal adornments with animal motifs are an exception, but they are not missing.

Openwork pendant with animal ornament made of white metal (fig. 1/2). The Scandinavian type pendant found in the Middle Dniester region⁴

⁴ The exact location of the finding remains unknown. It is believed that the object comes from an area adjacent to the early medieval site of Alcedar (Șoldănești District).

is a medallion with animal motifs made in the Jelling style. The object was cast using the openwork technique; it is flat, of a round shape with a diameter of 51 mm. The eyelet is missing. It was probably lost in antiquity, and slits in openwork were used for hanging⁵. The pendant was made of a white metal alloy. The casting was made in a mold made after the model of a local pendant, of Scandinavian cultural tradition. The object is decorated with motifs characteristic of the early medieval jewelry from the category of Scandinavian applied arts of the Viking era. In its central part the artifact has the image of a fantastic animal rendered in profile. Its body is strongly curved and occupies a third of the pendant's surface. The beast goes to the right, its head is turned backwards (to the left) and with its half-open mouth it catches its own tail or an imaginary opponent. The head of the animal, presented in profile, is shown in a schematic manner and is surrounded by openwork holes of the pendant. Round eyes are made with circular imprints. The ears of the animal are in the form of two loops connecting at the top. The forepaws of the animal grow together with the stems of a burdock-shaped ornament⁶ placed under the animal's body. The band, which is present along the inner contour of the framing of most amulet-type objects in the category of applied Scandinavian arts, is presented here only in front of the animal. The ornament around the central figure is complemented by spirals or meanders placed in the space behind and under the belly of the animal. It is made in the form of volutes or stems that resemble a lily. The ornament is distinguished by a relatively good rendering of the details of the beast and the ornament associated with it (Сарачева 2003, 102-115; Лесман 2014, 59)⁷.

Noteworthy is the unusually large diameter of the object, which is almost twice the diameter of the known pendants (Дементьева 2007, 211-271; Топоров 2014, 225-251). A simplified ornament should be noted separately. The phenomenon

⁵ The description of the object was made on the basis of a photographic image, which makes it impossible for us to check the presence or absence of traces of the eyelet on the pendant. The artifact cracked on finding.

⁶ According to researchers, it is the "tree of life", commonly used in medieval Scandinavian ornamentation.

⁷ In some 10th century sites in Eastern Europe, where the Scandinavian cultural component was revealed (Gnezdovo, burial mounds of the Vladimir region, etc.), an ornament in the form of spirals resembling a burdock was applied to round cast or filigree pendants with a solid surface.

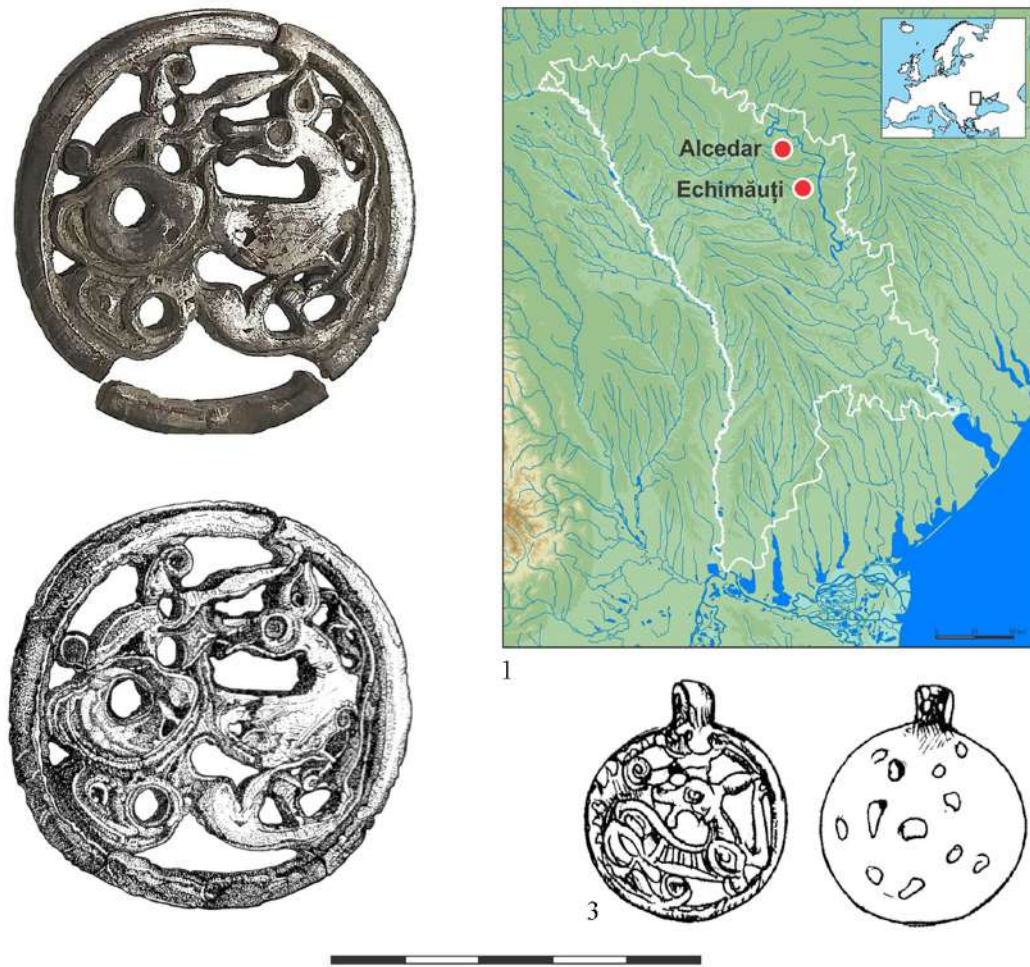

Fig. 1. 1 - Map showing the location of the early medieval round settlements of Alcedar and Echimăuți; 2a-b - white metal openwork pendant from Alcedar; 3 - gilded silver openwork pendant from the 2008 Alcedar hoard (after Рябцева, Тельнов 2010).

of simplification of decor on these categories of artifacts, according to the researchers, testifies to their manufacture by local craftsmen using Scandinavian designs (Лесман 2014, 59).

Confirmation that some products were made in local conditions is the bronze mold with animal ornament found at the Păcuiul lui Soare settlement in the Lower Danube region. Found in the early medieval layers of the 11th century, made by openwork metal carving, the artifact depicts four fantastic “animals” arranged symmetrically, two by two, with fused tails. The animals are rendered in profile with their heads turned back and their mouths ajar. Their front and hind legs rest on the inner edge of the mold framing. The framing is made using the pseudo-granulation technique, as well as the bodies of the animals (Diaconu,

Vilceanu 1972, 158-159, fig. 64; Diaconu 1986, 115-121, fig. 1/1). The profiles of the beasts on the mold are close to that on the white metal pendant from Alcedar.

The dating of the white metal openwork pendant with animal motifs is possible by analogy with specimens of the same type found in well-dated assemblages. Comparative analysis of the shape and technique of execution, ornament and decorative elements, a simplified contour of the animal presented in profile, the head turned back and the mouth ajar, the band inside the contour of a pendant, replaced by a floral ornament made in the form of stems, the oversized diameter of the product indicates, in our opinion, on a chronological framework that does not go beyond the 11th century.

The object we investigated is not the only openwork pendant with animal ornaments belonging to the category of Scandinavian decorative arts of the Viking Age, found in the area of early medieval sites in the Răut-Dniester interfluvium and in the Middle Dniester region. A similar artefact was identified in the Alcedar hoard (the Șoldănești District).

Openwork pendant with animal motifs from the Alcedar hoard found in 2008 (fig. 1/3). A round pendant made of silver, worked in the openwork technique, with a gilded surface, was discovered in the well-known mixed hoard near the circular fortified settlement of Alcedar in 2008⁸.

The image on the object represents a fantastic animal going to the right, with the strongly curved body and the head turned backwards (to the left). The back of the beast's body is more prominent than the front of it. The beast's head is shown in profile, with one ear. Depicted with its mouth wide open, the beast attacks or defends itself against an attacking enemy. The pendant shows only two paws of the beast. The front paw is raised almost vertically, and the hind paw, tightly fitting to the body, is fused with meandering stems under the belly of the animal. The raised forelimb of the animal touches the inner surface of the frame. This decorative element is the characteristic feature for a whole series of pendants (Дементьева 2007, 211-271; Топоров 2014, 225-251)⁹. The ornament of the artifact is distinguished by the rendering of the eyes (of the eye) through spiral incisions and more careful processing of the decor details. The part for hanging belongs to the category of "pseudo-eyelets" or "light" eyelets. It is made in such a way that, when viewed from the front, it seems completely cast, in fact, the eyelet is tubular. Two perforated plates for hanging the pendant are welded to the inner edges of the rolled eyelet. The way of making this element of the eyelet is the distinctive feature of the Scandinavian craft tradition (Лесман 2003, 74).

The openwork gilded silver pendant with animal ornament found in the Alcedar hoard finds close

analogies in the sites of Eastern and Northern Europe. Identical objects were found at Staraya Ladoga, in the fortified settlement Ryurikovo Gorodišče near Novgorod, at Gnezdovo, Beloozero, Volkovysk, Šestovitsy, Korosten, at Červona on the Southern Bug, etc. (Хавлюк 1969, 164; Дернович 2006, 62, рис. 25; Пушкина 1996, 179-181, рис. IV/2; Андрощук 1999, 106, рис. 34; Зоценко, Звиздецкий 2006, 74, рис. 3; Топоров 2014, 225-251). Northern European, Scandinavian artifacts of this type were assigned to group A, variant 3, Kiplingeberg type, according to J. Callmer's classification (Callmer 1989, 23, 29, fig. 3/6-8).

The hoard from Alcedar, found in 2008, in which the pendant was found, consists of silver and gold jewelry, as well as Kufic dirhams and Byzantine coins. The presence of silver coins (Arab and Byzantine ones) facilitated the dating of the assemblage, which was attributed to the end of the 10th century or the beginning of the next century (Болдуряну 2010, 301-306; Boldureanu, Nicolae 2015, 115-119). The hoard also contained a silver ingot, an iron weight wrapped in bronze foil, silver adornments with granulation ("Vollhynian type" earrings), a gold lunula made by pressing and decorated with filigree (Рябцева, Тельнов 2010, 285-300; Болдуряну 2010, 301-306).

The objects that made up the hoard made it possible to determine the main sources / directions of the penetration of silver into the region: the Arab Caliphate and the Byzantine Empire, making it easier to understand the mechanism of distribution noble and base metals, including their carriers.

Unlike the round pendant made of white metal, introduced by us into scientific circulation, the item from the 2008 Alcedar hoard is made of gilded silver and decorated with an ornament made in the Borre style with elements of the Jelling style. The artifact was classified as the first variant of type AII according to the classification of A.S. Dementyeva (Рябцева, Тельнов 2010, 291) or to type P155 according to J. Petersen's typology (Petersen 1928, 134, fig. 148/155). The product belongs to the category of the earliest Scandinavian adornments. They were common in Northern and Eastern Europe in the second half of the 10th - early 11th century (Рябцева, Тельнов 2010, 291-292, рис. 1/13; Boldureanu, Nicolae 2015, 115-119, pl. XXXI/7).

⁸ The finding of this hoard tempered, in a way, the speculations regarding the cultural belonging of the group of archaeological sites on the Middle Dniester, concentrated in the Răut-Dniester interfluvium, as well as the problem of the existence or lack of early medieval Scandinavian vestiges in the Carpathian-Dniester area.

⁹ The ornamental motif with the beast with a raised front paw frequently appears on this type of openwork round adornments found in Northern and Eastern Europe.

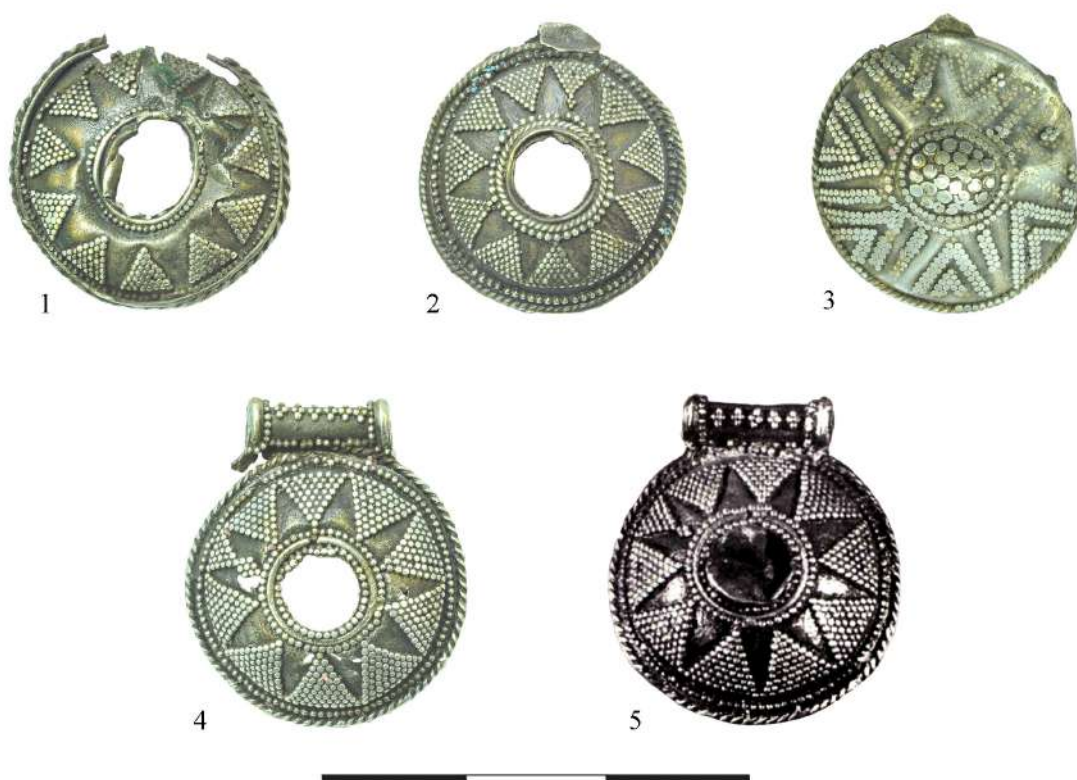

Fig. 2. Hemispherical shield-shaped silver pendants from Echimăuți (1-4 - after Niculiță 2018; 5 - after Дзис-Райко 1983).

2. Hemispherical shield pendants with central umbo

Among the round-shaped neck adornments made of non-ferrous or precious metals by casting or pressing, with granulation or filigree, belonging to the category of applied Scandinavian arts of the Viking period, silver amulets in the shape of an umboidal hemispherical shield should be mentioned (fig. 2/1-5). Similar pendants¹⁰ were found during archaeological excavations in the circular fortified settlement of Echimăuți (Rezina District) (Федоров 1953, 125-126, рис. 48/16; Федоров 1974, 118-119, рис. 38/4; Федоров, Чеботаренко 1974, рис. 14/4; Рябцева 2005, 122-126, рис. 45/2; Рябцева 2006, 156, рис. 4/9, 11). The diam-

eter of the objects is 20-21 mm. The adornments were made of 960 ‰ silver (Niculiță 2018, 220-222, nr. 163-165), which matches the fineness of the Kufic dirhams (Рябцева, Тельнов 2010, 297; Ениосова, Митоян, Сарачева 2004, 26-34)¹¹. The pendants were made by separately casting the components and assembling them by pressing and welding. The ornament is made using filigree and granulation technique. The image on the pendants is a solar disk with 10 or 11 rays. The ornament consists of granules arranged in the shape of triangles, the base of which rests on the border of the items. The border of amulets usually consists of two concentric circles, one of which is made using the granulation technique, and the other, the outer one, using the filigree technique. The thin silver wire that forms the outline of the item is a narrow twisted band attached to the

¹⁰ Four silver pendants in the shape of a hemispherical shield, discovered in the process of systematic archaeological research in Echimăuți, are kept in the collections of the National Museum of History of Moldova, in Chișinău (accession nos. FB-26452; FB-26454; FB-26455; FB-26456). Only the tubular eyelet (FB-26453) has been preserved from the fifth pendant. Other (three -?) objects from the same site are kept in the Odessa Museum of Archeology (accession no. 80; accession no. 81; accession no. 82) (see: Рябцева 2006, 156).

¹¹ Spectral analysis of the artifacts has allowed in recent years to find similarities between the high quality of silver (almost native) of many categories of early medieval jewelry and the fineness of Arab coins of the 8th/9th-11th centuries found in Northern, Central and Eastern Europe (see: Ениосова, Митоян, Сарачева 2004, 26-34).

edge of the artifact. Two other concentric circles, the outer one made in the technique of granulation and the filigree inner one, delimit the central umbo-shaped decoration of the amulet. The aforementioned granule triangles were arranged radially around the central umbo-shaped ornament, like sunbeams. The central decoration in the shape of an umbo, made separately of silver foil, was attached by welding it to the edges of the pendant. On some items, the surface of the central umbo was decorated with granules. Between the two beams formed by double triangles, some of the objects had a beautiful diamond-shaped ornament made of tiny granules. The pendants were provided with tubular eyelets rolled of sheet metal. The length of the eyelets is 10 mm. The tubular eyelets have the edges in the shape of a border, having the surface decorated with granulation ornament.

Most analogies for hemispherical shield pendants with central umbo come from Scandinavia. This type of adornments is most common in Central Sweden (Duczko 1985, 16-24, 66-71). They were assigned to type I according to the classification proposed by the researcher S. Rjabtseva (Рябцева 2005, 122-126). In terms of chronology, they were attributed to the time from the end of the 9th century to the end of the 11th century, with the probability of their use in the next century (Новикова 1998, 166-169).

3. Cultural and chronological framework and area of distribution of pendants

Jewelry making, artistic metalworking was a widespread practice in Northern Europe and Scandinavia in the early Middle Ages. In the process of analyzing the animal style on various types of pendants of the early medieval period in Northern Europe, researchers have identified a certain succession relationship between the decorative traditions of the late Roman period and the Germanic animal style or early medieval Carolingian-Ottonian miniature (Arbman 2006, 196-210; Кулаков 2016, 21-58). It was stated that the practice of making adornments from the category of Northern European applied arts was adopted by Scandinavian jewelers from late Roman antiquity through the Merovingian and Carolingian (Salin 1904). On the other hand, works of decorative art of this period show that the floral motifs in the decorative art of the Franks are harmoniously combined with the traditions of ornament con-

sisting of twigs and twisted bands of the animal style characteristic of Scandinavian art, as well as the predilection for volumetric figures. According to some researchers, the animal style of the Scandinavians was formed (ended) during the Wendel period (the 6th-8th centuries) under the influence of the Anglo-Saxon and Irish-Scottish art of the Celtic tradition (Salin 1904; Petersen 1928; Callmer 1989, 19-41; Paterson 2002, 267-176).

Openwork pendants of round and oval shapes or with a segmented outer contour, made of silver or gilded silver (less often bronze), decorated with animal ornaments in the Borre, Jelling, Mammen, Ringerike, Urnes styles or their combinations, are characteristic specimens of the Scandinavian culture of the Viking Age in the second half of the 10th century - the beginning of the 11th century (Petersen 1928; Arbman 1960, 110-135; Callmer 1971, 266-279; Paterson 2002, 267-276). The morphological and stylistic analysis of the artifacts made it possible to establish that they are relatively diverse in shape, manufacturing technique and decoration, which is explained by the lack of "standards" in the manufacture of these artifacts.

Based on the decorative features of Scandinavian adornments and jewelry of the Viking Age, J. Petersen classified openwork pendants as types 155 and 159 (Petersen 1928, 134, 139). As already mentioned, J. Callmer divided this category of artifacts into groups, types and variants based on the shape of objects, their continuous or segmented contour, the shape of the animal's body and its position, the shape and orientation of the animal's head, the number of limbs (paws) depicted and their location in the ornament (Callmer 1971, 268; Callmer 1989, 19-41).

Research in recent decades has shown that adornments with animal ornaments dating from the mid-10th - early 11th centuries were most common in Scandinavia, Sweden, Norway, and Denmark. Identical or similar items have been found in sites in England and the British Isles (Paterson 2002, 267-276; Kershaw 2009, 295-325). The artifacts were found in regions of Scandinavian presence or with Scandinavian elements: on the southern and southeastern coasts of the Baltic Sea, but also in Belarus, Ukraine, and Russia (Успенская 1967, 88-132; Дементьева 2007, 212; Дернович 2009, 164-165; Андрощук, Зоценко 2012, 112, 152, № 70, № 102). According to the recent findings of

researchers, in Kievan Rus, pendants brought by the Scandinavians or representatives of the Northern European tradition continued to be produced throughout the 11th and early 12th centuries (Дементьева 2007, 230; Лесман 2014, 59; Топоров 2014, 230-233). On the other hand, in Northern Europe, with the spread of Christianity, pendant amulets turned into simple accessories used as medallions (Paterson 2002, 267-276).

A comparative morphological and stylistic analysis of the openwork pendants with animal motifs¹² found in the area adjacent to the circular fortified settlements in the Middle Dniester region proves that in terms of chronology the earliest of them is a gilded silver round pendant found in the Alcedar mixed hoard in 2008. As already mentioned, the hoard was dated based on Arab and Byzantine silver coins to the late 10th - early 11th centuries. The second openwork medallion made of white metal, in our opinion, dates back to the 11th century.

As for the pendants in the shape of a hemispherical shield with a central umbo, the Echimăuți finds find numerous analogies among artifacts from Scandinavia, Central Europe and northwestern Russia. Thus, artifacts similar to those from Echimăuți were found in hoards from Gnezdovo in 1867 and 1993 (Гущин 1936, табл. IV/19-23; Пушкина 1996, 178-179, рис. III/1-4), in Kiev in 1863, Denisovo in 1912 and in Chernigov (Корзухина 1954, 100, табл. 25/12). Identical or similar adornments were found in grave goods from burial mounds or burial grounds in Gnezdovo, Kiev and Chernigov (Пушкина 1996, 178-179; Ениосова, Пушкина 1997, 25; Ивакин 2011, рис. 31, 33). Similar amulets were found in hoards and necropolises in Poland (Kóčka-Krenz 1993, mapa 37; Kóčka-Krenz 1997, 69-75) and Hungary (Török 1962, pl. 34), as well as in Burge on the island of Gotland (Stenberger 1947, 132, Abb. 151/3).

The silver pendants in the shape of a hemispherical shield from Echimăuți (Новикова 1998, 165-172)¹³ belong to type I according to the classification proposed by S. Rjabtseva (Рябцева 2005, 122-126).

¹² An openwork rhomboidal pendant with animal ornaments, with a segmented outer contour, cast in bronze in a shell shape, with an inscription in Scandinavian runes on the reverse side, was recently discovered in the area adjacent to the fortified circular settlement of Alcedar. It is kept in a private collection.

¹³ A variant of this type of jewelry of Scandinavian origin in the form of a hemispherical shield with a central umbo was investigated by the researcher E. Novikova (see: Новикова 1998, 165-172).

It was found that the adornments in the shape of a hemispherical shield, with geometric decoration made with granulation and filigree, occupy a wider chronological framework compared to openwork pendants with animal ornament: from the end of the 9th to the beginning of the 11th century. Some types of amulets continued to be used until the early 12th century (Пушкина 1996, 171-186; Новикова 1998, 166-169; Рябцева 2006, 156; Жилина 2014, 286-298; Топоров 2014, 235). The Scandinavian origins of these adornments are obvious, as is the manufacture of most of them by local craftsmen following Northern European models.

Conclusions

The presence of the openwork pendant with a Scandinavian animal ornament, as well as other types of adornments in the mixed hoard of Alcedar, came as a surprise to researchers who believed that during the early Middle Ages in the eastern regions of the Eastern Carpathians “the Scandinavian element was completely missing” (Рябцева, Рабинович 2007, 225). The Alcedar hoard of 2008, containing merchants’ accessories, Kufic dirhams, Byzantine silver coins, silver ingots, a weight for scales, silver and gold jewelry, a Scandinavian silver gilded amulet with animal ornament, confirmed the old and recent hypotheses of researchers (Philippide 1916, 214-0239; Gherghel 1928, 62-64; Sacerdoțeanu 1929, 119; Drăganu 1943, 446-448; Lozovan 1963, 107-126; Giurescu 1967, 34-35; Theodorescu 1974, 87-94) about the presence of Scandinavians-Vikings-Varangians in the eastern regions of the Carpathians in the 9th-11th centuries.

The authors, who introduced the materials of the hoard into scientific use, proceeded from the assumption that the presence of these adornments in the early medieval sites of the Răut-Dniester interfluvium would be due exclusively to trade relations in the 9th-10th centuries. According to the authors, these artifacts indicate the existence of contacts between the communities of the Eastern Carpathian regions and those of the Upper Dnieper region, including from the settlement of Gnezdovo. Namely from Gnezdovo, the authors consider, the openwork pendants with animal ornament would have come to the sites in the middle reaches of the Dniester. As an argument, the authors bring “Volhynian type” earrings with granulation found in several medieval complexes

(settlements, necropolises, hoards) from Alcedar, Echimăuți, Arsura, Brănești, Raducăneni etc. The researchers believe that these adornments were made in handicraft workshops in the sites of the Middle Dniester region (but also in the Southern Bug and Volhynia regions), from where they were exported to the regions of the Upper Dnieper. Also from Gnezdovo, as well as from other sites on the right bank of the Dnieper, openwork pendants with animal ornaments (Рябцева, Тельнов 2010, 292), such as those found in Alcedar, were supposedly brought to the Carpathian-Dniester region.

We do not exclude the possibility of contacts and economic relations between the sites in the Middle Dniester region (Alcedar, Echimăuți) and those on the Upper Dnieper (Gnezdovo) in the early medieval period, as well as the operation of land trade routes between them. We would like to mention, however, that in prehistoric times and in antiquity the safest ways for people (and goods) to travel were watercourses (Массон 1974, 8-10; Spinei 1985, 47; Леонтьев, Носов 2012, 382-401). The waterways were the main arteries connecting the northern and southern parts of the continent. The early Middle Ages are no exception (Авдусин 1985, 51-52). During the Viking period, the regions of Scandinavia and the Baltic Sea were closely connected with the Northern Black Sea and the Caspian Sea regions through a branched and complex system of river communications along the Volga (Калинина 1986, 68-82; Дубов 1989; Мельникова 2010, 43-57), the Dnieper (Леонтьев, Носов 2012, 382-401), the Vistula and the Dniester (Пашуто 1950, 166-167; Казанский 2013, 154-163; Tentiuc 2017, 125-130; Humbert 2015, 190).

Since ancient times, communities and human groups in Northern Europe have used the route along the Vistula and the Dniester to reach the Northern Black Sea region. Moving along this path, the Bastarnae penetrated into the territories east of the Eastern Carpathians and the Dniester, where they left the sites attributed to the archaeological culture of Poienești-Lucașeuca (Babeș 1993; Iarmulschi 2020; Шуккин 2005). The Goths from the island of Gotland in the Baltic Sea, following the same route, founded a remarkable civilization represented by the archaeological culture of Sântana de Mure-Cernjahov (Рикман 1975; Ioniță 1986, 295-351).

The Goths and the ruler of their “kingdom” Ermanaric for more than a thousand years were

sung in poetry, in *sagas*, in the beautiful legends of the German-Scandinavian heroic epic, in the medieval writings of the 9th and 13th centuries (Шапов 1997, 95-106; Мачинский 2009, 460-538).

One of the authors of this study suggested that the circular fortified settlements with ditches, earth ramparts and strong palisades, explored in the Middle Dniester region and in the Răut-Dniester interfluvium, were built *a fundamentis* by the Scandinavians. In the 8th/9th-11th centuries, they traveled along the international trade route along the Vistula and Dniester to reach the Black Sea, the Balkans, Constantinople, the Abbasid Caliphate and Baghdad (Tentiuc 2017, 125-129; Tentiuc 2020, 249-286). The sites in the Middle Dniester region initially appeared as intermediate resting points and/or military camps. Natural conditions, favorable environment, energy and extraordinary mobility of the Vikings in a short time turned them into real trade, craft and military-administrative centers, into strong local centers of power. Fortified settlements built by the Vikings with the support of the local Romance population (Porphyrogenetel, *De adm. Imp.* 9)¹⁴, may also have served to control trade on this important international route that connected the north to the south of the continent, which researchers call “the second route from the Varangians to the Greeks” (Пашуто 1950, 166-167).

Life in some of these settlements was quite intense, prompting researchers to re-declare their “brilliant material culture” (Fedorov 1959, 371-408; Федоров 1961, 80-106). It was also argued that their existence would not have been too long (Равдина 1988, 54-71) in the conditions of the raids of the last migratory waves of Turanian nomads, which would crush them (Echimăuți) or force the population to leave them (Alcedar).

Identification in the early medieval settlements between the Răut and the Dniester and in the Middle Dniester region of real “craft quarters” with hundreds of kilograms of iron ore, with dozens of furnaces for ore concentration and for ore reduction (at least 70), the discovery of sets

¹⁴ Regarding the cooperation of the ancient Scandinavians with the local population, we note the information of Constantine Porphyrogenitus (*De Adm. Imp.* 9) about the travels of the Scandinavians (the Rūs population) along the “route from the Varangians to the Greeks” along the Dnieper, from the Baltic Sea to the Black Sea, when the local Slavs prepared monoxyla for them and waited for spring/summer to sell them to the Vikings.

of handicraft utensils belonging to blacksmiths or blacksmiths-jewelers, crucibles and molds for casting, miniature hammers, small anvils, jewelry draw plates to obtain wire, fragments or coils of wire made of bronze or silver, miniature chisels, molds for casting ingots, silver or bronze ingots, scales with bronze pans, bronze weights or those made in the shape of an iron barrel wrapped in copper foil, and so on, undoubtedly proves the existence during the 9th-11th centuries, in the region east of the Carpathians, of an extensive handicraft and commercial activity, along with constantly developing agricultural methods.

It was suggested that the forging and jewelry workshops (centers) identified at the sites in the Middle Dniester region worked not so much to meet the needs of local communities or their immediate neighbors with working tools, weapons or jewelry, but to meet the demand for goods for long-distance trade (Рябцева, Тельнов 2010, 297), the latter brought fabulous profits. In our opinion, the early medieval forging and jewelry workshops from the investigated sites in the Raut-Dniester interfluvium and, first of all, those at Echimăuți and Alcedar, where openwork pendants with animal ornaments and hemispherical shield-shaped adornments with the central umbo, as well as many other artifacts of Scandinavian origin or type were found, apparently, provided the basic needs of local residents with working tools and weapons, but also with jewelry.

The demand for products made of iron, bronze and precious metals among the Romanians from the Carpathian-Dniester and circum-Carpathian areas, the communities from the northern regions of the Lower Danube and the Black Sea was especially high under the conditions of the severe embargo imposed by the authorities of Constantinople throughout the entire period of late antiquity and the early Middle Ages for export of these categories of materials, tools and products (Каждан 1958, 56-66; Canache, Curta 1994, 179-

221; Corbu 2006, 190-191; Tănase 2010; Dejan 2015, 197-218).

Climate change in Europe, related to the "Small Medieval Climate Optimum", continuously occurring from the middle of the 8th century to the middle of the 13th century, was also felt by the Romanian population of the eastern regions of the Carpathians and the northern Danube. The progressive development of agriculture, deforestation to expand arable land has significantly increased the demand for high-quality iron tools (axes with wide blades, plowshares, sickles and scythes with longer blades, etc.). Scandinavian blacksmiths knew how to satisfy the need for tools (as well as weapons and jewelry) of the sedentary local population.

Constant economic growth, an increase in the quantity and quality of food products have led to a real population explosion in Central and Western Europe, as well as in the southeast of the continent. In the Carpathian-Dniester region, social discrepancies are more and more visible in the material culture of the end of the 1st millennium and the beginning of the 2nd millennium, which is reflected in an incomparably larger number of adornments made of precious or non-ferrous metals compared to the previous or next periods, in the appearance of large constructions (10×6 m) with stone foundation (Чеботаренко, ЩербакOVA 1981, 140-147).

The last migratory waves of Turanian nomads that penetrated the eastern regions of the Carpathians in the 11th-12th centuries endangered the existence of open or fortified settlements built by Scandinavians and locals in the Raut-Dniester interfluvium. Part of the population of these settlements, under the pressure of the nomads, retreated to the regions of Northern Bukovina and the Upper Dniester; others found refuge in the better protected zones of the central part of the Carpathian-Dniester space, where they were assimilated by the local Romance population.

Bibliography

- Årbman 1960:** H. Årbman, Skandinavisches Handwerk in Russland zur Wikingerzeit. In: Meddelanden från Lunds universitets historiska Museum, 1959 (Lund 1960), 110-135.
- Babeș 1993:** M. Babeș, Die Poieniști-Lukasevka Kultur. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte im Raum östlich der Karpaten in den letzten Jahrhunderten vor Christi Geburt. Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde, Band 30 (Bonn 1993).

- Boldureanu, Nicolae 2010:** A. Boldureanu, E. Nicolae, Monedele islamice. In: A. Boldureanu, E. Nicolae (eds.), Moneda din Republica Moldova (Chișinău 2015), 113-119.
- Callmer 1971:** J. Callmer, Some points of view on the studi of Viking Age. A Survey. In: Acta Archaeologica VII (Köbenhavn 1971), 266-279.
- Callmer 1989:** J. Callmer, Gegossene Schmuckanhänger mit nordischer Ornamentik. In: Birka: Untersuchungen und Studien. II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde (Stockholm 1989).
- Canache, Curta 1994:** A. Canache, Fl. Curta, Depozite de unelte și arme medievale timpurii de pe teritoriul României. Musaios IV/I, 1994, 179-221.
- Corbu 2006:** Em. Corbu, Sudul României în evul mediu timpuriu (secolele VIII-XI). Repere arheologice (Brăila 2006).
- Damian, Vasile 2011:** O. Damian, M. Vasile, Varangians nearby the Danube delta. About an archaeological discovery in the Byzantine fortress at Nufăru, Tulcea county). SCIVA 62/3-4, 2011, 275-290.
- Dejan 2015:** M. Dejan, Elemente răsăritene în ținuturile extracarpatice (secolele VI-X) (Suceava 2015).
- Diaconu, Vilceanu 1972:** P. Diaconu, D. Vilceanu, Păciul lui Soare. Cetatea bizantină, vol. I (București 1972).
- Diaconu 1986:** P. Diaconu, Despre unele meșteșuguri de la Păciul lui Soare (sec. X-XI). Cultură și civilizație la Dunărea de Jos II, 1986, 115-121.
- Diaconu 2001:** P. Diaconu, Urme ale vikingilor la Dunărea de Jos. In: Contribuții istorice și etimologice (Aalborg 2001), 11-16.
- Drăganu 1943:** N. Drăganu, Ancienneté et expansion des Roumains d'après la toponymie, l'onomastique et la langue. Balcania 6, 1943, 423-463.
- Duczko 1985:** W. Duczko, The Filigree and Granulation Work of the Viking Period. Birka V (Stockholm 1985).
- Fedorov 1959:** G.B. Fedorov, Rezultatele și problemele principale ale cercetărilor arheologice din sud-vestul U.R.S.S. referitoare la primul mileniu al e.n. SCIV X/2, 1959, 371-408.
- Gherghel 1928:** I. Gherghel, Câteva precizări filologice-istorice: VII. Blakumen-Blökumannaland (un capitol din nomenclatura poporului român). Arhiva 35/1, 1928, 62-64.
- Giurescu 1967:** C.C. Giurescu, Țirguri și orașe și cetăți moldovene din secolul al X-lea până la mijlocul secolului al XVI-lea (București 1967).
- Humbert 2015:** B. Humbert, La circulation des Scandinaves dans la Rus' aux IXe-XIe siècles (Paris 2015).
- Iarmulski 2020:** V. Iarmulski, The Settlements of the Poienești-Lucașeuca Culture. Archaeological Study of Settlements in the Carpathian-Dniester Region from the End of the 3rd to the 1st Century BC. Berliner Archäologische Forschungen, Band 19 (Leidorf 2020).
- Ioniță 1986:** I. Ioniță, Chronologie der Sântana de Mureș-Cernjahov-Kultur (I). In: Peregrinatio Gothica (AB VIII) (Lodz 1986), 295-351.
- Kershaw 2009:** J.F. Kershaw, Culture and Gender in the Danelaw: Scandinavian und Anglo-Scandinavian Brooches. Viking and Medieval Scandinavian 5, 2009, 295-325.
- Kóčka-Krenz 1993:** H. Kóčka-Krenz, Bizuteria Północno-Zachodnio Słowiańska we wczesnym średniowieczu (Poznań 1993).
- Kóčka-Krenz 1997:** H. Kóčka-Krenz, Bizuteria sredniowieczna na ziemiach polskich jako wyznacznik chronologiczny. Archaeologia Historica Polona 6, 1997, 69-75.
- Niculită 2018:** A. Niculită, Piese de giuvaiergerie antică din colecțiile Muzeului Național de Istorie a Moldovei. Catalog (Chișinău 2018).
- Paterson 2002:** C. Paterson, From Pendants tot o Brooches. Hikuin 29, 2002, 267-276.
- Petersen 2018:** J. Petersen, Vikingetidens Smykker (Stavanger 1928).
- Philippide 1916:** Al. Philippide, Barangii în istoria românilor. Viața românească 11/1, 1916, 214-239.
- Sacerdoțeanu 1929:** A. Sacerdoțeanu, Considérations sur l'histoire des Roumain au Moyen Âge. In: Mélanges de l'École Roumaine en France, VII (Paris 1929).
- Salin 1904:** B. Salin, Die Altgermanische Thierornamentik. Typologische Studie über germanische Metallgegenstände aus dem IV. bis IX. Jahrhundert, nebst einer Studie über irische Ornamentik (Stockholm 1904).
- Spinei 1973:** V. Spinei, Informații despre vlahi în izvoarele medievale nordice. SCIV 24/1, 1973, 57-81; SCIV 24/2, 1973, 259-282.
- Spinei 1985:** V. Spinei, Realități etnice și politice în Moldova meridională în secolele X-XIII. Români și turanici (Iași 1985).
- Spinei 2009:** V. Spinei, The Romanians and the Turkic Nomads North of the Danube Delta from the Tenth to the Mid-Thirteenth Century (Leiden-Boston 2009).
- Stenberger 1947:** M. Stenberger, Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit, II (Stockholm 1947).

- Tănase 2010:** D. Tănase, Prelucrarea metalelor în lumea barbară la Dunărea Mijlocie și Superioară în secolele VI-VII (Timișoara 2010).
- Tentiuc 2017:** I. Tentiuc, Populația din Moldova Centrală în secolele X-XIII (Chișinău 2017).
- Tentiuc 2020:** I. Tentiuc, On the viking enclaves and their relations with the inhabitants of the Carpathian-Dniester region between the 9th and the 11th Centuries. *Dacia NS LXII-LXIII* (2018-2019), 2020, 249-286.
- Tentiuc, Bubulici 2020:** I. Tentiuc, V. Bubulici, Early medieval hoard of forging and jewelry tools found at Voloave, Soroca District (Depozitul cu unelte de făurărie-giuvaiergerie din perioada medievală timpurie descoperit la Voloave, raionul Soroca). *Tyragetia s.n. XIV/1*, 2020, 255-280.
- Theodorescu 1974:** R. Theodorescu, Bizanț, Balcani, Occident la începuturile culturii medievale românești (secolele X-XIV) (București 1974).
- Teodor 1980:** D.Gh. Teodor, Tezaurul de la Răducăneni. *SCIVA 31/3*, 1980, 403-423.
- Teodor 1985:** D.Gh. Teodor, Legături economice între regiunile de la răsărit de Carpați și Orientul arab în secolele IX-X e.n. In: *Anuarul Institutului de Istorie și Arheologie „A.D. Xenopol”, XXII/1* (Iași 1985), 263-268.
- Török 1962:** G. Török, Die Bewohner von Halimba im 10. und 11. Jahrhundert (Budapest 1962).
- Yotov 2018:** V. Yotov, Data about northmen's presence in the Lower Danube Area. In: *Studia romana et medevalia. Miscellanea in honorem annos LXXX peragentis professoris emeriti Dan Gh. Teodor oblata* (București-Brăila 2018), 467-476.
- Авдусин 1985:** Д.А. Авдусин, Образование северных древнерусских городов. В: Тезисы докладов советской делегации на V международном конгрессе славянской археологии (Киев, сентябрь 1985 г.) (Москва 1985), 51-52.
- Андрощук 1999:** Ф.О. Андрощук, Нормани і слов'яни у Подесенні (моделі культурної взаємодії доби раннього середньовіччя) (Київ 1999).
- Андрощук, Зоценко 2012:** Ф. Андрощук, В. Зоценко, Скандинавские древности Южной Руси. Каталог (Paris 2012).
- Арбман 2006:** Х. Арбман, Викинги (Санкт-Петербург 2006).
- Болдуряну 2010:** А. Болдуряну, Византийские и исламские монеты из Алседарского клада. *Stratum plus 5*, 2010, 301-306.
- Гущин 1936:** А.С. Гущин, Памятники художественного ремесла Древней Руси X-XIII вв. (Ленинград 1936).
- Дементьева 2007:** А.С. Дементьева, „Подвески гнездовского типа” на территории Древней Руси X-XII вв. В сб.: Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника (Санкт-Петербург 2007), 211-271.
- Дернович 2006:** С.Д. Дернович, Скандинавские древности эпохи викингов в Беларуси (Минск 2006).
- Дзис-Райко 1983:** Г.А. Дзис-Райко (ред.), Одесский Археологический Музей УССР. Альбом (Киев 1983).
- Дубов 1989:** И.В. Дубов, Великий Волжский путь (Ленинград 1989).
- Ениосова, Митоян, Сарачева 2004:** Н.В. Ениосова, Р.А. Митоян, Т.Г.Сарачева, Серебро в металлообработке Южной Руси в IX-XI вв. В сб.: Стародавній Искоростень і слов'янські гради VIII-X ст. Збірка наукових праць (Київ 2004), 26-34.
- Ениосова, Пушкина 1997:** Н.В. Ениосова, Т.А. Пушкина, Сканные и зерновые украшения из кладов Гнездова. В сб.: Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов (Санкт-Петербург 1997), 24-26.
- Жилина 2014:** Н.В. Жилина, Древнерусское прикладное искусство в эпоху становления государственности. В сб.: Русь в IX-XII венках. Общество, государство, культура (Москва-Вологда 2014), 286-298.
- Зоценко, Звіздецький 2006:** В. Зоценко, Б. Звіздецький, Типологія та хронологія артефактів “скандинавського” типу із розкопок стародавнього Искоростеня. В сб.: Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування Давньо-руської держави) IX-XI ст. (Чернігів 2006), 73-88.
- Ивакин 2011:** В.Г. Ивакин, Киевские погребения X века. *Stratum plus 5*, 2011, 243-286.
- Калинина 1986:** Т.М. Калинина, Торговые пути Восточной Европы (по данным Ибн Нордадбеха и Ибн аль-Факира). *История СССР 4*, 1986, 68-82.
- Каждан 1958:** А.П. Каждан, Василики как исторический источник. *Византийский временник XIV*, 1958, 56-66.
- Казанский 2013:** М.М. Казанский, Водные пути из Балтики к Черному морю и северные варвары в эпоху переселения народов. In: *Inter ambo maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea* (Kristiansand-Simferopol 2013), 154-163.
- Корзухина 1954:** Г.Ф. Корзухина, Русские клады IX-XIII вв. (Москва-Ленинград 1954).
- Кулаков 2016:** В.И. Кулаков, Зверинный стиль в земле пруссов (кон. IV-X вв.). В сб.: Исторический формат, 2 (Москва 2016), 21-58.

- Леонтьев, Носов 2012:** А.Е. Леонтьев, Е.Н. Носов, Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII-X вв. В сб.: Русь в IX-X веках: археологическая панорама. Древности Севера (Москва 2012), 382-401.
- Лесман 2003:** Ю.М. Лесман, Псевдоушки – диагностический признак скандинавских подвесок эпохи викингов. В сб.: Ювелирное искусство и материальная культура (Санкт-Петербург 2003), 70-75.
- Лесман 2014:** Ю.М. Лесман, Скандинавский компонент древнерусской культуры. *Stratum plus* 5, 2014, 43-87.
- Массон 1974:** В.М. Массон, Развитие обмена и торговли в древних обществах. КСИА 138, 1974, 8-10.
- Мачинский 2009:** Д.А. Мачинский, Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения русского государства в середине VIII - середине XI в. В сб.: Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Труды Государственного Эрмитажа. Вып. XLIX (Санкт-Петербург 2009), 460-538.
- Мельникова 2010:** Е.А. Мельникова, Бальтийская система коммуникаций в I тысячелетии н.э. В сб.: Древнейшие государства Восточной Европы. 2009 год. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен (Москва 2010), 43-57.
- Новикова 1998:** Г.Л. Новикова, Щитообразные подвески из Северной и Восточной Европы. В сб.: Историческая археология: традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина (Москва 1998), 165-174.
- Новикова 1990:** Е.Ю. Новикова, О серьгах „екимауцкого типа”. В сб.: Проблемы археологии Евразии (по материалам ГИМ). Труды ГИМ, 74 (Москва 1990), 107-114.
- Пашуто 1950:** В.Т. Пашуто, Очерки по истории Галицко-Волынской Руси (Москва 1950).
- Пушкина 1996:** Т.А. Пушкина, Новый Гнездовский клад. В сб.: Древнейшие государства Восточной Европы. 1994. Новое в нумизматике (Москва 1996), 171-186.
- Равдина 1988:** Т.В. Равдина, О датировке городища Алчедар. В сб.: Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья (Кишинев 1988), 54-71.
- Рикман 1975:** Е.А. Рикман, Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры (Москва 1975).
- Рябцева 2005:** С.С. Рябцева, Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования (Санкт-Петербург 2005).
- Рябцева 2006:** С.С. Рябцева, Ювелирные изделия пруго-днестровского междуречья в контексте этнокультурных связей региона в X-XI вв. *Revista Arheologică s.n.* II/1-2, 2006, 158-159.
- Рябцева, Рабинович 2007:** С.С. Рябцева, Р.А. Рабинович, К вопросу о роли венгерского фактора в Карпато-Днестровских землях в IX-X вв. *Revista Arheologică s.n.* III/1-2, 2007, 195-230.
- Рябцева, Тельнов 2010:** С.С. Рябцева, Н.П. Тельнов, Алчедарский клад и центры ювелирного производства Восточной Европы конца IX - начала XI вв. *Stratum plus* 5, 2010, 285-300.
- Сарачева 2003:** Т.Г. Сарачева, Древнерусские привески с изображением зверя. РА 4, 2003, 102-115.
- Топоров 2014:** С.Е. Топоров, Случайные находки скандинавских предметов эпохи викингов в Приильмене: из коллекции Новгородского музея. *Археологические вести* 20, 2014, 225-251.
- Успенская 1967:** А.В. Успенская, Нагрудные и поясные привески. В сб.: Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. Труды Государственного исторического Музея, вып. 43 (Москва 1967), 88-132.
- Федоров 1953:** Г.Б. Федоров, Городище Екимавцы. КСИА 50, 1953, 125-126.
- Федоров 1961:** Г.Б. Федоров, Население юго-запада СССР в I - начале II тысячелетия нашей эры. *Советская этнография* 5, 1961, 80-106.
- Федоров 1964:** Г.Б. Федоров, Работы Прутско-Днестровской экспедиции. КСИА 99, 1964, 77-88.
- Федоров 1974:** Г.Б. Федоров, Древнерусская культура Поднестровья (X-XII вв.). В сб.: Древняя культура Молдавии (Кишинев 1974), 109-126.
- Федоров, Чеботаренко, Великанова 1984:** Г.Б. Федоров, Г.Ф. Чеботаренко, М.С. Великанова, Бранештский могильник X-XI вв. (Кишинев 1984).
- Хавлюк 1969:** П.І. Хавлюк, Древньоруські городища на Південному Бузі. В сб.: Слов'яно-руські старожитності (Київ 1969), 156-174.
- Чеботаренко, Щербакова 1981:** Г.Ф. Чеботаренко, Т.А. Щербакова, Каменное сооружение на поселении Етулия VI. В сб.: Археологические исследования в Молдавии (1974-1976 гг.) (Кишинев 1981), 140-147.
- Шаров 1997:** О. Шаров, Гибель Ерманарика: история и эпос. В сб.: Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории (Санкт-Петербург 1997), 95-106.
- Шукин 2005:** М.Б. Шукин, Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура (Санкт-Петербург 2005).

Considerații privind pandantivele scandinave cu decor animalier sau în formă de scut semisferic din secolele X-XI, descoperite în regiunea Nistrului Mijlociu

Cuvinte-cheie: spațiul pruto-nistrean, sec. X-XI, pandantive scandinave, decor animalier, ornament în tehnica granulației și filigranului, argint monetar.

Rezumat: Cercetările arheologice din ultimele decenii din spațiul carpato-nistrean au scos la lumină un număr semnificativ de artefacte medievale timpurii, care atestă prezența pe Nistrul Mijlociu (fig. 1/1), alături de așezările populației romanice locale, a unui grup de situri cu analogii directe în antichitățile scandinave.

Dintre vestigiile nord-europene se evidențiază cele din categoria artelor minore scandinave, din perioada vikingilor. În studiu analizăm două tipuri de pandantive circulare, realizate prin turnare sau presare, având fața traforată sau plină, ornamentate cu decor animalier, asociat cu vrejuri împletite sau în formă de scut semisferic cu *umbo* central, și decorate prin granulare sau filigranare.

Pendantivele traforate cu ornament animalier, turnate din bronz, metal alb sau argint aurit, sunt realizate în stilurile Borre sau Jelling. Pe partea centrală au imaginea unui animal fantastic, redat în profil, cu corpul curbat, capul întors spre spate (spre stânga) și gura întredeschisă. Câteva piese au fost descoperite în arealul așezării fortificate de plan circular de la Alcedar (fig. 1/2-3). Analiza comparată a permis identificarea de analogii în Europa de Nord și de Est. Aceste vestigii sunt caracteristice pentru cultura scandinavă din a doua jumătate a secolului X - începutul secolului XI.

Podoabele în formă de scut semisferic au fața plină și partea centrală umboidală. Sunt realizate din argint cu titlul 960, ceea ce corespunde titlului argintului monetar al dirhemilor cufici, din care, probabil, au fost realizate. Descoperite în așezarea fortificată circulară de la Echimăuți, piesele sunt elaborate în tehnica presării și sudării decorului granulat și filigranat (fig. 2/1-5). Analogii pentru ele s-au găsit în țările scandinave și nord-vestul Rusiei. Pendantivele din nordul continentului au fost atribuite sfârșitului secolului IX - primei jumătăți a secolului XII. Cele din nord-vestul Rusiei sunt datate în secolul X - mijlocul secolului XI.

Vestigii analizate aparțin vikingilor, care în secolele IX-XI au pătruns în regiunile de la est de Carpați pe magistrala comercială de-a lungul Vistulei și Nistrului (și, probabil, Prutului și Siretului), care lega nordul continentului, Scandinavia și Marea Baltică de Marea Neagră, Bizanț, Constantinopol, Califatul arab și Bagdad. Scandinavii au edificat *a fundamentis* puternice așezări fortificate, de plan circular, între Răut și Nistrul Mijlociu, înzestrându-le cu cuptoare și furnale metalurgice, dar și cu ateliere de fierărie-juvaergie, transformate în adevărate „cartiere meșteșugărești”.

Lista ilustrațiilor:

Fig. 1. 1 - Harta cu fortificațiile medievale timpurii de plan circular de la Alcedar și Echimăuți; 2a-b - pandantivul traforat din metal alb de la Alcedar; 3 - pandantivul traforat din argint aurit din tezaurul de la Alcedar din anul 2008 (după Рябцева, Тельнов 2010).

Fig. 2. Pendantive în formă de scut semisferic de la Echimăuți (1-4 - după Niculiță 2018; 5 - după Дзис-Райко 1983).

К вопросу о скандинавских зооморфных и полусферических щитообразных подвесках X-XI вв., обнаруженных на Среднем Днестре

Ключевые слова: Прото-Днестровский регион, X-XI века, скандинавские подвески, зооморфный орнамент, филигранный и зернёный орнамент, монетное серебро.

Резюме: Археологические исследования последних десятилетий в Карпато-Днестровском регионе выявили значительное количество раннесредневековых артефактов, свидетельствующих о наличии на Среднем Днестре (рис. 1/1), наряду с поселениями местного романского населения, группы памятников с аналогами среди скандинавских древностей.

Среди них выделяются предметы из категории скандинавского искусства малых форм периода викингов. В данном исследовании мы анализируем два типа круглых подвесок, изготовленных методом литья или штамповки, с прорезной или сплошной лицевой стороной, орнаментированных зооморфным орнаментом или выполненных в виде полусферического щита умбонovidной формы, украшенных зернью или филигранью.

Прорезные подвески с анималистическим орнаментом, отлитые из бронзы, белого металла или позолоченного серебра, выполнены в стилях Борре или Еллинг. В центре предметов выделяется изображение фантастического животного в профиль, с сильно изогнутым телом, с головой, повернутой назад (влево), и полуоткрытой пастью. Подобные артефакты были обнаружены в районе круглого городища Алчедар (рис. 1/2-3). Сравнительный анализ позволил выявить аналогии в Северной и Восточной Европе. Эти подвески характерны для скандинавской культуры второй половины X - начала XI века.

Подвески щитообразной, полусферической формы сделаны из серебра 960 ‰ пробы. Она соответствует пробам монетного серебра куфических дирхемов, из которого, вероятно, подвески были изготовлены. Обнаруженные исключительно в процессе систематических археологических исследований круглого городища Екимэуць, изделия выполнены в технике штамповки, зернения и филигранного орнаментирования поверхности (рис. 2/1-5). Аналогии подобным изделиям были найдены в странах Скандинавии и на северо-западе России. Подвески с севера континента относятся к концу IX - первой половине XII вв., а с северо-запада России – к X - середине XI века.

Анализируемые нами подвески принадлежат, по всей видимости, викингам, которые в IX-XI вв. проникли в регионы к востоку от Карпат по торговому пути вдоль Вислы и Днестра (а также, вероятно, вдоль Прута и Сирета). Этот трансконтинентальный торговый путь соединял север континента, Скандинавию и страны Балтийского региона с Черным морем, Византией, Константинополем, Арабским халифатом и Багдадом. Между Реутом и Днестром скандинавы, с помощью местного романизованного населения, построили мощные укрепленные поселения круглой в плане формы. Спрос местного населения на изделия из железа и благородных металлов привел к появлению в посадах крепостей настоящих «ремесленных кварталов», состоящих из кузнечно-ювелирных мастерских, большого количества железоплавильных печей и металлургических домниц и т.д.

Список иллюстраций:

Рис. 1. 1 - Карта с указанием местоположения раннесредневековых круглых городищ Алчедар и Екимэуць; 2а-б - прорезная подвеска из белого металла из Алчедара; 3 - серебряная с позолотой прорезная подвеска из Алчедарского клада 2008 года (по Рябцева, Тельнов 2010).

Рис. 2. Полусферические щитообразные серебряные подвески из Екимэуць (1-4 - по Niculiță 2018; 5 - по Дзис-Райко 1983).

04.06.2021

Dr. Ion Tentiuc, National Museum of History of Moldova, 121-A 31 August str., MD-2012 Chișinău, Republic of Moldova, <https://orcid.org/0000-0002-3126-6499>, e-mail: ion_tentiuc@yahoo.com

Valeriu Bubulici, National Museum of History of Moldova, 121-A 31 August str., MD-2012 Chișinău, Republic of Moldova, <https://orcid.org/0000-0002-7431-3558>, e-mail: vbubulici@mail.ru

SITURI PALEOLITICE DE PE TERITORIUL SATULUI TEȘCURENI, RAIONUL UNGHENI

Irina Rusu

Cuvinte-cheie: Paleolitic superior, Gravettian, cultura Sântana de Mureș-Ćernehov, amfore romane.

În perioada dintre vara anului 2020 și primăvara anului 2021 au fost efectuate o serie de periegeze pe teritoriul satului Teșcureni de către autoarea articolului, care au avut ca rezultat descoperirea a trei situri arheologice – unul dintre ele pluristratificat – situate în extravilanul localității.

Perimetrul satului Teșcureni a fost puțin cercetat din punct de vedere arheologic. Până la momentul de față, în literatura de specialitate este menționată – de către Vasile Haheu și Veaceslav Bicbaev – descoperirea, lângă localitate, într-un context neclar, a unui *akinakes* (Haheu, Bicbaev 1998, 160-162). Aceasta a fost inclusă ulterior și în repertoriul elaborat de Serghei Covalenco, cu mențiunea că *akinakes*-ul scitic a fost furat de la Muzeul de Istorie și Etnografie din Ungheni (Covalenco 2006, 5-41).

Din punct de vedere fizico-geografic, satul Teșcureni este amplasat în zona Podișurilor și Câmpiilor de silvostepă a Moldovei de Nord, sub-regiunea Câmpia Prutului de Mijloc, caracterizată prin intense alunecări de pământ, care se observă foarte bine și în peisajul natural al localității (Boboc 2009, 163-165). Rețeaua hidrografică a localității este reprezentată doar de cursuri de apă intermitente, cel mai reprezentativ fiind pârâul Flămânda, numit în trecut pârâul Teșcureni. Acesta își are izvorul la poalele unui deal situat în nord-estul satului și, împreună cu celelalte cursuri de apă mai mici, izvorâte din dealurile de la nord-vest, formează un afluent al râului Delia, ce se varsă, pe teritoriul raionului Ungheni, în Prut¹.

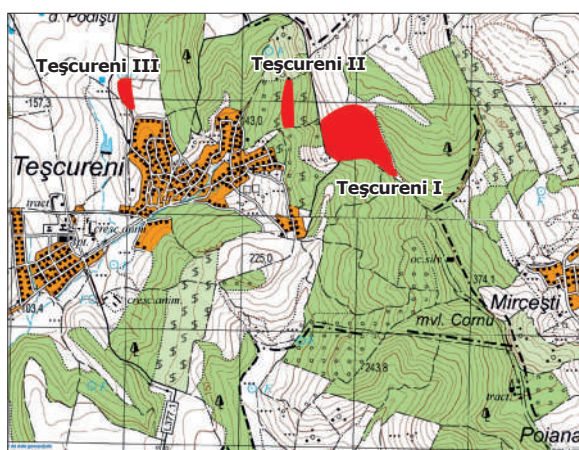
Primul dintre siturile paleolitice de pe teritoriul satului, Teșcureni I, se află în locul cunoscut sub numele de *În deal la Mircești* (fig. 1/2). Acesta a fost descoperit în vara anului 2020, ulterior cer-

cetat – în toamna aceluiași an și primăvara anului 2021. Situl se află pe un deal întretăiat de un drum, care face legătura dintre satele Teșcureni și Izvorăni, fiind actualmente semănat cu culturi agricole sezoniere și exploatat de antreprenorul SRL Traidan-Agro, Igor Gurdiș. Dealul are o altitudine ce variază între 212 și 288 m, punctul maxim al dealului are coordonatele 47°24'47" N 27°58'15" E, sectorul de pe partea dreaptă a drumului individualizându-se prin versantul vestic parțial abrupt. Pe suprafața ambelor părți de deal, cu precădere pe partea sudică, se remarcă aglomerări de pietre, specifice Sarmațianului mediu (basarabeanul) (Boboc et al. 2012, 173). În apropierea sitului nu se află nicio sursă de apă permanentă, în schimb pe fotografiile satelitare (earth.google.com) se poate observa un sistem de pârâuri subsecvente, care – pe partea de deal din stânga drumului – curg de la est spre vest, iar pe partea dreaptă – de la sud spre nord, fiind mai accentuate în perioadele ploioase.

Pe suprafața terenului arabil mai sus menționat au fost identificate o serie de obiecte din silex, răspândite neuniform. Pe partea de deal din dreapta drumului, astfel de obiecte sunt mai numeroase și se găsesc pe întreaga suprafață a terenului, o densitate mai mare fiind observată în partea sudică a sitului, unde altitudinea crește. Pe partea de deal din stânga drumului, se găsesc mai puține obiecte, fiind concentrate, la fel, pe partea sudică. Pe restul suprafeței au fost identificate doar niște microfragmente. În ansamblu, inventarul litic este compus din obiecte care se află în stadii diferite de prelucrare și, în mare parte, este fragmentat.

O primă categorie de obiecte este reprezentată de nuclee (fig. 3/1, 2, 5, 8; 5/8; 6/1-3, 5, 6). Suprafețele de percuție ale acestora sunt de mai multe feluri: piramidale (fig. 3/2; 6/1, 5), dreptunghiulare (fig. 3/8), protoprismatice (fig. 6/6) și amorfe (fig. 5/8; 6/2, 3). Bazele acestor nuclee au o formă neregulată.

¹ www.apelemoldovei.gov.md

1

2

3

4

Fig. 1. Poziția topografică (1) și reprezentarea fotografică a așezărilor Teșcureni I (2), Teșcureni II (3) și Teșcureni III (4).

O altă categorie de obiecte sunt lamele care, probabil, au fost obținute prin procedeul de percuzie indirectă (Păunescu 1970, 92). În cazul nostru, lamele reprezintă cea mai numeroasă categorie de obiecte (fig. 2/1-4, 7-9; 3/3, 6; 4/3, 5, 6, 8-14; 5/5-7). Cele mai multe dintre ele nu sunt întregi, sunt plate și au marginile neretușate. Există unele lame care au o parte din suprafață acoperită cu cortex (fig. 2/8; 4/14), ceea ce arată o pregătire sumară a bulgărelui înainte de debitare. La o parte dintre lame este vizibil, pe partea din spate, bulbul de percuzie (fig. 2/4, 8; 3/6; 4/8, 11, 13, 14; 5/5), iar la altele este păstrat și talonul, de mici dimensiuni (fig. 2/8; 3/6; 4/11, 13, 14; 5/5). Un alt tip de lamă este cea cu *encoche*s (fig. 3/4). Spre deosebire de celelalte lame, aceasta are în lateral o scobitură, care, în cazul nostru, nu este retușată, dar are o margine tăioasă. Tot aici putem menționa o categorie de obiecte apropiate

după formă lamelor, dar care diferă din punct de vedere al dimensiunii – lamelele (fig. 4/1-3, 5, 6). Lamelele puteau fi obținute din niște bulgări mici de silex sau din nucleele ce se micșorau pe măsură ce erau desprinse lamele.

În cantități mici sunt prezente așchiile (fig. 2/5, 6). Acestea se deosebesc de lame și lamele prin faptul că lățimea lor este mai mare decât lungimea, iar punctul de înclinație al piesei de la bulbul este abrupt sau semiabrupt. De asemenea, sunt prezente și deșeurile de debitaj, numite și reburturi (fig. 5/4; 6/4). Cele mai multe au rezultat în urma epuizării nucleului sau sunt lame / așchii care nu au mai fost prelucrate.

Conform descrierii pieselor de mai sus, putem constata că în acest sit nu avem o mare diversitate de piese, cele mai multe fiind unelte simple, folosite strict pentru destinația lor. În mare parte,

lamele, lamelele și așchiile puteau fi folosite pentru tăiat și răzuit, iar lama de tip *encoche* – pentru ascuțirea unor obiecte de lemn sau de os.

În ce privește materia primă, majoritatea uneltelor sunt confecționate din silex, care este puternic patinat – atât datorită condițiilor de zacere în solul argilos, cât și expunerii la soare. Cu toate acestea, am considerat că pentru fabricarea pieselor s-a folosit silexul de Prut (Păunescu 1993, 179), deoarece unele dintre piese și-au păstrat culoarea cenușie-negricioasă (fig. 4/2, 4, 10, 13), iar altele au aceeași culoare în spărturile proaspete (fig. 4/1). Un alt argument este și distanța relativ apropiată (30 km) a așezării față de râul Prut. O excepție este reprezentată de o lamă (fig. 3/9), confecționată din materie locală, și anume gresie sarmațiană, care, așa cum am menționat, se găsește în structura dealului.

Încadrarea cronologică exactă a pieselor constituie o problemă, întrucât o parte din obiecte sunt atipice. Însă, judecând după microlitismul pieselor și după prezența a două piese semilunare (fig. 4/4, 7), cunoscute și sub denumirea de vârfuri de tip *La Gravette*, putem atribui situl Gravettianului oriental târziu din Paleoliticul Superior.

Tot pe suprafața acestui teren, pe ambele părți ale dealului, au mai fost identificate și fragmente ceramice. Unul dintre fragmente, de dimensiuni mici, a fost modelat dintr-o pastă fină de culoare cenușie. Din păcate, fragmentul nu este relevant pentru conturarea formei vasului, însă consistența și culoarea lui ne fac să credem că ar fi putut aparține unui recipient specific culturii Sântana de Mureș - Černeahev (sec. III - IV p. Chr.) (Ioniță 1966, 201). Această părere este justificată și de prezența unor fragmente de culoare galbenă, unele negre în interior, din pastă zgrunțuroasă, cu adaos de pietricele și cu urme de lucru la roată. Vase cu această textură și culoare sunt prezente într-o proporție mai mică în cultura sus-menționată (Ioniță 1966, 201). Tot aici au fost găsite două bucăți mici de sticlă, dintre care una este din buza unui recipient. După formă, culoare și grosime, credem că ar fi făcut parte dintr-un pahar asemănător celor găsite în necropolele de la Dănceni (Istoria 2010, 601), Tigheci (Vornic et al. 2019, 191), Mihălășeni (Oanță-Marghitu 2018, 577). Astfel de pahare sunt considerate a fi importuri romane (Ioniță 1966, 201). Tot din import considerăm că provin și câteva fragmente de amfore romane. Fragmentele sunt de la torțile

vaselor (fig. 11/2-4), fapt care nu ne permite să precizăm tipul amforelor. Primul fragment (fig. 11/2) este de la mijlocul torții, suprafața acestuia fiind decorată cu niște nervuri și caneluri longitudinale pe partea exterioară. Celelalte două fragmente sunt de la baza torților, fapt care ne-a permis să estimăm diametrul în această zonă și, cu o probabilitate mai mică, înălțimea gâtului și diametrul gurii. Toate trei fragmentele sunt modelate dintr-o pastă de ciment de culoare galbenă, ce are în compoziție mici particule de culoare roșie și neagră. Un exemplar de amforă romană întreagă a mai fost descoperit pe teritoriul raionului Ungheni, la Petrești, în grădina unui locuitor, aceasta fiind încadrată cronologic în sec. al III-lea. O altă bucată – din gâtul unei amfore – a fost găsită în satul Zagarancea (Roșca 2001, 21-22; Covalenco 2006, 25), iar în Buzduganii de Jos II au fost identificate perieghetic bucăți de amfore, pe care V. Bicbaev le încadrează în perioada antică târzie (Bicbaev 2006, 48).

Pe drumul care desparte aceste două dealuri, la circa 100 m la sud de ele, a fost descoperită o sârmă (fig. 11/1). Analiza chimică, efectuată la spectrometru EDX-900HS, a arătat că obiectul a fost realizat din cupru 100%. Așa cum se poate observa din imagine, sârma este foarte contorsionată, iar la un capăt este ruptă, fapt pentru care nu putem determina cu exactitate ce obiect a fost confecționat din ea. Însă putem menționa că piesa are o secțiune dreptunghiulară, iar capătul întreg este trunchiat oblic. Dat fiind faptul că piesa este confecționată din cupru, este puțin probabil ca ea să aparțină culturii Sântana de Mureș – Černeahev, întrucât în Antichitate se foloseau preponderent aliajele cuprului. Cel mai probabil, obiectul, devenit amorf, provine din epoca eneolitică. Obiecte cu secțiune dreptunghiulară similară – o brățară și un inel pentru gât – au fost descoperite într-un tumul de la Căinari, Republica Moldova, atribuit culturii Suvorovo, contemporană cu faza Cucuteni A 1-3 (Мовша, Чеботаренко 1969, 45-50; Rusu 2020, 411-426).

Cel de-al doilea sit, Teșcureni II se află într-o zonă numită de localnici *În fundoaie* (fig. 1/3). Materialele au fost descoperite cu ocazia lucrărilor agricole de toamnă, în via gospodării lui Mihail Rusu. Altitudinea absolută a locului (47°25'03" N 27°57'32" E) este de 196 m. Chiar dacă cea mai mare aglomerare de obiecte este în via cetățeanului sus-numit, o altă cercetare a

scos la iveală un nucleu de silex, ce se afla la circa 200 m spre est. Datorită faptului că dealul are o înclinație destul de accentuată, cel mai probabil, obiectele s-au putut rostogoli sau au fost duse de apa pluvială mai la vale. Cu toate că obiectele din acest sit sunt mai puține, ele prezintă o varietate mai mare.

Ca și în cazul primului sit, au fost descoperite câteva nuclee (fig. 7/2, 3), unul având suprafețele de percuție relativ dreptunghiulare, iar celălalt – protoprismatice, bazele fiind una triunghiulară, iar cea din urmă – semisferică.

Lamele (fig. 8/4-7) și lamelele (fig. 8/1, 3) se aseamănă din punct de vedere al formei cu cele din situl Teșcureni I; nici acestea nu au beneficiat de o retușare pe margini. Alte piese sunt: un străpungător de mici dimensiuni (fig. 8/2), folosit, cel mai probabil, la găuritul pieilor sau a obiectelor din lemn sau din os, și un raclor (fig. 8/8), lucrat pe o așchie și folosit, de asemenea, la prelucratul pieilor sau a lemnului (Păunescu 1970, 95).

Cea mai reprezentativă piesă este un vârf de săgeată (fig. 7/1). Acesta reprezintă un bifacial triunghiular, a cărui bază nu este caracteristică altor vârfuri de săgeată din Paleoliticul Superior. Totuși, cele mai apropiate analogii ale acestei piese, după formă, nu și după grosime, le identificăm pe teritoriul Republicii Moldova, în așezarea de la Gordinești, încadrată în cultura Prut, numită și Gordinești, și la Bobulești (Chirica, Borzic, Chetaru 1996, fig. 4/1; 5/5; 43/5, Борзияк 1984, рис. 11/1), iar pe teritoriul României – în nivelul gravetian II b din așezarea de la Ripiceni-Izvor (Păunescu 1993, 170, fig. 104/30; Păunescu 1999, 258, 84/30), situri aparținând Paleoliticului Superior.

În ceea ce privește materialul din care au fost fabricate piesele, considerăm că a fost folosit același silex de Prut, iar referitor la încadrarea cronologică, presupunem că este vorba de Gravettian Oriental final. Chiar dacă între aceste două așezări este o distanță mică (2-3 km în linie dreaptă), în lipsa unor dovezi concludente, nu putem să identificăm dacă așezările au fost contemporane.

Ultima așezare, Teșcureni III, se află în apropiere de izvorul pârâului Flămânda, pe un deal numit *În hârtop* (47°25'06" N 27°56'29" E), cu o altitudine de 148 m, semănat anual cu culturi agricole.

Cea mai mare densitate de materiale a fost identificată în ogrorul ce aparține localnicului Fănică Negară. Majoritatea pieselor nu sunt întregi; se remarcă o mare cantitate de așchii și deșeuri de debitaj. La fel ca și în celelalte situri, obiectele nu sunt retușate. A putut fi identificat un număr mare de lame (fig. 9/1-7, 9, 10; 10/1-3, 5, 6). O altă categorie o constituie gratoarele, lucrate atât pe lame, cât și pe așchii (fig. 9/8; 10/4, 8). Considerăm că atât gratoarul din figura 10/8, cât și lama (fig. 10/7) sunt de tradiție musteriană. Pe suprafața terenului au mai fost colectate și bucăți de bulgări de silex, de diferite forme, și un nucleu în stare amorfă (fig. 10/9).

Astfel, plecând de la rezultatele cercetărilor de teren, constatăm că așezările paleolitice din preajma satului Teșcureni au fost de tip deschis. Cantitatea de materiale și deșeuri arată că, cel mai probabil, aici au funcționat niște ateliere de prelucrare a uneltelor, mai ales că și sursa de aprovizionare cu silex se află într-o relativă apropiere. Cele mai apropiate așezări care pot fi atribuite Paleoliticului superior, de pe teritoriul raionului Ungheni, se află în Grozasca și Rezina VII, însă autorul descoperirilor este sceptic în ce privește încadrarea lor cronologică și culturală (Bicbaev 2006, 41-51). Așezări din Paleoliticul mijlociu, aparținând culturii musteriene, sunt cunoscute la Sculeni, Gherman și Mânzâteștii Vechi (Covallenco 2006, 29-31).

În ceea ce privește materialele aparținând culturii Sântana de Mureș – Černeahov, credem că ele ar fi putut face parte din inventarul unui mormânt izolat, mai ales că în relativa apropiere a acestui loc există alte două situri, în care a fost identificată o mare cantitate de ceramică, lut și alte materiale, care vor face subiectul unui alt articol.

Mulțumiri. Dorim să mulțumim, și pe această cale, dl. conf. univ. Mircea Ignat pentru ajutorul oferit la încadrarea culturală a fragmentelor de amfore, dl. lect. univ. dr. Sorin Ignătescu pentru unele materiale bibliografice și pentru ajutor la reconstituirea grafică a vaselor, dl. conf. univ. dr. Mircea Oroianu pentru accesul la spectrometrul pentru efectuarea analizei chimice a sârmei, dl. director al Muzeului de Istorie și Etnografie, Ungheni, Vasile Iucal pentru accesul la revista muzeului – *Pyretus*, precum și Mihaelei Rusu și Doinei Munteanu pentru că ne-au însoțit în unele cercetări de teren.

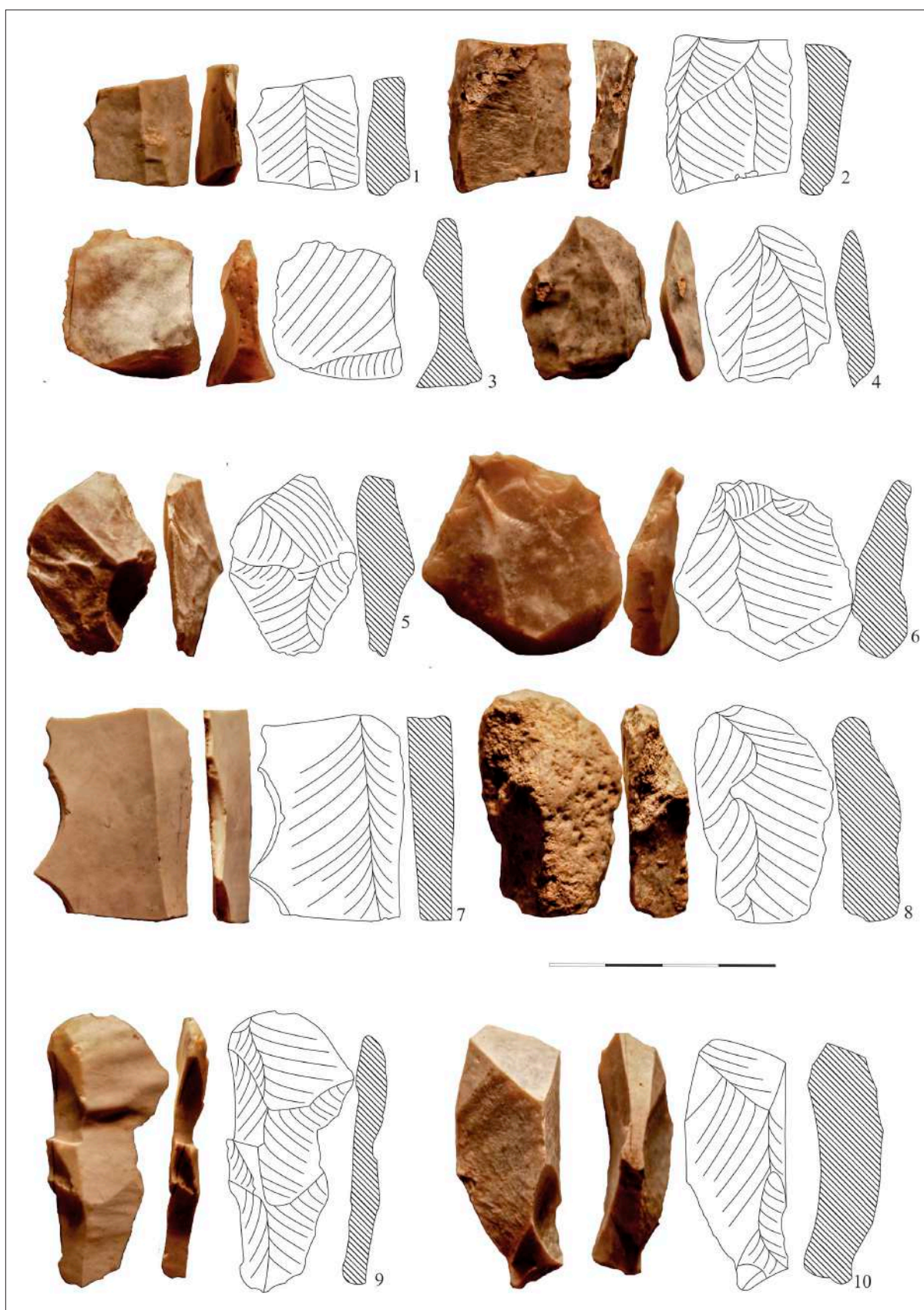

Fig. 2. Piese de silex din situl Teșcureni I: 1-4, 7-9 - lame neretușate; 5, 6 - așchii; 10 - lamă cu creastă.

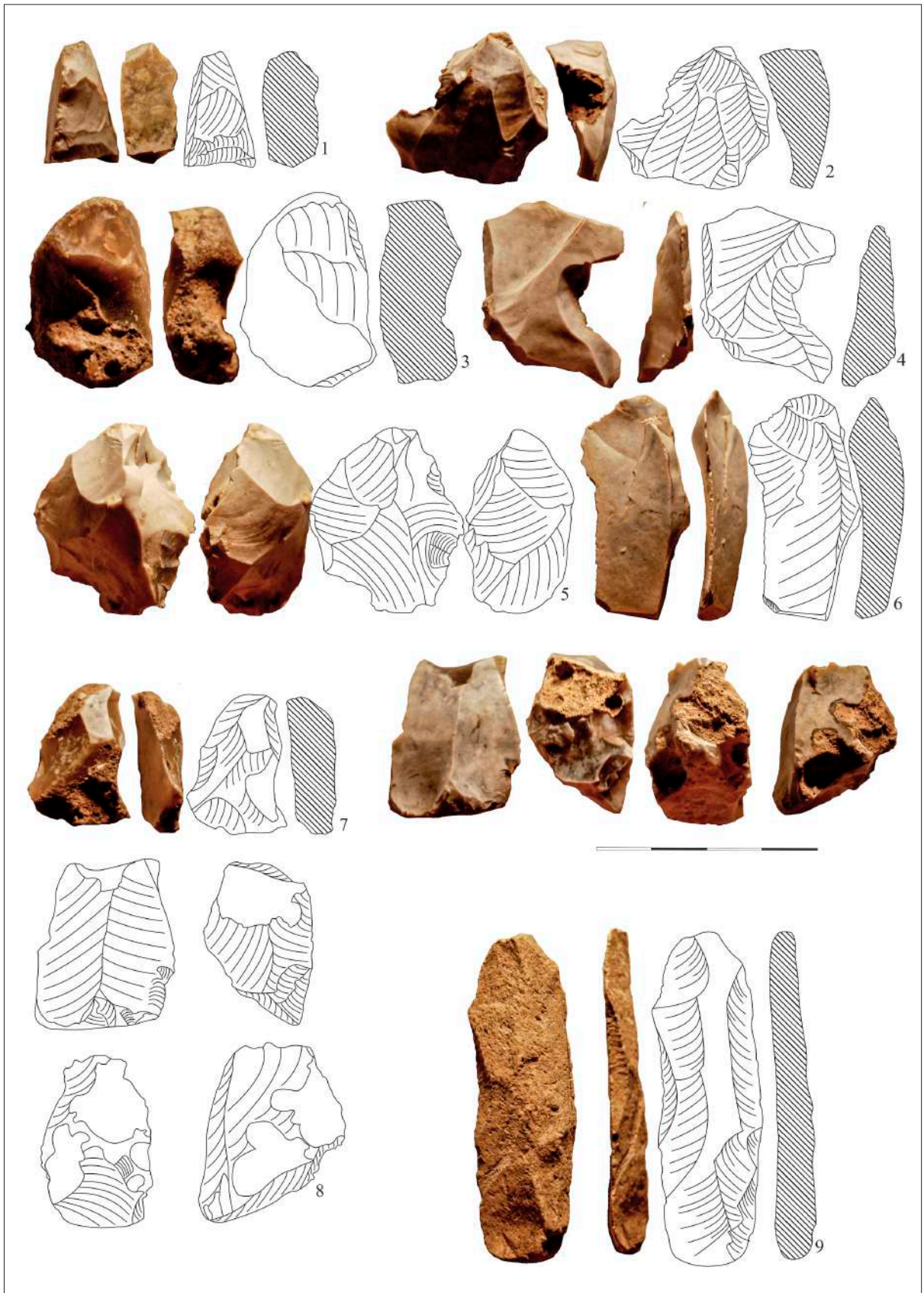

Fig. 3. Piese de silex (1-8) și gresie sarmațiană (9) din situl Teșcureni I: 1, 2, 5, 8 nuclee; 3, 6 - lame neretușate; 7 - deșeu de debitaj; 9 - lamă de tip *encoches*.

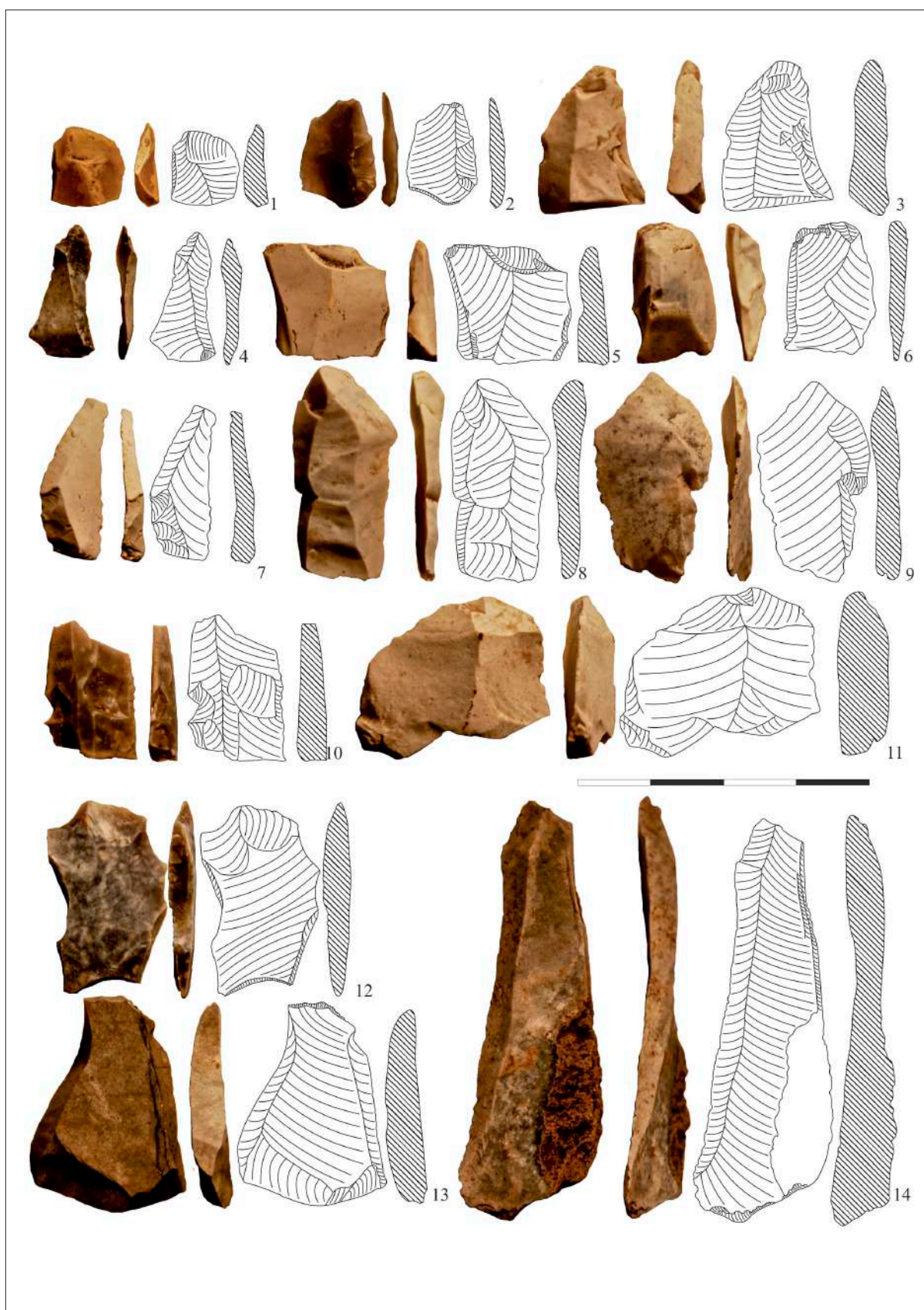

Fig. 4. Piese de silex din situl Teșcureni I: 1, 2 - lame neretușate; 3, 5, 6, 8-14 - lame neretușate; 4, 7 - vârfuri de tip *La Gravette*.

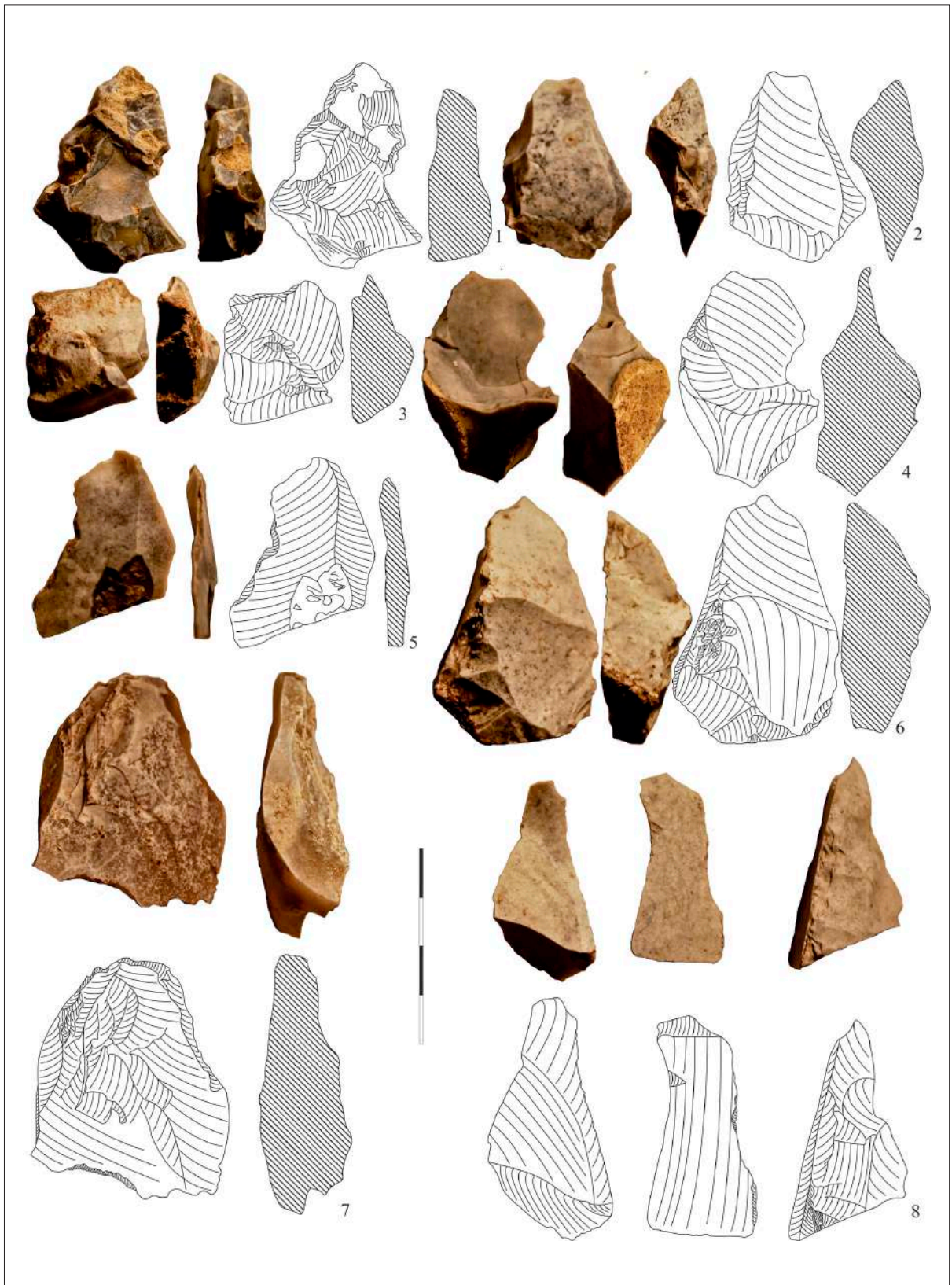

Fig. 5. Piese de silex din situl Teșcureni I: 1-4 - deșeuri de debitaj; 5-7 - lame neretușate; 8 - nucleu.

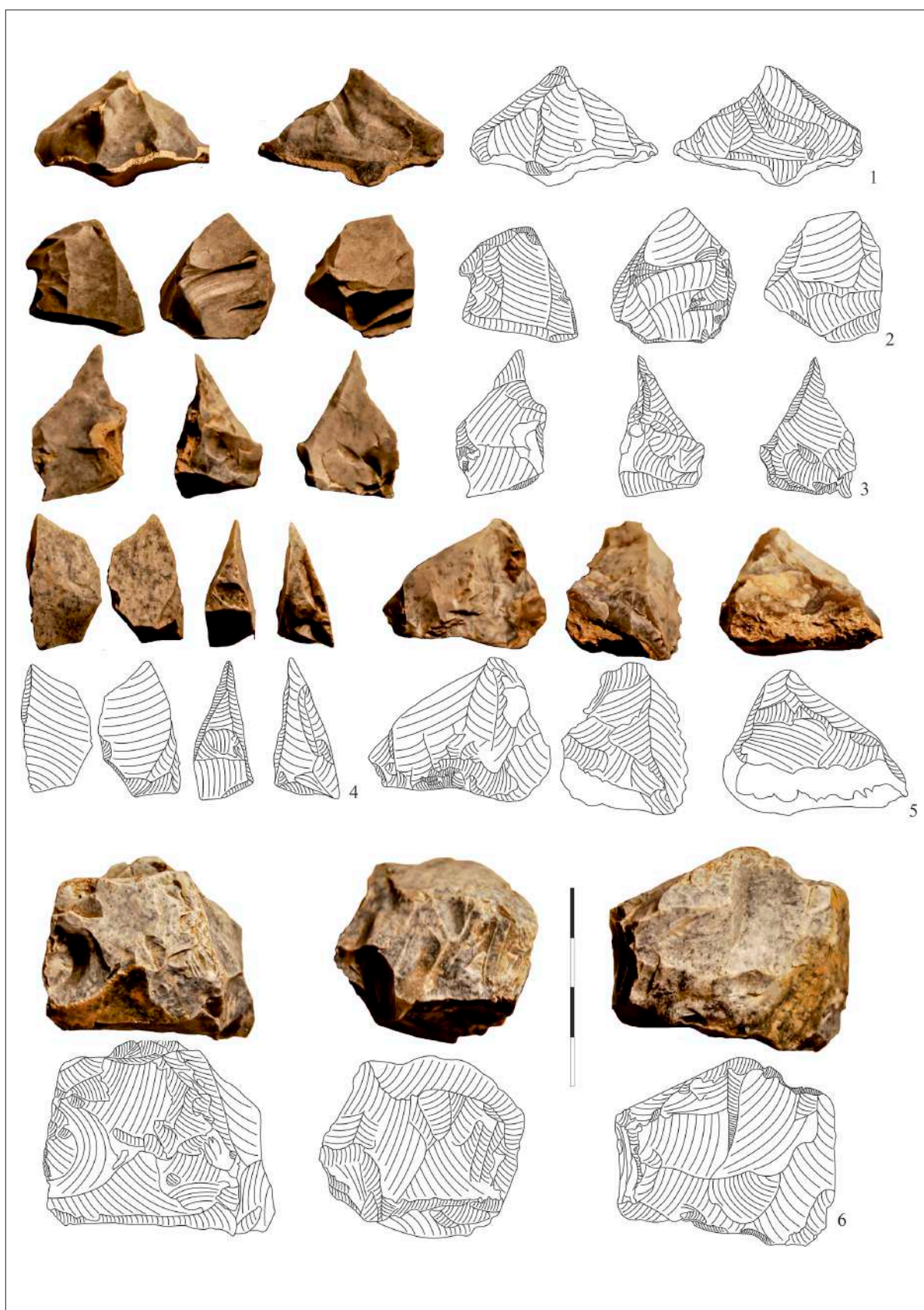

Fig. 6. Piese de silex din situl Teșcureni I: 1-3, 5, 6 - nuclee; 4 - deșeu de debitaj.

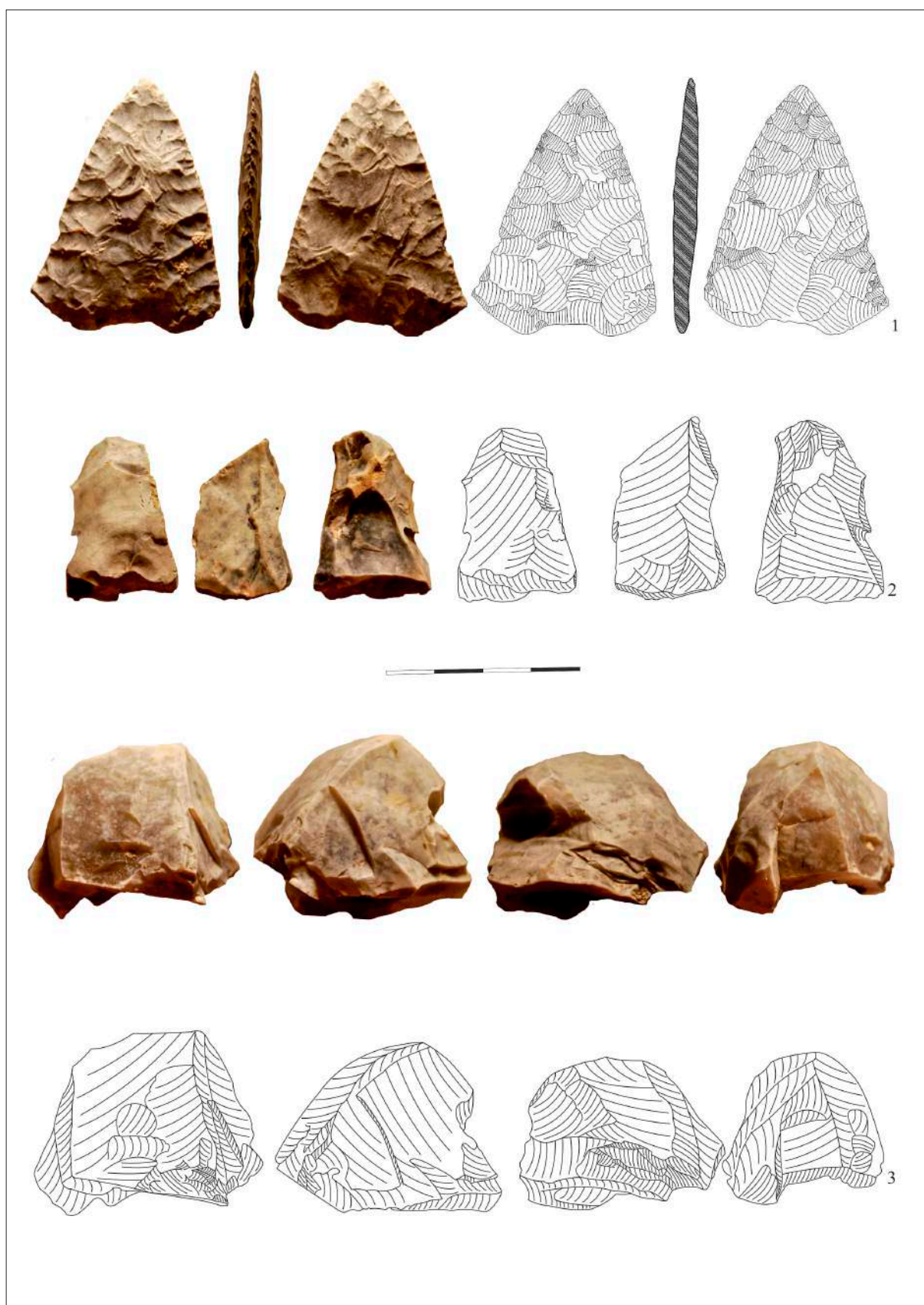

Fig. 7. Piese de silex din situl Teșcureni II: 1 - vârf de săgeată; 2, 3 - nuclee.

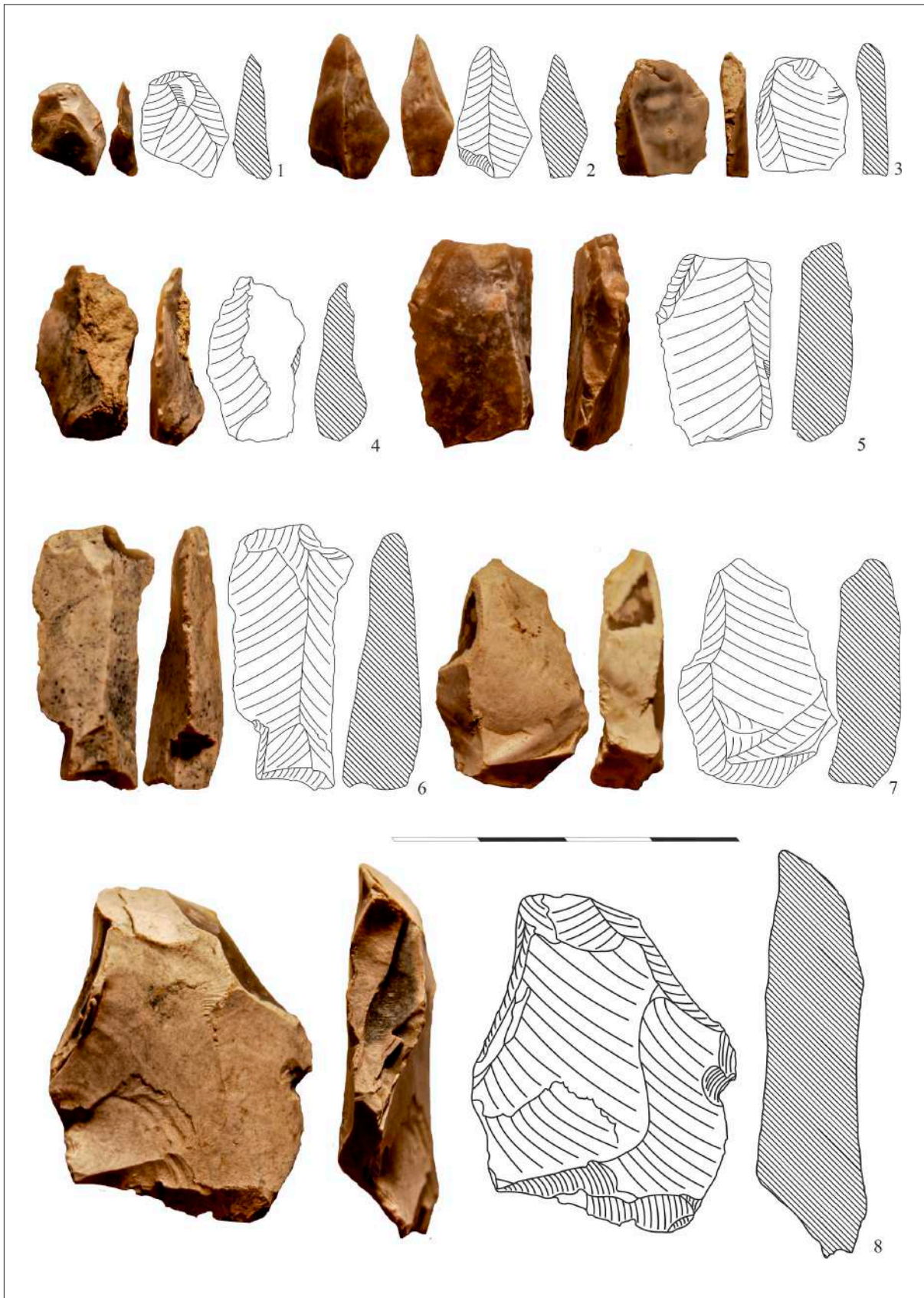

Fig. 8. Piese de silex din situl Teșcureni II: 1, 3 - lamele neretușate; 2 - străpungător; 4-7 - lame neretușate; 8 - raclor.

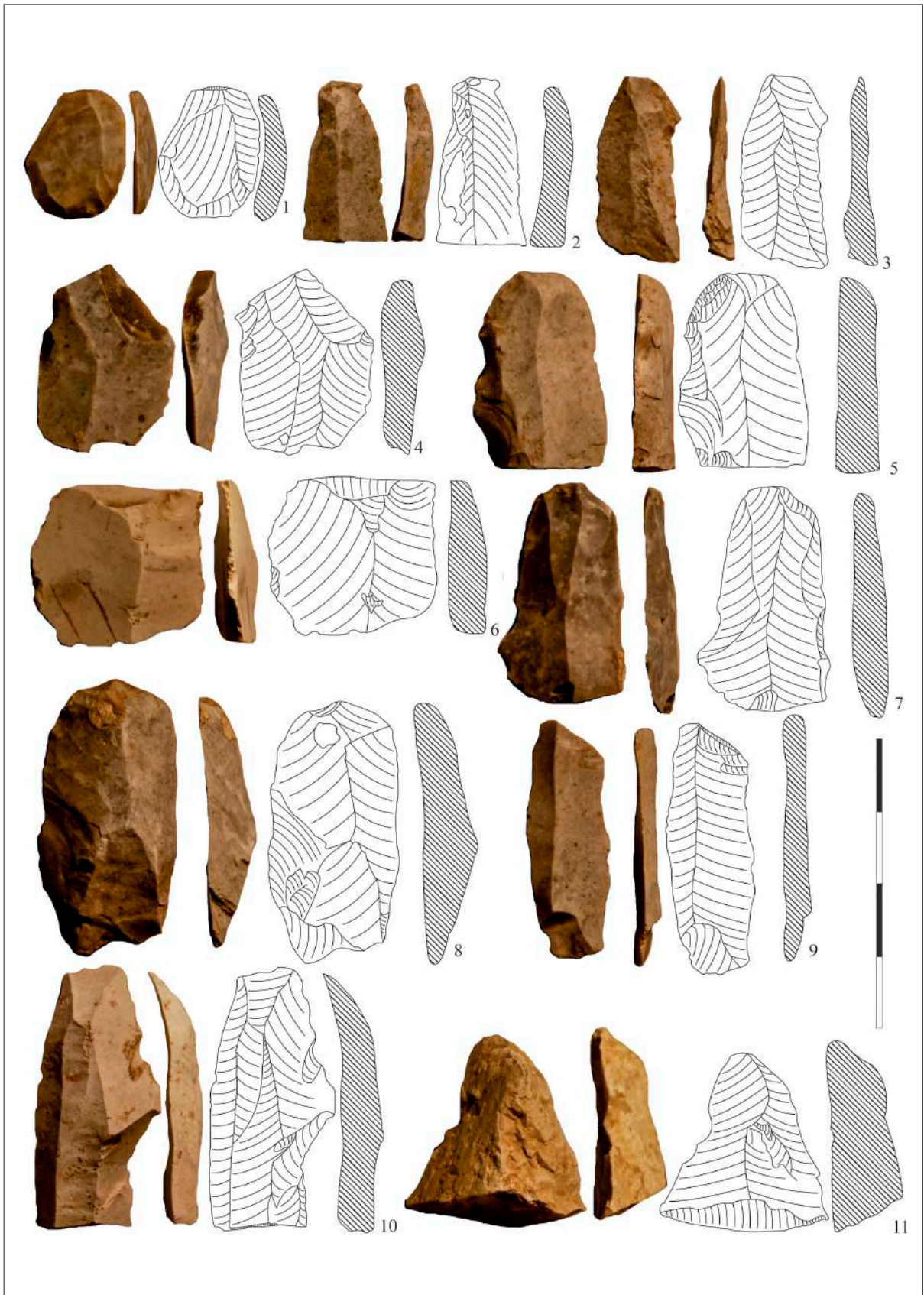

Fig. 9. Piese de silex (1-10) și piatră (11) din situl Teșcureni III: 1-7, 9, 10 - lame neretușate; 11 - lamă cu creastă; 8 - gratoar pe lamă.

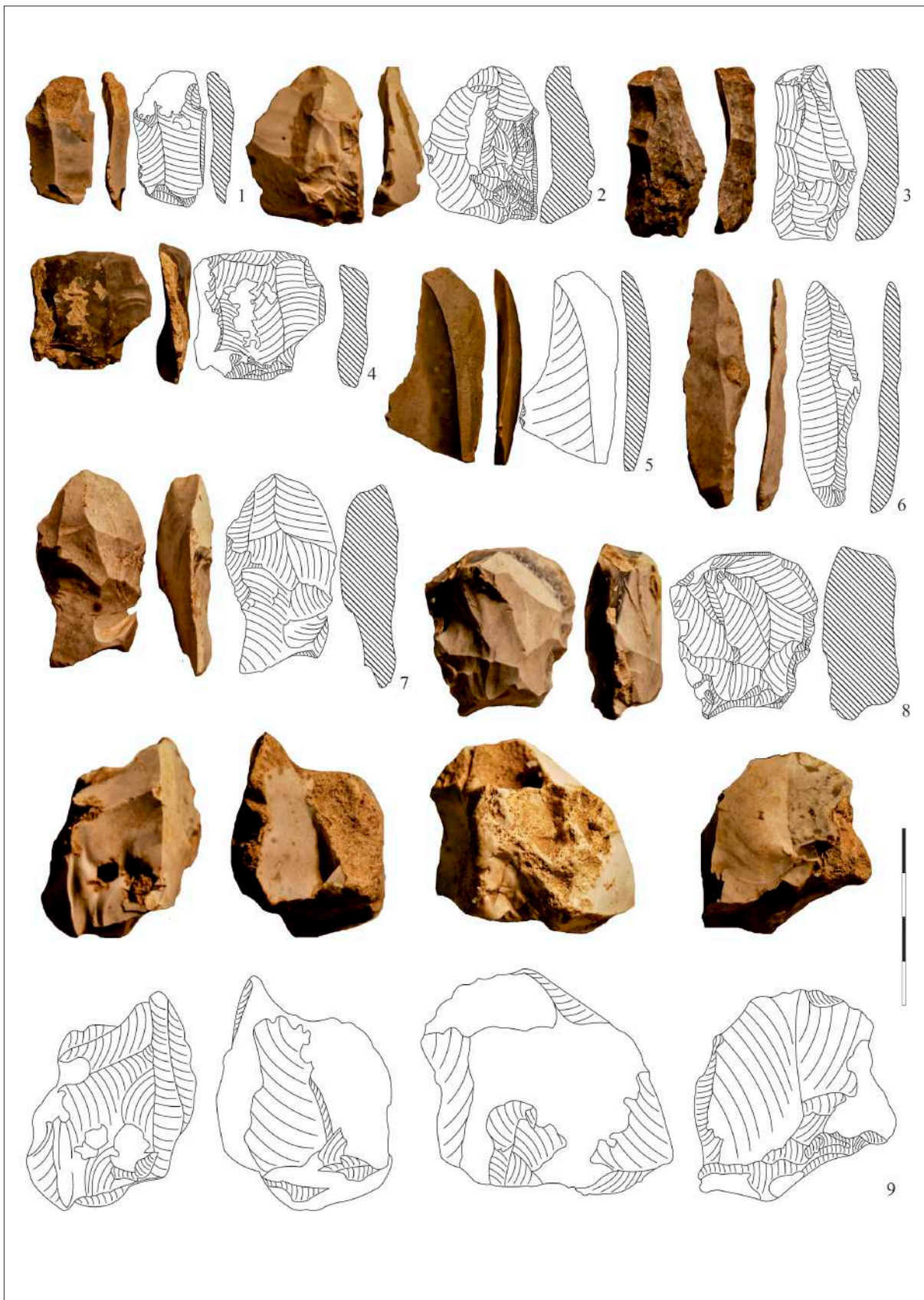

Fig. 10. Piese de silex din situl Teșcureni III: 1-3, 5-7 - lame neretușate; 4 - gratoar pe lama; 8 - gratoar pe așchie; 9 - nucleu.

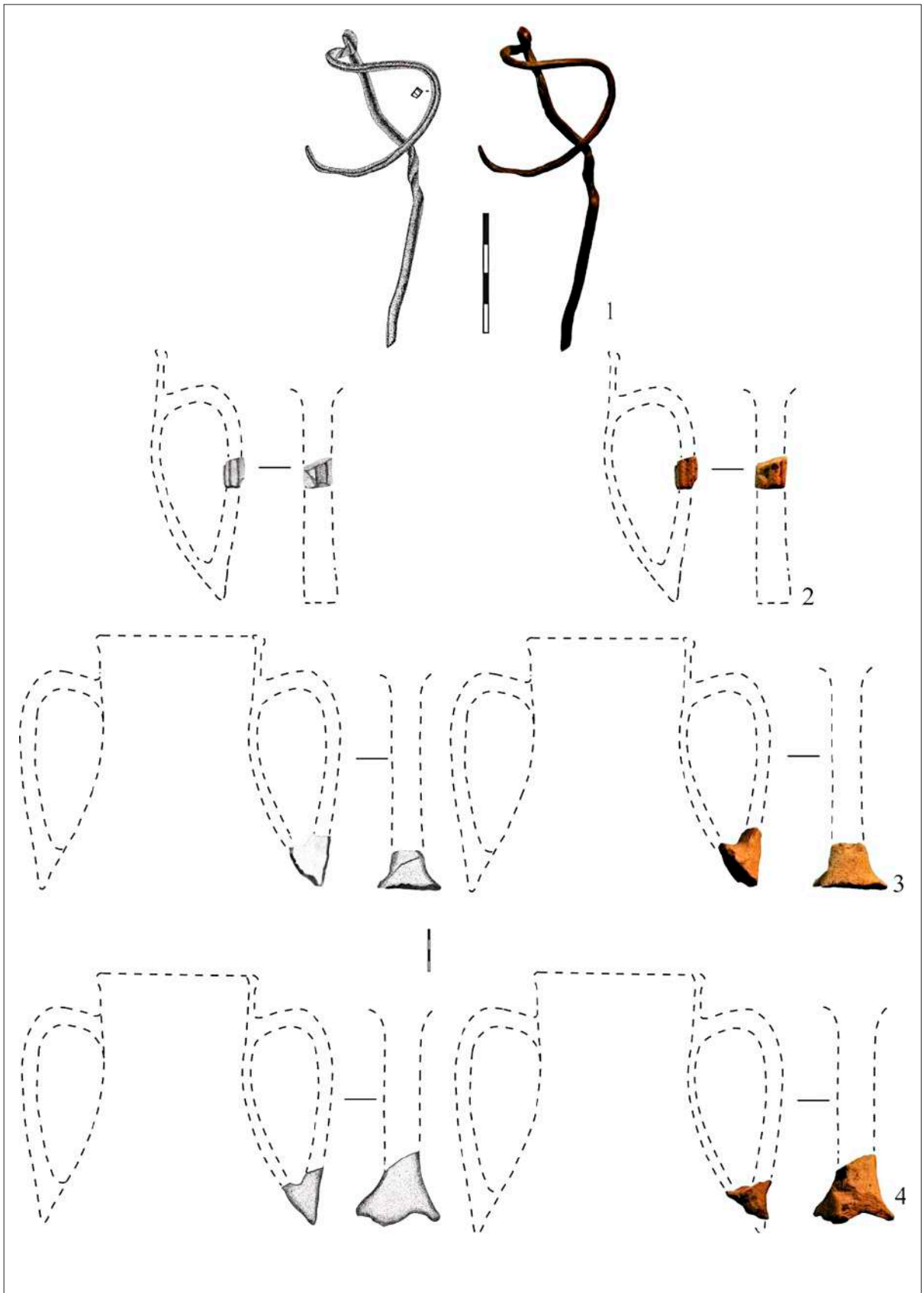

Fig. 11. Sârmă de cupru (1) și reconstituirea amforelor romane (2-4) din situl Teșcureni I.

Bibliografie

- Bicbaev 2006:** V. Bicbaev, Contribuții la constituirea repertoriului arheologic al raionului Ungheni. In: Pyretus, Ungheni, 2006, 41-51.
- Boboc 2009:** N. Boboc, Probleme de regionalizare fizico-geografică a teritoriului Republicii Moldova. In: Buletinul Academiei de Științe a Moldovei. Științele vieții, nr. 1 (307) (Chișinău 2009), 163-165.
- Boboc et al. 2012:** N. Boboc, Iu. Dejan, T. Castraveț, V. Muntean, P. Țițu, Metode de analiză a peisajelor din Câmpia Prutului Mijlociu. In: Buletinul Academiei de Științe a Moldovei. Științele vieții, nr. 2 (317) (Chișinău 2012), 167-185.
- Chirica, Borziac, Chetragu 1996:** V. Chirica, I. Borziac, N. Chetragu, Gisements du Paleolitic superior ancient entre le Dniestre et la Tissa (Iași: Ed. Helios 1996).
- Covalenco 2006:** S. Covalenco, Repertoriul arheologic al raionului Ungheni. In: Pyretus, Ungheni, 2006, 5-41.
- Haheu, Bicbaev 1998:** V. Haheu, V. Bicbaev, Akinakes-ul din r-nul Ungheni. Revista Arheologică 2, 1998, 160-162.
- Ioniță 1966:** I. Ioniță, Contribuții cu privire la cultura Sântana de Mureș – Cerneahov pe teritoriul Republicii Socialiste România. ArhMold IV, 1966, 189-219.
- Istoria 2010:** Istoria Moldovei. Epoca preistorică și antică (până în sec. V) (Chișinău: Academia de Științe a Moldovei 2010).
- Oanță-Marghitu 2018:** R. Oanță-Marghitu (coord.), Aurul și argintul antic al României (Râmnicu Vâlcea: Ed. Conphys 2018).
- Păunescu 1970:** Al. Păunescu, Evoluția uneltelor și armelor de piatră cioplită, descoperite pe teritoriul României (București: Ed. Academiei Republicii Socialiste România 1970).
- Păunescu 1993:** Al. Păunescu, Ripiceni-Izvor. Paleolitic și Mezolitic. Studiu monografic (București: Ed. Academiei Române 1993).
- Păunescu 1999:** Al. Păunescu, Paleoliticul și mezoliticul de pe teritoriul Moldovei cuprins între Siret și Prut (București: Ed. Satya Sai 1999).
- Roșca 2001:** A. Roșca Aida, O amforă romană la Petrești. In: Pyretus, Ungheni, 2001, 21-22.
- Rusu 2020:** I. Rusu Irina, O nouă categorie de podoaabe din mediul Cucuteni-Tripolie: inele pentru gât. In: Eternitatea arheologiei. Studii în onoarea profesorului Dumitru Boghian la a 65-a aniversare (Cluj-Napoca: Ed. Mega 2020), 411-426.
- Vornic et al. 2019:** Vl. Vornic, I. Ciobanu, S. Popovici, A. Simalcsik, Cercetări de salvare în necropola de tip Sântana de Mureș – Cerneahov de la Tigheci. Campania 2017. In: Arheologia preventivă în Republica Moldova, IV (Chișinău 2019), 183-197.
- Борзияк 1984:** И. Борзияк, Верхне-палеолитическая стоянка Гордишесты I в Попрутье (Кишинев: Штиинца 1984).
- Мовша, Чеботаренко 1969:** Т. Мовша, Г. Чеботаренко, Энеолитическое курганное погребение у ст. Кайнары в Молдавии. В: Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института археологии (Москва 1969), 45-50.

Paleolithic sites on the territory of Teșcureni village, Ungheni District

Keywords: Upper Paleolithic, Gravettian, Eneolithic, Sântana de Mureș-Ćerneahov culture, Roman amphorae.

Abstract: This article presents the results of field research conducted by the author of the article, which ended up in the identification of three Paleolithic sites, one of them being multilayered. The settlements *Teșcureni II* and *Teșcureni III*, according to the typology of the identified materials can be attributed to the Upper Paleolithic, Late Gravettian. In the *Teșcureni I* settlement, in addition to the tools specific to the Gravettian, fragments of pottery belonging to Roman amphorae and vessels characteristic of the Sântana de Mureș-Ćerneahov culture were also identified. In addition, a copper wire was identified on the road separating the site, which can, most likely, be assigned to the Eneolithic. The importance of these sites is also outlined by the fact that, so far, on the territory of Ungheni district, they are the only ones that can be certainly included in the Late Upper Paleolithic.

List of illustrations:

Fig. 1. Topographic position (1) and photographic representation of the settlements Teșcureni I (2), Teșcureni II (3) and Teșcureni III (4).

Fig. 2. Flint pieces from the site Teșcureni I: 1-4, 7-9 - unretouched blades; 5, 6 - flakes; 10 - ridge blade.

Fig. 3. Pieces of flint (1-8) and Sarmatian sandstone (9) from the site Teșcureni I: 1, 2, 5, 8 - cores; 3, 6 - unretouched blades; 7 - waste flakes; 9 - notched blade.

- Fig. 4. Flint pieces from the site Teșcurenii I: 1, 2 - unretouched bladelets; 3, 5, 6, 8-14 - unretouched blades; 4, 7 - Gravette points.
- Fig. 5. Flint pieces from the site Teșcurenii I: 1-4 - waste flakes; 5-7 - unretouched blades; 8 - core.
- Fig. 6. Flint pieces from the site Teșcurenii I: 1-3, 5-6 - cores; 4 - waste flakes.
- Fig. 7. Flint pieces from the site Teșcurenii II: 1 - arrowhead; 2, 3 - cores.
- Fig. 8. Flint pieces from the site Teșcurenii II: 1, 3 - unretouched bladelets; 2 - piercing tool; 4-7 - unretouched blades; 8 - scraper.
- Fig. 9. Flint pieces (1-10) and stone (11) from the site Teșcurenii III: 1-7, 9 - unretouched blades; 11 - ridge blade; 8 - scraper on blade.
- Fig. 10. Flint pieces from the site Teșcurenii III: 1-3, 5-7 - unretouched blades; 4 - scraper on blade; 8 - scraper on flake; 9 - core.
- Fig. 11. Copper wire (1) and reconstruction of roman amphorae (2-4) from the site Teșcurenii I.

Палеолитические памятники на территории села Тешкурень Унгенского района

Ключевые слова: верхний палеолит, граветт, культура Сынтана-де-Муреш-Черняхов, римские амфоры.

Резюме: В статье представлены результаты проведенных автором полевых исследований, в результате которых были выявлены три палеолитических памятника, один из которых многослойный. Поселения *Тешкурень II* и *Тешкурень III* по типологии обнаруженных материалов можно отнести к верхнему палеолиту, финальному граветту. На поселении *Тешкурень I*, помимо орудий, характерных для граветта, были обнаружены фрагменты керамики, принадлежащие римским амфорам и сосудам, характерным для культуры Сынтана-де-Муреш-Черняхов. Кроме того, на дороге, разделяющей памятник, была обнаружена медная проволока, скорее всего, относящаяся к эпохе энеолита. Важность этих памятников заключается и в том, что из найденных до сих пор на территории Унгенского района только они достоверно относятся к финальному верхнему палеолиту.

Список иллюстраций:

- Рис. 1. Топографическое положение (1) и фотоизображение поселений Тешкурень I (2), Тешкурень II (3) и Тешкурень III (4).
- Рис. 2. Кремневые предметы с памятника Тешкурень I: 1-4, 7-9 - неретушированные пластины; 5, 6 - отщепы; 10 - реберчатая пластина.
- Рис. 3. Предметы из кремня (1-8) и сарматского песчаника (9) с памятника Тешкурень I: 1, 2, 5, 8 нуклеусы; 3, 6 - неретушированные пластины; 7 - отходы производства; 9 - выемчатая пластина.
- Рис. 4. Кремневые предметы с памятника Тешкурень I: 1, 2 - неретушированные пластиночки; 3, 5, 6, 8-14 - неретушированные пластины; 4, 7 - острия типа граветт.
- Рис. 5. Кремневые предметы с памятника Тешкурень I: 1-4 - отходы производства; 5-7 - неретушированные пластины; 8 - нуклеус.
- Рис. 6. Кремневые предметы с памятника Тешкурень I: 1-3, 5, 6 - нуклеусы; 4 - отходы производства.
- Рис. 7. Кремневые предметы с памятника Тешкурень II: 1 - наконечник стрелы; 2, 3 - нуклеусы.
- Рис. 8. Кремневые предметы с памятника Тешкурень II: 1, 3 - неретушированные пластиночки; 2 - проколка; 4-7 - неретушированные пластины; 8 - скребло.
- Рис. 9. Предметы из кремня (1-10) и камня (11) с памятника Тешкурень III: 1-7, 9, 10 - неретушированные пластины; 11 - реберчатая пластина; 8 - скребок на пластине.
- Рис. 10. Кремневые предметы с памятника Тешкурень III: 1-3, 5-7 - неретушированные пластины; 4 - скребок на пластине; 8 - скребок на отщепе; 9 - нуклеус.
- Рис. 11. Медная проволока (1) и реконструкция римских амфор (2-4) с памятника Тешкурень I.

15.05.2021

Irina Rusu, Universitatea „Ștefan cel Mare”, str. Universității, 13, Suceava, România, <https://orcid.org/0000-0003-3381-8514>, e-mail: irinarusu.1998moon@gmail.com

---

ВЕРОЛЮБОВКА – МАСТЕРСКАЯ ПО РАСЩЕПЛЕНИЮ ХАЛЦЕДОНА И КРЕМНЯ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ДОНБАССЕ

Александр Колесник, Никита Манько

Ключевые слова: Донбасс, мастерская по расщеплению халцедона, неолит, Донецкий центр кремнеобработки в каменном веке.

Введение

В неолитическое время в пределах Большого Донбасса окончательно формируется крупный европейский центр по добыче и переработке каменного сырья (Колесник 2017). В подавляющем большинстве случаев для производства каменных орудий труда служил кремь, преимущественно происходящий из отложений туронского яруса верхнего мела (Манько 2019). Использовался также кварцит бучакского яруса палеогена (сливной песчаник), локальные обнажения которого отмечены в пределах Северо-Западного Донбасса и в низовьях р. Калитва в месте впадения в р. Северский Донец (Матюхин 1996). В единичных случаях раскалывались яшмовидные породы, халцедонов.

Халцедон как минерал представляет собой скрытокристаллическую тонковолокнистую разновидность кварца, в основе структуры которого лежат кристаллы α -кварца. Имеет осадочное или биогенное происхождение – оседает в пустотах магматических пород, жил, либо же в виде псевдоморфозы по древесине при низкотемпературных гидротермических процессах (Геологический словарь 1973, 397). Вместе с тем механизм роста халцедона и особенности его кристаллической структуры на сегодняшний день до конца не выяснены и являются предметом дискуссий (Барсанов, Плюснина, Яковлева 1979; Heaney 1993). Натуральная форма – почковидная, гроздевидная и сфероидная. Залегает в форме пластов и прожилок. Цветовая гамма минерала характеризуется непрозрачностью, матовым либо восковым блеском и варьируется множеством оттенков белого, серого, желтого, зелё-

ного, красного, голубоватого и иных цветов, вариативность которых также способствует определению разновидностей халцедона. Твёрдость по шкале Мооса оценивается в 6,5-7,0 баллов. В зависимости от набора морфологических признаков в научной литературе под определением халцедона могут фигурировать различные его разновидности.

В Донбассе белый и светло-серый дымчатый полупрозрачный халцедон встречается во вторичном залегании на коре выветривания третичных пород. Отмечена халцедоновая контаминация органики в древесине каменноугольного генезиса и образование окаменелого дерева. В окрестностях с. Веролобовка встречаются также относительно крупные блоки с ноздреватой коричневой коркой и их фрагменты. Многочисленны мелкие оскольчатые формы, возникшие в результате ячеистого растрескивания и распада по скрытым температурным трещинам.

Материалы

В 1962 г. преподавателем Донецкого государственного пединститута Д.С. Цвейбель была открыта единственная в Донбассе мастерская на халцедоновом сырье (Цвейбель 1962). Мастерская локализуется в окрестностях с. Веролобовка Константиновского района Донецкой области (рис. 1/1). К северо-западу от села возвышается холм, на поверхности которого встречаются россыпи халцедонового сырья (рис. 1/2). Халцедон полупрозрачный, белесого дымчатого цвета, трещиноватый, с кальцитовыми включениями. Пластические свойства этого сырья невысокие, однако в древности делись попытки расщеплять этот материал с производственными целями. В 1962-1963 гг. на поверхности собрана относительно небольшая коллекция расщепленных халцедонов и кремней. Материалы

1

2

Рис. 1. Веролобовка. 1 - Карта; 2 - внешний вид памятника (фото из архива Д.С. Цвейбель).

залегают на размытой поверхности на ограниченном участке пространства и, скорее всего, являются остатками небольшого археологического объекта. Повторный осмотр данного памятника А.В. Колесником в 1986 г. добавил в коллекцию всего 12 халцедоновых сколов.

В качестве сырья использовались крупные куски и небольшие плоские конкреции халцедона небольших размеров. Образец такого сырья – конкреция плитчатой формы размером 15,7×13,0×5,6 см. Она имеет достаточно толстую (до 1,5 см) коричневую корку и халцедоновую сердцевину толщиной до 2,3 см. Сам халцедон непрозрачный, имеет светло-серый оттенок и неравномерное наслоение, выражающееся в многочисленных заломах (рис. 2/1).

Как известно, при расщеплении халцедона образуется плоско-раковистая поверхность и сколы с достаточно острыми краями (Семенов 1957, 46). Отсутствие выраженной раковистости существенно затрудняет диагностику искусственных сколов при наличии большого количества естественных обломков и чешуек десквамации с выпуклой слабо-рельефной поверхностью¹. В 1962-1963 гг. среди множе-

1

2

Рис. 2. Веролобовка. 1 - Халцедоновая конкреция; 2 - кварцитовый отбойник (фото В. Лемянского).

ства мелких обломков халцедона на поверхности памятника собрана небольшая коллекция расщепленных халцедонов и кремней с бесспорными признаками использования техники скола. Найдены также кремневые изделия и кварцитовый отбойник (табл. 1). Коллекция дополнена в 1986 г.

В собранной коллекции выделяются фрагмент отбойника из округлой кварцитовой гальки (рис. 2/2), две халцедоновые небольшие овальные заготовки с двусторонней оббивкой (рис. 3/1-2), острие размером 6,1×4,7×2,8 см (рис. 3/3), дисковидная овальная заготовка

¹ В ходе эксперимента по расщеплению кусков халцедона из данного месторождения установлено, что более 80% сколов не имеют следов, которые уверенно можно связывать с искусственной обработкой. Часто образовывались плитчатые отщепы и осколки без выраженных ударных бугорков на вентральной стороне, со ступенчатыми заломами или ровной поверхностью; возможно, это было связано с использованием трещиноватого сырья, длительное время залегающего на поверхности и пронизанного «залеченными» трещинами натяжения. Опытным путем определялись участки без внутренних трещин, доступные для системного раскалывания.

Таблица 1

Веролобовка. Состав коллекции каменных изделий

№	Тип изделия / материал	1962-1963	1986	Всего
1	Отбойник кварцитовый	1		1
2	Сколы халцедоновые	19	12	31
3	Дисковидное изделие халцедоновое	1		1
4	Острие халцедоновое	1		1
5	Заготовки тесел халцедоновые	2		2
6	Сколы кремневые	7		7
7	Заготовка нуклеуса кремневая	1		1
8	Скребок кремневый	1		1
Всего		33	12	45

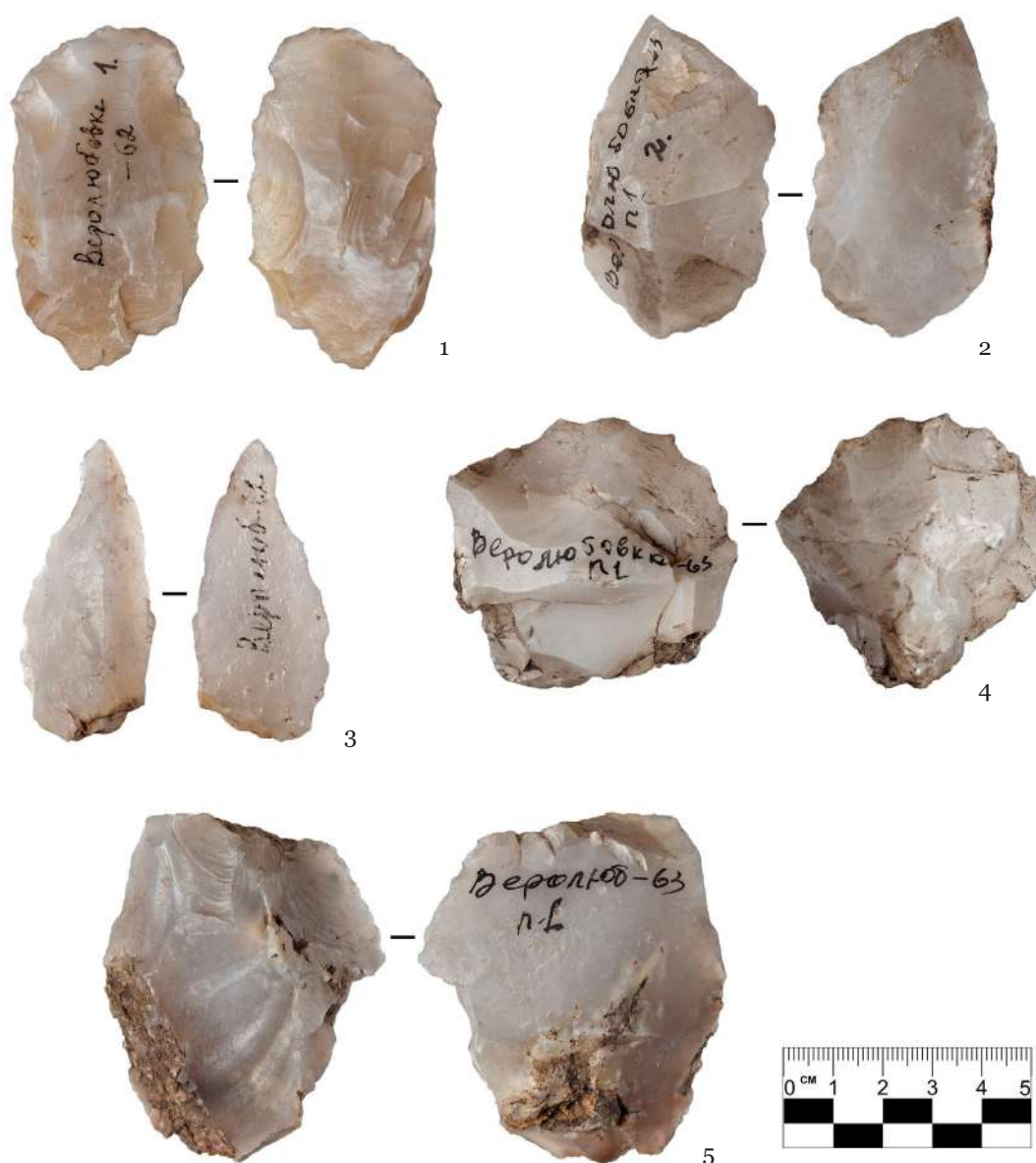

Рис. 3. Веролобовка. Халцедоновые изделия: 1, 2 - заготовки бифасиальных овальных орудий; 3 - острие; 4 - дисковидная овальная заготовка; 5 - массивный отщеп (фото В. Лемянского).

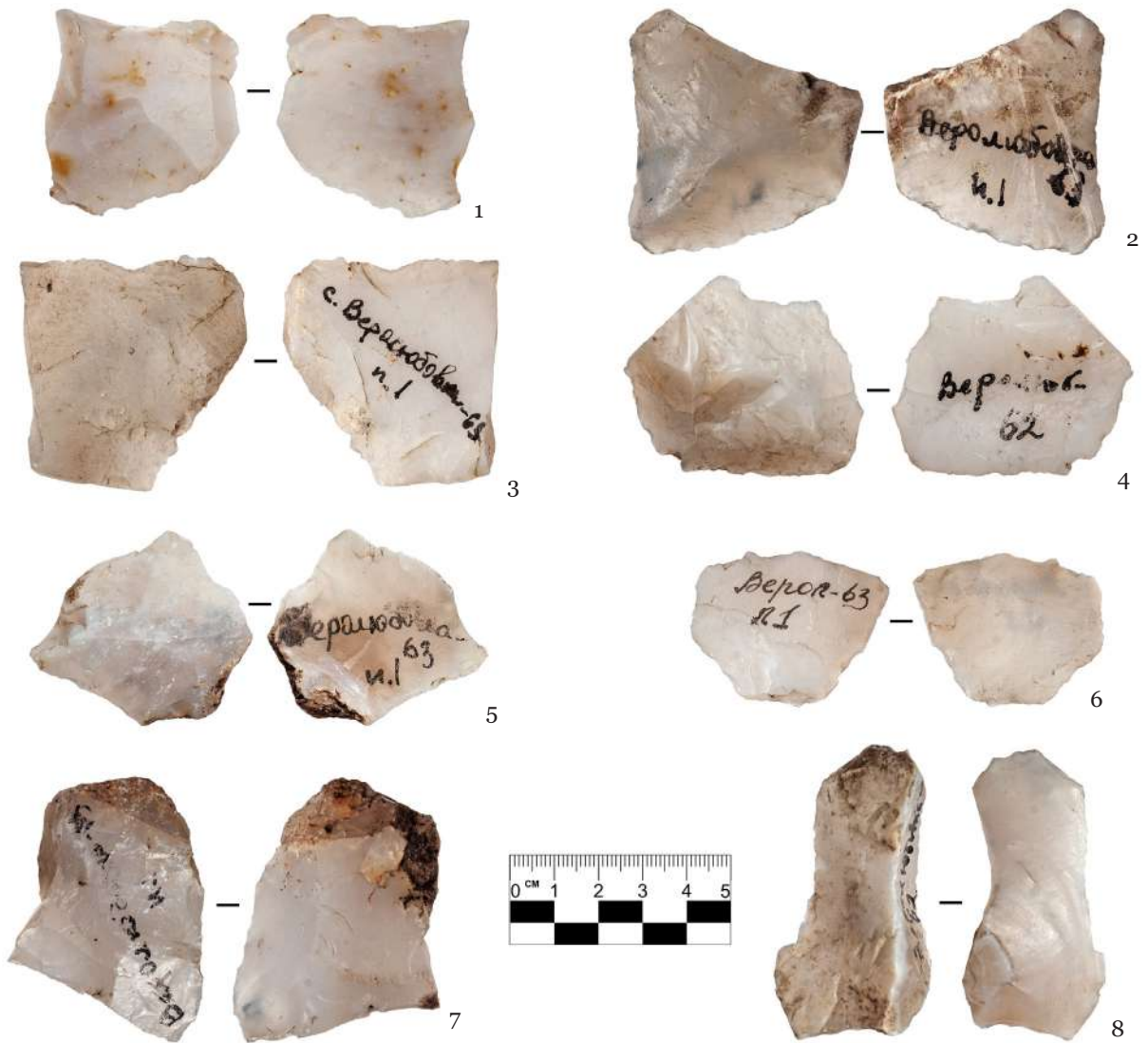

Рис. 4. Веролобовка. 1-8 - Халцедоновые сколы (фото В. Лемянского).

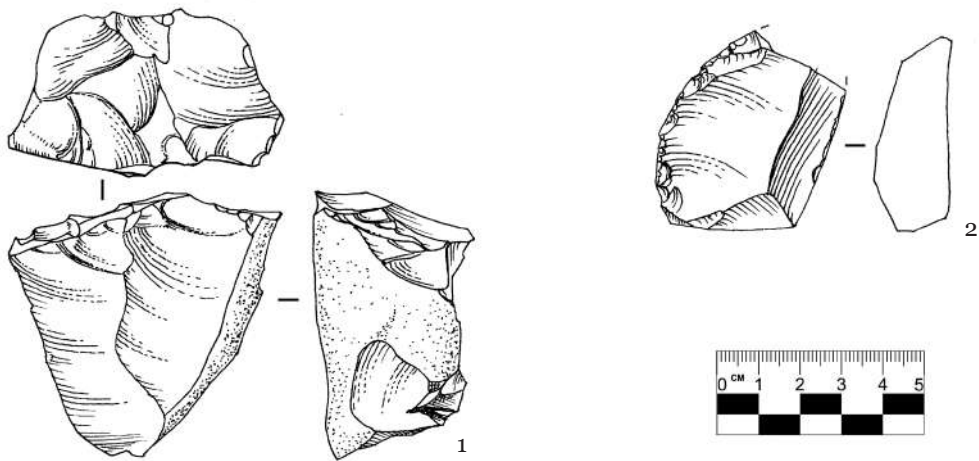

Рис. 5. Веролобовка. Кремневые изделия: 1 - заготовка призматического нуклеуса; 2 - боковой скребок.

размером 6,0×5,6×3,6 см (рис. 3/4), кремневая заготовка одноплощадочного призматического нуклеуса размером 7,1×6,5×4,1 см (рис. 5/1) и кремневый боковой скребок размером 5,3×4,0×1,8 см (рис. 5/2). Фрагмент отбойника округлой формы весом 248 г, имеет слабую зону забитости на торцовом конце. Овальные заготовки с двусторонней оббивкой, которые можно трактовать как заготовки неолитических топоришков или тесел, изготовлены при помощи твердого отбойника. Размер первой заготовки – 7,4×4,2×1,8 см, второй – 6,6×3,8×2,2 см. Среди находок преобладают халцедоновые отщепы средних размеров (рис. 3/5; рис. 4/1-8).

Дискуссия

В период каменного века на территории Евразии изделия из халцедона получили достаточно широкое распространение. В качестве примера использования халцедона наравне с кремнем в эпоху позднего и финального палеолита можно привести находки из первого горизонта стоянки Шульбинка в Восточном Казахстане (Таймагамбетов, Дуванбеков 2019), а также изделия из ряда памятников Забайкалья, где халцедоновое сырьё напрямую связано с вулканогенными образованиями (Юргенсон, Мороз, Мороз 2013; Мороз 2014). Известны халцедоновые изделия в раннеголоценовых памятниках Монголии (Табарев, Гладышев 2012). Для последующих процент использования минералов из семейства халцедонов увеличивается, в первую очередь на территории Западной и Центральной Европы. Так, в Западной Шотландии известно большое число мезолитических памятников с изделиями из гелиотропа (Ballin 2018) и сердолика (Nicol, Ballin 2019). В период неолита добыча и обработка халцедона зафиксированы в копиях Кляйнкемса в Германии (Kaiser 2006; Kaiser 2013), а также на территории Сибири, о чём свидетельствуют материалы из приаргунских памятников Забайкалья времени позднего неолита – ранней бронзы (Дятчина 2010). Во всех вышеперечисленных случаях наблюдается достаточно большая вариативность изделий – от нуклеусов до полноценных орудий, что говорит о халцедоне как о сырье, подходящем для производства множества технических операций.

Как правило, в эпоху палеолита халцедон выступал аналогом отсутствующего в опре-

деленных районах кремневого сырья или его дополнением, а в период мезолита-неолита его использование становится более частым явлением и само сырьё становится не только «не кремневой альтернативой», но и самостоятельным материалом для изготовления определенных орудийных наборов (Семенов 1957, 46). Материалы мастерской Веролобовка в Северо-Западном Донбассе показывают, что кремь и халцедон комплементарно дополняют друг друга и расщепляются по одним и тем же технологиям. Пластические свойства местного халцедона соизмеримы с качеством низкосортного кремня и, вероятно, не были существенными при отборе-отбраковке сырья древними мастерами.

Предположительно, материалы мастерской относятся к неолиту. Такой датировке не противоречит характер халцедоновых овальных заготовок с двусторонней обработкой и заготовки призматического нуклеуса из кремня.

Компактность залегания расщепленных халцедонов и кремней на коре выветривания третичных пород и небольшие размеры собранной коллекции характеризуют кратковременную мастерскую для пополнения текущих запасов каменного сырья. В Донецком регионе в неолитическое время существовали мастерские различных типов по первичной обработке камня, преимущественно кремня, – мастерские площадного типа, сезонные и пр. (Колесник 2018). Мастерская из Веролобовки дополняет этот список, показывает гибкость сырьевых стратегий местного неолитического населения.

Заключение

Таким образом, в пределах Донецкого кремнеобрабатывающего центра халцедон служил дополнительным каменным сырьем, необходимым для удовлетворения локальных или ситуационных потребностей в каменном сырье. Твердость этой породы была достаточной для изготовления орудий; при расщеплении материал образовывал слабо-раковистую поверхность, требуемую для системной обработки при помощи техники скола. В плане функциональной типологии памятник можно определить как достаточно редкую для Донбасса неолитическую кратковременную (эфемерную) мастерскую для пополнения текущих запасов орудий и нуклеусов.

Библиография

- Барсанов, Плюснина, Яковлева 1979:** Г.П. Барсанов, И.И. Плюснина, М.Е. Яковлева, Особенности состава, некоторых физических свойств и структуры халцедона. В сб.: Новые данные о минералах СССР, вып. 28 (Москва 1979), 3-33.
- Геологический словарь 1973:** Геологический словарь, т. 2 (Москва 1973).
- Дятчина 2010:** Н.Г. Дятчина, Каменный инвентарь приаргунских памятников позднего неолита - ранней бронзы. Гуманитарный вектор 3, 2010, 5-13.
- Колесник 2017:** А.В. Колесник, Донецкий центр кремнеобработки в каменном веке - энеолите. В сб.: Историческая и социально-образовательная мысль, т. 9, № 1, ч. 1 (Донецк 2017), 59-62.
- Колесник 2018:** А.В. Колесник, Типология неолитических мастерских Донбасса. В сб.: I Международная научная конференция «Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности». Секция 6. Исторические науки. 25 октября 2018 г., т. 7 (Донецк 2018), 184-186.
- Манько 2019:** Н.В. Манько, Кремневое сырье в каменном веке и энеолите Донбасса. В сб.: (Отв. ред. А.М. Юминов) Геоархеология и археологическая минералогия. Научное издание. Материалы VI Всероссийской молодежной научной школы с международным участием имени В.В. Зайкова (Екатеринбург: Миасс 2019), 63-67.
- Мороз 2014:** П.В. Мороз, Сырьевой фактор в верхнем и финальном палеолите Забайкалья. В сб.: Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета, №18 (Санкт-Петербург 2014), 245-259.
- Матюхин 1996:** А.Е. Матюхин, Палеолитические мастерские Восточной Европы. Автореф. дисс. докт. ист. наук (Санкт-Петербург 1996).
- Семёнов 1957:** С.А. Семёнов, Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). В сб.: МИА № 54 (Москва-Ленинград 1957).
- Табарев, Гладышев 2012:** А.В. Табарев, С.А. Гладышев, Раннеголоценовые микропластинчатые индустрии центральной Азии (по материалам китайско-шведской экспедиции С. Хедина, Музей восточных древностей, Стокгольм, Швеция). Вестник НГУ. Серия: История, филология 11/3, 2012, 222-232.
- Таймагамбетов, Дуванбеков 2019:** Ж.К. Таймагамбетов, Р.С. Дуванбеков, Каменный век Казахского Алтая на примере стратифицированной стоянки Шульбинка (Восточный Казахстан). Мир Большого Алтая 5/4, 2019, 586-614.
- Цвейбель 1962:** Д.С. Цвейбель, Дневник, 1962 г. Рукопись (Донецк 1962).
- Юргенсон, Мороз, Мороз 2013:** Г.А. Юргенсон, П.В. Мороз, А.Ю. Мороз, Позднемезозойские палеовулканы как фактор местоположения мастерских в палеолите Забайкалья. Вестник ЗабГУ 4, 2013, 3-15.
- Ballin 2018:** T.B. Ballin, The procurement of Rhum bloodstone and the Rhum bloodstone exchange network – a social territory in the Scottish Inner Hebrides? In: Archäologische Informationen, vol. 41 (Kerpen-Loogh 2018), 241-254.
- Heaney 1993:** P.J. Heaney, A proposed mechanism for the growth of chalcedony. Contributions to Mineralogy and Petrology 115/1, 1993, 66-74.
- Kaiser 2006:** M.J. Kaiser, Feuersteinbergbau und Rohmaterialverteilung im Markgräfler Land (SW-Deutschland). Der Anschnitt. Zeitschrift für Kunst und Kultur in Bergbau 19, 2006, 115-127.
- Kaiser 2013:** M.J. Kaiser, Werkzeug-Feuerzeug-Edelstein. In: Die Silices des südöstlichen Oberrheingebietes und ihre Nutzung von den Anfängen bis zur Gegenwart. Materialhefte zur Archäologie in Baden-Württemberg, 95 (Stuttgart 2013).
- Nicol, Ballin 2019:** S. Nicol, T.B. Ballin, Freeland Farm, Perth and Kinross – a mainly Late Mesolithic carnelian assemblage from the Lower Strathearn. In: Archaeology Reports Online № 36 (Glasgow 2019).

Veroliubovka – un atelier pentru desplicarea calcedonitului și silexului în regiunea de nord-vest a Donbasului

Cuvinte-cheie: Donbas, atelier pentru desplicarea calcedonitului, neolitic, centrul de prelucrare al silexului de la Donețk.

Rezumat: Învelișul peisagistic al Donbasului Mare conține o varietate de surse geologice de roci de piatră, sedimentare și metamorfozate, care erau solicitate în vremurile străvechi pentru fabricarea instrumentelor de muncă. Aceste surse includ roci de piatră care sunt pasibile de prelucrare prin tehnica de desplicare: silex, cuarțit, jasp, calcedonit etc. În Donbas, cele mai semnificative depozite naturale de silex și de calcedonit au fost folosite sporadic. În Donbasul nord-vestic, din 1962, este cunoscut un atelier pentru desplicarea primară a calcedonitului (în special) și a silexului. Acesta se află în preajma satului Veroliubovka, raionul Konstantinovka, regiunea Donețk. Artefactele

despicate din calcedonite și silex au fost colectate de la suprafața sitului și au aparținut, probabil, populației neolitice locale.

Lista ilustrațiilor:

Fig. 1. Veroliubovka. 1 - Locul amplasării sitului; 2 - imagine de ansamblu asupra sitului (fotografie din arhiva lui D.S. Tsveibel).

Fig. 2. Veroliubovka. 1 - Concrețiune de calcedonit; 2 - ciocan din cuarțit (foto de V. Lemiansky).

Fig. 3. Veroliubovka. Piese din calcedonit: 1, 2 - semifabricate de unelte bifaciale ovale; 3 - vârful; 4 - semifabricat de formă discoidală ovală; 5 - așchie masivă (foto de V. Lemiansky).

Fig. 4. Veroliubovka. 1-8 - Așchii de calcedonit (foto de V. Lemiansky).

Fig. 5. Veroliubovka. Piese din silex: 1 - nucleu prismatic; 2 - răzuitor.

Veroliubovka – workshop for chalcedony and flint splitting in the North-Western Donbass

Keywords: Donbass, workshop for chalcedony and flint splitting, Neolithic, Donetsk center for flint processing in the Stone Age.

Abstract: The landscape surface of the Great Donbass contains a variety of geological sources of sedimentary and metamorphosed types of stone, which were in demand in ancient times for making the stone tools. This list includes the types of stone available for chipping, i.e. flint, quartzite, jasper, chalcedony, etc. In the Donbass, the natural pantries of flint of Upper Cretaceous genesis are the most significant, whereas chalcedony was used sporadically. In the North-Western Donbass, a workshop for the primary splitting of chalcedony (mainly) and flint has been known since 1962. It is located near Veroliubovka village of the Konstantinovka district of Donetsk region in the basin of the Kazennyi Torets river. A collection of split chalcedony and flint is picked up at the surface. They split local chalcedony by the same technologies as for flint splitting. This unique site testifies the adaptable raw material strategy of the local Neolithic population.

List of illustrations:

Fig. 1. Veroliubovka. 1 - Map; 2 - appearance of the site (photo from the archive of D.S. Tsveibel).

Fig. 2. Veroliubovka. 1 - Chalcedony concretion; 2 - quartzite hammerstone (photo by V. Lemiansky).

Fig. 3. Veroliubovka. Chalcedony production: 1, 2 - bifacial oval tools blanks; 3 - point; 4 - disc-shaped oval blank; 5 - massive flake (photo by V. Lemiansky).

Fig. 4. Veroliubovka. 1-8 - Chalcedony flakes (photo by V. Lemiansky).

Fig. 5. Veroliubovka. Flint production: 1 - prismatic core blank; 2 - side-scraper.

31.03.2021

Др. Александр Колесник, Донецкий национальный университет, ул. Университетская, 24, 83001 Донецк, <https://orcid.org/0000-0002-4933-8438>, e-mail: akolesnik2007@mail.ru

Никита Манько, Донецкий национальный университет, ул. Университетская, 24, 83001 Донецк, <https://orcid.org/0000-0001-8216-4938>, e-mail: nikita_mank098@mail.ru

---

ТРИПОЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЭТАПА VI-II НА ДНЕПРЕ

Михаил Видейко, Виталий Рудь, Татьяна Гошко, Мария Видейко

Ключевые слова: Кукутень-Триполье, этап Триполье VI-II, локальная группа, Днепро-вский регион.

Восточная часть культурного единства Прекукутень-Ариушд-Кукутень-Триполье расположена на берегах среднего течения Днепра (рис. 1/1). Раскопки на этой территории начались в конце XIX века. Среди первых памятников, обнаруженных здесь, был участок возле села Триполье (исследования Викентия Хвойки между 1897-1907 гг.). Это поселение дало название археологической культуре. Используя данные этих раскопок, В. Хвойка предложил первую периодизацию трипольской культуры. Он выделил «Культуру А» (сейчас она соответствует Cucuteni AB и B1 или трипольской этапа VI-II) и «Культуру В» (теперь отвечает Cucuteni B2 и B3 или этапам Триполье VII и Триполье C1) (Хвойка 1901; Хвойка 1904). На протяжении длительного времени наши знания о начале трипольской культуры в этом регионе были основаны на результатах этих раскопок, достаточно скромно опубликованных около 100 лет тому назад (Хвойка 1901, 778-788, 793-795, табл. XI, XXI, XXVI, XXVII XXVIII; Хвойка 1904, табл. V; Динцесс 1929, 15-26; Козловская 1926, 51-53; Козловская 1926б, 139-157). Кроме того, в разных музеях – от Киева и Переяслава до Харькова и Праги, сохранились музейные коллекции или же отдельные вещи из тех давних раскопок, но сейчас уже весьма проблематично установить, из какого именно пункта происходит та или иная находка (Видейко 2016, 129-145). Тем не менее длительное время образ этапа VI-II трипольской культуры на Днестре в фундаментальных изданиях формировался именно на основе этих старых находок (Виноградова 1983; Мовша 1971, 173-174).

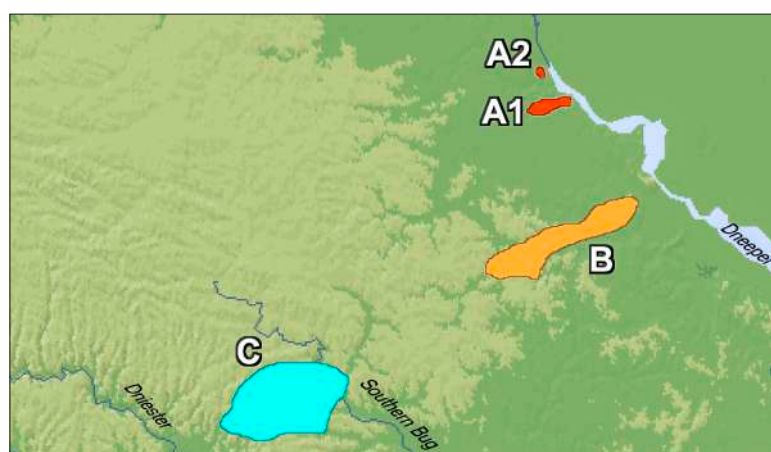
Произведенные в течение последних 15 лет археологические исследования в регионе существенно изменили эту ситуацию (рис. 1/ A1). В нескольких местах проводились различные по масштабу раскопки или разведки, включая места вблизи сел Деревяна, Долина,

Копачев (урочище Коломыйцев Яр), Плюты, Посадова Гора (в центре с. Триполье) (Квитницький 2006, 29-42; Видейко 2006, 21-28; Видейко 2012, 236-237; Видейко, Бурдо 2007, 110-114; Видейко и др. 2017, 75-78). В 2018 году вблизи села Триполье было заново открыто то место, где В. Хвойка исследовал эпонимное поселение в 1897-1907 гг. (Видейко и др. 2019, 65-76; Видейко и др. 2020а, 62-65).

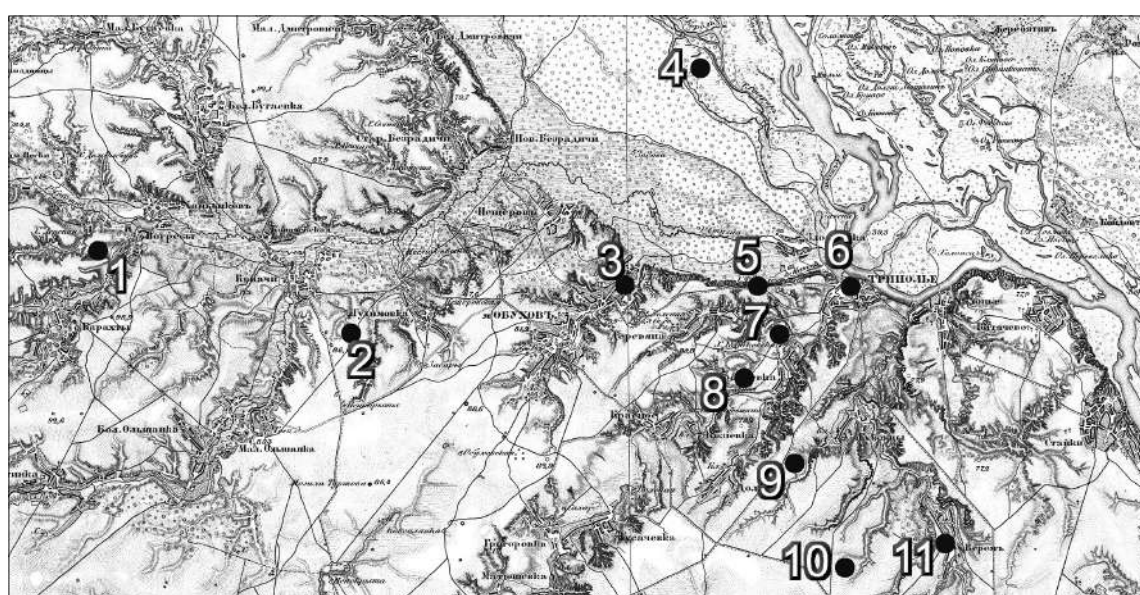
Еще один анклав из поселений этапа VI-II существовал, вероятно, выше по течению Днепра на месте, где сейчас находится город Киев (рис. 1/ A2). Здесь, у рукотворной пещеры на Смородиновском спуске, был найден грушевидный сосуд (Бобровский 2003, 267-272), типичный для этапа VI-II. Фрагменты керамических сосудов и керамических форм для литья, найденные В. Хвойкой конце XIX в., происходящих из других мест на этой территории, можно отнести к этому же периоду (рис. 2/1-3).

Вещи из раскопок начала XX века были вновь изучены и частично переопубликованы. Некоторые материалы из старых коллекций, которые сейчас находятся в Национальном историческом музее в Киеве, также были частично идентифицированы и опубликованы (Якубенко 2006, 45-70, рис. 2, 8, 9; табл. II, III, XII-XV, XVII-XIX, XXII). В результате стало возможным лучше охарактеризовать эту группу трипольских поселений (рис. 2-13).

Общее количество поселений фазы Триполье VI-II на этой территории сейчас составляет 13. Наиболее крупным среди них было Триполье, которое занимает более 60 га на левом берегу реки Красной. Вторым по величине (25 га) является село на территории Веремья. Следующее по размерам (15-20 га) – поселение в урочище Коломыйцев Яр вблизи Копачев (рис. 3/1). Другие поселения были небольшими – от 1-3 до 4 га. За исключением трех случаев, они находились на берегах малых рек, впадающих в Днепр или его притоки (рис. 1/2). В одном случае следы поселений

1

2

Рис. 1. Поселения этапа Триполье VI-II. 1. Группы поселений этапа VI-II: A1/A2 - зоны в днепровском регионе; B - «восточнотрипольская культура»; C - междуречье Днестра и Южного Буга. 2. Поселения этапа Триполье VI-II в зоне A1: 1 - Погребы; 2 - Коломийцев Яр; 3 - Обухов; 4 - Плюты; 5 - Деревяна; 6 - Посадова Гора; 7 - Триполье; 8 - Щербанивка; 9 - Долина; 10 - Черняхив; 11 - Веремье.

были обнаружены на плато – Деревяна. Поселение у села Плюты находилось в пойме Днестра. Возможно, количество таких пойменных поселений было большим, однако сейчас долина Днестра в этих местах затоплена после сооружения Каневского водохранилища.

Как видим, система расселения на этапе VI-II в регионе включала несколько типов поселений. Во-первых, это крупные населенные пункты, такие как Триполье, а также средние, такие как Коломийцев Яр и Веремье. Вокруг них были расположены небольшие поселения площадью 1-4 га, находившиеся неподалеку от полей. С долиной Днестра, вероятно, был связан еще один тип поселения – Плюты.

Такие стоянки были удобны для организации выпаса скота, а также охоты и рыбной ловли.

Во время раскопок на поселения в урочище Коломийцев Яр у с. Копачев были найдены остатки сгоревших домов, типичных для трипольской культуры. Керамика, включая целые сосуды, была расположена среди обожженной глины или под ней (Видейко, Бурдо 2007) (рис. 3/2-4). Новые раскопки подтвердили рисунки В. Хвойки, на которых изображены группы разных сосудов, расположенных в зданиях (Хвойка 1901, 779, рис. 81-82). Эти дома могут быть реконструированы, как одноэтажные или же двухэтажные, с перекрытием, обмазанным глиной.

Другой тип объектов на поселениях представлен ямами разного размера, как правило, расположенных вблизи остатков наземных построек. В их заполнении обнаружены кости животных и обломки керамики (рис. 3/5, 6). Такой объект был раскопан в 2018 году на поселении Триполье (Видейко и др. 2019). Сначала такие ямы, вероятно, возникали как источник для добычи глины при строительстве зданий. Следы таких ям обнаружены вблизи остатков зданий в поселении Коломийцев Яр вследствие магнитной разведки (Видейко и др. 2017, рис. 2). Интересно, что керамика из домов и из ям имеет разный цвет. Фрагменты керамики из ям черные или черно-коричневые, от сосудов из домов – светло-коричневые или красные (сравните, например, рис. 3 и 4). Последнее может быть вызвано вторичным обжигом. Изучение находок керамики позволяет сделать предположение о внутренней хронологии, происхождении этой группы поселений, а также о возможных взаимоотношениях с соседями. Долгое время днепровские поселения этапа Триполье VI-II считались частью так называемой восточно-трипольской культуры (рис. 1/Б). Поэтому их происхождение связывали с миграцией с юга, из бассейна реки Рось (Цвек 1985, 31-45).

Однако новые раскопки показали, что существуют заметные различия в наборе посуды между поселениями в бассейне реки Рось и в районе Триполья. Прежде всего оно состоит в наличии здесь гораздо большего количества расписной керамики (рис. 7; 11). Ранее считалось, что в так называемой «восточно-трипольской культуре» эти изделия были импортными (Цвек 1985; Цвек 2006). Однако на поселениях района Триполья их ассортимент охватывает около десятка форм, что по сути является полным набором расписной керамики (Видейко и др. 2020b).

Кроме того, специальные исследования показали возможность изготовления расписной посуды на месте. Здесь доступно сырье, такое как белая глина, компоненты для изготовления красной и черной краски (Видейко и др. 2020b, 39-52; Гошко 2020, 45-47, рис. 4/1-4, 19). Таким образом, похоже, что какая-то часть трипольского населения здесь имела собственную традицию изготавливать расписную керамику и была знакома с соответствующими технологиями. В этом и состоит заметное отличие между Поднепровьем и южными территориями «восточно-трипольской культуры».

Традиционно расписная посуда ассоциируется с западной частью распространения трипольской культуры. Ближайшей к Днепру территорией, где можно найти аналогии местным изделиям, является междуречье Южного Буга и Днестра (рис. 1/С). Ближайшее место с подобной расписанной керамикой здесь – поселение Клещев (Заец 1974, рис. 4, 5, 7). Интересно, что именно здесь мы также видим сочетание в одном комплексе нескольких видов керамики, а именно без орнамента, с проглаженным орнаментом, с врезным декором и посудой типа «Cucuteni C» (Заец 1974, рис. 3-5, 7) Новые исследования в междуречье Днестра и Южного Буга показали наличие большого количества поселений, в том числе значительных по размерам, уже этапа Триполье VI-II (Зайцева, Рудь, Федоров 2019, 4-5, рис. 26, 31, 32, 39, 42). Таким образом, этот густонаселенный регион вполне мог быть «родиной» для населения на Днепре или какой-то его части.

Новые исследования изделий из меди также в определенной степени подтверждают этот вывод. Как известно, в свое время В. Хвойка нашел на местах раскопок поселений «Культуры А» несколько медных топоров-тесел (Хвойка 1901, рис. XI/7-10) (рис. 2). Современное изучение этих топоров-тесел из коллекции Национального музея истории Украины показало, что изделия с таким составом металла известны в междуречье Южного Буга и Днестра, а также к западу от Днестра. В то же время большое количество находок происходит из Днестровско-Бугского междуречья (Гошко 2020, 18-19, рис. 2.6-2.9). Несмотря на масштабные раскопки (по сравнению с регионом вокруг Триполья), ничего подобного в других местах распространения «восточно-трипольской» культуры пока не было обнаружено.

Пещера на Смородиновском спуске с найденным возле нее сосудом напоминает о традиции использования пещер в качестве святилищ, известной нам на примере пещеры Вертеба у Бильча-Золотого, где есть поселения этапа VI-II. В новом для себя районе, где естественные пещеры отсутствуют, переселенцам пришлось создать искусственный объект.

Для построения внутренней хронологии поднепровских поселений наиболее надежным источником, на наш взгляд, являются находки расписной керамики и ее распределение по

памятникам. Первые поселенцы были достаточно многочисленны и поселились компактной группой, создав крупнейшее из известных поселений вблизи Триполья. Об этом свидетельствует расписная керамика из этого поселения. Только здесь найдены изделия с бирюзовой черно-красной росписью (рис. 7/8-10). В этом варианте бирюзового цвета обведенными тонкими черными линиями. Такие изделия найдены в значительном количестве только на поселении Триполье.

В Веремье и Коломыйцевом Яру изделия этой группы посуды встречаются почти исключительно с монохромной росписью красной или черной краской (рис. 11). Вероятно, что на этой, второй фазе заселения региона произошло разделение первоначальной группы на две. Одна ее часть переехала неподалеку, в Веремье. Другая – дальше, в Коломыйцев Яр, на приток р. Стугны, куда из долины р. Красной почти день пути (рис. 1/2).

Керамика также может свидетельствовать о внешних контактах приднепровской группы трипольцев. О западном векторе свидетельствуют не только металлические изделия, но и керамика без орнамента, навершие булавы (рис. 2/9; 6; 10). В свое время для керамики без декора были найдены аналогии на западе, вне трипольской культуры (Мовша 2000, 133-167; Цвек 2000, 111-132; Видейко 2000, 13-68; Kadrow 2003, 24-28).

Керамику типа «Cucuteni C» традиционно рассматривают в качестве свидетельства контактов с населением за пределами района Триполье на востоке и юге (Мовша 1961, 186-199; Цвек, Рассамакин 2001-2002, 218-245 и др.). Следует отметить, что трипольцы на Днестре жили близко к району распространения стоговской и скелянской культур, вероятным источником керамических изделий типа «Cucuteni C». Возможно, поэтому такая посуда на поселениях в Триполье и Коломыйцевом Яру очень разнообразна, особенно в отделке. При этом ее достаточно много во всех пунктах (рис. 5/10; 8; 12).

В это время наблюдаем использование техники «Cucuteni C» для изготовления типовых трипольских «столовых» сосудов с углубленным декором. На поселении Коломыйцев Яр целая серия грушевидных сосудов внутри покрыта полосатым сглаживанием (рис. 13/5). Этот способ обработки сосудов характерен

для стоговской и скелянской культур. Существуют также полушаровидные чаши, в которых поверхность обрабатывается подобным образом (рис. 13/7). Обычно эти чаши имели гладкую поверхность, на некоторых образцах видно красную краску (рис. 13/6). В Триполье такие находки до сих пор неизвестны. Возможно, новая волна людей, которые имели эти традиции, прибыла на второй фазе заселения края трипольцами. До сих пор не удалось проследить промежуточных связей между этой группой поселений и последующими, которые отнесены к стадии Триполье В-II. Это поселения типа Чапаевки и Гребеней. О том, что в их формировании участвовали потомки жителей поселений вблизи Триполья, Веремья и Коломыйцева Яра, свидетельствует набор посуды с углубленным орнаментом и посуда без орнамента (рис. 14). Ассортимент орнаментированных изделий изменился: сохранились грушевидные сосуды, на смену шлемовидным крышкам пришли кратеровидные сосуды, исчезли конические антропоморфные крышки и «бинокли».

Следует отметить, что местное производство расписной керамики на поселениях этапа ВП в Поднепровье не прослежено. Ее ассортимент (миски, кубки, изредка – сосуды большего размера), а в особенности количество соответствуют импорту этой престижной продукции с Юга. Там, в междуречье Южного Буга и Днестра, на больших поселениях было налажено массовое производство расписной керамики, образцы которой найдены достаточно далеко на Севере. В то же время возникают поселки со смешанным населением, где разнообразие форм расписной керамики вполне соответствуют ее ассортименту у южных соседей. В это время граница территории трипольской культуры движется к северу от Киева, и чем дальше на север – тем меньше находок расписной керамики.

Исследование новых материалов Среднего Поднепровья этапа VI-II показывает их отличие от «восточнотрипольской культуры». Наличие разных по размеру поселений указывает на существование сложной системы поселения, которая включала мега-поселения. К настоящему времени археологи нашли и начали изучать лишь часть этой системы. Регион выглядит перспективным для дальнейших исследований, несмотря на более 100 лет археологических исследований. Особенно интересным объектом является одноименное мега-поселение вблизи Триполья.

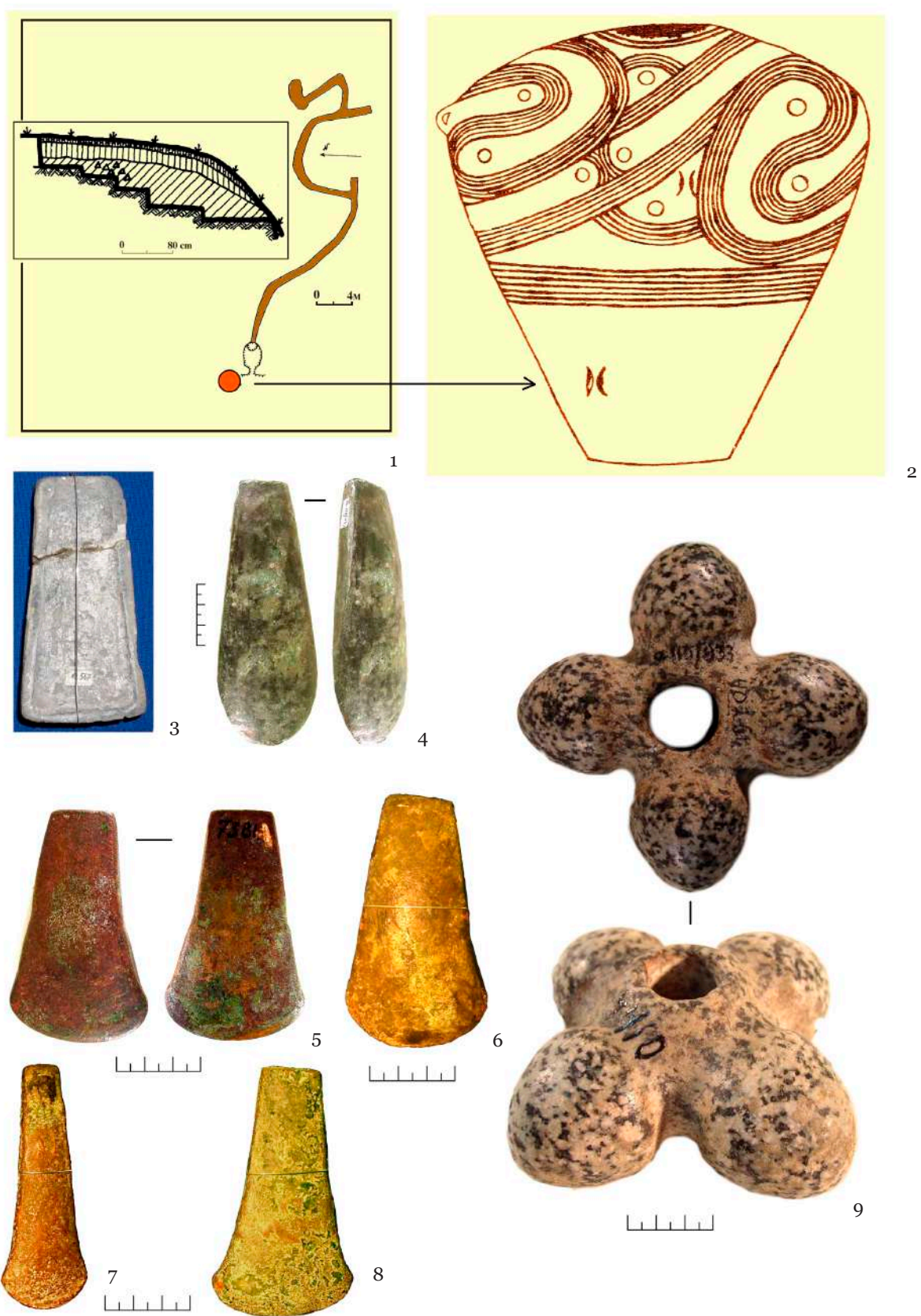
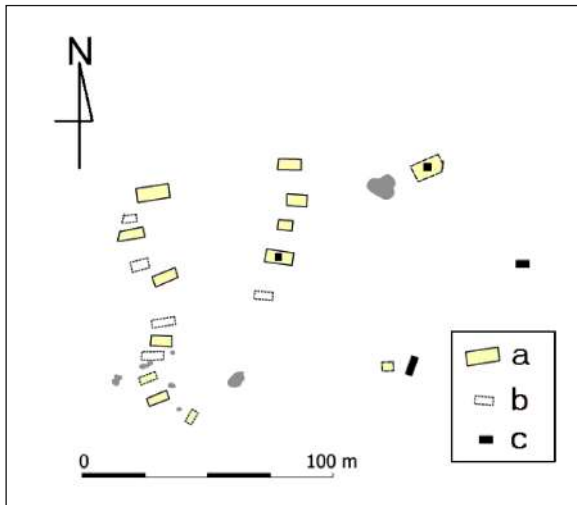
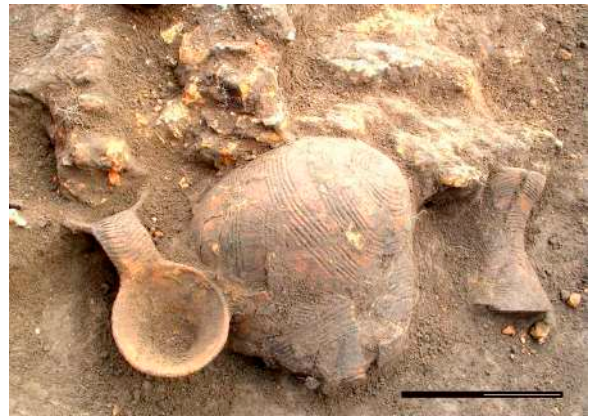

Рис. 2. Находки с памятников этапа Триполье VI-II из Поднепровья: 1, 2 - Смородинская пещера; 3 - литейная форма с Кирилловской улицы; 3-8 - медные топоры-тесла из раскопок В. Хвойки; 9 - каменное навершие булавы, Щербаневка. 2 - Музей истории Киева; 3-9 - Национальный музей истории Украины.

1

2

3

4

5

6

Рис. 3. Раскопки на поселениях этапа VI-II в Поднепровье: 1 - план поселения Коломыйцив Яр (а - дома, б - вероятные дома; с - раскопы); 2-4 - керамика под остатками построек; 5, 6 - исследование ямы рядом с остатками дома, Триполье, 2018.

Рис. 4. Керамика с углубленным орнаментом, Триполье, 2018.

Рис. 5. Керамика с углубленным орнаментом, Триполье, раскопки В.В. Хвойки (1897-1907), Национальный музей истории Украины.

Рис. 6. Керамика без орнаментації, Трипольє, 2018.

Рис. 7. Керамика с росписью, Триполье, 2018.

Рис. 8. Керамика типа «Cucuteni C», Триполье, 2018.

Рис. 9. Керамика с углубленным орнаментом, Коломыйцев Яр, раскопки 2006-2007. Киевский областной археологический музей.

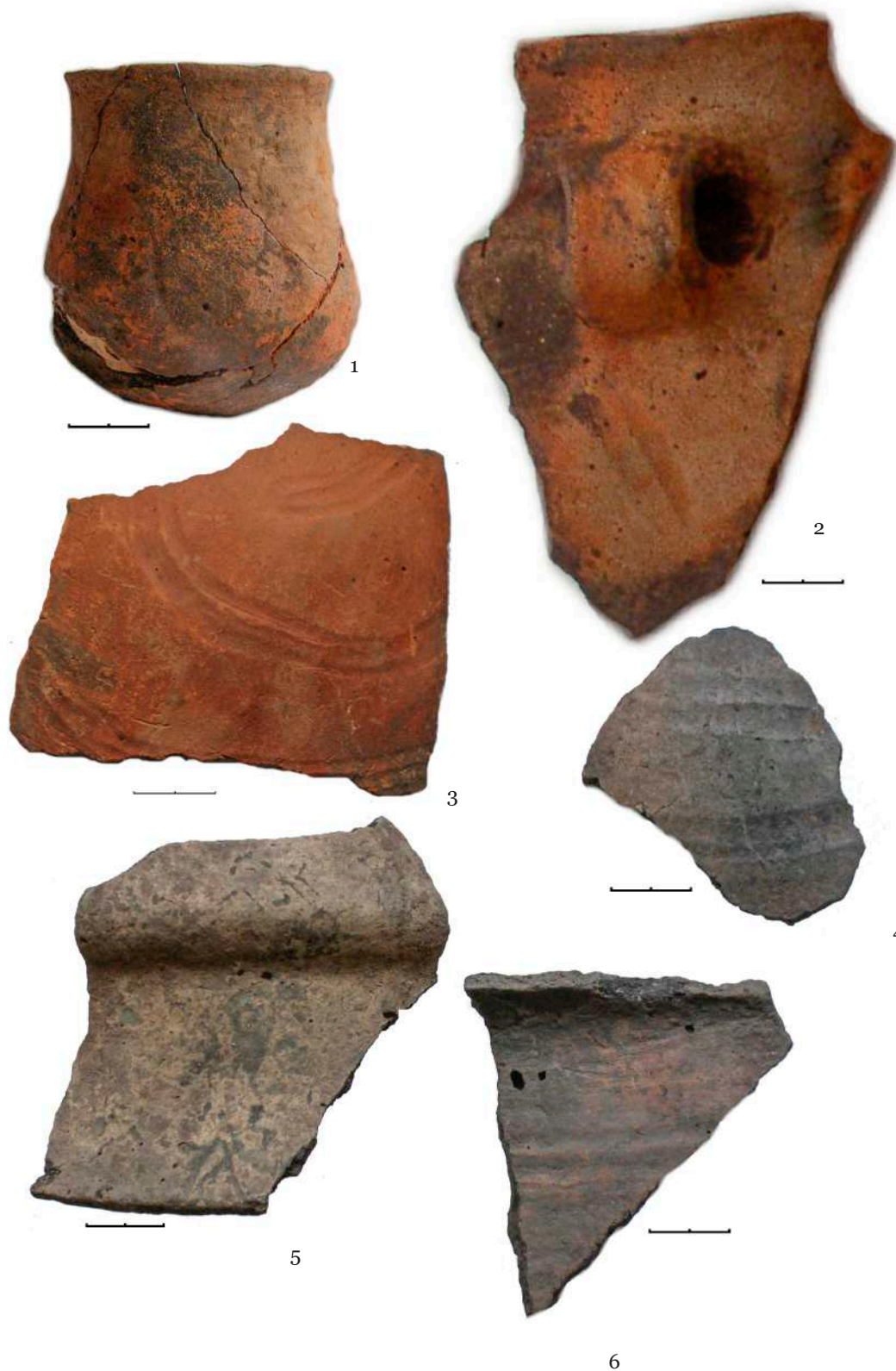

Рис. 10. Керамика без орнамента (1, 5) и с проглаженной орнаментацией (2-4, 6), Коломыйцив Яр, 2006-2007. Киевский областной археологический музей.

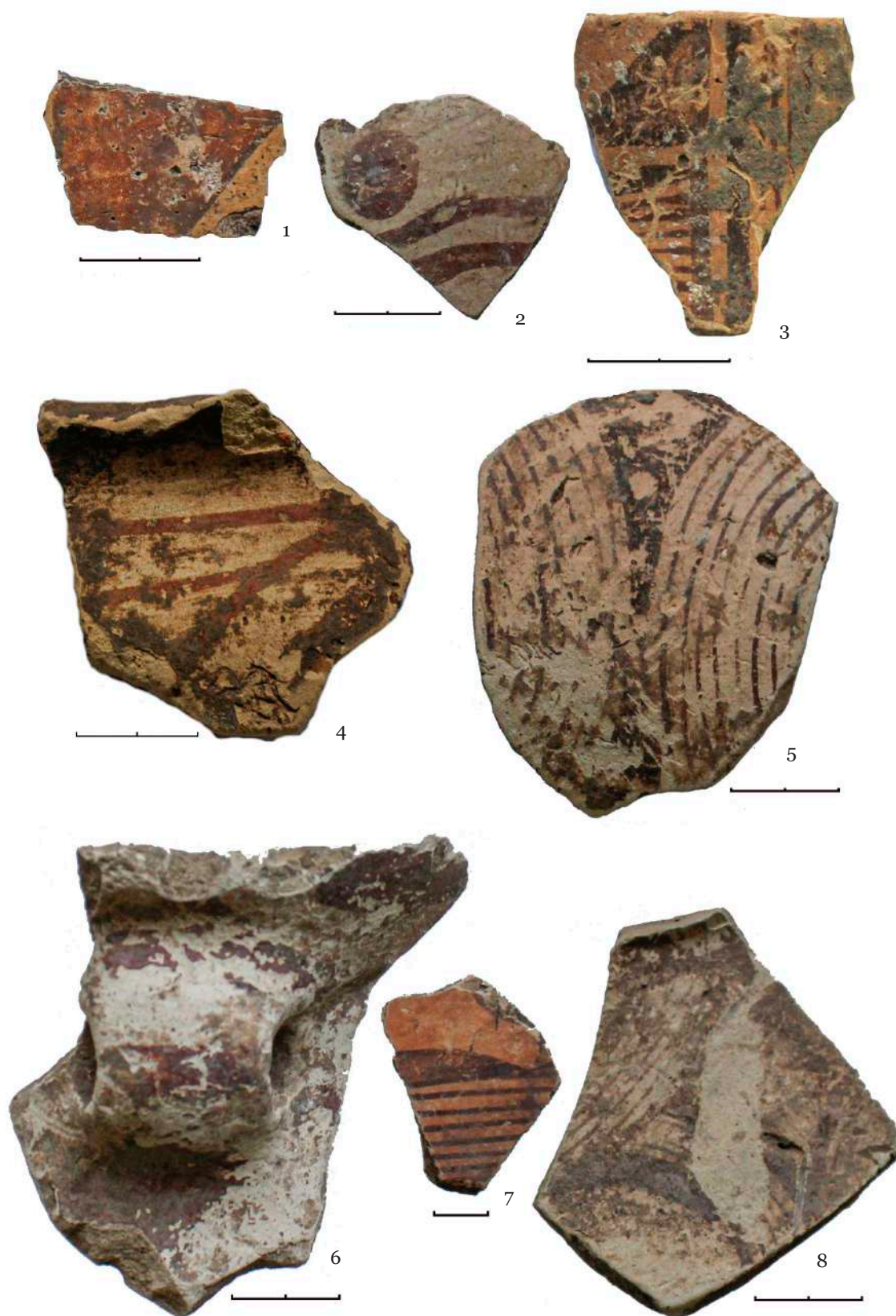

Рис. 11. Керамика с росписью, Коломыйцив Яр, раскопки 2007, 2016.

Рис. 12. Керамика типа «Cucuteni C», Коломыйцив Яр, раскопки, 2006-2016.

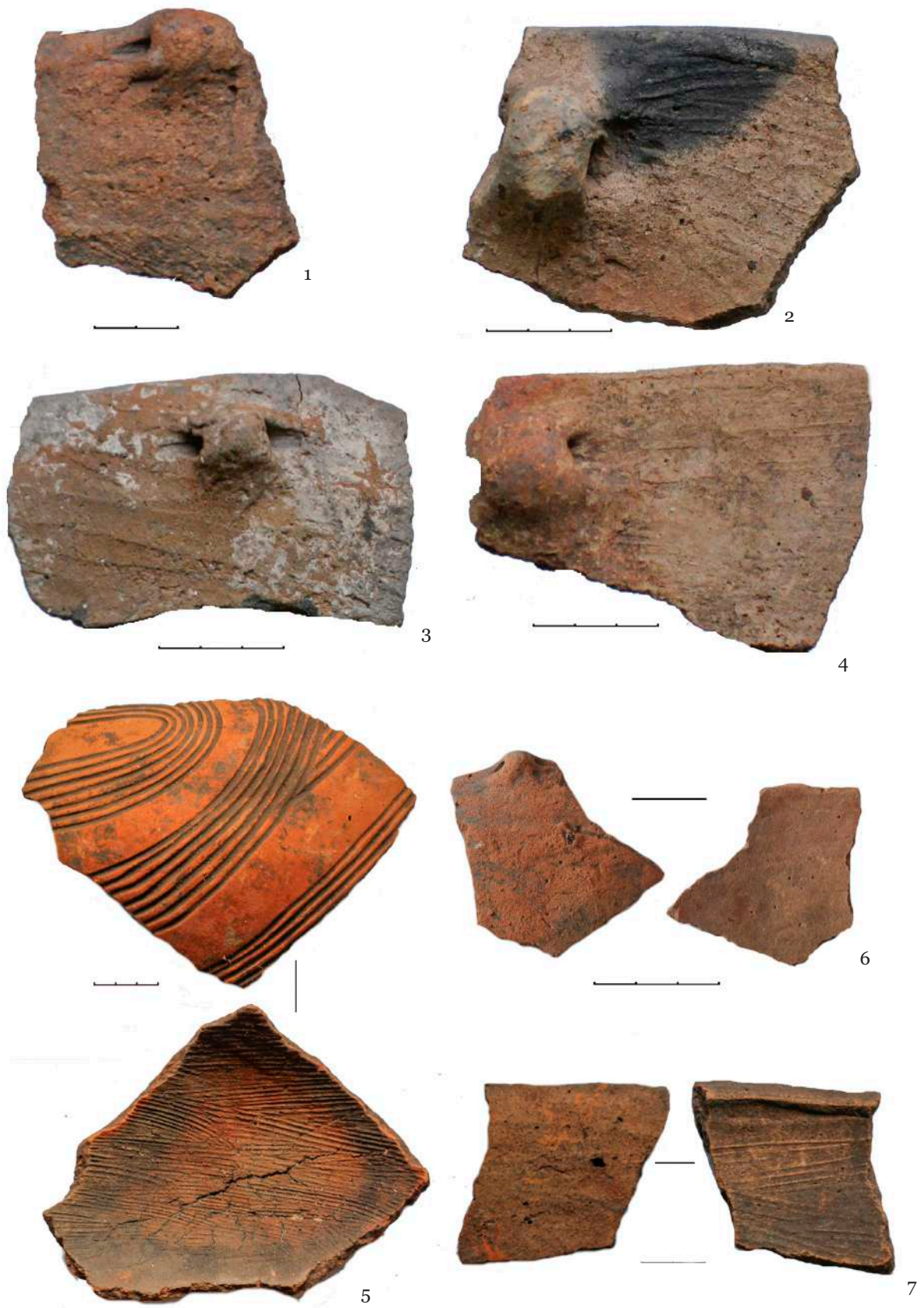

Рис. 13. Керамика с чертами «Cucuteni C» (1, 2, 5, 7) и керамика без орнаментації (4, 6), Коломийців Яр, раскопки, 2006-2016.

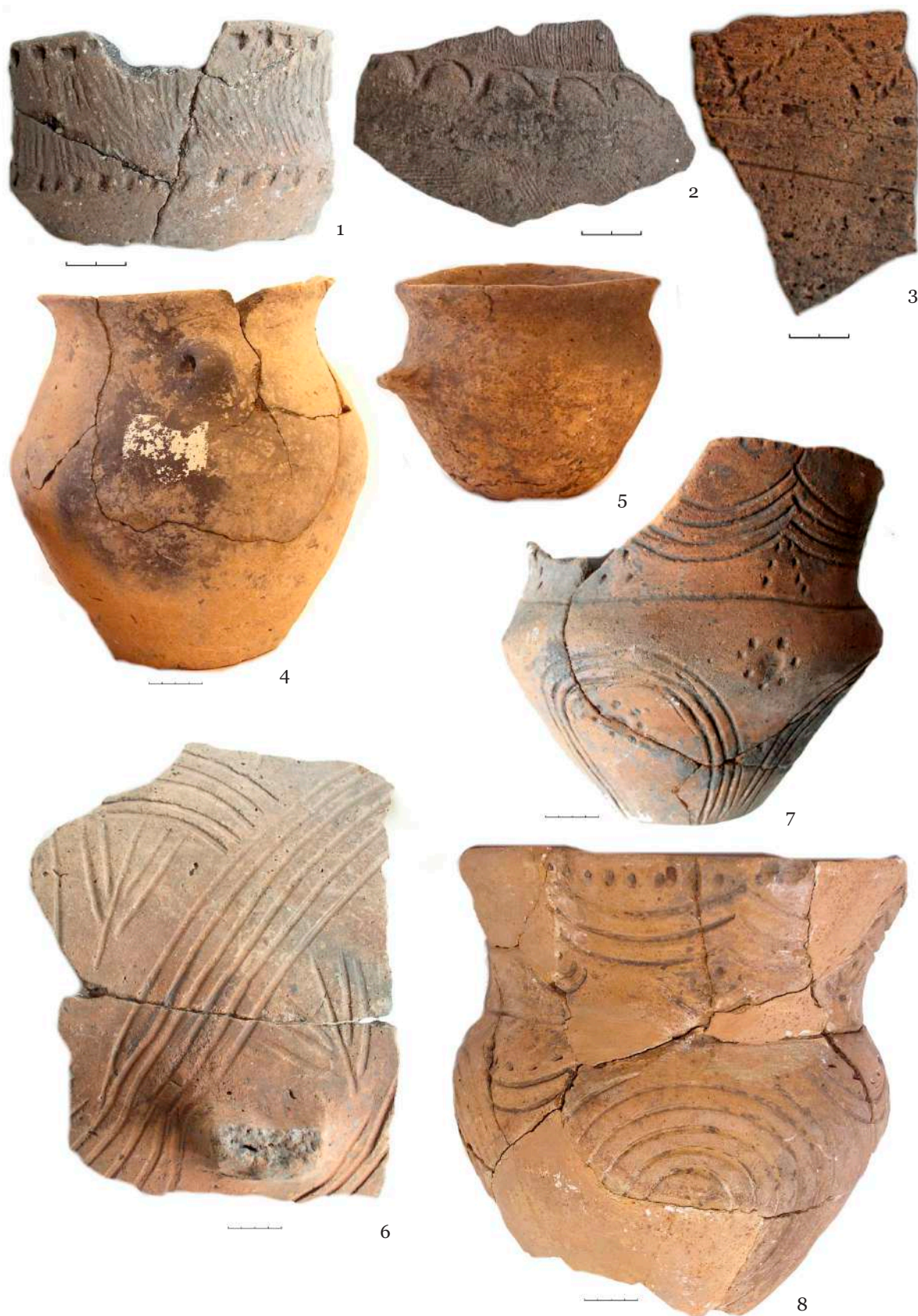

Рис. 14. Керамика этапа Триполье VII с поселения Гребени (Василишин Яр, раскопки С.Н. Бибикова):
1-3 - типа «Cucuteni C»; 4, 5 - без орнамента; 7, 8 - с углубленной орнаментацией.
1-8 - Научные фонды Института археологии НАН Украины.

Библиография

- Бобровський 2003:** Т. Бобровський, Нова пам'ятка трипільської культури на території міста Києва. В: Трипільська цивілізація у спадщині України (Київ: «Просвіта» 2003), 267-272.
- Відейко 2006:** М.Ю. Відейко, Матеріали із досліджень трипільської культури на Київщині 2003-2005 років. В: Охорона культурної спадщини Київської області (Київ 2006), 21-28.
- Відейко 2012:** М.Ю. Відейко, Розвідки обласного археологічного музею. В: Археологічні дослідження в Україні 2011 (Луцьк: Волинські старожитності 2012), 236-237.
- Відейко 2016:** М. Відейко, Исследования поселения Триполье. *Tyragetia* s.n. X/1, 2016, 129-145.
- Відейко, Бурдо 2007:** М.Ю. Відейко, Н.Б. Бурдо, Рятувальні дослідження в ур. Коломійців Яр між с. Копачів та Перше Травня Обухівського району Київської області. В: Археологічні дослідження в Україні 2005-2007 р. (Київ-Запоріжжя: Дике поле 2007), 110-114.
- Відейко, Бурдо 2020:** М.Ю. Відейко, Н.Б. Бурдо, Триполье од Днестра до Днепра во второй половине V тыс. до н.э.: аграрная колонизация, инвазии, миграции (возможности исследований). *Tyragetia* s.n. XIV/1, 2020, 7-22.
- Відейко и др. 2017:** М.Ю. Відейко, Н.Б. Бурдо, Р. Улрау, Є.С. Слесарев, М.М. Відейко, Х. Тіде, В. Тіде, Дослідження поселення трипільської культури в ур. Коломійців Яр біля с. Копачов 2016 року. В: Археологічні дослідження в Україні (Київ: Стародавній Світ 2017), 75-78.
- Відейко и др. 2019:** М.Ю. Відейко, Н.Б. Бурдо, Є.С. Слесарев, М.М. Відейко, Новые исследования эпонимного памятника трипольской культуры. *Revista Arheologică* s.n. XV/1, 2019, 65-76.
- Відейко и др. 2020а:** М.Ю. Відейко, Н.Б. Бурдо, Є.С. Слесарев, М.М. Відейко, Розкопки біля с. Трипілля. В: Археологічні дослідження в Україні 2018 року (Київ 2020), 62-65.
- Відейко и др. 2020б:** М.Ю. Відейко, Т.Ю. Гошко, М.М. Відейко, Дослідження та експериментальне відтворення технологій мальованого посуду трипільської культури. Київські історичні студії 1, 2020, 39-52.
- Виноградова 1983:** Н.М. Виноградова, Племена Днестровско-Прутского междуречья в период расцвета трипольской культуры: (периодизация, хронология, локальные варианты) (Кишинев: Штиинца 1983).
- Гошко 2020:** Т.Ю. Гошко, Дослідження виробів і технологій трипільської культури (Ужгород-Київ: ФОП Сабов 2020).
- Динцес 1929:** Л.А. Динцес, Прочерченный трипольский орнамент культуры А. В: Аспирантский сборник Государственной Академии истории материальной культуры, 1 (Ленинград 1929), 15-26.
- Заец 1974:** И.И. Заец, Трипольское поселение Клищев на Южном Буге. *СА* 4, 1974, 180-200.
- Зайцева, Рудь, Федоров 2019:** О.В. Зайцева, В.С. Рудь, С. Федоров, Звіт про роботу Східноподільської археологічної експедиції на території Вінницької області у 2014-2016 роках. В: <http://elibrary.kubg.edu.ua/id/eprint/29945/>
- Квітницький 2006:** М.В. Квітницький, Нові пам'ятки трипільської культури на Київщині. В сб: (ред. Т.М. Моргун, О.В. Бряк, О.Б. Солтис, М.Ю. Відейко) Охорона культурної спадщини Київської області (Київ: Академперіодика 2006), 29-42.
- Козловська 1926а:** В.Є. Козловська, Розкопи у с. Верем'ї у жовтні р. 1925. В: Короткі звіттовлення ВУАК за 1925 рік (Київ 1926), 51-53.
- Козловська 1926б:** В. Козловська, Кераміка культури А. В: В. Козловська (ред.), Трипільська культура на Україні, 1 (Київ 1926), 139-157.
- Мовша 1961:** Т.Г. Мовша, О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века. *СА* 2, 1961, 186-199.
- Мовша 1971:** Т.Г. Мовша, Середній етап трипільської культури. В: Археологія Української РСР, 1 (Київ: Наукова думка 1971), 173-174.
- Хвойка 1901:** В.В. Хвойка, Каменный век Среднего Поднепровья. В: Труды XI Археологического съезда в Киеве в 1899 г., 1 (Москва 1901), 736-812.
- Хвойка 1904:** В.В. Хвойка, Раскопки 1901 г. в области Трипольской культуры. В: Записки Российского археологического общества, V (Санкт-Петербург 1904), 1-26.
- Хвойка 2006:** В. В. Хвойка, Розкопки 1901 р. в області трипільської культури. В: (ред. М.Ю. Відейко) Дослідження трипільської цивілізації у науковій спадщині археолога Вікентія Хвойки, ч. 1 (Київ: Академперіодика 2006), 95-104.
- Цвек 1985:** О.В. Цвек, Особливості формування східного регіону трипільсько-кукутенської спільності. *Археологія* 51, 1985, 31-45.
- Цвек 2006:** О.В. Цвек, Поселення Східнотрипільської культури (Короткий нарис) (Київ: КП «ОТІ» 2006).

- Цвек, Рассемакин 2001-2002:** Е.В. Цвек, Ю.Я. Рассемакин, Поселение восточнотрипольской культуры Мирополье и проблема относительной хронологии памятников типа Средний Стог 2. *Stratum plus* 2, 2001-2002, 218-245.
- Якубенко 2006:** О.О. Якубенко, Колекції із розкопок В.В. Хвойки на трипільських поселеннях у Національному музеї історії України. В: (ред. М.Ю. Видейко) Дослідження трипільської цивілізації у науковій спадщині археолога Вікентія Хвойки, ч. 1 (Київ: Академперіодика 2006), 45-70.
- Kadrow 2003:** S. Kadrow, Mutual contacts between Central European and Tripolyan culture circles in Neolithic. In: Галич в доісторії і середньовіччі: матеріали міжнародної археологічної конференції, Галич, 4-6 вересня 2003 (Галич 2003), 24-28.
- Movsha 2000:** T.G. Movsha, The Tripolye-Cucuteni and the Lengyel-Polgar cultures. *Baltic-Pontic Studies* 9, 2000, 133-167.
- Tsvek 1996:** O.V. Tsvek, Contacts between the Eneolithic tribes of Europe and Eastern-Tripolye culture. In: Cucuteni (Piatra Neamț 1996), 121-130.
- Tsvek 2000:** O.V. Tsvek, The Eastern Tripolye culture and its contacts with the Eneolithic tribes in Europe. *Baltic-Pontic Studies* 9, 2000, 111-132.
- Videiko 2000:** M.Yu. Videiko, Tripolye and the cultures of Central Europe: facts and character of interactions: 4200-2750 BC. *Baltic-Pontic Studies* 9, 2000, 13-68.

Аșezări tripoliene din etapa BI-II pe Nipru

Cuvinte-cheie: Cucuteni-Tripolie, etapa Tripolie BI-II, grup local, regiunea Niprului.

Rezumat: Săpăturile așezărilor culturii tripoliene în partea de est a comunității culturale Precucuteni - Ariușd - Cucuteni - Tripolie au fost începute la sfârșitul secolului al XIX-lea de Vikentie Hvoika. În prezent, aici sunt cunoscute peste 120 de așezări din timpuri diferite, aflate pe malurile cursului mediu al Niprului. Printre primele așezări descoperite a fost cea de lângă satul Tripolie (cercetată între anii 1897-1907), care a dat numele acestei culturi arheologice. Mult timp, reprezentările despre cultura tripoliană în această regiune s-au întemeiat pe informațiile din aceste săpături vechi, publicate modest cu circa 100 de ani în urmă. În ultimii 15 ani, cercetările arheologice ale așezărilor timpurii au schimbat esențial această situație. Sondaje arheologice și săpături diferite ca volum au fost întreprinse în câteva locuri, inclusiv în așezările de lângă satele Dereveana, Dolina, Kopachiv (Kolomyitsiv Yar), Pluty, Posadova Gora. În regiune sunt cunoscute 13 așezări din etapa BI-II și acum există posibilitatea de a opera cu datele privind cronologia și originea lor.

Lista ilustrațiilor:

- Fig. 1. Аșezări din etapa Tripolie BI-II. Grupuri de аșezări din etapa BI-II: A1/A2 - zonele din regiunea Niprului; B - „cultura est-tripoliană”; C - interfluviul Nistrului și Bugului de Sud. 2. Аșezări din etapa Tripolie BI-II în zona A1: 1 - Pogreby; 2 - Kolomyitsiv Yar; 3 - Obukhiv; 4 - Pluty; 5 - Dereviana; 6 - Posadova Gora; 7 - Trypillia; 8 - Shcherbanivka; 9 - Dolyna; 10 - Cherniakhiv; 11 - Veremya.
- Fig. 2. Descoperiri ale siturilor din etapa Tripolie BI-II din zona Niprului: 1, 2 - peștera de la Smorodino; 3 - formă turnată de pe strada Kirilov; 3-8 - topoare-tesle din aramă din săpăturile lui V. Hvoika; 9 - vârf de piatră al unui buzdugan, Scherbanivka. 2 - Muzeul de istorie a Kievului; 3-9 - Muzeul național de istorie a Ucrainei.
- Fig. 3. Săpături la аșezările din etapa BI-II în zona Niprului: 1 - planul аșezării Kolomyitsiv Yar (a - locuințe; b - locuințe probabile; c - săpături); 2-4 - ceramica de sub resturile construcțiilor; 5, 6 - cercetarea gropii de lângă rămășițele unei locuințe, Tripolie, 2018.
- Fig. 4. Ceramică cu ornament adâncit, Tripolie, 2018.
- Fig. 5. Ceramică cu ornament adâncit, Tripolie, săpăturile lui V. Hvoika (1807-1907), Muzeul național de istorie a Ucrainei.
- Fig. 6. Ceramică fără ornamente, Tripolie, 2018.
- Fig. 7. Ceramică cu pictură, Tripolie, 2018.
- Fig. 8. Ceramică de tipul «Cucuteni C», Tripolie, 2018.
- Fig. 9. Ceramică cu ornament adâncit, Kolomyitsiv Yar, săpăturile din anii 2006-2007. Muzeul arheologic regional din Kiev.
- Fig. 10. Ceramică fără ornamentare (1, 5) și cu ornamentare tapată (2-4, 6), Kolomyitsiv Yar, 2006-2007. Muzeul arheologic regional din Kiev.
- Fig. 11. Ceramică cu pictură, Kolomyitsiv Yar, săpăturile din anii 2007, 2016.
- Fig. 12. Ceramică de tipul «Cucuteni C», Kolomyitsiv Yar, săpăturile din anii 2006-2016.
- Fig. 13. Ceramică având trăsături «Cucuteni C» (1, 2, 5, 7) și ceramică fără ornamentare (4, 6), Kolomyitsiv Yar, săpăturile din anii 2006-2016.

Fig. 14. Ceramică din etapa Tripolie BI-II din așezarea Grebeny (Vasylyshyn Yar, săpăturile lui S.N. Bibikov): 1-3 - de tipul «Cucuteni C»; 4, 5 - fără ornamentare; 7, 8 - cu ornamentare adâncită. 1-8 - Fondurile științifice ale Institutului de arheologie al ANȘ a Ucrainei.

Trypillia BI-II stage sites on Dnieper

Keywords: Cucuteni-Trypillia, stage Trypillia BI-II, local group, Dnipro region.

Abstract: Excavations of Trypillia culture sites at Eastern part of the cultural unity Precucuteni-Ariusd-Cucuteni-Trypillia cultural complex started at the end of 19th century by Vikentij Khvoika. Now we know about more than 120 sites, located at the banks of the Dnieper in its middle reaches. Among the first sites discovered there was the site near the village of Trypillia (explored between the period from 1897 to 1907), which gave the name to the archaeological culture. For a long time our knowledge about the beginning of Trypillia culture occupation of this region was based on data from this old investigations, poorly published near 100 years ago. Last 15 years of archaeological investigations of the early sites here substantially changed this situation. Different scale excavations or field prospections were carried out at several places, including sites near Dereviana, Dolyna, Kopachiv (Kolomyitsiv Yar), Pluty, Posadova Gora (Trypillia). The total number of settlements of stage BI-II in this area is 13 now and it is possible to manage data for their internal chronology and origins.

List of illustrations:

Fig. 1. Trypillia stage BI-II. 1. Trypillia stage BI-II groups of sites: A1/A2 - Dnieper region; B - "Eastern Trypillia culture"; C - Dniester-Southern Bug interfluvium; 2. Trypillia stage BI-II sites at Dnieper region, zone A1: 1 - Pogreby; 2 - Kolomyitsiv Yar; 3 - Obukhiv; 4 - Pluty; 5 - Dereviana; 6 - Posadova Gora; 7 - Trypillia; 8 - Shcherbanivka; 9 - Dolyna; 10 - Cherniakhiv; 11 - Veremya.

Fig. 2. Trypillia stage BI-II finds from Dnieper region: 1, 2 - Smorodynska cave; 3 - casting mold from Kyrylivs'ka str.; 3-8 - copper axes from V. Khvoika excavations; 9 - stone mace from Scherbanivka. 1, 2 - Museum of History of Kyiv; 3-9 - National Museum of History of Ukraine.

Fig. 3. Archaeological excavations at Trypillia culture sites: 1 - plan of the Kolomyitsiv Yar site (a - houses; b - possibly houses; c - trenches); 2-4 - pottery under remains of house, Kolomyitsiv Yar, 2006; 5, 6 - pit near the house, Trypillia, 2018.

Fig. 4. Pottery with incised decoration from Trypillia, 2018.

Fig. 5. Pottery with incised decoration from Trypillia, excavated by V.V. Khvoika (1897-1907). National Museum of History of Ukraine.

Fig. 6. Pottery without decoration from Trypillia, 2018.

Fig. 7. Painted pottery from Trypillia, 2018.

Fig. 8. "Cucuteni C" type pottery from Trypillia, 2018.

Fig. 9. Pottery with incised decoration from Kolomyitsiv Yar, 2006-2007. Kyiv Domain Archaeological Museum.

Fig. 10. Pottery without decoration (1, 5) and with fluted decoration (2-4, 6) from Kolomyitsiv Yar, 2006-2007. Kyiv Domain Archaeological Museum.

Fig. 11. Painted pottery from Kolomyitsiv Yar, 2007, 2016. Kyiv Domain Archaeological Museum.

Fig. 12. "Cucuteni C" type pottery from Kolomyitsiv Yar, 2006-2016.

Fig. 13. Pottery with features of "Cucuteni C" type (1, 2, 5, 7) and pottery without decoration (4, 6) from Kolomyitsiv Yar, 2006-2016.

Fig. 14. Pottery from Trypillia BI-II stage site of Grebeny (Vasylyshyn Yar, excavations by S. Bibikov): 1-3 - "Cucuteni C" type; 4, 5 - without decoration; 7, 8 - with incised decoration. 1-8 - Institute of Archaeology NAS of Ukraine.

26.02.2021

Д-р хаб. Михаил Видейко, Киевский университет имени Бориса Гринченко, ул. Маршала Тимошенко 13Б, Киев, Украина, <https://orcid.org/0000-0002-8708-0749>, e-mail: my.videiko@kubg.edu.ua

Д-р Виталий Рудь, Киевский университет имени Бориса Гринченко, ул. Маршала Тимошенко 13Б, Киев, Украина, <https://orcid.org/0000-0001-8087-2236>, e-mail: v.rud@kubg.edu.ua

Д-р Татьяна Гошко, Киевский университет имени Бориса Гринченко, ул. Маршала Тимошенко 13Б, Киев, Украина, <https://orcid.org/0000-0002-3523-7062>, e-mail: t.hoshko@kubg.edu.ua

Мария Видейко, Киевский университет имени Бориса Гринченко, ул. Маршала Тимошенко 13Б, Киев, Украина, <https://orcid.org/0000-0001-9786-9738>, e-mail: m.videiko@kubg.edu.ua

UN LOT CERAMIC GUMELNIȚEAN, DESCOPERIT ÎN LOCALITATEA CIOBALACCIA, RAIONUL CANTEMIR*

Eugen Mistreanu

Cuvinte-cheie: eneolitic, Gumelnița, aspectul Bolgrad – Stoicani/Aldeni, așezare, ceramică.

Introducere

Spațiul pruto-nistrean, definit ca un areal geografic amplasat între râurile Prut și Nistru, este prezentat, din punct de vedere cultural, ca o zonă de contact între diverse culturi de-a lungul timpului. Cu toate acestea, realitățile locuirii eneolitice scot în evidență zona de sud, sectorul de trecere de la zona de silvostepă la cea de stepă, care este, de fapt, arealul periferic al mai multor culturi, în speță – hotarul de sud al comunităților precucuteniene și de nord-est al grupurilor culturale de sorginte gumelnițeană, mai exact, al aspectului Bolgrad – Stoicani/Aldeni (Dragomir 1983; Comșa 1985; Comșa 1987; Marinescu-Bîlcu 1974; Маркевич 1973; Бейлекчи 1978; Субботин 1983).

Aria nordică a comunităților gumelnițene din teritoriul pruto-nistrean este puțin cunoscută, chiar dacă zona pare destul de prielnică din punct de vedere geografic pentru comunitățile umane eneolitice. Informațiile privind urmele – atât precucuteniene, cucuteniene, cât și gumelnițene – sunt destul de sărace, numărul așezărilor identificate fiind foarte mic (Маркевич 1973; Bodean 2001; Manzura 2005, 317, fig. 2; Mistreanu 2019). După cum se poate observa, locuiri din epoca timpurie a cuprului nu se înregistrează pe suprafețe destul de întinse, nefiind documentate, sau chiar absente (fig. 1). Astfel, orice descoperiri arheologice neo-eneolitice, identificate în regiunea respectivă, sunt de bun augur pentru cei ce sunt interesați de acest subiect și încearcă să reconstituie realitățile sociale, economice, religioase și alte aspecte ale unor comunități umane din a doua jumătate a mil. V a. Chr. O zonă în care locuirea gumelnițeană nu era descoperită, ci doar presupusă, este valea râulețului Larga (fig. 3/5), ce prezintă un potențial arheologic des-

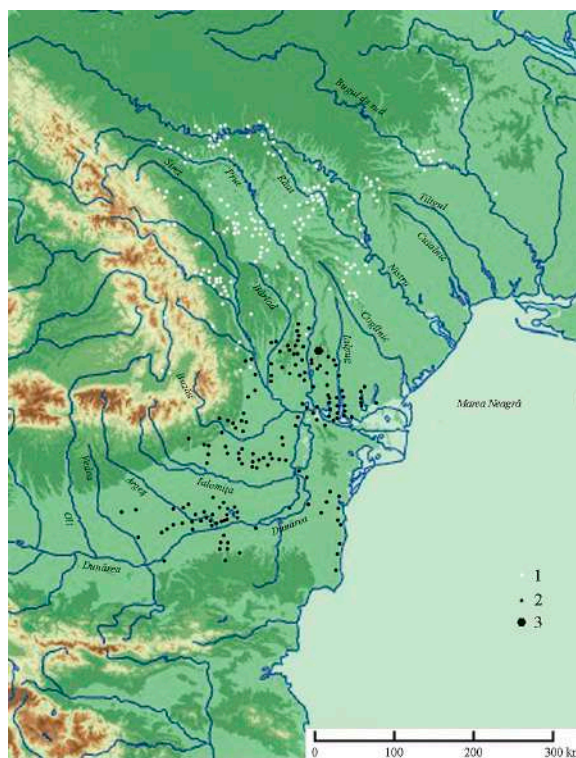

Fig. 1. Harta răspândirii așezărilor din perioada eneolitică timpurie. 1 - Cultura Precucuteni-Tripolie A; 2 - Bolgrad - Stoicani/Aldeni, Gumelnița A1; 3 - așezarea Ciobalaccia II.

tul de important și interesant, ținând cont că relativ recent au fost documentate două noi așezări – Lărguța II și Cîrpești III – ale culturii Cucuteni-Tripolie, etapa Cucuteni A4/A-B1 (Bodean, Popovici, Vornic 2019). Acest râuleț traversează, în mare parte, raionul Cantemir, vărsându-se în râul Prut, în preajma localității Chircani, raionul Cahul, fiind completat totuși cu unele descoperiri eneolitice, care vor fi relatate în rândurile ce urmează.

Istoricul descoperirii

Pentru prima dată informația despre o așezare a culturii Gumelnița a fost observată în primăvara anului 2014, într-o notă de mână, scrisă cu creio-

* Acest articol a fost elaborat în cadrul proiectului 20.80009.0807.43 „Patrimoniul muzeal și memoria istorică: cercetare, interpretare, prezentare”.

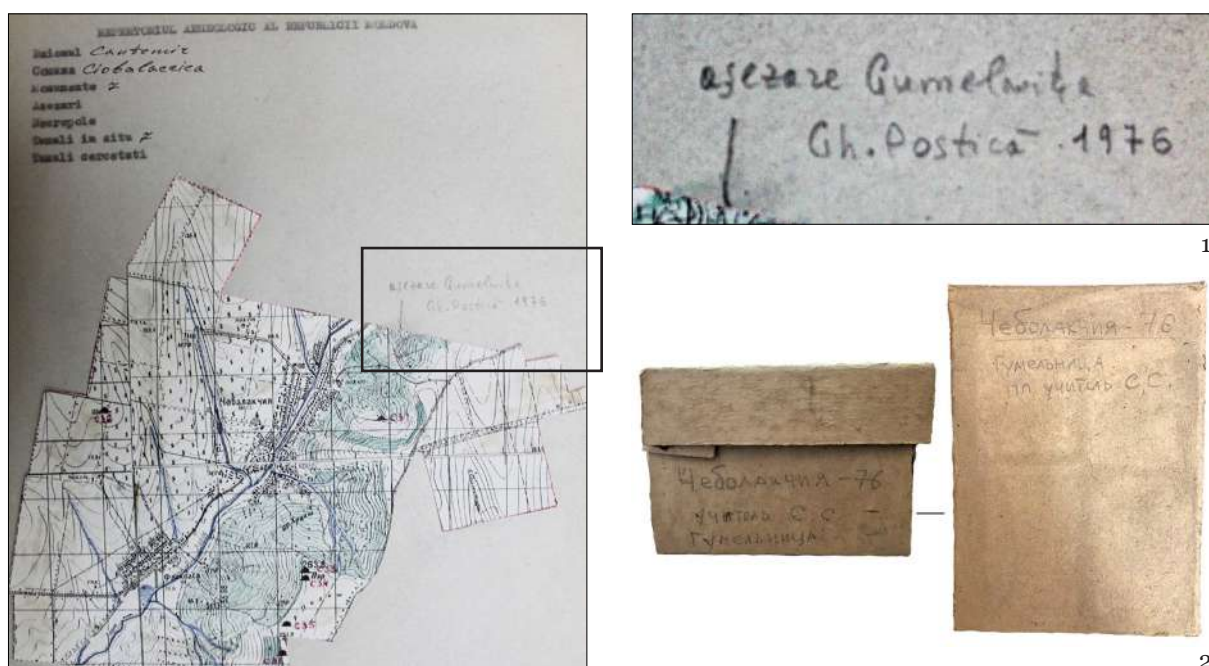

Fig. 2. 1 - Mențiunea de pe harta arheologică a localității Ciobalaccia, anexată la *Repertoriul monumentelor arheologice din Republica Moldova. Raionul Cantemir*; 2 - cutia în care se păstrau piesele de la Ciobalaccia II.

nul pe harta arheologică a localității Ciobalaccia, înregistrată în Repertoriul Arheologic al Republicii Moldova, aflat la Agenția Arheologică Națională. Însemnarea respectivă reprezintă o zonă încercuită la nord-est de localitate, însoțită de textul: *așezare Gumelnița, Gh. Postică 1976* (fig. 2/1).

Veridicitatea informației cu privire la existența unei așezări gumelnițene în preajma localității amintite a fost susținută ulterior prin identificarea unor fragmente ceramice reîntregibile, descoperite, în 2019, într-o cutie, aflată în fondul arheologic al Muzeului Național de Istorie a Moldovei, pe care este notat cu caractere chirilice: *Cebolaccia 1976* (fig. 2/2). Toate informațiile amintite au fost confirmate verbal de dl. Gh. Postică¹. Acesta a relatat că piesele respective au fost recuperate, în anul 1976, de la profesorul local Serghei Semionovici, iar zona a fost verificată personal de domnul profesor Postică, care a observat fragmente masive de cioburi și lut ars de la locuințe de suprafață, *gen platforme eneolitice*, iar materialele colectate au fost transmise colegilor arheologi, în sfera științifică a cărora intra tema neoliticului și a epocii cuprului. Din varii motive, punctul arheologic, precum și materialul arheologic nu

au fost introduse în circuitul științific – scăpare pe care ne propunem s-o reparăm în contribuția noastră, dat fiind faptul că materialul în sine este spectaculos, dar mai ales că, după cum vom vedea, locația respectivă devine astăzi cea mai nordică așezare gumelnițeană din interfluviul Prut – Nistru. Amintim că până în prezent în raza comunei Ciobalaccia nu sunt atestate așezări arheologice, în *Repertoriul Arheologic pentru raionul Cantemir, varianta 1993*, sunt amintiți 7 tumuli (Bubulici 1993), iar în Registrul Arheologic Național este menționată și o necropolă, Ciobalaccia I, datată cu epoca romană târzie – sec. III-IV d. Chr. Ținând cont de aceste detalii, propunem ca noul sit să fie înregistrat cu denumirea Ciobalaccia II².

Amplasarea

Folosind posibilitățile de localizare moderne (google maps; geoportal.md), constatăm că zona sitului arheologic se află în stânga drumului local L619, la 1,3 km est de marginea de nord-est a satului Victorovca, parte a comunei Ciobalaccia. Este amplasat la 1,1-1,3 km est de râulețul Larga, la altitudinea de 160 m, într-o zonă actualmente

¹ Mulțumim și pe această cale dl. dr. hab. Gheoghe Postică pentru permisiunea de a publica aceste descoperiri și amabilitatea cu care ne-a relatat despre recuperarea și condițiile descoperii vestigiilor.

² Informația privind această descoperire a fost transmisă Agenției Arheologice Naționale, în conformitate cu prevederile *Legii nr. 218 din 17.09.2010 privind protejarea patrimoniului arheologic și Regulamentul cu privire la clasarea și evidența patrimoniului arheologic*, iar denumirea este coordonată cu instituția de profil.

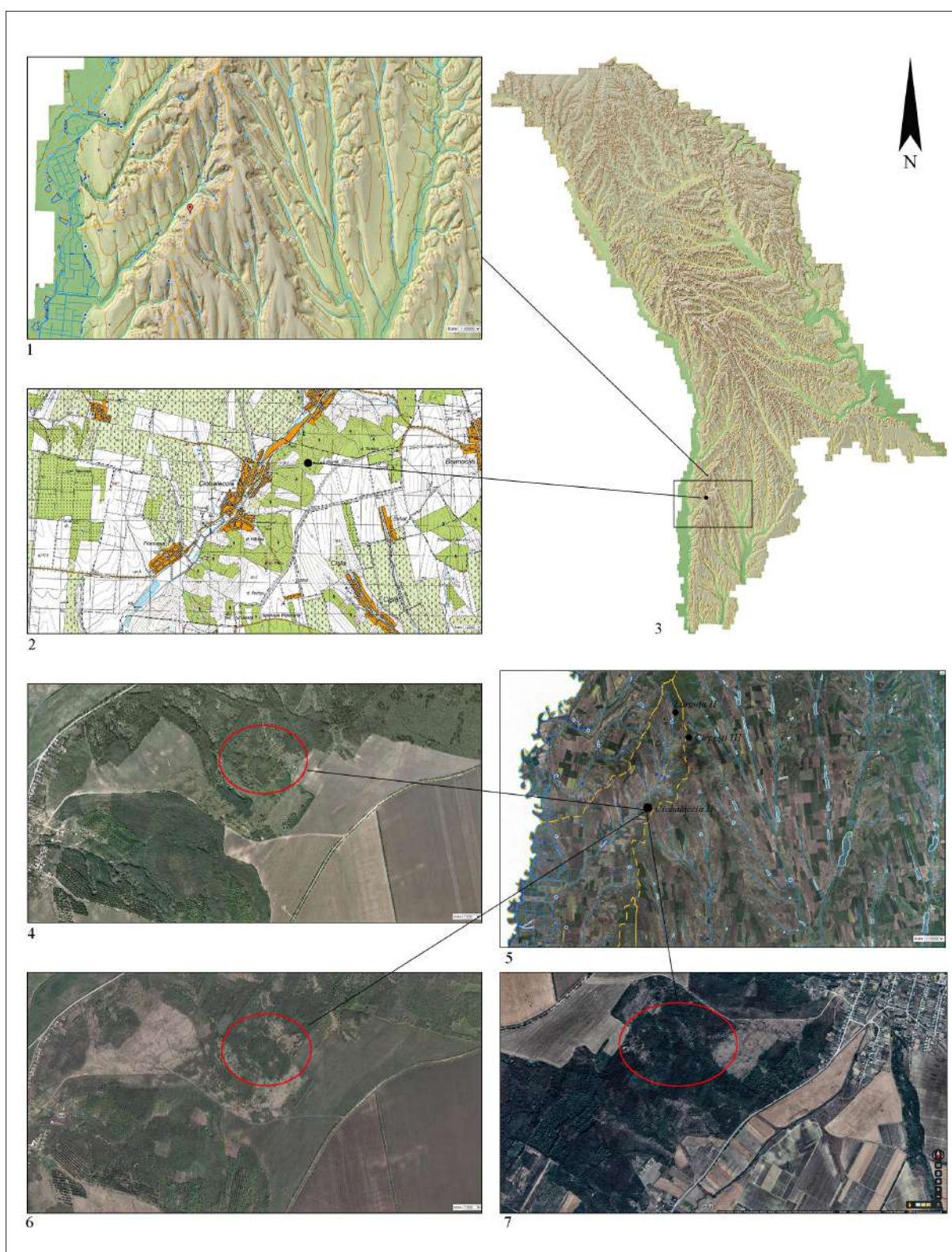

Fig. 3. Ciobalaccia II. 1-3 - Localizarea geografică pe harta reliefului și topografică; 4 - ortofoto 2007; 5 - bazinul hidrografic al râului Larga; 6 - ortofoto 2016; 7 - imagine satelit 2021 (URL: <https://www.google.com/maps/@46.17851,28.2965364,5483m/data=!3m1!1e3>).

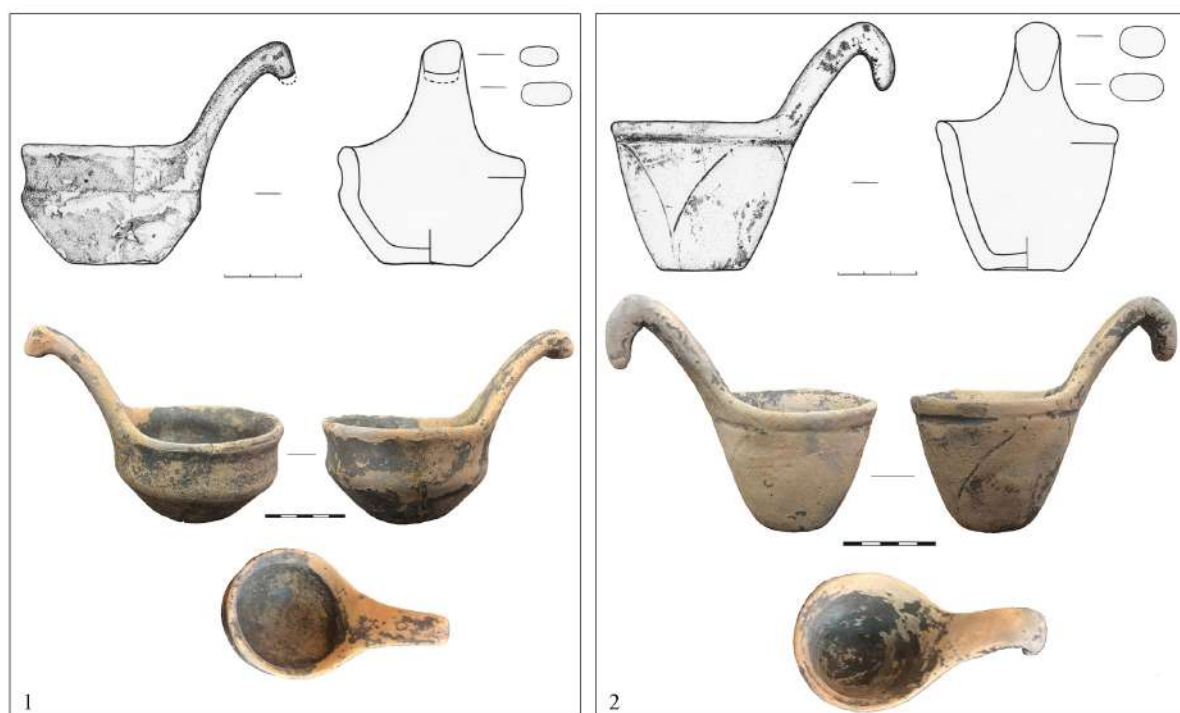

Fig. 4. Ciobalaccia II. Vase-polonice (desen, foto).

acoperită de vegetație, împădurită, unde textura solului este luto-argiloasă, moderat erodată, întretăiată de câteva râpi cu izvoare (fig. 3). Zona respectivă se încadrează în marginea de sud a așa-numitului masiv al *Podișului Tigheciului / colinele Tigheciului*, situat în partea sudică a Republicii Moldova, acesta fiind o continuare a Podișului Moldovei Centrale, cu o înclinare generală de la N spre S, altitudinea maximă fiind atinsă în Dealul Lărguța – 301 m. Este o regiune deluroasă, în care locuirea neo-eneolitică nu este bine documentată, dar care – putem presupune – e zona de contact dintre culturile Gumelnița A1/A2, Precucuteni III și Cucuteni A pentru spațiul pruto-nistrean. (Mistreanu 2019, 113).

Tipologie

Lotul ceramic este compus din două polonice și un păhăruț întreg, un pahar și o cupă, reîntregibile, pe suprafața interioară a cărora este notat cu caractere chirilice: *Ciobalaccia*. De asemenea, mai există un recipient de formă tronconică alungită, gen cupă sau capac (cu mâner, posibil, zoomorf), o formă mai degrabă inedită.

1. Polonic cu căuș globular, de formă sferică, partea superioară a peretelui arcuită spre exterior, buza – un pic evazată, fundul drept, cu marginea evidențiată printr-o muchie, cu suprafața neuni-

formă, toarta având formă de cârlig, plină, înălțată, prinsă direct de bază – gura căușului, circulară, alungită în secțiune, capătul torții este lipsă. Este modelat cu mâna din pastă fină, bine preparată, având ca degresant nisipul. Culoarea cărămizie-gălbuie, ardere oxidantă, uniformă. Suprafețele netezite, ușor poroase, pe alocuri corodate. Vas de bucătărie (fig. 4/1). Dimensiuni³: DB – 42; Î – 45; DG – 74; LT – 56; DM – 75; DT – 12×41.

2. Polonic cu căuș tronconic și buza verticală, evazată ne semnificativ, fundul ușor concav, toartă de formă cârlig, plină, înălțată, prinsă direct de baza căușului, circulară alungită în secțiune. Modelat cu mâna din pastă fină, bine preparată, cu adaos de nisip și ceramică pisată, de granulație mică. Culoarea cărămizie-gălbuie, ardere oxidantă, uniformă. Decor incizat format dintr-o linie orizontală, dispusă sub buza vasului pe toată circumferința vasului, și patru cercuri ovale verticale, dispuse pe peretele piesei, imediat sub linia orizontală. Suprafețele netezite, ușor poroase, în interior se observă niște striții moderne, corodate sporadic. Vas de bucătărie (fig. 4/2). Dimensiuni: DB – 30; Î – 57; DG – 68×71; LT – 55; DT – 11×40.

³ Dimensiunile pieselor sunt date în milimetri, fiind utilizate următoarele abrevieri: Î = înălțime; DM = diametrul maxim; DG = diametrul gurii; DB = diametrul bazei; DT = diametrul torții; LT = lungimea torții.

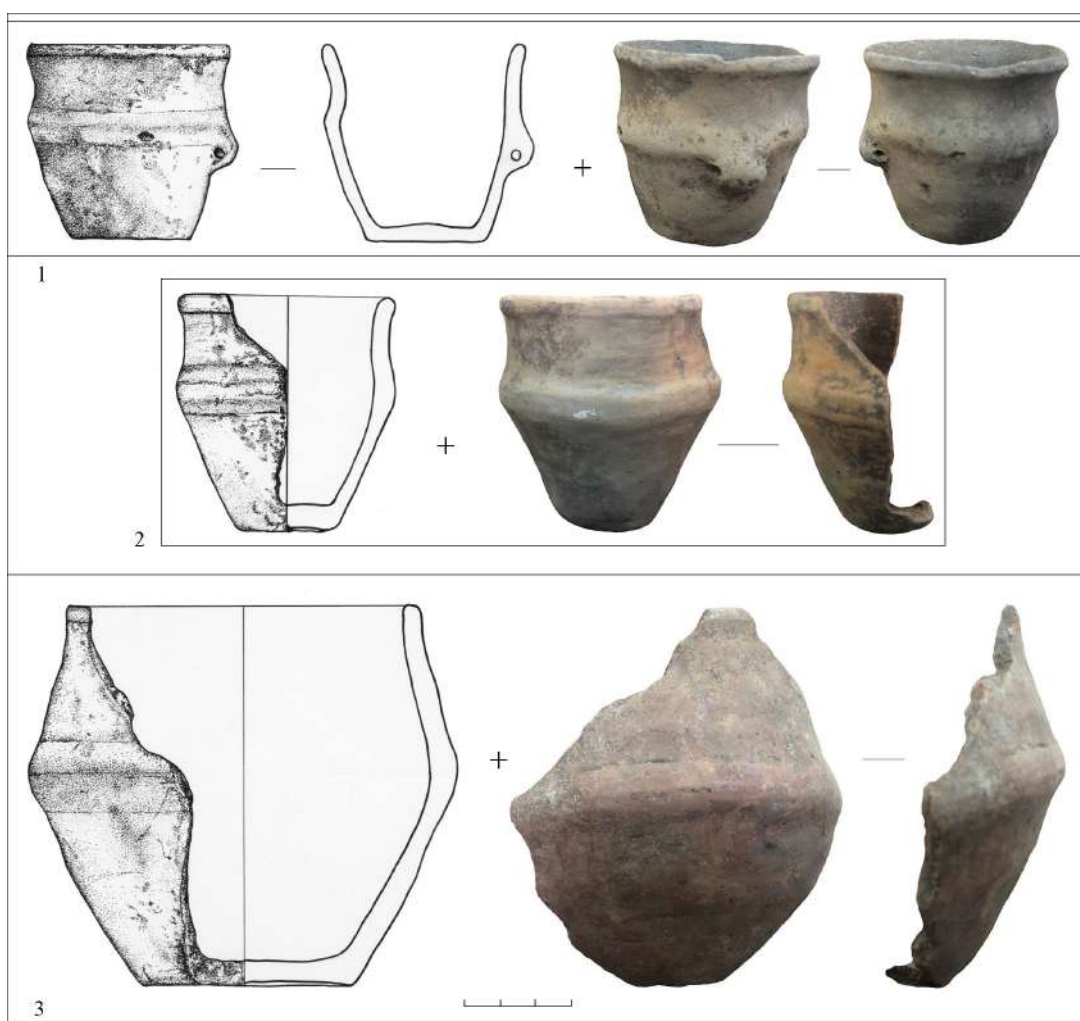

Fig. 5. Ciobalaccia II. Vase-pahare / cupă (desen, foto).

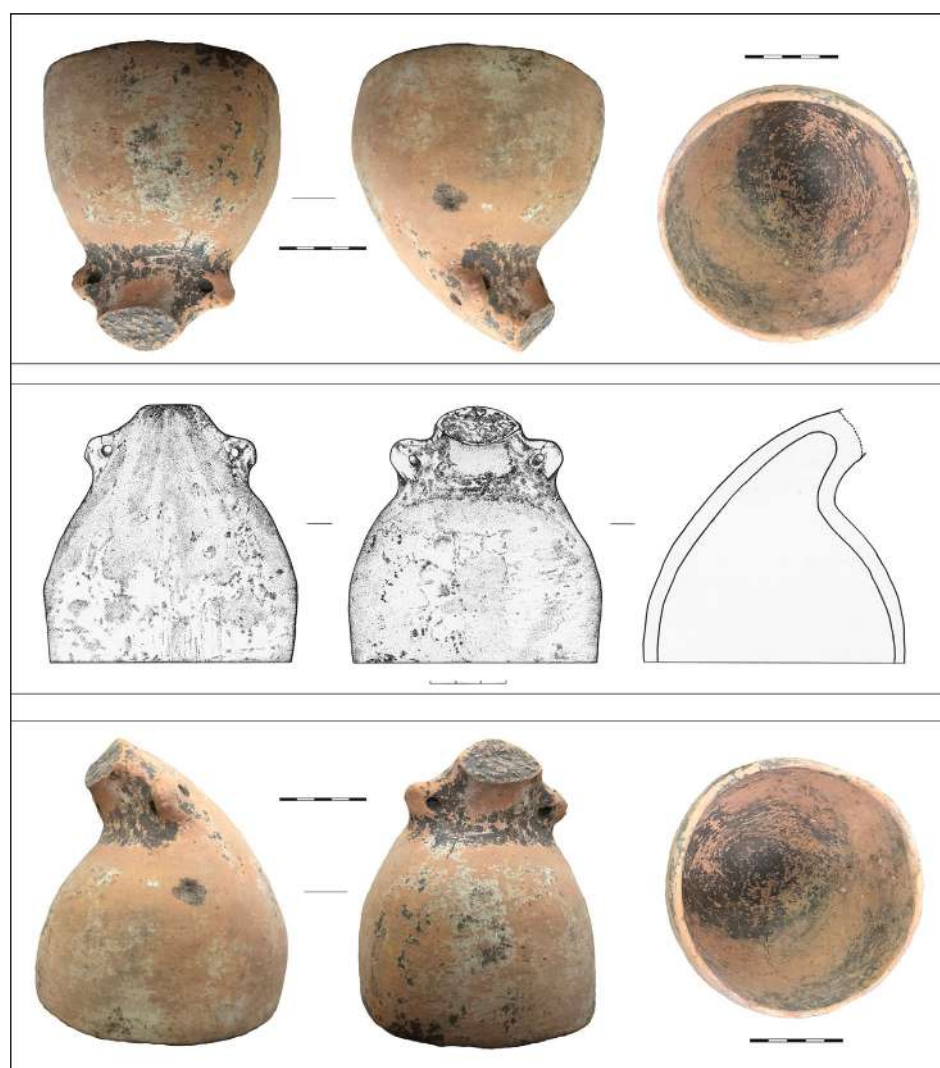
3. Pahar de formă bitronconică, având corpul ușor evidențiat, buza evazată spre exterior, fundul drept, cu impresiuni de stofă, forma ușor ovală. Pe corpul vasului se evidențiază umerii – un brâu pe care este modelată o apucătoare/tortiță cu orificiul orizontal. Modelat cu mâna din pastă fină, cu adaos de nisip și ceramică pisată. Culoarea cenușie-gălbuie, arderea atât reducătoare, cât și secundară. Suprafețele bine netezite, cu urme de lustruire pe alocuri (fig. 5/1). Dimensiuni: DB – 33×36; Î – 55; DG – 57; DM – 55; DT – 12.

4. Pahar, fragmentar, de formă bitronconică, cu umerii evidențiați, buza dreaptă, ușor răsrântă spre exterior, fundul concav. Modelat cu mâna din pastă fină, având ca degresant nisip și ceramică pisată mărunt. Culoarea – cenușie-gălbuie, ardere reducătoare, secundară. Pe suprafața exterioară se distinge un decor canelat, dispus orizontal pe toată circumferința vasului. Suprafețele

sunt bine netezite (fig. 5/2). Dimensiuni: DB – 23; Î – 65; DG – 55; DM – 60.

5. Pahar (cupă), fragment, de formă bitronconică, cu profilul arcuit, gâtul scurt, buza dreaptă, fundul un pic concav. Modelat cu mâna din pastă semifină. Culoarea cărămizie-roșie, ardere oxidantă, precum și secundară. Suprafața netedă neuniformă, sunt sesizate slab urme de pictură albă (fig. 5/3). Dimensiuni: DB – 38; Î – 110; DG – 100; DM – 110.

6. Vas inedit, fragment, forma tronconică, semi-sferică, alungită, buza dreaptă. Mânerul curbat continuă dinspre fundul vasului, este rupt, la baza sa are două tortițe-urechiușe cu orificii orizontale. Modelat cu mâna din pastă fină de lut, cu adaos de nisip și mici bucăți albe de calcar, observate pe interiorul vasului. Culoarea cărămizie-roșiatică, ardere oxidantă. Pe suprafața exterioară, netedă, se observă urme de pictură albă,

Fig. 6. Ciobalaccia II. Vas *rhyton* (desen, foto).

în interior suprafața e ușor poroasă, nivelată neglijent, corodată în zona bazei mânerului, dar și în alte locuri – atât în interior, cât și pe exterior. Pe suprafața exterioară are o porțiune cu urme de scrijelire pe crud, stratul de pictură fiind plasat ulterior (fig. 6). Dimensiuni: Î – 108; DG – 107×100; DT – 65×32.

Discuții primare (tehnologia, funcționalitatea, analogii, cronologie relativă)

Modelarea vaselor este destul de îngrijită. Artefactele existente sunt confecționate din pastă bună, omogenă, folosindu-se ca degresant nisipul și având incluziuni de mici cioburi pisate – șamotă, bine arse, de culoare cenușie-gălbuie, cărămizie, gălbuie-cărămizie. Se încadrează în categoria ceramicii fine și semifine, după criteriile

general acceptate și folosite în stabilirea categoriilor de pastă în împărțirea ceramicii preistorice, gumelnițene, în special (Ignat et al. 2012, 106), sau în categoria ceramicii bune și fine (Dragomir 1983, 53). Aceste tipuri pot fi atribuite și categoriilor A și B, după V. Voinea (Voinea 2005, 31), categorisire aplicată cu adevărat asupra ceramicii Gumelnița A2. Pentru spațiul postsovietic, grupul nostru de recipiente s-ar încadra la așa-numita *ceramică de sufragerie* (Субботин 1983, 71).

Ținând cont de formele prezentate, lotul ceramic recuperat își găsește analogii foarte exacte în mediul Bolgrad – Stoicani/Aldeni, cât și în așezările de tip *tell* ale culturii Gumelnița. Specificăm că nu ne-am propus o catalogare exhaustivă a pieselor, cu toate acestea, amintim de unele exemplare, întâlnite în mai multe situri gumelnițene, apropiate ca formă de piesele noastre.

Pentru primul polonic găsim analogii la Lopățica (Бейлекчи 1978, рис. 63/10), Taraclia II (Манзура, Сорокин 1990, 90, рис. 2/8), Lișcoteanca III (Dragomir 1983, fig. 5; Dragomir 1979, fig. 18/9), Murgeni (Dragomir 1983, fig. 26/15, 17; Dragomir 1979, fig. 18/8), Dodești (Dragomir 1979, fig. 18/1-3, 6-7).

Forma celui de-al doilea polonic este observată la Lopățica I (Бейлекчи 1978, рис. 52/11), Vulcănești II (Бейлекчи 1978, рис. 52/11), Dodești (Dragomir 1983, fig. 26/7, 8).

În general, fragmente de polonice, mai ales torți, sunt frecvent întâlnite în arealul Bolgrad – Stoicani/Aldeni – atât în aria vestică, cât și în cea estică a aspectului cultural (Dragomir 1983, 58, 65, 82, pl. 26, 27; Voinea 2005, 82; Бейлекчи 1978, 103; Субботин 1983, 81, 82). Amintim aici de: Aldeni (Ștefan, Comșa 1957, 97), Bălănești (Boroneanț, Frînculeasa, Dumitrașcu 2014, 157, pl. 11/1-5), Frunțișeni (Rotaru et al. 2008, 170, fig. 6/7, 12), *Mălăeștii de Jos* (Paveleț 2010, fig. 34), Seciu (Frînculeasa, Negrea 2010, pl. 4-7), Urlați (Andrescu et al. 2007, 16, 17, pl. 2/7), Coțatcu (Paveleț 2010, 68, 69) etc. Categoria de vase-polonice este un indicator de import în așezările Gumelnița, un exemplu în acest sens fiind așezarea de la Măriuța (Simion 1995, 30, fig. 2/7).

La fel ca polonicele, paharele sunt întâlnite deseori în mediul gumelnițean (Бейлекчи 1978, 103; Dragomir 1983, 59, 66, 67; Субботин 1983, 74). Remarcăm similitudini pentru exemplarele noastre, cu formele descoperite, la: Aldeni (Paveleț, Grigoraș 2011, 16), Stoicani (Dragomir 1983, 88), *Mălăieștii de Jos* și Coțatcu (Paveleț 2010, 28, 59, 60, fig. 115), Vulcănești II (Бейлекчи 1978, рис. 13/2, 43/4), Lopățica (Бейлекчи 1978, рис. 72/2-4), Bolgrad, Ozeornoe, Nagornoe II (Субботин 1983, рис. 37, 38, 75, 76), Suceveni (Dragomir 1970, fig. 12/1,2; Dragomir 1983, fig. 21/8; fig. 29/1-3; fig. 46/3), Băneasa (Dragomir 1969, fig. 16/3; 17), Dodești (Dragomir 1979, fig. 16, în special 16/5; Dragomir 1983, fig. 28/13-21), Lișcoteanca III (Dragomir 1979, fig. 17/4), Bălănești (Boroneanț, Frînculeasa, Dumitrașcu 2014, 158, pl. 12/8, 9), Urlați (Frînculeasa, Niță, Dumitrașcu 2008, 99, 107, pl. 2/1, 9; 108, pl. 4/8; pl. 5/8), Bârlălești „Stanția” (Ștefan 2011, 155), Drăgănești-Tecuci (Comșa 1963, 17) etc.

Exemplarul fragmentat de pahar (cupă), la fel, este un tip întâlnit adesea în siturile gumelnițene (Dragomir 1983, 72, 73). Această formă este rele-

vantă pentru puterea de sinteză a purtătorilor aspectului cultural Bolgrad - Stoicani/Aldeni, apare atât în cultura Gumelnița, cât și în Cucuteni, de pildă, exemplarul de la Coțatcu (Paveleț 2010, 78, 79, fig. 87/1). Polonicele, paharele și cupa erau potrivite pentru servit lichidele, dar și unele mese mai solide, vasele făceau parte, cel mai probabil, din inventarul unei locuințe, fiind folosite foarte des în activitățile casnice.

Despre recipientul inedit relatăm că funcțiile ipotetice, propuse ca urmare a analizei formei, ar fi fost următoarele: acesta putea fi folosit ca un capac, privit dintr-o perspectivă, doar că dimensiunile sale îngustează această utilizare; nu exclu-dem că ar fi fost utilizat ca un tip de vas-căuș, ținând cont de toarta sa, care se curbează evident, și de interiorul modelat grosier; căușul prezentat putea fi folosit pentru mutarea grânelor sau a altor alimente solide, doar că nu se observă urme de uzură pe suprafața exterioară activă, specifice unei asemenea întrebuintări. Înclinăm să credem că piesa prezentată era totuși un vas de servit lichide, chiar dacă suprafața interioară este mai puțin netedă. Privit din această perspectivă, el reprezintă o cupă, așa-numitul vas *rhyton*, vârful căruia era modelat în forma unui cap de animal, foarte probabil în cazul nostru, cele două tortițe având rolul de urechiușe. Pictura în alb semnalată de noi, presupunem, are și rol de impermeabilitate. Acest tip de vas e prezentat ca o caracteristică a culturii Gumelnița, totuși rar întâlnit în mediul gumelnițean, chiar și neo-eneolitic european, fiind acceptat a fi un vas ritualic, cu destinație cultică (Marinescu-Bîlcu 1999-2000, 253; Marinescu-Bîlcu 1990; Voinea 2005, 47). Tipul acesta de recipient a fost semnalat încă la începuturile descoperirii culturii Gumelnița, în așezarea eponimă de la Gumelnița (Dumitrescu 1924, 336, fig. 9/2; fig. 3/4), un exemplar de *rhyton* cu mâner de tip toartă fiind identificat la Căscioarele (Ștefan 1925, 162, fig. 22/4, fig. 24/39). Vasele *rhyton* sunt apariții rare în zona extracarpatică (Trușești), ceva mai frecvente fiind în arealul sudic (Căscioarele, Vidra, Sultana, Stara Zagora (Frînculeasa 2016, 63; Frînculeasa 2012, 136). Mai nou, sunt descoperite exemplare la Seciu (Frînculeasa, Negrea 2010, pl. V/12; VII/4; Frînculeasa 2012, 136, pl. 4/4) și *Mălăieștii de Jos* (Frînculeasa 2012, 136, pl. 4/6).

Subliniem că am făcut abstracție de decorul, ornamentul vaselor în exemplificarea de mai sus, pentru că recipientele – ca polonicele și paharele – sunt destul de variate atât ca formă,

cât și ca decor, în toată evoluția comunităților gumelnițene de aspect Bolgrad – Stoicani/Aldeni. Totuși putem observa că lipsa unor elemente la polonice, cum e ornamentul cu creștături, provenit de la culturile Boian și Precucuteni (Dragomir 1983, 58), cromatică roșie-gălbuie-cărmizie a recipientelor ne permit să afirmăm că piesele sunt dintr-o etapă mai târzie de evoluție a acestor comunități (Dragomir 1983, 22-23), nuanțele fiind semnalate exclusiv în nivelurile superioare din așezările aspectului Stoicani-Aldeni, un exemplu elocvent fiind întâlnit în siturile Drăgănești-Tecuci și Suceveni (Dragomir 1970, 28). Pictura în alb de pe exemplarul de vas *rython* este încă un indiciu pentru o datare mai târzie a acestei așezări. Nu excludem și posibilitatea influențelor Precucuteni-Cucuteni A în situl amintit, întrucât formele recuperate de noi pot fi observate și în mediul precucutenian timpuriu. Tipul paharelor prezentate de noi sunt tratate în literatură cu termenul de „tip protocucutenian” (Dragomir 1970, 37), iar formele pot fi observate în mediul Precucuteni (Marinescu-Bîlcu 1974, 58, 68, 69, 78). Amintim că importuri de ceramică, precum și inventar Bolgrad – Stoicani/Aldeni, au fost descoperite și în așezările tripoliene și cucuteniene, observațiile fiind valabile și în privința situației inverse: în așezări Bolgrad - Stoicani/Aldeni fiind documentate elemente precucuteniene timpurii (Frînculeasa 2016, 63-67; Субботин 1983, 129), cele mai apropiate geografic fiind la Ruseștii Noi, Cărbuna și Hansca (Sorochin 2001, 85).

Concluzii

Având în vedere că a fost abordată doar colecția de ceramică din așezarea gumelnițeană, rezultatele nu pot genera concluzii care să depășească un stadiu strict preliminar. Un următor pas firesc constă în verificarea pe teren a zonei din preajma localității Ciobalaccia. Cu toate acestea, informațiile acumulate ne permit să susținem realitatea acestei așezări: lotul ceramic descris prezintă elemente

care demonstrează indubitabil existența locuirii gumelnițene în punctul din preajma localității Ciobalaccia. Tipologia materialului ceramic ne conving că el provine dintr-o așezare a unor comunități gumelnițene de la mijlocul mileniului V a. Chr. stabilite la est de Prut. Această constatare face ca noul punct arheologic să fie cea mai nord-vestică așezare gumelnițeană în interfluviul pruto-nistrean, devenind a 34-a așezare documentată, cele mai apropiate fiind așezările Cucoara I și Cucoara II, spre sud-vest, iar în direcția sud-est se află așezarea Chioselia Mare I (Mistreanu 2019, fig. 1, 104, 105; Mistreanu 2013). Observăm că populațiile eneolitice gumelnițene își largesc arealul de habitat, înaintând spre ținuturile Tigheciului, o zonă de hotar între comunitățile Precucuteni II-III – Cucuteni A și mediul gumelnițean local, zona de contact îngustându-se (vezi fig. 1). Acest nou sit va oferi, sperăm, răspunsuri la întrebările privind interacțiunea, legăturile, influența reciprocă a locuirilor de tip Bolgrad – Stoicani/Aldeni și cucuteniene timpurii în această zonă, periferică pentru ambele blocuri culturale. Abordarea ariei estice a civilizației eneolitice dunărene, în speță grupul cultural Bolgrad – Stoicani/Aldeni, este un demers necesar completării imaginii de ansamblu a acestei civilizații. Densitatea și dinamica locuirii gumelnițene în zona noastră de studiu, presupunem, este mult mai complexă, apropiindu-se de cea din dreapta Prutului (Dragomir 1983, 124-125, fig. 1). Pentru cunoașterea, determinarea specificului civilizației gumelnițene în aria de răspândire nord-estică, este imperios necesar a se efectua mai multe cercetări de teren în zona de trecere de la landsaftul de stepă-câmpie la cel de silvostepă, administrativ, ar fi raioanele Cahul, Cantemir, Leova, Cimișlia, UTAG, Anenii Noi. Geografic, ne-am extinde spre colinele Tigheciului dinspre stepa Bugeacului, în partea de vest, iar în partea de est ar fi de exploatat bazinul râului Ialpuș, ajungând chiar spre văile râurilor Cogîlnic și Botna.

Bibliografie

- Andreescu et al. 2007:** R. Andreescu, A. Frînculeasa, D. Garvăn, T. Nica, I. Torcică, L. Niță, V. Dumitrașcu, Noi cercetări arheologice în Muntenia. Descoperirile de la Urlați (jud. Prahova). *Argesis XVI*, 2007, 11-15.
- Bodean 2001:** S. Bodean, Așezările culturii Precucuteni-Tripolie A din Republica Moldova (Chișinău 2001).
- Bodean, Popovici, Vornic 2019:** S. Bodean, S. Popovici, V. Vornic, Două așezări Cucuteni-Tripolie din zona colinelor Tigheciului. *Arheologia preventivă în Republica Moldova IV*, 2019, 27-40.
- Boroneanț, Frînculeasa, Dumitrașcu 2014:** A. Boroneanț, A. Frînculeasa, V. Dumitrașcu, New data on the Stoicani-Aldeni cultural aspect. The archaeological excavations from the Eneolithic site at Bălănești (Buzău County). *Studii de Preistorie 11*, 2014, 125-162.
- Bubulici 1993:** V. Bubulici, Repertoriul monumentelor arheologice din Republica Moldova. Raionul Cantemir (Chișinău 1993) (manuscris). Arhiva MNIM, nr. inv. 6.

- Comșa 1963:** E. Comșa, Unele probleme ale aspectului cultural Aldeni II. SCIV 14/1, 1963, 7-31.
- Comșa 1985:** E. Comșa, Date noi referitoare la contactele dintre comunitățile Aldeni II și cele ale culturilor vecine. Carpica XVII, 1985, 27-32.
- Comșa 1987:** E. Comșa, Neoliticul pe teritoriul României. Considerații (București 1987).
- Dragomir 1969:** I.T. Dragomir, Contribuții la cunoașterea aspectului cultural Stoicani-Aldeni (Săpăturile de la Lișcoteanca, județul Brăila și Băneasa, județul Galați). Danubius II-III, 1969, 45-64.
- Dragomir 1970:** I.T. Dragomir, Aspectul cultural Stoicani-Aldeni. Considerații asupra ceramicii. Danubius IV, 1970, 25-92.
- Dragomir 1979:** I.T. Dragomir, Considerații generale privind aspectul cultural Stoicani-Aldeni. Danubius VIII-IX, 1979, 21-66.
- Dragomir 1983:** I.T. Dragomir, Eneoliticul din sud-estul României (Aspectul cultural Stoicani-Aldeni) (București 1983).
- Dimitrescu 1924:** Vl. Dimitrescu, Découvertes de Gumelnița. Dacia I, 1924, 325-342.
- Frînculeasa 2012:** A. Frînculeasa, Tradiții și contacte culturale în nordul Munteniei în epoca eneolitică: despre siturile de la Mălăieștii de Jos (jud. Prahova), Seciu (jud. Prahova) și Coțatcu (jud. Buzău). Buletinul Muzeului Județean Teleorman, Seria Arheologie 4, 2012, 133-166.
- Frînculeasa 2016:** A. Frînculeasa, Nordul Munteniei și cronologia aspectului cultural Stoicani-Aldeni – stratigrafie, elemente de reper și date radiocarbon din situl de la Mălăieștii de Jos (jud. Prahova). Buletinul Muzeului Județean Teleorman, Seria Arheologie 8, 2016, 59-107.
- Frînculeasa, Niță, Dumitrașcu 2008:** A. Frînculeasa, L. Niță, V. Dumitrașcu, Descoperiri aparținând culturii Gumelnița de la Urlați (jud. Prahova). Acta Musei Tutovensii III, 2008, 94-111.
- Frînculeasa, Negrea 2010:** A. Frînculeasa, O. Negrea, Un sit din epoca neo-eneolitică în zona colinară a Munteniei – Seciu, jud. Prahova. Buletinul Muzeului Județean Teleorman 2, 2010, 45-67.
- Ignat et al. 2012:** T. Ignat, V. Opriș, V. Voicu, R.R. Andreescu, C. Lazăr, Ceramica din locuința nr. 5 de la Sultana-Malul Roșu. Analiză primară (I), Buletinul Muzeului Județean Teleorman 4, 101-132.
- Manzura 2005:** I. Manzura, Steps to the Steppe: Or, How the North Pontic Region Was Colonized. Oxford Journal of Archaeology 24 (4), 2005, 313-338.
- Marinescu-Bîlcu 1974:** S. Marinescu-Bîlcu, Cultura Precucuteni pe teritoriul României (București 1974).
- Marinescu-Bîlcu 1990:** S. Marinescu-Bîlcu, Askoi et rhytons eneolithique des regions balkano-danubiennes et leurs relations avec le Sud, a lumiere de quelques pieces de Căscioarele. Dacia N.S. XXXIV, 1990, 5-21.
- Marinescu-Bîlcu 1999-2000:** S. Marinescu-Bîlcu, Rhyta sau vase zoomorfe?. Buletinul Muzeului Teohari Antonescu V-VI, 1999-2000, 56, 251-261.
- Mistreanu 2013:** E. Mistreanu, O nouă așezare a culturii Gumelnița de la Chioselia Mare, raionul Cahul, Republica Moldova. Tyragetia s.n. VII/1, 2013, 145-156.
- Mistreanu 2019:** E. Mistreanu, Așezările culturii Gumelnița în spațiul pruto-nistrean (catalog). Tyragetia s.n. XIII/1, 2019, 99-120.
- Paveleț 2010:** E. Paveleț, Ceramica Stoicani-Aldeni din așezările de la Mălăieștii de Jos (jud. Prahova) și Coțatcu (jud. Buzău) (Ploiești 2010).
- Paveleț, Grigoraș 2011:** E. Paveleț, L. Grigoraș, Ceramica Stoicani-Aldeni – studiu de caz: tell-ul de la Aldeni, com. Cernătești, jud. Buzău (Ploiești 2011).
- Rotaru et al. 2008:** M. Rotaru, C. Onel, F. Varvara, L. Ursachi, O așezare a faciesului neo-eneolitic Stoicani-Aldeni, descoperită la Frunțișeni, Județul Vaslui. ArhMold 31, 2008, 163-171.
- Sorochin 2001:** V. Sorochin, Relațiile între culturile Precucuteni-Tripolie A și Bolgrad-Aldeni. Tyragetia X, 2001, 81-90.
- Simion 1995:** M. Simion, Importurile Stoicani-Aldeni din așezarea gumelnițeană de la Măriuța, (jud. Călărași). Cultură și Civilizație la Dunărea de Jos XII-XIV, 1995, 29-39.
- Ștefan 1925:** G. Ștefan, Les fouilles de Cascioarele. Dacia II, 1925, 138-197.
- Ștefan, Comșa 1957:** G. Ștefan, E. Comșa, Săpăturile arheologice de la Aldeni (reg. Ploiești, r. Beceni). Raport preliminar. MCA 3, 1957, 93-10.
- Ștefan 2011:** C.E. Ștefan, Așezarea eneolitică de la Bârlălești - 'Stanția', jud. Vaslui. Unele considerații asupra ceramicii. Buletinul Muzeului Județean Teleorman 3, 2011, 155-170.
- Voinea 2005:** V. Voinea, Ceramica complexului cultural Gumelnița - Karanovo VI. Fazele A1 și A2 (Constanța 2005).
- Бейлекчи 1978:** В.С. Бейлекчи, Ранний энеолит Низовьев Прута и Дуная (Гумельницкие поселения Вулканешты II и Лопацика в южной части Молдавской ССР) (Кишинев 1978).
- Маркевич 1973:** В.И. Маркевич, Памятники эпох неолита и энеолита. Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 2 (Кишинев 1973).

Манзура, Сорокин 1990: И.В. Манзура В.Я. Сорокин, Гумельницкое поселение у пгт Тараклия. Археологическое исследование молодых ученых Молдавии (Кишинев 1990), 78-93.

Субботин 1983: Л.В. Субботин, Памятники культуры Гумельница Юго-Запада Украины (Киев 1983).

Pottery of the Gumelnița culture, discovered in the village of Ciobalaccia, Cantemir District

Keywords: Eneolithic, Gumelnița, Bolgrad - Stoicani/Aldeni, settlement, pottery.

Abstract: The purpose of this work is to introduce into scientific use information about the settlement of the Gumelnița culture, found on the map of the village of Ciobalaccia (Cantemir District) in the Register of Archaeological Monuments of the Republic of Moldova (manuscript version, 1993), as well as several fragments of pottery with their detailed description. In the archaeological collections of the National Museum of History of Moldova, 7 ceramic containers were rediscovered, the analysis of which allows us to assert the existence of a settlement belonging to the Gumelnița culture in the vicinity of the village of Ciobalaccia. Ceramic material allows us to attribute it to the first stage of colonization of the Prut-Dniester interflaves in the middle of the 5th millennium BC.

List of illustrations:

Fig. 1. Map of the distribution of settlements of the Early Eneolithic period. 1 - Precucuteni-Tripolye A; 2 - Bolgrad - Stoicani/Aldeni, Gumelnița A1; 3 - settlement Ciobalaccia II.

Fig. 2. 1 - Note on the archaeological map of the village of Ciobalaccia, attached to the Register of Archaeological Monuments of the Republic of Moldova (Cantemir District); 2 - the box in which the finds from the Ciobalaccia II site were kept.

Fig. 3. Ciobalaccia II. 1-3 - Geographical location on the relief map and topographic map; 4 - Orthophoto 2007; 5 - Larga river basin; 6 - Orthophoto 2016; 7 - Satellite image 2021 (URL: <https://www.google.com/maps/@46.17851,28.2965364,5483m/data=!3m1!1e3>).

Fig. 4. Ciobalaccia II. Scoops vessels (drawing, photo).

Fig. 5. Ciobalaccia II. Glasses / cup vessels (drawing, photo).

Fig. 6. Ciobalaccia II. *Rhyton* vessel (drawing, photo).

Керамические сосуды гумельницкой культуры, обнаруженные в селе Чобалакчия Кантемирского района

Ключевые слова: энеолит, Гумельница, Болград-Стойкань/Алдень, поселение, керамика.

Резюме: Целью данной работы является введение в научный обиход информации о поселении культуры Гумельница, обнаруженном на карте села Чобалакчия Кантемирского района в «Своде археологических памятников Республики Молдова» (отчётно-рукописная версия, 1993 год), а также нескольких фрагментов керамики с подробным их описанием. В археологических коллекциях Национального музея истории Молдовы были обнаружены 7 керамических контейнеров, анализ которых позволяет нам утверждать о существовании в окрестностях села Чобалакчия поселения, относящегося к культуре Гумельница. Керамический материал позволяет нам отнести его к первому этапу колонизации Пруто-Днестровского междуречья в середине V тысячелетия до нашей эры.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Карта распространения поселений периода раннего энеолита. 1 - Прекукутень-Триполье А; 2 - Болград-Стойкань/Алдень, Гумельница А1; 3 - поселение Чобалакчия II.

Рис. 2. 1 - Примечание на археологической карте села Чобалакчия, приложенной к «Своду археологических памятников Республики Молдова (Кантемирский район)»; 2 – коробка, в которой хранились находки с памятника Чобалакчия II.

Рис. 3. Чобалакчия II. 1-3 - Географическое положение на карте рельефа и топографической карте; 4 - ортофотоснимок 2007 г.; 5 - бассейн реки Ларга; 6 - ортофотоснимок 2017 г.; 7 - спутниковый снимок 2021 г. (URL: <https://www.google.com/maps/@46.17851,28.2965364,5483m/data=!3m1!1e3>).

Рис. 4. Чобалакчия II. Сосуды-черпаки (рисунок, фото).

Рис. 5. Чобалакчия II. Сосуды-стаканы / чашка (рисунок, фото).

Рис. 6. Чобалакчия II. Сосуд *ритон* (рисунок, фото).

07.06.2021

Eugen Mistreanu, Muzeul Național de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chișinău, Republica Moldova, <https://orcid.org/0000-0002-2307-2010>, e-mail: eugenmistreanu@gmail.com

---

НОВАЯ НАХОДКА АНТРОПОМОРФНОЙ СТЕЛЫ НА НИЖНЕМ ИНГУЛЬЦЕ

Виктор Гребенников, Виктор Стебличенко

Ключевые слова: антропоморфная стела, племя, ранняя бронза, обряд погребения.

Антропоморфные каменные скульптуры, которые стояли на древних могилах, привлекали внимание ученых еще с начала исследования степей Северного Причерноморья. В конце XVIII - начале XIX веков в своих описаниях новых земель, они отмечали каменных идолов, которые возвышались на вершинах курганных насыпей. Но, судя по их записям, это были, как правило, статуи кумиров средневековых кочевников (половцев).

В последние десятилетия, в связи с крупномасштабными раскопками курганов на юге Украины, в их насыпях часто находили стелы из камня, по манере изготовления более примитивные, чем половецкие. Также такими стелами перекрывали захоронения древнеямной культуры, или же их ставили в кромлехи курганов эпохи ранней бронзы. Исследователи стали относить эти статуи к вышеупомянутой культуре.

Со временем специалистами они были разделены на разные виды: аморфные, антропоморфные, зооморфные и прочие, а время их создания и использования расширилось до эпохи энеолита. Некоторые ученые определяют их принадлежность к конкретным – древнеямной, усатовской и кеми-обинской – культурам (Формозов 1965, 179-181; Щепинский 1963, 45-46; Златковская 1962, 86-87; Телегин 1971, 16; Шапошникова, Довженко, Фоменко 1986, 22-35). Сейчас проводятся дальнейшие разработки по их классификации, хронологии и эволюции. В настоящее время в Северном Причерноморье найдено около 500 статуй этого периода. Естественно, что в связи с постоянными раскопками курганов и случайными находками количество их постоянно увеличивается.

Целью данной публикации является определение культурной принадлежности найден-

ной стелы, ее положения в современной типологии и попытка выяснить место антропоморфных скульптур в жизни и погребальном обряде древних людей эпохи ранней бронзы.

Стела была найдена в 2017 году около распаханного кургана вблизи села Елизаветовка Снигирёвского (ныне Баштанский) района Николаевской области историком-краеведом В.С. Стебличенко. Сам курган расположен в 3,7 км к востоку от села, на плато левого берега реки Ингулец. Его высота до 2 м, диаметр около 30 м. На западном его склоне также найдена плоская каменная плита размером 130×70×10 см. Возможно, что она исполняла роль алтаря, который находился перед стелой. В.С. Стебличенко, с целью сохранения находки, вместе с помощниками перевез ее ближе к селу и установил на вершине другого кургана высотой 2 м и диаметром до 50 м, который не распаивается и находится на расстоянии 1,8 км на юго-восток от вышеупомянутого села.

Статуя изготовлена из белого известняка, которого много в данной местности в обрывах реки. Ее высота 160 см. Ширина вверху (в плечах) 100 см, а у подножия – 40 см. Толщина – 20 см. В верхней части стелы есть голова подовальной формы длиной 20 см и высотой 8 см. Левое плечо повреждено (часть отбита). Длина правого плеча – 37 см. Плита обработана грубо, но голова и правое плечо выделены достаточно четко. Во время ее изготовления использовались средства подтёсывания и шлифования. Следов краски и художественной резьбы не зафиксировано. От условных левого плеча к правому бедру идет выпуклая полоса шириной до 2-4 см, но нельзя исключать, что она естественного происхождения. Похожая полоса на таком же самом месте присутствует на антропоморфной стеле древнеямной культуры, найденной около с. Ильичёво Советского района Автономной Республики Крым (Довженко 2009, №33).

Рис. 1. Антропоморфная стела с Нижнего Ингульца (фото В. Стебличенко).

Стелы времени энеолита-ранней бронзы в бассейне реки Ингулец – явление не уникальное. Так, фрагмент стелы похожего типа был найден в 1975 г. при раскопках кургана №1 около села Нововасильевка над захоронением №13 (Довженко 1984, 15-16; Шапошникова, Довженко, Фоменко 1986, 28, рис. 8/7). Найдены в этом районе стелы и других типов (Шапошникова, Довженко, Фоменко 1986, 26, рис. 7/3, 9; 28, рис. 8/15, 17).

Изучая типы антропоморфных стел, мы опирались, в первую очередь, на классификацию, сделанную в трудах Н.Д. Довженко для стел древнеямной культуры, как на более или менее разработанную на нынешнее время (Шапошникова, Довженко, Фоменко 1986, 23-32). Найденную стелу можно достаточно условно отнести к третьему типу, которой был распространен в Буго-Ингулецком междуречье в период ранней бронзы (Шапошникова, Довженко, Фоменко 1986, 25). Достаточно похожая внешне известняковая стела была найдена в кургане №2 около села Привольное (р. Ингул) Баштанского района Николаевской области над захоронением №8 (Довженко

2009, №17). На основании этого можно сделать предварительный вывод, что стела из района Нижнего Ингульца характерна для данного региона и была создана носителями древнеямной культуры.

Рассматривая историю изучения антропоморфных стел эпохи ранней бронзы, вопрос об их сакральном значении в обряде погребения, а также их роль в мировоззрении древнеямного сообщества, авторы не могли оставить эту тему здесь без внимания.

На взгляд авторов современная классификация и типология антропоморфных и других стел времени энеолита-ранней бронзы, невзирая на достаточно большую базу письменных источников и находок, еще очень условна и далека от завершения. На их основании еще невозможно определить какие-либо стойкие закономерности и традиции в обряде погребения данной эпохи. В связи с этим хотелось бы представить свой взгляд на роль и место антропоморфных стел в обряде захоронения древнеямной культуры.

В нашем представлении, которое в основном базируется на многолетнем исследовании курганов эпохи бронзы и изучении найденных стел, люди определенного племени или рода древнеямного сообщества после захоронения своего уважаемого умершего и сооружения над его могилой кургана устанавливали на насыпи или около неё стелу, которая отождествляла покойника. Этому идолу поклонялись и приносили жертвы. Спустя некоторое время (может, достаточно долгий срок) другое племя (род) данного сообщества кочевало в этом месте и хоронило в уже готовый курган своего покойника. Установленная раньше стела была для них чужой, она была поставлена человеку, которого они не знали и, естественно, не уважали. Чужая стела не являлась для них предметом культа, но была готовой плитой для перекрытия нового погребения, которую не надо было вырубать из скалы на берегу реки и тянуть на плато несколько километров. Также для каменного заклада могли использовать стелы с других близко расположенных курганов. Так можно объяснить наличие 2-3 стел в перекрытии одного захоронения. Когда сооружали новый курган, для его кромлеха могли также использовать старые стелы.

В свою очередь, если новый покойник был уважаем членами своего рода (племени), то для него могли изготовить новую стелу, которая воплощала конкретного умершего. На ней могли отобразить какие-то личные предметы, пол или особенности жизни, свойственные данному покойнику. Спустя некоторое время новую стелу могла ожидать такая же судьба, как и у предыдущих. Подтверждением этой гипотезы может быть и то, что некоторые стелы, которые перекрывали могильные ямы, были разбиты еще в давние времена, то есть использовались уже сугубо как строительный материал. О повторном использовании антропоморфных стел с потерей их культового значения также пишет ряд исследователей (Телегін 1971, 8-9; Формозов 1969, 182-183; Лесков 1972, 43; Златковская 1962, 87; Чеченов 1973). Таким образом, авторы присоединяются к мнению тех ученых, которые считают, что каждая антропоморфная стела была схематичным изображением какого-то конкретного человека, занимавшего почетное место в племени (вождь, шаман др.), а не являлась изображением какого-то общего божества, например, владыки царства мертвых, или памятником всем пращурам племени (Формозов 1970, 108; Щепинский 1958, 148).

Косвенным доказательством вышеупомянутого может быть и то, что при двух общих чертах, характерных для антропоморфных стел энеолита-ранней бронзы (достаточно схематическое изображение головы и плеч), во всем остальном они отличаются размерами, формой, изображениями на них и т.д. Непря-

мым подтверждением этого могут служить и каменные статуи более поздних эпох, в частности, половецких, на которых четко прослеживаются изображения конкретных людей (Плетнева 1974, 6; Плетнева 1976, 4). Также большинство исследователей скифского времени считают, что в каменных статуях скифы изображали своих царей и вождей (Граков 1971, 87; Елагина 1959, 195-196; Шульц 1967, 236).

Что касается специфики перекрывания стелами могил древнеямной культуры, то здесь авторы не видят каких-либо сакральных закономерностей, например, в количестве стел над погребением и месте их расположения над ямой (в головах или в ногах, лицевой частью вверх или вниз). На наш взгляд, каждое племя или род, перекрывая яму каменными плитами, могли руководствоваться какими-то особенными, своеобразными представлениями в проведении обряда захоронения, либо такие представления вообще отсутствовали. Общий принцип обряда был один: необходимо было перекрыть яму камнями или деревом – тем, что у них имелось, и чем больше – тем лучше. Иногда лишние глыбы бросали просто около могилы.

Таким образом, можно сделать вывод, что данная стела, вероятно, стояла на кургане, ее не успели использовать в качестве перекрытия для погребения. Со временем она упала и была присыпана землей. Каждая стела отождествляла знатного одноплеменника, который был похоронен в кургане – была его надмогильным обелиском.

Библиография

- Граков 1971:** Б.Н. Граков, Скифы (Москва 1971).
- Довженко 1984:** Н.Д. Довженко, О классификации и типологии каменных изваяний эпохи энеолита – ранней бронзы. В сб.: Актуальные вопросы исторической науки (Москва 1984), 14-17.
- Довженко 2009:** Н.Д. Довженко, Кам'яні статуарні пам'ятки Надчорноморщини періоду ранньої та середньої бронзи. Давня скульптура і пластика України. Доба бронзи 3, кн. 1, 2009.
- Елагина 1959:** Н.Г. Елагина, Скифские антропоморфные стелы Николаевского музея. СА 2, 1959, 187-196.
- Златковская 1962:** Д.Г. Златковская, К вопросу об этнокультурных связях племен южнорусских степей и Балканского полуострова в эпоху бронзы. СЭ 1, 1962, 73-88.
- Лесков 1972:** А.М. Лесков, Новые сокровища курганов Украины (Ленинград 1972).
- Плетнева 1974:** С.А. Плетнева, Половецкие каменные изваяния (Москва 1974).
- Плетнева 1976:** С.А. Плетнева, Каменные бабы (Днепропетровск 1976).
- Телегін 1971:** Д.Я. Телегін, Єнеолітичні стели і пам'ятки нижньомихайлівського типу. Археологія 4, 1971, 3-17.

- Формозов 1965:** А.А. Формозов, О древнейших антропоморфных стелах Северного Причерноморья. СЭ 6, 1965, 177-181.
- Формозов 1969:** А.А. Формозов, Очерки по первобытному искусству (Москва 1969).
- Формозов 1980:** А.А. Формозов, Памятники первобытного искусства на территории СССР (Москва 1980).
- Чеченов 1973:** И.М. Чеченов, Нальчикская подкурганная гробница (Москва 1973).
- Шапошникова, Довженко, Фоменко 1986:** О.Г. Шапошникова, Н.Д. Довженко, В.Н. Фоменко, Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант) (Киев 1986).
- Шульц 1967:** П.Н. Шульц, Скифские изваяния Причерноморья, В сб.: Античное общество (Москва 1967), 225-236.
- Щепинский 1958:** А.А. Щепинский, Новая антропоморфная стела эпохи бронзы в Крыму. СА 2, 1958, 143-148.
- Щепинский 1963:** А.А. Щепинский, Памятники искусства раннего металла в Крыму. СА 3, 1963, 38-47.

O nouă descoperire a unei stele antropomorfe în cursul inferior al râului Inguleț

Cuvinte-cheie: stelă antropomorfă, trib, bronzul timpuriu, rit funerar.

Rezumat: În articol este prezentată descrierea unei stele antropomorfe, descoperite în anul 2017 în stepa de pe cursul inferior al râului Inguleț, alături de o movilă arată. Totodată, este cercetat locul stelei antropomorfe în ritul funerar al triburilor culturii Yamnaya timpurie. Ca urmare, se ajunge la concluzia că fiecare stelă se așeza pe movilă în memoria unei persoane decedate concrete, care se bucura de autoritate în tribul său.

Ilustrație:

Fig. 1. Stelă antropomorfă, descoperită pe cursul inferior al râului Inguleț (foto de V. Steblichenko).

New find of an anthropomorphic stele on the Lower Ingulets

Keywords: anthropomorphic stele, tribe, early Bronze Age, burial rite.

Abstract: The publication provides a description of an anthropomorphic stele found in 2017 on a steppe plateau in the lower reaches of the Ingulets River, near a plowed mound. The place of the anthropomorphic steles in the burial ceremony of the Yamna culture tribes is also considered. As a result, it was concluded that each stele was installed on the mound in memory of a specific deceased person who enjoyed authority in his tribe.

Illustration:

Fig. 1. Anthropomorphic stele from Lower Ingulets (photo by V. Steblichenko).

28.01.2021

Виктор Гребенников, Государственная инспекция по охране памятников культуры в Николаевской области, ул. Декабристов, 34/1, г. Николаев, Украина, <https://orcid.org/0000-0002-7689-1175>, e-mail: grebennikov.v2013@yandex.ru

Виктор Стебличенко, с. Нововасильевка, Баштанский район, Николаевская область, Украина, <https://orcid.org/0000-0002-1825-0097>, e-mail: viktors8lic@gmail.com

---

«АНДРОНОВСКИЙ» ГОЛОВНОЙ УБОР С НАКОСНЫМ УКРАШЕНИЕМ: РЕКОНСТРУКЦИЯ, СИМВОЛИКА И ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Эмма Усманова

Ключевые слова: головной убор, абашевская, синташтинская, андроновская культура, Карпато-Дунайский, Урало-Казахстанские степи.

Головной убор. Общие сведения. Главным элементом женского костюма андроновской культуры эпохи бронзы является головной убор, который отличается в костюме богатым убранством из металлических деталей, бусин, подвесок природных форм. Текстильная или кожаная основа женского головного убора в некоторых случаях сохранилась благодаря насыщенному металлическому декору. Головной убор изготавливался из кожи или плетеного/вязаного полотна и, скорее всего, имел вид шапочки или налобной повязки. Его детали находятся в цельных, не потревоженных женских погребениях андроновской общности II тыс. до н. э. урало-казахстанских степей. В потревоженных погребениях – встречаются реже. Находки фрагментов металлического декора головного убора на поселении малочисленны. В данном случае употребляется понятие андроновской общности в широком смысле понятия, с акцентом на традиции синташтинской, петровской и алакульской культур.

На основании археологических данных различаются два вида головных уборов: 1-ый вид – с комплектом подвесных ювелирных гарнитуров; 2-ой вид – без него. К подвесным составным комплектам относятся накосник и челюстно-лицевая подвеска. Отдельные украшения – височные кольца, подвески в 1,5 оборота также относятся к подвесным, которые в своей основе являются цельными, а не составными.

В головном уборе по способу оформления деталей обозначаются два типа накосных украшений: I-ый тип – простой – две/несколько низок бусин или полосы обойм, которые заканчиваются листовидными/ромбовидными подвесками; II-ой тип – сложносоставной – две/несколько низок бусин держат ювелирный комплект из бронзовых подвесок, трубчатых пронизей, обойм, который оформлен листовидными/ромбовидными подвесками (рис. 1). Накосные украшения крепились к затылочной части головного убора и опускались вдоль спины (рис. 2). Головной убор декорировался бронзовыми бляшками и подвесками, височными золотыми кольцами (рис. 3). По опубликованным данным известно около тридцати накосных украшений, которые происходят из погребений урало-казахстанских степей эпохи бронзы II тыс. до н. э.: синташтинская, петровская, алакульская культурные традиции (Усманова 2010, 68-71).

Другим составным подвесным украшением к головному убору является челюстно-лицевая подвеска (рис. 4). Это цепь, собранная из круглых бронзовых орнаментированных бляшек, закрепленных на шерстяной тесьме/кожаном ремешке. Количество бляшек в подвеске колеблется от пяти до одиннадцати (Усманова 2010, 61-62). Тесьма или ремешок пропускались через обоймы/рифленные пронизи, закрепленные в один-два ряда между бляшками, которые фиксировались в районе черепа и висков. По опубликованным данным известно около пятнадцати подвесок из комплексов алакульской культуры урало-казахстанских степей (Усманова 2010, 68-69; Куприянова 2008, 70-71).

Подвесной ювелирный гарнитур к головному убору (накосник и челюстно-лицевая подвеска) – это одна из основных черт стиля головного убора в костюме андроновской культуры.

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта АР09261083 «Транскультурные коммуникации в эпоху поздней бронзы (Западная Сибирь - Казахстан - Центральная Азия)» Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.

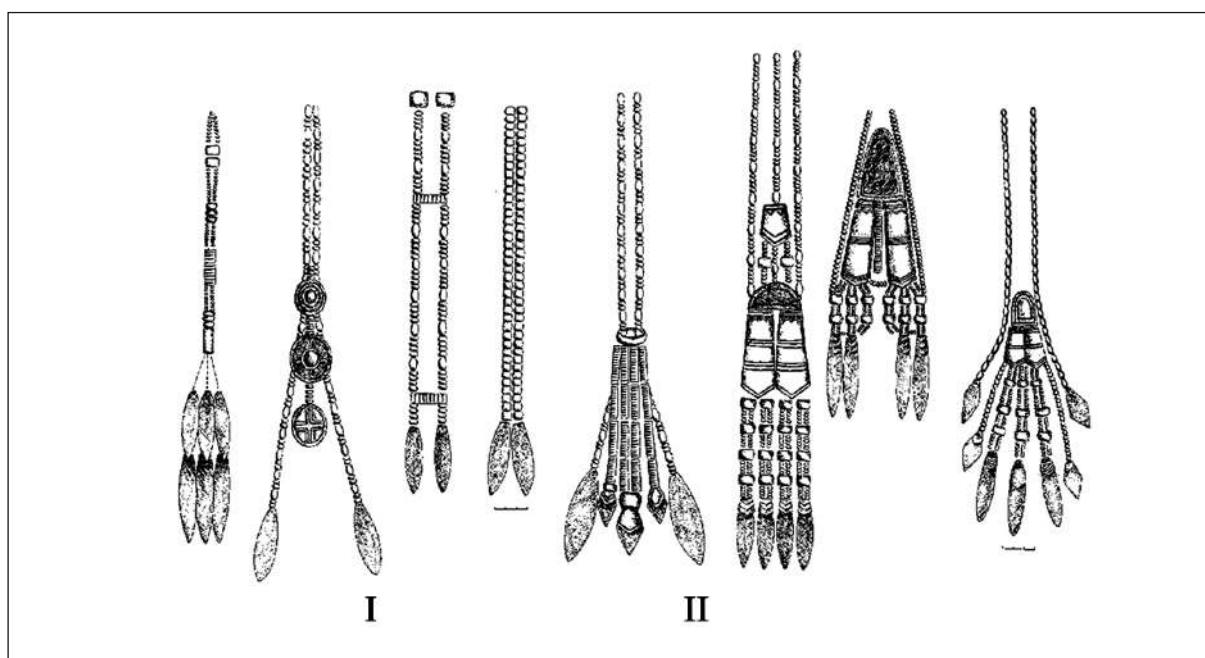

Рис. 1. Накосные ювелирные гарнитуры культур андроновской общности. II тыс. до н.э. Казахстан.

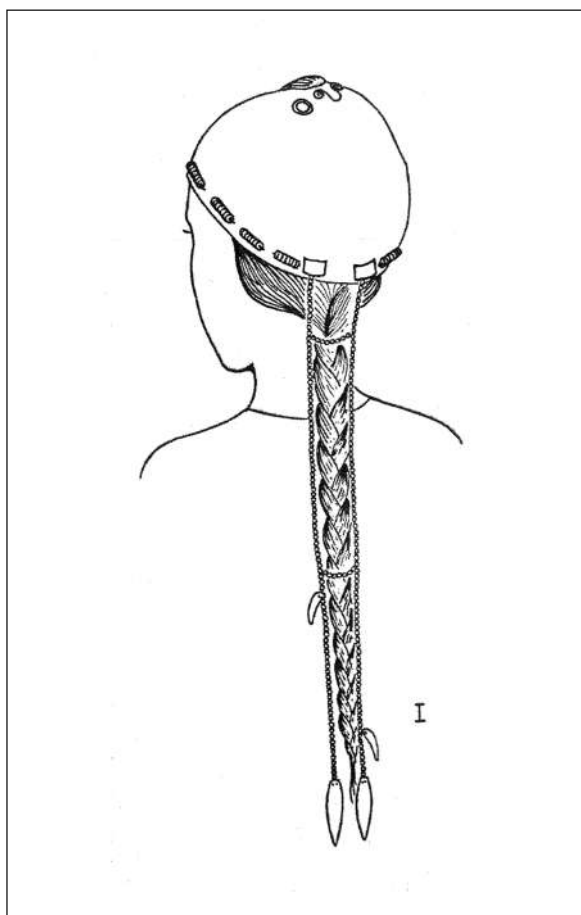

Рис. 2. Реконструкция головного убора с накосником I-го типа. II тыс. до н.э. Могильник Лисаковский I. Казахстан (рисунок И.В. Рудковского).

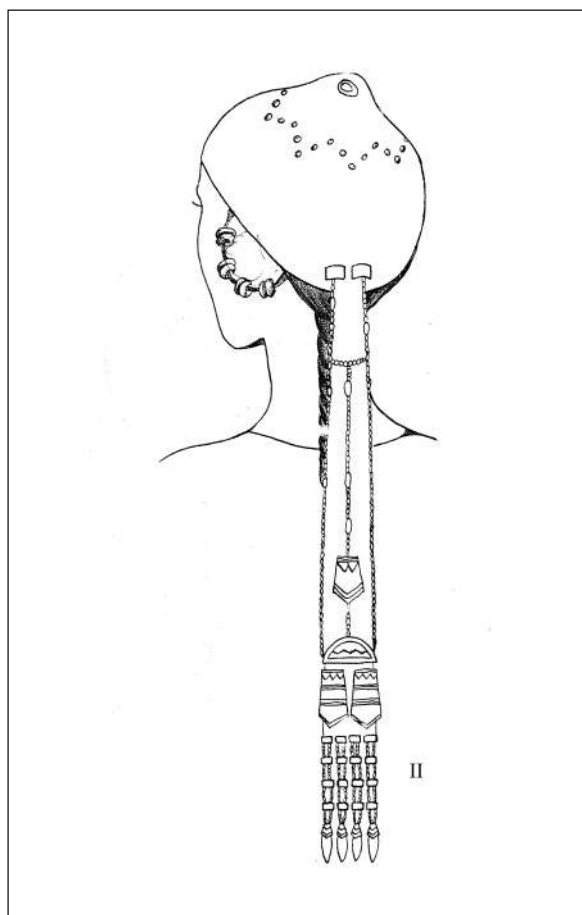

Рис. 3. Реконструкция головного убора с накосником II-го типа. II тыс. до н.э. Могильник Лисаковский I. Казахстан (рисунок И.В. Рудковского).

Рис. 4. Реконструкция головного убора с лицевой подвеской. II тыс. до н.э. Могильник Балыкты. Казахстан (рисунок И.В. Рудковского).

Это демонстрация собственных стандартов и приоритетов в культуре, когда костюм является знаком территории, этнокультурных традиций, статуса его носителя.

Реконструкция головного убора. Первые фрагменты шерстяных тканей и изделий из «андроновских» погребений Сибири были описаны Г.П. Сосновским (Сосновский 1934, 92-96). Характер текстиля в изделиях был разным: от полосок плетеной или связанной крючком тесьмы, затем сшитых в единое полотно, до фрагментов ткани, сотканной методом бессонного плетения.

Понимание уникальности конструкции андроновского головного убора из плетеной тесьмы в комплексе с накосным украшением пришло с реконструкцией реплики шапочки. Сравнительно хорошая сохранность археологизированного текстиля позволила восстановить фасон головного убора, который получился в результате сшивания тесьмы, уложенной спиралью в конус шапочки (рис. 5). Фрагменты плетеной шерстяной тесьмы и металлических деталей накосника были найдены в погребении могильника Лисаковский I. В результате химического анализа текстиля был

Рис. 5. Копия «андроновского» головного убора. Жезказганский историко-археологический музей (фото Э.Р. Усмановой).

выделен природный краситель – крапп, который принадлежит корням растения семейства мареновых, дающий при окраске все оттенки красного цвета. Красящими веществами краппа являются ализарин и пурпурин. Во фрагментах плетеной тесьмы было обнаружено три основных красителя марены *Rubia tinctorium* или другой разновидности марены из рода *Rubia*, или подмаренников из рода *Galium*: псевдопурпурин, пурпурин, ализарин (Орфинская, Голиков 2010, 124, табл. 4). Крапп – одна из древнейших растительных красок красного цвета, добываемых из корней красильной марены (*Rubia tinctorium* L.). Так что можно предположить, что основным цветом плетеного или вязаного текстиля были все оттенки красного цвета.

Плетение – один из древнейших производственных процессов, позволявший с его помощью получать готовые изделия не только хозяйственного назначения, но и утилитарного, которые предназначены для искусствен-

ного покрытия тела. Плетение и ткачество по своим технологическим приемам тесно связаны между собой. По своей сути ткачество – это процесс переплетения нитей на любом устройстве: рама, палочки, дощечки, ткацкий станок. Плетение – это ручной перебор нити. Наличие плетеного полотна демонстрирует высокий уровень развития ткацких технологий. Вполне возможно, что по своим техническим приемам ручное плетение и плетение на дощечках предшествовало ткачеству на станке. Кстати, не этот ли исторический факт в развитии ткацких технологий отражает миф о соперничестве между Афиной и Арахной, которую честолюбивая дева Паллада превратила в паука, вечно плетущего свои сети?!

По всей видимости, феномен плетеного текстиля, который археологически засвидетельствован в эпоху бронзы, является своеобразным творческим и технологическим достижением в создании костюма. Из сплетенных полос тесьмы сшивалось полотно, которое являлось текстильной основой изделия. Позже идея получения цельного полотнища таким способом распространяется в практике кочевых культур (Полосьмак, Баркова 2005, 62-64).

По своим характеристикам плетеная тесьма отличается от трикотажного полотна, связанного спицами или крючком. Плетеная тесьма не распускается так легко, как вязаная, и ее длина изначально должна быть выверена по длине используемой нити. Полоса тесьмы легко может разделяться по ширине за счет деления нитей поровну. При реконструкции в нашем распоряжении оказались в основном образцы плетеной тесьмы от головного убора (могильник Лисаковский I, курган 1). На основании фрагментов плетеной тесьмы и ювелирного декора была воссоздана реплика-модель головного убора (рис. 6). По причинам объективного характера – отсутствие подходящего сырья и опыта чесания, прядения, крашения шерсти – мы отказались от идеи эксперимента восстановить весь технологический процесс. Ограничились плетением тесьмы из фабричной шерстяной нити красно-бордового цвета толщиной 1 мм. Нить такой толщины была определена при анализе лисаковской тесьмы, впрочем, как и ее основные виды переплетения и ширина: диагонально-полотняный и диагонально-саржевый; 10 мм и 20 мм.

Рис. 6. Реконструкция «андроновского» женского костюма (фото Э.Р. Усмановой).

До начала плетения необходимо высчитать и отмерить длину нити. Например, для одного метра готовой тесьмы нужно взять нить длиной чуть больше 1,5 метра. При этом надо следить, чтобы нити (количество которых могло быть до 26) при плетении не путались: каждая нить сматывалась в клубочек. Скорее всего, у плетенщиц были какие-то приспособления в виде вертикальной или горизонтальной плоскости для крепления нитей.

При наличии навыка тесьма плетется достаточно быстро. Тесьма диагонально-полотняного переплетения, сплетенная из 20 нитей, начиная с основания, и далее вверх, укладывалась в спираль и сшивалась в конический головной убор высотой до 25 см. Конец тесьмы оставался свободным и протягивался с макушки изделия вниз к наконечному украшению. Для укладки и сшивания тесьмы использовалась болванка (сосуд конической формы), которая позволяла придать изделию жесткую форму. Изготовление тесьмы шириной до 20 мм, длиной до 6,0 м и дополнительных тесемок

шириной до 10 мм (общая длина полос около 10 м) заняло примерно 80 рабочих часов.

Детали сложносоставного накосного украшения были сделаны методом вырезания из пластины латуни желтого цвета, согласно размерам и форме бронзовых оригиналов. Орнамент проштампован отбойником. Пастовые и бронзовые бусины были имитированы пластмассовыми бусинами. К шапочке в области затылка при помощи двух обойм дополнительно крепились две тесьмы с низками бусин. Третья – центральная тесьма, спущенная с макушки шапочки, служила основной полосой. Весь металлический декор накосника скреплялся и держался тремя лентами тесьмы, которые монтировали в единое целое – головной убор и накосник длиной около 60-70 см (рис. 6).

Качественная реставрация и анализ конструкции накосного украшения позволили в деталях осуществить изготовление его реплики (Ченченкова 2010, 125-131). При сборке по несущим боковым и центральной тесьме были пущены низки бусин. Их закрепили нитками в затылочной части шапочки, и они свободно свисали по длине тесьмы. К нижней части основной части ювелирной композиции накосника опускались две боковые широкие тесьмы (из 20 нитей), одна центральная широкая и две узкие (из 10 нитей), которые были дополнительно закреплены под центральную пронизь. Все пять тесемок вместе с пущенными по ним низками бусин «подбирались» под плоскость арочной пластины. Основные превращения с полосками тесьмы были проделаны при закреплении парных пятиугольных пронизей в узловой нижней части. Боковые несущие полосы широкой тесьмы были согнуты вдвое, узкие тесьмы протаскивались под загнутые стороны каждой пятиугольной пронизей. Центральная тесьма раздваивается и закрепляется к узким тесемкам, прячась под арочную бляшку. Таким образом, из-под пятиугольных пронизей выходят четыре узкие тесемки, по которым были пущены два ряда низок бусин из четырех пастовых бусин, разделенные четырьмя закрепленными рядами скобами. Листовидные подвески, завершавшие всю композицию накосного украшения, подвешивались к концам тесемок. Макушка шапочки декорировалась полусферными бляшками и очковидными подвесками.

Рис. 7. «Андроновская ткачиха». Реконструкция. Музей истории города Алматы (фото Э.Р. Усмановой).

В области височных впадин подвешивались золотые круглые кольца. В некоторых случаях по окружности головного убора пришивались золотые подвески в 1,5 оборота.

Реконструкция и создание копии головного убора с накосным украшением позволили понять достаточно высокий уровень ткацких технологий, ювелирного мастерства в среде ремесленников эпохи бронзы культур андроновской общности.

Следует отметить, что женский головной убор мог быть и кожаным, при этом сохранялся стиль декоративного убранства с подвесным гарнитуром (рис. 7). Модель кожаного головного убора конической формы была сшита из четырех клиньев и декорирована орнаментом в стилистике алакульской культуры (Усманова 2010, 38). Возможен вариант головного убора в виде налобной повязки с подвесными украшениями (Куприянова 2008, 79, рис. 2). Известны редкие случаи головных уборов, в которых сочетались два подвесных гарнитура: накосное украшение и лицевая подвеска (Куприянова 2008, 74, рис. 51/1).

Женский головной убор обладал ярко выраженным декоративным характером и занимал одну из ведущих позиций в архитектонике костюма андроновской культуры. Детали из различных материалов (бронза, золото, фаянс, подвески природных форм, шерстяная тесьма красного цвета) определяли его неповторимую эстетику и стиль среди костюмов других культур эпохи бронзы.

«Андроновский» головной убор как текст культуры. В работе П.Г. Богатырева о знаковой сущности моравского костюма определен основной тезис о костюме как тексте, в котором кроется вся информация о его владельце (Богатырев 1997, 307). Понимание функций украшений – эстетическая, религиозно-магическая функция знака половозрастной и территориальной группы, социальной дифференциации, и связи «одежда - знак» – дает возможность интерпретировать знаковые функции головного убора.

Головной убор маркирует верх, обувь маркирует низ. Это своего рода «небо и земля» одежды. Видимо, символика головного убора и обуви исходит из «небесной и земной» сути их содержания. В костюме только головной убор и обувь обильно украшались всевозможными декоративными деталями. Это были главные эстетические ударные элементы комплекта костюма. Полотно платья служило символической вертикалью, которая объединяла головной убор и обувь в единую семантическую композицию. Дизайн головного убора определялся его символическим значением в костюмном ансамбле. Тем более, что в обрядовом костюме практическая функция головного убора отодвигалась на второй план, отдавая предпочтение религиозно-магической функции, соотносимой с охранной магией матери и ребенка, женской фертильности (Гаген-Торн 1960, 139, 143).

Весь дизайн головного убора с подвесным наконечником демонстрирует идею культа плодородия. Форма подвесок: растение – лист, ромб – женское начало. Красный цвет шерсти – это цвет крови. Наконечник с шумящими подвесками в виде листа по своей форме напоминает образ дерева: воплощение идеи о живом, растущем, плодоносящем. Шум, звон, издаваемый при ходьбе всеящими подвесками, очевидно, был призван отпугивать злые силы.

По археологическим данным в детских погребениях культур андроновской общности украшение для волос в его металлическом облике, как правило, отсутствует. Наконечник появляется в головном уборе подростков (12-14 лет) и присутствует у захороненных женщин в возрасте до 20-25 лет (Усманова 2010, 76-78). По всей видимости, наконечник украшение индексировало возрастные группы в обществе.

Возможно, что головной убор с наконечником мог использоваться в традиционных народных «обрядках перехода», куда входили родины, инициация, свадьба, похороны (Геннеп ван 1999). Маркируя тот или иной возрастной класс, головной убор с наконечником определял переходное состояние особы женского пола в статус невесты-замужней женщины. Подобное статусное кодирование могло сохраняться и по отношению к умершим женщинам. У многих народов этнографически известен обряд захоронения девушки, достигшей брачного возраста, но так и не вышедшей замуж, с облачением ее тела в одежду со свадебными элементами – платье, венок (Усманова 2010, 88).

В погребениях эпохи бронзы Лисаковской округи зафиксированы такие позиции головного убора: с захоронением отдельной головы/череп; с переотложенным костяком; с целым костяком. Есть погребения, в которые было совершено постингумационное проникновение с целью изъятия головного убора. В таком случае отмечаются костяки без черепа или где череп частично разрушен. Возможно, головной убор с наконечником был родовой реликвией. При этом в одних случаях – он был оставлен в погребениях, в других – изымался по истечению некоторого времени (Усманова 2018, 70-77).

Головной убор с челюстно-лицевой подвеской относился к определенной группе захороненных взрослых женщин старше 18 лет. В качестве элемента костюма лицевые подвески сохранились в двух погребениях женщин с новорожденными детьми (Усманова 2010, 39, 51). Возможно, такой головной убор индексировал группу молодых женщин-рожениц и был связан с обрядами родин.

Лицевая подвеска как любое традиционное украшение, по всей видимости, обладает всеобщей ценностью оберега женского плодородия, который относится к демонстрации сферы сакрального, праздничного и ритуального. Только на бляшках, выбитых штампом, «живут» астральные знаки, прообразы мандалы, изображения крестов и деревьев, возможно, присутствует и пространственная модель мира (Усманова 2010, 88-89). Космогонические знаки и знаки-обереги – вневременной язык культуры, как будто говорящий: «Небо и звезды, услышьте меня». Универсаль-

ный характер этих знаков позволяет предположить некую систему символов. В ней представлены сакральные идеи, которые становились понятными каждому, кто взглянул на их символическое воплощение на бляшках лицевой подвески. Основная суть этих идей восходит к солярному культу, культу плодородия и проявлению магических функций оберега. Орнамент на бляшках в большинстве своем не повторяется в композициях на сосудах. Знаки на бляшках передают информационную сущность культурного кода, присущего мировоззрению социума культур андроновской общности.

Архетипический образ «головной убор с накосником» и его этнографические параллели. В продолжение темы знакового содержания головного убора с накосником обратимся к свидетельствам из области этнографии, к образу накосного украшения, который пережил века. Покрытие волос со стороны спины присутствует в момент вступления в брачный возраст или непосредственно в сам брак. Смена головного убора символизирует смену социального статуса «незамужняя – замужняя женщина». Спрятать волосы – означает защитить их по законам магии. Волосы символично ассоциируются с растительностью, с понятием плодородия (Гаген-Торн 1933, 76-88). «Головной убор женщины должен уяснить место и указать социальную роль, занимаемую ею в обществе. Отличие девичьих головных уборов от женских состоит в том, что женские головные уборы всегда и непременно стремятся закрыть волосы женщины, в то время как девичьи остаются открытыми. <...> Социальное, а не практическое значение головного убора ярче всего сказывается на ритуальном значении его в свадебной обрядности. Обряд перемены убора и прически – один из центральных моментов свадьбы» (Гаген-Торн 1960, 139, 143).

Головной убор с накосником был обязательным элементом костюма девушки, достигшей брачного возраста, и молодой женщины у казахов, марийцев, карел, мордвы, удмуртов, татар, башкир (рис. 8; 9). Например, татарские чулпы – звенящие подвески к косам и накосники, которые имеют в своей основе полосу материи (или матерчатый чехол) с нашитыми на нее монетами, бляхами, ракушками, бусинами (Сулова 1980, 30). Старинные женские

Рис. 8. Реконструкция «андроновского» женского головного убора с накосником и лицевой подвеской. Лисаковский музей истории и культуры Верхнего Притоболья (фото Э.Р. Усмановой).

Рис. 9. Изображение женщины в головном уборе с накосником (по Корнеев 1990, 14-15).

головные уборы (узбеки, таджики, туркмены, казахи, каракалпаки, киргизы, уйгуры) обязательно имели накосник (Сухарева 1954, 304). Наиболее архаичным видом накосника в головном уборе среднеазиатского костюма считается длинный накосник, сшитый в виде мешочка с открытым низом или полосы ткани, богато украшенный вышивкой монетами, бусинами, кораллами. Накосник-куйрук

Рис. 10. Изображение женщины в головном уборе с накосником (по Гейслер 1990, 68-69).

длиной около одного метра имел вид хвоста. Он крепился к шапочке или был цельнокроеным вместе с убором. Такой головной убор принадлежал девушкам-невестам и молодым женщинам и, как правило, носился до рождения первого ребенка: у казахов – саукеле, у киргизов – чачкап, у каракалпаков, узбеков, таджиков – кулуп (Тохтабаева 2005, 99).

Украшения для кос являются обязательным элементом традиционного женского костюма у ненцев, хантов, манси, кетов, алтайцев. Накосник маркировал достижение половой зрелости у алтайцев, и, если девушка не вышла замуж, она продолжала носить накосник всю свою жизнь (Клюева, Михайлова, 1988, 105-128). Головные уборы с вышитыми накосными украшениями есть в традиционном костюме молодых женщин балканских народов (Босния, Герцеговина, Сербия, Болгария). У калашей, живущих в горах Гиндукуша, на границе Пакистана, яркие вышитые геометрическим орнаментом накосники украшают все возрастные группы кроме детской².

² https://www.academia.edu/s/af3df61268/cap-horsetail-similarities-in-caps-of-balkan-central-asia-kalash-and-caddo-indians#comment_400973 (дата обращения 22.02.2018).

Головной убор отражает самые главные моменты в женской жизни: невеста, замужество, рождение детей. Основной жизненный цикл женщины, который существует в культуре всех народов. Вселенский и глобальный паттерн, связанный с главным предназначением женщины – это рождение детей. Магическая функция его – это оберегать, защищать женщину.

Головной убор с накосником существует и по сей день, сохраняя свой символический приоритет в традиционном женском костюме. Устремленный вверх, соединяющий небо и землю через тело своего носителя, он – явление статуса. Этот знаковый контент в женском костюме происходит из того времени, когда, по образному выражению польского писателя Зенона Косидовского, «солнце было богом».

Происхождение ювелирного накосного украшения.

Подчеркнутое социально-культурное значение накосника в женском костюме предполагает рассмотреть его происхождение. Иными словами, где на просторах Евразии, когда, в costume каких культур появляется первое накосное украшение, засвидетельствованное археологическими находками? Именно его образ обладает архетипичным характером, особой устойчивой интонацией в costume, которая определяется бессмертным значением женского начала и охраной женского плодородия в традиционной культуре. По всей видимости, формирование этого знакового гарнитура как формы проявления сакральной эстетики женского костюма было начато в эпоху бронзы.

Первые находки двух накосных комплектов были сделаны в могильнике Синташта (большой и малый грунтовые могильники: СМ, СП), и первоначально они были приняты за нагрудное украшение (Генинг, Зданович, Генинг 1992, 193, 325, рис. 99, 188). Далее последовала целая серия находок этой детали головного убора в погребениях могильников Южного Урала и Северного Казахстана (Усманова 2010; Куприянова 2008). В результате подвесной накосный ювелирный гарнитур проявился как своеобразный ювелирный и культовый «бренд» степных культур в традиции женского костюма синташтской и алакульской культур. Повторюсь, что в данной

статье чаще употребляется общий термин для степных культур эпохи бронзы II тыс. до н.э. – «андроновский».

Кто же был первым дизайнером этого важного с точки зрения социально-культурного предназначения элемента женского костюма? Посмотрим, что является подобием накосному украшению в ювелирном каркасе металлообильной абашевской культуры. Лесостепная «соседка» степных культур бронзы значительно повлияла на облик керамики и металлических изделий синташтинской культуры. Предметный мир абашевской культуры Волго-Уралья, которая по радиоуглеродным датам определяется в пределах XXII-XIX вв. до н. э., сходен с миром синташтинской культуры, датируемой в системе калиброванных дат XXI-XVIII вв. до н.э. (Епимахов 2007; Купцова, Евгеньев 2019, 219-222). В большей степени «наследниками» абашевской культуры явилась синташтинская культура, и далее алакульская.

Женский костюм отличается разнообразием нашивных украшений – это головные уборы, расшитые украшениями, налобные венчики. Накосники как подвесные наборные украшения в абашевской культуре не известны. В костюме имеются очевидные подвески и бляшки-розетки, которые подвешивались на шнурках, продетых через металлические пронизи. Вполне вероятно, что эти шнурки вплетались в косы, которые заканчивались подвеской. Об этом свидетельствует тот факт, что подвески лежат в районе груди или плеча погребенного. Такими же украшениями расшивался костюм. Шитье мелкими металлическими украшениями – это стиль «абашевского» женского костюма (Кузьмина 2002, 157-174).

Обратимся к ювелирному содержанию степной срубной общности, синхронной алакульской культуре в рамках второй четверти II до н.э. По всей видимости, накосное украшение было заимствованием в костюме срубной культуры. Накосные украшения в виде единичного импортного гарнитура или листовидных подвесок встречаются в женских погребениях срубной культуры, но не имеют такого обильного металлического оформления, как «андроновские» накосные украшения (Купринова 2008, 118, рис. 76).

Отсутствуют украшения для кос в деталях из металла в погребениях катакомбной культурно-исторической общности (XXV-XX вв. до н. э., степная и лесостепная полоса от Приуралья до Северного Кавказа). Впрочем, накосники могли быть из органических материалов и по этой причине не сохранились. В любом случае, археологически они не зафиксированы в погребениях катакомбников (Орфинская, Голиков, Шишлина 1999, 58-185; Шишлина 2007). Поиск изображений накосных украшений на среднеазиатской терракоте эпохи бронзы, изображающей женщин, не увенчался успехом. Видимо, здесь на ранних этапах развития женского костюма существовал другой способ украшения головного убора и волос (Массон, Сарияниди 1973).

Итак, предположительно, по археологическим данным культур степной бронзы наиболее ранний вариант накосного украшения, вплетенного в косу, появляется в абашевском женском костюме.

Два очага культурогенеза и возникновение накосного украшения. Здесь следует сделать небольшое отступление от рассуждений о накосных украшениях и обратиться к характеристике культурно-исторического процесса первой трети II тыс. до н. э. Иначе не понять происхождение накосника на евразийском просторе культур бронзового века. «<...> независимо от друг друга в умеренном поясе Европы возникли два крупных очага культурогенеза: карпато-дунайский и волго-уральский <...>» Они стали «<...> источником целой серии инноваций в технологической, военной, экономической и социальной сферах <...> с волго-уральским очагом следует связывать, например, формирование характерных черт эпохи поздней бронзы южной половины Восточной Европы и Казахстана» (Бочкарев 2010, 53). Экономический подъем регионов данных очагов обусловлен ростом металлопроизводства, обеспеченного местным рудным минеральным сырьем (медь, золото и т.д.). В результате происходит развитие ремесла, появление качественных изделий из металла, образование крупных центров обмена и торговли, с активными продуктивными контактами между разными регионами Евразии: районы Средней Азии, Нижнего Поволжья, Сибири, Северного Причерноморья, Нижнего Подунавья. Карпато-Дунайский очаг

проявил себя как центр обменной торговли престижными товарами: янтарь, изделия из драгоценных металлов и полудрагоценных камней. Его связи простирались вплоть до Микенской Греции (Бочкарев 2010, 52-59). К периоду активного функционирования этих двух очагов культурогенеза относится появление монументальных сооружений, культовых мест, богатых захоронений и кладов-тайников. Формируется элита общества в лице института вождества. «Она имела прямое отношение к подъему металлопроизводства и торговли, строительству крепостей, развитию колесного транспорта и многому другому» (Бочкарев 2010, 58).

Этот социально-экономический и культурный «бум», безусловно, нашел свое знаковое выражение в costume, особенно в женском, который во все времена демонстрировал эстетические вкусы элиты, объединенные со знаковыми функциями поведения и общественными ритуалами.

Динамичное развитие абашевской культурной общности определяет основные черты культурогенеза Волго-Уральского очага. В дальнейшем ее культурное наследие проявляется в керамике, металле и некоторых других категориях материала в синташтинской культуре (Бочкарев 2010, 58). «Абашевское» наконечное украшение, вплетенное в косу, скорее всего, сменилось подвесным наконечным гарнитуром в металлическом воплощении и в таком виде оформилось в женском costume «синташты». Он продолжил украшать женский головной убор в петровской и алакульской культурной традиции.

Символом элитности, популярным «брендом» женского costume становится головной убор с наконечным украшением. Следует отметить, что в погребениях андроновской культуры (в широком смысле этого термина) головной убор со сложносоставным наконечником II-го типа присутствовал в женских погребениях с элитными показателями погребального обряда (Усманова 2018, 71-72). Своеобразный «dress-code» в одежде, знаковые детали женского costume были рождены социальными и ритуальными потребностями общества степной бронзы.

Если в предметном мире Волго-Уральского очага культурогенеза в женском costume есть образ наконечного украшения, то следует поискать его подобие в Карпато-Дунайском. Тем

Рис. 11. «Kličevački Idol» (IV-III тыс. до н.э.). Придунавье (по Harding 2000, 373, fig. 11/3-1).

более, что существовали контакты между культурами этих двух очагов, когда мобильность людей и вещей поддерживала мобильность идей.

В этом контексте обращает на себя знаменитая фигурка из сербского Придунавья, так называемый «Kličevački Idol» (IV-III тыс. до н. э.). Со стороны спины изображен висячий наконечный гарнитур, укрепленный на венчике (Harding 2000, 373, fig. 11/3-1). Это четкое свидетельство изобразительным способом о наличии подвесного наконечного гарнитура в культуре бронзы Балкан, который может быть сравним с наконечным украшением андроновской культурной традиции (рис. 11).

Другие известные по археологическим данным глиняные фигурки, изображающие женщин в орнаментальной одежде, которые чаще всего интерпретируются идолами, относятся к культуре эпохи бронзы II тыс. до н. э. Дубовац-Жуто Брдо-Гырла Маре (Dubovac – Žuto Brdo – Gârla Mare, Bronze Age). Ее памятники находятся на территории Балкано-Карпатского региона. По опубликованным данным известно более 190 фигурок из 60 археологических памятников Сербии. Основательное исследование Mirko Peković, посвященное антропоморфной пластике эпохи бронзы, дало возможность предположить, что на женских фигурках есть изо-

Табела 4. Типови антропоморфних фигурина по групама

Рис. 12. Антропоморфные фигурки. Эпоха бронзы. Сербия (по Пековић 2015, 57/4).

бражения вертикально висящих накосников со стороны спины (Пековић 2015). В данной статье из этой монографии публикуется сводная таблица групп фигурок (Пековић 2015, 57/4), украшения на которых рассматриваются автором исследования Mirko Peović главным образом как подвески (рис. 12). С моей точки зрения, они могут трактоваться как накосники, нарисованные в виде горизонтально висящих нитей/лент/тесьмы, иногда боковые полосы имеют спиралевидные окончания. Декоративные элементы одежды на фигурках имеют прямое сходство с орнаментацией на сосудах (Пековић 2013). Возможно, накосники в реальном женском костюме были сделаны из мягких органических материалов и по этой причине не сохранились в погребениях. Можно предположить, что фигурки выполняли роль заместителей оригинальных ювелирных наборов в погребениях и были принадлежностью каких-то ритуалов, связанных с культом матери-прародительницы. Накосники могли изображаться специально на предметах поклонения, какими предстают женские глиняные фигурки, именуемые часто идолами. В данном случае смысловое поле символического объ-

яснения значения антропоморфной пластики может быть очень широким.

При любом способе интерпретации висячих украшений на фигурках феномен подвесного накосного украшения в женском костюме культур эпохи бронзы Карпато-Дунайского региона наглядно демонстрирует фигурка «Kličevački Idol». Итак, предположение о наличии подвесного накосного гарнитура в эпоху бронзы в этом регионе Балкан вполне оправдано.

Накосник – знак коллективной памяти.

Идея «сотворить» женское накосное украшение, которое имело социально-магическое значение в костюме, могла возникнуть независимо друг от друга в культурах двух рассматриваемых очагов в начале II тыс. до н.э. Выражаясь современным языком, у каждой культуры был свой «модельный дом», откуда и следует разность их изобразительных образов. Очевидно, что причина появления накосника кроется в глубинных показателях человеческого подсознательного, в естественном желании защитить женское начало деторождения. Ассоциацию волос

с растительностью имитировало накосное украшение, которое вертикально опускалось по спине к земной поверхности. Накосники в головном уборе андроновской культурной традиции заканчивались подвесками в форме листа. И опять же не случайно, а вполне логично, что возникновение накосного украшения в его ярком металлическом исполнении могло быть определено статусными потребностями элиты общества в области обрядовой жизни (обряды перехода, магические и т.д.), ее желаниями обозначить свои социальные привилегии.

Символическое содержание головного убора в женском костюме прежде всего зависело от статуса его носительницы. Возможно, по этой причине накосное украшение в костюме культур бесписьменного этапа развития общества вошло в категорию « <...> символических знаков низшего порядка, находящихся как бы

на грани письменности: амулетов, владельческих знаков. <...>» (Лотман 1992, 103, 106). Головной убор с накосником стал принадлежностью ритуалов, которые поддерживали коллективную память социума. И, однажды появившись в период активного экономического и культурного подъема обществ эпохи бронзы, он до сих пор сохранился в традиционном костюме многих евразийских народов в качестве бессмертного оберега женщины.

Благодарности

Выражаю благодарность за помощь в написании статьи: Марии Люштина, Факультет филологии Белградского университета, Сербия; Катарине Дмитрович, Национальный музей в Чачак, Сербия; Мирко Пековичу, Военный музей, Белград, Сербия; Миляне Радивоевич, Институт археологических исследований Макдональда Кембриджского университета, Великобритания.

Библиография

- Богатырев 1971:** П.Г. Богатырев, Вопросы теории народного искусства (Москва 1971).
- Бочкарев 2010:** В.С. Бочкарев, Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы (Санкт-Петербург 2010).
- Гаген-Торн 1960:** Н.И. Гаген-Торн, Женская одежда Поволжья. Материалы к этногенезу (Чебоксары 1960).
- Гаген-Торн 1933:** Н.И. Гаген-Торн, Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы. Советская этнография 5/6, 1933, 76-88.
- Гейслер 1990:** Х.-Г.-Г. Гейслер, Казанские татары. Костюм народов России в графике 18-20 веков. Каталог (Москва 1990), 68-69.
- Генинг, Зданович, Генинг 1992:** В.Ф. Генинг, Г.Б. Зданович, В.В. Генинг, Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей (Челябинск 1992).
- Геннеп 1999:** А. ван Геннеп, Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов (Москва 1999).
- Епимахов 2007:** А.В. Епимахов, Относительная и абсолютная хронология синташтинских памятников в свете радиоуглеродных датировок. Проблемы истории, филологии, культуры 17, 2007, 402-421.
- Клюева, Михайлова 1988:** Н.И. Клюева, Е.А. Михайлова, Накосное украшение у сибирских народов. В сб.: Материальная и духовная культура народов Сибири, XLII (Ленинград 1988), 105-128.
- Кузьмина 2002:** О.В. Кузьмина, Украшения абашевской культуры. В сб.: (Отв. ред. Р.М. Мунчаев) Проблемы археологии Евразии (Москва 2002), 152-174.
- Корнеев 1990:** Е.М. Корнеев, Черемиска (марийка). Костюм народов России в графике 18-20 веков. Каталог (Москва 1990), 14-15.
- Куприянова 2008:** Е.В. Куприянова, Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как «текст» [по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана] (Челябинск 2008).
- Купцова, Евгеньев 2019:** Л.В. Купцова, А.А. Евгеньев, Новые погребальные комплексы в Оренбургском Предуралье. В: Материалы международной конференции, II (Санкт-Петербург 2019), 219-222.
- Лотман 1992:** Ю.М. Лотман, Избранные статьи. Несколько мыслей о типологии культур, т. 1 (Таллинн 1992).
- Массон, Сарияниди 1973:** В.М. Массон, В.И. Сарияниди, Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. Опыт классификации и интерпретации (Москва 1973).
- Орфинская, Голиков 2010:** О.В. Орфинская, В.П. Голиков, Экспериментальное исследование текстильных изделий из раскопок могильника Лисаковский II. В кн.: Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций. Приложение 1 (Караганда - Лисаковск 2010), 114-124.

- Орфинская, Голиков, Шишлина 1999:** О.В. Орфинская, В.П. Голиков, Н.И. Шишлина, Комплексное экспериментальное исследование текстильных изделий эпохи бронзы Евразийских степей. В сб.: (Отв. ред. Н.И. Шишлина) Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей (Москва 1999), 58-185.
- Пековић 2013:** М. Пековић, Инкрустована керамика бронзаног доба у српском Подунављу (Београд 2013).
- Пековић 2015:** М. Пековић, Антропоморфне фигурине бронзаног доба у српском Подунављу (Београд 2015).
- Полосьмак, Баркова 2005:** Н.В. Полосьмак, Л.Л. Баркова, Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV-III вв. до н. э.) (Новосибирск 2005).
- Сосновский 1934:** Г.П. Сосновский, Древнейшие шерстяные ткани Сибири. Проблемы истории доисторических обществ 2, 1934, 92-96.
- Суслова 1980:** С.В. Суслова, Женские украшения казанских татар середины XIX - начала XX (Казань 1980).
- Сухарева 1979:** О.А. Сухарева, Опыт анализа покровов традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции. В сб.: (Отв. ред. О.А. Сухарева) Костюм народов Средней Азии (Москва 1979), 77-103.
- Тохтабаева 2005:** Ш.К. Тохтабаева, Серебряный путь казахских мастеров (Алматы 2005).
- Усманова 2010:** Э.Р. Усманова, Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций (Караганда - Лисаковск 2010).
- Усманова 2018:** Э.Р. Усманова, Женщина эпохи бронзы: мать, жрица, ткачиха (по материалам андроновских погребений памятников Лисаковской округи). В: Материалы Всероссийской научной конференции «Мужской и женский мир в отражении археологии», Уфа, 2018 (Уфа 2018), 70-78.
- Ченченкова 2010:** О.П. Ченченкова, Реставрация женского украшения в косу – наkosника. В кн.: Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций. Приложение 2 (Караганда - Лисаковск 2010), 125-132.
- Шишлина 2007:** Н.И. Шишлина, Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V-III тысячелетия до н. э.) (Москва 2007).
- Harding 2000:** A.F. Harding, European Societies in the Bronze Age (Cambridge 2000).

Acoperământul de cap cu decor în cosițe în cultura Andronovo: reconstrucție, simbolism și origine

Cuvinte-cheie. Acoperământul de cap, culturile Abaševo, Sintašta, Andronovo, spațiul carpato-dunărean, zona uralo-kazahă.

Rezumat: Portul feminin în cultura Andronovo (mil. II a. Chr.) este reprezentat prin descoperiri ale unor seturi de bijuterii și fragmente de textile țesute și de piele. În zona stepelor din Ural și Kazahstan, sunt cunoscute cca treizeci de înmormântări în care au fost descoperite fragmente de acoperământ de cap pentru femei. Acoperământul de cap era elementul principal al costumului feminin, care avea semnificația de concentrație a energiei de vitalitate. Acest element indica vârsta și statutul social al femeii înhumate, inclusiv starea familială și dacă a avut copii. Acoperământul de cap în cultură Andronovo a avut o semnificație votivă și era utilizat în ritualurile tranziției (naștere – nuntă – înmormântare). Conform datelor arheologice din epoca bronzului, în zona de stepă, cea mai timpurie variantă a acoperământului de cap cu elemente de decor de cosițe feminine apare în cultura Abaševo.

Articolul de față prezintă o interpretare a originii decorului de cosițe. Este realizată o caracterizare generală a centrelor de geneză culturală și a metalurgiei în epoca bronzului din Europa de Est: spațiul carpato-dunărean și zona Volga - Ural. Cultura Abaševo din zona Volga - Ural a influențat dezvoltarea culturii Sintašta. Meșteșugarii culturii Abaševo împodobeau cosițele cu elemente din metal. Analogii ale unui astfel de decor se găsesc pe figurina descoperită în Serbia (Kličevački Idol, mil. IV-III a. Chr.). Figurinele feminine din lut, în culturile epocii bronzului Dubovac - Žuto Brdo - Gârla Mare din spațiul carpato-dunărean, au pe spate elemente decorative, care se aseamănă cu bijuteriile cosițelor din înhumările feminine cunoscute în cultura Andronovo. Este posibil ca împodobirea cosițelor să fi apărut convergent în culturile carpato-dunărene și stepele din zona Ural - Kazahstan la începutul mil. II a. Chr.

Lista ilustrațiilor:

Fig. 1. Elemente decorative de cosițe în cultura Andronovo (mil. II a. Chr.) din Kazahstan.

Fig. 2. Reconstituirea acoperământului de cap cu decor de cosițe de tipul I (mil. II a. Chr.). Necropola Lisakovskij I. Kazahstan (desen I.V. Rudkovskij).

Fig. 3. Reconstituirea acoperământului de cap cu decor de cosițe de tipul II (mil. II a. Chr.). Necropola Lisakovskij I. Kazahstan (desen I.V. Rudkovskij).

- Fig. 4. Reconstituirea acoperământului de cap cu pandantiv facial (mil. II a. Chr.). Necropola Balykty. Kazahstan (desen I.V. Rudkovskij).
- Fig. 5. Copia acoperământului de cap din cultura Andronovo. Muzeul istorico-arheologic din Žezgazgan (fotografie E.R. Usmanova).
- Fig. 6. Reconstituirea costumului feminin în cultura Andronovo (fotografie E.R. Usmanova).
- Fig. 7. „Țesătoarea din Andronovo”. Reconstituire. Muzeul istoriei orașului Almaty (fotografie E.R. Usmanova).
- Fig. 8. Reconstituirea acoperământului de cap feminin cu cosițe și pandantiv facial. Muzeul de istorie și cultură din Lisakovo (fotografie E.R. Usmanova).
- Fig. 9. Imaginea femeii cu acoperământ de cap cu cosițe (după Корнеев 1990, 14-15).
- Fig. 10. Imaginea femeii cu acoperământ de cap cu cosițe (după Гейслер 1990, 68-69).
- Fig. 11. Kličevački Idol, mil. IV-III a. Chr. (după Harding 2000, 373, fig. 11/3-1).
- Fig. 12. Figurină antropomorfă. Epoca bronzului. Serbia (după Пековић 2015, 57/4).

«Andronovo» headgear with braid decoration (nakosnik): reconstruction, symbolism and origin

Keywords: headgear, Abashevo, Sintashta, Andronovo culture, Carpathian-Danube, Ural-Kazakhstan steppes.

Abstract: The female costume of the Andronovo culture of the 2nd millennium BC is represented by finds of jewelry sets and fragments of textiles and leather. There are known about 30 investigated burials with remains of women's headgears originated from the Ural-Kazakhstan steppes. A headgear is the main element of the Andronovo culture costume, which designated the head's top as a place of concentration of vital energy. It indicated the age and social status of the buried woman. The headdress had a ritual significance and participated in the rites of transition (child's birth, wedding, and funeral). According to the archaeological data of the steppe Bronze Age cultures, an early version of braid's decoration appeared in the Abashevo culture. The Abashevo culture of the Volga-Ural region influenced to the development of the Sintashta culture. The artisans of the Sintashta culture transformed the nakosnik (braid decoration). An analogy of the nakosnik is noted in the clay figurine of "Kličevački Idol" (4th-3rd mil. BC) from the Serbian Danube region. A hanging jewelry set is depicted on the backside. There are images of decorative ornaments on the back of clay female figurines of the Bronze Age culture Dubovac - Zuto Brdo - Gârla Mare. They resemble jewelry similar to Andronovo culture braid's decoration. It is possible that the female nakosnik appeared independently of each other in the cultures of Carpathian-Balkans and Ural-Kazakhstan steppes at the beginning of the 2nd mil. BC. The headgear with nakosnik is an element of the collective memory of the non-written period of history.

List of illustrations:

- Fig. 1. "Andronovo" nakosnik (braid decoration). The 2nd mil. BC. Kazakhstan.
- Fig. 2. Reconstruction of headgear with I type nakosnik. The 2nd mil. BC. Lisakovski burial site. Kazakhstan (drawing by I.V. Rudkovski).
- Fig. 3. Reconstruction of headgear with II type nakosnik. The 2nd mil. BC. Lisakovski burial site. Kazakhstan (drawing by I.V. Rudkovski).
- Fig. 4. Reconstruction of headgear with facial pendant. The 2nd mil. BC. Balykty burial site. Kazakhstan (drawing by I.V. Rudkovski).
- Fig. 5. A copy of the "Andronovo" headgear. Zhezkazgan Historical and Archaeological Museum (photo by E.R. Usmanova).
- Fig. 6. Reconstruction of "Andronovo" women's costume (photo by E.R. Usmanova).
- Fig. 7. "Andronovo weaver". Reconstruction. Museum of the History of Almaty (photo by E.R. Usmanova).
- Fig. 8. Reconstruction of the "Andronovo" women's headgear with a nakosnik and a facial pendant. Lisakovsk Museum of History and Culture of the Upper Tobol (photo by E.R. Usmanova).
- Fig. 9. Image of a woman in a headgear with a nakosnik (after Корнеев 1990, 14-15).
- Fig. 10. Image of a woman in a headgear with a nakosnik (after Гейслер 1990, 68-69).
- Fig. 11. "Kličevački Idol" (IV-III mil. BC). Carpathian Basin (after Harding 2000, 373, fig. 11/3-1).
- Fig. 12. Anthropomorphic figurines. The Bronze Age. Serbia (after Пековић 2015, 57/4).

19.03.2021

Эмма Усманова, Сарыаркинский археологический институт Карагандинского университета им. академика Е.А. Букетова, Университетская 28, Караганда, Республика Казахстан, <https://orcid.org/0000-0003-1625-5086>, e-mail: emmadervish2004@mail.ru

---

AN EASTERN STYLE BRONZE VESSEL DISCOVERED IN BRAȘOV COUNTY (ROMANIA)

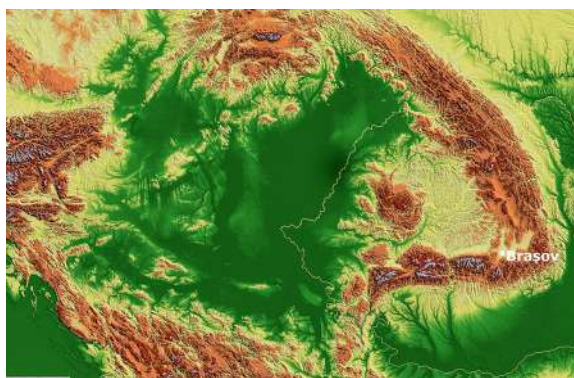

Ioan Bejinariu, Florin Moței

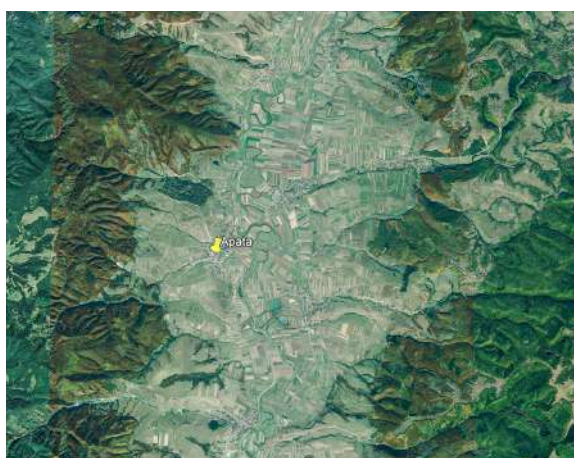
Keywords: Bronze Age, Transylvania, Bronze hoard, Bronze vessel, North Pontic region, long distance relations.

In April 2017 the Brașov County Museum of History received in its collections two bronze artefacts discovered with the help of the metal detector. We are talking about a fragment from a vessel made from a bronze sheet and a celt. The one who discovered the artefacts also provided a series of information about the discovery. Thus, it is mentioned that both artefacts were discovered on “Șugău” hill, located administratively in the Apața village, Brașov county. The two artefacts were not discovered together but at a distance of approximately 70 meters in between; this information was verified by checking the coordinates recorded and provided by the person who discovered them. Thus, it is not certain whether we are dealing with a single, unitary discovery, more precisely whether the artefacts originate from the same deposit or whether we are dealing with two different offerings, each containing a single item. Apparently the second hypothesis is valid, but there are known cases when a deposit of bronze artefacts was “spread” in the course of time, probably due to natural causes (erosion, landslides etc.) across a rather large surface (Bejinariu 2018, 48) or even situations where in a certain area that probably held a certain significance in the collective mentality of the prehistoric communities there are recorded successive deposits of metal artefacts during the course of a shorter or even a longer period of time (Kacsó, Mitrea 1976, 545-546; Blazek, Hansen 1997, 44-47; Turk 1997, 49; etc.).

Brașov county is located in the intra-Carpathian part of Romania, in the south-eastern part of Transylvania (fig. 1/1). Apața village is located about 40 km north of Brașov (fig. 1/2), in the intra-Carpathian Olt river basin.” Șugău”-hill where the artefacts were located appears as a promontory oriented on the north-west-south-

1

2

Fig. 1. 1 - ”Țara Bârsei” / ”Burzenland” and the location of the city of Brașov on the map of Transylvania; 2 - Apața locality, Brașov county – the place of bronze-hoard discovery.

east that separates itself from the hilly crest that guards the eastern part of Olt valley and descends until the river’s meadow. The artefacts were discovered under the ridge, on the southern slope of the hill. The person that discovered the artefacts did not register the information concerning the position of the objects in the ground, the depth where they were discovered or the possible association with other archaeological materials.

The description of the artefacts:

1. Fragment from a bronze vessel. The collection of the museum from Brașov has received a fragment from the upper part of a vessel manufactured from a bronze sheet. The rim of the recipient is thick, approximately in the shape of the letter “T”. The short neck of the vessel has an approximately cylindric profile, followed by a short, slightly profiled shoulder and the body, possibly tronconic in shape. The vessel was fashioned from horizontal tin sheets, riveted to the next horizontal sheet. In the joint area, the upper strip is shaped in such a way that the next piece of tin sheet covers it across a certain portion after which the two strips are riveted (fig. 2-4). The mouth of the vessel is approximately 55 cm in diameter. The vessel fragment measures approximately 25 cm in length and 11 cm in height. Just below the rim another orifice is visible, it is partially preserved, with a size similar to those where the horizontal sheets are joined. It is difficult to

say whether this is a rivet hole from the vertical joint of the upper bronze sheet or whether it is a repair. The first hypothesis (the riveting joint of the first tin sheet) is not supported by other clues because there are no similar holes in the lower part and the bronze sheet is not shaped in such a manner to allow the overlapping of the extremities, as noticeable on the lower part of the sheet. Thus, it seems that the orifice suggests the existence of a handle riveted to the vessel. Below the rivet hole underneath the edge of the vessel, it can be seen how an approximately rectangular surface of the bronze sheet was “cut” probably with the help of a mandrel or chisel (fig. 5/1). Below is visible the possibly intentional bending of the bronze plate, an operation that might be correlated with the process of removing the fragment described above (fig. 3/2). One can notice on the surface of the vessel several small cracks, visible with the naked eye, very similar to those that appear on ceramic vessels that undergo a strong

1

2

Fig. 2. 1, 2 - The bronze vessel from Apața before cleaning (exterior and interior images).

1

2

Fig. 3. 1, 2 - The bronze vessel from Apața after cleaning (exterior and interior images).

Fig. 4. 1, 2 - The bronze vessel from Apața. Detail photos with the joint area of the bronze strips and rivets.

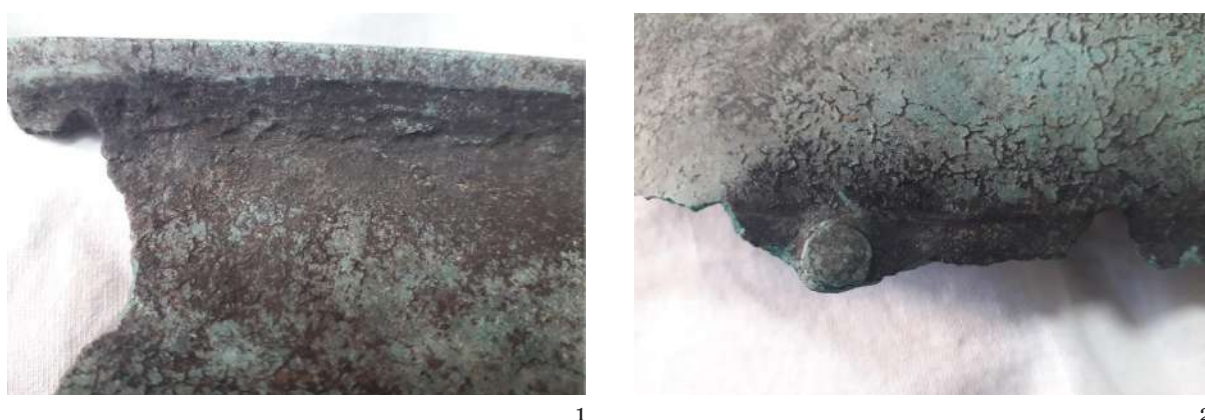

Fig. 5. The bronze vessel from Apața. 1 - Detail photo with the hole for fixing the handle; 2 - detail photo with one of the rivets.

secondary burn. The vessel fragment has a greenish patina, as noticeable on the joint area of the strips. Such areas exist on the inside in certain places. The lower part has two rivets and two partially maintained rivet holes. One of the rivets has the head that is on the inside of the vessel very flattened. The thickness of the rim varies between 11.42 mm and 12.21 mm. Sheet thickness 1.42 mm. Weight: 387 g. The length of the rivets is 8 mm, respectively 10 mm. Brașov County Museum of History collection, inv. nr. II 9099 AR (fig. 7/2)

2. Fragmentary bronze celt. The upper part of the artefact is missing, the area of the celt's edge. On one of the flat faces, that is better preserved, one can notice three thin, parallel ribs, very discreetly fashioned, positioned in a vertical plan. One can notice at least two fissures along the width of the artefact and one of them continues on the lateral side (fig. 6/1, 2). Judging by its aspect, it seems that this artefact was also subjected to high tem-

peratures and this aspect seems to suggest a situation similar to that encountered in the case of the metal vessel. The edges of the pieces in the cleft area, including the sharp edge are very rounded and it is aspect that prevents us from stating with certainty that the item was deliberately destroyed prior to it being deposited, particularly also because the fissures that were noticed are not due to any intentional intervention on the artefact. In the cleft one can notice small orifices in the metal probably due to an insufficient homogenisation of the metal, leading to air being incorporated. The celt has a green-pale colour and a common patina. Brașov County Museum of History collection, inv. nr. 9098 AR (fig. 7/1). Weight: 141 g. L: 8.31 cm; l: 3.67 cm.

It is without a doubt that the bronze vessel, albeit fragmentary, is the more interesting artefact and it is intriguing in equal measure because of its unusual appearance in south-eastern Transylva-

1

2

Fig. 6. 1, 2 - The socketed-axe from Apața.

nia. Although Transylvania is an area with a high concentration of metal vessels discoveries, with over 60 points where such discoveries were made across a surface of around 150000 km² (Soroceanu, Sava 2020a, 538, Abb. 1), the novelty of this discovery consists in it being unusual, as mentioned above. The respective fragments originate from a bronze vessel belonging to the so-called type “riveted cauldrons” (German: *genieteteter Kessel*, Russian: *клепанных котлов*). These cauldrons are the main group of metal vessels fashioned from bronze sheet from the north-Pontic area (Soroceanu, Sava 2020a, 530, Abb. 3/4). This type of cauldrons, some of them have a shorter or higher frustoconical leg, while other have a rounded or flat bottom and no leg (Soroceanu, Sava 2020a, 534, Abb. 4/1-12) are documented through discoveries across a large area, however insufficiently documented in certain directions. We are referring approximately to the area delimited by the Eastern Carpathians, the Ural Mountains and the Caucasus (Soroceanu, Sava 2020a, 540-541; Dergačev 2002, 135). Especially in the Caucasian area, one particularly innovative when it comes to metallurgy, cauldrons fashioned from bronze sheets, joined by riveting appear early, in the area of the Maikop culture (Kohl 2007, 80, fig. 3/13)¹. Apparently, our vessels had handles, applied with the help of rivets on the upper part of the container, as seen on certain artefacts, including a discovery from north-eastern Serbia, in the town of Mesić, that represents, until now, the most western presence of a bronze riveted cauldron in Europe (Гошко et al. 2018, 196-197; Soroceanu,

Sava 2020b, 242-246, Abb. 107). Because the vessel is broken right next to a rivet it is unclear the type of handle that we can talk about. Based only on the single rivet orifice we cannot state whether the vessel had a type I or II handle, according to the typology developed by T. Soroceanu and E. Sava (Soroceanu, Sava 2020b, Abb. 247).

As far as we know at this point the discovery from Brașov county is the only one that attests with certainty the presence of eastern-type riveted cauldrons in Romania’s intra-Carpathian area. We can say this with certainty, because the three fragments of bronze sheet from Bandul de Câmpie (Mureș county) deposit, although probably originate from bronze vessels, unless they represent failed manufacturing attempts (Soroceanu 2008, 147-148, Abb. 23, nr. 107), show no evidence of being joined through riveting (Soroceanu, Rezi, Németh 2017, 48-49, 139, Taf. 106/144-146). Still, the edges of the vessel fragments from this deposit seem to be thickened in a manner similar to that of the vessel discovered at Apața. Further to the east, but outside the Carpathian arch, we can mention that in the Băleni deposit (Galați county) there exists a fragment from a bronze vessel (bowl or cauldron?) that has a thickened rim and shaped approximately like the vessel from Brașov county Brașov (Dragomir 1967, 105, fig. 10/9; Petrescu-Dîmbovița 1977, 73-74, pl. 78/9; Petrescu-Dîmbovița 1978, 109, nr. 88, pl. 57/209; Soroceanu 2008, 241-242, nr. 175, Taf. 62/175). We mention a riveted, bronze cauldron from south-eastern Romania, in the Dobruja area, discovered at Cernavodă (Constanța county); it appeared in a pit, associated with ceramic vessels attributed to the Coslo-

¹ A very concise look on the various theories and opinions regarding the origin of “riveted cauldrons” in: Leskov 1981, 50-51.

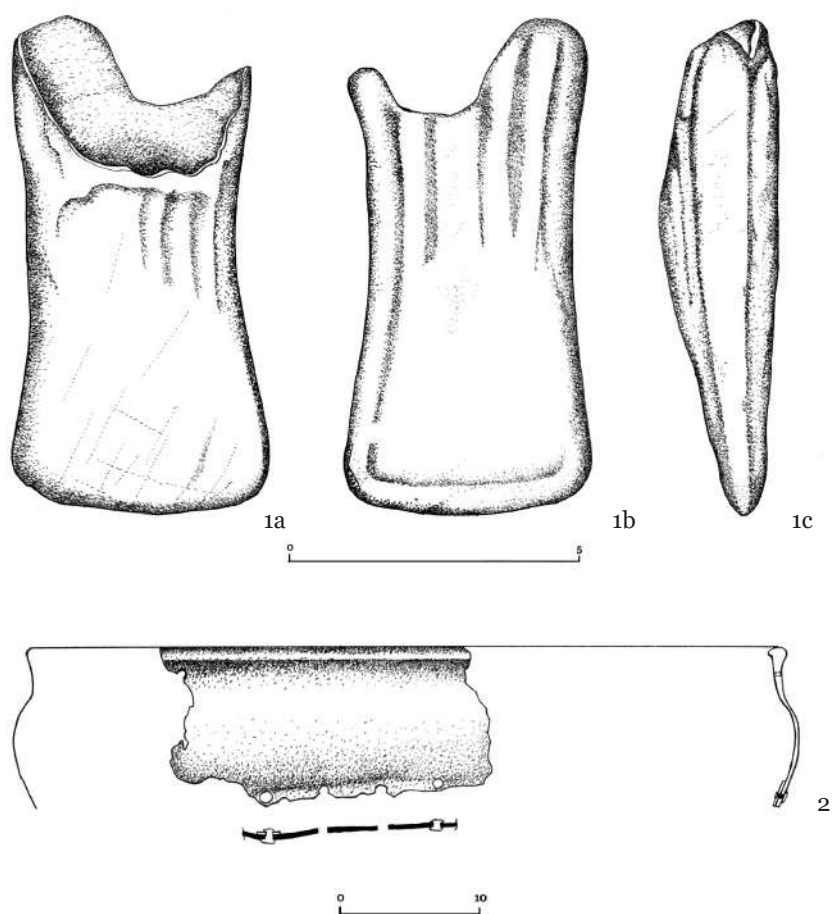

Fig. 7. 1, 2 - The socketed-axe and the bronze vessel fragment from Apața (drawings).

geni culture and with other metal artefacts. The archaeological context (pit nr. 121) is dated in the Late Bronze, stage VzD (Сороцяну et al. 2019, 185-187, 227-228, рис. 5/1-9).

Fragments from a bronze vessel (pieces from the vessel's rim and fragments from the handle) originate from a tumular tomb from Bandyšovka (Ukraine, the Dniester basin) – the rim is shaped like the letter “T”, like in the case of the vessel discovered at Apața. In this case the funerary context is attributed to the Cimmerians and is dated by most researchers at the limit of the 9th/8th centuries BC (Soroceanu, Sava 2020b, 85-90, Abb. 18/4-6). Another metal vessel comes from southern Ukraine, from the Chersones area (Jagorlyckij zaliv); the body is approximately spherical and the leg is conical, short, but with a thickened rim and a short neck, just like the vessel from Brașov is shaped. The discovery is dated in the IV-V stages of the Late Bronze Age (Soroceanu, Sava 2020b,

160-163, Abb. 56/13). Another vessel originating from the Astrakhan area (Komsomol`skij village, Russia) stands out through the same modelling of the rim of the vessel in the shape of a “T”, and the archaeological context where it was found is dated in the phase III of the Late Bronze (15th - 14th centuries BC) (Soroceanu, Sava 2020b, 182-189, Abb. 68/1). With regards to analogies in the manner of the shaping of the rim of the vessel we can also mention cauldron nr. 2 from the Molești deposit (the Republic of Moldova), attributed to the Late Bronze (Dergačev 2002, 45; Soroceanu, Sava 2020b, 256-261, Abb. 117/1) and possibly the bronze riveted cauldron from Novopavlovka (central Ukraine), dated also in the Late Bronze IV (Soroceanu, Sava 2020b, 277-280, Abb. 129/5). A part of the already mentioned analogies (Molești, Novopavlovka, etc.) correspond to the type IIb, while others belong to special types from the typology developed by Soroceanu and Sava

based on the rim of the bronze riveted cauldrons (Soroceanu, Sava 2020b, Abb. 250, 252).

Of course, we do not claim a complete list of formal analogies found regarding the “T” modeling of the rim of the vessel from Apața (Brașov county, RO), but we considered that the mentioned examples would be useful in the context of our approach to obtain some necessary landmarks with regards to dating the discovery and specifying the possible relations with the cultural environment of the Bronze Age in Țara Bârsei / Burzenland. It is obvious that this endeavour is taking place in a rather uncertain framework, as it is mentioned by T. Soroceanu and E. Sava, namely that unlike the bronze vessels from central and western Europe, much more standardized from the manufacturing point of view, in the case of the riveted cauldrons we are dealing with a low homogenization of these artefacts, making it clearly difficult to establish a typology (Soroceanu, Sava 2020b, 53).

Because this is a random discovery (although the result of a premeditated action!), belonging however to a person who was not trained as an archaeologist, we do not have too many information, but especially observations that might be useful for recreating the context of the discovery. It is possible, but not certain, that the vessel fragments were associated with the celt fragment. Unfortunately, the delivery of the artefacts was not followed by a field survey of the area where the discovery was made in order to obtain any other additional information that the ones provided by the discoverer. Because the bronze vessel is fragmentary, the only formal aspects we can use to start our analysis regarding the dating and the cultural context of the discovery, are those referring to the manner in which the vessel was manufactured, namely from horizontal, successive strips of bronze sheet (and there are clues concerning the existence of at least two strips of sheet), but especially the aspect of the vessel's rim, that was hammered in the shape of the letter “T”. Most analogies that were quoted, that focus only on how the rim of the vessel was thickened in the shape of the letter “T” are discoveries dated in the Late Bronze Age, in the second half of the second millennium BC. With due reservations, as dictated by the isolated character of the discovery but also by its originality in the Transylvanian space, we are inclined to attribute the fragmen-

tary bronze cauldron from Apața (Brașov County) to the late period of the Bronze Age in the intra-Carpathian area.

In order to know the cultural evolution of the Bronze Age in south-east Transylvania in general and particularly in Țara Bârsei / Burzenland, the archaeological resort from Rotbav (Brașov county, about 12 km away from Apața), “La Pârâuț” point. The archaeological excavations pointed out that in this archaeological resort there exist six consecutive habitation phases, the first three belonging to the Middle Bronze Age (Wietenberg culture), the next two (4-5) belong to the Late Bronze Age, Noua culture, while the last one is attributed to the Gáva culture (L. Dietrich 2012, 207; L. Dietrich 2014a, 338-343; L. Dietrich 2014b, 59-70). The Noua culture is well represented with discoveries in south-east Transylvania (settlements, necropolises, isolated discoveries) and in particular in Brașov county (Costea 2004, 32-58; O. Dietrich, L. Dietrich 2007, 34-45; L. Dietrich 2014a, 341), among them a series of deposits or isolated discoveries consisting of metal pieces of eastern-type that appeared in Țara Bârsei. We are referring to a series of deposits comprising bronze artefacts such as the one from Brașov (O. Dietrich, L. Dietrich 2019, 61-67), respectively Cristian and Feldioara (O. Dietrich 2019, 103-115), that included hooked sickles or the small deposit from Rotbav “La Pârâuț” (O. Dietrich 2009, 97-107). All these deposits are connected with presence of the communities belonging to Noua culture from the Late Bronze period in Țara Bârsei (O. Dietrich, L. Dietrich 2019, 63).

The information provided by the discoverer when the artefacts were handed over is extremely scarce and in fact is the GPS coordinates of the place of the discovery of the two pieces and in indicating the toponym where they were found. The donation papers also mention that no ceramic fragments or ash were discovered at the discovery site. There is a complete lack of any information about the context of the discovery, the arrangement of the artefacts and in general the kind of information that would provide clues to assess the nature of the deposit. There are numerous discoveries and also written sources that state that sometimes these metallic vessels and particularly the deposits comprising such vessels can be connected with prehistoric ritual practices (Soroceanu 2005, 399-402, Abb. 7; Soroceanu 2008,

276). Even the evidence related to the intentional destruction of the fragment by “cutting away” a fragment with a mandrel or chisel just below the rim orifice can be included in the ritual practices, meant to render the vessel unusable. Such actions have been observed by specialists in the case of similar recipients, followed by a single vessel fragment being deposited (Soroceanu, Sava 2020b, 54-55, Abb. 22/5, 130/7-9, etc.).

Although we are not certain that the artefacts discovered at Apața (Brașov county) are associated, we will refer here also to the fragmentary celt discovered on the same hill near the village. It is hard to establish in what type the celt can be included because the upper part, the area of the mouth for fixing the wooden handle, is missing. The aspect of the artefact is rather that of “old metal”, because the edge is very rounded and so are the edges from the cleft area. It seems that, after its deliberate or accidental destruction, the axe was still kept (we do not know whether it was also used in these conditions) for a while, before being offered. The only elements for finding formal analogies are the three parallel, vertical, slightly embossed ribs, that are better noticeable on one of the celt’s facet. This aspect means that the artefact from Apața is similar to the celts from group D or the Banat type from the typology established by V.A. Dergačev. The author presents a list of artefacts that present such an ornament, spread over a wide area from the southwest of the Balkan Peninsula (Albania) until the Republic of Moldavia, but with three areas where one can discern a clear concentration of discoveries, Serbia, Transylvania and the eastern-Carpathian area. The celts with this ornament have a long evolution, from the Late Bronze until the early stage of the First Iron Age (Дергачев 2010, 98-110, 165-167). We cannot exclude the possibility that it is a decoration similar to the one ren-

dered on some of the moulds from Plenița (Dolj county, RO) where there appears an ornament consisting of three parallel, vertical ribs that form on the upper part, underneath the celt’s mouth, a motif similar to the letter “Y” (Boroffka, Ridiche 2005, 133-208, Abb. 3/2; 4; 5/1-2, etc.; Wanzek 1989, Taf. 47/6a, 7b). We have presented such information only to point out that the classification of the fragmentary celt from Apața is risky, based only on formal analogies offered by a decoration that is frequently encountered.

The chemical analysis of the two artefacts was done at the Horia Hulubei National Institute of Physics and Nuclear Engineering (IFIN-HH), Măgurele, Romania, by D.A. Mirea and D.C. Olteanu. It is an ED-XRF (*Energy Dispersive X-ray Fluorescence*) analysis conducted with Bruker Tracer S1 Titan spectrometer. The chemical composition of the artefacts discovered at Apața (Brașov county, RO) is given in appendix 1. The high values of such elements as Al, Si, Fe etc mentioned in the analysis bulletin is explained by the artefact not being cleaned prior to it being analysed, and these elements come from the deposits accumulated during the time that the artefact was buried in the ground. In fact it can be also noticed in the photographs the layer of impurities that covered the fragment across large surfaces at the time that the XRF analyses were conducted.

Acknowledgements

The authors would like to show their gratitude to T. Soroceanu (Berlin), PhD., for the bibliography suggested and the advices offered. We also want to thank to our colleague L. Sîrbu (Chișinău), PhD., for translating the abstract in Russian. The cleaning of the artefacts was done by C. Moței (Brașov Museum), the drawings were made by M. Cioc (Brașov) and D. Ștefan (Zalău), and the photographs by D. Gridean (Brașov).

Appendix 1

The chemical composition of the bronze pieces from Apața, Brașov county, Romania

Cod XRF	Nr. Inv.	Al	Si	P	Ti	Mn	Fe	Ni	Cu	Zn	As	Zr	Ag	Sn	Sb	Pb	Bi
2066	II9099 AR	5.491	9.319	0.930	0.020	0.025	1.303	0.217	63.348		1.364		0.111	16.430	0.287	0.835	0.072
2080	II9098 AR	2.149	4.846	1.794	0.098		0.820		57.104	0.107	6.244	0.030	2.416	2.092	11.772	10.503	

Bibliography

- Bejinariu 2018:** I. Bejinariu, Depozite de bronzuri din Sălaj (Zalău 2018).
- Blažek, Hansen 1997:** J. Blažek, S. Hansen, Die Hortfunde von Saběnice in Nordwest Böhmen. Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Nordwestböhmens, Band 4 (Most 1997).
- Boroffka, Ridiche 2005:** N. Boroffka, F. Ridiche, Der Gußformenfund von Plenița, Kreis Dolj, Rumänien / Descoperirea de tipare pentru turnarea bronzului de la Plenița, județul Dolj. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien / Descoperiri de bronzuri din România, II, 134-208, (Bistrița - Cluj-Napoca 2005).
- Costea 2004:** F. Costea, Repertoriul arheologic al județului Brașov (Brașov 2004).
- Dergačev 2002:** V. Dergačev, Die Äneolitische und Bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. PBF XX, 9 (Stuttgart 2002).
- L. Dietrich 2012:** L. Dietrich, Was sind die „Aschenhügel“ der Noua-kultur. Das Beispiel aus Rotbav (Südostsiebenbürgen). In: (Hrsg. I. Heske, B. Horejs) Bronzezeitliche Identitäten und Objekte. Beiträge aus den Sitzungen der AG Bronzezeit auf der 80. Tagung des West- und Süddeutschen Verbandes für Altertumsforschung in Nürnberg 2010 und dem 7. Deutschen Archäologiekongress in Bremen 2011, UPA, Band 221 (Bonn 2012), 207-217.
- L. Dietrich 2014a:** L. Dietrich, Die mittlere und späte Bronzezeit und die ältere Eisenzeit in Südostsiebenbürgen auf grund der Siedlung von Rotbav, UPA, Band 248 (Bonn 2014).
- L. Dietrich 2014b:** L. Dietrich, Datele radiocarbon din așezarea aparținând epocii bronzului de la Rotbav (jud. Brașov, România). SCIVA 65/1-2, 2014, 59-70.
- O. Dietrich 2009:** O. Dietrich, Ein kleiner Bronzedepotfund aus der Siedlung von Rotbav „La Pârâuț“ sowie einige Gedanken zum Auftreten zyprischer Schleifennadeln in der Noua-Kultur. Analele Banatului, s.n., arheologie-istorie, XVII, 2009. Aes Aeterna. Omagiu domnului Tudor Soroceanu, cu ocazia împlinirii a 65 de ani / Festschrift für Tudor Soroceanu zum 65. Geburtstag, volum îngrijit de L. Dietrich, O. Dietrich, B. Heeb, Al. Szentmiklosi (Timișoara 2009), 97-107.
- O. Dietrich 2019:** O. Dietrich, Cristian und Feldioara. Zwei Sichelhorte aus dem Burzenland (Rumänien). In: (Eds. V. Sirbu, Al. Comșa, D. Hortopan) Digging in the Past of Old Europe. Studies in Honor of Cristian Schuster at this 60th Anniversary (Tg. Jiu - Brăila 2019), 103-115.
- O. Dietrich, L. Dietrich 2007:** O. Dietrich, L. Dietrich, Observații privind descoperirile cu caracter funerar din epoca bronzului de la Rotbav, com. Feldioara, județul Brașov. Cumidava XXIX, 2007, 34-45.
- O. Dietrich, L. Dietrich 2019:** O. Dietrich, L. Dietrich, Ein vergassener Hortfund aus Kronstadt (Brașov) in Rumänien. Das Burzenland (Țara Bârsei) als Hortlandschaft. Analele Banatului, S.N. XXVII, 2019. Volum dedicat memoriei dr. Alexandru Szentmiklosi (1971-2019), 61-67.
- Dragomir 1967:** I.T. Dragomir, Un nou depozit de obiecte de bronz descoperit la Băleni în sudul Moldovei. Danubius 1, 1967, 89-105.
- Kacsó, Mitrea 1976:** C. Kacsó, B. Mitrea, Depozitul de bronzuri de la Rozavlea. SCIV 27/4, 1976, 537-548.
- Kohl 2007:** Ph. Kohl, The Making of Bronze Age Eurasia, Cambridge Word Archaeology (Cambridge 2007).
- Leskov 1981:** A.M. Leskov, Jung- und Spätbronzezeitliche Depotfunde im Nördlichen Schwarzmeergebiet, I. (Depots mit einheimischen Formen). PBH, XX, 5 (München 1981).
- Petrescu-Dîmbovița 1977:** M. Petrescu-Dîmbovița, Depozitele de bronzuri din România. Biblioteca de arheologie, XXX (București 1977).
- Petrescu-Dîmbovița 1978:** M. Petrescu-Dîmbovița, Die Sichel in Rumänien mit Corpus der jung- und spätbronzezeitlichen Horte Rumäniens. PBF XVIII, 1 (München 1978).
- Soroceanu 2005:** T. Soroceanu, Zu dem Fundumständen der europäischen Metallgefäße bis in das 8. Jh. v. Chr. Ein Beitrag zu deren religionsgeschichtlicher Deutung. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien / Descoperiri de bronzuri din România, II (Bistrița - Cluj-Napoca 2005), 387-428.
- Soroceanu 2008:** T. Soroceanu, Die Vorskythenzeitlichen Metallgefäße im Gebiet des heutigen Rumänien / Vasele de metal prescitate de pe actualul teritoriu al României (Bistrița - Cluj-Napoca 2008).
- Soroceanu, Sava 2020a:** T. Soroceanu, E. Sava, Einige Bemerkungen zur Herstellung, zur Typologie und zur Verbreitung der spätbronze- und früheisenzeitlichen Metallgefäße im Raum zwischen Karpaten, Norkaukasus und Ural. In: (Hrsg. M.T. Kašuba, S. Reinhold, J.J. Piotrovskij) Der Kaukasus zwischen Osteuropa und Vorderen Orient in der Bronze und-Eisenzeit: Dialog der Kulturen, Kultur des Dialoges, Internationale Fachtagung für die Archäologie des Kaukasus und Humboldt-Kolleg (5.-8. Oktober 2015, Sankt Petersburg) / Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком в бронзовом и железном веке: диалог культур, культура диалога. Международная научная конференция по археологии Кавказа и Гумбольдт-лекторий (5-8 октября 2015 года, Санкт-Петербург), Archäologie in Iran und Turan, Band 19 (Berlin 2020), 527-548.

- Soroceanu, Sava 2020b:** T. Soroceanu, E. Sava, Die Metallgefäße zwischen Karpaten und Westaltai während der Bronze- und Früheisenzeit, Band I / Металлические сосуды между Карпатами и западным Алтаем в эпоху бронзы и раннего железного века, том I. *Tyragetia International II* (Chişinău 2020).
- Soroceanu, Rezi, Németh 2017:** T. Soroceanu, B. Rezi, R.E. Németh, Der Bronzedeptofund von Bandul de Câmpie, jud. Mureş / Mezőband, Maros-Megye. Beiträge zur Erforschung der spätbronzezeitlichen Metallindustrie in Siebenbürgen, UPA, Band 307 (Bonn 2017)
- Turk 1997:** P. Turk, Das Depot eines Bronzegießers aus Slowenien – Opfer oder Materiallager? In: (Hrsg. A. u. B. Hänsel) Gaben an die Götter. Schätze der Bronzezeit Europas, Bestandskataloge, Band 4 (Berlin 1997), 49-52.
- Wanzek 1989:** B. Wanzek, Die Gußmodel für Tüllenbeile in südöstlichen Europa, UPA, Band 2 (Bonn 1989).
- Гошко et al. 2018:** Т.Ю. Гошко, С.О. Агапов, В.В. Отрощенко, Металевы казаны з великого стему за доби пізньої бронзи / Late Bronze Age Cauldrons from the Great Steppe (Київ 2018).
- Дергачев 2010:** В.А. Дергачев, Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья. Выпуск 1. Одоушковые кельты с арковидными фасками / Socket axes of Late Bronze Age of Carpathian Danubian Region (Chişinău 2010).
- Сорочяну et al. 2019:** Т. Сорочяну, К. Добринеску, С. Аилинкэй, В. Бодоликэ, Т. Сава, Комплекс культуры Кослодженъ (яма No. 121) в Чернаводэ - «Шоссе No. 2, 152-й км» как отражение восточно-европейского конвергентного взаимодействия в регионе Западного Причерноморья. *Tyragetia s.n.* XIII/1, 2019, 183-228.

Un vas de bronz de tip răsăritean descoperit în județul Braşov (România)

Cuvinte-cheie: Epoca bronzului, vase de bronz, cazane nituite, depunere, Transilvania, zona nord-pontică.

Rezumat: Articolul pune în circulație o descoperire recentă din sud-estul Transilvaniei, România. În urmă cu câțiva ani în colecția Muzeului Județean de Istorie din Braşov au intrat două piese preistorice din bronz descoperite în localitatea Apața, județul Braşov, pe dealul „Şugău”. Ambele piese sunt descoperiri întâmplătoare și nu există informații despre contextul descoperirii. Este vorba despre un celt și un fragment dintr-un cazan nituit, confecționat din tablă de bronz. Asocierea celor două piese nu este certă, întrucât au fost descoperite la circa 70 m una de alta. Celtului îi lipsește zona gurii de fixare a cozii de lemn, iar pe una dintre fețe se observă trei nervuri verticale și paralele. Fragmentul de vas de bronz provine de la partea superioară a unui cazan confecționat din fâșii orizontale de tablă asamblate prin nituire. Buza recipientului este îngroșată aproximativ în forma literei „T”. Gâtul scurt al vasului are o formă oarecum cilindrică, după care urmează un umăr scurt, ușor profilat și corpul, probabil tronconic. La zona de îmbinare, fâșia superioară este modelată în așa fel încât bucata următoare de tablă să o acopere pe o anumită porțiune, după care cele două fâșii sunt îmbinate cu ajutorul unor nituri. Deschiderea la gură a vasului poate fi aproximată la circa 55 cm. Fragmentul de vas măsoară 25 cm în lungime și 11 cm în înălțime. Din zona nord-pontică, din descoperiri de pe teritoriul Republicii Moldova, Ucrainei și Rusiei provin cele mai apropiate analogii prin prisma modului în care a fost modelată buza vasului. Până acum este singura descoperire certă care atestă prezența cazanelor nituite, de tip răsăritean în perioada târzie a epocii bronzului pe teritoriul Transilvaniei. Ipotetic, descoperirea poate fi pusă în legătură cu prezența comunităților Noua în Bronzul târziu, bine atestată arheologic prin descoperiri în sud-estul Transilvaniei.

Lista ilustrațiilor:

Fig. 1. 1 - „Țara Bârsei” / „Burzenland” și localizarea orașului Braşov pe harta Transilvaniei; 2 - localitatea Apața, județul Braşov – locul descoperirii depozitului de piese de bronz.

Fig. 2. 1, 2 - Vasul de bronz de la Apața înainte de curățare (imagini de la exterior și interior).

Fig. 3. 1, 2 - Vasul de bronz de la Apața după curățare (imagini de la exterior și interior).

Fig. 4. 1, 2 - Vasul de bronz de la Apața. Fotografii de detaliu cu zona de îmbinare a fâșiilor și niturile de bronz.

Fig. 5. Vasul de bronz de la Apața: 1 - fotografie de detaliu cu orificiul pentru fixarea torții; 2 - fotografie de detaliu cu unul dintre nituri.

Fig. 6. 1, 2 - Celtul de la Apața.

Fig. 7. 1, 2 - Celtul și fragmentul de vas de bronz de la Apața (desene).

Бронзовый сосуд восточного типа, обнаруженный в жудеце Брашов (Румыния)

Ключевые слова: бронзовый век, бронзовые сосуды, клепаные котлы, клад, Трансильвания, Северное Причерноморье.

Резюме: Статья вводит в научный оборот предмет, недавно обнаруженный на юго-востоке Трансильвании, в Румынии. Несколько лет назад в фонды Исторического музея Брашова попали два доисторических

бронзовых артефакта, обнаруженные в коммуне Апаца жудеца Брашов, на холме «Шутэу». Оба предмета являются случайными находками, археологический контекст неизвестен. Речь идет о кельте и фрагменте клепаного котла, изготовленного из бронзового листа. Связь этих двух предметов не определена, так как они были обнаружены примерно в 70 м друг от друга. У кельта отсутствует зона отверстия для фиксации деревянной рукояти, а на одной из сторон есть три вертикальных параллельных ребра. Фрагмент бронзового сосуда представляет собой верхнюю часть котла, изготовленного из склепанных горизонтальных полос листового металла. Край сосуда утолщен примерно в форме буквы «Т». Короткое горло имеет приблизительно цилиндрическую форму, далее следует короткое, слегка профилированное плечо и тело сосуда, вероятно, усечено-конической формы. В области соединения верхняя полоса частично перекрывается следующей, и полосы склепываются. Диаметр горловины сосуда может быть примерно 55 см. Фрагмент сосуда имеет длину 25 см и высоту 11 см. Самые близкие аналогии форме края этого сосуда можно найти в Северном Причерноморье, среди находок на территории Республики Молдова, Украины и России. Пока это единственное достоверное открытие, свидетельствующее о наличии клепаных котлов восточного типа в поздний период бронзового века на территории Трансильвании. Гипотетически эта находка может быть связана с присутствием сообществ культуры Ноау в эпоху поздней бронзы, что подтверждается археологическими открытиями на юго-востоке Трансильвании.

Список иллюстраций:

Рис. 1. 1 - Цара-Бырсей (нем. Burzenland) и расположение города Брашов на карте Трансильвании; 2 - коммуна Апаца жудеца Брашов – место обнаружение клада бронзовых изделий.

Рис. 2. 1, 2 - Бронзовый сосуд из Апацы перед чисткой (снаружи и внутри).

Рис. 3. 1, 2 - Бронзовый сосуд из Апацы после чистки (снаружи и внутри).

Рис. 4. 1, 2 - Бронзовый сосуд из Апацы. Фото фрагмента с местом стыковки и склепывания бронзовых полос.

Рис. 5. Бронзовый сосуд из Апацы: 1 - фото фрагмента с отверстием для фиксации ручки; 2 - фото фрагмента с одной из заклепок.

Рис. 6. 1, 2 - Кельт из Апацы.

Рис. 7. 1, 2 - Кельт и фрагмент бронзового сосуда из Апацы (рисунки).

18.03.2021

Dr. Ioan Bejinariu, Sălaj county Museum for History and Art, Unirii Str., 9, Zalău, Romania, <https://orcid.org/0000-0002-2614-6556>, e-mail: bion_1867@yahoo.com

Florin Moței, Brașov county Museum for History, Sfatului Square, 30, Brașov, Romania, <https://orcid.org/0000-0003-2844-3877>, e-mail: florinmotei@yahoo.com

SITURI DIN PRIMA EPOCĂ A FIERULUI DIN PREAJMA SATULUI CINIȘEUȚI, RAIONUL REZINA¹

Victor Dulgher, Sergiu Serbinov,
Vladimir Chitic, Aurel Zanoci

Cuvinte-cheie: prima epocă a fierului, periegeze arheologice, așezare deschisă, fortificație, ceramică.

Primele periegeze arheologice în preajma localității Cinișeuți², raionul Rezina (fig. 1), au fost efectuate în anul 1962 de către P.P. Bârnea și V.S. Beilecci. Ca urmare, au fost descoperite patru așezări: Cinișeuți I (prima epocă a fierului), Cinișeuți II (epoca eneolitică/cultura Tripolie), Cinișeuți III (epoca eneolitică/cultura Tripolie, prima epocă a fierului, epoca medievală/sec. IX-X) și Cinișeuți IV (epoca eneolitică/cultura Tripolie, epoca romană târzie/cultura Černjahov) (Бырня, Бейлекчи 1963, 14). Localizarea și descrierea acestor situri, realizată de P.P. Bârnea și V.S. Beilecci, a fost preluată și perpetuată în mai multe repertorii arheologice (Свод 1987, 560; Levițki 1993, 1-2). Informația cu referire la așezările din prima epocă a fierului se regăsește, fără nicio completare, și în repertoriul siturilor din epoca fierului, din seria Harta arheologică a RSS Moldovenești / Археологическая карта Молдавской ССР (Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, 18). De asemenea, așezările Cinișeuți I și Cinișeuți III sunt incluse în lista siturilor culturii Cozia-Saharna, întocmită de M. Kashuba (Кашуба 2000, 366, рис. XLVI/5).

Astfel, având drept scop verificarea datelor ce se conțin în repertoriile amintite, precum și pentru completarea informațiilor despre siturile din epoca fierului, în luna aprilie 2021, colaboratorii LCȘ „Tracologie” din cadrul Universității de Stat din Moldova au întreprins periegeze în preajma localității Cinișeuți, raionul Rezina (Zanoci, Serbinov, Chitic 2021; Dulgher, Chitic, Serbinov 2021).

¹ Acest articol a fost realizat în cadrul proiectului 20.80009.1606.14 „Patrimoniul arheologic din epoca fierului în regiunea Nistrului Mijlociu și bazinul râului Cogâlnic: cercetare interdisciplinară și valorificare științifică”.

² În urma cercetărilor de suprafață, efectuate în anul 1947 în raza localității Echimăuți, T.S. Passek menționează o fortificație – Echimăuți II (Пасек 1949, 64). Însă, judecând după descrierea locului amplasării, aceasta, de fapt, se află pe moșia satului Cinișeuți.

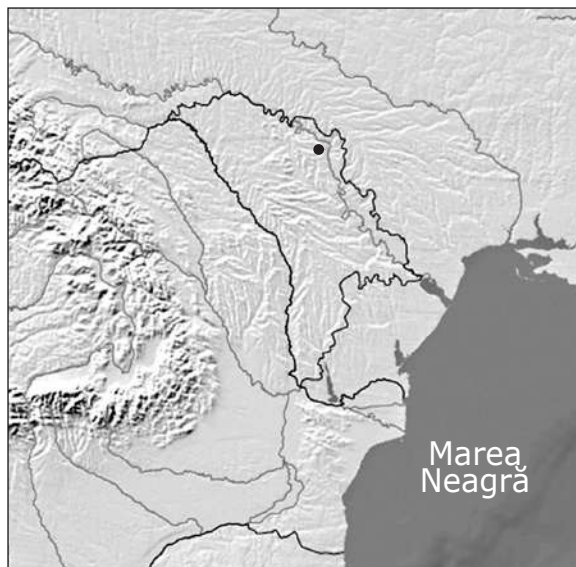

Fig. 1. Amplasarea localității Cinișeuți pe harta spațiului est-carpatic.

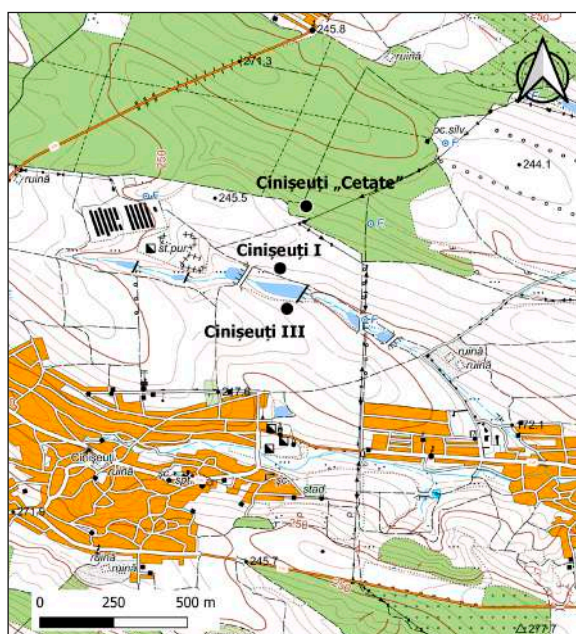

Fig. 2. Cinișeuți. Localizarea siturilor din prima epocă a fierului (după <https://moldova-map.md/geoserver/maps/wms/>; QGIS 3.4.15).

Fig. 3. Cinișeuți. Conturul siturilor din prima epocă a fierului aplicat pe ortofotoplan: 1 - Cinișeuți „Cetate”; 2 - Cinișeuți I; 3 - Cinișeuți III (după Google Earth).

În urma cercetărilor de teren, s-a stabilit că așezarea **Cinișeuți I** ($47^{\circ}42'44.39''N$; $28^{\circ}52'21.61''E$) se află la cca 1,7 km est de drumul național R20, Chișinău – Rezina și la cca 1,2 km nord față de marginea de nord-est a satului Cinișeuți (fig. 2). Ea a fost amplasată în partea inferioară a pantei de nord a unei vâlcele, având o expunere spre sud-est. Judecând după răspândirea la suprafața solului a fragmentelor ceramice din prima epocă a fierului, așezarea ar fi putut avea o arie de cca 380×100 m (fig. 3, 4).

Artefactele recuperate în urma periegezei sunt reprezentate de: o cute din piatră de gresie, două fusaiole și 45 de fragmente de ceramică.

Cutea (fig. 5/1), de formă quasi-elipsoidală, are lungimea de 7,6 cm, lățimea – de 5,0 cm și grosimea maximă – de 2,3 cm. Astfel de piese sunt întâlnite frecvent în siturile preistorice, în special, în cele din prima epocă a fierului de la Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii” (Niculiță, Zanoci, Băț 2016, fig. 56/10; Niculiță et al. 2019, fig. 18/6), Saharna „Țiglău” (Niculiță, Nicic 2014, fig. 14), Glinjeni „La Șanț” (Гольцева, Кашуба 1995, таб. L/3, 5; LI/1, 2) etc.

Fusaiolele, reprezentate de o piesă întreagă (fig. 5/3, 4) și de una fragmentară (fig. 5/2), au fost modelate din pastă de lut cu degresanți de cioburi pisate. Ele au o ardere neuniformă, iar culoarea lor variază de la cărmiziu la negru. Ca urmare a reconstituirii grafice, s-a stabilit că fragmentul de fusaiolă a făcut parte dintr-o piesă de formă bitronconică având înălțimea de 3,8 cm, diametrul mare – de 5,4 cm, diametrul bazelor – de 1,7 cm, iar diametrul orificiului fiind de 0,9 cm. Cea de-a doua fusaiolă, în formă de „pară”, are înălțimea de 2,7 cm, diametrul mare – de 4,0 cm, diametrul bazelor fiind de 1,1 cm și, respectiv, de 2,2 cm, iar al orificiului – de 0,8 cm. Pe linia diametrului maxim piesa a fost decorată cu un șir de împunsături (fig. 5/3, 4).

Fusaiolele bitronconice au o răspândire largă în siturile culturii Cozia-Saharna din regiunea Nistrului Mijlociu, fiind cunoscute la Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii” (Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 45/4; Niculiță et al. 2019, fig. 17/13), Saharna „Țiglău” (Niculiță, Nicic 2014, fig. 16/6), Țahnăuți (Băț 2017, fig. 7/10), Glinjeni „La Șanț” (Гольцева, Кашуба 1995, таб. XLV/5, 7) etc.

1

2

Fig. 4. Locul amplasării așezării Cinișeuți I: 1 - vedere dinspre sud-est; 2 - vedere dinspre nord-est.

Cele în formă de „pară” sunt mai puțin cunoscute. Exemplare asemănătoare ca formă, însă lipsite de decor, au fost atestate în așezările de la Glinjeni „La Șanț” (Гольцева, Кашуба 1995, таб. XLIV/11) și Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii” (Niculiță, Zanoci, Băț 2016, fig. 66/3). De asemenea, fusaiole de această formă sunt întâlnite în siturile de la Neporotiv II și Neporotiv „Dubova” din arealul culturii sincrone Černoles, din regiunea Nistrului Mijlociu (Крушельницька 1998, рис. 12/8; 103/3). Totodată, fusaiole decorate cu împunsături pe muchia diametrului maxim, însă de formă bitronconică, sunt cunoscute în așezarea Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii” (Niculiță, Zanoci, Băț 2016, fig. 66/7, 8).

Fragmentele ceramice, descoperite în așezarea Cinișeuți I, au făcut parte din vase modelate cu mâna din pastă de lut cu degresanți de șamotă. Majoritatea au o cromatică ce variază de la cenușiu la negru, unele având culoare cărămizie. Printre cioburile recuperate (buze, pereți, funduri și toarte) se evidențiază fragmente de străchini, oale și cești/cupe.

Străchinile sunt reprezentate, cu preponderență, de fragmente de la partea superioară a unor recipiente cu buza îngroșată, care putea fi verticală (fig. 5/5-7) sau arcuită în interior (fig. 5/8-10). Majoritatea străchinilor au fost decorate pe marginea buzei cu linii scurte, oblice, aplicate prin ștanțare (fig. 5/5-10). De asemenea, unele vase au fost ornamentate și pe partea exterioară, decorul fiind plasat imediat sub buză. Acesta reprezintă, la fel, linii oblice sau zigzaguri, realizate prin incizare și ștanțare. Străchini similare sunt cunos-

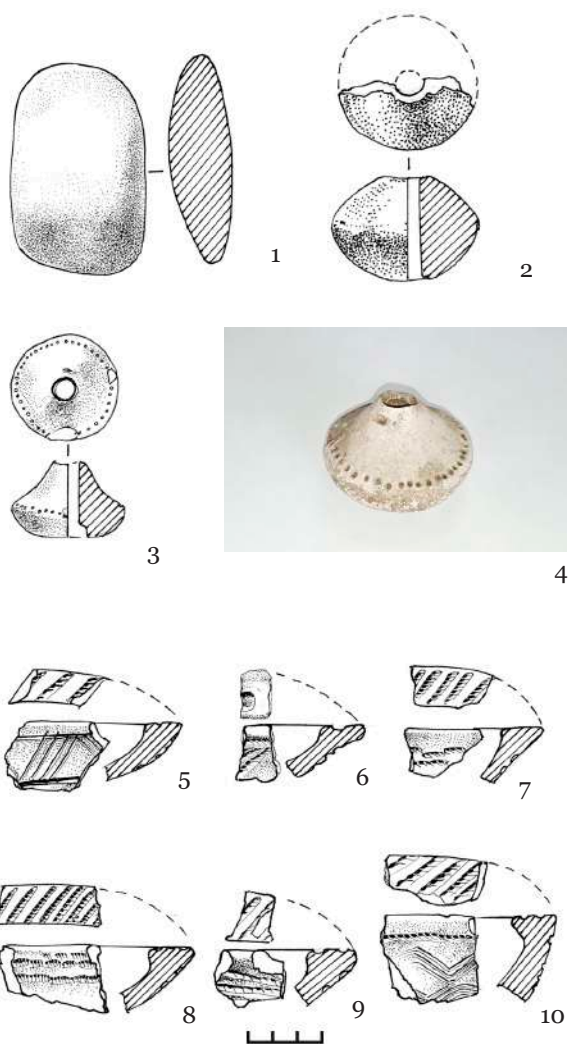

Fig. 5. Cinișeuți I. Piese de inventar și fragmente ceramice descoperite pe suprafața așezării.

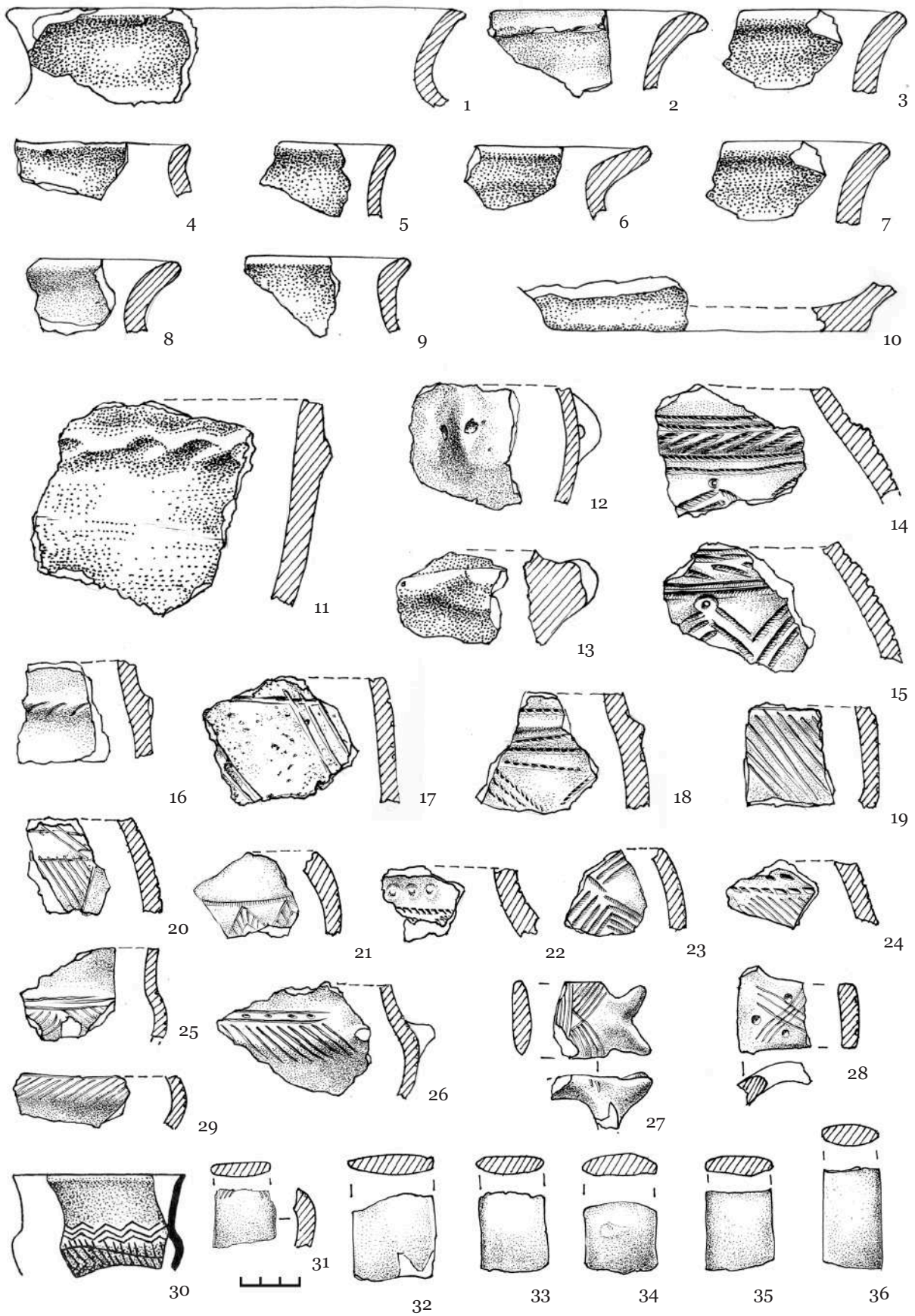

Fig. 6. Cinișeuți I. Fragmente de ceramică descoperite în urma perieghezelor (30 - după Кауцба 2000, рис. XLVI/5).

cute, practic, în toate siturile atribuite culturii Cozia-Saharna, cele mai apropiate analogii provenind de la Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii” (Niculiță, Zanoci, Arnăuț 2008, fig. 77/3-8; 78; Niculiță, Zanoci, Băț 2016, fig. 67; 70), Țahnăuți (Băț 2017, fig. 14), Saharna „Țiglău” (Niculiță, Niciu 2014, fig. 56-61) etc.

De la *oale* au fost recuperate fragmente de buze, pereți și funduri. Recipientele au, de regulă, marginea arcuită în exterior (fig. 6/1-9), trunchiul fiind ornamentat cu decor în relief (fig. 6/11-13, 16), ștanțat (fig. 6/14, 15, 18, 22, 24) sau incizat (fig. 6/17, 19-21, 23). Acest tip de vase este caracteristic pentru sortimentul ceramic al culturii Cozia-Saharna, fiind utilizat pe larg de comunitățile din așezările de la Pocreaca (Iconomu 1996, fig. 9), Butuceni (Niculiță, Teodor, Zanoci 2002, fig. 71-75), Saharna „Țiglău” (Niculiță, Niciu 2014, fig. 24-55) etc.

Ceștile/cupele sunt reprezentate de fragmente de buze (fig. 6/30), pereți (fig. 6/25, 26, 29) și toarte (fig. 6/27, 28, 31-36). Acest tip de vase este decorat cu linii incizate orizontale și oblice, aplicate pe trunchi și/sau pe toarte. Pe unele recipiente în asociere cu inciziile apar și imprimeuri de formă rotundă (fig. 6/28) sau ovală (fig. 6/26). Astfel de vase sunt frecvent întâlnite atât în așezările (Niculiță, Teodor, Zanoci 2002, fig. 77; Băț 2017, fig. 10; Niculiță, Niciu 2014, fig. 67-72; Niculiță, Zanoci, Arnăuț 2008, fig. 61-62), cât și în necropolele (Kașuba 2014, fig. 188/2; 198/6; Kașuba 2000, рис. LXVII/6) culturii Cozia-Saharna. Interes prezintă un fragment de toartă, ornamentată cu incizii, care avea pe linia curburii o proeminență în formă de bucraniu (fig. 6/27). Prezența bucraniului în calitate de decor al torților nu este cunoscută, deocamdată, în arealul culturii Cozia-Saharna. În schimb, acesta apare pe torțile unor cești descoperite la Nероротив II (Крушельницька 1998, рис. 22/12; 44/6) în arealul culturii Černoles. Aici însă torțile sunt lipsite de decorul incizat pe suprafață.

Astfel, plecând de la artefactele descoperite în urma cercetărilor de suprafață, putem considera că așezarea Cinișeuți I a funcționat în prima epocă a fierului, făcând parte din șirul de situri, atribuite comunităților de tip Cozia-Saharna, care au locuit în regiunea Nistrului Mijlociu în sec. X-IX a. Chr.

Așezarea **Cinișeuți III** (47°42'32.03"N; 28°52'23.72"E) se află vizavi de situl Cinișeuți I, la o distanță de cca 250 m sud (fig. 2; 3). Conform datelor oferite de P.P. Bârnea și V.S. Beilecci

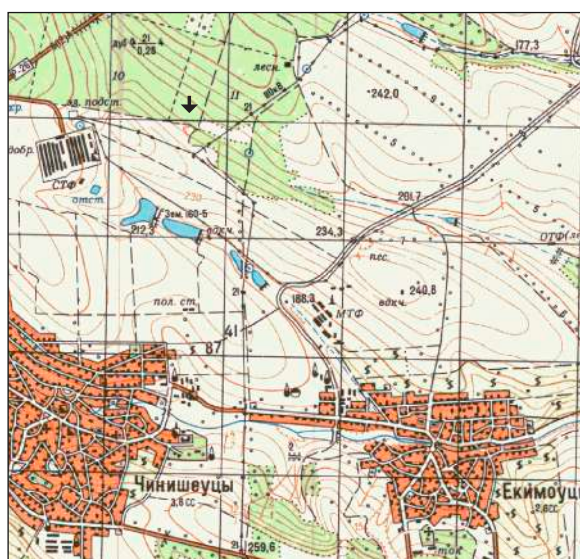

Fig. 7. Localizarea sitului Cinișeuți „Cetate” (4) pe harta topografică din 1982 (după: <http://geoportal.md>).

(Бырня, Бейлекчи 1963, 14), ea era amplasată pe panta de sud a vâlcele și ocupa un spațiu de cca 400×100 m. Autorii descoperirii menționează că materialul ceramic, atestat la suprafața solului, este destul de sporadic, fiind reprezentat de cioburi caracteristice pentru perioadele „tripoli-ană”, „hallstattiană” și „slavă”/sec. IX-X (Бырня, Бейлекчи 1963, 14). În urma periegezelor, realizate de echipa LCȘ „Tracologie”, pe locul amintit au fost atestate doar fragmente de ceramică din perioadele eneolitică și medievală, cele din prima epocă a fierului lipsind deocamdată.

Astfel, la momentul de față nu se poate afirma cu siguranță că pe situl Cinișeuți III a existat și o locuire din prima epocă a fierului (cultura Cozia-Saharna).

În preajma așezărilor Cinișeuți I și Cinișeuți III (fig. 3), T.S. Passek (Пасек 1949, 64) a descoperit o fortificație, care a fost repertoriată ca Echimăuți II (Пасек 1949, 64)³. Conform datelor oferite de autoare, situl era localizat la nord-vest de satul Echimăuți, în partea superioară a pantei unui deal, în stânga drumului (fig. 7). Despre fortificație se menționează că valul ei aplatizat descria în plan o formă quasi-triunghiulară, iar de pe suprafață a fost colectată o cantitate semnificativă de ceramică scitică.

³ Informația despre această cetate se conține doar în articolul semnat de T.S. Passek, neregăsindu-se în repertoriile arăuate ulterior (Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974; Levițki 1993).

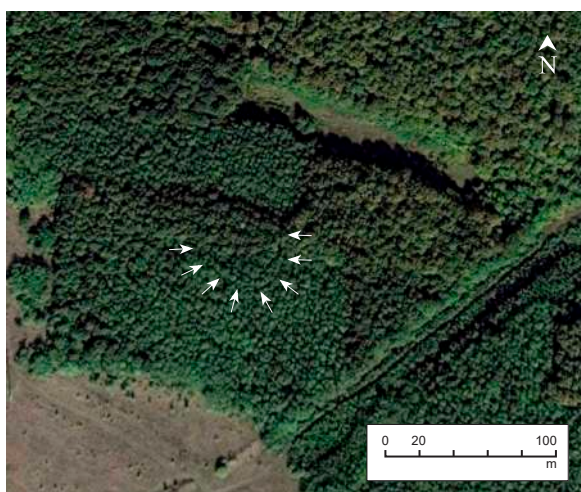

Fig. 8. Cinișeuți „Cetate”. Conturul fortificației.

1

2

Fig. 9. Cinișeuți „Cetate”. Valul de apărare de pe latura de vest: 1 - vedere dinspre vest; 2 - vedere din incintă (dinspre est).

Având drept scop verificarea informației publicate de T.S. Passek, în primăvara anului 2021 au fost realizate cercetări de suprafață și în regiunea unde ea semnalase fortificația. Ca urmare, s-a constatat că în spațiul menționat, într-adevăr, există urmele unei cetăți preistorice ($47^{\circ}43'3.25''N$; $28^{\circ}52'30.25''E$)⁴.

Actualmente, terenul unde se află fortificația este împădurit (în 1947 aici era teren arabil), însă la suprafață mai sunt vizibile unele denivelări, care pot fi interpretate drept vestigii ale sistemului defensiv. Astfel, pe laturile de est, sud și vest, au fost urmărite valul și șanțul de apărare, care delimitau o mică incintă de formă quasi-circulară, cu dimensiunile de 40×35 m (fig. 8-10). Elementele defensive s-au conservat cel mai bine pe latura de est, unde valul are lățimea la bază de cca 7 m și înălțimea de 0,7 m, iar șanțul este lat de cca 3,5-4,0 m și adânc de cca 0,5 m (fig. 10). Din cauza împăduririi terenului, nu a fost posibilă recoltarea de la suprafață a vreunor materiale arheologice, care ne-ar putea indica data edificării acestei cetăți. În asemenea situație, apelăm la informațiile oferite de T.S. Passek, care menționa aici numeroase fragmente de ceramică scitică. După cum cunoaștem, în a doua jumătate a anilor '40 - începutul anilor '50 ai secolului XX, drept ceramică scitică era considerată cea din epoca fierului (Смирнов 1949; Смирнов 1953; Мельниковская 1954), în special, cea getică. Însă cercetările anterioare, precum și ale noastre din 2021, nu au scos în evidență prin apropiere vreun sit, care să poată fi atribuit cu siguranță getilor.

Totodată, în preajmă, la o distanță de cca 600 m spre sud de fortificație, este cunoscută așezarea deschisă Cinișeuți I, care, după cum a fost menționat anterior, a fost atribuită purtătorilor culturii Cozia-Saharna. Nu se exclude că această fortificație de mici dimensiuni să fi funcționat în aceeași perioadă cu așezarea de la Cinișeuți I, în prima epocă a fierului. Drept argument pot servi și analogiile din arealul culturii Cozia-Saharna din regiunea Nistrului Mijlociu.

De exemplu, pe promontoriul de la Saharna Mare a fost cercetată o citadelă de formă quasi-circu-

⁴ Locul unde este amplasată cetatea se află pe moșia satului Cinișeuți, raionul Rezina, fiind localizată eronat de către T.S. Passek în perimetrul localității Echimăuți. În continuare, pentru a evita neconcordanțele cu registrul cadastral, propunem ca această fortificație să fie repertoriată ca Cinișeuți „Cetate”.

1

2

Fig. 10. Cinișeuți „Cetate”. Linia defensivă de pe latura de est: 1 - vedere dinspre sud; 2 - vedere dinspre sud-est.

lară, cu dimensiunile de 74×76 m, flancată spre vest de o așezare deschisă cu suprafața de cca 6 ha (Niculiță, Zanoci, Băț 2016, 45-140, fig. 26). O situație similară a fost atestată și pe promontoriul Saharna „Rude”, unde, de asemenea, a fost cercetată o citadelă rotundă cu diametrul de cca 75 m, flancată și ea de o așezare deschisă cu suprafața de cca 10 ha (Zanoci et al. 2019; Zanoci et al. 2020). Aceeași combinație, așezare deschisă și fortificație, este cunoscută și la Saharna „Hulboaca”. Aici, în preajma unei citadele de formă quasi-triunghiulară, cu suprafața de cca 0,2 ha,

a fost identificată o așezare deschisă, a cărei arie este de cca 9,2 ha (Niculiță, Zanoci, Băț 2016, 368-369, fig. 262-263).

Astfel, plecând de la analogiile prezentate mai sus, precum și de la situația atestată în preajma localității Cinișeuți, raionul Rezina, putem presupune că și aici a locuit o comunitate caracteristică primei epoci a fierului (cultura Cozia-Saharna), care și-a desfășurat activitatea în așezarea deschisă Cinișeuți I⁵, iar fortificația Cinișeuți „Cetate” ar fi reprezentat un centru de reședință al „căpeteniei” din această regiune.

Bibliografie

- Băț 2017:** M. Băț, Așezarea din prima epocă a fierului de la Țahnăuți, raionul Rezina. *Tyragetia* s.n. XI/1, 2017, 137-163.
- Dulgher, Chitic, Serbinov 2021:** V. Dulgher, V. Chitic, S. Serbinov, Rezultate preliminare ale cercetărilor periegetice la situl arheologic Cinișeuți I, raionul Rezina. In: Sesiunea științifică a Departamentului Istoria Românilor, Universală și Arheologie (Chișinău, 4 iunie 2021). *Rezumatul comunicărilor* (Chișinău 2021), 20-21.
- Kașuba 2014:** M. Kașuba, Necropola Saharna I (Țiglău) și locul ei în studierea practicilor funerare ale comunităților culturii Saharna (în baza rezultatelor cercetărilor efectuate de G.D. Smirnov și G.P. Sergheev în anul 1950). In: I. Niculiță, A. Niciu, Așezarea și necropola din prima epocă a fierului Saharna-Țiglău (Chișinău 2014), 127-156.
- Iconomu 1996:** C. Iconomu, Cercetările arheologice din cetatea hallstattiană de la Pocreaca – Iași. *ArhMold* XIX, 1996, 21-56.
- Levițki 1993:** O. Levițki, Repertoriul monumentelor arheologice din Republica Moldova. Raionul Rezina (Chișinău 1993). *Arhiva MNIM*, nr. inv. 33.
- Niculiță, Niciu 2014:** I. Niculiță, A. Niciu, Așezarea și necropola din prima epocă a fierului Saharna-Țiglău (Chișinău 2014).
- Niculiță, Teodor, Zanoci 2002:** I. Niculiță, S. Teodor, A. Zanoci, Butuceni. Monografie arheologică (București 2002).
- Niculiță, Zanoci, Arnăuț 2008:** I. Niculiță, A. Zanoci, T. Arnăuț, Habitatul din mileniul I a. Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna) (Chișinău 2008).
- Niculiță, Zanoci, Băț 2016:** I. Niculiță, A. Zanoci, M. Băț, Evoluția habitatului din microzona Saharna în epoca fierului (Chișinău 2016).

⁵ Probabil, și în așezarea de la Cinișeuți III, despre a cărei existență în această perioadă încă nu avem date sigure.

- Niculiță et al. 2019:** I. Niculiță, A. Zancoci, M. Băț, V. Dulgher, Investigațiile arheologice la situl Saharna Mare / „Dealul Mânăstririi”, raionul Rezina (2017-2019). Tyragetia s.n. XIII/1, 2019, 253-322.
- Zancoci et al. 2019:** A. Zancoci, A. Asăndulesei, M. Băț, F.-A. Tencariu, Prospekțiuni geomagnetice la situl din epoca fierului Saharna „Rude”, raionul Rezina. In: Cercetări arheologice în Republica Moldova: Campania 2018. Sesiunea Națională de Rapoarte, 18 aprilie 2019: Program. Rezumatele comunicărilor (Chișinău 2019), 51-53.
- Zancoci et al. 2020:** A. Zancoci, A. Asăndulesei, M. Băț, F.-A. Tencariu, Investigații geofizice și arheologice în situl din epoca fierului Saharna „Rude”, raionul Rezina. In: Cercetări arheologice în Republica Moldova: Campania 2019. Sesiunea Națională de Rapoarte, 18 aprilie 2020: Program. Rezumatele comunicărilor (Chișinău 2020), 53-55.
- Zancoci, Serbinov, Chitic 2021:** A. Zancoci, S. Serbinov, V. Chitic, În căutarea vestigiilor unei fortificații preistorice – Echimăuți II. In: Sesiunea științifică a Departamentului Istoria Românilor, Universală și Arheologie (Chișinău, 4 iunie 2021). Rezumatele comunicărilor (Chișinău 2021), 22-23.
- Быря, Бейлекчи 1963:** П.П. Быря, В.С. Бейлекчи, Отчет о работе отряда разведки в 1962 году (Кишинев 1963). Arhiva MNIM, nr. inv. 16.
- Гольцева, Кашуба 1995:** Н. Гольцева, М. Кашуба, Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднепровья (Тирасполь 1995).
- Кашуба 2000:** М. Кашуба, Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна). Stratum plus 3, 2000, 241-488.
- Крушельницька 1998:** Л. Крушельницька, Чорноліська культура Середнього Придністров'я (за матеріалами непоротівської групи пам'яток) (Львів 1998).
- Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974:** В.Л. Лапушнян, И.Т. Никулицэ, М.А. Романовская, Памятники раннего железного века. Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 4 (Кишинев 1974).
- Мельниковская 1954:** О.Н. Мельниковская, Археологические разведки на поселении у с. Цахнауцы. КСИИМК 56, 69-75.
- Пассек 1949:** Т.С. Пассек, Археологические разведки в Молдавии. КСИИМК 26, 1949, 57-68.
- Свод 1987:** Свод памятников истории и культуры Молдавской ССР. Северная зона. Макет (Кишинев 1987).
- Смирнов 1949:** Г.Д. Смирнов, Скифское городище и селище «Большая Сахарна». КСИИМК 26, 1949, 93-96.
- Смирнов 1953:** Г.Д. Смирнов, Отчетные материалы по археологическим исследованиям Молдавии за 1946-1953 годы (Кишинев 1953). Arhiva MNIM, inv. nr. 507.

Early Iron Age sites near the village of Cinișeuți, Rezina District

Keywords: Early Iron Age, archeological explorations, open settlement, fortification, pottery.

Abstract: Near the village of Cinișeuți, Rezina District, as a result of archaeological explorations carried out by T.S. Passek in 1947 and P.P. Bârnea and V.S. Beilekchi in 1962, several archaeological sites were discovered. They contain traces of habitation characteristic of the Eneolithic, Early Iron Age, Late Roman and Medieval periods.

In the spring of 2021, sites dating back to the first period of the Iron Age came to the attention of researchers from the Moldova State University; a series of surface investigations were carried out at these sites. As a result, the existence of an open settlement (Cinișeuți I) with an area of about 380×100 m was established, where a sandstone grindstone, two spindle whorls and 45 fragments of pottery belonging to the Cozia-Saharna culture (10th-9th centuries BC) were found.

In addition, at a distance of about 600 m to the north of the settlement, a small fortification (40×35 m) was investigated by archaeological explorations, which, by analogies known in the Middle Dniester region, can also be attributed to the Cozia-Saharna culture.

Thus, it can be assumed the presence in the vicinity of the village of Cinișeuți of a community of the first period of the Iron Age, which existed in the open settlement of Cinișeuți I, and the fortification of Cinișeuți “Cetate” was the residence of the “head” of this region.

List of illustrations:

Fig. 1. The location of the village of Cinișeuți on the map of the East Carpathian space.

Fig. 2. Cinișeuți. Location of the sites of the first period of the Iron Age (after <https://moldova-map.md/geoserver/maps/wms/>; QGIS 3.4.15).

Fig. 3. Cinișeuți. The contour of the sites of the first period of the Iron Age, applied to the orthophotomap: 1 - Cinișeuți „Cetate”; 2 - Cinișeuți I; 3 - Cinișeuți III (after Google Earth).

Fig. 4. Location of the Cinișeuți I settlement: 1 - view from the southeast; 2 - view from the northeast.

Fig. 5. Cinișeuți I. Finds and pottery fragments from the surface of the settlement.

Fig. 6. Cinișeuți I. Fragments of pottery discovered as a result of explorations (30 - after Кашуба 2000, рис. XLVI/5).

Fig. 7. The location of the Cinișeuți “Cetate” site on the 1982 topographic map (after: <http://geoportal.md>).

Fig. 8. Cinișeuți “Cetate”. Contour of the fortification.

Fig. 9. Cinișeuți “Cetate”. Defensive rampart on the west side: 1 - view from the west; 2 - view from inside (from the east).

Fig. 10. Cinișeuți “Cetate”. Defensive line on the east side: 1 - view from the south; 2 - view from the southeast.

Памятники первого периода железного века возле села Чинишеуць Резинского района

Ключевые слова: раннежелезный век, археологические разведки, открытое поселение, укрепление, керамика.

Резюме: Возле села Чинишеуць Резинского района, в результате археологических разведок, проведенных Т.С. Пассек в 1947 г. и П.П. Бырней и В.С. Бейлекчи в 1962 году, было обнаружено несколько археологических памятников. Они содержат следы проживания, характерные для энеолита, раннего железного века, позднего римского и средневекового периодов.

Весной 2021 года в поле внимания исследователей из Молдавского государственного университета попали памятники, относящиеся к раннежелезному веку, на которых была проведена серия археологических разведок. В результате было установлено существование здесь неукрепленного поселения (Чинишеуць I) площадью около 380×100 м, где были обнаружены точило из песчаника, два пряслица и 45 фрагментов керамики, относящихся к культуре Козия-Сахарна (X-IX вв. до н.э.).

Кроме того, на расстоянии около 600 м к северу от поселения путем археологических разведок было исследовано небольшое укрепление (40×35 м), которое по аналогиям, известным в регионе Среднего Днестра, также может быть отнесено к культуре Козия-Сахарна.

Таким образом, можно предположить присутствие в окрестностях села Чинишеуць общины раннежелезного века, которая проживала на открытом поселении Чинишеуць I, а укрепление Чинишеуць «Четате» представляло собой резиденцию «главы» этого региона.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Расположение села Чинишеуць на карте восточно-карпатского пространства.

Рис. 2. Чинишеуць. Расположение памятников раннежелезного века (по <https://moldova-map.md/geoserver/maps/wms/>; QGIS 3.4.15).

Рис. 3. Чинишеуць. Контур памятников раннежелезного века, нанесенные на ортофотоплан: 1 - Чинишеуць «Четате»; 2 - Чинишеуць I; 3 - Чинишеуць III (по Google Earth).

Рис. 4. Месторасположение поселения Чинишеуць I: 1 - вид с юго-востока; 2 - вид с северо-востока.

Рис. 5. Чинишеуць I. Предметы инвентаря и фрагменты керамики, обнаруженные на поверхности поселения.

Рис. 6. Чинишеуць I. Фрагменты керамики, обнаруженные в результате разведок (30 - по Кашуба 2000, рис. XLVI/5).

Рис. 7. Расположение памятника Чинишеуць «Четате» на топографической карте 1982 г. (по: <http://geoportal.md>).

Рис. 8. Чинишеуць «Четате». Контур укрепления.

Рис. 9. Чинишеуць «Четате». Оборонительный вал на западной стороне: 1 - вид с запада; 2 - вид изнутри (с востока).

Рис. 10. Чинишеуць «Четате». Укрепленная линия на восточной стороне: 1 - вид с юга; 2 - вид с юго-востока.

20.08.2021

Victor Dulgher, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici, 60, MD-2009 Chișinău, Republica Moldova, <https://orcid.org/0000-0002-9024-4599>, e-mail: dulghervictor@gmail.com

Sergiu Serbinov, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici, 60, MD-2009 Chișinău, Republica Moldova, e-mail: sergoser888@gmail.com

Vladimir Chitic, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici, 60, MD-2009 Chișinău, Republica Moldova, e-mail: vova.chitic1@gmail.com

Dr. Aurel Zanoci, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici, 60, MD-2009 Chișinău, Republica Moldova, <https://orcid.org/0000-0002-3236-7582>, e-mail: azanoci@gmail.com

---

БРОНЗОВЫЙ ЖЕЗЛ-БУЛАВА ИЗ ПЕРВОГО КАРАВАНСКОГО КУРГАНА РАННЕСКИФСКОЙ ПОРЫ (УКРАИНСКАЯ ЛЕВОБЕРЕЖНАЯ ЛЕСОСТЕПЬ)

Сергей Скорый, Виталий Окатенко

Ключевые слова: Скифы, архаика, курган, Украинская Левобережная Лесостепь, переднеазиатский импорт.

Почти 30 лет назад, в 1993 г., вблизи г. Люботин Харьковской области, у пос. Караван (бассейн р. Северский Донец) (рис. 1) с применением землеройной техники были ограблены два кургана, содержащие захоронения скифской эпохи. В этом же году директор Люботинского краеведческого музея А.В. Бандуровский осмотрел упомянутые грабительские колодцы, разрушившие погребальные конструкции. При этом А.В. Бандуровский осуществил подчистку стен гробницы в кургане № 1, который известен в настоящее время у местного населения под названием «Алексова Могила» (Буйнов 1993-1994, 2).

Во время осмотра погребальной камеры А.В. Бандуровским, по его словам, в северо-западном углу «был обнаружен тайник в виде подбоя полушаровидной формы диаметром 0,20 м и углублением в стенку на уровне дна камеры на 0,15 м. Вход в тайник был заложен досками. На дне тайника лежали: серебряное зеркало; *жезл, состоящий из бронзового булавовидного навершия и костяной рукояти с бронзовым втком*; две серебряные булавки с позолотой на шаровидных окончаниях и бочонковидных утолщениях в середине стержня, костяная заколка с орлиноголовым изображением» (Бандуровский, Буйнов, Дегтярь 1998, 144, 147).

Указанный тайник был показан на чертеже, воспроизведённом в статье А.В. Бандуровского, Ю.В. Буйнова, А.К. Дегтяря (Бандуровский, Буйнов, Дегтярь 1998, 145, рис. 2), и впоследствии информация о нём была тиражирована в иных работах (Черненко, Бандуровский 1998, 154; Черненко 2000, 297 и др.).

Однако в ходе полного исследования упомянутых двух Караванских курганов, осуществ-

влённого в 2013 и 2016 гг. одним из авторов настоящей работы В.Н. Окатенко (Окатенко 2013; Окатенко, Скорый, Корохина 2016, 30-34), каких-либо следов тайника в северо-западном углу Первого Караванского кургана обнаружено не было.

С момента первых публикаций материалов из Караванских курганов научный интерес к ним не утихает. Дело в том, что оба этих погребальных памятника, несмотря на опустошительные ограбления, содержали, наряду с известными предметами, свойственными для погребального инвентаря раннескифских курганов, переднеазиатские импорты/трофеи. Некоторые из них являются уникальными для территории Юга Восточной Европы, и её лесостепного ареала в частности.

К числу таковых, несомненно, относится упоминаемый уже жезл-булава, рассмотрению которого и посвящена настоящая статья.

Жезл (булава) состоит из трех частей: бронзовых навершия и втулки-«втока», а также костяной вставки¹. Втулка-«вток» и костяная вставка образовывали ручку, на которой сверху закреплялось навершие.

В научной литературе, где приводятся сведения об этой находке, она определяется по-разному: церемониальный жезл (Бандуровский, Буйнов, Дегтярь 1996, 147; Бандуровский, Буйнов 2000, 87; Черненко 2000, 296, 300; Ильюков 2001, 18), парадная булава (Алексеев 2000, 5; Алексеев 2003, 112), бронзовый жезл или булава (Махортых 2020, 118). Однако в любом случае понятно, что этот предмет изначально являлся некой инсигнией, символом власти и, прежде всего, имел церемониальное значение.

¹ Местонахождение этого изделия в настоящее время неизвестно. Скорее всего, оно – в частной коллекции. При описании предмета использованы его рисунки, но самое главное – качественные фото навершия и втулки.

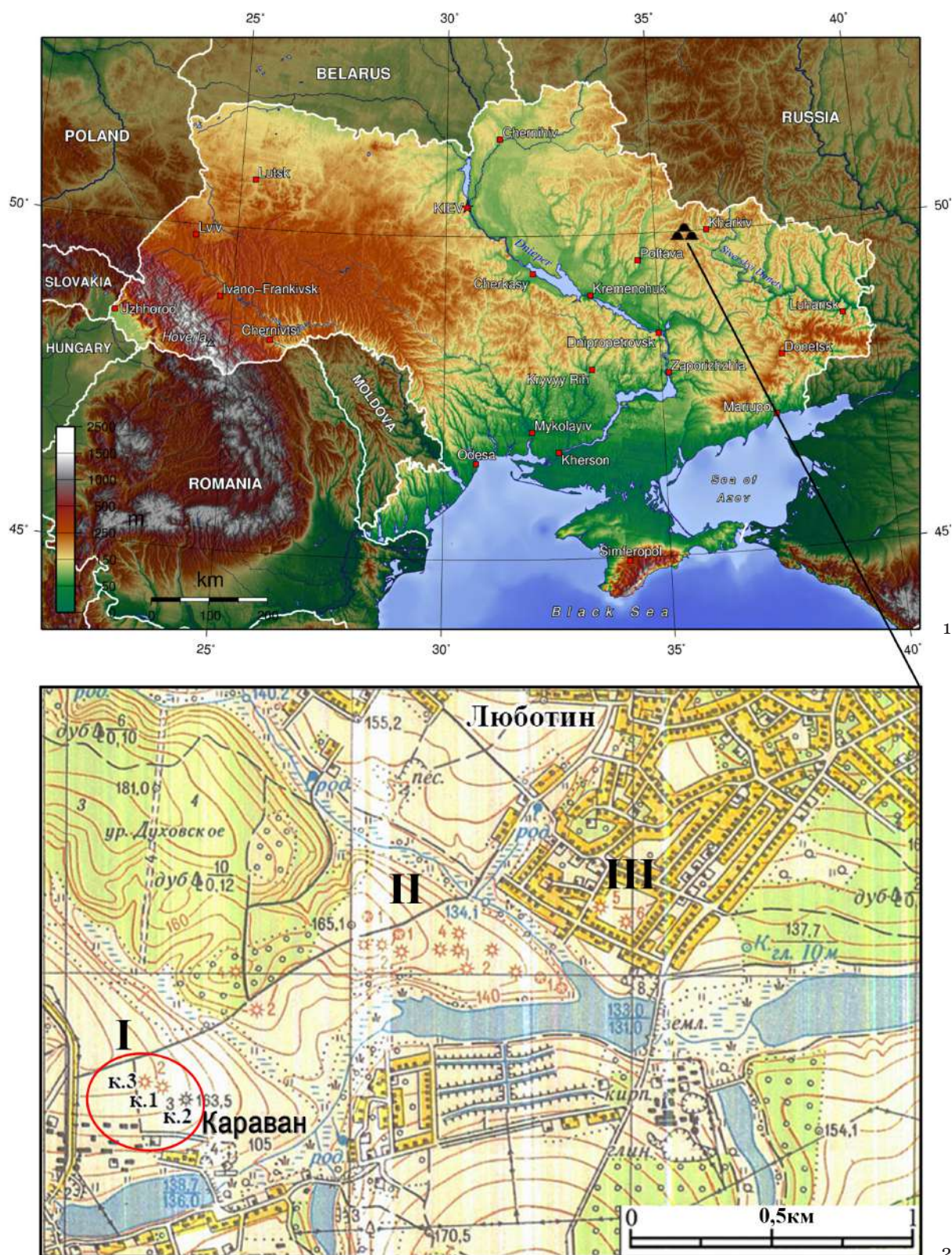

Рис. 1. Люботинский могильник скифского времени: 1 - на карте Украины (бассейн р. Северский Донец, Днепровское Лесостепное Левобережье); 2 - I. Караванская; II. Центральная; III. Дуншовская курганные группы, расположенные между г. Люботин и пос. Караван на территории Харьковской обл.

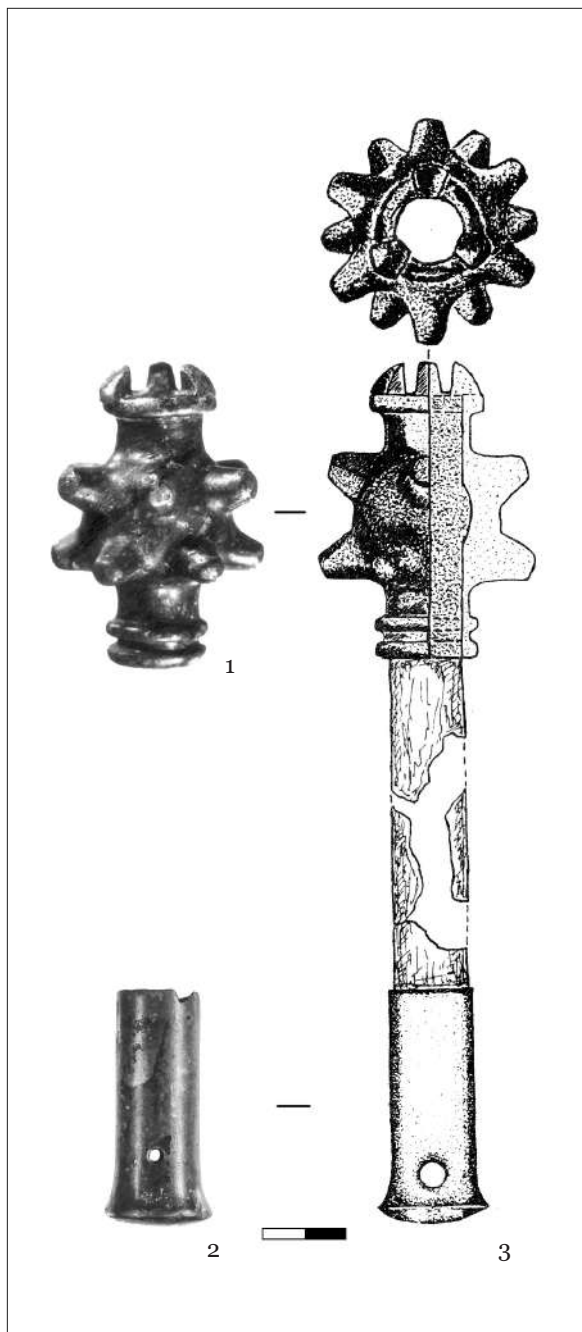

Рис. 2. Жезл-булава из кургана № 1 у пос. Караван: 1 - по фонд Е.В. Черненко; 2 - по Черненко 2000, 301, рис. 4/4; 3 - по Бандуровский, Буйнов, Дягтярь 1998, 146, рис. 3/3.

Данное изделие до последнего времени было известно в научных изданиях в основном по рисункам. В одном случае представлен рисунок реконструируемого общего вида предмета, при этом навершие показано сбоку, с сечением, и сверху (Бандуровский, Буйнов, Дягтярь 1996, 146, рис. 3/3; Бандуровский, Буйнов 2000, 194, рис. 53/3; Алексеев 2003,

381, рис. 10/9) (рис. 2/3). В другом – даны рисунки навершия жезла сбоку (без сечения) и сверху, а также втулки-«втока» (Черненко 2000, 301, рис. 4/1, 2) (рис. 2/2; 3/2).

В нашей работе *впервые* приводится фото изделия (бронзовое навершие и втулка-«вток»), которое, увы, ныне недоступно для непосредственного научного изучения.

Фото бронзового навершия (рис. 2/1, 3/1), а также данные по его обмерам (рис. 3/3) удалось обнаружить в архиве Е.В. Черненко. Исследователь, несомненно, держал бронзовые части данного изделия в руках (Фонд Е.В. Черненко, папка № 15).

Разумеется, при описании данного артефакта мы будем ориентироваться в первую очередь на фотографии составляющих частей данного предмета, принимая во внимание и известные рисунки.

Навершие жезла представляет собой литое в форме (по восковой модели?) изделие, довольно сложной конфигурации. В основе его – бочонковидный корпус со сквозной круглой внутренней втулкой и 12 пирамидальными «шиповидными» выступами, со срезанными верхушками, расположенными по 6 в два ряда. Они слегка смещены в рядах и в плане образуют окружность с 12 выступами.

В нижней части втулки расположены 2 горизонтальных валика. В верхней части втулки – один выступ с тремя когтевидными ограничителями, загнутыми слегка внутрь.

Общая длина изделия – 8,0 см (по А.В. Бандуровскому, Ю.В. Буйнову, А.К. Дягтярю) или 8,15 см (по обмерам Е.В. Черненко). Диаметр корпуса без пирамидальных выступов – 4,0 см, с выступами – до 6,0 см.

Втулка-«вток» – цилиндрической формы, слегка расширяющийся к нижнему глухому концу. Длина втулки – 5,6 см², диаметр 2,1 см. В нижней части располагается сквозное отверстие диаметром 0,3 см, для закрепления посредством его, с помощью штифта,

² В статье Е.В. Черненко ошибочно указывается длина втулки-«втока» 9,0 см (Черненко 2000, 297). Эта же ошибка содержится в монографии А.В. Бандуровского и Ю.В. Буйнова (2000, 88). В статье же А.В. Бандуровского, Ю.В. Буйнова и А.К. Дягтяря приводятся данные, соответствующие реальным размерам втулки (Бандуровский, Буйнов, Дягтярь 1996, 147), что подтверждается фотографией с соответствующим масштабом.

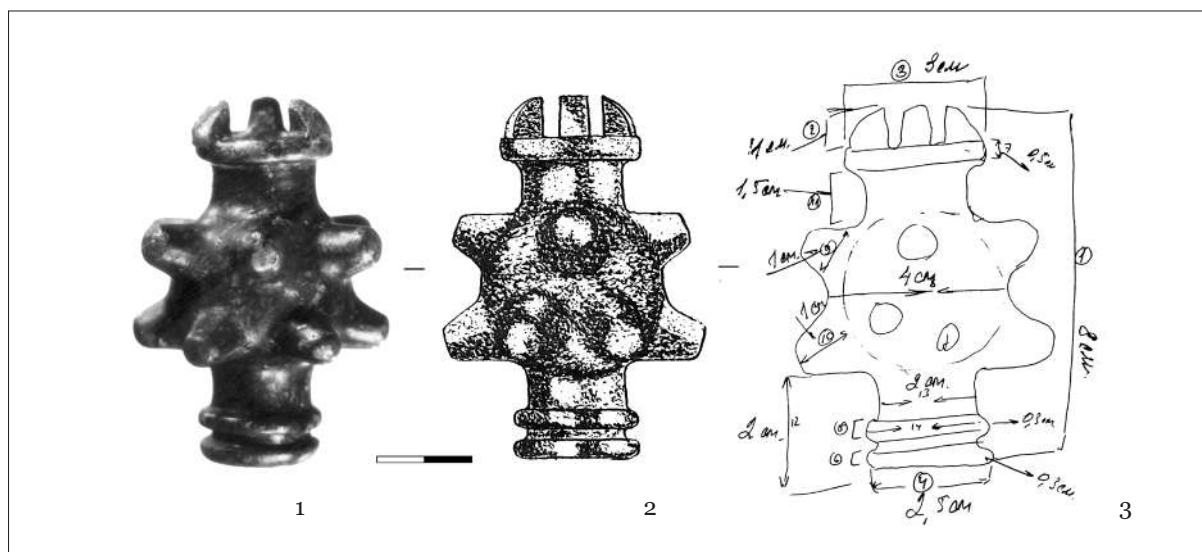

Рис. 3. Бронзовое навершие жезла-булавы из Первого Караванского кургана: 1 - по фонд Е.В. Черненко; 2 - по Черненко 2000, 301, рис. 4/2; 3 - по фонд Е.В. Черненко.

костяной части рукояти (Бандуровский, Буйнов, Дегтярь 1996, 147; Бандуровский, Буйнов 2000, 88) или также и темляка, одеваемого на руку (Алексеев 2000, 5).

Нужно заметить, что на рисунках втулки-«втока», размещённых в неоднократно уже упоминавшихся работах, указанное отверстие расположено гораздо ниже (Бандуровский, Буйнов, Дегтярь 1996, 146, рис. 3/3; Бандуровский, Буйнов 2000, 194, рис. 53/3) (рис. 2/3), чем оно находилось на самом деле. Это хорошо видно на рисунке в статье Е.В. Черненко (Черненко 2000, 301, рис. 4/4), но ещё лучше – на фото этой детали жезла-булавы, воспроизводимом в настоящей работе (рис. 2/2). Стоит также подчеркнуть, что и окончание втулки на самом деле не совсем грибовидной формы (ср. рис. 2/2, 3), как это показано на иллюстрациях в упомянутых работах.

По сохранившимся фотографиям и описанию Е.В. Черненко (2000, 300) вполне очевидно, что навершие и втулка-«вток» изготовлены из великолепной бронзы, которая со временем покрылась красивой благородной патиной.

Вставка костяная цилиндрической формы. По свидетельствам А.В. Бандуровского, Ю.В. Буйнова, А.К. Дегтяря, она сохранилась весьма плохо и достигала якобы 15 см при диаметре 1,6 см.

При этом общая длина изделия в одной работе указывается 23 см (Бандуровский, Буйнов,

Дегтярь 1996, 147), в другой – 32 см (Бандуровский, Буйнов 2000, 88)³. Последнее обстоятельство (малые размеры) послужило справедливым основанием для авторов видеть в данном изделии не ударное оружие, а церемониальный предмет. Склонялся к подобной мысли и Е.В. Черненко, отмечая, что «наличие костяной рукояти» ограничивало использование данного предмета в качестве оружия (Черненко 2000, 300).

Учитывая плохую сохранность костяной вставки, недостаточную (а скорее – даже невозможную) фиксацию данного изделия *in situ*, мы бы не стали однозначно оперировать указанными размерами. Говоря иначе – первоначальная длина предмета не известна. Однако, на наш взгляд, это изделие действительно следует рассматривать в качестве церемониального жезла, хотя бы исходя из диаметра костяной вставки ручки – всего лишь 1,6 см. Для ударного оружия этот показатель явно мал.

Для памятников скифского времени Восточной Европы данная находка является *уникальной*, что было отмечено, по сути, всеми исследователями, в той или иной степени писавшими о ней.

³ Аналогичная длина изделия указана и в статье Е.В. Черненко (Черненко 2000, 297). Общая длина жезла – как полагает С.В. Махортых – составляла около 30 см (Махортых 2020, 118), хотя никак эти соображения он не обосновывает.

А.Ю. Алексеев одним из первых указал, что «булава» из кургана № 1 у пос. Караван имеет ближайшие аналогии на территории современного Ирана. Для автора таковыми явились прежде всего бронзовые навершия («булавы»), найденные в могильниках железного века Западного Луристана (юго-запад Ирана). Один из таких экземпляров, изданных ранее Луи Ванден-Берге (Ванден-Берге 1992, 34, 67, № 190), и приводит в своих статье и монографии А.Ю. Алексеев (Алексеев 2000, 5; Алексеев 2003, 203, 367, 381, рис. 10/10 слева) (рис. 5/1). При этом отмечается, что такие «булавы» Л. Ванден-Берге относит к периоду «железный век III» – около 800/750 – 600 гг. до н.э. Между тем укажем, что данный экземпляр, по мнению Л. Ванден-Берге, имеет более узкую дату, а именно: VIII-VII вв. до н.э. (Ванден-Берге 1992, 67, № 190). Определённое сходство караванской «булавы» с упомянутым луристанским изделием позволило А.Ю. Алексееву считать первую также предметом, изготовленным в Луристане (2000, 5). Заметим, что упомянутая луристанская булава, как, впрочем, и ряд иных подобных предметов, обнаруженных в Луристане (Muscarella 1988, № 307; Горелик 1993, 278, табл. XXXI/74-76; Luristan 2002, № 207), относящихся к VIII-VII вв. до н.э., отнюдь не являются ближайшими аналогиями караванской находке (рис. 5/2-4).

Правда, следует отметить, что А.Ю. Алексеев привёл ещё одну аналогию – бронзовую «булаву» с поселения Хасанлу-IV, памятника, расположенного вблизи озера Урмия (Ида), на северо-западе современного Ирана – в Восточном Курдистане (Алексеев 2003, 203, 367, 381, рис. 10/10 справа). Данная находка, по мнению Оскара Маскареллы, относится ко времени не ранее IX в. до н.э. (Muscarella 1988, 57-58, № 70; 2013, 261, fig. 4d) (рис. 4/1). В определённой степени к числу близких аналогов могут быть отнесены и некоторые иные находки бронзовых булав из Хасанлу-IV (рис. 4/2, 4).

Помимо Хасанлу-IV, весьма сходное бронзовое навершие было найдено в погребении В10а β6 могильника в Динха-тепе II, на северо-западе современного Ирана, в общем, недалеко от Хасанлу (Muscarella 1974, 65, fig. 36/119) (рис. 4/3). Дата данного погребального комплекса, по О.У. Маскарелле, возможно, определяется

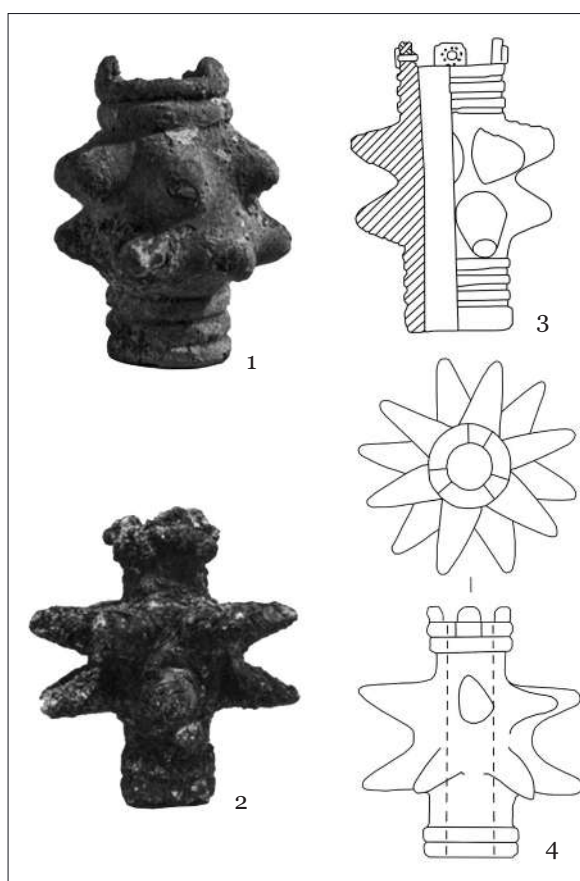

Рис. 4. Ближайшие аналогии навершию жезла-булавы из Первого Караванского кургана: 1 - поселение Хасанлу-IV (по Muscarella 1988, 59, № 70); 2, 4 - поселение Хасанлу-IV (по Muscarella 1988, 59, № 69; Muscarella 2013, 361, fig. 4d); 3 - могильник Динха-тепе, гробница В10а β6 (по Muscarella 1974, 65, fig. 36/119).

IX в. до н.э. (Muscarella 1974, 64-67, fig. 36; Иванчик 2001, 30, 34, рис. 9/1).

Нужно особо подчеркнуть, что именно эти несколько церемониальных «булав» или наверший наиболее близки караванскому изделию, хотя и не являются для него абсолютными аналогиями. Сближает навершие из Каравана с упомянутыми курдистанскими «булавами» оформление нижней и верхней части втулок валиками, а главное – наличие сверху на навершиях когтевидных выступов. Особенно сказанное касается экземпляра из Хасанлу-IV.

К сожалению, как мы видим, упомянутые находки из Хасанлу-IV и Динха-Тепе-II не имеют узкой даты, т.е. она может определяться как IX-VIII, так и VIII-VII вв. до н.э.

Рис. 5. Бронзовые навершия жезлов-булав из Луристана: 1 - по Ванден-Берге 1992, 67, № 190; 2-4 - по Luristan 2002, №№ 307, 207.

О.У. Маскарелла называет «булавы», найденные в Хасанлу-IV и подобные им, иранскими (Muscarella 1988, 57-58).

Стоит указать, что поселение Хасанлу и могильник Динха-тепе, где обнаружены навершия церемониальных булав (жезлов), территориально расположены примерно в 100-120 км к югу – юго-востоку от холма у деревни Зивие, откуда происходит знаменитый комплекс раннескифского времени, получивший в науке наименование «клад» Зивие или Саккызский клад.

Все упомянутые пункты находятся в Курдистане.

Нужно также отметить следующий момент. В своё время А.Ю. Алексеев указывал на то, что подобные булавы-жезлы с длинными рукоятями и петлёй внизу ручки изображены на ассирийских рельефах VIII-VII вв. до н.э.

(Алексеев 2000, 5), ссылаясь на работу Бартеля Хроуды (Hrouda 1965, Taf. 32/1-17), не исключая таким образом ассирийское происхождение караванской «булавы» (Алексеев 2003, 112).

Однако булавы-жезлы, представленные в руках у воинов на ассирийских дворцовых рельефах, например, из Арслан Таш (древнее Хадату, Северная Сирия), всё же имеют иные навершия, прежде всего, без пирамидальных «шиповидных» выступов на тулове, что существенно отличает их от наверший жезлов-булав из Каравана, Хасанлу-IV, Динха-тепе II (Albenda 1988, 7, fig. 2-3; 8, fig. 4; 17, fig. 24). Хотя стоит признать, что отдельные ассирийские навершия – как изображённые на рельефах, так и реальные предметы, – имея внешний облик несколько иной, чем изделие из Караванского кургана, снабжены сверху выступами когтевидной формы, в некоторой степени напоминающими те, что у караванского навершия и его переднеазиатских аналогий (рис. 6/1).

В качестве наглядного примера можно привести бронзовое навершие, обнаруженное при раскопках в Хорсабаде (Дур-Шаррукин), ныне хранящееся в Лувре (Albenda 1988, 17, fig. 25) (рис. 6/2). Оно вполне подобно, например, навершию жезла, увенчанного когтевидными выступами, изображенного в руках воина-лучника на базальтовом рельефе из Арслан Таш (Albenda 1988, 17, fig. 24) (рис. 6/1).

Сцены с изображением воинов с оружием и жезлами в руках из Арслан Таш по классификации Паулин Албенды относятся к «military parads» и датируются временем правления ассирийских царей Салманасара V (727-722 гг. до н.э.), Саргона II (722-705 гг. до н.э.) (Albenda 1988, 26).

Представляет интерес версия А.Ю. Алексеева о связи караванского церемониального предмета с ранними скифами эпохи Партатуа / Бартатуа – Прототия (около 675-672 гг. до н.э.), совершавшими походы в Переднюю Азию (Алексеев 2000, 5; Алексеев 2003, 112) и имевшими тесные контакты с Ассирией времени правления Асархаддона.

Совсем недавно караванская булава-скипетр стала предметом изучения С.В. Махортых, посвятившего этому артефакту небольшую

1

2

Рис. 6. Ассирийские жезлы с наконечниками: 1 - в руке ассирийского воина-лучника. Деталь базальтового рельефа из Арслан Таш (Хадату, Северная Сирия), хранится в Музее древнего Востока, Стамбул; 2 - бронзовое наконечник из раскопок в Хорсабаде (Дур-Шаррукин), хранящееся в Лувре (по Albenda 1988, 17, fig. 25).

статью на русском и украинском языках. Автор привёл ряд более или менее сходных с караванской находкой бронзовых булав, известных в древностях Передней Азии, прежде всего на территории современного Ирана. Ближайшие аналогии ей С.В. Махортых справедливо усматривает в уже упомянутых двух переднеазиатских изделиях – булавах, найденных в двух пунктах вблизи о. Урмия в Восточном Курдистане. Один из них – поселение Хасанлу-IV (которое он просто именуется *Hasanlu*, хотя данный памятник содержит несколько хронологических горизонтов: от неолита по «исламское время», XIII в. н.э.; горизонт Хасанлу IV, в принципе, соответствует периодам поздней бронзы – раннего железа). Второй памятник – погребение В10а β6 в Динха-тепе II (автор называет его погребением 6 могильника *Dinkha Tere*, хотя с этим могильником та же ситуация, что и с поселением Хасанлу: в нём выделяются погребения как минимум четырёх горизонтов – от эпохи бронзы до «исламского времени»; периоды же Динха-тепе I-II соответствуют эпохе раннего железа). Но, по большому счёту, дело даже не в этом. С.В. Махортых по совершенно непонятной причине обе указанные находки относит к VII в. до н.э., ссылаясь при этом на работы О.У. Маскареллы (Махортых 2019; Махортых 2020, 123), который назвал их впервые «иранскими».

Однако первая из находок, по мнению О.У. Маскареллы, что уже отмечалось выше,

относится ко времени не ранее IX в. до н.э. (Muscarella 1988, 57-58, № 70; Muscarella 2013, 261, fig. 4d). Дата же погребения В10а β6 в могильнике Динха-тепе II, где была найдена вторая булава, весьма сходная с караванской, как полагает тот же О.У. Маскарелла, возможно, определяется IX в. до н.э. (Muscarella 1974, 64-67, fig. 36/119). К слову сказать, сходного мнения придерживается и А.И. Иванчик (2001, 30, 34, рис. 9/1).

К сожалению, как мы видим, упомянутые находки из Хасанлу-IV и Динха-тепе-II не имеют *узкой даты*, т.е. она может определяться как IX-VIII, так и VIII-VII вв. до н.э., но никак не VII в. до н.э., как полагает С.В. Махортых.

Пожалуй, нужно ещё коснуться вопроса о возможных «европейских» аналогиях наконечнику из Первого Караванского кургана. После публикаций материалов Караванских (Люботинских курганов) была издана небольшая работа Л.С. Ильюкова, в которой автор привёл сведения о двух случайных находках бронзовых наконечников жезлов. По мнению автора, они являются аналогиями караванскому наконечнику: один из них обнаружен в бассейне р. Тихая, в области Войска Донского, и хранится ныне в Археологической коллекции Музея Войска Донского в Новочеркасске. Второй же происходит из окрестностей Учкулана, в ареале кобанской культуры (Северный Кавказ), и относится к коллекции графа

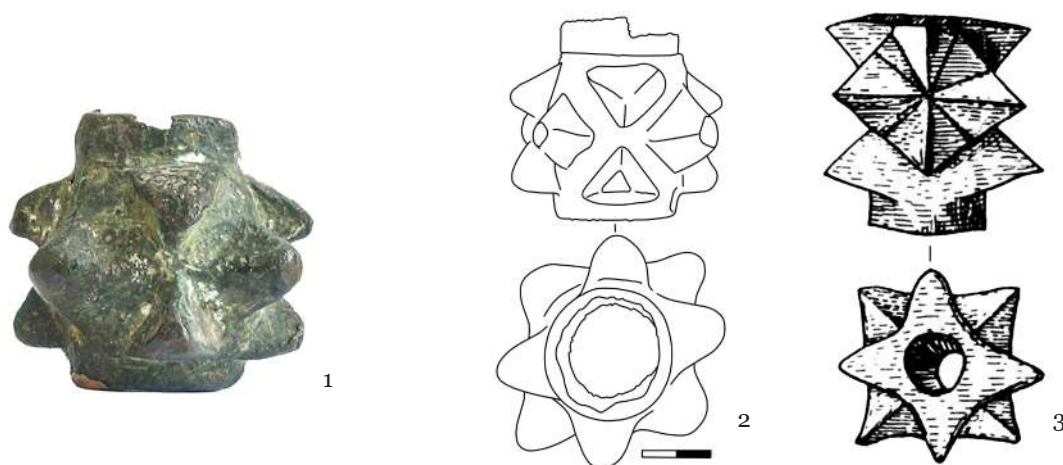

Рис. 7. Бронзовые наконечники средневековых булав: 1, 2 - из области Войска Донского (по Раев 1979, 51, № 156 и А.В. Дюдюлькину - Новочеркасск, Музей истории Войска Донского); 3 - окрестности Учкулана, Северный Кавказ (по Козенкова 1995, табл. XXXIII/5).

Е. Зичи (Ильюков 2001). Однако знакомство с иллюстрациями указанных изделий – первого (Раев 1979, 51, № 156, табл. 22/6) (рис. 7/1, 2)⁴ и второго (Козенкова 1995, 78, 158, табл. XXIII/5) (рис. 7/3) – свидетельствует о значительном отличии данных наконечников от караванского жезла. Корпус у них цилиндрический, а не округлый, верхняя и нижняя втулки практически отсутствуют, верх наконечника не имеет когтевидных выступов. Сближает их лишь одна черта – наличие пирамидальных выступов на корпусе, но и они не имеют обрезанной верхушки, как у караванского изделия и его переднеазиатских аналогий. Совершенно нельзя исключать, что указанные две находки относятся не к эпохе раннего железа, а к гораздо более позднему времени. Во всяком случае, достаточно близкие им по форме бронзовые изделия, с цилиндрическим корпусом и пирамидальными выступами, с различной длины втулкой, встречаются на территории Европы и свойственны для средневековья, а именно для XII-XIV веков (Плавинский 2015, 280, рис. 4; Мамаев 2016, 229-230), и находят, например, хорошие аналогии среди древнерусских наконечников булав XII-XIII вв. (Осипенко 2019, 107, рис. 2/5-7; 108, рис. 3/16, 43-44).

⁴ Сердечно благодарим научного сотрудника Музея истории Донского казачества (Новочеркасск) А.В. Дедюлькина за любезно присланное фото упомянутого наконечника булав, хранящегося в фондах Музея.

Таким образом, ближайšie аналогии наконечнику жезла из кургана № 1 у пос. Караван имеются в Иране, а конкретнее в Курдистане, в районе о. Урмия. Вопрос же об ассирийском происхождении данного изделия весьма дискуссионный.

К сожалению, все приведённые выше аналогии не дают оснований датировать караванский жезл достаточно узким временем.

Вместе с тем, нет никаких сомнений в том, что наличие данной переднеазиатской вещи в погребальном комплексе Первого Караванского кургана (как, впрочем, и иных предметов переднеазиатского облика в курганах №№ 1-2) маркируют участие их знатных владельцев-воинов, представителей кочевой элиты, в переднеазиатских скифских акциях.

Небольшой сохранившийся после ограбления набор предметов из погребения в курганах № 1 у пос. Караван (помимо жезла, серебряные булавы-шпильки с позолотой, серебряное зеркало, каменное блюдо, костяной скипетр (?)) позволяют датировать могилу в рамках 2-ой половины VII в. до н.э.

Для Скифии архаического периода – это время царя Мадия (около 650-600 гг. до н.э.), сына Паргатуа/Бартатуа – Протогия (Herodot, I, 103; Strabon, I, 21), период ярких событий, в том числе – 28-летнего господства воинственных кочевников в Передней (Верхней) Азии (Herodot, IV, 1).

Библиография

- Алексеев 2000:** А.Ю. Алексеев, Луристанская булава в Скифии. В сб.: (Отв. ред. Ю.Ю. Пиотровский) Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского (Санкт-Петербург 2000), 5.
- Алексеев 2003:** А.Ю. Алексеев, Хронография Европейской Скифии VII-IV веков до н.э. (Санкт-Петербург 2003).
- Бандуровский, Буйнов 2000:** А.В. Бандуровский, Ю.Н. Буйнов, Курганы скифского времени. Северско-донецкий вариант (Киев 2000).
- Бандуровский, Буйнов, Дегтярь 1998:** А.В. Бандуровский, Ю.В. Буйнов, А.К. Дегтярь, Новые исследования курганов скифского времени в окрестностях г. Люботина. В сб.: (Отв. ред. Ю.В. Буйнов) Люботинское городище (Харьков 1998), 143-182.
- Буйнов 1993-1994:** Ю.В. Буйнов, Отчёт о раскопках курганов в окрестностях города Люботина Харьковской области за 1993-1994 гг. В: Науковий архів Інституту археології НАНУ. 1993-1994.
- Вандер-Берге 1992:** Л. Ванден-Берге, Древности страны луров. Каталог выставки. Автор вступ. статьи и состав. каталога Л. Ванден-Берге (Санкт-Петербург 1992).
- Горелик 1993:** М.В. Горелик, Оружие древнего Востока. IV-тысячелетие - IV век до н.э. (Москва 1993).
- Иванчик 2011:** А.И. Иванчик, Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред – и раннескифского времени. Степные народы Евразии. Том II (Москва 2011).
- Ильюков 2001:** Л.С. Ильюков, Оригинальный тип навершия жезла скифского времени. В сб.: (Отв. ред. В.Ф. Мещеряков) Проблемы истории и археологии Украины (Харьков 2001), 48-49.
- Козенкова 1995:** В.И. Козенкова, Оружие, воинское и конское снаряжение племён кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. САИР, Вып. В2-5 (Москва 1995).
- Мамаев 2016:** Р.Х. Мамаев, Об одном типе бронзовых булав, найденных на Северном Кавказе. В сб.: XXIX Крупновские чтения. Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. Материалы Международной конференции (Грозный 2016), 229-230.
- Махортих 2019:** С.В. Махортих, Давньосхідна знахідка VII ст. до н.е. з Люботинського кургану на Харківщині. В сб.: I Всеукраїнський Археологічний з'їзд. Матеріали роботи (Київ 2019), 335-342.
- Махортых 2020:** С.В. Махортых, Об одной древневосточной находке VII в. до н.э. в Северном Причерноморье. В сб.: (Отв. ред. С.Л. Дударев) Северный Кавказ в историческом и археологическом измерениях. Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. Вып. 13 (Армавир 2020), 118-124.
- Окатенко 2013:** В.Н. Окатенко, Отчет о доисследовании Караванской группы курганов (№1-2) на территории Люботинского городского совета Харьковской области в 2013 году. В: Науковий архів Інституту археології НАНУ. 2013.
- Окатенко, Скорый, Корохина 2016:** В.Н. Окатенко, С.А. Скорый А.В. Корохина, Отчет о раскопках кургана «Турецкая Могила» на территории Циркуновского сельского совета Харьковского района Харьковской области в 2016 году. В: Науковий архів Інституту археології НАНУ. 2016.
- Осипенко 2019:** М.С. Осипенко, Давньоруські зіркоподібні навершя булав із колекції Національного музею історії України. Археологія 1, 2019, 105-117.
- Плавинский 2015:** Н.А. Плавинский, Средневековая булава из собрания исторического музея Республики Беларусь. Археологические вести 21, 2015, 277-282.
- Раев 1979:** Б.А. Раев, Каталог археологических коллекций. Новочеркасский музей донского казачества (Новочеркасск 1979).
- Фонд Е.В. Черненко.** В: Науковий архів Інституту археології НАНУ. Папка № 15.
- Черненко 2000:** Е.В. Черненко, Люботинский курган. В сб.: (Отв. ред. В.И. Гуляев, В.С. Ольховский) Скифы и сарматы в VII-III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология (Москва 2000), 297-303.
- Albenda 1988:** P. Albenda, The Gateway and Portal Stone Reliefs from Arshan Tash. Bulletin of American Schools of Oriental Research 271, 1988, 5-30.
- Hrouda 1965:** B. Hrouda, Die Kulturgeschichte der assyrischen Flachbildes (Bonn 1965).
- Luristan 2002:** Luristan. Antike Bronzen aus dem Iran (München 2002).
- Muscarella 1974:** O.W. Muscarella, The Iron Age at Dinkha Tepe, Iran. Metropolitan Museum Journal 9, 1974, 35-90.
- Muscarella 1988:** O.W. Muscarella, Bronze and Iron. Ancient Near Eastern Artifacts in the Metropolitan Museum of Art (New York 1988).
- Muscarella 2013:** O.W. Muscarella, Archaeology. Artifacts and Antiquities of Ancient Near East. Culture and History of Ancient Near East. Vol. 62 (Leiden-Boston 2013).

Sceptrul-buzdugan de bronz din primul tumul din epoca scitică timpurie (Silvostepa Ucrainei din stânga Niprului)

Cuvinte-cheie: sciți, arhaic, tumul, Silvostepa Ucrainei din stânga Niprului, import din Asia Anterioară.

Rezumat: Aproape trei decenii în urmă (a. 1993), au fost jefuite, apoi, într-o oarecare măsură, cercetate de către arheologi doi tumuli lângă localitatea Karavan, în apropierea or. Lyubotin, regiunea Harkov (bazinul Donețului de Nord). Ambele aparțin epocii scitice arhaice.

Printre obiectele de inventar funerar, care s-au păstrat după jefuire, o importanță deosebită o au artefactele cu aspect asiatic-antier. În categoria acestora se include și o piesă unică pe teritoriul Europei de Est – un sceptru-buzdugan cu capătul de bronz din primul tumul de la Karavan.

Interesul față de acest artefact nu scade până în prezent. Această piesă este atribuită la obiectele confecționate în Luristan, deși nu se exclude nici originea ei asiriană.

În articol sunt cercetate analogiile acestui artefact, inclusiv sceprele-buzdugan provenite de pe teritoriul Iranului, și reprezentările lor pe reliefurile asiriene, de exemplu, în Siria de Nord.

Buzduganele cele mai asemănătoare, deși nu identice, sunt cunoscute din descoperirile din Kurdistanul de Est (Iranul nord-vestic contemporan), în așezarea Hasanlu, orizontul cronologic IV, și în necropola din Dinha-tepe, orizontul cronologic II. Spre regret, ele nu au o datare mai precisă și nu pot fi – ele înseși – folosite ca indicatori cronologici siguri.

Însă, reieșind din inventarul care-l însoțește, Primul tumul din Karavan poate fi referit la a doua jumătate a sec. al VII-lea a. Chr. Prezența acestor importuri în tumulii de la Karavan din epoca arhaică sunt o dovadă convingătoare a participării posesorilor lor la campaniile sciților în Asia Anterioară.

Lista ilustrațiilor:

Fig. 1. Mormântul scitic Lyubotin: 1 - pe harta Ucrainei (bazinul r. Donețul de Nord, Silvostepa din stânga Niprului); 2 - grupurile de tumuli – I. Karavan; II. Central; III. Dunshov, amplasate între or. Lyubotin și loc. Karavan pe teritoriul regiunii Harkov.

Fig. 2. Sceptrul-buzdugan din tumulul nr. 1 de lângă loc. Karavan: 1 - după fondul E.V. Черненко; 2 - după Черненко 2000, 301, рис. 4/4; 3 - după Бандуровский, Буйнов, Дятляр 1998, 146, рис. 3/3.

Fig. 3. Vârful de bronz al sceptrului-buzdugan din Primul tumul din Karavan: 1 - după fondul E.V. Черненко; 2 - după: Черненко 2000, 301, рис. 4/2; 3 - după fondul E.V. Черненко.

Fig. 4. Analogiile cele mai apropiate cu vârful sceptrului-buzdugan din Primul tumul din Karavan: 1 - așezarea Hasanlu-IV (după Muscarella 1988, 59, № 70); 2, 4 - așezarea Hasanlu-IV (după Muscarella 1988, 59, № 69; Muscarella 2013, 361, fig. 4d); 3 - necropola din Dinkha-tepe, mormântul B10a β6 (după Muscarella 1974, 65, fig. 36/119).

Fig. 5. Vârfuri de bronz ale sceptrelor-buzdugan din Luristan: 1 - după Ванден-Берге 1992, 67, № 190; 2-4 - după Luristan 2002, №№ 307, 207.

Fig. 6. Scepre asiriene cu vârfuri: 1 - în mâna unui ostaș-arcaș asirian. Detaliu al reliefului de bazalt din Arslan Tash (Hadatu, Siria de Nord), se păstrează în Muzeul Orientului antic, Istanbul; 2 - vârf de bronz din săpăturile de la Khorsabad (Dur-Sharrukin), păstrat în Luvru (după Albenda 1988, 17, fig. 25).

Fig. 7. Vârfuri de bronz ale unor buzdugane medievale: 1, 2 - din regiunea Armatei de pe Don (după Раев 1979, 51, № 156 și A.B. Дюдюлькин – Novocherkassk, Muzeul de Istorie a Armatei de pe Don); 3 - împrejurimile Uchkulanului, Caucazul de Nord (după Козенкова 1995, табл. XXXIII/5).

Bronze mace from the 1st Karavan barrow of early Scythian time (Ukrainian Left -Bank Forest-steppe)

Keywords: Scythians, archaic, barrow, Ukrainian Left-Bank Forest-steppe, Near-Asian imports.

Abstract: Almost three decades ago (1993), 2 burial mounds near the village of Karavan on the outskirts of the town of Lyubotin, Kharkiv region (Seversky Donetsk basin) were robbed, and subsequently to a certain extent investigated by archaeologists. Both of them belong to the era of the Scythian archaic.

Among the funerary goods left after the robbery, the items of the West Asian appearance are of particular importance. Among them there is a mace with a bronze pommel from the 1st Karavan barrow, unique for the territory of Eastern Europe.

Interest in this artifact does not fade up to this day. This product is usually connected to the items of Luristan production, although its Assyrian origin is not excluded.

The article examines analogies to this product, including maces originating from the territory of Iran and their images on Assyrian reliefs, for example, in Northern Syria.

The most similar, although not identical, maces are known in Eastern Kurdistan (modern northwestern Iran) – at the Hasanlu settlement, chronological horizon IV and the Dinkha-tepe burial ground, chronological horizon II. Unfortunately, they do not have a strat date and cannot be reliable chrono-indicators. However, according to the accompanying finds, the 1st Karavan kurgan can be attributed to the second half of the 7th century BC.

The presence of these imports in the Karavan barrows of the archaic era convincingly testifies to the participation of their owners in the Near Asian Scythian campaigns.

List of illustrations:

Fig. 1. Lyubotin burial mound of the Scythian time: 1 - on the map of Ukraine (basin of the Seversky Donets River, Dnieper Left-Bank Forest-steppe); 2 - I. Karavan; II. Central; III. Dunshovskaya kurgan group located between the town of Lyubotin and the village of Karavan on the territory of the Kharkov region.

Fig. 2. Mace from Barrow No. 1 near the village of Karavan: 1 - by фонд Е.В. Черненко; 2 - by Черненко 2000, 301, рис. 4/4; 3 - by Бандуровский, Буйнов, Дягтярь 1998, 146, рис. 3/3.

Fig. 3. Bronze pommel of the mace from the 1st Karavan Barrow: 1 - by фонд Е.В. Черненко; 2 - by Черненко 2000, 301, рис. 4/2; 3 - by фонд Е.В. Черненко.

Fig. 4. The closest analogies to the pommel of the mace from the 1st Karavan Barrow: 1 - the settlement of Hasanlu-IV (by Muscarella 1988, 59, № 70); 2, 4 - the settlement of Hasanlu-IV (by Muscarella 1988, 59, № 69; Muscarella 2013, 361, fig. 4d); 3 - the Dinkha-tepe burial ground, tomb B10a β6 (by Muscarella 1974, 65, fig. 36/119).

Fig. 5. Bronze pommels of the maces from Luristan: 1 - by Ванден-Берге 1992, 67, № 190; 2-4 - by Luristan 2002, №№ 307, 207.

Fig. 6. Assyrian rods with pommels: 1 - in the hands of an Assyrian warrior archer. A detail of a basalt relief from Arslan Tash (Hadatu, Northern Syria), kept in the Museum of the Ancient Orient in Istanbul; 2 - bronze pommel from the excavations in Khorsabad (Dur-Sharrukin), kept in the Louvre (by Albenda 1988, 17, fig. 25).

Fig. 7. Bronze pommels of medieval maces: 1-2 - from the region of the Don Host (by Раев 1979, 51, № 156 and А.В.В. Дудулькин - Novocherkassk, the Don Cossacks Museum); 3 - near Uchkulun, Northern Caucasus (by Козенкова 1995, табл. XXXIII/5).

01.02.2021

Др. проф. Сергей Скорый, Институт археологии НАН Украины, проспект Героев Сталинграда, № 9-А, 04210 Киев, Украина, <https://orcid.org/0000-0002-7842-890X>, e-mail: idanfirs@ukr.net

Окatenко Виталий, Институт археологии НАН Украины, Харьков, Украина, <https://orcid.org/0000-0002-9406-9353>, e-mail: okatenkovitalij@gmail.com

---

SCYTHIAN QUIVER SETS OF THE ARCHAIC PERIOD: STATE OF THE ART AND THE CHRONOLOGICAL CONSIDERATIONS

Marina Daragan, Serhii Didenko

Keywords: North Pontic Region, Scythian quiver sets, Scythians, chronology, arrowheads.

For the period of Scythian antiquity bronze arrowheads constitute the most widely spread and qualitatively diverse category of finds. They serve as important chronological indicators and are considered to be ethnic markers when it comes to the discoveries in regions outside the primary habitat of Scythians. Nonetheless, arrowheads remain poorly studied archeological source. Only a negligibly small number of quiver sets have been published in a proper way. Subsequently, the problem of identifying identical arrowheads among the ones that are visually similar, though discovered in different locations, appears to be a pressing one. Poor-quality drawings of arrowheads in the publications, including those derive from burials and form the reference points for Scythian chronology, is an “Achilles’ heel” of early Scythian period archeology. Researchers refer to poorly made drawings, but ignore their metric and technical parameters. Consequently, their comparison remains to be a largely formal procedure. It results in wrong or speculative conclusions¹. The authenticity of some of the collections, formed in the times before the Russian revolution, remains questionable as well². These col-

lections include so-called “mixed” quiver sets, in which archaic early Scythian arrowheads (group 1 according to Melyukova, were mixed with later types (arrowheads of groups 2 and even 3 according to Melyukova). “Mixed” arrowhead sets are absent among the burials investigated since the second part of twentieth century. This is why the doubts regarding the homogeneity and reliability of the materials comprising such sets in pre-revolutionary collections are quite reasonable and must be addressed (Полин 1987; Алексеев 1992, 109; Дараган 2017, 85, прим. 12).

This contribution discusses the sets of arrowheads belonging to two burials of the early Scythian period: Gulyai-Gorod, kurgan 38 and Zhurovka, kurgan 432³. The issue of so-called “mixed” quivers is discussed further using the mixed arrowhead sets associated with Zhurovka, k. 448, Basovka, k. 482, and Volkovtsy, k. 478.

The materials of Gulyai-Gorod, k. 38, Zhurovka, k. 432 and Zhurovka, k. 448 were included the corpus of burial sites of the early Scythian period in the Tyasmyn River basin published by Ilyinskaya (Ильинская 1975), thus becoming the reference for the determination of “old-Zhurovka horizon” in Ukrainian right-bank forest-steppe region. It should be noted that the arrowheads were associated with Zhurovka, k. 448 only in 2009. As a result, the complex was associated with the middle Scythian period (Могилов, Диденко 2009). Basovka, k. 482 and Volkovtsy, k. 478 are considered as references for the middle Scythian period (Мелюкова 1964, таб. 7/А, Б; Ильинская 1968).

This publication continues the series of works aimed at developing a database of arrowheads of the Scythian period, that would include images of all sides of arrowheads, data on their sizes, weights, markings and so on (Дараган 2015, 127-

¹ Here are two examples. Makhortykh considers arrowheads from Burial 5 of Vysokaya Mogila and Kaman-Kalekhuyuk settlement to be identical. She sees it as a proof of the presence in western Asia of Cimmerians, the bearers of pre-Scythian complex in the northern Black Sea region (Махортых 1999, 190). Hellmut lowers the date of Imirler to the early eighth century BC, while comparing arrowheads from Imirler with those discovered in kurgan Arzhan 1 (Hellmut 2008, 107). These are absolutely different arrowhead types, which becomes evident upon their direct examination or seeing their photographs. Meanwhile, this is not clear from the drawings used by both authors.

² Many complexes from the burials were purchased from the antiquity dealers. In the run of “pre-sales preparation” the dealers would randomly supplement the sets of discoveries from the burials, including arrowheads, with items from other burials and stray finds. This was done in order to bring up the price of such sets.

³ Hereinafter k. = kurgan, b. = burial.

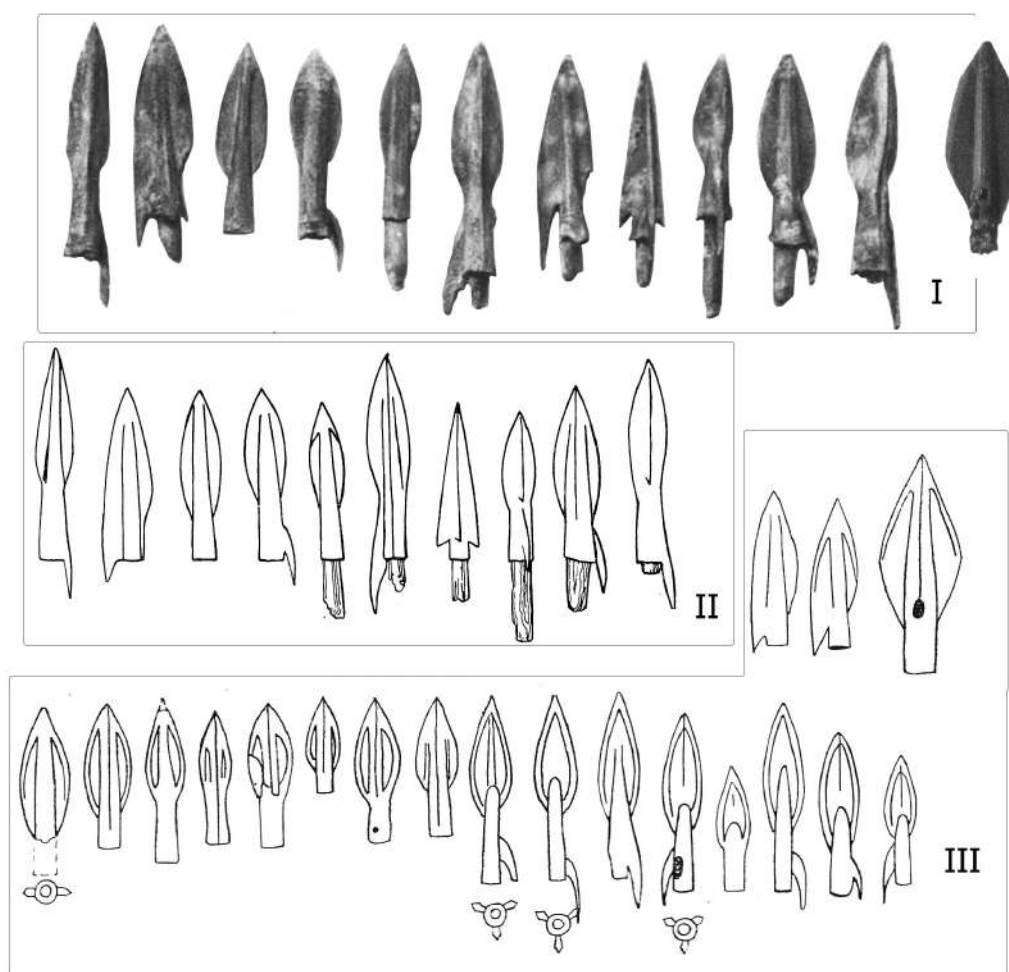

Fig. 1. Set of arrowheads from Gulyai-Gorod, k. 38: I - after Bobrinsky 1887; II - after Мелюкова 1964; III - after Ильинская 1975.

170; Дараган 2016, 69-84). Its goal is to identify the arrowheads cast in the same mould, using the same prototype (Черненко 1981, 99-100; Дараган 2016). In this case it makes sense to discuss their simultaneity and to treat the burials in which they were discovered as belonging to the same generation. A similar investigation using quivers of the sixth-fourth centuries BC allowed to identify relatively narrow chronological horizons of quivers belonging to the same time period (Дараган 2016; Дараган 2019; Дараган 2020). This approach allows identifying rather narrow chronological groups of Scythian quivers.

Gulyai-Gorod, k. 38 (Middle Dnieper Region)

Kurgan 38 near the village Gulyai-Gorod was published by Bobrinsky (1887) and Ilyinskaya (1975). Over 150 bronze arrowheads were found in the burial (Бобринский 1887, 100-102; Ильинская

1975, 14). Of these, 12 arrowheads were reproduced by Bobrinsky (fig. 1/1), 19 – by Ilyinskaya (Ильинская 1975, таб. II/2-20) (fig. 1/3) and 10 arrowheads by Melyukova (Мелюкова 1964, таб. 6/P) (fig. 1/2). Fifty-nine arrowheads from this kurgan are stored at the National Museum of the History of Ukraine.

Bilobate socketed arrowheads

Twenty-one arrowheads in 15 variations, cast in different moulds. The weight of the arrowheads varies from 2.89 to 7.2 g. The arrowheads differ in the shape of the head (leaf-shaped or asymmetric-rhombic), in the presence or absence of a hook (spur or barb) and its location on the socket and in the length of the socket. With the exception of two arrowheads (fig. 2/3, 4), cast in the same mould, all other arrowheads are not serial, each using a different mould.

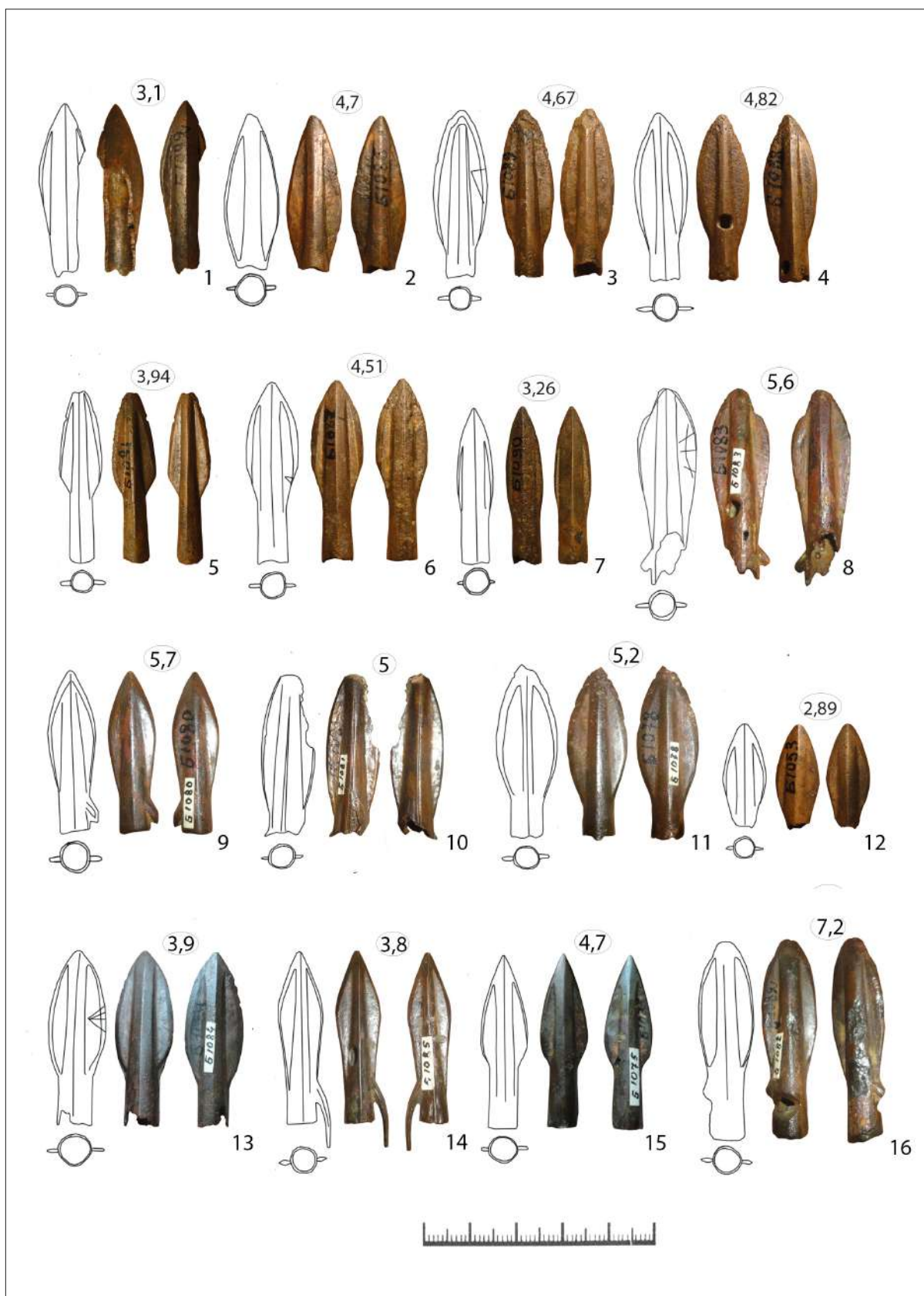

Fig. 2. Gulyai-Gorod, k. 38. Bilobate socketed arrowheads (images by authors).

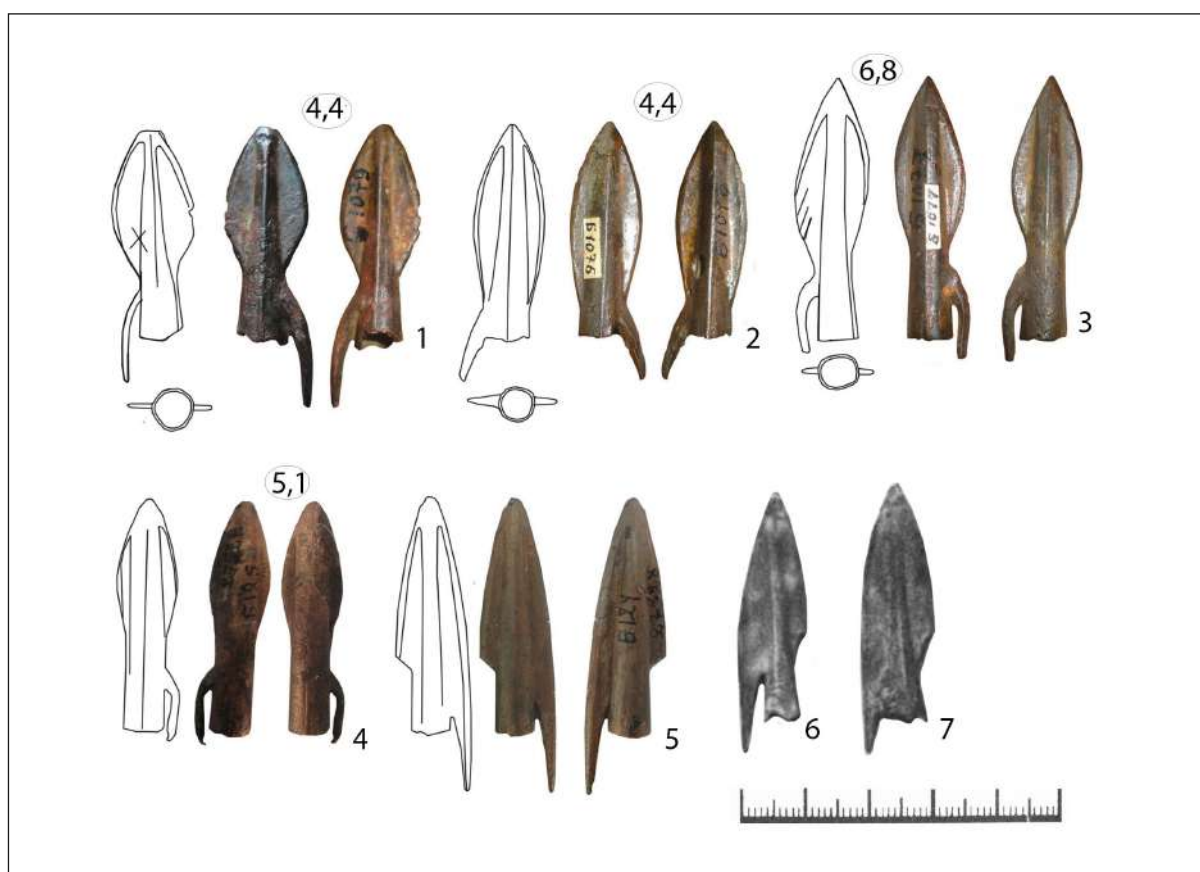

Fig. 3. Gulyai-Gorod, k. 38. 1-5 - bilobate socketed arrowheads; 6-9 - trilobate socketed arrowheads (images by authors).

- Asymmetric-rhombic or leaf-shaped arrowhead, the socket ends flush with the base of the blades or sometimes extends slightly below, length 2; 3.5; 3.7 cm, weight 2.89; 4, 7; 5 g (fig. 2/1, 2, 10, 12).
- Asymmetric-rhombic shaped arrowhead, short socket, with a hook, length 4.2 cm⁴, weight 5.6 g (fig. 2/8).
- Leaf-shaped arrowhead, the socket extends slightly below the base of the blades, length 3.5-3.8 cm, weight 3.9-5.2 g (fig. 2/3, 4, 11, 13).
- Leaf-shaped arrowhead, long socketed shaft, length 3.5-3.9 cm, weight 3.26-4.7 g (fig. 2/5, 6, 7, 15).
- Asymmetric-rhombic or leaf-shaped arrowhead, short socket, with a hook, length 3.5-4.5 cm, weight 4.4-7.2 g (fig. 2/14, 16; 3/1-4).
- Leaf-shaped arrowhead, one blade goes to a hook, the second is cut at an obtuse angle, short socket, length 3.8 cm (fig. 3/5-7).

⁴ Hereinafter, the length of the arrowheads is indicated without a hook.

Incised marks were found on six arrowheads:

- in the form of a slant (St. Andrew's) cross on the lower part of the socket (fig. 3/1);
- three slant lines on one blade (fig. 3/3);
- "fan" or "bird paw" of four lines on one blade (fig. 2/13);
- angle on one blade (fig. 2/3, 6);
- three parallel lines crossed out by an arcuate vertical line drawn on one of the blades (fig. 2/8).

Trilobate socketed arrowheads

Forty-two arrowheads in 7 variations, cast in various moulds. The arrowheads differ in the shape of the head (leaf-shaped or diamond-shaped with a pronounced undercut at an obtuse angle of the edges of the blades from below), in the presence or absence of a hook and its location on the socket and in the length of the socket.

- Head shape ranging between leaf and tower shape, long-socketed shaft, with a long hook, length 4.5-5.4 cm, weight 4.85-6.17 g (fig. 4; 5/1-7). Most of the arrowheads are cast in the same mould.

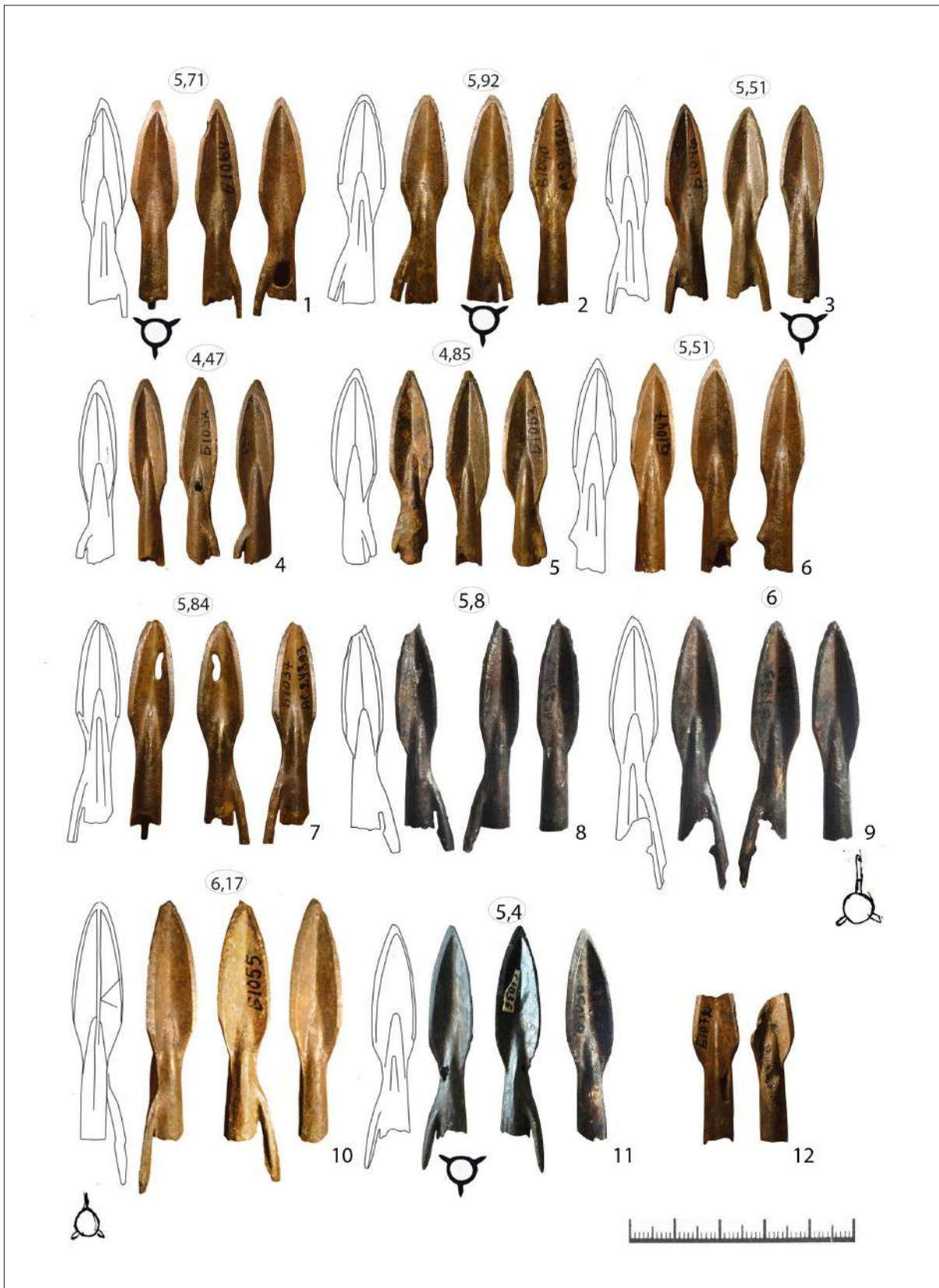

Fig. 4. Gulyai-Gorod, k. 38. Trilobate socketed arrowheads (images by authors).

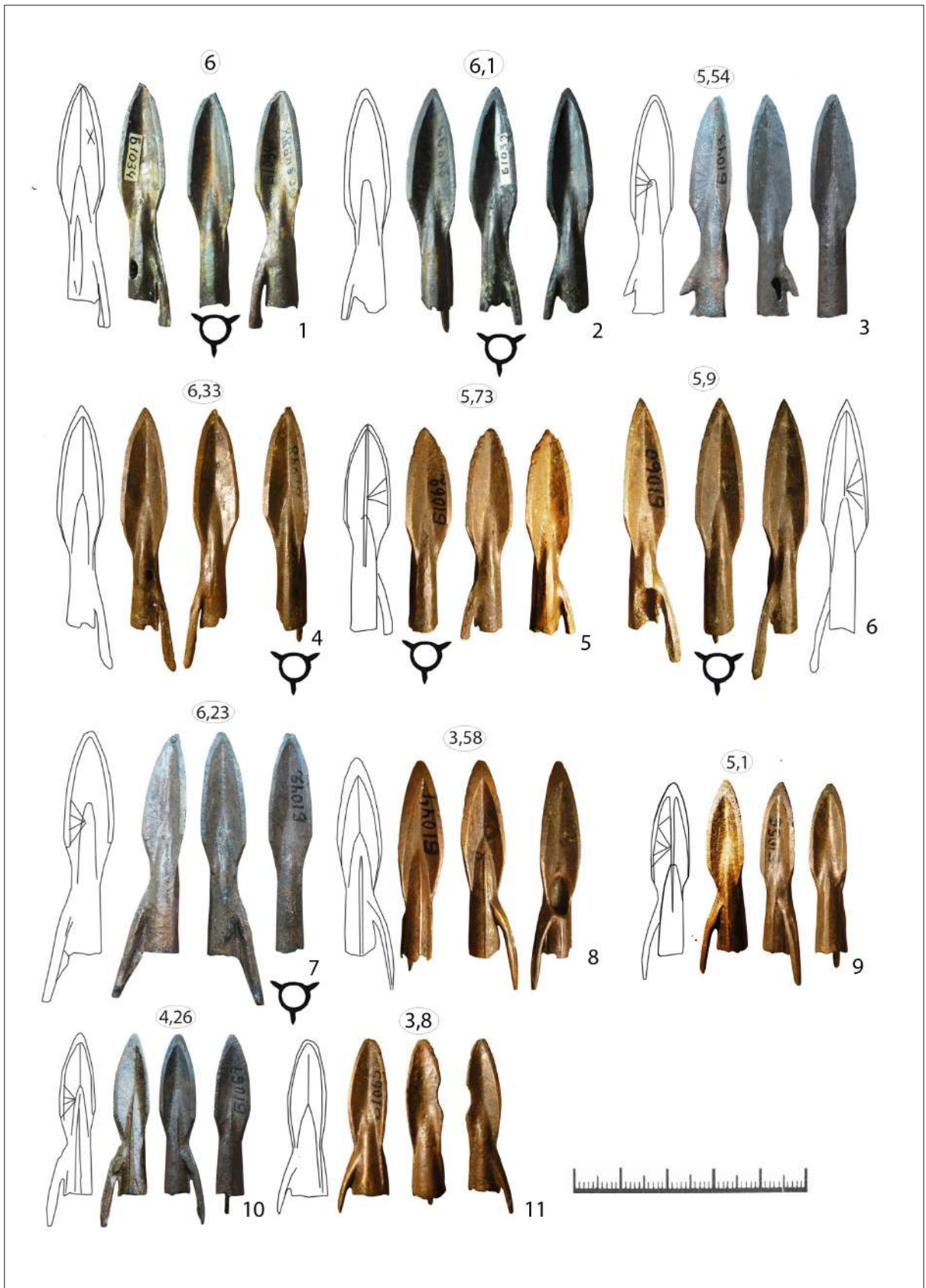

Fig. 5. Gulyai-Gorod, k. 38. Trilobate socketed arrowheads (images by authors).

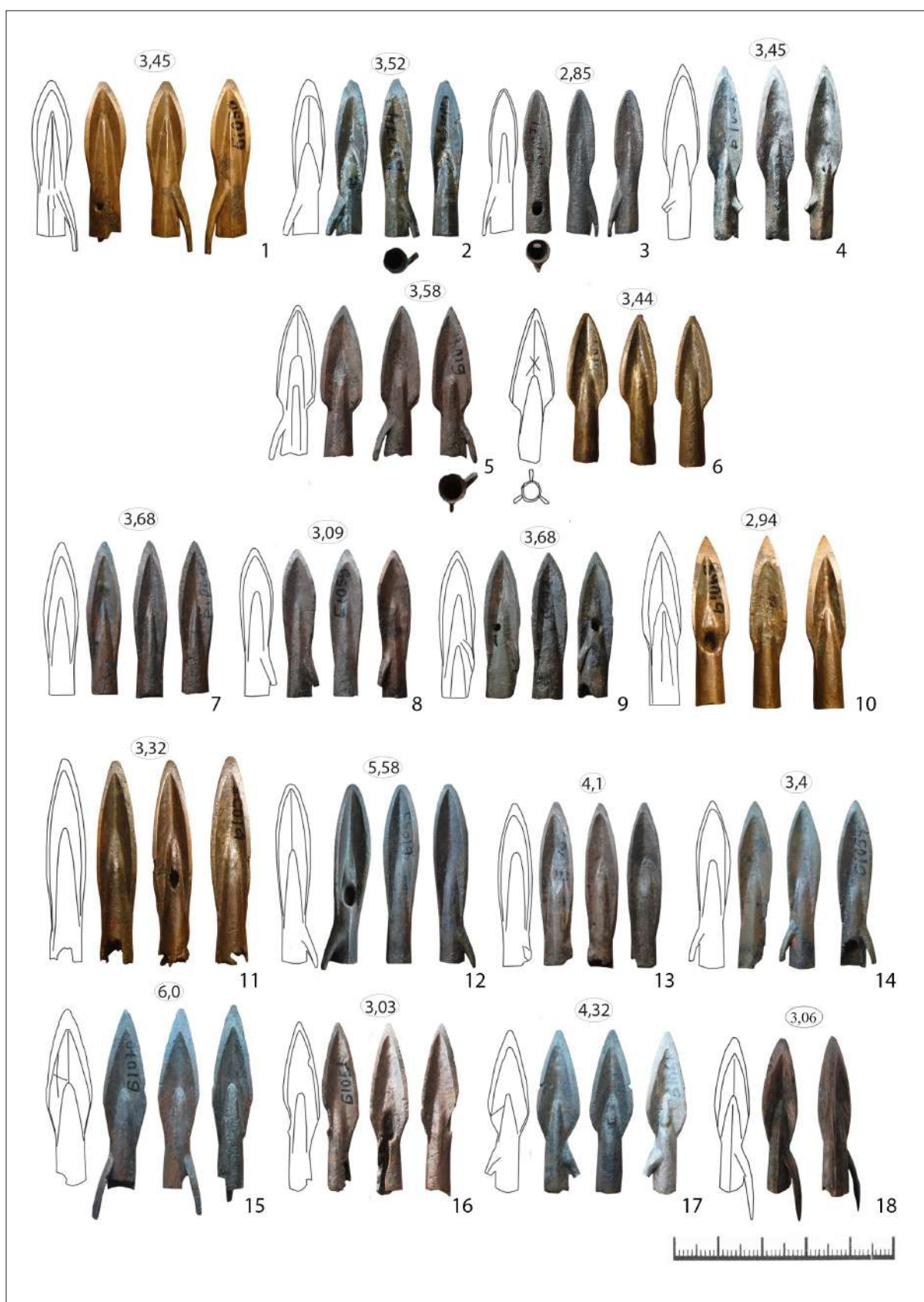

Fig. 6. Gulyai-Gorod, k. 38. Trilobate socketed arrowheads (images by authors).

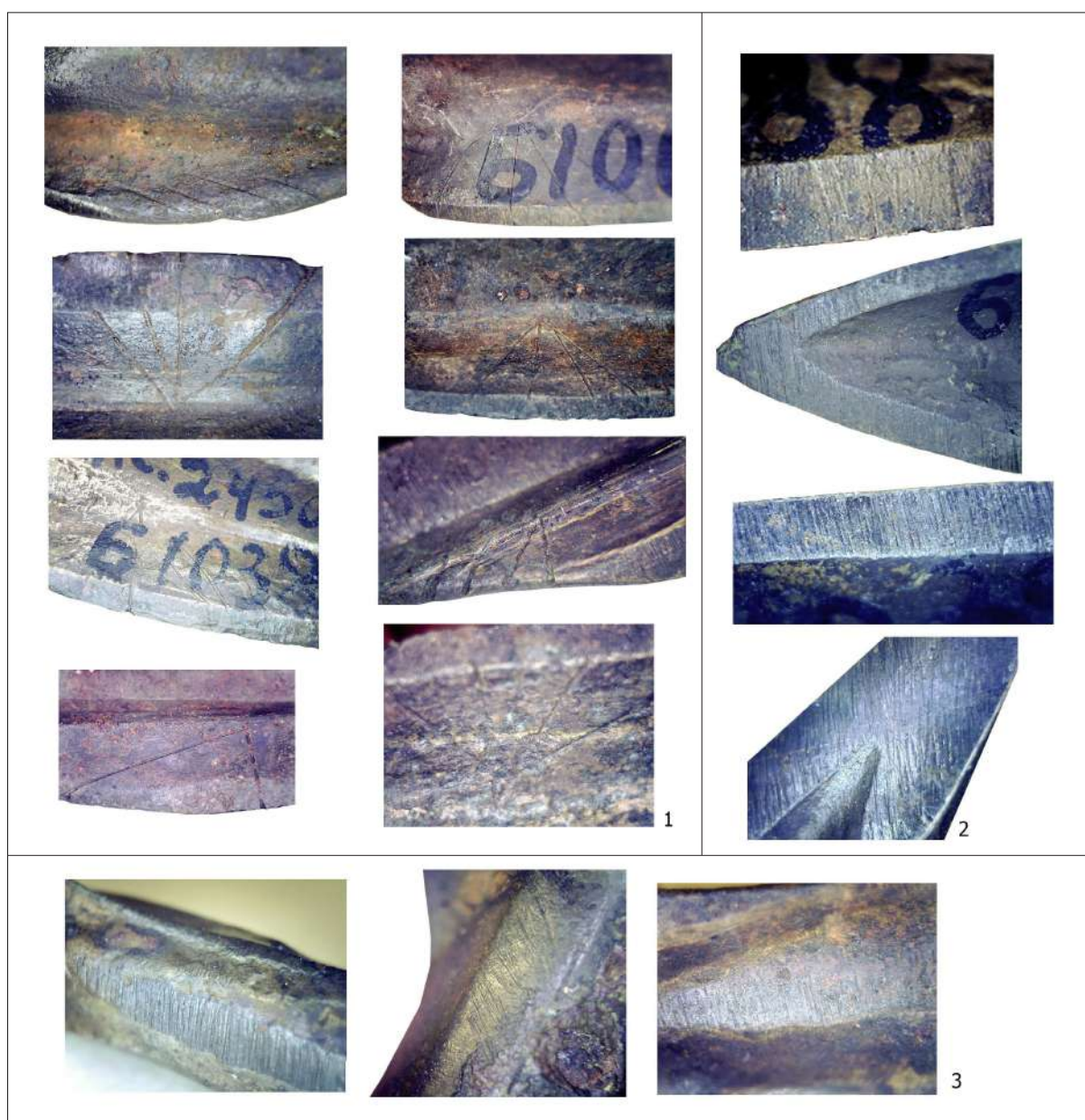

Fig. 7. Gulyai-Gorod, k. 38. Incised marks (1), traces of mechanical modifications with a file on the socket and blades (2, 3) (images by authors).

- Leaf-shaped arrowhead, long socketed shaft, with a long hook, length 3.5-4.0 cm, weight 2.88-5.1 g (fig. 5/8-11; 6/1, 4, 18).
- Narrow leaf-shaped arrowhead, long socketed shaft, with a hook, length 3.3-4.1 cm, weight 2.85-5.58 g (fig. 6/2, 3, 8, 9, 12-14).
- Asymmetric-rhombic or leaf-shaped arrowhead, long socketed shaft, with a hook, length 3.8-4.4 cm, weight 4.32-6 g (fig. 6/15-17).
- Leaf-shaped arrowhead, the blade cut underneath at an obtuse angle, long socketed shaft, with a long hook, length 3.5 cm, weight 3.58 g (fig. 6/5).
- Leaf shaped arrowhead, the blade cut underneath at an obtuse angle, long socketed shaft, length 3.5 cm, weight 3.44 g (fig. 6/6).
- Head shape ranging between leaf and tower shape, long socketed shaft, length 4 cm, weight 2.94 g (fig. 6/10).
- Narrow leaf-shaped arrowhead, long socketed shaft, length 3.6-4.8 cm, weight 3.32-3.68 g (fig. 6/7, 11).

Incised marks were found on 12 arrowheads:

- in the form of an slant (St. Adrew's) cross (fig. 5/1; 6/6, 15);
- “fan” or “bird paw” of three or four lines on one blade (fig. 5/5-10);
- angle on one blade (fig. 4/10);
- slant line on one blade (fig. 6/17).

All arrowheads show traces of post-cast finishing, all have file marks on the edges of the blades and on the socket. The marks are incised on the finished sample (fig. 7).

The collection also contains 22 bilobate arrowheads from the burial mounds investigated by A.A. Bobrinsky near Gulyai-Gorod (fig. 8). Despite the fact that it is no longer possible to correlate them with specific burial mounds, the very fact of typological attribution of the set of arrowheads as used in this micro-region is also important. Furthermore, some of the arrowheads were cast using the same prototype as the arrowheads from Gulyai-Gorod, k. 38, which does not exclude their attribution to this kurgan.

Zhurovka, k. 432 (Middle Dnieper Region)

In this kurgan, two burials were investigated: the main early Scythian and the second secondary burial of the second half of the fifth - early fourth century BC (Бобринский 1905, 87-88; Ильинская 1975, 25, таб. XII/1-10; Петренко 1967). According to Bobrinsky, 73 bronze and 67 iron arrowheads were found in the main early Scythian burial, of which only two were reproduced in the figure (Бобринский 1905, рис. 13-18). Ilinskaya indicated the opposite ratio of the arrowheads, and only three arrowheads were reproduced (Ильинская 1975, 25, таб. XII/7-9). The arrowheads were in a quiver, in the construction of which bone nails and a clasp were used (fig. 10/19). The National Museum of the History of Ukraine conserves 58 bronze arrowheads from the main burial of this kurgan.

Bilobate socketed arrowheads

Thirty arrowheads in 7 variations, cast in no less than 12 moulds.

- Asymmetric-rhombic shaped arrowhead, long socket, with a hook, length 6 cm, weight 9.91 g (fig. 9/1).
- Asymmetric-rhombic shaped arrowhead, short socket, with a hook, on the bottom of the socket

there is a cast mark in the form of an oblique cross, length 4.2 cm, weight 5.08 cm (fig. 9/2).

- Asymmetric-rhombic shaped arrowhead, short socket, with a hook, length 4.5 cm, weight 7.8 g (fig. 9/3).
- Asymmetric-rhombic shaped arrowhead, short socket, with a hook, length 4 cm (fig. 9/4).
- Asymmetric-rhombic shaped arrowhead, short socket, with a hook, length 3.5-3.8 cm, weight 2.42-2.82 g (fig. 9/5-8, 11).
- Narrow leaf-shaped arrowhead, short socket, with a hook, length 3.5-4 cm, weight 2.42-2.82 g (fig. 9/9-15).
- Wide leaf-shaped arrowhead, short socket, with a hook, length 3.4-4 cm, weight 3.7-4.11 g (fig. 9/17-20).
- Wide leaf-shaped arrowhead, short socket, length 4 cm, weight 5.7 g (fig. 9/16).
- Diamond-shaped arrowhead, the socket ends extends slightly below the base of the blades, length 4 cm, weight 2.58-5.61 g (fig. 10/1-5).
- Diamond- and leaf-shaped arrowhead, “loaded head”, the socket ends flush with the base of the blades, length 3.5; 3.2 cm, weight 4.08; 4.52 g (fig. 10/7, 8).
- Diamond-shaped arrowhead, “loaded blade”, the socket ends extends slightly below the base of the blades, length 3.7 cm, weight 5.65 g (fig. 10/6).

Trilobate socketed arrowheads

Twenty-four arrowheads in 7 varieties, cast in no less than 12 moulds.

- Shape of head combines leaf and tower form, long socketed shaft, with a long hook, length 4.5-4.8 cm, weight 6.17 g (fig. 11/1, 2).
- Leaf-shaped arrowhead, long socketed shaft, with a hook, length 3.7 cm, weight 3.63 g; 3.87 cm, 4.57 g. Two arrowheads in one blade have a mark – “fan” of four diverging lines (fig. 10/10, 11; 11/3).
- Shape of head combines leaf and tower form, long socketed shaft, with a long hook, length 3.5 cm, weight 2.58 g (fig. 10/15).
- Leaf-shaped arrowhead, long socketed shaft, with a long hook, length 4 cm, weight 3.72 g (fig. 10/12).
- Shape of head combines of leaf and diamond, medium socketed shaft, with a hook, length 3.5-3.8 cm, weight 2.74-3.63 g (fig. 10/13, 14, 16, 17).

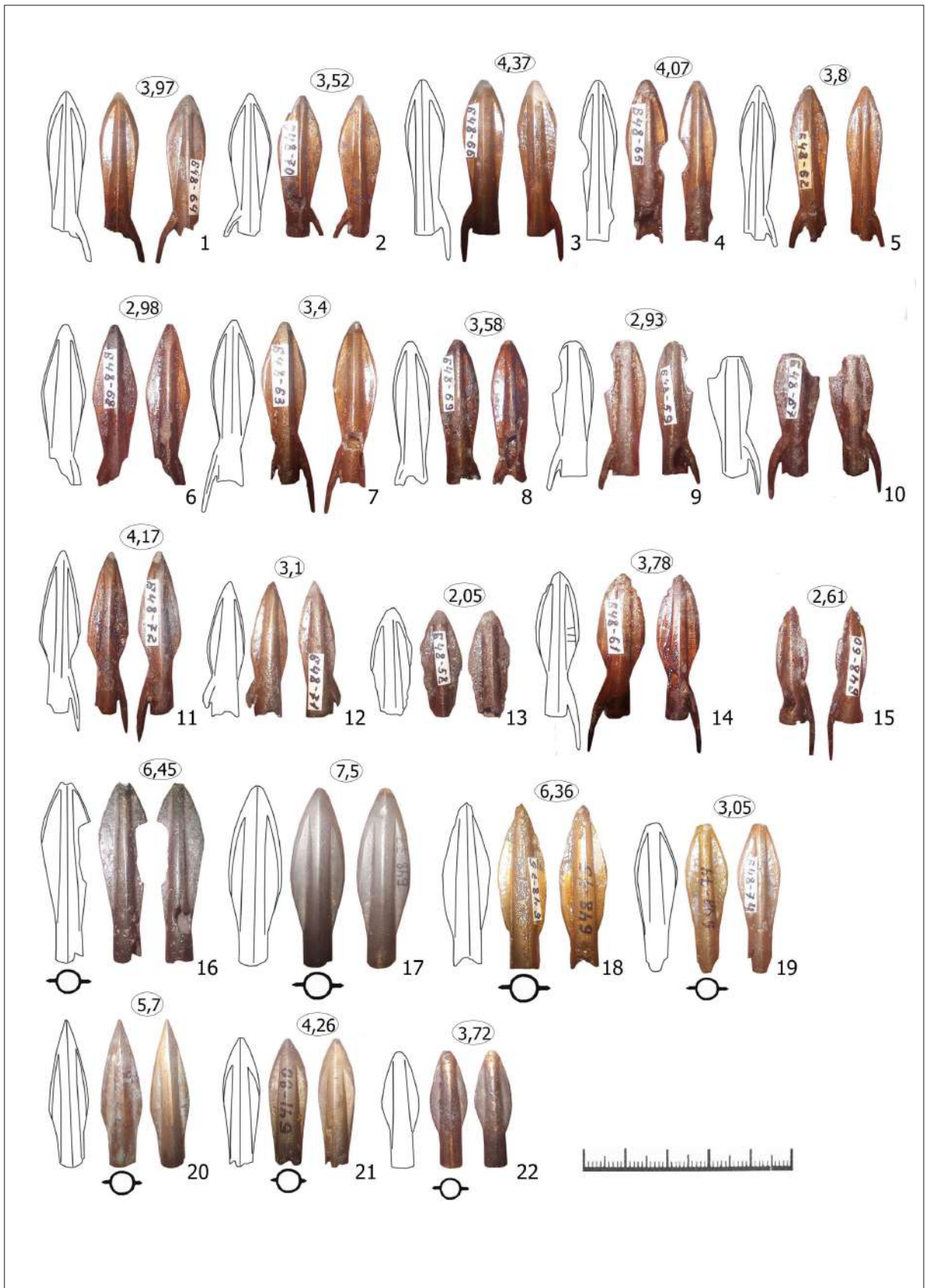

Fig. 8. Arrowheads from kurgans investigated by A.A. Bobrinsky near Gulyai-Gorod (images by authors).

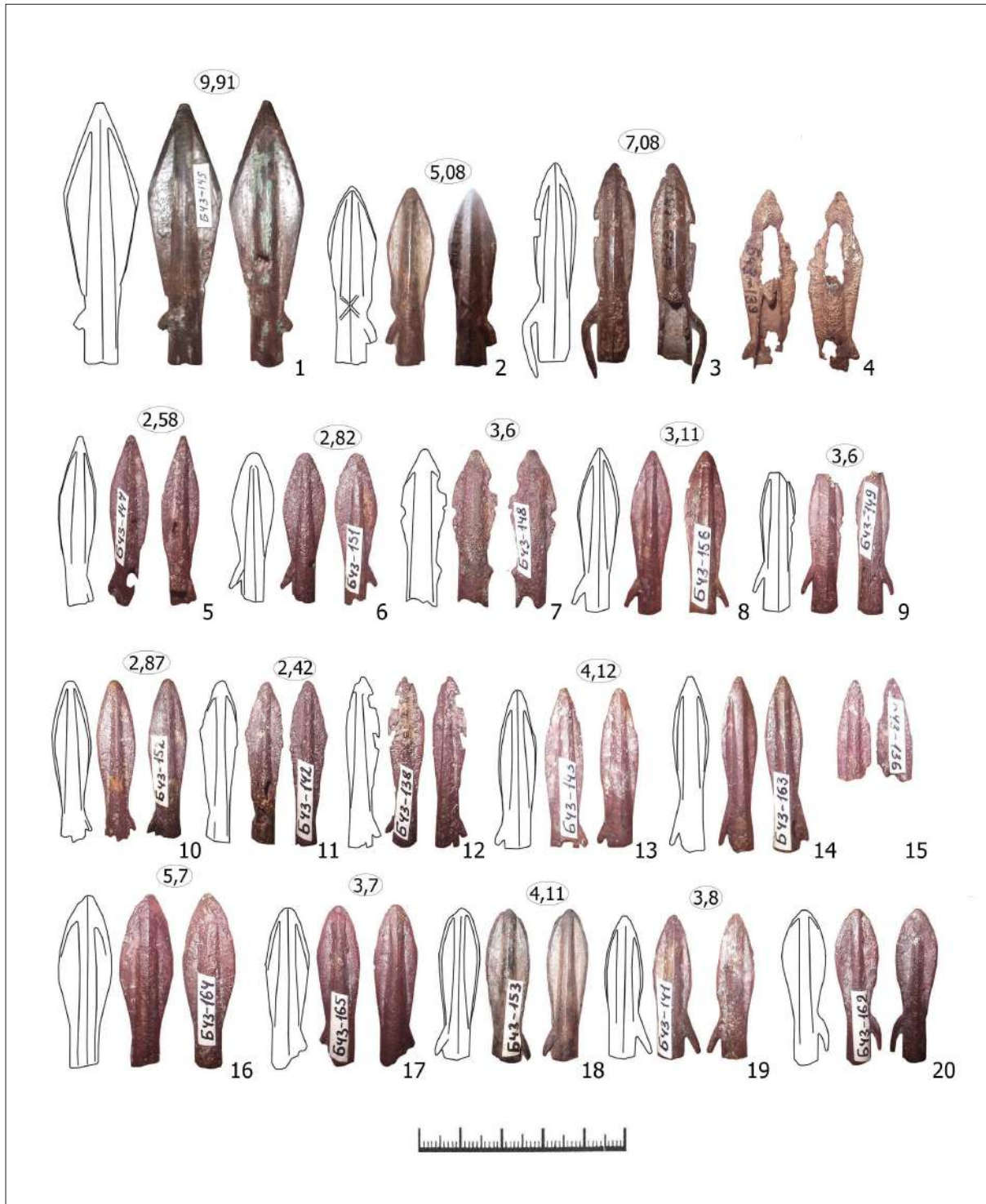

Fig. 9. Zhurovka, k. 432. Bilobate socketed arrowheads (images by authors).

Fig. 10. Zhurovka, k. 432. Bilobate socketed arrowheads (1-9), trilobate socketed arrowheads (10-18), bone nail (19) (images by authors), horn psalium (20) (after Бобринский 1905).

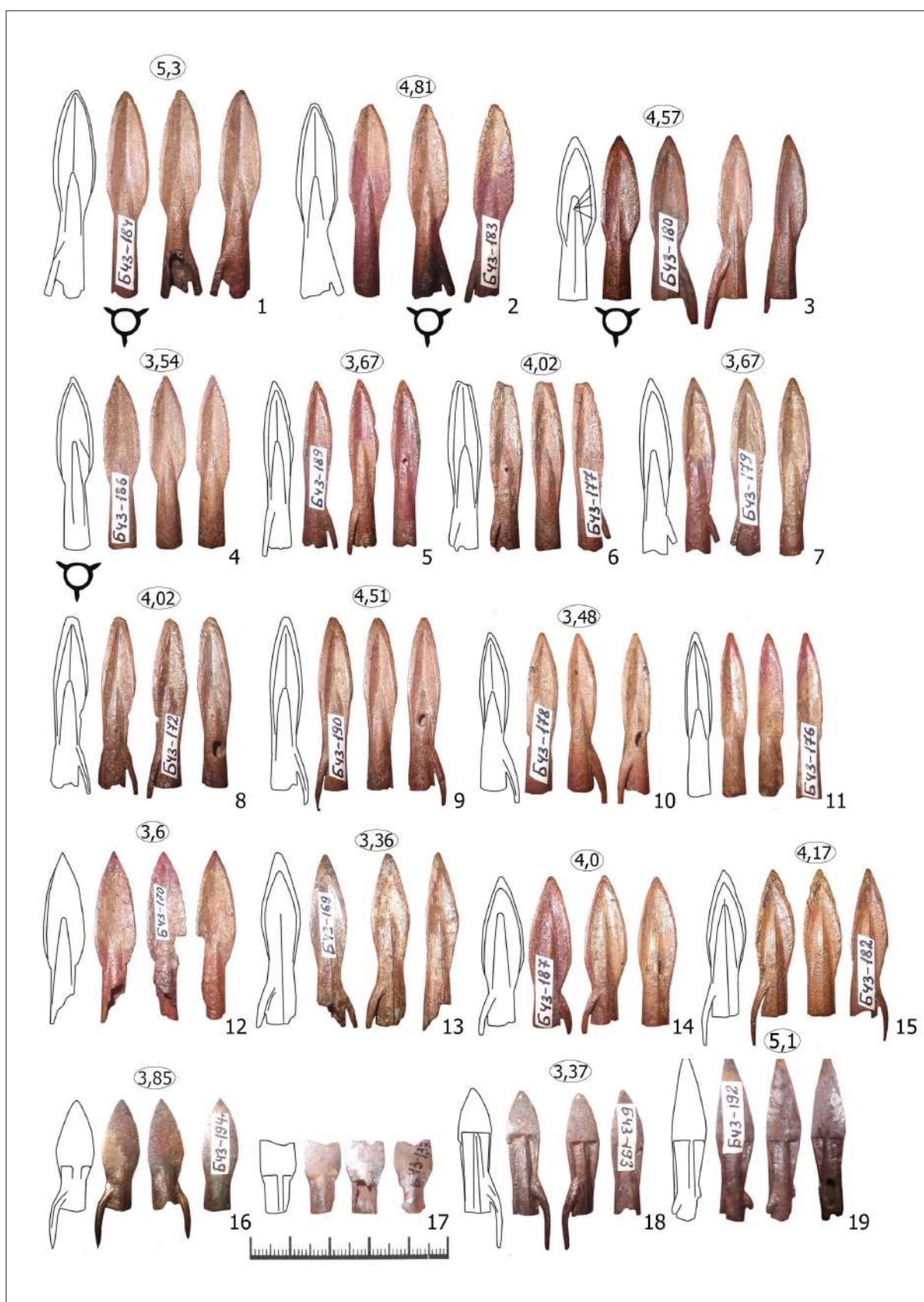

Fig. 11. Zhurovka, k. 432. Trilobate socketed arrowheads (images by authors).

- Narrow leaf-shaped arrowhead, long socket, with a hook, length 4.0-4.5 cm, 3.5-4.5 g (fig. 11/5-10).
- Diamond-shaped arrowhead, medium socketed shaft, with a hook, length 3.8-4.5 cm, weight 3.6-4.17 g (fig. 11/12-15).
- Narrow leaf-shaped arrowhead, long socketed shaft, length 4.2 cm (fig. 11/11).

Trilobate triangular arrowheads

Combined or hybrid type in which the upper part of the head is triangular and the lower part is trilobate, medium socketed shaft, with a hook.

- Triangular, diamond-shaped arrowhead, medium socket, with a hook, length 2.9-3.0 cm, weight 3.85 g (fig. 11/16, 17)
- Diamond-shaped arrowhead, the upper part of which is triangular, and the lower part is trilobate, protruding socket, with a hook, length 3.2-4.2 cm, weight 3.37-5.1 g (fig. 11/18, 19).

Position of arrowhead sets from Gulyai-Gorod, k. 38 and Zhurovka, k. 432 among the early Scythian quiver sets of the Northern Black Sea region

In **Table 1** the studied arrowheads are compared with arrowheads from some other quivers, originating from the northern Black Sea region. The quivers that were personally investigated by the authors were included on a first priority basis. For this purpose arrowhead sets from Kitaygorodka (fig. 12-14), Podgorodnoye (fig. 15), and Yagorlitskoye settlements (fig. 17/1-17) were reviewed. This allowed to identify arrowheads that had been cast in the same mould among the arrowheads that belonged to different quivers, and to recognize the arrowheads cast using the same prototype. The archers who used similar arrowheads would buy them from the same craftsman or from the same workshop, in other words the same production center. This allows us to conclude that they all were contemporaneous, and the time period between the production of the arrowheads and their reaching the burial was not significant.

- In the set of arrowheads from Gulyai-Gorod, k. 38, among the bilobate arrowheads, there are arrowheads cast using the same prototype as the arrowheads from Zhurovka, k. 432, Gladkovshchina, k. 4, b. 1, Khapry, k. 25, b. 1, Repyakhovata mogila, b. 1, Lebedi V, k. 11, b. 8.

- Among the trilobite arrowheads in the arrow set from Gulyai-Gorod, k. 38 there are those cast in the same mould as the arrowheads from Zhurovka, k. 432, Repyakhovata Mogyla, b. 1 and b. 2, as well as those cast using the same prototype as the ones from Gladkovshchina, k. 4, b. 1, Kitaygorodka, Podgorodnoye, Likhachevka, Khapry, k. 25, b. 1, Lebedi V, k. 11, b. 8, Novoaleksandrovka, k. 7, b. 8, Perebykovtsy, b. 2 and Yagorlytskoye settlement complexes.
- In the arrowhead set from Zhurovka, k. 432 among the bilobate arrowheads, there are arrowheads cast in same mould or using the same prototype as those in Kitaygorodka, Repyakhovataya Mogila, b. 1 and b. 2, and Gulyai-Gorod, k. 38.
- Among the trilobate arrowheads in the arrow set from Zhurovka, k. 432, there are arrowheads cast in the same mould as those from Gulyai-Gorod, k. 38 and Gladkovshchina, k. 4, b. 1, as well as those from Kitaygorodka, Novoaleksandrovka, k. 7, b. 8 and Perebykovtsy, b. 2. The same mould was used to cast trilobate arrowheads from Zhurovka, k. 432 (fig. 11/4) and pit no. 1 from excavation 23 of Zhabotinskoye settlement (Дараган, Подобед 2019, рис. 9/11).
- Triangular arrowheads with hook from Zhurovka, k. 432 and Repyakhovataya Mogila, b. 1 are also cast in the same mould.

In the set of arrowheads from Zhurovka, k. 432, the significant number of bilobate arrowheads with a diamond shape of the blade is particularly noticeable (fig. 9/5-8, 10-12), but only 4 of them can be attributed to the Zhabotin series (fig. 9/1-4). One should keep in mind that the main criterion for Zhabotin-type arrowheads is not only the diamond or asymmetric-diamond shape of the blade. The weight of the arrowhead should be between 6 and 10 g.

Light arrowheads with a similar diamond shape of the head are to be found in the quiver sets from Zhurovka, k. 406 (Рябкова 2014, рис. I.3/6, 7), in the kurgan near Likhachevka (fig. 16/3-6), and in Gulyai-Gorod, k. 38 (fig. 1, 2, 8, 12).

We note that an arrowhead similar to the bilobate arrowhead with a cast cross-shaped mark on the underside of the socket from Zhurovka, k. 432 (fig. 9/2) was discovered at Kerkenes (Summers 2017, fig. 33.2/7; 33.5/7).

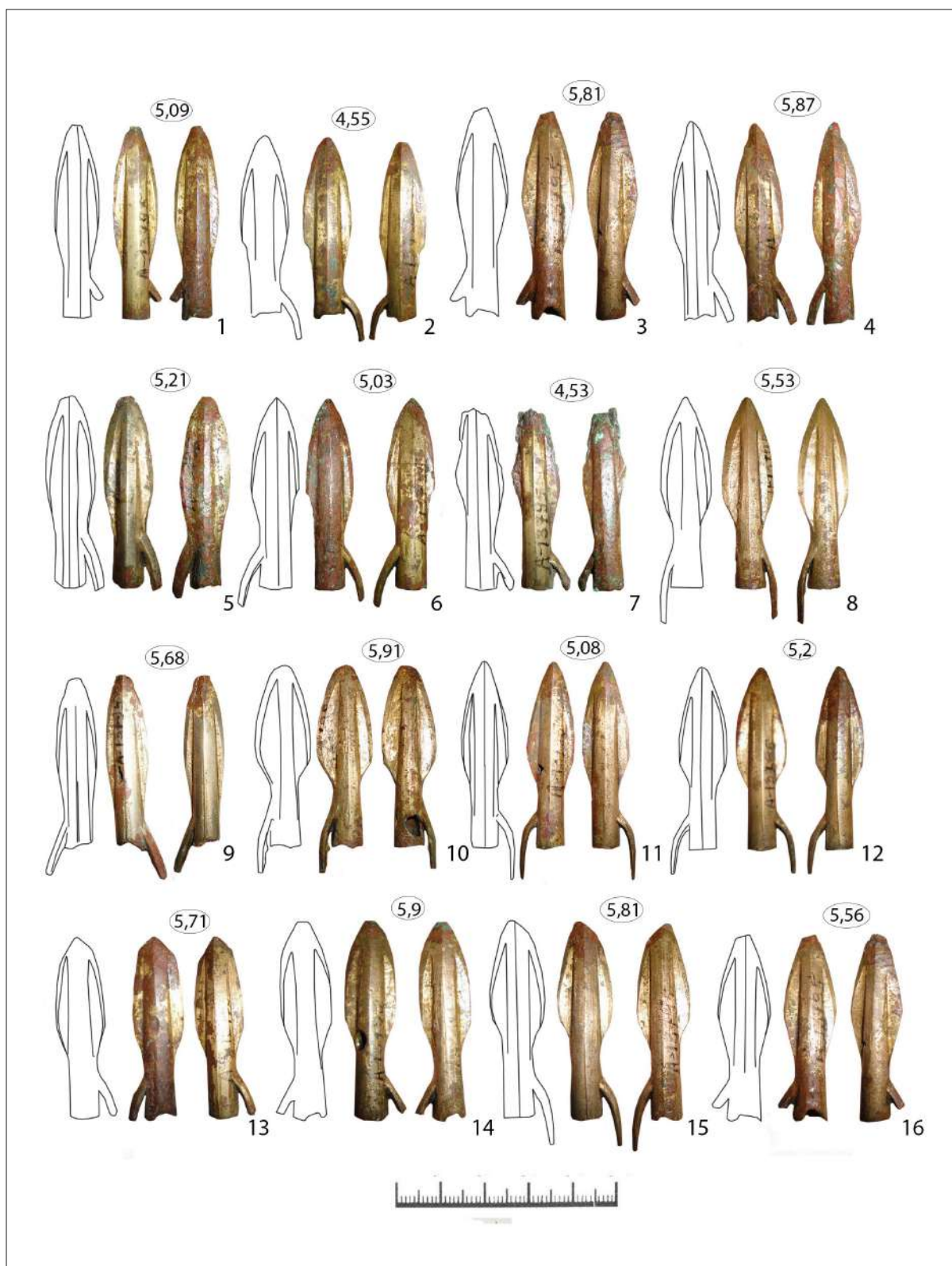

Fig. 12. Kitaygorodka. Bilobate socketed arrowheads (images by M. Daragan).

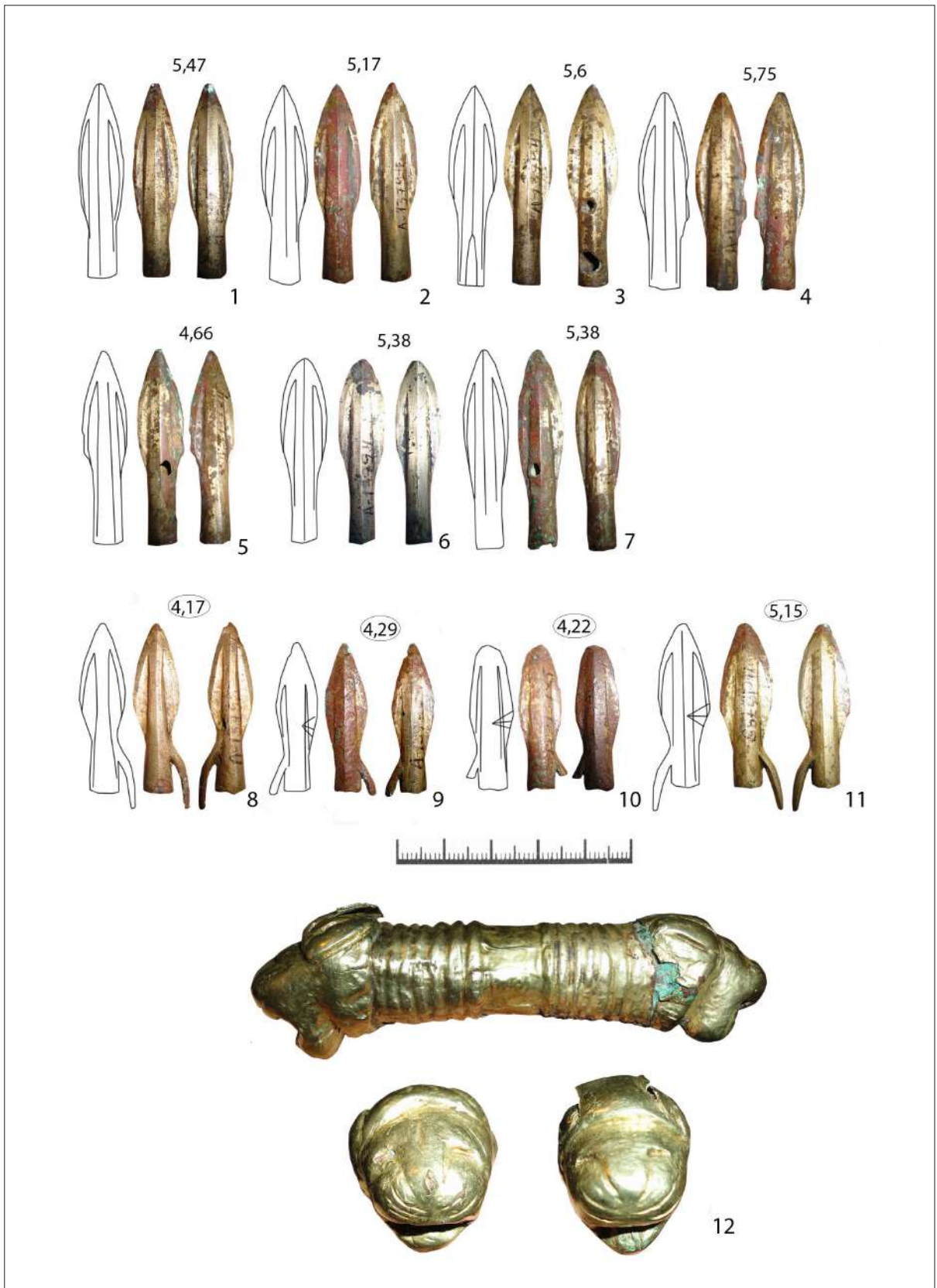

Fig. 13. Kitaygorodka. Bilobate socketed arrowheads (1-11), gold plated bronze clasp (12) (images by M. Daragan).

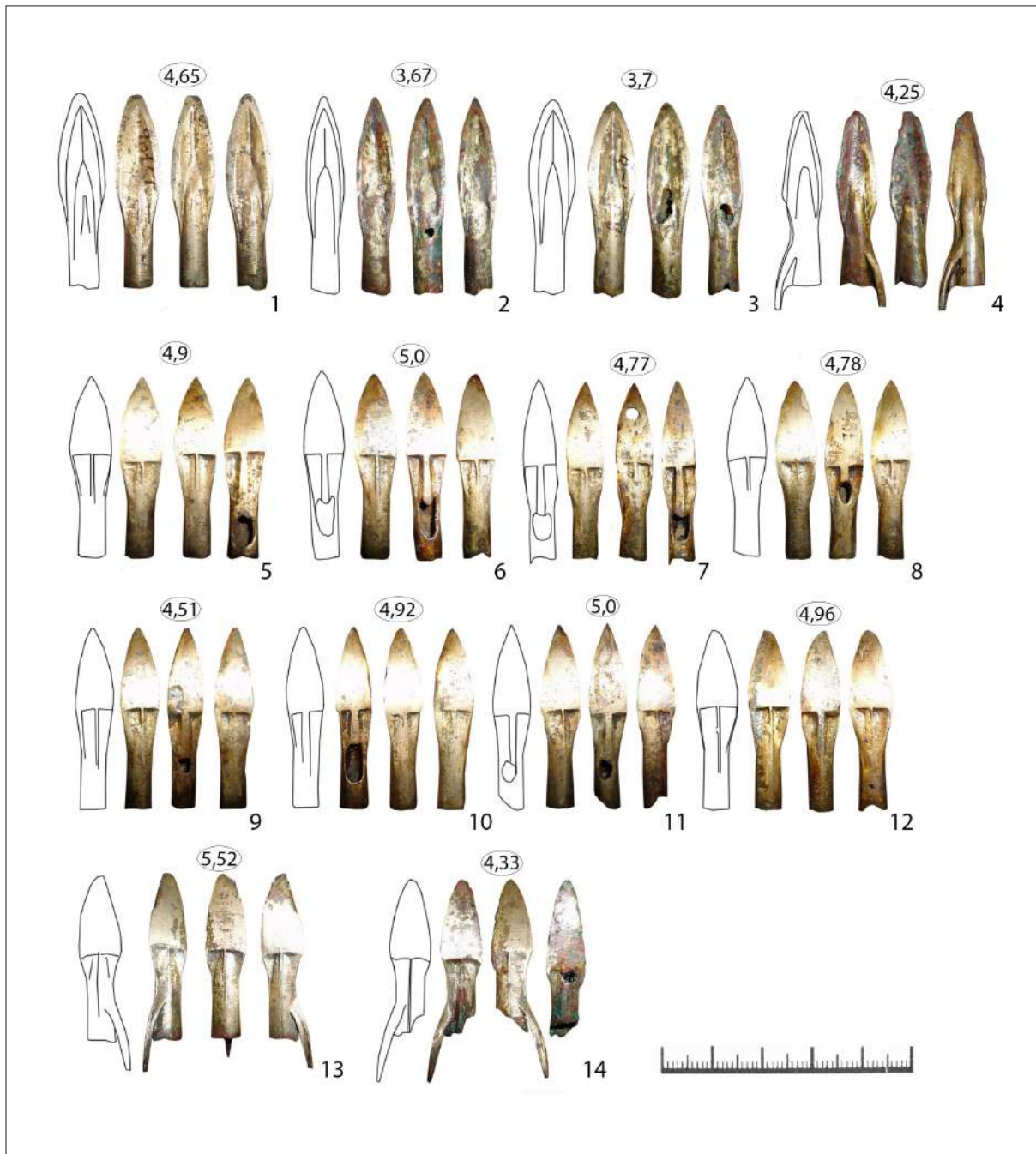

Fig. 14. Kitaygorodka. Bilobate and trilobate socketed arrowheads (images by M. Daragan).

Thus, the presence in the quivers of Gulyai-Gorod, k. 38, Zhurovka, k. 432, Repyakhovataya Mogila, b. 1 and b. 2, Kitaygorodka, Podgorodnoye, Gladkovshchina, k. 4, b. 1, Khapry, k. 25, b. 1, Lebedi V, k. 11, b. 8 of arrowheads cast in the same mould or using the same prototype of mould allow us to assign them to the same chronological horizon.

One should also pay attention to the similarity of marks found on the arrowheads of the above-mentioned complexes. No doubt, those should also be compared with the arrowheads from the destruction layer of Smolenice-Molpir hillfort (Hellmuth Kramberger, Čambal 2019, Abb. 2; 4).

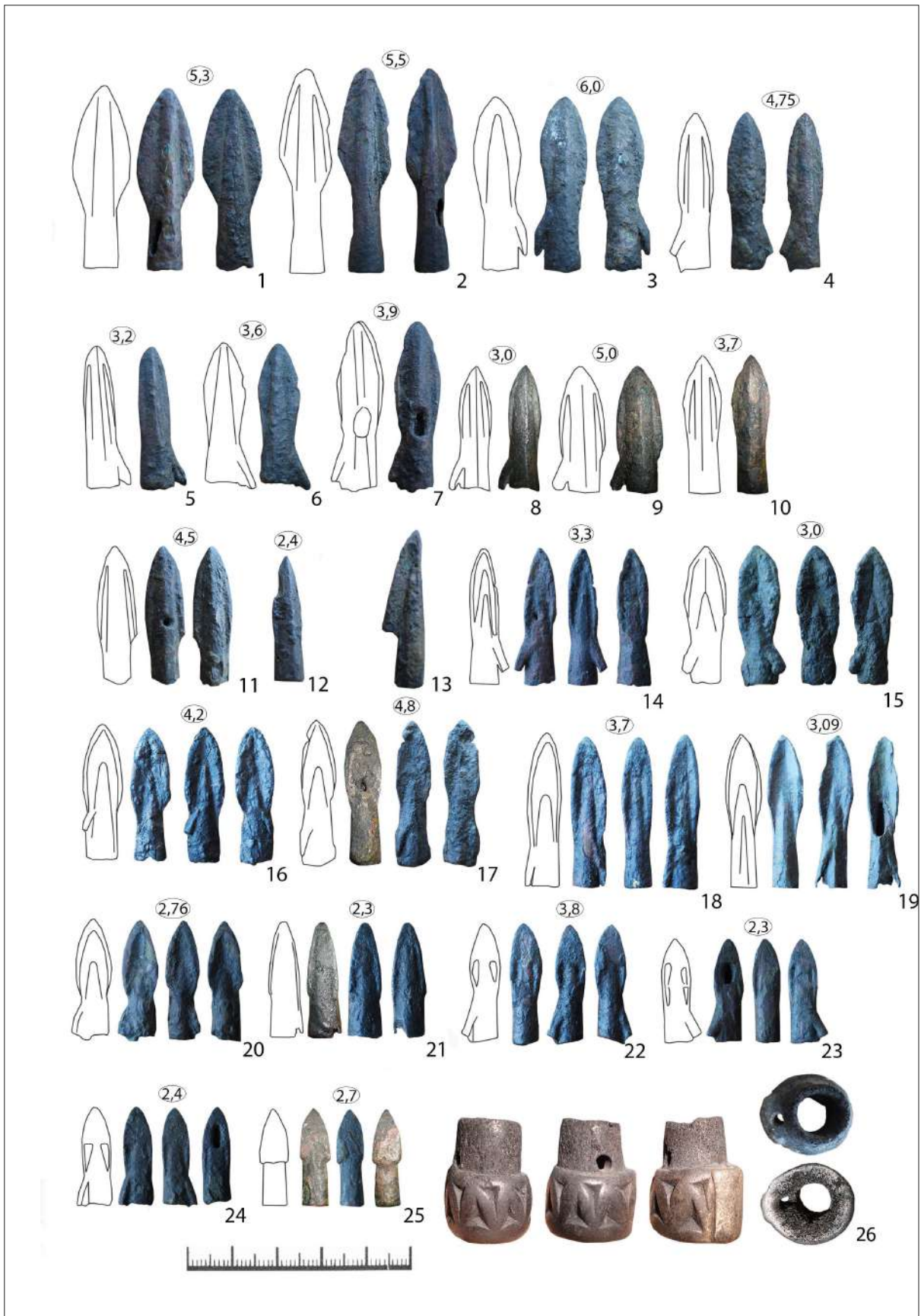

Fig. 15. Podgorodnoye. Arrowheads (1-25), bone clasp (26) (images by M. Daragan).

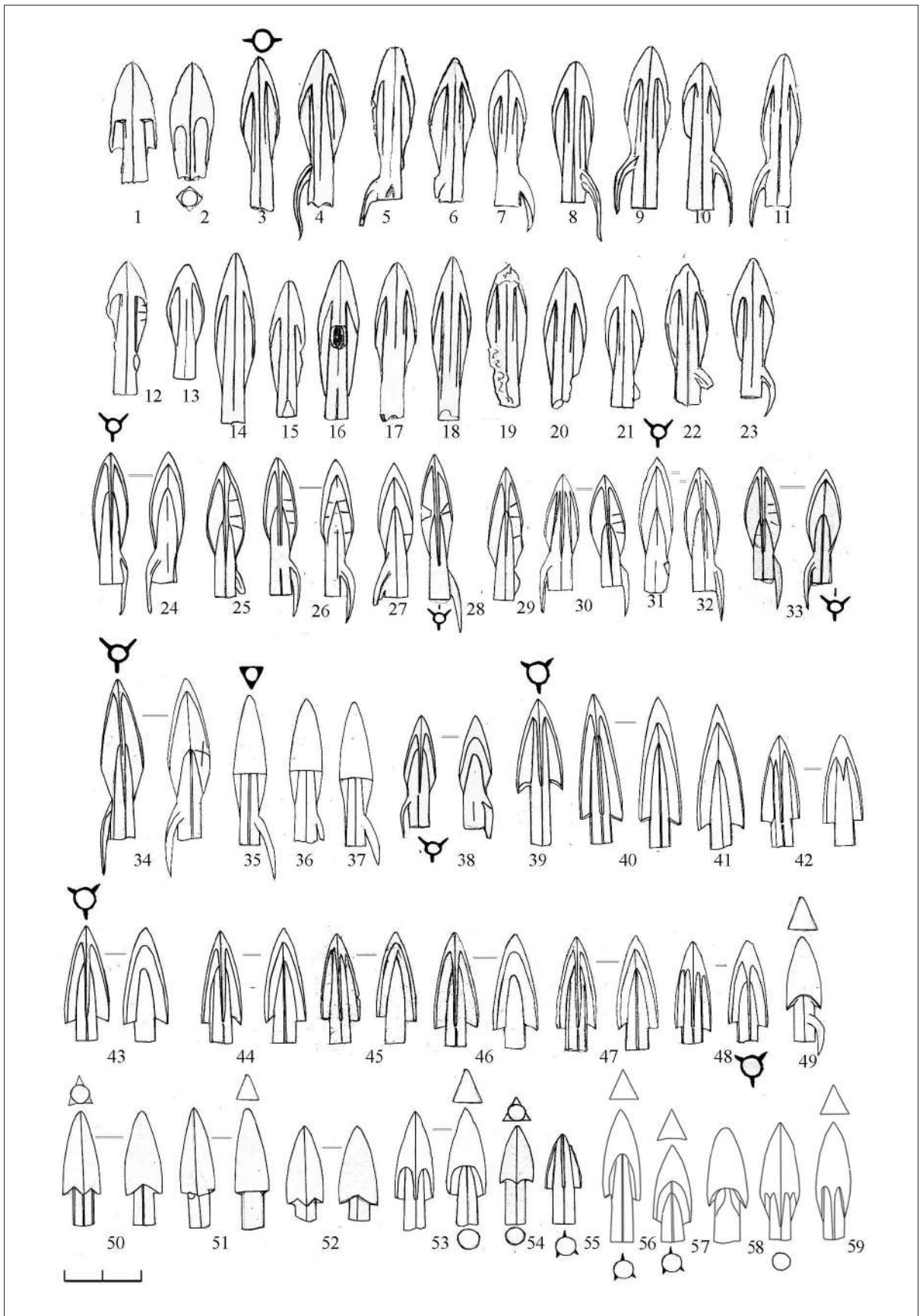

Fig. 16. Likhachevka, kurgan. Arrowheads (images by V.A. Podobed).

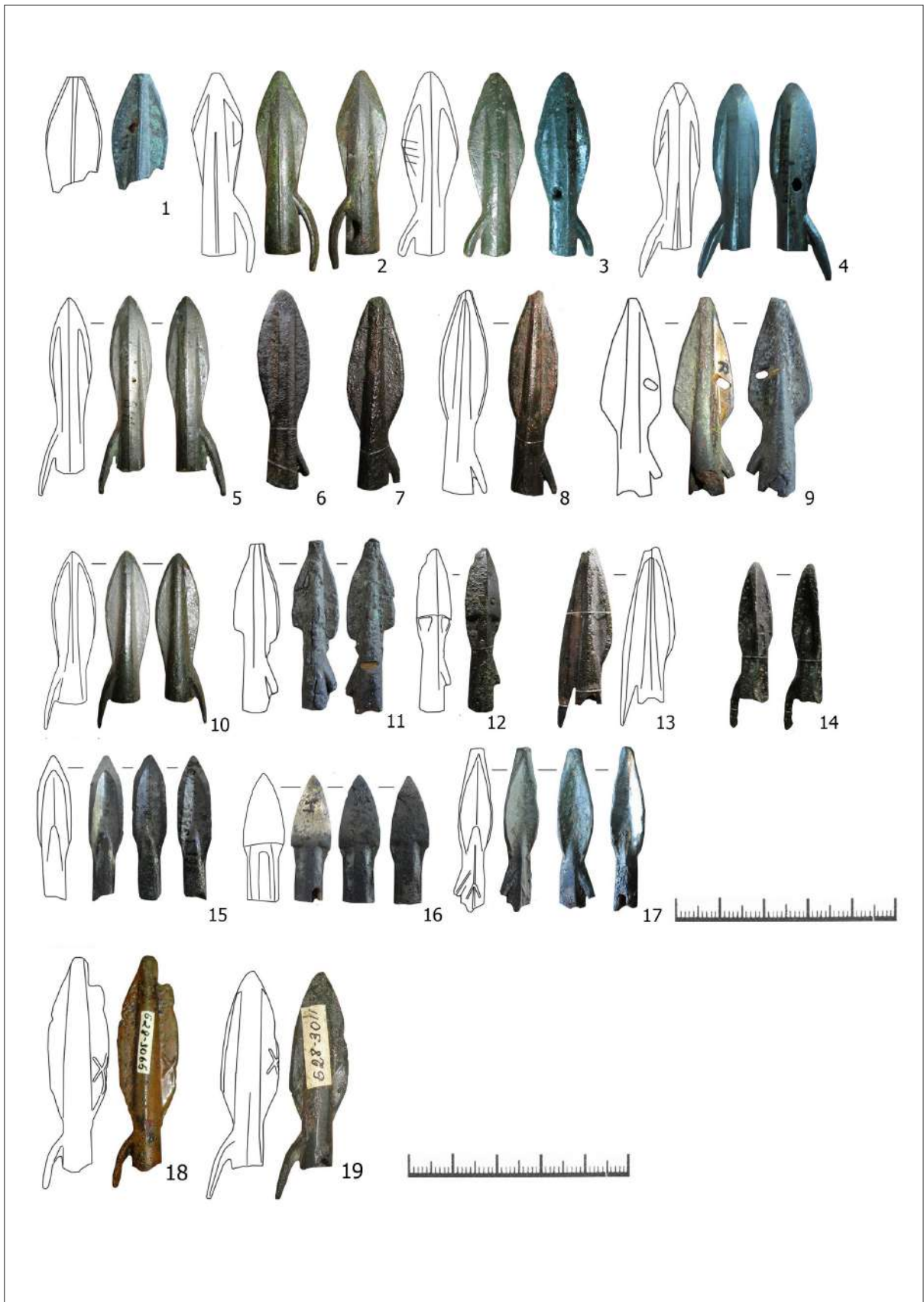

Fig. 17. Arrowheads: 1-17 - Yagorlytskoye settlement (images by M. Daragan); 18, 19 - from the archive of the Kiev Historical Museum (images by authors).

Dating of the quiver sets from Gulyai-Gorod, k. 38 and Zhurovka, k. 432

Gulyai-Gorod, k. 38, is a key monument in the periodization schemes of Scythian chronology. It is a very important kurgan among the late sites belonging to Early Scythian period⁵. It is dated to the time period between the first half of the seventh and the second part or the third quarter of the sixth century BC. Thus, the dates differ in different sources by up to 150 years. Currently the lowest chronology – the second half or the third quarter of sixth century BC, is supported by Makhortykh (Махортых 2017, 175) and Grechko⁶ (Гречко 2016, 44, 53). The highest chronology – the first half of the seventh century BC (FS III) – is suggested by A. Hellmuth (2010, 323, Taf. 66).

The date of the main burial in Zhurovka, k. 432, was considered to be within the time frame between the second half of the seventh and the first half of the sixth century BC.

The dates of both burials are first and foremost limited by the discoveries of the datable Greek pottery types in the archaeological complexes, that together comprise a single chronological horizon.

In Khapry, k. 25, b. 1 a transport amphora was discovered. Monakhov associates this amphora with the Klazomenian circle and dates it with the late seventh - first half of sixth century BC (Монахов 2003, 54-55). He points at the discoveries of profile parts of such amphorae among the materials of Yagorlyk and Berezan settlements, as the basis for their dating. Sezgin classifies it as a transport amphora of Ionian type γ.15 (the assumed location where they were manufactured is Theos)

⁵ It became a textbook example because, after Machukhi, k. 18, b. 1, for a long period of time it remained only the second complex in the forest-steppe in which a mirror of so-called Olbia type was discovered. Both mirrors have similar designs of the handle, shaped as a sheep head. Later, a mirror with a similar handle was discovered in the kurgan near Bratyshev. The top of the mirror from Gulyai-Gorod, k. 38 is comparable to the part of the remaining handle from the kurgan near Kochubinchiki. Both complexes with mirrors are dated no later than the third quarter of the seventh century BC (Бандрівський 2010, 95-97; Бандрівський 2014, рис. 176/4).

⁶ Actually, the research by Grechko can hardly be taken seriously since within the same work the author dates Gulyai-Gorod, k. 38 with the last quarter of the seventh or the first quarter of the sixth century BC, along with Repyakhovataya Mogila, b. 2, Gulyai-Gorod, k. 38, Bushuyka) (page 44), while on page 53 he states that «another one among the most ancient between the second quarter and the middle of the sixth century BC is Gulyai-Gorod, k. 38» (Гречко 2016, 44, 53).

and accepts the dating suggested by Monakhov (Sezgin 2012, 287). Klazomenian amphorae were also discovered in Lebedi V, k. 11, b. 8 (Пьянков, Рябкова, Зеленский 2019, 225). Monakhov dates it with late seventh - early sixth century BC. He points at the bottom parts of the Yagorlyk amphorae as the basis for their dating (Монахов 2003, 51-52, табл. 32-1). Sezgin suggests the same dating with a reference to Monakhov (Sezgin 2012, 287). Birzescu classifies such amphorae as type 4. In accordance with Istrian complexes, he dates it within the first half of the sixth century BC. Nonetheless, he points at similar amphorae discovered in Yagorlyk and Berezan settlements, as the closest parallels (Birzescu 2012, 98-100).

Milesian amphorae from Repyakhovataya Mogila, b. 2 and Novoalexandrovka, k. 7, b. 8 should be dated around the turn of the seventh - sixth century BC (Дарган 2009, 175-202), with the upper limit of these complexes possibly restricted to a shorter time period within the last quarter of seventh century BC. Since one of the authors has already discussed the dating of the amphora from Repyakhovataya Mogila, we will herein limit ourselves to just one principal conclusion. The profile parts of the Milesian amphorae similar to the amphora from Repyakhovataya Mogila, b. 2 are known from Yagorlyk and Berezan settlements, both founded in seventh century BC. At the same time, this type is absent at the sites of northern Black Sea lowland founded in the early sixth century BC (Дарган 2009). It is worthwhile emphasizing that they are not present among the researched complexes of Olbia, which is believed to have been founded in ca. 620/610-590 BC (Буйских 2013, 25). Among transport amphorae of the Klazomenian circle discovered in Olbia, samples similar to the ones mentioned above are also absent. In other words, by the time Olbia and other contemporary to it Greek poleis were founded, the shipments of such amphorae to the northern Black Sea lowland ended. This conclusion is also true for painted pottery. Buyskikh, basing her conclusions on the in-depth analysis of archaic painted pottery from Olbia, found it possible that the jar with wavy ornament on the neck from Repyakhovataya Mogila, b. 2 could be related to Borysthenes (Berezan settlement), with a remark that such a decoration technique was not found on any vessels from Olbia. She suggests vessels of Milesian origin, those from Samian Heraion (Phase II, around 610 BC and III –

around 590/80 BC) and from the necropolis on Rhodes as the closest parallels (Буйских 2013, 116). This line of synchronization is supported with the dining amphora from the burial in Kitaygorodka (Ромашко, Скорый, Филимонов 2014, 113) and the oinochoe from Tzukur-Liman (Рябкова, Вахтина 2020, 132).

The time gap between the foundation of Olbia and earlier colonies amounts to the life-time of one generation. It was those early settlers who communicated with the indigenous population, the bearers of early Scythian archeological complex of the northern Black Sea region.

The dating of quiver sets from Gulyai-Gorod, k. 38 and Zhurovka, k. 423 within the second half of the seventh century BC, is confirmed with the discoveries of arrowheads of similar types at Smolence-Molpir, the destruction level of which is associated with the second half of the seventh century BC (Hellmut 2006, 157). The “Hallstatt imports” present in the complexes of Ukrainian forest-steppe also point at this date (Дарган 2011, 597-617).

We should also note that in the fill of pit 1 trench 23 of Zhabotinskoye settlement, from which a trilobate arrowhead identical to one of the arrowheads from the Zhurovka, k. 432 originated, fragments of a painted south Ionian (most likely, Milesian) kylix, were also discovered (Дарган, Подобед 2019, рис. 9/5). According to the classification of south Ionian cups suggested by Schlotzhauer, it belongs to type 6, subtype 6,2.B - 6,5.B, and can be dated between 660/50-630/20 BC (Schlotzhauer 2001, 97-100, 308-315 with fig. 17, tab. 22-25; cat. no. 117-134).

Starting in the first half of the sixth century BC, transport amphorae and painted fineware of other types are shipped to the northern Black Sea region. These new types are from the middle of the sixth century BC associated with quiver sets consisting of arrowheads of other types, shaping a different chronological horizon of arrowheads: the basic type. This makes the dating of early Scythian quivers later than the turn of the sixth century BC impossible.

“Mixed” sets of arrowheads of the Middle Dnieper region Zhurovka, k. 448

Information about k. 448 near the village Zhurovka was published by Bobrinsky (Бобринский 1905, 95) and re-published by Ilyinskaya (Ильинская

1975). The burial contained an iron ax, four pairs of iron bits, iron psalia, fragments of bone zoomorphic psalia, 4 round bone plaques of a bridle, 29 arrowheads (28 bronze and 1 bone), and a large clay vessel, broken and glued together. The burial was attributed by Ilyinskaya to the Early Scythian period (Ильинская 1975, 26-27, таб. X/20).

The complex was re-examined by Mogilov and Didenko, who published the bridle, the clay bowl and the arrowheads. The complex was attributed to the Middle Scythian period and dated to the second half of the sixth century BC (Могиллов, Диденко 2009, 52).

However, since the round bone bridle plaques and zoomorphic psalium certainly date back to the Early Scythian period, and the bowl with double plaques is typical for the eighth - seventh century BC in the Middle Dnieper area and are well verified with the items described in the 1905 publication, the arrowheads (Могиллов, Диденко 2009, рис. 2/2-28), cannot be connected with these objects in a closed complex.

The re-examination of this set of arrowheads showed that it consists of:

- Two badly abraded arrowheads: one bilobate with a leaf-shaped blade and one trilobate with a hook at the base of the socket (fig. 18/1, 2), possibly dated to the Archaic Scythian period;
- seven trilobate arrowheads with a hidden socket typical for the second half of the sixth and early fifth century BC (fig. 18/3-9);
- eighteen trilobate triangular arrowheads of types used in the second half of the fifth and the early fourth century BC (fig. 18/10-22).

Thus, triangular arrowheads with paired circular depressions at the base (fig. 18/27) and trilobate arrowheads with cast marks in the form of two or three slanted parallel lines (fig. 18/25, 26) emerge no earlier than the end of the fifth - beginning of the fourth century BC (Дарган 2020, 246).

Most of these arrowheads could have coexisted within the second half of the fifth century BC, but the large series of base arrowheads makes their combination with the triangular arrowheads doubtful. In any case, such a combination is not possible for the mid-sixth century BC. Not surprisingly, Ilyinskaya did not consider it possible to combine these arrowheads with the Archaic bridle of the Zhurovka, k. 448 because there appears to be no reason to do so.

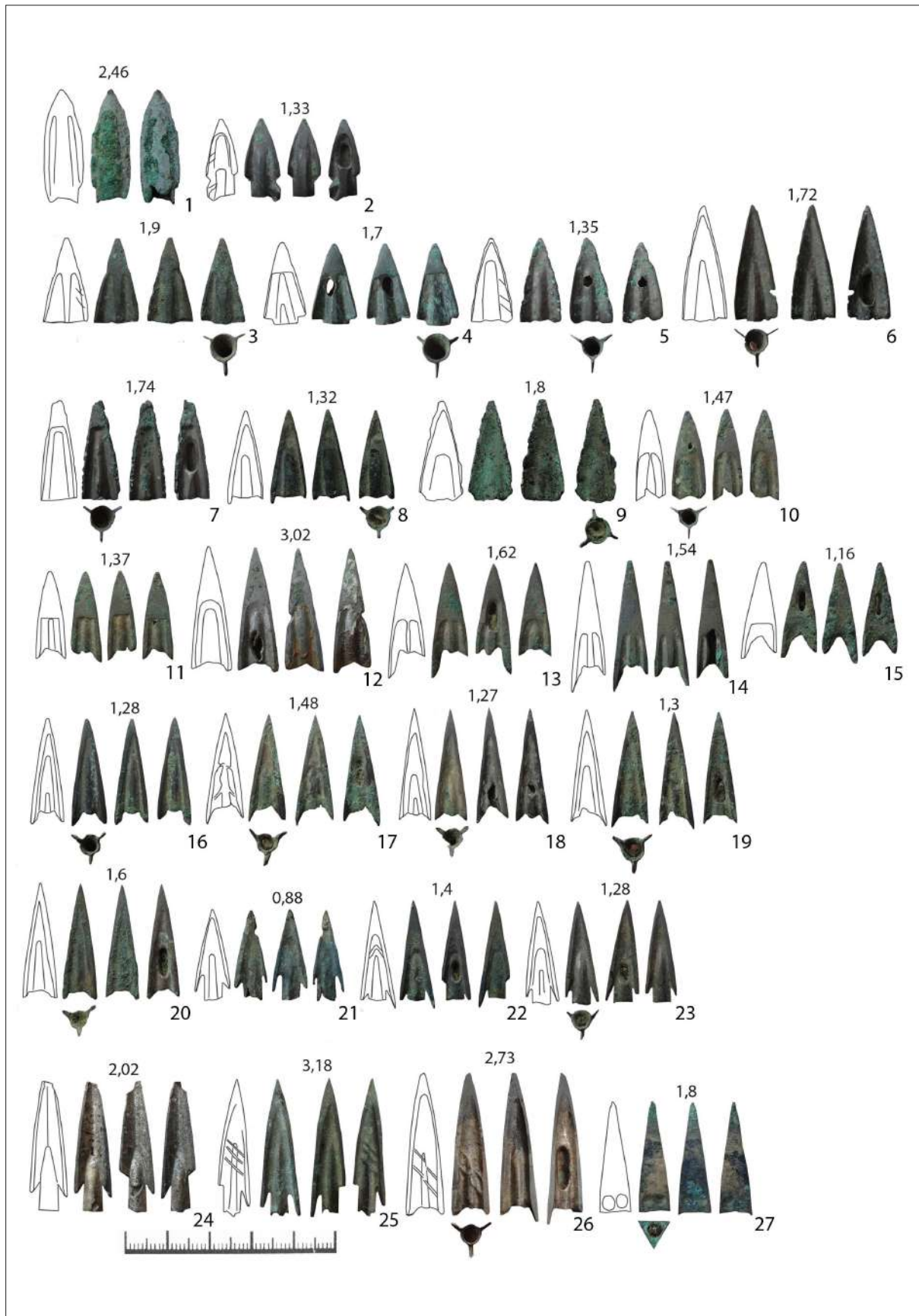

Fig. 18. Zhurovka, k. 448. Arrowheads (images by authors).

Fig. 19. Arrowheads: 1-7, 9, 13-27 - Basovka, k. 482; 8 - Brilevka, k. 24; 10 - Novozavedennoye II, k. 2, b. 1; 11 - Aksenovsky, k. 14, b. 1; 12 - Gummarovo, k. 3; 28 - Zhurovka, k. 432, secondary burial (images by authors).

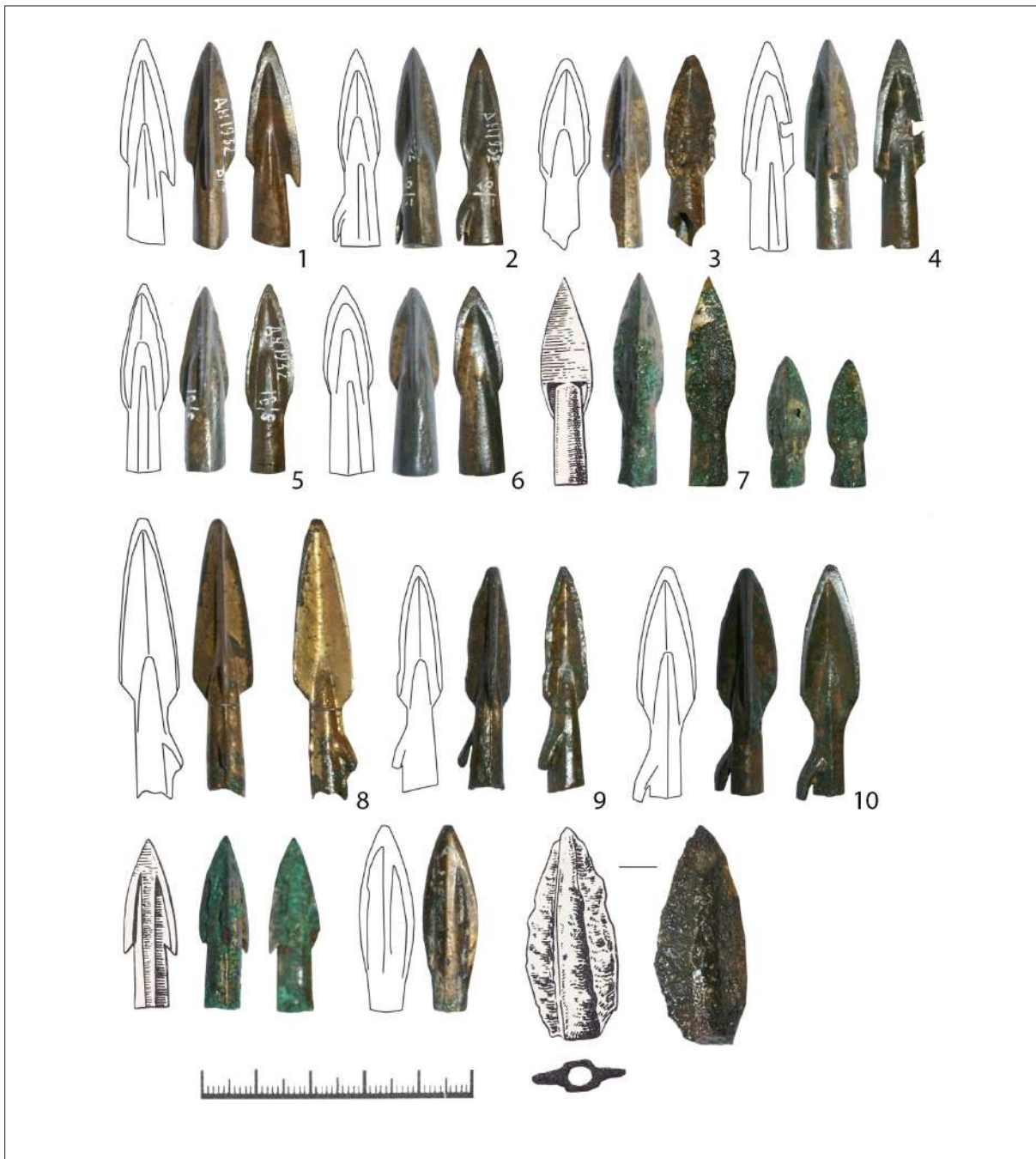

Fig. 20. Volkovtsy, k. 478. Arrowheads (images by authors).

Mixed sets of arrowheads of Posulja region
Basovka, k. 482 (Ильинская 1968, таб. XXVII/8-32; Галанина 1977, таб. 25/1-23) and
Volkovtsy, k. 478 (Ильинская 1968, таб. XXXIX, 1-25; Галанина 1977, таб. 23).

In his chronology of bridle sets Mogilov classified these complexes, together with the above-mentioned Zhurovka, k. 448, as the fourth Archaic

group of the second half of the sixth century BC (Могиллов 2008, 111). Grechko regards it as part of a transitional horizon of the second or third quarter of the sixth century BC, synchronising it with Gulyai-Gorod, k. 38 (Гречко 2016, 44, 53). Mahortykh also synchronizes all three complexes, dating the Volkovtsy, k. 478 to the middle to second half of the sixth century BC (Махортых 2017, 174). Conversely, in Hellmuth's periodization of

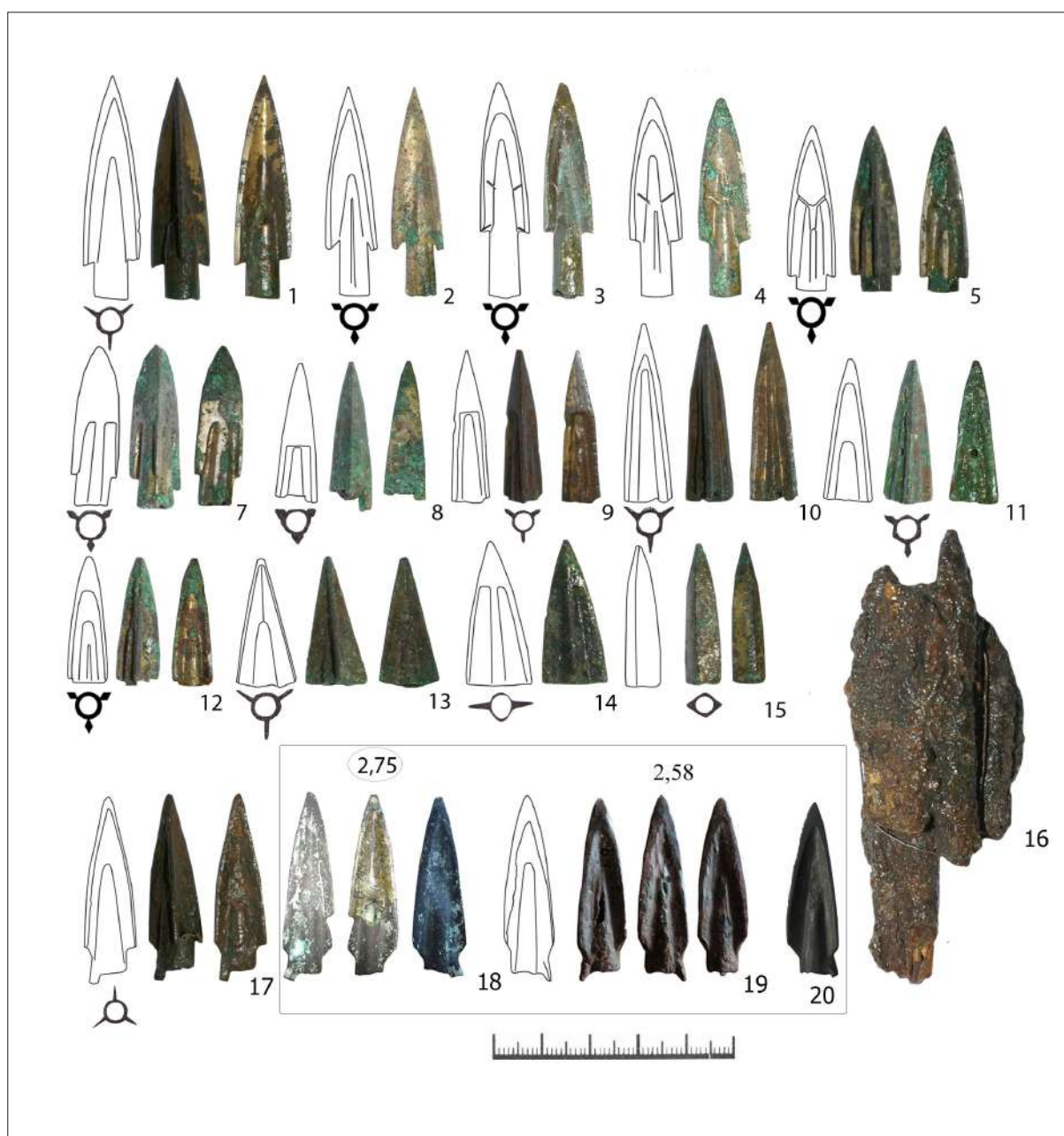

Fig. 21. Arrowheads: 1-17 - Volkovtsy, k. 478; 18 - Sholokhovo, k. 13; 19 - Novokievka, k. 2, b. 2; 20 - Mikhailovka settlement (images by authors).

quiver sets, Basovka, k. 482 and Volkovtsy, k. 478 are the reference complexes of the fourth phase of the Early Scythian culture (FS IV), dated to the second half of the seventh century BC (Hellmuth 2014, 7-8, fig. 5; Hellmuth 2010, 323, Taf. 24; 233).

In the sets from Basovka, k. 482 and Volkovtsy, k. 478, in addition to the arrowheads of the Early Scythian series (fig. 19/2-5; 7), there are also arrowheads of the symmetrical shape with hidden socket dated to the third quarter of the

sixth - early fifth century BC and a tower-shaped one dated to the first half to the middle of the fifth century BC (cf: figs. 19/14-24; 21/9-10, 17) (cf. Дараган 2017, таб. 1; 29, таб. 2). The arrowheads of the symmetrical form with a hidden socket from both sets (fig. 19/16-20, 24; 21/9) are similar to the arrowhead from the quiver of the secondary burial of Zhurovka, k. 432 (fig. 19/28), dated to the end of the fifth century BC (Петренко 1967).

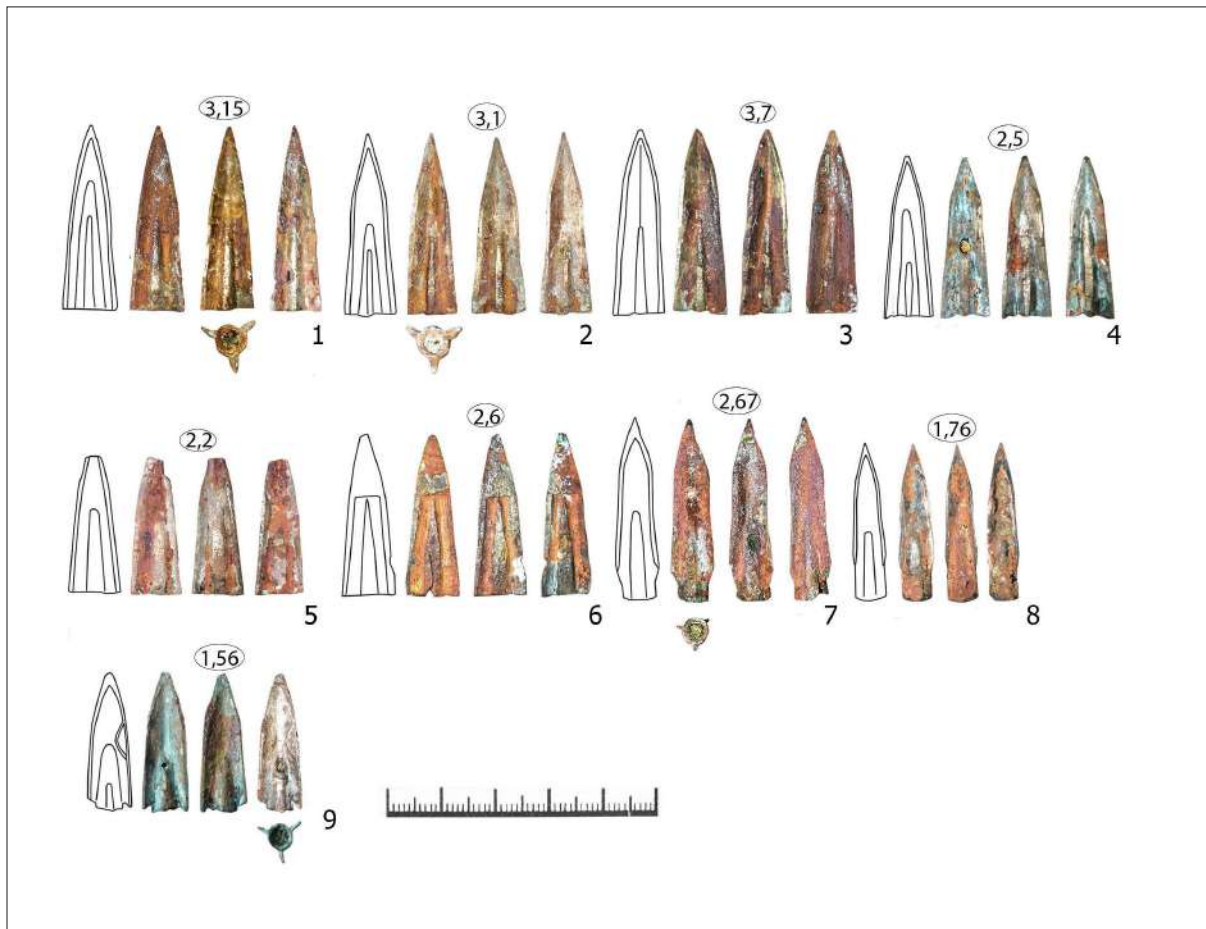

Fig. 22. 1-9 - Shelyugi, k. 8. Arrowheads (images by M. Daragan).

An arrowhead with asymmetrically trimmed blade ends, protruding socket and small hook from Volkovtsy, k. 478 (fig. 21/17) was cast using the same prototype as the samples from Novokievka, k. 2, b. 2 (fig. 21/19), Sholokhovo, k. 13, b. 1 (fig. 21/18), settlement near the village of Mikhailovka (fig. 21/20), Bolshemikhailovka, k. 2 (Мухопад 1984, рис. 2/5). Originally, the quiver from Novokievka was put in the horizon of the third quarter of the sixth - early fifth century BC, with a preference for the later date (Дараган 2017, 68). After processing of the fifth century BC quivers within the “tower-shaped” and “cross-shaped” horizons, it is quite definitely possible to date this burial within the first half to middle of the fifth century BC. This is also the date of the funeral feast of the Shelugi, k. 8, which includes two bronze vorvorkas, iron spearheads, gold neck torque and an object in the form of a big “vorvorka-cone” and bronze arrowheads (fig. 22) (Кубышев, Куприй 1992; Дараган 2017, 77).

The large trilobate arrowheads with a hidden socket from this complex are identical to those found in Novokievka, k. 2, b. 2 and in both collections from Posulja region. One of the tips from Shelugi has a mark in the form of a semicircle (fig. 22/9). Such markings have been made on the Volga region arrowheads since the middle of the fifth century BC: Kichigino 1, k. 3 of the pit 1 (Таиров 2020, рис. 5/31), Aksenovsky, k. 11, b. 1, Aksenovsky, k. 15, b. 1, Aksenovsky, k. 14, b. 1 (4-5) (Шилов, Очир-Горяева 1996, рис. 15/13). A large trilobate arrowhead with a hidden socket from Basovka, with a cast zigzag mark on one of the blades, corresponds to the type used in the tower-shape horizon of the first half to the middle of the fifth century BC (fig. 19/6). Such a mark is probably a variation of the S-type sign, used on the tips of the Volga and Urals region no earlier than the second half of the Vth century BC, and in the Northern Pontic Steppe only from the end of the 1st quarter of the IVth century BC.

In both sets from Posuliye there are also trilobate arrowheads with cast marks in the form of a downward angle (fig. 19/9; 21/5). Such arrowheads (including those samples from Volkovtzi and Basovka) are known in Transcaucasia and the Lower Volga region complexes of the second half of the fifth - early fourth century BC: Novozvedenoe II, k. 2, b. 1 (Канторович, Маслов 2017, рис. 24/1), Gummarovo, k. 3 and k. 4 (Зуев, Исмагилов 1999, таб. 6/8; 8/3, 10), Lebedevka 6, k. 5 (Железчиков, Клепиков, Сергацков 2006, рис. 49/21, 34, 45), Aksenovsky, k. 14, b. 1 (Шилов, Очир-Горяева 1996, рис. 15/13). In quiver sets of Scythian time such a mark applied on other types of arrowheads occurs only from the second quarter of the fourth century BC. A trilobate type with cast marks in the shape of two slant lines situated on both sides of the socket (fig. 19/7; 21/3, 4) also finds parallels in the burials of the Steppe Scythia of the second quarter of the fourth century BC (Brilevka, k. 24, Ilyinka, k. 4, b. 2), Vodovod, k. 13, b. 1 (Синика и др. 2020, рис. 2/7).

It should be added that the cast marks on the arrowheads of the Northern Black Sea region appeared en masse from the mid-fifth century BC (Дарган 2019, 162). Before that time, the marks were incised⁷ (the exceptions are the marks on the arrowheads of the pre-Scythian period - Дарган 2015, 160-161). These data point to the random assembling of the arrowheads into one set in Basovka, k. 482 and Volkovtsy, k. 478 during the formation of both collections, and it is impossible to use them for archaeological reconstructions. Finally, it should be noted that the Early Scythian arrowheads from both complexes belong to the cast types, including those related to the same prototype as the arrowheads from Gulyai-Gorod, k. 38 and Zhurovka, k. 432.

Conclusion

The analysis of the quiver sets preserved in the museum collection from the Gulyai-Gorod, k. 38 and the main burial Zhurovka, k. 432 demonstrates similarities to the quiver sets from the documented complexes of the second half of the seventh century BC. Both sets contain arrowheads cast according to the same form or proto-

type, which allows them to be synchronized. The “mixed” sets of arrowheads from the collections known as Zhurovka, k. 448, Volkovtsy, k. 478 and Basovka, k. 482, associated with the Transitional or Middle Scythian period, contain arrowheads from three different time periods, including the seventh century BC (the Early Scythian period), the second half of the sixth - early fifth century BC, and the fifth - fourth century BC, which could not have originated from the same set. Most likely, they resulted from the random assembling of the arrowheads from different quivers during the formation of the museum collections. All the archaeological reconstruction made on their basis should therefore be disregarded.

Acknowledgements

We would like to thank Gerda Henkel Stiftung for supporting our research (Daragan). Access to the material and help were generously provided by Tatiana Ryabkova and Andrei Alexeyev (State Hermitage Museum); Andrei Lopushinskij (Kherson Regional Museum); Artem Ivantsev (Oles Honchar Dnipro National University); Maya Serdyuk (Dmytro Yavornytskyi National Historical Museum), Olga Buravchuk (National Art Museum of Ukraine); Sergei Polin (Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine); Vyacheslav Podobed (Donetsk regional museum of local history).

⁷ The National Museum of the History of Ukraine conserves two bilobate socketed arrowheads with a cast mark in the form of an oblique cross on one of the blades. Their origin unknown (fig. 17/18, 19).

Table 1

Bilobate socketed arrowheads																
Site	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Gulyai-Gorod, k. 38																
Zhurovka, k. 432																
Gladkovschina, k. 4, b. 1																
Repyakhovataya Mogila, b. 2																
Repyakhovataya Mogila, b. 1																
Likhachevka																
Kitaygorodka																
Podgorodnoye																
Lebedi V, k. 11, b. 8																
Khapry, k. 25, b. 1																
Perebykovtsy, b. 2																

II. Materiale și cercetări

Trilobate socketed arrowheads																	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	
Gulyai-Gorod, k. 38																	
Zhurovka, k. 432																	
Gladkovschina, k. 4, b. 1																	
Repyakhovataya Mogila, b. 2																	
Repyakhovataya Mogila, b. 1																	
Likhachevka																	
Kitaygorodka																	
Podgorodnoye																	
Lebedi V, k. 11, b. 8																	
Khapry, k. 25, b. 1																	

Novoalexandrovka, k. 7, b. 8												
Perebykovtsy, b. 2												
Trilobate triangular arrowheads												
Zhurovka, k. 432	Kitaygorodka	Likhachevka	Repyakhovataya Mogila, b. 2	Podgorodnoye	Khapry, k. 25, b. 1	Novoalexandrovka, k. 7, b. 8						
												
												

Bibliography

- Birzescu 2012:** I. Birzescu, *Histria. Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen herausgegeben im Auftrag des Instituts. XV, Die archaischen und frühklassischen Transportamphoren* (Bukarest 2012).
- Hellmuth 2006:** A. Hellmuth, *Untersuchungen zu den sogenannten skythischen Pfeilspitzen aus der befestigten Höhensiedlung von Smolenice-Molpir. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, 128* (Bonn 2006).
- Hellmuth 2008:** A. Hellmuth, *The Chronological Setting of the so called Cimmerian and Early Scythian Material from Anatolia. ANES 45, 2008, 102-122.*
- Hellmuth 2010:** A. Hellmuth, *Bogenschilden des Pontischen Raumes in der Älteren Eisenzeit. Typologische Gliederung, Verbreitung und Chronologie der skythischen Pfeilspitzen. Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie, 177* (Bonn 2010).
- Hellmuth 2014:** A. Hellmuth, *Horse, Bow and Arrow. A Comparison between the Scythian Impact on the Mediterranean and on Eastern Middle Europe. Mediterranean review 7/1, 2014, 1-38.*
- Hellmuth Kramberger, Čambal 2019:** A. Hellmuth Kramberger, R. Čambal, *Eine Schrift der Reiternomaden im 1. Jt. v. Chr.? Bemerkungen zu den sogenannten skythischen Pfeilspitzen mit Markierungen zwischen Ostalpen, Ural und Anatolien. Študijné zvesti 1, 2019, 187-202.*
- Sezgin 2012:** Y. Sezgin, *Arkaik Dönem İonia Üretim Ticari Amphoralar* (İstanbul 2012).
- Schlotzhauer 2001:** U. Schlotzhauer, *Die südionischen Knickrandschalen. Eine chronologische Untersuchung zu den sog. Ionischen Schalen in Milet: Inaugural Dissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie in der Fakultät für Geschichtswissenschaft der Ruhr-Universität Bochum.*
- Summers 2017:** G.D. Summers, *Iron Age Arrowheads from Kerkenes. In: Overturning Certainties in Near Eastern Archaeology. A Festschrift in Honor of K. Ashlan Yener (Culture and History of the Ancient Near East) 90, 2017, 645-664.*
- Алексеев 1992:** А.Ю. Алексеев, *Скифская хроника. (Скифы в VII-IV вв. до н.э. Историко-археологический очерк)* (Санкт-Петербург 1992).
- Бандрівський 2010:** М. Бандрівський, *Пам'ятки середньодніпровської (західноподільської) групи раннього залізного віку в Центральноевропейській хронологічній шкалі та проблеми періодизації. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині 14, 2010, 76-113.*
- Бандрівський 2014:** М. Бандрівський, *Культурно-історичні процеси на Прикарпатті і Західному Поділлі в пізній період епохи бронзи - на початку доби раннього заліза* (Львів 2014).
- Бобринский 1887:** А. Бобринский, *Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Том 1. Дневник пятилетних раскопок* (Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича 1887).

- Бобринский 1905:** граф А.А. Бобринский, Отчет о раскопках близ с. Журовки и Капитановки (Чигиринского у. Киевской губ.) в 1904 г. Известия императорской археологической комиссии 17, 1905, 77-98.
- Буйских 2013:** А.В. Буйских, О греческой колонизации Северо-Западного Причерноморья (Новая модель?). Вестник древней истории 1 (284), 2013, 21-39.
- Волкобой, Шалобудов, Лихачев 1979:** С.С. Волкобой, В.Н. Шалобудов, В.А. Лихачев, Скифский могильник «Славянка» у с. Шолохово на Днепропетровщине. В сб.: Курганные древности степного Поднепровья III-I тыс. до н.э., 3 (Днепропетровск 1979), 45-60.
- Галанина 1977:** Л.К. Галанина, Скифские древности Поднепровья. Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга (САИ Д1-33) (Москва 1977).
- Галанина 1995:** Л.К. Галанина, Раннескифские стрелковые наборы из Келермесских курганов. Археологический сборник Государственного Эрмитажа 32, 1995, 40-52.
- Гречко 2016:** Д.С. Гречко, От Архаической Скифии к Классической. Археологія і давня історія України 2 (19), 2016, 33-60.
- Дараган 2009:** М.Н. Дараган, О датировке амфоры из погребения №2 Репяховатой Могилы. В: Античный мир и археология, 14 (Саратов 2010), 175-203.
- Дараган 2015:** М.Н. Дараган, Наконечники стрел предскифского и раннескифского времени: технология изготовления, метрология и маркировка. Труды Государственного Эрмитажа LXXVII, 2015, 127-170.
- Дараган 2016:** М.Н. Дараган, О колчанном наборе раннескифского времени из погребения 1, кургана 4 у с. Гладковщина. В сб.: Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: материалы международной научной конференции, посвященной памяти Марии Николаевны Погребовой (Москва 2016), 62-75.
- Дараган 2017:** М.Н. Дараган, О формировании скифских колчаных наборов второй половины VI в. до н.э. Stratum Plus 3, 2017, 51-111.
- Дараган 2019:** М.Н. Дараган, О формировании скифских колчаных наборов первой половины V в. до н.э. Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья 11, 2019, 146-243.
- Дараган 2020:** М.Н. Дараган, Литые метки на скифских наконечниках стрел, как хроноиндикаторы: метка косая линия. Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья 12, 2020, 224-344.
- Дараган, Подобед 2019:** М.Н. Дараган, В.А. Подобед, Новые исследования в Жаботине. Археологія і давня історія України 2, 2019, 268-286.
- Железчиков, Клепиков, Сергацков 2006:** Б.Ф. Железчиков, В.М. Клепиков, И.В. Сергацков, Древности Лебедевки (VI-II вв. до н.э.) (Москва 2006).
- Зуев, Исмагилов 1999:** В.Ю. Зуев, Р.Б. Исмагилов, Курганы у дер. Гумарово в Южном Приуралье. В сб.: Археологические памятники Оренбуржья (Оренбург 1999), 105-123.
- Ильинская 1968:** В.А. Ильинская, Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья) (Киев 1968).
- Ильинская 1975:** В.А. Ильинская, Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (Киев 1975).
- Канторович, Маслов 2017:** А.Р. Канторович, В.Е. Маслов, Могильник Новозаведенное-III как свидетельство пребывания скифов в Центральном Предкавказье в конце V-IV в. до н.э. В сб.: Исторические Исследования. Журнал Исторического факультета МГУ 8 (Москва 2017), 107-139.
- Ковалева, Мухопад 1979:** И.Ф. Ковалева, С.Е. Мухопад, Скифские памятники Орельско-Самарского междуречья. В сб.: Курганные древности Степного Поднепровья III-I тыс. до н.э. (Днепропетровск 1979), 112-124.
- Ковпаненко 1970:** Г.Т. Ковпаненко, Курганы поблизу с.Мачухи на Полтавщині: за матеріалами М.Я. Рудинського. Археологія 24, 1970, 146-170.
- Кубышев, Куприй 1992:** А.И. Кубышев, С.А. Куприй, Скифские курганы V в. до н.э. у с. Шелюги. Древности Степного Причерноморья и Крыма 3, 1992, 149-156.
- Махортых 2000:** С.В. Махортых, Об актуальных вопросах раннескифской археологии. В сб.: Скифы и Сарматы в VII-III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология (Москва 2000), 186-193.
- Махортых 2017:** С.В. Махортых, Пронизи для перекрестных ремней конской упряжи на юге Восточной Европы в VII-VI вв. до н. э. Археологія і давня історія України 2 (23), 2017, 166-184.
- Медведская 1992:** И.Н. Медведская, Периодизация скифской архаики и древний Восток. Российская археология 3, 1992, 88-107.
- Мелюкова 1964:** А.И. Мелюкова, Вооружение скифов (САИ Д1-4) (Москва 1964).
- Могилев, Діденко 2009:** О.Д. Могилев, С.В. Діденко, Скіфський курган 448 біля с. Журавка – пам'ятка перехідного часу в Потясминні. Археологія 3, 2009, 45-55.
- Монахов 2003:** С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель (Москва - Саратов 2003).

- Мухопад 1984:** С.Е. Мухопад, Скифские архаические погребения на р. Волчьей. В сб.: Проблемы археологии Поднепровья (Днепропетровск 1984), 115-127.
- Петренко 1967:** В.Г. Петренко, Правобережье среднего Приднепровья в V-III вв. до н.э. (САИ Д1-4) (Москва 1967).
- Петренко 1990:** В.Г. Петренко, К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья. В сб.: Проблемы скифо-сарматской археологии (Москва 1990), 60-81.
- Полін 1987:** С.В. Полін, Хронологія ранньоскіфських пам'яток. Археологія 59, 1987, 17-36.
- Пьянков, Рябкова, Зеленский 2019:** А.В. Пьянков, Т.В. Рябкова, Ю.В. Зеленский, Комплекс раннескифского времени кургана № 11 могильника Лебеди V в Прикубанье. Археологические вести 25, 2019, 206-228.
- Ромашко, Скорый, Филимонов 2014:** В.А. Ромашко, С.А. Скорый, Д.Г. Филимонов, Раннескифское погребение в кургане у села Китайгород в Приорелье. Российская археология 4, 2014, 107-117.
- Рябкова 2014:** Т.В. Рябкова, Курган 524 у с. Жаботин в системе памятников периода скифской архаики. Российский археологический ежегодник 4, 2014, 236-296.
- Рябков, Вахтина 2020:** Т.В. Рябкова, М.Ю. Вахтина, Погребение в кургане у Цукур-Лимана в работах М.И. Ростовцева и современные представления о комплексе. В сб.: Боспорский феномен. Боспорское царство М.И. Ростовцева. Взгляд из XXI века. Материалы международной научной конференции. Часть 1 (Санкт-Петербург 2020), 127-136.
- Синика и др. 2020:** В.С. Синика, С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, О.А. Загордонцев, Скифский курган 13 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье. Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья 12, 2020, 345-368.
- Шилов, Очир-Горяева 1997:** В.П. Шилов, М.А. Очир-Горяева, Курганы скифской эпохи из могильников Аксеновский-1-II. В сб.: Материалы и исследования по археологии России 1 (Москва 1997), 127-152.
- Таиров 2020:** А.Д. Таиров, Мужские воинские погребения кургана 2 могильника Кичигино I. В сб.: Археологическое наследие 1 (3). Античность. Скифы. Сарматы (Воронеж 2020), 182-196.
- Черненко 1981:** Е.В. Черненко, Скифские лучники (Киев 1981).

Seturi de tolbe scitice din perioada arhaică: starea surselor și considerații cronologice

Cwinte-cheie: nordul Mării Negre, tolbe scitice, sciți, cronologie, vârfuri de săgeți.

Rezumat: Sunt publicate pentru prima dată seturile de vârfuri de săgeți de la Gulyai-Gorod, tumulul 38 și Zhurovka, tumulul 432. Componenta seturilor din acești tumuli nu prezintă niciun dubiu, ambele corespunzând orizontului vârfurilor de săgeți din a doua jumătate - sfârșitul secolului VII a. Chr. De asemenea, este discutată problema fiabilității compoziției seturilor de vârfuri de săgeți de la Basovka, tumulul 482, Volkovtsy, tumulul 478 și Zhurovka, tumulul 448. În urma cercetării s-a stabilit o includere mecanică în aceste trei seturi a vârfurilor de săgeți din perioade diferite, ceea ce face imposibilă utilizarea lor pentru elaborarea unor scheme cronologice.

Lista ilustrațiilor:

- Fig. 1. Set de vârfuri de săgeți de la Gulyai-Gorod, t. 38: I - după Bobrinsky 1887; II - după Мелюкова 1964; III - după Ильинская 1975.
- Fig. 2. Gulyai-Gorod, t. 38. Vârfuri de săgeți bilobate (imagini autorii).
- Fig. 3. Gulyai-Gorod, t. 38. 1-5 - Vârfuri de săgeți bilobate; 6-9 - vârfuri de săgeți trilobate (imagini autorii).
- Fig. 4. Gulyai-Gorod, t. 38. Vârfuri de săgeți trilobate (imagini autorii).
- Fig. 5. Gulyai-Gorod, t. 38. Vârfuri de săgeți trilobate (imagini autorii).
- Fig. 6. Gulyai-Gorod, t. 38. Vârfuri de săgeți trilobate (imagini autorii).
- Fig. 7. Gulyai-Gorod, t. 38. Semne incizate (1), urme de modificare mecanică cu pila a manșonului și a aripioarelor (2, 3) (imagini autorii).
- Fig. 8. Vârfuri de săgeți din tumuli investigați de A.A. Bobrinsky în apropiere de Gulyai-Gorod (imagini autori).
- Fig. 9. Zhurovka, t. 432. Vârfuri de săgeți bilobate (imagini autorii).
- Fig. 10. Zhurovka, t. 432. Vârfuri de săgeți bilobate (1-9), vârfuri de săgeți trilobate (10-18), cui din os (19) (imagini autori), psalie din corn (20) (după Бобринский 1905).
- Fig. 11. Zhurovka, t. 432. Vârfuri de săgeți trilobate (imagini autorii).
- Fig. 12. Kitaygorodka. Vârfuri de săgeți bilobate (imagini M. Daragan).
- Fig. 13. Kitaygorodka. Vârfuri de săgeți bilobate (1-11), încheietoare din bronz placată cu aur (12) (imagini M. Daragan).
- Fig. 14. Kitaygorodka. Vârfuri de săgeți bilobate și trilobate (imagini M. Daragan).
- Fig. 15. Podgorodnoye. Vârfuri de săgeți (1-25), încheietoare din os (26) (imagini M. Daragan).
- Fig. 16. Likhachevka, tumul. Vârfuri de săgeți (imagini V.A. Podobed).
- Fig. 17. Vârfuri de săgeți: 1-17 - așezarea Yagorlytsk (imagini M. Daragan); 18, 19 - din arhiva Muzeului de Istorie din Kiev (imagini autorii).

Fig. 18. Zhurovka, t. 448. Vârfuri de săgeți (imagini autorii).

Fig. 19. Vârfuri de săgeți: 1-7, 9, 13-27 - Basovka, t. 482; 8 - Brilevka, t. 24; 10 - Novozavedennoye II, t. 2, m. 1; 11 - Aksenovskiy, t. 14, m. 1; 12 - Gummarovo, t. 3; 28 - Zhurovka, t. 432, mormânt secundar (imagini autorii).

Fig. 20. Volkovtsy, t. 478. Vârfuri de săgeți (imagini autorii).

Fig. 21. Arrowheads: 1-17 - Volkovtsy, t. 478; 18 - Sholokhovo, t. 13; 19 - Novokievka, t. 2, m. 2; 20 - așezarea Mikhailovka (imagini autorii).

Fig. 22. 1-9 - Shelyugi, t. 8. Vârfuri de săgeți (imagini M. Daragan).

О колчаных наборах времени скифской архаики: состояние источника и хронологическая позиция

Ключевые слова: Северное Причерноморье, скифские колчаны, скифы, хронология, наконечники стрел.

Резюме: Впервые публикуются наборы наконечников стрел из Гуляй-Город, курган 38 и Журовка, курган 432. Состав наборов из этих курганов не вызывает сомнений и оба соответствуют горизонту наконечников стрел второй половины - конца VII в. до н.э. Также рассматривается вопрос о достоверности состава наборов наконечников из Басовка, курган 482, Волковцы, курган 478 и Журовки, курган 448. В результате исследований было выявлено механическое соединение в этих трех комплексах одновременных наконечников, что делает невозможным использование их в хронологических построениях.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Набор наконечников из Гуляй-Город, к. 38: I - по Бобринский 1887; II - по Мелюкова 1964; III - по Ильинская 1975.

Рис. 2. Гуляй-Город, к. 38. Наконечники стрел, двухлопастные (рисунки авторов).

Рис. 3. Гуляй-Город, к. 38. 1-5 - Наконечники стрел, двухлопастные; 6-9 - наконечники стрел, трехлопастные (рисунки авторов).

Рис. 4. Гуляй-Город, к. 38. Наконечники стрел, трехлопастные (рисунки авторов).

Рис. 5. Гуляй-Город, к. 38. Наконечники стрел, трехлопастные (рисунки авторов).

Рис. 6. Гуляй-Город, к. 38. Наконечники стрел, трехлопастные (рисунки авторов).

Рис. 7. Гуляй-Город, к. 38. Прочерченные метки (1), следы механической доработки напильником втулки и лопастей (2-3) (рисунки авторов).

Рис. 8. Наконечники стрел из курганов, исследованных А.А. Бобринским возле Гуляй-Города (рисунки авторов).

Рис. 9. Журовка, к. 432. Наконечники стрел, двухлопастные (рисунки авторов).

Рис. 10. Журовка, к. 432. Наконечники стрел двухлопастные (1-9), трехлопастные (10-18), костяной гвоздик (19) (рисунки авторов), роговый псалий (20) (по Бобринский 1905).

Рис. 11. Журовка, к. 432. Наконечники стрел трехлопастные (рисунки авторов).

Рис. 12. Китайгородка. Наконечники стрел двухлопастные (рисунки М. Дараган).

Рис. 13. Китайгородка. Наконечники стрел двухлопастные (1-11), бронзовая застежка плакированная золотом (12) (рисунки М. Дараган).

Рис. 14. Китайгородка. Наконечники трехлопастные и трехлопастные с утяжеленной головкой (рисунки М. Дараган).

Рис. 15. Подгородное. Наконечники стрел (1-25), костяная застежка (26) (рисунки М. Дараган).

Рис. 16. Лихачевка, курган. Наконечники стрел (рисунок В.А. Подобеда).

Рис. 17. Наконечники стрел: 1-17 - Ягорлыцкое поселение (рисунки М. Дараган); 18, 19 - из собрания Киевского исторического музея (рисунки авторов).

Рис. 18. Журовка, к. 448. Наконечники стрел (рисунки авторов).

Рис. 19. Наконечники стрел: 1-7, 9, 13-27 - Басовка, к. 482; 8 - Бривка, к. 24; 10 - Новозаведенное II, к. 2, п. 1; Аксеновский, к. 14, п. 1; 12 - Гуммарово, к. 3; 28 - Журовка, к. 432, впускное погребение (рисунки авторов).

Рис. 20. Волковцы, к. 478. Наконечники стрел (рисунки авторов).

Рис. 21. Наконечники стрел: 1-17 - Волковцы, к. 478; 18 - Шолохово, к. 13; 19 - Новокиевка, к. 2, п. 2; 20 - поселение у с. Михайловка (рисунки авторов).

Рис. 22. 1-9 - Шелюги, к. 8. Наконечники стрел (рисунки М. Дараган).

31.05.2021

Dr. Marina Daragan, Institute of Archaeology of the National Academy of Science of Ukraine, 12 Prospekt Heroyiv Stalinhradu, Kiev, Ukraine, <https://orcid.org/0000-0003-1019-9407>, e-mail: darmar@ukr.net

Dr. Serhii Didenko, The National Museum of the History of Ukraine, 2 Volodymyrska Str., 01025 Kyiv, Ukraine, <https://orcid.org/0000-0002-8631-5411>, e-mail: svdidenko.arh@gmail.com

---

ȘTAMPILE DE CHERSONES DE LA KOSHARY, REG. ODESA, UCRAINA¹

Natalia Mateevici, Evgenya Redina

Cuvinte-cheie: amfore, centre producătoare, comerț, ștampile, magistrați, producători, import.

Așezarea fortificată și necropola grecilor antici Koshary este situată pe un promontoriu nu departe de r. Tiligul, la 54 km de or. Odesa (fig. 1). Situl a fost descoperit încă din anii '50 ai sec. XX de către L.M. Slavin². Primele săpături arheologice au fost efectuate de către E.A. Symonovichi în anii 1954 și 1964. Au contribuit la cercetarea acestui sit și alți cercetători, cum ar fi E.I. Diamant, E.A. Levina ș.a. (Диама́нт 1969; Диама́нт 1972; Левина 1993)³. Din 1998 până în 2007, precum și în anii 2013-2014, cercetările au fost efectuate de către E.F. Redina (Muzeul de Arheologie din Odesa), secundată de N. Mateevici. La săpăturile arheologice de la Koshary au participat atât studenții Universității Mechnikov din Odesa și voluntarii, cât și un grup de cercetători și studenți de la Universitatea Jagelonia din Cracovia. Pe parcursul lucrărilor arheologice, au fost descoperite mai multe construcții de piatră (fig. 2; 3), numeroase gropi menajere (fig. 5) și depozite (fig. 4). Din totalitatea materialului ceramic descoperit, vasele executate la roată (amfore, firnis negru, ceramică cenușie) reprezintă circa 85%, în care amforele sunt dominant majoritare. Printre centrele producătoare grecești, care își stampilau – periodic sau regulat – amfora comercială, la Koshary au fost descoperite vase de Thasos, Heracleea, Sinope, Chersones, Rhodos. O parte din ștampilele amforice de la Koshary încă urmează a fi cercetate mai detaliat, încercându-se atribuirea lor anumitor centre grecești.

Publicarea anterioară a câtorva loturi de ștampile de amfore, rezultate din săpăturile de la Koshary și aparținând diverselor centre producătoare

Fig. 1. Vedere generală a așezării fortificate Koshary.

grecești, a fost întreprinsă de către autori, în alte ediții: cele de Thasos (Mateevici 2008, 121-128), de Sinope (Redina, Mateevici 2007, 299-305) și cele ale Heracleei Pontice (Mateevici, Redina 2008, 245-252). Din punct de vedere cantitativ, ștampilele Chersonesului Tauric, pe care le prezentăm, ocupă cel de-al patrulea loc din totalitatea ștampilelor amforice, descoperite la Koshary.

Chersonesul Tauric, oraș grecesc, situat pe litoralul de sud-vest al peninsulei Crimeea, a fost întemeiat de heracleoți în ultimul sfert al sec. VI a. Chr. Fondarea noii apokii de către originarii din Heracleea a fost dictată de faptul că anume în acel loc se afla punctul nordic al celui mai scurt și direct drum comercial prin Pontul Euxin (Золотарев 2005, 13-14).

În majoritatea orașelor grecești producătoare de vin, de ulei de măsline (principala marfă de export), producerea ambalajului amforic purta un caracter de masă (Монахов, Кузнецова, Чурекова 2017, 9). Orașul nord-pontic Chersonesul Tauric este unicul *poleis* grecesc, care, în perioada elenistică, efectua regulat și în masă ștampilarea amforei comerciale. Uneori erau ștampilate și alte categorii de vase și chiar țigle (Кац 1994, 9). Ca și în alte orașe grecești, în care exista procedura de ștampilare a amforelor

---

¹ Acest articol a fost elaborat în cadrul proiectului 20.80009.0807.43 „Patrimoniul muzeal și memoria istorică: cercetare, interpretare, prezentare”.

² Aceasta informație a rămas nepublicată, fiind menționată de primul ei descoperitor doar în notițele sale.

³ E.A. Levina a condus șantierul Koshary din 1988 până în 1991.

Fig. 2. Koshary. Construcții de piatră din interiorul fortificației.

Fig. 3. Koshary. Construcții de piatră din interiorul fortificației.

comerciale, ștampilele amforice sunt grupate în două categorii: cele de magistrați, numiți la Chersones astynomi, dar și agoranomi, și cele de producători (de cele mai multe ori, aceștia fiind proprietarii atelierelor de olărit).

Colecția de ștampile de amfore grecești de la Koshary însumează 21 de exemplare, majoritatea covârșitoare a cărora fiind cele de magistrați și doar una – a unui producător.

Trei ștampile aparțin grupei I cronologice⁴, subgrupele A: printre ele, cea a lui Βάθυλλος (nr. 5) și Ἡρόνκος (nr. 10), posibil, că o ștampilă (nr. 6) este parte componentă/cea de-a doua parte a ștampilei nr. 5 (sic!). O altă ștampilă aparține magistratului din subgrupa I-B⁵: Ἀπολλάθεος (nr. 3), încă un exemplar îi revine lui Σώκριτος (nr. 13), din subgrupa I-B. Patru ștampile aparțin magistraților subgrupele I-Γ – Ἡρόδοτος (3 ex., nr. 7-8 și, posibil, nr. 19) și lui Πολύστρατος, care este considerat drept ultimul magistrat al subgrupele în cauză (nr. 12). Mai puțin numeroase sunt ștampilele din grupa a II-a cronologică (subgrupa II-A): Ἀπολλώνιος ὁ Πασιάδα (nr. 4), Ἡροκράτης ὁ Νευμενίου (nr. 9), Φορμίων Ἀπολλᾶ (nr. 14), Ἀγάθων ὁ Γνάθων (nr. 1), Ἀπολλᾶς ὁ Χορείου (nr. 2), Νευμήνιος ὁ Φιλιστίου (nr. 11). Este posibil ca ștampila nr. 17 să aparțină magistratului Ἡράκλειος 1 din subgrupa 1B. Credem că unui alt magistrat cu același nume – Ἡράκλειος 2 – îi aparține și ștampila cu nr. 20, care revine subgrupele I-B.

Trei ștampile ale magistraților (nr. 15, 16, 18) nu au putut fi atribuite cu certitudine anumitor astynomi, fiind fragmentare sau păstrând insuficientă informație pentru o citire sigură. O singură piesă aparține categoriei ștampilelor de producător, numele acestuia fiind prezentat printr-o ligatură a literelor H și P. Activitatea acestui producător a decurs în perioada subgrupele I-B, I-B.

Apogeul economic al Chersonesului are loc circa jumătate de secol. Însă, deja către prima treime a sec. III a. Chr. încep să apară schimbări radicale în situația militară și economică a regiunii circumpontice, care erau legate de începutul înaintării noilor hoarde barbare (Марченко 1996, 72). Apariția acestor hoarde nomade în regiunea circumpontică a dus nu numai la destrămarea modului de viață a sciților nomazi, dar și a generat o criză îndelungată, afectând relațiile economice și militare ale sciților cu orașele grecești. Sub presiunea hoardelor noi, Chersonesul își pierde definitiv chora îndepărtată, din regiunile de nord-vest ale Pontului, iar cea mai apropiată, din peninsula Heracleea, este abandonată de către micii agricultori și, treptat, viața aici încețază. Pierderea de către Chersones a principale-

⁴ Datările au fost făcute după publicațiile lui V.I. Kats (Kats 1994; Kats 2007).

⁵ Literele din grupele cronologice sunt date conform alfabetului chirilic.

lor sale baze de materie primă și-a lăsat amprenta și asupra tuturor sferelor vieții polisului. Din acel moment, statul chersonesian intră într-o epocă de declin, specifică întregii regiuni de nord a Pontului, care cuprinde toată perioada sec. III a. Chr. (Золотарев 2005, 29).

Analiza acestui mic lot de ștampile, precum și a fragmentelor de amfore de Chersones propriuzise (piciorușe, buze), efectuată de către unul din autori, permit a trasa tabloul pătrunderii în această regiune a vinului chersonesian. Astfel, perioada de pătrundere masivă în aceste teritorii a producției vinicole a Chersonesului se încadrează între anii 325-273 a. Chr., grupei I cronologice (325-287 a. Chr.) revenindu-i 11 exemplare ce aparțineau la opt astynomi și unui producător. Șase ștampile – toate de magistrați – aparținând a șase astynomi, revin celei de a II-a grupe (286-231 a. Chr.), în special subgrupeii II-A (286-273 a. Chr.). Cele trei ștampile care nu au putut fi citite complet, la fel, sunt atribuite grupelor I și II cronologice.

Tabloul importului chersonesian la Koshary este asemănător cu cel al importurilor amforelor de Chersones în regiunile limitrofe, în special, în regiunile de nord-vest și vestice ale Pontului. Astfel, în spațiul de la vest de Koshary, poate fi urmărită aceeași situație, când marea majoritate a ștampilelor de amfore chersonesiene revin grupelor I și începutului celei de-a doua grupe cronologice. Drept exemplu pot servi și ștampilele de la Nadlimanskoe, în care din 222 de ștampile, cele de Chersones reprezintă doar șase exemplare, toate fiind ștampile din grupa I (Матеевич, Редина 2015, 237, № 46; Матеевич 2012, 177, № 1-5) sau cele de la Tyras, unde din 52 de ștampile chersonesiene doar două revin grupei a III-a cronologice (Матеевич, Самойлова 2017, 68-70). Și în regiunea Dobrogei, în siturile grecești și mixte, tabloul difuzării amforelor vinicole de Chersones este asemănător. La așezarea fortificată de la Albești, din 638 de ștampile amforice doar patru revin amforei de Chersones, toate fiind datate în limitele grupei I și II cronologice (Buzoianu, Bărbulescu 2008, 323, 603-606). Din cele 1179 de ștampile de amfore de la Callatis doar 42 sunt de Chersones și toate datează în grupele I-II cronologice (Gramatopol, Poenaru-Bordea 1969, 243-244). Destul de nesemnificativ este și numărul ștampilelor chersonesiene de la Histria, în care sunt incluse doar

Fig. 4. Unul din depozitele de la Koshary.

Fig. 5. Koshary. Groapă menajeră.

17 exemplare, dintre care doar o ștampilă revine grupei III și doar trei exemplare revin celei de a doua grupe. Majoritatea ștampilelor de Chersones de la Histria – 12, se încadrează în grupa I cronologică (Canarache 1957, nr. 484-500). Din cele 16 ștampile chersonesiene descoperite în spațiul barbar la est de Carpați, inclusiv interfluvialul Prut - Nistru, doar două exemplare datează post anul 273 a. Chr. (Mateevici 2007, 173-175). Toate aceste informații vin să confirme că după anul 272 a. Chr., când în viața polisului respectiv au loc acele transformări radicale, menționate mai sus, comerțul vinicol cu Chersonesul Tauric se reduce considerabil, practic devenind inexistent în regiunea de nord-vest și vest a Pontului Euxin.

Catalog

1. [Αγά]θων

[Γ]νάθωνος

[ἀστυνόμων]

Ștampilă de magistrat Ἀγάθων ὁ Γνάθων, aplicată pe gât (o practică mai rară la Chersones), subgrupa 2A, 286-273 a. Chr. Καц 1994, табл. I, I-1,1 - I-1,3, poate mai degrabă I-1,2. Ștampilele acestui magistrat, de obicei, sunt aplicate pe toartă. Золотарев 1981, рис. 11/1; Матеевич, Самойлова 2017, 68, № 1-2; Lyaško, Mateevici, Papanova 2013, 272, nr. 37.

2. Α[π]ολλ[ᾶ](ς)

Χορείου

ἀστυνό(μου)

Ștampilă de magistrat, Ἀπολλᾶς ὁ Χορείου, subgrupa 2A, 286-273 a. Chr. Καц 1994, табл. VI, I-11,4-5. Ștampilă dublată. Fiind aplicată pe linia de curbură, s-au imprimat de două ori unele litere, astfel obținându-se dublarea literei „P” în rândul doi și literei „T”, în cel de al treilea. Cu siguranță, în primul rând, care s-a păstrat insuficient, a fost dublată și litera „Π”, în numele astynomului! Ștampilă a aceluiași magistrat la Mateevici 2007, catalog nr.358;

3. Απολλ[α](θεού)

[ἀσ]τυν[όμου]

Ștampilă de magistrat Ἀπολλάθεος, subgrupa 1B, 318-306 a. Chr. Καц 1994, табл. VI, I-12, 1 - I-12, 3. Întocmai la Матеевич, Самойлова 2017, 68, № 6.

4. Απολλ[ώνιος]

Πασιά[δα αγορα] (νόμος)

Ștampila de magistrat, Ἀπολλώνιος ὁ Πασιάδα, care purta titlul de agoranom, titulatura funcției este dată într-o formă prescurtată. Magistrat din subgrupa 2A, 286-273 a. Chr. Καц 1994, табл. XI, I-25,1 - I-25,3; Lyaško, Mateevici, Papanova 2013, 272, nr. 39.

5. Βα[θύλλου]

ἀσ[τυνόμου]

Ștampilă de magistrat Βάθυλλος, subgrupa 1A, 325-319 a. Chr. Καц 1994, табл. XIII, I-32,1 - I-32,4. Монахов 1999, табл. 211/2; табл. 216/5; табл. 218/3; Матеевич 2012, 177, № 3; Матеевич, Самойлова 2017, 68, № 10.

6. [Βα]θύλλου[υ]

[ἀσ]τυνόμ[ου]

Ștampilă de magistrat. Καц 1994, табл. XIII, I-32,1. Este o mare probabilitate ca ambele fragmente (nr. 5 și 6) să aparțină aceleiași ștampile a magistratului Βάθυλλος.

7. Ἡρόδο[τ]ου

[ἀσ]τυ[νόμου]

Ștampilă de magistrat, Ἡρόδοτος, subgrupa 1Γ, 295-285 a. Chr. Se observă în cel de-al doilea rând, în denumirea fragmentară a magistraturii, dublarea literei „Y”, drept urmare a aplicării duble a ștampilei. Борисова 1974, табл. 11/19; Καц 1994, табл. XXII I-54,3 - I-54,5. Mateevici 2007, nr. 360-361;

8. [Ἡροδ]ότ(ου) {ΑΘ}

[ἀστυ]νό(μου)

Ștampilă de magistrat, Ἡρόδοτος, sub-grupa 1Γ, 295-285 a. Chr. Καц 1994, табл. XXII, 1-54,1. Monograma / abrevierea ΑΘ este ștampila producătorului, încadrată în cea a magistratului. Acest mod de redare a numelui producătorului în ștampila magistratului este observată deja în subgrupa 1B și poate fi urmărită la unii astynomi până în subgrupa 3B (Καц 1994, 54, таб. 3).

9. [Ἡρ]οκράτε

[ο]ς ἀστυνό

[μο]υ {MA}

Ștampilă de magistrat Ἡροκράτης ὁ Νευμενίου, sub-grupa 2A, 286-273 a. Chr. Καц 1994, табл. XXIV, I-56,2. Monograma MA sau AM reprezintă numele abreviat al producătorului.

10. [Ἡερ]ονίκου

[ἀσ]τυνόμου

Ștampilă de magistrat Ἡρόνικος, subgrupa 1A, 325-319 a. Chr. Καц 1994, табл. XXV, I-57,1 - I-57, 5. Καц 2007, 442, приложение X; Lyaško, Mateevici, Papanova 2013, 273, nr. 40; Николаенко 2018, 217, № 201.

11. Νευμ[ήνιος]

Φιλισ[τίου]

ἀστυ[νόμου]

Ștampilă de magistrat Νευμήνιος ὁ Φιλιστίου, sub-grupa 2A, 286-273 a. Chr. Καц 1994, табл. XXXV, I-81,1. Lyaško, Mateevici, Papanova 2013, 273, nr. 41.

1

2

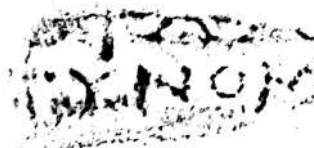
3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

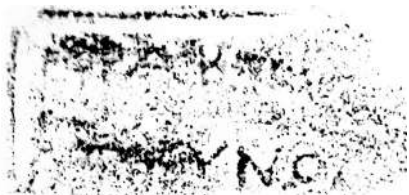
16

19

17

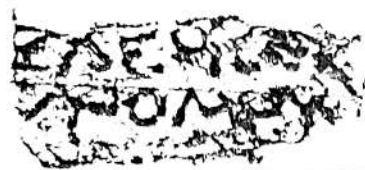
20

18

21

12. Πολυ[στράτου]

{ΣΤΡ} ἀσ[τυνόμου]

Ștampilă de magistrat, Πολύστρατος, subgrupa 1Γ, 295-285 a. Chr. Кац 1994, табл. ХС, I-95,1 - I-95, 7. Asemănător la Gramatopol, Poenaru-Bordea 1969, nr. 902-903; Mateevici 2007, 174, nr. 354-357; Матеевич, Самойлова 2017, 69, № 22-23. Monograma {ΣΤΡ}, ca și în cazurile precedente, este cea care însumează numele producătorului.

13. [Σώ]κρ[ιτος]

[ἀ]στυ[νόμου]

Ștampilă de magistrat, Σόκριτος, subgrupa 1B, 300-285 a. Chr. Gramatopol, Poenaru Bordea 1969, nr. 905; Золотарев 1981, рис.11/10; Кац 1994, табл. ХСIV, I-110,1- I-100,5. Николаенко 2018, 217, № 211.

14. Φορμῖω[v]

Ἀπολλᾶ

[ἀστυνόμου]

Ștampilă de magistrat, subgrupa 2A, Φορμῖων Ἀπολλᾶ, 263-273 a. Chr. Кац 1994, табл. ХСVII, I-123, 1 - I-123,4.

15. [...]

[ἀσ] τυνό[μου]

Ștampilă de magistrat. Aici este prezentă litera „N”, specifică, având barele asimetrice. Posibil, Кац 1994, табл. XVII, 1-44,2. (?)

16. [...]

[ἀσ]τυ[νόμου]

Ștampilă de magistrat. În rândul doi se observă dublarea literei „T”, urmare a aplicării duble. E posibil sa fie o ștampilă timpurie.

17. Η[ρ]ακ[λείου]

ἀστυνό[μου]

Ștampilă de magistrat. Este posibil ca ștampilă să aparțină magistratului Ἡράκλειος 1, din subgrupa 1B, cca 318-306 a. Chr.

18. Η[...]

ἀ[στυνόμου]

Ștampilă de magistrat din grupa I cronologică. E imposibil de a încerca o reconstituire a numelui magistratului, întrucât în fruntea astinomiei chersonesiene, în această perioadă, s-au aflat cel puțin 6 magistrați, ale căror nume începea cu litera „H”. Forma lată a literei „H” și mare a literei „A” ne sugerează atribuirea acestei ștampile magistratului Ἡρόδοτος din sub-grupa 1Γ. Кац 1994, Табл. XXII-I-54-4 - 54-6.

19. Ηρ[όδο]τ[ος]

ἀστυνόμο[v]

Ștampilă de magistrat. Există câteva variante de reconstituire a numelui magistratului, care, fără îndoială, este unul din grupele timpurii, presupunem apartenența ștampilei lui Ἡρόδοτος (subgrupa 1Γ).

20. [Ηρα]κλε<o>ι[(o)<ι>υ]

[ἀσ]τυνόμ[ου]

Ștampilă de magistrat. Cu siguranță, în primul rând este redat numele unui magistrat din grupa I cronologică, cu mare probabilitate ar putea fi Ηράκλειος II, din subgrupa 1B, cca 305-296 a. Chr. Кац 1994, табл. XIX, 1-47-48, 14. Citirea lui N. Jefremov, pentru care îi aducem mulțumirile noastre.

21. ΗΡ

Ștampilă de producător, literele ΗΡ în ligatură. Кац 1994, табл. CII, IIA- 16,4. Ștampilă aparține unuia din producătorii grupeii I cronologice, subgrupele Б, В. 318-306 a. Chr. Золотарев 1981, рис. 11/17; Кац 2007, приложение X. Asemănător la Mateevici 2007, 174, nr. 359.

Bibliografie

- Buzoianu, Bărbulescu 2008:** L. Buzoianu, M. Bărbulescu, Albești. Monografia Arheologică, I. Biblioteca Tomitană IV (Constanța 2008).
- Canarache 1957:** V. Canarache, Importul amforelor ștampilate la Istria (București 1957).
- Gramatopol, Poenaru-Bordea 1969:** M. Gramatopol, Gh. Poenaru-Bordea, Amphora stamps from Callatis and South Dobroudja. Dacia N.S. XIII, 1969, 127- 282.
- Lyaško, Mateevici, Papanova 2013:** S.N. Lyaško, N. Mateevici, V.A. Papanova, Timbres amphoriques decouverts dans deux fermes de la chora d' Olbia (fouilles 2003-2012). PATABS III. Production et commerce amphoriques en Mer Noire. Actes de la Table Ronde internationale de Constanța, 6-10 octobre 2009. Pontica XLVI, Supplimentum II (Constanța 2013), 263-285.

- Mateevici 2007:** N. Mateevici, Amforele grecești în mediul barbar din nord-vestul Pontului Euxin în sec. VI - începutul sec. II a. Chr. Biblioteca Tyragetia VIX (Chișinău 2007).
- Mateevici 2008:** N. Mateevici, The Collection of Thasos Stamps from the Ancient Settlement of Koshary, the Odessa District, Ukraine. In: Filias Harin, Melanges à la memoire de Niculae Conovici (Călărași 2008), 121-128.
- Mateevici, Redina 2008:** N. Mateevici, E. Redina, Colecția de ștampile heracleote de la cetatea antică Koșary, reg. Odesa, Ucraina. Tyragetia s.n. II/1, 2008, 245-252.
- Redina, Mateevici 2007:** E. Redina, N. Mateevici, Importul amforistic sinopeean la cetatea antică Koșary, reg. Odesa, Ucraina. Tyragetia s.n. I/1, 2007, 299-305.
- Борисова 1974:** В.В. Борисова, Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор. Нумизматика и Эпиграфика XI, 1974, 99-124.
- Диамант 1969:** Э.И. Диамант, Раскопки некрополя Кошарского городища. В: Археологические открытия 1968 г. (Москва 1969), 276-279.
- Диамант 1972:** Э.И. Диамант, Раскопки античного поселения у с. Кошары. В: Матеріали 13-ї конференції Інституту археології АН УРСР (Київ 1972), 190-193.
- Золотарев 1981:** М.И. Золотарев, Керамические клейма из раскопок в портовом районе Херсонеса. В: Античный и средневековый город (Свердловск 1981), 106-119.
- Золотарев 2005:** М.И. Золотарев, Херсонес таврический: основание и становление полиса. В: Херсонесский сборник, 14 (Севастополь 2005), 13-44.
- Кац 1994:** В.И. Кац, Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог определитель (Саратов 1994).
- Кац 2007:** В.И. Кац, Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Боспорские исследования, вып. XVIII (Симферополь-Керчь 2007).
- Левина 1988:** Э.А. Левина, Раскопки Кошарского поселения. В: Проблемы античной культуры. Тезисы докладов Крымской конференции, ч. III (Симферополь 1988), 254-255.
- Левина 1993:** Э.А. Левина, Керамические клейма Кошарского поселения. В: Древнее Причерноморье. КС ОАМ (Одесса 1993), 78-79.
- Матеевич 2012:** Н. Матеевич, Амфорные клейма городища Надлиманское. В: Г.А. Дзис-Райко, С.Б. Охотников, Е.Ф. Редина, Городище Надлиманское IV-III вв. до н.э. в Нижнем Поднестровье. МАСП, Монографическая серия, № 3 (Одесса 2012), 161-179, 238-249, Таблицы 53-64.
- Марченко 1996:** К.К. Марченко, Третий период стабилизации в Северном Причерноморье античной эпохи. РА 2, 1996, 70-80.
- Матеевич, Редина 2015:** Н. Матеевич, Е.Ф. Редина, Керамические клейма Надлиманского городища (дополнение к коллекции). Таблицы I-IV. МАСП 13, 2015, 229-238.
- Матеевич, Самойлова 2017:** Н. Матеевич, Т.Л. Самойлова, Амфорные клейма из Тиры (раскопки 1998-2008 гг.) (Киев 2007).
- Монахов 1999:** С.Ю. Монахов Греческие амфоры в Северном Причерноморье. Комплексы керамической тары (Саратов 1999).
- Монахов, Кузнецова, Чурекова 2017:** С.Ю. Монахов, Е.В. Кузнецова, Н.Б. Чурекова, Амфоры V-II вв. до н.э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» (Саратов 2017).
- Николаенко 2018:** Г.М. Николаенко, Древности Маячного полуострова. Археологическая характеристика памятников (Севастополь 2018).
- Сымонович 1954:** Э.А. Сымонович, О древней Одессе. ВДИ 4, 1954, 146-150.
- Сымонович 1963:** Э.А. Сымонович, Античный памятник на Тилигульском лимане. В: КС ОГАМ за 1962 г. (Одесса 1963), 145-153.

Amphora stamps of Chersonesos from Koshary, Odessa Oblast, Ukraine

Keywords: amphorae, production centers, trade, amphora stamps, magistrates, manufacturers, imports.

Abstract: This article continues the publication of the collection of amphora stamps from the Koshary settlement. In various publications in Moldova and abroad, the stamps of Thasos, Heraclea and Sinope were presented. The stamps of Tauric Chersonesos occupy the 4th place in this list in terms of quantity. A total of 21 stamps are presented, 20 of which are magistrates' stamps and only one belongs to manufacturers' stamps. The stamps date back to the time between 325 and 273 BC and represent the main period of the arrival of products in the Chersonesos containers in this region and in the North-Western Black Sea region. A comparative analysis of the Chersonesos amphorae imports at various sites of the North-Western Black Sea region on the territory of Ukraine, the Republic

of Moldova and Romania confirms that after 273 BC Chersonesos amphora import practically ceases, and the appearance of amphorae after this time is quite insignificant.

List of illustrations:

Fig. 1. General view of the fortified settlement of Koshary.

Fig. 2, 3. Koshary. Stone structures in the settlement.

Fig. 4. Koshary. Basement of a house.

Fig. 5. Koshary. Household pit.

Амфорные клейма Херсонеса из Кошар, Одесская область, Украина

Ключевые слова: амфоры, центры-производители, торговля, клейма, магистраты, фабриканты, импорт.

Резюме: В данной статье продолжается публикация коллекции амфорных клейм Кошарского городища. В различных публикациях в Молдове и за ее пределами были представлены клейма Фасоса, Гераклеи и Синопы. Клейма Херсонеса Таврического занимают по количеству 4-ое место в этом списке. Всего представлено 21 клеймо, 20 из которых – это магистратские клейма и всего одно относится к группе фабрикантских клейм. Клейма датируются в пределах между 325 и 273 гг. до Р.Х. и представляют основной период поступления продуктов в херсонесской таре в данный регион и в северо-западное Причерноморье. Сравнительный анализ херсонесского амфорного импорта на различных памятниках Северо-Западного Причерноморья на территории Украины, Республики Молдова и Румынии подтверждает, что после 273 года до Р.Х. херсонесский амфорный импорт практически прекращается, и появление амфор после этого времени совсем незначительно.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Общий вид укрепленного поселения Кошары.

Рис. 2, 3. Кошары. Каменные строения внутри поселения.

Рис. 4. Кошары. Подвал дома.

Рис. 5. Кошары. Хозяйственная яма.

24.03.2021

Dr. Natalia Mateevici, Muzeul Național de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chișinău, Republica Moldova, <https://orcid.org/0000-0002-4660-9781>, e-mail: amforaelada@yahoo.com

Evgeniya Redina, Muzeul de Arheologie din Odesa, str. Lanjeronovskaia, 4, Ucraina, <https://orcid.org/0000-0002-6455-4235>, e-mail: evgeniya_redina@mail.ru

---

СВЯТИЛИЩА И САКРАЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ ОЛЬВИЙСКОГО ПОЛИСА АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ¹

Иван Снытко

Ключевые слова: Ольвия, хора, Нижнее Побужье, святилище, сакральная территория, алтарь, мемориальные аллеи.

Древнегреческие города, в том числе и колониальные полисы Северного Причерноморья, имели свои сакральные территории с момента их организации. Под сакральными территориями, кроме основных теменосов в урбанизированных центрах, прежде всего следует понимать священные рощи и леса, общеполисные святилища за пределами городской территории, в том числе и приграничные святилища *extra-urban*, духовно оберегавшие исторически сложившиеся границы государств, небольшие сельские святилища, жертвенные места и пр., сакрально-ритуальные участки: некрополи, мемориальные аллеи вдоль дорог с могилами выдающихся граждан, святилищами и алтарями.

В этом отношении исключением не был и Ольвийский полис. На Станиславском (Гипполаевом) мысу, в устье Днепра, по описанию Геродота издревле находилось святилище Деметры, а сам Гипполаев мыс входил в мифогеографическую сакральную структуру Ольвийского полиса начиная с архаической эпохи (Буйских 2013, 95). Одной из основных сакральных территорий для ольвиополитов являлась Гилея, где издревле находились священные рощи, святилища и алтари Гекаты, Матери Богов, Геракла и Борисфена (Русяева 2005, 154-155; Буйских 2013, 95). Из Гилеи начинался Ахиллов дром – Тендровская коса. На её оконечности находилось святилище Ахилла (Тункина 2002, 452-472). Там, в честь божественного героя, периодически проводились празднества с различными спортивными состязаниями (Русяева 2005, 116-124, 215-216).

Местом поклонения Ахиллу была и Кинбурнская коса (Охотников, Островерхов 1993, 108), где, судя по надписи IV в. до н.э. (IOSPE, I², 327), ему были посвящены жертвенник и плод кедр. В римское время восточные территории полиса, в том числе и Гилея, находились под сакральным протекторатом Аполлона Простата, о чём свидетельствует находка посвящения ему от коллегии ольвийских стратегов, зафиксированная у с. Бехтеры (Карышковский 1993, 77-78). Аполлон Борей, по известной античной традиции, очевидно, почитался на одном из самых северных поселений хоры Ольвии – Сиверсов Маяк-1, где, вероятно, было и его святилище (Буйских 2013, 95-96, рис. 1/8). Прямых свидетельств о почитании Аполлона Борея ольвиополитами, именно на этом памятнике, пока не существует. Тем не менее при раскопках поселения найдено граффито на чаше, вынесенное неким Агаатином (?) 20-го числа, в один из дней, когда ольвиополиты почитали культ Аполлона и совершали в честь божества жертвоприношения и возлияния (Снытко 1991, 66-70, рис. 1; 2; Снытко 2019а, 65, прим. 2).

Приграничные земли, начиная с эпохи колонизации, были окружены священными участками (Русяева 1975а, 181 сл.; Русяева 2005, 149 сл.; Буйских 2009, 225-226). Большинство из них, к западу от Ольвии, были посвящены Ахиллу (Буйских 2009, 238; Buiskikh 2001; Bujskikh 2005; Bujskikh 2007), которому даже в конце существования полиса, во II в. н.э., высшие ольвийские государственные должностные лица – архонты, а иногда стратеги (IOSPE, I², 138, 686?), агораномы (НО, 90) и жрецы (IOSPE, I², 134, 141, 142, 144; также Березань, находка 1989 г.) устанавливали стелы с посвящениями (Карышковский 1993, 73 сл.). В архаическую эпоху функционировало и святилище Ахилла на Бейкушском мысу (Русяева 1975а, 180-181; Русяева 1994; Русяева 2005;

---

¹ Светлой памяти моего лучшего друга, коллеги, духовного наставника, учёного и поэта от Бога, всю свою жизнь посвятившего исследованию Ольвийского полиса, Сергея Борисовича Буйских посвящается.

Буйских 2007). Существование окраинных священных участков позволило С.Б. Буйских вывести гипотезу о наличии в Ольвии святилищ *extra-urban*, маркировавших территориальные границы государства (Буйских 2004, 3-14), и в то же время, как и в других полисах Эллады (Graham 1982, 145; Malkin 1994, 158 f., 169 f.; Polignac 1995, 21-25, 33-41), осуществлявших его божественную охрану.

Обратим внимание и на наличие на территории Ольвийского полиса священных сакрально-ритуальных аллей, фиксируемых вокруг города и у многих сельских некрополей. Наиболее показательны расположенные к западу (р-н Аджигольской балки) и к северу (у-ще Чертоватое) от Ольвии (Снитко 2015, 55-56). По маршруту одной из них, у с. Кателино, находится зольно-земляной холм – святилище, где отправлялся культ Геракла (Снитко 2017, 199-200).

В контексте перечисленных сакральных территорий, святилищ, алтарей и пр., засвидетельствованных древними источниками и зафиксированных археологически, имеет смысл провести предварительный анализ указанных объектов в свете современного состояния проблемы изучения культовых памятников в Нижнем Побужье и Поднепровье.

Гилея (левобережье Днепра, включая Тендровскую косу и Кинбурнский полуостров). Гилея как священная территория, не только для варварских народов, но прежде всего для греков-ольвиополитов, имела с эпохи колонизации важнейшее значение, о чём свидетельствуют упоминания на сей счёт Геродота. С Гилеей связаны и легенды, в том числе и пересказанные Отцом истории (Herod., IV, 76). Вернувшийся на родную землю из Кизика просвещённый мудрец Анахарсис отправлял в Гилее культ Кибелы, бил в тимпаны, навесив на себя фигурки богини (Русяева 1979, 6, 112), за что и был убит стрелой из лука своим сородичем царём Савлием, по доносу наблюдавших за этими священнодействиями варваров². Впрочем, ряд исследователей ставят под сомнение данное сообще-

ние Геродота, об убийстве Анахарсиса в процессе совершения обряда и считают его литературным домыслом Отца истории (см.: Русяева, Супруненко 2003, 30). На наш взгляд, не является достаточно правильным решением «дополнять» либо вносить, в контексте своих собственных соображений, какие-либо коррективы в сообщения Геродота, свидетельства которого неоднократно подтверждались современными историческими и археологическими исследованиями. Более того, Геродот сам неоднократно подчёркивал сомнительные штрихи в своём повествовании, ссылаясь на полученную от людей информацию, которая им была не до конца проверена. В случае же с деталями убийства Анахарсиса, которые были ему пересказаны Тимном, каких-либо сомнений на сей счёт со стороны Геродота не прозвучало, а наоборот, именно такая гибель мудреца была им дополнительно подтверждена (Herod., IV, 77). А соответственно и его новеллу об этом событии, на наш взгляд, следует воспринимать как подлинную. Данный факт, если верить повествованию Геродота, как нам представляется, свидетельствует не столько о том, что скифы отомстили лично Анахарсису за восприятие чужеземных культов, сколько о том, что в Гилее, вероятнее всего, находились святилища варварских богов и скифы имели свои территориальные претензии на эти, священные для них, земли, пытаясь не допустить в них чуждые им культовые традиции, а с ними и иноземцев в лице греков-ольвиополитов, которые также претендовали на сакральное лидерство в этом регионе. О наличии таких святилищ и священности для скифов Гилеи косвенно свидетельствует уже сам факт того, что Анахарсис отправлял культ Кибелы именно в её чертогах, а не в какой-либо иной местности, очевидно, пытаясь привлечь к почитанию богини своих соплеменников. Данному предположению о конфликтах греков и скифов на религиозной почве есть и археологическое подтверждение. В письме из Ольвии на стенке амфоры стиля Фикеллура сообщается о поврежденных варварами в Гилее алтарях Матери богов, Геракла и Борисфена (Русяева 2005, 513-514; Vinogradov 1981, 15). Очевидно, на первых этапах греко-варварского взаимодействия в Нижнем Побужье и в Нижнем Поднепровье между двумя сторонами иногда возникали конфликты подобного рода на почве корен-

² События, связанные с гибелью Анахарсиса, относят к середине VI века до н.э. (Скржинская 2001, 102). А.С. Русяева, проанализировав путешествие Анахарсиса по Греции и его встречи с известными политическими деятелями той эпохи, предлагает и более точную дату – 550-540 гг. до н.э. (Русяева 1998, 33).

ных различий в области идеологии, политики и социологии. Об этом свидетельствует и рассказ Геродота о царе Скиле и его печальной участи. Следственно-причинная квинтэссенция этой истории также ставится под сомнение отдельными современными скептиками (см.: Русяева, Супруненко 2003, 30, 64-65), пытающимися «корректировать» повествование Геродота, выискивая причины гибели Скила преимущественно в борьбе за власть среди скифской правящей элиты. При этом умаляются следствия культурно-идеологического характера, на которых заострил своё внимание как на главных Отец истории. Своими новеллами о гибели Анахарсиса и Скила Геродот в первую очередь хотел подчеркнуть святость и сохранение своих древних традиций у племён Причерноморья на ранних этапах греко-варварского взаимодействия в VI-V вв. до н.э., нарушать которые было не дозволено не только рядовым скифам, но и представителям царских фамилий. В любом случае, говорить о полной гармонии в отношениях между ольвиополитами и варварами до начала IV в. до н.э. достаточно рискованно и неправомерно, как и утверждать, что варвары имели какой-то контроль над Ольвией, тем более в форме установленного над полисом протектората, как это предполагал Ю.Г. Виноградов (Виноградов 1989, 90 сл.). Вероятнее всего, вплоть до конца V – начала IV в. до н.э. происходил последовательный процесс формирования добрососедских отношений между греками и варварами, в том числе и согласования контактных приграничных зон. Вероятнее всего, каким-то образом была разделена между ольвиополитами и скифами священная для двух народов Гилея. К сожалению, в настоящее время не представляется возможным точно определить границы этой легендарной области, а уж тем более предположить греческую и скифскую зоны влияния на этой территории. Тем не менее, исходя из наличия поселений хоры Ольвии в районе сёл Покровское, Васильевка, Геройское и Рыбальче (Крыжицкий и др. 1989, 98; Крыжицкий, Буйских, Отрешко 1990, 45, рис. 9/73; Оленковская, Оленковский 1978, 364), можно гипотетически предположить, что граница зон контроля над Гилеей (контактная зона) между ольвиополитами и скифами в классическую и раннеэллинистическую эпохи находилась где-то

в районе современных Олешковского и Голопристанского районов Херсонской области. Сложность в выделении такой границы усугубляется и эллинизацией варварского населения Поднепровья в IV-III вв. до н.э., его массовым оседланием, восприятием им эллинских традиций, в том числе и религиозных. А как следствие наблюдается и постепенное стирание резких граней в культуре и быте, что во многом способствовало, вероятнее всего, восприятию греками и скифами Гилеи как единой сакральной территории для двух народов. К тому же и греки, создавая свою новую понтийскую мифологию, сопоставляли своих богов и героев по их функциям с местными божествами, присоединяя к ним эпиклезы, соответствующие именам местных богов (см. Яйленко 2017, 15 сл.), а кроме того распространяли среди варварских народов собственные легенды, как то о происхождении скифов от сыновей Геракла и змея, о Скифе, совладавшем с луком Геракла и ставшем владыкой в этих землях (Herod., IV, 8, 9, 10).

Лесистая Гилея, где издревле находились священные рощи и святылища Гекаты, Матери Богов, Геракла и Борисфена, являлась одним из основных сакральных районов для ольвиополитов (Русяева 2005, 154-155; Буйских 2013, 95). Из Гилеи начинал свой «бег» Ахиллесов дром – Тендровская коса, на оконечности которой находилось святылище Ахилла (Тункина 2002, 452-472), где в честь божественного героя периодически проводились празднества с различными спортивными состязаниями (Кубланов 1957, 224-226; Русяева 2005, 116-124, 215-216). Местом поклонения Ахиллу, как отмечалось выше, следует считать и Кинбурнскую косу (Охотников, Островерхов 1993, 108), где, судя по надписи (IOSPE, I², 327), датируемой IV в. до н.э., ему были посвящены жертвенник и плод кедр (рис. 1). В римское время восточные территории полиса, в том числе и Гилея, находились под сакральным протекторатом Аполлона Простата, о чём свидетельствует находка посвящения ему от коллегии ольвийских стратегов, зафиксированная у с. Бехтеры, Голопристанского района Херсонской области (Карышковский 1993, 77-78). Вероятнее всего, характеристика Аполлону Простату, связана с успешно проведёнными лесозаготовками для строительства и ремонта фортификационных сооружений хоры – горо-

Рис. 1. Копия алтаря (IOSPE, I², 327), установленная на оконечности Кинбурнской косы, рядом с местом его находки (фото С. Курушкина).

дищ и фортов (Снитко 2012а, 36-37; Снытко 2019а, 65). Не исключено, что Аполлон почитался в Гилее и в более ранние времена, начиная с эпохи колонизации, в качестве Ликея, Иэтра и Дельфиния. Данное предположение подкрепляется наличием в Гилее в античное время крупных лесных массивов, которые по известной античной традиции обычно находились под покровительством Аполлона. Следует учитывать и то, что Аполлон в Ольвийском полисе являлся главой пантеона и под его духовным покровительством находились все земли государства. Предположение о почитании Аполлона в Гилее с ранних времён, на основании некоторых соображений теоретического порядка, недавно было выдвинуто и Д. Браундом (Браунд 2020, 186-187).

Кроме мероприятий культового характера, учитывая известную античную практику, вероятнее всего, здесь велась и интенсивная торговля между греками-ольвиополитами и окружающими полис варварскими племенами, а также с эллинами из различных полисов Эллады – купцами и паломни-

ками, осуществлявшими священные феории в легендарные, прославленные ещё Геродотом, земли Гилеи. В какой-то степени об этом свидетельствуют отдельные находки и клады монет иных государств. Так в 2004 г. в районе с. Васильевка, в северо-западной части Кинбурнской косы был зафиксирован клад из 24 бронзовых македонских монет Филиппа II и Александра III, находку которого авторы публикации объясняют не столько торговыми контактами Ольвии с Западным Причерноморьем, сколько беспокойным временем в этих краях и вероятным оттоком населения на восток. Жители Истрии могли спастись от войн Лисимаха в восточном регионе (Былкова, Сикоза 2011, 74-75). Полностью не исключая такой гипотетической возможности, всё же в данном случае, на наш взгляд, следует в первую очередь обратить внимание именно на тесные политические, экономические и религиозные связи ольвиополитов с античными полисами Северо-Западного Причерноморья, в том числе и с Истрией, имевшей, начиная с архаической эпохи, почти одинаковый с Ольвией культовый Пантеон. Отметим, что клад македонских монет найден в Гилее, в эллинистическую эпоху являвшейся территорией непосредственной контактной зоны между ольвиополитами и Приднепровской, а в дальнейшем Крымской Скифией, через которую проходили сухопутные торговые пути на полуостров. Отметим также, что если в позднеархаическую и классическую эпохи появление иностранных монет на территории Ольвийского полиса можно объяснять многими факторами, и прежде всего торгово-экономическими связями, то в эпоху эллинизма, после имплементации закона Каноба, круг таких причин значительно сужается. Учитывая, что многие иногородние монеты были зафиксированы в пределах сакральных зон и святилищ, их находки можно воспринимать прежде всего в качестве даров от иностранных купцов и феоров. Нельзя исключать и банальную утерю теми же купцами мелкой меди, в том числе и в священных для ольвиополитов районах. Отдельные находки монет, в том числе и в кладах, как то у с. Васильевка, допустимо связывать и с присутствием на территории Ольвийского государства отдельных групп беженцев из Северо-Западного Причерноморья времён войн Лисимаха. Вспомним о переселении

на Боспор, в период осады Каллатиса войском Лисимаха, тысячи его жителей, нашедших убежище у Боспорского царя Евмела (Diod., XX, 25), который, в свою очередь, сам стремился к владычеству над эллинскими полисами и варварами Причерноморья, охотно принимая переселенцев-инсургентов из греческих городов Западного Понта, недовольных политикой македонского царя. Не исключено, что Диодором упомянута лишь наиболее крупная и организованная группа вынужденных переселенцев. Возможно, Гилея в те времена была своеобразной перевалочной базой для беженцев из Каллатиса, Одесса и Истрии, на пути к Боспорскому царству. Тем не менее, подобные находки можно воспринимать и в качестве своеобразных даров в святилища Гилеи от купцов и феоров из этих мест. Отметим и то, что наибольшее количество монет античного времени, преимущественно ольвийских, найдено именно в районе сёл Покровское и Васильевка Николаевской и Геройское и Рыбальче Херсонской областей (Крыжицкий, Буйских, Отрешко 1990, 72; Наумов 1990, 36-37; Снытко 2020, 280-281; Снытко, Бондаренко 2019). Необходимо вспомнить и недавнюю находку младшего номинала ольвийского «горгонейона» 430-420-х гг. до н. э. в окрестностях с. Рыбальче у солёного озера Оджиголь (Снытко, Бондаренко, Алексеев 2021, 392-398), где, вероятно, в античную эпоху процветали соляные промыслы, а соответственно и её продажа (рис. 2)³.

В 2017 г. в этом же районе найдена и золотая модель (амулет-апотропей) лука «скифского» (сигмоподобного) типа (рис. 3)⁴. Такой вариант оружия использовался древними греками, наряду с собственными типами луков, начиная с VII в. до н.э. Находки моделей лука на территориях античных колониальных центров Северного Причерноморья уникальны. Тем не менее бронзовая модель лука аналогичного типа была зафиксирована в детском захоронении (1913/49) классического времени (середина V в. до н.э.) некрополя Ольвии (Козуб 1974, 107-108, 161, рис. 54). Данные предметы, кроме своего, вероятно, сугубо бытового предназначения (нашивки-

Рис. 2. Младший номинал ольвийского «горгонейона» (фото Э. Меарагова).

Рис. 3. Золотая модель-амулет лука скифского типа из окрестностей села Рыбальче (фото А. Алексеева).

пряжки для колчана (?), одежды, пр.), могли носить и сакральные функции, символизируя культы Геракла, Аполлона, Артемиды, а возможно, какого-либо из варварских божеств. Отметим, что аналогии подобным предметам, с натянутой на тетиву стрелой, имеются в сибирско-савроматском культурном ареале (Смирнов 1964, рис. 37/1 ж) и, вероятнее всего, были характерны и местным Причерноморским скифским племенам. Однако, учитывая новую понтийскую мифологию, создаваемую греками, которые, активно используя местные варварские культурные традиции, привносили своё понимание в историческое и религиозно-культурное развитие этих земель, следует не сбрасывать со счетов и такой вариант, когда эти инновации отображались и на предметах материальной культуры, что нередко прослеживается в древнегреческом ремесле, изобразительном и ювелирном искусстве.

Вероятнее всего, именно в этих местах исторической Гилеи, кроме сырьевых промыслов, игравших значительную роль для экономики

³ О наличии крупных соляных отложений в устье Борисфена пишет и Геродот (Herod., IV, 53).

⁴ Хранится в частной коллекции. Готовится к публикации В.Ю. Зуевым.

Ольвийского полиса, находились и упоминаемые древними источниками священные рощи, святилища и алтари, точная территориальная идентификация которых на нынешнее время затруднительна и остаётся перспективной для последующих поисков.

Мыс Гипполая, большинством исследователей идентифицируемый с современным мысом Станислав (Буйских 2013, 96, рис. 1/6), находится в устье правобережья Днепровского лимана при слиянии его с лиманом Бугским. Геродот сообщает о том, что там на узком участке суши между реками Борисфен и Гипанис было сооружено святилище Деметры. А за святилищем, на берегу Гипаниса живут борисфениты (Herod., IV, 53). К сожалению, указанное Геродотом святилище до настоящего времени археологически не зафиксировано. Учитывая подъём уровня лимана (процесс лиманообразования в низовьях рек Днепр и Южный Буг) за последние два тысячелетия, можно предположить, что данный памятник, как и затопленная часть самого Ольвийского городища, ныне находится под водой и его поиски являются актуальным объектом для подводных археологических исследований. Тем не менее следует отметить случайную находку бронзовой македонской монеты Филиппа в сакральной зоне святилища у мыса Станислав (Былькова, Сикоза 2011, 74, рис. 3), которую в определённом контексте (учитывая упомянутый закон Каноба) можно рассматривать и в качестве дара в святилище Деметры от феоров с Западного Понта. Отметим и недавние батиметрические исследования глубин устья Днепровского лимана, в результате которых их авторы предполагают, что мыс Гипполая, возможно, следует отождествлять не со Станиславским, а с современным мысом Бубликова (Иевлев, Чубенко 2020, 64-65), где зафиксированы поселения архаического и раннеклассического времени Бубликова балка-I и Александровка-I (Крыжицкий, Буйских, Отрешко 1990, 11, рис. 4/102, 103; 38-39). В этом же районе находятся и поселения классического и раннеэллинистического времени (IV-III вв. до н.э.) Бубликова балка, Пугач, Александровка-I-VIII (Крыжицкий, Буйских, Отрешко 1990, 45, рис. 9/ 132-141; 68-69). Учитывая карту глубин Днепровского лимана, приведённую М.М. Иевлевым и А.В. Чубенко, а с ними и ныне затопленные участки суши

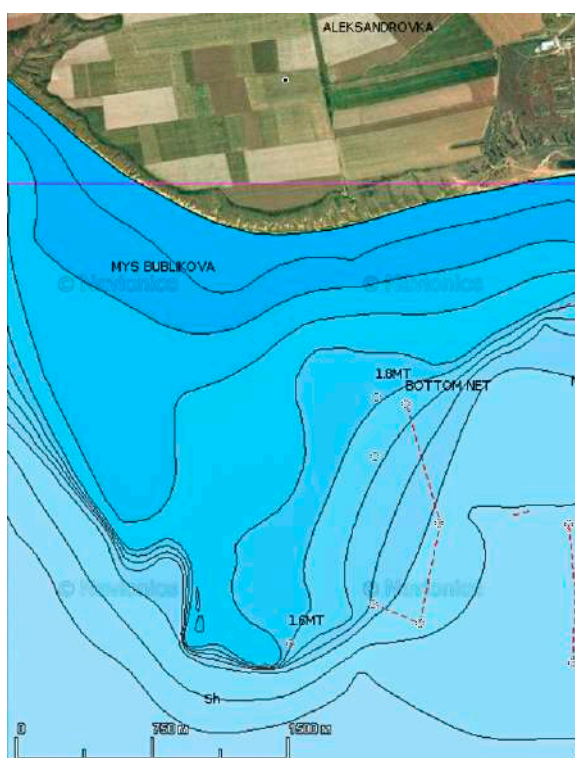

Рис. 4. Карта глубин Днепровского лимана в районе месторасположения мыса Бубликова (по Иевлев, Чубенко 2020).

античного времени (рис. 4)⁵, такое предположение представляется достаточно реальным. Смущает лишь один из аргументов, приведённых авторами в пользу подтверждения своей гипотезы. Ссылаясь на сообщение Геродота, а также, указывая расстояние от Ольвии до Станиславского мыса в 23 км и от мыса Бубликова в 14,3 км, М.М. Иевлев и А.В. Чубенко вполне логично обращают внимание на то, что из города Ольвия прямая видимость на святилище Деметры именно на мысе Бубликова была бы наиболее вероятной, в отличие от мыса Станислав (Иевлев, Чубенко 2020, 64). Но дело в том, что Геродот никогда не писал о том, что из Ольвии можно было каким-либо образом визуально созерцать святилище Деметры на мысе Гипполая, что неоднократно по непонятным причинам тиражировалось в научно-популярной и даже научной литературе, посвящённой анализу его географических экскурсов. Геродот лишь, как нами

⁵ Благодарю за предоставленную карту глубин Днепровского лимана у мыса Бубликова и возможность её использования в своей статье друзей и коллег М.М. Иевлева и А.В. Чубенко.

отмечалось выше, упоминал о том, что за святилищем Деметры, на берегах Гипаниса, проживали борисфениты (Herod., IV, 53). Тем не менее, исходя из предполагаемой реконструкции суши между Бугом и Днепром, именно мыс Бубликова во времена Геродота, вероятнее всего, был тем самым тонким береговым клином, разделяющим Гипанис и Борисфен, что не исключает и возможное местонахождение святилища Деметры именно на нём.

Остров Березань (античный город Борисфен). Находится на западных границах Ольвийского полиса в устье Березанского лимана. Предположительно, со второй четверти V в. до н. э. имел в Ольвийском полисе портовый статус по примеру Пирея в Афинах (Крыжицкий и др. 1980, 7). На Борисфене был обустроен и собственный теменос, который, учитывая месторасположение города на морском пути в Нижнее Побужье и Поднепровье, безусловно посещался купцами, феорами и путешественниками по дороге в Ольвию и Скифию. В 1996-1997 гг. в западной части поселения на острове Березань был открыт храм Афродиты конца VI – начала V в. до н.э. (Назаров, Отрешко 1998, 37-38). Не исключено, что где-то рядом по традиции находился и храм Гермеса. Косвенным свидетельством этому может служить находка на Березани мраморной гермы (Лагочева, Снытко 1986, 58-60, рис. 1). Гермы, как правило, устанавливались не только у дорог, на границах полей, в гимнасиях и палестрах. Их ставили и перед входами в дома и храмы (Русяева 1979, 116). К тому же и в Ольвии зафиксировано общее святилище Гермеса и Афродиты (Русяева 1975б, 118-125; Русяева 1979, 117), что свидетельствует о совместном почитании двух божеств нижнебугскими греками.

В римское время, вероятнее всего, ольвиополитами на Березани было сооружено новое святилище Ахилла. Это было связано с тем, что святилище на Левке перешло под патронат Томиса (Ростовцев 1918, 184-185). Новые материалы позволяют отнести время начала правления на этой территории союза греческих городов Западного Понта, глава которого именовался понтарх (ποντᾶρχης Εἰς ἀπολῶνος), к рубежу I - II вв. н.э. (Охотников, Островерхов 1993, 115). Исходя из гипотезы академика Г.К.Э. Кёлера, в дальнейшем

поддержанной и развитой многими исследователями, ольвиополиты в этой сложившейся для них сложной политической ситуации перенесли святилище Ахилла на Борисфен, совершенно справедливо подобрав его в качестве достойной замены Левке (Охотников, Островерхов 1993, 116). Такой перенос, на наш взгляд, ольвиополиты могли подкрепить и новой легендой о божественном перемещении Ахилла (как в древние времена с Сигейского мыса в Троаде на Левке) матерью Фетидой с Левке на Борисфен, поближе к Ахилловому дрому (Снытко 2009, 368-369). Об этом косвенно свидетельствует совершенно уникальное среди всей серии совместное посвящение Ахиллу Понтарху и Фетиде (IOSPE, I², 142). Именно с этого времени Ахилл известен в чертогах Ольвийского полиса как Понтарх – владыка Понта. Этот культ был общегосударственным и одним из самых важных для ольвиополитов, совместно с культом главы пантеона – Аполлона Простата, о чём свидетельствует целая серия посвящений – харистерий в честь Ахилла Понтарха, найденных в сакральной зоне нового святилища у острова Березань (современные сёла Коблево, Рыбачовка, Тузлы, Черноморка, Осетровка, окрестности г. Очаков), вынесенных самой главной коллегией ольвийских государственных деятелей – архонтов. В то же время харистерии Аполлону Простату преимущественно исходили от коллегии стратегов, должностных лиц более низких по рангу и ответственных по объёму своих полномочий в полисе (Карышковский 1993, 73-96). Такое подчёркнутое уважение к Ахиллу со стороны ольвиополитов, на наш взгляд, дополнительно свидетельствует о том, что его главное святилище с острова Змеиный было перенесено в исторические территориальные границы Ольвийского полиса, а также, возможно, о попытке придать новому святилищу Ахилла на Борисфене статус общегреческого, как когда-то на Левке.

Бейкуш (святилище Ахилла). Находится к северо-востоку от острова Березань, в устье Березанского лимана, на мысе Бейкуш (поселение Малая Черноморка-II (Бейкуш)). На памятнике за многие годы раскопок зафиксированы многочисленные материалы, связанные с культом Ахилла, которые позволяют предположить наличие в этом месте святилища бога-героя во второй половине VI - пер-

вой четверти V в. до н.э. (Буйских 2001, 34-43). Очевидно, в классическое и раннеэллинистическое время святилище на Бейкуше утратило своё значение, что, очевидно, было связано с обустройством основного общегреческого святилища Ахилла на Понте на острове Левке, которое на протяжении многих столетий находилось под патронатом ольвиополитов. Не исключено, что в связи с этими мероприятиями, большая часть жителей Бейкуша, среди которых были жрецы, храмовая прислуга и фиаситы, в те времена переместилась на остров Змеиный (Снитко 2012а, 37, прим. 9). Во всяком случае, жизнедеятельность на поселении Малая Черноморка-II (Бейкуш) в IV-III вв. до н.э. уже не возобновлялась, как это произошло на большинстве территорий, временно покинутых ольвиополитами в раннеклассический период. Отметим и то, что жители первых древнегреческих поселений хоры Ольвии, особенно в районе Березанского лимана, воспринимали Ахилла не только как Героя и Сотера, но и как Царя в царстве мёртвых, о чём свидетельствуют мифо-географический анализ, а также особенности погребального обряда греков этого микрорегиона (Снитко 2015, 32, 107; Снитко 2017, 195, прим. 1). Такое предположение на базе нарративных источников выдвигалось и ранее (Хоммель 1981, 53-76). В.М. Отрешко обратил внимание на расположение мест поклонения Ахиллу на мысах, обращённых к западу – к Эребу, загробному царству (Отрешко 1979, 86). Однако, вполне логичным на сей счёт является примечание А.С. Русяевой о том, что этот культ не являлся общегосударственным. На этом уровне Ахилла в Ольвийском полисе почитали как Сотера и Героя (Русяева 2005, 478).

В связи с почитанием Ахилла как Царя в царстве мёртвых жителями Березанского микрорегиона, а следовательно, и с восприятием ими соответствующих хтонической и катахтонической символики героя в этой ипостаси в виде изображения змей и пр., зафиксированных на граффити из Бейкуша, хотелось бы немного остановиться и на отдельных в корне ошибочных гипотезах, «приписывающих» в связи с этими особенностями в символике культу Ахилла варварские корни и сугубо «местное» его происхождение. При этом, абсолютно беспочвенно для подтверждения своей позиции, некорректно, приводятся некие параллели,

начиная чуть ли не с эпохи неолита (Лазаренко 2016). Возможно, не стоило бы акцентировать внимание на подобных, не выходящих за рамки «научно-фантастических», гипотезах, но дело в том, что их автор, в процессе своих размышлений вступив в дискуссию с учёными, многие годы профессионально занимавшимися проблемами культа Ахилла в Северном Причерноморье, «обвинил» в невежестве и древних греков, колонизировавших черноморские берега. Пытаясь вести дискуссию с А.С. Русяевой по поводу создания новых понтийских мифов и легенд, В.Г. Лазаренко позволил себе упрекнуть греков-колонистов в их малограмотности. Приводим цитату: «... Совершенно неясно, каким образом “переселенцы из сельской местности” чудесным образом превратились в “образованных переселенцев”. Причём обладающих такими творческими способностями и духовной силой, что они смогли синхронно с переселением не только создать новые “древнейшие, письменно засвидетельствованные понтийские мифы” об Ахилле, но и повлиять на таких действительно духовных авторитетов, как Пиндар и Еврипид...» (Лазаренко 2016, 10). Здесь не следует углубляться в нюансы самого процесса греческой колонизации. Достаточно напомнить В.Г. Лазаренко, что группы колонистов состояли в основном из молодых людей, которые, прежде чем покинуть отчий дом, прошли обучение в гимназиях метрополий и получили прекрасное по тем временам образование. Переселенцы-колонисты происходили не только из бедных, но и из весьма зажиточных и авторитетнейших родов, в дальнейшем составивших политическую и творческую элиту как Ольвийского полиса, так и иных городов на берегах Понта, основанных милетянами и выходцами из других центров Ионии. К тому же и земледелие у древних греков было занятием самым почётным и важным. В архаическую и классическую эпохи в Древней Элладе не существовало каких-либо резких граней в уровне воспитания и образования между городским и сельским гражданским населением (представителями городских и сельских демов). Практически все выдающиеся древнегреческие мудрецы, политики и полководцы, были, прежде всего, землевладельцами своих земельных участков и земледельцами. В.Г. Лазаренко следовало бы и более внимательней ознакомиться с XXXVI (Борисфенитской)

речью ритор-изгнанника Диона Хризостома, произнесённой им и опубликованной по возвращении из изгнания на родину в Прусу (Dio Chrys., Or., XXXVI). Дион Хризостом посетил и Ольвию в конце I в. н.э. В своём ярком выступлении перед согражданами он высоко оценил интеллектуальные способности ольвиополитов. Особо подчеркнул их познания в литературе, сохранение ими эллинских древних традиций, даже в эпоху кризиса и на фоне засилья восточной, варварской и провинциально-римской культур. Заметим, что эта лестная речь об ольвиополитах из уст известного ритора прозвучала не в период, когда Ольвия была одним из крупнейших и развитых центров Причерноморья, а в те времена, когда город был уже полузабытой окраиной цивилизованной Ойкумены.

Более того, к сведению В.Г. Лазаренко, изначальным автором тезиса о том, что причерноморские греки-колонисты с успехом создавали новые мифы и легенды, была отнюдь не А.С. Русяева, а сам Отец истории. К примеру, один из рассказов о возможном происхождении скифов, якобы от Скифа – сына Геракла и змея, которую он встретил в Гилее в одной из пещер в поисках своих коней, Геродот услышал именно от эллинов, которые проживают на побережьях Понта (Herod., IV, 8).

Возвращаясь к основной теме нашего изложения, отметим, что с прекращением функционирования святилища Ахилла на Бейкуше культ героя и в дальнейшем продолжал отправляться в исторических границах Ольвийского полиса. Прежде всего об этом свидетельствует святилище Ахилла на Тендровской косе (Тункина 2002, 452-472), как и сама коса – Ахиллесов дром, которая была местом ежегодного проведения спортивных ристалищ в честь Ахилла (Кубланов 1957, 224-226; Русяева 2005, 116-124, 215-216). В связи с этим можно предположить, что первое святилище Ахилла на Бейкуше было основано около середины VI в. до н.э. именно борисфенитами (жителями Березанского поселения – городка Борисфен) и обслуживало преимущественно население Березанского микрорегиона. Новое святилище Ахилла на западной оконечности Тендровской косы уже служило для жертвоприношений и других культово-общественных мероприятий для всего населения Ольвийского полиса, а что касается спортивных

состязаний в честь героя, то, вероятнее всего, в них принимали участие не только ольвиополиты, но и представители большинства полисов Западного Понта и иных городов Ойкумены, где в особом почёте был именно Ахилл. Отметим и то, что на Тендре, в отличие от Бейкуша, Ахилла почитали уже исключительно в его общегосударственной культовой ипостаси как Героя и Сотера. В те же времена святилище Ахилла на Левке, которое опекали ольвиополиты, обрело статус общегреческого. В связи с этим, достаточно реалистичным выглядит предположение о том, что общеэллинские праздники в честь героя, которые регулярно организовывали ольвиополиты, начинались культовыми мероприятиями на Левке и завершались спортивными состязаниями уже в непосредственных границах Ольвийского полиса – на Ахилловом дроме.

Сиверсов Маяк (святилище Аполлона (?)). Поселение Сиверсов Маяк-I находится на плато левого берега Бутского лимана, на южной окраине г. Николаев. Раскопки ЮВ части поселения проводились Ольвийской периферийной экспедицией Николаевского краеведческого музея под руководством автора в 1988-1992 гг. За это время была вскрыта общая площадь 2900 кв.м., на которой исследованы остатки 8 построек жилищно-хозяйственного назначения, полуземляночного типа и 12 хозяйственных ям. Наибольший интерес представляет крупное полуземляночное сооружение прямоугольной планировки, с печью, очагом и двумя дымоходами № 2, которое было основным на исследованном жилищно-хозяйственном комплексе – ойкосе (рис. 5). Постройка однокамерная. Судя по всему, имела невысокие сырцовые стены и,

Рис. 5. Постройка полуземляночного типа № 2 поселения Сиверсов Маяк-I (по Снытко, Касьяновский 2012).

вероятнее всего, односкатную крышу, покрытую черепицей, обломки которой в большом числе найдены в заполнении и на дне жилища (Снытко, Касьяновский 2012, 29-30). Черепица производства Синопы с клеймами первой группы (эмблема – орёл на дельфине) 360-350 гг. до н.э. (Jeffremow, Snytko 2004, 38, 40, Abb. 1/1-4). Постройка, судя по находкам была возведена около середины IV в. до н.э. и просуществовала вплоть до 320-310 гг. до н.э. Именно на территории этой усадьбы зафиксированы терракотовые статуэтки и наибольшее число граффити. Здесь же найдено и посвящение Аполлону на фрагменте доньшка чернолаковой чаши типа Bolsal (Снытко 1991, 66-70, рис. 1; 2), по материалам Афинской агоры, датированной началом IV в. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970, 556). Граффито фрагментарно и, вероятнее всего, восстанавливается следующим образом: Ἀγαθ[ίνο]с vel sim., patronymicon Ἀλολλων[ί] эпиклеза ε[κ]αδ[ί] (Снытко 1991, 69). Посвящение вынесено 20-го числа – в праздник Аполлона. По некоторым источникам Аполлон родился 20-го числа, отсюда и его прозвище «Эйкадий» (Виноградов, Русяева 1980, 39). В конце IV в. до н. э. в Афинах эпиграфически засвидетельствована сакральная община **κοινον εικαδεων**, справлявшая праздники 20-го числа каждого месяца (IGBR, II/III, 1258). На возможность существования такой общины в Ольвии указывает граффито [Δε]λφινω[ι] εκκοτη. Мнения о трактовке надписи разделились. По определению Е.И. Леви, поддержанному Б. Лифшицем, в граффито идет речь о посвящении Аполлону 20-го числа (Леви 1956, 146; Леви 1964, 146 сл.; Lifshitz 1966, 236 f.). Ж. и Л. Роберы и М.Л. Лаццарини считают, что в данном случае идет речь о посвящении Аполлону 20-й доли дохода дедиканта (Bull. ep. 1967, 398; Lazzarini 1976, 93, 703). Последнее толкование было подвергнуто сомнению Ю.Г. Виноградовым и А.С. Русяевой на основании редкости посвящения «двадцатины» в древней Греции, удачно приведенных Е.И. Леви лапидарных параллелей и стилистики граффито (Виноградов, Русяева 1980, 40). Во всяком случае, граффито из Сиверсова Маяка подкрепляет мнение о том, что фиасы Аполлона, отмечавшие его праздник 20-го числа, могли существовать не только в Ольвии, но и за городскими стенами – на поселениях хоры (Снытко 1991, 69). Восстанавливаемое в

посвящении из Сиверсова Маяка предположительное имя дедиканта Агатин достаточно хорошо известно в ольвийской ономастике классического – эллинистического периодов и принадлежит знатному аристократическому роду Агатинов (IOSPE, I², 201; NO, 28 + 29 + 123). Представители клана неоднократно являлись жрецами – эпонимами Аполлона (IOSPE, I², 201). Вполне вероятно, что представитель рода, выполняя функции жреца – эпонима, совершил сакральную поездку по сельской округе, где 20-го числа в поселке у нынешнего Сиверсова Маяка совершил культовое посвящение с возлиянием в честь Аполлона. Судя по датировке граффито, неким представителем рода мог быть Агатин Антиместоров, который около 327 г. до н.э. занимал должность жреца-эпонима (по предложенной хронологической систематизации списков жрецов Аполлона (IOSPE, I², 201) Н.И. Николаевым (Николаев 2008, 92, прим. 26, 223)). Очевидно, поселок для посещения Агатином Антиместоровым мог быть выбран не случайно, а по причине наличия на его территории святилища Аполлона (возможно и Аполлона Борейя, по версии С.Б. Буйских (Буйских 2013, 95-96, рис. 1/8)), а также жрецов и фиаситов среди его жителей, отмечавших праздники в честь божества 20-го числа (κοινον εικαδεων). Не исключено, что среди первооснователей поселения были представители рода Агатинов и жрец-эпоним традиционно навещил своих родственников (Снытко, Николаев 2008, 44).

Необходимо отметить почитание жителями поселения и богини Афины, о чём свидетельствует найденный фрагмент терракотовой статуэтки работы, очевидно, местных ольвийских короoplastов (рис. 6). Находки, связанные с культом Афины, на поселениях хоры Ольвии крайне редки и зафиксированы только на двух памятниках (Сиверсов Маяк-I и Кателино-I).

Зольно-земляной холм у поселения Кателино-I (святилище Геракла). Находится возле северо-западной окраины современного с Кателино у кладбища и в западной части поселения античного времени (VI-V; IV-III вв. до н.э.) Кателино-I (Крыжицкий и др. 1990, 11, рис. 4/48; 28, 58). Зольно-земляной холм, вероятнее всего, связан с почитанием Геракла. Тем не менее, данный объект В.В. Рубан в своё время попытался связать с

Рис. 6. Фрагмент терракотовой статуэтки Афины (по Снытко, Касьяновский 2012).

Рис. 7. Геракл, управляющий колесницей-бигой (по Снытко 2018).

культом Ахилла, опираясь на находку свинцового вотива, изображающего двуконную колесницу – бигу с возницей (рис. 7), в котором автор видит самого божественного героя (Рубан 1982, 54-58). К этому мнению присоединился и А.С. Островерхов (Островерхов 2006, 144). А.С. Русяева в вознице вообще предполагает Гелиоса (Русяева 1992, 122-123), что малореально, исходя из общего атрибутивного изображения фигур⁶. Тем не менее связь указанного вотива с Ахиллом, независимо от предложенных В.В. Рубаном в основном косвенных аргументов, не является достаточно убедительной по целому ряду причин. Кроме указанного вотива, на территории холма найдено значительное число предметов культового характера. Это, прежде всего, известняковый жертвенник, терракотовая статуэтка сидящей богини, свинцовые букрании, гермы и лабрисы, свинцовые вотивы Геракла в фригийском колпаке, с палицей и рогом изобилия (рис. 8), обнажённого Геракла с палицей

Рис. 8. Свинцовый потив Геракла во фригийском колпаке и с рогом изобилия (по Снытко 2018).

⁶ В.В. Рубан, учитывая ограниченные возможности свинцового литья, допускал и то, что вотив мог схематично изображать не бигу, а квадригу (Рубан 1982, 55). В таком случае вероятен и вариант с Гелиосом, которому более характерна квадрига. Однако тогда полностью нивелируется отождествление возницы с Ахиллом, который, как известно, сражался на биге, а пары лошадей – с его легендарными боевыми помощниками Ксанфом и Балием. На наш взгляд, подобный схематизм исключён и вотив достаточно чётко изображает именно колесницу-бигу. К тому же и в изображении самого возницы отсутствуют какие-либо атрибуты, характерные Гелиосу.

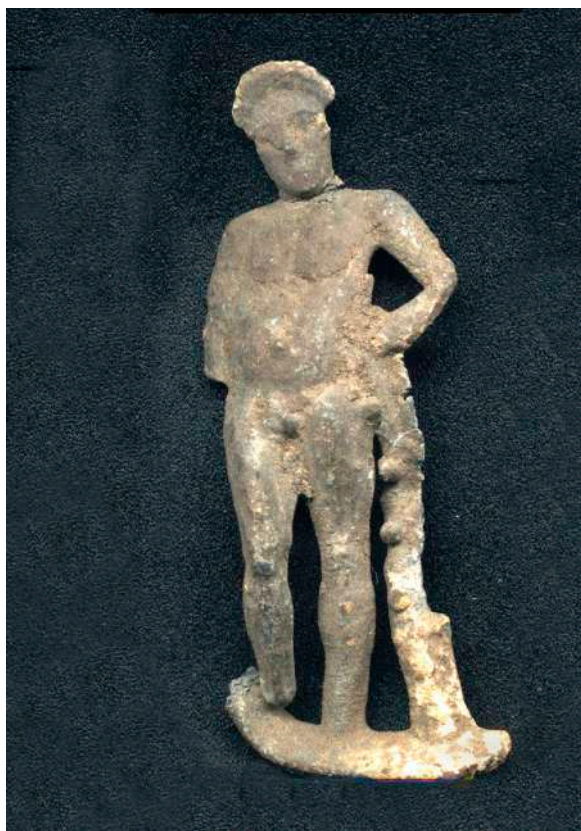

Рис. 9. Свинцовый вотив обнажённого Геракла с палицей (по Снытко 2018).

(рис. 9) (Снытко 1988, 67; Снытко 2009, 365-371, рис. 1; Снытко 2017, 198, рис. 2; Снытко 2018, 387, рис. 6, 7, 388-389; Крыжицкий и др. 1989, 145; Крыжицкий, Буйских, Отрешко 1990, 58; Николаев 2007, 132-139). На кателинском зольнике отмечены многочисленные находки монет, которые в определенном контексте могли иметь сакральные функции (Снытко 1990, 44). Эти находки позволяют предположить, что зольный холм у с. Кателино является святилищем – эсхарой. Аналогичные памятники широко известны в Северном Причерноморье, Балканской и Малоазиатской Греции (Гайдукевич 1965, 34-47). Заметим, однако, что подобные святилища – холмы никак не соотносятся с культом Ахилла. Напротив, их большинство, начиная со святилища на горе Этэ в Средней Греции, связаны с Гераклом, где он пытался себя сжечь, страдая от яда лернейской гидры. Его свинцовые изображения зафиксированы и на кателинском холме – эсхаре. Не исключено, что и в вотиве, опубликованном В.В. Рубаном, имеется в виду не Ахилл, а именно Геракл.

Более того, с лошадьми, запряженными в колесницу, связана и понтийская легенда о Геракле и его посещении Скифии при свершении десятого подвига, пересказанная Геродоту элинами, живущими на побережье Понта (Herod., IV, 8, 9, 10). По легенде, нами уже неоднократно упоминавшейся, в поисках пропавших двух лошадей колесницы Геракл встретил в Гилее змедеву, от сожительства с которой заимел троих сыновей. От одного из них – Скифа и происходят скифские цари. Эта важная для культа Геракла в Северном Причерноморье история могла найти отражение в рассматриваемом вотиве, где, скорее всего, изображен Геракл, управляющий колесницей и направляющийся в Скифию. Заметим и то, что этот широко известный мифологический сюжет, пересказанный Геродоту, связан непосредственно с территорией Ольвийского государства и не мог каким-либо образом не проявиться в сакральном искусстве ольвиополитов, о чём в определённой степени свидетельствует и эпизод легенды, изображённый на аверсе т. н. статеров Эминака. Геракл, почитался и как герой – покровитель колонизации (Диатроптов 2001, 24). На наш взгляд, и в данном фрагменте мифологического сюжета, отоброженном на первом ольвийском серебре, Геракл является не только культовым символом правящих в эти времена ольвийских кланов, но и выступает в качестве символического предшественника греческих колонистов, заселивших эти края, тем самым подтверждая их право на лидерство на этих территориях.

Как уже отмечалось выше, в письме из Ольвии на стенке амфоры стиля Фикеллура сообщается о поврежденных варварами в Гилее алтарях Матери богов, Геракла и Борисфена (Русяева 1986, 513-514; Vinogradov 1981, 15). Учитывая состав культовых находок на холме у с. Кателино, есть основание предположить, что в последней четверти V в. до н.э. описываемые алтари могли быть перенесены из небезопасного места в Гилее поближе к Ольвии, на поселение Кателино-1, которое, возможно, является сакральной территорией общеполитского характера. Более того, именно на нём, скорее всего, совершались культовые отправления в честь Геракла. Возможно, там существовал и его фиас, состоявший из представителей зарождающихся в молодом коло-

Рис. 10. Свинцовый вотив Афины Сотейры с пальмовым листом и фигуркой Ники (по Снытко 2018).

Рис. 11. Свинцовый вотив Афины с пальмовой ветвью (по Снытко 2018).

ниальном полисе элитарных кланов, почитание Геракла у которых было гентильным.

Весьма примечательны в контексте культа Геракла и новейшие находки на поверхности холма у с. Кателино (Снытко 2018, 384-386, рис. 3, 4; Снытко 2019б, 79-80). Увы, все они были найдены местными жителями и ныне хранятся в частных коллекциях. Тем не менее, они заслуживают упоминания и обязательного привлечения их к нынешнему исследованию.

Первый предмет представляет собой свинцовую фигурку стоящей Афины в пеплосе и эгиде с горгонейоном на груди, с пальмовой ветвью, опущенной к ногам в левой руке и фигуркой крылатой Ники в правой руке. Голова фигурки отсутствует. Изделие одностороннее: лицевая сторона рельефная, тыльная плоская. Высота сохранившейся части 0,07 м (рис. 10). Второй свинцовый вотив Афины, найденный ориентировочно на кателинском зольнике, изображает богиню, держащую пальмовую ветвь, очевидно, в обеих руках (часть правой руки отбита). Хотя, возможен и вариант, что

в правой отсутствующей руке Афины также находилась крылатая Ника. К сожалению, и у этой фигурки отсутствует голова богини (рис. 11).

Заметим, что культ Афины известен в Ольвии с архаического времени и особое распространение приобретает в классическую и раннеэллинистическую эпохи. Массовые находки граффити, в том числе и оригинальное граффито с упоминанием её жреца, полисные монеты с её изображением, возможно, свидетельствуют о наличии в Ольвии её отдельного, а не в паре с Зевсом, святилища (Русяева 2005, 383).

В изображении вышеуказанных свинцовых фигурок богини-воительницы просматривается атрибутика Афины с эпиклезой Сотейра – паредры Зевса Сотера, культ которого известен в Ольвии с последней трети IV в. до н.э. Его появление, вероятнее всего, связано с победой ольвиополитов над варварами и отражением агрессии македонской армии во главе с Зопирионом в 331-330 гг. до н.э. (Русяева 2005, 383-384). Очевидно, в это же время,

параллельно с учреждением культа Зевса Сотера, в среде греков-ольвиополитов появляется и культ Афины Спасительницы.

Культе Афины Сотейры в IV в. до н.э. был популярен в соседнем с Ольвией Херсонесе, где ей в прибрежной части города неким богатым херсонеситом, сыном Герода была установлена монументальная статуя работы афинского скульптора Поликрата (Русяева 2005, 387). По свидетельству Павсания, в Пирее в IV в. до н.э. были установлены монументальные статуи Зевсу Сотеру и Афине Сотейре (Paus., I, 1, 3; VIII, 44, 4). В Мессембрии стратеги после срока исполнения своих полномочий выносили благодарственные надписи Афине Сотейре (IGBR, I², 326). Заметим, что по такому же принципу коллегия ольвийских стратегов в первые века нашей эры выносила благодарственные приношения – харистерии Аполлону Простату (Русяева 2005, 388-389).

Изучение культа Афины Сотейры в контексте культа Зевса Сотера в Ольвии раннеэллинистического времени является отдельной большой темой, выходящей за рамки нынешней статьи. В конкретном случае с фигурками Афины из Кателино важен сам факт их находки на территории предполагаемого святилища Геракла. Появление их не случайно. Общеизвестным является тот факт, что Афина была покровительницей героев, и особенно Геракла. Об этом свидетельствует мифология. Достаточно вспомнить, что именно Афина помогла Гераклу вывести из Эреба пса бога Аида – Кербера. Исходя из находок фигурок Афины в месте отправления культа Геракла можно предположить, что для греков Нижнего Побужья Афина могла выступать и в качестве духовной спутницы бога-героя, почитаемого с периода ранней истории полиса. В свою очередь эти находки дополнительно свидетельствуют в пользу того, что зольник у с. Кателино являлся святилищем Геракла. Находки фигурок Афины Сотейры могут косвенно свидетельствовать и о том, что в раннеэллинистический период Геракл, возможно, почитался ольвиополитами, как и в соседнем Херсонесе (Столба 1989, 61-69; Диатроптов 2001, 27), в качестве Сотера (Σωτήρ).

И ещё одним косвенным подтверждением почитания Геракла в этом микрорегионе Ольвийского полиса может быть находка черно-

фигурного скифоса из погребения первой четверти V в. до н.э. знатного грека в кургане № 1 Северного некрополя у с. Прибугское. На скифосе изображён сюжет охоты, где в качестве «охотника» выступает Геракл, а по мифологии сам сюжет росписи следует трактовать, как охоту на Нимейского льва (Снитко 2015, 122, рис. 67). К этому добавим, что у древних греков подбор погребального реквизита не был случайным и строго регламентировался родственниками умершего, либо формировался по его предсмертному желанию (Папанова 2006, 209).

Немного остановимся и на обустройстве в Ольвийском полисе **мемориальных аллей**. Традиция размещения некрополей вдоль дорог, образуя при этом своеобразные мемориальные аллеи по основным путям перемещения, присуща многим древним народам Восточной и Юго-Восточной Европы с эпохи энеолита-бронзы. Особое развитие она получила в древнегреческом мире с архаической эпохи. Образцом таких аллей является Западная дорога в афинском Керамике и курганная аллея некрополя Ларисы в Гермосе (Kurtz, Boardman 1971, 108-109, fig. 20, 177, fig. 32). Ярким литературным свидетельством существования таких мемориальных аллей, дающих образное представление о них, является приведённый Павсанием в «Описании Эллады» рассказ о священной для афинян дороге из Афин в Элевсин, по обеим сторонам которой были размещены древние святилища, жертвенники и участки некрополя с монументальными погребальными памятниками выдающихся афинян – политических и культурных деятелей, героев и знаменитых иноземцев, принесших немалую пользу Афинскому государству (Paus., I, XXXVI, 3, XXXVII, 1, 2, 3, 4).

Эти традиции греки-колонисты сохранили и в Северном Причерноморье. Репрезентативные погребальные монументы с богатыми надгробными сооружениями, которые обустроивались вдоль дорог, ведущих в город, характерны для некрополя Херсонеса. Причём, захоронения более богатых и знатных граждан находились ближе к городским стенам и воротам (Зедгендзе, Савеля 1981, 7; Буйских 2005, 65; Буйских 2009, 2). Курганные аллеи зафиксированы и в некрополе Фанагории (Соколов 1977, 63). Вспомним и некрополь Мирмекия,

сильно вытянутый в западном направлении, вероятно, вдоль древней дороги, где он практически стыкуется с некрополем Пантикапея (Молева 1981, 76).

Отметим, что и некрополь Ольвии, по широко распространённой древнегреческой традиции, был расположен в междорожных секторах, о чём свидетельствуют как первые планы города и его окрестностей, составленные П.И. Кеппеном (1821 г.), И. Бларамбергом (1822 г.), И.М. Муравьёвым-Апостолом (1823 г.), А.С. Уваровым (1848, 1853 гг.), К. Прудисом (после 1861 г.), А. Чирковым (1863 г.), так и дальнейшие исследования топографии памятника (Карасёв 1956, 9-34; Козуб 1974, 7-8; Козуб 1984, 168; Парович-Пешикан 1962, 33-38; Парович-Пешикан 1974, 6-7; Крыжицкий, Лейпунская 1997, 154-156, рис. 182, 183; Папанова 1994, 8-10; Папанова 2006, 60-61, рис. 25). Отдельные курганы ольвийского некрополя IV-III вв. до н.э. были расположены в один ряд по обеим сторонам дорог, образуя аллеи. Особенно, исходя из топографических планов, это прослеживается в направлении Аджигола (Козуб 1984, 168), где, вероятно, в античное время проходила основная сухопутная магистраль к Ольвии со стороны запада. Как и в некрополе Херсонеса, богатейшие репрезентативные участки ольвийского могильника находились ближе к городу, к его стенам и воротам (Козуб 1984, 170).

Ситуацию, когда некрополи располагались аллеями, очевидно, вдоль основных античных магистральных путей и дорог между отдельными поселениями (расположение могильников в виде широких полос, а курганных насыпей цепочками параллельно береговой линии), можно проследить и на хоре Ольвии, о чём свидетельствуют как предшествующие (А. Шмидт, П.И. Кеппен, р-н урочища Чертоватое) (Шмидт 1867, 830; см.: Тункина 2002, 621), так и современные топографические наблюдения (Снытко 2012, 165-166).

Современные топографические наблюдения, подкреплённые археологическими исследованиями, дают информацию о том, что большинство сельских кладбищ с эпохи архаики размещались полосами шириной 100-200 м и длиной 1,0-5,0 км вдоль берега лимана, несколько в стороне от поселений и, очевидно, вдоль древних дорог между ними (Лупарево, Сивер-

сов Маяк, некрополь поселения Николаев-6, Дидова Хата, Старая Богдановка, Северный и Южный некрополи у с. Козырка, Северный и Южный некрополи у с. Прибугское, Днепровское, Аджигол – Петуховка, Дмитриевка, Лагерная коса, Бейкуш, Рыбаковка). Основная масса некрополей была оставлена жителями сразу нескольких поселений и даже целых агломераций (Крыжицкий и др. 1989, 102-103; Буйских 2009, 234; Снытко 2009, 26-32; Снытко 2011, 18), что в определённой степени объясняется незначительными расстояниями между памятниками, духовной близостью жителей, а также, возможно, и некой административно-территориальной полисной организацией сельского населения по примеру общеантичной (филы, фратрии, демы) (Снытко 2012б, 167). По маршруту одной из таких аллей у с. Кателино, как уже отмечалось выше, зафиксировано святилище Геракла.

С начала колонизации Нижнего Побужья греки устраивали свои некрополи рядом с курганами эпохи бронзы (Снытко 2009, 27; Снытко 2011, 18) и, возможно, строили свои могильные насыпи по их образцу (Крыжицкий 1993, 75). Тем не менее традиция насыпки курганов присуща древним грекам с эпохи бронзы. Безусловно, для греков, имевших собственные курганные традиции, которые с древних времён зафиксированы в Аттике (Kurtz, Boardman 1971, 68-73), Анатолии, Лидии, Восточной Греции, на Западном и Северном Понте (Чмыхов 1989, 169-170; Lungu 2010, 52-53) и были связаны с героизацией умерших (Липавский 1990, 26), о чём сообщают и древние источники (Ном., II, XXIII, 125-126; Thuc., Hist., II, 34, 1-7), при обустройстве собственных некрополей в местах, где уже были мемориальные земляные сооружения предыдущих эпох, этот фактор имел особенное значение и дополнительно стимулировал в плане постройки насыпей над могилами своих умерших. Вполне вероятно, что греческие колонисты на новом месте, не забывая древние родовые и этнические приоритеты, дополнили их своими инновациями в идеологии, духовной и материальной культуре, которые базировались на мифологии, истории и культуре именно Северного Причерноморья (Снытко 2013, 434-438). Не вызывает сомнений и то, что величие степных курганов эпохи энео-

лита-бронзы, иногда достигавших высоты 10 м и выше, способствовало появлению в среде первопоселенцев легенд о бывших могущественных властителях этого края, которые даже нашли отпечаток в скифском логосе Геродота (Herod., IV, 11, 71) и, с другой стороны, влияли на греческую традицию возведения курганных мемориалов. Особенно это прослеживается по скоплению больших курганов ольвийского городского некрополя – урочища «Ста могил», которые несколько напоминают степные. Безусловно, строи-

тельство таких монументальных сооружений было доступно лишь представителям аристократии, выделившейся среди жителей города в классико-эллинистическую эпоху. Всё это удачно стыкуется с гипотезой С.Д. Крыжицкого о специфике эволюции Ольвийского и других причерноморских колониальных полисов в условиях варварского окружения и удаления от основного ареала античных государств, особенности которой нашли своё отражение преимущественно на nive развития культуры (Крыжицкий 1994, 19).

Библиография

- Браунд 2020:** Д.К. Браунд, Между Вифинией и Борисфеном: от ристалища Ахилла на Кальпе к прибытию Афродиты в Гилею. Археологические вести 29, 2020, 175-190.
- Буйских 2005:** А.В. Буйских, О пространственной организации некрополя на северном берегу Херсонеса. Херсонесский сборник XIV, 2005, 59-70.
- Буйських 2009:** А.В. Буйських, Херсонес Таврійський: просторовий розвиток держави за античної доби. Автореферат дисс. докт. іст. наук. (Київ 2009).
- Буйских 2001:** С.Б. Буйских, Исследования святилища Ахилла на Бейкушском мысу. Херсонесский сборник XI, 2001, 34-43.
- Буйських 2004:** С.Б. Буйських, Святилища *extra-urban* епохи грецької колонізації Нижнього Побужжя. Археологія 3, 2004, 3-14.
- Буйских 2007:** С.Б. Буйских, Греческие святилища Нижнего Побужья как сакрально-территориальный символ колонизации региона. В сб.: Боспорские чтения, 8 (Керчь 2007), 42-45.
- Буйских 2009:** С.Б. Буйских, Хора колониального полиса в Нижнем Побужье: от архаики к эллинизму. Старожитності Степового Причорномор'я і Криму XV, 2009, 225-247.
- Буйских 2013:** С.Б. Буйских, Мифо-географическое пространство Ольвийского полиса в VI-V вв. до н.э. В сб.: Древнее Причерноморье, X (Одесса 2013), 94-99.
- Былова, Сикоза 2011:** В.П. Былова, Д.Н. Сикоза, Клад македонских бронзовых монет с Кинбурнской косы. В сб.: Древнее Причерноморье, IX (Одесса 2011), 71-76.
- Виноградов 1989:** Ю.Г. Виноградов, Политическая история Ольвийского полиса VII - I вв. до н.э. (Москва 1989).
- Виноградов, Русяева 1980:** Ю.Г. Виноградов, А.С. Русяева, Культ Аполлона и календарь в Ольвии. В сб.: Исследования по античной археологии Северного Причерноморья (Киев 1980), 19-64.
- Гайдукевич 1965:** В.Ф. Гайдукевич, Мирмекийские зольники – эсхары. КСИА 103, 1965, 34-37.
- Диатроптов 2001:** П.Д. Диатроптов, Культ героев в античном Северном Причерноморье (Москва 2001).
- Зедгенидзе, Савеля 1981:** А.А. Зедгенидзе, О.Я. Савеля, Некрополь Херсонеса V - IV вв. до н.э. КСИА 168, 1981, 3-9.
- Иевлев, Чубенко 2020:** М.М. Иевлев, А.В. Чубенко, Подводная археология античных и средневековых памятников северного побережья Чёрного и Азовского морей (Киев 2020).
- Карасёв 1956:** А.Н. Карасёв, Планы Ольвии XIX века как источник для исторической топографии города. МИА 50, 1956, 9-34.
- Карышковский 1993:** П.О. Карышковский, Новые ольвийские посвящения первых веков нашей эры. ВДИ 1, 1993, 73-96.
- Козуб 1974:** Ю.И. Козуб, Некрополь Ольвии V - IV ст. до н.э. (Київ 1974).
- Козуб 1984:** Ю.И. Козуб, Историческая топография некрополя Ольвии. В: Античная культура Северного Причерноморья (Киев 1984), 156-173.
- Крыжицкий 1993:** С.Д. Крыжицкий, Архитектура античных государств Северного Причерноморья (Киев 1993).
- Крыжицкий 1994:** С.Д. Крыжицкий, Ольвия и варвары (проблема влияний). В сб.: Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. Тез. докл. VII междунар. научн. конф. (Ростов-на-Дону 1994), 18-19.

- Крыжицкий и др. 1980:** С.Д. Крыжицкий, А.В. Бураков, С.Б. Буйских, В.М. Отрешко, В.В. Рубан, К истории Ольвийской сельской округи. В сб.: Исследования по античной археологии Северного Причерноморья (Киев 1980), 3-18.
- Крыжицкий и др. 1989:** С.Д. Крыжицкий, С.Б. Буйских, А.В. Бураков, В.М. Отрешко, Сельская округа Ольвии (Киев 1989).
- Крыжицкий, Буйских, Отрешко 1990:** С.Д. Крыжицкий, С.Б. Буйских, В.М. Отрешко, Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта) (Киев 1990).
- Крыжицкий, Лейпунская 1997:** С.Д. Крыжицкий, Н.А. Лейпунская, Ольвия (раскопки, история, культура) (Николаев 1997).
- Кубланов 1957:** М.М. Кубланов, Легенда о ристалище Ахилла и ольвийские агонистические празднества (к истории формирования культов античного полиса). В: Ежегодник Музея истории религии и атеизма, 1 (Москва - Ленинград 1957), 222-231.
- Лагочева, Снытко 1986:** Н.М. Лагочева, И.А. Снытко, Мраморное изваяние с о. Березань. В сб.: Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья (Киев 1986), 58-60.
- Лазаренко 2016:** В.Г. Лазаренко, К дискуссии о происхождении архаического культа Ахилла в Северном Причерноморье. ЕМІНАКО 1(13)/2, 2016, 7-20.
- Леви 1956:** Е.И. Леви, Ольвийская агора. МИА 50, 1956, 35-118.
- Леви 1964:** Е.И. Леви, Материалы ольвийского теменоса. В сб.: Ольвия. Теменос и агора (Москва - Ленинград), 131-174.
- Липавский 1990:** С.А. Липавский, О времени появления курганных погребений в Ольвии. В: С.А. Липавский, И.А. Снытко, Материалы по археологии Ольвии и её округи. Препринт. Ин-т арх. АН УССР (Киев 1990), 18-28.
- Назаров, Отрешко 1998:** В.В. Назаров, В.М. Отрешко, Открытие теменоса Березанского поселения. В сб.: Археологічні відкриття в Україні 1997-1998 рр. (Київ 1998), 37-38.
- Наумов 1990:** В.И. Наумов, Новые находки ольвийских монет у с. Васильевка на Кинбурнской косе. В сб.: Проблемы археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. конф., 3 (Херсон 1990), 36-37.
- Николаев 2007:** Н.И. Николаев, О культе речного божества в Ольвии. В сб.: Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы международной конференции (Санкт-Петербург 2007), 132-139.
- Николаев 2008:** Н.И. Николаев, Политическая и культовая элита Ольвии IV - I вв. до н.э. (Николаев 2008).
- Оленковская, Оленковский 1978:** М.И. Оленковская, Н.П. Оленковский, Разведки на территории Херсонской области. В сб.: АО 1977 г. (Москва 1978), 364.
- Островерхов 2006:** А.С. Островерхов, Античная стеклянная глиптика на юге Восточной Европы (VI - II вв. до н.э.). ВДИ 2, 2006, 131-154.
- Отрешко 1979:** В.М. Отрешко, Посвящения Ахиллу Понтарху как один из критериев определения границ Ольвийского государства. В сб.: Памятники древних культур Северного Причерноморья (Киев 1979), 80-87.
- Охотников, Островерхов 1993:** С.Б. Охотников, А.С. Островерхов, Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином) (Киев 1993).
- Папанова 1994:** В.А. Папанова, Некрополь Ольвії (історична топографія та поховальний обряд). Автореферат дис. канд. іст. наук (Киев 1994).
- Папанова 2006:** В.А. Папанова, Урочище Сто могил – некрополь Ольвии Понтийской (Киев 2006).
- Парович-Пешикан 1974:** М. Парович-Пешикан, Некрополь Ольвии эллинистического времени (Киев 1974).
- Ростовцев 1918:** М.И. Ростовцев, Новая книга о Белом острове и Таврике. ИАК 65, 1918, 177-197.
- Рубан 1982:** В.В. Рубан, Литое свинцовое изображение группы фигур из поселения Кателино-1. В сб.: Новые памятники древней и средневековой художественной культуры (Киев 1982), 54-58.
- Русяева 1975а:** А.С. Русяева, Вопросы развития культа Ахилла в Северном Причерноморье. В сб.: Скифский мир (Киев 1975), 174-185.
- Русяева 1975б:** А.С. Русяева, О культе Гермеса в Ольвии. В сб.: Ольвия (Киев 1975), 118-125.
- Русяева 1979:** А.С. Русяева, Земледельческие культы в Ольвии догетского времени (Киев 1979).
- Русяева 1986:** А.С. Русяева, Культура. Искусство. Религия. В: Археология Украинской ССР, 2 (Киев 1986), 504-560.
- Русяева 1992:** А.С. Русяева, Религия и культы античной Ольвии (Киев 1992).

- Русяева 1994:** А.С. Русяева, Основные черты и особенности культурно-исторического развития Нижнего Побужья в период колонизации. ВДИ 4, 1994, 99-106.
- Русяева 1998:** А.С. Русяева, Про дати життя Анахарсиса і вік мудреців. В сб.: "Музейні читання". Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 90-літтю з дня народження видатного українського археолога О.І. Тереножкіна (Київ 1998), 29-36.
- Русяева 2005:** А.С. Русяева, Религия понтийских эллинов в античную эпоху (Київ 2005).
- Русяева, Супруненко 2003:** А.С. Русяева, А.Б. Супруненко, Исторические личности эллино-скифской эпохи (Київ-Комсомольск 2003).
- Скржинская 2001:** М.В. Скржинская, Скифия глазами эллинов (Санкт-Петербург 2001).
- Смирнов 1964:** К.Ф. Смирнов, Савроматы (Москва 1964).
- Снытко 1988:** И.А. Снытко, К вопросу об интерпретации зольников античных поселений Нижнего Побужья. В сб.: Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. Тез. докл. IV конф. молодых ученых ИА АН СССР (Москва 1988), 67.
- Снытко 1990:** И.А. Снытко, Литой ольвийский асс из поселения Кателино-1. В сб.: Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы (Кишинев 1990), 44-47.
- Снытко 1991:** И.А. Снытко, Посвятительное граффито с поселения античного времени на Бугском лимане. ВДИ 4, 1991, 66-70.
- Снытко 2009:** И.А. Снытко, О культе Ахилла в Нижнем Побужье в античную эпоху. В сб.: Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира (Санкт-Петербург 2009), 365-371.
- Снитко 2011:** І.О. Снитко, Підкурганні поховання некрополів хори Ольвії VI - V ст. до н.е. Археологія 1, 2011, 11-22.
- Снитко 2012a:** І.О. Снитко, Ще раз про межі Ольвійського поліса. Археологія 4, 2012, 31-42.
- Снытко 2012b:** И.А. Снытко, Древнегреческие некрополи Нижнего Побужья IV - III вв. до н.э.: особенности исторической топографии, характер и структура. В сб.: Древности Северного Причерноморья III - II вв. до н.э. (Тирасполь 2012), 165-168.
- Снытко 2013:** И.А. Снытко, О древнегреческой традиции возведения мемориальных аллей в Нижнем Побужье в античную эпоху. В сб.: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности. Археологический объект в контексте истории. Боспорские чтения, XIV (Керчь 2013), 434-438.
- Снитко 2015:** І.О. Снитко, Давньогрецькі некрополі хори Ольвії (Київ 2015).
- Снытко 2017:** И.А. Снытко, Ещё раз о культе Геракла в Нижнем Побужье в VI-III вв. до н.э. (по материалам зольника у с. Кателино). В сб.: Північне Причорномор'я за античної доби (на пошану С.Д. Крижицького) (Київ 2017), 195-201.
- Снытко 2018:** И.А. Снытко, Зевс Сотер и Афина Сотеира в ольвийском Пантеоне в классическую и раннеэллинистическую эпохи. В сб.: Причерноморье в античное и раннесредневековое время, 2 (Ростов-на-Дону 2018), 382-391.
- Снытко 2019a:** И.А. Снытко, Ещё раз об античных святилищах в контексте территориальных границ Ольвийского полиса. В сб.: Греки и варварский мир Северного Причерноморья: культурные традиции в контактных зонах. Материалы V Международной научной конференции «Археологические источники и культурогенез» (Санкт-Петербург 2019), 64-67.
- Снытко 2019b:** И.А. Снытко, Божественная триада Сотеров в пантеоне Ольвии классической и раннеэллинистической эпох. В сб.: LAUREA. Античный мир и средние века: Чтения памяти профессора В.И. Кадеева (Харьков 2019), 78-82.
- Снытко 2020:** И.А. Снытко, О находках иногородних монет эпохи классики и эллинизма на территории хоры Ольвийского полиса. В сб.: Боспорский феномен. Боспорское царство М.И. Ростовцева (взгляд из XXI века). Материалы международной научной конференции, 2 (Санкт-Петербург 2020), 277-282.
- Снытко, Николаев 2008:** И.А. Снытко, Н.И. Николаев, О культе Аполлона на хоре Ольвии. В сб.: Проблемы истории и археологии Украины. Материалы VI Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика В.П. Бузескула (Харьков 2008), 44.
- Снытко, Касьяновский 2012:** И.А. Снытко, В.А. Касьяновский, Богоявленск и его окрестности: Историко-краеведческие очерки (Симферополь 2012).
- Снытко, Бондаренко 2019:** И.А. Снытко, А.А. Бондаренко, Монетные сегменты – весовые гирьки Ольвийского полиса IV-III вв. до н.э. *Tyragetia s.n.* XIII/1, 2019, 363-371.
- Снытко, Бондаренко, Алексеев 2021:** И.А. Снытко, А.А. Бондаренко, А.М. Алексеев, Новая ольвийская бронзовая монета V в. до н.э. из Гилеи. В сб.: Стародавнє Причорномор'я, XIII (Одеса 2021), 392-398.
- Соколов 1977:** Г.И. Соколов, Склеп у пос. Приморский на Тамани. Методика археологических исследований и раскопки археологических памятников. КСИА 148, 1977, 63-68.

- Столба 1989:** В.Ф. Столба, Новое посвящение из Северо-Западного Крыма и аспекты культа Геракла в Херсонесском государстве. ВДИ 4, 1989, 55-70.
- Тункина 2002:** И.В. Тункина, Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII - середина XIX в.) (Санкт-Петербург 2002).
- Хоммель 1981:** Х. Хоммель, Ахилл – Бог. ВДИ 1, 1981, 53-76.
- Чмыхов 1089:** Н.А. Чмыхов, Об истоках курганного погребального обряда греков Северного Причерноморья. Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. (Запорожье 1989), 169-171.
- Шмидт 1867:** А. Шмидт, Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба, 2 (Санкт-Петербург 1867).
- Яйленко 2017:** В.П. Яйленко, История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса, Боспора VII в. до н.э. - VII в. н.э. (Санкт-Петербург 2017).
- Buiskikh 2001:** S. Buiskikh, Das Achilleus-Heiligtum in der Chora von Olbia Pontica aus archaischer Zeit. In: Problemi della chora coloniale dall'Occidente al Mar Nero (Taranto 2001), 317-332.
- Bujskikh 2005:** S.B. Bujskikh, Les sanctuaires extra-urbans a l'epoque de la colonization grecque dans le Bug meridionale. In: Pont-Euxin et Polis (Besancon 2005), 181-202.
- Bujskikh 2007:** S. Bujskikh, Der Achilleus-Kult und die griechische Kolonisation des Unteren Bug-Gebiets. In: Une koine Pontique (Bordeaux 2007), 201-212.
- Bull. ep. 1967:** Bulletin épigraphique, 1967.
- Graham 1982:** A.J. Graham, The colonial expansion of Greece. In: (Eds. J. Boardman, N. Hammond) The Cambridge Ancient History (Cambridge: Cambridge University Press 1982), 83-162.
- IGBR:** Inscriptiones Graecae in Bulgaria Repertae (ed. G. Mihailov).
- IOSPE:** Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae (ed. B. Latyshev) (Petropoli 1916).
- Jefremow, Snytko 2004:** N. Jefremow, I. Snytko, Altgriechische Keramikstempel von den Ausgrabungen in der Wasserscheide Siversov Majak bei Olbia. Münstersche Beiträge z. antiken Handelsgeschichte XXIII/2, 2004, 1-46.
- Kurtz, Boardman: 1971:** D.C. Kurtz, J. Boardman, Greek burial customs (London and Southampton 1971).
- Lazzarini 1976:** M.L. Lazzarini, Le formule delle dediche votive nella Grecia arcaica. In: Atti della Accademia Nazionale dei Lincei. Memorie. Classe di scienze morali, storiche e filologiche (Roma 1976).
- Lifshitz 1966:** B. Lifshitz, Le culte d'Apollon Delphinios a' Olbia. Hermes 94, 1966, 236-238.
- Lungu 2010:** V. Lungu, Greek – Ionien Necropoleis in the Black Sea area: Cremation and Colonisation. In: Archaic Greek Culture: History, Archeology, Art and Museology, BAR International Series, 1350 (Oxford 2010), 51-58.
- Malkin 1994:** I. Malkin, Myth and Territory in the Spartan Mediterranean (Cambridge 1994).
- Polignac 1985:** F. de Polignac, Cults, Territory and the Origins of the Greek City-State (Chicago 1985).
- Sparkes, Talcott 1970:** B.A. Sparkes, L. Talcott, Black and Plain Pottery of the 6-th, 5-th and 4-th Centuries B.C. The Athenian Agora, XII. (Princeton – New Jersey 1970).
- Vinogradov 1981:** J.G. Vinogradov, Olbia. Geschichte einer altgriechischen Stadt am Schwarzen Meer. Xenia, 1 (Konstanz 1981).

Sanctuare și teritorii sacrale în polisul Olbia din epoca antică

Cuvinte-cheie: Olbia, cor, Bugul de Jos, sanctuar, teritoriu sacral, altar, alei memoriale.

Rezumat: În prezentul articol sunt cercetate sanctuarele și teritoriile sacrale ale polisului Olbia. Se întreprinde o analiză a stadiului actual al problemei. Sunt descrise sanctuarele și teritoriile sacrale ale polisului Olbia, reieșind din nivelul actual al gradului de cercetare a acestora. În procesul expunerii, se constată că Olbia, ca și alte centre ale lumii antice, reprezintă – din perspectiva istoriei, culturii și religiei – un polis grecesc tradițional în ceea ce privește venerarea divinităților sale, unde din antichitate erau răspândite culturile unui șir de zei din panteonul antic grec: Demetra, Achile, Apollo, Atena, Afrodita, Hermes, Hecate, Cibeles, Boristene ș.a.

Lista ilustrațiilor:

Fig. 1. Copia altarului (IOSPE, I², 327), amplasat pe extremitatea limbii de pământ Kinburn, alături de locul descoperirii lui (Foto de S. Kurushkin).

Fig. 2. Nominalul inferior al „gorgoneionului” olbian (Foto de E. Mearagov).

Fig. 3. Modelul-amuletă de aur a arcului de tip scitic din împrejurimile satului Rybalche (Foto de A. Alexeev).

Fig. 4. Harta adâncurilor limanului Nistrean în zona aflării capului Bublikov (după Иевлев, Чубенко 2020).

Fig. 5. Construcție de tip semibordei nr. 2 din așezarea Siversov Mayak-I (după Снытко, Касьяновский 2012).

Fig. 6. Fragmentul unei statuete din teracotă a Atenei (după Снытко, Касьяновский 2012).

Fig. 7. Heracle conducând un car-bigă (după Снытко 2018).

Fig. 8. Votivul de plumb al lui Heracle în bonetă frigiană și cu cornul abundenței (după Снытко 2018).

Fig. 9. Votivul de plumb al lui Heracle nud cu buzdugan (după Снытко 2018).

Fig. 10. Votivul de plumb al Atenei Soteira cu frunza de palmier și figurina zeiței Nike (după Снытко 2018).

Fig. 11. Votivul de plumb al Atenei cu ramura de palmier (după Снытко 2018).

Sanctuaries and sacred territories of Olbia polis of classical era

Keywords: Olbia, chora, Lower Bug region, sanctuary, sacred territories, altar, memorial alleys.

Abstract: This article focuses on the sanctuaries and sacred territories of the Olbia polis. The analysis of the current state of the issue has been carried out. The sanctuaries and sacred territories of the Olbia polis are described taking into account their current level of research. In the course of considering the problem, the fact is asserted that the Olbia polis, like other ancient centers of the ancient world, in terms of history, culture and religion was a traditional Greek polis in relation to the veneration of deities, where the cults of Demeter, Achilles, Apollo, Athena, Aphrodite, Hermes, Hecate, Cybele, Borysthenes and other deities of the ancient Greek pantheon were revered since ancient times.

List of illustrations:

Fig. 1. A copy of the altar (IOSPE, I2, 327) installed at the tip of the Kinburn Spit, near the place of its discovery (photo by S. Kurushkin).

Fig. 2. The lower denomination of the Olbian “gorgoneion” (photo by E. Mearagov).

Fig. 3. Gold model-amulet of a bow of the Scythian type from the outskirts of the village of Rybalche (photo by A. Alekseev).

Fig. 4. Map of the depths of the Dnieper estuary in the area of the location of Cape Bublikov (after Иевлев, Чубенко 2020).

Fig. 5. Semi-dugout type structure No. 2 of the Siversov Mayak-I settlement (after Снытко, Касьяновский 2012).

Fig. 6. Fragment of a terracotta figurine of Athena (after Снытко, Касьяновский 2012).

Fig. 7. Hercules driving his biga chariot (according to Снытко 2018).

Fig. 8. Lead votive statuette of Hercules in a Phrygian cap and with a cornucopia (after Снытко 2018).

Fig. 9. Lead votive statuette of naked Hercules with a club (after Снытко 2018).

Fig. 10. Lead votive statuette of Athena Soteira with a palm leaf and a figurine of Nika (after Снытко 2018).

Fig. 11. Lead votive statuette of Athena with a palm branch (after Снытко 2018).

15.02.2021

Др. Иван Снытко, Государственная инспекция по охране памятников культуры в Николаевской области, ул. Декабристов-34/1, 54029 Николаев, Украина, <https://orcid.org/0000-0003-3300-5679>, e-mail: maharadze_v@mail.ru

CERCETĂRI ARHEOLOGICE LA POARTA DE NORD A CETĂȚII SAHARNA MARE¹

Aurel Zanoci, Mihail Băț

Cuvinte-cheie: sistem defensiv, val de apărare, șanț, poarta cetății, bastion, importuri grecești, sec. IV-III a. Chr.

Date generale despre sit

Situl Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii” se află la vest de localitatea Saharna, raionul Rezina, Republica Moldova (fig. 1), și este amplasat pe un promontoriu de formă quasi-trapezoidală cu suprafața de cca 15 ha și altitudinea de cca 130 m față de nivelul fluviului Nistru (fig. 2). Laturile de nord, de est și de sud ale promontoriului sunt marcate de două defileuri cu pantele abrupte, ce se unesc, în partea de est, într-o singură vale, numită de localnici „Valea Crac” (Niculiță, Zanoci, Băț 2016, 19).

Primele cercetări arheologice pe sit au fost realizate de către G. Smirnov în anii 1946-1947 (Смирнов 1949, 93-96; Смирнов 1953, 19-30), acoperind o suprafață de 734 m². În anii 2001-2020, investigațiile arheologice² au fost efectuate de către echipa Laboratorului de Cercetări Științifice „Tra-cologie” de la Universitatea de Stat din Moldova, fiind cercetată o suprafață de 2806 m² (fig. 4).

În urma cercetărilor arheologice, s-a stabilit că pe acest promontoriu s-au perindat mai multe așezări deschise și fortificații, ce se încadrează în intervalul de timp cuprins între a doua jumătate a sec. XII a. Chr. și sfârșitul sec. III a. Chr. (Niculiță, Zanoci, Băț 2016, 19-248; Niculiță et al. 2019). Printre ele se remarcă fortificația din cea de-a doua epocă a fierului, care a fost amplasată în partea de est a promontoriului și ocupa o suprafață de cca 6 ha.

Fig. 1. Localizarea sitului Saharna Mare pe harta spațiului est-carpatic.

Cunoștințele noastre cu privire la sistemul defensiv al cetății Saharna Mare au evoluat în funcție de gradul cercetării sitului (Zanoci, Băț 2013, 473-485). Începând cu anul 1946, când a fost descoperită cetatea, și până în 2011, s-a considerat că ea a fost apărată doar pe latura de vest prin intermediul unui „zid” din lemn, pământ și piatră³ cu lățimea de cca 5,60 m și lungimea de cca 385 m, ce întretăia promontoriul de la o margine la alta. Spre vest, în partea exterioară, paralel „zidului” a fost săpat un șanț cu lățimea la gură de cca 15 m și adâncimea de cca 3,20 m. În fața lui, în partea centrală și la flancuri, au fost edificate trei bastioane, însoțite, la rândul lor, de câte un șanț de apărare. În spatele acestor construcții defensive, în „zidul” de incintă, au fost sesizate trei întreruperi, care

¹ Acest articol a fost realizat în cadrul proiectului 20.80009.1606.14 „Patrimoniul arheologic din epoca fierului în regiunea Nistrului Mijlociu și bazinul râului Cogâlnic: cercetare interdisciplinară și valorificare științifică”.

² Rezultatele acestor investigații au fost publicate în mai multe articole științifice (Niculiță, Zanoci, Arnăuț 2007, 27-62; Niculiță, Zanoci, Băț 2011, 226-236; Niculiță, Zanoci, Băț 2013, 351-372; Niculiță et al. 2012, 111-167; Niculiță et al. 2013, 219-292; Niculiță et al. 2019, 253-322; etc.), precum și în două lucrări monografice (Niculiță, Zanoci, Arnăuț 2008, 51-150, fig. 40-159; Niculiță, Zanoci, Băț 2016, 19-248).

³ Vestigiile „zidului” se prezintă actualmente sub forma unui val cu înălțimea de 2,5-3,5 m și lățimea la bază de cca 20-23 m.

Fig. 2. Saharna Mare. Fotografie aeriană a promontoriului (zona porții de nord este marcată de săgeata albă).

au fost interpretate drept porți de intrare, iar bastioanele respective având menirea să le protejeze (Смирнов 1949, 94; Arnăuț 2000, 93; Niculiță, Zancoci, Arnăuț 2007, 27-62; Niculiță, Zancoci, Arnăuț 2008, 88-99; Niculiță et al. 2010, 364-371).

În anul 2011, ca urmare a analizei ortofotoplanurilor și a rezultatelor prospecțiunilor geofizice, realizate în 2010, a fost descoperită o nouă linie defensivă, care a fost urmărită pe o distanță de 650 m, pe laturile de nord, de est și de sud ale promontoriului de la Saharna Mare. Capetele ei se uneau cu „zidul” de pe latura de vest, formând un sistem defensiv ce înconjura cetatea de jur-împrejur (fig. 12/1). Vestigiile acestei linii defensive se prezentau sub forma unui „val”, abia vizibil la suprafața actuală a solului, care avea lățimea de cca 3 m la bază și înălțimea de cca 0,30-0,40 m. Pe traseul de est, acest „val” se ondulează, formând opt bastioane, grupate câte patru la flancurile de nord și de sud. În urma cercetărilor arheologice, efectuate în anii 2011-2012, s-a stabilit că pe laturile de nord, de est și de sud, considerate anterior ca fiind apărate natural⁴, a fost edificat un „zid” din lemn, pământ și piatră, a cărui grosime era de cca 1,10-1,60 m (Niculiță et al. 2013, 220-237; Niculiță, Zancoci, Băț 2016, 156-171).

⁴ Într-adevăr, la momentul de față pantele promontoriului pe aceste laturi sunt destul de accentuate și, la prima vedere, nu necesită amenajări defensive artificiale (vezi și fig. 2; 14).

O nouă cale de acces

În anul 2019, după înlăturarea arbuștilor de pe marginea de nord a promontoriului Saharna Mare, au fost efectuate noi cercetări de teren pe această latură a fortificației. Ca urmare, între capătul de nord al „zidului” de pe latura de vest și capătul de vest al „zidului” de pe latura de nord a fost sesizată o întrerupere cu lățimea de cca 9 m (fig. 12), care a fost interpretată drept o poartă de acces. Din fața ei pornește o cale de acces care coboară în pantă, în direcția nord-est, până la poalele promontoriului, unde curge râulețul Saharna, afluent de dreapta al Nistrului.

Fig. 3. Vestigiile bastionului porții de nord la începutul cercetărilor (iulie 2020).

La cca 5 m spre est față de poartă, a fost descoperit un bastion, ale cărui vestigii au o formă semicirculară cu dimensiunile de 11×6 m și erau acroșate „zidului” de incintă de pe latura de nord a cetății. La momentul descoperirii, vestigiile „zidului” bastionului și cele ale „zidului” de incintă de pe latura de nord se prezentau sub forma unor valuri cu înălțimea de cca 0,90 m și lățimea la bază de cca 2 m (fig. 3; 5/1).

Date arheologice privind habitatul din preajma porții de nord a cetății

În anul 2020, pentru clarificarea modului de edificare a acestor construcții defensive, precum și pentru cercetarea stratului de cultură din incinta bastionului, a fost trasată o secțiune cu dimensiunile de 10×2 m (fig. 4; 5; 7).

Vestigiiile „zidului” bastionului au fost descoperite la adâncimea de 0,20 m de la nivelul actual de călcare și aveau forma unei dărâmături din sol de culoare cenușie în amestec cu argilă, fragmente de lemn ars și pietre de diferite dimensiuni (fig. 6/2-3, 5-7; 7). În procesul de cercetare a ruinelor au fost descoperite două șiruri paralele de pietre fasonate sumar (fig. 6/6), așezate la o distanță de cca 1 m unul față de altul. Lățimea paramentelor era de cca 0,30-0,60 m, iar înălțimea păstrată de cca 0,35 m. În spațiul dintre paramente au fost atestate trei gropi de pari. Prima (nr. I) a fost descoperită în imediata apropiere a șirului exterior de pietre și era de formă cilindrică, având diametrul de 0,25 m și adâncimea de 0,20 m (fig. 6/6), iar solul din umplutura ei conținea fragmente de lemn ars. Alte două gropi (nr. II și nr. III) au fost surprinse în preajma paramentului interior, ele fiind amplasate la o distanță de cca 1,0 m una față de alta. Groapa nr. II avea formă circulară în plan, cu diametrul de cca 0,30 m, iar groapa nr. III – ovală, cu dimensiunile 0,50×0,30 m. În ambele cazuri, a fost sesizată doar partea inferioară a gropilor, care se adânceau în stânca de calcar până la cca 0,20 m (fig. 6/3).

De asemenea, s-a stabilit că locul pe care a fost construit „zidul” bastionului a fost nivelat preventiv prin depunerea și tasarea unui strat de sol argilos, a cărui grosime, în funcție de configurația terenului⁵, varia de la 0,10 la 0,25 m (fig. 6/3; 7).

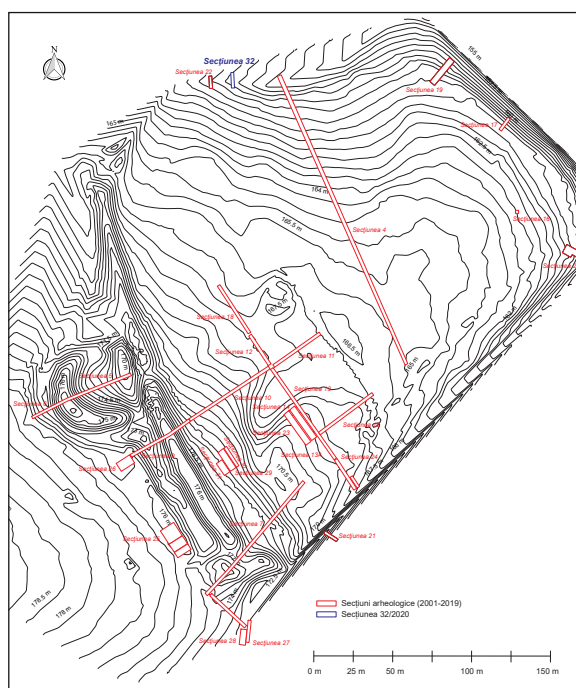

Fig. 4. Planul topografic al promontoriului Saharna Mare cu marcarea secțiunilor arheologice.

1

2

Fig. 5. Saharna Mare. Vederi de ansamblu ale secțiunii 32/2020.

⁵ Terenul pe care a fost edificat „zidul” are o înclinare ușoară spre nord.

1

2

3

4

5

6

7

Fig. 6. Vestigiile sistemului defensiv ale porții de nord: 1 - zidul de incintă; 2-4 - bastionul porții de nord și incinta acestuia; 5, 6 - pietre din construcția bastionului; 7 - fragmente de lemn ars din structura zidului bastionului (după Zanoci, Băț 2021).

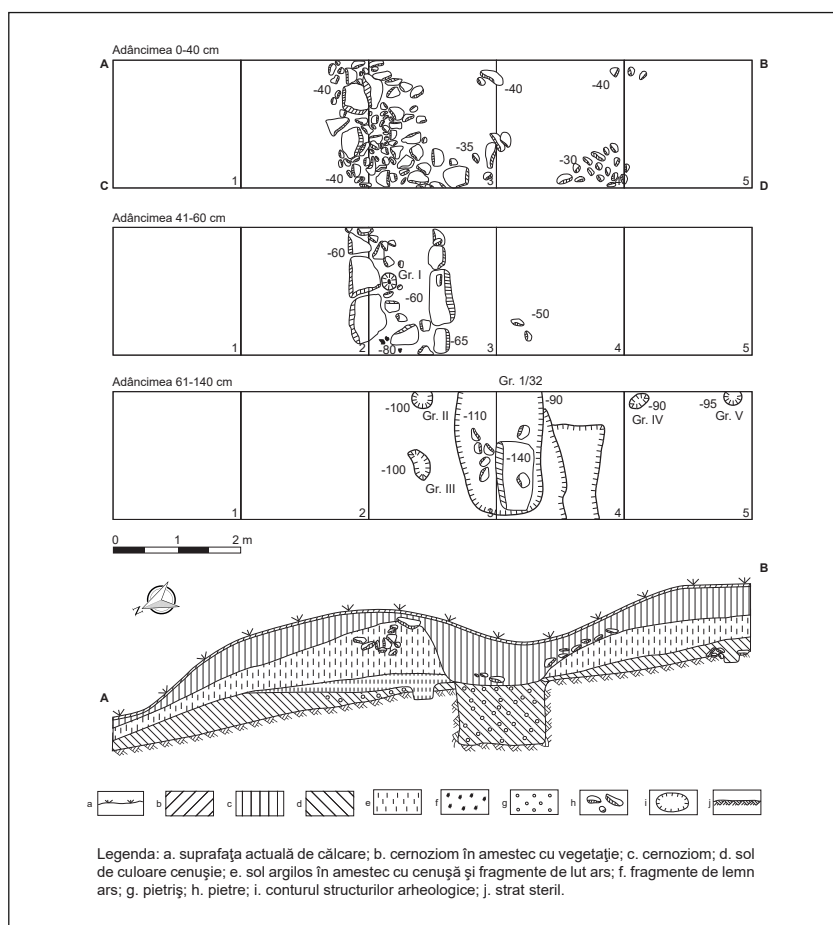

Fig. 7. Saharna Mare. Planul și profilul secțiunii 32/2020.

„Plecând de la informațiile prezentate mai sus, se poate presupune că „zidul” bastionului a avut un „soclu” cu lățimea de cca 1,60 m, format din două paramente din blocuri de piatră, spațiul dintre ele fiind tasat cu pământ. În partea superioară a fost ridicată o palisadă dublă, formată din două șiruri de bârne de lemn, cu emplecton din pământ și piatră, a cărei grosime⁶ atingea cca 0,80 m.

Inventarul arheologic, descoperit în emplectonul „zidului” bastionului, este reprezentat de un fragment de lamă de cuțit din fier (fig. 9/7) și nouă fragmente de la vase modelate cu mâna (fig. 8/1-7).

Lame similare de cuțit sunt întâlnite frecvent în situl Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii” – atât în nivelul de locuire din prima epocă a fierului⁷

⁶ La calcularea lățimii palisadei s-a ținut cont de grosimea bârnelor de cca 0,20-0,30 m, la care se adaugă distanța dintre șirurile de pari de cca 0,20-0,30 m.

⁷ Cuțitul putea proveni și din acest nivel de locuire, ajungând în construcția defensivă împreună cu solul utilizat în calitate de emplecton.

(Niculiță, Zanoci, Băț 2016, fig. 65/1; Niculiță et al. 2019, fig. 17/1), cât și în cel traco-getic (Niculiță, Zanoci, Băț 2016, fig. 144/1; Niculiță et al. 2019, fig. 44/2).

Ceramica recuperată din umplutura „zidului”, după morfologie, ardere, culoare și decor, este identică celei traco-getice, descoperite în campaniile anterioare în cetatea Saharna Mare (Niculiță, Zanoci, Băț 2016, fig. 153-157).

Ruinele „zidului” de incintă de pe latura de nord au fost descoperite la adâncimea de 0,50 m de la nivelul actual de călcare și se prezentau sub forma unei dărâmături cu grosimea de 0,40-0,50 m, compuse din sol cenușos, în amestec cu lut ars, pietre și fragmente de lemn carbonizat (fig. 6/1). După demantelarea dărâmăturii, la adâncimea de cca 0,9 m au fost identificate două gropi de pari (nr. IV și nr. V). Ele erau amplasate pe o linie perpendiculară ruinelor „zidului”, la o distanță de cca 1,20 m una față de alta (fig. 6/1; 7). Gropile aveau formă quasi-circulară în plan, cu diametrul

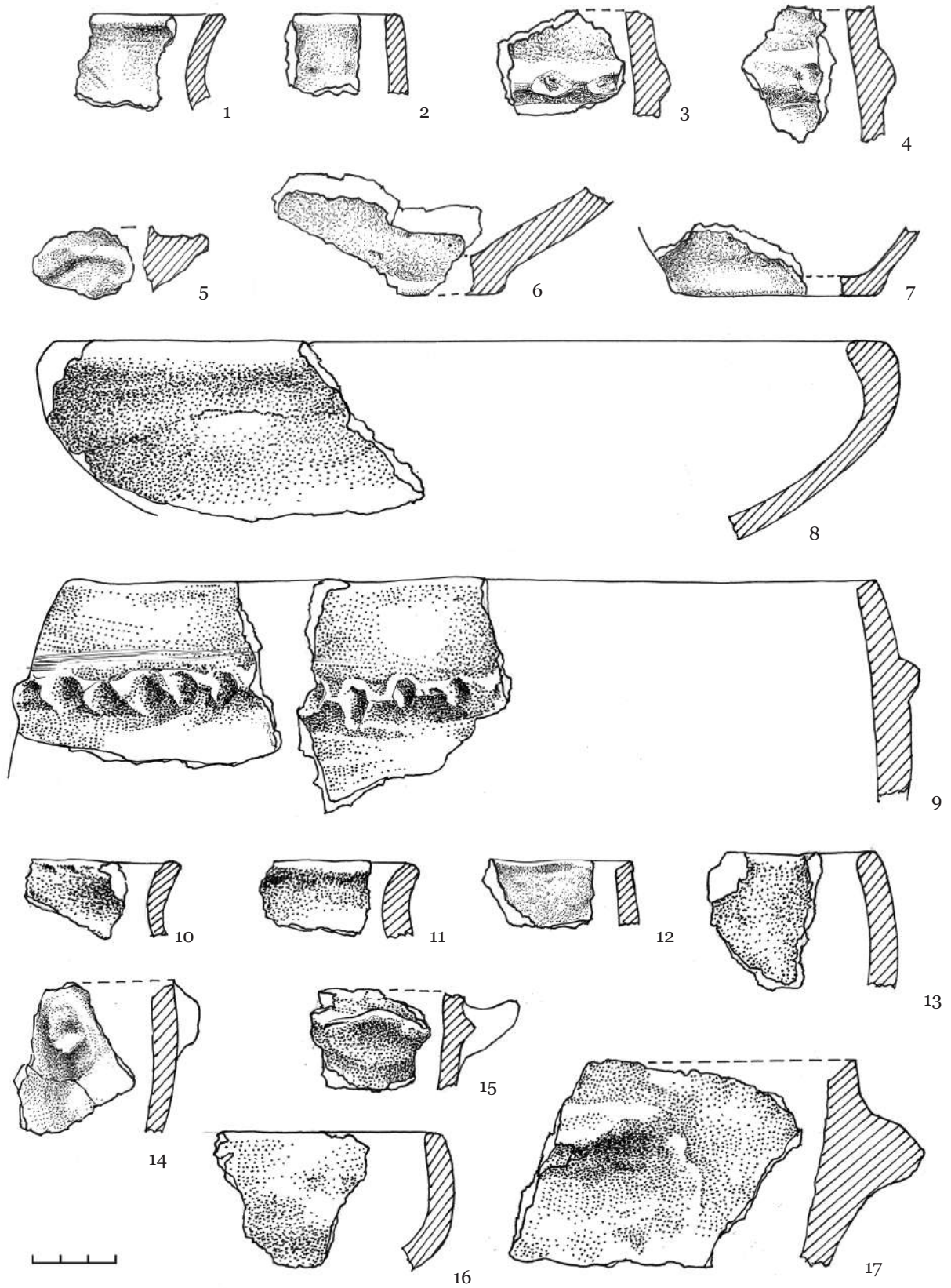

Fig. 8. Fragmente de vase descoperite în ruinele sistemului defensiv din zona porții de nord:
1-7 - zidul bastionului; 8-17 - zidul de incintă.

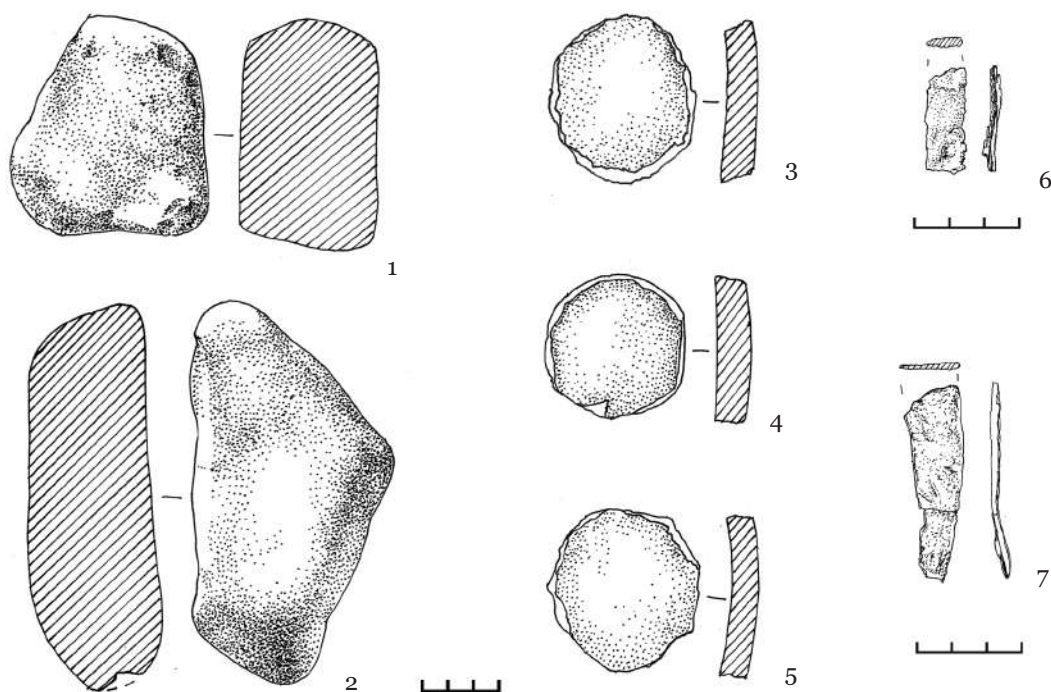

Fig. 9. Piese de inventar descoperite în ruinele sistemului defensiv din zona porții de nord:
1-3 - incinta bastionului; 4-6 - zidul de incintă; 7 - zidul bastionului.

de cca 0,25-0,30 m și adâncimea de cca 0,15 m. Plecând de la analogiile cunoscute pentru „zidul” de incintă de pe laturile de nord, de est și de sud ale cetății Saharna Mare (Niculiță, Zanoci, Băț 2016, fig. 15/2; 109), se poate presupune că acestea au servit drept locaș pentru fixarea bânelor ce au făcut parte din paramentele „zidului” de pe latura de nord. Faptul că la vest de această linie de gropi nu au fost depistate și altele ne sugerează ideea că aici „zidul” putea fi întrerupt pentru amenajarea unei intrări în bastion (fig. 11; 12/2).

În dărâmătura „zidului” de incintă au fost descoperite: un fragment de lamă de cuțit din fier, două jetoane/fise și 35 fragmente ceramice modelate cu mâna.

Fragmentul de cuțit (fig. 9/6) a făcut parte dintr-o piesă similară celor descoperite în nivelurile de locuire, atribuite comunităților traco-getice de la Saharna „La Șanț” (Niculiță, Zanoci, Arnăuț 2008, fig. 168/11), Saharna Mare (Niculiță et al. 2019, fig. 29/9) etc.

Jetoanele/fisele (fig. 9/4, 5), confecționate din pereții unor recipiente modelate cu mâna, sunt întâlnite frecvent în siturile din această perioadă din microzona Saharna (Niculiță, Zanoci, Băț

2016, fig. 126/22, 23; 148/23-28; Niculiță et al. 2019, fig. 48/19), microzona Hansca (Niculiță, Zanoci, Băț 2020, fig. 13/7-29; 21/6-14) etc.

Ceramica descoperită în dărâmătura „zidului” (fig. 8/8-17) este reprezentată, în special, de fragmente de la străchini și oale, utilizate în sec. IV-III a. Chr. de către comunitățile traco-getice.

În incinta bastionului, care, conform estimărilor, ar fi avut o formă semicirculară cu raza de 3 m, a fost atestat un strat de depuneri cu grosimea de cca 0,70-1,00 m (fig. 7). Acesta s-a format ca urmare a demolării „zidurilor” bastionului și a celui de incintă, precum și din scurgerile de sol de pe suprafața cetății. În procesul excavării stratului de umplură a bastionului, din sectorul investigat arheologic au fost recuperate: un percutor confecționat din piatră de granit (fig. 9/1); o cute din piatră de râu (fig. 9/2); un jeton confecționat din peretele unui vas modelat cu mâna (fig. 9/3); 76 fragmente de ceramică traco-getică și un fragment de la gâtul unei amfore heracleote, încadrate în intervalul de timp cuprins între a doua jumătate a sec. IV - începutul sec. III a. Chr.⁸

⁸ Atribuirea fragmentelor de amfore grecești și încadrarea lor cronologică aparține doamnei dr. Natalia Mateevici (MNIM), căreia îi aducem mulțumirile noastre și pe această cale.

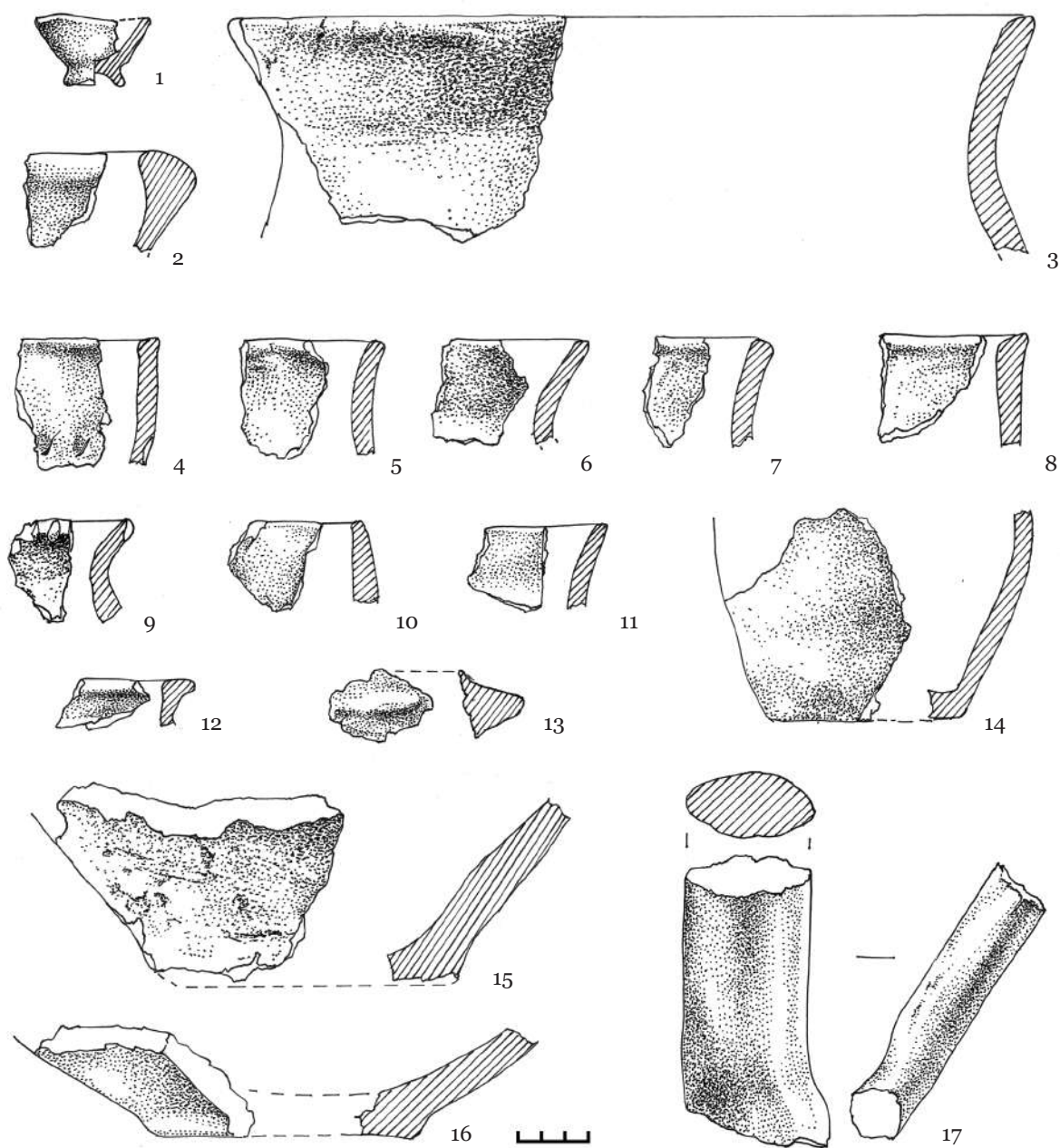

Fig. 10. Fragmente ceramice descoperite în groapa 1/32/2020.

După degajarea stratului de depuneri din interiorul bastionului, la adâncimea de 0,90 m de la nivelul actual de călcare, a fost descoperită o groapă, săpată în stâncă până la adâncimea de cca 1,10 m (fig. 6/4; 7). Ea avea formă quasi-ovală în plan, pereții fiind verticali. Lățimea gropii era de 1,20 m, lungimea surprinsă fiind de 1,85 m⁹. Umplutura gropii consta din sol de culoare

⁹ Pe latura de est, groapa depășea limitele secțiunii arheologice, astfel rămânând necunoscută lungimea reală a ei.

cenușie în amestec cu pietriș . Pe fundul ei a fost descoperit un bloc de piatră, parțial fasonată, de formă quasi-paralelipedică, cu dimensiunile de 1,00×0,50×0,40 m. Probabil, acesta a făcut parte din „zidul” bastionului, ajungând în groapă odată cu distrugerea lui. În urma săpăturilor efectuate în această structură, au fost identificate 56 de fragmente ceramice (fig. 10/1-16), ce provin de la diferite tipuri de vase modelate cu mâna, caracteristice sortimentului ceramic traco-getic din

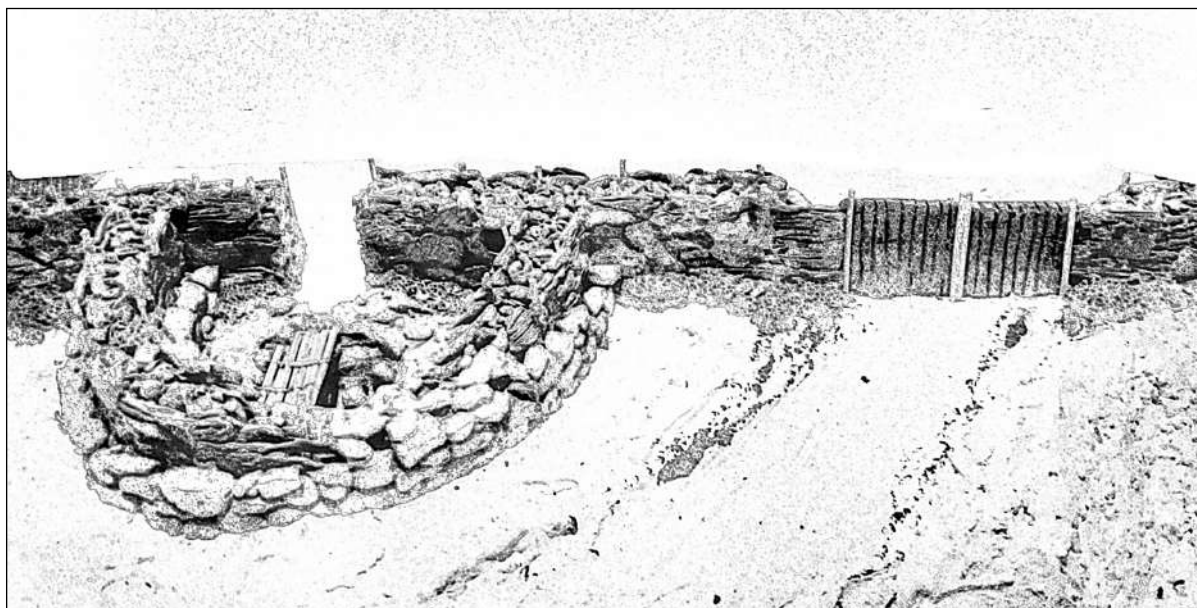

Fig. 11. Reconstituire grafică a porții de nord a cetății Saharna Mare (imagine S. Burciu).

sec. IV-III. a. Chr. Acestora li se adaugă și un fragment de toartă de amforă (fig. 10/17), care a fost atribuită unui recipient de origine heracleotă de la mijlocul sec. IV a. Chr. După toate probabilitățile, groapa din incinta bastionului, a fost utilizată drept un spațiu pentru păstrarea proviziilor, având, posibil, și un „capac” din lemn, ale cărui urme nu s-au păstrat. Piatra rezultată din săparea ei a fost utilizată la edificarea „soclului” bastionului.

În loc de concluzii:

o evaluare preliminară a noii structuri defensive, descoperite la Saharna Mare

Raportând rezultatele cercetării arheologice din 2020 celor din anii precedenți, când au fost vizate structuri defensive de la Saharna Mare, precum și din alte situri din microzonele Saharna și Horodiște-Țipova, remarcăm faptul că la edificarea bastionului porții de nord au fost utilizate tehnici de construcție ce se înscriu în canoanele arhitectonice ale comunităților tracogetice (Zanoci, Băț 2017; Zanoci, Băț 2020). Datele stratigrafice de la secțiunea din anul 2020 pun în evidență pregătirea zonei care urma să fie afectată de lucrările de construcție. Meșterii sau „zidarii” epocii au nivelat, în prealabil, terenul unde urma să fie edificat bastionul. Această observație este susținută de prezența unui strat de sol argilos compact și bine tasat care urma să anuleze diferența de pantă, terenul fiind înclinat

spre nord. Atât „zidul” de incintă, cât și cel al bastionului adosat au fost construite după modelul celui cu două paramente și emplecton, întâlnit la toate sistemele de fortificație din bazinul Nistrului de Mijloc. În același timp, în cazul „zidului” bastionului, constatăm un mod mai puțin obișnuit de construcție. Astfel, în procesul de cercetare a ruinelor acestui edificiu, au fost descoperite două șiruri paralele de pietre, așezate la o distanță de cca 1,00 m unul față de altul, provenind de la paramentele „zidului”. În baza acestor informații, s-a presupus că „zidul” bastionului a avut o fundație, clădită din blocuri de piatră, sumar fasonate, legate cu pământ (fig. 11).

O situație similară a fost atestată și în Saharna „La Șanț” I (Niculiță, Zanoci, Băț 2016, 354-358, fig. 251; 252), un sit din imediata apropiere a cetății Saharna Mare. Aici, pe latura de nord-est a fortificației, au fost cercetate vestigiile unei construcții defensive similare. Bastionul a fost acroșat liniei de fortificație de pe panta abruptă și avea, probabil, funcția unui turn de observație asupra defileului „Valea Crac” și a văii Nistrului. În sondajul realizat pe ruinele bastionului de la Saharna „La Șanț” I s-a putut observa existența unei fundații din blocuri de piatră, păstrată *in situ* (fig. 13/1).

În microzona Saharna, piatra a fost utilizată și la construcția bastionului de nord-est al fortificației Saharna Mică. Aici însă piatra apare sub forma

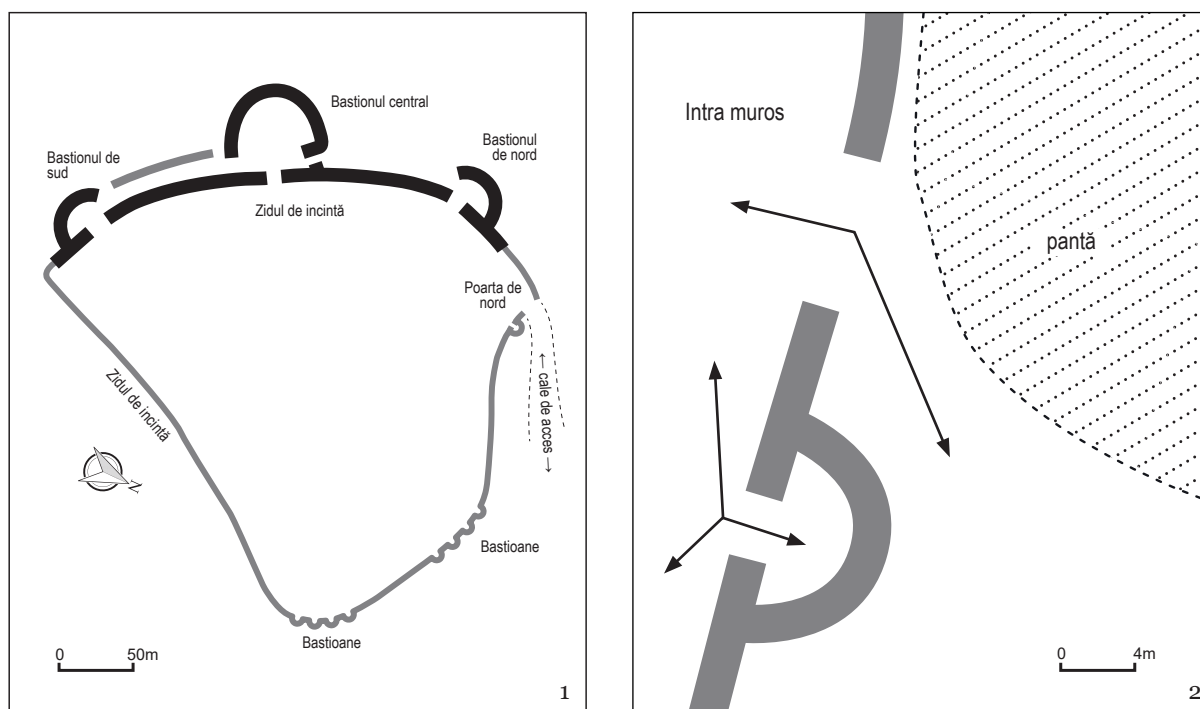

Fig. 12. Schiță a sistemului defensiv al cetății Saharna Mare: 1 - planul general (după Băț, Zanoci 2021); 2 - utilizarea porții de nord.

unui zid compact (fig. 13/2) cu înălțimea de cca 1,00-1,80 m, ce descria în plan un semicerc. Plecând de la descoperirea, în partea superioară a zidului, a fragmentelor de lemn carbonizat și a bucăților de lut ars cu amprente de nuiele, s-a presupus că acesta a avut o suprastructură din lemn, lipită cu lut (Niculiță, Zanoci, Arnăuț 2008, 25, fig. 2).

Prezența unui miez de piatră la baza „zidurilor” din lemn și pământ nu este ceva specific doar microzonei Saharna. Astfel de situații au fost documentate și la alte fortificații traco-getice, cum ar fi: Butuceni, zidul incintei de est (Niculiță, Teodor, Zanoci 2002, 37, fig. 18), Arsura (Teodor 1973, 53; Zanoci 2002, 271, Abb. 2), Cotnari (Florescu 1971, 110-111; Zanoci 2002, 271-272, Abb. 3) etc. Mai mult ca atât, la unele cetăți – Căscioarele-D'aia parte (Sîrbu, Damian 2017, 168-172, fig. 10-12), Satu Nou-Valea lui Voicu (Conovici, Irimia 1999, 198), Butuceni, zidul incintei de vest (Niculiță, Teodor, Zanoci 2002, 36, fig. 53, foto 2), zidurile au fost edificate integral din blocuri din piatră și poartă o amprentă a influenței elenistice (Zanoci 2002, 271-277).

Însă, în comparație cu siturile menționate, unde zidurile cu „nucleu” clădit din piatră sau cele con-

struite integral din piatră au fost utilizate pentru apărarea întregii incinte a cetății, la Saharna Mare, Saharna „La Șanț” I și Saharna Mică, „zidăria” este prezentă, deocamdată, doar în structura bastioanelor. Astfel, implementarea noilor tehnici de construcție la edificarea bastioanelor, menite să le confere o rezistență mai mare, denotă importanța lor strategică în sistemul defensiv al așezărilor.

Recent, în urma unei reevaluări a materialelor cu relevanță cronologică, în special a fragmentelor de recipiente grecești, descoperite pe diferite sectoare ale fortificației Saharna Mare, s-a presupus existența a două etape de edificare a sistemului defensiv. Astfel, către începutul sec. IV a. Chr. a fost edificat „zidul” și săpat șanțul de apărare de pe latura de vest. Mai târziu, la sfârșitul aceluiași secol, în fața liniei defensive vestice au fost construite trei bastioane cu șanțuri adiacente. Tot în această perioadă, a fost edificată și linia de apărare de pe laturile de nord, de est și de sud (Băț, Zanoci 2021, 28-30, Abb. 15). Probabil, la această dată, a fost amenajată și poarta de pe latura de nord, cu bastionul adiacent, fapt confirmat de fragmentele de amfore heracleote, descoperite în groapă și în incinta acestei

1

2

Fig. 13. Fundații clădite din blocuri de piatră descoperite în microzona Saharna:
1 - Saharna „La Șanț” I (după Niculiță, Zanoci, Băț 2016); 2 - Saharna Mică (după Niculiță, Zanoci, Arnăuț 2008).

structuri defensive. În această ordine de idei, trebuie remarcat faptul că lucrările de refortificare a cetății ce au vizat și amenajarea elementelor defensive din preajma porții de nord, au fost realizate într-o perioadă când sunt atestate cele mai numeroase importuri grecești și cele de origine central-europeană. Conform datelor disponibile, s-a stabilit că perioada de apogeu a importurilor a fost atinsă în intervalul delimitat de sfârșitul sec. IV a. Chr. și mijlocul veacului următor (Zanoci, Băț 2020, 65, fig. 7).

Cât privește locul bastionului porții de nord în sistemul de fortificare al cetății Saharna Mare, dat fiind locul amplasării acestuia, se poate presupune că din el apărătorii cetății controlau, iar în caz de necesitate, apărau, accesul în fortificație dinspre nord (fig. 12). Prin poarta adiacentă se putea ajunge la una dintre sursele de apă de la poalele promontoriului. Iar în situațiile de primădie, locuitorii cetății se puteau refugia, practic, neobservați, spre așezările din apropiere, cum ar fi Saharna Mică (fig. 14).

Fig. 14. Vedere de ansamblu a defileului Valea „La Crac” cu marcarea căii de acces către poarta de nord a cetății Saharna Mare (fotografie aeriană, august 2021).

Bibliografie

- Arnăut 2000:** T. Arnăut, Așezarea fortificată „Saharna Mare” – raion Rezina. In: (Red. M. Iacob, E. Oberländer-Târnoveanu, Fl. Topoleanu) Istro-Pontica, Muzeul Tulcean la 50-a aniversare (Tulcea 2000), 93-104.
- Băț, Zanoci 2021:** M. Băț, A. Zanoci, Chronologisch relevante Funde aus Befestigungen der vorrömischen Eisenzeit in der Mikroregion Saharna (Mittel-Dnestr-Gebiet). In: (Hrsg. E. Sava, V. Iarmulski, A. Zanoci, M. Băț, O. Munteanu) Die Chronologie der vorrömischen Eisen- und frühen Kaiserzeit in Mittel- und Südosteuropa: Probleme und Perspektiven. Humboldt-Kolleg: Chronologie in den archäologischen Forschungen (Chișinău, 08.-09. November 2018) (Chișinău-Berlin 2021), 11-45.
- Conovici, Irimia 1999:** N. Conovici, M. Irimia, Sistemul defensiv al davei getice de la Satu Nou – Valea lui Voicu. In: (Eds. T. Arnăut, A. Zanoci, S. Matveev) Studia in honorem Ion Niculiță (Chișinău 1999), 196-211.
- Florescu 1971:** A. Florescu, Unele considerațiuni asupra cetăților traco-getice (hallstattiene) din mil. I î.e.n. de pe teritoriul Moldovei. Cercetări Istorice s.n. 2, 1971, 103-118.
- Niculiță, Teodor, Zanoci 2002:** I. Niculiță, S. Teodor, A. Zanoci, Butuceni. Monografie arheologică (București 2002).
- Niculiță, Zanoci, Arnăut 2007:** I. Niculiță, A. Zanoci, T. Arnăut, Sistemul defensiv al cetății din epoca fierului – Saharna Mare. Tyragetia s.n. I/1, 2007, 27-62.
- Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008:** I. Niculiță, A. Zanoci, T. Arnăut, Habitatul din mileniul I a. Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna) (Chișinău 2008).
- Niculiță, Zanoci, Băț 2011:** I. Niculiță, A. Zanoci, M. Băț, Die frühhallstattzeitliche Befestigung von Saharna, Rajon Rezina, Republik Moldova. In: (Hrsg. Sava, E., Govedarica, B., Hänsel, B.) Der Schwarzmeerraum von Äneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000-500 v. Chr.). Prähistorische Archäologie in Südosteuropa, Band 27 (Rahden/Westf. 2011), 226-236.
- Niculiță, Zanoci, Băț 2013:** I. Niculiță, A. Zanoci, M. Băț, Siturile de pe interfluviul Saharna Mare (sfârșitul sec. XII - sec. III a. Chr.). In: (Eds. S-C. Ailincăi, A. Țârlea, C. Micu) Din preistoria Dunării de Jos. 50 de ani de la începutul cercetărilor arheologice la Babadag (1962-2012). Actele conferinței „Lower Danube Prehistory. 50 years of excavations at Babadag”, Tulcea, 20-22 septembrie 2012) (Brăila 2013), 351-372.
- Niculiță, Zanoci, Băț 2016:** I. Niculiță, A. Zanoci, M. Băț, Evoluția habitatului din microzona Saharna în epoca fierului (Chișinău 2016).
- Niculiță, Zanoci, Băț 2020:** I. Niculiță, A. Zanoci, M. Băț, Obiecte de cult din așezările getice de la Hansca (Raionul Ialoveni, Republica Moldova). In: (Ed. I. Căndea) The Thracians and Their Neighbours in Antiquity: Archaeology and History. Studies in Honor of Valeriu Sîrbu at his 70th Anniversary (Brăila: Istros 2020), 359-416.
- Niculiță et al. 2010:** I. Niculiță, A. Zanoci, T. Arnăut, M. Băț, Evoluția sistemului defensiv al siturilor din zona Saharna în mileniul I a. Chr. In: (Ed. I. Căndea) Tracii și vecinii lor în antichitate. Studia in honorem Valerii Sîrbu (Brăila 2010), 359-393.
- Niculiță et al. 2012:** I. Niculiță, A. Zanoci, M. Băț, S. Matveev, Investigațiile arheologice la situl Saharna Mare (2009-2011) (I). Tyragetia s.n. VI/1, 2012, 111-167.
- Niculiță et al. 2013:** I. Niculiță, A. Zanoci, M. Băț, S. Matveev, Investigațiile arheologice la situl Saharna Mare (2009-2012) (II). Tyragetia s.n. VII/1, 2013, 219-292.
- Niculiță et al. 2019:** I. Niculiță, A. Zanoci, M. Băț, V. Dulgher, Investigațiile arheologice la situl Saharna Mare / „Dealul Mănăstririi”, raionul Rezina (2017-2019). Tyragetia s.n. XIII/1, 2019, 253-322.
- Sîrbu, Damian 2017:** V. Sîrbu, P. Damian, Căscioarele-D’ăia parte – un centru rezidențial getic (sec. IV-III a. Chr.) de la Dunărea de Jos. In: (Eds. A. Zanoci, V. Sîrbu, M. Băț) Iron Age fortifications on the Tisa-Dniestr spase. Proceedings of Saharna Summer Colloquium, July 14th-17th, 2016 (Chișinău-Brăila: Istros 2017), 149-185.
- Teodor 1973:** S. Teodor, Cetatea traco-getică de la Arsura, jud. Vaslui (1964). MCA 10, 1973, 53-60.
- Zanoci 2002:** A. Zanoci, Ferninflüsse in der geto-dakischen Architektur. In: (Eds. A. Lang, V. Salač) Fernkontakte in der Eisenzeit (Praha 2002), 270-281.
- Zanoci, Băț 2013:** A. Zanoci, M. Băț, Sistemul defensiv al cetății Saharna Mare (raionul Rezina, Republica Moldova) în lumina noilor cercetări interdisciplinare. In: (Eds. A. Stavilă, D. Micle, A. Cîntar, C. Floca, S. Forțiu) Arheovest, I: Studia in memoriam Liviu Măruia (Szeged 2013), vol. II, 473-485.
- Zanoci, Băț 2017:** A. Zanoci, M. Băț, The specific features of the Getic fortifications in the Middle Dniester region (the Saharna and Horodiște-Țipova micro-zones). Plural V/2, 2017, 6-31.
- Zanoci, Băț 2020:** A. Zanoci, M. Băț, Trough the Hillfort’s Gate: the Defensive Features of Fortified sites in the Middle Dniester Region in the Fourth and Third Centuries BC. In: (Ed. A. Berzovan) Studia Praehistorica et Antiqua. Miscellanea in honorem Silvia Teodor (Iași 2020), 111-129.

Zancoci, Băț 2021: A. Zancoci, M. Băț, Cercetări arheologice la poarta de nord a cetății Saharna Mare. In: Sesiunea Națională de Rapoarte „Cercetări arheologice în Republica Moldova (campania 2020) (16 aprilie 2021, Chișinău), Program. Rezumatele comunicărilor (Chișinău 2021), 30-33.

Смирнов 1949: Г.Д. Смирнов, Скифское городище и селище «Большая Сахарна». КСИИМК 26, 1949, 93-96.

Смирнов 1953: Г.Д. Смирнов, Отчетные материалы по археологическим исследованиям Молдавии за 1946-1953 годы (Кишинев 1953). Arhiva MNIM, inv. nr. 507.

Archaeological research at the northern gate of the Saharna Mare hillfort

Keywords: defensive system, defensive wall, defensive ditch, hillfort gate, bastion, Greek imports, 4th-3rd centuries BC.

Abstract: The Saharna Mare hillfort is known in the literature thanks to the systematic archaeological investigations carried out by G. Smirnov in 1946-1947 and by the Moldova State University team in 2001-2020. As a result of the research, it was found that the fortification with an area of about 6 hectares was surrounded by a system consisting of several defensive features. On the western side, a “wall” of wood, earth and stones was built, with an adjoining ditch, in front of which there were three semicircular bastions. The north, east and south sides were protected by the same “wall”, only of a smaller size. Recently, on the northern side of the fortification, in the defensive “wall” a gap was discovered, about 9 m wide, which was interpreted as an access path to the hillfort. About 5 m east of the gate, a bastion was found, the remains of which have a semicircular shape of 11×6 m. As a result of archaeological research in 2020, it was established that the “wall” of the bastion had a “base” about 1.6 m wide, consisting of two linings made of stone blocks, the space between which was filled with earth. On this structure, a double rampart was built, consisting of two timber frameworks. The space between which was filled with earth and stones. Inside the bastion, which had a semicircular shape with dimensions of 6×3 m, a storage pit was found, dug in the limestone rock.

Artifacts found in the remains of the rampart, as well as inside the bastion, indicate that it functioned simultaneously with the entire defensive system of the Saharna Mare hillfort and was built by the end of the 4th century BC.

List of illustrations:

Fig. 1. Location of the Saharna Mare site on the map of the East Carpathian area.

Fig. 2. Saharna Mare. Aerial photograph of the promontory (the northern gate area is marked by the white arrow).

Fig. 3. Remains of the northern gate bastion at the beginning of research (July 2020).

Fig. 4. Topographic plan of the Saharna Mare promontory with location of archaeological trenches.

Fig. 5. Saharna Mare. General view of the trench 32/2020.

Fig. 6. Remains of the defensive system of the north gate: 1 - the enclosure wall; 2-4 - the bastion of the north gate and its enclosure; 5, 6 - stones from the construction of the bastion; 7 - burnt wood fragments from the bastion wall structure (by Zancoci, Băț 2021).

Fig. 7. Saharna Mare. Plan and section of the trench 32/2020.

Fig. 8. Pottery sherds found in the ruins of the defense system in the area of the northern gate: 1-7 - the bastion wall; 8-17 - the enclosure wall.

Fig. 9. Archaeological finds from the ruins of the defense system in the area of the northern gate: 1-3 - inside the bastion; 4-6 - the enclosure wall; 7 - the bastion wall.

Fig. 10. Pottery sherds found in pit 1/32/2020.

Fig. 11. Graphic reconstruction of the northern gate of the Saharna Mare hillfort (image S. Burciu).

Fig. 12. Sketch of the defensive system of the Saharna Mare hillfort: 1 - general plan (by Băț, Zancoci 2021); 2 - use of the north gate.

Fig. 13. Foundations made of stone blocks found in the Saharna microregion: 1 - Saharna „La Șanț” I (by Niculiță, Zancoci, Băț 2016); 2 - Saharna Mică (by Niculiță, Zancoci, Arnăuț 2008).

Fig. 14. General view of the Valea “La Crac” gorge with the marking of the access road to the northern gate of the Saharna Mare hillfort (aerial photo, August 2021).

Археологические исследования у северных ворот городища Сахарна Маре

Ключевые слова: оборонительная система, оборонительная стена, оборонительный ров, крепостные ворота, бастион, греческий импорт, IV-III вв. до н.э.

Резюме: Городище Сахарна Маре известно в специальной литературе благодаря систематическим археологическим изысканиям, проводившимся Г. Смирновым в 1946-1947 годах и экспедицией Молдавского государственного университета в 2001-2020 годах. В результате исследований было установлено, что

городище площадью около 6 га было окружено оборонительной системой, состоящей из нескольких защитных элементов. С западной стороны была построена «стена» из дерева, земли и камней с прилегающим рвом, перед которым были расположены три полукруглых бастиона. Северная, восточная и южная стороны были защищены такой же «стеной», только меньших размеров. Недавно на северной стороне укрепления в оборонительной «стене» был обнаружен разрыв шириной около 9 м, который был интерпретирован как ворота городища. Примерно в 5 м к востоку от ворот был обнаружен бастион, остатки которого имеют полукруглую форму размером 11×6 м. В результате археологических исследований в 2020 году было установлено, что «стена» бастиона имела «цоколь» шириной около 1,6 м, состоящий из двух стенок из каменных блоков, пространство между которыми было засыпано землей и утрамбовано. На этой конструкции был сооружен двойной частокол, состоящий из двух рядов деревянных столбов, пространство между которыми было заполнено землей и камнями. Во внутреннем пространстве бастиона, имеющее полукруглую форму размерами 6×3 м, была обнаружена яма для провизии, вырытая в известняковой породе мыса. Артефакты, обнаруженные среди остатков стены, а также в пределах бастиона, свидетельствуют о том, что бастион функционировал одновременно со всей оборонительной системой городища Сахарна Маре и был построен к концу IV в. до н.э.

Список иллюстраций:

- Рис. 1. Расположение памятника Сахарна Маре на карте Восточно-Карпатского региона.
 Рис. 2. Сахарна Маре. Аэрофотоснимок мыса (область северных ворот отмечена белой стрелкой).
 Рис. 3. Остатки бастиона северных ворот на момент начала исследований (июль 2020 г.).
 Рис. 4. Топографический план мыса Сахарна Маре с разметкой археологических раскопов.
 Рис. 5. Сахарна Маре. Общий вид раскопа 32/2020.
 Рис. 6. Остатки оборонительной системы северных ворот: 1 - крепостная стена; 2-4 - бастион северных ворот и его внутреннее пространство; 5, 6 - камни из конструкции бастиона; 7 - фрагменты обожженного дерева от конструкции стены бастиона (по Zănoși, Băț 2021).
 Рис. 7. Сахарна Маре. План и разрез раскопа 32/2020.
 Рис. 8. Фрагменты сосудов, обнаруженные в развалинах оборонительной системы в зоне северных ворот: 1-7 - «стена» бастиона; 8-17 - оборонительная «стена» городища.
 Рис. 9. Находки, обнаруженные в развалинах оборонительной системы в зоне северных ворот: 1-3 - внутри бастиона; 4-6 - оборонительная «стена» городища; 7 - «стена» бастиона.
 Рис. 10. Фрагменты керамики, обнаруженные в яме 1/32/2020.
 Рис. 11. Графическая реконструкция северных ворот городища Сахарна Маре (рисунок С. Бурчу).
 Рис. 12. Эскиз оборонительной системы городища Сахарна Маре: 1 - общий план (по Băț, Zănoși 2021); 2 - использование северных ворот.
 Рис. 13. Фундаменты, сооруженные из каменных блоков, обнаруженные в микроне Сахарна: 1 - Сахарна «Ла Шанц» I (по Niculiță, Zănoși, Băț 2016); 2 - Сахарна Микэ (по Niculiță, Zănoși, Arnăuț 2008).
 Рис. 14. Общий вид ущелья Валя «Ла Крак» с указанием дороги к северным воротам городища Сахарна Маре (аэрофотоснимок, август 2021 г.).

20.08.2021

Dr. Aurel Zănoși, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici , 60, MD-2009 Chișinău, Republica Moldova, <https://orcid.org/0000-0002-3236-7582>, e-mail: azanoci@gmail.com

Mihail Băț, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici , 60, MD-2009 Chișinău, Republica Moldova, <https://orcid.org/0000-0001-6642-2888>, e-mail: mb_usm@yahoo.com

---

ФОРМА ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ АРУЛОВ ИЗ ТИРЫ

Екатерина Савельева

Ключевые слова: матрица, миниатюрные алтари, арулы, Тира, эллинистический период.

В Белгород-Днестровском краеведческом музее хранится фрагмент формы (матрицы) для изготовления миниатюрных керамических алтарей – арулов. Этот предмет принадлежит к «старому фонду» музея – к поступлениям до 1941 г., документация о которых была утрачена (инв. № А-1076)¹. Поэтому контекст находки и обстоятельства поступления формы в музей не известны. По каким-то причинам этот важный артефакт раньше не привлекал внимания исследователей, хотя другая матрица и некоторые терракоты (наиболее выразительные) из коллекции музея публиковались неоднократно (Клейман 1970; Самойлова 1988).

Сохранилась верхняя часть керамической формы для оттискивания одной из четырех сторон арулов (рис. 1/1). Оттиск имеет типичные для этого типа изделий элементы: фриз, украшенный волютами, розетками и дентикулами, карниз, по краям расположены акротерии. Ширина – 7,9 см, толщина – 1,6 см, высота фрагмента – 3,8 см. Максимальная ширина оттиска – 7 см. Матрица изготовлена из плотной светло-коричневой глины без видимых примесей.

Терракотовые алтарики (арулы) – миниатюрные копии греческого алтаря, обычно рассматриваются исследователями наряду со статуэтками, хотя их функции были шире: они могли служить одновременно и вотивными дарами, и использоваться для сжигания ароматических веществ (об этом свидетельствуют следы копоти внутри вместилищ

некоторых образцов) (Yavis 1949, 171-175). Контекст находок показывает, что чаще всего эти предметы использовались в частных культурах.

Арулы рассматриваемого типа имеют прямоугольную форму, сверху расположена чаша-вместилище, оформленная снаружи как антаблемент здания, внизу – ступенчатый постамент (цоколь) (рис. 1/2). На каждой стороне содержится рельефное изображение с одним из четырех сюжетов: 1) Дионис, сатир и менада (или Ариадна), 2) Аполлон и Артемида (или Лето), 3) девушка (Ника?), венчающая трофей, 4) Посейдон и Амимона (Амфитрита?)².

Аналогии. Предполагается, что изготовление этого типа арулов началось в Афинах на рубеже IV-III вв. до н. э. (Thompson 1962, 259-260; Massa 1992, 70). Обычно их находят с материалами III - начала II в. до н. э., иногда и в более поздних контекстах (Vogeikoff-Brogan 2000, 329). По аттическим образцам, без значительных изменений, арулы изготавливались в местных мастерских разных регионов. Некоторые исследователи считают, что они имеют южно-итальянское происхождение (Wuilleumier 1928, 46-49; Siebert 1978, 240). Из-за большого количества находок алтариков в Таренте к ним иногда применяется название «тарентийские». Матрицы для изготовления арулов были найдены в Аттике, на Делосе и в Сиракузах (Lungu 2017, 19).

На античных памятниках Северного и Западного Причерноморья собрано в общей сложности несколько десятков экземпляров. В некоторых центрах найдены изделия из местной глины, однако ни в одном из них не было обнаружено матриц.

---

¹ Белгород-Днестровский краеведческий музей (БДКМ) был основан в 1940 г. Его фонды составили материалы из раскопок Тиря и средневековой крепости, а также подарки местных меценатов. Во время Второй мировой войны музей был разрушен, значительная часть материалов и документации была вывезена из страны.

² Относительно интерпретации изображений на стенках алтариков существуют разные мнения (Massa 1992, 71-78; Шевченко 1995, 156-157; Lungu 2017, 9-15).

Рис. 1. 1 - Форма для изготовления арулов из Тира; 2 - алтарь местного производства из Херсонеса (по Шевченко 2016, 82, № 468); 3-14 - арулы из Тира.

– В *Херсонесе* и его округе найдено 19 единиц. Местное происхождение алтариков установлено по визуальному анализу цвета и структуры глины – «хорошо промешанной коричневатой с блестками». Большинство из них обнаружено в жилых помещениях (Белов 1970, 74-75; Шевченко 1995, 156-157, Шевченко 2016, 82-85).

– На Боспоре: один фрагмент найден в *Пантикапее* (Ильина, Муратова 2008, 316, рис. III/2), еще один – в *Мирмекии*. По определению В. И. Денисовой он изготовлен из боспорской глины (Денисова 1981, 57-58, табл. XV/e).

– В *Ольвии* большое количество фрагментов арулов найдено на территории западного и восточного теменосов, а также в других частях города, это, по мнению Е. И. Леви, свидетельствует о массовом местном производстве (Леви 1959, 15, рис. 5/1; Русяева 2001, 47).

– В *Каллатисе* найдено четыре небольших фрагмента (Сапагаче 1969, 62, 64-65). Больше находок сделано на хоре – на поселении Альбешти обнаружено 12 единиц, некоторые из них в жилых помещениях (Busoiianu, Bărbulescu 2008, 227-228; Lungu 2017, 6).

– В *Тире* за все время исследований было собрано тринадцать экземпляров (Клейман 1980, 99-100, рис. 2/6; Самойлова 2009, 395; Самойлова 2013, табл. 15). Один из них имеет относительно неплохую сохранность: утрачена частично одна стенка и полностью – основание (рис. 1/3). Остальные представляют собой небольшие фрагменты, не исключено, что некоторые являются частями одного изделия (рис. 1/4-14). Один фрагмент, найденный при раскопках, был утерян (Батизат 2003-2004, 343). Из этого числа три обнаружены в заполнении жилых помещений III-II вв. до н.э. Вместе с ними были найдены другие терракоты – маска Диониса, фрагмент протомы богини, фрагменты статуэток Кибелы, Афродиты, Эрота, женщин.

Происхождение матрицы. Вероятнее всего, матрица была скопирована местным мастером с импортного образца. Возможно также, что такая операция была проделана неоднократно, в таком случае матрица скопирована с алтарика уже местного производства.

На это косвенно указывает размер оттиска: его максимальная ширина составляет 7 см (без учета усадки глины, которая происходила при обжиге оттиснутых изделий), в то время как ширина некоторых арулов достигает 8 см. Как известно, при неоднократном механическом копировании матриц с готовых изделий продукция каждого следующего поколения уменьшается в размерах. Кроме того, уменьшается высота рельефа, из-за этого снижается качество передачи деталей. На оттиске с матрицы из Тире детали (розетки, пальметта, волюты) переданы не очень четко, что также свидетельствует о неоднократном копировании. Качество изготовления остальных арулов из Тире разное: на одном из образцов детали выполнены очень четко (рис. 1/4), на другом они едва видны (рис. 1/6).

Алтарик, с которого была скопирована матрица первого поколения, мог попасть в Тире напрямую из Аттики или из другого центра, где эти изделия изготавливались по аттическим образцам. Среди возможных поставщиков – города Северного и Западного Причерноморья, связанные между собой системой морских торговых путей – Херсонес, Ольвия и Каллатис. Существование активных экономических контактов между Тирой и этими полисами в эллинистическое время подтверждается кроме прочего и нумизматическими материалами (Зограф 1957, 57; Самойлова 2013, 487). Одной из статей импорта и экспорта были ремесленные изделия, среди них могли перевозиться и партии терракот в качестве сопутствующего товара.

Важным торговым партнером Тире был Херсонес. Об этом свидетельствуют находки фрагментов амфорной тары (Самойлова 1988, 65; Матеевич, Самойлова 2017, 67) и столовой посуды херсонесского производства (Самойлова, Строкин 1982, 146-147; Котенко 2017, 17). Кроме изготовления посуды, в Херсонесе было налажено производство терракот. Там открыто шесть мастерских и найдено около 70 матриц (Шевченко 2016, 156). Вполне вероятно, что именно этот центр оказал влияние на распространение и производство алтариков в Тире.

Производство терракот в Тире. В настоящее время в Тире обнаружено уже девять

матриц. Ранее были опубликованы матрицы для изготовления масок Силена, полуфигур богини, статуэток стоящей женщины и Афродиты (состоящие из нескольких отдельных частей) (Nicorescu 1924, 397, fig. 13; Клейман 1980, 101, рис. 4/6; Самойлова 1988, 77, рис. 16/9; Остапенко 2008, 144-146; Савельева 2019, 32, мал. 1-2). Эти находки указывают на то, что спрос населения города на изделия коропластики удовлетворялся за счет местной продукции, по крайней мере, частично. В настоящее время гончарные мастерские эллинистического времени не обнаружены³, поэтому данные о керамическом производстве в Тире косвенные. Предварительно, по цвету и структуре глины, без проведения химического анализа, можно заключить, что около 50% всех эллинистических терракот изготовлены в местных мастерских (при общем количестве не менее сотни единиц).

Публикуемая матрица (как и несколько других, известных ранее) относится к периоду относительной экономической стабильности в Тире, который сопровождался расширением площади города. Возможно, что увеличение количества населения стало стимулом к возникновению в конце IV - начале III вв. до н.э. местного производства терракот, которое прекратилось во второй половине II в. до н.э., когда в городе начался кризис. При этом использовались импортные или скопированные с импортных изделий формы. Изучение матрицы и арулов из Тире может дополнить данные о торговых связях города с другими производственными центрами. Окончательный ответ на вопрос об их происхождении дадут лишь лабораторные анализы состава глины и сравнение с образцами из других регионов. Однако в настоящее время можно с уверенностью утверждать, что какое-то количество алтариков изготавливалось в местных мастерских.

Библиография

- Батизат 2003-2004:** Г.В. Батизат, Мистические культы в античной Тире. *Stratum plus* 3, 2003-2004, 340-351.
- Белов 1970:** Г.Д. Белов, Терракоты из Херсонеса. В: (Ред. М.М. Кобылина) Терракоты Северного Причерноморья, т. II (Москва 1970).
- Денисова 1981:** В.И. Денисова, Коропластика Боспора (по материалам Тиритаки, Мирмекия, Илурата и сельской усадьбы) (Ленинград 1981).
- Зограф 1957:** А.Н. Зограф, Монеты Тире (Москва 1957).
- Ильина, Муратова 2008:** Т.А. Ильина, М.Б. Муратова, Вотивные терракоты из дворцового храма на акрополе Пантикапея. *Древности Боспора* 12, 2008, 287-339.
- Клейман 1970:** И.Б. Клейман, Статуэтки из Тире В: (Ред. М.М. Кобылина) Терракоты Северного Причерноморья, т. II (Москва 1970).
- Клейман 1980:** И.Б. Клейман, Терракоты из раскопок Тире 1970-1977 г. В: (Ред. П.О. Карышковский) Исследования по античной археологии Юго-Запада Украинской ССР (Киев 1980), 96-103.
- Котенко 2017:** В.В. Котенко, Про один із векторів херсонеської торгівлі. *Археологія* 1, 2017, 17-23.
- Леви 1959:** Е.А. Леви, Терракоты из цистерны Ольвийской агоры. *Краткие сообщения Института истории материальной культуры* 54, 1959, 9-19.
- Матеевич, Самойлова 2017:** Н. Матеевич, Т.Л. Самойлова, Амфорные клейма из Тире (раскопки 1998-2008 гг.) (Киев 2017).
- Остапенко 2008:** П.В. Остапенко, Форма для изготовления терракот, найденная в Тире. В: (Ред. С.Б. Охотников, В.Г. Петренко) Краткие сообщения Одесского археологического общества (Одесса 2008), 144-146.
- Русяева 2001:** А.С. Русяева, Домашні святилища і культу в античних містах Північного Причорномор'я VI-II ст. до н. е. *Археологія* 2, 2001, 41-51.
- Савельева 2019:** К.С. Савельева, До питання про виробництво теракот в Тірі (IV ст. до н. е. - III ст. н. е.). *Археологічна керамологія* 2, 2019, 28-36.
- Самойлова 1988:** Т.Л. Самойлова, Тира в VI-I вв. до н.э. (Киев 1988).

³ Возможно остатки производственных комплексов не сохранились, поскольку значительная часть Тире была повреждена в результате строительства средневековой крепости и современного города, а также разрушения берега лимана.

- Самойлова 2009:** Т.Л. Самойлова, Античная короупластика: новые находки терракот из Тиры (1997-2008 г.). В: (Ред. М.Ю. Вахтина, О.Ю. Соколова, Е.В. Грицик, В.Ю. Зуев, С.В. Кашаев, В.А. Хршановский) Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург 2009), 391-396.
- Самойлова 2013:** Т.Л. Самойлова, Тира. В: (Ред. И.В. Бруяко, Т.Л. Самойлова) Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (Одесса 2013), 450-492.
- Самойлова, Строкин 1982:** Т.Л. Самойлова, С.В. Строкин, Керамика северопонтийских городов из Тиры (IV-I вв. до н. э.). В: (Ред. Г.А. Дзис-Райко) Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья (Киев 1982), 141-150.
- Шевченко 1995:** А. В. Шевченко, Терракотовые алтарики из Херсонеса. Древности 2, 1995, 160-166.
- Шевченко 2016:** А.В. Шевченко, Терракоты античного Херсонеса и его ближней сельской округи (Симферополь 2016).
- Busoianu, Bărbulescu 2008:** L. Busoianu, M. Bărbulescu, Albești (Constanța 2008).
- Canarache 1969:** V. Canarache, Măști și figurine Tanagra din atelierele de la Callatis-Mangalia (Constanța 1969).
- Lungu 2017:** V. Lungu, Hellenistic portable altars and incense burners, thymiateria and arulae. Examples of Albești and Callatis. Revue des études sud-est européennes LV, 2017, 5-28.
- Massa 1992:** M. Massa, La ceramica ellenistica con decorazione a rilievo della bottega di Efestia (Rome 1992).
- Nicorescu 1924:** P. Nicorescu, Scavi e Scoperta a Tyras. Ephemeris Dacoromana II, 1924, 378-413.
- Thompson 1962:** D.B. Thompson, Three Centuries of Hellenistic Terracottas: II. C The Satyr Cistern. Hesperia 31 (3), 1962, 244-262.
- Siebert 1978:** G. Siebert, Recherches sur les ateliers de bols à reliefs du Péloponnèse à l'époque hellénistique (Paris 1978).
- Vogeikoff-Brogan 2000:** N. Vogeikoff-Brogan, Late Hellenistic Pottery in Athens: A New Deposit and Further Thoughts on the Association of Pottery and Societal Change. Hesperia 69 (3), 2000, 293-333.
- Wuilleumier 1928:** P. Wuilleumier, Brûle-parfums en terre-cuite. Mélanges d'archéologie et d'histoire 45, 1928, 43-76.
- Yavis 1949:** C.G. Yavis, Greek altars, origins and typology (Saint Louis 1949).

Matriță pentru confecționarea arulelor descoperită în Tyras

Cuvinte-cheie: matriță, altar miniatural, *arule*, Tyras, perioada elenistică.

Rezumat: În Muzeul de Istorie a Ținutului Natal din Belgorod-Dnestrovsky se păstrează un fragment dintr-o matriță de lut pentru realizarea de altare miniaturale, numite și arule sau afumătoare. Deși acest artefact are o mare importanță, nu a atras niciodată atenția cercetătorilor. În această formă era realizată una dintre cele patru laturi ale altarelor decorate în relief: o figură feminină încununând un trofeu; Apollo și Leto; Poseidon și Amimona; Dionis cu Ariadna și un satir. Arula are similitudini cu piesele descoperite în Atena și în alte centre grecești. În regiunea Mării Negre cel mai mare număr de exemplare este cunoscut în Chersonesos, Olbia, Callatis și Albesti. Ele se găsesc, de obicei, în contextul vestigiilor din secolele III-II a. Chr. Pe lângă matriță, în Tyras au fost descoperite și 13 fragmente de altare miniaturale. Fără o analiză chimică specială, astăzi este imposibil să se stabilească dacă matrița a fost fabricată într-un atelier al unui coroplast din Ellada sau într-unul dintre orașele antice din regiunea Mării Negre. Este posibil să fi fost realizată și de un meșter local, folosind un model importat. Această piesă completează repertoriul teracotelor din perioada elenistică, descoperite în Tyras.

Lista ilustrațiilor:

Fig. 1. 1 - Matriță pentru fabricarea arulelor din Tyras; 2 - altar de producție locală din Chersonesos (după Шевченко 2016, 82, № 468); 3-14 - arule din Tyras.

The mould for making arulae from Tyras

Keywords: mould, small altars, *arulae*, Tyras, Hellenistic period.

Abstract: The Bilhorod-Dnistrovskyi Museum of Local Lore has in its collection a fragment of the clay mould for making small altars associated with arulae or incense burners. Although this artifact is of great importance, it has never attracted the attention of researchers before. This mould was used to make one of four the sides of arulae decorated in relief: a female figure crowning a trophy; Apollo and Leto; Poseidon and Amymone; and Dionysos with Ariadne and Satyr. The shape of the arula finds parallels in examples in Athens and other Greek centers. In the Pontic area, the largest number of specimens is known in Chersonesos, Olbia, Callatis and Albești. These altars

usually appear in contexts of the 3rd and 2nd century BC. In addition to the mould, 13 fragments of arulae were also found in Tyras. Without special chemical analysis, it is not certain today if the mould was brought from the coroplastic workshop in Greece or from ancient cities of the Pontic area, or if it was made by local craftsman on an imported model. Nowadays this published mould has added to the list of terracottas that were made in the city during the Hellenistic period.

List of illustrations:

Fig. 1. 1 - The mould for making small altars (arulae) of Tyras; 2 - the arula of local production from Chersonesos (after Шевченко 2016, 82, № 468); 3-14 - arulae of Tyras.

05.04.2021

Др. Екатерина Савельева, Институт археологии, Национальная Академия наук Украины, пр. Героев Сталинграда 12, Киев, Украина, <https://orcid.org/0000-0002-1899-3923>, e-mail: savelievakat6@gmail.com

---

КУРГАН 16 ГРУППЫ «ВОДОВОД» В НИЖНЕМ ПОДНЕСТРОВЬЕ

Виталий С. Синика, Николай П. Тельнов,
Сергей Д. Лысенко, Сергей Н. Разумов

Ключевые слова: левобережье Нижнего Днестра, энеолит, вторая половина V - первая половина IV тыс. до н.э., скифы, погребения, меч типа Солоха, амфоры, вторая половина IV в. до н.э.

Введение

В настоящее время в Нижнем Поднестровье ведутся активные археологические исследования. Работами Днестровской археологической экспедиции у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра с 1995 г. по 2020 г. было изучено более 350 захоронений различных культурно хронологических горизонтов – от позднего энеолита до позднего средневековья¹.

Тем не менее, публикация новых материалов из Поднестровья представляется актуальной, поскольку имеет значение для изучения разных периодов истории Северного Причерноморья.

В настоящей работе впервые полностью публикуются и анализируются материалы, полученные в 2018 г. при исследовании скифского кургана № 16 группы «Водовод». Памятник находился в 3,33 км к северу-северо-востоку от северной оконечности с. Глиное Слободзей-

ского района на левобережье Нижнего Днестра, на высоком плато, расположенном на правом берегу р. Красная. Ниже приводится описание этого кургана, исследованных в нём захоронений, а также погребального инвентаря.

Описание кургана

Курган 16 группы «Водовод» копался параллельными траншеями с использованием техники. Были разбиты пять бровок по направлению север – юг шириной по 0,6 м: длина Центральной бровки 44 м, I Западной и I Восточной бровок – по 40 м, II Западной и II Восточной бровок – по 36 м, расстояние между центрами бровок по 5 м (рис. 1).

В кургане обнаружены кольцевой ров и 12 разновременных захоронений: два погребения эпохи энеолита и десять скифских.

Кольцевой ров внутренним диаметром 10 м, шириной до 2 м на уровне древней поверхности, до 1,4 м по дну, и глубиной до 2,56 м от R₀ (около 0,6 м от древней поверхности) был сооружён одновременно с основным для первой насыпи захоронением 12 эпохи энеолита. В поперечном разрезе трапециевидный. Заполнение – светло-серый слабо гумусированный грунт. В восточной части рва был оставлен проход шириной до 1,8 м.

В юго-западной части рва в придонном заполнении был найден фрагмент отщепы (1).

Описание находки.

1. Фрагмент полупервичного отщепы без следов использования. Кремьень светло-серый полупрозрачный размерами 25×14×8 мм (рис. 1/2).

В 14,5 м к северо-востоку от R₀ на дне кольцевой выемки вокруг третьей насыпи на глубине 2,41 м от R₀ была вертикально установлена углом вниз треугольная известняковая стела (2) (рис. 21/1, 2). Рядом с ней на дне выемки (на глубине 2,3 м от R₀) были найдены фраг-

¹ Результаты исследований были опубликованы в: Лысенко, Разумов 2014; Лысенко, Разумов 2016; Разумов и др. 2016; Разумов и др. 2019; Тельнов, Четвериков, Синика 2016; Синика, Тельнов 2016b; Синика, Тельнов 2016c; Синика, Тельнов 2016d; Синика, Тельнов 2017a; Синика, Тельнов 2017b; Синика, Тельнов 2017c; Синика, Тельнов 2018a; Синика, Тельнов 2018b; Синика, Тельнов, Загордонец 2017; Sinika, Lysenko, Telnov 2017; Разумов, Панковский 2018; Синика, Лысенко, Тельнов 2018; Синика Тельнов, Лысенко 2018a; Синика Тельнов, Лысенко 2018b; Синика Тельнов, Лысенко 2018c; Синика Тельнов, Лысенко 2018d; Синика Тельнов, Лысенко 2018e; Вальчак и др. 2019; Вальчак и др. 2020; Квитницкий и др. 2019a; Квитницкий и др. 2019b; Квитницкий и др. 2019c; Синика и др. 2019a; Синика и др. 2019b; Синика и др. 2019c; Синика и др. 2019d; Синика и др. 2020a; Синика и др. 2020b; Синика и др. 2020c; Синика и др. 2020d; Синика и др. 2020e; Синика и др. 2020f; Синика и др. 2021; Лысенко и др. 2020; Sinika et al. 2020; Valchak et al. 2020.

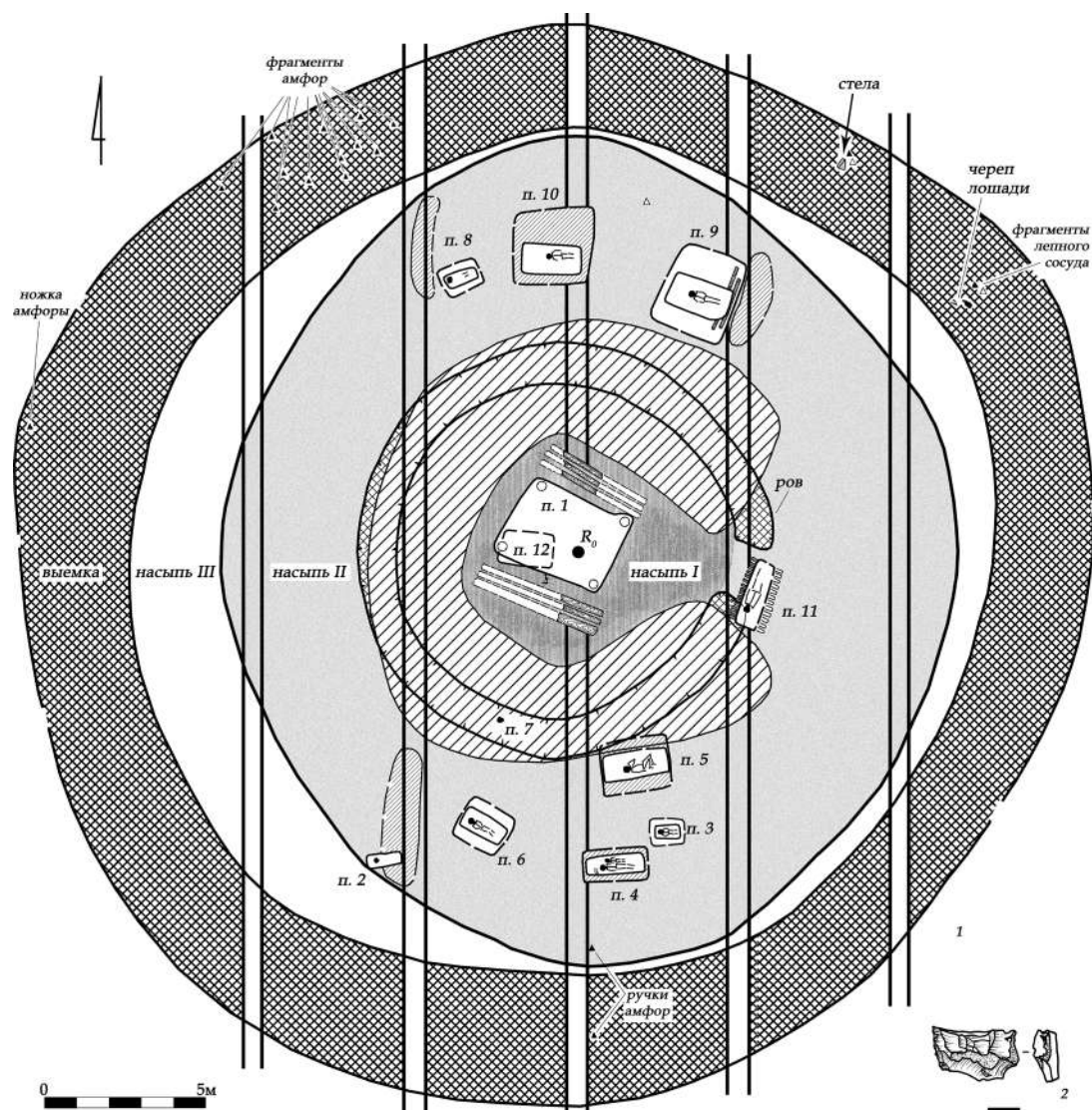

Рис. 1. План кургана 16 группы «Водовод» у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра (1) и находка из рова (2).

менты кости крупного копытного животного и венчика амфоры (1).

Описание находок.

1. Фрагмент венчика амфоры. Глина с примесью мелкого шамота, включениями мелкого песка. Цвет розовато-оранжевый. Диаметр венчика 160 мм. Внутренний диаметр горловины 102 мм. Высота венчика 24 мм, высота фрагмента до 30 мм. Толщина венчика до 29 мм, стенки – 10 мм (рис. 21/3).

2. Стела из серого песчаника подтреугольной формы размерами 598×280×203 мм (рис. 21/4).

В 15 м к северо-западу от R_0 на дне кольцевой выемки вокруг третьей насыпи на глубине 2,0-2,3 м от R_0 были найдены многочисленные фрагменты амфор, а также кремневое орудие (см. ниже). Амфоры были выброшены грабителями из скифского погребения 1, а кремневое орудие – из разрушенного погребением 1 основного захоронения 12 эпохи энеолита. В пользу этого свидетельствует то, что фрагменты амфор из заполнения погребения 1 принадлежат тем же сосудам. Также в заполнении погребений 1 и 12 было найдено аналогичное кремневое орудие (см. ниже).

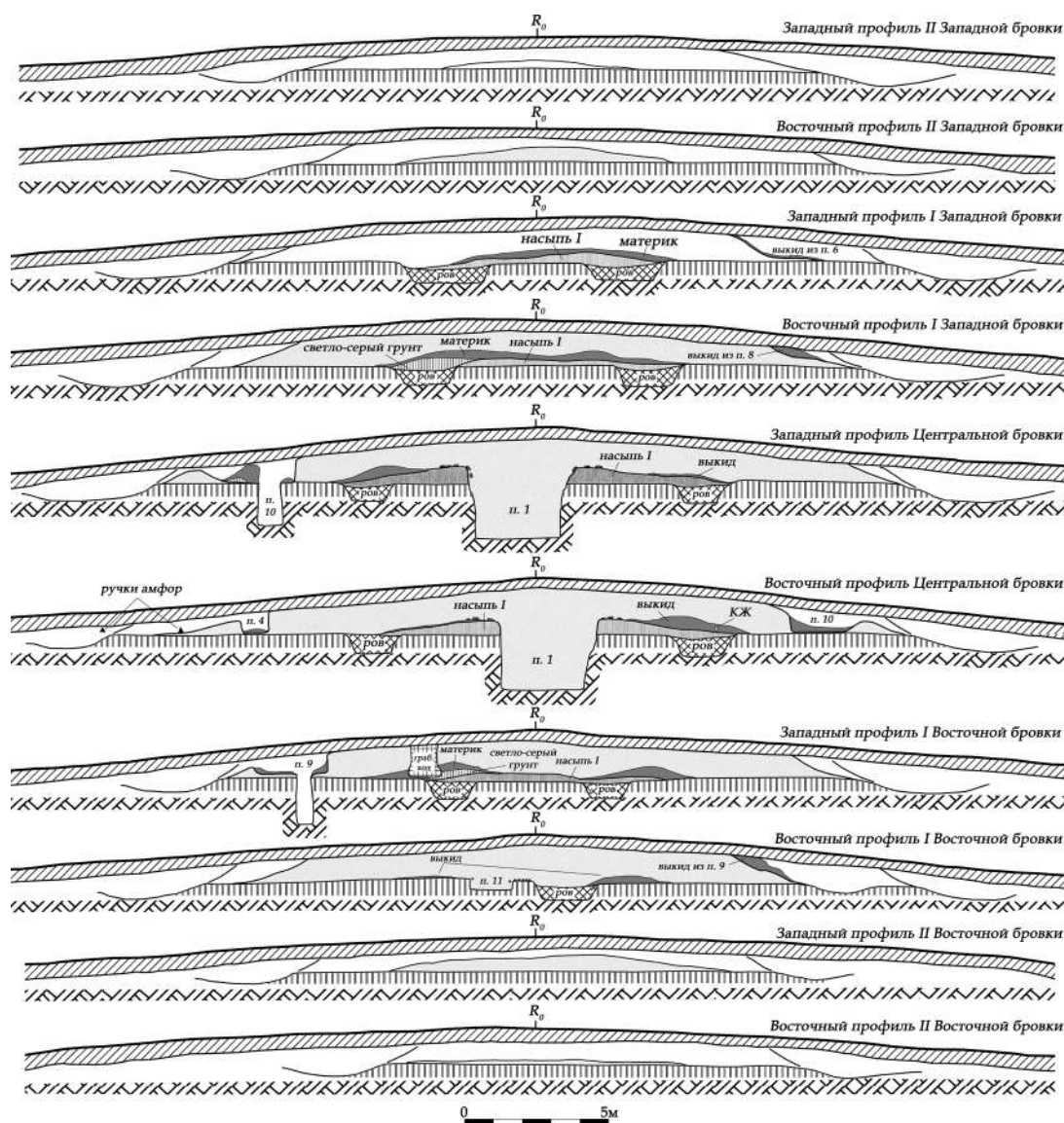

Рис. 2. Профили кургана 16 группы «Водовод».

В 14 м к северо-востоку от R_0 в придонном заполнении кольцевой выемки вокруг третьей насыпи на глубине 2,18 м от R_0 лежали череп и нижняя челюсть коня (рис. 21/5). Возможно, они связаны с основными для третьей насыпи скифскими погребениями.

В 0,4 м северо-восточнее, на глубине 1,40-1,67 м от R_0 , были найдены кости животных (?) и фрагменты лепного сосуда (рис. 21/6). Другие фрагменты того же сосуда были обнаружены в заполнении погребений 1 и 12 (см. ниже). Очевидно, данные кости и керамика были выброшены грабителями, причём на

момент ограбления окологурганная выемка уже была наполовину заполнена сползшим с третьей насыпи грунтом.

Описание погребальных комплексов

Погребение 1 (скифское, основное для второй насыпи, центральное) обнаружено непосредственно под R_0 . Совершено в гробнице, впущенной в центральную часть первой насыпи и почти полностью уничтожившей основное энеолитическое погребение 12 (рис. 1).

Поверх остатков первой насыпи, полностью заплывшего к тому времени кольцевого рва и

древнего горизонта был уложен материковый выкид в виде кольцевого вала шириной 3-4 м и толщиной до 0,6 м в западной и северной части. Внутренний диаметр выкида составлял 7 м, внешний – до 13,5 м. На востоке в кольце выкида был оставлен проход шириной около 2 м в восточной, и 4 м – в западной части. Здесь было устроено сопровождающее захоронение 11.

Поверх остатков первой насыпи и в заполнении гробницы зафиксированы остатки брёвен продольного перекрытия диаметром 0,15-0,30 м, длиной около 4 м.

Гробница подпрямоугольной формы с закруглёнными углами, северо-восточный угол выделен. Длинной осью была ориентирована по линии западо-северо-запад – востоко-юго-восток. Размеры сооружения 3,5×2,6 м, глубина 3,82 м от R_0 (-2,54 м от уровня перекрытия). В углах зафиксированы цилиндрические ямы диаметром 0,30-0,34 м, глубиной от 4,05 м до 4,17 м от R_0 , или от 0,23 м до 0,35 м от уровня дна гробницы (рис. 3).

Погребение парное, неоднократно подвергалось разграблению. В заполнении были найдены кости мужчины 35-50 лет (Łukasik 2019, 15) и взрослого человека возрастом более 20 лет (Łukasik 2019, 16), очевидно, женщины. *In situ* в восточной части ямы сохранились кости стоп взрослого человека. Исходя из их расположения, погребённые, вероятно, были уложены вытянуто на спине, головами на западо-северо-запад.

Состав и расположение инвентаря. В западной части ямы на дне в скоплении костей животных был найден фрагмент лезвия железного ножа, роговая рукоять которого была обнаружена в заполнении ямы (10), как и железная скоба от деревянного блюда (11). Севернее костей животных в придонном заполнении зафиксирован фрагмент бронзового зеркала (2). Южнее было найдено скопление обожжённых камней (15). Ещё два скопления находились на дне под южной (16) и восточной (17) стенками. Под восточной стенкой в придонном заполнении были обнаружены крупные части амфор (1), разбитая пополам каменная плита (20), бронзовые наконечники стрел (3), железная ворворка (9), фрагменты деревянного изделия (21),

железное шило (12) и железная игла (13), фрагменты железного наконечника копья (5). В заполнении ямы найдены два втока копий (7, 8) и две обожжённых гальки (18). В 1 м юго-западнее и на глубине 0,65 м от R_0 , на краю грабительской воронки, среди человеческих костей были найдены фрагменты амфоры, стеклянная бусина (14), три каменных сфероида (19), фрагменты втулки железного наконечника копья (6), обломки меча (4). Другие обломки меча были обнаружены в придонном заполнении ямы.

Описание находок.

1. Фрагменты не менее 12 амфор: шести синопских, двух гераклейских, одной амфоры Икоса, а также трёх сосудов неустановленного центра производства:

– синопская амфора. Цвет желтовато-серый, светло-серый, бежевый. Венчик не сохранился. Горловина вертикальная, плавно расширяется книзу. Ручки подовальные в сечении. Верхний прилеп ручек расположен ниже среза венчика, нижний – на середине плечика. Подошва ножки выпуклая. Реконструируемая высота сосуда 663 мм, высота нижней части – 400 мм. Реконструируемая высота горловины около 170 мм. Высота ножки 43 мм; высота подошвы до 9 мм. Высота ручек до 190 мм. С внешней стороны нижнего прилепа ручек расположены пальцевые вдавления размерами 19×14 мм и 19×17 мм, глубина – до 2 мм и до 3 мм. Реконструируемый диаметр венчика около 97 мм. Диаметр шейки около 94 мм. Диаметр горловины в средней части около 100 мм, в основании – около 120 мм. Диаметр тулова 345 мм. Диаметр ножки у подошвы 48 мм; в месте наибольшего сужения – 43 мм. Размеры сечения ручки в средней части 43×26 мм. Толщина стенок 6-10 мм, в нижней части – до 15-17 мм (рис. 4/1в, г).

На обеих ручках, в месте их изгиба, расположены два клейма прямоугольной формы. Одно клеймо нанесено эмблемой по направлению к венчику, второе – эмблемой во внешнюю сторону. Оттиски идентичные, с именем астинома *Μενάλκης*. Размеры рамок около 50×20 мм (рис. 4/1а, б).

Придонная часть амфоры обнаружена у восточной стенки ямы. Фрагменты тулова и ручки найдены в заполнении грабительского хода

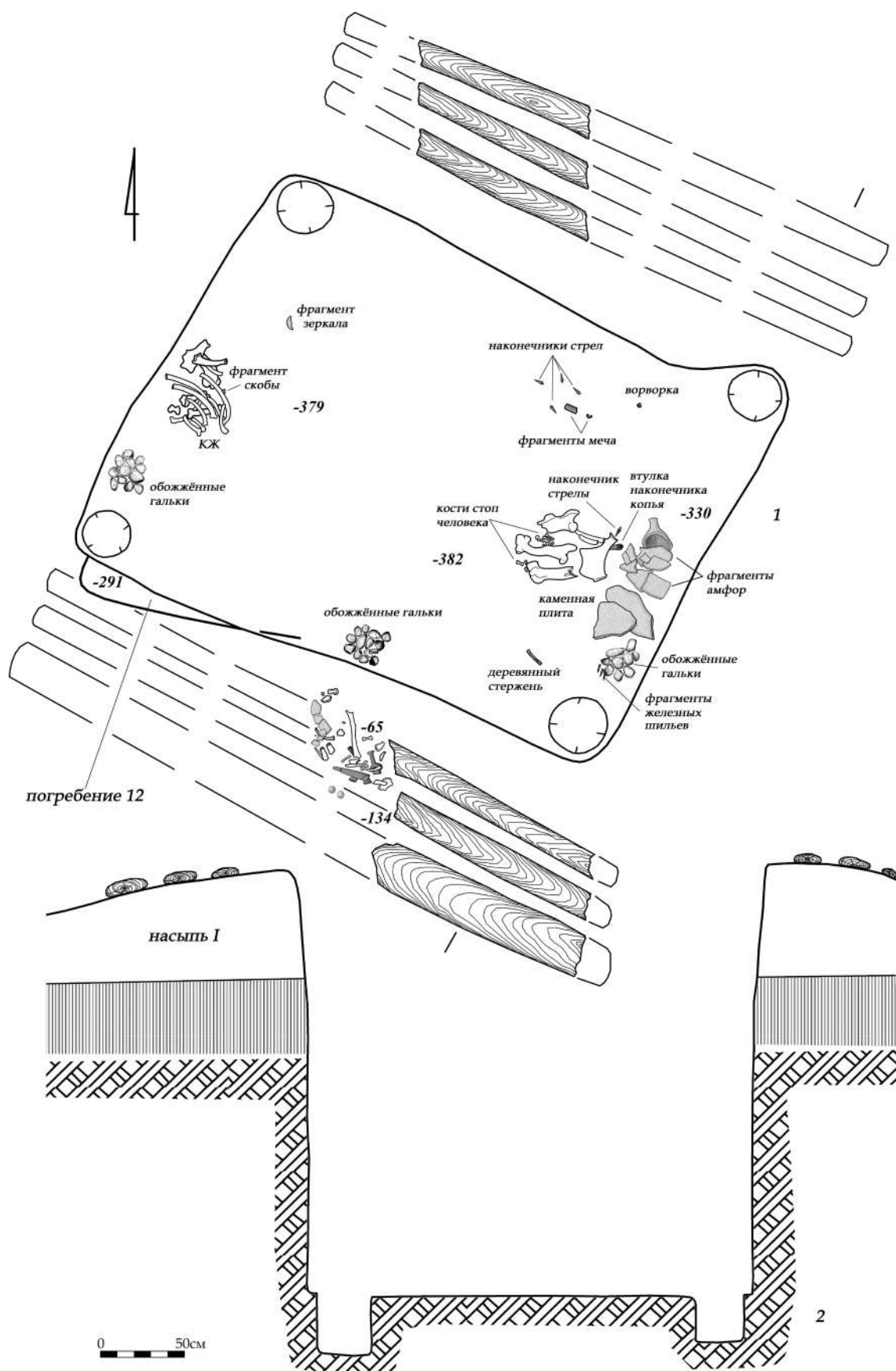

Рис. 3. Погребения 1 и 12.

на разных глубинах (на дне ямы, в её заполнении, на уровне перекрытия), горловина и венчик утрачены;

– фрагменты синопской амфоры (фрагменты двух ручек и фрагменты стенок верхней части). Цвет светло-оранжевый. Диаметр горловины около 105 мм; внутренний – около 90 мм. Высота ручек около 175 мм. Размеры сечения ручек в средней части 40×21 мм и 42×27 мм. С внешней стороны нижнего прилепа одной ручки расположено пальцевое вдавление размерами 13×12 мм и глубиной до 1,5 мм. Толщина стенок 6-8 мм (рис. 4/2а).

На верхней плоскости этой же ручки, в месте её изгиба, расположено клеймо прямоугольной формы. Сохранился фрагмент оттиска длиной до 6 мм; ширина оттиска – 17 мм. Легенда не восстанавливается (рис. 4/2б);

– фрагменты синопской амфоры (фрагменты венчика, верхней части ручки и ножки). Цвет оранжевый; местами прослеживается красный ангоб. Венчик утолщён наружу и закруглён. Горловина вертикальная. Подошва ножки выпуклая. Высота венчика 12 мм. Высота сохранившейся части ножки 67 мм, высота подошвы 8 мм. Диаметр венчика около 110 мм, диаметр горловины изнутри 83 мм. Размеры сечения ручки в изломе 43×20 мм. Диаметр ножки у подошвы 48 мм, в месте наибольшего сужения – 45,5 мм (рис. 4/3б-г).

На верхней плоскости ручки, в месте её изгиба, расположено клеймо прямоугольной формы. Сохранился фрагмент длиной до 25 мм, ширина клейма – 20 мм. Оттиск с именем астинома *Ἀρίστων* (рис. 4/3а);

– фрагменты верхней части синопской амфоры. Цвет кремовый, розовый. Венчик утолщён наружу и закруглён. Горловина вертикальная, плавно расширяется книзу; изнутри резко изгибается к плечикам. Ручки подовальные в сечении. Верхний прилеп ручек расположен ниже среза венчика, нижний – посередине плечика. Реконструируемая высота верхней части более 230 мм. Высота венчика 14 мм. Высота горловины около 150 мм. Высота ручек до 155 мм. Диаметр венчика 105 мм. Диаметр шейки 98 мм. Диаметр горловины в средней части около 100 мм, в основании – около 130 мм. Реконструируемый диаметр тулова около 340 мм.

Размеры сечения ручки в средней части 44×29 мм. С внешней стороны нижнего прилепа ручки расположено пальцевое вдавление размерами 17×15 мм и глубиной до 3 мм. Толщина венчика 11-12 мм. Толщина стенок 6,5-10 мм, в основании горловины – до 14,5 мм (рис. 4/4б, в).

На верхней плоскости ручки, в месте её изгиба, расположено клеймо прямоугольной формы. Размеры рамки 50×20 мм. Клеймо с именем астинома *Μενάλκης* нанесено эмблемой во внешнюю сторону (4/4а);

– фрагмент нижней части ручки синопской светлоглиняной амфоры. Цвет оранжевый. Ручка в изломе подовальная в сечении. Длина фрагмента 137 мм. Размеры сечения в изломе 44×24 мм (рис. 4/5);

– фрагмент нижней части ручки синопской светлоглиняной амфоры. Цвет жёлтый. Ручка в изломе подовальная в сечении. Длина фрагмента 78 мм. Размеры сечения в изломе 39×26 мм (рис. 4/6);

– гераклейская амфора. Цвет светло-оранжевый. Венчик Г-образный, с закруглённым краем. Горловина вертикальная, плавно расширяется книзу. Ручки подовальные в сечении. Верхний прилеп ручек расположен ниже среза венчика, нижний – в нижней части плечика плеча, несколько выше ребра. Подошва ножки уплощена, с выемкой в центре. Высота амфоры 688 мм. Высота нижней части 380 мм. Высота венчика 7 мм. Высота горловины около 260 мм. Высота ручек до 270 мм. Высота ножки 102 мм. Диаметр венчика около 98 мм. Диаметр шейки 94 мм. Диаметр горловины в средней части около 92 мм, в основании – около 145 мм. Диаметр тулова 225 мм. Диаметр ножки у подошвы 45 мм, в месте наибольшего сужения – 40 мм. Размеры сечения ручек в средней части 44×28 мм. С внешней стороны нижнего прилепа ручек расположены пальцевые вдавления размерами 16×15 и глубиной до 2 мм. Толщина венчика 9-10 мм. Толщина стенок 7,5-12 мм, в нижней части – до 14-15 мм. Выемка в подошве глубиной 15 мм (рис. 5/1б-г). На горловине между ручками, в 35 мм ниже среза венчика, оттиснуто клеймо эпонима *Σλίνθαρος*, расположенное вертикально с незначительным наклоном. Размеры рамки 47×25 мм (рис. 5/1а);

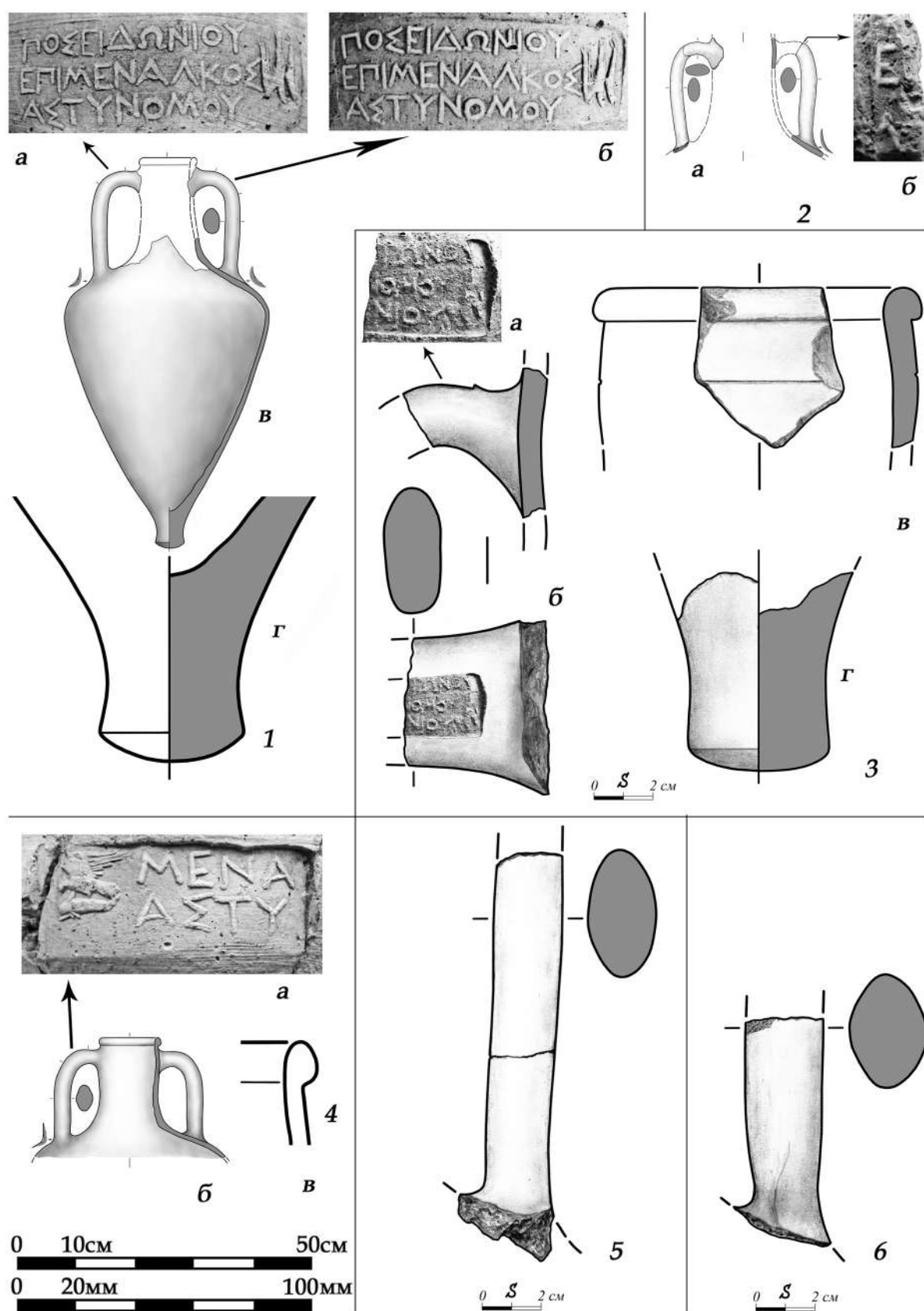

Рис. 4. Амфоры из погребения 1.

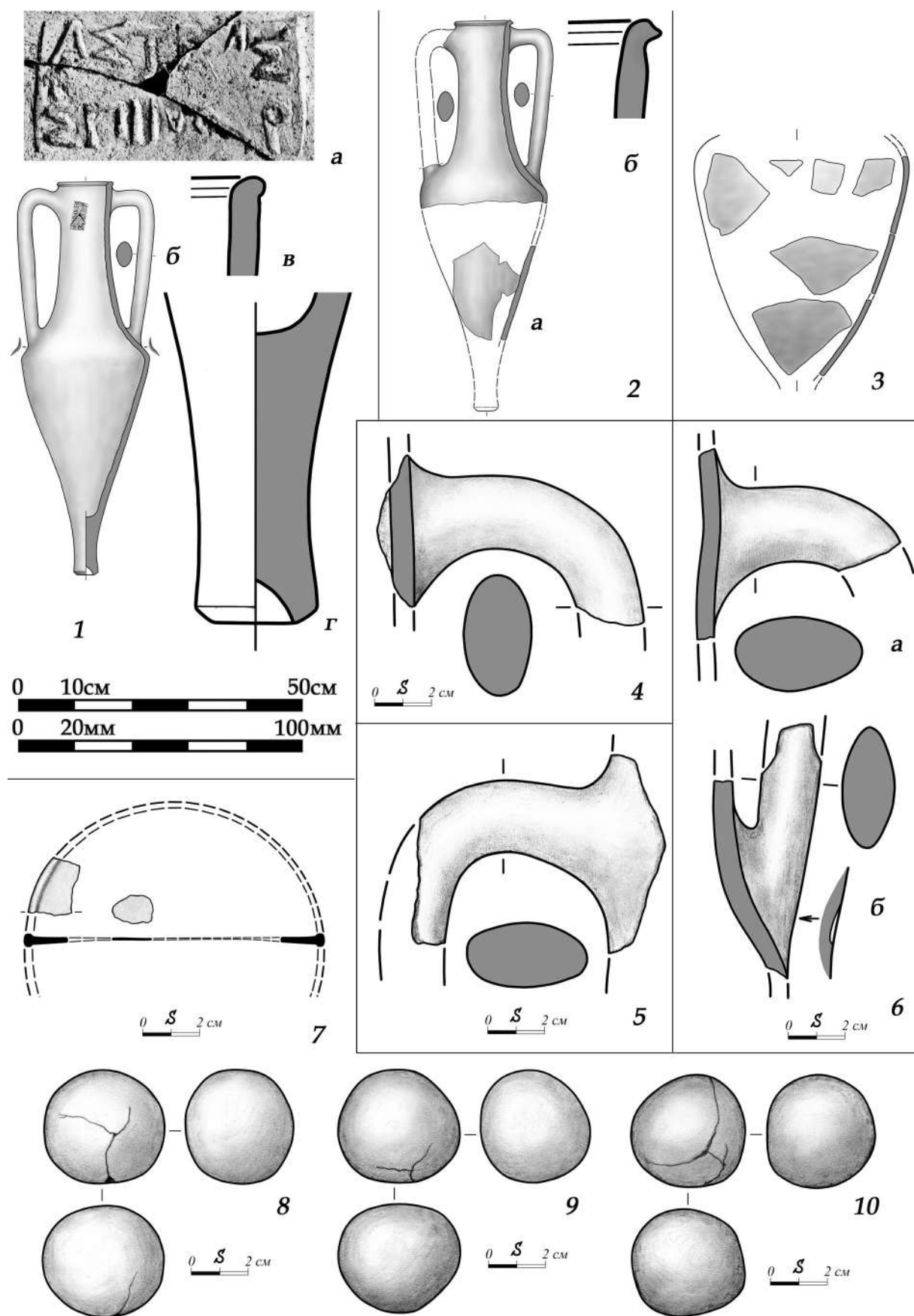

Рис. 5. Инвентарь погребения 1.

– гераклейская амфора. Цвет оранжевый. Венчик Г-образный, верхний край закруглён, внешний слегка заострён. Горловина вертикальная, плавно расширяется книзу. Ручки подовальные в сечении. Верхний прилеп ручек расположен ниже среза венчика, нижний – в нижней части плеча, несколько выше ребра. Ножка не сохранилась. Реконструируемая высота сосуда около 680 мм. Высота верхней части 300 мм. Высота венчика 8 мм. Высота горловины около 250 мм. Высота ручек до 275 мм. Диаметр венчика около 105 мм. Диаметр шейки 95 мм. Диаметр горловины в средней части около 85 мм, в основании – около 120 мм. Диаметр тулова 222 мм. Размеры сечения ручек в средней части 42×27 мм, у нижнего прилепа – до 52×30 мм. Толщина венчика до 11 мм. Толщина стенок 8-14 мм (рис. 5/2);

– фрагменты стенок тулова амфоры Икоса. Цвет оранжевый. Поверхности заглаженные, шероховато-заглаженные. Толщина стенок – 6,0-9,5 мм (рис. 5/3);

– фрагмент верхней части ручки амфоры неустановленного центра. Цвет светло-кремовый. Поверхности заглаженные. Ручка в изломе подовальная в сечении. Длина фрагмента (вместе с прилепом) до 100 мм. Размеры сечения в изломе 42×25 мм. Толщина стенки 9 мм (рис. 5/4);

– фрагмент горловины и верхней части ручки амфоры неустановленного центра. Цвет светло-бежевый. Поверхности заглаженные, шероховато-заглаженные. Ручка в изломе подовальная в сечении. Диаметр горловины около 110 мм, внутренний – около 95 мм. Длина фрагмента (вместе с прилепом) до 95 мм. Размеры сечения верхней части 43×25 мм. Толщина стенки 7-8 мм (рис. 5/5);

– фрагмент горловины, верхней и нижней частей ручки амфоры неустановленного центра. Цвет красноватый, в центре излома – ярко-красный. Поверхности заглаженные, шероховато-заглаженные. Ручка в изломе подовальная в сечении. Длина фрагментов (вместе с прилепом): верхний – до 70 мм, нижний – до 90 мм. Размеры сечения верхней части ручки 45×29 мм, нижней – 43×20 мм. С внешней стороны нижнего прилепа ручки расположено пальцевое вдавление размерами 15×12 мм и глубиной до 1,5 мм. Толщина стенки 7-8 мм (рис. 5/6).

2. Два фрагмента бронзового зеркала. Один из них представляет собой часть диска, второй – бортик с Т-образным сечением. Диаметр зеркала около 105 мм. Размеры фрагментов 21×16 мм и 14×10 мм. Толщина пластины 1-3 мм. Толщина края по бортику до 5 мм; ширина бортика до 4 мм (рис. 5/7).

3. Шесть бронзовых трёхлопастных наконечников стрел:

– четыре трёхлопастных наконечника с треугольной головкой и выделенной втулкой. Три наконечника сохранились полностью или практически полностью. Длина наконечников 40,7 мм, 39 мм и 39 мм. Длина втулок 14 мм, 13 мм и 12 мм, диаметр – 5 мм. У всех трёх наконечников в верхней части втулок расположены отверстия, образовавшиеся в результате дефекта литья (рис. 6/9-11). От четвертого наконечника сохранился только фрагмент острия длиной 15,3 мм (рис. 6/8);

– два трёхлопастных башнеобразных наконечника стрел с выделенной втулкой, основание которой находится ниже окончаний лопастей. Длина наконечников 28,5 мм и 25,7 мм. Длина втулок 17 мм и 15 мм, диаметр – 5 мм. У обоих наконечников в верхней части втулок расположены отверстия, образовавшиеся в результате дефекта литья. Оба наконечника украшены с двух сторон косой литой линией (рис. 6/12, 13).

4. Железный меч с когтевидным навершием. Рукоять плавно расширяется в средней части; подпрямоугольно-крестовидная в сечении; у перекрестия и навершия – подовальная. Перекрестие подтреугольное, со слегка намеченными выступами. Лезвие в форме вытянутого треугольника, уплощённо-линзовидное в сечении. Длина меча около 600 мм. Длина рукояти вместе с навершием 137 мм. Длина рукояти между навершием и перекрестием 76,5 мм. Ширина навершия около 70 мм, толщина – 7-9 мм. Ширина перекрестия 74 мм, толщина – 16 мм. Размеры сечения лезвия под перекрестием до 61×14 мм; в нижнем изломе – 9×7 мм (рис. 7/1).

Фрагменты меча обнаружены в придонной части ямы и в верхней части заполнения грабительского хода, рядом с фрагментами копий и амфоры.

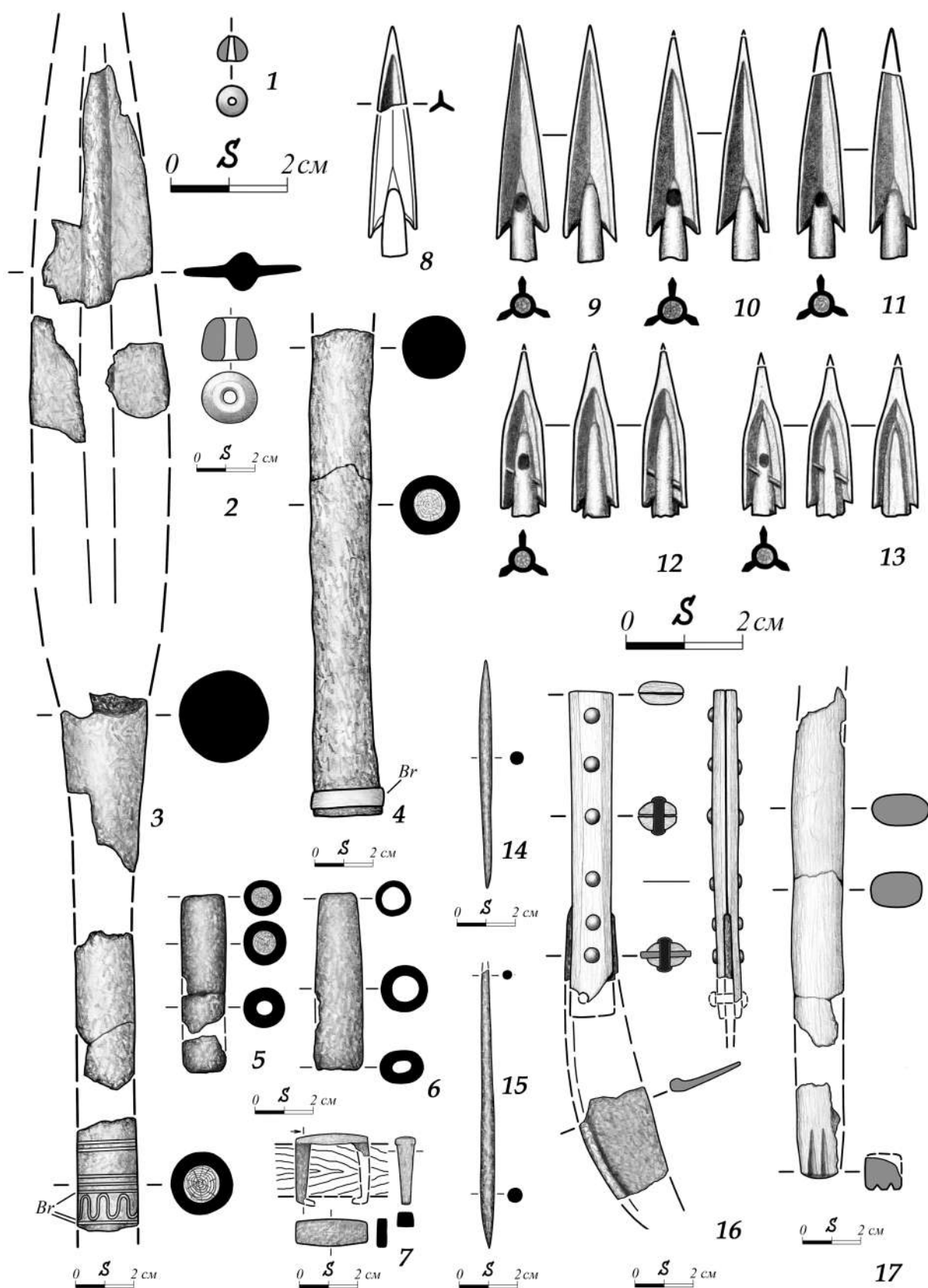

Рис. 6. Инвентарь погребения 1.

5. Фрагменты железного наконечника копья с остролистым пером. Изделие сильно фрагментировано; представлено тремя фрагментами втулки и тремя фрагментами пера. Перо с округлой нервюрой; максимальное расширение пера ближе к втулке (?). Втулка цилиндрическая, плавно расширяется в направлении пера. Реконструируемая длина наконечника около 450 мм. Длина втулки более 185 мм. Ширина пера до 40 мм. Толщина пера до 4 мм; по нервюре – до 15 мм. Диаметр втулки в верхнем изломе до 31 мм, в центральной части – 20 мм, в нижнем изломе – до 21 мм. Внутренний диаметр втулки – до 13 мм. Фрагмент нижней части втулки инкрустирован бронзовой проволокой, круглой в сечении. Диаметр проволоки около 1 мм. Рисунок представлен группами по две-три горизонтальные линии; между двумя нижними линиями расположена «волна» (рис. 6/3).

Фрагменты наконечника обнаружены в придонной части ямы и в верхней части заполнения грабительского хода, рядом с фрагментами меча и амфоры.

6. Фрагмент втулки железного наконечника копья. Втулка цилиндрическая, слегка расширяется к торцу. Длина втулки 160 мм. Диаметр втулки в верхнем изломе 22 мм, в центральной части – 19-20 мм, у торца – до 24 мм. Внутренний диаметр втулки до 16 мм, к верхней части сужается до 10 мм. На нижнем конце втулки, на расстоянии 3 мм от торца, расположено бронзовое кольцо. Диаметр бронзового кольца до 26 мм, ширина – 6 мм; толщина – около 1 мм (рис. 6/4).

Верхняя часть втулки обнаружена рядом с фрагментами меча в верхней части заполнения грабительского хода; торцевая часть – в придонной части заполнения ямы.

7. Вток копья цилиндрический, фрагментирован. Реконструируемая длина изделия более 60 мм. Диаметр 16 мм, диаметр нижнего торца – 12 мм, верхнего – 13 мм. Диаметр внутренний 9 мм, нижнего торца – 7×4 мм. Внутри верхней и средней части втока сохранились остатки древка (рис. 6/5).

8. Вток копья усечённо-конический, расширяется книзу. Длина втока 61 мм. Диаметр до 17 мм, диаметр нижнего торца – 16×11 мм, верхнего – 12 мм. Диаметр внутренний 6-8 мм, расширяется кверху (рис. 6/6).

9. Железная ворворка усечённо-конической формы. Высота изделия 15 мм, диаметр – до 20×18 мм. Диаметр верхней площадки около 12 мм. Диаметр отверстия 4-6 мм, расширяется к торцам (рис. 6/2).

10. Железный нож с роговой рукоятью, фрагментирован. Рукоять представляет собой две пластины-накладки, которые крепились к черенку и между собой при помощи семи заклёпок (из которых три – к черешку). Лезвие фрагментировано; треугольное в сечении; с нервюрой вдоль левой стороны спинки. Реконструируемая длина ножа до 200 мм. Длина сохранившейся части рукояти 107 мм. Размеры сечения рукояти на торце 15,5×8,0 мм, в средней части – 14,5×10,0 мм, в нижней части (в изломе) – 15,0×8,5 мм. Ширина роговых пластин 14,5-15,5 мм, толщина – 4-5 мм. Длина заклёпок до 13 мм, диаметр – около 4 мм; диаметр шляпок 5,0-5,5 мм. Размеры фрагмента средней части лезвия 36×25 мм. Ширина лезвия до 25 мм, толщина – до 4 мм. Толщина спинки лезвия вместе с нервюрой до 5,5 мм; ширина нервюры до 4 мм. Сохранившаяся длина черешка до 30 мм. Ширина верхнего края черешка 16 мм, толщина – до 2,5 мм (рис. 6/16).

11. Железная П-образная скоба от деревянного сосуда. Верхний щиток подпрямоугольный, сужающийся к торцам; боковые стенки изогнутые. Сечение щитка прямоугольное. Боковые штыри квадратные в сечении, сужаются к концам; концы были загнуты внутрь. Длина щитка 25 мм, ширина посередине – до 10 мм, по торцам – 7 мм; толщина в центре – до 4 мм, по торцам – 1,5-1,8 мм. Длина стержней до 21 мм; размеры сечения в верхней части до 5×6 мм, в нижней – 3×3 мм. На внутренних поверхностях скобы сохранились следы дерева (рис. 6/7). Судя по загибу боковых стержней, толщина стенки деревянного сосуда составляла около 18 мм.

12. Железное шило. Изготовлено из круглого в сечении прута. Максимальное расширение в нижней части, несколько выше острия. Длина шила более 96 мм, диаметр – до 5 мм (рис. 6/15).

13. Железная игла. Изготовлена из круглого в сечении прута. Максимальное расширение в верхней части. Длина иглы 78 мм, диаметр – до 5 мм (рис. 6/14).

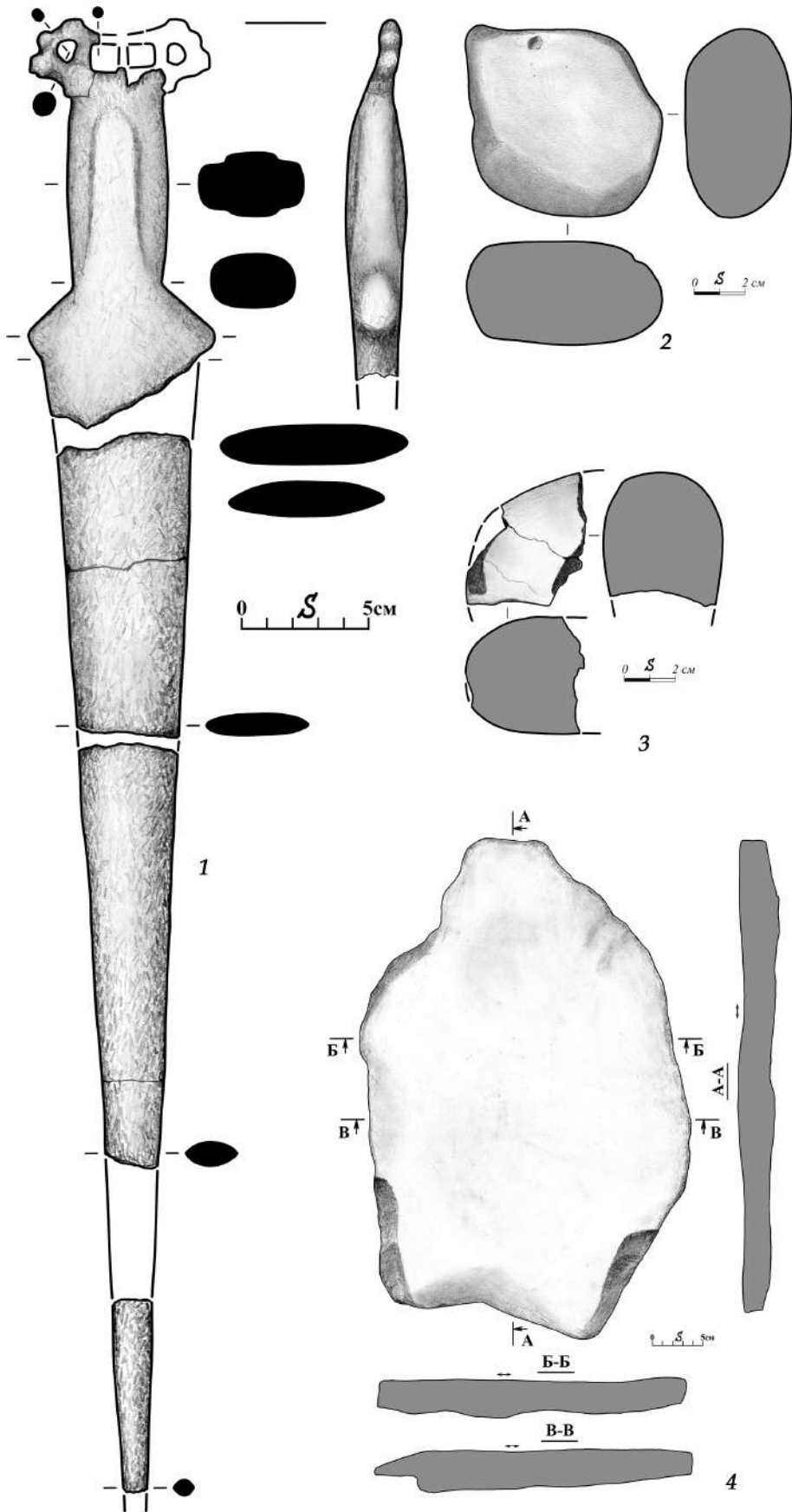

Рис. 7. Инвентарь погребения 1.

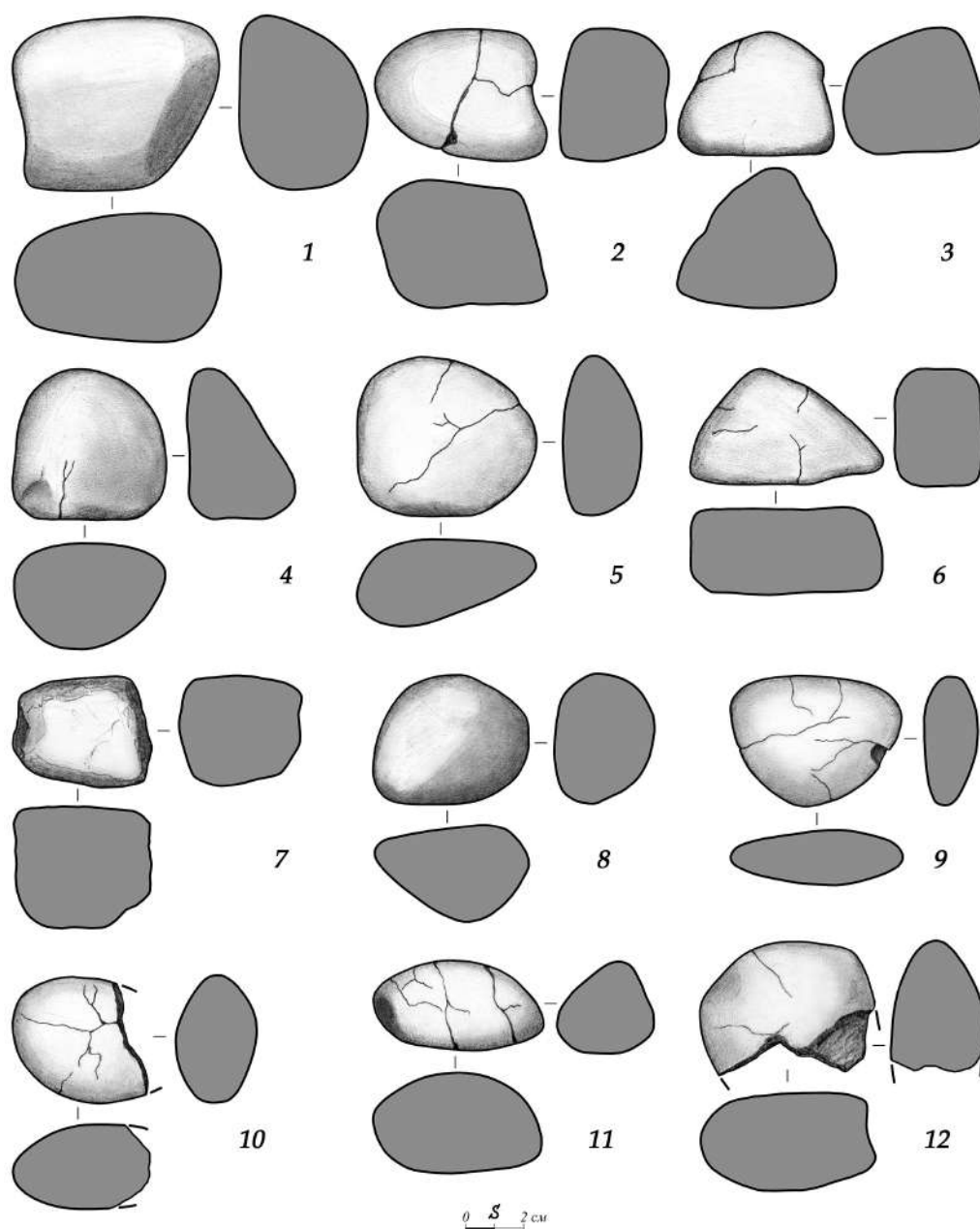

Рис. 8. Инвентарь погребения 1.

14. Асимметрично-сферическая бусина из жёлтого непрозрачного стекла. Отверстие коническое. Высота бусины 4,5 мм, диаметр – 6 мм. Диаметр отверстия 1,0-1,8 мм (рис. 6/1).

15. Скопление обожжённых песчаниковых галек (12 шт.) размерами от 45×60×33 мм до 60×44×69 мм (рис. 8) – у западной стенки ямы.

16. Скопление обожжённых песчаниковых галек (14 шт.) размерами от 41×26×16 мм до 85×48×28 мм (рис. 9) – у южной стенки.

17. Скопление обожжённых песчаниковых галек (9 шт.) размерами от 43×47×24 мм до 60×44×69 мм (рис. 10) – у восточной стенки.

18. Две обожжённые гальки (из заполнения ямы) размерами 75×73×42 мм (тёмно-серый песчаник) и 46×53×46 мм (желтоватый песчаник) (рис. 7/2, 3).

19. Три обожжённых сфероиды из серой гальки размерами 42,5×41,0×40,5 мм, 40,0×43,0×38,5 мм, 40×40×38 мм (рис. 5/8-10).

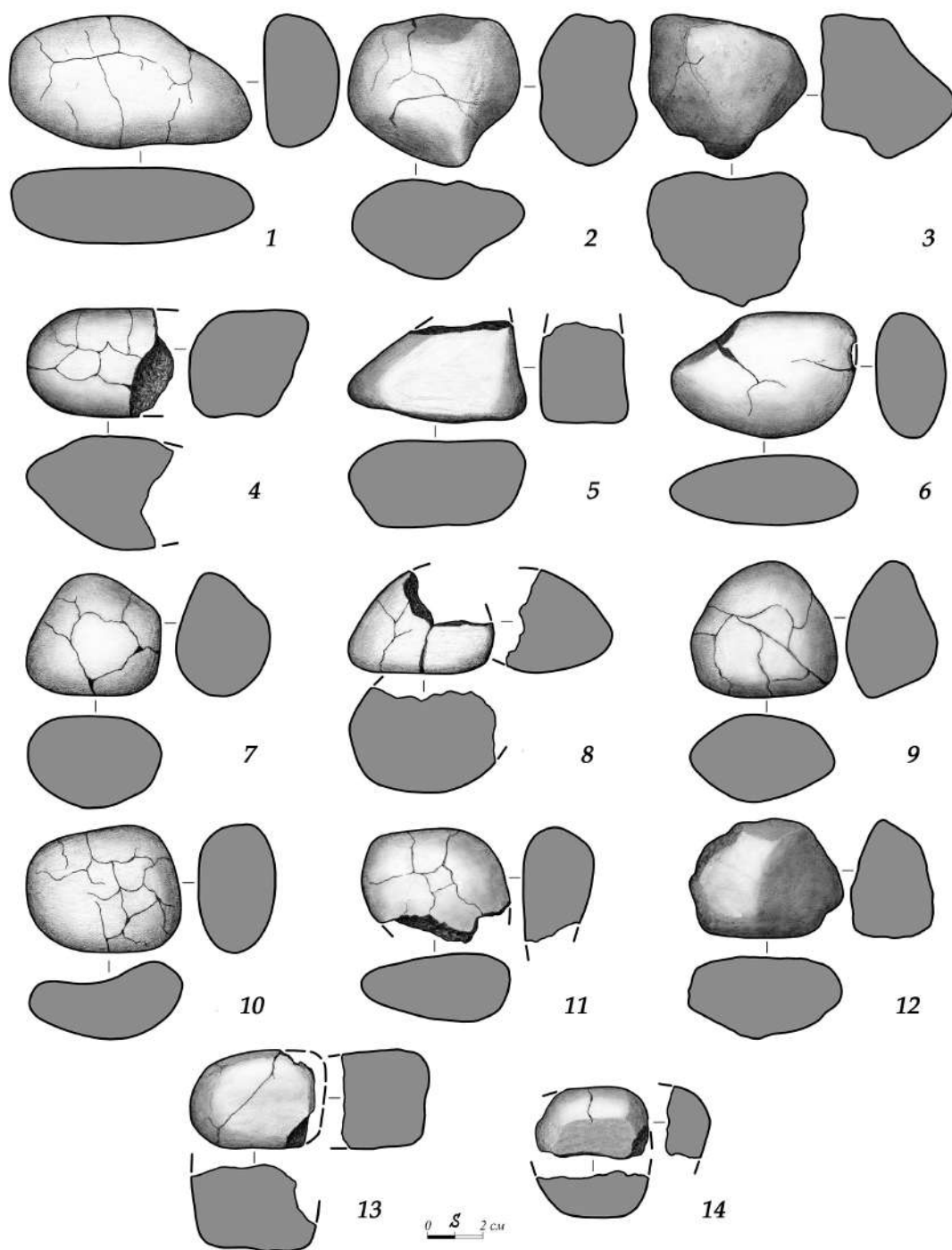

Рис. 9. Инвентарь погребения 1.

Обнаружены в верхней части заполнения грабительского хода рядом с фрагментами меча, копий и амфоры.

20. Каменная плита подпрямоугольно-асимметричной формы изготовлена из желтовато-серого сланца. Верхняя вогнутая поверхность пришлифована, нижняя – не обработана.

Размеры плиты 495×315 мм, толщина – до 18-42 мм. Верхняя поверхность вогнута до 6 мм (рис. 4/4).

21. Фрагмент деревянного колышка. Торец подквадратный в сечении, выпуклый, слегка заужен. В центральной части изделие подпрямоугольное в сечении, ближе к слому – подоваль-

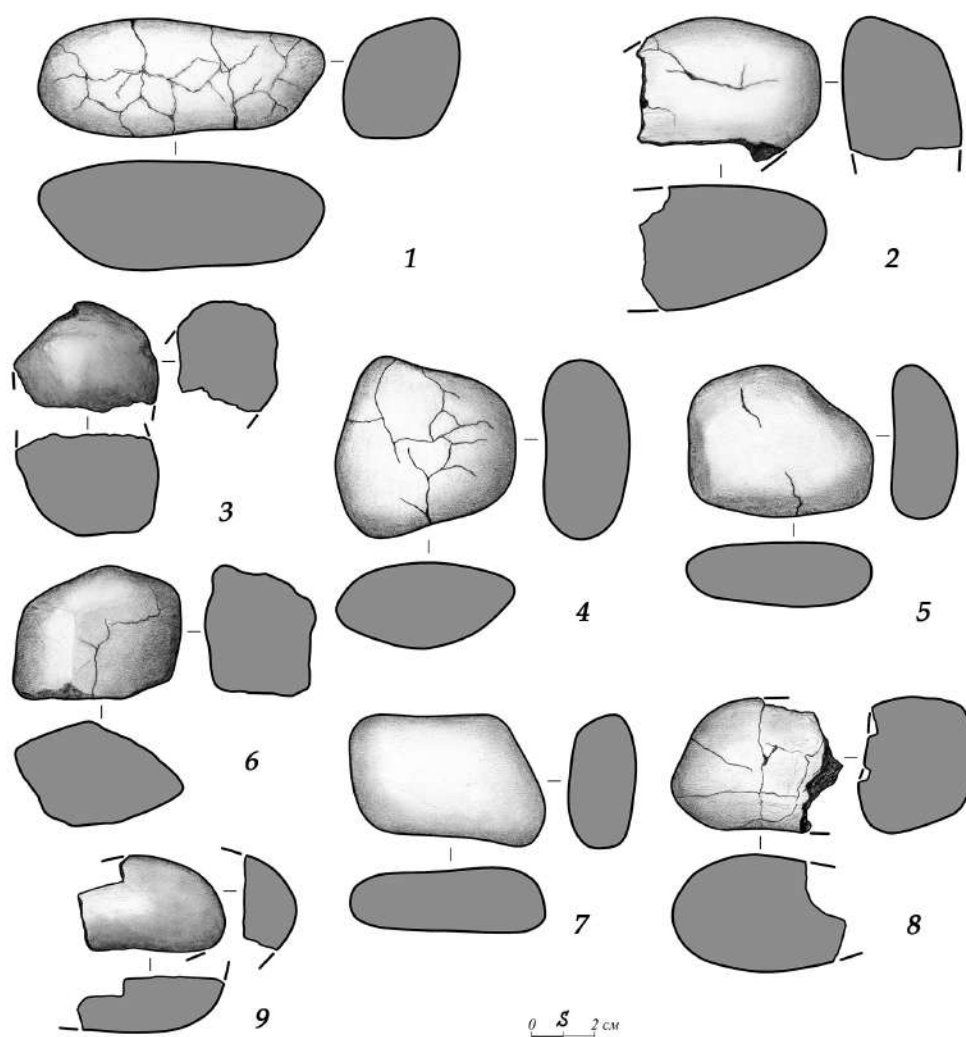

Рис. 10. Инвентарь погребения 1.

ное. На одной грани торцевой части вырезаны два параллельных продольных желобка в виде высоких треугольников основанием вниз; сечение желобков треугольное. Длина колышка более 170 мм. Размеры сечения на торце 13×13 мм, в центральной части – 17×12 мм, в верхней части – 19×12 мм (рис. 6/17).

Погребение 2 (скифское, основное для третьей насыпи) обнаружено в 11 м к юго-западу от R₀. Совершено в яме (рис. 11/1, 2).

Яма прямоугольной формы размерами 1,12×0,47 м и глубиной 2,12 м от R₀ была ориентирована по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток.

На дне ямы в западной её части найдены фрагменты черепа и рёбер ребёнка 6-7 лет (Łukasik

2019, 10). Очевидно, он был уложен вытянуто на спине головой на западо-юго-запад. Следов подстилки и инвентаря не обнаружено.

Погребение 3 (скифское, основное для третьей насыпи) обнаружено в 9 м к юго-юго-востоку от R₀. Контуры погребального сооружения прослежены не полностью (рис. 11/3). Очевидно, совершено оно было в яме с уступом, ориентированной по линии запад – восток (рис. 1/1). Поверх деревянного перекрытия уступ был заполнен материковым выкидом.

Уступ прослежен частично, по материковому заполнению. Его размеры около 1,1×0,7 м, глубина – около 1,7 м от R₀.

Судя по пятну светло-серого органического глина от подстилки, погребение было совер-

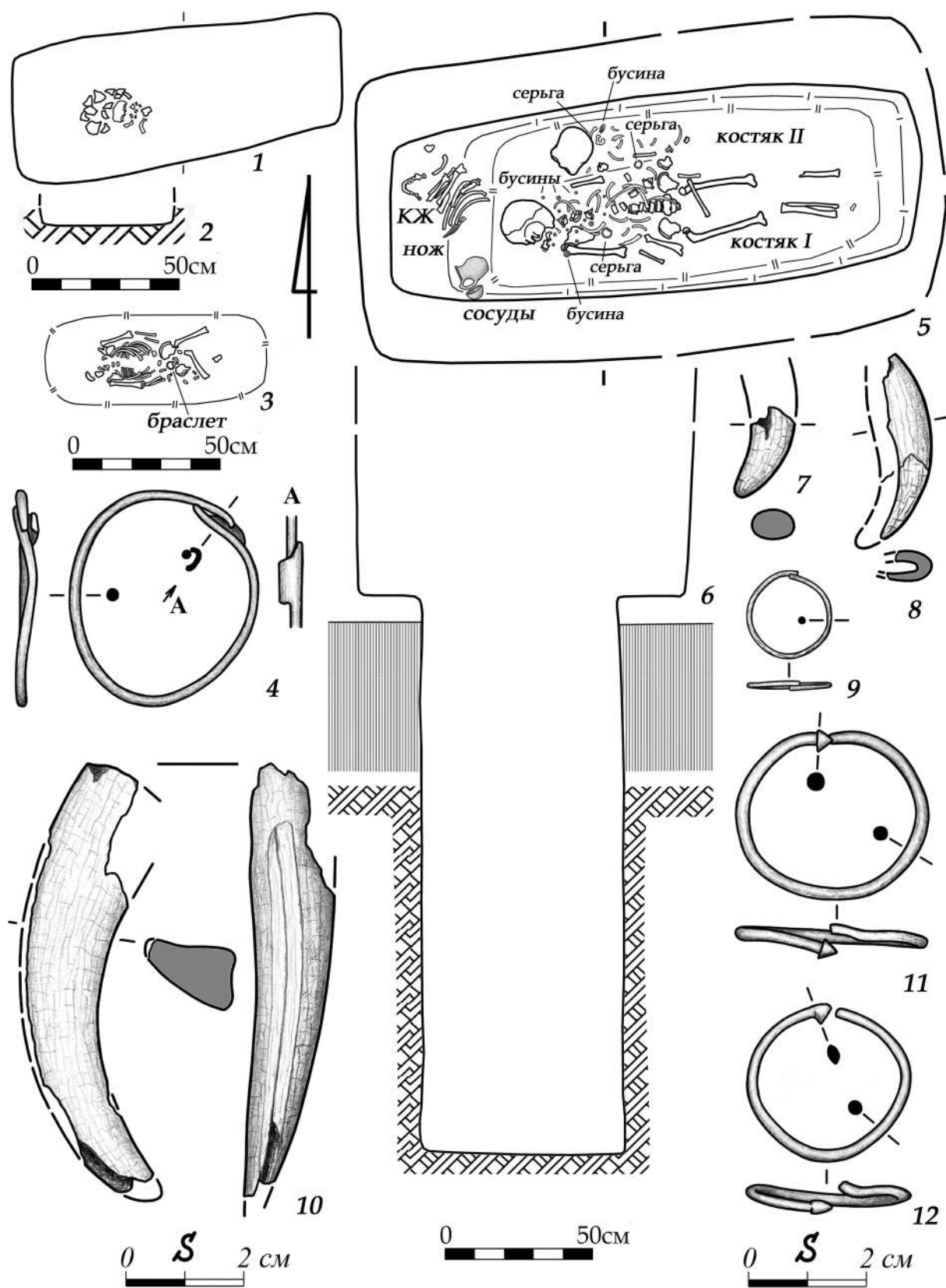

Рис. 11. Погребение 2 (1, 2), погребение 3 (3) и находка из него (4), погребение 4 (5, 6) и его инвентарь (7-12).

шено в яме прямоугольной формы размерами не менее 0,80×0,35 м и глубиной 2,25 м от R₀.

На дне ямы лежал костяк годовалого ребёнка (Łukasik 2019, 10) в вытянутом положении на спине, головой на запад. Руки вытянуты вдоль тела, кисти на тазовых костях.

Состав и расположение инвентаря. На правом запястье находился бронзовый браслет (1).

Описание находки.

1. Бронзовый браслет с заходящими друг за друга окончаниями. Изготовлен из круглой в сечении проволоки. На одном окончании расположен пластинчатый приёмник. Диаметр браслета 36,5×32,0 мм; диаметр внутренний 32,5×28,0 мм. Диаметр проволоки 1,8×2,3 мм. Длина приёмника до 9 мм, ширина – до 4,5 мм; толщина пластины до 0,8 мм (рис. 11/4).

Погребение 4 (скифское, основное для третьей насыпи) обнаружено в 10 м к югу от R₀. Погребение совершено в яме с уступом (рис. 11/5, 6).

Уступ размерами 2,0×1,1 м и глубиной 1,76 м от R₀ (около 0,5 м от уровня впуска) был ориентирован по линии запад-юго-запад – восток-юго-восток. Поверх деревянного перекрытия уступ был заполнен материковым выкидом.

Яма прямоугольной формы размерами 1,8×0,9 м и глубиной 2,64 м от R₀ была ориентирована по линии запад – восток. В заполнении зафиксированы фрагменты жердей поперечного перекрытия.

На дне ямы лежали два костяка детей. Ребёнок 10-11 лет (Łukasik 2019, 11) лежал в южной части ямы вытянуто на спине, головой на запад. Ребёнок 2-3 лет (Łukasik 2019, 11) находился слева. Костяк разрушен норами. Вероятно, изначально тело было уложено в аналогичной позе.

На дне ямы зафиксирована двухслойная подстилка. Нижний слой состоял из коричневого органического тлена, верхний – из светло-серого.

Состав и расположение инвентаря. За черепами у западной стенки ямы среди скопления костей мелкого рогатого скота от жертвенной пищи найден железный нож с деревянной рукоятью (6). У черепа костяка I, в юго-запад-

ном углу, лежали на боку лепные кувшин (1) и чашка (2). У правой лопатки и левого крыла таза костяка I найдены бронзовые серьги (4), очевидно, перемещённые от висков норой. Под черепом костяка II найдена одна бронзовая серьга (5). У черепа и среди рёбер костяка I зафиксированы предметы ожерелья (7). На его правом плече найдена одна бусина (8). На левом плече младшего ребёнка найдена бусина (9), а в районе грудной клетки ожерелье, состоявшее из клыка кабана и двух клыков хищника (10). Кроме того, в заполнении ямы обнаружено лепное пряслице (3).

Описание находок.

1. Лепной кувшин с ленточной ручкой, возвышающейся над венчиком. Венчик воронковидный; срез приплюснут горизонтально, углы закруглены. Тулово с максимальным расширением в средней части. Ручка подпрямоугольная в сечении; с внутренней стороны вертикальной части – выраженный продольный желобок. Дно слегка вогнутое; изнутри выпуклое. Верхний край ручки в профиле заострён. Тесто с примесью шамота. Цвет желтовато-серый, серовато-жёлтый, тёмно-серый. На тулове местами чёрный нагар. Поверхности заглаженные. Высота сосуда вместе с ручкой 111,5 мм, без ручки – 93 мм. Высота венчика 20 мм. Диаметр венчика 68 мм, диаметр шейки 51 мм. Высота ручки 72 мм, ширина – 18-20 мм. Толщина ручки – 8-9 мм. Ручка возвышается над срезом венчика на 19 мм. Максимальный диаметр тулова 84 мм, диаметр дна 56×57 мм. Толщина венчика 4,5-4,7 мм, толщина стенок 5-6 мм. Толщина дна в центре до 12 мм, у стенок – до 11 мм; вогнуто до 1 мм (рис. 12/1).

2. Лепная чашка. Венчик прямой, с горизонтально уплощённым краем. Дно плоское, со слегка зауженным поддоном. Тесто с примесью шамота. Цвет жёлтый, желтовато-серый, серовато-жёлтый. Поверхности заглаженные, шероховато-заглаженные, бугристые. Высота чашки 36,2-40,7 мм. Диаметр венчика 66×67 мм, дна – 32×33 мм. Толщина венчика 5-6 мм. Толщина стенки 6,0-6,5 мм, в придонной части – до 8 мм. Толщина дна 11-12 мм (рис. 12/2).

3. Лепное биконическое пряслице со сглаженным ребром посередине. Тесто с примесью шамота. Цвет светло-коричневый. Поверхность заглажена. Высота пряслица 29 мм,

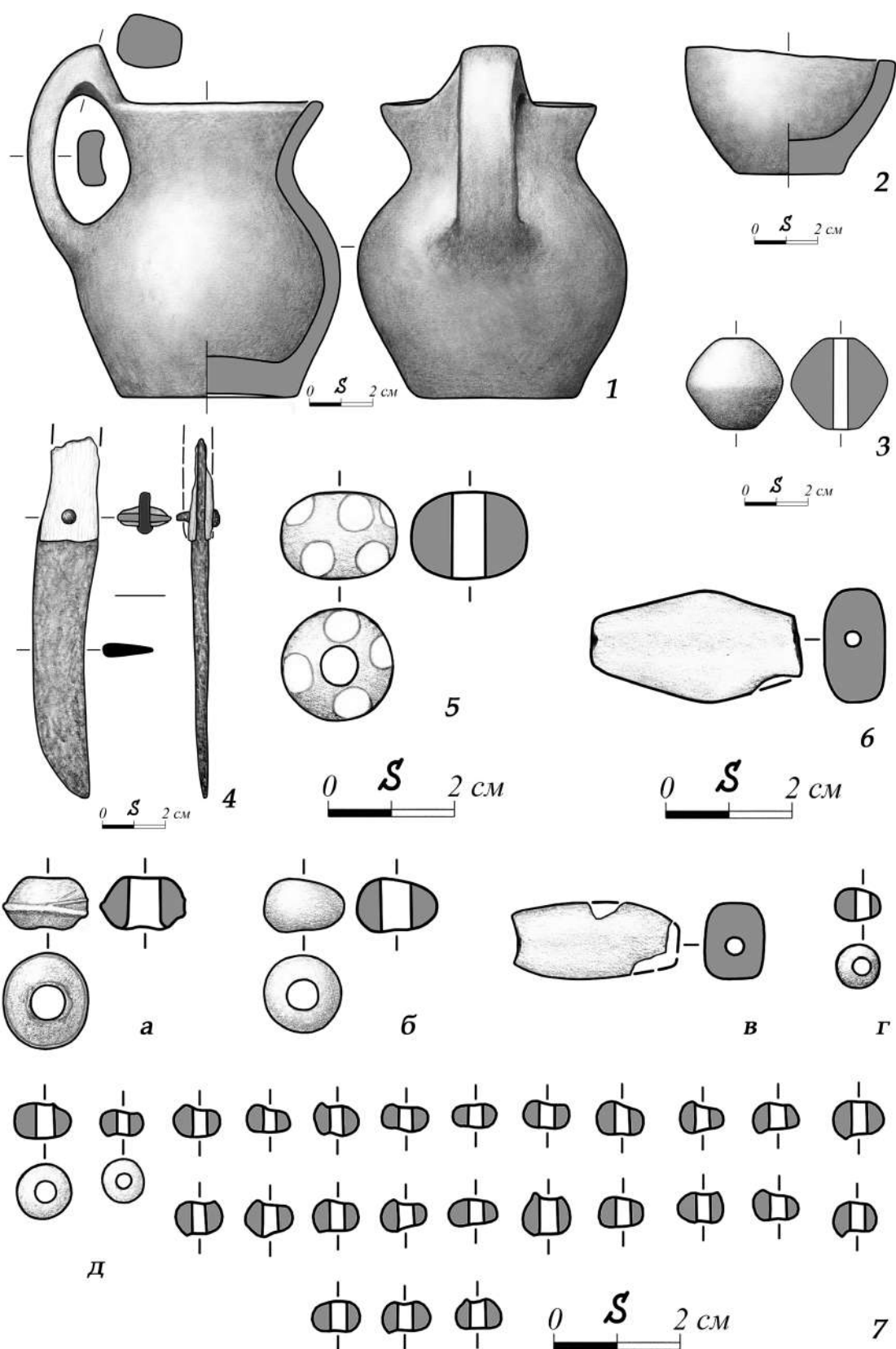

Рис. 12. Инвентарь погребения 4.

диаметр – 31 мм. Диаметр отверстия 5 мм (рис. 12/3).

4. Пара бронзовых серёг, одно из окончаний которых обрублено, а второе оформлено в виде конической шишечки. Окончания одной серёги (у правого виска) слегка заходят друг за друга. Диаметр серёги 32,8×28,6 мм. Диаметр проволоки 2,1-2,5 мм. Диаметр основания конуса 3,7 мм, высота – 3 мм (рис. 11/11). Окончания второй серёги (у левого виска) не сомкнуты. Диаметр серёги 28,0×26,7 мм. Диаметр проволоки 2,0-2,2 мм. Размеры сечения основания конуса 3,5×2,5 мм, высота – 3,5 мм (рис. 11/12).

5. Бронзовая кольцевая серёга со слегка заходящими друг за друга окончаниями. Изготовлена из круглой в сечении проволоки. Диаметр серёги 14,1×15,3 мм. Диаметр проволоки 1,2 мм (рис. 11/9).

6. Железный нож с горбатой спинкой и остатками деревянной рукояти. Рукоять крепилась к черенку при помощи заклёпки. Длина сохранившейся части ножа 114 мм, длина клинка 81 мм. Ширина лезвия у черенка до 19 мм; в средней части – 16 мм. Толщина спинки 3-4 мм, у черенка – до 5 мм. Ширина черенка 14-19 мм, толщина – до 3 мм. Реконструируемая толщина рукояти около 9 мм. Длина заклёпки 14 мм, диаметр – 3 мм; диаметр шляпки 4,5-5,0 мм (рис. 12/4).

7. В состав ожерелья костяка входили 29 стеклянных бусин:

– биконическая бусина с закруглённым ребром. Изготовлена из горчичного непрозрачного стекла. По ребру проходит рельефная жёлтая нить, местами раздваивающаяся. Высота бусины 8,3 мм, диаметр – 14×15 мм. Диаметр отверстия 5,7 мм (рис. 12/7а);

– поперечно-сжатая бусина, изготовлена из белого непрозрачного стекла. Высота бусины 9 мм, диаметр – 13 мм. Диаметр отверстия 5 мм (рис. 12/7б);

– подовальная бусина с усечёнными торцами с закруглёнными углами, прямоугольная в сечении; фрагментирована. Изготовлена из бирюзового непрозрачного стекла, покрыта серой патиной. Длина бусины более 25 мм. Размеры сечения до 12×10 мм. Диаметр отверстия до 3 мм (рис. 12/7в);

– поперечно-сжатая бусина, изготовлена из синего полупрозрачного стекла, покрыта салатовой патиной. Высота бусины 5,3 мм, диаметр – 7,0-7,5 мм. Диаметр отверстия 2,5 мм (рис. 12/7г);

– 25 поперечно-сжатых бусин, изготовлены из белого прозрачного стекла, покрыты белой патиной. Высота бусин 4,2×7,0 мм, диаметр – 7,2-9,0 мм. Диаметр отверстий 2,5-3,5 мм (рис. 12/7д).

8. Стеклянная поперечно-сжатая глазчатая бусина (на правом плече костяка I). Изготовлена из бирюзового непрозрачного стекла с белыми «глазками». Бусина полностью раздавлена, реконструирована. Высота бусины около 14 мм, диаметр – около 18 мм. Диаметр отверстия 6 мм. Диаметр «глазков» 6 мм (рис. 12/5).

9. Стеклянная ромбическая бусина с усечёнными торцами, прямоугольная в сечении (на левом плече костяка II). Изготовлена из бирюзового непрозрачного стекла, покрыта серой патиной. Длина бусины 33 мм, размеры сечения – до 18,0×10,5 мм (рис. 12/6).

10. Ожерелье костяка II состояло из кабаньего клыка и двух клыков собаки (?):

– клык кабана фрагментирован. Длина сохранившейся части 72 мм, ширина – до 17 мм, толщина – до 10 мм (рис. 11/10);

– фрагменты двух клыков собаки (?). Длина одного фрагмента 31 мм, размеры сечения – до 8×6 мм (рис. 11/8). Длина второго фрагмента 17 мм, размеры сечения – до 8×4 мм (рис. 11/7).

Погребение 5 (скифское, основное для третьей насыпи) обнаружено в 6 м к югу от R₀. Погребение совершено в яме с уступом, ориентированной по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток (рис. 13/1, 2).

Уступ прямоугольной в плане формы размерами 1,9×1,5 м и глубиной 2,2 м от R₀. Поверх деревянного перекрытия заплечики были заполнены материковым выкидом.

Яма прямоугольной формы размерами по дну 2,05×0,85 м и глубиной 3,12 м от R₀ (около 1 м от уровня заплечиков). В заполнении зафиксированы фрагменты жердей поперечного перекрытия.

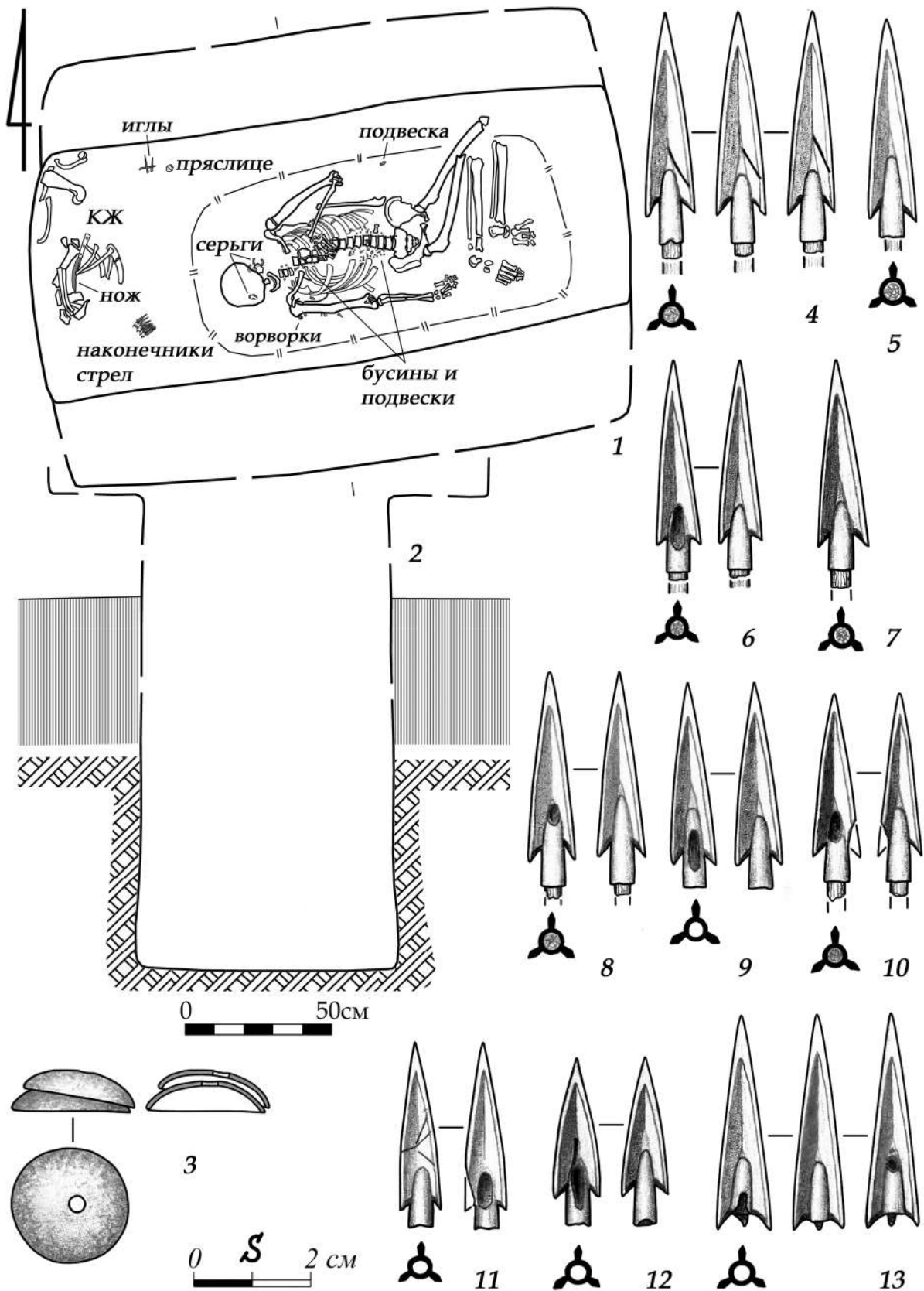

Рис. 13. Погребение 5 (1, 2) и находки из него (3-13).

На дне ямы лежал костяк женщины 40-50 лет (Łukasik 2019, 12) в скорченном положении на спине, головой на запад-юго-запад. Левая рука была согнута в локте под острым углом, кисть уложена на грудь. Правая рука была вытянута вдоль тела. Ноги были уложены коленями влево. Под костяком прослежен слой светло-серого органического тлена от цинковки размерами 1,3×0,6 м.

Состав и расположение инвентаря. За черепом у западной стенки ямы среди скопления костей животных от жертвенной пищи найден железный нож с роговой рукоятью (5). В 0,4 м западнее черепа, в юго-западном углу, лежал колчан с бронзовыми наконечниками стрел (2). У висков найдены серебряные серьги (3). В 0,45 м северо-западнее черепа лежали лепное пряслице (1), железное шило (6) и две железных иглы (7, 8). У правого плечевого сустава найдены две железные ворворки (4). У черепа, среди рёбер и у поясничных позвонков зафиксированы предметы ожерелья (9).

Описание находок.

1. Лепное биконическое пряслице с выраженным ребром. Тесто с примесью мелкого песка, шамота. Цвет серовато-жёлтый. Поверхности заглаженные. Высота пряслица 22 мм. Максимальный диаметр 24,0×24,4 мм. Диаметр большего основания 17 мм, меньшего – 10 мм. Диаметр отверстия 4,2-4,8 мм (рис. 14/8).

2. Колчаный набор состоял из десяти бронзовых наконечников стрел:

– девять наконечников с треугольными и подтреугольными головками и с выделенными втулками, основание которых находится ниже окончаний лопастей. Длина наконечников от 28,6 мм до 39,5 мм. Длина втулок от 10 мм до 14 мм, диаметр – 4,5-4,8 мм (рис. 13/4-12). На одном из наконечников на каждой правой лопасти процарапано по одной кривой линии (рис. 13/4). На одном из этих наконечников три процарапанные линии в виде «птичьей лапы» на лопасти (рис. 13/11). Во втулках шести наконечников расположены отверстия, образовавшиеся в результате дефекта литья (рис. 13/6, 8-12);

– наконечник с треугольной головкой и с выделенной втулкой, основание которой находится выше окончаний лопастей. Длина наконечника около 36,7 мм. Длина втулки

≈11 мм, диаметр – 3,5×4,0 мм. Во втулке расположены два отверстия, образовавшиеся в результате дефекта литья (рис. 13/13).

3. Пара серебряных серёг, одно из окончаний которых тупо обрублено, а второе заострено. Окончания одной серьги (у правого виска) заходят друг за друга. Диаметр серьги 36,2×38,2 мм. Диаметр проволоки 1,5×2,0 – 2,0×2,5 мм, на торце – до 2,8 мм (рис. 14/1). Окончания второй серьги (у левого виска) смыкаются. Диаметр серьги 36,0×36,5 мм. Диаметр проволоки 1,5×2,2 – 2,7×2,9 мм, на торце – 2,0×2,5 мм (рис. 14/2).

4. Две железные ворворки в виде полых выпуклых блях с отверстием в центре, скипевшиеся между собой. Высота ворворок 4 мм, диаметр – 20 мм. Диаметр отверстия 3 мм. Толщина стенки около 1,5 мм (рис. 13/3).

5. Железный нож с роговой рукоятью. Рукоять состоит из двух пластин-накладок, крепившихся к черенку при помощи шести заклёпок (из которых двумя – к черенку). Рукоять в средней части раскрошилась. Клинок треугольный в сечении, с закруглённой спинкой, отделен от черенка уступом. Длина ножа около 195 мм. Длина лезвия вместе с черенком – 112 мм; длина клинка – 88 мм. Ширина лезвия до 21 мм. Толщина лезвия до 4 мм. Длина черенка – 24 мм, ширина – 15-18 мм, толщина – 2-3 мм; расширяется и утолщается в сторону лезвия. Длина рукояти около 115 мм. Ширина рукояти в нижней части 17 мм, в средней – 14-15 мм, в верхней – 17 мм. Толщина рукояти до 11 мм. Толщина пластин – 3,5-5,0 мм. Длина заклёпок до 13 мм, диаметр – около 3 мм; диаметр шляпок – до 5 мм (рис. 14/4).

6. Железное шило со следами деревянной рукояти. Расширяется к черенку; рабочее остриё обломано. Черенок квадратный в сечении; рабочая часть круглая в сечении. Длина сохранившейся части изделия 58 мм. Длина черенка около 30 мм. Размеры сечения черенка – до 4,5×4,5 мм. Диаметр рабочей части под черенком 4 мм, в изломе – 2 мм (рис. 14/7).

7. Железная игла. Ушко выковано в виде петельки из верхней части иглы, остриё обломано. Длина сохранившейся части до 61 мм, диаметр – до 2,5 мм. Длина зауженной верхней части около 9 мм, размеры сечения – до

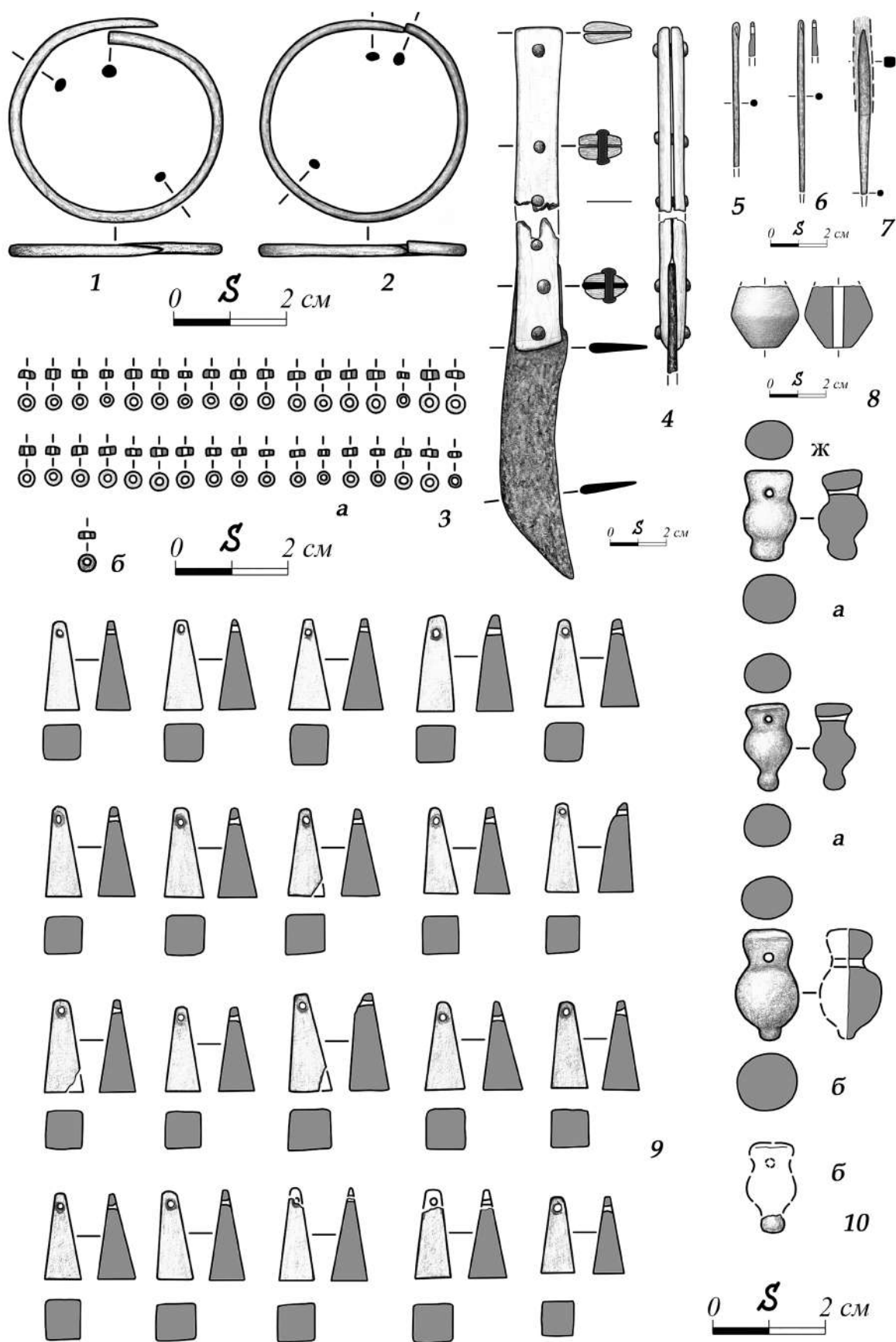

Рис. 14. Инвентарь погребения 5.

2,0×1,5 мм. Длина ушка около 4 мм, размеры отверстия – около 1,8×0,5 мм (рис. 14/6).

8. Железная игла. Ушко выковано в виде петельки из верхней части иглы, остриё обломано. Длина сохранившейся части до 51 мм, диаметр – до 2,5 мм. Длина зауженной верхней части около 7 мм, размеры сечения – до 2,8×1,5 мм. Длина ушка около 5,5 мм, размеры отверстия – около 2,3×0,7 мм (рис. 14/5).

9. В состав ожерелья входили 59 стеклянных изделий – 24 подвески и 35 бисерин:

– 20 пирамидальных подвесок из синего полупрозрачного стекла. Высота подвесок от 13,6 мм до 17,1 мм. Размеры оснований от 6×6,2 мм до 7,5×7,5 мм. Диаметр отверстий от 0,8 мм до 1,5 мм (рис. 14/9);

– две амфоровидные подвески из жёлтого непрозрачного стекла. Высота подвесок 16,2 мм и 15,5 мм, максимальный диаметр 10×9 мм и 8,8×8,7 мм. Диаметр отверстий 0,8–1,0 мм (рис. 14/10а);

– две амфоровидные подвески из голубого непрозрачного стекла. От одной подвески сохранилась только нижняя часть. Высота целой подвески 19,5 мм, максимальный диаметр 11,5 мм. Диаметр отверстия 2 мм (рис. 14/10б);

– 35 кольцевидных бисерин из белого непрозрачного (34 шт.) (рис. 14/3а) и красного непрозрачного (1 шт.) (рис. 14/3б) стекла. Диаметр бисерин от 2,4 мм до 3,5 мм, высота от 1 мм до 1,8 мм. Диаметр отверстий от 1 мм до 2 мм.

Погребение 6 (скифское, основное для третьей насыпи) обнаружено в 9 м к юго-юго-западу от R₀. В 1 м западнее погребения на поверхности второй насыпи зафиксирован материковый выкид в виде неправильного четырёхугольника размерами около 4,3×1,0 м и толщиной до 0,1 м. Погребение совершено в яме с уступом, ориентированной по линии северо-запад – юго-восток (рис. 15/1, 2).

Уступ прослежен частично, его размеры около 1,7×1,4 м, глубина – около 1,6 м от R₀.

Яма прямоугольной формы размерами по дну 1,60×0,67 м и глубиной 3,04 м от R₀ (около 1,4 м от уровня заплечиков). В заполнении зафиксированы фрагменты жердей поперечного перекрытия.

На дне ямы лежал костяк ребёнка 5 лет (Łukasik 2019, 13) в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Руки вытянуты вдоль тела, кисти на тазовых костях. Ноги слегка согнуты коленями влево. Под юго-западной стенкой отмечено материковое «ложе» из утрамбованной смеси глины и чернозёма размерами 1,1×0,4 м, толщиной до 60 мм по краям и 40 мм под костяком. На поверхности «ложа» прослежен слой светло-серого органического тлена от цинковки. Под северо-западной стенкой ямы зафиксировано скопление костей мелкого рогатого скота от жертвенной пищи.

Состав и расположение инвентаря. На левом запястье был надет бронзовый браслет (1). У черепа и среди рёбер зафиксированы предметы ожерелья (2).

Описание находок.

1. Бронзовый литой браслет с четырьмя симметричными выступами, состоящими из трёх шариков. С двух сторон расположено по три шарика; две остальные стороны, видимо, представляют собой литейный брак – в одну группу входит два шарика, с одной стороны сохранились лишь слабо различимые выступы. Стержень браслета округлый в сечении. Внешний диаметр браслета 51×50 мм, внутренний – 38,5×42,0 мм. Размеры изделия вместе с выступами около 55×59 мм. Размеры сечения стержня до 5,5×5 мм. Общая ширина выступов 11,0×11,5 мм, диаметр шариков до 6–7 мм (рис. 15/3).

2. Ожерелье состояло из 16 стеклянных бусин:

– ребристая бочонковидная бусина из чёрного непрозрачного стекла с двумя параллельными белыми полосами в перпендикулярной рёбрам плоскости. Высота бусины 14 мм, диаметр – 13,4×14,1 мм. Диаметр отверстия 2,2 мм (рис. 15/4);

– цилиндрическая глазчатая бусина из синего непрозрачного стекла с тремя желтовато-белыми «глазками» с коричневыми «зрачками». Высота бусины 9,3 мм, диаметр – 14,7×15,5 мм. Диаметр отверстия 8 мм (рис. 15/7);

– две поперечно-сжатые бусины из синего полупрозрачного стекла. Высота бусин 6,7 мм и 6,5 мм, диаметр – 12,0×12,5 мм и 10,0×10,4 мм. Диаметр отверстий 5 мм (рис. 15/5, 6);

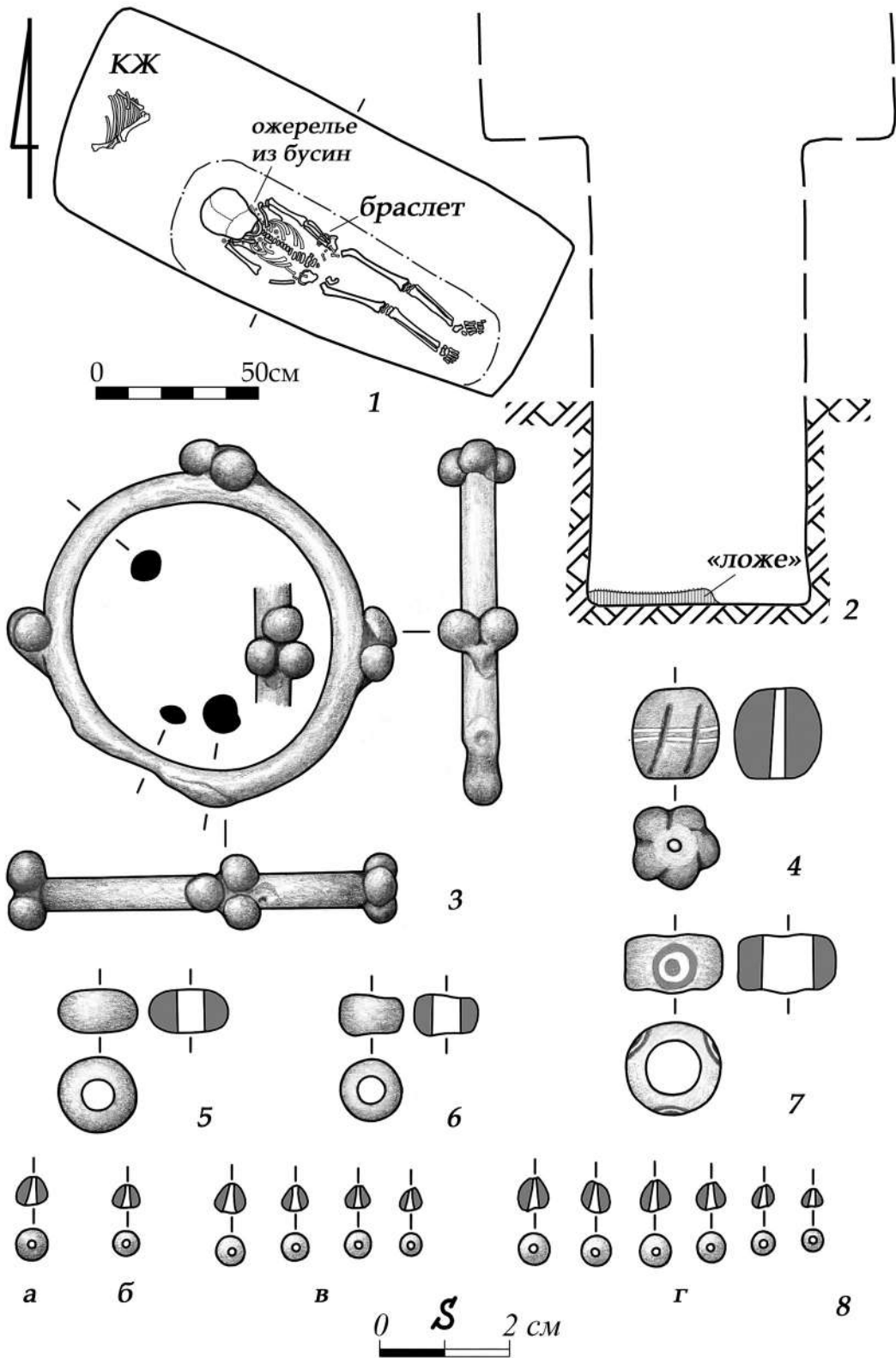

Рис. 15. Погребение 6 (1, 2) и его инвентарь (3-8).

– 12 асимметрично-сферических бусин из чёрного непрозрачного (1 шт.) (рис. 15/8а), синего полупрозрачного (1 шт.) (рис. 15/8б), жёлтого непрозрачного (4 шт.) (рис. 15/8в), голубого полупрозрачного (6 шт.) (рис. 15/8г) стекла. Высота бусин 3-5 мм, диаметр – 4,0-5,5 мм. Диаметр отверстий 0,7-2,0 мм.

Погребение 7 (энеолит (?), вероятно, связано с основным для первой насыпи погребением 12) обнаружено в 6 м к юго-юго-западу от R₀.

В придонном заполнении рва (примерно на 0,05 м выше дна) на глубине -2,39 м от R₀ лежал череп взрослого человека затылком вверх, теменем на запад. Инвентаря не обнаружено (рис. 16/1).

Погребение 8 (скифское, основное для третьей насыпи) обнаружено в 9 м к северо-северо-западу от R₀. В 0,5 м западнее погребения на поверхности второй насыпи зафиксирован материковый выкид в виде неправильного четырёхугольника размерами около 3×0,6 м и толщиной до 0,3 м. Погребение совершено в яме с уступом, ориентированной по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток (рис. 16/2, 3).

Уступ прослежен частично, его размеры около 1,2×0,9 м, глубина – около 1,6 м от R₀.

Яма прямоугольной формы размерами по дну 1,00×0,47 м и глубиной 3,13 м от R₀ (около 1,5 м от уровня заплечиков). В заполнении зафиксированы фрагменты жердей поперечного перекрытия.

На дне ямы лежал костяк полугодовалого ребёнка (Łukasik 2019, 13), разрушенный норами. Череп найден в западной части ямы. Судя по сохранившимся *in situ* берцовым костям правой ноги, первоначально ребёнок был уложен вытянуто на спине, головой на запад-юго-запад.

Следов подстилки и инвентаря не обнаружено.

Погребение 9 (скифское, основное для третьей насыпи) обнаружено в 8 м к северо-северо-востоку от R₀. Восточнее погребения на поверхности второй насыпи зафиксирован материковый выкид в виде неправильного четырёхугольника размерами около 3,0×0,8 м и толщиной до 0,4 м. Погребение совершено в

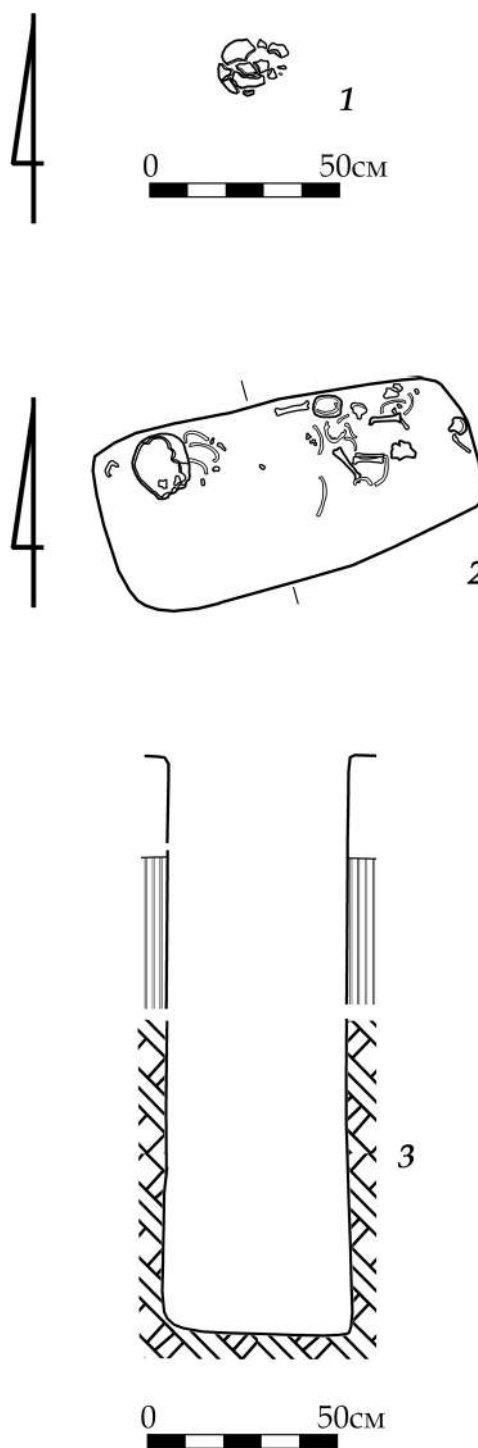

Рис. 16. Погребения 7 (1) и 8 (2, 3).

яме с уступом. Уступ своей длинной осью ориентирован широтно, по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад, погребальная яма – меридионально – по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток (рис. 17/1, 2).

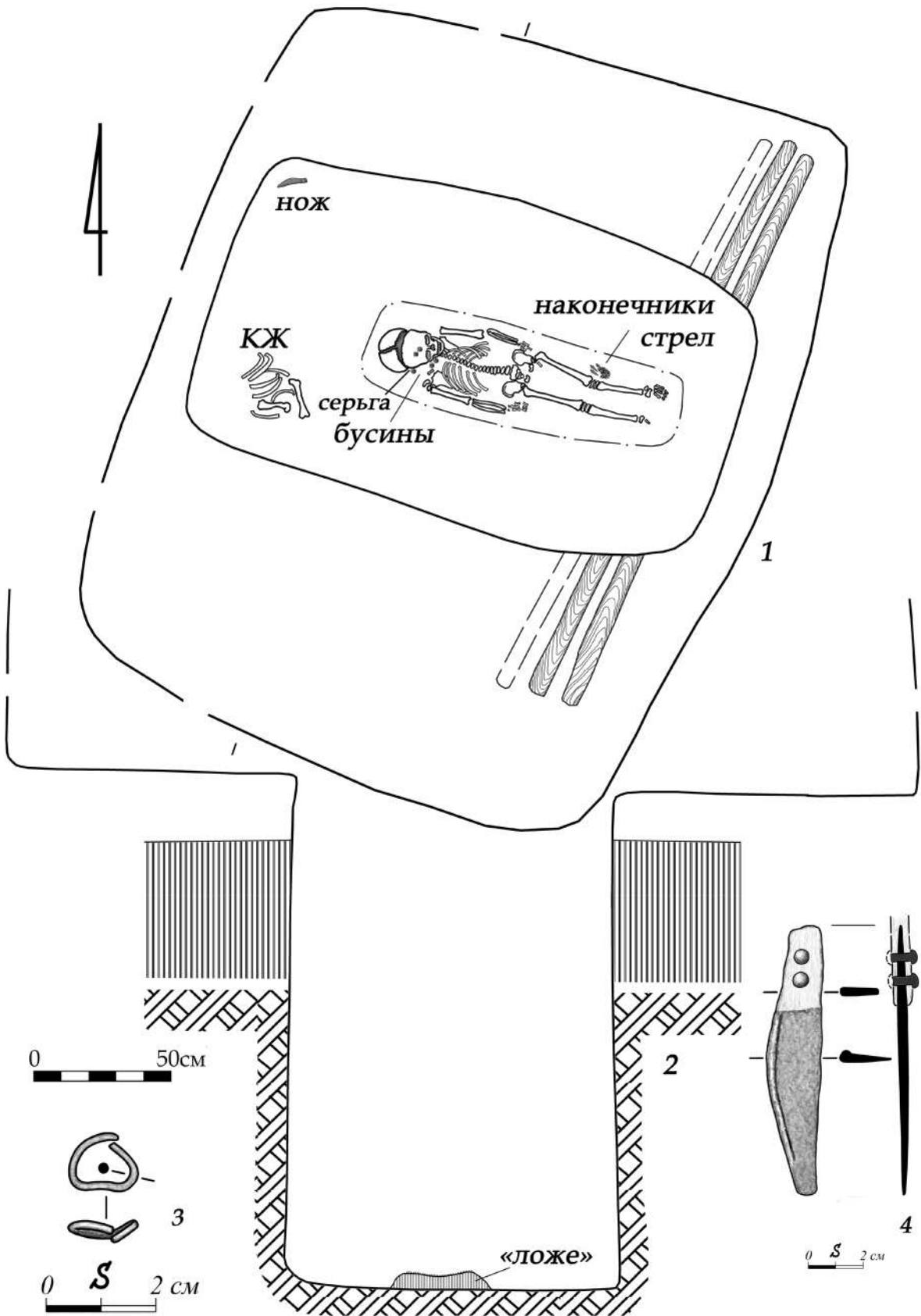

Рис. 17. Погребение 9 (1, 2) и находки из него (3, 4).

Размеры уступа 3,0×2,3 м, глубина – 1,6-1,7 м от R₀. В его восточной части сохранились остатки двух жердей поперечного перекрытия диаметром 60-80 мм и длиной до 2,2 м.

Яма прямоугольной формы размерами по дну 1,95×1,20 м и глубиной 3,49 м от R₀ (около 1,9 м от уровня уступа). В заполнении зафиксированы фрагменты жердей поперечного перекрытия.

На дне ямы лежал костяк ребёнка 4 лет (Łukasik 2019, 14) в вытянутом положении на спине, головой на запад-северо-запад. Руки были вытянуты вдоль тела. Ноги были слегка согнуты коленями вправо. Под костяком отмечено материковое «ложе» из утрамбованной смеси глины и чернозёма размерами 1,16×0,38 м, толщиной до 60 мм по краям и 30 мм под позвоночником. Под черепом толщина «ложа» составляла 70 мм, образуя «подушку». На поверхности «ложа» прослежена трёхслойная подстилка: снизу слой коричневого органического тлена (видимо, кора); затем слой светло-серого органического тлена от циновки; непосредственно под костяком лежала ткань. У юго-западного угла ямы зафиксировано скопление костей мелкого рогатого скота от жертвенной пищи.

Состав и расположение инвентаря. У левого колена лежал колчан с бронзовыми наконечниками стрел (2). В северо-западном углу ямы найден железный нож с деревянной рукоятью (3), возможно, первоначально находившийся среди костей животных и смещённый норой. Под черепом и на шее зафиксированы предметы ожерелья (4). У правого виска обнаружена бронзовая серьга (1).

Описание находок.

1. Бронзовая серьга неправильной формы с заходящими друг за друга окончаниями, изготовлена из круглой в сечении проволоки. Размеры серьги 13×11 мм. Диаметр проволоки до 1,8 мм (рис. 17/3).

2. Колчаный набор состоял из десяти бронзовых наконечников стрел:

– десять наконечников с треугольными и подтреугольными головками и с выделенными втулками, основание которых находится ниже окончаний лопастей. Длина наконечников от 28,6 мм до 40,7 мм. Длина втулок от 10 мм до

19 мм, диаметр – 4,5-5,2 мм (рис. 18/1-10). На одном наконечнике литые знаки с трёх сторон: дуга с двумя отростками выше втулки; дуга изгибом к кромке на правой лопасти; горизонтальная линия выше втулки (рис. 18/4). На другом наконечнике процарапаны пять линий с наклоном влево на одной правой лопасти (рис. 18/5). На третьем наконечнике процарапаны четыре линии на одной правой лопасти: три с наклоном влево, одна (верхняя) вправо (рис. 18/6). На четвертом наконечнике линии процарапаны с двух сторон: «птичка» на правой лопасти; две «птички» остриями в направлении продольной оси на обеих лопастях (рис. 18/7). На пятом наконечнике процарапаны линии с двух сторон в виде «птичек» остриями в направлении продольной оси; с одной стороны рядом с каждой «птичкой» ещё по одной дополнительной линии (рис. 18/8). На шестом наконечнике с одной стороны ближе к острию – горизонтальная литая линия, на другой стороне – процарапаны три линии с наклоном вправо (рис. 18/9). На седьмом наконечнике с двух сторон процарапано по одной линии с наклоном влево (рис. 18/10). Во втулках шести наконечников расположены отверстия, образовавшиеся в результате дефекта литья (рис. 18/1-3, 5, 6, 10);

– наконечник с подтреугольной головкой и с выделенной втулкой, основание которой находится выше окончаний лопастей. Длина наконечника 26,7 мм. Длина втулки 8 мм, диаметр – 4,3 мм. Во втулке наконечника расположено отверстие, образовавшееся в результате дефекта литья (рис. 18/11).

3. Железный нож с деревянной рукоятью. Спинка горбатая, лезвие клиновидное в сечении, с левосторонней нервюрой вдоль спинки. Остриё обломано в древности. Рукоять крепилась при помощи двух заклёпок. Длина сохранившейся части ножа 98 мм. Ширина лезвия до 20 мм, толщина – до 3 мм; толщина спинки до 4 мм. Ширина нервюры до 4 мм. Длина черенка около 31 мм, ширина – 11-14 мм, толщина – 2,0-3,5 мм. Длина заклёпки более 10 мм, диаметр – около 3,5 мм; диаметр шляпки – до 5,5 мм (рис. 17/4).

4. В ожерелье входили пять стеклянных бусин: – бочонковидная бусина из синего непрозрачного стекла с четырьмя поперечными полосомами желтовато-белого цвета. Длина бусины

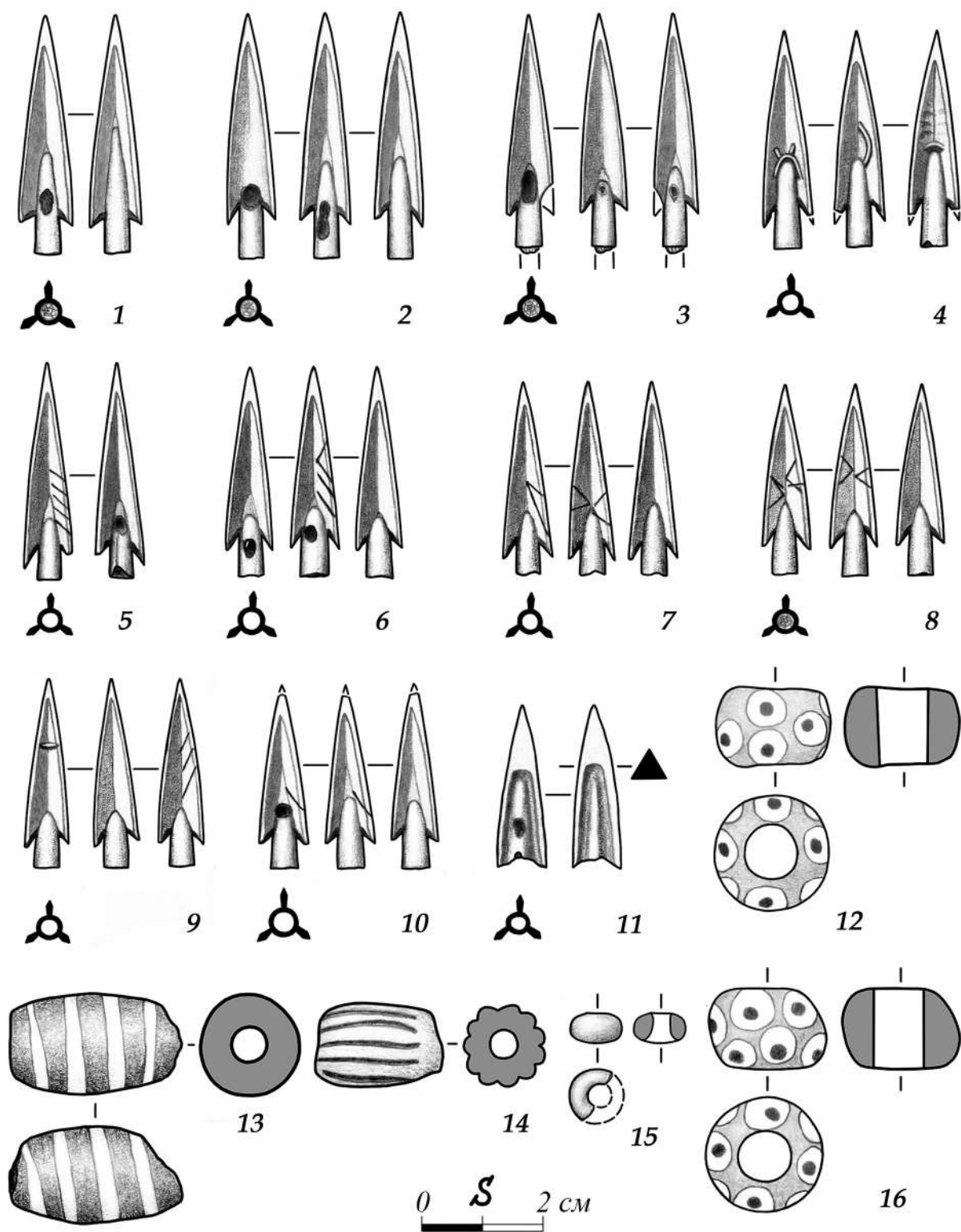

Рис. 18. Инвентарь погребения 9.

29 мм, диаметр – 17 мм; диаметр торцов около 11 мм. Диаметр отверстия 5 мм (рис. 18/13);

– бочонковидная ребристая бусина из синего полупрозрачного стекла. Длина бусины 22 мм, диаметр – до 14 мм. Диаметр отверстия 5 мм (рис. 18/14);

– две поперечно-сжатые глазчатые бусины из голубого непрозрачного стекла с белыми «глазками» с 12 синими «зрачками». Высота бусин 14 мм и 13 мм, диаметр – 19,5×20,0 мм и 19,1×20,7 мм. Диаметр отверстий 9 мм и 8×10 мм (рис. 18/12, 16);

– поперечно-сжатая бусина из голубого непрозрачного стекла. Фрагментирована, сохранилось около половины диаметра. Высота бусины 5,5 мм, диаметр 9 мм. Диаметр отверстия 4 мм (рис. 18/15).

Погребение 10 (скифское, основное для третьей насыпи) обнаружено в 9 м к северу от R₀. Совершено в яме с уступом. Квадратный уступ сторонами ориентирован по сторонам света, погребальная яма – по линии запад – восток (рис. 19/1, 2).

Уступ прямоугольной формы размерами 2,40×2,35 м и глубиной 1,85 м от R₀ (около 0,8 м от уровня впуска) был сооружён в насыпи в качестве площадки, с уровня которой выкапывалась погребальная яма. Поверх её деревянного перекрытия уступ был заполнен материковым выкидом, толщина которого в северной части достигала 0,7 м.

Ближе к южной стенке уступа была сооружена погребальная яма прямоугольной формы, размерами по дну 1,82×0,90 м и глубиной 3,33 м от R₀ (около 1,5 м от уровня уступа). В заполнении зафиксированы фрагменты жердей поперечного перекрытия.

На дне ямы лежал костяк ребёнка 3-4 лет (Łukasik, 2019, 14) в вытянутом положении на спине, головой на запад. Руки были слегка согнуты и отведены от тела, ноги – прямые. Под костяком отмечено «ложе» из утрамбованной смеси глины и чернозёма размерами 0,85×0,33 м, толщиной до 5 см по краям и 3 см под позвоночником. Под черепом толщина «ложа» составляла 6 см, образуя «подушку». На «ложе» и прилегающей поверхности дна ямы прослежен светло-серый органический тлен от циновки размерами 1,30×0,75 м.

Состав и расположение инвентаря. У западной стенки ямы среди костей мелкого рогатого скота от жертвенной пищи найден железный нож с деревянной рукоятью (2). У правых виска и лопатки найдено по одной подвеске из раковин *Cypraea moneta* (4, 5). Железная подвеска в виде модели меча (1) зафиксирована поверх грудных позвонков. Левее подвески лежала стеклянная бусина (3).

Описание находок.

1. Железная модель меча. Навершие «когтевидное», с сомкнутыми окончаниями. «Рукоять» прямоугольная в плане и в сечении. «Клинок» листовидный, линзовидный в сечении; остриё обломано. Длина сохранившейся части изделия 57,5 мм, реконструируемая длина – около 63 мм. Длина «рукояти» 23 мм, размеры сечения 7×4 мм. Размеры навершия 13×16 мм, толщина – 2-3 мм. Ширина «клинка» до 10 мм, толщина – до 3 мм (рис. 19/3).

2. Железный нож с деревянной рукоятью. Спинка горбатая, лезвие клиновидное в сечении. Рукоять крепилась при помощи заклёпки. Длина сохранившейся части ножа 67,5 мм. Ширина лезвия до 19 мм, толщина спинки до 3 мм. Размеры сечения рукояти 19,0×9,5 мм. Длина заклёпки около 11 мм, диаметр – около 3 мм; диаметр шляпки около 4 мм (рис. 19/4).

3. Стеклянная бочонковидная бусина, почти полностью покрытая «глазками» («аргус»). Изготовлена из синего стекла; «глазки» белого цвета с синими «зрачками». Сохранилось четыре ряда глазков. Один торец бусины повреждён. Высота сохранившейся части 18,5 мм; реконструируемая высота – около 20 мм. Диаметр бусины 21,5 мм, диаметр основания – 14 мм, диаметр отверстия – 7 мм. Диаметр «глазков» 3-4,5 мм, диаметр «зрачков» 2-3 мм (рис. 19/6).

4. Раковина *Cypraea moneta* (у правого виска) размерами 19,5×14,5×7,0 мм. Выступающая часть раковины обточена параллельно её основанию (рис. 19/5).

5. Раковина *Cypraea moneta* (у правой лопатки) размерами 25,0×18,5×9,5 мм. Выступающая часть раковины обточена параллельно её основанию (рис. 19/7).

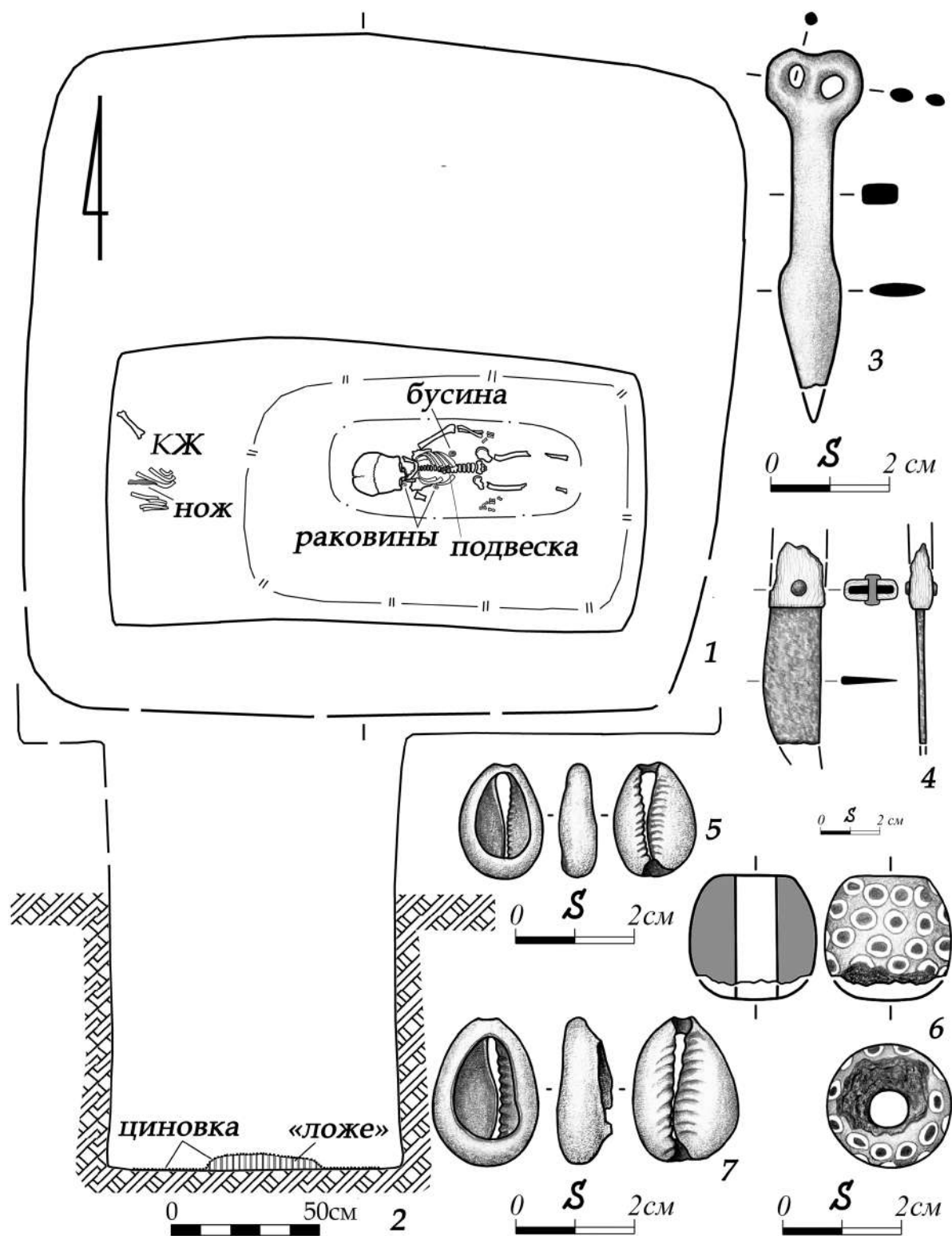

Рис. 19. Погребение 10 (1, 2) и его инвентарь (3-7).

Погребение 11 (скифское, основное для второй насыпи, боковое) обнаружено в 5 м к востоку-юго-востоку от R₀. Совершено в яме, ориентированной по линии юго-юго-запад – северо-северо-восток (рис. 20/1, 2).

Прослежены остатки поперечного перекрытия в виде 19 жердей диаметром 50-70 мм и длиной до 1,2 м. Под жердями, видимо, также перекрывая яму, была постелена циновка, от которой сохранилось пятно светло-серого органического тлена размерами около 2,6×1,3 м. У юго-западного угла ямы циновка частично перекрывала край материкового выкида из погребения 1.

Яма прямоугольной формы размерами 2,07×0,70 м и глубиной 2,08 м от R₀ (0,48 м от древней поверхности), её восточная стенка разрушена. Юго-западный угол ямы перерезал юго-восточную оконечность кольцевого рва, связанного с основным погребением 12.

Мужчина 20-30 лет (Łukasik 2019, 15) лежал вытянуто на спине, головой на юг-юго-запад. Руки были вытянуты вдоль тела. Ноги прямые (правая сохранилась частично). Следов подстилки не зафиксировано.

Состав и расположение инвентаря. У левой кисти, очевидно, в каком-то мешочке, лежали кресальный кремь (6) и комок жёлто-зелёного вещества (7). Два бронзовых наконечника стрел (2) лежали остриями друг к другу левее левой бедренной кости, вплотную к ней. Ещё один бронзовый наконечник стрелы (3) найден справа от левой бедренной кости, остриём к ней. Также бронзовый наконечник стрелы (4) лежал поверх левого локтя остриём на север, ещё один (5) – у правого крыла таза, также остриём на север, к ногам. Там же найден фрагмент стенки лепного сосуда (1).

Описание находок.

1. Фрагмент стенки лепного сосуда. Размеры фрагмента 37,5×29,0 мм, толщина стенки – 6,5-7,5 мм. Цвет внешней поверхности чёрный; изнутри – серый. Поверхности шероховато-заглаженные. Тесто с примесью песка, дресвы (рис. 20/8).

2. Два бронзовых наконечника стрел, лежащих левее левой бедренной кости:

– трёхлопастный наконечник со скрытой втулкой, окончания лопастей опущены ниже

основания втулки. Длина наконечника около 31,5 мм. Длина втулки более 10 мм, диаметр – 4 мм. В верхней части втулки расположены два отверстия, образовавшиеся в результате дефекта литья (рис. 20/4);

– трёхгранный наконечник со скрытой втулкой и с выемкой в основании. Длина наконечника около 23 мм. Ширина оснований 7,0-7,2 мм. Внутренний диаметр втулки 3 мм (рис. 20/5).

3. Трёхгранный бронзовый наконечник стрелы со скрытой втулкой (справа от левой бедренной кости), в основании трёхлопастный. Окончания граней опущены ниже основания втулки. Длина наконечника около 24 мм. Ширина оснований 7,0-7,5 мм. Длина втулки около 8 мм, диаметр – 4,5 мм (рис. 20/6).

4. Трёхгранный бронзовый наконечник стрелы со скрытой втулкой (у левого локтя). Длина наконечника около 22 мм. Ширина оснований 6,7-7,0 мм. Длина втулки более 7 мм. Внутренний диаметр втулки 3,1 мм. На одной из граней расположено отверстие, образовавшееся в результате дефекта литья (рис. 20/7).

5. Трёхлопастный бронзовый наконечник стрелы со скрытой втулкой (у правого крыла таза), окончания лопастей опущены ниже основания втулки. Длина наконечника 33,7 мм. Длина втулки около 10 мм, диаметр – 4 мм. С одной стороны на втулке расположено отверстие, образовавшееся в результате дефекта литья. С трёх сторон на лопастях у втулки отлиты знаки в виде «лесенки» (рис. 20/8).

6. Кресальный кремь на нуклеидном обломке. Интенсивная забитость на гранях. Кремь жёлто-серый непрозрачный, часть поверхностей окатана. Размеры изделия 42×22×23 мм (рис. 20/3).

7. Желтовато-зелёное вещество представляет собой природный кристаллический гипс².

² Экспериментальное исследование вещества было проведено старшим научным сотрудником Отдела физико-химических исследований Национального научно-исследовательского реставрационного центра Украины Н.А. Шевченко.

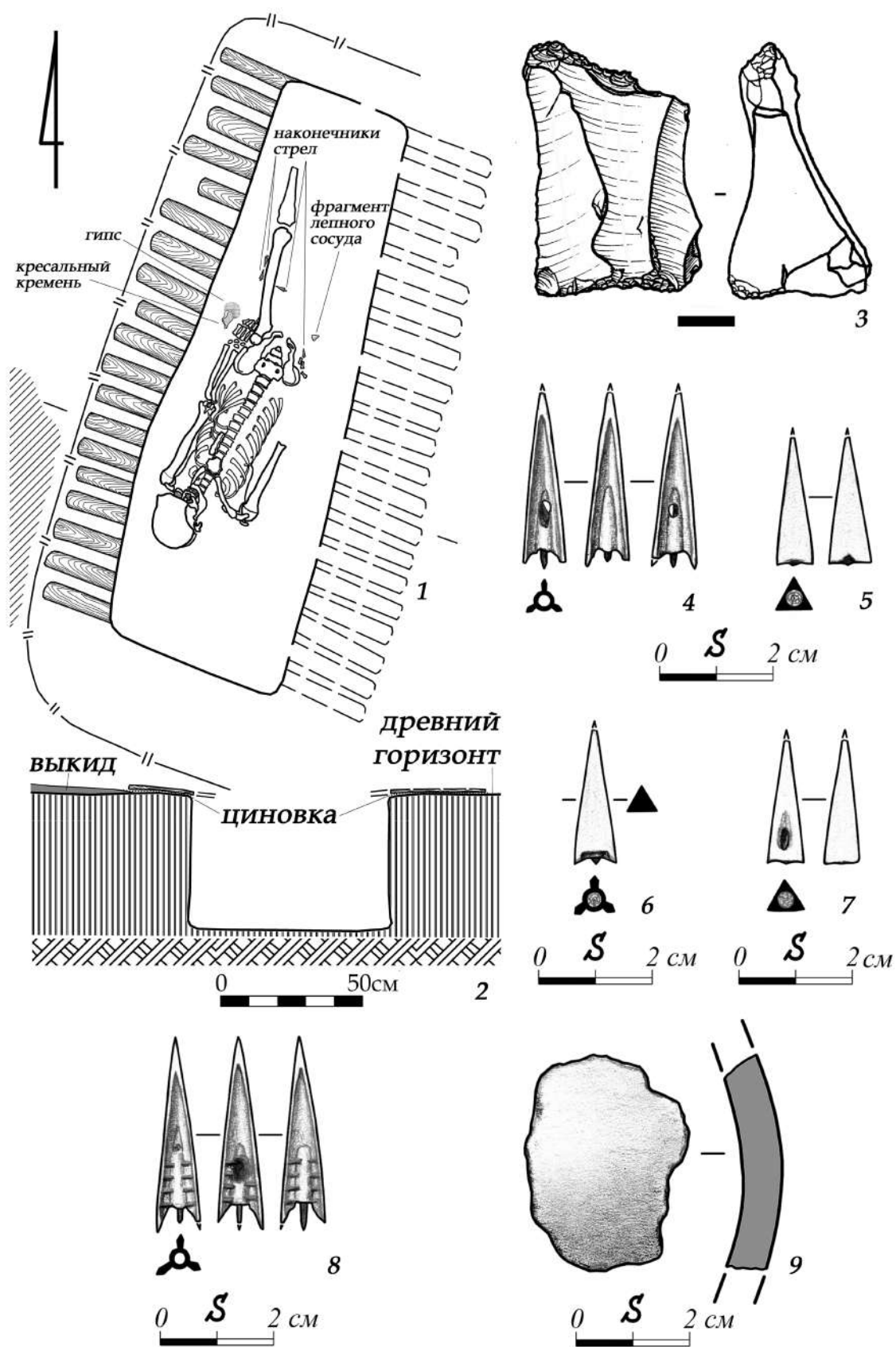

Рис. 20. Погребение 11 (1, 2) и его инвентарь (3-9).

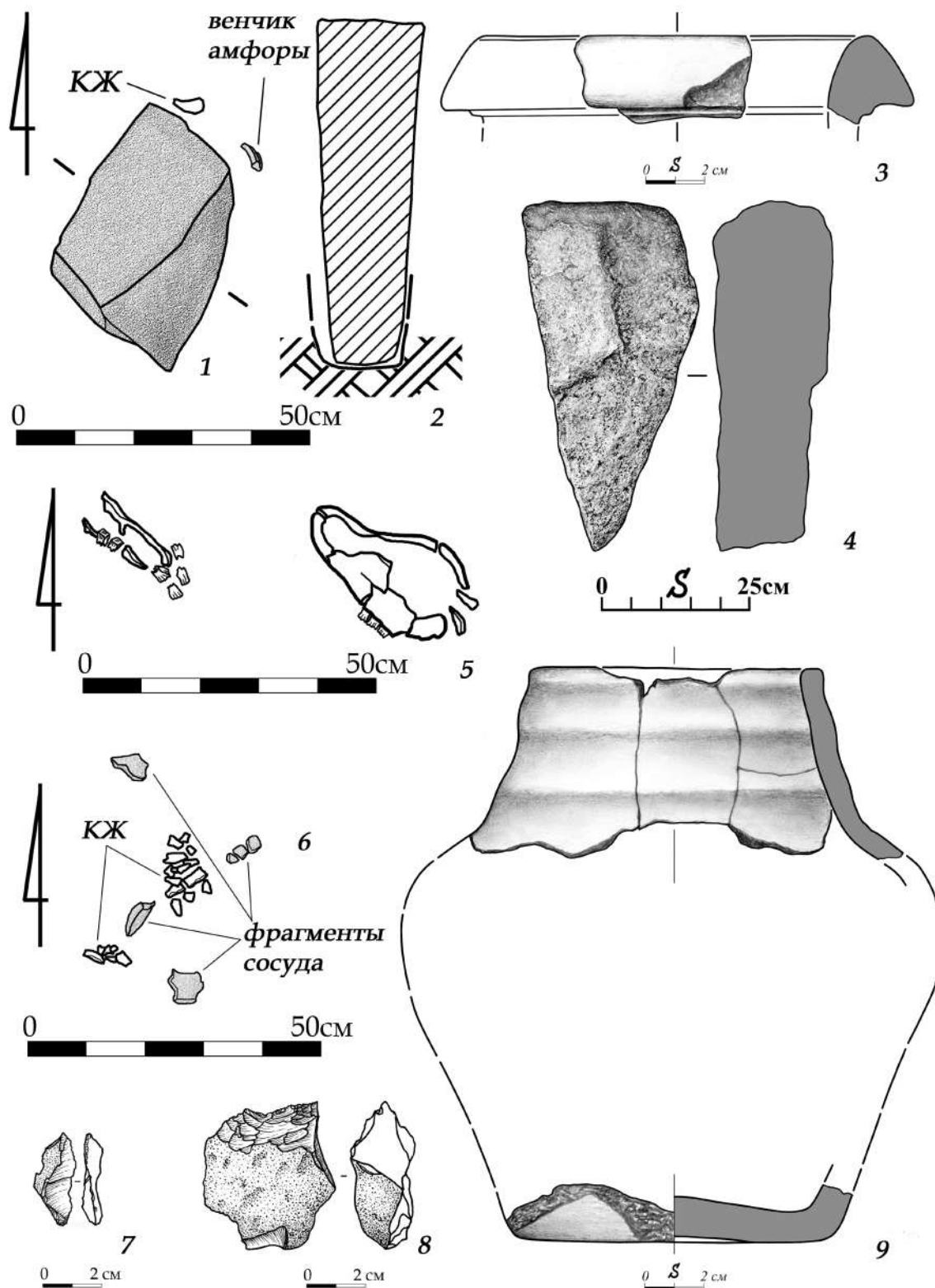

Рис. 21. Находки в насыпи кургана (1-5) и инвентарь погребения 12 (6-9).

Погребение 12 (энеолит, основное для первой насыпи) обнаружено в 1,5 м к западу от R₀. Совершено в яме, которая была почти полностью уничтожена при сооружении скифского погребения 1, а также при его ограблениях (рис. 1/1; 3/1).

Судя по сохранившемуся углу ямы, она имела подпрямоугольную форму и была ориентирована по линии западо-северо-запад – востоко-юго-восток. Сохранившаяся длина южной стенки ямы – 1 м, западной – 0,2 м. Её глубина составляла 2,91 м от R₀, или около 1 м от древней поверхности. Следов подстилки не зафиксировано (рис. 3/1).

Состав и расположение инвентаря. В заполнении неоднократно ограбленного скифского погребения 1 были найдены два кремневых орудия (2, 3) и фрагменты лепного сосуда (1). Другие фрагменты того же сосуда были обнаружены в северо-восточной поле кургана 16 (см. выше). Исходя из морфологических и технологических особенностей данных находок, мы относим их к инвентарю погребения 12.

Описание находок.

1. Фрагменты лепного сосуда. Венчик усечённо-конический; срез уплощён горизонтально, с закруглёнными краями. Внешняя поверхность горловины волнистая, в виде трёх широких неглубоких горизонтальных каннелюр, подлощена. Дно вогнутое, с закруглённым краем; изнутри – выпуклое. Тесто с примесью шамота; включения мелкого песка. Цвет жёлтый, серовато-жёлтый, оранжевый; в изломе – чёрный. Поверхности заглаженные. Реконструируемая высота сосуда 195 мм. Высота горловины до 55 мм. Диаметр венчика 100 мм. Диаметр основания горловины 130 мм. Реконструируемый диаметр тулова более 180 мм. Диаметр дна 105 мм. Толщина венчика 8 мм. Толщина стенок 5-8 мм, у дна до 10 мм. Толщина дна в центре до 14 мм, у стенок до 11 мм; центральная часть дна вогнута до 2 мм (рис. 21/9).

2. Полупервичный пластинчатый отщеп с ретушью утилизации в качестве режущего орудия. Кремень жёлто-серый полупрозрачный, на спинке остатки окатанной желвачной корки. Размеры 30×14×4 мм (рис. 21/7).

3. Орудие на фрагменте конкреции. Приострающей ретушью по продольному краю

было сформировано лезвие строгального ножа. Кремень жёлто-серый непрозрачный. Размеры 53×46×16 мм (рис. 21/8).

Стратиграфия кургана

В профилях кургана 16 группы «Водовод» (рис. 2) прослежено наличие трёх насыпей. Первая насыпь была возведена (вероятно, в эпоху энеолита) из светло-серого очень слабо гумусированного грунта над погребением 12. Диаметр первой насыпи определяется по внутреннему краю кольцевого рва вокруг основного погребения. Он составлял около 10 м. На дне рва в его юго-западной части был найден человеческий череп (погребение 7), также, очевидно, связанный с основным погребением, поскольку он был перекрыт заполнившим нижнюю часть рва светло-серым грунтом, сползшим и смытым с первой насыпи. Центральная часть первой насыпи была разрушена скифским погребением 1. Исходя из её диаметра и сохранившейся части, первоначальная высота над древним горизонтом была около 0,7-0,8 м. Видимо, из-за небольших размеров насыпи в неё не были впущены другие погребения эпохи палеометалла, и вновь она была использована для захоронений только в раннем железном веке. О значительном промежутке времени между сооружением первой и второй насыпи свидетельствует заметная разница в уровне древнего горизонта – под второй и третьей насыпями, за пределами кольцевого рва, он примерно на 0,15-0,20 м выше (рис. 2).

В IV в. до н.э., когда кольцевой ров уже полностью заплыл и никак не выделялся на местности, в центральную часть уже, видимо, слабо заметной первой насыпи было впущено скифское погребение 1, почти полностью уничтожившее основное погребение. Поверх остатков первой насыпи, заплывшего рва и древнего горизонта был уложен материковый выкид в виде кольцевого вала, в восточной части которого был оставлен проход шириной до 4 м. Поперёк этого прохода, перегораживая его, была размещена выкопанная с древней поверхности яма скифского погребения 11, очевидно, сопровождавшего погребение 1. При этом юго-западный угол ямы перерезал юго-восточную оконечность заплывшего кольцевого рва. Юго-западный край циновки, перекрывавшей погребение 11, лежал поверх края материкового выкида из погребения 1 (дно погребения 11

находилось в погребённом чернозёме). Следовательно, погребение 11 было сооружено после погребения 1, но до возведения второй насыпи. Она состояла из однородного тёмно-серого гумусированного грунта и имела овальную в плане форму. Диаметр второй насыпи с востока на запад составлял около 22,5 м, с севера на юг – около 25,5 м. Местами вокруг неё были прослежены остатки неглубокой (около 0,3 м от древнего горизонта) выемки от выборки грунта. Сохранившаяся высота второй насыпи над древним горизонтом 1,9 м, её вершина разрушена распашкой.

Третья насыпь из серого гумусированного грунта с добавлением материкового суглинка была также сооружена над скифскими погребениями, вероятно, через относительно небольшой промежуток времени. Об этом свидетельствует тот факт, что на момент сооружения третьей насыпи вторая ещё не успела сильно расплыться.

Границы третьей насыпи, круглой в плане, определялись внутренним краем кольцевой окологурганной выемки диаметром около 26 м. Ширина выемки 3,5-4,0 м, глубина 0,4-0,6 м от древнего горизонта. Стратиграфически прослежен одновременный выпуск во вторую насыпь шести погребений: № 4-6, 8-10. Уровень выпуска и выкиды из скифских погребений 2 и 3, где были захоронены маленькие дети, в профилях бровок кургана 16 не были зафиксированы. Однако, исходя из их расположения в южной поле второй насыпи и из особенностей погребального обряда, мы предполагаем их синхронность с достоверно основными для третьей насыпи скифскими погребениями.

Сооружения и материалы эпохи энеолита

К сожалению, основное захоронение 12 кургана 16 было практически полностью уничтожено при сооружении (а также, видимо, при ограблениях) скифской гробницы 1. Отдельные фрагменты сосуда, который мы связываем с основным погребением, были найдены в заполнении погребений 1 и 12, другие фрагменты в северо-восточной поле третьей насыпи, куда, видимо, они были выброшены грабителями. Выделить среди мелких обломков костей людей и животных те, которые достоверно принадлежали погребению 12, не представляется возможным. Что касается

погребального обряда, то можно лишь говорить о наличии широкого неглубокого кольцевого рва внутренним диаметром около 10 м, с проходом в восточной части, и подпрямоугольной с закруглёнными углами ямы, предположительно, длинной осью ориентированной по линии запад – восток, то есть восточной торцевой стенкой обращённой точно к проходу во рву. Подобные сооружения не имеют узких хронологических рамок. «Погребение» 7, вероятно, связанное с основным, представляет собой уложенный на дно кольцевого рва лицевой частью вниз человеческий череп, не сопровождавшийся инвентарём. Кремневые орудия также типологически невыразительны, аналогии им можно найти в материалах самых различных культурных групп энеолита-бронзового века (Razumov 2011, 47-65).

Обратимся к плоскодонному лепному сосуду, форму которого удалось реконструировать. Её можно охарактеризовать как биконическую, с усечённо-коническим горизонтально срезанным венчиком с закруглёнными краями. Особое внимание следует обратить на внешнюю поверхность горловины – она волнистая, в виде трёх широких неглубоких горизонтальных каннелюр, подлощена. Дно вогнутое, с закруглённым краем; изнутри – выпуклое. Тесто с примесью шамота и с включениями мелкого песка. Цвет жёлтый, серовато-жёлтый, оранжевый; в изломе – чёрный. Несмотря на фрагментированность сосуда, он достаточно узнаваем – такие форма, орнаментация верхней части, вогнутое дно, состав теста характерны для керамики культур раннего и среднего энеолита Балкано-Карпатского региона. В частности, речь идёт о культурных общностях Гумельница – Варна – Коджадермен – Караново VI (северо-восток Балканского полуострова, Нижнее Подунавье) (Дергачёв 1999, 185; Палагута 2012, 190; Stratton, Boric 2012, fig. 7) и Кукутень-Триполье (конкретнее, этап Прекукутень III - Триполье А, лесостепь между Сиретом и Южным Бугом) (Збенович 1989, 89, 96, рис. 49; 50; 55; 57; 67-69; Дергачёв 1999, 182). Впрочем, для последней орнаментация только в виде горизонтальных каннелюр в верхней части сосуда мало распространена, а её появление исследователи связывают с традициями культуры Варна (Burdo 2011, 361, fig. 10). Отметим, что наибольшее сходство сосуд из погребения 12 имеет, по нашему мне-

нию, с керамикой группы Болград-Алденъ (Дунай-Днестровское междуречье) культуры Гумельница (Дергачёв 1999, 184; Субботин 2013; Govedarica, Manzura 2015, 444, fig. 12; Frînculeasa 2016, pl. IV-VI; XV). Также необходимо упомянуть, что ближайшее к курганному могильнику Глиное/Водовод из известных на сегодняшний день поселений этой группы в с. Паланка находится всего в 37 км на юго-восток, на правом берегу Нижнего Днестра (Ткачук, Топал, Зверев 2016, 367).

Памятники культуры Гумельница А2, в том числе и группы Болград-Алденъ, имеют серию дат ^{14}C , которая в целом укладывается во вторую половину V тыс. до н.э. (Frînculeasa 2016, 80-83).

Таким образом, первую насыпь кургана Глиное/Водовод 16 можно было бы связывать с эпохой раннего энеолита. Однако здесь перед нами возникает серьёзная проблема – специалисты по эпохе палеометалла юга Восточной Европы подчёркивают, что первые собственно курганные насыпи появляются на территории Северо-Западного Причерноморья не раньше второй четверти IV тыс. до н. э. над захоронениями культуры Чернавода I (тип Хаджидер-Животиловка) и/или нижнемихайловской (Тесленко 2007, 80; Kaiser 2016, 133; Манзура 2017, 124). Впрочем, имеются данные о существовании курганов, датированных второй половиной V тыс. до н.э., в более восточных регионах, но они оспариваются в силу плохой сохранности погребений и предполагаемого влияния на радиоуглеродные даты резервуарного эффекта (Манзура 2017, 115).

Следовательно, исходя из имеющихся данных, мы можем предложить два варианта культурно-хронологической атрибуции погребения 12. Согласно первой версии, сосуд является гумельницким, и первая насыпь датируется ранним энеолитом. Отметим, что, хотя бесспорных данных о наличии небольших курганных насыпей над весьма немногочисленными захоронениями раннего энеолита Северо-Западного Причерноморья у нас нет, категорично исключать их наличие мы также не можем.

По второй версии, данный комплекс более поздний, и относится к типу Хаджидер-Животиловка (культура Чернавода I по В.И. Манзуре – Манзура 2013, 149). Следует заметить, что орнаментация верхней части мисок и

тулова горшков горизонтальными каннелюрами изредка присутствует на керамике данной культуры, что, видимо, связано с пережитками гумельницких традиций (Манзура 2013, 137-138), но формы этих сосудов и состав теста, на наш взгляд, не совсем сходны с публикуемым. Если всё же сосуд относится к культуре Чернавода I, погребения 12 и 7 кургана 16 группы Глиное/Водовод могут датироваться средним энеолитом, в рамках второй-третьей четверти IV тыс. до н.э. Укажем, что для данной культуры известны небольшие курганы, окруженные широкими кольцевыми рвами, правда, с проходами преимущественно в западной или юго-западной части, а также подпрямоугольные погребальные ямы с ориентированными в восточном направлении скорченными на боку костяками (Манзура 2013, 130, 132).

Также необходимо упомянуть, что уровень погребённой почвы под первой насыпью был на 0,15-0,20 м ниже, чем под второй и третьей, которые по амфорным клеймам датированы началом второй половины IV в. до н.э. Учитывая скорость накопления чернозёмного слоя на территории Северо-Западного Причерноморья в позднем голоцене, такая разница в уровнях может приравниваться примерно к 3500-3000 лет (Лисецкий, Голеусов, Чепелев 2013, 540-553, рис. 2). Сравнительно небольшая мощность и слабая гумусированность погребённого чернозёма под первой насыпью также свидетельствуют в пользу её отнесения к раннему либо среднему энеолиту.

Возможно, в будущем ситуацию помогут прояснить результаты радиоуглеродного датирования фрагментов человеческого черепа со дна рва («погребение» 7), если он действительно связан с основным погребением.

Сооружения и материалы скифского времени

Материалы, полученные при исследовании кургана 16 группы «Водовод» у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра, свидетельствуют, что сооружение его второй насыпи было связано с захоронением в гробнице Глиное/Водовод 16/1 лиц, обладавших довольно высоким социальным статусом.

По классификации В.С. Ольховского, эта гробница может быть отнесена к типу I (прямоугольные или овальные), варианту 1 (прямоу-

гольные), к подварианту «а» (с четырьмя столбовыми ямами по углам) (Ольховский 1991, 20, табл. I). При этом сам исследователь не исключал, что «некоторые из редких ям варианта 1А типа II в действительности являлись четырёхстолбовыми деревянными гробницами» II типа (Ольховский 1991, 41, табл. IV; VIII/4, 5). В этой связи представляется, что в нашем случае есть все основания рассматривать погребальное сооружение Глиное/Водовод 16/1 как деревянную гробницу – яму прямоугольной формы с четырьмя столбовыми ямами по углам.

Отметим, что до настоящего времени подобных сооружений в Северо-Западном Причерноморье выявлено не было. В качестве ближайших аналогий мы можем указать три сооружения, изученные на левобережье Нижнего Дуная.

Первым из них является комплекс Плавни 28/2, единственное скифское захоронение в кургане, окружённое рвом. Гробница была устроена в яме длиной 3,4-3,5 м, шириной 2,8-3,0 м и глубиной 3,2 м, ориентированной меридионально – по линии север – юг. В дне ямы зафиксированы шесть столбовых ям диаметром 0,16-0,24 м и глубиной 0,14-0,54 м: по две у длинных стен (западной и восточной), и по одной – у коротких (северной и южной). Заполнение столбовых ям состояло из чернозёма и древесного тлена. На уровне древнего горизонта гробница была перекрыта деревянным настилом квадратной формы размерами 7×7 м; только за пределами этого настила был уложен материковый выкид из ямы (Андрух, Добролюбовский, Тощев 1985, 67-68, рис. 27/1, 3). Дата комплекса устанавливается на основании амфорного материала (мендейская амфора и гераклеяское энглифическое клеймо с именем фабриканта *Eurydamos*) в пределах конца V – первого десятилетия IV в. до н.э. (Кетрару и др. 2014, 183).

Позже, в 70-х гг. IV в. до н.э., была сооружена скифская гробница в кургане 8 могильника Чауш (Кетрару и др. 2014, 184). Единственное погребение в кургане, окружённое рвом, было совершено в прямоугольной яме длиной 3,8 м, шириной 2 м и глубиной 2,1 м, ориентированной по линии запад – восток и окружённой материковым выкидом на уровне древнего горизонта с северной, западной и южной сторон. У стен ямы были зафиксированы семь столбовых ям диаметром 0,17-0,30 м и глу-

биной 0,6-0,8 м: четыре в углах сооружения и ещё три по центру у северной, западной и южной стен. Данные о древесном тлене в заполнении столбовых ям отсутствуют, очевидно, ввиду тотального ограбления (Гудкова и др. 1982, 68-70, табл. LVII/1-6).

Спустя десятилетие, в 60-х гг. IV в. до н.э. (Кетрару и др. 2014, 185), в насыпь кургана Цыганка, сооружённого в раннем бронзовом веке, была впущена скифская гробница. Над нею досыпки не производилось, однако скифами был сооружён ров, а на насыпи была установлена антропоморфная стела. Гробница была устроена в яме длиной 3,6 м, шириной 2,5-2,9 м и глубиной 2,7 м, ориентированной по линии северо-запад – юго-восток. В дне сооружения зафиксированы восемь столбовых ям глубиной по 0,6 м, семь из которых находились вдоль стен, а восьмая – в 0,5 м восточнее западной стены. В каждой из столбовых ям зафиксирован древесный тлен (Ольховский, Шилов 1995, 103-107, 111, рис. 1-3).

Как следует из приведённых данных, гробница Глиное/Водовод 16/1, как и захоронение в кургане Цыганка (окружённое рвом), была впущена в насыпь, сооружённую в более раннее время. Для двух других погребений (Плавни 28/2, Чауш 8) скифами были возведены собственные насыпи, окружённые рвами. В комплексе Глиное/Водовод 16/1 брёвна перекрытия лежали поверх остатков первой насыпи, а материковый выкид был уложен за пределами перекрытия. Подобная схема (выкид, уложенный за пределами перекрытия), как указывалось выше, была отмечена в захоронении Плавни 28/2. Ориентировки у гробниц отличаются: Плавни 28/2 – по линии север – юг, Цыганка – по линии северо-запад – юго-восток, Глиное/Водовод 16/1 – по линии западо-северо-запад – востоко-юго-восток, Чауш 8 – по линии запад – восток.

В публикуемом комплексе, несмотря на ограбление, достоверно зафиксировано отсутствие следов какого-либо древесного тлена в заполнении столбовых ям, в отличие от гробниц Плавни 28/2 и Цыганка. Это обстоятельство позволяет предполагать, что столбы после завершения погребальной церемонии были извлечены из ям. Вполне вероятно, что деревянный кольшек (рис. 6/17), найденный в заполнении ямы, мог использоваться для фиксации циновок на стенах и/или полу сооружения.

Важно отметить, что гробница Глиное/Водовод 16/1 является самой большой из известных в настоящее время в Северо-Западном Причерноморье. Объём этого сооружения (34,75 м³) превышает объёмы ранее исследованных гробниц: Плавни 28/2 (32,01 м³), Цыганка (26,24 м³), Чауш 8 (15,96 м³). Кроме того, размеры гробницы Глиное/Водовод 16/1 уступают только двум скифским ямам Северо-Западного Причерноморья: погребение Мрснота Могила 3/1 (размеры 3,45×3 при глубине 3,88 м; объём 40,15 м³) на левобережье Нижнего Дуная (Гудкова и др. 1985, 74, рис. 43/1) и захоронение Буторы I 8/1 (размеры 3,8×3,0 при глубине 3,3 м; объём 37,62 м³) на левобережье Нижнего Днестра (Синика, Разумов, Тельнов 2013, 55, рис. 34/1).

Достаточно высокий социальный статус погребённых в гробнице (мужчины 35-50 лет, по определению антрополога, и женщины (?) старше 20 лет), ориентированных головами на запад-северо-запад, подчёркивается и наличием сопровождающего захоронения. Молодой мужчина 20-30 лет был захоронен в прямоугольной яме, располагавшейся поперёк единственного разрыва в кольце материкового выкида, окружавшего гробницу. Крайне необычна меридиональная ориентировка ямы (юго-юго-запад – северо-северо-восток), и ещё более необычна ориентировка зависимого лица – головой на юго-юго-запад, т. е. строго перпендикулярно ориентировке хозяев из гробницы.

В скифских курганах Северного Причерноморья одновременное захоронение лиц с неравным социальным статусом (различные ориентировки и позы погребённых, место погребения) отмечалось неоднократно. Так, в погребении Дубоссары 18/1 на левобережье Нижнего Днестра в ногах основной погребённой, ориентированной головой на запад, поперёк погребальной ямы лежал костяк молодой женщины, на спине, головой на север. Её небрежно сбросили на жертвенную пищу, находившуюся в углу ямы. Безусловно, первый костяк, для которого было совершено погребение, принадлежал знатной скифянке, похороненной вместе с зависимым лицом (Кетрару и др. 2014, 83, 192, рис. 69). В захоронении Дубоссары 21/1, совершённом в катакомбе, основная погребённая была уложена в деревянное гробовище, находившееся

в погребальной камере. Второй погребённый лежал за пределами гробовища, в дромосе. Позы погребённых совпадали (вытянутое положение на спине), а ориентировки различались (западная у основной погребённой, северная – у зависимого лица) (Кетрару и др. 2014, 94, 192, рис. 79/1).

В лесостепном Побужье в ограбленном захоронении 5/1 у с. Неделково (Савранского р-на Одесской обл.) кости основного погребённого обнаружены в беспорядке у южной стенки прямоугольной ямы, ориентированной по линии запад – восток, а частично разрушенный костяк зависимого лица находился у восточной стенки в вытянутом положении на спине, головой на север (Редина 1999, 75, 77, рис. 2/2; Кетрару и др. 2014, 192-193, прим. 25). В кургане 71 у с. Яцковичи в лесостепном Побужье в ногах женщины, ориентированной головой на запад, находились кости молодого верблюда и двух детей (Бессонова 1994, 15).

В правобережном Приднепровье в основном погребении кургана 20 у г. Смела (Черкасской обл. Украины) один костяк лежал в центральной части ямы вытянуто на спине, головой на запад. В его ногах обнаружен второй костяк – спиной к основной погребённой, на правом боку, головой на юг (Покровська 1957, 65-66).

В отличие от указанных выше комплексов, где захоронения хозяев и зависимых лиц были совершены одновременно и в одном погребальном сооружении, в кургане Глиное/Водовод 16 для совершения одновременных захоронений хозяев (Глиное/Водовод 16/1) и зависимого лица (Глиное/Водовод 11) были сооружены две отдельных могилы.

Отметим также, что в кургане Глиное/Водовод 16, помимо четырёх взрослых (двух в захоронении 16/1, одного в погребении 16/5, и одного в могиле 16/11), были погребены семеро детей: по одному в могилах 16/3, 16/6, 16/8, 16/9, 16/10, и двое – в захоронении 16/4. При этом возраст детей различается: полгода (16/8), год (16/3), 2-3 года (16/4), 3-4 года (16/10), 4 года (16/9), 5 лет (16/6), 10-11 лет (16/4).

Ранее уже отмечалось, что при изучении могильников «Водовод» и «Сад» (примыкавшего с юга к могильнику «Водовод») выявлено наибольшее количество детских захоронений по сравнению с другими скифскими

могильниками Северо-Западного Причерноморья (Синика, Тельнов, Лысенко 2018е, 76-77; Синика и др. 2020b, 398-399).

В группе «Водовод» изучено 18 одиночных детских захоронений (5/3 (Синика, Тельнов 2018а, 134, рис. 2/5), 6/1, 6/2 (Синика, Тельнов, Лысенко 2018е, 73, рис. 1/4; 2/2), 7/2, 7/5 (Синика и др. 2019с, 369, 379, рис. 4/1; 8/2), 8/2 (Синика и др. 2018с, 236, рис. 1/6), 10/1, 10/2 (Синика и др. 2019а, 824-825, рис. 1/2; 2/1), 12/1 (Sinika et al. 2021, 254, fig. 1/2), 13/2 (Синика и др. 2020а; 347-348, рис. 3/1), 14/1, 16/2, 16/3, 16/6, 16/8, 16/9, 16/10, 18/1 (Синика и др. 2020b, 394, рис. 1/3)), и одно – парное детское (16/4). Кроме того, в парных могилах 5/5 и 13/1 одним из погребенных был взрослый, а вторым – ребёнок (Синика, Тельнов 2017b, 7, рис. 1/1; Синика, Тельнов 2018а, 137, рис. 3/4; Синика и др. 2020а; 346-347, рис. 2/1). Исследованы также девять детских кенотафов: 5/1 (яма 1,6×0,47 м), 5/2 (яма 1,65×0,55 м), 5/6 (яма 1,48×0,63 м) (Синика, Тельнов 2018а, рис. 2/1-4; 5/1, 2), 6/3 (яма 0,85×0,45 м), 6/4 (яма 0,8×0,55 м) (Синика, Тельнов, Лысенко 2018е, 73-74, рис. 1/6-9), 8/1 (яма 0,73×0,35-0,45 м), 8/4 (яма 1,25×0,65 м) (Синика и др. 2018с, 234, 238, рис. 1/4, 5; 3/1-3), 12/2 (яма 1,05 × 0,6 м), 12/3 (яма 0,45×0,4 м) (Sinika et al. 2021, 255-256, fig. 2/1, 7).

В группе «Сад» исследовано 13 одиночных детских погребений (2/1, 3/3, 3/4 (Синика, Тельнов 2017а, 288-289, 293, рис. 2/1; 6/1, 3), 4/3, 4/18 (Синика, Тельнов, Лысенко 2018а, 112, 114, рис. 2/1; 3/7), 7/1, 7/2, 7/4 (Синика, Тельнов, Лысенко 2018b, 128, рис. 2/1; 3/1; 4/1), 8/1, 8/2, 8/3, 8/4 (Синика, Тельнов, Лысенко 2018d, 79, 82, 84, рис. 2/1; 4/1; 5/1, 3), 11/1 (Синика и др. 2020е; 66, рис. 2/1)), а также в двух комплексах костяки детей зафиксированы вместе с костяками взрослых: в коллективном (6/1 – взрослый и двое детей) (Sinika, Lysenko, Telnov 2017, 160, fig. 3/2) и парном (8/5 – взрослый и ребёнок) (Синика, Тельнов, Лысенко 2018d, 84, рис. 6/1) захоронениях. Кроме того, для погребения-кенотафа 7/3 была вырыта яма размерами 1,05×0,48 м (Синика, Тельнов, Лысенко 2018b, 128, рис. 3/3-5).

Таким образом, из 92 скифских захоронений, изученных в соседних группах «Сад» и «Водовод», 36 или более 39% содержали костяки детей. 31 погребение было одиночным дет-

ским, а одна могила – парной детской. Ещё в четырёх захоронениях дети были погребены вместе со взрослыми. Кроме того, ещё десять комплексов (11%), будучи кенотафами, предназначались для символических захоронений детей. Сумма указанных погребений (46) свидетельствует, что половина всех могил использовалась для детских захоронений.

В такой ситуации неудивительно, что в кургане Глиное/Водовод 16 в шести могилах были захоронены семеро детей. В 2018 г. был опубликован курган Глиное/Водовод 6 рубежа IV-III вв. до н.э., в котором исследованы четыре детские могилы, в том числе два кенотафа, при этом в кургане не было погребений взрослых (Синика, Тельнов, Лысенко 2018е, 76). Спустя два года в научный оборот был введён комплекс с единственным детским захоронением, совершённым в первой половине V в. до н.э. (Синика и др. 2020b, 402). Отметим, что первый подобный случай (единственное захоронение ребенка под насыпью) в Северо-Западном Причерноморье был отмечен в кургане 90 скифского могильника III-II вв. до н.э. у того же с. Глиное Слободзейского района (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 531-532, рис. 300), в окрестностях которого располагался могильник «Водовод».

Также необходимо обратить внимание на конструкции впускных скифских могил в кургане. Погребальные сооружения семи захоронений (3, 4, 5, 6, 8, 9, 10) представлены ямами с уступами, устройство которых диктовалось необходимостью создания на склоне насыпи ровных площадок для последующего выкапывания в них погребальных ям. После того, как ямы перекрывались, уступы заполнялись материковым выкидом. Отметим, что подобная практика была зафиксирована в ещё двух скифских впускных захоронениях в ямах с уступами в Северо-Западном Причерноморье: Неделково 9/1 (Днестро-Бугское междуречье) – впущено в скифский курган (Редина 1999, 77, рис. 3/1,2); Семёновка 14/4 (правобережье Днестровского лимана) – впущено в курган бронзового века (Субботин, Разумов, Синика 2017, 69, рис. 38; 40/4). Однако имеющиеся данные не позволяют констатировать, что такой конструктивный элемент, как уступ, сооружался только для впускных могил. Так, на левобережье Нижнего Днестра в кургане № 4 у с. Никольское были исследо-

ваны четыре скифских захоронения в ямах с уступами (№ 3-6), и все они были сооружены одновременно до возведения насыпи (Агульников, Сава 2004, 38-44, рис. 18).

В трёх погребениях (6, 9 и 10) кургана ямы были разделены на две зоны. Во всех комплексах западная часть ямы предназначалась для размещения жертвенной пищи, а восточная – для тела погребённого и инвентаря. В каждом из захоронений тело ребёнка укладывали на «ложе» из смеси материковой глины и чернозёма. Географически ближайшими комплексами, где было зафиксировано подобное деление ямы, являются семь погребений, исследованных в 2016-2018 гг. на левобережье Нижнего Днестра: Глиное/Водовод 2/12 – одна зона для жертвенной пищи и части инвентаря, а вторая – для тела погребённого и другого инвентаря (Синика, Тельнов 2017с, 134, 144, рис. 2/1, 2); Глиное/Водовод 3/2 – западная часть ямы для жертвенной пищи, а восточная – для тела погребённого и инвентаря (Синика, Тельнов 2016с, 261, 263-264, рис. 1); Глиное/Водовод 10/2 – первая зона для тела ребёнка, вторая – для сосудов (Синика и др. 2019а, рис. 2/1, 2); Глиное/Водовод 13/3 – жертвенная пища в западной части ямы, тело погребённого и предметы вооружения – в восточной (Синика и др. 2020а, рис. 348, рис. 4/1, 2); Глиное/Сад 6/1 – одна из зон для женщины с ребёнком на руках, вторая (на «ложе») – для другого ребёнка (Синика, Lysenko, Telnov 2017, 160, 164-165, fig. 3/2, 4). Эти пять ям, сконцентрированные в непосредственной близости к кургану Глиное/Водовод 16, примечательны тем, что в них (как и в публикуемых комплексах) разделение пространства погребального сооружения было достигнуто за счёт устройства «лож» из слоя мешаной глины и чернозёма, на которых находились тела погребённых. Появление этого элемента обряда связано с греческим влиянием на погребальную обрядность скифов (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 969; Синика и др. 2021, 27).

«Подушки» из материковой глины, отмеченные в захоронениях Глиное/Водовод 16/9 и 16/10, представляют собой крайне редкий элемент погребальной обрядности скифов Северного Причерноморья. Ранее подобные «подушки» были зафиксированы только в захоронении второй половины IV в. до н. э. Мамай-Гора 175/1 в Нижнем Поднепровье

(Андрух, Тощев 2009, 104), а также в трёх погребениях на левобережье Нижнего Днестра: Глиное/Водовод 3/2 – рубежа IV-III вв. до н.э. (Синика, Тельнов 2016с, 261, 264, рис. 1); Глиное/Водовод 13/3 – второй половины IV в. до н. э. (Синика и др. 2020а, рис. 348, 355, рис. 4/1, 2); Глиное 19/1 – последней четверти III в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 159, 769, рис. 71/3, табл. 20). Отметим, что последние три комплекса исследованы в непосредственной близости от кургана Глиное/Водовод 16: два из них были изучены в составе этого же курганного могильника (в насыпях Глиное/Водовод 3 и Глиное/Водовод 13), а третий – в составе могильника, располагавшегося в 2 км к юго-западу от группы «Водовод».

Нельзя не остановиться и на таком элементе обряда, как установка стелы в поле третьей насыпи, связанной с сооружением восьми синхронных скифских захоронений (№ 2-6, 8-10). К северо-востоку от погребения 9 был установлен каменный столб подтреугольной формы (острым углом вниз). Очевидно, что возле него была проведена тризна, о чём свидетельствуют находки фрагмента венчика амфоры и костей животных.

До недавнего времени в Северо-Западном Причерноморье стелы были обнаружены только в восьми курганах. При этом семь из них (полностью сохранившиеся) являются антропоморфными. На левобережье Нижнего Дуная это находки из кургана Цыганка (Ольховский, Шилов 1995, 103, 105-106, рис. 1; 3) и у с. Виноградовка (Субботин и др. 1992, 4-6, рис. 1/2, 3; Ольховский, Евдокимов 1994, 17, кат. № 8, ил. 6). В Дунай-Днестровском междуречье антропоморфные стелы были зафиксированы во рву кургана Алкалия 18 (Субботин и др. 1992, 23-24, рис. 21/1) и в кургане 1 могильника Хаджидер I. В последнем случае возле стелы находились фрагмент нижней части красноглиняной амфоры и кости животных (Субботин и др. 1992, 21-22, рис. 19/1, 2).

На левобережье Нижнего Днестра стелы были обнаружены в кургане 5 могильника Буторы I (Синика, Разумов, Тельнов 2013, 17-18, 48-49, 121-122, рис. 1; 25), в кургане 5 у г. Дубоссары (Кетрару и др. 2014, 54-56, 209-210, рис. 43; 44/1), в кургане 24 у г. Дубоссары (сохрани-

лась нижняя часть стелы) (Кетрару и др. 2014, 102-103, 209-210, рис. 85), между сс. Красногорка и Бычок (Четвериков 1997, рис. 1; Ольховский 2005, 104, ил. 93/1).

В 2018 г. на левобережье Нижнего Днестра были найдены два каменных столба. Один из них, прямоугольный в плане и в сечении, был установлен во рву скифского кургана 12 группы «Сад» (Синика и др. 2020с, 332, рис. 1; 3/2). В кургане Глиное/Водовод 16, расположенном в 500 м к северо-северо-востоку от насыпи Глиное/Сад 12, был найден аналогичный столб, отличающийся только формой (подтреугольной в плане), местом установки (в поле третьей насыпи) и зафиксированными возле него следами тризны. Аналогичные свидетельства тризны, как отмечалось выше, были зафиксированы возле антропоморфного изваяния в кургане 1 могильника Хаджидер I в Дунай-Днестровском междуречье.

Таким образом, можно констатировать, что стелы (в том числе и не антропоморфные) являются одним из редчайших элементов погребального обряда скифов Северо-Западного Причерноморья. В публикации кургана Глиное/Сад 12 было отмечено, что он возводился для захоронения знатного воина, статус которого, наряду с иными элементами обряда и погребальным инвентарём, подчёркивала и стела, установленная во рву. Несомненно, и в случае с курганом Глиное/Водовод 16 установка каменного столба была обусловлена социальным статусом погребённых в третьей насыпи лиц (возможно родственников «аристократов» из гробницы 1) – семерых детей (могилы 3, 4 (парная), 6, 8, 9, 10) и одной женщины с оружием (захоронение 5).

Анализ инвентаря из скифских комплексов

Инвентарь из данных комплексов представлен различными категориями: предметами вооружения, орудиями труда и предметом быта, посудой, предметом туалета, украшениями, аксессуарами костюма и культовыми предметами.

Из предметов вооружения вызывает особый интерес меч. Ближайшей аналогией ему является изделие из сарматского кургана IV в. до н.э. у с. Солодовка в Поволжье (Демиденко 1992, рис. 2/1). В целом подобные мечи (с когтевидными навершиями и ложно-треу-

гольными перекрестиями) относятся к типу Солоха, бытовавшему у скифов Северного Причерноморья с последней четверти V в. до н. э. до конца IV в. до н. э. (Топал 2018, 104-107). До недавнего времени в Северо-Западном Причерноморье были известны всего две подобные находки – в погребениях рубежа V-IV вв. до н. э. Талмазы 9/1 (Синика 2007b, 171, 178, рис. 1/6; Топал 2015, 202, рис. 2/9) и Пуркары 7/3 (Агульников и др. 2013, 274, рис. 6/7) на правобережье Нижнего Днестра. В настоящий момент число таких мечей в регионе дополняют две находки из кургана Глиное/Водовод 16 на левобережье Нижнего Днестра: настоящий меч из парного погребения взрослых (Глиное/Водовод 16/1), а также, несмотря на её миниатюрность и схематичность, модель аналогичного меча из детского захоронения Глиное/Водовод 16/10.

Последняя находка является первой подобной в скифских комплексах Северного Причерноморья. Она либо входила в состав ожерелья в качестве подвески, либо была положена на тело ребёнка.

До настоящего времени в скифских погребальных комплексах Северного Понта была известна единственная находка модели предмета вооружения. Это бронзовая модель лука размерами 4,8×1,5 см, лежавшая слева на груди женщины в катакомбе Дервент 13/2 на левобережье Нижнего Дуная (Островерхов, Редина 2013, рис. 102/9). Захоронение было совершено в первой половине III в. до н.э. (Бруяко 2009, 333; Синика, Тельнов 2016а, 309). Аналогия ей известна только в погребении № 49 (1913 г.) Ольвийского (греческого) некрополя – бронзовая модель лука длиной 10 см в детском захоронении середины V в. до н.э. (Козуб 1973, 270-274, рис. 1).

Кроме того, бронзовый амулет в виде короба или колыбельки с ручкой происходит из ожерелья девочки 12-15 лет в погребении Глиное 75/1 третьей четверти III в. до н.э. (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 448, 451, 919, 957, рис. 254/9) на левобережье Нижнего Днестра.

Модель бронзового котла найдена в кургане у с. Дарьевка IV в. до н.э. на правобережье Среднего Днепра, однако контекст находки неизвестен (Петренко 1967, табл. 24/14). Ещё одна модель котла (высотой 1,9 см и диаметром корпуса 1,3 см) находилась в составе ожере-

ля ребёнка в катакомбе Волчанск-1 8/5 конца V – первой половины IV в. до н.э. в Северо-Западном Приазовье (Полин, Кубышев 1997, 12, рис. 10/23).

При этом важно подчеркнуть, что изготовление и помещение в погребальные комплексы моделей предметов вооружения и сосудов не является неординарной практикой в раннем железном веке Евразии. Напротив, она широко известна: модели кинжалов и топоров в захоронениях кобанской культуры на Кавказе (Доманский 1984, фото 178; 179), модели кинжалов, луков (Тетерин, Готлиб 2006) и сосудов (котлов, кубков, курильниц, ковшей) в погребениях таштыкской культуры (Тетерин, Митько, Журавлёва 2010), модели котлов в пазырыкских могилах (Полосьмак, Баркова 2005, 65) Южной Сибири.

Возвращаясь к скифским захоронениям Северного Причерноморья, укажем, что в двух случаях фиксируется определённая связь между находками моделей и полноразмерными изделиями. Так, в кургане 8 группы Волчанск-1 в Северо-Западном Приазовье модель котла была обнаружена в детском захоронении № 5, а в женском погребении № 2 находился обычный котёл (Полин, Кубышев 1997, 9-10, рис. 7/3).

Аналогичная ситуация отмечена в кургане 16 группы «Водовод» у с. Глиное на левобережье Днестра. В детском погребении 10 (одном из основных для третьей насыпи) находилась модель меча (рис. 19/3), при этом настоящий боевой меч (рис. 7/1) был найден в парном захоронении 1 (основном для второй насыпи). Примечательно, что захоронение ребёнка (10), хотя и спустя небольшое время, было устроено строго к северу от могилы взрослых (1), о чём свидетельствуют планиграфические данные (рис. 1). Связь между этими двумя комплексами становится ещё более ощутимой, если принять во внимание, что изделие из детской могилы представляло собой не просто модель какого-то/любого меча, а меча, найденного в захоронении взрослых. Нет сомнения, что в публикуемом комплексе модель меча в составе ожерелья ребёнка являлась вотивным предметом. По всей видимости, она представляла собой «символ, обозначающий принадлежность к “касте” воинов» (Берсенева 2011, 75-76).

Пара копий (два железных наконечника и два железных втока) в захоронении Глиное/Водовод 16/1 не выглядит удивительной находкой в любом из воинских погребений Северного Причерноморья. Однако инкрустация нижней части втулки одного из наконечников бронзовой проволокой группами по две-три горизонтальные линии (между двумя нижними линиями расположена «волна»), а также наличие бронзового кольца у основания втулки второго наконечника копья, не находят аналогий в скифских древностях.

Весьма вероятно, что железная ворворка, обнаруженная в скифской гробнице Глиное/Водовод 16/1, служила для затягивания чехла, покрывавшего один либо оба наконечника копий, и в этом смысле только формально может считаться «аксессуаром костюма». Она являлась на самом деле аксессуаром воинского снаряжения.

Подобная ситуация ранее была достоверно отмечена в четырёх скифских захоронениях Северо-Западного Причерноморья. Наиболее ранним из них является погребение Глиное/Сад 12/3 на левобережье Нижнего Днестра, где железная ворворка была обнаружена у основания втулки одного из наконечников копий. Захоронение датируется второй половиной V в. до н. э. (Синика и др. 2020с, 332, 346, рис. 2/1, 5). На рубеже V-IV вв. до н. э. было совершено погребение 6 кургана 5/1 могильника Градешка на левобережье Нижнего Дуная, где в непосредственной близости от двух наконечников копий лежала железная ворворка (Субботин и др. 1992, 4, рис. 3/3-5; Синика 2007а, 167-169, табл. 28, № 61). К середине IV в. до н.э. относится строительство катакомбы Глиное/Водовод 11/1 на левобережье Нижнего Днестра. Здесь две железные ворворки были найдены у основания втулки одного из двух наконечников копий, лежавших справа от погребённого³. Первой третью III в. до н.э. датируется захоронение 13/2 могильника Владычень I на левобережье Нижнего Дуная, где железная ворворка была найдена между двумя наконечниками копий (Фокеев 1990, 18, рис. 20/2, 3, 5).

Известны находки ворворок возле втулок наконечников копий и в других регионах.

³ Раскопки авторов 2018 г. Материалы в печати.

Во второй половине V в. до н.э. были совершены следующие захоронения: Гладковщина 2/1 (Григорьев 1994, 66, 77, рис. 2; 4/11, 12) и Крячковка в левобережном лесостепном Поднепровье (Сидоренко 1964, 191, рис. 2/1, 3); 48/3 Акташского могильника в Крыму (Бессонова, Скорый 1986, 159, 162-163, 165, рис. 1/1; 4/21, 22); Новая Розановка 1/1 в Побужье (Шапошникова, Ребедаило 1977, 70, рис. 2/4, 6, 7); Корнеевка 2/2 в Нижнем Поднепровье (Ковалёв, Полин 1991, 43, рис. 5). Ещё пять захоронений датируются IV в. до н. э.: Новое 5/1 (Фиалко 1991, 4, рис. 1), Новое 6/2 (Фиалко 1991, 5, рис. 2/1), Акимовка 3/6 (Фиалко 1991, 7, рис. 6/1) в Северном Приазовье; Марьянское 8/1 (Волкобой и др. 1980, 20, 30, рис. 4/12) и Капуловка-I 13/1 (Тереножкин и др. 1973, 122, рис. 8) на Нижнем Днестре.

Прочие предметы вооружения представлены только бронзовыми наконечниками стрел, обнаруженными и в гробнице, и в сопровождающем захоронении. В погребении Глиное/Водовод 16/11 отмечено нестандартное размещение наконечников стрел. Все пять наконечников лежали горизонтально: два, остриями обращенные друг к другу, с внешней стороны левой бедренной кости; еще один – с внутренней стороны левой бедренной кости, острием к ней; один – поверх левого локтя; один – у правого крыла таза, острием в сторону ног. Уже отмечалось, что у скифов существовали нормы погребального обряда, регламентировавшие размещение стрел поверх тела детей и взрослых, возле них, на перекрытиях ям, а также в иных нестандартных позициях (Синика, Тельнов, Лысенко 2018с, 236, 238, 241-242, рис. 1/6, 8, 9, 11; 3/1, 3; Синика, Тельнов, Лысенко 2018е, 73, 76, рис. 2/2, 4; Синика, Тельнов, Лысенко 2019с, 379, 382, 387, рис. 8/2, 6, 7; Синика, Тельнов 2018b, 229, рис. 5/5; Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 121).

В частности, в погребении Глиное/Сад 11/4 один наконечник был найден у правого локтя женщины 20-35 лет и находился остриём вниз, второй (также остриём вниз) – у левой кисти (Синика и др. 2020е, 69, 76, рис. 4/1). По всей видимости, они упали с перекрытия, поскольку зафиксированы они на 12 см выше дна ямы. Подобная ситуация была отмечена и в комплексе Глиное/Водовод 15/5, где единственный наконечник стрелы был найден остриём вниз между правыми плечевым суставом и

лопаткой погребенного возрастом более 50 лет, при этом на его костях нет следов окисления бронзы. Данные погребения (как и другие, где на перекрытии лежали иные предметы), очевидно, отражают обычай помещения напутственных даров на перекрытие погребального сооружения (Синика и др. 2019d, 283-284, 292, рис. 2/1, 3). Две стрелы были воткнуты в дно погребальной камеры (у ее входа и у противоположной стенки) катакомбы Глиное/Водовод 11/2, где был похоронен мужчина 35-50 лет (Синика и др. 2020е, 69). Одна стрела была воткнута в дно ямы у левого плеча женщины 15-20 лет в погребении Глиное/Водовод 10/3 (Синика и др. 2019а, 827, 832-833, рис. 4/1). Возможно, они фиксировали циновку и/или края погребального савана.

В погребении Глиное/Водовод 10/3 еще три наконечника лежали горизонтально – один справа и два слева у таза. Один наконечник стрелы найден на правом локте мужчины 35-40 лет в комплексе Глиное/Водовод 13/1. В погребении Глиное/Водовод 13/3, где был захоронен мужчина 35-40 лет, три наконечника стрел зафиксированы в горизонтальном положении: один – у правого плеча, второй – у левого крыла таза, третий – ниже правого тазобедренного сустава, с внутренней стороны бедренной кости (Синика и др. 2020а, 349, рис. 4/1). Все эти наконечники, зафиксированные *in situ*, скорее всего, указывают, что стрелы были положены сверху на тела погребенных. В катакомбе Нагорное 6/1 в Нижнем Поднепровье две стрелы были положены вдоль правого и левого бедра «взрослой женщины» наконечниками в сторону головы (Мозолевский 1973, 196-197, рис. 10).

Недавно на основании анализа значительного материала было высказано мнение, что среди скифских захоронений Северного Причерноморья можно различать те комплексы, где размещение предметов вооружения отражает определенные «этнографические» особенности обряда (наконечники стрел, положенные на перекрытие погребального сооружения, поверх или возле тела; топоры, мечи, наконечники копий, боевые ножи, наконечники стрел, вбитые или воткнутые в дно/стенку могилы, а также положенные под тело умершего) или особый статус погребенного (например, они являлись инсигниями власти), но не принадлежность погребенных к воинскому сословию

(Синика и др. 2020е, 86). В полной мере данное утверждение относится к захоронению Глиное/Водовод 16/11.

В то же время набор из десяти наконечников стрел, зафиксированный у левого колена в погребении четырёхлетнего (!) ребёнка Глиное/Водовод 16/9, во-первых, однозначно указывает, что у его левого бедра был положен колчан, а во-вторых, отмечает какой-то особый статус этого ребёнка. У его правого виска обнаружена одна серьга (что необычно для детских захоронений региона; в более поздних погребениях по одной серьге встречено только в мужских могилах: Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 882). Восточная стенка уступа находилась на одной линии с восточной стенкой гробницы, при этом каменный столб был вкопан ближе всего именно к данной могиле, продолжая указанную линию.

Погребение Глиное/Водовод 16/5 является одним из четырёх женских захоронений в соседних курганных группах «Сад» и «Водовод», где были обнаружены колчаные наборы: Глиное/Сад 11/4 – шесть наконечников стрел в колчане, подвешенном к северной стенке ямы (Синика и др. 2020е, 69, рис. 4/1); Глиное/Водовод 10/3 – 20 наконечников стрел в колчане у левого бедра (Синика и др. 2019а, 827-828, рис. 4/1); Глиное/Водовод 11/3 – 12 наконечников стрел в колчане, справа от погребённой на уровне таза; Глиное/Водовод 16/5 – десять наконечников стрел в колчане, положенном в изголовье женщины таким образом, что его нижняя часть (острия наконечников) была направлена в сторону головы.

Среди орудий труда были обнаружены лепные пряслица, железные иглы и шилья, железные ножи.

Одно из лепных пряслиц происходит из парного детского захоронения 16/4, второе – из захоронения женщины (16/5), куда, помимо типично женского инвентаря (пряслице, иглы, шилья, парные серьги), положили и колчан со стрелами.

Иглы из погребения 16/5 примечательны тем, что у них обеих полностью сохранились ушки (рис. 14/5, 6). До раскопок кургана 16 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра аналогичная ситуация была отмечена только в захоронении Глиное/Водовод 7/4 (Синика и др. 2019с, 376, рис. 6/4).

Железные ножи были обнаружены в пяти захоронениях: три из них были с роговыми рукоятками (16/1, 16/5, 16/9), а два – с деревянными (16/4, 16/10). При этом в четырёх погребениях зафиксированы кости от жертвенной пищи, среди которых и лежали ножи (16/1, 16/4, 16/5, 16/10); ещё в одном комплексе кости от жертвенной пищи находились в юго-западном углу ямы, а нож – в северо-западном (16/9).

Наибольший интерес вызывают ножи из погребений 1 и 9, на спинке которых присутствует утолщение или нервюра. Подобных ножей в настоящее время известно 12, и все они происходят из курганных групп «Сад» и «Водовод», исследованных у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра: Глиное/Сад 8/1 (Синика и др. 2018d, 82, рис. 3/2), 11/4 (Синика и др. 2020е, 69, 71, рис. 4/5); Глиное/Водовод 7/2, 7/4 (Синика и др. 2019с, 371, 376, рис. 4/4; 6/13), 9/2 (Синика и др. 2019b, 10, рис. 3/8), 11/1, 11/2, 13/1, 13/3 (Синика и др. 2020а, 347, 349, рис. 2/16; 4/3), 14/3, 16/1 и 16/9.

Из предметов быта в захоронении Глиное/Водовод 16/11 обнаружен только кресальный кремь, который расширяет список подобных находок в скифских комплексах Северного Причерноморья. Ранее кресальные кремни были обнаружены в захоронениях Глиное/Водовод 6/1 (Синика и др. 2018е, 73, 75, рис. 2/4) и 7/5 (Синика и др. 2019с, 379, 384, рис. 8/4), а также во рву кургана Глиное/Водовод 17 (Sinika et al. 2020, 262, fig. 1/6). Указанные комплексы датируются суммарно второй половиной IV – первой третью III в. до н. э. Кресальные кремни также были найдены в восьми погребениях (19/2, 21/1, 54/3, 81/1, 82/1, 94/1, 94/2, 112/1) могильника у с. Глиное (Слободзейского района, на левобережье Нижнего Днестра) III-II вв. до н.э. Уже отмечалось, что кресальные кремни использовались в погребальном обряде вне зависимости от пола и возраста погребённых (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 819-820; Тельнов, Разумов, Синика 2016, 131-133, рис. 1).

Кремни, которые могут быть достоверно атрибутированы как кресальные, были также обнаружены в скифских погребениях 4 и 26 могильника V-IV вв. до н.э. Дутино X в дельте Дона (Прокофьев 2014, 174, 202, рис. 74/44; 81/37), а также в захоронениях IV – начала III в. до н.э. Мамай-Гора 4/9, 16/1, 110/2 и 114/1 (Андрух,

Тоцев 1999, 36, 101, рис. 8/3; Андрух 2001, 174, 183, рис. 72/10; 76/2) в Нижнем Поднепровье.

Находка в захоронении Глиное/Водовод 16/11 рядом с кресальным кремнем вещества, определённого специалистом как кристаллический гипс ($\text{CaSO}_4 \cdot 2\text{H}_2\text{O}$), весьма примечательна. Можно предположить, что в контексте погребального обряда это вещество предназначалось для окуривания жилища в загробном мире, поскольку при прокаливании гипса выделяется сероводород (Менделеев 1893, 748), имеющий специфический резкий запах. Отметим, что куски жёлто-зелёного вещества, определяемого авторами раскопок как «сера», были неоднократно зафиксированы в скифских погребальных комплексах. Считается, что она использовалась в культовых действиях (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 924).

Посуда представлена находками амфор и железной скрепы от деревянного блюда среди костей от жертвенной пищи в погребении 16/1, а также лепными кувшином и чашкой из захоронения 16/4.

В кургане 16 группы «Водовод» были обнаружены фрагменты 12 амфор. Они являлись именно погребальным инвентарём, поскольку фрагменты амфор различных центров были обнаружены на дне ямы в погребении 1, в её заполнении и на уровне перекрытия у южной стенки ямы (вместе с фрагментами меча). Очевидно, что грабительский ход шёл к центру кургана с северо-западной стороны. Здесь были обнаружены фрагменты тех же амфор, что и в гробнице. В этой связи приходится констатировать, что в данном захоронении находился самый большой набор амфорной тары среди всех скифских погребений Северо-Западного Причерноморья. До настоящего времени семь амфор были обнаружены в захоронении 33 грунтового могильника у с. Николаевка на левобережье Днестровского лимана (Мелюкова 1975, 86-87, рис. 31/6; 38/1-4). Пять амфор происходит из погребения 2 у с. Надлиманское на левобережье Днестровского лимана (Субботин, Охотников 1981, 106, рис. 1/1-5, 10). В остальных комплексах региона, где амфоры были обнаружены в качестве погребального инвентаря, их количество не превышало трёх (Паламарчук, Синика 2014, 298-299).

Лепной кувшин из захоронения 16/4 свидетельствует о фракийском влиянии на мате-

риальную культуру скифов Северо-Западного Причерноморья. Ближайшими аналогиями этому сосуду являются кувшины из погребений Глиное/Сад 13/3 (Синика, Тельнов, Разумов 2019, 23, рис. 1/3) и Глиное/Водовод 10/2 (Синика и др. 2019а, 825-826, рис. 2/7; Синика, Тельнов, Разумов 2019, 23-24, рис. 2/1). Все сосуды объединяет наличие ручки (ленточной либо округлой в сечении), возвышающейся над венчиком. Такие ручки являются характерной частью различных сосудов (черпаков, кувшинов, канфаров) из фракийских памятников Румынии VI-III вв. до н. э. (Moscalu 1983, pl. LXXI-LXXIII). В скифских погребальных памятниках Северо-Западного Причерноморья до настоящего времени было известно всего девять лепных кувшинов с подобными ручками. На левобережье Нижнего Дуная это сосуды из захоронений Табаки 1/1 (Субботин и др. 1992, 6, рис. 4/3) и Курчи 24/1 (Андрух, Чернов 1990, 155, рис. 1/24). На правобережье Нижнего Днестра – это кувшин из катакомбы Мерены 1/7 (Дергачёв, Сава 2003, 537, рис. 10/2), на левобережье – сосуды из погребения Буторы I 4/1 (Синика, Разумов, Тельнов 2013, 44, 114, рис. 21/4), из кургана 5 у г. Дубосары (Кетрару и др. 2014, 58, 202, рис. 46/6), а также из катакомбы Глиное 33/1, 46/4, 53/1 и 67/5 (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 975).

Украшения из кургана Глиное/Водовод представлены браслетами, серьгами и ожерельями.

Бронзовый браслет из детского погребения Глиное/Водовод 16/3 настолько миниатюрен (внешний диаметр до 36,5 мм, внутренний 32,5 мм), что, будучи найденным в потревоженном комплексе, безо всяких сомнений мог бы быть определён как серьга или подвеска. Однако в нашем случае это именно браслет, поскольку украшение найдено *in situ* – на левом запястье. Кроме того, наличие на одном из окончаний браслета пластинчатого приёмника для фиксации в нём другого окончания выделяет данное украшение изо всех подобных изделий данного вида, обнаруженных когда-либо ранее в Северном Причерноморье. И этот браслет можно было бы считать уникальным, если бы единственная его прямая аналогия не была найдена в детском погребении Глиное/Водовод 12/1. В этой могиле браслет был также надет на правое запястье ребёнка. Способ замыкания браслета на запястье (при помощи пластинчатого при-

ёмника на одном из окончаний изделия, куда помещается второе его окончание) копирует способ крепления иглы фибулы в её иглоприёмнике. Подобных фибул (фракийского типа, однопружинных) только в непосредственной близости от публикуемого кургана было найдено шесть: в погребениях Глиное/Водовод 2/12 (Синика, Тельнов 2017с, 135, рис. 2/4), 10/2 (2 экз.) и 10/3 (Синика и др. 2019а, рис. 3/1,2; 5/1), Глиное/Сад 7/5 (Синика, Тельнов, Лысенко 2018b, 131, 136, рис. 5/2), 8/1 (Синика, Тельнов, Лысенко 2018d, 81-82, 89, рис. 3/1). Кроме того, фибула фракийского типа была найдена в захоронении 8/1 у с. Красное Григориопольского района на левобережье Нижнего Днестра (Серова, Яровой 1987, 42, рис. 19/4). Суммарная дата указанных захоронений определяется второй половиной IV – началом III в. до н.э.

Однако в данном случае совершенно точно, что для изготовления браслетов из комплексов Глиное/Водовод 12/1 и 16/3 не использовалось «вторсырьё» – иглы и иглоприёмники фибул. Тщательное изучение обоих браслетов показало, что это изначально самостоятельные изделия: нет никаких следов сгибания проволоки, а диаметр её сечения превосходит диаметр сечения игл фибул (Sinika et al. 2021, 259-260, fig. 1/4).

В то же время важно подчеркнуть, что наличие на этих браслетах пластинчатого приёмника, аналогичного тому, что находится на фибулах фракийского типа, свидетельствует в пользу их синхронного бытования – во второй половине IV в. до н.э.

Бронзовый браслет из детского захоронения Глиное/16/6 также миниатюрный (внешний диаметр 51 мм, внутренний 38,5 мм), он был найден на левом запястье. На его стержне находились четыре группы строенных выступов, что указывает на латенское влияние на материальную культуру скифов Северо-Западного Причерноморья. Ранее аналогичные изделия были обнаружены в погребениях Глиное/Водовод 7/2 (кольцо: Синика и др. 2019с, 369, рис. 4/3), 8/2 (кольцо), 8/5 (браслет) (Синика, Тельнов, Лысенко 2018, 83, 85-86, рис. 4/8; 7/1) и 14/3 (две цепочки из спаренных колец и одна цепочка из строенных колец) (Лысенко 2020, 145, рис. 1/1-3). Однако в целом в Дунай-Днестровских степях такие находки крайне немногочисленны.

Браслеты с выступами известны в захоронениях Крихана Веке 5/5 (Ciobanu et al. 2019, 95, fig. 23; 25/1-3) на левобережье Нижнего Прута, Дивизия 20/4 (первая четверть IV в. до н.э.) в Нижнем Подунавье (Субботин и др. 1992, 19, рис. 16/4), а также в разрушенном погребении из г. Тирасполь (конец 30-х гг. III в. до н.э.: Синика, Четвериков, Тельнов 2014, 211, рис. 1/4) и в катакомбе Глиное 71/1 (первая треть III в. до н.э.) в Нижнем Поднестровье (Лысенко 2020, 143, рис. 1/5).

Серьги происходят из трёх комплексов. В парном захоронении 16/4 их было три: пара на костяке ребёнка 10-11 лет, и одна серьга – на костяке ребёнка 2-3 лет. Пара серёг происходит из женского погребения 16/5, где они зафиксированы возле висков. И ещё одна серьга, как отмечалось выше, была найдена у правого виска ребёнка в могиле 16/9.

Наиболее интересна пара серёг из захоронения 16/4 с коническими шишечками на одном из окончаний. В.Г. Петренко отмечает, что такие серьги появляются в скифских погребениях не ранее IV в. до н.э., при этом только в памятниках Поднестровья. Однако исследователь указывает, что подобные изделия достаточно хорошо известны в памятниках VI и VI-V вв. до н.э. Румынии, Болгарии, Венгрии и Боснии, и связывает их появление в Северо-Западном Причерноморье с фракийским влиянием (Петренко 1978, 34-35). Об этом, например, свидетельствуют находки трёх аналогичных серёг в составе гетского клада из с. Матеуцы (Băț, Zanoci, Cojocari 2019, 311, fig. 15).

На левобережье Нижнего Днестра серьги, оба окончания которых оформлены в виде конических утолщений, обнаружены в скифских курганах 1 у с. Суклея и 345 у с. Чобручи (Мелюкова 1962, 151, табл. 10/2, 3), а также в погребениях 5 могильника Николаевка I (Дзис-Райко 1965, 66, рис. 4/10) и Глиное/Сад 5/1 (бронзовая серьга с шишечкой на одном окончании) второй половины IV в. до н.э. (Sinika, Lysenko, Telnov 2017, 159, 163, fig. 2/4; Синика, Тельнов 2018с, 164-165, рис. 1/8). Серьги с коническими шишечками на окончаниях обнаружены в катакомбах Глиное 19/2 (пара серебряных серег с шишечками на одном из окончаний), 57/1 (серебряная серьга с шишечкой на одном окончании), 109/1 (пара серебряных серег с шишечками на

одном окончании) III-II вв. до н. э. (Саника, Разумов, Тельнов 2016, 112, № 128; Тельнов, Четвериков, Саника 2016, 165, 355, 642-643, 975, рис. 73/11; 200/7; 362/7, 8]. Однако такие украшения найдены и на левобережье Нижнего Дуная – в погребениях Мрснота Могила 23/1 (бронзовое височное кольцо с шишечкой на одном окончании) и 24/1 (серебряная серьга с шишечками на окончаниях) (Гудкова и др. 1985, 103-104, рис. 61/6; 62/3). Дата перечисленных комплексов укладывается в рамки последней четверти IV - II в. до н.э.

В пяти захоронениях было зафиксировано шесть ожерелий. В погребениях 16/4 (на костяке I), 16/6 и 16/9 в составе этих украшений зафиксированы только стеклянные бусины и подвески.

В составе ожерелья из захоронения 16/5 находился бисер. Присутствие бисера в захоронениях Глиное/Сад 11/2 (четыре бисерины в составе ожерелья) и 11/4 (шесть бисерин в составе «браслета» на левом локте, одна бисерина в составе ожерелья) группы «Водовод» вызывает особый интерес. Подобные украшения также немногочисленны в скифских комплексах Северо-Западного Причерноморья конца V – IV в. до н.э. Они известны только в 14 погребениях: Нагорное 11/3 (Андрух, Суничук 1987, 43, рис. 4/11), Кутурлуй 5/1 (Гудкова, Суничук 1985, 31, табл. 68/9,10), Мрснота Могила 8/1 и 15/1 (Гудкова и др. 1985, 83, 91, рис. 50/11; 55/6) на левобережье Нижнего Дуная; Хаджидер I 3/1 (Субботин и др. 1992, 23, рис. 20/17) в Дунай-Днестровском междуречье; Никольское 4/6 (Агульников, Сава 2004, 44), Глиное/Сад 6/1 (Sinika, Lysenko, Telnov 2017, 161, 165-166, fig. 3/5b-o), 11/2, 11/4 (Саника и др. 2020e, 67, 69, рис. 2/8e-з; 4/14б), Глиное/Водовод 7/3, 7/4 (Саника и др. 2019с, 374, 377, 385-386, рис. 5/23; 7/3в), 9/2 (Саника и др. 2019b, 9, рис. 3/7, 14), 10/3 (Саника и др. 2019а, рис. 6/1ж), 13/2 (Саника и др. 2020а, 348, рис. 3/12) на левобережье Нижнего Днестра; Неделково 5/1 (Редина 1999, 77) в Днестро-Бугском междуречье. В то же время на скифском могильнике III-II вв. до н.э. у с. Глиное отмечено тотальное доминирование бисера в ожерельях, а также его присутствие в других составных украшениях, связанных исключительно с женскими и детскими костяками и не встреченных на мужских (Тельнов, Четвериков, Саника 2016, 850, 853, 858, 868, 874, 876-877, 884).

В составе ожерелья младшего ребёнка (костяка II) из захоронения 16/4 находились клык кабана и два клыка хищника.

Амулеты из кабаньих клыков являются довольно редкими находками в скифских захоронениях Северо-Западного Причерноморья. До недавнего времени только один кабаньих клык был известен в погребении середины IV в. до н.э. – Неделково 9/1 в Днестро-Бугском междуречье (Редина 1999, 80, рис. 3/5; Тельнов, Четвериков, Саника 2016, 739). Однако в 2017 г. кабаньих клык с отверстием для подвешивания был найден в составе ожерелья ребёнка в погребении Глиное/Сад 7/4, совершённом в последней четверти IV в. до н.э. (Саника, Тельнов, Лысенко 2018b, 129, 136, рис. 4/3). В более позднее время известна целая серия подобных амулетов. На левобережье Нижнего Дуная кабаньи клыки обнаружены в захоронениях первой половины III в. до н.э. Мрснота Могила 21/2 (три кабаньих клыка справа от костяка взрослой женщины, вместе с подвеской из монеты и одной бусиной, сдавленной железным и бронзовым кольцами) и 22/1 (один клык в заполнении ограбленной погребальной камеры) (Гудкова и др. 1985, 98, 102, рис. 60/17; Тельнов, Четвериков, Саника 2016, 987-988; Саника, Тельнов 2017b, 149). На левобережье Нижнего Днестра найдено семь кабаньих клыков на могильнике у с. Глиное III-II вв. до н.э.: в захоронениях 36/1 (на шее женщины 20-35 лет, в составе ожерелья), 69/2 (три клыка слева у таза женщины 20-35 лет), 91/2 (в составе браслета на левом запястье женщины), в тризне кургана 113 (Тельнов и др. 2016, 252, 419, 422, 428-429, 537, 539, 656, 919, рис. 132/2; 238/10; 304/3; 370/3), а также в северной камере катакомбы 116/1 – в скоплении бусин на левом плече/локте одного из детских костяков (Саника, Тельнов 2018b, 237, 259-260, рис. 8/4). В настоящее время только два скифских комплекса IV в. до н.э. (Глиное/Сад 7/4 и Глиное/Водовод 16/4), как и северная погребальная камера катакомбы Глиное 116/1, являются детскими захоронениями, где были обнаружены кабаньи клыки.

Два клыка собаки (?) из погребения Глиное/Водовод 16/4 могли находиться в составе ожерелья ребёнка (костяк II) также в качестве амулетов. Подобные находки, как и кабаньи клыки, немногочисленны в Северо-Западном Причерноморье. В частности, три клыка

собаки (?) с отверстиями для подвешивания были обнаружены в одном из скоплений украшений (вместе с бронзовым браслетом, бронзовой подвеской в виде ведёрка и мелкими бронзовыми колечками) справа в ногах ребёнка в захоронении Градешка 7а/1 (Гудкова, Суничук 1985, 71, 73, табл. 132/1, 2). Клык собаки с отверстием для подвешивания был найден на груди умершего в погребении Кутурлуй 31/1 на левобережье Нижнего Дуная (Гудкова, Суничук 1985, 65). Клык собаки (?) с отверстием для подвешивания происходит из ограбленного захоронения Тараклия 19/3 в Дунай-Днестровском междуречье (Сава, Агульников, Манзура 2019, 86, рис. 53/4). В 2016 г. клык собаки (?) с отверстием для подвешивания был найден в составе ожерелья ребёнка в погребении Глиное/Водовод 5/3 (Синика, Тельнов 2018а, 135, рис. 2/11). В 2017 г. в ограбленном захоронении Глиное/Водовод 7/3 обнаружены два клыка собаки (?), один – с отверстием для подвешивания (Синика и др. 2019с, 374, рис. 5/8,9), а в катакомбе Глиное/Сад 8/1 – три клыка собаки (?), один с сохранившимся отверстием для подвешивания, в составе ожерелья ребёнка (Синика, Тельнов, Лысенко 2018d, 82, рис. 2/7).

Не менее «оригинальным» по составу было ожерелье из детского захоронения Глиное/Водовод 16/10. В него, помимо упомянутой выше железной модели меча, входили две раковины *Cypraea moneta* и одна стеклянная бусина.

Несмотря на существенное увеличение источниковой базы за последние 25 лет, находки раковин моллюсков в скифских погребениях Северо-Западного Причерноморья по-прежнему немногочисленны. Так, раковины *Cypraea moneta*, подобные двум найденным в захоронении Глиное/Водовод 16/10, известны в захоронениях Манта 1/1 (одна раковина в составе ожерелья ребёнка) на левобережье Нижнего Прута (Агульников 1993, 115, рис. 2/3-5), Нагорное 11/3 (одна раковина в перемещённом состоянии) на левобережье Нижнего Дуная (Андрух, Суничук 1987, 39, рис. 4/1), Градешка 7а/1 (три раковины в перемещённом состоянии; две раковины на запястье в составе браслета; одна раковина в составе отдельно лежавшего скопления украшений) на левобережье Нижнего Дуная (Гудкова, Суничук 1985, 71-72, табл. 135/6, 7), Хаджидер I 3/1

(пять раковин в составе ожерелья ребёнка) в Дунай-Днестровском междуречье (Субботин и др. 1992, 23, рис. 20/4-9). На левобережье Нижнего Днестра раковины *Cypraea moneta* найдены в погребениях Никольское 4/6 (одна раковина под левым коленом ребёнка) (Агульников, Сава 2004, 44), Николаевка 9 (одна раковина в составе ожерелья ребёнка) (Мелюкова 1975, 73-74), Глиное/Водовод 7/2 (две раковины в составе ожерелья ребёнка) (Синика и др., 2019с, 372, 374, 385, рис. 4/10; 5/7), Глиное/Водовод 14/3 (одна раковина возле зеркала в женском захоронении), Глиное/Сад 2/2 (одна раковина в перемещённом состоянии) (Синика, Тельнов 2017а, 295, рис. 2/9). Было отмечено, что раковины, как правило, включались в состав ожерелий и браслетов женщин и детей (Синика, Загордонец 2018, 84).

В гробнице Глиное/Водовод 16/1 найдена только одна бусина, которая могла являться составной частью ожерелья или браслета. Отдельные бусины на правом плече старшего ребёнка и в области левого плеча младшего ребёнка в захоронении Глиное/Водовод 16/4 (обе крупные) могли играть роль ворворок, например, на окончаниях шнурков, фиксировавших детали костюма.

Достоверно аксессуарами костюма являлись две железные уплощённые ворворки, лежавшие на правом плече женщины в погребении Глиное/Водовод 16/5. При всём многообразии таких аксессуаров костюма, ранее найденных в скифских захоронениях Северо-Западного Причерноморья, прямых аналогий этим изделиям нет.

Зеркало из комплекса 16/1 крайне необычно. Его край оформлен в виде Т-образного бортика. Подобных изделий до настоящего времени не было в скифских погребениях Северо-Западного Причерноморья. Кроме того, авторам настоящей работы неизвестно подобное оформление края зеркала в скифских могилах более восточных регионов Северного Понта. Несомненно, зеркало принадлежало женщине. Как показало недавнее исследование, такие предметы туалета у скифов Северного Причерноморья встречаются исключительно в женских захоронениях, либо связаны с костяками женщин в парных или коллективных погребениях (Полин, Дараган 2019, 203-207).

Предметы культа из публикуемых комплексов представлены каменной плитой и набором

обожжённых галек из захоронения Глиное/Водовод 16/1, а также фрагментом сосуда – в погребении Глиное/Водовод 16/11.

Отметим, что каменные плиты представляют собой типичный инвентарь как мужских, так и женских скифских погребений. В частности, только в непосредственной близости от кургана 16 группы «Водовод» они были найдены в 40 комплексах на левобережье Нижнего Днестра: Глиное/Водовод 2/12 (Синика, Тельнов 2017с, 143, 145, рис. 4/6), 9/2 (Синика и др. 2019b, 10-11, рис. 3/2), 11/1, 14/3; Глиное/Сад 9 (Синика, Лысенко, Тельнов 2018, 167, 170, рис. 1/3), 11/4 (Синика и др. 2020e, 70, 75, рис. 6/2), 13/3; Глиное/Рыбхоз 2/1 (Синика и др. 2020d, 100, рис. 1/6); Глиное 11/1, 13/1, 19/1, 19/2, 23/1, 31/1, 32/1, 35/1, 38/1, 38/3, 51/1, 54/3, 55/1, 60/1, 61/1, 69/2, 74/2, 78/3, 79/1, 81/1, 81/3, 82/1, 86/1, 88/1, 89/3, 95/1, 99/1, 100/1, 104/1, 106/1, 107/3 (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 918-919), 116 (Синика, Тельнов 2018b, 224, 246-247, рис. 2/4).

Находка 40 обожжённых галек в гробнице Глиное/Водовод 16/1 представляет собой неординарное явление для скифских погребений Северо-Западного Причерноморья.

Впервые аналогичный обряд (деревянная чашка с тремя обожжёнными гальками внутри) был отмечен в захоронении третьей четверти IV в. до н.э. Буторы I 8/3 на левобережье Нижнего Днестра (Синика, Разумов, Тельнов 2013, 59, 119, 125, 127, рис. 35/1, 4). В 2016 г. деревянная чашка с тремя обожжёнными гальками внутри была зафиксирована в комплексе Глиное/Водовод 2/12 (Синика, Тельнов 2017с, 134-135, рис. 4/2-5) последней четверти IV в. до н.э. В 2017 г. две сланцевые гальки и кусок охры со следами пребывания в огне были обнаружены при исследовании погребения Глиное/Сад 5/1 второй половины IV в. до н.э. (Sinika, Lysenko, Telnov 2017, 158-159, 163, fig. 2/6-8). В этом же году две обожжённые песчаниковые гальки были найдены в захоронении Глиное/Сад 8/5 (Синика и др. 2018d, 86, 89-90, рис. 6/6, 7). Ранее уже отмечалось, что обряд помещения в захоронения культовых сосудов с гальками внутри (курильниц) практиковался скифами в Поднестровье по крайней мере с третьей четверти IV в. до н.э. (Синика, Тельнов 2017с, 145). Позднее, с конца IV в. до н.э., лепные курильницы с гальками

внутри получили широчайшее распространение на скифском могильнике у с. Глиное III-II вв. до н.э. (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 902-918), расположенном по соседству с курганными группами «Водовод» и «Сад». Впрочем, две подобные обожжённые гальки в 2019 г. были обнаружены во рву кургана-кенотафа Глиное/Водовод 17 (Sinika et al. 2020, 262, fig. 1/4, 5), однако и в этом случае они могли использоваться как нагревательные элементы при совершении обряда окуривания.

Несомненно, в таком же качестве они использовались и в гробнице Глиное/Водовод 16/1. Их количество, принимая во внимание факт, что гробница подверглась разграблению, можно сравнивать только с находкой 75 «пращевых» камней в погребении Красный Подол 2/2 в Нижнем Поднепровье. В этом комплексе, основном в кургане и тоже ограбленном, был погребён воин, высокий социальный статус которого подтверждается антропоморфной стелой в насыпи, панцирем (рубаха, пояс, штаны), дополнительным набором защитного доспеха (набедренник, два боевых пояса), щитом, мечом, наконечниками стрел, наконечниками копий и дротика, топором, булавой, бронзовым котлом и серебряным сосудом (в тайнике), золотыми нашивными бляшками и др. «Пращевые» камни зафиксированы *in situ*, внутри деревянной, «вероятно, полусферической» чаши, стоявшей в ногах погребённого, возле бронзового котла. Данных о том, были ли гальки обожжены или нет, в публикациях не приводится (Полин 1984, 105-108-114, рис. 7-15; Полин 2014, 29). Однако мы не сомневаемся, что в обоих случаях эти гальки служили нагревательными элементами в культовых сосудах (Глиное/Водовод 16/1) или предназначались для использования именно таким образом (Красный Подол 2/2).

Предположение о том, что данные камни могли использоваться при приготовлении пищи, например, для варки или запекания мяса (Мурзин и др. 2017, 43), нам представляется необоснованным. Кроме того, недавно было доказано, что «в подавляющем большинстве случаев т. н. “пращевые” камни» из скифских погребений Северного Причерноморья не являлись метательными снарядами (Дедюлькин 2015, 51).

Наконец, необходимо остановиться на находке стенки сосуда справа у таза мужчины в захоронении Глиное/Водовод 16/11. Нам известно только одно непо потревоженное скифское захоронение IV в. до н.э. (Мамай-Гора 115/1 в Нижнем Поднепровье), в котором фрагмент керамики лежал между локтевой и лучевой костями правой руки погребённого (Андрух, Тоцев 2009, 54, рис. 23/2). Полностью сохранившиеся катакомбы скифского могильника III-II вв. до н.э. у с. Глиное позволили многократно (35 случаев в 24 захоронениях) зафиксировать существование обычая помещения фрагментов керамики в погребальные комплексы скифов Северо-Западного Причерноморья в позднейшее время. Было отмечено, что фрагменты керамики «каким-то образом маркировали границу между мирами живых и мёртвых и, возможно, предназначались для возвращения из мира мёртвых» (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 923-925). Находка фрагмента керамики в захоронении зависимого лица, устроенном в месте единственного разрыва материкового выкида, окружавшего гробницу хозяев, т. е. на выходе из мира мёртвых, подтверждает данную интерпретацию.

Датировка скифских комплексов

В кургане Глиное/Водовод 16 было обнаружено шесть оттисков на фрагментах пяти клеймённых сосудов. Первое клеймо гераклейское трёхстрочное энглифическое, во второй строке ошибочно вырезана буква «Σ». Клеймо находилось на горле амфоры, штамп принадлежит фабриканту *Λοτέας* и чиновнику IV-Б магистратской хронологической группы (МХГ) *Σπίνθαρος*. Эргастериарх *Λοτέας* известен как с магистратом III-Б МХГ – конца 350-х гг. до н.э. (*Φλίνος*), так и с эпонимами IV-А-Б МХГ – начала 340-х гг. до н.э. (*Αμφίτας*, *Δαμάτριος*, *Ηρακλείδας*). Гераклейский магистрат *Σπίνθαρος* датируется С. Ю. Монаховым между 340-336 гг. до н.э. (Монахов 1999, 634-635, прил. 4). Иную хронологию в своё время предложил немецкий исследователь Э. Телеага: он датировал *Σπίνθαρος* интервалом 330-315 гг. до н.э. (Teleaga 2003, 98, tab. 16). Наконец, самую низкую хронологию *Σπίνθαρος* дал В.И. Кац, поместивший эпонима в начало 340-х гг. до н.э. (Кац 2007, 430, прил. V). На наш взгляд, последняя датировка выглядит предпочтительной.

Оставшиеся пять клейм были оттиснуты на ручках синопских амфор, одно из них восстановить не удалось. Остальные оттиски ранние, они принадлежат двум хорошо известным астиномам: *Αρίστων* (1 экз) и *Μενάλκης* (3 экз.) – эмблема «орёл на дельфине». Хронология астинома *Αρίστων* довольно однородна. Так, Н. Конович датировал его 349-343 гг. до н.э. (Conovici 1998, 25), И. Гарлан – 349-341 гг. до н.э. (Garlan 2004, 95, tab. VI). Другой астином – *Μενάλκης*. Он датировался Н. Конович 353-351 гг. до н.э. (Conovici 1998, 24), а И. Гарланом – 354-352 гг. до н.э. (Garlan 2004, 95, tab. VI). Иной точки зрения придерживался Н.Ф. Федосеев. В первой своей работе исследователь отнёс *Αρίστων* и *Μενάλκης* к 370-362 гг. до н.э. (Fedoseev 1999, 32, tab. I). Полтора десятилетия спустя Н.Ф. Федосеев повысил на восемь лет датировку начала регулярного клеймения в Синопе, отнеся её к 367 г. до н.э. (Федосеев 2014, 91). Соответственно, абсолютная хронология данных клейм должна была быть в пределах 362-354 гг. до н.э. Между тем, итог хронологическим изысканиям подвёл В.И. Кац, поместив *Αρίστων* и *Μενάλκης* в I-С МХГ и датировав астиномов концом 350-х – началом 340-х гг. до н.э. (Кац 2007, 434, прил. VII).

Таким образом, скифские погребения 1 (основное для второй насыпи захоронение в гробнице) и 11 (сопровождающее погребение зависимого лица) кургана Глиное/Водовод 16 были совершены в самом начале второй половины IV в. до н.э. Прочие восемь скифских захоронений (№ 2-6, 8-10), без сомнения, были впущены во вторую насыпь и перекрыты третьей спустя незначительный промежуток времени – в пределах третьей четверти указанного столетия.

Заключительные положения

В 2018 г. на левобережье Нижнего Днестра был исследован курган 16 группы «Водовод» у с. Глиное Слободзейского района. Его первая насыпь была связана с основным погребением 12, разрушенным скифской гробницей 1, и сопровождающим погребением 7 (человеческий череп на дне кольцевого рва). По форме, орнаментации и тесту лепного сосуда из основного погребения эти комплексы предварительно датируются ранним или средним энеолитом (вторая половина V – первая половина IV тыс. до н.э.) и, следовательно, могут быть связаны с началом курганного строительства на левобережье Нижнего Днестра.

Основной для второй насыпи скифский погребальный комплекс оказался также неординарным. Его сооружение было связано с захоронением лиц, обладавших высоким социальным статусом. Гробницу представителей скифской знати (мужчины и женщины) сопровождало погребение зависимого лица. Меч с когтевидным навершием и подтреугольным перекрестием типа Солоха и пара наконечников копий с бронзовыми элементами декора в нижней части втулок с большой долей вероятности были инвентарём знатного мужчины-воина. С другой стороны, железная игла и бронзовое зеркало принадлежали женщине. 40 обожжённых галек из гробницы, использовавшихся в качестве нагревательных элементов в культовых сосудах, являются самым большим набором подобных предметов в скифских погребениях Северо-Западного Причерноморья. В полной мере это относится и к 12 амфорам – самому представительному набору тары в скифских погребальных комплексах региона.

Кроме того, пять клеймённых сосудов из гробницы дают возможность синхронизировать гераклейское (один оттиск) и синопское (четыре оттиска с читаемыми и восстанавливаемыми легендами) клеймение, пусть и на очень узком временном отрезке. Достоверно зафиксиро-

ванное археологически единовременное помещение сосудов в погребение Глиное/Водовод 16/1 позволяет констатировать случай синхронизации гераклейского магистрата *Σλίνθαρος* и синопских астиномов *Ἀρίστων* и *Μενάλκης* в самом начале второй половины IV в. до н. э. (Синика, Иващенко, Лысенко 2020, 200).

Основные для третьей насыпи погребения не только содержали отдельные предметы, свидетельствующие о фракийском и латенском влиянии на материальную культуру скифов Нижнего Поднестровья, но и позволили зафиксировать целый ряд элементов обряда, связанных преимущественно с захоронениями детей.

В совокупности полученные данные имеют большое значение для понимания времени появления курганного строительства в регионе и изучения скифской археологической культуры Северо-Западного Причерноморья.

Благодарности. Выражаем искреннюю признательность доктору истории Д.А. Топалу (г. Кишинёв, Молдова) за консультации относительно аналогий мечу из погребения Глиное/Водовод 16/1, а также М.В. Иващенко (г. Магнитогорск, РФ) – за прочтение и восстановление легенд на клеймах из кургана Глиное/Водовод 16.

Библиография

- Агульников 1993:** С.М. Агульников, Курган скифской культуры у с. Манта на Нижнем Пруте. *Revista arheologică* 1, 1993, 115-119.
- Агульников и др. 2013:** С.М. Агульников, С.С. Попович, С.В. Церна, Д.А. Топал, Скифский курган № 7 у с. Пуркарь на Нижнем Днестре. *Stratum plus* 3, 2013, 257-284.
- Агульников, Сава 2004:** С.М. Агульников, Е. Сава, Исследования курганов на левобережье Днестра (Кишинёв 2004).
- Андрух 2001:** С.И. Андрух, Могильник Мамай-Гора. Книга II. (Запорожье 2001).
- Андрух, Добролюбский, Тощев 1985:** С.И. Андрух, А.О. Добролюбский, Г.Н. Тощев, Курганы у с. Плавни в низовьях Дуная. Монография депонирована в ИНИОН АН СССР 13. 06. 1985 г., № 21110.
- Андрух, Суничук 1987:** С.И. Андрух, Е.Ф. Суничук, Захоронения зажиточных скифов в Низовьях Дуная. В сб.: (Отв. ред. Т. Л. Самойлова) Новые исследования по археологии Северного Причерноморья (Киев 1987), 38-46.
- Андрух, Тощев 1999:** С.И. Андрух, Г.Н. Тощев, Могильник Мамай-Гора. Книга I (Запорожье 1999).
- Андрух, Тощев 2009:** С.И. Андрух, Г.Н. Тощев, Могильник Мамай-Гора. Книга IV (Запорожье 2009).
- Андрух, Чернов 1990:** С.И. Андрух, С.И. Чернов, Новые скифские памятники Дунай-Днестровского междуречья. *СА* 2, 1990, 149-163.
- Берсенева 2011:** Н.А. Берсенева, Женские погребения с оружием: реалии жизни или отображение социальной идентичности? (по материалам саргатской культуры). *Вестник археологии, антропологии и этнографии* 1 (14), 2011, 72-79.
- Бессонова 1994:** С.С. Бессонова, Курганы лесостепного Побужья. В сб.: (Отв. ред. Е.В. Черненко) Древности скифов (Киев 1994), 3-34.
- Бессонова, Скорый 1986:** С.С. Бессонова, С.А. Скорый, Погребение скифского воина из Акташского могильника в Восточном Крыму. *СА* 4, 1986, 158-170.

- Бруяко 2009:** И.В. Бруяко, От Скифии к Сарматии: десять лет спустя. *Stratum plus* 3 (2005-2009), 329-370.
- Вальчак и др. 2019:** С.Б. Вальчак, В.С. Синика, С. Лукасик, Л. Поспешны, Н.Ю. Горболь, Предскифские погребения группы «Сад» в Нижнем Поднестровье. *Journal of archaeology, anthropology and interdisciplinary studies* 1, 2019, 159-182.
- Вальчак и др. 2020:** С.Б. Вальчак, С.Д. Лысенко, С.С. Лысенко, Н.Ю. Горболь, С.Н. Разумов, В.С. Синика, Погребения предскифского времени в кургане группы «Плавни» на Нижнем Днестре. *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья* 12, 2020, 77-97.
- Волкобой и др. 1980:** С.С. Волкобой, А.В. Андросов, В.А. Лихачёв, С.Е. Мухопад, В.Н. Шалобудов, Скифские могильники IV-III вв. до н. э. юга Днепропетровской области. *Курганы степного Поднепровья* 4, 1980, 18-41.
- Григорьев 1994:** В.П. Григорьев, Захоронение тяжеловооружённого скифского воина у с. Гладковщина. В сб.: (Отв. ред. Е.В. Черненко) *Древности скифов* (Киев 1994), 63-79.
- Гудкова и др. 1982:** А.В. Гудкова, А.О. Добролюбовский, Г.Н. Тощев, М.М. Фокеев, Отчёт о работе Измаильской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1981 г. Киев, 1982. *Научный архив ИА НАНУ*. № 1982/6.
- Гудкова и др. 1985:** А.В. Гудкова, Г.М. Тощев, М.М. Фокеев, С.И. Андрух, Отчёт о работе Измаильской новостроечной экспедиции в 1984 г. Киев, 1985. *Научный архив ИА НАНУ*. № 1984/158.
- Гудкова, Суничук 1985:** А.В. Гудкова, Е.Ф. Суничук, Полевой отчет Орловского курганного отряда Буджакской археологической экспедиции в 1984 г. Киев, 1985. *Научный архив Института археологии НАН Украины*. № 1984/за.
- Дедюлькин 2015:** А.В. Дедюлькин, «Пращевые» камни в погребениях скифской эпохи. В сб.: (Отв. ред. С.И. Лукьяшко) *Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти А.И. Мелюковой (с. Кагальник, 26-29 апреля 2014 г.)* (Ростов-на-Дону 2015), 48-52.
- Демиденко 1992:** С.В. Демиденко, Савроматское погребение у с. Солодовка. В сб.: (Отв. ред. В.И. Мамонтов) *Древности Волго-Донских степей*, 2 (Волгоград 1992), 113-118.
- Дергачёв 1999:** В.А. Дергачёв Особенности культурно-исторического развития Карпато-Поднестровья. К проблеме взаимодействия древних обществ Средней, Юго-Восточной и Восточной Европы. *Stratum plus* 2, 1999, 169-221.
- Дергачёв, Сава 2003:** В.А. Дергачёв, Е.Н. Сава, Исследование курганов в окрестностях сёл Мерень и Кирка. *Stratum plus* 2 (2001-2002), 2003, 526-562.
- Доманский 1984:** Я.В. Доманский, Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа (Москва 1984).
- Збенович 1989:** В.Г. Збенович Памятники раннего этапа Трипольской культуры на территории Украины (Киев: Наукова думка 1989).
- Кац 2007:** В.И. Кац, Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). *Боспорские исследования XVIII* (Симферополь-Керчь 2007).
- Квитницкий и др. 2019а:** М.В. Квитницкий, Н.П. Тельнов, С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, В.С. Синика, Древнененгерское воинское погребение на левобережье Нижнего Днестра. *Stratum plus* 5, 2019, 317-331.
- Квитницкий и др. 2019б:** М.В. Квитницкий, Н.П. Тельнов, С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, В. С. Синика, Золотоордынский погребальный комплекс с зеркалом с изображением сфинксов на Нижнем Днестре. В сб. (Отв. ред. М.Е. Ткачук, Г.Г. Атанасов) *В поисках сущности. Сб. статей в честь 60-летия Н.Д. Руссева* (Кишинёв 2019), 303-318.
- Квитницкий и др. 2019с:** М.В. Квитницкий, Н.П. Тельнов, С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, В.С. Синика, Неординарный золотоордынский могильник у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. *Stratum plus* 6, 2019, 169-192.
- Кетрару и др. 2014:** Н.А. Кетрару, В.С. Синика, С.Н. Разумов, Н.П. Тельнов, Дубоссарские курганы. *Археологические памятники Приднестровья, II* (Тирасполь 2014).
- Ковалёв, Полин 1991:** Н.В. Ковалёв С.В. Полин, Скифские курганы у с. Корнеевка Запорожской области. В сб.: (Отв. ред. Ю.В. Болтрик, Е.П. Бунятян) *Курганы Степной Скифии* (Киев 1991), 33-53.
- Козуб 1973:** Ю.И. Козуб, Модель лука из Ольвии. В сб.: (Отв. ред. А.И. Тереножкин) *Скифские древности* (Киев 1973), 270-274.
- Лысенко 2020:** С.С. Лысенко, Браслеты и кольца латенского стиля из Глинянского могильника. В сб.: (Ред. кол. Гаврилюк та ін.) *FORUM OLBICUM III: до 70-річчя з дня народження В.В. Крапівіної*, 4-6 травня 2020 р. Мат-ли міжнар археологіч. конф. (Миколаїв 2020), 143-146.
- Лысенко и др. 2020:** С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Погребение тщинецкого культурного круга с сосудом малополовецкого типа на левобережье Нижнего Днестра. *Stratum plus* 2, 2020, 155-174.
- Лысенко, Разумов 2014:** С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, К вопросу о контактах населения Нижнего и Среднего Поднестровья в первой половине 2 тыс. до н.э. *Русин* 2 (36), 2014, 8-28.

- Лысенко, Разумов 2016:** С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, Демембрация в погребальном обряде ингульской катакомбной культуры. Новое прошлое 4, 2016, 49-66.
- Манзура 2013:** И. В. Манзура, Культуры степного энеолита. В сб.: (Отв. ред. И.В. Бруяко, Т.Л. Самойлова) Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной Академии наук Украины) (Одесса 2013), 115-153.
- Манзура 2017:** И.В. Манзура, Восточная Европа на заре курганной традиции. В сб.: (Отв. ред. Л. Б. Вишняцкий) *Ex Ungue Leonem*: Сборник статей к 90-летию Л.С. Клейна (Санкт-Петербург 2017), 107-129.
- Мелюкова 1962:** А.И. Мелюкова, Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И.Я. и Л.П. Стемповских). Материалы и исследования по археологии СССР 115, 114-166.
- Мелюкова 1975:** А.И. Мелюкова, Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка (Москва 1975).
- Менделеев 1893:** Д.И. Менделеев, Гипс. В: Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. VIII^A (Санкт-Петербург 1893), 747-751.
- Мозолевский 1973:** Б.Н. Мозолевский, Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине. В сб.: (Отв. ред. А.И. Тереножкин) Скифские древности (Киев 1973), 187-234.
- Монахов 1999:** С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII-II вв. до н.э. (Саратов 1999).
- Мурзин и др. 2017:** В.Ю. Мурзин, Ю.А. Белан, Е.П. Подвысоцкая, Бердянский курган (погребальный комплекс скифского аристократа IV в. до н. э.) (Киев 2017).
- Ольховский 1991:** В.С. Ольховский, Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.) (Москва 1991).
- Ольховский 2005:** В.С. Ольховский, Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа (Москва 2005).
- Ольховский, Евдокимов 1994:** В.С. Ольховский, Г.Л. Евдокимов, Скифские изваяния VII-III вв. до н.э. (Москва 1994).
- Ольховский, Шилов 1995:** В.С. Ольховский, Ю.А. Шилов, Скифский погребально-культовый комплекс кургана Цыганка. РА 4, 1995, 103-113.
- Островецков, Редина 2013:** А.С. Островецков, Е.Ф. Редина, Скифские древности. В: (Отв. ред. И.В. Бруяко, Т.Л. Самойлова) Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной академии наук Украины) (Одесса 2013), 374-418.
- Паламарчук, Синика 2014:** С.В. Паламарчук, В.С. Синика, Скифские захоронения из курганов в г. Измаил и у с. Камышовка. *Stratum plus* 3, 2014, 291-302.
- Петренко 1967:** В.Г. Петренко, Правобережье Среднего Приднепровья в V-III вв. до н.э. Свод археологических источников, вып. Д1-4 (Москва 1967).
- Петренко 1978:** В.Г. Петренко, Украшения Скифии VII-III вв. до н.э. Свод археологических источников, вып. Д4-5 (Москва 1978).
- Покровська 1957:** Е.Ф. Покровська, Кургани IV ст. до н.е. біля Холодного Яру поблизу м. Сміли. *Археологія X*, 1957, 65-79.
- Полин 1984:** С.В. Полин, Захоронение скифского воина-дружинника у с. Красный Подол на Херсонщине. В сб.: (Отв. ред. Е.В. Черненко) Вооружение скифов и сарматов (Киев 1984), 103-119.
- Полин 2014:** С.В. Полин, Скифский Золотобалковский курганный могильник V-IV вв. до н.э. на Херсонщине (Киев 2014).
- Полин, Дараган 2019:** С.В. Полин, М.Н. Дараган, Зеркала в погребениях геродотовых скифов Северного Причерноморья второй половины V - IV в. до н.э. В сб.: *Античный мир и археология*, XIX (Саратов 2019), 201-241.
- Полин, Кубышев 1997:** С.В. Полин, А.И. Кубышев, Скифские курганы Утлюкского междуречья (в Северо-Западном Приазовье) (Киев 1997).
- Полосьмак, Баркова 2005:** Н.В. Полосьмак, Л.Л. Баркова, Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV-III вв. до н.э.) (Новосибирск 2005).
- Прокофьев 2014:** Р.В. Прокофьев, Раскопки у хутора Дугино в дельте Дона в 2009 году (Ростов-на-Дону 2014).
- Разумов и др. 2016:** С.Н. Разумов, С.Д. Лысенко, В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Ритуальный комплекс раннего бронзового века с левобережья Нижнего Днестра. *Tyragetia s.n.* IX/1, 2016, 175-194.
- Разумов и др. 2019:** С.Н. Разумов, С.Д. Лысенко, В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Курган бронзового века № 2 группы «ДОТ» у с. Глиное на Нижнем Днестре. *Journal of archaeology, anthropology and interdisciplinary studies* 1, 2019, 119-144.
- Разумов, Панковский 2018:** С.Н. Разумов, В.Б. Панковский, Погребение эпохи средней бронзы с игрально-гадальными костями из Нижнего Поднестровья. Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма 10, 2018, 77-97.

- Редина 1999:** Е.Ф. Редина, Скифский могильник Неделково на севере Одесской области. *Stratum plus* 3, 1999, 75-80.
- Сава, Агульников, Манзура 2019:** Е. Сава, С. Агульников, И. Манзура, Исследования курганов в Буджакской степи (1980-1985 гг.) (Кишинёв 2019).
- Серова, Яровой 1987:** Н.Л. Серова, Е.В. Яровой, Григориопольские курганы (Кишинёв 1987).
- Сидоренко 1964:** Г.О. Сидоренко, Скифський курган на р. Удай. *Археологія* 16, 191-194.
- Синика 2007а:** В.С. Синика, Погребальные памятники скифской культуры VII - начала III вв. до н. э. на территории Днестро-Прутско-Дунайских степей. Дисс. ... канд. ист. наук (Москва 2007).
- Синика 2007б:** В.С. Синика, Скифский курганный могильник у пгт. Суворово на правом берегу Нижнего Днестра. *РА* 4, 2007, 170-179.
- Синика и др. 2019а:** В.С. Синика, С.Д. Лысенко, Н.П. Тельнов, С.Н. Разумов, Скифский курган 10 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра. *Oriental studies* 5, 2019, 822-844.
- Синика и др. 2019б:** В.С. Синика, С.Д. Лысенко, Н.П. Тельнов, С.Н. Разумов, Скифский курган второй половины V в. до н.э. в Нижнем Поднестровье. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения* 1, 2019, 6-19.
- Синика и др. 2019с:** В.С. Синика, Н.П. Тельнов, С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, Скифский курган 7 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье. *Stratum plus* 3, 2019, 365-390.
- Синика и др. 2019д:** В.С. Синика, Н.П. Тельнов, С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, Скифское захоронение в нестандартной позе на левобережье Нижнего Днестра. In: (Eds. A. Zanoci, M. Băț) *Contribuții la preistoria și istoria antică a spațiului carpato-danubiano-pontic. In honorem professoris Ion Niculiță natalia sua octogesima celebrantis* (Chișinău 2019), 281-295.
- Синика и др. 2020а:** В.С. Синика, С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, О.А. Загордонец, Скифский курган 13 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье. *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья* 12, 2020, 345-368.
- Синика и др. 2020б:** В.С. Синика, С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, Н.П. Тельнов, Скифские курганы 18 и 19 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье. *Емінак* 29 (1), 2020, 392-406.
- Синика и др. 2020с:** В.С. Синика, С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, Н.П. Тельнов, Скифское погребение в необычной катакомбе на Нижнем Днестре. *Stratum plus* 3, 2020, 331-351.
- Синика и др. 2020д:** В.С. Синика, С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, Н.П. Тельнов, Курган 2 группы «Рыбхоз» в Нижнем Поднестровье и скифские кремации Северо-Западного Причерноморья. *Revista arheologică s.p. XVI/1*, 2020, 99-107.
- Синика и др. 2020е:** В.С. Синика, С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, Н.П. Тельнов, С. Лукасик, Курган 11 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье и современное «мифотворчество» о скифских «амазонках». *Нижевожский археологический вестник* 19 (1), 2020, 64-101.
- Синика и др. 2020ф:** В.С. Синика, С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, Н.П. Тельнов, Скифская гробница с мечом типа Солоха на Нижнем Днестре. *Journal of archaeology, anthropology and interdisciplinary studies* 2, 2020, 165-202.
- Синика и др. 2021:** В.С. Синика, С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, Н.П. Тельнов, Скифское детское захоронение с моделью меча на Нижнем Днестре. *Поволжская археология* 1, 2021, 23-36.
- Синика, Загордонец 2018:** В.С. Синика, О.А. Загордонец, Раковины из скифских погребений Северо-Западного Причерноморья. *Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология* 1 (28), 2018, 81-87.
- Синика, Иващенко, Лысенко 2020:** В.С. Синика, М.В. Иващенко, С.Д. Лысенко, Случай синхронизации гераклеийской и синопских клеймёных амфор в скифском погребальном комплексе IV в. до н.э. на Нижнем Днестре. *Stratum plus* 6, 2020, 191-202.
- Синика, Лысенко, Тельнов 2018:** В.С. Синика, С.Д. Лысенко, Н.П. Тельнов, Скифский курган 9 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра с литиком «монетного» типа, В сб.: (Отв. ред. А.Н. Коваленко). *Причерноморье в античное и раннесредневековое время 2. Сб. науч. трудов, посвящ. 70-летию проф. В.П. Копылова* (Ростов-на-Дону 2018), 166-176.
- Синика, Разумов, Тельнов 2013:** В.С. Синика, С.Н. Разумов, Н.П. Тельнов, Курганы у села Буторы. *Археологические памятники Приднестровья, I* (Тирасполь 2013).
- Синика, Разумов, Тельнов 2016:** В.С. Синика, С.Н. Разумов, Н.П. Тельнов, Археологическое наследие Приднестровья (Тирасполь 2016).
- Синика, Тельнов 2016а:** В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Крестовидные крючки-застежки из скифских памятников Северного Причерноморья. В сб.: (Відп. ред. З.П. Маріна) *Археологія та етнологія півдня Східної Європи* (Дніпро 2016), 304-316.

- Саника, Тельнов 2016b:** В.С. Саника, Н.П. Тельнов, Скифский курган № 1 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра. *Емінак* 16 (4), 2016, 45-53.
- Саника, Тельнов 2016с:** В.С. Саника, Н.П. Тельнов, Скифское захоронение с тамгой рубежа IV-III вв. до н. э. с левобережья Нижнего Днестра. *Новое прошлое* 4, 2016, 258-272.
- Саника, Тельнов 2016d:** В.С. Саника, Н.П. Тельнов, Скифское погребение с литиком-скарабеоидом с левобережья Нижнего Днестра. *Стародавнє Причорномор'я XI*, 2016, 488-499.
- Саника, Тельнов 2017a:** В.С. Саника, Н.П. Тельнов, Скифские курганы 2 и 3 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье. *Новое прошлое* 4, 2017, 286-306.
- Саника, Тельнов 2017b:** В.С. Саника, Н.П. Тельнов, Скифское погребение с уникальным амулетом с левобережья Нижнего Днестра. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология* 42 (8), 2017, 5-12.
- Саника, Тельнов 2017с:** В.С. Саника, Н.П. Тельнов, Скифское погребение с фракийской фибулой на Нижнем Днестре. *Stratum plus* 3, 131-152.
- Саника, Тельнов 2018a:** В.С. Саника, Н.П. Тельнов, Курган 5 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра и скифские кенотафы Северо-Западного Причерноморья. *Самарский научный вестник* 7 (1), 2018, 133-144.
- Саника, Тельнов 2018b:** В.С. Саника, Н.П. Тельнов, Скифский курган 116 первой половины III в. до н.э. у с. Глиное. В сб.: (Отв. ред. В.С. Саника, Р.А. Рабинович) *Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова (Кишинёв 2018)*, 223-266.
- Саника, Тельнов 2018с:** В.С. Саника, Н.П. Тельнов, Фракийские украшения и аксессуары костюма из скифских погребений левобережья Нижнего Днестра (находки 2016-2017 гг.). В сб.: (Отв. ред. И.В. Бруяко) *Народы и культуры Нижнего Дуная в древности: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Измаил, 23-26 августа 2018 г.)* (Измаил 2018), 163-179.
- Саника, Тельнов, Загордонец 2017:** В.С. Саника, Н.П. Тельнов, О.А. Загордонец, Скифский курган № 4 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра. *Самарский научный вестник* 6 (2), 2017, 108-113.
- Саника, Тельнов, Лысенко 2018a:** В.С. Саника, Н.П. Тельнов, С.Д. Лысенко, Скифские погребения кургана 4 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра. *Вестник Нижневартовского государственного университета* 1, 2018, 111-119.
- Саника, Тельнов, Лысенко 2018b:** В.С. Саника, Н.П. Тельнов, С.Д. Лысенко, Скифский курган 7 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология* 1, 2018, 125-138.
- Саника, Тельнов, Лысенко 2018с:** В.С. Саника, Н.П. Тельнов, С.Д. Лысенко, Скифский курган 8 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра. *Известия Самарского научного центра Российской Академии наук* 20 (3), 2018, 234-244.
- Саника, Тельнов, Лысенко 2018d:** В.С. Саника, Н.П. Тельнов, С.Д. Лысенко, Скифский курган 8 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 2, 2018, 78-93.
- Саника, Тельнов, Лысенко 2018e:** В.С. Саника, Н.П. Тельнов, С.Д. Лысенко, Скифский курган с детскими погребениями на левобережье Нижнего Днестра. *Записки Института истории материальной культуры* 18, 2018, 69-79.
- Саника, Тельнов, Разумов 2019:** В.С. Саника, Н.П. Тельнов, С.Н. Разумов, Посуда фракийского облика из скифских погребений конца V - IV в. до н.э. с левобережья Нижнего Днестра (по материалам раскопок 2015 г. и 2018 г.). *Русин* 55, 2019, 18-33.
- Саника, Четвериков, Тельнов 2014:** В.С. Саника, И.А. Четвериков, Н.П. Тельнов, Материалы из разрушенных скифских погребальных комплексов IV-II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра. *Revista arheologică s.n. X/1-2*, 2014, 210-217.
- Субботин 2013:** Л.В. Субботин, Культура Гумельница: Болградский вариант. В сб.: (Отв. ред. И.В. Бруяко, Т.Л. Самойлова) *Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной Академии наук Украины)* (Одесса 2013), 85-114.
- Субботин и др. 1992:** Л.В. Субботин, А.С. Островерхов, С.Б. Охотников, Е.Ф. Редина, Скифские древности Днестро-Дунайского междуречья (Киев 1992).
- Субботин, Охотников 1981:** Л.В. Субботин, С.Б. Охотников, Скифские погребения Нижнего Поднестровья. В сб.: (Отв. ред. Г.Г. Мезенцева) *Древности Северо-Западного Причерноморья* (Киев 1981), 102-116.
- Субботин, Разумов, Саника 2017:** Л.В. Субботин, С.Н. Разумов, В.С. Саника, Семёновские курганы (Археологические памятники Приднестровья. IV) (Тирасполь 2017).
- Тельнов, Разумов, Саника 2016:** Н.П. Тельнов, С.Н. Разумов, В.С. Саника, Кресальные кремни в погребальном обряде скифов (по материалам могильника у с. Глиное на Нижнем Днестре). *Stratum plus* 3, 2016, 129-141.

- Тельнов, Четвериков, Синика 2016:** Н.П. Тельнов, И.А. Четвериков, В.С. Синика, Скифский могильник III-II вв. до н.э. у с. Глиное. Археологические памятники Приднестровья, III (Тирасполь 2016).
- Тереножкин и др. 1973:** А.И. Тереножкин, В.А. Ильинская, Е.В. Черненко, Б.Н. Мозолевский. В сб.: (Отв. ред. А.И. Тереножкин) Скифские курганы Никопольщины. Скифские древности (Киев 1973), 113-186.
- Тесленко 2007:** Д.Л. Тесленко, Об эволюции мегалитических сооружений в Северном Причерноморье и Приазовье (энеолит - ранний бронзовый век). Матеріали та дослідження з археології Східної України 7, 79-83.
- Тетерин, Готлиб 2006:** Ю.В. Тетерин, А.И. Готлиб, Модели кинжалов таштыкской культуры. Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология 5 (3), 2006, 141-149.
- Тетерин, Митько, Журавлева 2010:** Ю.В. Тетерин, О.А. Митько, Е.А. Журавлева, Бронзовые миниатюрные подвески-сосуды Южной Сибири. Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология 9 (7), 2010, 80-94.
- Ткачук, Топал, Зверев 2016:** М.Е. Ткачук, Д.А. Топал, Е.Ю. Зверев, Археологические разведки у с. Паланка: новое античное поселение на Нижнем Днестре. В сб.: (Отв. ред. С. Церна, Б. Говедарица) Культурные взаимодействия. Динамика и смыслы. Сборник статей в честь 60-летия И.В. Манзуры (Кишинёв 2016), 367-377.
- Топал 2015:** Д.А. Топал, Акинаки классической Скифии: тип Солоха. В сб.: (Отв. ред. С.И. Лукьяшко) Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти А.И. Мелюковой (с. Кагальник, 26-29 апреля 2014 г.) (Ростов-на-Дону 2015), 198-211.
- Топал 2018:** Д. Топал, Скифское клинковое вооружение VII-IV вв. до н. э. (юго-запад Восточной Европы). Дисс. докт. истории (Кишинёв 2018).
- Федосеев 2014:** Н.Ф. Федосеев, Из истории Синопы. Керамический аспект. Таврические студии. Исторические науки 6, 2014, 90-97.
- Фиалко 1991:** Е.Е. Фиалко, Погребение женщин с оружием у скифов. В сб.: (Отв. ред. Ю.В. Болтрик, Е.П. Бунятян) Курганы Степной Скифии (Киев 1991), 4-18.
- Фокеев 1990:** М.М. Фокеев, Отчёт о раскопках Владыченской экспедиции: могильник Владычень 1. Киев, 1990. Научный архив ИА НАНУ. № 1989/51.
- Четвериков 1997:** И.А. Четвериков, Изваяние скифского воина из с. Красногорка. В сб.: (Отв. ред. Е.В. Яровой) Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в. до н.э. - IV в. н.э.). Материалы полевого семинара. Тирасполь - Глиное. 28-30 августа 1997 г. (Тирасполь 1997), 12-14.
- Шапошникова, Ребедайло 1977:** О.Г. Шапошникова, Г.П. Ребедайло, Курганная группа у с. Новорозановки. В сб.: (Отв. ред. О.Г. Шапошникова) Древности Поингуля (Киев 1977), 66-78.
- Băț, Zănoși Cojocari 2019:** M. Băț, A. Zănoși, E. Cojocari, Tezaurul de piese de podoabă de la Mateuți: noi date și interpretări. In: (Eds. A. Zănoși, M. Băț), Contribuții la preistoria și istoria antică a spațiului carpato-danubiano-pontic. In honorem professoris Ion Niculiță natalia sua octogesima celebrantis (Chișinău 2019), 297-322.
- Burdo 2011:** N. Burdo, Late Neolithic cultural elements from the Danube and Carpathian regions of Precucuteni – Trypillia A culture. Documenta Praehistorica XXXVIII, 2011, 357-371.
- Ciobanu et al. 2019:** I. Ciobanu, A. Simalcsik, L. Bejenaru, R.G. Pîrnău, S. Agulnicov, S. Popovici, Considerații preliminare privind cercetările arheologice și interdisciplinare de la Crihana Veche (raionul Cahul). Campaniile 2016 și 2017. Arheologia preventivă în Republica Moldova IV, 2019, 71-118.
- Conovici 1998:** N. Conovici, Les timbres amphoriques 2. Sinope (tuiles timbrées comprises). Histria VIII (Bucarest-Paris 1998).
- Fedoseev 1999:** N.F. Fedoseev, Classification des timbres astynomiques de Sinope. In: (Ed. Y. Garlan) Production et commerce des amphores ansiennes en Mer Noire (Aix-en-Provence-Cedex), 27-40.
- Frînculeasa 2016:** A. Frînculeasa, Nordul Munteniei și cronologia aspectului cultural Stoicani-Aldeni – stratigrafie, elemente de reper, și date radiocarbon din situl de la Mălăieștii de Jos (jud. Prahova). Buletinul Muzeului Județean Teleorman. Seria Arheologie 8, 2016, 59-107.
- Garlan 2004:** Y. Garlan, Les timbres céramiques sinopéens sur amphores et sur tuiles trouvés à Sinope. Présentation et catalogue (avec la collaboration de Hikmet Kara), Varia Anatolica XVI. Corpus International des Timbres Amphoriques 10 (Paris 2004).
- Govedarica, Manzura 2015:** B. Govedarica, I. Manzura, The Copper Age Settlement of Kartal in Orlovka (Southwest Ukraine). In: (Eds. S. Hansen, P. Raczky, A. Anders, A. Reingruber) Neolithic and Copper Age between the Carpathians and the Aegean Sea. Chronologies and Technologies from the 6th to 4th Millennium BC. International Workshop Budapest 2012 (Bonn 2015), 437-456.
- Kaiser 2016:** E. Kaiser, Die ältesten Grabhügel in Ost- und Südosteuropa. В сб.: (Отв. ред. Церна, Б. Говедарица) Культурные взаимодействия. Динамика и смыслы. Сборник статей в честь 60-летия И.В. Манзуры (Кишинёв 2016), 133-144.

- Lukasik 2019:** S. Łukasik, Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe Vodovod site, Moldova: barrows 9-16. Poznań, 28 January 2019. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol (Tiraspol 2019).
- Moscalu 1983:** E. Moscalu, *Ceramica traco-getică* (București 1983).
- Razumov 2011:** S. Razumov, Flint artefacts of Northern Pontic populations of the Early and Middle Bronze Age: 3200-1600 BC (based on burial materials). *Baltic-Pontic Studies*, 16 (Poznań 2011).
- Sinika et al. 2020:** V.S. Sinika, S.D. Lysenko, S.N. Razumov, N.P. Telnov, Barrow 17 of the “Sluiceway” Group in the Lower Dniester and “Empty” Scythian Kurgans of the North Black Sea Region. *Mousaios XXIII*, 2020, 261-273.
- Sinika et al. 2021:** V.S. Sinika, N.P. Telnov, S.D. Lysenko, S.N. Razumov, Scythian barrow 12 of the “Sluiceway” Group in the Lower Dniester. *Емінак 1* (33), 2021, 253-267.
- Sinika, Lysenko, Telnov 2017:** V.S. Sinika, S.D. Lysenko, N.P. Telnov, Scythian complexes of the barrows 5 and 6 from the «Garden» group on the Left Bank of the Lower Dniester. *Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств 4* (2), 2017, 156-173.
- Stratton, Borić 2012:** S. Stratton, D. Borić, Gendered bodies and objects in a mortuary domain: Comparative analysis of Durankulak cemetery. In: (Eds. R. Kogălniceanu, R. Curcă, M. Gligor, S. Stratton) *Homines, Funera, Astra. Proceedings of the International Symposium on Funerary Anthropology. 5-8 June 2011 ‘1 Decembrie 1918’ University Alba Iulia, Romania (Oxford 2012)*, 71-79.
- Teleaga 2003:** E. Teleaga, Beiträge zur Chronologie der Amphorenstempel und der Amphoren von Heraklea Pontike. *Münstersche Beiträge zur Antiken Handelsgeschichte* 22, 69-113.
- Valchak et al. 2020:** S.B. Valchak, S.D. Lysenko, N.Yu. Gorbol, S.N. Razumov, N.P. Telnov, V.S. Sinika, Graves of the Beginning of the Early Iron Age in barrow 1 of the “Rybkhoz” (“Fish Farm”) Group in the Lower Dniester region. *Sprawozdania Archeologiczne* 72, 2020, 357-371.

Tumulul 16 al grupului „Vodovod” din regiunea Nistrului Inferior

Cuvinte-cheie: malul stâng al Nistrului Inferior, eneolitic, a doua jum. a mil. V - prima jum. a mil. IV a. Chr., sciți, morminte, pumnal de tip Solokha, amfore, a doua jum. a sec. IV a. Chr.

Rezumat: În articol sunt publicate și analizate pentru prima dată materialele obținute în urma cercetărilor arheologice ale tumulului 16 din grupul „Vodovod” din preajma localității Hlinaia/Glinoe, raionul Slobozia, de pe malul stâng al Nistrului Inferior. Prima manta a tumulului, mormântul central 12, precum și mormântul 7, conform fragmentelor de ceramică modelată cu mâna, au fost datate, prealabil, cu perioada eneolitică mijlocie. Edificarea celei de a doua manta a fost pusă în legătură cu două morminte scitice contemporane, dintre care una a aparținut „aristocraților” scitici. Mai târziu, după ce în tumul au mai fost amenajate încă opt înmormântări scitice, a fost ridicată cea de-a treia manta. Ultimele înmormântări conțineau o serie de artefacte ce demonstrează influențele tracice și de tip Latène asupra culturii materiale a sciților din regiunea Nistrului Inferior. De asemenea, au fost fixate o serie de elemente ale ritualului funerar utilizat, în special, la înmormântarea copiilor. Pe baza amforelor de Sinope și Heraclea, mormintele scitice au fost încadrate în sfertul al treilea al sec. IV a. Chr.

Lista ilustrațiilor:

- Fig. 1. Planul tumulului 16 al grupului „Vodovod” din preajma s. Hlinaia/Glinoe, raionul Slobozia (1) și piesă descoperită în șanț (2).
- Fig. 2. Profilurile tumulului 16 al grupului „Vodovod”.
- Fig. 3. Mormintele 1 și 12.
- Fig. 4. Amfore din mormântul 1.
- Fig. 5. Inventarul mormântului 1.
- Fig. 6. Inventarul mormântului 1.
- Fig. 7. Inventarul mormântului 1.
- Fig. 8. Inventarul mormântului 1.
- Fig. 9. Inventarul mormântului 1.
- Fig. 10. Inventarul mormântului 1.
- Fig. 11. Mormântul 2 (1, 2), mormântul 3 (3) și inventarul lui (4), mormântul 4 (5, 6) și inventarul lui (7-12).
- Fig. 12. Inventarul mormântului 4.
- Fig. 13. Mormântul 5 (1, 2) și inventarul lui (3-13).
- Fig. 14. Inventarul mormântului 5.
- Fig. 15. Mormântul 6 (1, 2) și inventarul lui (3-8).
- Fig. 16. Mormintele 7 (1) și 8 (2, 3).

Fig. 17. Mormântul 9 (1, 2) și inventarul lui (3, 4).

Fig. 18. Inventarul mormântului 9.

Fig. 19. Mormântul 10 (1, 2) și inventarul lui (3-7).

Fig. 20. Mormântul 11 (1, 2) și inventarul lui (3-9).

Fig. 21. Artefacte din mantaua tumulului (1-5) și inventarul mormântului 12 (6-9).

Barrow 16 of the “Sluiceway” group in the Lower Dniester region

Keywords: left bank of the Lower Dniester, Eneolithic, the second half of the 5th - the first half of the 4th millennium BC, Scythians, graves, sword of the Solokha type, amphorae, the third quarter of the 4th century BC.

Abstract: The article for the first time publishes and analyzes materials obtained during the study of the barrow 16 of the “Sluiceway” (“Vodovod”) group near the Glinoe village, Slobodzeya district, on the left bank of the Lower Dniester. The first mound, the main burial 12, and the accompanying grave 7 are dated preliminary to the Early or Middle Eneolithic on the basis of the handmade vessel fragments. The construction of the second mound is connected with two simultaneous Scythian burials, one of which belonged to the Scythian “aristocrats”. Later, eight Scythian graves were sunk into the barrow, covered with the third mound. They contained not only separate items testifying to the Thracian and La Tène influence on the material culture of the Scythians of the Lower Dniester region, but also made it possible to record a number of elements of the funerary rite used mainly in the process of children internment. The Scythian graves are dated to the third quarter of the 4th century BC on the basis of Heraclia and Sinope stamps.

List of illustrations:

Fig. 1. Plan of the barrow 16 of the “Sluiceway” (“Vodovod”) group near Glinoe village, Slobodzeya region, on the left bank of the Lower Dniester (1) and a find from its ditch (2).

Fig. 2. Profiles of barrow 16 of the “Sluiceway” group.

Fig. 3. Burials 1 and 12.

Fig. 4. Amphorae from the grave 1.

Fig. 5. Grave goods from the burial 1.

Fig. 6. Grave goods from the burial 1.

Fig. 7. Grave goods from the burial 1.

Fig. 8. Grave goods from the burial 1.

Fig. 9. Grave goods from the burial 1.

Fig. 10. Grave goods from the burial 1.

Fig. 11. Burial 2 (1, 2), burial 3 (3) and a find from it (4), burial 4 (5, 6) and its grave goods (7-12).

Fig. 12. Grave goods from the burial 4.

Fig. 13. Burial 5 (1, 2) and finds from it (3-13).

Fig. 14. Grave goods from the burial 5.

Fig. 15. Burial 6 (1, 2) and its grave goods (3-8).

Fig. 16. Burial 7 (1) and grave 8 (2, 3).

Fig. 17. Burial 9 (1, 2) and finds from it (3, 4).

Fig. 18. Grave goods from the burial 9.

Fig. 19. Burial 10 (1, 2) and its grave goods (3-7).

Fig. 20. Burial 11 (1, 2) and its grave goods (3-9).

Fig. 21. Finds in the mound of the barrow (1-5) and grave goods from the burial 12 (6-9).

08.04.2020

Др. Виталий С. Синика, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, ул. 25 Октября 128, 3300 Тирасполь, <https://orcid.org/0000-0002-1621-9205>, e-mail: sinica80@mail.ru

Др. Николай П. Тельнов, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, ул. 25 Октября 128, 3300 Тирасполь, <https://orcid.org/0000-0001-6878-0216>, e-mail: telnov_nikolai@mail.ru

Др. Сергей Д. Лысенко, Институт археологии Национальной Академии наук Украины, пр-т Героев Сталинграда 12, 04210 Киев, <https://orcid.org/0000-0001-9624-0364>, e-mail: suraganga@yandex.ru

Др. Сергей Н. Разумов, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, ул. 25 Октября 128, 3300 Тирасполь, <https://orcid.org/0000-0001-6030-9390>, e-mail: razum_22@rambler.ru

---

МНОГОСЛОЙНЫЙ ПАМЯТНИК «ПРИМОРСКИЙ БУЛЬВАР» В ОДЕССЕ: ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Светлана Иванова, Андрей Красножон, Олег Савельев

Ключевые слова: Поселение «Приморский бульвар», античность, Золотая Орда, Османская империя, Хаджибей.

Вступление

В центральной, исторической части г. Одессы, под современным Приморским бульваром, на высоком прибрежном плато расположены остатки памятников, относящихся к разным хронологическим периодам. Самым известным является поселение и некрополь античного времени¹. Большинство археологических исследований здесь были связаны именно с античными слоями. В последнее время все больше изысканий посвящено и средневековому Хаджибею, однако они проводятся преимущественно с опорой на письменные источники.

Отсутствие культурного слоя античного времени между дворцом М. С. Воронцова и памятником Дюку де Ришелье позволило исследователям предположить существование двух разновременных поселений, относящихся к двум периодам расширения Ольвийской хоры. Первое из них (в районе Воронцовского дворца), скорее всего, существовало с конца VI по начало V в. до н.э. Время жизнедеятельности второго (в южной части Приморского бульвара) уверенно датируется концом V - III в. до н.э. Последнему синхронны и известные материалы из некрополя, однако вопрос о верхней дате его существования остается открытым (Добролюбский, Красножон 2002). Однако найденные в южной части бульвара немногочисленные фрагменты эллинистической керамики, характерной для конца III - начала II в. до н.э., указывают на вероятность более длительного существования

поселения, чем предполагалось ранее. Подтвердить или опровергнуть эту гипотезу могут только новые исследования.

Археологические исследования последнего десятилетия на территории Приморского бульвара (рис. 1) позволили получить новую информацию и дополнить уже имеющиеся сведения. Сочетание археологических данных, документальных материалов и естественнонаучных исследований (георадарная разведка) позволили по-новому взглянуть на некоторые дискуссионные аспекты исторического развития этого немаловажного участка в Северо-Западном Причерноморье.

Топография

Памятник расположен на верхней террасе коренного морского берега, в юго-западной части Одесского залива, на высоте 29-35 м над современным уровнем моря. Протяженность по линии север-юг составляет около 500 м, ширина сохранившейся части около 50-60 м. Западная (напольная) часть памятника занята застройкой XIX в., восточная ограничена обрывистым берегом, который сформирован многолетними оползневыми процессами доодесского периода, но стабилизирован подсыпками склонов и изменен общей нивелировкой клифа на протяжении XIX-XX вв. Естественными границами плато с севера и юга служат две глубокие и широкие балки, ведущие к побережью: Военная и Карантинная (ул. Гаванная и Военный спуск, Польский и Деволановский спуски). Западная часть памятника привязана к существующему ландшафту, который характерен резким повышением, переходящим в ровное плато в районе Театральной площади². С этой

---

¹ Решениями исполнительного комитета Одесского областного совета народных депутатов от 27.07.1971 г. № 381 и от 21.06.1988 г. № 241 они взяты под охрану государства как памятник археологии местного значения (охраненный № 682-Од).

² В настоящее время программа Google Earth показывает перепад высот в 20,5 м между аллеями бульвара и Театральной площадью.

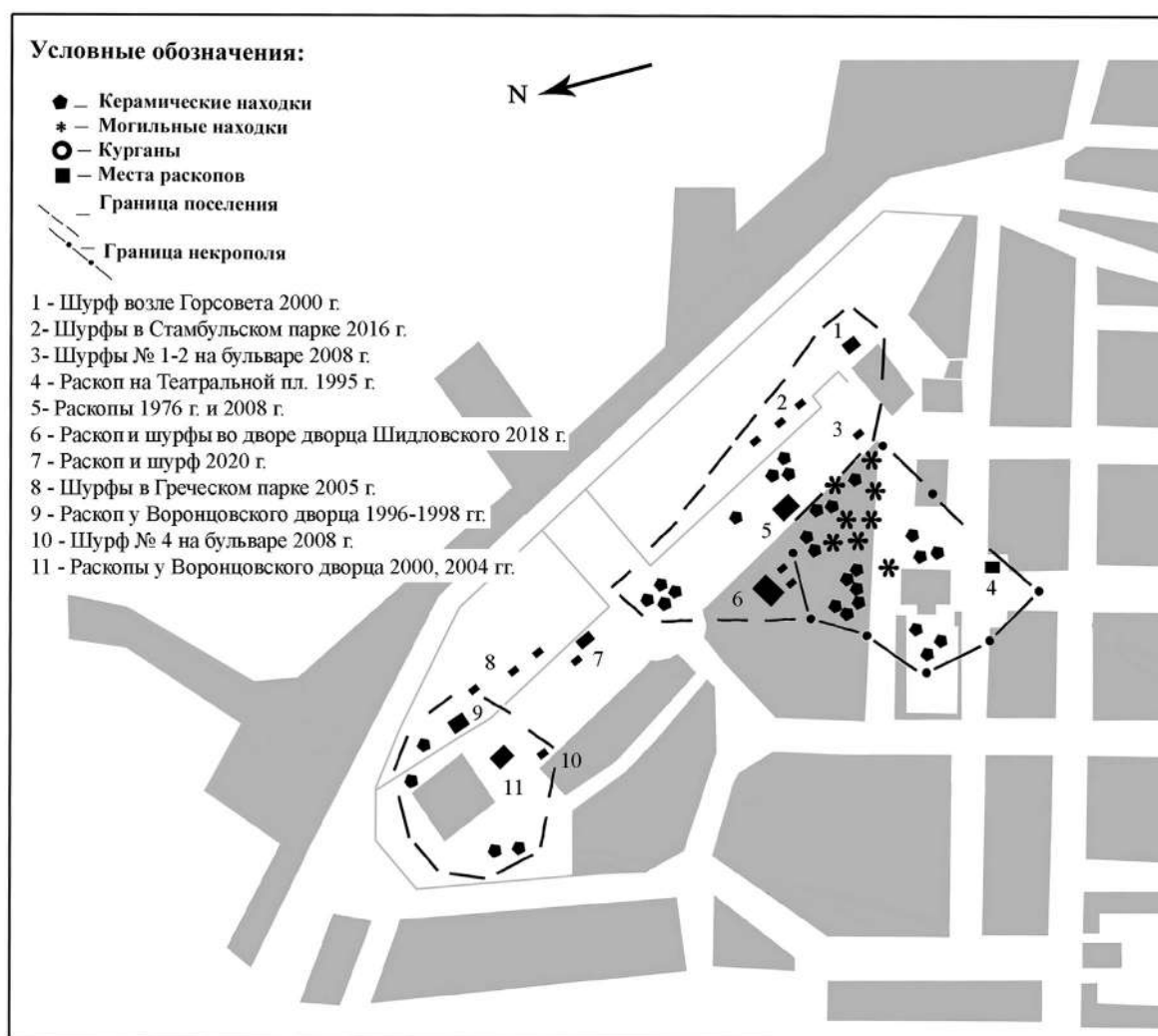

Рис. 1. Приморский бульвар. Схема мест проведения археологических исследований.

стороны находился некрополь, принадлежавший поселению, который был значительно потревожен при строительстве Оперного театра и соседних зданий в Театральном переулке (Стемпковский 1826; Буйских, Редина 2015, 100-101).

Часть территории поселения застроена, данные о состоянии сохранности культурного слоя на местах расположения зданий отсутствуют, существуют проблемы с установлением зоны охраны археологического культурного слоя. Поскольку точная топографическая привязка этих зон во многих случаях невозможна, границы охраны археологического культурного слоя определены по улицам города, а именно:

- вдоль ул. Екатерининской от пересечения с ул. Дерибасовской до пересечения с Воронцовским пер.;
- от начала Воронцовского пер. к подножию верхней террасы плато в районе начала Приморского бульвара, включая территорию размещения зданий Воронцовского дворца и бельведера;
- вдоль подножия верхней террасы плато от начала Приморского бульвара до Думской площади и дальше, к Польскому спуску;
- по Польскому спуску к началу ул. Дерибасовской (частично совпадает с пределом памятника градостроительства «Старая Одесса»);
- вдоль ул. Дерибасовской от ее начала до пересечения с ул. Екатерининской.

В контексте исследования памятника археологии следует учитывать этапы городского строительства в районе бульвара:

1) В XVIII в. здесь находились турецкие оборонительные и жилые постройки, о чем свидетельствуют как письменные и картографические данные, так и результаты археологических раскопок, проведенных в разное время.

2) В первые десятилетия существования Одессы на месте бульвара размещался военный городок и валы земляной бастионной крепости 1793 г. В 1820-1822 гг. он был ликвидирован, казармы и другие сооружения, включая фундаменты, разобраны.

3) В 1822 г. территория, которая планировалась под строительство бульвара, была расчищена и нивелирована (военный инженер Н.Н. Бугайский).

4) В 1822-1824 гг. три аллеи бульвара утрамбовали, покрыли слоем щебня, а затем засыпали доставленными с Люстдорфа песком и гравием. Тротуары вымостили ракушечником-дикарем.

5) В 1824 г. для укрепления территории бульвара и предотвращения обрушения были сделаны земляные подсыпки склонов, часть земли для которых была взята из мест, где раньше располагались казармы.

Этими обстоятельствами можно объяснить тот факт, что культурные слои как античного, так и средневекового времени в настоящее время находят на разной глубине от современной поверхности (от 0,5 до 3 м), а в некоторых местах они вообще отсутствуют.

Исследования памятника в XIX в.

Первые сведения о находках античной керамики на плато относятся к 1813 году. Эту дату можно считать датой открытия памятника, честь которого принадлежит И.П. Бларамбергу, создавшему в 1825 году Одесский городской музей древностей (Стемпковский 1826, 161). В дальнейшем к описанию и анализу одесских древностей присоединился И.А. Стемпковский (Тункина 2002, 130-131). Все материалы были получены ими при сопровождении строительных работ в районе бульвара и Театрального переулка или визуальном осмотре территории. Случайные находки встречались и в первой половине XX века,

Рис. 2. Приморский бульвар. Случайные монетные находки.

например, при хозяйственных строительных работах 1937 года в нижнем саду Воронцовского дворца (Добролюбский, Губарь, Красножон 2002, 103). Некоторые сведения о находке средневековых европейских и турецких монет конца XVI - XVIII вв. и керамики сообщены одесскими коллекционерами, наблюдавшими за различными хозяйственными и строительными работами на территории бульвара в последние годы (рис. 2).

Первые исследования памятника являлись фактически археологическим надзором, а не целенаправленными раскопками: изучались разрезы, полученные в результате хозяйственных работ по прокладке и замене коммуникаций, делались прирезки, шурфовки. В дальнейшем осуществлялись собственно научные археологические раскопки и охранные работы: археологический надзор и шурфовка в связи с предстоящими строительными или реставрационными работами. Сведения о работах, проведенных на территории памятника до 2008 года включительно, опубликованы (Красножон 1997; Добролюбский, Губарь, Красножон 2002; Буйских, Редина 2015), более поздние результаты исследований до настоящего времени не были введены в научный оборот.

Исследования 1970-80 гг.

В 1976 г. сделаны первые охранные исследования на территории памятника (руководитель работ сотрудник ОАМ Э.И. Диамант).

Траншея, прорытая при проведении хозяйственных работ, длиной более 250 м, которая была заложена по верхнему плато Приморского бульвара (глубина до 3 м, ширина 1,5 м), подтвердила наличие античного культурного слоя. Был разбит шурф (размерами 5×1 м) в 20 м от обрыва верхней террасы морского берега, напротив стыка современного отеля «Лондонская» и соседнего здания, в котором также зафиксирован слой античного времени, насыщенный керамикой. Стратиграфическая картина на исследованной площади была следующей: до глубины 1,4 м от современной дневной поверхности залегал слой с материалами второй половины XIX - начала XX в. На глубине от 1,4 м до 2 м залегает слой суглинка с редкими находками второй половины XVIII - начала XIX в. Слой жизни античного поселения фиксировался на глубине от 2 м до 3 м. Большинство находок составляют обломки амфор конца V - III вв. до н.э. В основном это гераклейские амфоры рубежа V-IV - первой половины IV в. до н.э. Среди амфорных обломков зафиксированы синопские, фасосские и амфоры типа Солоха-1, которые находят аналогии в памятниках Нижнего Поднепровья (Диамант 1976, 204-212). Полученный в результате работ материал состоял из различных категорий керамики с преобладанием обломков амфор V - первой половины IV в. до н.э. и лепной посуды (Буйских, Редина 2015, 101-102).

В середине 80-х гг. XX в. при проведении строительных работ напротив гостиницы «Лондонская» Одесский археологический музей выполнял археологический надзор (рук. И.В. Бруяко, В.Г. Петренко). Была зафиксирована угловая часть каменного здания античного периода, найдены фрагменты керамики, зернотерка, кости домашних животных. Высота кладки вместе с фундаментом составляла 0,60 м.

Исследования 1995-2004 гг.

С 1995 по 2004 гг. исследования проводились под руководством А.О. Добролюбского. В ходе археологических раскопок на Театральной площади напротив Оперного театра в семиметровой толще строительного мусора XVIII-XX вв. было найдено около двух десятков фрагментов античной керамики (в том числе и керамика римского времени) (Добролюбский,

Губарь, Красножон 2002, 32). В 1996-1998 гг. производились раскопки в верхней части берегового склона в районе Воронцовского дворца, где зафиксирован культурный слой мощностью 1,5 м, с материалами середины VI - начала V в. до н.э. (Красножон 1997; Добролюбский, Красножон, 2005). В 1999-2000 гг. была проведена шурфовка склонов Карантинной балки, между оградой нынешних дворишков Горсовета и Литературного музея и зданиями вдоль улицы Приморской. В заполнении, среди прочих находок конца XVIII в. и одесского периода, найдены фрагменты трех древнегреческих амфор конца VI в. до н.э. В 2000 и 2004 гг. было заложено два раскопа в районе Воронцовского дворца (на газоне, между дворцом и началом бульвара) общей площадью около 50 м². Здесь был зафиксирован местами потревоженный античный слой и нижние уровни античных ям с материалами второй половины VI - начала V вв. до н.э.

Исследования 2005-2006 гг.

В 2005 г. Институтом археологии НАН Украины проводились охранно-поисковые работы под руководством Т.Л. Самойловой под северной частью бульвара, на первой террасе, занятой ныне Греческим парком. Лишь в одном, нижнем шурфе, ближайшем к Воронцовскому дворцу, на глубине более 3 м, в слое песка найден фрагмент dna чернолакового килика, датируемого началом V в. до н.э. Он имеет аналогии в Никонии и в комплексе находок с Приморского бульвара, входит в группу самых ранних артефактов.

В 2006 г. в зоне работ по благоустройству территории, прилегающей к комплексу городской усадьбы князя М.С. Воронцова, Т.Л. Самойловой было заложено еще два шурфа. Культурный слой, относящийся ко времени существования античного поселения и турецкого города, не сохранился. Открытый в ходе археологических работ культурный слой был переотложенным и смешанным со слоем XX века. В одном из шурфов был найден венчик хиосской пухлогорлой амфоры.

Исследования 2008 г.

В 2008 г. при проведении хозяйственных работ на территории Приморского бульвара Одесским археологическим музеем были осуществлены охранно-поисковые работы под

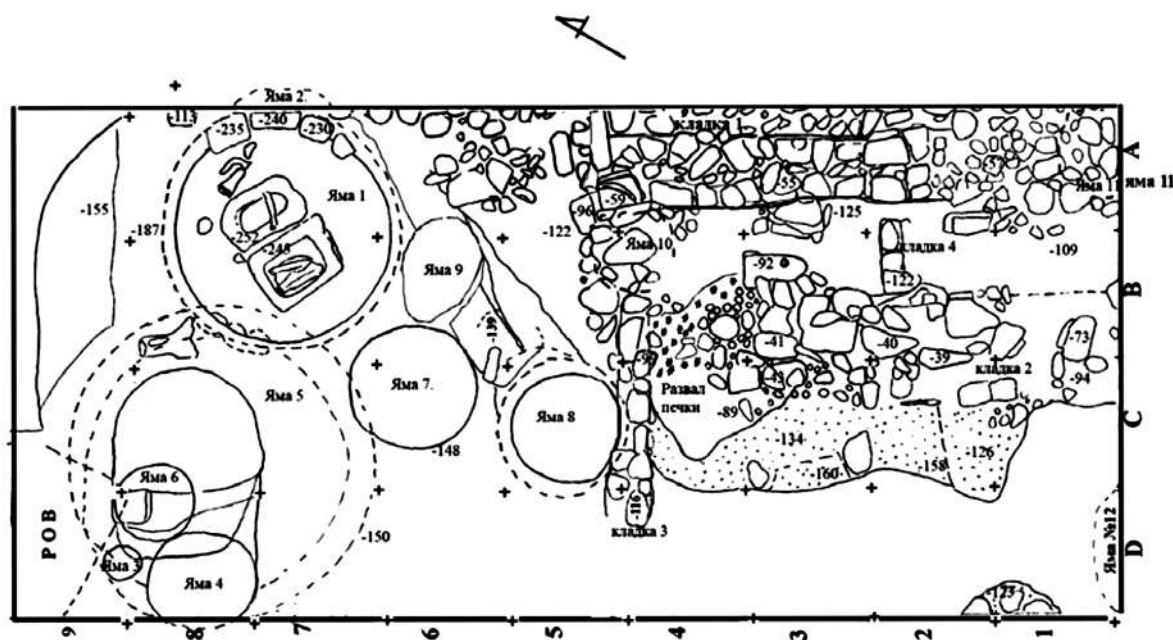

Рис. 3. Приморский бульвар. План раскопа 2008 г. (по Буйских, Редина 2015).

руководством Е.Ф. Рединой и С.Б. Охотникова в различных его частях (напротив гостиницы «Лондонская», а также напротив дома № 1 по Приморскому бульвару). Строительные остатки, обнаруженные в процессе исследований, представлены фрагментами кладок, а также хозяйственными и культовыми ямами (рис. 3). Глубина их фиксации около 1,1-1,4 м, большинство из них впущены с уровня культурного слоя. Среди находок присутствуют фрагменты чернолаковых сосудов второй – третьей четверти IV в. до н.э. Подробная публикация результатов исследования осуществлена в 2015 г. (Буйских, Редина 2015).

Итогом данного периода исследований памятника стало открытие нижней временной границы его существования. Отдельные керамические изделия, найденные в разное время, относятся к концу третьей четверти VI в. до н.э., однако массовый материал датируется от последней трети до последней четверти VI в. до н.э. Среди многочисленных фрагментов амфорной тары ее определяют фрагменты стенок хиосских ранних пухлогорлых амфор (они имеют широкие датировки в пределах последней трети VI - начала V в. до н.э.), амфор Лесбоса и Клазомен. Тем же временем датируются фрагменты восточнореческой привозной посуды – столовых амфор. Есть также закрытые сосуды разных форм с декором (сто-

ловые амфоры, лекифы, аски и т.д.). Аналогии им широко известны в керамическом комплексе ближайших памятников позднеархаического времени в Северо-Западном Причерноморье – Ольвии и синхронных поселениях Ольвийской хоры. Найдены также поздние образцы ионийской керамики, принадлежащие уже к началу - первой половине V в. до н.э. Чаши датируются в пределах всей второй половины VI в. до н.э. Кроме столовой посуды обнаружены также сосуды специального назначения, датированные второй половиной VI - началом V в. до н.э. Достаточно точные даты дают и фрагменты чернолаковых аттических киликов (около 500-480 г. до н.э.; 475-460 гг. до н.э.; 425-400 гг. до н.э. – для разных типов). Сероглиняные и красноглиняные блюда датируются в рамках второй половины V в. и практически всего IV в. до н.э.

Кухонная керамика представлена стандартным набором посуды. В целом он характерен для керамического комплекса позднеклассического - раннеэллинистического времени из Нижнего города Ольвии. Греческая керамика представлена немногочисленными, но характерными для этого времени фрагментами.

Столовая керамика, найденная на Приморском бульваре, датирована в диапазоне от позднеархаического до позднеэллинистиче-

ского времени и, по мнению А.В. Буйских и Е.Ф. Рединой, свидетельствует о ее производстве преимущественно в Ольвии. Это означает, что поселение на Приморском бульваре было включено в экономическую зону Ольвийского полиса с момента его основания. При этом Ольвия оставалась основным торговым партнером для поселения на Приморском бульваре, как и для всех тех, которые были основаны к западу от Березанского лимана. Известные материалы позднеархаического времени, происходящие из Никония и поселений левобережья Днестровского лимана, позволяют говорить, что освоение этой прибрежной зоны произошло уже в последней трети - четверти VI в. до н.э. Таким образом, результаты исследования ранних материалов керамического комплекса Приморского бульвара позволяют расширить территорию влияния Ольвийского полиса на втором этапе его развития до Днестровского лимана (Буйских, Редина 2015).

Исследования 2016-2017 гг.

В дальнейшем археологические работы на Приморском бульваре проводил отдел археологии Крыма и Северо-Западного Причерноморья Института археологии НАН Украины. В 2016 г. были проведены шурфовки на территории Стамбульского парка на первой террасе под южной частью бульвара. Верхняя часть парка, представляющая собой склон под бульваром, официально входит в охранную зону выше рассматриваемого античного поселения. Археологическая шурфовка площадью 6 м² (3 шурфа размерами 2×1 м) производилась в контексте берегоукрепительных работ. Изыскания были проведены на разных участках, охватывающих большую часть охранной зоны античного поселения (участок эллинистического времени). Они показали наличие глубоких пластов насыпного и переотложенного грунта. Глубина шурфов достигала 2 м или превышала ее, у всех шурфов в результате оказались довольно сложные стратиграфические колонки. Вместе с тем ни в одном из них не выявлено культурного слоя античного времени.

Археологический материал из многочисленных слоев в шурфах был представлен редкими мелкими фрагментами керамики, фаянса, сильно корродированными остат-

ками металлических изделий и т.д. Большая часть найденного материала уверенно датируется XIX-XX вв., в его числе представлен и советский кирпич, и фрагменты импортного фаянса XIX века. Причем материал последних двух веков фиксировался местами (шурф 1) вплоть до глубины 2,5 м. Артефактов османской эпохи не было найдено. Всего тремя фрагментами представлена античная тарная керамика (фрагменты амфор), но все они происходят из подъемного материала.

По результатам работ представляется несомненным, что основные напластования на территории современного Стамбульского парка обязаны своим происхождением перепланировкам и прочим землеустроительным и землеукрепительным работам XIX-XX веков.

В 2017 г., под руководством С.В. Ивановой, осуществлялся археологический надзор на северной оконечности плато, на территории, занятой Воронцовским дворцом и бельведером («Колоннадой»). Для изучения фундамента сооружений в процессе реставрационных работ были прорыты траншеи возле основания бельведера и дворца. Траншеи у Колоннады размещались по обе её стороны: внешней (северной), обращенной к склону, и внутренней (южной), обращенной к дворцу. Ширина траншей достигла 1,60 м, глубина 1,45 м ниже уровня современной дневной поверхности (с учетом толщины снятого слоя асфальтового покрытия), максимально – глубины 1,90 м (в западном секторе). Стратиграфическая ситуация следующая³: ниже верхнего слоя смешанной почвы (толщиной более 1,00 м) наблюдался слой песка толщиной ок. 0,40 м (до глубины 1,45-1,50 м), под которым залегал слой так называемого «глиняного замка». Такая картина свидетельствует, что все выявленные стратиграфические слои в траншеях непосредственно связаны с возведением архитектурного сооружения – самой Колоннады и, частично, в верхних слоях – с ее реставрацией.

Архитектурно-археологические и реставрационные работы позволили частично открыть уровни периода строительства Воронцов-

³ По данным научного руководителя реставрационных работ А.А. Изотова (рук. группы Архитектурного отдела Украинского государственного научно-исследовательского и проектного института «УкрНИИпроектреставрация» (Киев)).

ского комплекса и графически его реконструировать. Археологический надзор позволил зафиксировать и атрибутировать некоторые артефакты. Большая часть находок, обнаруженных во время работ, принадлежит исторической эпохе – то есть времени строительства Воронцовского дворца, бельведера и их функционирования. Находки были сделаны в слое строительного мусора, сформированного после уничтожения Орловского гостевого корпуса во время 2-й мировой войны, и датируются в основном серединой XIX – началом XX в. Это фрагменты фарфоровой и фаянсовой посуды производства России, Англии и Польши, дверная и оконная фурнитура, печные изразцы, керамическая плитка фирмы «Бирмингем», патроны 1899-1935 гг., стеклянные медицинские бутылки и т.п. Кроме того, в ходе реставрации бельведера обнаружены ступени амфитеатра, стенки и ступени двух аллей. Кроме расширения в южную сторону от начальной траншеи, было осуществлено также углубление на участке непосредственно с запада от бельведера. Здесь был зафиксирован тот же сероглинистый с желтоглинистыми и песчаными примесями слой, что был и на сопредельной территории к югу от колоннады. Он, вероятно, является результатом неоднократной строительной засыпки (включая реставрации XX в.), в котором археологический материал практически отсутствовал. На участке возле колоннады был вырыт шурф в северо-восточном углу зоны работ (на расстоянии 5 м от колоннады), доведенный до глубины 2,2 м. Культурного слоя и археологического материала в шурфе обнаружено не было. В траншее у фундамента бельведера найдено несколько фрагментов античной керамики.

Под стереобатом бельведера реставраторами было открытое подземное помещение. По мнению А.А. Изотова, это было подобие романтического искусственного грота – популярного места для отдыха в те времена. Среди археологических находок – ручки, стенка и дно хиосской амфоры конца VI-V вв. до н.э., стенки и несколько ручек светлоглиняных и красноглиняных амфор, пифосов, средневековой посуды, а также железный двухлопастный средневековый наконечник стрелы (рис. 4/1) и глиняная турецкая курительная трубка XVIII в. (рис. 4/2).

Рис. 4. Приморский бульвар. Реставрация бельведера в 2017 г. Некоторые находки: 1 - наконечник стрелы; 2 - курительная трубка.

Работы у Воронцовского дворца были связаны с открытием фундамента и его гидроизоляцией. У входа во дворец обнаружено подземное помещение, состоящее из двух небольших комнат. Первая комната соединялась раньше с подвалом под Турецким залом, вторая, вероятно, является частью подземного хода, ведущего из хозяйственного корпуса во дворец. Высота помещения – около трех метров. Сегодня этот проход заложен. Еще в 1960-х гг. одесскими спелестологами выявлен также туннель, который соединяет дворец с конюшней и хозяйственным корпусом (длиной более 110 м). В одной из траншей, в мешаном рыхлом сером грунте выявлено дно поливной миски, которая, вероятно, была изготовлена на территории балканских провинций Османской империи в XVII-XVIII вв.

Надзор над земляными работами, на том уровне, где они велись, позволил установить, что археологический культурный слой, связанный с античным поселением, здесь отсутствует. Но находки античного времени свидетельствуют, что, скорее всего, во время строительства дома купца Куликовского, а затем дворца Воронцова и бельведера (построенных на его месте) этот культурный слой было частично нарушен, что привело к перемещению отдельных артефактов в верхние слои исторического времени.

Исследования 2018 г.

В 2018 г. под руководством О.К. Савельева проводились шурфовки и раскопки во дворе

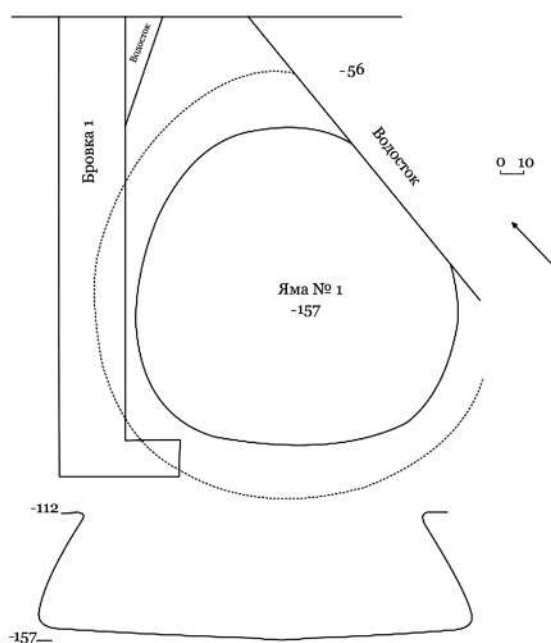

Рис. 5. Приморский бульвар. Дворец Шидловского. Раскопки 2018 г. Яма № 1.

дворца Шидловского/Дворца моряков по адресу Приморский бульвар, 9. Культурный слой поселения «Приморский бульвар» здесь представлен остатками двух хозяйственных ям античного времени, в одной из которых были найдены фрагменты посуды.

Исследования проводились в связи с запланированными там строительными работами. Первым этапом являлось проведение шурфовки. Ее целью было определение наличия или отсутствия объектов культурно-исторического наследия (остатков античного поселения). На территории двора было заложено 11 шурфов размером 2×2 м. В одном из шурфов

была исследована хозяйственная яма (рис. 5), на дне которой найдены большой каменный блок, лопатка особи крупного рогатого скота и несколько фрагментов античной керамики (рис. 6). Первый этап работ позволил сделать вывод о необходимости дополнительного исследования (археологические раскопки) территории, прилегающей к открытому объекту, с целью предоставления окончательного заключения о наличии или отсутствии на территории земельного участка остатков поселения «Приморский бульвар».

К шурфу № 1, где были обнаружены придонные части хозяйственных ям античного времени, сделаны несколько прирезок, в результате чего получился раскоп площадью 100 м² (рис. 7). Глубина раскопа составила 1,25 м от современной дневной поверхности. Им была охвачена практически вся свободная территория первого двора. Недалеко от обнаруженной ранее ямы были найдены остатки еще одной, которая не содержала каких-либо материалов. Стратиграфия раскопа в целом соответствует выявленным ранее наслоениям. Под верхним асфальтовым покрытием залегал замост лавовых плит, ниже него слой гальки, еще ниже – темный сероглинистый слой и, ниже, плотная желтоватая глина и очень плотная глина красного кирпичного цвета. В раскопе фиксировались многочисленные перекопы, заполненные грунтом разного цвета и связанные с прокладкой различных коммуникаций.

В разных частях двора были открыты объекты, связанные с функционированием здания: остатки водопровода, водосток, арочный вход в колодец, колодец-лоток, сложенный из красных кирпичей. Найденные артефакты относятся ко времени конца XIX-XX вв. – огнеупорные кирпичи с клеймами H.LONDON.S, фрагменты стеклянных бутылок, гипсовые детали и пр.

Таким образом, проведенные исследования этого года показали, что:

- 1) Открытые строительные остатки связаны со временем функционирования здания «Дворец Шидловского» в XIX-XX вв. и его реконструкцией в 1949-1953 гг.
- 2) Строительных остатков, связанных с античным поселением «Приморской бульвар», не

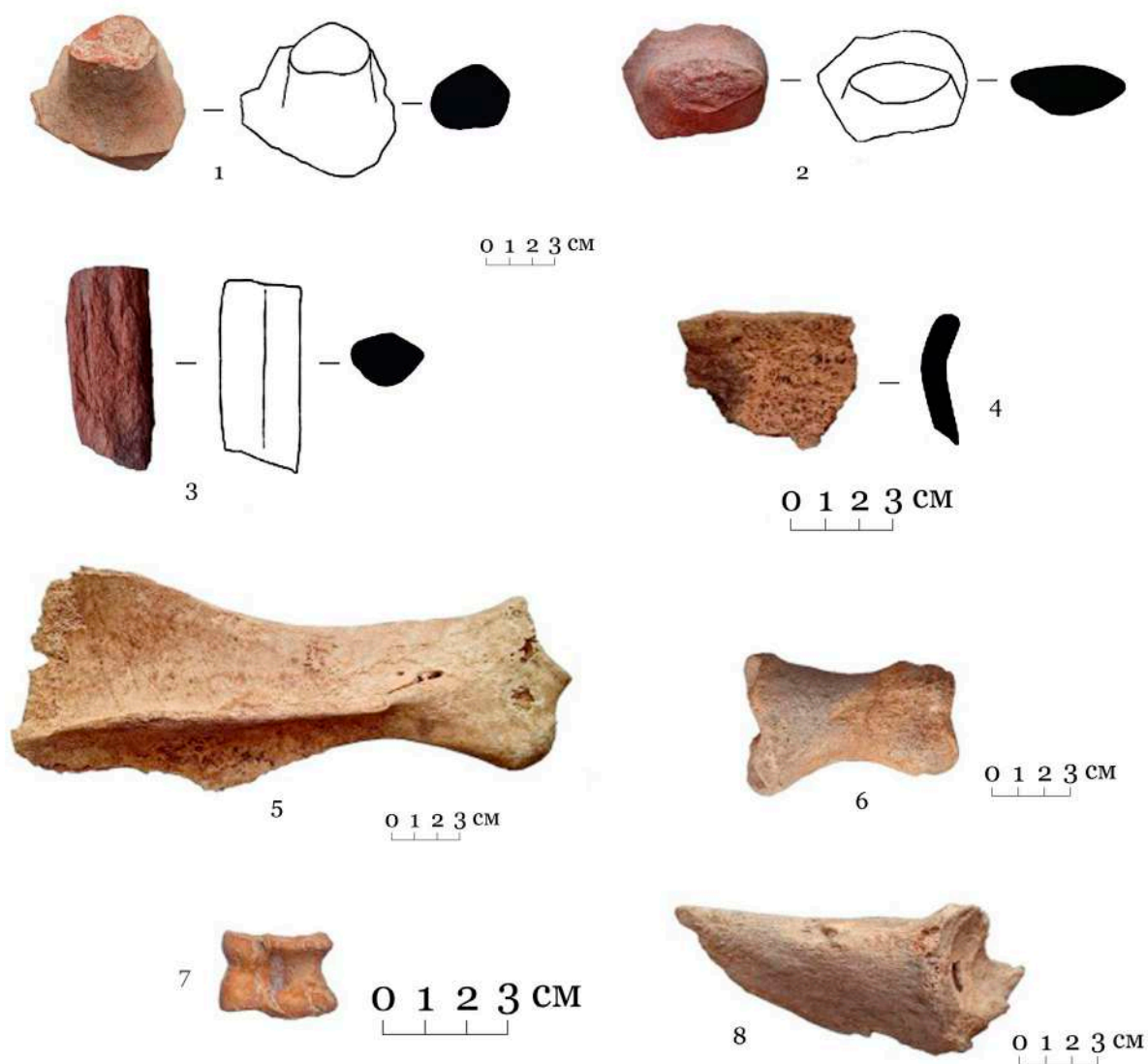

Рис. 6. Приморский бульвар. Дворец Шидловского. Раскопки 2018 г. Находки из шурфа № 1 (1) и ямы № 1 (2-8). 1-3 - фрагменты амфорных ручек; 4 - фрагмент венчика лепного горшка; 5-8 - кости животных.

было обнаружено. Культурный слой поселения представлен двумя хозяйственными ямами (объектами), в одной из которых были найдены фрагменты посуды античного времени. Вероятно, если и существовали какие-то объекты указанного периода, то они были уничтожены нивелировкой территории при формировании самого бульвара, выборкой грунта с территории бывших казарм для укрепления склонов бульвара, а также прокладкой многочисленных коммуникаций. Все находки, обнаруженные при выборке грунта, относятся в основном ко времени конца XIX-XX вв. (кирпичи, фрагменты стеклянных бутылок, гипсовые детали и пр.).

Исследования 2020 г.

Кроме античного поселения, в пределах Приморского бульвара в XV-XVIII вв. была расположена крепость и населенный пункт Хаджибей. Первоначально в источниках на берегах нынешнего Одесского залива упоминается существование некой итальянской (?) фактории Джинестра (1311 г.), а также литовского порта и городка Кочубийов (1415 г.). С конца XV в. земли вокруг Одесского залива переходят под власть Османской империи. В конце XVI в. уже в турецком Хаджибее происходят работы по ремонту старого замка, а примерно с 1680-х гг. можно говорить о начале непрерывного существования населенного пункта с

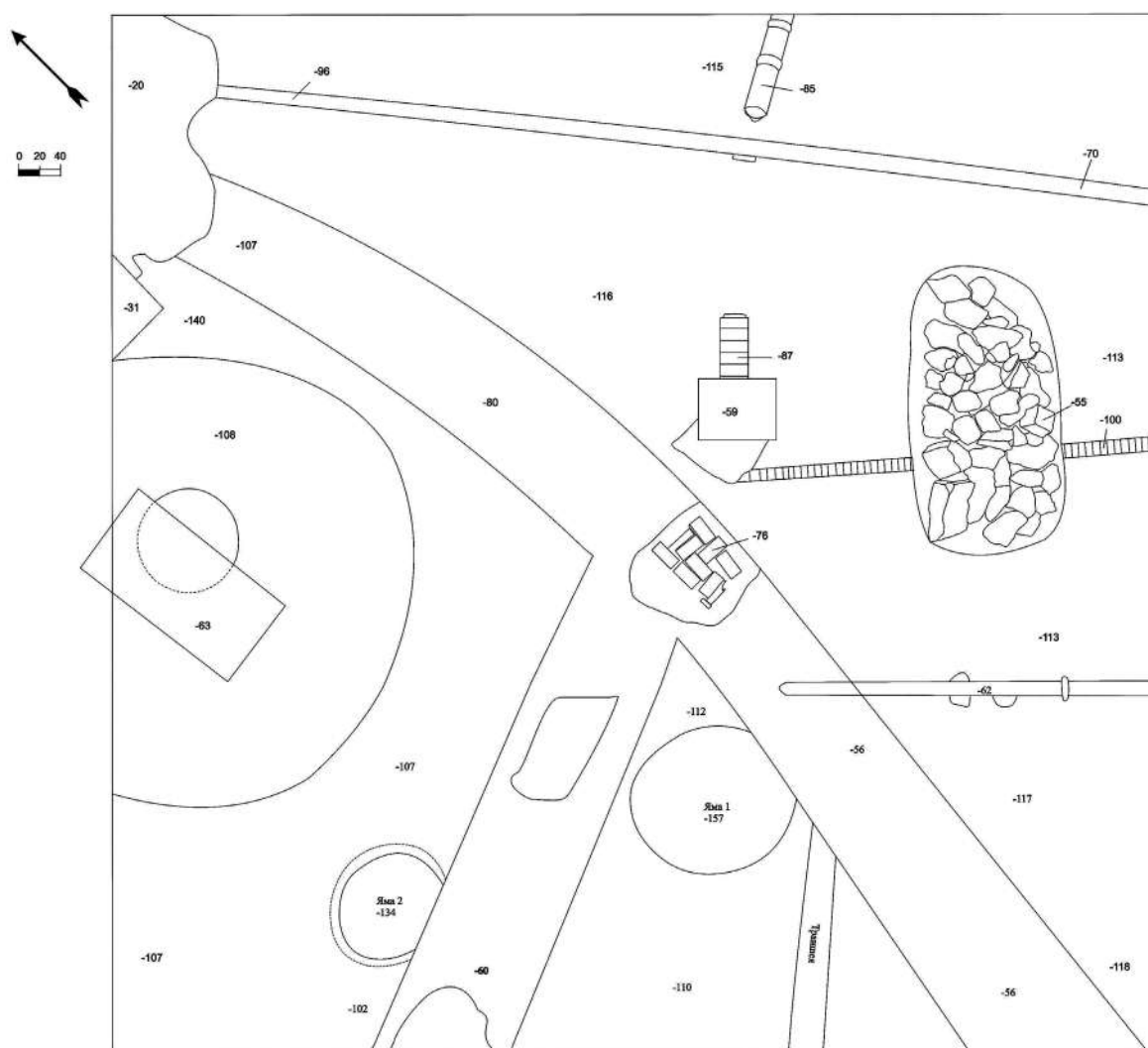

Рис. 7. Приморский бульвар. Дворец Шидловского. Раскопки 2018 г. План раскопа.

этим названием до его завоевания Российской империей в 1789 г. и переименовании в Одессу в начале 1795 г.

В октябре 1789 г. замок был подорван «двумя минами» (Исторія Хаджибея 2000, 217). Правда, в руинах он оставался на местности предположительно до 1793 г. (Красножон 2018, 90). Уничтожение замка привело к появлению проблемы его локализации, которая до сих пор не решена. В 1996 г. на участке раскопок у Воронцовского дворца экспедицией А.О. Добролюбского на глубине 1,7 м был обнаружен впущенный в античный слой сегмент кладки длиной около 3 м и 40 см в ширину, сохранившийся на высоту 25 см (два ряда камней) (Добролюбский, Губарь, Красножон 2002, 151-154). Автором раскопок эта

кладка была объявлена остатками фундаментов одной из башен Хаджибейского замка, по сопутствующим находкам материалов турецкого времени (курительные трубки, фрагменты поливной керамики, куполодонные бутылки, плинфы). Впрочем, предложенная интерпретация опровергалась как данными письменных, картографических источников, так и конструктивными свойствами кладки, хотя ее датировка не вызывала сомнений (Красножон 2016, 132-133).

Поэтому в декабре 2020 г. археологические поиски остатков замка на бульваре были продолжены в рамках совместной экспедиции Института археологии НАН Украины и кафедры истории Украины ЮНПУ имени К.Д. Ушинского (Иванова, Красножон 2021, 164).

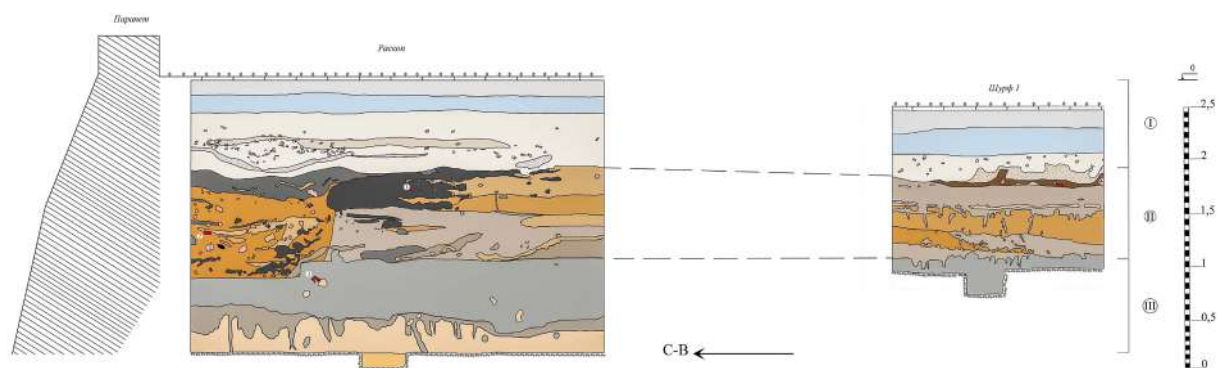

Рис. 8. Приморский бульвар. Раскопки 2020 г. Стратиграфия раскопа и шурфа № 1.

Исследованы два участка в северной части бульвара, их выбор определялся данными архивных документов: рапортом Й. Дерибаса, «Планом атаки Хаджибейского замка» 1789 г., аксонометрическим чертежом замка Г. Чернышова и схемой Ф. Деволана с «развалинами старого Хаджибейского замка» 1793 г., которые вписаны в план проектируемой им Малой бастионной земляной русской крепости. На всех этих планах замок расположен очевидцами в прибрежной части высокого берегового плато (+31 м над уровнем моря), ближе к центру, с некоторым смещением к северу, примерно в 250 м к Ю-В от правого берега Военной балки (Красножон 2018, 90, 273, 276).

По совокупности сведений наиболее перспективным был признан участок напротив нынешнего дома № 5 по Приморскому бульвару. Георадарной разведкой 2018 г. на двух крайних, прибрежных аллеях была выявлена системная аномалия на глубине 2 м, напоминавшая по форме и размерам контуры искомого объекта. На первой от обрыва аллеи был заложен раскоп размером 7×4 м, на второй – шурф размером 2×2 м, в 11,5 м к северо-западу от раскопа. Источником аномалии в раскопе оказалась сеть городских коммуникаций первой половины XX в., а также траншея доодесского периода, наполненная остатками крупных металлических изделий. Источник аномалии в шурфе на второй аллее не подтвердился вовсе.

Территория бульвара, на которой были разбиты шурф и раскоп, прежде никогда не исследовалась. Ближайшие от этого места раскопки проводились в 160 м к северо-западу,

у Воронцовского дворца, в 1996-2004 гг., и к югу, во дворе дома по Приморскому бульвару, 9 в 2018 г. При всех предыдущих археологических изысканиях обнаружены остатки античных комплексов позднеархаического и эллинистического периодов без каких-либо убедительных признаков оборонного зодчества эпохи Средневековья или Османской империи.

Общая площадь исследованных в 2020 г. участков составила 32 м². Стратиграфия в раскопе и шурфе схожая. В обоих случаях вскрыта искусственная насыпь, примыкавшая к краю берегового клифа (с напольной стороны) еще до создания бульвара. Она представляла собой многослойное образование из чередующихся слоев красной глины и чернозема (рис. 8/II).

Сверху насыпь перекрыта современной трехслойной бетонной подушкой со щебневой основой, на которой выложена тротуарная плитка (рис. 8/I). Основание насыпи покоилось на погребенном степном черноземе (глубина 1,5-1,7 м), который плавно переходил в суглинок и материковую глину (рис. 8/III). Наслоения насыпи насыщены обломками керамики и костей, в отличие от шурфа № 1, где находки были сконцентрированы лишь в верхней части напластований. Определенное количество античной, средневековой и турецкой керамики, а также крупные фрагменты костей встречались и в слое погребенного степного чернозема (что можно связать с явлениями природного характера).

Насыпь является остатками некоей платформы, подсыпанной с напольной стороны, или невысоким валом. Ее зафиксированная длина

составляла 20 м, ширина 9,5 м. Максимальной толщины она достигала в прибрежной части раскопа (1,1 м), минимальной – в шурфе (0,5 м). Иными словами, в поперечном разрезе насыпь имела плавное понижение в сторону плато. Прибрежная ее часть превращена в ровную площадку с утрамбованной поверхностью, примыкавшую к кромке обрыва. Подобной насыпи нет на других упомянутых участках раскопок, она не связана с повсеместной нивелировкой бульвара при его создании в 1820-х гг. (в ней нет «одесских» материалов первой четверти XIX в.). Уровень порогов входов синхронных по времени появления исторических зданий маркируют дневную поверхность бульвара на момент его создания – она совпадает с современным уровнем. Но утрамбованная поверхность платформы залегает на глубине 0,7 м. Территория бульвара никогда не застраивалась в одесский период (с 1794 г.) за пределами красной линии существующих домов. Следовательно, это сооружение не связано с периодом существования Одессы.

Есть две основные версии ее происхождения, и обе связаны с фортификацией. Первая: это остатки валов российской земляной крепости, созданной в 1793 г. Ф.П. Деволяном. Крепость занимала всю северную часть плато, в пределах нынешних домов № 1-7. Вдоль обрыва был возведен вал с артиллерийскими позициями. При наложении планов этой крепости на местность с определенной долей вероятности можно допустить, что раскопанные участки приходятся на его южный фланг. В первой четверти XIX в. эти укрепления были срыты, затем территория будущего бульвара выровнена, а извилистая верхняя кромка берегового плато подрезана под ровную линию. Если допустить, что в месте раскопок береговой вал крепости Деволана избежал сноса, то смущает его незначительная высота (всего 1,1 м) при ширине около 15 м (судя по планам).

Согласно второй версии, это береговая артиллерийская батарея при Хаджибейском замке, возведенная турками в 1765 г. (Красножон 2018, 179), которая присутствует на всех его известных планах и рисунках. Высота насыпи не превышала 1,6 м в точке максимального подъема над обрывом. Ее размеры колебались от 18 до 21 м в длину и 14 м в ширину. Насыпь была обнесена каменным бруствером высотой до 3,7 м по флангам, а со стороны, открытой к

морю, ее поддерживала стенка высотой 1,6 м. Такая насыпь (валганг) предназначалась для береговых орудий, контролировавших гавань.

В пользу этой версии свидетельствуют следующие факты. Среди всех раскопок, заложенных на бульваре в разные годы, только на участках 2020 г. наблюдается столь высокая концентрация керамики и обломков строительных материалов османского облика. Особенно много их в северном квадрате, который пересекает в поперечном направлении водопроводная траншея 1930-х гг. (с юго-запада на северо-восток). Вероятно, при ее прокладке поблизости были потревожены строительные остатки искомого замка, которые в переотложенном виде попали в ее заполнение.

В южном секторе, в верхнем черноземном слое найдена монета хана Абдаллаха (медный пул 1367-1370 гг.) (рис. 9/3; рис 8/1). На аверсе надпись: «Хан Абдаллах, да продлится его правление», на реверсе изображен хищник семейства кошачьих (голова обращена влево). Обнаружен также венчик чаши, украшенной пятнами пурпурно-коричневой краски («брызги марганца») под прозрачной желтой глазурью (рис. 9/1). Экземпляр, скорее всего, принадлежит к византийскому импорту и с большой долей вероятности может быть датирован первой четвертью XIV в. (не позже первой половины XIV в.). Вторым фрагментом этого периода является стенка другой чаши, типичной для группы «Юго-Восточный Крым», с орнаментом сграффито, выполненным одинарными резцами различной ширины, под монохромной зеленой глазурью (рис. 9/2). Наибольшее распространение этот тип получает во второй – третьей четвертях XIV в. Рассматриваемый экземпляр, возможно, следует датировать второй половиной XIV в. Эти фрагменты золотоордынского периода обнаружены в переотложенном виде, в подстилающем «батарею» погребенном черноземе (рис. 8/III). В общей сложности обнаружено до десятка фрагментов различных сосудов XIV в., наряду с более поздней керамикой т.н. «турецкого» и «южнорусского» облика XVIII в. Находки керамики золотоордынского времени на бульваре уже были при раскопках у Воронцовского дворца и не являются случайностью (Добролюбский, Губарь, Красножон 2002, 154).

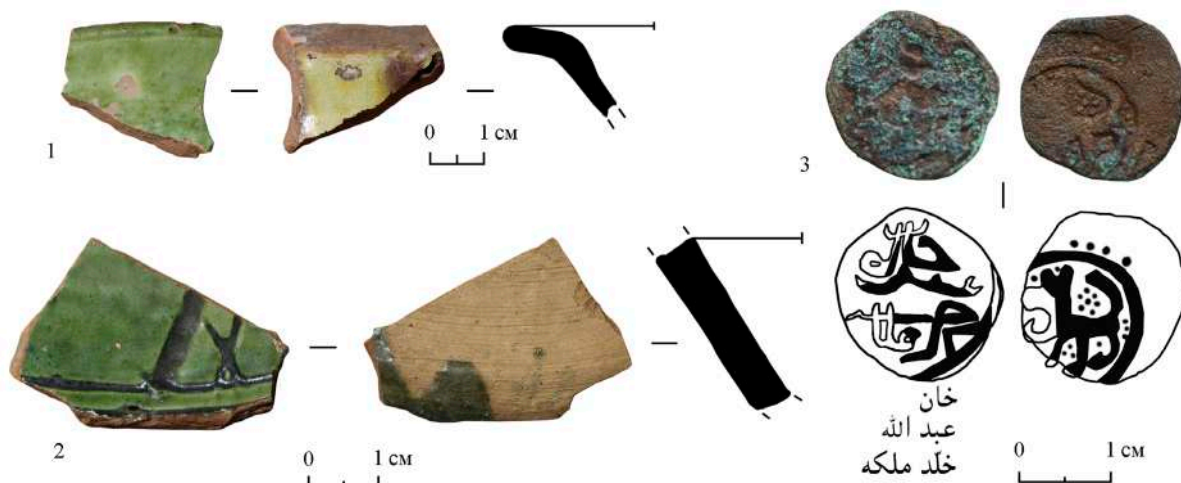

Рис. 9. Приморский бульвар. Раскопки 2020 г.: 1, 2 - фрагменты поливной керамики; 3 - медный пул хана Абдаллаха.

Ордынская монета и фрагменты керамики синхронны летописному упоминанию битвы при Синих водах (1362 г.), когда впервые поясняется происхождение топонима Хаджибей – по названию «озера в Диких полях», «названному Катибейское» от имени, погибшего в битве хана Катибейя. На плато Приморского бульвара, видимо, располагался караван-сарай на пути из Нижнего Поднепровья в Белгород у юго-западного отрезка Татарского шляха из Азака во Львов, реконструируемого по монетным находкам (Хромов 2020, 274-283).

Что касается византийского импорта первой четверти XIV в., то этот фрагмент соотносится по хронологии с первыми упоминаниями в итальянских портуланах фактории Джинестра на берегах нынешнего Одесского залива (Гордеев 2017, 383). Впрочем, эти единичные находки пока не дают оснований для исторических выводов.

Большая часть находок сезона 2020 г. представлена турецкой керамикой, предположительно, XVIII века. В переотложенном виде встречаются и обломки амфорной тары конца VI в. до н.э. Многочисленны также обломки строительных материалов на обоих участках раскопок. К таковым относятся кованые квадратные в сечении гвозди (как в единичных разрозненных экземплярах, так и спаянные в большие пучки), фрагменты полукруглой красноглиняной черепицы, а также плинфы

(толщиной 3,0-4,5 см и шириной 14 см, со следами горения на внешней поверхности и остатками прочного известкового раствора с примесью шамота). В особую группу выделяются фрагменты минимум двух тонких экземпляров плинфы толщиной 2,2-2,5 см и шириной 11,5 см. Использование плинфы характерно для кладок типа *opus mixtum*, связанной в Северо-Западном Причерноморье с османским присутствием. В Аккермане такой кладкой выложены фасады башен внешнего периметра крепостных стен, своды потерн, перекрытия хамама и минарет конца XV в. (?) Соборной мечети. Аккерманский кирпич отличается от найденного на Приморском бульваре своими размерами: от 16×2,5(3)×27 см (минарет) до 16×4,5(4)×32(31) см (башни внешней линии обороны, потерны и хамам с общей датировкой: рубеж XV-XVI вв.).

Из категории строительных материалов выделяются фрагменты трех отдельных экземпляров плинфы. Первый обнаружен в переотложенном виде в заполнении глубокой траншеи (-1,7 м) водопроводной трубы 1930-х гг. в северной части раскопа. Ширина варьируется в пределах 12-13 см, толщина – 3,5-4,0 см. Экземпляр расколот в поперечном сечении, и в длину сохранился на 17 см. По торцам присутствуют остатки прочного известкового раствора с примесью шамота толщиной до 1,5 см. Налет раствора с примесью морского песка прослеживается на всех поверхностях экземпляра. Цвет на

среде темно-вишневым, поверхность пепельно-черная – результат воздействия огня.

Обломок другой плинфы обнаружен на этом же участке, несколько выше, в переотложенном слое современной траншеи. Ширина 14 см, толщина 4 см. Сколот в поперечнике, в длину сохранился на 10 см. На его поверхностях и гранях также прочно закрепились остатки известкового раствора с примесью шамота. В разрезе видна плотная, слоистая структура бурого цвета без особых видимых включений, с повсеместными небольшими полостями. Небольшой фрагмент третьего идентичного экземпляра выявлен в шурфе № 1, в верхнем слое описанной насыпи, вместе с поливной керамикой, а также обломками тонкой плинфы. Толщина фрагмента 3,5-4,0 см, размеры 7×8 см. Сохранившиеся рабочие поверхности (торец и постель) заглажены, с остатками раствора. Данные стройматериалы также использовались в качестве кладочного материала некоего сооружения, располагавшегося поблизости от мест раскопок. Данная плинфа идентична иным фрагментам, найденным в раскопе, но перекаленная при обжиге (в связи с допущенными ошибками в технологии процесса изготовления), что придало формовочной массе в разрезе вид переплавленной и застывшей субстанции, визуально напоминающей природный камень.

Строительные материалы, из которых был выстроен Хаджибейский замок, привлекли внимание российского инженера Ф. Деволана, который в 1792 г. оставил его краткое описание: «Камень, из которого [крепость] была построена, беловатый, и это скорее песчаник, чем известняк, но он достаточно прочен и, что еще ценнее, прекрасного вида» (Деволан 2002, 134). Это сообщение позволяет предполагать, что Хаджибейский замок был выстроен преимущественно из привозных, не местных материалов.

Выводы

Памятник археологии «Приморский бульвар» в Одессе многослойный. Античные напластования распространяются на двух, удаленных друг от друга, участках берегового плато. Архаическая апойкия (вт. пол. VI - нач. V вв. до н.э.), которая состояла из нескольких усадеб, располагалась у Воронцовского дворца, на мысу, образованном правым берегом Военной балки

и морским склоном. Более поздняя часть поселения (конец V - III вв. до н.э.) занимала противоположный, юго-западный участок бульвара. К нему же со стороны Театральной переулка примыкал некрополь. Скорее всего, в VI в. до н.э. колонисты осуществили неудачную попытку основать здесь населенный пункт с перспективой застройки всей территории плато, ограниченного двумя балками, по типу Ольвии или Никония. Однако превращения апойкии в город не случилось. Возможно, по причине нехватки ресурсов (пресная вода и древесина). Населенный пункт носил название Гавань Истриан (или Гавань Иако), судя по сообщению перипла Флавия Арриана. Возможно, некое население здесь присутствовало и в первые века н.э., судя по находке светильника римского времени из раскопок на Театральной площади. Эпоха Средневековья пока представлена находками лишь с северной части бульвара. Здесь явно залегают слои XIV в., которые были нарушены последующим строительством. По всей видимости, многочисленные находки этого периода из раскопок 1998 и 2020 гг. презентуют собой факторию Джинестра или некий небольшой промежуточный пункт на пути из нижнего Поднепровья к крупному, ближайшему в то время городу Акча-Кермен (Белгород). Османский период (XVI-XVIII вв.) представлен разнообразными находками, которые встречаются по всей площади бульвара. Но если в южной части (район Горсовета) их повышенная концентрация связана с существованием городской инфраструктуры Хаджибея, то в северной – с фортификацией. Так, раскопками вскрыта земляная прибрежная насыпь второй половины XVIII в., использовавшаяся как артиллерийский валганг. Фундаменты архаичного каменного замка пока найти не удалось. Однако получены уверенные признаки их расположения в районе бульварных аллей напротив домов № 5-6. Выявленные в ходе последних раскопок остатки некой поврежденной кладки тесанных известняковых блоков, комков цемянкового раствора и плинфы делают последующие археологические поиски памятника фортификации в этом районе весьма перспективными. Памятник археологии «Приморский бульвар» в Одессе по-прежнему остается малоизученным. Для выяснения всех поставленных в ходе предыдущих исследований вопросов необходимо продолжать его раскопки.

Библиография

- Буйских, Редина 2015:** А.В. Буйских, Е.Ф. Редина, Античное поселение «Приморский бульвар». Итоги исследований и проблема хронологии. Материалы по археологии Северного Причерноморья 13, 2015, 100-130.
- Гордеев 2017:** А.Ю. Гордеев, Топонимия побережья Чёрного и Азовского морей на картах-портоланах XIV-XVII веков. Т. 1 (Киев 2017).
- Деволан 2002:** Ф.П. Деволан, Отчет относительно географического и топографического положения провинции Озу или Едисан, обычно называемой Очаковская Степь, служащий пояснением к картам и планам, снятым по Высочайшему указанию. В сб.: (Авт. сост. Н.П. Павлюк, Т.Н. Глеб-Кошанская) Наследие Ф.П. Де-Волана (Одесса 2002), 74-191.
- Диамант 1976:** Э.И. Диамант, Поселение и могильник V-III вв. до н.э. на месте Приморского бульвара в Одессе. Материалы по археологии Северного Причерноморья 8, 1976, 204-212.
- Добролюбский, Губарь, Красножон 2002:** А.О. Добролюбский, О.И. Губарь, А.В. Красножон, Борисфен – Хаджибей – Одесса (Одесса-Кишинев 2002).
- Добролюбский, Красножон 2002:** А.О. Добролюбский, А.В. Красножон, Некрополь поселения «Приморский бульвар» в Одессе. Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища (Санкт-Петербург 2002), 18-24.
- Добролюбский, Красножон 2005:** А.О. Добролюбский, А.В. Красножон, Топохронология, стратиграфия и периодизация поселения «Приморский бульвар» в Одессе. Боспорский феномен (Санкт-Петербург 2005), 172-178.
- Иванова, Красножон 2021:** С.В. Иванова, А.В. Красножон, Археологические поиски Хаджибейского замка. Стародавне Причорномор'я XIII, 2021, 164-173.
- Історія Хаджибея 2000:** Історія Хаджибея-Одеси (1415-1795 pp.) в документах (Упоряд. Т.Г. Гончарук) (Одеса 2000).
- Красножон 2016:** А.В. Красножон, К проблеме локализации Хаджибейского замка. Вісник одеського історико-краєзнавчого музею 15, 2016, 132-141.
- Красножон 1997:** А.В. Красножон, Раскопки на Приморском бульваре в Одессе. В сб.: (Отв. ред. С.Б. Охотников) Никоний и античный мир Северного Причерноморья (Одесса 1997), 161-165.
- Красножон 2018:** А.В. Красножон, Фортеці та міста Північно-Західного Причорномор'я (Одеса 2018).
- Стемпковский 1826:** И.А. Стемпковский, Исследования о местоположении древних греческих поселений на берегах Понта Эвксинского между Тирасом и Борисфеном, учиненные по случаю найденных в 1823 году остатков древностей в Одессе (Санкт-Петербург 1826).
- Тункина 2002:** И.В. Тункина, Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.) (Санкт-Петербург 2002).
- Хромов 2020:** К.К. Хромов, Локализация азово-черноморского участка торговой дороги Татарский шлях из Азака во Львов (по нумизматическим данным). Золотоордынское обозрение № 8 (2), 2020, 274-283.

Situl cu mai multe nivele de locuire „Primorsky Bul`var” din Odesa: de la antichitate la Evul Mediu

Cuvinte-cheie: aşezarea „Primorsky Bul`var”, antichitate, Hoarda de Aur, Imperiul Otoman, Khadzhibey.

Rezumat: Cele mai vechi nivele culturale ale sitului arheologic „Primorsky Bul`var” din Odesa sunt reprezentate de straturile antice, ce aparțin la două grupuri cronologice: apoikia arhaică (a doua jumătate a secolului VI - începutul secolului V a. Chr.), descoperită în apropierea Palatului Vorontsov, și sectorul mai târziu al aşezării (secolele V-III a. Chr.), identificat în partea de sud-vest a bulevardului. Dinspre stradela Teatralny (Teatrului), cu aşezarea se învecina o necropolă. Judecând după unele descoperiri din perioada epocii romane, se poate presupune că aici a existat și o aşezare din primele secole ale erei noastre. Evul Mediu este reprezentat de descoperiri doar în partea de nord a bulevardului, unde s-au identificat straturi datate cu secolul al XIV-lea, afectate de construcții ulterioare. Numeroasele descoperiri din această perioadă, posibil, reprezintă vestigiile factoriei Ginestra sau ale unui mic punct de tranzit, amplasat pe drumul ce lega regiunea Niprului Inferior cu cel mai apropiat oraș din acea vreme, Akcha-Kermen (Belgorod). Perioada otomană (secolele XVI-XVIII) este reprezentată de o varietate de descoperiri, recuperate pe toată suprafața cercetată a bulevardului. Concentrarea artefactelor în partea de sud este asociată cu existența unei infrastructurii urbane din Khadzhibey, în cele din partea de nord – cu fortificația. Cercetările arheologice au condus la descoperirea pe faleză a unui terasament nepavat, utilizat în sec. al XVIII-lea ca element bastionar pentru artilerie. Fundațiile fortificației arhaice din piatră erau situate în zona aleilor de pe bulevard, vizavi de casele nr. 5-6, identificarea cărora continuă până în prezent.

Lista ilustrațiilor:

Fig. 1. Primorsky Bul`var. Amplasarea secțiunilor și sondajelor arheologice.

Fig. 2. Primorsky Bul`var. Monede descoperite *passim*.

Fig. 3. Primorsky Bul`var. Planul săpăturilor arheologice din 2008 (după Буйских, Редина 2015).

Fig. 4. Primorsky Bul`var. Restaurarea belvederului în 2017. Unele descoperiri: 1 - vârf de săgeată; 2 - pipă de fumat.

Fig. 5. Primorsky Bul`var. Palatul lui Shydlovsky. Cercetări din 2018. Groapa nr. 1.

Fig. 6. Primorsky Bul`var. Palatul lui Shydlovsky. Cercetări din 2018. Descoperiri din Secțiunea nr. 1 (1) și groapa nr. 1 (2-8). 1-3 - Fragmente de mânere de amforă; 4 - un fragment de buză a unei oale lucrate cu mână; 5-8 - oase de animale

Fig. 7. Primorsky Bul`var. Palatul lui Shydlovsky. Cercetări din 2018. Planul secțiunii.

Fig. 8. Primorsky Bul`var. Cercetări din 2020. Stratigrafia secțiunii și a sondajului nr. 1.

Fig. 9. Primorsky Bul`var. Cercetări din 2020: 1, 2 - fragmente de ceramică glazurată; 3 - pul de aramă emis sub hanul Abdallah.

The “Primorsky Boulevard” multi-layered site in Odessa: from antiquity to the Middle Ages

Keywords: “Primorsky Boulevard” settlement, antiquity, Golden Horde, Ottoman Empire, Khadzhibey.

Abstract: The earliest cultural layers of the “Primorsky Boulevard” archeological site in Odessa are represented by antique strata in two places: archaic settlement (second half of the 6th century – beginning of the 5th century BC) near the Vorontsov Palace and a later part of the settlement (5th-3rd centuries BC) in the southwestern part of the boulevard. From the side of Teatralny Lane, a necropolis adjoined the settlement. There may have been some population here in the first centuries of our era, judging by the rare finds of the Roman time. The era of the Middle Ages is represented by finds only in the northern part of the boulevard, where layers of the 14th century spread, which were disturbed by subsequent construction. Apparently, numerous finds of this period represent the Gines-tra trading station or some small intermediate point on the way from the lower Dnieper region to the large, nearest at that time, the city Akcha-Kermen (Belgorod). The Ottoman period (16th-18th centuries) is represented by a variety of finds that are found throughout the boulevard. In its southern part, their increased concentration is associated with the existence of the urban infrastructure of Khadzhibey, in the northern – with its fortifications. Excavations uncovered an unpaved, coastal embankment of the second half of the 18th century, used as an artillery wallgang. The foundations of an archaic stone castle were located in the area of boulevard alleys opposite houses No. 5-6, the search for which continues to this day.

List of illustrations:

Fig. 1. Primorsky Boulevard. The map of archaeological sites.

Fig. 2. Primorsky Boulevard. Random coin finds.

Fig. 3. Primorsky Boulevard. The plan of 2008 excavation (Буйских, Редина 2015).

Fig. 4. Primorsky Boulevard. Restoration of the belvedere in 2017th. Some finds: 1 - Iron tip; 2 - smoking pipe.

Fig. 5. Primorsky Boulevard. Shydlovsky’s palace. Excavations of the 2018th. Pit No. 1.

Fig. 6. Primorsky Boulevard. Shydlovsky’s palace. Excavations of the 2018th. Finds from pit No. 1 (1) and pit No. 1 (2-8). 1-3 - fragments of amphora handles; 4 - fragment of a molded pot’ wisk; 5-8 - animal bones.

Fig. 7. Primorsky Boulevard. Shydlovsky’s palace. Excavation of the 2018th. Excavation’s plan.

Fig. 8. Primorsky Boulevard. Excavation of the 2020th. Stratigraphy of the excavation and pit No. 1.

Fig. 9. Primorsky Boulevard. Excavations of the 2020th: 1, 2 - fragments of glazed pottery; 3 - copper pool of Khan Abdallah.

05.04.2021

Д-р хаб. Светлана Иванова, Институт археологии, Национальная Академия наук Украины, проспект Героев Сталинграда, 12, 04210, Киев, Украина, <https://orcid.org/0000-0002-3318-8244>, e-mail: svi1956@gmail.com

Д-р хаб. Андрей Красножон, Южноукраинский национальный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, ул. Старопортофранковская, 26, 65000, Одесса, Украина, <https://orcid.org/0000-0002-2215-8429>, e-mail: ahmar.and@gmail.com

Д-р Олег Савельев, Институт археологии, Национальная Академия наук Украины, проспект Героев Сталинграда, 12, 04210, Киев, Украина, <https://orcid.org/0000-0002-2010-2974>, e-mail: sav_reun@ukr.net

---

MIGRATION VON WEST NACH OST: ARCHÄOLOGIE DER MOBILITÄT IN DER JÜNGEREN VORRÖMISCHEN EISENZEIT: BEISPIEL DIE ZARUBINTSY-KULTUR¹

Vasile Iarmulschi

Schlagwörter: Migration, Mobilität, Zarubintsy-Kultur, jüngere vorrömischen Eisenzeit.

Wie es schon in der Fachliteratur erwähnt wurde (Babeş 1993; Kaul, Martens 1996; Meyer, Łuczkiwicz, Rauchfuß 2017; Iarmulschi 2020), ist in der zweiten Hälfte des 3. Jh. v. Chr. in weiten Teilen des nördlichen und östlichen Mitteleuropas ein bemerkenswerter Prozess der Vereinheitlichung der materiellen Kultur zu erkennen, der sich in ähnlichen Keramikformen und Fibeltypen zu erkennen gibt. In einem Gebiet von der südöstlichen Nordseeküste bis in den Mittel-Dnepr Raum treten innerhalb kurzer Zeit sich gleichende Tassen, Schalen und Schüsseln mit facettierten Rändern, Fibeltypen, Gürtelhaken und andere Elemente der materiellen Kultur in Gräberfeldern und Siedlungen auf. Dieser Prozess ist so einschneidend, dass er in all diesen Räumen zur Neudefinition archäologischer Kulturen geführt hat: der Zarubintsy-Kultur in der zentralen und nördlichen Ukraine und Teilen Weißrusslands, der Poienişti-Lucaşeuca-Kultur in Ostrumänien, Republik Moldau und der Westukraine, der Przeworsk- und der Oksywie-Kultur in Polen, sowie die Ripdorf- und Seedorf-Gruppe der Jastorf-Kultur in Norddeutschland (Abb. 1).

Die Entstehung dieser archäologischen Kulturen wird in der Forschung unterschiedlich bewertet. Die jüngeren Jastorf-Gruppen (Ripdorf- und Seedorf) werden aus der älteren Jastorf-Kultur und einem stärker werdenden Einfluss der Latène-Kultur hergeleitet (vgl. Brandt 2001). Die Herkunft der Oksywie- und der Przeworsk-Kultur wird aktuell stark diskutiert, wobei Kontinuitäten aus der Pommerschen Kultur, Migrationen und Einflüsse aus dem Jastorf-Raum und Einflüsse

der Latène-Kultur herangezogen werden (Meyer, Łuczkiwicz, Rauchfuß 2017; Michałowski, Teska 2017; Grygiel 2018). Die Poienişti-Lucaşeuca-Kultur- und die Zarubintsy-Kultur wird auf Einwanderungen vor allem aus dem Jastorf- und dem Przeworsk-Raum zurückgeführt (Babeş 1993; Пачкова 2006; Iarmulschi 2016; Munteanu, Iarmulschi 2017; Babeş, Iarmulschi 2020).

In diesem Sinne ist auch das Studium der Zarubintsy-Kultur als Beitrag zur archäologischen Migrationsforschung zu verstehen. Wie aber lässt sich Migration archäologisch fassen?

In der Prähistorische Archäologie, deren Quellen vor allem die materiellen Hinterlassenschaften vergangener Individuen und Gruppen sind, ist deren Wanderung und Mobilität ein theoretisch-methodologisches Problem.

Wie bereits in der Fachliteratur erwähnt wurde (Prien 2005; Schier 2013; Burmeister 2013; Kaiser 2016) galten Migrationsbewegungen schon zu Beginn der Archäologie als wissenschaftliche Disziplin häufig als Erklärung, für die Entdeckung als „ortsfremd“² betrachteter Artefakte oder feststellbarer Transformationen im Bestattungsbrauch oder den Siedlungsstrukturen. In der Mitte des 20. Jahrhunderts, unmittelbar nach dem Ende des Zweiten Weltkrieges, gab man dieses Erklärungsmuster weitgehende auf³.

Während der letzten zwei-drei Jahrzehnte wurden die Mobilität von Menschen und Migration in der Fachliteratur verstärkt auch auf theoretischer Ebene diskutiert (Burmeister 1996; Burmeister 2017; Härke 1997; Prien 2005; Schier 2013). Migration lässt sich nach vorherrschender Meinung unter anderen nach dem Anteil und der sozialen Stellung der betroffenen Gruppen differenzieren. So unterschied zum Beispiel R. Prien

---

¹ Dieser Beitrag wurde im Rahmen des Projekts „Siedlungen der Zarubintsy-Kultur. Besiedlungsgeschichte des Mitteldnjepr-, Oberdnjepr- und Polesien Gebiets während der jüngeren vorrömischen Eisen- und frühen Kaiserzeit“ durchgeführt. Das Projekt ist von DFG gefördert (Projektnummer 440934334).

² Zum Problem der „fremden“ Befunde und Funde siehe: Brather 2004; Quast 2017.

³ Zur Forschungsgeschichte siehe: Prien 2005, 29-48.

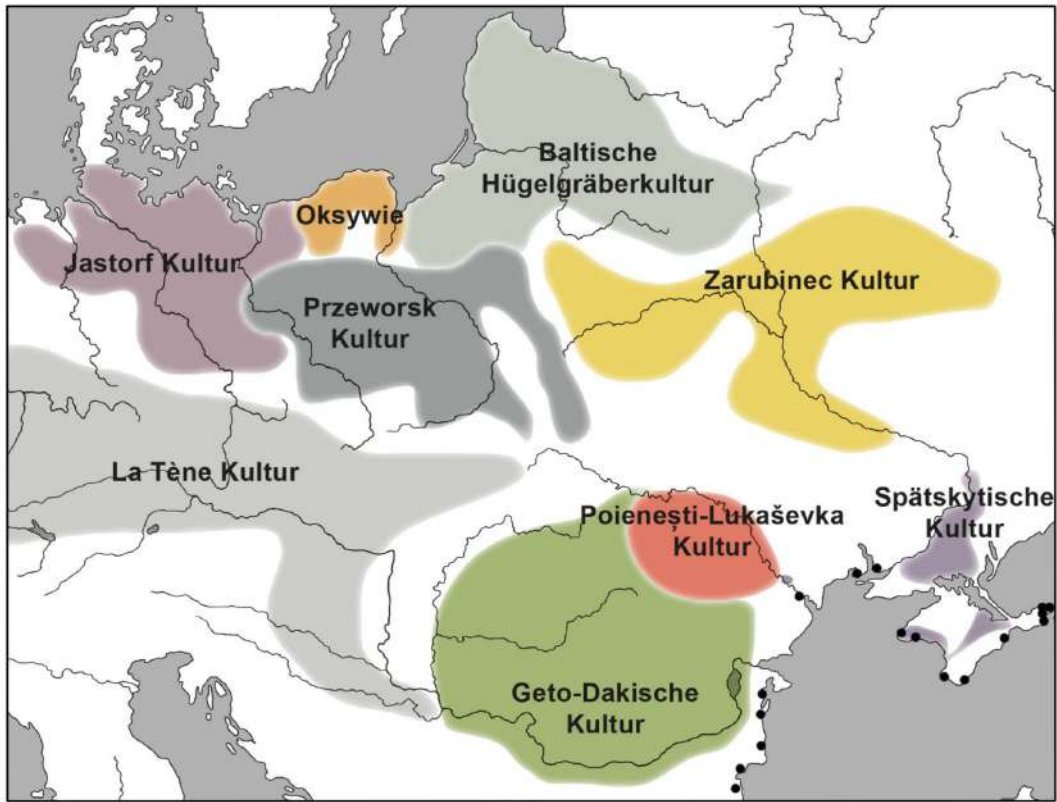

Abb. 1. „Archäologische Kulturen” der jüngeren vorrömischen Eisenzeit im nördlichen Mittel- und Südosteuropa (nach Hellström 2018).

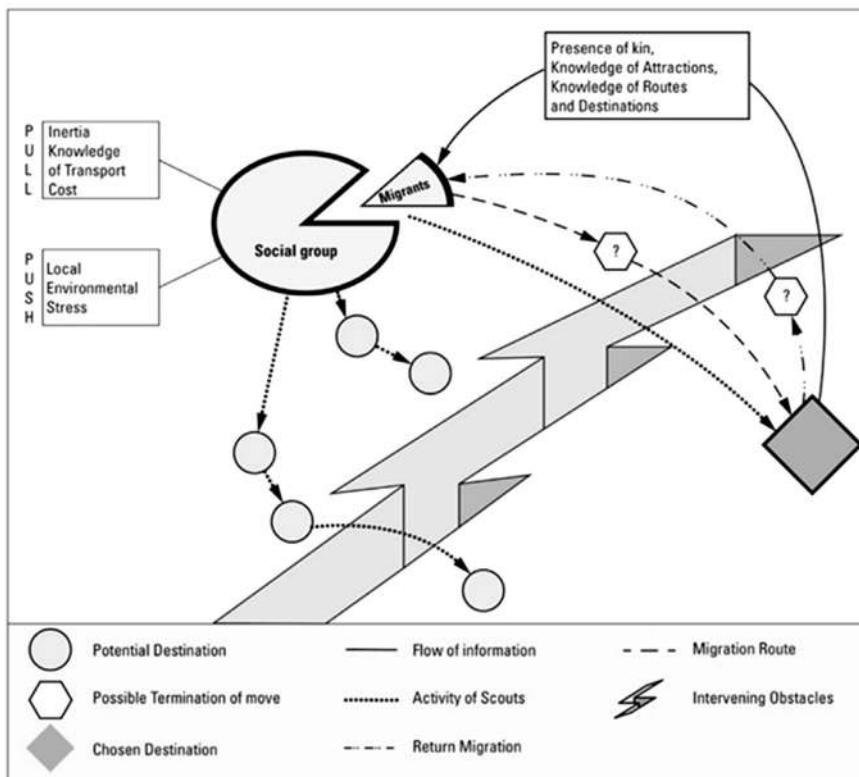

Abb. 2. Ablauf eines Migrationsprozesses (nach Anthony 1990; Fernández-Götz 2014).

(Prien 2005, 321-322) in seiner Klassifikation zwischen Wanderung von Einzelpersonen oder kleinen Bevölkerungsgruppen, wie Händlern oder Eliten und Massenwanderungen. Davon abzusetzen sei die Vertreibung, die in der Regel zu einem vollständigen Austausch der Bevölkerung führe.

Migration kann auf verschiedene Weisen erfolgen, wobei laut Anthony (Anthony 1997) das sog. „leap frogging“ ein wahrscheinliches Modell ist: In einer ersten Phase gründen dabei Kleingruppen, z. B. Händler oder Handwerker, erste Niederlassungen im Zielgebiet und sammeln Information über dieses. Später Hinzuziehende folgen in der Regel denselben Routen und gelangen so zu etablierten Stützpunkten, von wo aus eine weitere Erschließung der näheren Umgebung möglich ist (Abb. 2). Dadurch wird eine weitere Zuwanderung erleichtert, die sich so zu einem über einen längeren Zeitraum erstreckenden, kontinuierlichen Zustrom entwickeln kann (Anthony 1990; Anthony 1997; Prien 2005; Meyer 2009). Bei den Gründen für eine Wanderung können „pull“- und „push“-Faktoren, bzw. die Anziehung eines Zielgebietes und Prozesse, die ein Verbleiben in der Heimat schwierig machen, unterschieden werden (Anthony 1990; Andersen 2004; Meyer 2008).

In der Regel gilt, dass Bevölkerungsverschiebungen über eine größere Distanz archäologisch leichter nachweisbar sind als solche, die nur geringe Entfernung überwinden (Meyer 2009). R. Prien analysierte diese Thematik und wies darauf hin, dass es notwendig ist, so viele Hinweise wie möglich zusammenzutragen, um über solche Phänomene in der Ur- und Frühgeschichte sprechen zu können. Der gleiche Autor kommt beispielsweise zu dem Schluss, dass Migration nicht allein anhand einzelner Indices wie zum Beispiel der Verbreitung und Verteilung von Keramik, nachgewiesen werden könne. Allein das Vorhandensein mehrerer archäologischer Hinweise – Analogien in Bezug auf Bestattungssitten, Siedlungsformen, Kultgebäude, Geräte usw. – kann solche Phänomene beweisen (Prien 2005, 315-316).

***

Diese Beobachtungen können hervorrufen auch der Nachweise der Zarubintsy-Kultur, die am Ende des 3 Jhd. v Chr. im Mitteldnepr-, Oberdnepr und Polesien-Gebiet entsteht, bezogen werden. Diese Kultur ist durch Gräber und Siedlungen

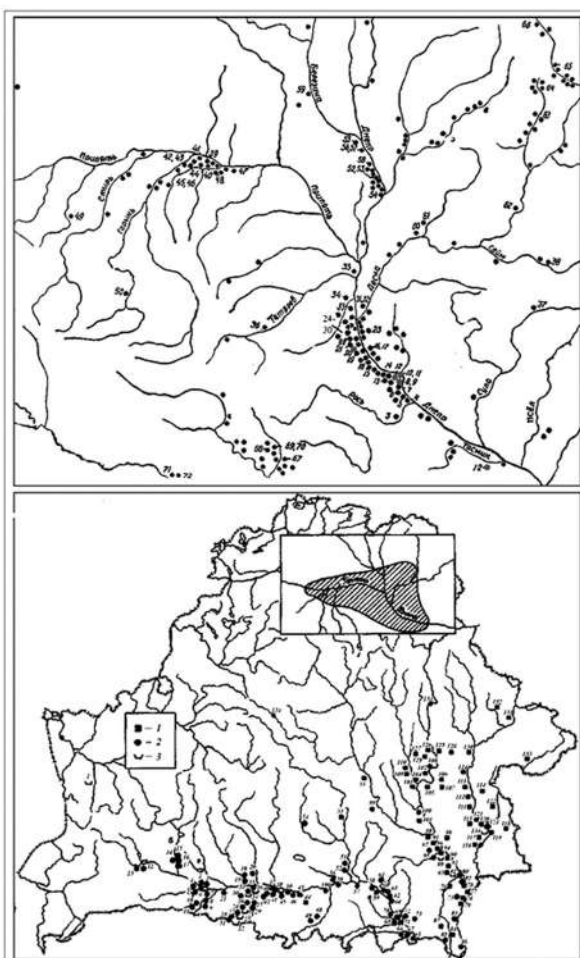

Abb. 3. Fundplätze der Zarubintsy-Kultur: a - in der Ukraine (nach Максимов 1982); b - in Weißrussland (nach Егорейченко 1999).

gen definiert. Bislang wurden ca. 450 Siedlungen und 50 Nekropolen der Zarubintsy-Kultur bekannt (Abb. 3), in denen ca. 1000 Bestattungen und 150 Wohnhäuser untersucht wurden (Еременко 1997, 4; Пачкова 2006, 15).

Nekropolen

Den Gräberfeldern der Zarubintsy-Kultur lagen, in der Regel, in der Nähe der Siedlungen – z. B. die Nekropolen von Čaplin und Voronino (Пачкова 2006, 51). Es ist jedoch nicht damit zu rechnen, dass bei jeder Siedlung auch eine Nekropole vorhanden war, denn mehrere Siedlungen können denselben Gräberfeld benutzt haben.

Die Bestattungssitten der Zarubintsy-Kultur sind fast ausschließlich die Brandbestattungen. Normalerweise befanden sich die Gräber 0,5-0,6 m unter der heutigen Tagesoberfläche (Woronjatov 2020, 272). Die kalzinierten Knochen wurden

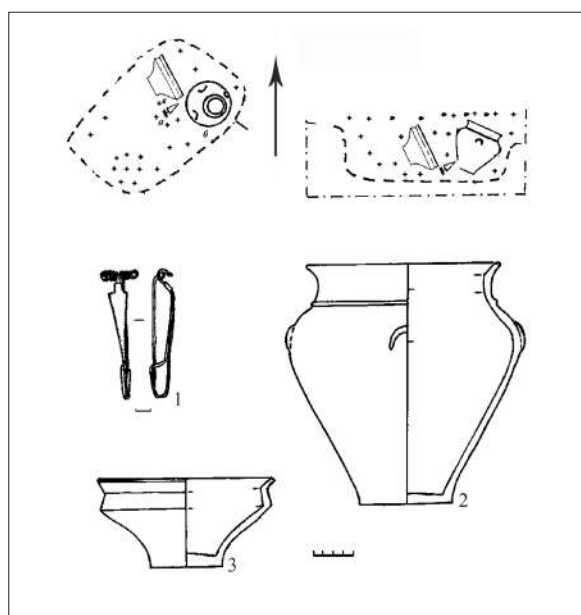

Abb. 4. Grab 29 aus dem Gräberfeld von Višenki (nach Пачкова 2006).

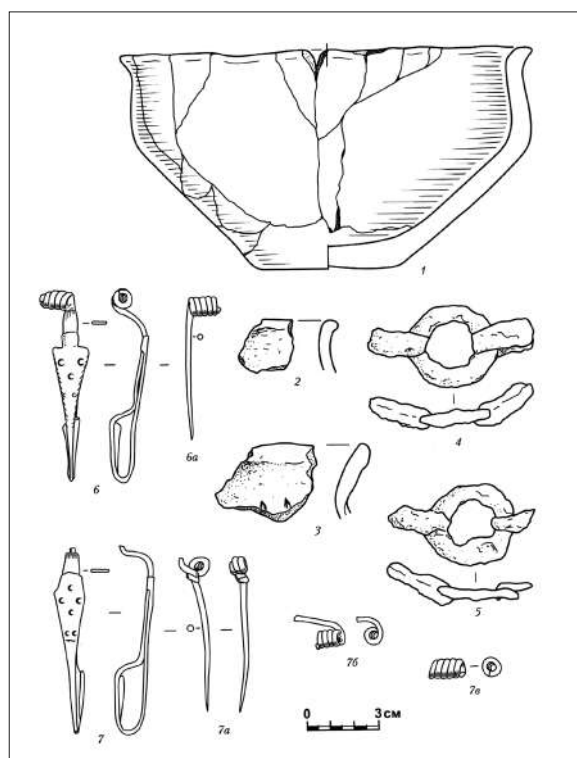

Abb. 5. Grab 17 aus der Nekropole von Goroškov (nach Ворогинская, Дробушевский 2017).

entweder über den Grubenboden verteilt oder in eine Urne gegeben. Als Bestattungsurne diente, in der Regel, ein Topf, in Ausnahmen auch eine Schale oder ein Becher. Das Inventar der Gräber umfasst Trachtgegenstände (Fibeln, Armringe, Perlen usw.), seltener Werkzeuge (Messern, Spinnwirteln, Nadeln) und nur ausnahmsweise Waffen (Schwertern, Lanzen spitzen) (Пачкова 2006, 51-71) (Abb. 4-5).

Siedlungen

Die Siedlungen der Zarubintsy-Kultur waren ursprünglich offene. Später, ab der Mitte des 1. Jhd. v. Chr., wurde einige Siedlungen – z. B. Pilipenkova Gora, Babina, Gora, Čaplin, befestigt (Abb. 6-7) (Максимов 1982; Пачкова 2006). In der Regel zeigen die Siedlungen eine Vorliebe für niedriges Gelände an Wasserläufen – Terrassen und Vorsprünge am Fuß von Hügeln (Abb. 8)

Es ist zu bemerken, dass die Größe und Dauern der Siedlungen sich nur schwer schätzen lassen, solange keine vollständig ausgegraben ist. Aus den bisher vorliegen Angaben, es ist zu vermuten, dass sie sich gewöhnlich über 1-3 ha erstrecken (Пачкова 2006)

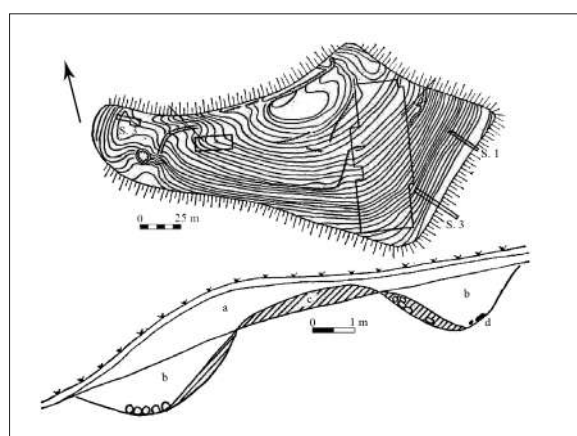

Abb. 6. Topographische Plan der Siedlung von Pilipenkova Gora (nach Максимов 1971).

In den ausgegrabenen Fundplätzen wurden eingetieft und Oberflächenhütten entdeckt. Sie hatten quadratische oder häufiger rechteckige Form (Максимов 1982; Пачкова 2006). Die meisten Häuser sind 10-16 q.m. groß. Die Wände der Hütten bestanden aus einem Pfostengerüst und Fleckwerk mit Lehmewurf. Die Pfostenlöcher befinden sich längst der Wände, manchmal auch

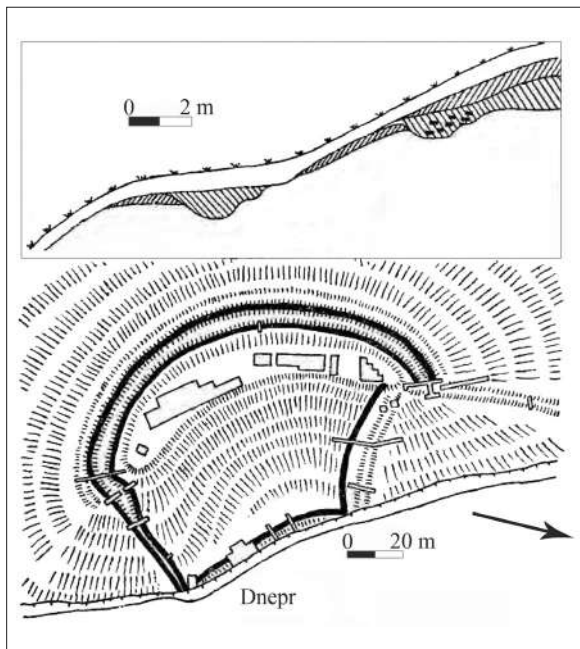

Abb. 7. Topographische Plan der Siedlung von Babina Gora (nach Максимов 1982).

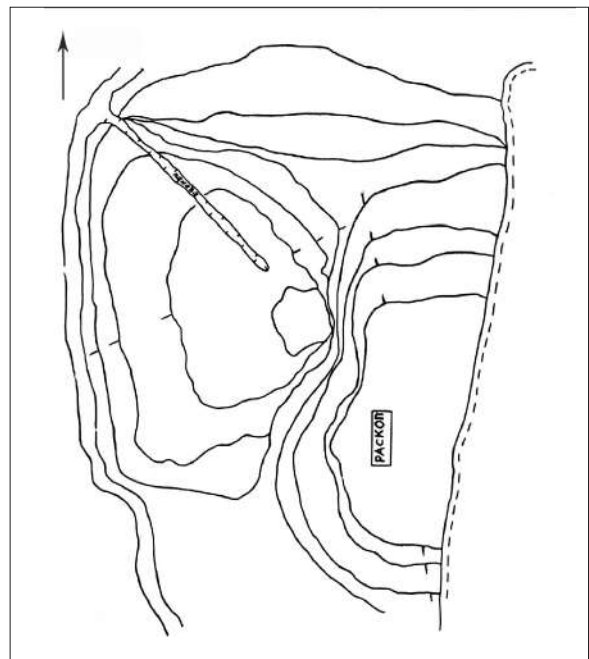

Abb. 8. Topographische Plan der Siedlung von David-Gorodok (nach Егорейченко 2000).

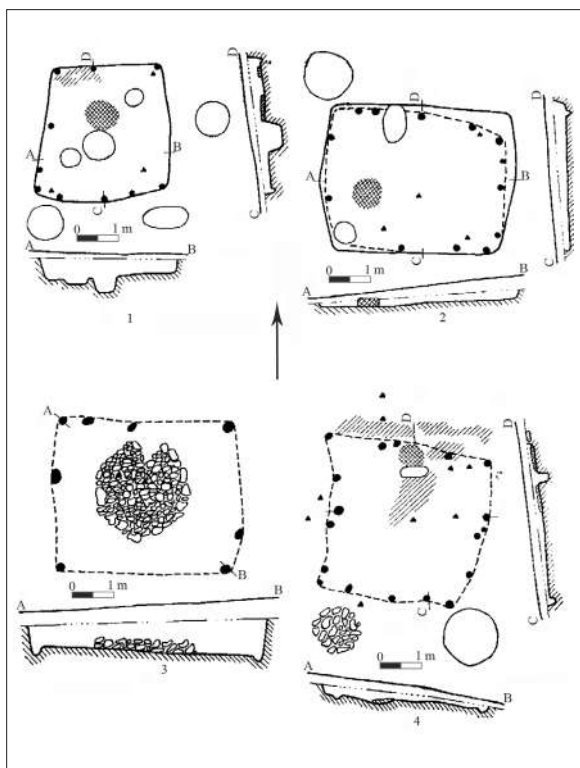

Abb. 9. Die Häuser aus der Siedlung von Pilipenkova Gora: 1 - H. 22; 2 - H. 25; 3 - H. 17; 4 - H. 15 (nach Максимов 1971).

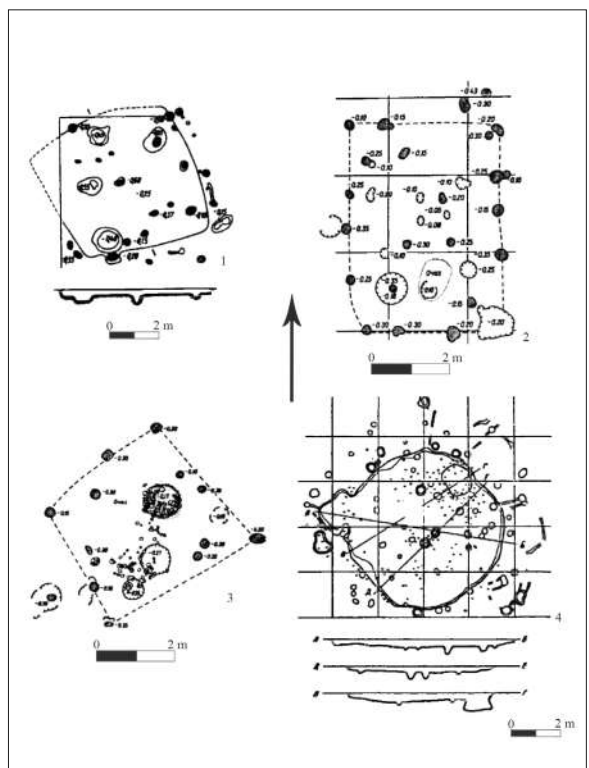

Abb. 10. Die Häuser der Zarubintsy-Kultur: 1 - Haus aus der Siedlung von Goroškov; 2 - H. 9 aus der Siedlung von Čaplin; 3 - H. 8 aus der Siedlung von Čaplin; 4. Haus aus der Siedlung von Milograd (nach Дробушевский 2016).

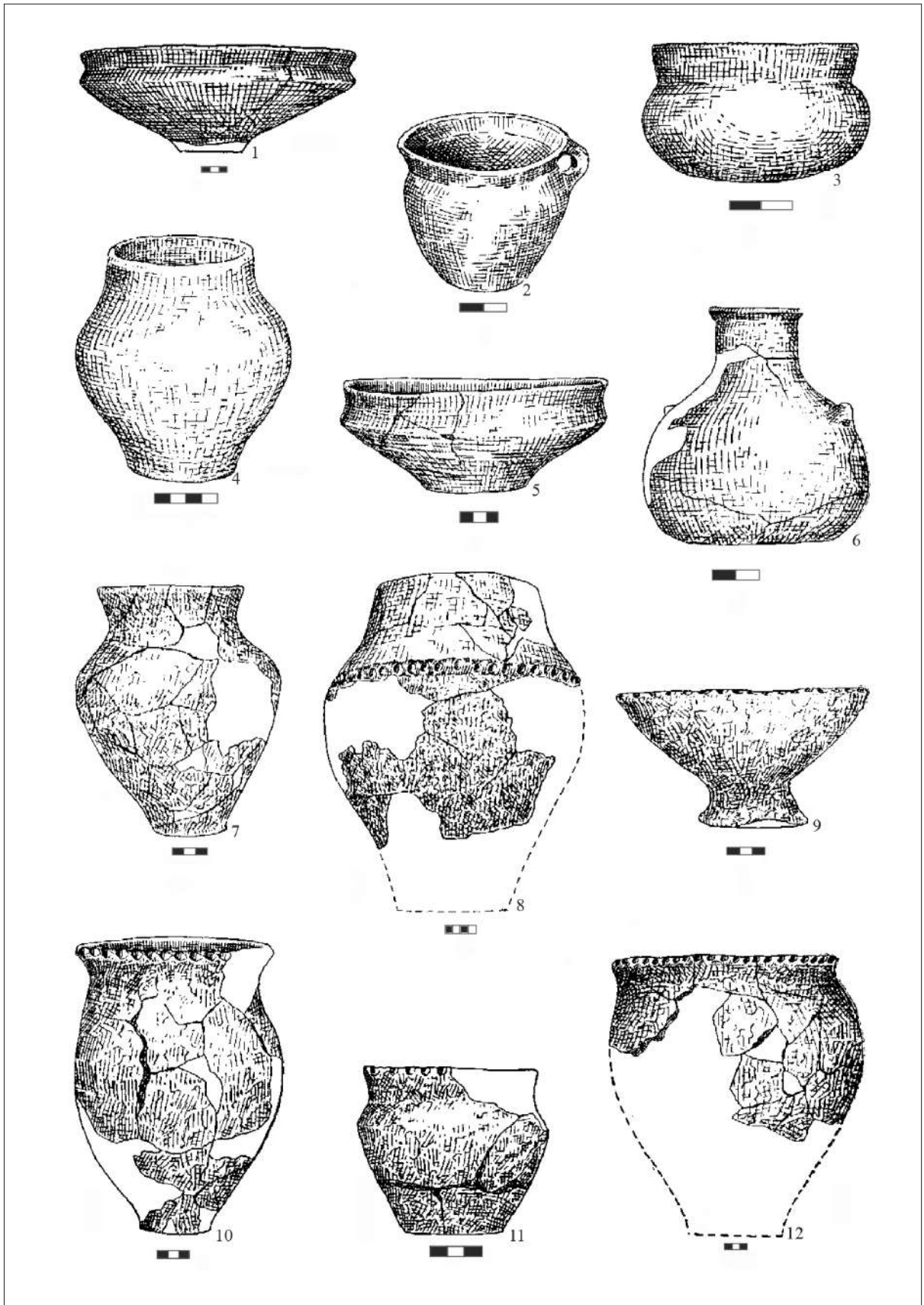

Abb. 11. Keramikgefäße aus der Siedlung von Pilipenkova Gora (nach Максимов 1971).

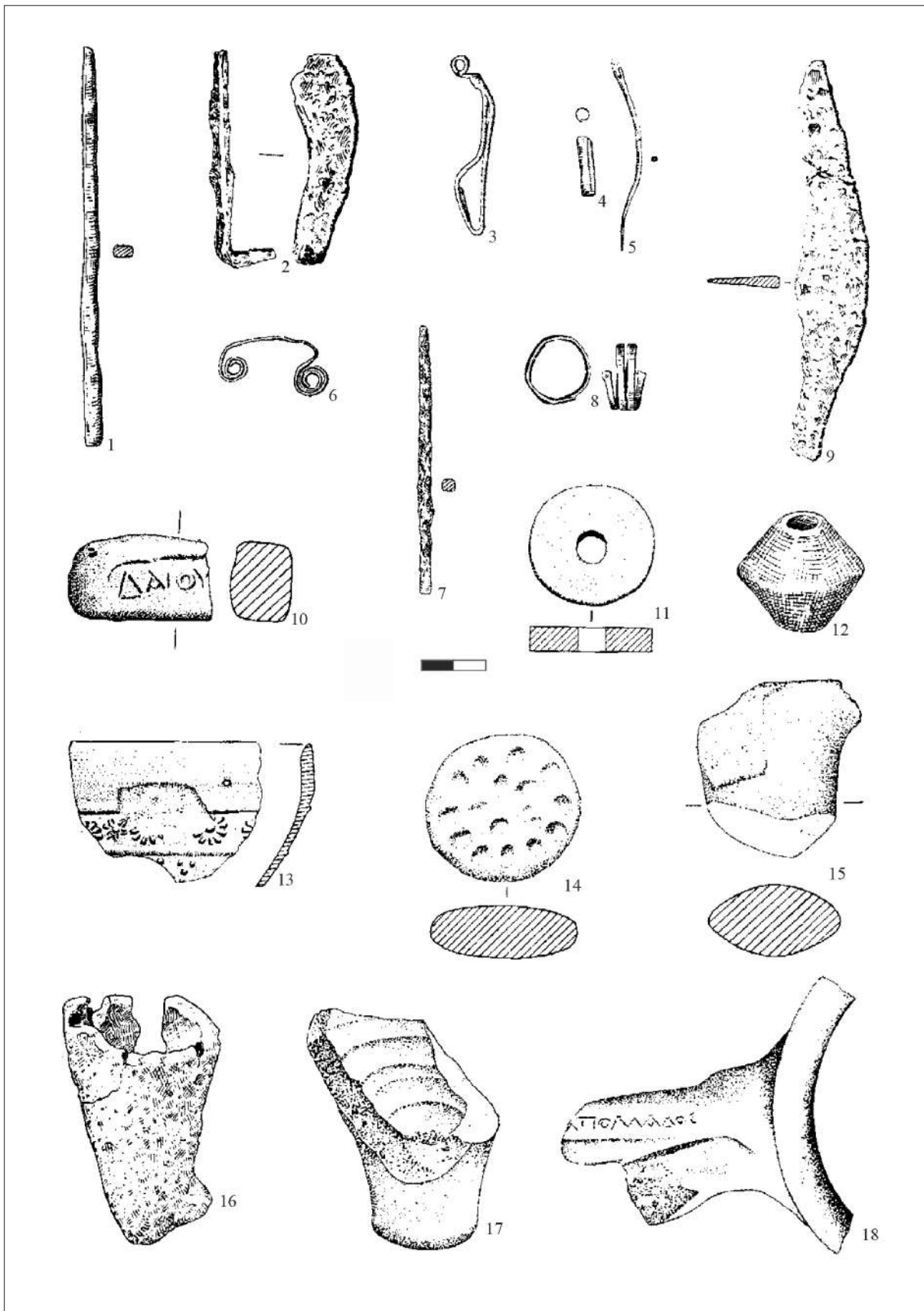

Abb. 12. Werkzeuge, Kleinfunde und griechische Keramik aus der Siedlung von Pilipenkova Gora (nach Максимов 1971).

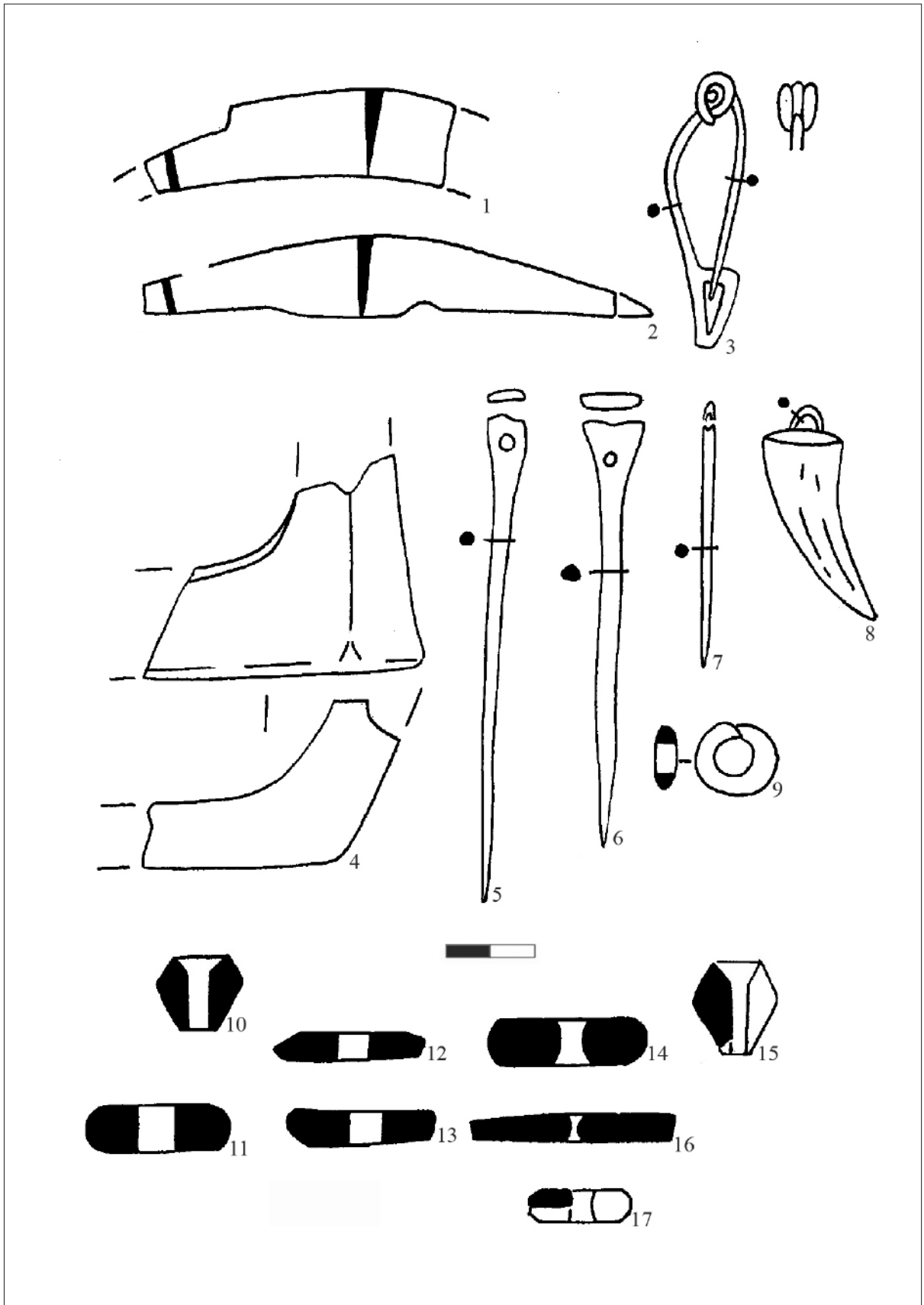

Abb. 13. Werkzeuge und Kleinfunde aus der Siedlung von Litvinoči-3 (nach Обломский 2000).

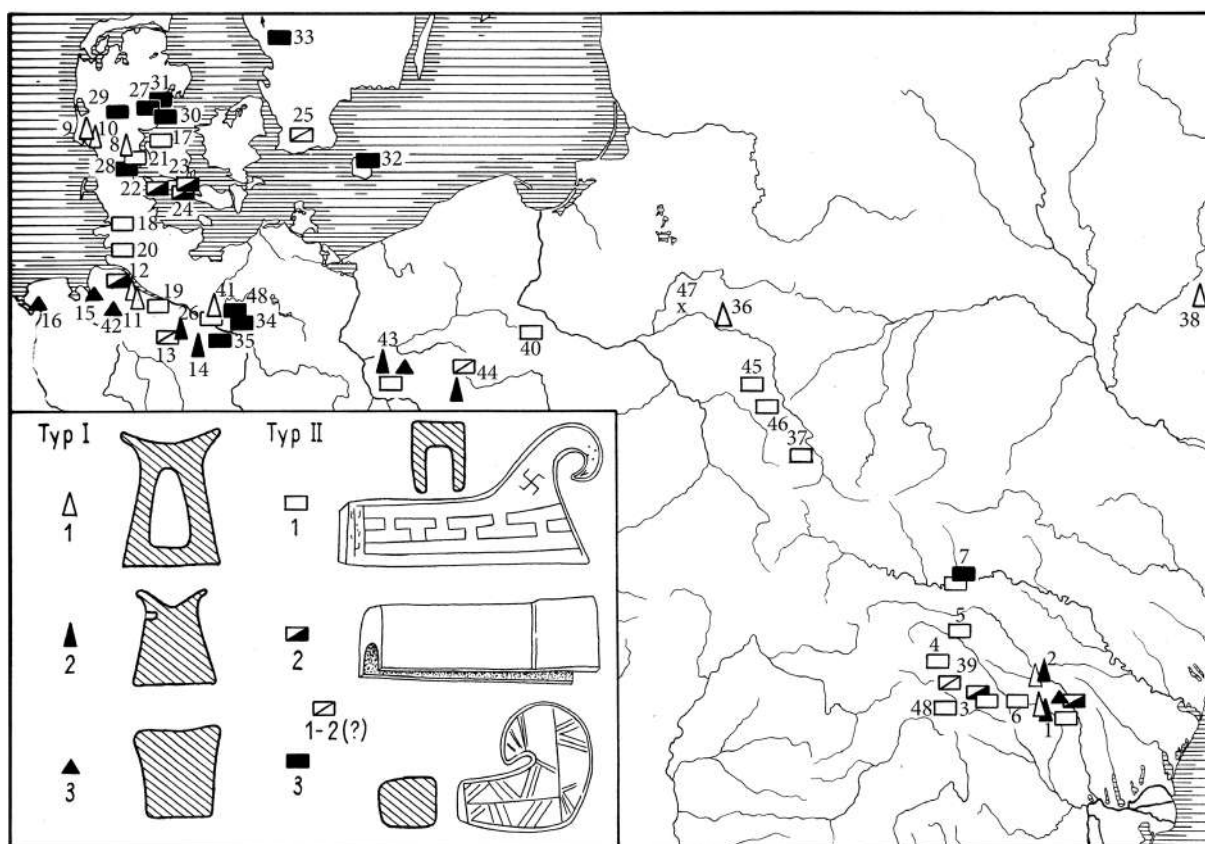

Abb. 14. Verbreitung der Feuerböcke im Mittel- und Südosteuropa (nach Babeş 1993; Michałowski, Teska 2012).

in der Mitte und lassen Satteldächer vermuten. Zur Heizung und Nahrungszubereitung diente Öfen. Gewöhnlich befinden sich diese im Wohnungsinnern – in der Nähe von Wand oder in der Mitte der Wohnung (Abb. 9-10) (Пачкова 2006).

Oval oder runde, zylindrische oder kegelmörmige Gruben mit Durchmessern von ca. 1 m und bis 1,5 m Tiefe wurden in alle ausgegrabene Siedlungen freigelegt. Diese waren zur Aufbewahrung von Speisen aus Ackerbau und Viehhaltung gedacht (Пачкова 2006, 49-51).

Das Inventar der Siedlungen ist vor allem von Keramik repräsentiert. Außerdem wurden in der geforschte Siedlungen Werkzeugen, Tracht- und Schmuckgegenstände gefunden (Abb. 11-13). In großen Menge erschienen in der Siedlungen Tierknochen, die bisher bedauerlicherweise nur unzureichend untersucht wurden.

Chronologie und Herkunft der Zarubintsy-Kultur

Nach Eremenko und Ščukin (Еременко, Щукин 1998) zeigt die klassische Zarubintsy-Kultur eine

vierphasige, gut abgesteckte Entwicklung. Diese Phase entsprechen der frühen und der späteren Phase der jüngeren vorrömischen Eisenzeit nach Hachmann (Hachmann 1960), oder den Stufen LT C1b, LT C2, LT D1 und LT D2. Absolutchronologisch betrachtet, dehnt sich diese Entwicklung von Ende des 3. Jh. bis zum Ende des 1. Jh. v. Chr.

Alle diese Funde und Befunde besitzen charakteristische Züge, die eine Abgrenzung, sowohl mit dem Bezug auf die vorherige – skytische- und Milograd Kultur des 5.-3. Jhs. v. Chr., die sich fast im selben Raum entwickelte (Пачкова 2006).

Diese Elemente heben die „allogene“ Eigenständigkeit der Zarubintsy-Kultur hervor. Vor allem aber lässt sich die fremde Herkunft dieser Kultur dadurch bestätigen, dass die Mehrheit ihrer Bestandteile – Bestattungsritualen, Keramik, Tonlöffel, Feuerböcke, Kronenhalsringe, Fibeln, usw. (Abb. 14-15) – sich, im Grunde genommen, in der Jastorf-Kultur, im Oder-Elbe-Raum, wiederfinden (Щукин 1994; Еременко 1997)

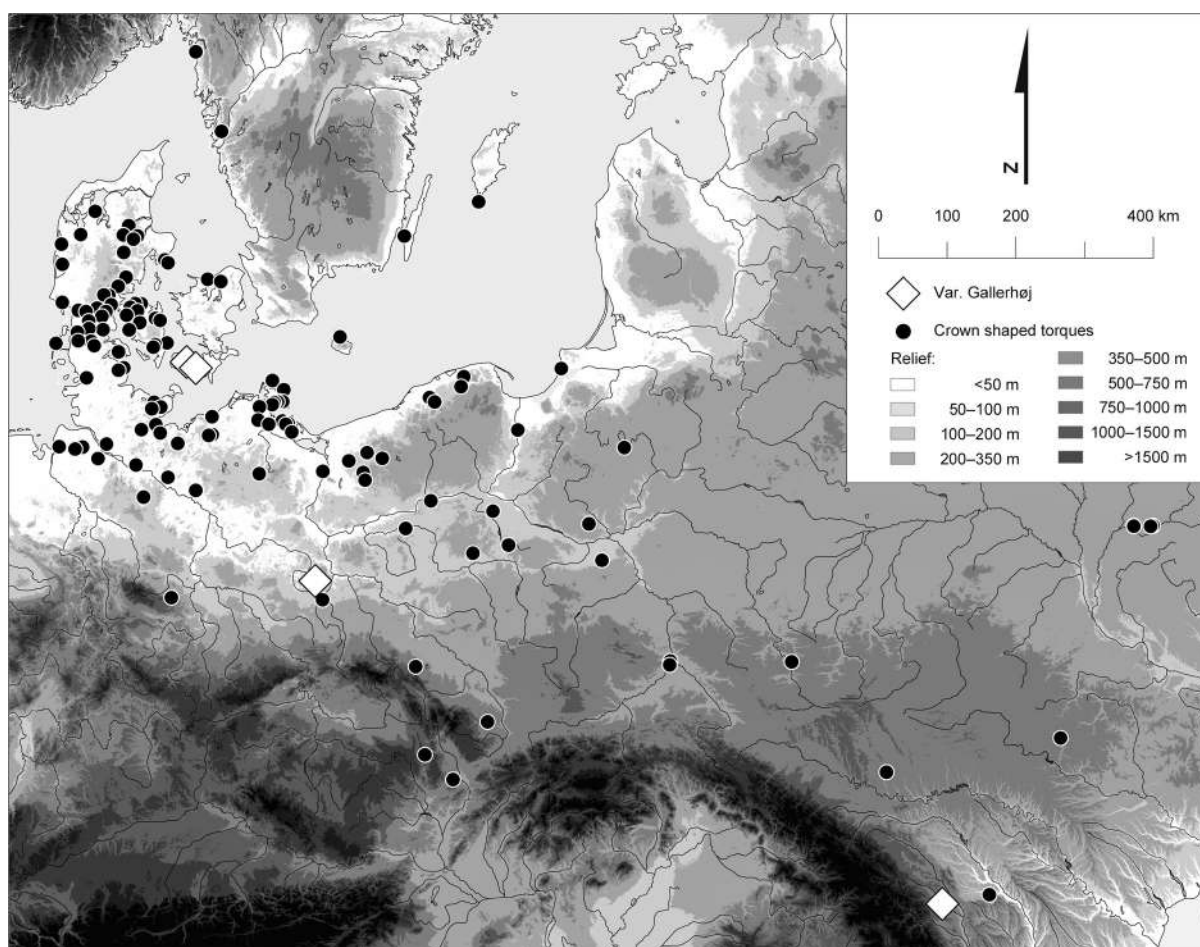

Abb. 15. Verbreitung der Kronenhalsringe im Mittel- und Osteuropa (nach Iarmulski 2020).

Wie in der Fachliteratur erwähnt wurden (Щукин 1994; Еременко 1997; Пачкова 2006; Woronjatov 2020), weil diese Analogien in einem sehr weit und ungleichmäßig verbreitet, es ist zu vermuten, dass die Wanderungsbewegungen, die zur Entstehung der Zarubintsty-Kultur führten, aus verschiedenen Regionen Mitteleuropas ihren Ursprung fand. Als Kerngebiet für diese Ausbreitung gilt hauptsächlich die Region der Jastorf-Kultur. Eine Wichtige, sehr wahrscheinlich

den Hauptbeitrag zu der Bewegung lieferten wohl die Gebiete zwischen Mitteloder- und Elbe (Brandenburg, Nordsachsen, Niederlausitz, Niederschlesien) und Norddeutschland (Schleswig-Holstein und Mecklenburg-Vorpommern). Die Wanderung ging nach Ost und Südosten vielleicht an den großen Flüssen Warthe-Weichsel-Bug und bezog dabei „ostgermanische“ Elemente (Przeworsk- und Oksywie-Kultur) ein und sehr wahrscheinlich verlief in mehreren Etappen.

Literatur

- Andresen 2004:** M. Andresen, Studien zur Geschichte und Methodik der archäologischen Migrationsforschung (Münster 2004).
- Anthony 1990:** D.W. Anthony, Migration in Archaeology: The baby and the bathwater. *American Antr.* 94, 1990, 895-914.
- Anthony 1997:** D.W. Anthony, Prehistoric Migration as Social Process. In: J. Chapman/H. Hamerow, Migrations and Invasions in Archaeological Explanation. BAR 664 (Oxford 1997), 21-32.
- Babeș 1993:** M. Babeș, Die Poienești-Lukaševka-Kultur. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte im Raum östlich der Karpaten in den letzten Jahrhunderten vor Christi Geburt. *Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde* 30 (Bonn 1993).

- Babeş, Iarmulski 2020:** M. Babeş, V. Iarmulski, Așezarea și necropola de tip Poienеști-Lucașeuca de la Borosești (Chișinău 2020).
- Brandt 2001:** J. Brandt, Jastorf und Latène. Kultureller Austausch und seine Auswirkungen auf soziopolitische Entwicklungen in der vorrömischen Eisenzeit. Intern. Arch. 66 (Rahden/Westf. 2001).
- Brather 2004:** S. Brather: Ethnische Interpretationen in der frühgeschichtlichen Archäologie. Geschichte, Grundlagen und Alternativen. RGA Ergänzungsband 42 (Berlin/New-York 2004).
- Burmeister 1996:** S. Burmeister, Migration und Ihre archäologische Nachweisbarkeit. Arch. Inf. 19, 1996, 13-21.
- Burmeister 1998:** S. Burmeister, Ursachen und Verlauf von Migration – Anregungen für die Untersuchung prähistorischer Wanderungen. Studien zur Sachsenforschung 11, 1998, 19-41.
- Burmeister 2013:** S. Burmeister, Migration-Innovation-Kulturwandel. Aktuelle Problemfelder archäologischer Investigation. In: (Hrsg. E. Kaiser, W. Schier) Mobilität und Wissenstransfer in diachroner und interdisziplinärer Perspektive. Topoi – Berlin Studies of the Ancient World 9 (Berlin 2013), 35-58.
- Burmeister 2017:** S. Burmeister, The archeology of migration: what can and should it accomplish. In: (Hrsg. H. Meller, F. Daim, J. Krause, R. Risch) Migration und Integration von der Urgeschichte bis zum Mittelalter (Halle 2017), 57-68.
- Fernández-Götz 2014:** M. Fernández-Götz, Revisiting Migration in Archaeology. The Aisne-Marne and the Hünscuck-Eifel cultures. In: (Eds. G. Erskine, P. Jacobsson, P. Miller, S. Stetkiewicz), Proceedings of the 17th Iron Age Research Students Symposium in Edinburgh (Edinburgh 2014), 1-11.
- Grygiel 2018:** M. Grygiel, Chronologia przemian kulturowych w dobie przełomu starszego i młodszego okresu przedzemeskiego na Niżu Polskim (Łódź 2018).
- Hachmann 1960:** R. Hachmann, Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit. Studien zum Stand der Forschung in nördlich Mitteleuropa und in Skandinavien. BRGK 41, 1960, 1-276.
- Härke 1997:** H. Härke, Wanderungsthematik. Archäologen und politisches Umfeld. Archäologische Informationen 20, 1997, 61-71.
- Hellström 2018:** K. Hellström, Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet (2. Jh. v. Chr. - 3. Jh. n. Chr.) (Bonn 2018).
- Iarmulski 2016:** V. Iarmulski, A few consideration regarding the chronology of the Poienеști-Lucașeuca culture. Prähistorische Zeitschrift 91 (2), 2016, 471-494.
- Iarmulski 2020:** V. Iarmulski, The Settlements of the Poienеști-Lucașeuca Culture. Archaeological study of settlements in the Carpathian-Dniester region from the end of the 3rd to the 1st century BC. Berliner Archäologische Forschungen 19 (Rahden/Westf. 2020).
- Kaiser 2016:** E. Kaiser, Migration von Ost nach West. Die Archäologie von Wanderungsbewegungen im 3. Jahrtausend v. Chr. Mitteilungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte 37, 2016, 31-44.
- Kaul, Martens 1996:** F. Kaul, J. Martens, Southeast European influences in the early Iron Age of southern Scandinavia. Gundestrup and the Cimbri. Acta Archaeologica 66, 1995, 113- 161.
- Meyer 2008:** M. Meyer, Mardorf 23, Lkr. Marburg-Biedenkopf. Archäologische Studien zur Besiedlung des deutschen Mittelgebirgsraumes in den Jahrhunderten um Christi Geburt (Rahden/West. 2008).
- Meyer 2009:** M. Meyer, Der deutsche Mittelgebirgsraum um die Zeitwende. In: 2000 Jahre Varusschlacht Mythos (Lippe 2009), 58-66.
- Meyer, Łuczkiwicz, Rauchfuß 2017:** M. Meyer, P. Łuczkiwicz, B. Rauchfuß, Eisenzeitliche Siedlungskeramik der Przeworsk-Kultur. Berlin Studies of the Ancient World 50 (Berlin 2017).
- Michałowski, Teska 2012:** A. Michałowski, M. Teska, Nowe odkrycia figurek Fuerbocke z terenów ziem polskich. Folia Praehistorica Posnaniensia XVI, 2012, 331-344.
- Michałowski, Teska 2017:** A. Michałowski, M. Teska, Formation of the younger Pre-Roman Iron Age cultural model in Wielkopolska. Plural 5/2, 2017, 75-100.
- Munteanu, Iarmulski 2017:** O. Munteanu, V. Iarmulski, Pottery from the Poienеști-Lucașeuca culture settlement of Orheiul Vechi, Republic of Moldova. In: (Eds. A. Michałowski, M. Teska, P. Niedzielski, M. Żółkiewski) Settlements Pottery of the Pre-Roman Iron Age in Central European Barbaricum – new research perspectives (Poznań 2017), 67-93.
- Prien 2005:** R. Prien, Archäologie und Migration. Vergleichende Studien zur archäologischen Nachweisbarkeit von Wanderungsbewegungen (Heidelberg 2005).
- Quast 2017:** D. Quast, Das neue und das Wichtige – Migration und Werte in der Frühgeschichte. In: (Hrsg. H. Meller, F. Daim, J. Krause, R. Risch) Migration und Integration von der Urgeschichte bis zum Mittelalter (Halle 2017), 227-238.

- Schier 2013:** W. Schier, Mobilität und Wissenstransfer in prähistorischer und interdisziplinärer Perspektive. In: (Hrsg. E. Kaiser, W. Schier) Mobilität und Wissenstransfer in diachroner und interdisziplinärer Perspektive. Topoi – Berlin Studies of the Ancient World 9 (Berlin 2013), 1-10.
- Woronjatov 2020:** S. Woronjatov, Die Bastarnen und die Sarubintzy-Kultur. In: Ausstellungskatalog - Eisenzeit. Europa ohne Grenzen. 1 Jahrtausend v. Chr. (Sankt-Petersburg 2020).
- Воротинская, Дробушевский 2017:** Л.С. Воротинская, А.И. Дробушевский, Работы южно-белорусской экспедиции на могильнике зарубинецкой культуры Горошков в Гомельской области. АСГЭ 41, 2017, 294-299.
- Дробушевский 2016:** Зарубинецкая культура Белорусского Поднепровья. В: (Отв. ред. А.А. Коваленя, В.В. Данилович) Славяне на территории Белоруссии в догосударственный период (Минск: Белорусская наука 2016).
- Егорейченко 1999:** А.А. Егорейченко, Зарубинецкая культура. В: Археологія Беларусі. Т. 2. Жалезны век і ранняе еярэднявечча (Минск 1999), 232-289.
- Егорейченко 2000:** А.А. Егорейченко, Зарубинецкое селище в Давид-Городке. Stratum plus 4, 2000, 66-73.
- Еременко 1997:** В.Е. Еременко, «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура (Санкт-Петербург 1997).
- Еременко, Щукин 1998:** В.Е. Еременко, М.Б. Щукин, К вопросу о хронологии восточного латена и позднего предримского времени. АСГЭ 33, 1998, 61-89.
- Максимов 1971:** Е.В. Максимов, Зарубинецкое городище Пилипенкова гора. Археологія 4, 1971, 41-56.
- Максимов 1982:** Е.В. Максимов, Зарубинецкая культура на территории УРСС (Киев 1982).
- Пачкова 2006:** С.П. Пачкова, Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы (Киев 2006).
- Обломский 2000:** А.М. Обломский, Материалы зарубинецкого периода на поселении Литвиновичи-3 в среднем Посейме. Stratum plus 4, 2000, 141-155.
- Щукин 1994:** М.Б. Щукин, На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III до н.э. - I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе (Санкт-Петербург 1994).

Migrație din vest spre est: arheologia mobilității din epoca preromană recentă a fierului: exemplu – cultura Zarubintsy

Cuvinte-cheie: migrație, mobilitate umană, cultura Zarubintsy, epoca preromană recentă a fierului.

Rezumat: În articolul dat este abordată problema migrației și mobilității umane din epoca Latène târzie din Europa Centrală spre Nipru. Este cunoscut faptul că această mobilitate, care a început în a doua jumătate a secolului III a. Chr., a condus la apariția mai multor culturi arheologice, una dintre ele fiind cultura Zarubintsy.

Lista ilustrațiilor:

- Fig. 1. Culturile arheologice din epoca preromană recentă a fierului din Europa Centrală și de Sud-Est (după Hellström 2018).
- Fig. 2. Modul de parcurs al unei migrații (după Anthony 1990; Fernández-Götz 2014).
- Fig. 3. Răspândirea siturilor culturii Zarubintsy: a - în Ucraina (după Максимов 1982); b - în Bielorusia (după Егорейченко 1999).
- Fig. 4. Mormântul 4 din necropola de la Višenki (după Пачкова 2006).
- Fig. 5. Mormântul 17 din cimitirul de la Goroškov (după Воротинская, Дробушевский 2017).
- Fig. 6. Planul topografic al așezării de la Pilipenkova Gora (după Максимов 1971).
- Fig. 7. Planul topografic al sitului de la Babina Gora (după Максимов 1982).
- Fig. 8. Planul topografic al așezării de la David-Gorodok (după Егорейченко 2000).
- Fig. 9. Structuri arheologice de locuit din așezarea de la Pilipenkova Gora: 1 - L. 22; 2 - L. 25; 3 - L. 17; 4 - L. 15 (după Максимов 1971).
- Fig. 10. Structuri arheologice de locuit din așezările culturii Zarubintsy: 1 - locuință descoperită în așezarea de la Goroškov; 2 - L. 9 din situl de la Čaplin; 3 - L. 8 din așezarea de la Čaplin; 4 - locuință descoperită în așezarea de la Milograd (după Дробушевский 2016).
- Fig. 10. Recipiente de lut descoperite la Pilipenkova Gora (după Максимов 1971).
- Fig. 11. Ustensile de uz casnic, piese de port și ceramică grecească descoperită în situl de la Pilipenkova Gora (după Максимов 1971).
- Fig. 13. Ustensile de uz casnic și piese de port găsite în așezarea de la Litvinoči-3 (după Обломский 2000).
- Fig. 14. Răspândirea „căteilor de vatră” în Europa Centrală și de Sud-Est (după Babeș 1993; Michałowski, Teska 2012).
- Fig. 14. Răspândirea colonilor în formă de coroană în Europa Centrală și de Est (după Iarmulschi 2020).

Миграция с запада на восток: перемещения племен позднего предримского времени на примере зарубинецкой культуры

Ключевые слова: миграция, перемещения племен, зарубинецкая культура, позднее предримское время.

Резюме: В статье рассматривается вопрос миграции и перемещения племен из Центральной Европы к Днепру. Известно, что эти перемещения, начавшиеся во второй половине III века до нашей эры, привели к появлению нескольких археологических культур. Одна из них – зарубинецкая культура.

Список иллюстраций:

- Рис. 1. «Археологические культуры» позднего предримского времени в Центральной и Юго-Восточной Европе (по Hellström 2018).
- Рис. 2. Последовательность миграционного процесса (по Anthony 1990; Fernández-Götz 2014).
- Рис. 3. Памятники зарубинецкой культуры: а - на Украине (по Максимов 1982); б - в Беларуси (по Егорейченко 1999).
- Рис. 4. Погребение 29 – могильник Вишенки (по Пачкова 2006).
- Рис. 5. Погребение 17 – могильник Горошков (по Воротинская, Дробушевский 2017).
- Рис. 6. Топографический план поселения Пилипенкова Гора (по Максимов 1971).
- Рис. 7. Топографический план поселения Бабина Гора (по Максимов 1982).
- Рис. 8. Топографический план поселения Давид-Городок (по Егорейченко 2000).
- Рис. 9. Жилища из поселения Пилипенкова Гора: 1 - жилище 22; 2 - жилище 25; 3 - жилище 17; 4 - жилище 15 (по Максимов 1971).
- Рис. 10. Жилища Зарубинецкой культуры: 1 - жилище из поселения Горошков; 2 - жилище 9 из поселения Чаплин; 3 - жилище 8 из поселения Чаплин; 4 - жилище из поселения Милоград (по Дробушевский 2016).
- Рис. 11. Керамическая посуда из поселения Пилипенкова Гора (по Максимов 1971).
- Рис. 12. Орудия труда, греческая керамика и другие находки из поселения Пилипенкова Гора (по Максимов 1971).
- Рис. 13. Орудия труда и другие находки из поселения Литвиновичи-3 (по Обломский 2000).
- Рис. 14. Распространение «Feuerböcke» в Центральной и Юго-Восточной Европе (по Babeş 1993; Michałowski, Teska 2012).
- Рис. 15. Распространение «Kronenhalsringe» в Центральной и Восточной Европе (по Iarmulschi 2020).

06.04.2021

Dr. Vasile Iarmulschi, Muzeul Național de Istorie a Moldovei, str. 31 august 1989, 121A / Freie Universität Berlin, Fabeckstr. 23-25, 14195 Berlin, <https://orcid.org/0000-0002-9013-1973>, e-mail: vasile.iarmulschi@gmail.com

КЛЕЙМО НА ФРАГМЕНТЕ АМФОРЫ ТИПА DRESSSEL 6B ИЗ ТИРЫ

Денис Масюта

Ключевые слова: амфора, тип Dressel 6B, клеймо, римское время, Тира, римское военное присутствие.

В результате многолетних археологических исследований Тире была получена выразительная коллекция амфорной тары римского времени. Она представлена преимущественно причерноморскими амфорами, в то время как сосуды, произведенные в Восточном Средиземноморье, менее многочисленны. Единичные фрагменты можно отнести к продукции керамических мастерских, располагавшихся на побережье Адриатического моря. В данной статье рассматривается одна из этих, экзотических для понтийского региона, разновидностей тары¹.

Обломок амфоры был обнаружен в 1998 г. во время археологических раскопок на участке, который с запада прилегает к цитадели, в смешанном верхнем слое². Находка представляет собой фрагмент венца воронковидной формы, на внешней поверхности которого отсиснуто латинское клеймо OFFOCLO (рис. 1/1a-1c). Венец сохранился на высоту 8 см, а его восстанавливаемый диаметр равен 13 см. Он изготовлен из плотной, хорошо отмученной формовочной массы, содержащей визуальную различимые мельчайшие блестки слюды, редкие железистые и известняковые включения, а также примеси светлых частиц, которые не удается идентифицировать. Цвет глины желтовато-красный. Внешняя и внутренняя поверхность фрагмента покрыта светло-беже-

вым ангобом. Подобное оформление венца, а также визуальные признаки глины в целом характерны для амфор типа Dressel 6B – редкой разновидности керамической тары, которая ранее не была известна в материалах Тире³.

Такие сосуды вошли в самую первую типологию амфорной тары римского времени, составленную Г. Дресселем в конце XIX в. (Dressel 1899, pl. II/6). Впервые на морфологическую неоднородность этих амфор обратил внимание П. Балдаччи, которой отнес их к формам II и III по собственной классификации (Baldacci 1966-1967, 14-15, 49). В дальнейшем Э. Буччи, основываясь на различиях в морфологии, разделил амфоры типа Dressel 6 на две группы, обозначенные буквами A и B (Buchi 1973, 547-553, fig. 5/6). Некоторые исследователи, напротив, рассматривают их как одну разновидность керамической тары. Так, у Дж. Райли они объединены в Early Roman Amphora 5 (Riley 1979, 151-157, fig. 74/123; 75/124-131), а у П. Дычека – в тип 6 (Dyczek 2001, 82-89, fig. 40). Однако в археологической литературе для идентификации таких сосудов чаще всего используют классическое определение Г. Дресселя с разделением, предложенным Э. Буччи. Отметим, что амфоры, соответствующие типу Dressel 6B, Д.П.С. Пекок и Дж.Ф. Вильямс отнесли к форме C класса 8 (Peacock, Williams 1991, 99-101, fig. 34), О. Брукнер – к типам 8 и 9 (Brukner 1981, 45, 123, t. 158; 159; 160/50, 53), М.Х. Келемен – к типам 5 и 6 (Kelemen 1987, 10-31, fig. 1-3), Л. Белаяц – к типу I (Bjelajac 1996, 13-19, sl. I, II).

³ Следует отметить, что неидентифицированные частицы не упоминаются в описании визуальных характеристик глины амфор типа Dressel 6B (Peacock, Williams 1991, 100; Ardeț 2006, 68), цвет которой у разных экземпляров может отличаться и быть темно-желтым, темно-желтым с кремовым оттенком (Peacock, Williams 1991, 100, 101), красно-оранжевым, желтовато-красным (Bjelajac 1996, 13, 19) или светло-коричневым (Ardeț 2006, 68).

¹ Статья является расширенной и доработанной версией тезисов доклада на международной конференции «Patrimoniul cultural: cercetare, valorificare, promovare», которая проводилась в Кишиневе 29-31 октября 2019 года (Масюта 2019а, 63-64).

² А.А. Росохацкий, Г.В. Батизат, Т.Л. Самойлова, И. Кындя, В. Кожокару, И. Оприш, Отчет о работе Белгород-Тирской экспедиции Института археологии НАН Украины при участии Института фракологии Румынии в 1998 г. Научный архив Института археологии НАН Украины. Инв. № 1998/54, с. 8, 38, рис. 26/1.

Для амфор типа Dressel 6B характерна воронковидная форма венца, постепенно расширяющееся книзу горло, которое плавно переходит в яйцевидное (иногда почти овальное) тулово, и невысокая, цилиндрическая ножка. Последняя у некоторых экземпляров имеет полукруглое утолщение у подошвы. Круглые в сечении ручки одним концом крепятся под венцом, другим – к плечам сосуда (рис. 1/2–4) (Buchli 1973, fig. 6; Van den Berg 2012, fig. 8).

Общая высота большинства изделий колеблется от 80 до 90 см, хотя у некоторых экземпляров достигает 100 см (Cipriano 2009, 184). Диаметр венца составляет 13-16 см, а максимальный диаметр тулова – 35-40 см (Bezeczky 2005, 48; Ardeț 2006, 68). Из Сингидунума происходит сосуд высотой всего 75 см, с максимальным диаметром лишь 25 см (рис. 1/3) (Vjelajac 1996, 19, sl. I/18). Примечательно, что выпуск небольших амфор сначала осуществлялся параллельно с изготовлением полноразмерной тары, а на заключительной фазе производства стал преобладающим (Cipriano 2009, 184).

Следует также упомянуть об амфорах типа *Bónis XXXI/5*, которые имеют те же морфологические характеристики, что и исследуемая разновидность керамической тары, однако отличаются значительно меньшими размерами. Их общая высота составляет 32-39 см, диаметр венца равен 6,0-7,7 см, а максимальный диаметр тулова – 12-17 см (Bezeczky 2005, 66). Скорее всего, эти изделия следует рассматривать не в качестве отдельного типа тары, а как морфологический вариант амфор типа Dressel 6B.

В результате петрографических анализов состава керамической массы амфор типа Dressel 6B было установлено, что она содержит мелкие зерна кварца, пластинки слюды и изредка известняковые и железистые частицы (Peacock, Williams 1991, 101, fig. 36).

Прототипом для исследуемой разновидности керамической тары послужили «адриатические яйцевидные» амфоры (*“Adriatic ovoid” amphorae*), которые предназначались для транспортировки оливкового масла (Carre, Pesavento Mattioli 2003, 459, 460, tav. I; Bezeczky 1998, 233, 235). Их изготавливали с конца II в. до н.э. по середину второго десятилетия I в. н.э. в керамических мастерских, рас-

полагавшихся вблизи Брундизия (современный г. Бриндизи на юге Апеннинского полуострова) и в Центральной Италии (Bezeczky 2013, 110-112).

Основным местом производства амфор типа Dressel 6B считается Истрийский полуостров в Северо-Восточной Адриатике (Vjelajac 1996, 14; Matijašić 1993, 248; Tassaux 2001, 506; Cipriano, Mazzocchin 2019, 236). Истрия упоминается на клеймах, оттиснутых на некоторых сосудах этого типа – *De Imp(eratoris praedis) Histri(cis)* (Cipriano 2009, 175). Кроме того, из Магдаленсберга происходят два экземпляра интересующей нас разновидности керамической тары, на поверхности которых нанесены *tituli picti*, указывающие на находившееся в них истрийское масло (Bezeczky 1998, 236).

Эпиграфические данные дополняются материалами археологических раскопок на Истрийском полуострове. Так, остатки керамической мастерской, принадлежавшей семье *Laecanis* и выпускавшей амфоры типа Dressel 6B, были открыты около Пулы – в Фажане (Cipriano 2016, 154). Производственный комплекс располагался также в *villa maritima* Лорон (рядом с современным г. Пореч) (Bezeczky 2005, 50; Cipriano, Mazzocchin 2019, 236, 237). Изготовление амфор на Истрийском полуострове началось в конце I в. до н.э. (Bezeczky 1998, 235) и продолжалось почти до середины II в. н.э. (Dyczek 2001, 87; Van den Berg 2012, 222). Итальянские исследователи продлевают время бытования этой разновидности керамической тары до начала III в. н.э. (Carre, Pesavento Mattioli 2003, 460, tav. II) и даже до IV в. н.э. (Cipriano, Mazzocchin 2019, 236).

Амфоры типа Dressel 6B изготавливали также на территории Апеннинского полуострова. Остатки мастерских зафиксированы в Потенца-Пичена и Порто-Реканати, которые расположены на западном побережье Адриатического моря (Carre, Monsieur, Pesavento Mattioli 2014, 423). Вероятно, производственные комплексы находились и в Северной Италии. Так, петрографические анализы указывают на то, что часть амфор типа Dressel 6B сформована из глины, происходящей из холмистой местности около Тревизо или района горы Монте Пиана (Cipriano, Mazzocchin 2019, 236). Выпуск этих сосудов, в отличие от истрийских, не был столь продолжительным.

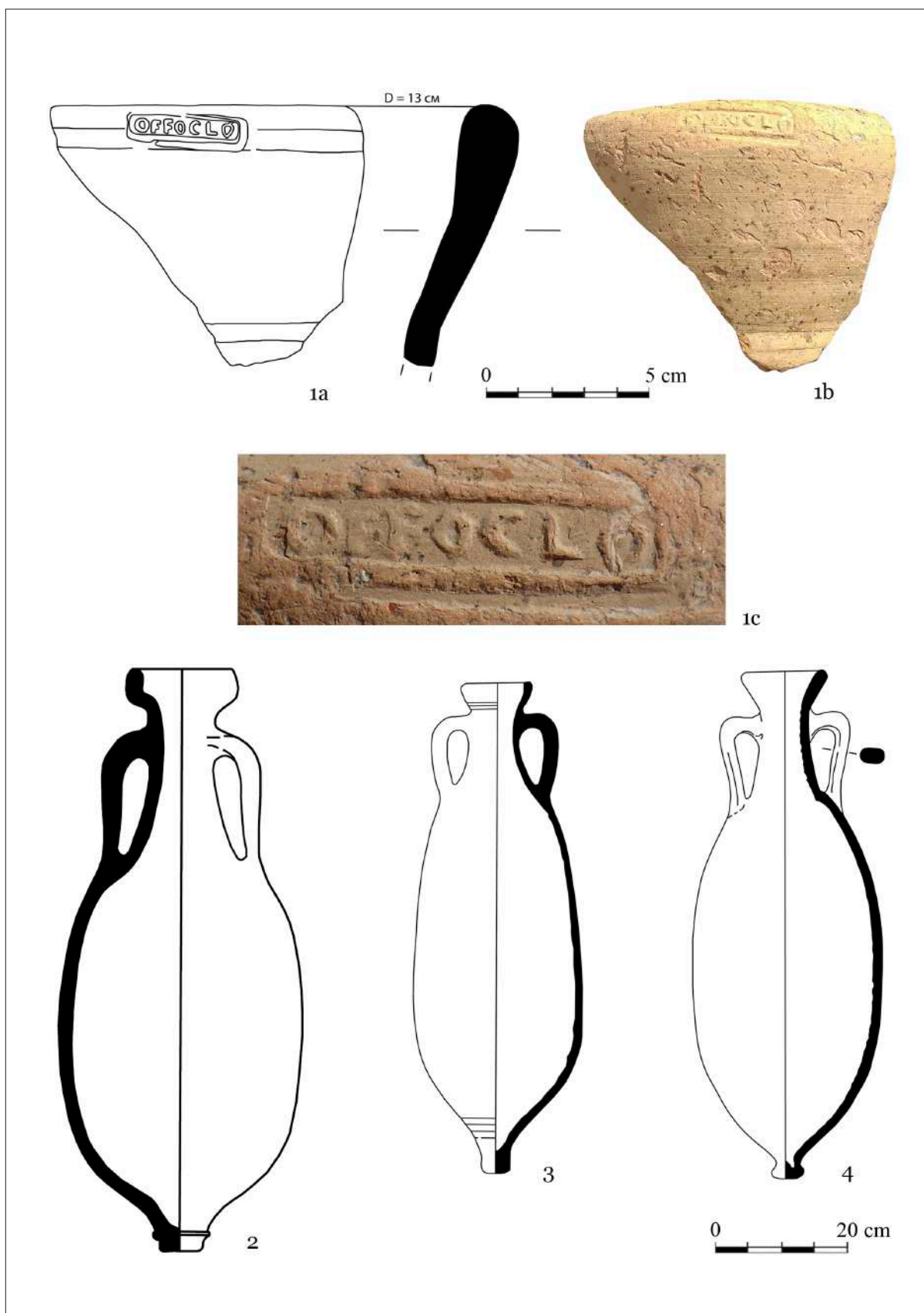

Рис. 1. Амфоры типа Dressel 6B: 1a-1c - Тура; 2 - Верона (по Peacock, Williams 1991, fig. 34/C); 3 - Сингидунум; 4 - Виминаций (по Vjelajac 1996, sl. I/11, 18).

Амфоры, принадлежащие к италийскому производству, изготавливали с конца республиканской эпохи по 70 г. н.э. (Carre, Pesavento Mattioli 2003, 460–462, tav. I).

Большинство исследователей сходятся во мнении, что в амфорах типа Dressel 6B транспортировали оливковое масло. На это указывают нанесенные на них *tituli picti* (Bezeczky 1998, 236; Bezeczky 2005, 50; Cipriano 2009, 175). В римскую эпоху Истрия была традиционным производителем и экспортером этого продукта (Bjelajac 1996, 14; Matijašić 1993, 248). Оливковое масло еще с республиканских времен изготавливали и на Апеннинском полуострове (Carre, Pesavento Mattioli 2003, 459, 460), где, как уже отмечалось выше, также выпускали подобные сосуды.

Вместе с тем, исследуемый вид тары могли вторично использовать для перевозки рыбных соусов, таких как *liquamen* и *lymphatum*, которые иногда упоминаются в *tituli picti* (Carre, Pesavento Mattioli, Belotti 2009, 217, 218; Cipriano 2009, 173, 175; Van Neer, Ervynck, Monsieur 2010, 166).

Оливковое масло, содержащееся в амфорах типа Dressel 6B, пользовалась наибольшей популярностью на севере Италии, особенно в населенных пунктах, расположенных в долине реки По (Van den Berg 2012, 222, fig. 8). Оно в большом количестве поступало также в римские провинции: Реция, Норик и Паннония (Tassaux 2001, 517; Cipriano 2009, 175). Отдельные партии товаров в амфорах типа Dressel 6B достигали Пеннинских Альп, к западу от которых, как и в Восточном Средиземноморье, эта разновидность керамической тары распространения не получила (Van den Berg 2012, fig. 8).

Во второй половине I в. н.э., вероятно, из-за конкуренции со стороны бетийского оливкового масла, спрос на товары в амфорах типа Dressel 6B идет на спад (Van den Berg 2012, 222). В последней четверти I в. н.э. товарное производство оливкового масла в Италии останавливается, в результате чего керамические мастерские, располагавшиеся на территории Апеннинского полуострова, прекращают свое функционирование. Что касается Истрии, то массовый выпуск здесь продолжается, однако в поисках рынков сбыта для своей продукции производители были вынуждены переориен-

тироваться на дунайские провинции Римской империи. С последней четверти I – начала II вв. н.э. начинается поступление амфор типа Dressel 6B в Верхнюю и Нижнюю Мезию (Bjelajac 1996, 15; Dyczek 2001, 88), а с начала II в. н.э. – в Паннонию и Дакию (Ardeț 2006, 68). Причем количество находок интересующей нас разновидности тары значительно сокращается вниз по течению Дуная. На территории Нижней Мезии они буквально единичны и были обнаружены при исследовании Димума и Новы – пунктов дислокации войск Римской империи (Dyczek 2001, 84). Необходимо отметить, что восточнее этих археологических памятников амфоры типа Dressel 6B ранее не встречались.

Немногочисленные находки фрагментов таких сосудов в Верхней и Нижней Германии связывают с перемещением римских отрядов из Подунавья (Van den Berg 2012, 222). Возможно, таким же образом амфора исследуемого типа могла попасть и в Тиру. Здесь во II в. – первой половине III в. н.э. на территории цитадели располагалась вексиляция, состоявшая из военнослужащих Римской империи, переведенных из Нижней Мезии (Карышковский, Клейман 1985, 98–101; Сон 1993, 31; Зубарь, Сон 1999, 119, 122; Samoylova 2007, 458).

Ранее нами уже была предпринята попытка проследить взаимосвязь между поставками экзотических вин для римской армии и поступлением в Тиру амфор типов VIII по А. Опайцу (Масюта 2018, 97, 98) и I (I) по Т.Л. Самойловой (Масюта 2019b, 106, 107). Помимо вина солдаты Римской империи обеспечивались всеми необходимыми продуктами, в том числе оливковым маслом (Klenina 2005, 403). В военные лагеря, располагавшиеся в Нижней Мезии, оно поступало в основном из Эгеиды (Klenina 2005, 403; Noncu, Stănică 2019, 212–214). Доля истрийского оливкового масла в Нижнем Подунавье, судя по количеству находок амфор типа Dressel 6B, была незначительной. Вероятно, таким же образом снабжалась и вексиляция, которая дислоцировалась в Тире.

На то, что содержимое сосуда типа Dressel 6B, фрагмент которого мы публикуем, предназначалось для римского гарнизона Тире, косвенно указывает место его находки. Как

уже отмечалось выше, он был обнаружен при исследовании участка городища, прилегающего к цитадели.

Однако виду того, что находка происходит из смешанного напластования, установление времени поступления амфоры в этот античный город вызывает затруднения. Более узко датировать этот сосуд, чем общими хронологическими рамками бытования амфор типа Dressel 6B, а также определить регион его производства может помочь изучение нанесенного на него клейма.

Как правило, штампы оттискивали на венцах, реже на ручках амфор типа Dressel 6B (Bezeczky 2005, 49). Причем клеймилась не вся партия сосудов, а лишь ее часть. Оттиски содержат информацию о керамической мастерской (*officina*)⁴, в которой эти амфоры были изготовлены. Так, легенда каждого клейма является сокращением имени владельца мастерской (*dominus*) или управляющего (*officinator*), отвечающего за процесс производства амфорной тары (Bezeczky 1998, 235; Dyczek 2001, 84). Известны экземпляры, на которых проставлены сразу два клейма, одно из которых указывает на владельца производственного комплекса, а другое – на официнатора (Cipriano, Mazzocchin 2019, 237). Со второй половины I в. н.э. амфоры типа Dressel 6B начали клеймить императорскими штампами (Dyczek 2001, 86), которые содержат имена многих правителей, от Веспасиана по Адриана включительно (Kelemen 1993, 67; Bezeczky 2005, 49, 50). Такие отметки следует рассматривать в качестве свидетельства перехода этих производственных комплексов в императорскую собственность (Bezeczky 2005, 51; Cipriano, Mazzocchin 2019, 237).

Что касается клейма, найденного в Туре, то оно представляет собой текст на латыни, заключенный в двойную прямоугольную рамку. Штамп четко оттиснут, благодаря чему легенда хорошо читается: надпись OFFOCLO выполнена рельефными буквами в одну строку (рис. 1/1с). Существует два варианта расшифровки такой аббревиатуры. М.Х. Келемен и Ф. Тассокс независимо друг от друга предложили ее прочтение [EX] OFF(icina)

⁴ Иногда для обозначения керамической мастерской использовался термин «*figlina*», который также может значить «глиняный карьер» (Cooley 2012, 187).

OCLO(...) (Kelemen 1987, 42, 44; Tassaux 2001, 532). О. Брукнер, восстанавливает легенду клейма как OFF(icina) OC(tavianus) LO(nginus) (Brukner 1990, 206). Несмотря на различия в интерпретации надписи, исследователи сходятся во мнении, что литеры OFF являются сокращением слова *officina* (мастерская).

До настоящего времени находки клейм с такой легендой были известны исключительно на археологических памятниках, расположенных в Подунавье. Они происходят преимущественно из Паннонии: два экземпляра обнаружены в Сирмии (рис. 2/4; 3/5) (Brukner 1981, 123, t. 158/31, 34), один – в Тевтобургии (рис. 2/5) (Brukner 1981, 123, t. 158/33). На территории этой провинции, в лагере ауксилариев в Карнунтуме найден фрагмент амфоры, на венце которой оттиснут похожий штамп, однако в надписи OFFOCLO последняя буква заменена на лист плюща (*hedera*) (Bezeczky 2005, 63)⁵.

Амфоры типа Dressel 6B с оттисками OFFOCLO поступали и в другие провинции Римской империи. Так, один обломок был обнаружен при раскопках Трансдиерны в Верхней Мезии (рис. 2/1) (Bjelajac 1996, 19, sl. I/16). Он, как и фрагмент из Карнунтума, отличается небольшим диаметром венца. Еще две находки были сделаны в с. Банатска-Паланка, расположенном на левом берегу реки Дунай (рис. 2/2, 3) (Brukner 1990, 202, 206, t. 4, 4; Ardeț 2006, 68, 156, 216, fig. 88, pl. II/29)⁶.

Здесь находился римский военный лагерь, который в научной литературе называют *Transludrata* (Gudea 1997, 25, Abb. 5/6) или

⁵ По мнению Т. Бежецкого этот фрагмент относится к амфоре типа *Bónis XXXI/5*.

⁶ К сожалению, в научных работах существует путаница с находками сосудов типа Dressel 6B, обнаруженными в регионе Банат. В монографии А. Ардеца, посвященной амфорам Римской Дакии, допущены неточности в локализации лагеря *Apus Flumen*, из которого происходит один из оттисков OFFOCLO. В подписях к карте Дакии румынский исследователь располагает его у г. Бела-Црква (*Biserica Albă*), а в тексте каталога – уже в с. Банатска-Паланка (Ardeț 2006, 63, 216, fig. 10). В свою очередь, О. Брукнер, в подстрочном примечании к тексту своей статьи, приводит сведения о том, что на двух экземплярах, найденных в Банатска-Паланка, оттиснуты клейма OFFOCLO. Однако в подписях к иллюстрации с горловиной амфоры, содержащей такой оттиск, указывает, что она происходит из Ковачице (Brukner 1990, 206, t. 4/4). По-видимому, в этих работах идет речь о двух амфорах, обнаруженных в римском лагере Банатска-Паланка. Одну из находок опубликовала О. Брукнер, а другую – А. Ардец.

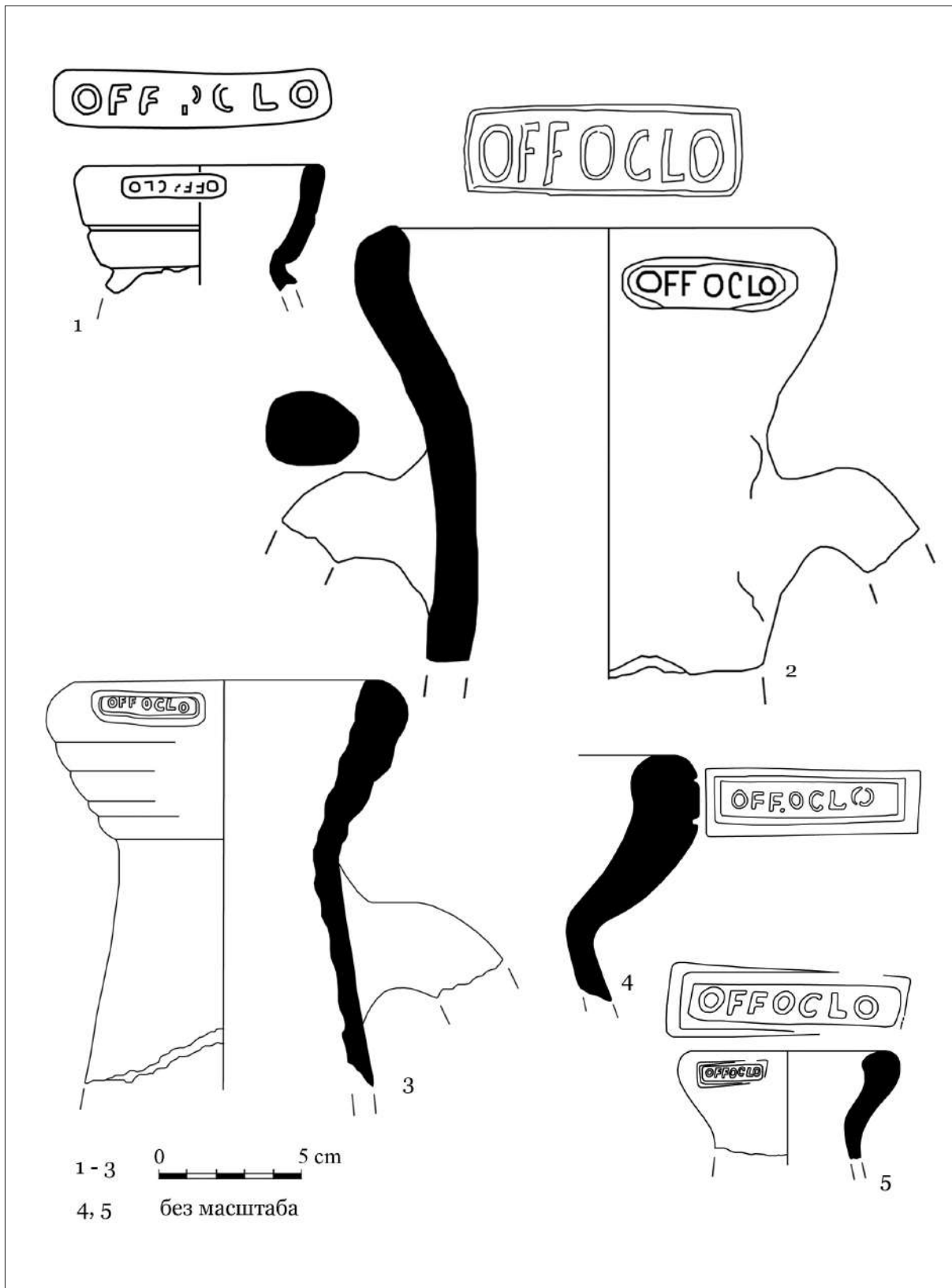

Рис. 2. Фрагменты амфор типа Dressel 6B с клеймами OFFOCLO: 1 - Трансдьерна (по Vjelajac 1996, sl. I/16); 2, 3 - Банатска-Паланка (по Brukner 1990, t. 4/4; Ardeț 2006, fig. 88, pl. II/29); 4 - Сирмий; 5 - Тевтобургий (по Brukner 1981, t. 158/31, 33).

Arus Flumen (Ardeț 2006, 297). Его гарнизон контролировал переправу через Дунай из Римской Дакии в Верхнюю Мезию⁷. Интересно, что на территории Нижней Мезии амфоры с оттиском OFFOCLO пока не были выявлены.

Ни одну из перечисленных выше находок не удается датировать узко. Амфоры из Сирмия, Тевтобургия, Трансдиерны не имеют надежного хронологического контекста. Сосуды, обнаруженные в Банатска-Паланка, О. Брукнер датирует I-II вв. н.э. (Brukner 1990, 202, 206), то есть в общих временных рамках бытования, установленных ею для подобной тары (Brukner 1981, 45). Ф. Тассокс отметил, что опубликованный исследовательницей экземпляр морфологически, а также оформлением клейма, отличается от амфор типа Dressel 6B, производившихся в I в. н.э. (Tassaux 2001, 532). А. Ардец относит вторую находку, введенную им в научный оборот, ко II в. н.э. (Ardeț 2006, 216). Рассматриваемые амфоры не могут быть датированы I в. н.э., так как организация римских военных лагерей на территории Дакии, в том числе и в Банатска-Паланка, стала возможной не ранее начала следующего столетия.

Оттиски на интересующих нас амфорах выполнены несколькими штампами, различающимися оформлением легенды. Наиболее распространена сплошная надпись OFFOCLO. Она размещена на клеймах из Тиры, Тевтобургия, Трансдиерны и на обоих экземплярах, найденных в Банатска-Паланка (рис. 1/1а-1с; 2/1-3, 5). Два других варианта ее исполнения зафиксированы в Сирмии: OFF.OCLO и OFFOC.LO (рис. 2/4; 3/5).

Кроме того, клейма оттиснуты на венцах с неодинаковыми толщиной, высотой и изгибом. М.Х. Келемен при систематизации керамической тары из Паннонии, основываясь на этих различиях, даже отнес сосуды с оттиском OFFOCLO к двум отдельным типам (Kelemen 1987, 11, 15, 42, 44). Оформлением клейма и профилировкой венца находка из Тиры наиболее близка к горловине одной из амфор, обнаруженных в Банатска-Паланка (рис. 2/3)

(Brukner 1990, t. 4/4). Венцы у них имеют слабый изгиб, а место перехода в горло очерчено четко.

К сожалению, сведения о визуальных характеристиках глины рассматриваемой амфоры из Банатска-Паланка отсутствуют. Это замечание касается большинства находок с интересующим нас оттиском штампа. При их публикации исследователи в лучшем случае ограничиваются указанием цвета черепка. Так, у сосуда из Трансдиерны он желтовато-красный (Vjelajac 1996, 19), а у амфоры, выявленной в Карнунтуме – красновато-коричневый (Bezeczku 2005, 63). Детальное описание глины приведено лишь для второго экземпляра из Банатска-Паланка. Ее цвет кирпично-красный, а состав в целом довольно близок к глине тирасской находки (Ardeț 2006, 156). Однако последняя, как уже отмечалось, содержит визуально различимые неидентифицированные светлые частицы, которые, возможно, являются искусственными примесями.

Клейма с одинаковыми легендами, оттиснутые на рассматриваемых амфорах, указывают на то, что они являются продукцией одного производственного центра. Не исключено, что эти сосуды были изготовлены в разных керамических мастерских, принадлежащих одному владельцу, чье имя зашифровано в аббревиатуре OCLO. Если изменения в цвете глины сосудов могут быть вызваны изменениями режима их обжига, то различия в профилировке венцов нельзя объяснить отсутствием в мастерской четкой стандартизации производства. Более вероятно, что формовка этих амфор осуществлялась несколькими гончарами, контроль над которыми осуществляли разные официнаторы.

Отметим, что, судя по находкам из Трансдиерны и Карнунтума, в этом производственном центре выпускали и амфоры значительно меньших размеров, но морфологически соответствующие типу Dressel 6B.

Помимо OFFOCLO, на OFF начинаются легенды еще двух групп клейм, нанесившихся на амфоры типа Dressel 6B. Первая группа представлена одним экземпляром оттиска OFFCOS..., обнаруженным в Сирмии (рис. 3/6) (Brukner 1981, 123, t. 158/32). Вторая состоит из 4 клейм с легендой OFFDAS, большинство из которых происходит с территории Верхней

⁷ По мнению О. Брукнер, укрепленное поселение Банатска-Паланка не было включено в провинцию Дакия, а находилось на приграничной территории, между римским государством и Барбарикумом (Brukner 1990, 202).

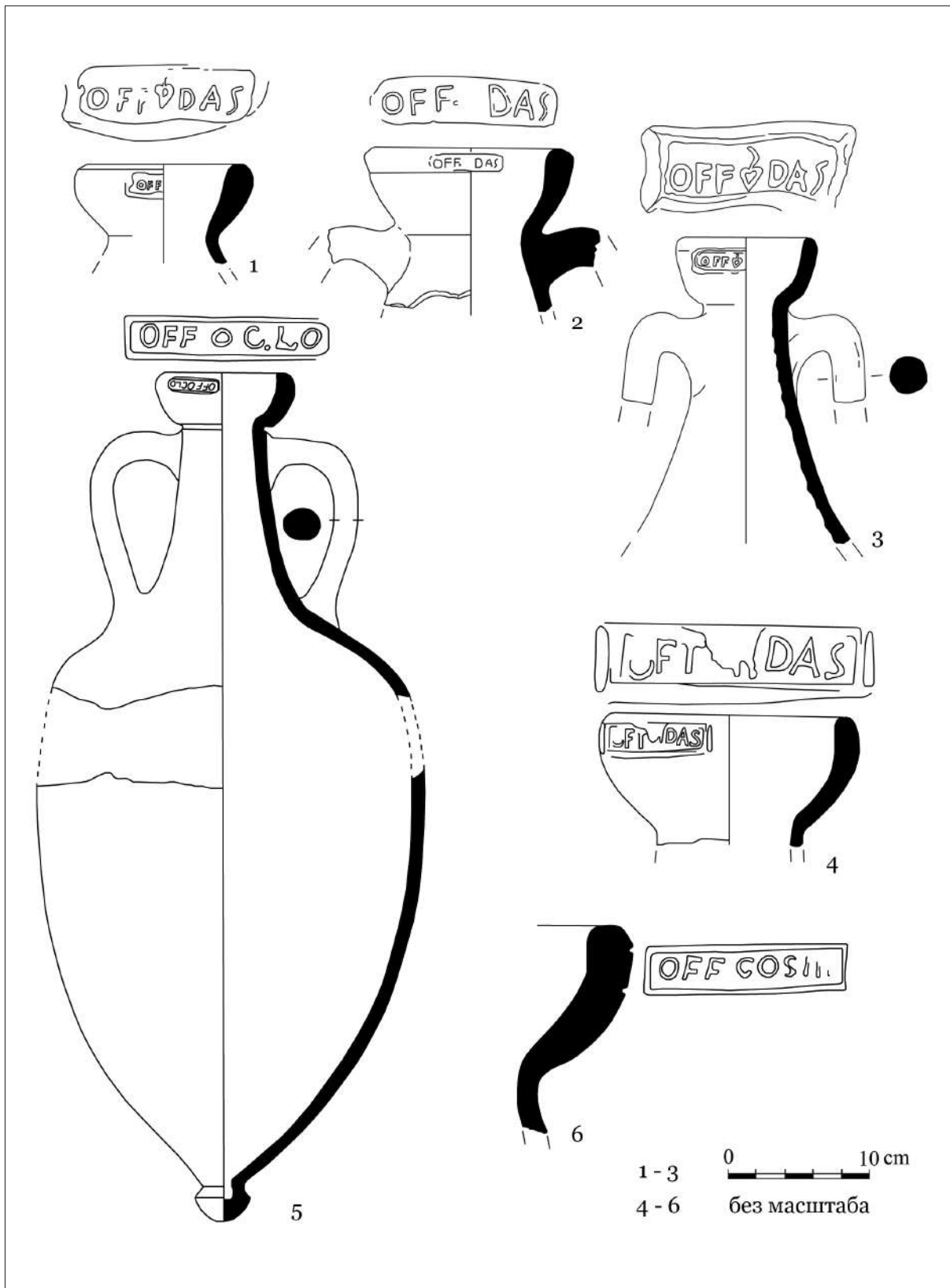

Рис. 3. Фрагменты амфор типа Dressel 6B с клеймами OFFDAS (1-4), OFFCLO (5), OFFCOS... (6):
 1, 3 - Виминаций; 2 - Трансдиерна (по Vjelajac 1996, sl. I/14, 15, II/13); 4 - Цибала; 5, 6 - Сирмий
 (по Brukner 1981, t. 158/32, 34, 159/41).

Мезии. На двух оттисках, найденных в Виминации, между буквами F и D размещено изображение листа плюща (рис. 3/1, 3) (Vjelajac 1996, 18, 19, sl. I/14, sl. II/13). Причем эти оттиски выполнены разными штампами. В Трансдиерне выявлена горловина амфоры с клеймом OFF.DAS, но без листа плюща (рис. 3/2) (Vjelajac 1996, 19, sl. I/15). Из Цибалы в Паннонии происходит венец амфоры типа Dressel 6B с похожим оттиском, на котором частично утрачены литеры (рис. 3/4) (Brukner 1981, 123, t. 159/41).

Как и в случае с клеймом OFFOCLO, первые три буквы легенды на этих оттисках могут быть сокращением слова officina, а последующие – имени ее владельца (Brukner 1981, 123; Kelemen 1987, 43, 44).

М.Х. Келемен обратил внимание на то, что для клейм, которые начинаются на OFF, характерна двойная рамка, отличающая их от всех остальных оттисков на амфорах типа Dressel 6B (Kelemen 1987, 31)⁸. К тому же на нескольких штампах с разными легендами вырезано изображение листа плюща, который, вероятно, служил своеобразной эмблемой. Общие черты в оформлении клейм могут свидетельствовать об изготовлении этих сосудов в одном производственном регионе. По мнению М.Х. Келемена, их выпускали в нескольких керамических мастерских, которые могли находиться в Аквилее (Kelemen 1987, 31). Однако на территории этого города, а также в его округе, остатки таких комплексов не зафиксированы. По-видимому, амфоры с рассматриваемыми оттисками являются продук-

цией нелокализованного производственного центра, который располагался на Истрийском полуострове, где с последней четверти I в. н.э. было сосредоточено изготовление всей тары типа Dressel 6B. Выпускавшие их мастерские находились в частном владении, тогда как часть функционировавших на побережье Адриатического моря керамических производственных комплексов к этому времени уже перешла в императорскую собственность.

Таким образом, судя по опубликованным материалам, Тира является самым восточным пунктом распространения амфор типа Dressel 6B. Амфора, фрагмент которой был обнаружен при археологических исследованиях этого памятника, была произведена в одной из керамических мастерских, располагавшихся на территории Истрийского полуострова в Северо-Восточной Адриатике и обозначавших свою продукцию штампом OFFOCLO. Изучение керамических клейм позволило установить, что такие амфоры могли быть ввезены в Тиру из Нижнего Подунавья не ранее начала II в. н.э. Оливковое масло, содержавшееся в рассматриваемой таре, возможно, было частью продовольствия, которым снабжались военнопленные римских войск, выведенной в этот город из Нижней Мезии. Единичная находка амфоры типа Dressel 6B указывает на то, что поставки истрийского оливкового масла в Тиру не были регулярными. Вероятно, потребности римского гарнизона, как и гражданского населения города, в этом продукте удовлетворялись преимущественно за счет товаров, поступающих из Эгеиды.

Библиография

- Зубарь, Сон 1999:** В.М. Зубарь, Н.А. Сон, Нови археологични данни про римську залогу. Археологія 3, 1999, 118-123.
- Карышковский, Клейман 1985:** П.О. Карышковский, И.Б. Клейман, Древний город Тира (Київ 1985).
- Масюта 2018:** Д.О. Масюта, Про один рідкісний тип амфор римського часу з Тіри. Археологія 3, 2018, 94-101.
- Масюта 2019a:** Д.А. Масюта, Клеймо на амфоре типа Dressel 6B из Тиры. Patrimoniul cultural: cercetare, valorificare, promovare. В: Conferința științifică internațională, Chișinău, 29-31 octombrie 2019 (Chișinău 2019), 63-64.
- Масюта 2019b:** Д.А. Масюта, Псевдородосские амфоры из Тиры (II – первая половина III вв. н.э.). Revista Arheologică s.n. XV/2, 2019, 100-110.
- Сон 1993:** Н.А. Сон, Тира римского времени (Київ 1993).

⁸ Однако существуют исключения. Например, на венцах амфор, обнаруженных в Трансдиерне, текст клейма заключен в простую рамку. Отметим, что оттиск штампа OFFOCLO выполнен перевернуто.

- Ardeț 2006:** A. Ardeț, Amforele din Dacia Romană (Timișoara 2006).
- Baldacci 1967-1968:** P. Baldacci, Alcuni aspetti dei commerci dei territori Cisalpini. *Atti Centro Studi e Documentazione sull'Italia Romana* 1, 1967-1968, 7-50.
- Bezeczky 1998:** T. Bezeczky, Amphora types of Magdalensberg. *Arheološki vestnik* 49, 1998, 225-242.
- Bezeczky 2005:** T. Bezeczky, Roman amphorae from Vindobona. In: (Ed. F. Krinzinger) *Vindobona: Beiträge zu ausgewählten Keramikgattungen in ihrem topographischen Kontext. Archäologische Forschungen, Band 12* (Wien 2005), 35-108.
- Bezeczky 2013:** T. Bezeczky, The Amphorae of Roman Ephesus. *Forschungen in Ephesos XV*, 1 (Wien 2013).
- Bjelajac 1996:** L. Bjelajac, Amfore gornjo mezijskog Podunavlja (Belgrade 1996).
- Brukner 1981:** O. Brukner, Rimska keramika u Jugoslovenskom delu provincije donje Panonije. *Dissertationes et monographiae T. XXIV* (Beograd 1981).
- Brukner 1990:** O. Brukner, Rimski nalazi u jugoslovenskom delu barbarikuma – Bačka i Banat. *Arheološki vestnik* 41, 1990, 199-216.
- Buchi 1973:** E. Buchi, Banchi di anfore romane in Verona. Note sui commerci cisalpini. Il territorio veronese in età romana. In: *Atti del Convegno, Verona, 22-23-24 ottobre 1971* (Verona 1973), 531-637.
- Carre, Pesavento Mattioli 2003:** M.-B. Carre, S. Pesavento Mattioli, Tentativo di classificazione delle anfore olearie adriatiche. *Aquileia Nostra LXXIV*, 2003, 453-475.
- Carre, Pesavento Mattioli, Belotti 2009:** M.-B. Carre, S. Pesavento Mattioli, C. Belotti, Le anfore da pesce adriatiche. Olio e pesce in epoca romana. Produzione e commercio nelle regioni dell'alto Adriatico. In: *Atti del Convegno, Padova, 16 febbraio 2007* (Rome 2009), 215-238.
- Cipriano 2009:** S. Cipriano, Le anfore olearie Dressel 6B. Olio e pesce in epoca romana. Produzione e commercio nelle regioni dell'alto Adriatico. In: *Atti del Convegno, Padova, 16 febbraio 2007* (Rome 2009), 173-189.
- Cipriano 2016:** S. Cipriano, Anfore Lamboglia 2, Dressel 6A e Dressel 6B dal piazzale della cattedrale di Ivria Concordia: nuovi dati. Le iscrizioni con funzione didascalico-esplicativa. Committente, destinatario, contenuto e descrizione dell'oggetto nell'instrumentum in scriptum. In: *Atti del VI. Incontro Instrumenta in scripta, Aquileia, 26-28 marzo 2015. Antichità Altoadriatiche LXXXIII* (Trieste 2016), 145-158.
- Cipriano, Mazzocchin 2019:** S. Cipriano, S. Mazzocchin, Dressel 6B and Dressel 6A's oil and wine production in North Italy and the Adriatic western coast (1st century BC - 2nd century AD). In: (Ed. J. Remesal Rodríguez, V. Revilla Calvo, D.J. Martín-Arroyo Sánchez, A. Martín Oliveras) *Productive landscapes and trade networks in the Roman Empire* (Barcelona 2019), 233-246.
- Cooley 2012:** A.E. Cooley, *The Cambridge Manual of Latin Epigraphy* (Cambridge 2012).
- Dressel 1899:** H. Dressel, *Corpus Inscriptionum Latinarum XV, Pars 2, Fasc. 1* (Berlin 1899).
- Dyczek 2001:** P. Dyczek, *Roman Amphorae of the 1st-3rd Centuries AD Found on the Lower Danube. Typology* (Warsaw 2001).
- Gudea 1997:** N. Gudea, Der Dakische Limes. Materialien zu seiner Geschichte. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz* 44, 2, 1997, 1-113.
- Honcu, Stănică 2019:** Șt. Honcu, A.D. Stănică, Roman Amphorae discovered at the Headquarters of Noviodunum on the Lower Danube. In: (Ed. L. Mihailescu-Bîrliba, W. Spickermann) *Roman Army and Local Society in the Limes Provinces of the Roman Empire* (Rahden/Westfalia 2019), 205-227.
- Kelemen 1987:** M.H. Kelemen, Roman amphorae in Pannonia. *North Italian Amphorae. Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae XXXIX*, 1987, 3-45.
- Kelemen 1993:** M.H. Kelemen, Roman amphorae in Pannonia IV. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae XLV*, 1993, 45-73.
- Klenina 2005:** E. Klenina, Supply of the Legio I Italica at Novae (Moesia Inferior) and Tauric Chersonesos. *Limes XIX. Proceeding of the XIXth International Congress of Roman Frontier Studies. Pécs, Hungary, September 2003* (Pécs 2005), 403-414.
- Matijašić 1993:** R. Matijašić, Oil and wine production in Istria and Dalmatia in classical antiquity and the early middle ages. In: (Ed. M.-C. Amouretti, J.-P. Brun) *La production du vin et de huile en Méditerranée – Oil and Wine Production in the Mediterranean Area. Ecole Française d'Athènes. Bulletin de Correspondance Hellenique. Suppl. XXVI*, 1993, 247-261.
- Peacock, Williams 1991:** D.P.S. Peacock, D.F. Williams, *Amphorae and the Roman economy: An Introductory Guide* (London-New York 1991).
- Riley 1979:** J. Riley, The Coarse Pottery from Berenice. In: (Ed. J.A. Lloyd) *Excavations at Sidi Khrebish Benghazi (Berenice)*, vol. II (Tripoli 1979), 91-467.
- Samoylova 2007:** T.L. Samoylova, Tyras: The Greek City on the River Tyras. In: (Ed. D.V. Grammenos, E.K. Petropoulos) *Ancient Greek Colonies in the Black Sea 2. Vol. I. BAR International Series 1675 (I)*, 2007, 435-470.

- Tassaux 2001:** F. Tassaux, Production et diffusion des amphores à huile istriennes // Strutture portuali e rotte marittime nell'Adriatico di Età Romana. In: Atti della Settimana di studi aquileiesi, Aquileia, 20-23 maggio 1998, Antichità Altoadriatiche XLVI (Trieste-Roma 2001), 501-543.
- Van den Berg 2012:** J. Van den Berg, Rare and Exotic Amphorae in North-West Europe: Finds from the Roman Fort on the Kops Plateau, Nijmegen. *Journal of Roman Pottery Studies* 15, 2012, 215-232.
- Van Neer, Ervynck, Monsieur 2010:** W. Van Neer, A. Ervynck, P. Monsieur, Fish bones and amphorae: evidence for the production and consumption of salted fish products outside the Mediterranean region. *Journal of Roman Archaeology* 23, 2010, 161-195.

Ștampilă de pe un fragment de amforă de tip Dressel 6B de la Tyras

Cuvinte-cheie: amforă, tip Dressel 6B, ștampilă, perioada romană, Tyras, prezență militară romană.

Rezumat: În circuitul științific este introdus un fragment de amforă de tip Dressel 6B, descoperit în urma cercetărilor arheologice de la Tyras, pe a cărui suprafață a fost imprimată cu litere latine inscripția OFFOCLO, înconjurată de un cadru rectangular dublu.

În articol sunt abordate problemele morfologiei, cronologiei, precum și organizării producerii amforelor de tip Dressel 6B. Este stabilit arealul de răspândire a acestor recipiente, sunt prezentate informații cu privire la conținutul lor și la caracteristicile pastei de lut din care au fost modelate acestea.

În urma cercetării, s-a constatat că ștampile cu legenda OFFOCLO erau cunoscute anterior în provinciile dunărene ale Imperiului Roman: Pannonia, Moesia Superioară și Dacia. Literele OFF pot fi interpretate ca o prescurtare a cuvântului *officina* („atelier”), iar OCLO – ca o abreviere a numelui proprietarului. Amfore cu astfel de ștampile erau confecționate în câteva ateliere de ceramică ale unui centru de producție care se afla, probabil, pe peninsula Istria din nord-estul Adriaticii. Descoperiri singulare ale amforelor de tip Dressel 6B sunt fixate în Moesia Inferioară, în timpul cercetării punctelor de dislocație a armatei Imperiului Roman. Însă ștampile cu legenda OFFOCLO aici, deocamdată, nu au fost descoperite.

Amfora, publicată în prezentul articol, a putut ajunge la Tyras din regiunea Dunării Inferioare nu mai devreme de începutul sec. II p. Chr. Probabil, uleiul de măsline transportat în această amforă făcea parte din proviantul cu care era asigurată vexilația romană, cantonată în oraș în sec. II - prima jumătate a sec. III p. Chr.

Lista ilustrațiilor:

- Fig. 1. Amfore de tip Dressel 6B: 1a-1c - Tyras; 2 - Verona (după Peacock, Williams 1991, fig. 34/C); 3 - Singidunum; 4 - Viminacium (după Bjelajac 1996, sl. I/11, 18)
- Fig. 2. Fragmente de amfore de tip Dressel 6B cu ștampilă OFFOCLO: 1 - Transdierna (după Bjelajac 1996, sl. I/16); 2, 3 - Banatska Palanka (după Brukner 1990, t. 4/4; Ardeț 2006, fig. 88, pl. II/29); 4 - Sirmium; 5 - Teutoburgium (după Brukner 1981, t. 158/31, 33).
- Fig. 3. Fragmente de amfore de tip Dressel 6B cu ștampile OFFDAS (1-4), OFFOCLO (5), OFFCOS... (6): 1, 3 - Viminacium; 2 - Transdierna (după Bjelajac 1996, sl. I/14, 15, II/13); 4 - Cibalae; 5, 6 - Sirmium (după Brukner 1981, t. 158/32, 34, 159/41).

Stamp on a fragment of Dressel 6B amphora from Tyras

Keywords: amphora, Dressel 6B, stamp, Roman period, Tyras, Roman military presence.

Abstract: A fragment of the rim of Dressel 6B amphora, discovered during the study of Tyras, is introduced into scientific circulation. A Latin stamp – the inscription OFFOCLO, surrounded by a double rectangular frame, is impressed on its surface.

The article discusses the issues of morphology, chronology, production organization of Dressel 6B transport amphorae. The area of distribution of such vessels is outlined and data on their contents and visual characteristics of the material are given.

During the study, it was established that the finds of stamps with the inscription OFFOCLO were previously known only in the Danubian provinces of the Roman Empire: Pannonia, Moesia Superior and Dacia. The letters OFF can be an abbreviation of *officina* (workshop), and OCLO is an abbreviation of the name of its owner. Amphorae with such stamps were made in several pottery workshops located in one production center, which was probably situated on the peninsula of Istria in the North-East Adriatic Sea region. Single finds of Dressel 6B amphorae were recorded in Moesia Inferior during the study of the points of deployment of the Roman Empire troops, but stamps with the legend OFFOCLO have not been found here yet.

The published amphora could have been brought into Tyras from the Lower Danube region not earlier than the beginning of the 2nd century AD. Probably the olive oil contained in it was part of the food that supplied the Roman army vexillatio located in the city in the 2nd c. - first half of the 3rd c. AD.

List of illustrations:

Fig. 1. Amphorae Dressel 6B: 1a-1c - Tyras; 2 - Verona (by Peacock, Williams 1991, fig. 34/C); 3 - Singidunum; 4 - Viminacium (by Bjelajac 1996, sl. I/11, 18).

Fig. 2. Fragments of amphorae Dressel 6B with stamps *OFFOCLO*: 1 - Transdierna (by Bjelajac 1996, sl. I/16); 2, 3 - Banatska Palanka (by Brukner 1990, t. 4/4; Ardeț 2006, fig. 88, pl. II/29); 4 - Sirmium; 5 - Teutoburgium (by Brukner 1981, t. 158/31, 33).

Fig. 3. Fragments of amphorae Dressel 6B with stamps *OFFDAS* (1-4), *OFFOCLO* (5), *OFFCOS...* (6): 1, 3 - Viminacium; 2 - Transdierna (by Bjelajac 1996, sl. I/14, 15, II/13); 4 - Cibalae; 5, 6 - Sirmium (by Brukner 1981, t. 158/32, 34, 159/41).

20.04.2021

Др. Денис Масюта, Одесский археологический музей НАН Украины, ул. Ланжероновская, 4, Одесса, 65026, Украина, <https://orcid.org/0000-0002-3722-154X>, e-mail: masuta.denis@gmail.com

ФРАГМЕНТ КАМЕННОЙ ФОРМЫ ДЛЯ ОТЛИВКИ ЗЕРКАЛ ИЗ ГОРГИППИИ

Андрей Новичихин

Ключевые слова: Боспорское царство, Горгиппия, литейная форма, зеркала-подвески, солярный орнамент, тамгообразные знаки.

Ремесленное производство играло важную роль в экономике греческих полисов Боспорского государства. Материалы, полученные в результате многолетних раскопок Горгиппии (рис. 1), показывают, что в городе было развито гончарное и кузнечное производство, косторезное ремесло, ткачество, обработка дерева и камня (Кругликова 1985, 70-76; Алексеева 1997, 168-182, 184-187; Алексеева, Розанова, Терехова 1994, 157-176). Гораздо меньше археологических данных об обработке в Горгиппии цветных металлов – выводы о существовании в городе цветной металлообработки до настоящего времени основывались лишь на находках при раскопках многочисленных изделий из медного сплава и свинца, а также единичных находок медных шлаков (Алексеева 1997, 181-182).

Свидетельством существования в Горгиппии производства изделий из цветного металла служит фрагмент литейной формы, найденный при раскопках городища в 1968 г. и хранящийся в Анапском археологическом музее. Инвентарный номер музейного хранения – КМ 8365/2342. Полевой шифр: Горг-68, гор., пом. 22, выброс, № 5.

Фрагмент (рис. 2) представляет собой обломок (примерно четверть – угол и часть середины) каменной литейной формы из плотного мергеля грязно-желтого оттенка, размером 4,0×3,7 см и толщиной 2,2 см. На обеих широких сторонах фрагмента сохранились неполные сектора врезанных негативов круглых зеркал-подвесок, диаметр которых составлял около 4 см. Литейные углубления в результате воздействия расплавленного металла прокалены дочерна, что свидетельствует об интенсивном использовании литейной формы. Оба зеркала, отливавшиеся в форме, имели анало-

Рис. 1. Месторасположение Горгиппии.

гичный рельефный орнамент: по краю проходили две бороздки, образующих концентрические окружности, внутренняя из которых была разделена восемью отходящими от центра прямыми врезными лучами на восемь равных секторов по 45°. Четыре крестообразно расходящихся к углам формы луча были снабжены расположенными в средней части парными разнонаправленными завитками, образующими поперек лучей 3-образный знак. Четыре других луча, также крестообразно расположенных, оставались прямыми. На фрагменте формы не сохранилось участков центральной части зеркал, и ее оформление остается невыясненным. Надо полагать, что, как и у большинства зеркал-подвесок с аналогичной орнаментацией, лучи отходили не прямо от центра, а от обрамляющей его еще одной окружности. На углу изделия проточен желобок, глубиной 0,3 см, служивший, судя по всему, для скрепления формы, несущей негативы рельефной стороны зеркал, с теми ее частями, которые формировали плоскую, рабочую поверхность зеркала. Таким образом, форма предназначалась не для односторонней отливки зеркал, при которой металл заливался в форму, моделирующую рельефную сторону изделия, а плоская сторона формиро-

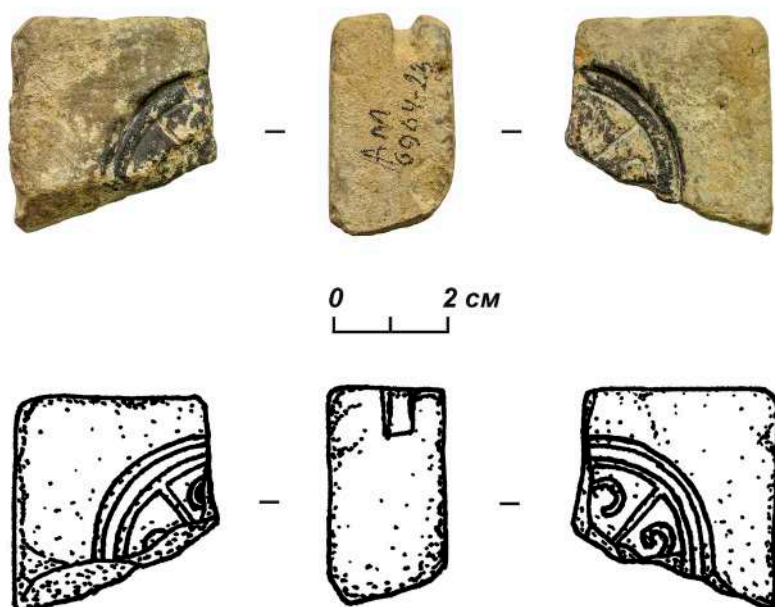

Рис. 2. Фрагмент каменной литейной форма из раскопок Горгипии.

валась последующей доработкой, а была двухсторонней: к матрице, несущей с двух сторон негативы рельефных сторон изделий прижимались еще две каменные плитки, формирующие плоскую поверхность зеркал. Не исключено, что для этой цели могли использовать плитки из камня другой, более плотной, породы и они могли быть более тщательно обработаны – ведь именно плоская сторона зеркала была «рабочей».

К сожалению, в отчетной документации обстоятельства обнаружения фрагмента литейной формы точно не указаны. Судя по полевому шифру, находка сделана в 1968 г. и связана с заполнением исследованного Анапской археологической экспедицией под руководством И.Т. Кругликовой помещения 22. Однако в отчете о раскопках упоминается, что «маленький обломок литейной формы (оп. № 5)» найден в турецком слое (Кругликова 1968, 11). Это обстоятельство не позволяет однозначно связывать литейную форму с открытым при раскопках помещения 22 вещественным комплексом – фрагмент мог попасть в заполнение помещения, или в перекрывающий его слой турецкого времени, в качестве строительного или бытового мусора.

Полуподвальное помещение 22 составляло северо-западный угол дома 11 – единственного полностью исследованного горгиппийского дома II – первой половины III в. н.э. (Алексеева 1997, 131, табл. 138-140). Помещение 22 дало целую серию интересных находок, часть из которых опубликована: терракотовые фигурки скачущих лошадей (Кругликова 1974, 49, табл. 56/2), головка мраморной скульптуры Афродиты (Кругликова 1972, 79-83; 1977, 54, вклейка), детали бронзового самовара с краником в виде человеческой головы (Кругликова 1977, 44, вклейка), небольшой клад боспорских монет конца I - середины II в. н.э. (Кругликова, Фролова 1980, 108, №№ 86-94). Полностью же материалы раскопок дома 11 не публиковались. Общая характеристика этого археологического объекта дана в одной из работ И.Т. Кругликовой: исследовательница обратила внимание на находки в помещениях и во дворе дома 11 предметов, связанных с металлообработкой – железных криц, кузнечных клещей, небольшой наковальни, бесформенных кусков железа и бронзы, шлаков (Кругликова 1985, 70-76). Несмотря на не вполне ясные обстоятельства находки, отмеченная И.Т. Кругликовой связь дома 11 с обработкой металла дает основания пред-

полагать, что литейная форма до ее повреждения могла быть частью производственного инструментария его владельца. Отметим, что, по аргументированному мнению Е.М. Алексеевой, кузнечное производство, как огнеопасное, должно было выноситься за пределы жилой черты города, а найденные в доме 11 небольшие по размеру железная наковальня (высота – 17,5 см, рабочая площадка – 12×12 см) и клещи (длина – 16 см) связаны с ювелирным делом и, возможно, наряду с другими металлическими изделиями, предназначались на продажу (Алексеева, Розанова, Терехова 1994, 165). находка в доме 11 формочки для отливки зеркал делает это утверждение менее категоричным и позволяет допускать, что хозяева этого жилого комплекса в небольших масштабах могли заниматься обработкой цветных металлов и железа.

При раскопках боспорских городов находки форм для изготовления зеркал пока известны только в Танаисе: здесь найдено три каменных литейных формы для отливки зеркал с рельефной орнаментацией и центральным ушком-петелькой. Две из них происходят из помещения первой половины III в. н.э., третья, двухсторонняя, обнаружена в мусорном слое последнего периода существования города (Арсеньева 1984, 20-23; Арсеньева, Форназир 2004, 192-194). Двухсторонняя каменная форма для отливки зеркал с центральной ручкой-петелькой более позднего времени (IV-V вв. н.э.) найдена при раскопках Паласа-сыртского поселения в Дагестане (Гмыря 1990, 254-259; Гмыря 2000, 302-304). Литейная форма для изготовления зеркал-подвесок, таким образом, встречена впервые.

Несмотря на то, что на дошедшем до нас фрагменте не сохранилось следов боковой петельки для подвешивания, не вызывает сомнений, что в форме отливались рельефные зеркала-подвески, относящиеся к типу IX («зеркала с боковым ушком») по общей классификации А.М. Хазанова (Хазанов 1963, 58, 67-67, рис. 1), или же к варианту II типа IX по классификации М.П. Абрамовой (Абрамова 1972, 122, 129, 130). Датировка подобных зеркал определяется в пределах II-III вв. н.э. (Абрамова, 1972, 129; Виноградов, Петренко 1977, 48).

В рельефах из кругов, лучей, «птичьих лапок», «гаммированных знаков» на зеркалах-подве-

сках этого типа исследователи обычно видят изображения сарматских тамг (Соломоник 1959, 37-38, рис. 6; Драчук 1975, 76-83; Яценко 2001, 32). Существует, однако, мнение, что эти рельефы являются солярными знаками, «солнечным» орнаментом (Богданова 1989, 54; Высотская 1994, 117). Не исключено, что солярная символика на зеркалах передавалась посредством комбинаций и повторения элементов сарматских тамгообразных знаков (Драчук 1975, 83).

Находки зеркал-подвесок с рельефным солярным орнаментом известны в меотских могильниках Средней Кубани (Соломоник 1959, 140, 145, 146; Анфимов, Анфимов 1993, 43, рис. 2/1) и Нижнего Дона (Косяненко 1994, 70-79; 2008, 108-123, табл. 15-18; Ларенок 2013, табл. 9/8; 16/2; 37/6; 49/9; 73/6; 90/9, 10; 103/9; 133/2; 135/6; 151/4; Горбенко, Косяненко 2011, 49-52, табл. XI, XII), в погребениях Цемдолинского могильника близ Новороссийска, оставленного аспургианами (Мальшев 2008, 176, 179, рис. 116). Большая серия подобных зеркал представлена в погребальном инвентаре позднескифских могильников Юго-Западного Крыма (Гущина 1974, 43, рис. III/3; IV/1, 19, 27; V/3; VI/18; VII/6, 20; XVII/21, 43, 44; Гущина 1982, 249, рис. 2/22; 3/21, 53; 4/16, 17, 59; 6/38; 10/71; 11/19; Богданова 1989, 54, табл. XVIII; Высотская 1994, 117, рис. 35; Пуздровский, Труфанов 2016, рис. 11/13; 55/1; 75/5; 143/2; 154/6; 167/10; 170/4; Пуздровский, Труфанов 2017а, рис. 12/1; 18/6; 36/2; 38/4; 100/9; 116/8, 11; 137/12; 146/3; 194/10, 11; 197/25; 205/3; 218/7; Пуздровский, Труфанов 2017б, рис. 9/3, 4; 46/6; 173/13; Яценко 2001, 36-43).

Четыре подобных зеркала-подвески найдено при раскопках некрополя Горгиппии: Терская-92, погребение 43 – два экземпляра (оп. 139, 140), один из которых сопровождался свинцовой рамкой со следами рельефного растительного орнамента (Тихонова, Леванова 1992, 101, рис. 27, 35); Новороссийская-82, погребение 5 (Нестеренко 1982, 5, оп. 14, рис. 22); Победа-87, погребение 15 (Нестеренко 1987, 13, оп. 58, рис. 101). Указанные погребальные комплексы не введены полностью в научный оборот, однако, судя по публикациям отдельных находок, погребение 43, раскопанное в котловане на ул. Терской в 1992 г., следует датировать второй половиной I - II в. н.э. (Алексеева, Сорокина 2007, 80; Alekseeva

1994, 50, fig. 4), погребение 5, исследованное на ул. Новороссийской в 1982 г., и погребение 15, открытое в котловане под к/т «Победа» в 1987 г., датируются второй половиной II - началом III в. н.э. (Харалдина, Новичихин 1994, рис. 10/13; Новичихин 2008, 110). Отмечены находки подобных зеркал и в некрополях других боспорских городов (Кубланов 1972, 84, рис. 34/1,7; Грач 1999, 118, рис. 48).

Следует отметить, что зеркала, отливавшиеся в форме из раскопок Горгиипии, отличаются от большинства зеркал-подвесок с солярным рельефным орнаментом сочетанием прямых лучей и лучей с 3-образными завитками. Единственная полная аналогия им – одно из зеркал, найденных при раскопках меотского могильника по ул. Почтовой в Краснодаре (Соломоник 1959, 154, № 127; Драчук 1975, 82, табл. XVI/43, XVII/18).

По справедливому замечанию Н.А. Богдановой, «большое количество зеркал с одинаковым орнаментом может свидетельствовать о наличии мастерских или мастеров, изготовлявших такие зеркала» (Богданова 1989, 54).

Судя по обилию разнообразных зеркал-подвесок с рельефным орнаментом в позднескифских могильниках Крыма, один из таких центров во II-III вв. располагался в Юго-Западном Крыму – весьма вероятно, это был Херсонес. Предполагалось наличие центра по производству зеркал-подвесок на Нижнем Дону – судя по находкам литейных форм для зеркал с центральной ручкой-петелькой в Танаисе, в этом боспорском городе могли отливать зеркала и других типов (Косяненко 1994, 81; Косяненко 2008, 123). Находка фрагмента каменной формы для отливки рельефных зеркал-подвесок в Горгиипии дает основания рассматривать ее как один из центров их производства. Совпадение редко встречаемого на зеркалах этого типа орнамента на форме из Горгиипии с рельефом зеркала из раскопок меотского могильника на ул. Почтовой в Краснодаре позволяет поставить вопрос о том, что по меньшей мере часть металлических зеркал-подвесок, встречаемых в меотских некрополях, является продукцией боспорских мастерских. Одна из таких мастерских находилась в Горгиипии.

Библиография

- Абрамова 1971:** М.П. Абрамова, Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры. В сб.: (Ред. С.М. Орешников и др.) История и культура Восточной Европы по археологическим данным (Москва 1971), 122-132.
- Алексеева 1997:** Е.М. Алексеева, Античный город Горгиипия (Москва 1997).
- Алексеева, Розанова, Терехова 1994:** Е.М. Алексеева, Л.С. Розанова, Н.Н. Терехова, Горгиипия: продукция железодельного и железообрабатывающего ремесла. РА 3, 1994, 157-176.
- Алексеева, Сорокина 2007:** Е.М. Алексеева, Н.П. Сорокина, Коллекция стекла античной Горгиипии (I-III вв.) (Москва 2007).
- Анфимов, Анфимов 1992:** И.Н. Анфимов, Н.В. Анфимов, Археологические памятники города Краснодара. Кубанский краевед 3, 1992, 19-60.
- Арсеньева 1984:** Т.М. Арсеньева, Литейные формы для отливки зеркал из Танаиса. В сб.: (Ред. А.И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, В.Г. Петренко) Древности Евразии в скифо-сарматское время (Москва 1984), 20-23.
- Арсеньева, Форназир 2004:** Т.М. Арсеньева, И. Форназир, Каменная форма для отливки зеркал из Танаиса. Проблемы истории, филологии, культуры 14, 2004, 192-194.
- Богданова 1989:** Н.А. Богданова, Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное. В сб.: (Отв. ред. М.П. Абрамова) Археологические исследования на Юге Восточной Европы. Тр. ГИМ 70, 1989, 17-70.
- Виноградов, Петренко 1977:** В.Б. Виноградов, В.А. Петренко, К происхождению сарматских зеркал-подвесок Северного Кавказа. КСИА 148, 1977, 44-49.
- Высотская 1994:** Т.Н. Высотская, Усть-Альмисское городище и некрополь (Киев 1994).
- Гмыря 1990:** Л.Б. Гмыря, Двусторонняя форма для отливки зеркал из Дагестана. СА 1, 1990, 254-259.
- Гмыря 2000:** Л.Б. Гмыря, Античные параллели в материальной культуре населения Западного Прикаспия (специфические атрибуты). Проблемы истории, филологии, культуры 10, 2000, 289-312.
- Горбенко, Косяненко 2011:** А.А. Горбенко, В.М. Косяненко, Некрополь Паниардиса (Крепостного городища). Донские древности 11 (Азов 2011).

- Грач 1999:** Н.Л. Грач, Некрополь Нимфея (Санкт-Петербург 1999).
- Гущина 1974:** И.И. Гущина, Население сарматского времени в долине реки Бельбек (по материалам могильников). В сб.: (Ред. Д.Л. Талис) Археологические исследования на Юге Восточной Европы (Москва 1974), 32-64.
- Гущина 1982:** И.И. Гущина, О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые века н.э. В сб.: (Ред. Д.Л. Талис) Археологические исследования на Юге Восточной Европы. Тр. ГИМ 54, 1982, 20-30.
- Драчук 1975:** В.С. Драчук, Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира (Киев 1975).
- Косяненко 1994:** В.М. Косяненко, К вопросу о хронологии и ритуально-магической роли бронзовых зеркал из некрополя Кобякова городища (по материалам раскопок 1956-1962 гг.). В сб.: Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993 г., 13 (Азов 1994), 70-83.
- Косяненко 2008:** В.М. Косяненко, Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956-1962 гг.). Донские древности 9 (Азов 2008).
- Кругликова 1968:** И.Т. Кругликова, Отчет о раскопках Горгиппии в 1968 г. Анапская археологическая экспедиция. Научный архив Анапского археологического музея, А1-6.
- Кругликова 1972:** И.Т. Кругликова, Мраморная головка Афродиты из Горгиппии. В сб.: (Ред. В.Л. Янин) Новое в археологии (Москва 1972), 79-83.
- Кругликова 1974:** И.Т. Кругликова, Терракоты из Горгиппии. В: САИ Г1-11, Терракотовые статуэтки IV. Придонье и Таманский полуостров (Москва 1974), 43-50.
- Кругликова 1977:** И.Т. Кругликова, Синдская гавань. Горгиппия. Анапа (Москва 1977).
- Кругликова 1985:** И.Т. Кругликова, Квартал ремесленников в Горгиппии. КСИА 182, 1985, 70-76.
- Кругликова, Фролова 1980:** И.Т. Кругликова, Н.А. Фролова, Монеты из раскопок Горгиппии 1967-1972 гг. В: Горгиппия I. Материалы Анапской археологической экспедиции (Краснодар 1980), 103-121.
- Кубланов 1972:** М.И. Кубланов, Раскопки некрополя Илурата в 1969 г. КСИА, 130, 1972, 83-88.
- Ларенок 2013:** В.А. Ларенок, Меотские древности. Каталог погребальных комплексов некрополя Кобякова городища из раскопок 1999-2000 гг., I (Ростов-на-Дону 2013).
- Мальшев 2008:** А.А. Мальшев, Погребальный инвентарь Цемдолинского могильника. В: Некрополи Черноморья II. Аспургiane на юго-востоке Азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некрополя (Москва 2008), 136-180.
- Нестеренко 1982:** Н.Д. Нестеренко, Отчет об охранных раскопках Анапского археологического музея в 1982 г. Научный архив Анапского археологического музея, А 1-29, 29а.
- Нестеренко 1987:** Н.Д. Нестеренко, Отчет об охранных раскопках Анапского археологического музея в 1987 г. Научный архив Анапского археологического музея, А 1-36, 36а.
- Новичихин 2009:** А.М. Новичихин, Ювелирные изделия из раскопок некрополя Горгиппии в 1987 г. ВДИ 1, 2009, 110-118.
- Пуздровский, Труфанов 2016:** А.Е. Пуздровский, А.А. Труфанов, Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008-2014 гг. (Симферополь-Москва 2016).
- Пуздровский, Труфанов 2017а:** А.Е. Пуздровский, А.А. Труфанов, Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004-2007 гг. (Симферополь-Москва 2017).
- Пуздровский, Труфанов 2017б:** А.Е. Пуздровский, А.А. Труфанов, Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2000-2003 гг. (Симферополь-Москва 2017).
- Соломоник 1959:** Э.И. Соломоник, Сарматские знаки Северного Причерноморья (Киев 1959).
- Тихонова, Леванова 1992:** Т.С. Тихонова, Т.В. Леванова, Раскопки по ул. Терской (Анапа). Горгиппия. Некрополь. Алексеева Е.М. и др. Анапская экспедиция. Отчет об исследованиях в 1992 г. Научный архив Анапского археологического музея, А 1-43, 43а.
- Харалдина, Новичихин 1994:** З.Е. Харалдина, А.М. Новичихин, Античные коллекции анапского музея. ВДИ 2, 1994, 200-212.
- Яценко 2001:** С.А. Яценко, Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья (Москва 2001).
- Alekseeva 1994:** Е.М. Alekseeva, Gorgippia: A Bosporan Polis in Ancient Sindike. Expedition 36, 2-3, 1994, 47-55.

Fragment de formă de piatră pentru turnarea oglinzilor din Gorgippia

Cuvinte-cheie: Regatul Bosporan, Gorgippia, formă de turnare, oglinzi-pandantive, ornament solar, semne în formă de tamga.

Rezumat: În 1968, la excavarea Gorgippiei antice, a fost găsit un fragment de formă bilaterală din piatră pentru turnarea oglinzilor metalice-pandantive. Descoperirea este legată de complexul de producție al locuinței 11, al cărei proprietar se ocupa de fabricarea produselor metalice. Oglinzile turnate sub formă de pandantive au fost decorate cu un ornament solar reliefat. Asemenea oglinzi sunt cunoscute după descoperirile din mormintele meotice și scitice tardive din secolele II-III p. Chr. Atestarea, în Gorgippia, a unei forme de turnare servește drept temei pentru a presupune că o parte din oglinzile-pandantive, descoperite în siturile meotice, a fost produsă în atelierele din Bospor.

Lista ilustrațiilor:

Fig. 1. Amplasarea Gorgippiei.

Fig. 2. Fragment din forma de piatră pentru turnare din săpăturile de la Gorgippia.

Fragment of a stone mold for casting mirrors from Gorgippia

Keywords: Bosporan kingdom, Gorgippia, casting mold, mirrors-pendants, solar ornament, tamgo-shaped signs.

Abstract: The fragment of a stone double-sided mold for casting metal mirrors-pendants was found during the excavations of ancient Gorgippia in 1968. The find is connected with the production complex of house 11, the owner of which was a manufacturer of metal products. The mirror-pendants were decorated with a relief solar ornament. The finds of such mirrors are known from the Meotian and Late Scythian burial grounds of the 2nd-3rd centuries AD. The discovery of a casting mold in Gorgippia suggests that some of their relief mirror-pendants found in the Meotian burials were the products of Bosporan workshops.

List of illustrations:

Fig. 1. Location of Gorgippia.

Fig. 2. Fragment of a stone casting mold from the excavations of Gorgippia.

18.02.2021

Др. Андрей Новичихин, Анапский археологический музей, Анапа, ул. Набережная, 4, Краснодарский край, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-9878-2431>, e-mail: yazamat03@mail.ru

---

OPERAȚIUNILE NAVALE DIN TIMPUL CONFRUNTĂRILOR DINTRE CONSTANTINUS I ȘI LICINIUS, DIN VARA ANULUI 324

Vasile Mărculeț

Cuvinte-cheie: Constantinus, Licinius, Crispus, Abantus (Amandus), Hellespont, triakontoros.

Vara anului 324 consacra desfășurarea etapei finale a luptei pentru putere și stăpânire a Imperiului Roman dintre Flavius Valerius Constantinus I (306-337), augustus în *pars Occidentis*, și Valerius Licinianus Licinius (308-324), augustus în *pars Orientis*. Un rol însemnat în cadrul confruntărilor militare, din această etapă, dintre cei doi protagoniști a revenit operațiunilor navale.

Reglementări politice și confruntări militare (313-320). Eliminarea, în anul 313, a auto-proclamatului augustus în Orient, Maximinus Daia, a constituit sfârșitul complet și definitiv al Tetrarhiei, sistem politic de guvernare, introdus de împăratul Diocletianus (284-305) în anul 293. Guvernarea Imperiului Roman era împărțită între cei doi auguști – Constantinus I, în Apus, și Licinius.

Foarte curând, reglementările stabilite în 313 aveau să devină caduce, neînțelegerile dintre cei doi împărați izbucnind cu putere. În asemenea condiții, în anul 316 se consuma prima etapă a disputelor militare pentru putere dintre cei doi auguști (cf.: Bruun 1961, 10-22; Barnea, Iliescu 1982, 40; Grant 1994, 42; Kienast 2004, 299; Pohlsander 2004, 41; Odahl 2010, 164). Confruntările indecise de la Cibalae, din Pannonia (8 octombrie), și Campus Ardiensis, din Thracia (316/317), au fost urmate de noi reglementări politice. Sub autoritatea lui Constantinus I trecea acum și Praefectura Illyricum, smulsă rivalului său.

Stabilit în Illyricum, Constantinus I a inițiat o serie de măsuri cu caracter politic și administrativ. La 1 martie 317, la Serdica, în absența lui Licinius, reconfirmând principiul dinastic, el i-a investit *Caesares* pe fiul său mai mare, Crispus, pe cel de-al doilea fiu, Constantinus II, precum și pe fiul lui Licinius, Licinius iunior (Eusebius Pamphilius 1923, 312; Jerome 2005, 312; Excerpta Valesiana

1961, I.19; The Excerpts 1986, I.5.19; The Origin 1996, V.19; Zosimo 2007, II.20.2; Zosimus 1982, 2.20.2; Zósimo 1992, II.20.2). Dintre cei trei, Crispus, a cărui dată de naștere a fost fixată de istorici, direct sau indirect, în 300, 303, 304, 305 sau 307 (Tillemont 1732, 93; Seeck 1901, 1723; Palanque 1938, 248, 250; Kienast 2004, 305; Austin 1980, 134; Barnes 1981, 31; Barnes 2014, 48; Barnea, Iliescu 1982, 42; MacMullen 2014, 124-125; Pohlsander 1984, 81-82; Pohlsander 2004, 41; Odahl 2010, 73; Lançon 2006, 28; Lançon, Moreau 2013, 175; Burgersdijk 2018, 138), a primit spre administrare Praefectura Gallia, fiindu-i încredințată apărarea frontierei de pe Rhin.

Vârsta, relativ tânără, a noului *caesar*, în momentul investiției, este confirmată de *Panegyricus X*. În respectivul izvor se precizează clar că Crispus avea „*pueriles annos*” (Panegyrici Latini 1874, 242, § XXXVI).

Din anii 320-321, relațiile dintre Constantinus și Licinius înregistrează o tensionare progresivă. În Răsărit, Licinius a reluat persecuțiile împotriva creștinilor, ignorând, în mod voit, politica religioasă asupra căreia căzuse de acord cu omologul său din Apus (Excerpta Valesiana 1961, I.20; The Excerpts 1986, I.5.20; The Origin 1996, V.20; Orosius 2010, 7.28.1; Orosius 1964, 7.28). În 323, Constantinus I, care și-a asumat apărarea frontierei dunărene, a respins un atac al sarmaților, după unele izvoare, al vizigoților, după altele, în cursul căruia barbarii devastaseră provinciile Thracia și Moesia Secunda (Zosimo 2007, II.21.1-3; Zosimus 1982, 2.21.1-3; Zósimo 1992, II.21.1-3; Excerpta Valesiana 1961, I.21; The Excerpts 1986, I.5.21; The Origin 1996, V.21). Cu acest prilej, împăratul din Apus a încălcat limita care despărțea stăpânirile sale de cele ale lui Licinius (Grant 1994, 45; Barnes 1981, 76; Odahl 2010, 174-175). Încălcările de către cei doi împărați a înțelegerilor stabilite s-au constituit în tot atâtea motive de război între ei.

Flotele adversarilor. La începutul anului 324 era clar – chiar pentru cei doi rivali – că o confruntare militară decisivă dintre ei devenise inevitabilă. În consecință, ambii au trecut la realizarea unor pregătiri militare intense, în perspectiva iminentei înfruntări. Informațiile pe care le avem la dispoziție ne permit constatarea potrivit căreia amândoi împărații au avut în vedere desfășurarea unor campanii combinate – pe uscat și pe apă.

Constantinus I și-a petrecut iarna anilor 323/324 la Sirmium, pe frontiera dunăreană. Aici s-a întâlnit cu caesarul Crispus, împreună cu care a stabilit coordonatele și detaliile desfășurării campaniei împotriva lui Licinius.

În primăvara anului 324, împăratul a revenit la Thessalonik, continuând pregătirile militare. Printre altele, Constantinus a dispus construirea unui mare port militar la Thessalonik, cetatea neavând până în acel moment asemenea amenajări (Zosimo 2007, II.22.1; Zosimus 1982, 2.22.1; Zósimo 1992, II.22.1).

Nu insistăm asupra componentelor terestre ale campaniilor militare, concepute de cei doi împărați, care nu fac subiectul prezentului studiu. În consecință, demersul nostru se va axa doar pe componentele navale ale respectivelor campanii.

Informațiile referitoare la componentele pe apă ale campaniilor organizate de Constantinus I și Licinius sunt foarte puține. Ele se regăsesc aproape în totalitate în *Historia nova* a lui Zosimos, autor romano-bizantin din secolul al V-lea. Acestea se referă la tipurile și categoriile de nave, echipate de cei doi adversari, precum și la efectivele echipajelor și luptătorilor destinați flotei. Alte informații, extrem de succinte, se regăsesc în *Origo Constantini*.

Potrivit consemnării lui Zosimos, în perspectiva confruntării cu Licinius, Constantinus I a echipat „circa 200 de triakontoroe (*τριακόντοροι*)”, sau *triakonteres*, respectiv, vase de război, cu câte 30 de vâsle (Zosimo 2007, II.22.1; Zosimus 1982, 2.22.1; Zósimo 1992, II.22.1). Acestea li se adăugau circa „2.000 de vase de transport” (Zosimo 2007, II.22.1; Zosimus 1982, 2.22.1; Zósimo 1992, II.22.1). În totalitatea ei, flota lui Constantinus cuprindea un număr de 2.200 de vase de luptă și de transport.

Nu toți autorii acceptă ca veridice aceste efective ale vaselor din compunerea flotei lui Constantinus I. Spre exemplu, într-o monografie dedi-

cată acestui împărat și realizată cu aproape trei decenii în urmă, istoricul Michael Grant admitea că navarchul flotei lui Licinius, Abantus, dispunea de „350 de vase de război”, dar susținea, în schimb, că „fiul cel mai mare al lui Constantinus, Crispus, adusese din Grecia 200 de vase, inclusiv de transport” (Grant 1994, 46).

Referitor la tipurile de vase din compunerea flotei împăratului din *pars Occidentis*, *Origo Constantini* ne oferă o altă versiune. Informațiile cuprinse în acest izvor lasă să se înțeleagă că vasele de luptă din flota lui Constantinus I au fost, în totalitate sau, cel puțin, în cea mai mare parte a lor, nave de tip *liburna* (Excerpta Valesiana 1961, I.28; The Excerpts 1986, I.5.28; The Origin 1996, V.28).

În ceea ce privește tipurile și categoriile de nave din compunerea flotei lui Licinius, istoricul Zosimos ne informează că, în perspectiva confruntării cu Constantinus, împăratul din Orient a dat dispoziții provinciilor maritime aflate sub jurisdicția lui să-i pună la dispoziție vasele de luptă necesare campaniei. În urma demersurilor sale, consemnează Zosimos, „egiptenii au trimis optzeci de trireme (*τρίηρεις*), la fel de multe – fenicienii, șaizeci – ionienii și dorienii din Asia, treizeci – ciprioții și douăzeci – carienii, treizeci – bitinienii, cincizeci – africanii” (Zosimo 2007, II.22.2; Zosimus 1982, 2.22.2; Zósimo 1992, II.22.2). Numărul total al vaselor de luptă din compunerea flotei lui Licinius se ridică, după știrile transmise de Zosimos, la 350 de trireme (*τρίηρεις*). Foarte probabil, acestea proveneau din cadrul flotelor orientale, precum *Classis Augusta Alexandrina*, *Classis Syriaca* sau *Classis Nova Lybiaca*. Asupra vaselor de transport din cadrul flotei împăratului din *pars Orientis*, care, fără îndoială, a avut în compunerea ei și asemenea tipuri de nave, nu dispunem însă de nicio informație.

Știrile transmise de Zosimos relevă faptul că, sub aspect numeric, flota de luptă a lui Licinius o depășea pe cea a lui Constantinus I. Rezultă că raportul de forțe dintre vasele de luptă ale lui Licinius și Constantinus I era de 1,75 la 1, în favoarea primului. Aceleași informații permit însă și constatarea că, din punct de vedere al capacității de luptă, raportată la tipurile de vase din compunerea ei, cea a lui Constantinus I era superioară.

Din știrile aceluiași autor romano-bizantin se poate trage concluzia că în compunerea flotei de luptă a lui Constantinus I se aflau toate

navele moderne din clasa *moneres*, respectiv, tipul *triakontoros*, în timp ce flota de luptă a lui Licinius era formată exclusiv din *trireme* (*trieres*), nave mai vechi. La o asemenea concluzie au ajuns, de altfel, o serie de istorici ai epocii noastre (Starr 1941, 197; Pitassi 2012, 30; Pryor, Jeffreys 2006, 130).

Din punct de vedere tactic, *treakontoros* a fost urmașul *triremei*. Potrivit cercetărilor unor specialiști în domeniu, navele de tip *triakontoros* aveau, se pare, în jur de 24,50 m în lungime, 4,30 m în lățime și un pescaj de 0,80 m (D'Amato 2017, 21).

Din punctul nostru de vedere, o astfel de împărțire a vaselor între cele două flote este cu totul exclusă. Admitem deci ca absolut întemeiată opinia exprimată de Warren Treadgold, care susține că Zosimos a împărțit în mod arbitrar vasele de luptă, ca urmare „este incredibil ca, în 324, Constantinus să fi dispus de toate triakonterele (vase cu 30 de rame) și transportoarele, în timp ce Licinius să fi deținut toate *triremele*; fiecare împărat trebuie să fi avut un amestec de vase de transport și de luptă” (Treadgold 1995, 53-54; Treadgold 2012, 85). De altfel, prezenta vaselor de tip *triakonteres* / *triakontoros* în compunerea flotei lui Licinius este confirmată de însuși Zosimos, care afirmă că, după prima zi a confruntării navale de la intrarea sudică a Hellespontului, din ordinul comandanților, vasele de tip *triakontoros* din flota acestuia au rămas în portul Elaeus, situat în apropiere, pe țărmul Peninsulei Chersonesus Thracis, unde se refugiaseră cu o zi înainte (Zosimo 2007, II.24.1; Zosimus 1982, 2.24.1; Zósimo 1992, II.24.1).

Pe baza aceluiași informații din lucrarea lui Zosimos, alți istorici susțin că printre vasele de luptă din compunerea flotei lui Constantinus I nu se aflau numai de tip *triakontoros* (*τριακόντοροι*), ci și „mai multe *pentekonteres*” sau „galere cu 50 de vâsle” (D'Amato 2017, 6; Casson 1971, 148). O asemenea concluzie nu este susținută de știrile din opera lui Zosimos, ea fiind rezultatul unei interpretări forțate a conținutului acestora.

Într-o primă fază, flota constantiniană s-a mobilizat în portul Pireu (Zosimo 2007, II.22.2; Zosimus 1982, 2.22.2; Zósimo 1992, II.22.2). Opțiunea pentru portul Athenei s-a datorat, cel mai probabil, faptului, subliniat de Zosimos, că navele din compunerea flotei lui Constantinus I „erau în cea mai mare parte a lor grecești” (Zosimo 2007,

II.22.3; Zosimus 1982, 2.22.3; Zósimo 1992, II.22.3).

Proveniența grecească a vaselor din compunerea flotei lui Constantinus I este însă contrazisă de *Origo Constantini*. Autorul anonim al acestui izvor susține că împăratul din Apus „și-a adunat o flotă din Thracia” (Excerpta Valesiana 1961, I.25; The Excerpts 1986, I.5.25; The Origin 1996, V.25).

Comanda flotei sale a fost încredințată de Constantinus I fiului său, caesarul Crispus, care, potrivit consemnării din *Origo Constantini*, avea misiunea „să ocupe posesiunile din Asia” ale lui Licinius (Excerpta Valesiana 1961, I.23; The Excerpts of Valesius 1986, I.5.23; The Origin of Constantine 1996, V.23). Care erau respectivele posesiuni asiatice, izvorul amintit nu precizează. Credem că este vorba, în primul rând, de cele de pe țărmul Asiei Mici, riverane Strâmtoarelor și Propontidei. Atingerea acestui obiectiv ar fi condus la izolarea lui Licinius, aflat atunci la Byzantium, pe țărmul european al Bosphorului, de stăpânirile sale asiatice, care constituiau baza puterii sale militare.

Informațiile transmise de Zosimos ne permit concluzia că flota lui Licinius s-a concentrat la intrarea sudică a Hellespontului (Excerpta Valesiana 1961, I.26; The Excerpts 1986, I.5.26; The Origin 1996, V.26). Comanda ei a fost încredințată amiralului (ναύαρχος) Amandus, nume cu care acesta apare în *Origo Constantini*, respectiv Abantus, cu care este numit de Zosimos (Zosimo 2007, II.23.3-24.3; Zosimus 1982, 2.23.3-24.3; Zósimo 1992, II.23.3-24.3; cf. Jones, Martindale, Morris 1971, 50). Misiunea flotei lui Licinius era aceea de a împiedica pătrunderea flotei lui Constantinus I în Hellespont, Propontida și mai departe în Bosphor (Excerpta Valesiana 1961, I.23; The Excerpts 1986, I.5.23; The Origin 1996, V.23). Îndeplinirea misiunii încredințate i-ar fi permis împăratului din Răsărit să păstreze sub controlul său Hellespontul, Propontida și Bosphorul, ceea ce i-ar fi asigurat, totodată, menținerea neîntreruptă a legăturilor cu posesiunile sale microasiatice.

Informațiile cu privire la efectivele vâsleșilor și ale luptătorilor imbarcați pe vasele celor două flote sunt și mai succinte. Singurele știri de acest tip provin din lucrarea lui Zosimos și se referă la efectivele marinarilor mobilizați de Constantinus I. Potrivit relatării autorului, împăratul din Apus a mobilizat „zece mii de oameni pentru flotă și cavalerie” (Zosimo 2007, II.22.1; Zosimus 1982, 2.22.1; Zósimo 1992, II.22.1).

În temeiul știrilor transmise de Zosimos, istoricul Warren Treadgold a admis că împăratul Constantin I a mobilizat un număr de 10.000 de marinari (Treadgold 1995, 53; Treadgold 2012, 85). Referitor la numărul luptătorilor de pe navele de război, autorul consideră că aceștia erau incluși în rândul celor din pedestrimă și cavalerie (Treadgold 1995, 53, n. 16; Treadgold 2012, 79, n. 16).

În ceea ce ne privește, considerăm că soluția propusă de istoricul american nu se susține. În lucrările lor, o serie de istorici admit ca foarte veridică posibilitatea ca efectivul vâslașilor de pe o navă de tip *triakontoros*, cum erau cele din flota lui Constantin I, să fi fost de 30 de oameni – câte 15 pe fiecare parte a vasului (Pryor, Jeffreys 2006, 132; D'Amato 2017, 21). În acest caz, numărul vâslașilor de pe cele 200 de *triakontores* s-a ridicat la 6.000 de oameni. Dacă adăugăm numărului vâslașilor fiecărei nave câte un căpitan și câte doi piloți, potrivit calculelor lui Chester G. Starr (Starr 1941, 133-134), numărul marinarilor de pe vasele de război se ridică la 6.600 de oameni. Dacă cei 6.000 de vâslași de pe vasele de luptă fac parte din cei 10.000 recrutați pentru întreaga flotă, restul de 4.000, adică 2 vâslași de navă, sunt categoric insuficienți pentru a deservi ca vâslași cele 2.000 de vase de transport. Ipotetic, aceștia ar fi putut fi, în cel mai bun caz, căpitanii și piloții vaselor de transport, respectiv un căpitan și un pilot pentru fiecare navă.

Prin prisma celor constatate, considerăm că cifra avansată de Warren Treadgold pentru numărul marinarilor flotei lui Constantin I trebuie reevaluată. În absența unor informații certe, facem recurs la compararea celor de care dispunem cu câteva știri transmise de Ammianus Marcellinus referitoare la flota și efectivele marinarilor recrutați în anul 363 de împăratul Julianus Apostata, în campania împotriva Imperiului Sasanid. Potrivit relatării lui Ammianus Marcellinus, flota echipată de Julianus era compusă din „o mie de vase de transport (*onerariae naves*) de diferite tipuri, încărcate din abundență cu alimente, arme de atac și mașini de asediu”, cărora li se adăugau „cincizeci de nave de război (*bellatrices naves*) și tot atâtea vase cu pontoane necesare construirii podurilor” (Ammiano 2013, XXIII.3.9; Ammianus 1982, XXIII.3.9; Ammianus 1986, 23.3). Numărul vaselor din flota romano-bizantină se ridică, după informațiile transmise de Ammianus Marcellinus, la 1.100 de vase. Cunoaștem, de asemenea, din relatarea lui Ammianus Marcellinus,

că numărul total al oamenilor care serveau pe vase a fost de „aproape 20.000 de ostași” (Ammiano 2013, XXIV.7.4; Ammianus 1982, XXIV.7.4; Ammianus 1986, 24.7).

Compararea efectivelor flotei lui Constantin I, din 324 (număr de nave și număr de oameni), cu cea echipată de Julianus în 363, la patru decenii distanță, face posibilă constatarea că cel de-al doilea a mobilizat un număr dublu de marinari pentru o flotă cu un număr de nave de două ori mai mic decât al flotei primului, din care vasele de luptă reprezentau doar un sfert din numărul celor constantiniene. Conchidem deci că numărul total al marinarilor din flota lui Constantin I trebuie să fi fost, cel puțin, dublu față de cel al marinarilor din flota – de două ori mai mică – a lui Julianus.

În temeiul celor arătate, considerăm că două răspunsuri ar fi posibile cu privire la statutul celor 10.000 de oameni, recrutați de Constantin I pentru flotă. Informațiile pe care le deținem nu ne permit însă să le emitem decât ca ipoteze, cu un grad ridicat de plauzibilitate.

Prima ipoteză pe care o formulăm pleacă de la premisa că în rândul celor 10.000 de oameni, recrutați de Constantin I, au fost incluși atât vâslașii, cât și militarii îmbarcați pe vasele de război. Admițând că numărul total al vâslașilor navelor de război a fost de 6.000 de oameni, rezultă că restul de 4.000 a reprezentat numărul total al militarilor îmbarcați pe vase, adică 20 de luptători pe fiecare vas. Într-un asemenea caz, efectivul echipajului unui vas de război ar fi fost de 50 de oameni (30 de vâslași și 20 de luptători).

O a doua ipoteză pe care o propunem, este aceea că toți cei 10.000 de oameni, la care face referire Zosimos, au fost doar militarii îmbarcați pe vasele de luptă, respectiv câte 50 pe fiecare navă. Într-o asemenea situație, echipajul unui vas de război s-ar fi ridicat la 80 de oameni (30 de vâslași și 50 de luptători). În această situație, cei 10.000 de oameni nu-i includeau nici pe vâslașii de pe navele de luptă, nici de pe cei de pe vasele de transport.

În oricare din cele două ipoteze, numărului vâslașilor și luptătorilor de pe vasele de luptă le trebuie adăugat cel al ofițerilor, respectiv căpitanul și cei doi piloți. Se mai adaugă acestora numărul vâslașilor și al eventualilor luptători, îmbarcați pe navele de transport, asupra cărora nu dispunem de nicio informație.

Harta 1. Operațiunile executate de flota lui Constantinus I în vara anului 324.

Referitor la numărul marinarilor flotei lui Licinius, istoricul Warren Treadgold oferă, de asemenea, un răspuns. Plecând de la premisa că întreaga flotă a lui Licinius a numărat 350 de trireme (*trieres*), el deduce că, „admitând că triremele romane aveau în mod uzual echipaje de câte 150 de vâslași, plus un căpitan și doi piloți, Licinius ar fi avut 53.550 de marinari, sau 54.000, rotunzind numărul până la mie” (Treadgold 1995, 53; Treadgold 2012, 79). Dacă între cei 54.000 de marinari erau incluși și luptătorii îmbarcați pe vase, autorul nu precizează.

Confruntările navale. Izvoarele istorice care fac referiri la confruntările navale din iulie 324, dintre flotele lui Constantinus I și Licinius, sunt *Historia nova* a lui Zosimos și *Origo Constantini*, sau *Anonymus Valesianus*. Pe baza informațiilor transmise de ele, unele succinte și controversate, putem identifica două confruntări navale majore între flotele protagoniștilor: prima – pentru controlul asupra Hellespontului, la intrarea de sud a strâmtorii, a doua – pentru controlul asupra Propontidei, în sud-vestul acesteia, la intrarea de nord în Hellespont.

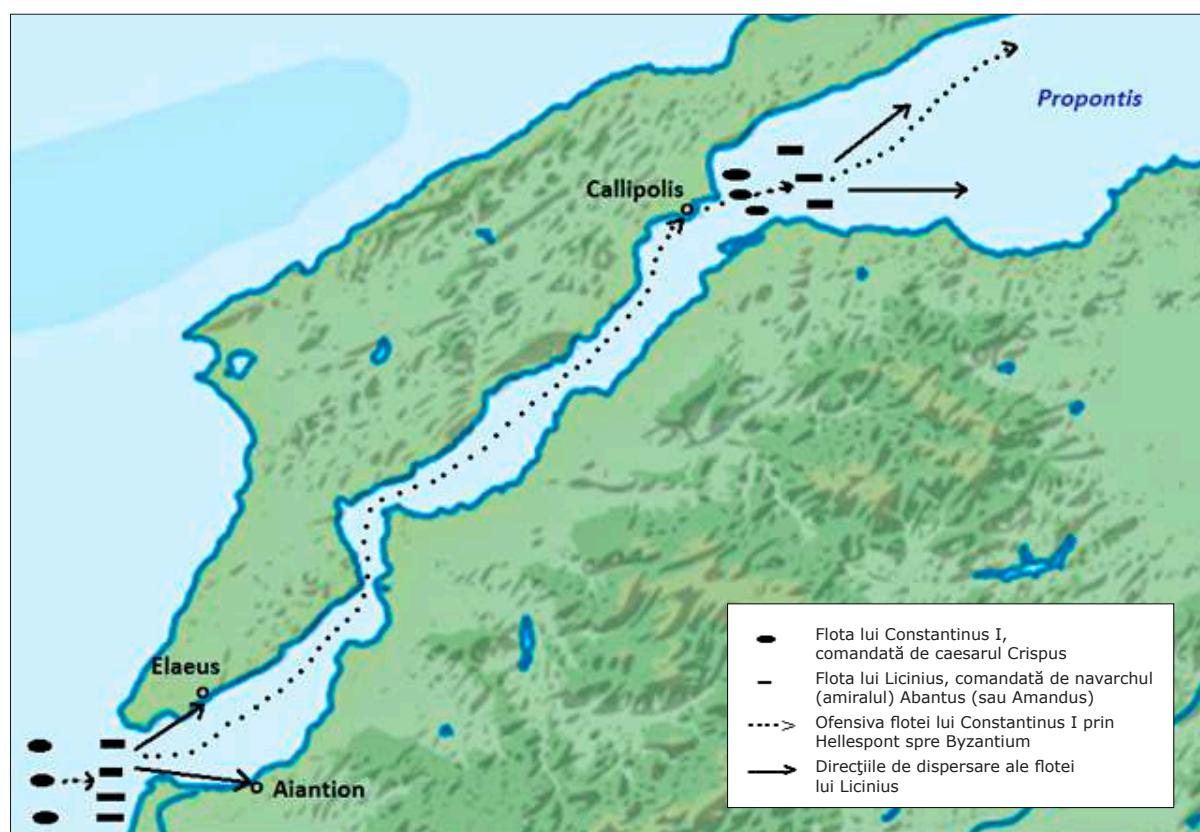
Confruntarea navală pentru Hellespont. Inițiativa deschiderii ostilităților i-a revenit lui Constantinus I, care, în vara anului 324, l-a atacat pe rivalul său, care ocupase poziții defensive la vest de Hadrianopolis. La 3 iulie, forțele sale au obținut o victorie clară asupra celor ale lui

Licinius. Acesta, împreună cu rămășițele armatei sale, s-a repleat în cetatea Byzantium, pe țărmul Bosporului, unde avea să fie asediat de forțele lui Constantinus I.

Componenta pe apă a campaniei a debutat concomitent cu cea terestră. Cunoaștem din lucrarea lui Zosimos că, în prealabil, la ordinul împăratului, flota „a pornit din Pireu și a acostat în Macedonia”, la Thessalonik (Zosimo 2007, II.23.2; Zosimus 1982, 2.23.2; Zósimo 1992, II.23.2). Într-o întâlnire cu membrii comandamentului flotei, Constantinus I a fixat obiectivul acesteia. Împăratul, consemnează Zosimos, „a dat dispoziții ca navele să se deplaseze la intrarea în Hellespont” (Zosimo 2007, II.23.2; Zosimus 1982, 2.23.2; Zósimo 1992, II.23.2).

În absența oricăror informații referitoare la acest aspect, itinerarul urmat de flota constantiniană – de la Thessalonik până la intrarea în Hellespont – ne rămâne necunoscut. Ipotetic, considerăm că, cel mai probabil, flota comandată de caesarul Crispus a cabotat de-a lungul țărmului vestic al Peninsulei Chalkidice și a brațului apusean al acesteia, Kassandra, iar de la extremitatea lui sudică – printre insulele egeene, itinerar care-i oferea și posibilități sporite de aprovizionare.

Confruntarea dintre flota lui Constantinus I și cea a lui Licinius, care s-a derulat în două faze, pe durata a două zile, a avut loc la intrarea în

Harta 2. Bătăliile navale din iulie 324.

Hellespont. Data luptei nu o cunoaștem. Presupunem însă că ea s-a desfășurat după 3 iulie 324, dar în prima decadă a lunii.

Apreciind că spațiul îngust în care urma să aibă loc bătălia nu permitea utilizarea unui număr mare de vase, comandanții flotei lui Constantin au angajat în luptă o escadră, formată din 80 de *triakontoros* (Zosimo 2007, II.23.3; Zosimus 1982, 2.23.3; Zósimo 1992, II.23.3). În ceea ce-l privește pe Abantus, „manifestând un mare dispreț față de mica flotilă a adversarilor și considerând că o va putea înconjura cu ușurință”, a trimis împotriva ei o escadră, formată din 200 de trireme (Zosimo 2007, II.23.3; Zosimus 1982, 2.23.3; Zósimo 1992, II.23.3).

Decizia navarchului lui Licinius de a ataca într-un spațiu îngust cu o grupare atât de numeroasă de nave s-a dovedit a fi o greșeală tactică de o gravitate deosebită, care avea să aibă o pondere decisivă în rezultatul bătăliei. Navarchii lui Constantin, în schimb, au operat cu o escadră formată din vase deosebit de manevrabile și redusă numeric, fapt care le-a permis să se desfășoare cu ușurință și, „navigând în ordine, și-au atacat adversarii”, afirmă Zosimos (Zosimo 2007, II.23.4; Zosimus

1982, 2.23.4; Zósimo 1992, II.23.4). Escadra lui Abantus, în schimb, s-a deplasat în dezordine împotriva inamicilor, blocarea vaselor lor într-un spațiu îngust a condus la numeroase coliziuni între ele, ceea ce a permis adversarilor să le scufunde pe multe dintre ele sau să le provoace mari avarii altora (Zosimo 2007, II.23.4; Zosimus 1982, 2.23.4; Zósimo 1992, II.23.4).

În timpul luptei, mulți marinari și soldați ai escadreii din flota lui Licinius, angajată în luptă, au căzut în mare înecându-se. Bătălia navală a durat până la căderea nopții, când navele împăratului din Răsărit, care au supraviețuit confruntării, s-au dispersat: unele s-au refugiat în portul Elaeus, de pe țărmul Chersonesului Thracic, altele s-au adăpostit în portul Aiantion, de pe coasta Asiei Mici (Zosimo 2007, II.23.4; Zosimus 1982, 2.23.4; Zósimo 1992, II.23.4). Dispersarea și părăsirea câmpului de luptă de către vasele lui Licinius au marcat și finalul primei faze a confruntării navale din Hellespont.

A doua fază a confruntării a debutat în prima jumătate a zilei următoare. Inițiativa reluării ostilităților a aparținut navarchului Abantus. În fruntea vaselor refugiate în portul Aiantion, con-

stituite într-o escadră, acesta a încercat să treacă la contraofensivă. Pe baza informațiilor transmise de Zosimos, putem estima escadra de sub comanda lui Abantus la circa 135 de vase (Zosimo 2007, II.24.2-3; Zosimus 1982, 2.24.2-3; Zósimo 1992, II.24.2-3).

În acțiunea lui, Abantus căuta să profite și de un puternic, dar favorabil, vânt din nord, care se produsese la scurt timp după ce vasele sale părăsiseră portul. Contraofensiva amiralului lui Licinius a fost însă compromisă de refuzul comandanților vaselor de tip *triacontoros*, care se refugiaseră la Elaeus, de a participa la operațiunile militare. În pofida dispozițiilor lui Abantus, aceștia au ordonat vaselor de sub comanda lor să rămână în port. În situația creată, abandonat de o parte a flotei și aflat în inferioritate numerică față de adversari, Abantus a ezitat să se angajeze în luptă (Zosimo 2007, II.24.1; Zosimus 1982, 2.24.1; Zósimo 1992, II.24.1).

În jurul prânzului, vântul din nord a încetat. El a fost urmat însă de un violent vânt din sud, care, transformat într-o adevărată furtună, a surprins escadra aflată sub comanda lui Abantus. Împinse de vântul puternic, vasele acestuia au fost lovite de stâncile din apropierea țărmului Asiei Mici. Unele dintre ele au fost grav avariate, iar altele, relatează Zosimos, „s-au scufundat împreună cu echipajele lor” (Zosimo 2007, II.24.2; Zosimus 1982, 2.24.2; Zósimo 1992, II.24.2). În acest dezastru, consemnează autorul romano-bizantin, „au murit cinci mii de oameni și au fost distruse o sută treizeci de nave cu echipajele lor” (Zosimo 2007, II.24.2; Zosimus 1982, 2.24.2; Zósimo 1992, II.24.2).

Navarchul Abantus a supraviețuit dezastrului flotei sale. El a reușit să se refugieze în Asia Mică în fruntea a doar patru vase (Zosimo 2007, II.24.3; Zosimus 1982, 2.24.3; Zósimo 1992, II.24.3). Cu distrugerea escadrei comandate de Abantus se încheia și a doua fază a confruntării dintre flota lui Constantinus I și Licinius și, odată cu ea, întreaga bătălie navală (Zosimo 2007, II.24.3; Zosimus 1982, 2.24.3; Zósimo 1992, II.24.3). Flota lui Constantinus I obținuse o victorie categorică, fără a participa propriu-zis la faza a doua a confruntării navale cu flota lui Licinius.

Confruntarea navală pentru Propontida. Singura sursă care înregistrează această confruntare este *Origo Constantini*. Știrile transmise de izvorul amintit sunt însă excesiv de sumare. Potrivit consemnării din acest izvor, „Crispus, cu flota lui Constantinus, a navigat către Callipolis (*Galli-*

poli / Gelibolu, în Turcia, n.n.), unde, într-o luptă maritimă, l-a învins atât de decisiv pe Amandus, încât acesta ulterior abia a scăpat cu ajutorul celor rămași pe țărm” (Excerpta Valesiana 1961, I.26; The Excerpts 1986, I.5.26; The Origin 1996, V.26).

Știrile transmise de *Origo Constantini* permit formularea opiniei că, în vederea confruntării cu flota lui Constantinus I, comandată de caesarul Crispus, navarchul Abantus și-a concentrat flota în partea de sud-vest a Propontidei, la nord de Callipolis, la intrarea dinspre miază-noapte în Hellespont. Potrivit aceluiași informații, aici s-a desfășurat și confruntarea navală decisivă dintre flotele celor doi împărați rivali, încheiată cu victoria categorică a flotei lui Constantinus I.

Cum s-a ajuns la această a doua bătălie navală, consemnează Zosimos, în lucrarea lui. Din relatarea acestuia aflăm că, după victoria de la intrarea sudică a Hellespontului, Crispus a trimis prin strămoare vase de transport cu „o încărcătură variată, pentru a asigura aprovizionarea cu hrană suficientă a soldaților lui Constantinus”, care asediau orașul Byzantium (Zosimo 2007, II.24.3; Zosimus 1982, 2.24.3; Zósimo 1992, II.24.3). Totodată, caesarul a pătruns cu întreaga flotă în Hellespont, „spre a se alătura soldaților care asediau Byzantiumul și a înconjura și dinspre mare orașul” (Zosimo 2007, II.24.3; Zosimus 1982, 2.24.3; Zósimo 1992, II.24.3).

Ca să preîntâmpine conturarea unei situații atât de periculoase, o parte din pedestrirea lui Licinius s-a îmbarcat pe vasele avute la dispoziție și a navigat spre Elaeus, unde erau adăpostite vasele care se salvaseră după prima bătălie (Zosimo 2007, II.24.3; Zosimus 1982, 2.24.3; Zósimo 1992, II.24.3). Se încerca, probabil, realizarea unei joncțiuni cu gruparea de *triakontoros*, care staționa în acest port. Comanda acestei escadre i-a fost incredințată, se pare, aceluiași amiral Abantus, care, așa cum am văzut, se salvase din dezastrul primei confruntări.

Pentru ambele părți, confruntarea de la ieșirea din Hellespont în Propontida avea o importanță aparte. O victorie a flotei lui Constantinus I i-ar fi permis acestuia să-și impună controlul incontestabil în Propontida, să realizeze joncțiunea cu forțele terestre, care asediau cetatea Byzantium, să le aprovizioneze cu alimentele și logistica transportate pe vase, să impună o blocadă completă orașului și să-și asigure controlul în Bosphor, tăind, astfel, legăturile dintre posesiunile euro-

pene și cele asiatice ale lui Licinius. O victorie a flotei lui Licinius ar fi condus la anularea respectivelor obiective tactice ale flotei constantiniene.

Avem însă toate motivele să credem că înaintarea rapidă a flotei lui Constantinus I a împiedicat realizarea joncțiunii dintre escadra comandată de Abantus și forțele navale de la Elaeus. Amiralul lui Licinius se vedea, astfel, lipsit de colaborarea celor mai eficiente vase de luptă ale momentului – gruparea de *triacontoros* adăpostită la Elaeus.

Conchidem deci că, în bătălia navală de la intrarea nordică a Hellespontului, în care s-a angajat împotriva flotei constantiniane comandate de Crispus, navarchul Abantus nu a avut la dispoziție decât escadra în fruntea căreia pornise să facă joncțiunea cu gruparea de *triacontoros* de la Elaeus. Finalul bătăliei înregistra o nouă înfrângere, decisivă de această dată, consemnată laconic de *Origo Constantini*, și anume că Crispus „l-a învins complet pe Amandus” (Excerpta Valesiana 1961, I.26; The Excerpts 1986, I.5.26; The Origin 1996, V.26).

Rezultatul confruntărilor navale dintre cele două flote este foarte clar sintetizat de *Origo Constantini*. La finalul lor, succesul flotei lui Constantinus I era unul categoric, în timp ce flota lui Licinius era „fie distrusă, fie capturată” (Excerpta Valesiana 1961, I.26; The Excerpts 1986, I.5.26; The Origin 1996, V.26). După înfrângerea gravă, suferită în bătălia navală de la intrarea din Hellespont în Propontida, flota înceta să mai constituie o componentă a armatei lui Licinius, capabilă să mai desfășoare operațiuni militare de anvergură.

Ultimele operațiuni navale din vara anului 324. Victoriile obținute i-au permis flotei lui Constantinus I, comandate de caesarul Crispus, să-și atingă obiectivele tactice fixate. În primul rând, ea și-a impus controlul deplin în Hellespont și Propontida. Totodată, flota constantiniană și-a asigurat deschiderea completă a drumului spre Bosphor, ceea ce i-a permis lui Crispus să realizeze nestingherit joncțiunea cu forțele terestre, comandate de tatăl său, să le aprovizioneze cu alimentele și logistica transportate pe vase și să desăvârșească blocada Byzantiumului (Excerpta Valesiana 1961, I.27; The Excerpts 1986, I.5.27; The Origin 1996, V.27).

Licinius a reușit însă să evite blocada și, cu puținele nave avute încă la dispoziție, consemnează laconic *Origo Constantini*, „a navigat la Chalkedon”, pe țărmul asiatic al Bosphorului (Zosimo 2007, II.25.2; Zosimus 1982, 2.25.2;

Zósimo 1992, II.25.2). L-a investit caesar pe Martinianus, *magister officiorum*, pregătindu-se pentru o nouă confruntare cu adversarul lui.

Transbordarea împăratului din Răsărit și a unei părți din armata lui pe țărmul asiatic al Bosphorului a constituit ultima operațiune navală, desfășurată de flota lui Licinius și consemnată de izvoarele istorice pe care le avem la dispoziție. Odată cu încheierea acestei acțiuni, orice informație referitoare la ea încetează.

În acest timp, Constantinus I repurta un nou succes. Supus unei blocade totale, lipsit de orice posibilitate de a primi ajutor din partea lui Licinius, Byzantiumul și-a deschis porțile în fața învingătorului. Flota lui Constantinus I își asigura și controlul deplin al Bosphorului.

După ocuparea Byzantiumului, Constantinus I a început pregătirile pentru trecerea forțelor sale în Asia Mică, în vederea confruntării decisive cu Licinius. În cadrul acestor pregătiri, un rol însemnat i-a fost rezervat, din nou, flotei.

Operațiunile destinate transbordării trupelor constantiniene pe țărmul asiatic al Bosphorului, s-au desfășurat, foarte probabil, la sfârșitul lunii august sau la începutul lunii septembrie 324. Din lucrarea istorică a lui Zosimos, cunoaștem că debarcarea pe țărmul microasiatic s-a realizat prin zona Promontoriului Sacru, aproape de ieșirea Bosphorului la Marea Neagră, situat la o distanță de 200 de stadii (circa 37 km) de Chalkedon. În prezentarea desfășurării acestor operațiuni, Zosimos afirmă că împăratul Constantinus I, „care avea multe nave de transport și de război, a vrut să ocupe țărmul opus”, respectiv cel al Asiei Mici, „totuși, de teamă că țărmul Bithyniei era inaccesibil, mai ales, pentru navele de transport, a pregătit vase ușoare și rapide, care să navigheze spre așa-numitul Promontoriu Sacru, care se află la gura Pontului și este situat la o depărtare de două sute de stadii de Chalkedon” (Zosimo 2007, II.26.1; Zosimus 1982, 2.26.1; Zósimo 1992, II.26.1).

Câteva succinte informații, transmise de *Origo Constantini*, conduc la concluzia că ultimele operațiuni desfășurate de flota constantiniană s-au consumat chiar în timpul bătăliei de la Chrysopolis (18 septembrie 324). Din respectivele informații reiese că luptătorilor imbarcați pe vasele flotei constantiniene le-a revenit un rol însemnat în faza finală a bătăliei de la Chrysopolis. Conform consemnării din izvorul amintit, ultimii soldați

din armata lui Licinius, care continuau să reziste, s-au văzut confrunțați cu luptătorii transportați de vasele flotei lui Constantin I și debarcați în zona câmpului de luptă. Când „au văzut legiunile lui Constantin sosind pe liburne (*liburnas*), supraviețuitorii și-au aruncat jos armele și au renunțat să mai continue lupta”, relatează *Origo Constantini* (Excerpta Valesiana 1961, I.28; The Excerpts 1986, I.5.28; The Origin 1996, V.28).

Operațiunile militare din faza finală a bătăliei de la Chrysopolis au fost ultimele desfășurate de flotă în timpul campaniei din vara anului 324. Flota lui Constantin I, comandată pe toată durata campaniei de fiul acestuia, caesarul Crispus, a avut un rol însemnat în asigurarea succesului final al împăratului din Apus. În urma victoriei obținute, pentru prima oară din 284, Imperiul Roman era unificat sub conducerea unui singur împărat.

Bibliografie

- Ammiano 2013:** Ammiano Marcellino, *Le storie*. A cura di A. Salem, UTET (Novara 2013).
- Ammianus 1982:** Ammianus Marcellinus, *Istorie romană*. Studiu introductiv, traducere, note și indice de D. Popescu (București 1982).
- Ammianus 1986:** Ammianus Marcellinus, *The Later Roman Empire (A.D. 354-378)*. Selected and translated by W. Hamilton, with Introduction and Notes by A. Wallace-Hadrill, (Penguin Books, Bungay 1986).
- Austin 1980:** N.J.E. Austin, *Constantine and Crispus, A.D. 326*. *Acta Classica* XXIII, 1980, 133-138.
- Barnea, Iliescu 1982:** I. Barnea, O. Iliescu, *Constantin cel Mare* (București 1982).
- Barnes 1981:** T.D. Barnes, *Constantine and Eusebius* (Cambridge, Massachusetts, London 1981).
- Barnes 2014:** T.D. Barnes, *Constantine. Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire* (Wilwy Blackwell 2014).
- Bruun 1961:** P. Bruun, *Studies in Constantinian Chronology* (New York 1961).
- Burgersdijk 2018:** D. Burgersdijk, *Constantine's Son Crispus and His Image*. In: (Eds. D.W.P. Burgersdijk, A.J. Ross) *Contemporary Panegyric Accounts, „Imagining Emperors in the Later Roman Empire”* (Leiden-Boston 2018), 137-157.
- Casson 1971:** L. Casson, *Ships and Seamanship in the Ancient World* (Princeton 1971).
- D'Amato 2017:** R. D'Amato, *Imperial Roman Warships 193-565 AD* (Oxford 2017).
- Eusebius Pamphilus 1923:** Eusebii Pamphili *Chronici Canones*. Latine verit, adauxit, ad sua tempora produxit S. Eusebius Hieronymus, edidit I.K. Fotheringham (Venit Londini MCMXXIII).
- Excerpta Valesiana 1986:** *Excerpta Valesiana*, recensuit J. Moreau (Lipsiae MCMLXI).
- Grant 1994:** M. Grant, *Constantine the Great. The Man and His Times* (New York 1994).
- Jerome 2005:** Jerome, *Chronicle*. Translated and edited by R. Pearse and friends (Ipswich 2005), http://www.tertullian.org/father/jerome_chronicle_03_part2.htm (accesat: 29.01.2021).
- Jones, Martindale, Morris 1971:** A.H.M. Jones, J.R. Martindale, J. Morris, *The Prosopography of the Later Roman Empire*, vol. I: AD 260-395 (Cambridge 1971).
- Kienast 2004:** D. Kienast, *Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie* (Darmstadt 2004).
- Lançon 2006:** B. Lançon, *Constantin cel Mare*. Traducere, prefață și note Gh. Lazăr (București 2006).
- Lançon, Moreau 2013:** B. Lançon, T. Moreau; *Constantin. Un împărat creștin*. Traducere D. Cârstea și D. Anfile (București 2013).
- MacMullen 2014:** R. MacMullen, *Constantine* (Routledge 2014).
- Odahl 2010:** Ch.M. Odahl, *Constantine and the Christian Empire* (London and New York, 2010).
- Orosius 1964:** Paulus Orosius, *The Seven Books of History against the Pagans*. Translated by R.J. Deferrari (Washington, D.C. 1964).
- Orosius 2010:** Orosius, *Seven Books of History against the Pagans*. Translated with an introduction and notes by A.T. Fear (Liverpool 2010).
- Palanque, 1938:** J.-R. Palanque, *Chronologie constantinienne*. *Revue des Études Anciennes* 40/3, 1938, 241-250.
- Panegyrici Latini 1874:** *Panegyrici Latini XII*, recensuit Aemilius Baehrens (Lipsiae MDCCCLXXIV).
- Pitassi 2012:** M. Pitassi, *The Roman Navy. Ships, Men & Warfare 350 BC - AD 475* (Barnsley 2012), e-Book, www.seaforthpublishing.com (accesat: 22.09.2020).
- Pohlsander 1984:** H.A. Pohlsander, *Crispus: Brilliant Career and Tragic End*. *Historia* XXXIII/1, 1.Qrt., 1984, 79-106.
- Pohlsander 2004:** H.A. Pohlsander, *The Emperor Constantine* (London and New York 2004).
- Pryor, Jeffreys 2006:** J.H. Pryor, E.M. Jeffreys, *The Age of the ΔΡΟΜΩΝ. The Byzantine Navy ca 500-1204* (Leiden-Boston 2006).

- Seeck 1901:** O. Seeck, Crispus. In: (Hrsg. G. Wissowa) Paulys Real-Encyclopädie des Classischen Altertumswissenschaft (Stuttgart 1901), col. 1722-1724.
- Starr 1941:** C.G. Starr, Jr., The roman Imperial Navy 31 B.C. - A.D. 324 (New York 1941).
- The Excerpts 1986:** The Excerpts of Valesius, în Ammianus Marcellinus. With an english translation by J.B. Rolfe. In Three Volumes, III (Cambridge, Massachusetts, London MCMLXXXVI).
- The Origin 1996:** The Origin of Constantine. The Anonymus Valesianus pars prior (Origo Constantini), translated by Jane Stevenson. In: (Eds. S.N.C. Lieu, D. Montserrat) From Constantine to Julian: Pagan and Byzantine Views. A Source History (London and New York, 1996), 39-62.
- Tillemont 1732:** L. de Tillemont, Histoire des empereurs, et des autres princes, t. IV (Bruxelles MDCCXXXII).
- Treadgold 1995:** W. Treadgold, Byzantium and Its Army 284-1081 (Stanford 1995).
- Treadgold 2012:** W. Treadgold, Bizanțul și armata sa 284-1081. Traducere de A.-E. Moleon și B.-P. Moleon (Iași 2012).
- Zosimus 1982:** Zosimus, New History. A Translation with Commentary by R.T. Ridley (Cambera 1982).
- Zósimo 1992:** Zósimo, Nueva historia. Introducción, traducción y notas de J.M. Candu Morón (Madrid 1992).
- Zosimo 2007:** Zosimo, Storia nuova. Introduzione, traduzione e note di F. Conca. Testo Greco a fronte (Milano 2007).

Naval operations within the confrontations between Constantine I and Licinius in the summer of 324

Keywords: Constantinus, Licinius, Crispus, Abantus (Amandus), Hellespont, triakontoros.

Abstract: The summer of 324 was dedicated to the final stage of the struggle for dominion in the Roman Empire between Flavius Valerius Constantine I (306-337), Augustus in the West, and Valerius Licinianus Licinius (308-324), Augustus in the East. At this stage, naval battles played an important role in the military confrontation between the emperors. The Roman-Byzantine historian Zosimos (5th century) notes that the fleet of Constantine I consisted of 200 warships (triakontoros) and 2,000 transport ships, and the fleet of Licinius consisted of 350 triremes (trieres). The fleet of Constantine I was commanded by his son Caesar Crispus, and the fleet of Licinius was ruled by Admiral Abantus (or Amandus). There were two decisive battles between the two fleets, won by the fleet of Constantine I: the first at the southern entrance to the Hellespont; the second was at the northern entrance to the same strait. The participation of warriors from the ships of Constantine's fleet also played an important role in the final phase of the Battle of Chrysopolis (September 18).

List of illustrations:

Map 1. Operations undertaken by the fleet of Constantine I in the summer of 324.

Map 2. Naval battles in July 324.

Морские операции в ходе противостояния Константина I и Лициния летом 324 г.

Ключевые слова: Константин, Лициний, Крисп, Абантус (Амандус), Геллеспонт, триаконтос.

Резюме: Лето 324 года было посвящено заключительному этапу борьбы за владычество в Римской империи между Флавием Валерием Константином I (306-337), августом на западе, и Валерием Лицинианом Лицинием (308-324), августом на востоке. На этом этапе важную роль в военном противостоянии между императорами сыграли морские сражения. Римско-византийский историк Зосим (V век) отмечает, что флот Константина I насчитывал 200 боевых кораблей (триаконтос) и 2000 транспортных судов, а флот Лициния – 350 трирем (триер). Командовал флотом Константина I его сын Цезарь Крисп, а флотом Лициния управлял адмирал Абантус (или Амандус). Между двумя флотами произошли два решающих сражения, выигранных флотом Константина I: первое у южного входа в Геллеспонт; второе – у северного входа в тот же пролив. Участие воинов с кораблей флота Константина также сыграло важную роль в заключительной фазе битвы при Хризополисе (18 сентября).

Список иллюстраций:

Карта 1. Операции, предпринятые флотом Константина I летом 324 г.

Карта 2. Морские сражения в июле 324 г.

31.03.2021

Dr. Vasile Mărculeț, Colegiul Tehnic „Mediensis”, str. Sticlei, nr. 9, RO-551130 Mediaș, jud. Sibiu, România, <https://orcid.org/0000-0002-3409-2818>, e-mail: vasilemarculet@gmail.com; web: vasilemarculet.vze.com

---

UN MODEL DE COMUNICARE POLITICĂ DESCENDENTĂ: SYMMACHUS, OR. II

George Ivașcu

Cuvinte-cheie: Symmachus, *Orationes*, aristocrația senatorială, comunicare politică, ideologia imperială, Antichitatea târzie.

În economia ideologică a discursului puterii în Antichitatea târzie, panegiricele se impun ca cele mai complexe și interesante mărturii (Whitby 1998). În exegeză, au fost interpretate, pentru mult timp, doar din perspectivă retorică și literară, care au evidențiat aspectul lor formal, contribuind astfel și la menținerea unei anumite reticențe în rândul istoricilor, care au ignorat relevanța acestei importante categorii de izvoare pentru înțelegerea diferitor fațete ale ideologiei oficiale în Imperiul târziu. Cu toate acestea, Sabine MacCormack (1976, 29-77) și Guy Sabbah (1984, 363-388) au lărgit, prin studiile lor de pionierat, orizontul receptării acestor *testimonia*, argumentând convingător în favoarea interpretării lor și într-o cheie pragmatică, istorică (recent, Omissi, Ross 2020), în care le este recunoscută dimensiunea funcțională, „vehiculaire”, pentru a folosi termenul istoricului francez (Sabbah 1984, 372).

În studiul nostru, plecând de la sugestia lui Guy Sabbah, care propune interpretarea panegiricelor ca modele de comunicare politică (concept explorat în Rosillo-López 2017), ne propunem să analizăm cel de-al doilea discurs susținut de Symmachus în cinstea lui Valentinianus I (364-375) la curtea imperială de la Augusta Treverorum din această perspectivă, evidențiind mai ales structurarea acestui *encomium* în consonanță cu așteptările puterii suverane. În conformitate cu terminologia propusă de istoricul francez, întâlnim o comunicare politică descendentă (*communication descendente*), de diseminare a temelor discursului oficial dinspre curtea imperială către grupurile sociale relevante din Imperiu, în cazul nostru, elita senatorială din *Vrbs*.

Pentru început însă, trebuie să avem în vedere noua dinamică a discursului puterii în Imperiul târziu și rolul panegiricelor în economia propagandistică a perioadei.

Consensul, marea obsesie ideologică a Antichității târzii, cunoaște noi forme de expresie începând cu domnia lui Diocletianus (284-305), care marchează, și din acest punct de vedere, o nouă etapă în evoluția lui *Imperium Romanum*. Concret, noua ideologie a puterii de natură cvasidivină, absolutistă, promovată de împăratul illyr, este comunicată nu numai printr-un nou vocabular politic, ci și prin ritualuri și ceremonii complexe (*dies imperii*, *consecrationes*, *adventus*, *quinquennalia*, *decennalia*, *vicennalia* etc.), care pun în evidență noul statut al împăratului, mai aproape de divinitate, inaccesibil, izolat față de supuși (*adventus* – MacCormack 1972, 721-753; MacCormack 1981, 17-32). E suficient să amintim, în acest sens, noile dimensiuni ceremoniale orientalizante, pe care *adventus*-ul le comportă în Antichitatea târzie, în care împăratul este perceput ca o „icoană a puterii” (pentru generalizarea acestei tendințe, vezi Neri 2019), așa cum apare, de exemplu, Constantius II în relatarea lui Ammianus Marcellinus despre intrarea sa triumfală în *Vrbs* în 357 (Amm., XVI, 10). În acest context ideologic extrem de complex, panegiricul se impune ca cel mai important canal de comunicare a aspirațiilor puterii suverane în Imperiu. Departe de a fi doar un artefact literar restrâns pentru uzul aulic, discursul encomiastic se impune, alături de aclamații (e.g., Roueché 1984, 181-199), ca una dintre cele mai importante modalități de expresie a consensului, simbolică și ritualică, asigurând o comunicare politică deschisă între puterea suverană și grupurile sociale relevante din Imperiu (Wienand 2015, 3-16); devine un act ceremonial, de rutină, specific unei domnii legitime. În acest sens, să nu uităm de interesul pe care uzurpatorii îl arată acestei modalități de comunicare politică în efortul lor pentru recunoaștere (Omissi 2018). Revenind, rolul oratorului este de mediator activ între aceste interese, el formulând, în ultimă instanță, ideologia oficială ce sancționează evenimentul pe care îl interpretează.

Un astfel de moment festiv, celebrat adesea în Imperiul târziu, este consulatul asumat de suverani. Cu această ocazie, motivul ideologic cel mai des invocat este cel al triumfului militar (McCormick 1986), așa cum îl regăsim relatat, de exemplu, în *Panegyrici Latini*, în discursul susținut în 289 sau în *encomia* lui Claudius Claudianus pentru Honorius (discursurile IV, VI). Cel mai adesea, oratorii prelucrează un material istoric, inspirat din faptele militare ale împăratului, pe care îl interpretează într-o cheie simbolică, prin procedee retorice specifice genului epidictic, e.g., *ekphrasis*.

Discursul susținut de Symmachus în cinstea lui Valentinianus I la Augusta Treverorum se înscrie în această tendință. Dar, mai întâi, vom prezenta contextul istoric din spatele acestui eveniment.

Quintus Aurelius Symmachus (cca 340-402) a fost un important membru al elitei senatoriale din *Vrbs*, în a doua jumătate a secolului al IV-lea, ajungând, pe rând, *princeps Senatus*, *praefectus Vrbi* (384-5) și consul (391)¹. Puterea și influența pe care a dobândit-o senatorul se datorează în mare parte cultivării atente a patronajului imperial și a *amicitia*-ei cu palatinii sub mai mulți suverani (Valentinianus I, Gratianus și Theodosius I), așa cum o atestă corespondența sa, *Epistulae* (Sogno 2017, 175-189; Ivașcu 2018, 33-43). Un rol foarte important l-a avut și stăpânirea artei oratorice, abilitate care i-a permis să susțină la Curtea imperială trei *orationes* pentru Valentinianus I și fiul său, Gratianus, între 368-370, ca ambasador al Senatului.

Discursurile pe care oratorul le-a prezentat marcatu celebrarea unor evenimente importante pentru destinul politic al dinastiei valentinieni: *Oratio* I, rostită la 26 februarie 369, punctează sărbătorirea unui ciclu de putere – *quinquennium*, *oratio* II (1 ianuarie 370) – consulatul împăratului, pentru ca *oratio* III (18 aprilie 369 / 5 ianuarie 370) să elogieze inaugurarea unui *novum saeculum* pentru Imperiu, odată cu desemnarea unui moștenitor, în persoana lui Gratianus (375-383). Prestigiul lor era cu atât mai mare, cu cât veneau din partea unui reprezentant de seamă a lui *amplissimus ordo*. În ciuda izolării sale geografice și politice, Senatul și-a menținut în Antichitatea târzie, cel puțin pentru *pars Occidentalis*, statutul simbolic în discursul oficial al

puterii (Humphries 2003, 27-46), cooperarea sa în plan ideologic (*concordia*) fiind căutată atât de împărați, cât și de *tyranni* (uzurpatori). Așadar, pentru suveranul panonic, prezența unui senator reprezentativ la Curte era o bună oportunitate pentru a-și comunica legitimitatea către *patres*. În acest sens, îl include în anturajul său oficial (*comitatus*) pe Symmachus, care îl va însoți cu ocazia unei *expeditio* militare pe *limes*-ul rhenan, în Gallia², care a avut loc, cel mai probabil, în 369, după cum susține Danuta Shanzer, pentru a observa superioritatea armatei romane față de barbari (Shanzer 1998, 283-305). Aici, suveranul a condus o campanie de pedepsire a *alamanni*-lor, cu puține rezultate practice însă în plan militar, el limitându-se doar să asigure un perimetru strategic de supraveghere a mișcărilor de populații din stânga Rinului. Ammianus Marcellinus relatează inițierea unor lucrări de fortificare a zonei, de securizare a traficului fluvial prin ridicarea unor *castella*, *castra* sau *turres* (Amm., XXVII, 5, 8). Mai mult chiar, în interiorul teritoriului barbar, împăratul ridică, la confluența râului Neckar cu Rinul, un *burgus*, care este menționat și într-o inscripție oficială, dedicată de un *vir militaris*, Caius Valerius Tertius; Ausonius, în *Mosella*, o amintește cu numele de *Lopodunum* (Auson., *Mos.* v. 423). Așadar, Valentinianus a întreprins o campanie militară de rutină, specifică zonei de frontieră, a cărui scop era mai degrabă ideologic, de reafirmare a supremației romane în confruntarea cu *barbarae nationes*.

Ecolul propagandistic al acestui eveniment militar îl regăsim în *Or.* II, discurs pe care Symmachus îl prezintă cu ocazia asumării celui de-al treilea consulat de către împărat, la 1 ianuarie 370. Aici, oratorul comunică aspirațiilor puterii imperiale, care sunt îndreptate mai ales către triumful militar și securitatea Imperiului. Regăsim acest discurs de *self-presentation* și pe monede, pe a căror legende citim GLORIA ROMANORUM³ / REI PUBLICAE⁴, RESTITUTOR REI PUBLICAE⁵ sau SECURITAS REI PUBLICAE⁶. Audiența mesajului, în acest context, este îndreptată mai ales către elita senatorială din *Vrbs*, pe al cărei sprijin, cooperare (*devotio*, în limbaj propagandistic) se baza

² Symm., *Ep.* I, 43, 3: *cum aeternorum principum iam pridem signa comitarer.*

³ E.g., RIC IX, *Valentinianus et Valens*, Treveri, nr. 5-6; 10-11, 29-31, 35-38, 47 a-c.

⁴ E.g., RIC IX, *Valentinianus et Valens*, Treveri, nr. 9, 12 a-b.

⁵ E.g., RIC IX, *Valentinianus et Valens*, Treveri, nr. 1-2; 14 a-b.

⁶ E.g., RIC IX, *Valentinianus et Valens*, Treveri, nr. 7, 32 a-c.

¹ PLRE I, Q. *Aurelius Symmachus* signo *Eusebius* 4, p. 865-870.

împăratul. De altfel, ambasadele la curtea imperială erau, în această perioadă, cele mai importante canale de comunicare politică, diplomatică cu suveranii, fiind adesea ritualizate prin susținerea unor astfel de *encomia* (pentru secolul V, vezi Gillett 2009). Prin intermediul lor erau negociate agendele de interes ale fiecărei părți. Dacă în primul panegiric, Symmachus a elogiat suveranul prin prisma discursului tradițional asupra puterii imperiale din perspectivă senatorială, în cel de-al doilea *encomium*, împăratul își face cunoscute propriile ambiții. În continuare, vom urmări limbajul retoric, prin care sunt mediate aceste aspirații, având în vedere evenimentele istorice din care sunt inspirate.

Fără îndoială, panegiricile din Antichitatea târzie se remarcă prin evocarea simbolică, generalizatoare, universalistă a unor aspecte și atribute ale puterii suverane, pe care le adaptează creativ particularităților evenimentului cu ocazia căruia sunt adresate. În discursul lui Symmachus, imaginea militară a lui Valentinianus se înscrie în acest tipar. Astfel, în *exordium*, suveranul, în magistratura de consul, simbolizează supremația romană asupra barbarilor, *imperium*-ul său răsfângându-se etern asupra lor. Consulatul său încununează opera de pacificare a zonei transrhenane. Reținem aici apelativul cu rezonanțe arhaice, republicane, pe care oratorul îl folosește la adresa împăratului: (*invictus*) *moderator*⁷.

Virtuțile militare, natura sa cvasidivină îi conferă un avantaj decisiv lui Valentinianus în confruntările sale cu alamanii. În acest context, ipostaza cosmică a suveranității (*cosmic kingship*) este invocată de orator, în care suveranul, în virtutea statutului său, comandă forțelor și elementelor naturii, supunându-le. *Providentia* a sa militară îl ajută să anticipeze mișcările tactice ale adversarilor. Din relatarea lui Ammianus Marcellinus, avem confirmarea istoricității episodului menționat în acest context de Symmachus, în care Valentinianus încheie, în secret, o alianță cu burgunzii, pentru a-și uni forțele în distrugerea inamicului comun (Amm., XXVIII, 5, 8). În ceea ce privește confruntările militare, reduse ca intensitate și amploare, ele sunt interpretate de orator tot în cheie ideologică, absolută. Astfel, romanii preferă mai degrabă să-i urmărească (*spectare*) de la distanță decât să-i măcelărească (*caedere*) pe barbarii care se retrag.

⁷ Symm., Or. II, 2: *Novimus, invicte moderator, tantis negotiis parem non esse mercedem.*

Mai mult ca atât, plecând de la *topos*-ul sălbăticiei acestora, în opoziție cu *humanitas Romana*, omniprezentă în literatura encomiastică a perioadei (vezi Lassandro 2001), îi asimilează chiar unor turme de animale sălbatice, de cerbi și căprioare (*agmina ignava cervorum; dammis pernicious campus aperitur*) care, speriate, fug. Satisfacția oratorului e deplină, el declarând că e mult mai plăcut (*gratius*) să-i urmărești în această ipostază, în care umanitatea lor e anulată, decât să-i ucizi. Cristiana Sogno consideră că această descriere e tributară mai degrabă motivului literar al unor *venationes*, cu ecouri mitologice, cu care acesta era mult mai familiarizat, decât celor de război (Sogno 2006, 14). Suntem de acord cu această observație, cu atât mai mult cu cât și în alte *ekphrases* pe care le întâlnim în text, unele chiar tehnice (cf. Callu 2009, 56, n. 3), ele atestă predilecția oratorului mai degrabă pentru folosirea unor termeni și imagini abstracte, locuri comune consacrate în reperoriul genului epidictic.

Pacificarea *limes*-ului rhenan, fortificarea și securizarea sa, confruntarea cu *alamanni*-i sunt discutate, ulterior, în detaliu de Symmachus, profitând de experiența lui directă în acea *expeditio* organizată de Valentinianus (*autopsia*). Din această lungă expunere, reținem conduita militară ideală a suveranului, animată mai degrabă de *clementia*⁸, un ideal tradițional al comandantului roman încă din perioada republicană (Barden Dowling 2006, 5). În locul supunerii militare, care poate fi răsturnată oricând, împăratul deține o armă mult mai eficientă de pacificare a *alamanni*-lor – civilizația romană (*cultus*), pe care o extinde dincolo de Rhin, prin fortificații militare logistice sau *civitates* (Symm., Or. II, 12). Menționează apoi un element de geografie politică: luarea în stăpânire de către antici a fluviilor Gange și Borysthenes, veritabile frontiere ale lui *orbis terrarum*⁹. Coroborat cu acesta, remarcăm prezența *topos*-ului ideologic al lui *imperium sine fine*, pe care campaniile militare ale suveranului le anunță¹⁰. Regu-

⁸ Symm., Or. II, 11: *Laus certaminum fortuita est, certa clementiae.*

⁹ Symm., Or. II, 24: *Ventilemus prisca monumenta, scrutemur annales: invenies vetustatem paene ignaram fluminum quae tenetis. Ipsi illi vates exoticis nominibus licenter ornati, cum ad Indicum Gangem et Borysthenem Scythicum carmen extenderint, Nigrum parem maximis ignoratione silverunt.*

¹⁰ Symm., Or. II, 24: *Dum orbis terminos quaeris, gentium sustulisti. Parvuum quiddam naturae superest quod adhuc Romanus inquirat. Relabi credis imperium, nisi semper accesserit.*

larizarea Rhinului și deschiderea sa către comerț este văzută ca o altă fațetă a împăratului triumfător, care subjugă și elementele naturii, contribuind, astfel, la prosperitatea Imperiului (*felicitas temporum*)¹¹. În fine, în încheierea discursului, Symmachus elogiază *libertas* a suveranului, element-cheie în reprezentarea lui ca *princeps civilis*, care face posibilă revenirea la o viața publică liberă, afectată anterior de *morbus tacendi*¹². Ea se manifestă prin restaurarea libertății de exercitare a oratoriei, în curțile de judecată (*libertas forensis eloquii*), a celei de exprimare, ce poate, în acest context, să stimuleze istoricii și oratorii, care, prin lucrările lor, așa cum face Symmachus aici, să ofere mărturii credibile operei de securizare a Imperiului, pe care împăratul o asigură¹³.

Ulterior, Symmachus se erijează în cel mai important susținător al beneficiilor asigurate de regimul împăratului, contribuind în special la diseminarea lor în *Vrbs* – către Senat și *plebs urbana*¹⁴. Remarcăm, așadar, aici, importanța oratorului în derularea comunicării politice dinspre curtea imperială către alte comunități din Imperiu, el asigurând, în acest caz, răspândirea principalelor mesaje politice către *urbes*, *Senatus* și *plebs Romana*. Desigur, după cum remarca și Jean-Pierru Callu (Callu 2009, 23, n. 1), în ciuda emfazei retorice din acest pasaj, Symmachus nu este un veritabil *wandering poet* în slujba suveranului în Imperiu, însă, în periplul său de întoarcere, în raporturile sale întinse de *amicitia*, pe care le întreține în corespondența sa, poate deveni un martor privilegiat al succesorilor regimului actual.

În încheiere, subliniem rolul foarte important al panegiricului în diseminarea discursului puterii în Antichitatea târzie. Forma și conținutul său, departe de a reflecta doar convențiile genului epideictic, comunică retoric și simbolic, în spiritul culturii ceremoniale care se impune în această perioadă, un discurs politic legitim ce asigură consensul între aspirațiile puterii suverane și interesele grupurilor sociale pe care oratorul, audiența sa le reprezintă. Întâlnim, așadar, chiar și în epoca Dominatului, o veritabilă comunicare politică, deschisă, negociată, chiar dacă în forme ritualizate, ceremoniale. În contextul mai larg al unui Imperiu imens, întins pe trei continente, cu o infrastructură insuficient de practică, confruntat periodic cu tendințe centrifuge, venite dinspre uzurpatori, grupuri sociale nemulțumite (*e.g., bagaudae*), panegiricele și evenimentele festive cu ocazia cărora erau rostite constituiau veritabile momente de coeziune simbolică a lumii romane sub patronajul împăratului. Studiul de caz pe care l-am prezentat succint aici ne oferă, credem, un punct de plecare în înțelegerea mult mai complexă a relațiilor de putere între Senat și Curtea imperială prin perspectiva discursurilor encomiastice. Chiar dacă ne-am referit doar la o singură dimensiune a acestei relații, diseminarea *top-down* a ideologiei imperiale, trebuie să avem în vedere și cealaltă fațetă – autoreprezentarea oratorului (*self-presentation*), promovarea, în numele tradiției politice clasice, a educației greco-romane (*paideia*), dacă ne referim la sugestia lui Peter Brown (Brown 1992), a unui anumit model de guvernare, fiind, așadar, o negociere deschisă între putere și persuasiune.

Bibliografie

- Amm.:** Ammianus Marcellinus, *Rerum Gestarum Libri Qui Supersunt*, I-III. Introduction and English translation by John C. Rolfe, Loeb Classical Library (Nos. 300; 331; 335) (Cambridge MA 1935-1940).
- Auson. Mos.:** Ausonius, with an English translation by Hugh G. Evelyn White, II (London 1921).
- Barden Dowling 2006:** M. Barden Dowling, *Clemency and Cruelty in the Roman World* (Ann Arbor 2006).
- Brown 1992:** P. Brown, *Power and Persuasion in Late Antiquity: Towards a Christian Empire* (Madison 1992).
- Callu 2009:** J.-P. Callu, *Notes complémentaires. Symmaque, Correspondance. Livres I et II, I, texte établi, traduit et commenté par Jean-Pierre Callu*, 23, n. 1; 56, n. 3 (Paris 2009).
- Gillett 2009:** A. Gillett, *Envoys and Political Communication in Late Antique West, 411-533* (Cambridge 2009).

¹¹ Symm., *Or. II*, 26: *Rhenum numquam antehac temere navigatum tumentibus aquis itinera tuta portasse.*

¹² Symm., *Or. II*, 29: *Nusquam maius silentium quam in sacriis litterarum. Idem varias aetates tacendi morbus urgebat, cum incipientium studia brevis finis artaret, peritiam veterum desuetudo longa conrumperet.*

¹³ Symm., *Or. II*, 29: *Sonet aput te libertas forensis eloquii quam dudum exulem tribunalibus reddisti; Or. II*, 30: *Nullae artes silent, nulla friget industria [...] Quid est gloria, si tacetur?*

¹⁴ Symm., *Or. II*, 31: *Canant alii quae supersunt; ego testis fungar officio. Ibo per urbes, ibo per populos iactantior victore laudato. Dicam Senatui plebisque Romanae: Fasces in provincias novas mittite, trans Rhenum iudices praeparate!*

- Humphries 2003:** M. Humphries, Roman Senators and Absent Emperors in Late Antiquity. *Acta ad archaeologiam et artium historiam pertinentia* 17, 2003, 27-46.
- Ivașcu 2018:** G. Ivașcu, Elite social networks și formulele protocolare în corespondența lui Symmachus. *Classica et Christiana* 13, 2018, 33-43.
- Lassandro 2001:** D. Lassandro, Sacratissimus Imperator. L'immagine del princeps nell' oratoria tardoantica (Bari 2001).
- MacCormack 1972:** S. MacCormack, Change and Continuity in Late Antiquity. The Ceremony of adventus. *Historia* 21, 1972, 721-753.
- MacCormack 1976:** S. MacCormack, Latin Prose Panegyrics: Tradition and Discontinuity in the Later Roman Empire. *Revue des Études Anciennes* 22, 1976, 1-49.
- MacCormack 1981:** S. MacCormack, Art and Ceremony in Late Antiquity (Berkeley 1981).
- McCormick 1986:** M. McCormick, Eternal Victory: Triumphal Rulership in Late Antiquity, Byzantium and Early Medieval West (Cambridge 1986).
- Neri 2019:** V. Neri, The Emperor as Living Image in Late Antiquity. *RIHA Journal* 12, 2019. DOI: <https://doi.org/10.11588/riha.2019.2> (accesat la 15 nov. 2020).
- Omissi, Ross 2020:** A. Omissi, A.J. Ross (eds.), Imperial Panegyric from Diocletian to Honorius (Liverpool 2020).
- Omissi 2018:** A. Omissi, Emperors and Usurpers in Late Antiquity. Civil War, Panegyric, and the Construction of Legitimacy (Oxford 2018).
- PLRE 1:** The Prosopography of the Later Roman Empire, A.D. 260-395, I, edited by A.H.M. Jones, J.R. Martin-dale, J. Moris (Cambridge 2006).
- RIC IX:** Roman Imperial Coinage, Valentinian I – Theodosius I (A.D. 364-395), edited by H. Mattingly, C.H.V. Sutherland, R.A.G. Carson (London 1951).
- Rosillo-López 2017:** C. Rosillo-López (ed.), Political Communication in the Roman World (Leiden-Boston 2017).
- Roueché 1984:** C. Roueché, Acclamations in the Later Roman Empire: New Evidence from Aphrodisias. *Journal of Roman Studies* 74, 1984, 181-199.
- Sabbah 1984:** G. Sabbah, De la rhétorique à la communication politique: les Panégyriques Latins. *Bulletin de l'Association Guillaume Budé* 43, 1984, 363-388.
- Shanzer 1998:** D. Shanzer, The Date and Literary Context of Ausonius Mosella: Ausonius, Symmachus, and Mosella. In: (Eds. P. Knox, C. Foss) *Style and Tradition. Studies in Honor of Wendell Clausen* (Stuttgart, Leipzig 1998), 284-305.
- Sogno 2006:** C. Sogno, Q. Aurelius Symmachus. A Political Biography (Ann Arbor 2006).
- Sogno 2017:** C. Sogno, The Letter Collection of Quintus Aurelius Symmachus. In: (Eds. C. Sogno, B.K. Storin, E.J. Watts) *Late Antique Letter Collections: A Critical Introduction and Reference Guide* (Los Angeles 2019), 175-189.
- Symm., Ep. I:** Symmaque, Correspondance. Livres I et II, I. Texte établi, traduit et commenté par Jean-Pierre Callu (Paris 2003).
- Symm., Or. II:** Symmaque, Discours – Rapports. Texte établi, traduit et commenté par Jean-Pierre Callu (Paris 2009).
- Whitby 1998:** M. Whitby (ed.), The Propaganda of Power. The Role of Panegyric in Late Antiquity (Leiden-Boston 1998).
- Wienand 2015:** J. Wienand, The Cloak of Power: Dressing and Undressing the King. In: (Ed. J. Wienand) *Contested Monarchy. Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD* (Oxford 2015), 3-17.

A model of top-down political communication: Symmachus, Or. II

Keywords: Symmachus, *Orationes*, senatorial aristocracy, political communication, imperial ideology, Late Antiquity.

Abstract: In recent historiography, numerous studies have underlined the importance of panegyrics for decoding different aspects of the official political discourse. In this article, starting from the concept of top-down political communication, proposed by the French historian Guy Sabbah, we will analyse the structure of the encomiastic discourse held by Symmachus at Augusta Treverorum (*Or. II* [1st of January 370]), in line with the ideological aspirations of emperor Valentinianus I's regime. With this methodological approach we can gain a better understanding of the importance of this formal propagandistic milieu in the performance of political communication in Late Antiquity. In this context, Symmachus is one of the most important witnesses for documenting the political relations between the Imperial Court and *amplissimus ordo* at the end of the 4th century.

Нисходящая модель политической коммуникации: Симмах, Ор. II.

Ключевые слова: Симмах, Орационес, сенаторская аристократия, политическая коммуникация, имперская идеология, поздняя античность.

Резюме: В недавней историографии во многих работах подчеркивается важность панегириков для расшифровки различных аспектов официального политического дискурса. В этой статье, начиная с концепции политической коммуникации сверху вниз, предложенной французским историком Ги Саббахом, мы проследим структурирование энкомиастического дискурса, данного Симмахом в городе Августа Треверорум (Ор. II [1 января 370]), в соответствии с идеологическими устремлениями императора Валентиниана I. Исходя из этого методологического подхода, мы можем оценить важность этой формальной пропагандистской среды в развитии политической коммуникации в поздней античности. В этом контексте Симмах является одним из наиболее важных свидетелей, подтверждающих отношения между императорским двором и амплиссимусом в конце IV века.

5.01.2021

Dr. George Ivașcu, Centrul de Studii Clasice și Creștine, Bd. Carol I, nr. 11, 700506, Iași, România, <https://orcid.org/0000-0002-8327-0502>, e-mail: george.ivascu28@yahoo.com

---

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ САКРАЛЬНЫХ СИМВОЛОВ И СЮЖЕТОВ НА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ ПОКЛОННОМ КАМНЕ БЛИЗ СЕЛА РУДЬ

Игорь Бондарь

Ключевые слова: бассейн Днестра, раннее средневековье, христианство, изображение Иисуса Христа, три сакральных сюжета, поклонный камень, алтарь древнего типа.

Вместо введения

Настоящая работа представляет собой первую научно-исследовательскую статью, посвященную крайне интересному объекту, открытому в 2017 году автором. Основными задачами данного исследования были: идентификация объекта, включение его в исторический контекст, расшифровка и интерпретация знаков и символов, введение в научный оборот. Автор не ставит перед собой задачу этнической атрибуции предмета исследования, однако опирается на накопленный научный базис в изучении материальной культуры региона и «микрзоны Рудь» раннего средневековья. Введение памятника в научный оборот началось с полей XXX Ежегодной научной конференции с международным участием «Исследование, документирование и освоение историко-культурного наследия» Национального музея истории Молдовы. Культурный памятник раннего средневековья находится в процессе пополнения списка национального достояния Республики Молдова.

Описание лицевой стороны памятника

Лицевая сторона памятника имеет выраженный антропоморфный вид, хорошо обработанную поверхность, на которую нанесены различные символы и знаки (рис. 1). Символы и знаки лицевой стороны явно группируются в смысловые сюжеты (рис. 2-4), имеющие космогоническое, сакральное, культовое значение. Таких сюжетных зон на лицевой стороне поклонного камня выделяется три, все символы связаны единым композиционным и логическим решением. Знаки на камне выполнены синхронно, о чем, в частности,

говорит почти полное отсутствие палимпсеста на скоплениях символов, формирующих сюжеты. Ряд знаков пребывает в состоянии хорошей сохранности, в то время как другие подверглись эрозии¹. Вокруг трех последовательных сюжетов имеются символы, вероятно, не входящие в них, но, безусловно, составляющие с ними общую композицию лицевой стороны монумента. На периферии сюжетных зон обнаруживаются, вероятно, более поздние гравировки, в некоторых местах имеющие признаки палимпсеста. Знаки лицевой стороны культового антропоморфного изваяния условно можно сгруппировать следующим образом: космогонические символы, из которых выделяются солярные знаки; крестообразные фигуры; лапчатые кресты; кресты иных типов; тамгообразные знаки; кресты, имеющие антропоморфный вид; кресты, имеющие орнитоморфный вид; руноподобные символы; антропоморфные изображения и иные знаки. Кроме того, на лицевой стороне камня имеются скульптурные изображения, выполненные в высоком рельефе.

Первая сюжетная зона

Основная часть первой сюжетной зоны располагается на личине антропоморфного изваяния (рис. 2). Личина условно отделена от тулова относительно глубокой бороздой (рис. 1/1; рис. 2/1). Борозда имеет определенный наклон, на ее правую часть накладывается небольшая трещина. Подобная борозда, условно «отделяющая» личину от тулова, известна на каменном антропоморф-

¹ Культурный объект был скрыт от исследователей толстым слоем мха и растительности, чем походил на обычную скалу, характерную для данной зоны. Однако мох и растительность лишь местами выступили в качестве фактора естественной консервации объекта, на других же участках объекта наличие мха только усилило эрозионные процессы по сарматскому известняку, из которого состоит памятник.

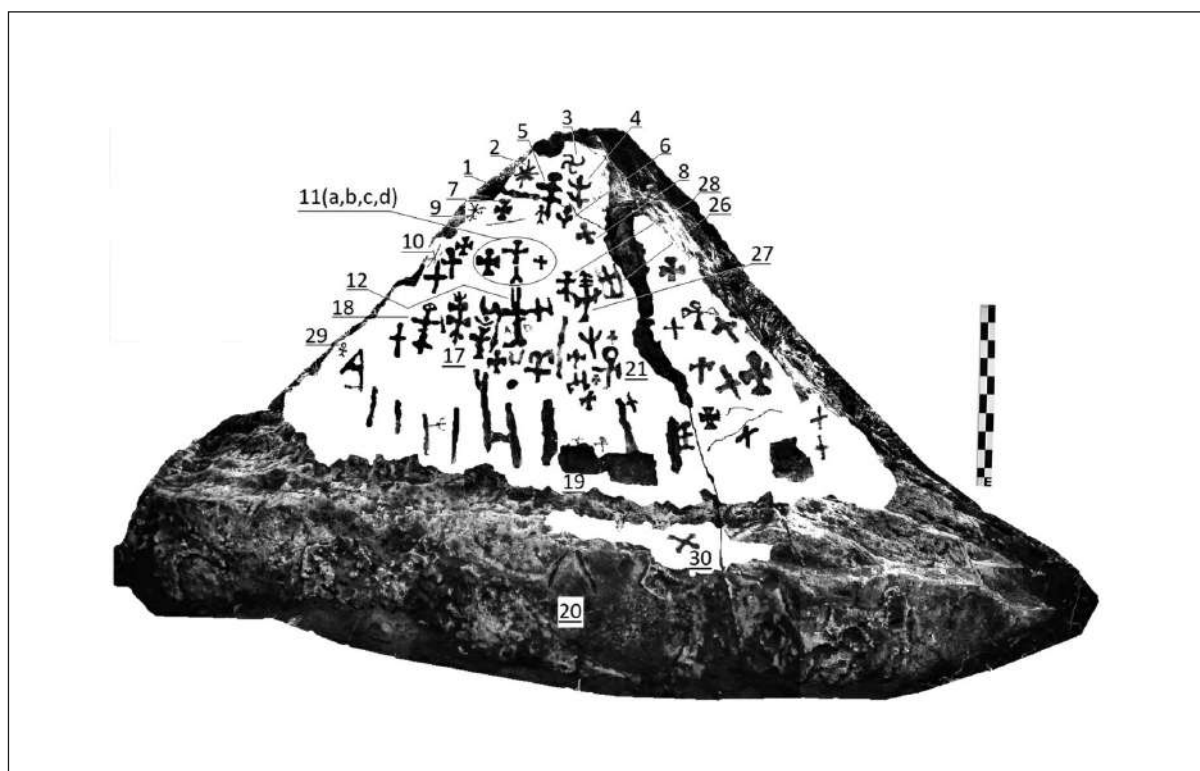

Рис. 1. Поклонный камень «Рудь». Общий план лицевой стороны.

ном идоле из жертвенного сооружения 14 на Збручском городище-святилище Звенигород², находящемся в Подолье (Русанова, Тимошук 2007, 233, рис. 4/2; 234, рис. 5/2). Весьма схожая аналогия имеется и на каменном антропоморфном идоле из Ганачевки Львовской области, где также утрированная личина «отделена» бороздой от тулова (Русанова, Тимошук 2007, 233, рис. 4/1).

В первой сюжетной зоне и в непосредственной близости от нее сосредоточены практически все космогонические символы, обнаруженные на объекте. Самым выраженным из них является восьмиконечный солярный знак «✳», расположенный в левой части условной личины антропоморфного поклонного камня (рис. 1/2; рис. 2/2). Солярный знак выполнен в технике высокого рельефа и занимает одно из господствующих положений на лицевой стороне культового изваяния. Данный символ очень хорошо выделен, объемен, и подвергся эрозийным процессам незначительно. По

правой верхней части солярного знака проходит более поздняя трещина в камне. Восьмиконечный солярный знак широко представлен в раннем средневековье на обширных территориях Восточноевропейской равнины, он являлся сакральным символом языческих верований, отождествляемым с солнцем, иногда встречается его семиконечный вариант. Символ изображен в центральной части умбоновидной подвески-амулета в виде миниатюрного средневекового щита³, проходящей из Рудь-Арионештской микрзоны, найденной в непосредственной близости от поклонного камня «Рудь». Знак находит аналогию среди древностей кривичей (Мячикова 2008, 143, рис. 19/31). Деревянная спинка из Новгорода, датируемая XI веком, орнаментирована таким же символом (Даркевич 1960, 66, рис. 5/1). Широко известны древнерусские монетовидные привески с восьмиконечным солярным знаком среди находок в Новгороде (Седова 1981, 40, рис. 14) и на территории других поселений раннесредневековой Руси (Седова 1981, 38, рис. 12; Даркевич 1960, 57,

² Антропоморфный идол был обнаружен в месте своей установки – на городище-святилище «Звенигород». По комплексу находок датируется первой половиной XIII века (Русанова, Тимошук 2007, 16-17).

³ Подвеска-амулет принадлежит частному собранию и ранее не публиковалась.

Рис. 2. Поклонный камень «Рудь».
План первого сюжета.

Рис. 3. Поклонный камень «Рудь».
План второго сюжета и знак «тавро».

рис. 1). Аналогичны и древнерусские украшения – колты, изготовленные в форме восьмиконечного солярного знака (Седова 1981, 19, рис. 5). Литые перстни, где восьмиконечный солярный знак является центральным орнаментом, описаны Т.В. Равдиной (Равдина 1978, 134, рис. 1/ХІІІ).

Второй космогонический символ, находящийся непосредственно на личине изваяния, – это солярный знак, расположенный в правой части «лица», локализуется несколько выше восьмиконечного солярного знака и представляет собой гаммированный символ «卐», концы которого загнуты в противоположную сторону движения часовой стрелки (рис. 1/3; рис. 2/3). Свастика также подверглась, в определенной степени, эрозии. Символ доминируют над всем ансамблем знаков поклонного камня⁴. Солярный знак в виде свастики весьма обширно встречается среди раннесредневековых древностей Восточно-европейской равнины. Ближайшая аналогия находится в труднодоступном средневековом комплексе II в северном обрыве Бутученского мыса Старого Орхоя (Молдавия). Два соляр-

ных знака в виде свастики, чьи концы загнуты по часовой стрелке «卐» (Гросу, Василяки 1984, 65, рис. 3/14; 3/15), вырезаны парно напротив друг друга и располагаются у входа в нишу одного из помещений пещеры №11 комплекса II (Гросу, Василяки 1984, 64). Еще один солярный знак, в виде свастики, чьи концы загнуты в противоположную сторону движения часовой стрелки «卐», обнаруживается в пещере №12 Бутученского мыса, в которой также имеется кириллическая надпись (Гросу, Василяки 1984, 69, рис. 3/19). Свастика, чьи концы аналогичным образом загнуты в противоположную сторону движения часовой стрелки «卐», имеется на камне у с. Котыр-гаши (Румыния) в 12 км от реки Бистрица⁵; на камне фиксируется еще одна свастика, концы которой загнуты по часовой стрелке «卐» (Teodor 2003, 539, fig. 5/30; fig. 5/23). Большая часть знаков на котыр-гашском камне датируется исследователями IX–XI вв.⁶ (Teodor 2003, 533). Свастики в близком расположении с лап-

⁴ Вверху между свастикой и восьмиконечным солярным знаком, вероятно, находился еще какой-то символ, однако достоверно определить, являлся ли он эродированным знаком, или же это чашевидная выемка искусственного или естественного происхождения, не представляется возможным.

⁵ Камень с большим количеством руноподобных и тамгообразных знаков близ с. Котыр-гаши, был взорван вандалами. На камне выбиты в большом количестве самые разнообразные символы, руны, кириллические буквы, геометрические знаки, различные типы крестов (Teodor 2003, 531–539).

⁶ Регион бассейна реки Сирет, к которому относятся бассейны реки Бистрица и реки Молдова, изобилует раннесредневековыми тамгообразными и руноподобными граффити на скалах. Бассейн реки Сирет является соседним регионом Пруто-Днестровского междуречья.

чатыми крестами и иными знаками встречаются на алтарях скальных храмов с. Стенка и с. Межгорье на Днестре, Тернопольская область, Украина (Шевченко 2010, 70). Свастика «卍» и знак «Y»⁷ обнаруживаются на биконическом пряслице пеньковской культуры⁸, найденном при раскопках раннеславянского городища у с. Волосское (Сурская Забора) на Днепре (Археология 1986, 158, рис. 12). Изображения свастики распространены на древнерусских украшениях (Мячикова 2008, 141, рис. 19), так, например, известны литые перстни со свастикой в центральной части щитка в сочетании с лапчатыми крестами (Равдина 1978, 134, рис. 1/XXII). Выделяются раннесредневековые предметы материальной культуры, сделанные в виде свастики (Седова 1981, 145, рис. 56/13). Отмечается присутствие свастики в скандинавских украшениях, найденных в древнерусских культурных слоях (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991). Правее под свастикой, находится символ, идентичный одному из вариантов изображения мирового дерева (рис. 1/4; рис. 2/4). Образ мирового дерева был особенно сильно распространен в раннем средневековье на Руси и в Скандинавии. На Руси аналогичное изображение мирового дерева или древа жизни можно в изобилии встретить в барельефах белокаменной резьбы. Многочисленные подобные древа мира (Лифшиц 2015, 402, рис. 588), в чередовании с мифическими зверьми, украшают фасад Дмитриевского собора XII века в столице Великого княжества Владимирского – г. Владимире (Рыбаков 1987, 722; Лифшиц 2015, 404, рис. 592). Из Новгорода происходит бронзовая литая матрица XII века с усложненным изображением дерева мира, однако основа та же (Седова 1981, 172, рис. 72/4). Аналогичный образ мирового дерева «иггдрасиль» обнаруживается на скандинавских древностях эпохи викингов (Лебедев 2005, 312, рис. 92). Ближайший схожий по внешнему очертанию

знак высечен в пещере №12 труднодоступного комплекса II в Старом Орхее (Гросу, Василяки 1984, 66, рис. 3/27). В пещере №11 комплекса II высечен еще один символ схожий по конфигурации, но в опрокинутом виде (Гросу, Василяки 1984, 65, рис. 3/17). Похожий знак по начертанию встречается в северо-восточной Болгарии (Дончева-Петкова 1980, таб. XV-46) и на древностях вятичей (Мячикова 2008, 142, рис. 34). Между символом, интерпретируемым как мировое дерево, и восьмиконечным солярным знаком находится большая вертикальная крестообразная фигура (рис. 1/5; рис. 2/5), в верхней части отличающаяся крупным ромбовидным навершием, в центре которого виден эродированный округлый контур. Немного ниже навершия обнаруживается большая поперечина, и примерно в середине изображения фигуры расположена малая поперечина. Малая поперечина наложена на борозду, зрительно отделяющую условную личину от тулова поклонного камня.

Таким образом, нижняя половина вертикальной крестообразной фигуры гармонично выходит за борозду и заканчивается небольшим ромбовидным острием, которого касается рукой фигурка человечка, возможно коленопреклоненная. По всей видимости, прототипом вертикальной крестообразной фигуры является образ крупного столбового идола в головном уборе, в связи с чем его личина изображена ромбовидной (рис. 2/5). Раннесредневековые каменные и деревянные идолы в шляпах хорошо известны в соседнем Подолье и в сопредельных регионах (Жилина 2016, 56, рис. 1). На городищенском браслете XI века, найденном в Буго-Днестровском междуречье Подолья, изображены идолы, над головами которых смыкаются арки-небосводы (Якубовский 1975, 94, рис. 8; Рыбаков 1987, 722-726, рис. 140). Любопытно, что на браслете рядом со столбообразным идолом, между двумя орнитоморфными фигурами, обнаруживается растительный орнамент, очень схожий по изображению с мировым деревом на поклонном камне «Рудь». Известно описание деревянных идолов с выраженными личинами, сделанное Ахмадом Ибн-Фадланом в начале X века (Ибн-Фадлан 1939, 79-80). Ряд столбообразных идолов раннего средневековья из сопредельных регионов изображались с укрупненной головой, тем самым гипертрофированно выделя-

⁷ Данный знак «Y» также встречается на лицевой стороне антропоморфного поклонного камня близ села Рудь.

⁸ Пеньковские древности датируются V-VIII вв. н.э. и относятся к раннеславянской культуре распространенной от Северского Донца до Прута, предположительно отождествляются с антами. Основные памятники пеньковской культуры сосредоточены на Среднем Днестре, Среднем Днепре и по Южному Бугу (Археология 1986, 153-167; Седов 1995, 84).

В принятой историографии РМ данной культуре в определенной мере соответствует наименование: «культура Костиша-Ботошана-Ханска» (Postică 2007, 60).

лось в образе то, что считалось наиболее важным и значимым (Жилина 2016, 54).

Фигурка человечка расположена по левую сторону от изображения крестообразной фигуры, а по правую сторону от крестообразной фигуры располагается орнитоморфная фигура с вознесенными вверх конечностями (рис. 1/6; рис. 2/6). Фигурка человечка находится ближайшую параллель на уже упомянутом камне «Котыргаши» в Румынии (Teodor 2003, 539, fig. 5/51). Орнитоморфные фигуры, изображающие мифических птиц, крылатых существ, а после христианизации – образы ангелов и архангелов часто выглядят стилистически близко и широко представлены в археологических находках. Очень близкая аналогия с поднятыми вверх конечностями предстает в образе Богоматери Оранты на металлической наперсной иконке №688 с рязанского городища Истье-2, датируемой XII-XIII вв. (Остапенко 2015, 249, рис. 86/5). Схожим орнитоморфным видом обладают и фигурки архангелов XII века из Старой Рязани (Остапенко 2015, 249, рис. 86/7-9). Подобные орнитоморфные образы встречаются и на иконках-привесках с изображением крылатых фигур из Новгорода (Седова 1981, 63, рис. 20), и на новгородских актовых печатях XII в. с изображением архангела Гавриила (Янин 1970, 202). О смещении языческих мифологических орнитоморфных образов с образами ангелов и архангелов пишет А. Кононович (Кононович 2014, 44-47), а наиболее полный свод по типам был выполнен А. Остапенко (Ostapenko 2012, 491-501). Слева от фигурки человечка, под бороздой, находится хорошо сохранившийся лапчатый крест (рис. 1/7; рис. 2/7), а справа от орнитоморфной фигуры расположен антропоморфный крест с нижними конечностями, какие абсолютно точно встречаются на оборотной стороне поклонного камня (рис. 1/8; рис. 2/8).

Таким образом, первая сюжетная зона располагается на личине поклонного камня и заходит одним рядом за линию борозды, условно отделяющей личину от тулова. Не вызывает никакого сомнения сакральное и культовое назначение всех знаков, находящихся на личине антропоморфного изваяния, ярко выражается космогоническая семантика. Борозда, отделяющая личину от тулова,

семантически разграничивает мир божественного и запредельного от мира человеческого. На личине сакрального камня «Рудь» изображены космологические воззрения раннесредневекового местного населения. Концы свастики загнуты против часовой стрелки, на условной линии Восток-Запад, и тем самым отражают реальное направление движения Солнца над поклонным камнем. Прямо под свастикой находится дерево жизни или мировое дерево, представляющее собой космогоническую вертикаль «Земля – Небо» и семантически выражающее центр мироздания. Восьмиконечный солярный знак олицетворяет солнце, небо. Ниже, между восьмиконечным солярным знаком и свастикой, находится изображение крупной крестообразной фигуры в головном уборе. Голова фигуры гипертрофированно выражена. Фигура имеет два перекрестия: одно придает ей подобие рук, другое накладывается на борозду, отделяющую божественный мир от мира людского. Именно верхняя часть фигуры обожествлена и располагается между восьмиконечным солярным знаком, свастикой и мировым деревом, в то время как нижняя часть фигуры находится за бороздой, в мире людей, где с левой стороны к нижней части фигуры прикасается человек, а с правой стороны фигуре поклоняется крылатое существо с поднятыми вверх конечностями. Семантически фигура исполняет роль посредника между мирами, ярко подчеркивая космогоническую вертикаль «Небо – Земля». Человек молится и прикасается к крестообразной деревянной фигуре, тем самым приближаясь и соприкасаясь с миром трансцендентным, запредельным, наполненным сверхъестественным (рис. 2).

Все космогонические символы, представленные на личине поклонного камня, в дохристианский период раннего средневековья были важнейшим атрибутом языческих верований и активно использовались в качестве магических знаков-оберегов (Мячикова 2011, 137). Магическое и сакральное значение космогонических символов доказано многочисленными серьезными исследованиями (Рыбаков 1951, 399-404; Даркевич 1960, 56-67). Составляя семантическое сакральное ядро языческих верований, космогонические символы регламентировали посредством множества магических ритуалов и обрядов всю

повседневную жизнь местного населения. Вследствие борьбы канонической церкви с язычеством, в переходный период сакральная семантика космогонических символов почиталась неофициально, а после окончательной десакрализации и десемантизации некогда священные символы превратились в народный орнамент (Мячикова 2011, 138). Все космогонические символы первой сюжетной зоны, включая свастику и образ мирового дерева, проходили процесс переосмысления в первых веках христианства в общем контексте явления религиозного синкретизма. Вероятно, такой же процесс локально происходил и с экстраполяцией языческих столбовых идолов на христианские поклонные кресты с распятием. Центральной частью первого сюжета является крестообразная фигура, судя по всему, представляющая собой столбового деревянного идола, видоизмененная под влиянием христианства и переосмысленная как образ поклонного креста с распятием.

Два космогонических символа, не входящие в первую сюжетную зону

Вблизи первой сюжетной зоны находятся два космогонических символа, не входящие ни в одну из сюжетных зон и располагающиеся в верхней части левой боковой стороны.

Порядка 20 см левее восьмиконечного солярного знака личины поклонного камня, по всей видимости, расположен второй восьмиконечный солярный знак, выходящий за пределы личины, однако находящийся очень близко от первого (рис. 1/9). Знак вырезан на «плечевом» выступе изваяния, имеет сопоставимые размеры с восьмиконечным символом первого сюжета (рис. 2/2), также исполнен в технике высокого рельефа, однако существенная его часть подверглась очень сильной эрозии, и реконструируется по сохранившимся элементам.

Немного ниже сильно эродированного «восьмиконечного» солярного знака, на плоскости левой боковой стороны, находится хорошо сохранившийся шестиконечный солярный знак, глубоко вырезанный в породе (рис. 1/10). Для шестиконечного солярного знака, как и для восьмиконечного, характерны такие же типы аналогий и региональный ареал в раннем средневековье. Ближайшая полная ана-

логия была обнаружена в нескольких километрах вниз по течению Днестра. Шестиконечный символ изображен на щитке фрагмента перстня IX-XI вв.⁹, найденного при раскопках раннесредневекового кольцевого городища «Германарий» лука-райковецкой культуры¹⁰ (Рабинович, Рябцева, Тельнов 2009, 198, рис. 3/1). Следующая ближайшая региональная аналогия шестиконечного солярного знака находится у села Бутучены, на правом берегу реки Реут, в пределах заповедника «Старый Орхей»¹¹. Знак полностью аналогичен шестиконечному солярному знаку и расположен на потолке отдельной полуразрушенной пещеры IV яруса комплекса V. В этой отдельной пещере нет иных символов, несмотря на то, что пещера входит в один из двух труднодоступных комплексов (комплекс II и комплекс V), в которых были обнаружены несколько десятков руноподобных и тамгообразных знаков, а также кириллических букв (Гросу, Василяки 1984, 68, рис. 3/42). Исследователи относят бутученские символы к раннему средневековью и датируют их IX-XI веками (Гросу, Василяки 1984, 67; Атанасов 1993, 61; Василяке 2011, 160). Шестиконечный солярный знак представлен на раннесредневековых древностях IX-XI вв. в Болгарии (Дончева-Петкова 1980, таб. IX-31; Атанасов 1993, 73, таб. 6, №23). Символ встречается и на древнерусских ювелирных изделиях (Седова 1981, 40, рис. 14; Мячикова 2008, 144, рис. 30).

Вторая сюжетная зона

Вторая сюжетная зона располагается на лицевой стороне антропоморфного поклонного камня, ниже борозды, отделяющей туловище от личины и левее условной оси, пролегаю-

⁹ Изображение шестиконечного солярного знака на щитке фрагмента перстня из кольцевого городища – святилища «Германария», так же как и на поклонном камне близ села Рудь, врезное.

¹⁰ Данная культура в принятой в РМ историографии, называется: «культура Алчедар-Екимэуць» (Postică 2007, 63-64).

¹¹ Интересным представляется факт наличия рядом с двумя комплексами раннесредневековых символов поклонного каменного креста, в центре которого вырезан шестиконечный солярный знак в круге. Каменный крест датируют 18 веком, однако нельзя исключить его более древнее происхождение (Василяке 2011, 160).

Стоит отметить и другие, геометрически более правильные, шестиконечные знаки в круге, так, например, шестиконечный солярный знак в круге вырезан на мегалите у Гура-Хайтий в бассейне реки Сирет, в Румынии (Lazarovici et al. 2011, 70, fig. 24).

щей от большой крестообразной фигуры на личине поклонного камня к знаку «тавро» (рис. 3/15), расположенному в самом центре поклонного камня (рис. 3). Здесь высечены в один ряд три лапчатых креста (рис. 1/11; рис. 3/11). Всего равноконечных крестов с расширяющимися концами, уверено идентифицируемых как лапчатые, обнаружено около десятка, все находятся на лицевой стороне поклонного камня. Лапчатые кресты встречаются в регионе весьма широко, но наиболее близкие контекстовые аналогии раннего средневековья обнаруживаются на камне «Котыр-гаши» в Румынии (Teodor 2003, 537, fig. 2; 538, fig. 3). Лапчатый крест там находится в соседстве с равносторонним греческим крестом с треугольно-расширяющимися концами, а также другими знаками, встречающимися и на камне «Рудь». Соседство двух типов крестов имеет место быть и в скальном комплексе «Мурфатлар-Басараби» в Румынии (Ovcharov 2014, 25, fig. 104). Лапчатые кресты широко представлены среди наскальных знаков комплекса «Мурфатлар-Басараби» и датируются IX веком (Barnea, Vilciurescu 1959, 547, fig. 10). Лапчатый крест в составе других крестов, знаков, тамг и граффити, датируемых IX-X вв., нанесен на стены дромоса Царского Кургана в Керчи (Амелькин 2001, 250, рис. 6). Лапчатые кресты, высеченные до X в., встречаются в скальных церквях крымских пещерных городов Чилтер-Мармара и Чуфут-Кале (Амелькин, 2001, 249). Лапчатые кресты в X-XI вв. активно использовались в древнерусских и скандинавских украшениях (Хамайко 2010, 426, рис. 3; Остапенко 2015, 213, рис. 34). Некоторые лапчатые кресты вырезались из арабских серебряных дирхемов (Недошивина, Зозуля 2012, 190, рис. 11) в качестве оберегов. Известна бронзовая ювелирная литейная форма из Киева, для отливки амулетов из лапчатых крестов (Хамайко 2010, 426, рис. 1). В Киеве и на Руси X века лапчатый крест был основой для крестов-подвесок (Хамайко 2010, 425). Лапчатые кресты часто встречаются в скальных храмах бассейна Днестра (Сапожников 2018, 85), так, например, ученые, исследовавшие культовый пещерный комплекс Холеркань-Маркауць, расположенный на Днестре порядка 10 км от Старого Орхья, склоняются к раннесредневековой датировке лапчатых и уширенных крестов вышеупомяну-

того комплекса (Коваленко, Грамма, Левинский 2008, 204).

Три лапчатых креста второй сюжетной зоны Рудьского камня имеют определенные отличия друг от друга (рис. 1/11a, b, c; рис. 3/11a, b, c). Так, например, средний лапчатый крест (рис. 3/11b) имеет архаичную форму, с антропоморфными чертами. Под средним лапчатым крестом, с полным сохранением симметрии и композиции, находится знак, идентичный так называемому «опрокинутому вилообразному» кресту (рис. 3/11d), распространенному в геральдике. Идентичный знак встречается на скандинавских древностях, в частности на тонкой серебряной монете брактате из Львовской области Украины (Androshchuk 2019, 88, fig. 9) и на скандинавском амулете X века «Birka 835» в форме лапчатого креста (Хамайко 2010, 426, рис. 3/8), происходящем из крупнейшего торгового центра викингов – Бирки. На данном предмете «опрокинутые вилообразные» кресты предстают в сочетании с лапчатым крестом формы самого амулета. На известняковом блоке, обнаруженном в раннесредневековом болгарском комплексе Кабиюк, западнее Плиски, среди прочих символов и знаков изображен очень близкий к лапчатым крестам уширенный клинчатый крест, от нижней лопасти которого симметрично исходит опрокинутый вилообразный крест (Рашев 2008, 29, обр. 3; 30, обр. 4). Очень похожая по структуре комбинация уширенного клинчатого креста с «опрокинутым вилообразным» крестом анатолийского или ближневосточного происхождения встречается на языческих древностях бриттов (Waddell 1924, 295, fig. 47.H).

Концы «опрокинутого вилообразного» креста симметрично расположены над «U-образным» навершием большого центрального креста необычного вида (рис. 1/12; рис. 3/12), самого крупного из всех крестов и знаков поклонного камня «Рудь». Немного ниже «U-образного» навершия креста, сильно напоминающего по форме камертон, находится горизонтальная перекладина. Горизонтальная перекладина креста слева и справа пересекается под прямым углом двумя короткими вертикальными перекладинами и заканчивается еще двумя короткими вертикальными перекладинами без пересечения, как у крест-молота (костыль-

ный крест). Левая вертикальная перекладина эродирована, в ее верхней части вырезано отверстие, предположительно, для вставки ритуального факела. На нижнюю оконечность второй левой вертикальной перекладины наложен округлый солярный знак, который является частью композиции соседнего креста (рис. 3/16). Под большой горизонтальной перекладиной находится короткая косая перекладина, посредством которой крест скошен справа. Слева и справа ниже косой перекладины виднеются эродированные фигуры, схожие по начертанию с буквами греческого алфавита «Α» и «Ω». Из основания креста вправо и влево отходит витиеватый декоративный растительный орнамент, характерный для процветшего креста, в связи с чем нельзя исключать, что эродированные фигуры «Α» и «Ω» на самом деле могут являться декоративными элементами процветшего креста. Основание креста заканчивается небольшим опрокинутым «U-образным» завершением. Имеющаяся «U-образность» большого центрального креста напоминает верхнее крепление створок наперсных крестов-энколпионов. Раздвоение на раннесредневековых крестах встречается достаточно редко (Букин 2010, 28, рис. 38), прямой аналогии настолько выраженной «U-образности» навершия креста, как и самому кресту, найти не удалось. Изображение креста, высеченное на каменном кресте с короткими вертикальными перекладинами, пересекающими длинную горизонтальную, известно на Ладожской земле (Панченко 2015, 284, рис. 4/5). Процветший крест – частое изображение на древнерусских ювелирных изделиях (Седова 1981, 38, рис. 12), встречается также и процветший косой крест, скошенный справа (Седова 1981, 40, рис. 14).

Под небольшим опрокинутым «U-образным» завершением основания большого центрального креста необычного вида расположен «V-образный» знак (рис. 3/13), составные линии которого едва смыкаются. Знак расположен симметрично по отношению к «U-образному» навершию и опрокинутому «U-образному» завершению большого центрального креста необычного вида и располагается симметрично ко всей вертикальной композиции знаков второй сюжетной зоны. Символ также не находит прямых аналогов. На камне «Котырғаши» в Румынии имеется

ряд высеченных коротких черт, схожих по пропорциям, однако все они вертикальны и не соединяются в «V-образную» фигуру (Teodor 2003, 538, fig. 3). Ближайший по схожести знак расположен в культовом пещерном комплексе Холеркань-Маркэуць: это «V-образный» знак в овале, с округлым углублением над ним (Коваленко, Грамма, Левинский 2008, 205, рис. 10/1). «V-образные» знаки в идеограмматическом значении представлены на раннесредневековых скандинавских амулетах, происходящих с территорий Руси и Скандинавии, и встречаются как в сочетании с рунами и знаками, так и самостоятельно (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991, 164-171, №№4, 15, 21, 41, 76, 90, 148). Однако, принимая во внимание общий семантический контекст и расположение знака под крестом на одной вертикальной оси симметрии с вышерасположенными фигурами, напрашивается вывод о хтонической семиотике «V-образного» знака. Левее «V-образного» символа, скорее всего, находится эродированный лапчатый крест (рис. 3/14), менее вероятно считать фигуру орнитоморфной. Ниже, между «V-образным» знаком и лапчатым крестом, имеется округлая выемка, вероятно, природного происхождения. Знак «тавро» (рис. 3/15), изображенный справа от «V-образного» знака, вряд ли можно соотносить напрямую с одной из сюжетных зон. Знаки, расположенные правее оси большого центрального креста необычного вида, условно можно ассоциировать со второй сюжетной зоной.

Таким образом, второй сюжет представлен вертикальным построением крестов и знаков в соответствии с космогонической вертикалью «Небо – Земля» и религиозной вертикалью «Небеса – Ад» и гармонично содержит в себе сочетание языческих элементов, синкретически переосмысленных христианством. Так, например, три лапчатых креста, выстроенных в один ряд, символизируют троицу, сакральную как в язычестве, так и в христианстве византийской традиции, и олицетворяют божественность небес. Так называемый «опрокинутый вилообразный» крест, находящийся под средним лапчатым крестом, также символизирует божественное триединство начал в язычестве и является созвучным триединству Бога в христианстве византийской традиции. Большой центральный крест необычного

вида имеет сразу несколько христианских черт, его косая черта относит к византийской фресковой живописи и к преданию о косой перекладине для ног Иисуса Христа, с целью продления мук, указывающей одним концом в небеса, а другим концом в ад. Знаки «А» и «Ω», если идентификация данных символов верна, являются чисто христианской атрибутикой, символами Бога как начала и конца всего сущего. В данном случае знаки «А» и «Ω» могли быть нанесены в качестве магических знаков защиты. Элементы процветшего креста известны в христианстве византийской традиции, и в частности получили широкое распространение на Руси, вместе с косой перекладиной. Образ процветшего креста очень гармонично накладывался на образ мирового дерева или дерева жизни, пришедший из язычества и переосмысленный христианством.

Необычный вид большого центрального креста обусловлен рудиментом языческого архаизма. «U-образное» навершие креста, придавшее верхней части креста «камертонообразность», вероятно, соотносится с древними языческими культами фиксации летнего и зимнего солнцестояния и равноденствий для начала языческих празднеств и сельскохозяйственных нужд. «U-образные» навершия гномона, алтарей, посохов, крестообразных ритуальных предметов хорошо известны в разных культурах мира разных эпох и использовались в качестве апертуры визирования для определения угловых положений небесных светил (Ishler 1991, 155-185; Музыченко и др. 2009, 86-98; Стафеев, Томилин 2010, 379-417). Небольшое опрокинутое «U-образное» завершение креста может быть наложением образа Голгофы. Расположенный ниже «V-образный» знак, по всей видимости, связан с хтоническими представлениями и может быть интерпретирован как «ад» или врата в подземный мир. Ниже «V-образного» знака находится алтарная плоскость.

Вторая сюжетная зона находится в центре большого углубления на камне, сделанного в виде трифолия или трилистника клевера (рис. 5). Углубление специально выделено при ваении поклонного камня и производит впечатление «вдавленности», его поверхность хорошо обработана. Сакральная форма трилистника широко известна в скандинавских

древностях Южной Руси (Андрощук, Зоценко 2012, 233, рис. 170), известна она у волянян (Мячикова 2008, 138, рис. 4). Религиозно-космогоническая вертикаль второго сюжета проходит в центре углубления трилистника, в верхнем лепестке которого расположен ряд из трех лапчатых крестов, а центральная часть совпадает с «U-образным» навершием большого центрального креста необычного вида. Образ трилистника почитался как в язычестве, так и в христианстве, символизируя триединство. Не удивляет и наличие отверстия, предположительно, для факела, во второй сюжетной зоне. Горящий факел являлся одним из символов древних таинств, олицетворявших мир хтонических богов (Стафеев, Томилин 2010, 413). Живой священный огонь у славян и соседних с ними народов возжигался не менее трех раз в год, в соответствии с тремя астрономическими событиями: во время праздников летнего и зимнего солнцестояния и весеннего равноденствия (Рыбаков 1987, 168).

Крестообразные фигуры, ассоциированные со второй сюжетной зоной

Слева от нижней половины большого центрального креста необычного вида в один ряд располагаются 3 крестовидные фигуры, условно называемые в настоящем исследовании крестообразными фигурами. Первым расположен архаичный продолговатый крест, верхний и нижний концы которого немного раздваиваются (рис. 3/16). Крест имеет две перекладины: верхняя большая и нижняя маленькая. Маленькой косой перекладиной крест скошен слева, большая перекладина немного приподнята дугообразно вверх. Над крестом находится круг в полумесяце; ни крест, ни полумесяц, ни круг не соприкасаются друг с другом, но образуют единую композицию. По всей видимости, круг создает локальный палимпсест, накладываясь на нижнюю оконечность «т-образной» лопасти большого центрального креста необычного вида (рис. 3/12). Полумесяц и круг идентифицируются как лунарный и солярный знаки, они были широко распространены в язычестве, а позже переосмыслены в христианстве. Известны древнерусские литые кресты XI века с изображением круга в полумесяце над

распятием Иисуса Христа. Данный символ известен как эмблема солнечной или небесной лады и широко используется для отображения движения светила по небосводу, что, вероятно, является также отголоском визирирования небесных светил для религиозных и аграрных нужд. Хорошо известны языческие и переосмысленные христианские трактовки символа небесной лады.

Левее расположен вытянутый двойной крест с ярко выраженными криновидными концами вертикальной перекладины и треугольно-расширяющимися лопастями двух горизонтальных перекладин (рис. 1/17).

Еще левее располагается вытянутая крестообразная фигура с крупной личиной, приплюснутой по полюсам, с выраженными круглыми «глазами» (рис. 1/18). Фигура имеет большую горизонтальную перекладину чуть выше средокрестия и маленькую, едва косую перекладину чуть ниже средокрестия. Нижняя часть фигуры заканчивается криновидным завершением. Возможно, мы имеем дело с изображением еще одного крестообразного столбового идола, образ которого христианизирован. Крестообразная фигура обладает определенным сходством с крестом в скальном храме Роги на Днестре (Сапожников 2017, 85, рис. 5).

Левее фигуры с личиной обнаруживается равносторонний «греческий» крест. Над крестообразными фигурами, у левого верхнего края лицевой стороны антропоморфного поклонного камня, один над другим высечены два равносторонних греческих креста, над которыми изображен ярко выраженный лапчатый крест. Данные крестообразные фигуры обладают определенной стилистической схожестью с крестообразными фигурами IX-XI вв., изображенными на стенах Царского кургана в Керчи (Амелькин 2001, 248, рис. 5).

Символ «тавро» в центре лицевой стороны антропоморфного поклонного камня

Знак, условно называемый «тавро» (рис. 3/15), вряд ли относится к какому-либо из сюжетов напрямую, скорее всего его семантическое свойство является «надсюжетным». Знак «тавро» находится в самом центре лицевой стороны антропоморфного изваяния, на условной линии, проходящей от изобра-

жения крупной крестообразной фигуры на личине поклонного камня в первой сюжетной зоне и идущей через знак «тавро», тем самым условно разделяющей антропоморфное каменное изваяние на две равные части. Ниже знака «тавро» находится алтарная плоскость. Знак «тавро» на рудском камне имеет «крестоспиральный» вид и выглядит как крест с горизонтальной перекладиной, от вершины «креста» вправо и влево исходят дугообразные ответвления, напоминающие рога животного. Ближайшие схожие аналогии знака «тавро» на камне «Рудь» располагаются в труднодоступных скальных комплексах междуречья Реута и Днестра, фактически находясь по разные стороны одного плато по линии сел Бутучены-Холеркань. Так в труднодоступном скальном комплексе II каньона реки Реут в Старом Орхее, у села Бутучены, среди прочих символов вырезан знак близкий «тавро» (Гросу, Василяки 1984, 63, рис. 2). Еще два знака, схожих с «тавро», но имеющие небольшие различия между собой, вырезаны в труднодоступном скальном комплексе, расположенном по соседству с культовым сакральным комплексом Холеркань-Маркэуць (Bâzgu, Șinhanî 1997, 88, fig. 1). Между знаком «тавро» скального комплекса II в Старом Орхее и знаками «тавро» скального комплекса у села Маркэуць расстояние порядка 10 км. Подобный по начертанию знак встречается в болгарских скальных комплексах (Дончева-Петкова 1980, таб. XIV-7-11; Атанасов 1993, 73, таб. 6, №20, 26). Известен целый ряд привесок XI-XIII вв. из Рязанской земли, на одной стороне которых находится изображение, аналогичное знаку «тавро» камня «Рудь», а на другой стороне изображен лапчатый крест, под которым симметрично расположен другой крест с немного раздваивающейся верхней лопастью. Сами привески имеют антропоморфную форму с крупной личиной (Коршун 2010, 63, таб. 1/14; Рязанцев 2010, 123, рис. 2/2; Остапенко 2015, 214, рис. 35/13). Крайне схожей со знаком «тавро» камня «Рудь» формой обладают так называемые крестоспиральные привески XI в. из Новгорода: привески с кольцевидными спиральями из Троицкого XIV раскопа (Покровская, Степанов, Сингх 2017, 473, рис. 7/5) и привески со щитковыми спиральями из Троицкого XIII раскопа, происходящие из усадьбы

«Ж» (Покровская, Степанов, Сингх 2017, 473, рис. 7/4). Литейная форма крестоспиральных привесок со щитковыми спиралями была обнаружена во время раскопок в Белоозерье (Голубева 1973, 67, рис. 12/9). Знак с начертанием, подобным изображению знака «тавро» на камне «Рудь», несколько раз встречается в качестве графемы для буквы «оук» в древнерусских датированных надписях XI–XIII вв. Графема обнаруживается в смоленской надписи – граффито о «врагах игуменах», а также содержится в киевской записи о смерти Ярослава Мудрого в 1054 г. и в граффито на чаре черниговского князя Владимира Давыдовича 1139–1151 гг. (Рыбаков 1964, 5–48 таб. I–II–2; таб. V–VI–24; XXI–3). Необходимо отметить, что в древнетюркском алфавите существует графема, схожая по начертанию, но без горизонтальной перекладины (Кляшторный 1964, 73). Подобный знак без горизонтальной перекладины процарапан на аббасидском динаре из коллекции Эрмитажа (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991, 76).

Символ, условно называемый в настоящей работе знаком «тавро», является культовым и сакральным языческим символом раннего средневековья, имеющий большое семантическое и смысловое значение. Об этом однозначно говорит его изображение на стенах и перегородках культовых комплексов, начертание идентичного символа в сочетании с лапчатым и «U-образно» раздвоенным крестами на амулетах и многие иные аналогии. Опираясь на семантическую концепцию Б.А. Рыбакова, изложенную в трудах «Язычество древних славян» (Рыбаков 1981) и «Язычество Древней Руси», (Рыбаков 1987), а также ряда других исследователей, можно предположить семантику «крестоспирального» символа исходя из космогонических представлений древних. Вертикальная перекладина представляет собой космогоническую вертикаль «Земля – Небо», горизонтальная перекладина – земную твердь, дугообразные своды, расходящиеся от вершины вертикальной перекладины влево и вправо, – небесные арки, по одной из которых движется восточное солнце, а по другой – западное солнце. Точка, где смыкаются дугообразные своды, может означать день солнцестояния, особо почитаемого в языческих верованиях. Возможно, именно поэтому в древности для горизонтальной фиксации

светил в дни летних и зимних солнцестояний использовали «U-образные» и рогатые алтари и переносные визирные устройства (Музыченко и др. 2009, 95, рис. 86). Визирная рогатая апертура, в которой «зафиксирован» солнечный диск, над «аркой небосвода», изображена на спине (в центре) каменного истукана с острова Рапануи (Пасха) (Хейердал 1982, 165, fig. 5/b) и имеет очень схожую форму со знаком «тавро» на камне «Рудь». Единственное отличие между знаками – отсутствие крестовидной горизонтальной перекладины.

Ввиду всего вышеизложенного, совершенно не удивляет факт расположения знака в самом центре антропоморфного поклонного камня «Рудь». Символ сочетает в себе как космогоническую вертикаль – «Земля – Небо», так и пространственную горизонталь – «Восток – Запад», на стыке которых происходят солнцестояния и равноденствия. Таким образом выражается семантическая середина мира, сакральное космогоническое понятие, известное в различных религиозно-мифологических традициях как «пуп Земли».

Несмотря на явные языческие корни символа, по всей видимости, сакральный знак продолжал почитаться в первых веках христианизации.

Третья сюжетная зона

С правой стороны от условной линии, идущей от большой крестообразной фигуры первого сюжета через знак «тавро», располагается третья сюжетная зона (рис. 4). Третья сюжетная зона находится над двумя нишами (рис. 1/19). Ниши, предположительно, предназначались для икон, и расположены у алтарной полки. Перед двумя нишами, от алтарной полки вниз, вправо и влево расходятся два главных желоба для стока жидкости (рис. 1/20). Центральным ядром третьей сюжетной зоны является антропоморфная фигура (рис. 1/21; рис. 4/21), «парящая» над двумя иконными нишами таким образом, что иконные ниши располагаются симметрично от «парящей» над ними антропоморфной фигуры, сохраняется центральная симметрия. Антропоморфная фигура обладает очень крупной личиной, правая рука фигуры повернута под прямым углом вниз и «указывает» на иконные ниши, а левая рука фигуры вытя-

Рис. 4. Поклонный камень «Рудь». План третьего сюжета.

Рис. 5. Поклонный камень «Рудь». Контур углубления трилистника.

нута прямо и указывает на знак «тавро». Над личиной фигуры «висит» небольшой лапчатый крест. Еще один лапчатый крест, такого же размера и вида, как предыдущий, находится под вытянутой рукой антропоморфной фигуры. Над левой вытянутой рукой «парит» близкорасположенный знак, идентифицируемый как скандинавская руна «Y» старшего рунического ряда «R» (рис. 4/22). Левая рука антропоморфной фигуры также указывает на крайне близко расположенный двузубец. Сам двузубец находится над левой иконной нишей (рис. 4/23). В композиции присутствуют две орнитоморфные фигуры – одна над двузубцем (рис. 4/24), вторая под лапчатым крестом, находящимся под прямой рукой антропоморфной фигуры (рис. 4/25). Над личиной антропоморфной фигуры, ниже правого края первой сюжетной зоны, находится изображенный в технике высокого рельефа прямоугольник с крестом посередине (рис. 1/26). Крест прорезан через весь прямоугольник и делит его на четыре равные части. Слева от прямоугольника с крестом находится удлиненный крест (рис. 1/27) с горизонтальной переключкой, пересекающей вертикальную переключку под прямым углом. Горизонтальная переключка примерно в два раза короче вертикальной переключки. Концы горизонтальной переключки треугольно расширены, как у лапчатого креста, конец же верхней переключки имеет три одинаковые и повторяющиеся малые горизонтальные переключки, как у тройного или «папского»

креста. Подобные тройные переключки крестов изображены на средневековых каменных крестах Ладожской земли (Панченко 2015, 282, рис. 2/2; 2/3). Левее верхней части этого креста находится двойной крест, вертикальная переключка которого немного кривится вправо и заканчивается резко уширенной лопастью, как у лапчатого креста (рис. 1/28). Две горизонтальные переключки имеют равные размеры и симметрично разделяют вертикальную переключку креста на три равные части. Лопасти горизонтальных переключки, по всей видимости, заканчиваются трехчастными концами. Нижняя часть вертикальной переключки умеренно расширяется вниз.

Центральная композиция третьего сюжета – это антропоморфная фигура с выраженной личиной, над прямой левой рукой фигуры «парит» скандинавская руна, а чуть ниже и левее находится двузубец (рис. 4). Все три изображения создают единую, гармоничную, визуальную и семантически связанную композицию.

Скандинавская руна «R» «Y» старшего рунического ряда широко использовалась в раннем средневековье в качестве идеограммы защиты на культовых христианских и языческих предметах, таких как амулеты, храмовые комплексы, лапидарные объекты. Руна идентифицируется и интерпретируется в настоящем исследовании в соответствии со своим древнегерманским именем «algie/algir» (ср. шв. älg, др.-англ. ealgjan) – «защита, заступ-

ничество» (Warren, Elliott 1980, 51-53). Руническое граффито на амулете из Вальбю – «*uirg afund R*» – «против дурного глаза – защита», где руна «R» трактуется в соответствии со своим собственным названием «защита» (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991, 50). Руна «R» нанесена на амулет из Хегстены XII в. как защитное заклинание против призраков (Svärdströin 1967, 20; Jungner 1936, 302). На монете 852 года, опубликованной И. Хаммарбергом и Г. Рисплингом (Hammarberg, Rispling 1985, 70-71), старшеруническая руна «R» нанесена на лицевую и оборотную стороны, а три ее конца упираются в пробитые для привешивания отверстия. На одной из сторон между линиями руны «R» нанесены две надписи младшими рунами «*kur*», что, по мнению Добровольского, Дубова и Кузьменко, несомненно, свидетельствует об амулетном, защитном характере руны старшего футарка «R» на данной монете (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991, 50); тем самым значение следует понимать как: «защита богом». И. Хаммарберг и Г. Рисплинг сообщают о полутора сотнях монет со старшерунической надписью «*gud*», являющейся эквивалентом младшерунической «*kur*» (Hammarberg, Rispling 1985). Надписи младшими рунами «*kur*», как и нанесенные старшими рунами «*gud*» и двумя вариантами их комбинаций «*kud*» или «*gur*», а также в сочетании «*kur*» и «*gud*», – означали бога, в большинстве случаев христианского. Известно большое количество амулетов и монет с подобной надписью (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1977, 148; Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991, 42; 104). Три знака в ряд, идентичные руны «R», обнаруживаются над входом в Храм Гроба Господня в Иерусалиме. На двух монетах-имитациях анонимных византийских фоллисов середины XI века из Силистры изображен Иисус Христос с нимбом на аверсе, и знак полностью идентичный руны «R» старшего рунического ряда – на реверсе (Инкова 2014, 3, обр. I/5).

Антропоморфная фигура с выраженной личиной третьей сюжетной зоны (рис. 8/2) в настоящем исследовании интерпретируется как образ Иисуса Христа с нимбом (рис. 4/21; рис. 8/2). Ближайшая аналогия схожего изображения происходит с аверса второго обнаруженного анонимного фоллиса середины XI века из Силистры, на котором изображен схо-

жий образ Иисуса Христа с нимбом, а на оборотной стороне – знак, идентичный руны «R» старшего Футарка (Инкова 2014, 3, обр. I/4).

Двузубец представляет собой тамгообразный знак (рис. 4/23), состоящий из двух зубьев, идущих от горизонтальной перекладки вниз и заканчивающихся клиновидными, расширяющимся заострениями с треугольными выступами вправо. Над центром горизонтальной перекладки находится вертикальная перекладка, нижним своим выступом немного заходящая за горизонтальную перекладку. Над правым зубцом, от горизонтальной перекладки вверх, поднимается вторая вертикальная перекладка. Вторая вертикальная перекладка параллельна первой и идентична по размеру. Горизонтальная перекладка имеет небольшой наклон влево. Пропорции двух нижних зубьев и двух верхних перекладок идентичны по размерам, тогда как горизонтальная перекладка в два раза длиннее вертикальных перекладок. Полных аналогий двузубцу не обнаружено, однако достаточно много схожих по начертанию тамг имеются среди тюркских фамильных знаков (Драчук 1975, таб. XXV; Рогова 2020, 58, рис. 4). У двузубца третьей сюжетной зоны камня «Рудь» очень много схожего с разнообразными двузубцами и трезубцами древнерусских князей (Рыбаков 1940, 227-257), в частности на перстнях-печатах, обнаруженных в составе древнерусскогоклада в 100 км севернее камня «Рудь», в бассейне реки Днестр, у села Городище Хмельницкой области Украины (Якубовский 1975, 103, рис. 18). Большинство из двузубцев и трезубцев древнерусских князей направлены зубцами вверх, однако встречаются и перевернутые двузубцы и трезубцы, с зубцами, направленными вниз, как у двузубца третьей сюжетной зоны камня «Рудь». Тамги, направленные зубцами вниз, обнаружены на матрицах для тиснения колтов и свинцовой пломбе XI в. (Рыбаков 1940, 254, рис. 83; 84). Такой же характер расположения и у трезубца на печати Вячеслава – предмет происходит из Волыни (Михеев 2017, 32, рис. 17). Трезубец и двузубец с добавленным третьим зубцом, с направленными вниз зубцами, имеются на трапециевидной костяной подвеске X в. из 26-го Троицкого раскопа в Новгороде (Янин 1982, 151, рис. 8). На древнерусских печатах помимо двузуб-

цев изображались орнитоморфные фигуры архангелов и святые, покровительствующие князьям (Михеев 2017, 26, рис. 9; 24, рис. 6). «Знаки Рюриковичей» обнаружены на саркофаге кладбища у храма XII-XIII вв. во время раскопок летописного древнерусского города Василев, находившегося на слиянии рек Серет и Днестр в Черновицкой области Украины (Археология 1986, 340). Знак, схожий с «тамгой Рюриковичей», обнаруживается на стене нефа одной из церквей в скальном комплексе Мурфатлар в Румынии (Agrigogoei 2006, 49, fig. 10; Varnea 1963, 207-208). Три двузубца на стенах гробницы Царского кургана в Керчи исследователями идентифицируются как «знаки Рюриковичей»; два двузубца из обнаруженных трех направлены зубьями вниз (Амелькин 2001, 250, рис. 8-10).

Двузубец, изображенный на рудском камне (рис. 4/23), находится в композиции с орнитоморфными фигурами и фигурой святого с нимбом. Ввиду общего контекста и представленных выше аналогий святой идентифицируется как образ Иисуса Христа, а две орнитоморфные фигуры – как изображения ангелов/архангелов. Схожие композиции двузубцев и трезубцев со святыми и ангелами широко представлены на княжеских печатях и принадлежали наиболее значительным князьям своего времени (Михеев 2017, 35).

По всей видимости, перед нами двузубец, принадлежащий правителю местного княжества. Вполне вероятно, что со временем к двузубцу добавилась правая верхняя вертикальная переключина. Такой вывод можно сделать по более глубокому и проработанному характеру правой вертикальной переключины, в сравнении с остальной частью двузубца. Вполне допустимо, что данные изменения могли произойти с добавлением нового элемента к двузубцу, ввиду воцарения княжеского наследника. Подобная практика была широко распространена – дети князей часто развивали или варьировали княжеские знаки отцов (Михеев 2017, 34).

Итак, семантика и интерпретация сюжета третьей сюжетной зоны выражается в яркой и значительной связи христианства и княжеского знака. Иисус Христос, «расположенный» над правой иконной нишей, благословляет и защищает князя, с которым ассоции-

руется символ его власти – княжеский знак в форме двузубца, который расположен над левой иконной нишей. Таким образом может выражаться сакрализация власти правителем: княжеский знак – находится под защитой и покровительством Иисуса Христа, что семантически выражается в идеограмме руны «R» старшего футарка, обозначающей защиту; руна находится как бы в руке Иисуса Христа. К княжескому двузубцу композиционно примыкают сверху и справа образы ангелов, а к Иисусу Христу сверху и справа композиционно примыкают два небольших лапчатых креста. Над головой Иисуса Христа, на некотором удалении, находится изображенный в технике высокого рельефа прямоугольник с крестом посередине, возможно, что таким образом символически предстает священное писание Евангелие, в виде книжной формы Кодекса (рис. 1/26). Третья сюжетная зона обладает четкой линией симметрии.

Кресты, не имеющие отношения к трем сюжетным зонам лицевой стороны

На лицевой стороне антропоморфного поклонного камня, правее третьей сюжетной зоны, проходит большая трещина, за которой обнаруживаются разнообразные кресты, часто немного перекрывающие друг друга и не имеющие отношения к трем сюжетным зонам. Кресты заходят на правую боковую часть камня, присутствует палимпсест. Многие кресты эродированы. Среди них отмечаются антропоморфные и орнитоморфные кресты и ряд крестов, довольно необычных по форме. Суммарное их количество не превышает двух десятков. На лицевой стороне поклонного камня «Рудь» имеются спорадические кресты и знаки, не входящие в сюжеты. К ним, в частности, относится небольшая антропоморфная фигурка в левой части лицевой стороны, над алтарной полкой (рис. 1/29). Справа от, предположительно, иконных ниш, на алтарной полке имеются «X-образные» знаки (рис. 1/30); любопытно, что так начерталась скандинавская руна «g» старшего футарка, в идеограмматическом значении *gyfu* (*geofu* – «дар»). В частности, именно так трактуется «X-образный» символ на монете 865 года (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991, 39, 110-111). Подобная интерпретация весьма удобна, учитывая нахождение знаков на жерт-

венной полке и расположение над иконными нишами идеограмматической скандинавской руны «R» старшего футарка, идентификация и интерпретация которой в настоящем исследовании считается полностью обоснованной и доказанной. С другой стороны, если интерпретировать «X-образный» знак как простую насечку или косой крест для обозначения преподношений, семантика данного знака совершенно не меняется.

Стоит обратить внимание, что между алтарной полкой и сюжетными зонами находятся более 10 вертикальных борозд, образованных вследствие вбивания железных клиньев с целью формирования облика поклонного камня и его ритуальной значимости. Это единственная зона лицевой стороны антропоморфного поклонного камня с недообработанной поверхностью, вероятно, ввиду отсутствия особой значимости этого участка. На алтарной полке имеется большое количество желобов и чашеобразных углублений, помимо двух центральных стоков (рис. 1/20), напротив иконных ниш. Поверхность алтарной полки гладко обработана, что может свидетельствовать о сакральной и литургической важности данного участка во время почитания.

Оборотная сторона антропоморфного поклонного камня

Поверхность оборотной стороны рудьского камня имеет прямой вертикальный характер с небольшим уклоном. Признаки выравнивания и шлифования отсутствуют, местами вертикальная плоскость оборотной стороны значительно эродирована.

Сюжетные зоны – группы знаков, объединенных общей композиционной и семантической структурой, – не встречаются, однако встречаются композиции из двух антропоморфных крестов (рис. 6/6), крестоподобных человеческих фигурок, «несущих» кресты, и т.д. На оборотной стороне камня находятся около 30 фигур, представляющих собой разнообразные кресты (рис. 6). Наиболее часто встречаемый тип креста на оборотной стороне – это равнобедренный «греческий» крест с треугольно-расширяющимися концами (рис. 6/7). Такой элемент на оборотной стороне камня встречается в различных комбинациях. Ана-

логичный крест имеется на камне Котыр-гаши (Teodor 2003, 539, fig. 5/29; 538, fig. 3) и в скальном комплексе Мурфатлар в Румынии (Barnea, Bilciurescu 1959, 555, fig. 20; Ovcharov 2014, 25, fig. 104). Схожим типом креста украшен саркофаг XI в. князя Ярослава Мудрого в Киеве (Губарева 2015, 73, ил. 9). Очень близкая аналогия имеется на подвеске из Давыдово, Рязанской земли (Остапенко 2015, 213, рис. 34/7). На оборотной стороне камня Рудь не встречаются лапчатые кресты, характерные для лицевой стороны поклонного камня. Вторым часто встречаемым элементом на крестах оборотной стороны – это трехлепестковые криновидные лопасти нескольких крестов (рис. 6/8), имеющие аналогию с некоторыми крестами «скандинавского типа» (Чуракова 2017, 162, рис. 2/II/5).

Интересным объектом является двенадцатиконечный четырехчастный центральносимметричный криновидный¹² крест (рис. 6/1) в правой нижней части оборотной стороны камня. Три элемента условного «крин» верхней части креста подверглись эрозии, вследствие чего произошло обрушение перегородок, разделяющих три верхних конца двенадцатиконечного креста. Полная аналогия данному кресту обнаруживается на стенах скальной церкви №7 комплекса восточной части Загайтанской скалы Инкермана (Могаричев 1997, 168, рис. 79) и в церкви скального комплекса Челтер-Мармара в Крыму (Веймарн, Чореф 1978, 149, рис. 7/1). Частичная аналогия вырезана христианами на камнях кладки дромоса гробницы Царского кургана в Керчи, и датируется эпохой раннего средневековья (Гайдукевич 1981, 30, рис. 7). Подобный крест, датируемый XI-XII веками, имеется в церкви №21 из долины Гереме в Каппадокии (Jolivet-Lévy 1991, 79, fig. 3). Знак, аналогичный данному кресту, известен и у ильменских (новгородских) словен (Мячикова 2008, 144, рис. 28). Обозначенный тип креста наиболее часто встречается в XI-XIV веках (Могаричев 1997, 22).

Следует отметить также присутствие крестообразных человекоподобных фигурок с маленькими крестами на руках. Одна

¹² В данном случае термин «криновидный» имеет весьма условный характер, так как крест, скорее, напоминает центральносимметричное сочетание 4 знаков, напоминающее скандинавских рун «R» старшего футарка.

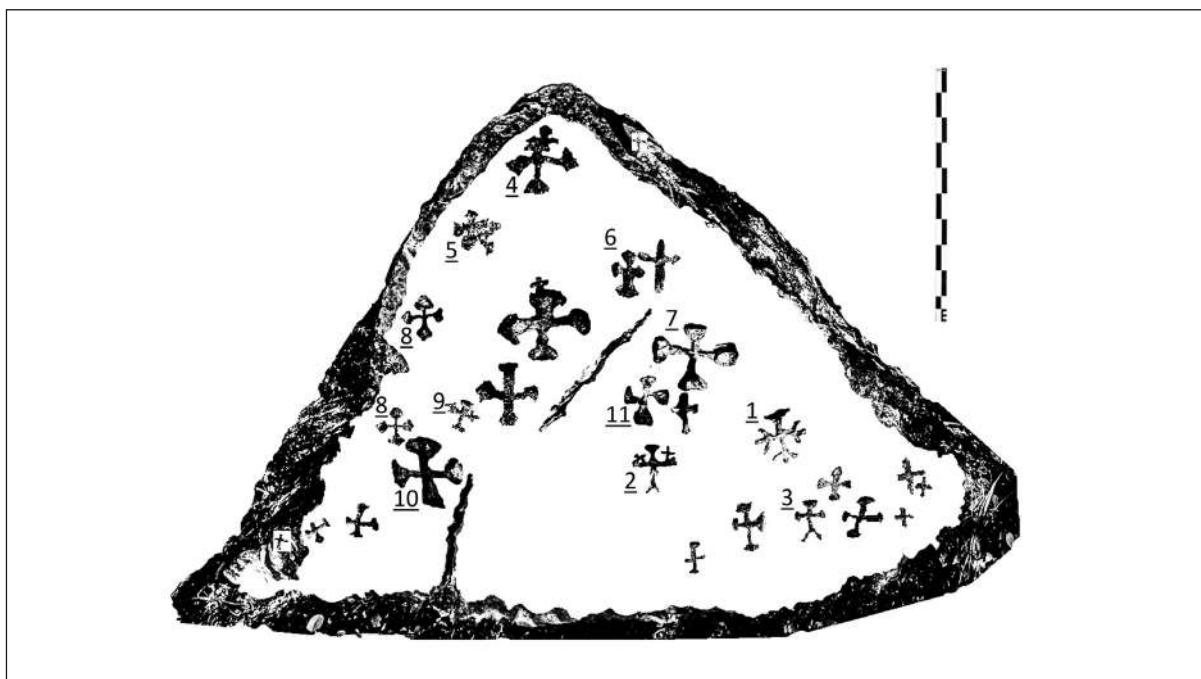

Рис. 6. Поклонный камень «Рудь». План оборотной стороны.

из фигурок «несет» на одной руке косою «Х-образный» крест, а на другой – «греческий крест» (рис. 6/2). Выявлена крестообразная человекоподобная фигурка и не «несущая» крестов¹³ (рис. 6/3). Очень схожая крестообразная фигура вытесана на раннесредневековом каменном надгробье из западного некрополя Херсонеса в Крыму (Зубарь, Павленко 1988, 63).

Широко представлены и комбинации различных элементов крестов разнообразных типов. Например, лопасти вертикальной перекладины одного из крестов имеют вид лопастей «костыльного» креста, заканчиваясь засечками, в то время как лопасти горизонтальной перекладины заканчиваются кринами (рис. 6/9).

Равносторонний «греческий» крест, обладающий тремя треугольно расширяющимися концами, изображен с отсутствием четвертой нижней лопасти (рис. 6/10).

У креста-«полусластики» правый конец горизонтальной перекладины загнут под прямым углом вниз, а левый конец горизонтальной перекладины загнут под прямым углом вверх,

в то время как осевая вертикальная перекладина креста – прямая (рис. 6/11).

Большинство крестов, представленных на оборотной стороне поклонного камня, выполнены с помощью глубокой гравировки в известняковой породе. Некоторые кресты, нанесенные на оборотную сторону, пребывают в хорошей сохранности, однако ряд знаков не поддается фиксации по причине разрушения вследствие эрозии. Изображение большинства крестов выполнены в динамике и пластике, многие кресты имеют сильно выраженный антропоморфный вид, очень архаичны и разнообразны. У некоторых крестов имеется палимпсест, так, например, на «голову» самого верхнего креста (рис. 6/4) наложен небольшой крест, ниже находятся два креста равных размеров, один из которых перекрыт другим (рис. 6/5). В то же время на оборотной стороне обнаруживается и ряд простых «греческих» крестов. В целом поверхность оборотной стороны сильно эродирована, по этой причине лучше всего сохранились кресты, имеющие наибольшую глубину выделки. Нельзя исключить нахождение дополнительных крестов и знаков на оборотной стороне поклонного камня ниже современного уровня дневной поверхности.

¹³ Кресты могли исчезнуть вследствие процесса эрозии.

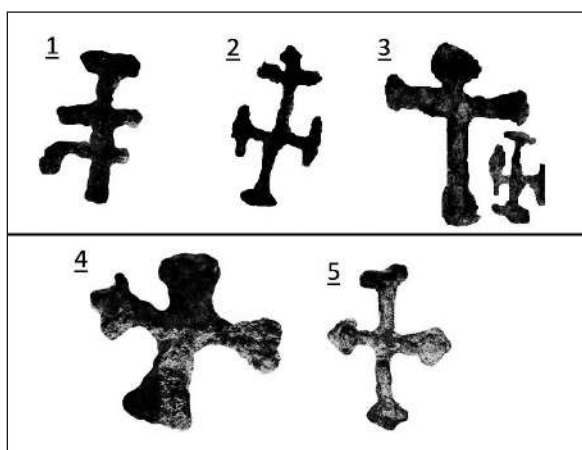

Рис. 7. Поклонный камень «Рудь». Кресты первого и второго монолита.

Лапидарные знаки первого и второго монолита поклонного комплекса

За раннесредневековым антропоморфным поклонным камнем находятся два известняковых монолита, лежащих под наклоном один на другом¹⁴. Первая плита перекрывает большую часть второй плиты. На обеих плитах обнаруживается ряд архаичных крестов, некоторые из них довольно крупного размера. Наиболее яркие из них: тройной крест с «т-образной» засечкой на вершине, как у костыльного креста, короткой горизонтальной переключиной на середине и нижней горизонтальной переключиной, левый конец которой плавно загнут вниз (рис. 7/1); крупный неравносторонний четырехчастный крест с криновидной вершиной и тремя «т-образными» засечками, как у костыльного креста (рис. 7/2); большой антропоморфный крест с выраженной «головой» и горизонтальной переключиной, расположенной чуть ниже головы, по всей видимости, выражает распятие. Данный крест образует композиционное сочетание с меньшим четырехчастным «костыльным» крестом с «т-образными» засечками на всех концах (рис. 7/3). Аналогичный «костыльный» крест изображен на византийской серебряной монете (гексаграмме) императора Константина II середины VII века (Губарева 2015, 75, ил. 14). На верхней части плиты также присутствует «z-образный» символ, эродированный и, возможно, вандализованный. Кресты первой плиты также ван-

¹⁴ Монолиты буквально повалены один на другой.

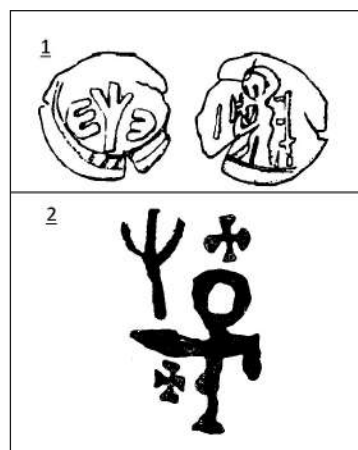

Рис. 8. Изображение Иисуса Христа: 1 - на монетах Силистры по Пенчеву (по Инкова 2014, 3, обр. I/4); 2 - на поклонном камне «Рудь».

дализованы, переключины некоторых крестов были использованы для начертания пяти имен, вместе с именами обнаруживается цифра «1968» и надпись небольшими буквами: «Винница». Данное обстоятельство не удивляет, так как первая плита с несколькими сильно эродированными крестами, в отличие от раннесредневекового поклонного камня, не была скрыта от глаз плотным покрытием мха и растений, а также наносными слоями и периодически могла попадать в поле зрения людей. В 1968 году в непосредственной близости проходили археологические раскопки под руководством Г.Б. Федорова, плита с несколькими эродированными крестами могла быть замечена и впоследствии испорчена надписями ввиду не придания значимости немногочисленным и эродированным крестам¹⁵.

Вторая плита значительно перекрывается первой. Следов вандализации не несет, однако сильно разрушается от эрозии. На плите имеются два эродированных, но поддающихся фиксации креста.

Один из них – крупный антропоморфный крест с расширяющейся нижней лопастью, в то время как верхняя лопасть имеет форму слегка наклоненной влево «головы» (рис. 7/4). Лопasti горизонтальной переключины имеют форму крина. Второй крест – это крест с трех-

¹⁵ Одно из обстоятельств, почему поваленной плите с несколькими крестами могли не придавать значения, несмотря на периодическое попадание в поле зрения, – нахождение поблизости монастыря XVIII века.

лепестковыми криновидными лопастями; данные концы перекадин характерны для некоторых крестов «скандинавского типа» (рис. 7/5).

Другие кресты не поддаются фиксации и не могут быть с достоверной точностью отличены от следов эрозийного разрушения самой породы, или же являются не столь значимыми для отображения в настоящей работе. Предполагается наличие наскальных знаков второй плиты на участке под упавшей первой плитой и под наносными слоями грунта.

Всего на обеих плитах надежно фиксируются порядка 6 крестов и один «z-образный» символ. Лицевые стороны обеих плит имеют признаки обработки, обратная сторона второй плиты не несет никаких следов обработки, поверхность выглядит естественной. Вполне вероятно, что две плиты, находящиеся в поваленном виде за главным антропоморфным культовым камнем, являются производными от главного камня в результате его валяния и обработки. Вполне допустимо, что отделенные от поклонного камня плиты были перенесены за головной камень, а не удалены с прилегающей территории по причине сакрального отношения и почитания главного камня как такового. Вероятно, что две плиты изначально были установлены в вертикальном положении за главным камнем, образуя узкий проход между тремя мегалитами, но со временем одна плита завалилась на другую.

Выводы и заключение

Открытый и исследованный памятник раннего средневековья уникален и не имеет прямых известных аналогов ни в регионе, ни в мире (рис. 9). Объект можно охарактеризовать как поклонное и литургическое устройство раннесредневекового культового комплекса под открытым небом, возведенного не позднее IX-X веков. Памятник ориентирован по сторонам света, обладает привязкой к астрономически важным событиям таким образом, что во время летнего солнцестояния солнце восходит перед лицевой стороной изваяния и может фиксироваться.

Лицевая сторона поклонного камня имеет пирамидальный, антропоморфный вид, три сюжетные зоны религиозно-космологической тематики, алтарную полку, желоба для стока жидкости, ниши для икон. Архитектура

поклонного камня и выразительная скульптура его лицевой стороны сильно подчеркивается системой лапидарных знаков. Три сюжета знаков выстраиваются в симметрически четкую, последовательную и лаконичную систему с ярко-выраженной семантикой сакрального объекта.

Первый сюжет повествует о мире божественном и запредельном для человека и находится на «голове» антропоморфного камня, он же демонстрирует связь мира человеческого с миром божественным, посредником которого является столбовой крестообразный идол, по-видимому, переосмысленный как поклонный крест с распятым Иисуса Христа, ему поклоняется фигурка человека, и образ Оранты. Первый сюжет несет в себе космогоническую вертикаль «Небо – Земля» посредством изображения столбового идола – поклонного креста, и мирового дерева.

Второй сюжет повествует о триединстве Бога, содержит отсылку к распятию и основывается на религиозной вертикали «Небеса – Ад».

Третий сюжет посвящен образу Иисуса Христа и иконным нишам, в которые, предположительно, вставлялись стеатитовые или литые византийские иконы. Именно к середине IX века в Византии окончательно побеждают почитатели икон и иконы становятся одним из важнейших атрибутов христианской веры византийской традиции. Изображение Иисуса Христа в сочетании с княжеским двузубцем и знаком защиты является ядром третьего сюжета. Образ Христа с нимбом находится под изваянной в камне книгой в форме кодекса с крестом, что может быть отсылкой к Евангелию. Что же касается скандинавской руны старшего футарка, выступающей в роли идеограммы христовой «защиты», ее использование стоит рассматривать в общем ключе достояния североевропейской культуры и как пример теснейших экономических и культурных связей со Скандинавией в эпоху раннего средневековья¹⁶. Третий сюжет образует

¹⁶ Подтверждением таких взаимосвязей на Среднем Днестре служит немало число скандинавских находок и привеска скандинавской ювелирной традиции, обнаруженная в составе Алчедарского клада (Рябцева, Тельнов 2010, 288, рис. 1/13; Tentiuc 2020, 269, fig. 13/7). Многочисленные находки скандинавских древностей на Среднем Днестре, такие как миниатюрные топоры-амулеты, боевые топоры, описаны И. Тентюком (Tentiuc 2020, 268, fig. 10; 265, fig. 7).

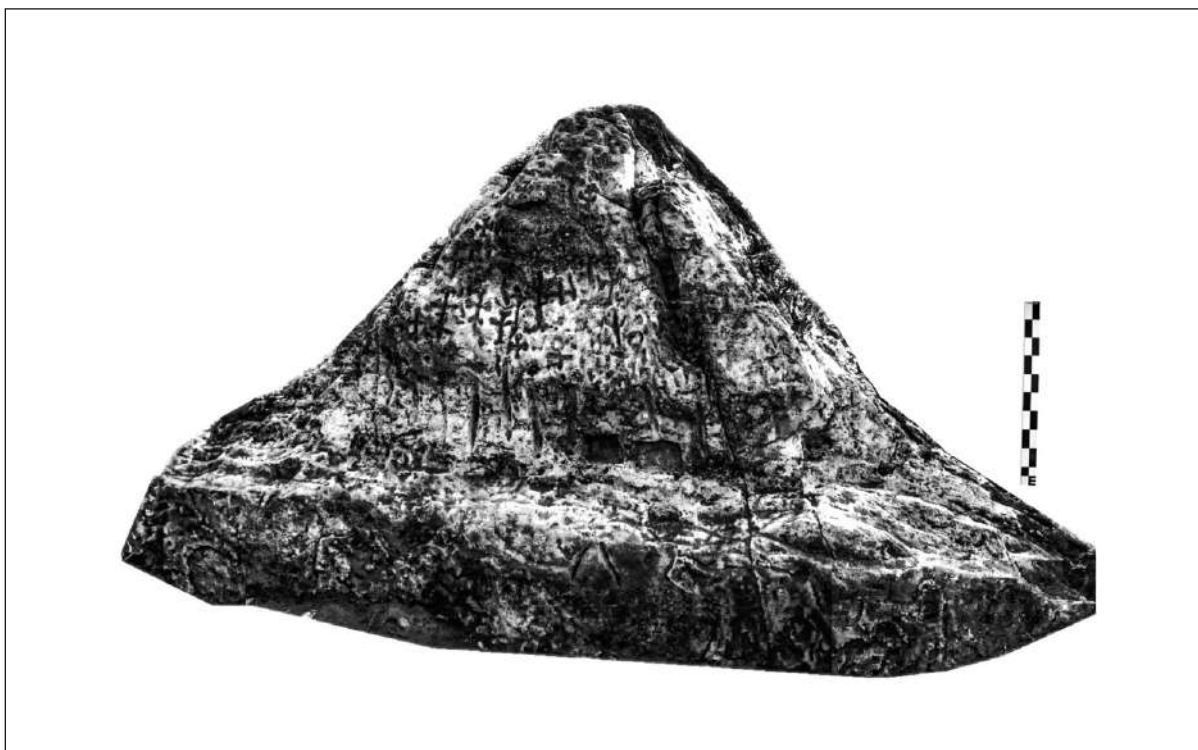

Рис. 9. Поклонный камень «Рудь». Общий вид лицевой стороны.

единую композиционную симметрию с иконными нишами, престолом древнего типа и центральными желобами для стока жидкости.

В центре поклонного камня находится символ, условно называемый «тавро», являющийся обобщающим как для всех трех сюжетных зон, так и для многогранности семантики, заложенной в данный объект в роли «центра мира».

Единое композиционно-смысловое сочетание переосмысленных языческих символов и огромного числа разнообразных христианских знаков говорит о переходном периоде в восприятии христианства населением местного протогосударственного образования и о начале локального процесса синкретизма. В самой Византии до середины IX века не были окончательно установлены каноны, они неоднократно менялись; так, например иконоборцы считали почитание икон проявлением язычества (Шмеман 1993, 248-249; Колпакова 2005, 258). Переходный период в восприятии христианства, выраженный в использовании языческих знаков в сочетании с христианской символикой, отмечается в Болгарии (Рашев 2008, 26). В Скандинавии смешение языче-

ских и христианских символов также отмечается в средние века: купель из церкви в шведском городе Люнгни, датируемая XIII веком, содержит руническую надпись *kir*, «латинский» крест и лилию (символ непорочности), соседствующие со свастикой, тетраграммой, а также с изображением солнца и луны (Jacobson, Moltke 1942, 150, fig. 399-401). Сочетание языческих и христианских символов в эпоху проникновения христианства зафиксировано на арабских дирхемах, происходящих из кладов Руси и Скандинавии (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991, 105).

Тенденция к антропоморфизму берет свое начало в язычестве (Петрухин 2013, 292-302), однако становится очень популярной у славян и других народов раннего средневековья. Население придает крестам человеческий вид, выражающийся в амбивалентности антропоморфических представлений облика (Панченко 1998, 193-194). Такая двойственность креста, выраженная в его антропоморфизме, объясняется восприятием креста как модели человека или божества (Топоров 1982, 12), была переосмыслена христианством в качестве символа новой веры. Пирамидальная

форма лицевой стороны поклонного камня может являться отсылкой к образу Голгофы.

Алтарная плоскость поклонного камня имеет много общего с престолом древнего типа, где престол и жертвенник были единым объектом, составляя синонимы к самому алтарю, с единым литургическим устройством, примыкающим к алтарной стене, совмещая функции престола и жертвенника (Шевченко 2012, 61-62). Подобные престолы обнаруживаются в целом ряде скальных храмов Днепра и Днестра. Престолы такого вида примыкают к внутренней восточной стене скальных храмов и предназначались для древнего типа церковного богослужения (Уманец, Шевченко 2010, 60). На рубеже VII-VIII веков нашей эры возведение подобных престолов прекращается, однако вполне допустимо локальное продолжение возведения престолов и проведения богослужений древнего типа. Престолы древнего типа, схожие по устройству с престолом поклонного камня «Рудь», известны в скальном храме Челтер-Коба в Крыму (Шевченко 2010, 73, рис. 11) и на греческом острове Патмос. Алтарь в «пещере Апокалипсиса» на острове Патмос имеет сопоставимое с камнем «Рудь» возвышение алтарной плоскости, сопоставимый наклон и ширину алтарной плоскости, а также два схожих желоба-стока для жидкости (Шевченко 2010, 73, рис. 12). По всей видимости, слева от иконных ниш под большим «U-образным» крестом находился условный престол, а справа от иконных ниш на алтарном «X-образном» кресте располагался условный жертвенник. В таком ключе предположение о том, что глубокое отверстие в районе второго сюжета предназначалось для факела, обретает дополнительную аргументацию.

На создание поклонного камня были потрачены большие ресурсы, а его формирование и обработка требовали развитой металлургической отрасли того времени, о чем свидетельствует более десятка вертикальных борозд от вбитых металлических клиньев над алтарной плоскостью поклонного камня. Известно, что у летописных тиверцев и уличей, живших на землях Среднего Днестра, была сильно развита металлургия, что подтверждается обнаружением большого количества сыродутных горнов (Тельнов, Рабинович 1990,

207). Поклонный камень Рудь находится на территории одного из 4 известных металлургических центров племенных гнезд тиверцев VIII-X веков, напротив (через Днестр) металлургического центра племенного гнезда уличей (Трачук 2014, 12, рис. 2/4). Так, на расстоянии порядка 1 км от поклонного камня «Рудь» располагается поселение Рудь ХХ, открытое в конце 70-х гг. Во время археологических исследований в 1980 г. на поселении Рудь ХХ были обнаружены пять домниц для выплавки железа, яма для обогащения железной руды, собрано 57,7 кг железного шлака (Власенко 2017, 166; Трачук 2014, 16). В раскопках поселения Рудь ХХ в 1982 г. было собрано 10,5 кг железного шлака, фрагменты воздуходушных сопел, фрагменты стенок домниц, два вида железной руды (Власенко 2017, 179).

Поклонный камень «Рудь» находится в 70 метрах от сложномысового городища «Три креста» и в 300 м от кольцевого городища лука-райковецкой культуры (Алчедар-Екимэуць) «Турецкая тарелка». Через боковое ущелье, в 500 метрах в юго-восточном направлении от поклонного камня, в лесу, проходит длинный невысокий ров и неглубокий вал поселенческого характера, пролегающий вдоль границы склона.

Культовый комплекс поклонного камня, судя по всему, является синхронным по отношению к раннесредневековой бытности перечисленных объектов. Все это свидетельствует о том, что поклонный комплекс был культовым центром крупного племенного гнезда тиверцев, древним христианским храмом под открытым небом. Почитать храм могли и представители народов, перемещающихся по второму международному торговому пути «из варяг в греки» по маршруту: Балтийское море – Висла – верховья Западного Буга – Днестр – Черное море. Данные обстоятельства говорят о том, что зону близ села Рудь, содержащую раннесредневековые памятники VIII-XI вв., необходимо признать единым археологическим раннесредневековым комплексом – крупным княжеским центром тиверцев. По всей видимости, мы имеем дело с памятником раннего проникновения христианства в Днестровско-Прутское междуречье, и вполне возможно, что речь идет о принятии христианства на протогосударственном уровне.

Константин Багрянородный пишет, что «по сю сторону Днестра, в краю, обращенном к Бугарии, у переправ через эту реку, имеются пустые крепости, посреди самих строений древних крепостей, обнаруживаются некие признаки церквей и кресты, высеченные в песчанике» (Константин Багрянородный 1989, 157). Далее перечисляются шесть крепостей и говорится о предании, согласно которому византийцы некогда имели там поселения. Данное историческое сообщение дополнительно подтверждает наличие византийского присутствия на Днестре до X века. Вполне допустимо предположить, что Византия оказала прямое влияние на христианизацию местного населения протогосударственного образования тиверцев и уличей, в эти же века, «сediaху бо по Днестру оли до моря» и «присediaху к Дунаеви», называемых греками «Великая скуфь» (Повесть временных лет, 1950, 14; 210). Таким образом, совершенно не удивительна вероятность принятия христианства византийской традицией местным княжеством, наряду с Болгарией, Сербией, более чем за век до крещения Руси.

Возможно, три сюжета поклонного камня в какой-то степени передают библейские сказания о сотворении мира, распятие Иисуса, восхождение и защиту человечества.

Благодарности

Автор выражает глубокую благодарность и искреннюю признательность господам Иону Тентюку и Георге Постикэ за помощь и ценные советы. Искренняя признательность и большая благодарность отцу Патроклу, благородно и великодушно способствующему проведению множества экспедиций по исследованию объекта. Автор признателен всем, кто внес посильный вклад в изучение «Рудь-Арионештской микрзоны» и продолжает вести исследования в этом крайне интересном и неповторимом месте. Особую благодарность автор выражает всем, кто способствовал изучению столь интересного и трудного объекта, идентифицированного и интерпретированного настоящим исследованием как раннесредневековый христианский «храм под открытым небом».

Библиография

- Амелькин 2001:** А.О. Амелькин, «Знаки Рюриковичей» на стенах гробницы Царского кургана под Керчью. В сб.: (Отв. ред. Г.В. Глазырина) Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 год: Восточная и Северная Европа в средневековье (Москва 2001), 239-254.
- Андрoшук, Зоценко 2012:** Ф. Андрoшук, В. Зоценко, Каталог Скандинавских древностей Южной Руси (Париж 2012).
- Археология 1986:** Археология Украинской ССР: Раннеславянский и древнерусский периоды, т. 3 (Киев 1986).
- Атанасов 1993:** Г. Атанасов, За един старобългарски скален манастир от X-XI век в Централна Молдова. Българите в Северното Причерноморие. Изследования и материали, т. 2 (Велико Търново 1993), 61-73.
- Букин 2010:** Н. Букин, Каталог нателных крестов с выемчатой эмалью. В сб.: (Отв. ред. А.Н. Трошин) Домонгол. Альманах древней культуры и искусства (Рыбинск 2010), 14-25.
- Василаке 2011:** М. Василаке, Жизнь среди камней: краткий очерк о скальных комплексах Молдовы. В сб.: Международный семинар-тренинг по культурному наследию стран СНГ, Алматы, 2011 (Алматы 2011), 158-168.
- Веймарн, Чорев 1978:** Е.В. Веймарн, М.Я. Чорев, Пещерный ансамбль Чильтер в Крыму. Пещеры Грузии (Тбилиси 1978), 139-153.
- Власенко 2017:** И. Власенко, Многослойное поселение Рудь XX (раскопки 1982 г.). *Tyragetia s.n.* XI/1, 2017, 165-181.
- Гайдукевич 1981:** В.Ф. Гайдукевич, Боспорские города. Уступчатые склепы. Эллинистическая усадьба. Илурат (Ленинград 1981).
- Голубева 1973:** Л.А. Голубева, Вeсь и славяне на Белом озере. X-XIII вв. (Москва 1973).
- Гросу, Василяки 1984:** В.Г. Гросу, К.Г. Василяки, Лапидарные знаки Бутученских пещер. Известия Академии Наук Молдавской ССР, Серия общественных наук 3, 1984, 63-69.
- Губарева 2015:** О.В. Губарева, Иерусалимский крест в восточно-христианской традиции. Вестник ПСТГУ, Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства 4 (20), 2015, 65-85.

- Даркевич 1960:** В.П. Даркевич, Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси. СА 4, 1960, 56-67.
- Добровольский, Дубов, Кузьменко 1977:** И.Г. Добровольский, И.В. Дубов, Ю.К. Кузьменко, Рунические граффити на восточных монетах. В: Е.А. Мельникова, Скандинавские рунические надписи (Москва 1977), 142-152.
- Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991:** И.Г. Добровольский, И.В. Дубов, Ю.К. Кузьменко, Граффити на восточных монетах: Древняя Русь и сопредельные страны (Ленинград 1991).
- Дончева-Петкова 1980:** Л. Дончева-Петкова, Знаци върху археологически паметници от средновековна България IV-X век (София 1980).
- Драчук 1975:** В.С. Драчук, Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры (Киев 1975).
- Жилина 2016:** Н.В. Жилина, Славянские идолы (к изучению монументального искусства славян V-IX вв.). Вестник ТвГУ. Серия «История» 1, 2016, 51-69.
- Зубарь, Павленко 1988:** В.М. Зубарь, Ю.В. Павленко, Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси (Киев 1988).
- Ибн-Фадлан 1939:** А. Ибн-Фадлан, Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарий под редакцией академика И.Ю. Крачковского (Москва-Ленинград 1939).
- Инкова 2014:** М. Инкова, За християнската символика на знака «ипсилон» в старобългарската култура. В сб.: Проблеми на изкуството, №3 (София 2014), 3-10.
- Кляшторный 1964:** С.Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии (Москва 1964).
- Коваленко, Грамма, Левинский 2008:** С. Коваленко, А. Грамма, А. Левинский, Культурный пещерный комплекс Холеркань-Мэркауць. Revista Archeologică s.n. IV/2, 2008, 186-207.
- Колпакова 2005:** Г.С. Колпакова, Искусство Византии. Ранний и средний периоды (Санкт-Петербург 2005).
- Кононович 2014:** А. Кононович, Древнерусские подвески с изображением архангелов – спорные вопросы атрибуции. В сб.: Древности Средне-Западной России и сопредельных территорий. Материалы XXX международной студенческой археолого-этнологической конференции 22-24 мая 2014 года, Брянск, 2014 (Брянск 2014), 44-47.
- Константин Багрянородный 1989:** Константин Багрянородный, Об управлении империей (Москва 1989).
- Коршун 2010:** В. Коршун, Привески 11-13 веков из коллекции сайта «Домонгол». В сб.: (Отв. ред. А.Н. Трошин) Домонгол. Альманах древней культуры и искусства (Рыбинск 2010), 62-69.
- Лебедев 2005:** Г.С. Лебедев, Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси (Санкт-Петербург 2005).
- Лифшиц 2015:** Л.И. Лифшиц, Белокаменная резьба Северо-Восточной Руси. В сб.: (Отв. ред. Л.И. Лифшиц) История русского искусства: Искусство второй половины XII века, т. 2/2 (Москва 2015), 356-431.
- Михеев 2017:** С.М. Михеев, Княжеские печати с тамгами и атрибуция знаков Рюриковичей XI-XII в. Древняя Русь. Вопросы медиевистики 4 (70), 2017, 17-41.
- Могаричев 1997:** Ю.М. Могаричев, Пещерные церкви Таврики (Симферополь 1997).
- Музыченко и др. 2009:** Б.Я. Музыченко, С.В. Слободянюк, С.К. Стафеев, М.Г. Томилин, История оптики: Часть 1. Визирные системы древности (Санкт-Петербург 2009).
- Мячикова 2008:** И.И. Мячикова, Графические мотивы архаической языческой символики восточнославянских племен. Етнічна історія народів Європи 27, 2008, 137-147.
- Мячикова 2011:** И.И. Мячикова, Древние знаки и символы восточнославянских племен. В сб.: Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, № 8 (14): в 4-х ч, ч. VI (Тамбов 2011), 137-141.
- Недошивина, Зозуля 2012:** Н.Г. Недошивина, С.С. Зозуля, Курганы Ярославского Поволжья. В сб.: (Отв. ред. Н.А. Макаров) Русь в IX-X веках: археологическая панорама (Москва-Вологда 2012), 179-193.
- Остапенко 2015:** А.А. Остапенко, Христианские древности Рязанской земли XI-XVI вв., т. 2 (Москва 2015).
- Панченко 1998:** А.А. Панченко, Исследования в области народного православия. Деревенские святыни в северо-западной России (Санкт-Петербург 1998).
- Панченко 2015:** В.Б. Панченко, Две заметки о каменных крестах на северо-западе России. В сб.: Материалы международной конференции «Город Ладога и Северная Русь в первые века русской истории» (Санкт-Петербург 2015), 259-284.
- Петрухин 2013:** В.Я. Петрухин, Русь в IX-X веках. От призвания варягов до выбора веры (Москва 2013).

- Повесть 1950:** Повесть временных лет, ч. 1 (Ленинград 1950).
- Покровская, Степанов, Сингх 2017:** Л.В. Покровская, А.М. Степанов, В.К. Сингх, Нательные кресты, крестовидные и крестовключенные привески XI - начала XII в. В сб.: (Отв. ред. А.Е. Мусин) В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой. Труды ИИМК РАН, т. XLVIII (Санкт-Петербург 2017), 467-474.
- Рабинович, Рябцева, Тельнов 2009:** Р.А. Рабинович, С.С. Рябцева, Н.П. Тельнов, Итоги раскопок городища Германарие в свете исследования культуры кольцевых городищ в Молдове. В сб.: (Отв. ред. С. В. Белецкий) Краеугольный камень, 2 (Санкт Петербург - Москва 2009), 194-207.
- Равдина 1978:** Т.В. Равдина, Древнерусские литые перстни с геометрическим орнаментом. В.: (Отв. ред. Т. В. Николаева) Древняя Русь и славяне (Москва 1978), 133-138.
- Рашев 2008:** Р. Рашев, Още за християнския смисъл на някои „прабългарски знаци“. В сб.: (Отв. ред. И. Карайотов) Историкии. Юбилеен сборник в чест на доц. д-р Ст. Витлянов по случай неговата 60-годишнина, т. 3 (Шумен 2008), 25-31.
- Рогова 2020:** И.Г. Рогова, «М-образные» тамги-петроглифы Среднего Енисея: опыт типологии и хронологической атрибуции знаков. Теория и практика археологических исследований 3 (31), 2020, 53-64.
- Русанова, Тимошук 2007:** И.П. Русанова, Б.А. Тимошук, Языческие святилища древних славян (Москва 2007).
- Рыбаков 1940:** Б.А. Рыбаков, Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X-XII вв. СА 61940, 227-257.
- Рыбаков 1951:** Б.А. Рыбаков, Прикладное искусство и скульптура. В сб.: (Ред. Н.Н. Воронин, М.К. Каргер) История культуры древней Руси. Домонгольский период, т. II. Общественный строй и духовная культура (Москва-Ленинград 1951), 396-464.
- Рыбаков 1964:** Б.А. Рыбаков, Русские датированные надписи XI-XIV веков. САИ. Вып. Е1-44 (Москва 1964).
- Рыбаков 1981:** Б.А. Рыбаков, Язычество древних славян (Москва 1981).
- Рыбаков 1987:** Б.А. Рыбаков, Язычество древней Руси (Москва 1987).
- Рябцева, Тельнов 2010:** С.С. Рябцева, Н.П. Тельнов, Алчедарский клад и центры ювелирного производства Восточной Европы конца IX - начала XI вв. Stratum plus 5, 2010, 285-300.
- Рязанцев 2010:** А. Рязанцев, Новый археологический комплекс в левобережье р. Прони. В сб.: (Отв. ред. А.Н. Трошин) Домонгол. Альманах древней культуры и искусства (Рыбинск 2010), 122-125.
- Сапожников 2018:** И. Сапожников, Симеоновский пещерный монастырь у села Роги на Днестре. Тураgetia s.n. XII/2, 2018, 81-90.
- Седов 1995:** В.В. Седов, Славяне в раннем средневековье, т. 2 (Москва 1995).
- Седова 1981:** М.В. Седова, Ювелирные изделия древнего Новгорода X - XV вв. (Москва 1981).
- Стафеев, Томилин 2010:** С.К. Стафеев, М.Г. Томилин, Пять тысячелетий оптики: Античность (Санкт-Петербург 2010).
- Тельнов, Рабинович 1990:** Н.П. Тельнов, Р.А. Рабинович, Результаты работ на поселении Скок. В сб.: (Отв. ред. Н.А. Кетрару) АИМ в 1985 г. (Кишинев 1990), 194-212.
- Топоров 1982:** В.Н. Топоров, Крест. В: Мифы народов мира, т. 2. (Москва 1982), 12-14.
- Трачук 2014:** А.В. Трачук, Металлургия хорватов, уличей и тиверцев Поднепровья в VIII-X вв. В сб.: (Отв. ред. Г.Я. Голенченко) Studia Historica Europae Orientalis. Исследования по истории Восточной Европы, вып. 7 (Минск 2014), 7-21.
- Уманец, Шевченко 2010:** А.Н. Уманец, Ю.Ю. Шевченко, Появление раннего христианства III-VII вв. в Северном Причерноморье. Сіверщина в історії України 3, 2010, 60-67.
- Хамайко 2010:** Н.В. Хамайко, Древнерусская бронзовая ювелирная форма из раскопок на Киевском Подоле. В сб.: Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной (Санкт-Петербург, 10-16 апреля 2006 г.) (Санкт-Петербург 2010), 420-429.
- Хейердал 1982:** Т. Хейердал, Искусство острова Пасхи (Москва 1982).
- Чуракова 2017:** А.Ю. Чуракова, Подвески-кресты «скандинавского типа» в контексте погребальной культуры Древней Руси XI-XII вв. В сб.: (Отв. ред. Н.И. Платонова) Elite ou Egalite... Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII-XII вв. (Санкт-Петербург 2017), 159-177.
- Шевченко 2010:** Ю.Ю. Шевченко, Храмы христиан юга Восточной Европы в эпоху великого переселения народов. Сіверщина в історії України 3, 2010, 67-75.
- Шевченко 2012:** Ю.Ю. Шевченко, Древний пещерный христианский храм Крыма эпохи первых готских походов III в. н.э. (по материалам пещерного монастыря Чилтер-Коба в Крыму). Сіверщина в історії України 5, 2012, 61-73.

- Шмеман 1993:** А.Д. Шмеман, Исторический путь Православия (Москва 1993).
- Якубовський 1975:** В.І. Якубовський, Давньоруський скарб з с. Городище Хмельницької області. Археологія 16, 1975, 87-104.
- Янин 1970:** В.Л. Янин, Актовые печати древней Руси X-XV вв. Т. 1: Печати X - начала XIII в. (Москва 1970).
- Янин 1982:** В.Л. Янин, Археологический комментарий к Русской правде. В сб.: (Ред. Б.А. Колчин, В.Л. Янин) Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода (Москва 1982), 138-155.
- Agrigoroaei 2006:** V. Agrigoroaei, Vikingi sau ruși. Noi cercetări asupra complexului de la Basarabi-Murfatlar. Apulum XLIII/2, 2006, 25-49.
- Androshchuk 2019:** F. Androshchuk, When and How Were Byzantine Miliarsia Brought to Scandinavia? Constantinople and the dissemination of silver coinage outside the empire. Constantinople as Center and Crossroad. Transactions of the Swedish Research Institute in Istanbul, vol. 23, 2019, 55-88.
- Brnea, Bilciurescu 1959:** I. Barnea, V. Bilciurescu, Șantierul arheologic Basarabi (reg. Constanța). MCA 6, 1959, 541-566.
- Barnea 1963:** I. Barnea, Les monuments rupestres des Basarabi en Dobroudja. Cahiers archéologiques. Fin de l'antiquité et Moyen Âge 13, 1963, 187-208.
- Bâzgu, Șinhani 1997:** E. Bâzgu, T. Șinhani, Un schit rupestru necunoscut – Holercani-Marcăuți. Sud-Est Cultural 4, 1997, 86-89.
- Hammarberg, Rispling 1985:** I. Hammarberg, G. Rispling, Graffiter pa vikingatida mynt. Hikuin. (Festskrift om mønter til Brita Malmer). Hikuin N. 11, 1985, 63-78.
- Ishler 1991:** M. Ishler, The Gnomon in Egyptian Antiquity. Journal of American research center in Egypt 28, 1991, 155-185.
- Jacobson, Moltke 1942:** L. Jacobson, E. Moltke, Danmarks runeindskrifter. Bd. II (København 1942).
- Jolivet-Lévy 1991:** C. Jolivet-Lévy, Les églises byzantines de Cappadoce. Le programme iconographique de V abside et de ses abords (Paris 1991).
- Jungner 1936:** H. Jungner, Högstena-galdern: en västgötsk runbesvärjelse mot gengångare. Fornvännen. Journal of Swedish antiquarian research 33, 1936, 277-304.
- Lazarovici et al. 2011:** G. Lazarovici, I.C. Pop, C-M. Lazarovici, S. Angeleski, Megaliți în Carpații Răsăriteni. Căi spre sanctuarele din natură și urmele unor așezări. Studiu de etno-arheologie și etno-religie. ArhMold XXXIV, 2011, 54-78.
- Ovcharov 2014:** N. Ovcharov, Murfatlar Script (London 2014).
- Ostapenko 2012:** A. Ostapenko, Miniature figures of archangels in medieval East Europe. In: (Ed. M. Salamon, M. Wołoszyn, Al. Musin, P. Špehar) Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe. Archaeological and Historical Evidence (Kraków - Leipzig - Rzeszów - Warszawa 2012), 491-502.
- Postică 2007:** G. Postică, Civilizația medievală timpurie din spațiul Pruto-Nistrean (secolele V-XIII) (București 2007).
- Svärdströin 1967:** E. Svärdströin, Högstenableckets rungalder. Fornvännen. Journal of Swedish antiquarian research 62, 1967, 12-21.
- Tentiuc 2020:** I. Tentiuc, On the Viking enclaves and their relations with the inhabitants of the Carpathian – Dniester region between the 9th and the 11th centuries. Dacia N.S. LXII-LXIII, 2020, 250-286.
- Teodor 2003:** D.Gh. Teodor, Inscriptiile rupestre de la Cotârğași-Suceava. In: Spațiul carpato-dunăreano-pontic în mileniul marilor migrații (Buzău 2003), 531-539.
- Waddell 1924:** L.A. Waddell, Phoenician Origin of Britons, Scots, and Anglo-Saxons (London 1924).
- Warren, Elliott 1980:** R. Warren, V. Elliott, Runes: An Introduction (Manchester 1980).

Interpretarea simbolurilor și motivelor sacre de pe piatra de închinare medievală timpurie de lângă satul Rudi

Cuvinte-cheie: bazinul Nistrului, evul mediu, creștinism, imaginea lui Iisus Hristos, trei sectoare sacre, piatră de închinare, altar de tip vechi.

Rezumat: Monumentul descoperit în preajma localității Rudi, raionul Soroca, reprezintă o piatră de închinare piramidală cu aspect antropomorf pronunțat al părții din față. Piatra, după toate probabilitățile, a fost utilizată în scopuri liturgice, calendaristice și rituale. Ea are o semnificație astro-arheologică explicită, fiind resimțite puternice influențe ale creștinismului din perioada Evului Mediu timpuriu. Piatra de închinare conține un altar de tip vechi, care constă din sisteme de scurgere: o cavitate în formă de cupă și un jgheab de drenaj, două nișe dreptunghiulare pentru icoane. Piatra sacră are diverse simboluri cosmogonice, rune, cruci Pattee, figuri antropomorfe și ornito-morfe, un tip de bident necunoscut anterior, imaginea lui Iisus Hristos, precum și imaginea unei cărți cu o cruce.

Principalele simboluri sunt grupate în trei sectoare sacre. Obiectul este unic în felul său și are urme de influență veche rusă, bizantină și vikingă, neavând analogii directe. Piatra de închinare a fost creată de populația locală a culturii Luka-Raikovețka (Alcedar-Echimăuți) în Evul Mediu timpuriu. Lucrarea științifică a autorului este menită să facă lumină asupra istoriei timpurii a interfluviului pruto-nistrean, a proto-statelor ulicilor și tivertilor din cronici, precum și asupra răspândirii creștinismului înainte de anul 988 d. Hr.

Lista ilustrațiilor:

Fig. 1. Piatra de închinare de la Rudi. Planul general al părții din față.

Fig. 2. Piatra de închinare de la Rudi. Schița primului sector.

Fig. 3. Piatra de închinare de la Rudi. Schița celui de-al doilea sector și semnul „marca”.

Fig. 4. Piatra de închinare de la Rudi. Schița celui de-al treilea sector.

Fig. 5. Piatra de închinare de la Rudi. Conturul adânciturii trifoiului.

Fig. 6. Piatra de închinare de la Rudi. Planul reversului pietrei de închinare.

Fig. 7. Piatra de închinare de la Rudi. Crucile primului și celui de-al doilea monolit.

Fig. 8. Imaginea lui Iisus Hristos: 1 - pe monedele Siliștrei conform lui Penchev (după Инкова 2014, 3, обр. I/4);
2 - pe piatra de închinare de la Rudi.

Fig. 9. Piatra de închinare de la Rudi. Vedere generală a părții din față.

Interpretation of sacral symbols and scenes depicted on the early medieval worship stone near the village of Rudi

Keywords: the Dniester River basin, Early Middle Ages, Christianity, image of Jesus Christ, three sacred scenes, worship stone, old-type altar.

Abstract: The monument discovered near the village of Rudi in the Soroca District is a pyramidal worship stone with a pronounced anthropomorphic appearance of the front part. The stone appears to have been used for liturgical, calendar and ritual purposes. It has a clear astrological and archaeological significance and testifies to a strong influence of Christianity in the Early Middle Ages. In the worship stone there is an old-type altar, consisting of drainage systems: a cup-shaped cavity and a gutter, and two rectangular niches for icons. The sacred stone has various cosmogonic symbols, runes, Pattee crosses, anthropomorphic and ornithomorphic figures, a previously unknown type of bident, an image of Jesus Christ, and an image of a book with a cross. The main symbols are grouped into three sacred scenes. The object is unique in its kind and has traces of Old Russian, Byzantine and Viking influences; it has no direct analogues. The stone of worship was created by the local population of the Luka-Raikovets (Alcedar-Echimăuți) culture in the Early Middle Ages. The author's scientific work is intended to shed light on the early history of the Prut-Dniester interfluvium, the chronicle proto-state of Uliches and Tivertsi, as well as on the spread of Christianity before 988 AD.

List of illustrations:

Fig. 1. Worship stone “Rudi”. General plan of the front side.

Fig. 2. Worship stone “Rudi”. Plan of the first scene.

Fig. 3. Worship stone “Rudi”. Plan of the second scene and a symbol.

Fig. 4. Worship stone “Rudi”. Plan of the third scene.

Fig. 5. Worship stone “Rudi”. Contour of trefoil.

Fig. 6. Worship stone “Rudi”. Plan of the stone back side.

Fig. 7. Worship stone “Rudi”. Crosses of the first and second monolith.

Fig. 8. The image of Jesus Christ: 1 - on the coins of Silistra, according to Penchev (after Инкова 2014, 3, обр. I/4);
2 - on the worship stone “Rudi”.

Fig. 9. Worship stone “Rudi”. General view of the front side.

01.03.2021

Игорь Бондарь, независимый исследователь, г. Кишинев, Республика Молдова, <https://orcid.org/0000-0001-5339-3037>, e-mail: igorrr8829@gmail.com

---

О СОБРАНИЯХ ДРЕВНОСТЕЙ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ, ПРИОБРЕТЕННЫХ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИЕЙ У П.А. МАВРОГОРДАТО В 1903 ГОДУ¹

Майя Кашуба, Игорь Сапожников, Мария Медведева

Ключевые слова: история археологии, Императорская археологическая комиссия, Эрмитаж, коллекционирование в конце XIX - начале XX в., П.А. Маврогордато, происхождение находок, курган Огуз и его ограбление в 1901-1902 гг., скифские древности.

П.А. Маврогордато – некоторые факты биографии

Неординарная и противоречивая личность собирателя и торговца древностями *Петра Амвросиевича Маврогордато* (29.06.1870, г. Николаев, Херсонская губ., Российская империя – 29.03.1948, близ г. Ремхильд, Тюрингия, Германия; рис. 1) неизменно привлекает внимание ученых в связи с тем, что во многих музеях мира хранятся предметы из его коллекций.

Детальные исследования его биографии показали, что он был меценатом, благотворительность которого была полезной для Одесского общества истории и древностей (ООИД) и его музея (Юрченко 2009)². В «Энциклопедии украиноведения» его называли «археологом», который «вел раскопки на о. Березани, на территории бывшей Ольвии и Тиры, в Гурзуфе в Крыму» (Маврогордато 1994). Изучая генеалогию родов одесских греков, В.В. Томазов выявил некоторые примечательные факты его биографии: до 21 года он имел документы

Рис. 1. П.А. Маврогордато (1930-е гг.; по Schörner, Schörner 2010, Abb. 1).

на имя Петра Ивановича Марьенко, а в 1891 г. был усыновлен родным отцом, подданным Греции и николаевским купцом Амвросием Пантелеевичем Маврогордато. Кроме того, исследователь привел описание недвижимости, имеющейся в распоряжении последнего в начале XX в.: имение в с. Овсяники Балтского уезда Подольской губернии (около 1000 га), хутор Пантелеевка (Маврогордато) на левом берегу Хаджибейского лимана (на одесской городской земле площадью 111 га³); дома – в Одессе (ул. Маразлиевская, д. 6) и в Николаеве (по ул. Потемкинской). Хотя земля хутора, разделенная на 128 участков, была готова к

¹ М. Кашуба провела исследование в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н.э. - I тыс. до н.э.)». М. Медведева провела исследование в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0010 «Археологическая и реставрационная деятельность Государственной академии истории материальной культуры на территории Евразии в 1926-1937 гг. (по материалам Научного архива ИИМК РАН)».

² Об этом также см. Охотников 2010, 56-57, 93.

³ Участки № 33-36 по «Генеральному плану города Одессы» М. Дитерихса 1892 г. Сейчас это пахотное поле в 1,1 км на юго-восток от с. Протопоповка.

продаже еще в 1901 г., до смерти отца в 1909 г. сын смог реализовать лишь одну делянку (Томазов 2010, 144-146 сл.⁴). Страстное увлечение П.А. Маврогордато коллекционированием древних предметов, которое он осуществлял со своей кузиной, одесской художницей-пейзажисткой Эрато Александровной Латри, обвенчавшись с ней в 1897 году, стало еще одним источником дохода. Массовая продажа предметов из его коллекции в начале 1900-х годов, скорее всего, была связана с решением переехать в Германию.

В основу статьи «Pierre Mavrogordato» в немецкой версии Википедии положена работа Г. Шёрнера (Schörner 2009), в которой написано, что П.А. Маврогордато «учился в Одесском университете и стал директором местного музея. Он проводил археологические раскопки в бывшей греческой колонии Ольвии <...> и 7 лет участвовал в изучении Помпей. Находки из римской Тиры в устье Днестра он подарил Одесскому музею»⁵. Вскоре Г. Шёрнер опубликовал еще одну биографию П.А. Маврогордато, в которой сообщалось, что в 1883-1892 гг. он учился в одной из гимназий Одессы, в 1905 г. переехал в Германию, в 1917 г. посетил Турцию, а осенью 1918 г. посетил Украину вместе с директором Берлинского античного музея Т. Вигандом. К статье приложен каталог бывших вещей П.А. Маврогордато, хранящихся в музеях Майннингена и замка Глюксбург (Schörner, Schörner 2010, 181-188 u.a.)⁶.

Из последних целенаправленных исследований личности П.А. Маврогордато и истории его коллекций отметим работы О.В. Айсфельд (Коноваловой) – одесской архивистки и специалиста по истории немецкой колонизации. Она провела поиски в архивах и музеях Украины и Германии, опубликовала наиболее подробную биографию П.А. Маврогордато и рассмотрела «пути античных артефактов из Причерноморья в зарубежные музейные и частные собрания» (Айсфельд 2014).

Имеются также дополнительные сведения, касающиеся отдельных этапов жизни

П.А. Маврогордато. В 1897 году во время Первой Всероссийской переписи населения он заполнил опросный лист, в котором сообщил, что получил домашнее образование⁷, служит в торговом доме «Родоконаки и К^о», где и проживает вместе с братом и слугой (по адресу: Николаевский бульвар, д. 10, кв. 2). В 1905-1907 гг. П.А. Маврогордато с супругой поэтапно переезжает в Германию «из соображения личной безопасности по причине политической нестабильности в Российской империи». В своей берлинской квартире они создали музей, внутренним устройством больше похожий на антикварную лавку⁸. В 1910-1914 гг. на участке земли площадью 4 га, купленном близ г. Ремхильд, была построена «коллония Pierato»⁹ из 14 вилл, которые сдавались внаем и куда пара переселилась на постоянное жительство в 1936 г. На новой родине супруги продолжали коллекционировать¹⁰ и продавать древности, подарив некоторые из них музеям, в частности Британскому музею. В 1945 г. их дом попал в советскую зону оккупации, но им удалось избежать репатриации в СССР. В 1948 г. они завершили жизненный путь, унеся с собой тайны происхождения изделий античного времени и других раритетов, которые сегодня открывают ученые Германии, России, Украины и других стран (см. Айсфельд 2014, ил. 2).

Проблемы определения собрания античных древностей П.А. Маврогордато

Сравнительно недавно О.В. Горская и М.В. Медведева атрибутировали коллекцию П.А. Маврогордато в фонде ювелирных изделий из частных собраний в Отделе античного мира Государственного Эрмитажа (ГЭ)¹¹. Заметим,

⁷ Отсутствие сведений о гимназическом и университетском образовании у П.А. Маврогордато в опросном листе и несоответствие этой информации биографическим данным из существующих публикаций подчеркивает О.В. Айсфельд в своей статье (Айсфельд 2014, 44).

⁸ Практика создания таких «музеев» торговцами древностей известна в то же время в Керчи (Боровкова 1999, 120-124).

⁹ Названная по именам владельцев – Pierre и Erato.

¹⁰ Супруг имел ценное собрание почтовых марок «Русский Левант» и был соучредителем (в 1920 г.) и почетным председателем (в 1931-1946 гг.) Союза филателистов Украины в эмиграции, а жена владела произведениями живописи, среди которых был карандашный рисунок «Казак Мамай», приписываемый Т.Г. Шевченко (Орлова, Бурак, Короленко 2013, 102).

¹¹ В Государственном Эрмитаже также хранится и собрание скифских древностей того же происхождения (см. документы 3-4).

⁴ Как указал исследователь, спекуляции на земле принесли семье хороший доход (Томазов 2010, 144 сл.).

⁵ Код доступа: https://de.wikipedia.org/wiki/Pierre_Mavrogordato#cite_note-6 (дата обращения 25.01.2021).

⁶ Через два года была опубликована вторая часть этого каталога (Bermann, Schörner, Schörner 2012; также см. Bermann 2010).

что еще несколько лет назад все эти вещи были беспаспортными, увязать их с источником поступлений в 1902-1903 гг. (рис. 3-6) удалось путем изучения публикаций, фотографий и архивных документов ГЭ и Императорской археологической комиссии (ИАК)¹². Исследовательницы выяснили, что еще в 1902 г. коллекционер преподнес дар Эрмитажу через находившегося в Одессе старшего хранителя отделения древностей Г.Е. Кизерицкого¹³. Он и описал эти предметы, найденные, по словам дарителя, в Ольвии: «Халцедон с вырезанным вглубь изображением бюста бородатого мужчины V ст. до Р.Хр. превосходной работы, золотой браслет с львиными головками V ст. до Р.Хр. очень изящной работы, алабастрон из разноцветного стекла, на золотой цепочке IV ст. до Р.Хр., вероятно, единственный экземпляр в своем роде, терракотовая маска Силена, IV ст. до Р.Хр. замечательно тонко отделанная и полная жизни, терракотовая ваза под черным лаком с ситечком и львиной головкой, IV ст. до Р.Хр., костяная коробочка с румянами», а также оценил их стоимость «свыше тысячи рублей». Позже из данного набора были атрибутированы браслет и алабастр (Горская, Медведева 2015, 412-413; 2016, 33-34, ил. 1; 2).

Второе поступление древностей в Эрмитаж от того же адресата в конце 1903 года было оформлено через ИАК как покупка 163 антикварных изделий за 2000 руб., оплаченная частями в три приема с 1904 до начала 1906 года. Все они были переданы в Эрмитаж 10 января 1906 года (документы 3 и 3а).

Изучив и частично опубликовав архивное дело о покупке вещей ИАК¹⁴, О.В. Горская и М.В. Медведева определили в Эрмитаже все

62 золотых и 2 серебряных предмета, которые, по данным П.А. Маврогордато, происходили из Ольвии и Овидиополя. Среди них атрибутированы одна фальшивая серьга (сработанная как дубликат для античной) и некоторые «добавки» (подвески в виде зубов, накладки к диадеме и прочее) к другим изделиям, выполненные в конце XIX - начале XX века (Горская, Медведева 2015). Детальнее эти изделия охарактеризованы еще в одной их работе как «украшения массового производства, бытовавшие в Северном Причерноморье в разное время. Среди них есть экземпляры весьма хорошего качества, как, например, диадема, браслет, перстень, нашивные бляшки с женскими ликами» (Горская, Медведева 2016, 46 и др.).

Любопытны находки из Овидиополя¹⁵, имеющие свою историографию исследования, так как связаны с найденными в 1793-1794 гг. в Аджидерской крепости могилами в каменных ящиках, одна из которых известна как «могила Овидия» (Аргатюк, Левчук, Сапожников 2015). В свое время изучение рисунка амфор из этой могилы и фотографии овидиопольской золотой ветви из собрания П.А. Маврогордато (Отчет 1906, 152, рис. 302) позволило А.В. Буйских ориентировочно отнести их к I в. до н.э. - I в. н.э. (Сапожников, Левчук, Синельников 2018, 6-7, 10). Теперь ясно, что золотая ветвь (рис. 5/2) входит в подборку предметов (10 экз.), переданную в ИАК на отдельном картоне с указанием места находки (документ 2а; рис. 5/1-10). Согласно последним данным, перстень со щитком (рис. 5/1) и бочковидные бусы (рис. 5/5-8) датируются более ранним временем, а серебряные пряжка и пластина (рис. 5/3, 4) имеют позднюю датировку (Горская, Медведева 2016), датировка I в. н.э. золотой фибулы (рис. 5/9) соответствует дате, предложенной А.В. Буйских¹⁶.

С этими выводами совпали и результаты проведенных исследований «ольвийского

¹² Все упоминаемые документы хранятся в Научном архиве (Рукописный отдел и Фотоотдел) Института истории материальной культуры РАН.

¹³ Помимо Эрмитажа, документы о передаче предметов в музейную коллекцию хранятся в Российском государственном историческом архиве (г. Санкт-Петербург), в фонде Канцелярии Министерства императорского двора в деле 1902 года «О разрешении сыну купца Маврогордато принести в дар Императорскому Эрмитажу различные античные предметы, найденные при раскопках в местностях древнего города Ольвии» (РГИА, Ф. 472, оп. 43 (475/2424), д. 90).

¹⁴ Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук (далее РО НА ИИМК РАН), Ф. 1, оп. 1, 1903, д. 237. Авторы приносят благодарность сотрудникам архива Т.А. Ершовой и О.В. Григорьевой за помощь в работе с документами.

¹⁵ Ранее имелась информация только о золотой оливковой погребальной ветке (Сапожников, Левчук, Синельников 2018, 7-9).

¹⁶ В устной консультации В.И. Мордвинцева поддержала идею одного из авторов этих строк (И. Сапожникова) о том, что как минимум часть данных вещей может составлять комплекс находок из одного погребения, возможно, в каменном ящике.

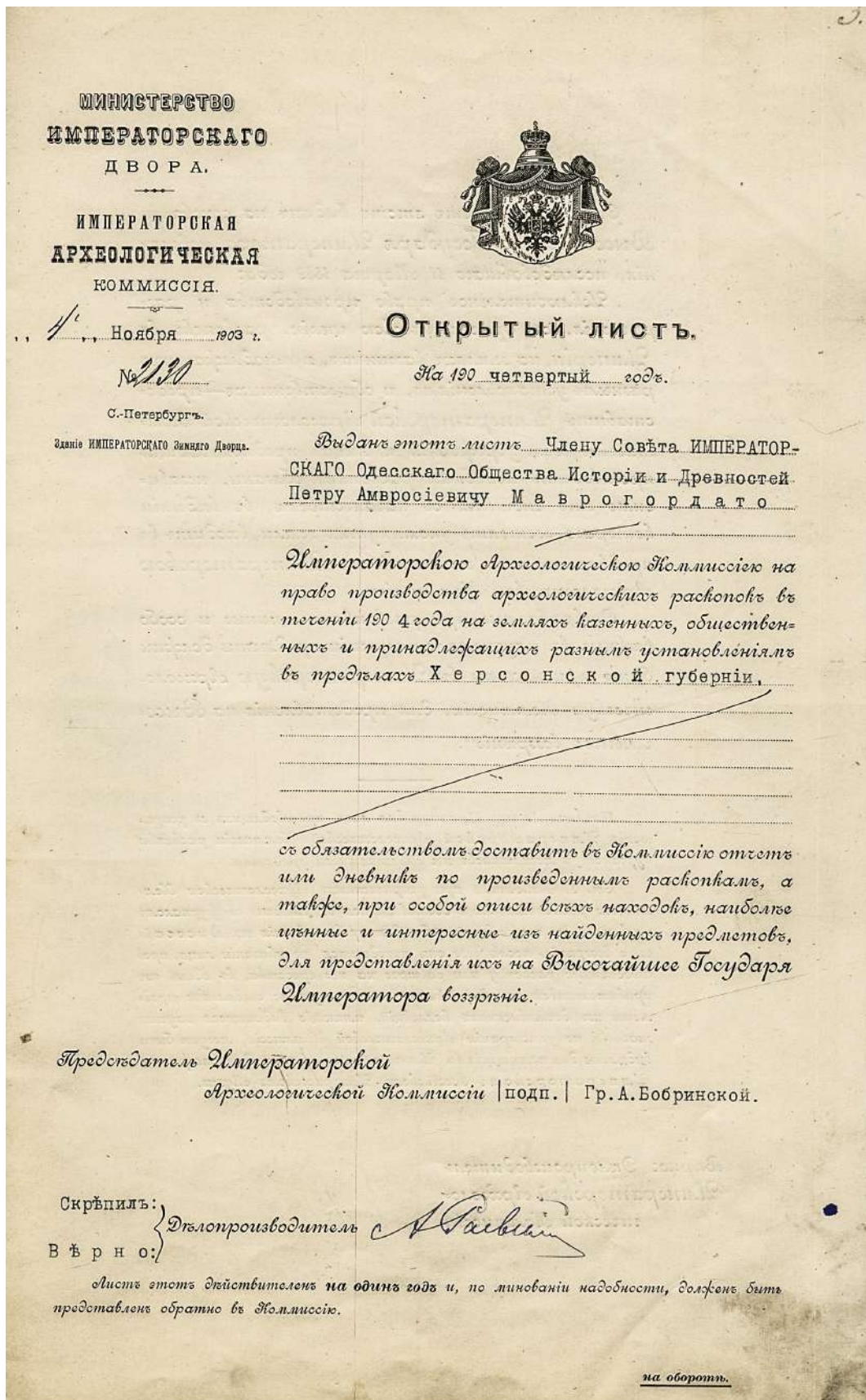

Рис. 2. Открытый лист П.А. Маврогордато на исследования в 1904 году, первая публикация (© РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1903, д. 237, л. 3-30б).

Рис. 3. Ювелирные изделия из античной коллекции П.А. Маврогордато в Эрмитаже. Фото И.Ф. Чистякова (© ФО НА ИИМК РАН. Нег. III 3113; ср. Горская, Медведева 2015, рис. 1).

собрания»¹⁷ Б.И. и В.Н. Ханенко в Киеве. Е. Величко заключила, что «мы имеем дело с довольно типичной для начала XX в. разновременной и мультикультурной “солянкой”. Поражает хронологический размах – от IV в. до н.э. до средневековья. Место же находки большинства украшений, скорее всего, навсегда останется неизвестным, либо “ольвийским” со знаком вопроса» (Величко 2019, 80). Заметим, что часть из них похожа на эрмитажные из «ольвийского собрания Маврогордато», а отдельные типы золотых бляшек могут быть изготовлены при помощи одного штампа (документ 6). Известно, что «пластины-аппликации могли быть оттиснуты на одной матрице, которая в ходе работы могла подправляться, что и вызывало незначительную вариабельность изображений» (см. Минасян 2010, 184-187; ср. Величко, Полидович 2018, 141-142).

¹⁷ Из находившихся в коллекции 52 изделий (документ 7) на сегодня идентифицированы 42.

О происхождении предметов из скифского собрания П.А. Маврогордато

В упомянутом выше архивном деле¹⁸ содержится ряд примечательных фактов, которые, на наш взгляд, могут осветить и другие древности из коллекции П.А. Маврогордато, хранящиеся в Эрмитаже. Речь идет о причинах и условиях продажи 1903 г., а также о комплексе золотых украшений и других предметов из скифского кургана Огуз (?) и других аспектах.

Известно, что в конце XIX - начале XX века в Северном Причерноморье сложилась своя система поиска и реализации предметов древностей, основанная на сети торговцев в Керчи (И.А. Терлецкий, Е.Р. Запорожский и др.), Николаеве (А. Фогель), Очакове и Одессе. Наибольшие обороты продаж имели купцы братья Гохманы – Шебсель (Шебсиель) и Лейба (Леон Гаухман) Давыдовичи, скупавшие находки в Ольвии и ее окрестностях, а также занимав-

¹⁸ РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1903, д. 237.

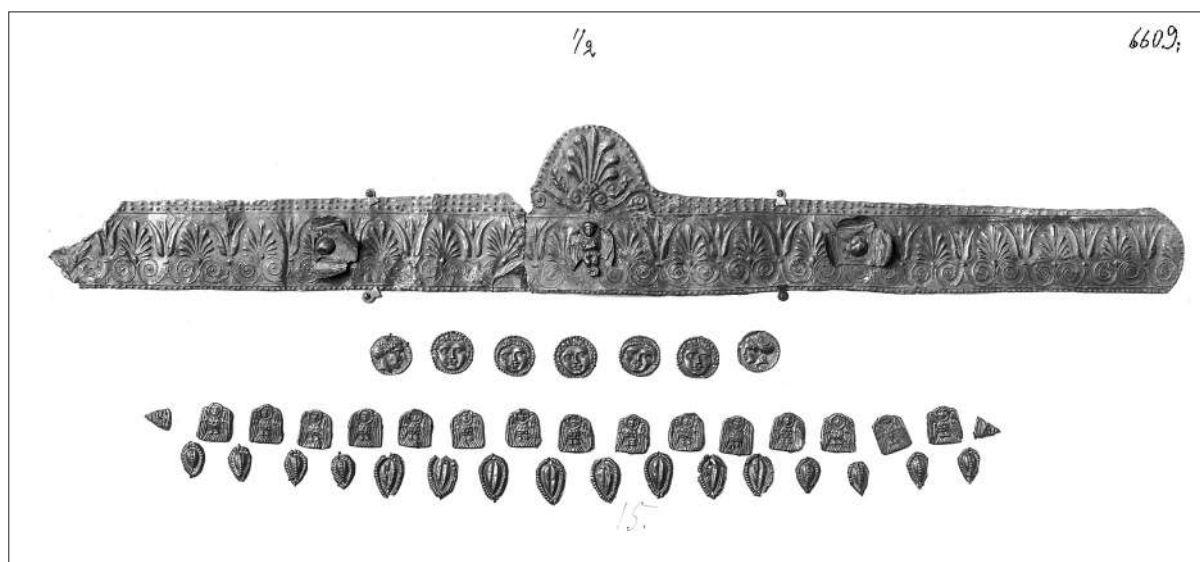

Рис. 4. Диадема и нашивные бляшки из античной коллекции П.А. Маврогородато в Эрмитаже. Фото И.Ф. Чистякова (© ФО НА ИИМК РАН. Нег. III 9829; ср. Горская, Медведева 2015, рис. 2).

шиеся организацией изготовления и сбытом подделок¹⁹. В какой-то мере этот рынок был ими монополизирован. С 1891 по август 1903 года братья Гохманы держали лавку «Колониальные и антикварные товары» в Очакове²⁰. Наряду с настоящими вещами, найденными кладоискателями во время грабительских раскопок, они торговали и искусными подделками, которые зачастую даже специалисты в классическом и скифском искусстве не могли отличить от настоящих артефактов (подробнее об этом см. Бертье-Делагард 1896; Штерн 1896; Штерн 1897; Штерн 1899; Штерн 1906а; Штерн 1906б). Сначала они сбывали древности частным коллекционерам и небольшим археологическим музеям на юге России, затем стали продавать свои вещи уже в европейские музейные собрания (Вена, Берлин, Париж).

¹⁹ В 1896 г. коллекционер И.К. Суручан привлек братьев Гохманов к суду за то, что те продали ему золотые статуэтки Ники и Эроса работы одесситов – ювелира И. Рухомовского и мастера Деморье, но суд в Кишиневе не вынес обвинительного приговора (Боровкова 1999, 50-51). Тема фальсификации археологических находок (см. Кузьмищев 2016; Жижина 2019; Гейко 2020; и мн. др.) в настоящей статье не рассматривается. Любопытно, что после кончины И.К. Суручана именно Ш.Д. Гохман стал посредником вдовы коллекционера в попытке продажи предметов из его богатейшей коллекции в Императорскую археологическую комиссию (Власова 1999, 366-367).

²⁰ В 2016 г. в Очакове открыли памятную доску: «У цьому будинку жив та утримував майстерню і лавку антикваріату відомий колекціонер, везучий авантюрист кінця XIX ст. Шпесель Гохман».

После разоблачения аферы с «тиарой скифского царя Сайтофарна» Шебсель вернулся в Одессу, где поселился на ул. Херсонской, 26, а второй брат под именем Леон Гаухман остался на месте. Торговцы активно пытались сотрудничать с ИАК и Эрмитажем. В архиве Комиссии хранится обширная переписка о покупке у них различных предметов в 1891-1904 гг.²¹ В 1902 г. начались многолетние систематические раскопки ИАК на территории Ольвии под руководством Б.В. Фармаковского, и памятнику была обеспечена круглогодичная охрана для предотвращения грабительских раскопок. В 1903-1904 гг. братья Гохманы сообщили о прекращении своей деятельности по торговле древностями, и ИАК купила остатки их коллекции, в которую они также попытались «втиснуть» несколько поддельных предметов. Э.Р. Штерн считал Гохманов всего лишь ловкими торговцами-распространителями фальсификатов и предполагал, что ими руководил человек с хорошим образованием, разбирающийся в области эпиграфики, древней истории, топографии Черноморского побережья и в классическом искусстве, обладавший прекрасной библиотекой (Штерн 1899, 196). Его имя до сих пор остается неизвестным.

Деятельность Гохманов достигла расцвета к 1902-1904 гг., когда археологические рари-

²¹ РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1896, д. 82; 1899, д. 193; 1900, д. 122; 1903, д. 11; и др.

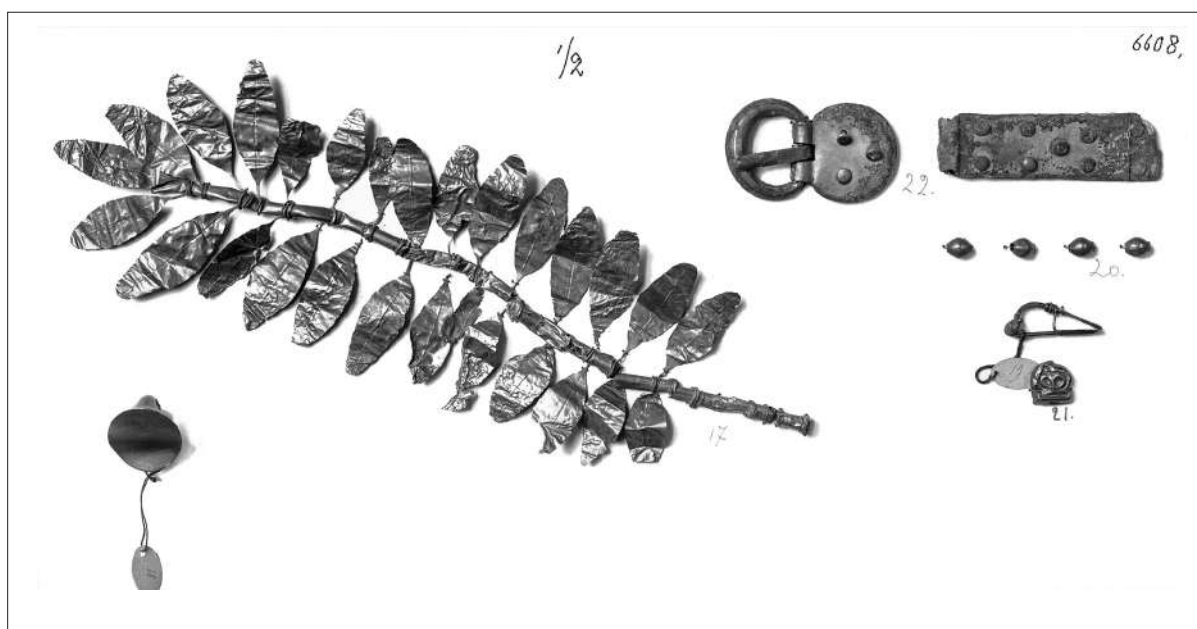

Рис. 5. Изделия из античной коллекции П.А. Маврогордато в Эрмитаже, найденные в Овидиополе. Фото И.Ф. Чистякова (© ФО НА ИИМК РАН. Нег. III 9828; ср. Горская, Медведева 2015, рис. 3).

теты покупали у них как частные лица (П.А. Маврогордато, Б.И. Ханенко и др.), так и учреждения: музей ООИД, Эрмитаж и ИАК. Интенсификации процесса²² немало способствовали неурожайные 1899, 1901 и 1902 годы, вынуждавшие крестьян бросать плуг и браться за лопаты, а также начавшиеся систематические раскопки Ольвии, в первую очередь ее некрополя (Штерн 1901, 102 сл.)²³.

Еще одним обстоятельством дела о продаже ИАК древних предметов в 1903 г. является получение П.А. Маврогордато Открытого листа. Речь идет о прошении члена совета ИООИД П. А. Маврогордато от 16 сентября 1903 г. на бланке общества (документ 1), которое было удовлетворено, а лист вместе со стандартным отношением о помощи на имя

херсонского губернатора В.А. Левашова подписал председатель ИАК 4 ноября (рис. 3). После этого 28 декабря 1903 г. П.А. Маврогордато написал Б.В. Фармаковскому: «Я получил открытый лист ИАК на 1904 г., зная, что этим обязан исключительно Вам, сердечно благодарю Вас». Далее следовало предложение купить у него древности из Ольвии (рис. 3; 4), Овидиополя (рис. 5) и кургана Огуз (рис. 6) за 2000 руб. Примечательно замечание продавца: «Я больше золота не собираю, так как из-за массы фальши нет возможности разобраться» (документ 3). К письму прилагался список предлагаемых изделий (документ 3а), составленный, вероятно, «по принципу хронологии их покупки самим П.А. Маврогордато» (Горская, Медведева 2015, 414). Предлагаемые изделия он передал через Ш.Д. Гохмана, который лично привез их в Санкт-Петербург (документ 2). Они были пронумерованы согласно списку и прикреплены на отдельные листы картона, которые были сфотографированы фотографом ИАК И.Ф. Чистяковым (рис. 3-6).

Стоит упомянуть, что П.А. Маврогордато не воспользовался своим Открытым листом, который по истечении срока действия не был сдан в ИАК (Отчет 1907, 143, 152). Отсутствуют также и данные о каких-либо официальных

²² Например, П.А. Маврогордато только в «богатом на находки» 1899 г. купил в Парутино 363 керамических сосуда, несколько терракот, 48 изделий из стекла, 21 из серебра, 11 из слоновой кости, 142 монеты – 3 золотых, 6 серебряных и 11 больших асов «превосходной сохранности» (Штерн 1900, 118, 120-122 сл.). При этом он редко делал подарки Музею ООИД, в котором был членом Совета и исполнял обязанности казначея с 1899 по 1910 г. Зато известен другой случай 1901 г., когда вице-президент ООИД А.Л. Бертье-Делагард приобрел «из бывшей коллекции П. А. Маврогордато» и передал музею 188 предметов (всего 35 позиций) на сумму 1800 руб. (Протокол 1902, 51-53). Всего тогда А. Л. Бертье-Делагард передал музею экспонатов на сумму 3000 руб.

²³ РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1903, д. 11.

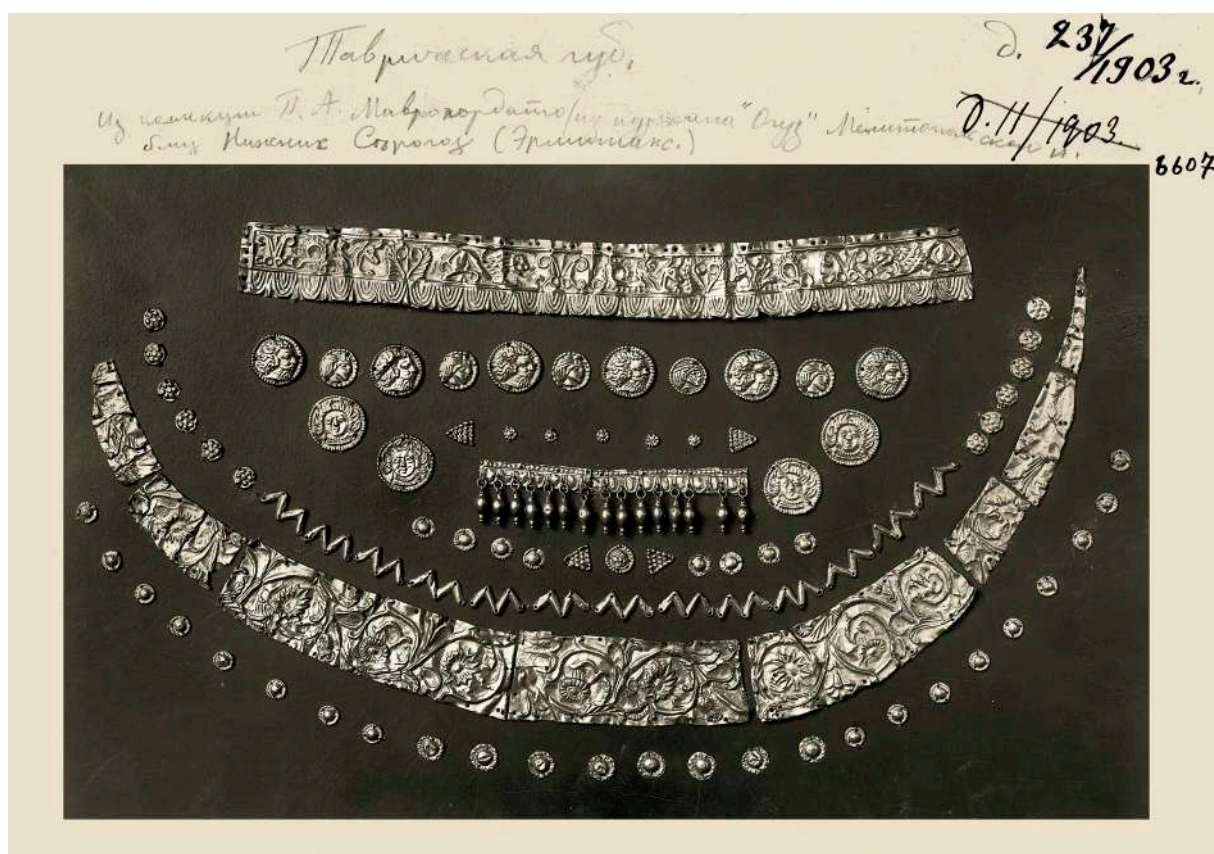

Рис. 6. «Таврическая губ. Из коллекции П.А. Маврогордато (из кургана «Огуз» Мелитопольского у. близ Нижних Серогоз (Эрмитаж))», первая публикация. Фото И.Ф. Чистякова (©НА ИИМК РАН. РО, Ф. 1, оп. 1, 1903, д. 237, л. 24; ФО. Нег. III 9827).

раскопках, проведенных под его руководством. Исключение составляют вышедшие осенью 1901 г. заметки в одесских газетах о том, что «в селе Парутине (древней Ольвии) при раскопках, произведенных П.А. Маврогордато, найдено 6 человеческих зубов, относящихся, судя по вещам, находившимся при скелете, к V-IV вв. до Р.Х. Зубы эти хранятся у зубного врача Я.С. Харлипа» (Известия 1902, 35). А вот как описал Э.Р. Штерн «раскопки» П.А. Маврогордато в Тире в том же 1901 г.: «8-го сентября я отправился в Аккерман, 9-го прибыл г. П.А. Маврогордато со своим лакеем, страстным любителем древностей и раскопок, которому поручен был надзор за рабочими и который весьма добросовестно выполнил возложенную на него задачу; кроме того, он привез с собою одного опытного копателя из Парутина (Ольвии), который с надлежащим умением занимался выборкой земли в тех местах, где работа требовала особенной осмотрительности и осторожности» (Штерн 1901, 33; также см. Кузьмищев 2013).

Поскольку об «ольвийской составляющей» эрмитажного собрания П.А. Маврогордато сказано достаточно, обращает на себя внимание ее «скифская часть», в происхождении которой имеются спорные моменты. Сам продавец источником 96 золотых украшений называл «курган Огуз» близ села Нижние Серогозы Мелитопольского уезда Таврической губернии (документ 2а), что было не один раз зафиксировано (документы за и 4; Случайные 1906, 166-167, рис. 323).

В 1906 г. А.А. Спицын сообщил, что «огромнейший курган Огуз, раскапывавшийся ИАК в продолжение четырех лет (1891-1894 гг.)²⁴, оказался уже начисто ограбленным через особый ход, приведший прямо к могильной яме. Ход не был очищен исследователем на всем протяжении, так как нельзя было рассчи-

²⁴ Н.И. Веселовский в 1891 г. исследовал и Деев курган. В 1896 г. в нем местные жители нашли богатое впускное погребение. Находки поступили в основном в ИАК (хранятся в ГЭ). Через год его докопал К.Е. Думберг (Императорская 2009а, 67-73).

тывать на сколько-нибудь примечательные находки в нем. Однако в 1902 г., 8 лет спустя по окончании раскопок здесь было собрано множество золотых вещей, большей частью доставленных местным начальством в Комиссию, отчасти же разошедшихся по рукам и попавших в частные коллекции, например П.А. Маврогордато и Б.И. Ханенка» (Спицын 1906, 157). Вскоре этот ход исследовал В.Н. Рот, который, пропуская землю через грохот, нашел две штампованные бляшки с изображением голов, разные бусы, пуговицы и головки гвоздей из золота и серебра, другие предметы (Отчет 1904, 66-68, рис. 128-133)²⁵.

Древности, приобретенные ИАК у П.А. Маврогордато в 1903 г., в целом описаны и частично опубликованы (документы 4 и 5). Обращает внимание, что из двух золотых штампованных обивок одна представлена обломанной пластиной, а вторая (серповидная) – составлена из восьми частей (рис. 6; Случайные 1906, 166-167, рис. 323). Эти же изделия использованы для реконструкции украшений эллино-скифских головных уборов, где они сгруппированы с подобными предметами из Деева кургана. Авторы реконструкции были уверены, что часть накладок из грабительских раскопок Деева кургана 1896 г. попала к П.А. Маврогордато, а через него в Эрмитаж (Ростовцев, Степанов 1917, 78).

М.И. Ростовцев отмечал, что большинство проданных из Деева кургана «вещей попало в руки Маврогордато и через него в Комиссию и Эрмитаж» (Ростовцев, Степанов 1917, 78), при этом он ссылался на Отчет ИАК за 1903 г., где происхождение этих предметов однозначно связывается с курганом Огуз. К сожалению, в работе отсутствует объяснение, почему и в какой момент изменилась атрибуция комплекса, поступившего из коллекции П.А. Маврогордато в Эрмитаж в 1903 г.²⁶ Его соавтор

П.К. Степанов писал, что обломок «лобного обруча» в 30 см для предлагаемой им реконструкции эллино-скифского головного убора был обнаружен М.И. Ростовцевым в коллекции П.А. Маврогордато, и что он сходится по излому с обломком 8 см из Деева кургана (Ростовцев, Степанов 1917, 98), однако при описании процесса реконструкции П.К. Степанов постоянно разделял части из коллекции Деева кургана и фрагменты из собрания П.А. Маврогордато (Ростовцев, Степанов 1917, 96-97, 100-101). Важно отметить, что П.К. Степанов подчеркивал их идентичность и одновременно указывал на возможность существования в разных курганах украшений головного убора с одинаковой орнаментацией и общим штампом (Ростовцев, Степанов 1917, 99).

Для предложенной реконструкции прямой и двух месяцевидных накладок (рис. 7) использовано 8 частей из собрания П.А. Маврогордато и 6 частей из двух коллекций Деева кургана: одна – из Эрмитажа (Спицын 1906, табл. XIII, XV), вторая – из ГИМа, бывшее собрание С.Г. Павелко-Паволоцкого (Ростовцев, Степанов 1917, 78, 96-97, 101, табл. VII-IX; Отчет 1900, 31-32, рис. 95-96). По всей видимости, такая интерпретация основана на более-менее точном совпадении ширины состыкованных фрагментов. Исключение составляет прямая полоса, большая часть которой, скорее всего, происходит из Огуза, а меньшая – из Деева кургана: она похожа на сломанную, но по фотографии трудно судить, насколько точно можно совместить эти фрагменты (рис. 7/3). Предложенная более столетия назад реконструкция прочно вошла в специальную литературу (Артамонов 1966, 53-54, рис. 121; Онайко 1970, 39-41, рис. 7, табл. XXXIV), хотя сомнения в происхождении этих находок исключительно из Деева кургана уже высказывались (Айсфельд 2014, 47, 49, ил. 17)²⁷. Некоторые золотые и серебряные предметы из Деева кургана и Огуза были опубликованы

²⁵ В 1903 г. Открытый лист № 1745 на раскопки в Мелитопольском уезде Таврической губернии был выдан Б.В. Фармаковскому по его просьбе – рапорт от 8 августа 1903 г. (РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1903, д. 11, л. 133, 302 и др.; Императорская 2009б, 80). Однако сведения о каких-либо раскопках Б.В. Фармаковского в 1903 г. в Мелитопольском уезде отсутствуют. В 1979-1981 гг. полевые исследования Огуза завершила экспедиция ИА АН УССР под руководством Ю.В. Болтрика (Болтрик, Фиалко 1991).

²⁶ О том, что в процессе передачи предметов в Эрмитаж материалы могли получить иную географическую привязку, имеются другие свидетельства. Например, при передаче в 1926 г. из склада древностей ГАИМК (преем-

ницы ИАК) такая история произошла с деталями от двух скифских повозок, записанных как происходящие из кургана у города Сумы Харьковской губернии. На самом деле речь должна идти о раскопках Н.И. Веселовским в 1915 г. кургана в ст. Елизаветинская, что подтверждается архивными данными, включая фотоматериалы того времени (см. Логинова 2018, 326-328, рис. 5).

²⁷ О.В. Айсфельд в частной переписке (электронное сообщение от 27.01.2021) отметила, что «реконструкция П.К. Степанова <...> ввела в заблуждение последующих исследователей – см.: Артамонов 1966, 53-54, рис. 121».

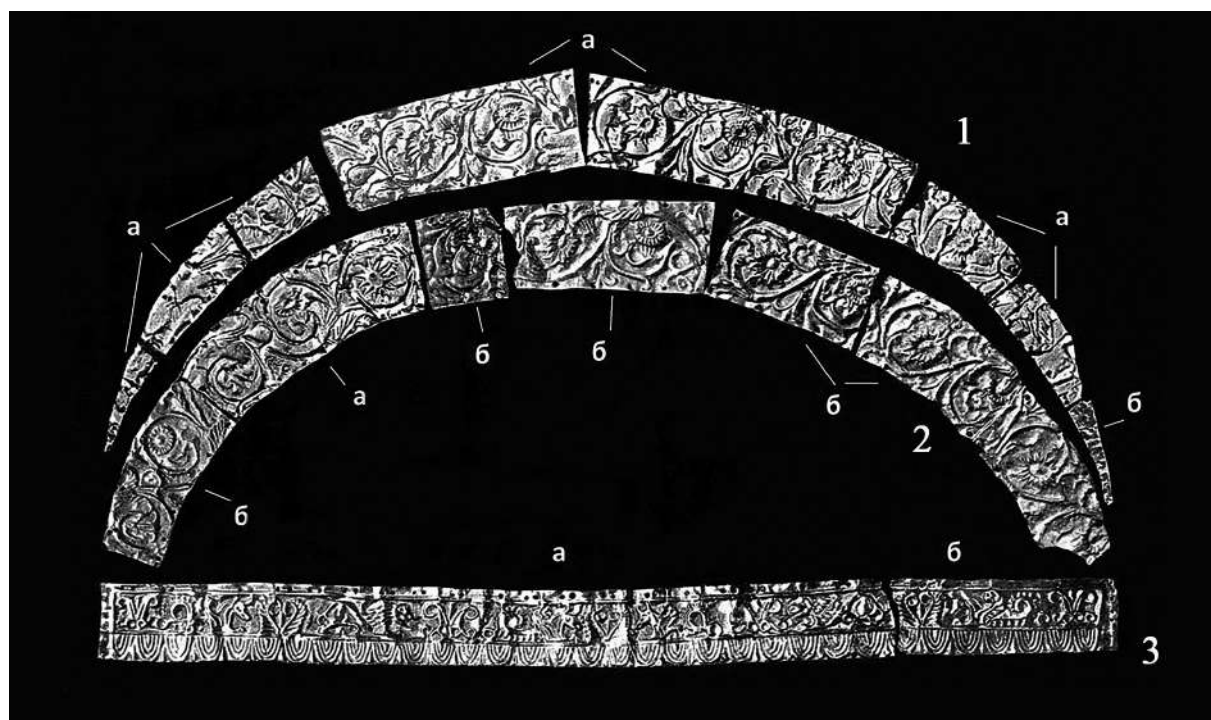

Рис. 7. Золотые пластины из скифских курганов Огуз и Деев (таблица, по Ростовцев, Степанов 1917, табл. VII; добавления по Айсфельд 2014, ил. 17: а - курган Огуз; б - курган Деев).

А.Ю. Алексеевым в последнем каталоге, посвященном золоту скифских царей в собрании Эрмитажа (Алексеев 2012, 238-243).

В связи с атрибуцией происхождения скифских находок из собрания П.А. Маврогордато интерес вызывает малоизвестная история ограбления кургана Огуз в начале XX в., позволяющая внести некоторые важные уточнения. Первоначально остановимся на опубликованных фактах, принадлежащих перу местного краеведа Ц.Г. Неймана. В начале февраля 1902 г. он увидел на полу присутственной комнаты Мелитопольской полицейской управы «кучу, из которой выдавались куски разбитых больших амфор, ржавое железо, солома и мелкие предметы». Там же он узнал об обстоятельствах дела и описал изъятые находки. Первые приведены по рапорту пристава от 29 января 1902 г.: «Крестьяне с. Нижних Серогозов в числе 33 человек, по своему почину, занялись раскопками кургана <...> под названием «Агузки»²⁸. <...> В настоящее же время вышесказанными крестьянами открыт совершенно новый туннель и найдено во время раскопок несколько предметов, которые от них мною отобраны и

представляются вашему высокоблагородию. При этом имею честь доложить, что мною дальнейшее разрытие оной могилы было воспрещено еще 12 сего января, сейчас же, как было обнаружено, что производятся раскопки; за сохранением этого кургана учрежден надзор, сделанные отверстия в кургане зарыты, и виновные в числе 33 душ привлечены к законной ответственности...» (Нейман 1902, 159).

Ц.Г. Нейман более-менее подробно описал эти предметы при помощи местного ювелира, здесь приведем характеристики нескольких накладок с целью поиска аналогий с собранием П.А. Маврогордато: «№№ 3, 4, 5 – Три пластинки из листового золота, с вырезанными по одному краю украшениями: кругом пробиты дырочки для гвоздей, которыми пластинки довольно густо были прибиты к деревянному, очевидно, предмету, так как на одной из них с внутренней стороны прилипли остатки истлевшего дерева. Предмет, на котором были прибиты они, не был плоский, так как на двух пластинках один конец расширен и выделан выпукло, как на головку, может быть это обивка от седла. Все пластинки покрыты темной патиной. В некоторых дырочках сохранились части гвоздей из неизвестного

²⁸ Огуз – по-татарски «бык».

мне сплава, давшего темно-сизую окись, а не красную, какую даст железо. Одна пластинка цельная 34 см длины, весит 35,2 гр.; другая 28,5 см длины и при ней отломан широкий конец (выпуклый) в 6,5 см длины, весит 43,0 гр.; и третья цельная без расширения с закинутыми вверх концами 22 см длины, весит 21 гр. Проба их 36²⁹» (Нейман 1902, 161). Как видим, по описанию они похожи на некоторые предметы из названной коллекции, но в последней их насчитывается 9 экз. (рис. 6).

Далее Ц.Г. Нейман сообщил, что после изъятия 50 предметов в симферопольской газете «Салгир» (№ 27 от 02.02.1902) вышла заметка с описанием еще 651 металлического изделия (около 420 золотые). Их показали корреспонденту крестьяне Василий Чумак и Тимофей Мелешко, которые нашли их в подземной галерее, раскопанной проф. Н.И. Веселовским на протяжении 16 сажень³⁰, «но теперь земля осела, и крестьяне раскопали еще на 9 сажень в другую сторону и тут нашли эти вещи». После продолжавшегося разбирательства выяснилось, что находчики утаили от пристава эти предметы, опасаясь кражи их вознаграждения, а потому сами отослали их в ИАК. Как заметил автор статьи: «Крестьяне сохранили и отослали только то, за что надеются получить вознаграждение, что сами считали ценным: золото и немного других металлических предметов. Железо, изделия из глины, остатки дерева, черепа и кости в их списке отсутствуют совершенно, а все это там непременно должно было находиться. О ходе раскопки, о расположении вещей, о похоронном обряде и т.д. узнать уже нет возможности. Словом, этот один из богатейших памятников для науки представляется разграбленным» (Нейман 1902, 161-166).

Поскольку в Отчете ИАК за 1902 год и последующие годы передача обоих «партий» находок в ИАК и далее в Эрмитаж не упоминается³¹, мы подняли дело «О хищнических раскопках курганов крестьянами с. Нижних Серогоз Мелитопольского уезда Таврической губ.»³².

²⁹ 36 – согласно старой золотниковой системе проб, что соответствует современной 375 пробе.

³⁰ Более 32 м.

³¹ В отчете упоминаются приобретенные у местных жителей «железные вещи» из небольшого кургана близ могилы Огуз (Отчет 1904, 134, рис. 233, 234).

³² РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1902, д. 26 на 283 л., датируемое 1902-1906 гг. Работу с делом усложнили не столько его значительный объем, сколько тематическая разношерстность документов и неоднократные нарушения их хронологической последовательности.

В нем имеется подтверждение информации Ц.Г. Неймана и даже первое из упомянутых им описаний находок. Более того, в деле есть описание процесса грабежа, выполненное поручиком Севастопольского крепостного пехотного батальона В.Н. Ротом, который прибыл на место в середине февраля 1902 г. и увидел следующее: «Вся близлежащая местность изобилует курганами, усердно раскапываемыми крестьянами в надежде на еще большие поживы. Считаю долгом заметить, что власти не преследуют строго крестьян, занимающихся грабежом древностей. Для строгого надзора <...> в деревне Нижние Серогозы оставлен надсмотрщик Талавирка, снабженный мною удостоверением на право осматривать все курганы и просить содействия и вмешательства властей. Осмотрев и исследовав курган, а также распорядившись о надлежащей охране оного, я занялся собиранием древностей, выкопанных крестьянами. Большинство жителей Серогоз принимали более или менее деятельное участие в хищнических раскопках и, будучи осведомлены о каре за подобное деяние, боялись принести мне имеющиеся у них предметы. После нескольких оглашений через посредство старосты, старшины и городских, мне удалось, путем обещания платы, собрать предметы, коих опись с обозначением платы при сем представляю. Заведомо известно, что у некоторых крестьян имеются богатые находки, весьма тщательно скрываемые, предназначенные для продажи евреям в г. Никополь, куда уже было свезено и продано много древностей»³³.

Подчеркнем, что рапорт В.Н. Рота является единственным прямым свидетельством продажи торговцам древностями части вещей из Огуза, найденных в 1901-1902 гг. – это проливает свет на то, каким образом находки из этого кургана могли появиться в коллекциях П.А. Маврогордато и Б.И. и В.Н. Ханенко. Последняя частично сохранилась в Киеве, а в 1907 г. интересующие нас изделия были подробно описаны с приложением фотографий (документ 6). После проведенного Е.А. Величко и Ю.Б. Полидовичем детального анализа по меньшей мере еще одну бляшку из коллекции Б.И. и В.Н. Ханенко с указанием прежнего места находки «близ г. Никополя» (Древности 1907, 16, кат. 531, табл. V, 531)

³³ РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1902, д. 26, л. 16-16об.

теперь можно относить как происходящую из кургана Огуз. Речь идет о пластине с изображением мужской головы (см. Величко, Полидович 2018, 140, 150, рис. 1, 3).

Официальная («легальная») часть находок из Огуза была передана в Эрмитаж двумя партиями, о чем свидетельствуют сопроводительные письма ИАК. Первая передача, состоявшая из находок В.Н. Рота в ходе раскопок кургана Огуз, произошла 15.05.1904 г.³⁴, вторая, состоявшая из находок крестьян, – 16.02.1906 г.³⁵, то есть с существенной задержкой во времени, что объясняет отсутствие соответствующей информации в Отчетах ИАК. Объяснений первой задержки в передаче находок пока не имеется, но вторая задержка могла быть связана с детективной историей. Дело в том, что за отправленные посылкой в начале 1902 г. находки из Огуза через Мелитопольского уездного исправника Корниловича для выдачи крестьянам ИАК перевела 800 руб. Однако Корнилович их растратил, за что был привлечен к суду. После многочисленных жалоб крестьян и длительной переписки, чему посвящена почти половина рассматриваемого дела, Канцелярия Императорского двора повторила платеж находчикам, но произошло это только в начале 1907 г.

Приведенные факты, на наш взгляд, позволяют думать, что в собрании П.А. Маврогордато 1903 г. действительно могла присутствовать какая-то часть скифских древностей из Огуза (?), находящихся сейчас в Эрмитаже. В частности, речь может идти о золотых украшениях головного убора и других изделиях. Надеемся, что наше предположение вызовет заинтересованное обсуждение специалистов; конечно, для его обоснования требуются дальнейшие исследования.

Заключение

В настоящей работе приведены лишь некоторые сведения, свидетельствующие о необходимости нового тщательного изучения и сравнительного анализа коллекций «скифских древностей» из Огуза(?) из собрания П.А. Маврогордато 1903 г., хранящихся в Эрмитаже и Музее исторических драгоценностей Украины. Здесь отметим, что в обоих собра-

ниях имеются предметы, похожие на изделия из коллекции Огуза раскопок 1979-1981 гг. В первую очередь речь может идти о различных нашивных бляшках, часть которых находит широкие аналогии среди изделий из других синхронных скифских курганов, а некоторые могли быть изготовлены при помощи одних и тех же штампов (см. Фиалко 1993)³⁶. Обращает на себя внимание и факт присутствия в собраниях Эрмитажа и Британского музея аналогичных бляшек, найденных в Ольвии и Деевом кургане (Айсфельд 2014, 47, 49, рис. 18), на что в свое время указывал и М.И. Ростовцев (Ростовцев, Степанов 1917, 78).

Возвращаясь к П.А. Маврогордато, отметим, что едва ли его можно называть археологом, который когда-либо вел самостоятельные и официальные раскопки в Северном Причерноморье, однако Открытый лист однажды он получил (рис. 2); он не мог «подарить одесскому музею находки из римской Тире», но вместе с А. Фогелем финансировал эти раскопки в течение одного сезона; он не был директором Одесского музея, но в одном издании ИАК назван «исправляющим делами директора» (Известия 1904, 29); сведения об уровне полученного им образовании весьма противоречивы, но его избирали членом делегаций ООИД на два Археологических съезда (XI – в Киеве 1899 г. и XII – в Харькове 1902 г.; см. Шаманаев 2004; Горская, Медведева 2015, 410). Авантюрные черты его личности³⁷ не помешали ему сотрудничать с известными археологами своего времени (Б.В. Фармаковский, Э.Р. Штерн и др.), быть членом и даже казначеем ООИД, а его коллекции древних артефактов из Северного Причерноморья все еще ждут детального изучения.

Благодарности: авторы считают своим приятным долгом поблагодарить за ценные советы и консультации О.В. Айсфельд, Ю.В. Болтрика и С.С. Агратьюка.

³⁶ Доследовавший курган Огуз Ю.В. Болтрик при ознакомлении с фотографией нашивных бляшек из собрания П.А. Маврогордато (рис. 6) в электронном сообщении от 23.01.2021 подтвердил, что «все их типы бляшек, кроме метапод, представлены среди находок из северной могилы кургана Огуз».

³⁷ Нет серьезных подтверждений распространенной в Интернете гипотезе, что «крестным отцом изготовления тираи скифского царя Сайтофарна был не кто иной, как «молодой Петр Амвросиевич Маврогордато». См.: <http://www.wilnitsky.com/scripts/redgallery1.dll/details?No=34495>

³⁴ РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1902, д. 26, л. 171.

³⁵ РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1902, д. 26, л. 157, опись – л. 158-159.

Документ 1

Прошение члена совета Императорского Одесского общества истории и древностей

П.А. Маврогордато в ИАК

Одесса, 16 сентября 1903 г. Исх. № 412. Вх. № 1419. Оригинал на бланке

(РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1903, д. 237, л. 1)

Имею честь покорнейше просить Императорскую Археологическую комиссию не отказать выдать мне Открытый лист на право производства археологических раскопок в Херсонской губернии. Условия производства исследования мне известны.

Надпечатка красными чернилами: «Заслушано ИАК в заседании».

Надписи от руки: «28 сентября» и «Выдать Открытый лист»

Документ 2

Письмо П.А. Маврогордато в ИАК, адресованное Б.В. Фармаковскому

х. Пантелеевка-Маврогордато, 20 ноября 1903 г. Вх. № 1547. Оригинал на бланке «Хутор

Пантелеевка-Маврогордато Хаджибейский лиман»

(РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1903, д. 237, л. 5-5об.)

Многоуважаемый Борис Владимирович!

Я получил открытый лист Императорской Археологической комиссии на 1904 г., зная, что этим обязан исключительно Вам, сердечно благодарю Вас.

Пользуясь случаем, что Шепс Гохман едет в Петербург, я дал ему для передачи Вам посылку, которая содержит золотые древние изделия из моей коллекции, желая их продать, прошу Вас, если Вы найдете возможным предоставить таковые Императорской Археологической комиссии. Я больше золота не собираю, т.к. из-за массы фальши нет возможности разобраться.

Прилагаю при сем лист с /5об./ ценами, платимых мною всего на 2380. Я же прошу за все 2000, т. к. повторяю желаю избавиться от золота.

Срок платежа денег для меня безразличен. Прошу простить меня за беспокойство и льщу себя надеждой, что Вы мне дадите возможность услужить Вам с моей стороны.

Искренно уважающий Петр Маврогордато

Два штампа красными чернилами: «Заслушано ИАК в заседании».

Надписи от руки: «25 ноября» и «13 декабря»; «Предложить приобрести вещи за 2000 руб. с уплатою по третям в три года (1904 - 1905 - 1906); «Определить[?] вещи в И.[мператорский] Эрмитаж» и простым карандашом «Письмо доставлено Ш. Гохманом».

Документ 2а

Список

Приложение к письму (документ 3) на бланке «Хутор Пантелеевка...»

(РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1903, д. 237, л. 6)

№1. Кольцо с жемчугом из Ольвии – 100 руб.

№2. 2 [Две] пары серег из Ольвии – 100 руб.

№3. Пара серег с зелеными камнями из Ольвии – 75 руб.

№4. Пара серег с колокольчиками из Ольвии – 365 руб.

№5. Пара серег урночки из Ольвии – 400 руб.

№6. Лавровая ветвь, кольцо, фибула и т.д. из Овидиополя – 290 руб.

№7. Колье и пара серег львиная гол. [овка] из Ольвии – 250 руб.

№8. Нашивки из кургана Огуз близ села Нижнее Серогозы Мелитопольского уезда – 350 руб.
Итого: 2380 руб.
Уступка 380 руб.
2000 руб.

Документ 3

Письмо ИАК о передаче вещей в Императорский Эрмитаж
Санкт-Петербург, 10 января 1906 г. Исх. № 41. Отпуск на бланке
(РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1903, д. 237, л. 20)

Препровождая при сем для коллекции отделения классических древностей Императорского Эрмитажа, по особой описи различные предметы древностей, приобретенные Комиссией в 1903 году, всего числом 169, Императорская археологическая комиссия покорнейше просит о получении оных не оставить уведомлением.

Подписал: Тов. председателя Комиссии В. Латышев [подпись собств.]

Скрепил и верно: Делопроизводитель А. Раевский [подпись собств.]

Приписка от поруки: «Означенные вещи получены в Отделении древностей 18 января 1906 г. Хранитель [подпись неразб., «барон Мейендорф»]

Документ 3а

Перечневая опись

Приложение к письму о передаче (документ 4)
(РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1903, д. 237, л. 21)

№	Перечень предметов	кол-во	примечания
1	Золотое ожерелье, состоящее из 11 крупных звеньев с 20 проволочными соединениями	1	по словам продавца, из Ольвии (Д. 11/1903)
2	Золотые львиные головки	2	«»
3	Золотые медальоны	2	«»
4	Кр.-ф. кратер	1	по словам продавца, из Керчи (Д. 11/1903)
5	Золотые серьги	2	Приобретены у Маврокордато (№7), по свидетельству которого, происходят из Ольвии
6	Золотое ожерелье	1	«» (№7)
7	Золотые серьги	2	«» (№3)
8	Золотые серьги	2	«» (№5)
9	Золотые серьги	2	«» (№4)
10	Золотые серьги	2	«» (№2)
11	Золотые серьги	2	«» (№2)
12	Золотая серьга с жемчугом	1	«» (№1)
13	Золотые серьги	2	«» (№8)
14	Золотая диадема	1	«» (№8)
16*	Золотые бляшки	40	«» (№8)
17	Золотая лавровая ветка	1	По свид. из Овидиополя (№17)
18	Золотой перстень	1	«» (№18)
19	Золотая фибула	1	«» (№19)
20	Золотые пронизи	4	«» (№20)
21	Золотая обкладка пряжки	1	«» (№21)
22	Серебряная пряжка и наконечник пояса	2	«» (№22)
23	Золотые украшения	96	Из Нижних Серогоз (кургана Огуз) Мелитопольского уезда Таврической губ.
Итого:		169	
Верно: Д-[елопроизводит]ль А.Раевский [подпись собств.]			
*В оригинале пропуск одной позиции, но общее количество верно. — М.К., И.С., М.М.			

Документ 4

*Выписка из «Описи коллекции негативов и отпечатков к ним ИАК»
(ФО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, т. II, инв. №/№ 5879-7165)
Древности, приобретенные у П.А. Маврогордато в 1903 году*

№/№ негативов и отпечатков	Инв. №	место находки	описание предметов	примечания
III 3113	6606	Ольвия (с. Парутино) Одесский уезд Херсонской губ.	Золотые украшения: ожерелье с львиными головками, 7 пар серег разной формы, перстень	ОИАК 1903, с. 150-151, рис. 296-230
III 9827	6607	с. Нижние Серогозы Мелитопольский уезд Херсонской губ.	Золотые нашивные бляшки с головой Медузы и бородатого мужчины, круглые, треугольные, в виде ломаной линии, части диадем со штампованным орнаментом. Эрмитаж.	д. 237/1903 ОАК 1903, [с. 166-167, рис. 323]
III 9828 Q 711/50	6608	Овидиополь Херсонской губ.	Золотая лавровая ветка, пряжка, поясной наконечный, перстень с щитком, фибула и пр.	д. 237/1903 ОАК 1903, с. 152, рис. 302
III 9829	6609	Херсонская губ.	Золотая диадема с рельефной фигурой Гарпии и орнаментом из пальметок, нашивные бляшки разной формы	д. 237/1903 ОАК 1903, с. 151, рис. 301

Документ 5

*Описание вещей, купленных у П.А. Маврогордато в 1903 году
(Случайные 1906, 150-152, 166-167)*

Из коллекции П.А. Маврокордато приобретены:

Херсонская губерния:

- а) золотое ожерелье в виде цепочки, украшенной на концах серыми камешками, оправленными в золотые львиные рогатые головки (рис. 296) [рис. 3/7].
- б) Пара золотых серег <...> эллинистического типа (Надасзек, указ. соч., 52, рис. 97) в виде крученых колечек, украшенных на концах львиными головками и снабженных подвесками из оправленных в золото серых камешков (рис. 297) [рис. 3/8]. По показаниям бывшего владельца, серьги происходят из одной могилы (в Ольвии) с ожерельем, описанным выше под а.
- в) Пара золотых серег в виде колечек из цепочек, украшенных бирюзой.
- г) Пара золотых серег, украшенных гранатами, с подвесками в виде амфорок, усеянных зернью (рис. 298) [рис. 3/4].
- д) Пара золотых серег /151/ (рис. 299) [рис. 3/3] в форме колечек с круглыми щитками, украшенных подвесками; последние имеют форму кистей винограда, усеянных зернью и стилизованных в амфорки, и в свою очередь снабжены каждая пятью подвесками на цепочках в форме полуэллипсов (из них у одной серьги сохранилось только три подвески).
- ж) Пара золотых серег со щитками в виде розеток, украшенных филигранью и снабженных каждая тремя стеклянными подвесками в виде шариков, оправленных в золото на цепочках. У одной серьги не сохранился крючок.
- з) Пара золотых серег с круглыми щитками, в которых вставлены гранаты: каждая серьга снабжена тремя подвесками, состоящими из крученой проволоки и стеклянных пронизей на нижнем конце.
- и) Золотая серьга в виде кольца из толстой проволоки, украшенная семью жемчужными пронизями.
- й) Пара золотых серег в виде колец из толстой проволоки с припаянными к ним на колечках золотыми головками негров; у головок лица на обеих сторонах (рис. 300) [рис. 3/2].

к) Золотая диадема (рис. 301), украшенная штампованным фризом пальметок и лотосов, точками и большой пальметкой с разводами и двумя листьями аканфа. Сверху фриза приставлены по середине фигурка Гарпиии по ее сторонам две розетки, состоящие каждая из четырех лепестков, которые придерживаются круглой головкой гвоздика, выходящего на заднюю сторону диадемы.

д) Различные золотые бляшки: 7 круглых с штампованными изображениями женской головки и головы медузы в рамках из точек, 15 с штампованным изображением сирен, 16 миндалевидных и две треугольных. Все эти бляшки, как указывают имеющиеся на них дырочки, должны были пришиваться на материю.

м) Золотой массивный перстень с гладким круглым щитком.

н) Золотая обкладка, по-видимому, от поясной пряжки.

о) Золотая фибула с медным шпеньком.

п) 4 золотых пронизи.

р) Серебряная пряжка и серебряная обтяжка от конца пояса. /152/

[без буквы] В состав этой же коллекции входит золотая лавровая ветка (рис. 302) [рис. 5/2] из Овидиополя.

Таврическая губерния: Золотые нашивные украшения (рис. 323) [рис. 6] из кургана Огуз Мелитопольского уезда, близ Нижних Серогоз:

а) золотая штампованная пластинка, украшенная изображениями гиппокампов и львов, *пальметок, аканфов* и фризомизов;

б) золотая узкая пластинка, украшенная штампованными линиями и фризами точек и ов и снабженная зерновидными подвесками (их сохранилось 15);

в) золотая большая пластинка, состоящая из 8 частей, которые образуют полумесяц; пластинка украшена штампованными разводами аканфов;

г) 15 круглых бляшек со штампованными головками сатиров (5 штук), силенов (6 шт.) и женскими (может быть медузы, 4 штуки), заключенными в кружки из точек;

д) маленькая/167/ бляшка с изображением головы (вероятно медузы) в кружке из точек;

е) 33 круглых гладких бляшки с ободками, украшенными геометрическими орнаментами (ломаные линии, точки);

ж) 12 круглых бляшек, украшенных розетками из точек в кружках из мелких точек;

з) 4 треугольные бляшки, украшенные точками;

и) 5 маленьких круглых бляшек, украшенных розетками из точек;

й) 13 бляшек в форме ломаных линий, образующих узор в виде буквы М.

Документ 6

*Описание вещей коллекции Б.И. и В.И Ханенко
(Древности 1906, 15-16)*

Предметы из золота *из кургана Огуз*

Запона золотая с ушком; украшена гравированным орнаментом в виде завитков – №473.

Рожок золотой, конусообразной формы неизвестного назначения – №474.

Бляхи круглые массивные выпуклые, с ушками – №475-478.

Бляхи массивные крупные плоские, с ушками – №479-480.

Пластинка нашивная штампованная с изображением льва – №481.

Пластинка нашивная штампованная с изображением головы юноши в шлеме формы львиной головы – №482.

Пластинка, подобная предыдущей, но другого штампа – №483.

Подвеска в форме птицы (утки?) – №484.

Пластинки нашивные с изображением оленя – №485-486.

Височные кольца – №487-488.

Воронка массивная небольших размеров – №489.
Цилиндрики массивные небольших размеров – №490-495.
Кольцо с выпуклым щитком – №496.
Пластинка нашивная со штампованным изображением головы быка – №497.
Пластинка нашивная со штампованным растительным орнаментом – №498.

из Ольвии

Серьги (пара) из проволоки с утолщениями – №576.
Серьга большая из скрученной продольной спиралью проволоки – №577.
Серьги (пара) из плетеной проволоки с подвесками из аметиста – №578.
Серьга с подвеской из золотых шариков – №579.
Подвески к серьгам кольцеобразные – №580.
Серьги (пара) из плетеной проволоки, украшенные бирюзой – №581-582.
Серьги (пара) шарообразные, украшенные зернью – №583.
Подвески к серьгам кольцеобразные с шариками – №584.
Серьги (пара) овальной формы, украшенные сканью и гранатами – №585.
Серьга крупного размера с головой льва – № 586.
Серьги (парные) из проволоки разных форм – №587-592.
Серьги (пара) с головками дельфинов – №593.
Серьги (две) с головками дельфинов – №594-595.
Серьги (пара) с подвесками в виде шариков – №596.
Серьги с подвеской грушевидной формы – №597.
Серьги (две) с подвесками формы калачиков – №598-599.
Серьга, украшенная гранатом – №600.
Подвеска (вероятно к серьге) в виде удлиненного листика – №601.
Пластинки (9 экз.), из них 2 с изображением крылатых фигур и 7 с изображением человеческих лиц – №645-653.

Библиография

- Айсфельд 2014:** О.В. Айсфельд, Коллекция П. Маврогордато: пути античных артефактов из Причерноморья в зарубежные музейные и частные собрания. Вісник Одеського історико-краєзнавчого музею 13, 2014, 40-53.
- Алексеев 2012:** А.Ю. Алексеев, Золото скифских царей в собрании Эрмитажа (Санкт-Петербург 2012).
- Аргатюк, Левчук, Сапожников 2015:** С. Аргатюк, В. Левчук, И. Сапожников, Адждидер-Овидиополь: очерки по археологии и истории города и крепости (Одесса 2015).
- Артамонов 1966:** М.И. Артамонов, Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа (Прага, Ленинград 1966).
- Бертъе-Делагард 1896:** А.Л. Бертъе-Делагард, Подделка греческих древностей на юге России. ЗООИД XIX, 1896, 27-68.
- Болтрик, Фиалко 1991:** Ю.В. Болтрик, О.Є. Фиалко, Огуз – курган скифського царя кінця IV ст. до н.е. В: П.П. Толочко, В.Ю. Мурзін (Авт.-упоряд.), Золото степу. Археологія України (Київ, Шлезвіг 1991), 178-180.
- Боровкова 1999:** В.Н. Боровкова, Коллекционеры и торговцы керченскими древностями (Керчь 1999).
- Величко 2019:** Е. Величко, «Ольвийские» золотые украшения из коллекции Б.И. и В.Н. Ханенко (по материалам Музея исторических драгоценностей Украины). Емінак 1, 2019, 65-82.
- Величко, Полидович 2018:** Е.А. Величко, Ю.Б. Полидович, Золотые находки из «Никопольских курганов» в коллекции Б.И. и В.Н. Ханенко. Археологія і давня історія України 2 (27), 2018, 138-154.
- Власова 1999:** Е.В. Власова, И.К. Суручан и его музей. Stratum plus 6, 1999, 362-368.
- Гейко 2020:** А. Гейко, Фальсифікація античних глиняних виробів та боротьба з нею в продовж XIX - початку XX століття на Півдні України. Археологічна керамологія 1, 2020, 125-139.
- Горская, Медведева 2015:** О.В. Горская, М.В. Медведева, Коллекция П.А. Маврогордато в Отделе античного мира Эрмитажа: история поступления и проблемы атрибуции. КСИА 241, 2015, 409-422.

- Горская, Медведева 2016:** О.В. Горская, М.В. Медведева, Собрание П.А. Маврогордато в отделе античного мира Эрмитажа. Сообщения Государственного Эрмитажа 74, 2016, 33-49.
- Древности 1907:** Древности Приднепровья и побережья Черного моря. Собрание Б.И. и В.Н. Ханенко VI (Киев 1907).
- Жижина 2019:** Н.К. Жижина, О критериях оценки подлинности некоторых произведений античного искусства в эрмитажном собрании северопричерноморских древностей. Исторические исследования 13, 2019, 5-16.
- Известия 1902:** Известия Императорской Археологической Комиссии, том 2, прибавление (Санкт-Петербург 1902).
- Известия 1904:** Известия Императорской Археологической Комиссии, том 10, прибавление (Санкт-Петербург 1904).
- Императорская 2009а:** А.Е. Мусин (ред.-сост.), Императорская Археологическая Комиссия (1859-1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия (Санкт-Петербург 2009).
- Императорская 2009б:** А.Е. Мусин (ред.-сост.), Императорская Археологическая Комиссия (1859-1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. Приложение (Санкт-Петербург 2009).
- Кузьмищев 2013:** А.Г. Кузьмищев, Э.Р. фон Штерн – первый исследователь античной Тирры. Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету XXXV, 2013, 359-369.
- Кузьмищев 2016:** А. Кузьмищев, Э.Р. фон Штерн и борьба с фальсификациями археологических материалов в конце XIX - начале XX века. Емінак 4, 2016, 320-326.
- Логонова 2018:** Е.Ю. Логонова, Призрачный курган скифского времени у города Сумы. Археологія і давня історія України 2 (27), 2018, 321-329.
- Маврогордато 1994:** Маврогордато Петро. В: Енциклопедія українознавства 4 (Львів 1994), 1426.
- Минасян 2014:** Р.С. Минасян, Металлообработка в древности и средневековье (Санкт-Петербург 2014).
- Нейман 1902:** Ц.Г. Нейман, Разграбление большого кургана «Огюз» близ с. Нижние Серогозы Мелитопольского уезда. Киевская старина LXXVII (4), 1902, 159-172.
- Онайко 1970:** Н.А. Онайко, Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII-V вв. до н.э. САИ Д 1-27 (Москва 1970).
- Орлова, Буряк, Короленко 2013:** Н.И. Орлова, Л.И. Буряк, Б.А. Короленко, Шевченко-художник. В: Бібліографічний покажчик (1839-2012), 1 (Київ 2013).
- Отчет 1900:** Отчет Императорской Археологической комиссии за 1897 год (Санкт-Петербург 1900).
- Отчет 1904:** Отчет Императорской Археологической комиссии за 1902 год (Санкт-Петербург 1904).
- Отчет 1906:** Отчет Императорской Археологической комиссии за 1903 год (Санкт-Петербург 1906).
- Отчет 1907:** Отчет Императорской Археологической комиссии за 1904 год (Санкт-Петербург 1907).
- Охотников 2010:** С.Б. Охотников, Археология в Одессе (Одесса 2010).
- Протокол 1902:** Протокол 337 заседания 21 сентября 1901 г. ЗООИД XXIV, 1902, 29-71 (протоколы).
- Ростовцев, Степанов 1917:** М.И. Ростовцев, П.К. Степанов, Эллино-скифский головной убор. Известия ИАК 63, 1917, 69-101.
- Сапожников, Левчук, Синельников 2018:** И. Сапожников, В. Левчук, А. Синельников, Комплекс античных находок из Аджидерской крепости: к датировке поселения Овидиополь и «Могилы Овидия». Емінак 4 (22), т. I, 2018, 5-14.
- Случайные 1906:** Случайные находки и приобретения. Отчет ИАК за 1903 г. (Санкт-Петербург 1906), 134-176.
- Спицын 1906:** А.А. Спицын, Серогозские курганы. Известия ИАК 19, 1906, 157-174.
- Томазов 2010:** В. Томазов, Пантелій Амвросійович Маврогордато та його родина: до історії роду Маврогордато на Півдні України (генеалогічний нарис). Студії з архівної справи та документознавства 18, 2010, 142-149.
- Шаманаев 2004:** А.В. Шаманаев, Представители Одесского общества истории и древностей на XII Археологическом съезде в Харькове. В: Проблемы истории и археологии Украины. Материалы V Международной научной конференции, 4-6 ноября 2004 г. (Харьков 2004), 116-118.
- Штерн 1896:** Э.Р. Штерн, О подделке предметов классической древности на юге России (реферат, читанный на X Археологическом съезде в Риге 2 августа 1896 г.). ЖМНП декабрь, отд. V, 1896, 129-159.
- Штерн 1897:** Э.Р. Штерн, О новейших подделках в области керамики на юге России / Протокол 301 заседания 23 декабря 1896 г. ЗООИД XX, 1897, 37-41 (протоколы).
- Штерн 1899:** Э.Р. Штерн, О подделках классических древностей на юге России. Труды X Археологического съезда в Риге (1896) I (Москва 1899), 189-196.

- Штерн 1900:** Э.Р. Штерн, Доклад о последних раскопках и находках в Ольвии / Протокол 319 заседания 20 сентября 1899 г. ЗООИД XXII, 1900, 102-124 (протоколы).
- Штерн 1901:** Э.Р. Штерн, О последних раскопках в Аккермане. ЗООИД XXIII, 1901, 33-61.
- Штерн 1906а:** Э.Р. Штерн, О новом способе подделки античных ваз Ольвии / Протокол 357 заседания 13 февраля 1904 г. ЗООИД XXVI, 1906, 5-15 (протоколы).
- Штерн 1906б:** Э.Р. Штерн, О новом способе фальсификации в мраморе и серебре Ольвии / Протокол 362 заседание 21 октября 1904 г. ЗООИД XXVI, 1906, 55-59 (протоколы).
- Фиалко 2008:** Е.Е. Фиалко, Золотые бляшки из кургана Огуз. Российская археология 1, 1993, 124-133.
- Юрченко 2008:** О.И. Юрченко, П.А. Маврогордато и Одесское Императорское общество истории и древностей. В: Краткие сообщения ОАО (Одесса 2008), 17-19.
- Bemmann 2010:** J. Bemmann, Völkerwanderungszeitliche Artefakte aus dem Schwarzmeergebiet in der Sammlung Pierre Mavrogordato. In: Terra Barbarica. Studia ofiarowane Magdalenie Mączyńskiej w 65. rocznicę urodzin (Łódź, Warszawa 2010), 41-56.
- Bemmann, Schörner, Schörner 2010:** J. Bemmann, G. Schörner, H. Schörner, Pierre Mavrogordato und seine Antikensammlung: Der Bestand in Römhild (Teil 2). Jahrbuch des Hennebergisch Fränkischen Geschichtsvereins 27, 2012, 193-263.
- Schörner 2009:** G. Schörner, Von Odessa nach Römhild: Pierre Mavrogordatos und seine Antikensammlung. In: 1846–2006. 160 Jahre Archäologisches Museum der Universität Jena. Thüringer Sammlungen im Kontext antiker Netzwerke, Kolloquium Jena 28.10.2006 (Berlin 2009), 118-130.
- Schörner, Schörner 2010:** G. Schörner, H. Schörner, Pierre Mavrogordato und seine Antikensammlung: Der Bestand in Römhild (Teil 1). Jahrbuch des Hennebergisch-fränkischen Geschichtsvereins 25, 2010, 181-250.

Despre colecțiile de antichități din Regiunea Nordică a Mării Negre, procurate de Comisia Arheologică Imperială de la P.A.Mavrogordato în anul 1903

Cuvinte-cheie: istoria arheologiei, Comisia Arheologică Imperială, Ermitaj, colecționarea la sfârșitul sec. XIX - începutul sec. XX, P.A. Mavrogordato, originea descoperirilor, tumulul Oguz și jefuirea lui în aa. 1901-1902, antichități scitice.

Rezumat: Articolul este consacrat problemei destinelor și conținutului colecțiilor arheologice particulare din perioada prerevoluționară, având ca exemplu colecția lui P.A. Mavrogordato (fig. 1), care se află în Ermitajul de Stat. Este întocmită o scurtă biografie a colecționarului și mecenatului, în care sunt expuse fapte puțin cunoscute din viața lui. Autorii articolului elucidează faptul că analiza complexă a surselor existente tipărite și a documentelor de arhivă, efectuată de O.V. Gorskaia și M.V. Medvedeva (Горская, Медведева 2015; Горская, Медведева 2016), a permis a identifica 69 de bijuterii din aur și argint din sec. IV a. Chr. - sec. IV p. Chr., achiziționate în aa. 1902-1903 din colecția lui P.A. Mavrogordato și păstrate în Secția lumii antice a Ermitajului (fig. 3-5). În colecția lui P.A. Mavrogordato din aa. 1902-1903, prezumptiv, se pot afla bijuterii de aur și alte artefacte din tumulul regal scitic din Oguz (?) (fig. 6, 7). În sprijinul acestei ipoteze, autorii aduc unele date din sursele publicate în acele timpuri și pun, parțial, în circuitul științific unele documente de arhivă, inclusiv fotografia lui I.F. Chistyakov, a unor bijuterii de aur cu semnătura „din colecția lui P.A. Mavrogordato (din tumulul „Oguz”, reg. Melitopol, lângă satul Nizhnie Serogozy (Ermitaj))” (fig. 6). Pentru argumentarea ipotezei menționate sunt necesare cercetări ulterioare, inclusiv prelucrarea, analiza și publicarea completă a documentelor de arhivă ale Comisiei Arheologice Imperiale din Arhiva științifică a Institutului Istoriei Culturii Materiale al Academiei de Științe a Rusiei.

Lista ilustrațiilor:

- Fig. 1. P.A. Mavrogordato (aa. 1930; după Schörner, Schörner 2010, Abb. 1).
- Fig. 2. Autorizația lui P.A. Mavrogordato pentru cercetări în anul 1904, prima publicare (© SM IICM al AȘR, F. 1, op. 1, 1903, d. 237, f. 3-306).
- Fig. 3. Bijuterii din colecția antică a lui P.A. Mavrogordato din Ermitaj. Foto I.F. Chistyakov (© SF AȘ a IICM al AȘR. Neg. III 3113; comp. Горская, Медведева 2015, рис. 1).
- Fig. 4. Diadema și aplice din colecția antică a lui P.A. Mavrogordato din Ermitaj. Foto I.F. Chistyakov (© SF AȘ a IICM al AȘR. Neg. III 9829; comp. Горская, Медведева 2015, рис. 2).
- Fig. 5. Artefacte din colecția antică a lui P.A. Mavrogordato din Ermitaj, descoperite în Ovidiopol. Foto I.F. Chistyakov (© SM IICM al AȘR. Neg. III 9828; comp. Горская, Медведева 2015, рис. 3).
- Fig. 6. «Gubernia Taurida. Din colecția lui P.A. Mavrogordato (din tumulul „Oguz”, reg. Melitopol, lângă satul Nizhnie Serogozy (Ermitaj))», prima publicare. Foto I.F. Chistyakov (© SF AȘ a IICM al AȘR. SM, F. 1, op. 1, 1903, d. 237, f. 24; SF. Neg. III 9827).
- Fig. 7. Plăci din aur din tumulii scitici Oguz și Deev (tabelul după Ростовцев, Степанов 1917, таб. VII; adăugită după Айфельд 2014, il. 17: a - tumulul Oguz; б - tumulul Deev).

The collections of Antiquities of the Northern Black Sea Region, acquired by the Imperial Archaeological Commission from P.A. Mavrogordato in 1903

Keywords: history of archaeology, Imperial Archaeological Commission, Hermitage, collecting in the end of the 19th - in the beginning of the 20th c., P.A. Mavrogordato, origin of the finds, kurgan Oguz and its looting in the 1901-1902, Scythian Antiquities.

Abstract: This article examines the issue of the history and composition of private archaeological collections of the late 19th - early 20th c. using the example of the assemblage of P.A. Mavrogordato (fig. 1), which is held now in the State Hermitage Museum. A brief biography of this collector and patron of arts is presented, providing the reader with lesser-known facts of his life. The authors of the article also throw light on a comprehensive analysis of presently published sources and archive documents, made by O.V. Gorskaya and M.V. Medvedeva (Горская, Медведева 2015; Горская, Медведева 2016), which made it possible to identify 69 jewelry items made of gold and silver from the period of the 4th c. BC - 4th c. AD. Those pieces came to the Hermitage in 1902-1903 from the collection of P.A. Mavrogordato and were kept in the Department of Classical Antiquities (figs. 3-5). An assumption is made that in the collection of P.A. Mavrogordato of 1902-1903 there could be some gold decorations and other items from the royal kurgan of Oguz (?) (figs. 6, 7). The authors support this assumption with some data from sources published in the early 20th c. and with some newly presented archival materials, including a I.F. Chistyakov's photograph of golden jewelry with the following inscription: "from the collection of P.A. Mavrogordato (from the kurgan 'Oguz' in the Melitopol ujezd, in the nearest village of Nizhnie Serogozy (Hermitage))" (fig. 6). Verification of our assumption requires further research, including study, analysis, and a full publication of the archival documents of the Imperial Archaeological Commission from the Scientific Archives of the Institute for the History of Material Culture (IIMK) of the Russian Academy of Sciences.

List of illustrations:

Fig. 1. P.A. Mavrogordato (the 1930s, after Schörner, Schörner 2010, Abb. 1).

Fig. 2. Permit for archaeological excavations and surveys given to P.A. Mavrogordato for his studies in the year 1904. First publication (© Scientific Archives of IIMK RAS, Manuscript Department, Archive Group 1, inv. 1, 1903, f. 237, s. 3, both sides).

Fig. 3. Jewelry from the collection of classic antiquities gathered by P.A. Mavrogordato in the Hermitage. Photograph taken by I.F. Chistyakov (© Scientific Archives of IIMK RAS, Department of Photography, Negative III 3113; cf. Горская, Медведева 2015, рис. 1).

Fig. 4. Diadem and plates from the collection of classic antiquities gathered by P.A. Mavrogordato in the Hermitage. Photograph taken by I.F. Chistyakov (© Scientific Archives of IIMK RAS, Department of Photography, Negative III 9829; cf. Горская, Медведева 2015, рис. 2).

Fig. 5. Items from the collection of classic antiquities gathered by P.A. Mavrogordato in the Hermitage, found in Ovidiopol. Photograph taken by I.F. Chistyakov (© Scientific Archives of IIMK RAS, Department of Photography, Negative III 9828; cf. Горская, Медведева 2015, рис. 3).

Fig. 6. "Tavrida Governorate, from the collection of P.A. Mavrogordato (from the kurgan 'Oguz' in the Melitopol ujezd, in the nearest village of Nizhnie Serogozy (Hermitage))". First publication. Photograph taken by I.F. Chistyakov (© Scientific Archives of IIMK RAS, Manuscript Department, Archive Group 1, inv. 1, 1903, f. 237, s. 24; Department of Photography, Negative III 9827).

Fig. 7. Golden plates from the Scythian kurgans of Oguz and Deev (table after Ростовцев, Степанов 1917, таб. VII; and additions after Айсфельд 2014, рис. 17: a - kurgan Oguz; b - kurgan Deev).

15.02.2021

Др. Майя Кашуба, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры, Российская Академия наук, Дворцовая наб., д. 18, 191186, Санкт-Петербург, Россия, <https://orcid.org/0000-0001-8901-8116>, e-mail: mirra-k@yandex.ru

Др. хаб. Игорь Сапожников, Отдел Крыма и Северо-Западного Причерноморья Института археологии, Национальная Академия наук Украины, пр. Героев Сталинграда, д. 12, 04210 Киев, Украина, <https://orcid.org/0000-0003-3889-6714>, e-mail: ssappog5@gmail.com

Др. Мария Медведева, Научный архив Института истории материальной культуры, Российская Академия наук, Дворцовая наб., д. 18, 191186, Санкт-Петербург, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-3592-6260>, e-mail: marriyam@mail.ru

---

135 YEARS SINCE THE FOUNDATION OF ROMANIAN ARCHAEOLOGICAL SOCIETY IN CHERNIVTSY (BUCOVINE)

Bogdan Petru Niculică

Keywords: history of archaeology in Bucovina, Romanian Archaeological Society, Museum of the Land of Bucovina, Dionisie Olinescu.

Introduction

The cultural landscape of the Austrian province of Bucovina (1774-1918) was considerably enriched and diversified towards the end of the 19th century, when numerous private societies emerged, the result of the interest shown for various areas of activity, including archeology. A brief look at the Romanian cultural societies, a growing phenomenon, is undertaken by the priest Constantin Morariu in his monograph entitled *Kulturhistorische und ethnographische Skizzen über die Rumänen der Bucovina*, published in German (Morariu 1888-1891, 238-255), later also in Romanian – *Părți din istoria românilor bucovineni scrise în limbă poporală* (Morariu 1893, 289-332). Regarding the activity and role of organizations and institutions with concerns related to the heritage preservation, whether public or private, in Austrian Bukovina, as is already known in the late nineteenth and early nineteenth centuries, the state held several collections, both public and private (some were in the custody of the University of Chernivtsi, the Bucovina Country Museum in Chernivtsi or the Suceava City Museum): Siret Museum Society, Romanian Archaeological Society, Crafts Museum, Country Museum / Landes-Museums, Archbishopric Museum, The numismatic cabinet of Francisco-Josefine University, the Archeology Cabinet of the State Superior Gymnasium and the Museum Society of Suceava, the collection of Eduard Fischer, the collection of Baron Victor Stîrcea, the collection of Dr. L. Wolan from Chernivtsi, the collection of Putna Monastery, the collection of Sucevița Monastery, the collection of Baron Nicolae Mustață of Sadagura and the collection of Ioan Zotta of Stefanovka; one should not forget the positive contribution of the Vienna

Central Commission / *KK Central-Commission zur Erforschung und Erhaltung der Kunst- und Historischen Denkmale* / Central Commission for the Research and Preservation of Historical and Art Monuments, which published in its journal *Mittheilungen* the reports sent by the Bucovina Conservators of the said commission, which shows the rich cultural heritage of the province (Handbuch 1893, 444-448; Weckbecker 1902, 694-701; Emandi 1985, 14-37; Niculică 2009, 24-115; Niculică 2013, 517-533; Dejan, Niculică 2018, 309-323; Niculică 2020, 308-309).

In this context, one should mention the fact that in 2021 it will be 135 years since the establishment of the *Romanian Archaeological Society* of Chernivtsi, founded in 1886 upon the initiative of the financial inspector Dionisie Olinescu, passionate amateur archaeologist; this is the second oldest archaeological society in Bucovina, after the *Siret Museum Society* (1870-1886), founded by Captain Josef von Gutter. The anniversary is valuable in the broader context of the knowledge on the evolution of Romanian archeology, therefore here we present a synthesis image of this society and its founder.

Who was Dionisie Olinescu?

Although in recent years there have been books and articles on the activity, work and historical discourse of Olinescu, with some small biographical additions (Niculică 2009; Niculică 2011, 141-145; Niculică 2013, 525-526; Niculică 2017, 111-134), there are still many unknowns in terms of biography and written works, the documentary basis being the works of researchers Mircea Ignat and Dimitrie Vatamaniuc (Ignat 1969, 95-97; Ignat 1978, 513-520; Vatamaniuc 1996, 17-32). Also, synthetic data about Dionisie Olinescu were included in the two editions of the *Encyclopedia of Bucovina* (Satco 2004, II, 151-152; Satco, Niculică 2018, II, 729-730). Analyzing the biographical informa-

Fig. 1. Dionisie Olinescu (after Niculică 2009).

tion known so far, with the caveat that some periods require clarifications/completions, one should note that Dionisie Olinescu was a financial inspector/advisor, with an university degree in Law; being passionate about archeology, he became, in time, a respected self-taught amateur archaeologist; without benefiting from specialized university studies in the field of history, Olinescu managed by perseverance to gradually assert himself in a new field, *archeology*, which in Bucovina had only just begun to be known to the public.

According to certain documentary sources, Dionisie Olinescu (fig. 1) was born on April 8 or 24, 1852 in the town of Hliboca (Adâncata, currently located in the northern part of historical Bucovina, in the Chernivtsi region, Ukraine). He attended the gymnasium of Chernivtsi, having among his teachers Aron Pumnul from Brasov, the teacher of the national poet Mihai Eminescu; he then studied Law in Vienna, Innsbruck and Chernivtsi, when at this latter University is noticed by the renowned man of culture Ion G. Sbiera, who takes into consideration his passion and guided him to the research of “antiquities”. Immediately after graduation, he engaged in the legal field, in the period 1878-1893 being employed in the Austrian administration, with the position of tax commissioner (Sbiera 1904, 453; Loghin 1926, 262; Ignat 1978, 514-515; Predescu 1999, 614; Niculică 2009, 73-74).

Olinescu goes now through a very propitious period of his scholar life. In 1886 he became a corresponding member of the *Romanian Geo-*

graphical Society in Bucharest, and in 1891 he was appointed, as a recognition for his activity in the field of archeology, as a corresponding member of the Central Commission for Research and Conservation of Historical and Artistic Monuments / *KK Central-Commission zur Erforschung und Erhaltung der Kunst- und Historischen Denkmale* din Viena (Sbiera 1904, 453; Ignat 1978, 519; Predescu 1999, 614; Niculică 2009, 95). He meets Captain Josef von Gutter in Siret, with whom he has a wonderful association, arrives in Siret, visits the sites of archaeological discoveries (Niculică, Ungureanu 2019, 22-25). He publishes a lot in various journals from the Empire (*Tribuna, Familia*) and Romania (*Voința Națională*). He consolidates his ideas on archeology, antiquities, heritage, and writes some essays that were unique in the archeology scene of the time. In 1886 he founded the *Romanian Archaeological Society* of Chernivtsi, based, in the beginning, on the former collections of the *Siret Museum Society* of Josef von Gutter, who died in May 1886; Olinescu’s society became the most important private endeavor in the field of archeology in the province of Bucovina and effectively contributed to the establishment of the *Museum of the Country of Bucovina* in Chernivtsi (*Bukowiner Landes-Museums*), on May 14, 1893. However, his biography is marked by a strange event. At his peak of scholarly prominence, Olinescu leaves Bucovina in a hurry, taking refuge in the Kingdom of Romania, sometime in 1893. His relocation is final, and the archaeologist has a sinuous destiny. He moves a lot, taking various jobs: with the Statistical Office and the University Foundation “Carol I” in Bucharest, teaching positions in Vaslui, Focsani, Slatina and Caracal, later returning to Bucharest, where we find him as a librarian at the State Archives (on the recommendation of historian Dimitrie Onciul), a position from which he retired in 1921. After 1893, despite the various difficulties he faced, Olinescu continued his research in the field of archeology and managed to publish in Bucharest two fundamental works on the archaeological discoveries of Bucovina: *Charta archeologică a a Bucovinei*, text and cartography, published in the *Bulletin of the Romanian Geographical Society* / 1894 (1896) (fig. 2-3) (Olinescu 1894; Olinescu 1894a; Andrieșescu 1936, 162; Ignat 1969, 97 and note 23; Ignat 1978, 518 and note 27; Vatamaniuc 1996, 20-21; Niculică 2009, 117 *et seq.* and the attached map; Niculică 2013, 526). Academician

Dimitrie Vatamaniuc pointed out that Dionisie Olinescu was “the most important representative of archeology in Bucovina” and “the most persistent commentator of the scientific, cultural and artistic life in Bucovina”, at the end of 19th century. Scientific thinking, theorizing of archeology, ideas about heritage are present in the journalism of Dionisie Olinescu, who imagined a certain way of institutional organization, inspired by the successful model in Austria and France. These unique ideas in the landscape of Romanian language publications, whether they were published in the Empire or in Romania can be found in journals of Bucovina (*Gazeta Bucovinei* - Chernivtsi, *Revista politică* - Suceava), in Oradea - *Familia*, Sibiu - *Tribuna*, as well as in Bucharest - *Voința Națională* (Morariu 1888-1891, 245-247, 304-305; Morariu 1893, 242-243, 304-305; Sbiera 1904, 453; Loghin 1926, 262; Predescu 1999, 614; Ignat 1969, 95-98; Ignat 1978, 513-520; Vatamaniuc 1996, 17-32; Satco 2004, II, 151-152; Niculică 2009, 73-115; Niculică 2013, 525-526; Niculică 2017, 111-134; Satco, Niculică 2018, II, 729-730).

The circumstances in which Olinescu left Bucovina in 1893 are almost unknown and difficult to reconstruct, as he himself never offered any direct explanation. There are, however, a few things that need to be mentioned here. First of all, in Bucovina he enjoyed recognition, he was appreciated not only in the local Romanian community and in Romania, but also by the academic forums in Vienna; as shown above, Olinescu was a corresponding member of the *Romanian Geographical Society* of Bucharest (1886) and a corresponding member of the *Central Commission* of Vienna (1891). Olinescu’s activity in the field of archeology can be separated as follows: up to 1893 it is carried out in the Austrian province of Bucovina, and from 1893 until the end of his life in the Kingdom of Romania, one should note that we have no data at this time for a return to Bucovina, even a short, temporary one (Ignat 1978, 513-520; Loghin 1926, 262; Predescu 1999, 614; Niculică 2009, 73-102).

In 1892 Dionisie Olinescu was appointed custodian for the archaeological section of the *Museum of the Land of Bukovina* in Chernivtsi, which was to be opened in the spring of 1893. Also in 1892, the *Land Museum Society* requested from the *Romanian Archaeological Society* the loan of the archaeological collections, which were to be exhibited in the future museum. The loan was

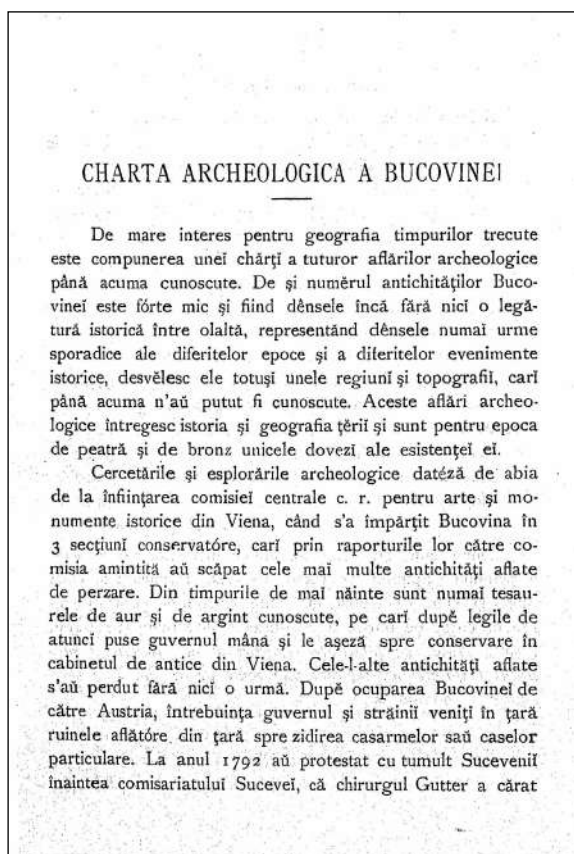

Fig. 2. The first page of the work *Charta archeologica a Bucovinei*, published by Dionisie Olinescu in the “Bulletin of the Romanian Geographical Society”, XV, I-II, Bucharest, 1894, 64-94.

approved by the management of the Romanian society, according to some sources just before May 14, 1893, the official date on which the collections of the *Land Museum* were opened (Kaindl 1894, 1-3; Gramadă 1908, 128-129). If one follows what was happening in the period preceding the establishment of the *Museum of the Land of Bukovina / Bukowiner Landes-Museums* in Chernivtsi, on May 14, 1893 (when the *Romanian Archaeological Society* played a decisive role), we find that Olinescu’s activity was prolific. For example, the Romanian publication *Gazeta Bucovinei* of Chernivtsi (I, no. 57, November 14/26, 1891), published the news that on November 22, 1891, a meeting was held to elect a committee to draft the statutes, the “tax commissioner” Olinescu being chosen in the working committee, this representing a proof of the trust and respect given to the Romanian archaeologist. Also, in *Gazeta Bucovinei* (III, no. 3, January 10/22, 1893), we read a letter of gratitude signed by the president of the *Romanian Archaeological Society*, D. Olinescu

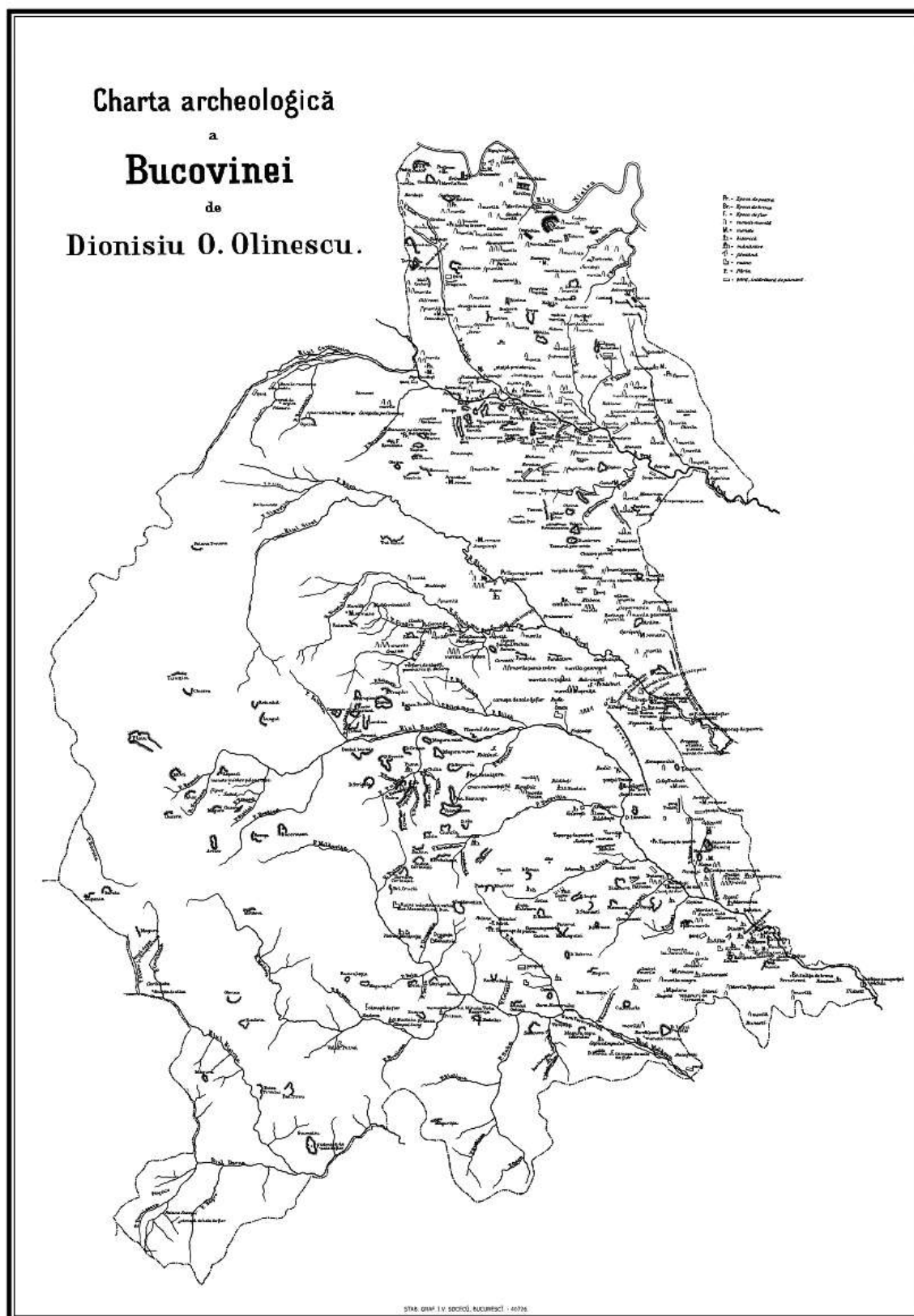

Fig. 3. *Charta archeologică a Bucovinei*, to which Dionisie Olinescu refers in the study of the Books of Bucovina, published in the “Bulletin of the Romanian Geographical Society”, XV, III-IV, 1894 (1896), 3-10. The map, currently preserved in manuscript form in the Romanian Academy Library, it is the only cartographic representation of archaeological discoveries in the Austrian province of Bucovina and was republished in 2009 (Niculică 2009, attached map).

and by its secretary, priest Constantin Morariu, addressed to Mr. Victor Tomovici and Mr. Pancratie Prelipcean, who made important donations to the archaeological society. One month later, *Gazeta Bucovinei* (III, no. 13, February 14/26, 1893) noted that Dionisie Olinescu publicly presented a material entitled *The result of archaeological research in Bucovina* at the first general meeting of the *Society of the Land Museum* in Chernivtsi. In March, the same publication mentioned the presentation of a material with a similar title, Olinescu's "speech with demonstrations" being also given at the general assembly of the *Land Museum Society* (cf. *Gazeta Bucovinei* III, no. 15, February 21 / March 5, 1893). In the spring of 1893 (April) the engagement of D. Olinescu with Veronica Cerniavschi, daughter of the parish priest Vladimir Cerniavschi from Cadobești also takes place (*Gazeta Bucovinei* III, no. 26, 4/16 April 1893). All this shows us an intense activity, both scientific and personal; nothing betrayed the intention to leave Bucovina, which leads us to assume that everything happened hastily, without premeditation.

In December 1893 Dionisie Olinescu was already far from Bucovina. In a letter addressed by the writer G. Popovici (sent on December 5 from Chernivtsi), to the president of the Romanian Academy, Iacob C. Negruzzi, the reasons for Olinescu's departure were shown: "... Mr. Dionisiu Olinschi-Olinescu, asks me to recommend his cause to Your kind consideration. I disputed that as being myself a stranger, I could not take so much boldness. But it is no less true, that I pity him from the bottom of my heart for his undeserved fate. I can testify that Mr. Olinescu is a good man, of exemplary honesty and extreme modesty. He is a graduated lawyer, he passed the exams well and until recently he was in the service of the state. He dealt very diligently with history, but even more with Romanian archeology (he is the founder of the Romanian archeological society in Chernivtsi). He has several publications (in preparation: a very extensive topographic dictionary of Bucovina). In the circles of the Romanians from Chernivtsi, Mr. O. has a particular reputation as a scientist and specialist in archeology. However, his career fell victim to these scientific occupations, to which he dedicated himself with a proverbial self-sacrifice. You have no idea how vile the circumstances are here. His publications attracted the

displeasure of his superiors, consequently incessant inconveniences, followed by his resignation. This unjust incident forces him to move to Romania. The warmest wishes of success, from us all, accompany him..." (Torouțiu, Cardaș 1931, 410-411; Ignat 1978, 515 and note 7; Loghin 1926, 262; Niculică 2009, 100-101; Niculică 2017, 114).

The Dionisie Olinescu – Josef von Gutter relationship: a necessary preamble

An investigation into the Romanian language publications of Chernivtsi and Suceava (in Bucovina), of Sibiu and Oradea (also in the Austro-Hungarian Empire), as well as of Bucharest (Kingdom of Romania), where Dionisie Olinescu carried out an energetic campaign of promoting the archeology and his ideas in Romanian cultural environments (Ignat 1969, 95-98; Ignat 1978, 513-520; Vatamaniuc 1996, 17-32; Niculică 2009, 79-92; Niculică 2013, 525-526; Niculică 2016, 472-474, 476; Niculică 2017, 111-134; Niculică, Ungureanu 2019, 22-26, 42-43), reveals that between Josef von Gutter, the founder of the *Siret Museum Society* and Dionisie Olinescu, there were close relations and correspondence, prior to 1886.

The correspondence between Josef von Gutter and the historian of Bukovina, Franz A. Wickenhauser shows that Gutter was visited in Siret by Olinescu (summer of 1885), the captain showing him several sites and archaeological discoveries in the area; moreover, he encouraged and supported him in the process of founding a new archeological society in Bucovina ("... the young man has a lot of zeal for research and zeal for archeology... please support him, because it would be a shame if it were stopped. I have handed him all the volumes of archaeological communications that I receive, every 3 months, from the Central Commission, about the latest discoveries and descriptions of Antiquity, with the request that, if you wish, he may give them to you"). Interestingly, the same Gutter confessed to the same Wickenhauser in the spring of 1886 that Olinescu copied his reports for the Central Commission and gave "ridiculous, absolutely worthless" lectures (Gassauer 1933, letters VIII-XI; Niculică, Ungureanu 2019, 42, letters VIII-XI). This situation is still quite difficult to explain, because between Josef von Gutter and Dionisie Olinescu there was, at least for a while, a mutual trust, supported by the fact that Gutter wrote and sent an *Archaeological Questionnaire of Bukovina* to the

Metropolitan Council of Chernivtsi through Olinescu (Olinescu 1886b, 65; Niculică 2009, 78-79; Niculică, Ungureanu 2019, 26). Sympathy and respect were mutual: Dionisie Olinescu, preparing the statute of the *Romanian Archaeological Society*, drawing up the society's committee, proposed Captain Gutter for the position of honorary member (Olinescu 1886b, 65; Niculică 2009, 79). In fact, in Dionisie Olinescu's texts regarding the archaeological discoveries in Bucovina, which mentioned Gutter's name by necessity, Olinescu did so with great respect, as in the case of the historian Franz A. Wickenhauser. After his visit to Siret, where he would get to know Gutter's work and the archaeological discoveries made mainly around Beil Brickworks (preserved in the museum's collection), Dionisie Olinescu would write: "... it is clear that the country was not yet mature for such a liberal law, for the interest, instead of advance, was completely lost. The time for vandalism had come... but Bucovina seems to have been lucky. It was during this disaster that the retired captain, Mr. Ritter von Gutter, and Mr. Wickenhauser, a financial counsellor, happened to be in the country, who began to protect the antiquities from perdition and loss. Mr. von Gutter, a native of Suceava, knew through his intense zeal and love for archeological science, to protect the city of Siret from losing the testimonies of his past. These two Romanophile Germans do not miss any new archaeological acquisition. Whatever antiquities would be found in the country, Mr. von Gutter perseveres to win it for science and report on it to the Central Archaeological Commission in Vienna, which then published it in its journal" (Olinescu 1885, 462). Moreover, in 1885 Olinescu published in the *Tribuna* magazine of Sibiu an important letter for the history of Bucovina archeology, written by Gutter, sent to the editorial office through him, in which he spoke about the importance of discoveries in the Siret area and about the *Siret Museum Society* (Olinescu 1885a, 186-187; Niculică, Ungureanu 2019, 22-23).

Romanian Archaeological Society of Chernivtsi

In the second half of the 19th century, one of the objectives pursued by the Romanian intellectuals in Bucovina was the creation of a National Museum. This endeavor was followed over several decades by Aron Pumnul, George Ritter von Costin and Eudoxiu Hurmuzachi. Thus, Dionisie

Olinescu's initiative did not come without a foundation, as he explained, in various publications, prior to the founding of the *Romanian Archaeological Society*, both the role it had to play in the cultural life of Bucovina, as well as the practical, patrimonial purpose: to contribute to the establishment of the National Museum (Niculică 2013, 521-522; Niculică 2017, 115-123).

As early as 1885, in the article *Antiquities from Bucovina* (part of a series) published in *Tribuna* (Sibiu), Olinescu made a radiography of the situation in which the province of Bucovina was, from the point of view of the archeological heritage, i.e. not at all a happy one; the rescue was to come from the direction of archeological societies and a national museum; the Romanian element from Bucovina needed a stronger shaping of identity (within the Austro-Hungarian Empire), by knowing the historical past: "This is the state of our archaeology. We are in danger of losing all memory of the past, except for the history books that come to us from across the border, from Romania, which remind us of who we were, where we came from and what we are. This disastrous state urgently requires the creation of a national museum of antiquities, in order to gather and concentrate all the vestiges of the past that are still in the country. But we have little hope in this regard. The best means of guiding the establishment of a national museum would be the establishment of an archaeological society [...]. In time, it could be transformed into a national museum by a law of the Bucovina Diet, in which the Romanian element always has the majority, endowing it with the required material means [...] we would be in the situation where the other Crown countries of Cisleithan Austria have been. It therefore depends on our will as well as on our zeal, to keep in touch with the past and pay tribute to it" (Olinescu 1885a, 186).

In his *Antiquities of Bucovina* (*Tribuna*, Sibiu, March 1885) (Olinescu 1885b, 190-191), Olinescu presents a series of archaeological discoveries in the province, concluding that a comparative understanding and the recording by photographic means are required for establishing analogies and date the finds; he notes how necessary it was to set up a large institution - the National Museum, as well as the unevenness of discoveries of "antiquities", in the context in which, by its geographical position, Bucovina was a real "gateway to

emigration”: *“Judging from this list of antiquities, it is sufficiently proven the significance of a national museum in Bucovina, which, endowed with all means, would bring the greatest benefits to the history of the past. These belong to different epochs, although the determination of time becomes difficult because many are only listed, without another description. In some cases, the description would not help either; here it would be necessary to photograph the antiquities and compare them with those of other areas and make usage of the collected archaeological literature. Undoubtedly, these are the antiquities collected by Mr. Gutter, of great significance for archaeological and historical studies, and, if he had been supported by the administration, we would now have a fine collection of the most important and interesting antiquities. We are at the gate of the emigrations of the peoples of Antiquity and the Middle Ages and, particularly, of the Nordic Slavic peoples and the Goths, who, throughout Europe, left traces in all countries, which would be much understood and clarified, however, by the antiquities of this country”*.

Dionisie Olinescu was well connected to the world of European archeology, first of all the archaeology of the Austro-Hungarian Empire was close to him. In his published works, the ideas related to heritage, to institutional organization and to the role of archaeological societies, have a special importance. In several articles, Olinescu spreads his ideas about archeology and the historical past, about heritage preservation and about the role that institutions must play in society; in fact, everything he published before 1886, the year of the founding of the *Romanian Archaeological Society*, is a complex and well-argued construction on the need for an organized institutional and legislative framework for the protection and public promotion of heritage.

In January 1886, again in the magazine *Tribuna* (Sibiu) (Olinescu 1886, 57-58), Olinescu published *The state of archaeology in Bucovina*, his honest inquiry being also critical of the current situation; an argument was needed, and the situation in Austria is used as a benchmark, emphasizing the lack of institutions and societies to protect and safeguard the heritage of Bucovina: *“In each province of Austria there is a palace, where there are collected and assembled the vestiges of the country’s past. The fewest of these are raised by the state or the country, which have been raised*

by private societies through voluntary contributions, thus endeavoring to bring their tribute to the consecration of the past of human activity. These societies spread their network over the whole country, so as not to lose the smallest ancient thing found in any corner of the country [...]; it is completely different here [in Bucovina – n.n.]. One who would deal with such things might be look upon like a lunatic or an obsessed person, who has lost his true career, or who is dealing with fools, with things for nothing. How many people do we not see every day, shrugging when it comes to antiquities. These are things that a serious person can’t even deal with. We lack, therefore, the museum, we lack the archeological society, we lack, therefore, all the institutions for the preservation of the remains of the past”.

The magazine *Familia* from Oradea published in 1885 the article *The need for an archaeological society* (Olinescu 1885, 460, 462), in which Olinescu made an presentation on archeology in Romania, showing the need for a higher level of institutional organization, emphasizing the role of archeology in the knowledge of history, and the lack of interest in the past / ancient history of Bucovina: *“The past of a country is also reflected in the objects that time and circumstances take out of their secular hiding place. The science of antiquities, archeology, achieved a great significance nowadays, which it had not had in the past [...]. The Romanians in Bucovina are worse off, though. There are no other nations here that would have taken over the archaeological exploitation of the country. Great ignorance seems to be found among the people of Bucovina for the country’s past; it’s been over a hundred years since Bucovina was under Austria. Due to the complete backwardness of Romanian element at the time of the incorporation of Bucovina, the administration brought foreign elements, which found little information on things of archaeological interest, coming into the country. The boroughs of the country were utterly ruined, and the green grass covered every memory. In the monasteries the foreign foot did not dare to enter to admire the activity of the past. This idea was adopted later by the following educated generations of the Romanians from Bucovina”*.

Other thoughts on archeology and heritage in Olinescu’s writings refer to strong institutional constructions, but also to cultural policies similar to the Vienna Central Commission; it explains

the organization of the *Central Commission* and the role of its publication, *Mitteilungen*, in the which pages various discoveries from the Empire, including from the province of Bukovina were presented in detail. Thus, in the winter of 1886, in the his column *The state of Archaeology in Bucovina*, in the magazine *Tribuna* of Sibiu (Olinescu 1886a, 61-62), Olinescu wrote on this subject, visibly marked by the lack of interest in the study of “antiquities”: “We, the Romanians, did not arrive yet to use all the events for the growth of the nation. Undoubtedly the most interesting are the antiquities that are removed from the earth every day. These are completely lost because of our lack of interest, and foreigners who visit the country, as well as the people who live in the country, do not have the opportunity to admire the evidence of the past, which support the things they had learned and know from home. They find the country empty of any connection to its past, and if the foot of a stranger never wanders in our monasteries, which are always in some regions where the chasms of Lamia would be easier to find than human dwellings, they would not know that this country was once Romanian [...]. We crush the antiquities of the ground with a special system, and no trace remains. And yet, Bucovina is the northernmost country in Eastern Europe, where Roman traces are found [...]. If we reconsider the cause of the total loss of the remnants of our past, then we must say, albeit with regret, that constitutionalism, in all respects, came to us too soon [...]. The constitutional time is to be satisfied, however, with the creation of the Central Commission for the Research and Conservation of Art and History Monuments in Vienna. It consists of a committee based in Vienna and conservators and correspondents from all over Austria, along with Bosnia and Herzegovina. The conservators and the correspondents are also appointed for 5 years. The conservators of Bucovina are: Gutter Iosif, retired captain, in Siret, for the first section; Dimitrie Isopescul, director of the Pedagogium of Chernivtsi, for the second section and Laizner Iosif, director of the Trade School, for the third section [...]. The commission is divided into three sections, with particular businesses. It is interested in researching and preserving antiquities found in the country, supporting existing museums, subsidizing archaeological excavations and publishing antiquities in its journal, «Mitteilungen» etc., as well as for the preservation

of existing monuments, old churches, paintings, monumental objects and old buildings. It is to be thanked to this institution that through its organ [«Mitteilungen» – n.n.] all the important findings of antiquities in Austria are brought to the public’s attention, thus facilitating the archaeological study. Also, is publishes archaeological treatises of famous archaeologists”.

In the January-February 1886 issue of *Tribuna*, the series *The state of Archaeology in Bucovina* included another material explaining the positive results of the cultural policy of the *Central Commission* in Vienna (including the work of conservators appointed for this province) and the need to establish a National Museum and an archaeological society. In this context, the list of committee members of the society devised by Olinescu was presented, which directorial board included important names in Bucovina, which indicates an elitist society. The members belonged to various professional categories: lawyers, people of culture, politicians, and as an honorary member was proposed Captain Josef von Gutter, president of the Siret Museum Society. The article is dense, including the essence of Olinescu’s theoretical thinking, including the establishment of an institute in Bucovina, which would cumulate all the discoveries in the province (Olinescu 1886b, 65; Niculică 2009, 79): “many improvements were made in Bucovina by the Central Commission, in terms of archeology. By appointing conservators, the interest in antiquities, both scientific and artistic, was mediated in the country, which until then was regarded as worthless. The disastrous demolition and destruction of the old ruins and buildings, which until then were torn down by townspeople and used for the construction of private houses, was stopped. [...] An auspicious symptom is the establishment of a committee in Chernivtsi for the foundation of an archaeological society and the creation of a national museum in Bucovina [...]. The Committee’s position will not be easy. The archaeological situation is serious and we do not have many illusions. Here it still is to break the thick veil of prejudices against antiquities, as well as the general indifference in the country. There will be many old boys who will mutter against the establishment of an archeological society and a museum. The people is commonly dedicated to materialism and such enterprises, like the committee, require money, however, we are in a country where the

relic hunting is not so important as to raise the prices for antiquities. We need two moral factors, namely: the patriotic sense and the clever skill of the population for the value of antiquities. When they wake up in our country, we will soon have the most beautiful museum and the largest archeological society.

By setting up an archeological society and a national museum in our country, we become guardians and protectors of our artistic and historical treasures, so that no more is lost, as has happened thus far. By collecting them, we receive the life of the past, to whom these belong, and we care for the future. By gathering them, we do not satisfy any passion, mania, such as the purchase of precious furniture, but a scientific interest and an ethical and cultural necessity. The historical and cultural issues, which until now have been unresolved, due to the lack of documents, by means of scraps gathered from the womb of the earth, will be easily solved. The «science of spades», as archeology was labeled by the famous archaeologist Schliemann, has now reached immeasurable significance in Europe, and every science finds its support in it.

We hope that soon Bucovina will be proud to have an institute, where all the treasures of our past will be preserved, and the national pride of even the most uneducated layman shall grow, seeing all the evidence, the old documents of the country's past actions. Before the significance of such an institute, we shall have to stop and suppress any pessimistic thoughts regarding the patriotism of the Bucovina population”.

Moreover, Olinescu's intentions regarding an archeological society and a National Museum were revealed in the magazine *Familia* of Oradea (Olinescu 1885c, 625).

Regarding the status and objectives of the *Romanian Archaeological Society* in Chernivtsy, we recall that on 12th of June 1886 took place the official opening meeting of the society, which was attended by “a very large number of Romanians from various conditions”, chaired by Dionisie Olinescu, within the framework of a general assembly attended by important intellectuals from Bucovina, most of them from Chernivtsy. Consistent with the ideas stated in his publications before this moment, Olinescu submitted to the Romanian language press an official statement published in the *Revista Politică* of Suceava

(*Revista politică*, year I, no. 4, July, 11; see also Kaindl 1894, 1-2; Gramadă 1908, 125; Ignat 1969, 96-97; Ignat 1978, 517; Niculică 2009, 81-83). The following were presented: the founding meeting, the election of the committee and the objectives of the Society, all indicating the Romanian national leanings of the society. Here is the statute of the Society, published in *Revista Politică*:

- a) *to galvanize in the Romanians the interest for their national antiquities, ecclesiastical or secular, in general, as well as to contribute, as much as possible, to the spread of the archeological sciences among them;*
- b) *to collect, describe and preserve any kind of ecclesiastical or secular antiquities, located in Bucovina or elsewhere;*
- c) *to persevere on the preservation of historical buildings, monuments and ruins;*
- d) *to carry out archaeological research.*

Regarding the patrimony of the Society, partly taken over in 1886 from the *Siret Museum Society* of Captain Josef von Gutter, it was presented to the Bucovina public in 1891, through a press release published in *Gazeta Bucovinei* (Olinescu, Morariu 1891, 2; Niculică 2009, 82-83). The article also represented an account of the first five years after its establishment, presenting the collected patrimony, as well as the participation in the *Bucovina Exhibition* of 1886, where the Society received the silver medal. The objects owned by the Society were detailed in 28 titles, among which we mention: charters dating from the eighteenth century, an Armenian gospel book, a Romanian psalter, rubbings of medieval tombstones, stone and flint tools, prehistoric clay statuettes, fossils, bronze, copper and iron artifacts, ceramic funerary urns, medieval crosses, keys, bullets, swords, pistols, bows, coins and more; the signatories indicated that donations were welcome, and the membership fee of the Society was 2 florins / year: “... We draw the attention of the honored Romanian public in Bucovina [...] and we urge the public to stay aware about the finding of any ancient object, antiquity, even of the lowest value, to report immediately to the Society and to send, if possible, the objects to the Society address. At the same time, we ask the Romanian public to be willing to provide material support to the Society, offering financial gifts, which will be rewarded through advertising, or registering as members. The membership fee is 2 florins

per year”. In 1892, the collections of the Society numbered 450 miscellaneous objects and documents, 300 coins, from the Antiquity, (Roman), to the Middle Age (Olinescu, Morariu 1891, 2; Ignat 1978, 517).

The destiny of the Romanian Archaeological Society

As it appears from the various studies published so far, particularly the ones authored by Mircea Ignat (Ignat 1969, 97-98; Ignat 1978, 518), it follows that, practically, with the departure of Dionisie Olinescu from Bucovina, his society loses its importance in the cultural space of Bucovina, even if it existed in documents even after 1893. For example, *Gazeta Bucovinei* of Cernăuți (year V, no. 30 and 31, Thursday, April 20 / May 2, 1895, p. 5) recorded the fact that the *Romanian Archaeological Society* appointed councilor Vasile Morariu as a member of the curatorship of the *Museum of the Land of Bucovina*, which indicates the survival of Olinescu's society for two years after his departure (Niculică 2020a, 634, no. 21; 640). It is known that the company's patrimony was gradually lost after 1893, currently being impossible to reconstruct the composition of the collections (Gramadă 1908, 8-9; Ignat 1969, 98; Niculică 2009, 99-100).

Appreciated by contemporaries and partially forgotten by posterity, Dionisie Olinescu and his contribution to the cultural life of Bucovina is one interesting object of study, through the unique forms of journalistic manifestation (for example, in 1899 he initiated, in the magazine *Familia* of Oradea, a column with the name *Archaeological Conversations*, in which he detailed his ideas about archaeological excavations and stratigraphy, about interdisciplinary study and institutional organization with a major role in heritage preservation), by theorizing archeology and ideas about heritage. The first Romanian archaeologist in Bucovina left behind a body of work of a very special complexity, both journalistic, popularizing the notions of heritage, museum, preservation, and scientific, being a forerunner of archaeological research and museography. His activity after 1893, when he took refuge in the kingdom of Romania, is rich and crowned by a remarkable work: *Charta archeologică a Bucovinei* (Bucharest, 1894) (1896), which is the first archaeological inventory of this province (fig. 3) (Ignat 1978, 513-520; Vatamaniuc 1996, 17-32; Niculică 2009, 74-102; Niculică 2017, 115-123). Dionisie Olinescu and his achievements require a deeper research, and, in particular, a deeper contextualization in the whole historiography of Romanian archeology.

Bibliography

- Andrieșescu 1936:** I. Andrieșescu, Cercetări și descoperiri arheologice în Bucovina. *Cronica Numismatică și Arheologică*, XII, nr. 105, ianuarie-martie, 1936, 161-173.
- Dejan, Niculică 2018:** M. Dejan, B.P. Niculică, Descoperiri monetare la sfârșitul secolului al XIX-lea și începutul secolului al XX-lea în Bucovina. In: (Eds. L. Munteanu, C.-D. Nicola, G.M. Talmațchi) *Studia Numismatica et Archaeologica. In honorem magistri Virgilii Mihailescu-Bîrliba oblata. Honoraria 12, Bibliotheca Memoriae Antiquitatis XXXIX (București - Piatra-Neamț 2018)*, 309-323.
- Emandi 1985:** E.I. Emandi, Muzeul de Istorie Suceava (București 1985).
- Gassauer 1933:** R. Gassauer, Briefe Gutters an Wickenhauser. Sonderdruck aus: „Bukowiner Heimatblätter“, herausgegeben von A. Nibio, Radautz, Jahrgang I, Heft 2-3, Radautz 1923. Druck P. Blondowskis Wwe (Radautz 1933).
- Gramadă 1908:** I. Gramadă, Viața românească în Bucovina. *Viața românească. Revistă literară și științifică*, III, vol. VIII, 1908, 125-131.
- Handbuch 1893:** Handbuch der Kunstpflege in Österreich. Auf Grund amtlicher Quellen. Herausgegeben im auftrage des Ministeriums für Cultus und Unterricht. Zweite Auflage (Wien 1893).
- Ignat 1969:** M. Ignat, Din istoricul cercetărilor arheologice din județul Suceava. *Studii și materiale. Istorie I*, 1969, 93-104.
- Ignat 1978:** M. Ignat, Dionisie Olinescu. *Suceava V*, 1978, 513-520.
- Kaindl 1894:** R.F. Kaindl, Der rumänische archäologische Verein in der Bukowina (Czernowitz 1894).
- Loghin 1926:** C. Loghin, Istoria literaturii române din Bucovina. 1775-1918 (în legătură cu evoluția culturală și politică) (Cernăuți 1926).
- Morariu 1888-1891:** C. Morariu, Kulturhistorische und ethnographische Skizzen über die Rumänen der Bucovina, 1 Theil (Resicza-Wien 1888-1891).
- Morariu 1893:** C. Morariu, Părți din istoria Românilor bucovineni scrise în limbă populară (Cernăuți 1893).

- Niculică 2009:** B.P. Niculică, Din istoricul preocupărilor arheologice în Bucovina. Societatea arheologică română (Suceava 2009).
- Niculică 2011:** B.P. Niculică, O scrisoare inedită despre un manuscris al lui Dionisie Olinescu. Suceava XXXVIII, 2011, 141-146.
- Niculică 2013:** B.P. Niculică, Arheologie și arheologi în Bucovina secolului al XIX-lea. De la anticarism la instituționalizare. Analele Bucovinei XX, 2 (41), 2013, 517-533.
- Niculică 2016:** B.P. Niculică, Josef von Gutter (1809-1886). Realizările unui pionier al arheologiei Bucovinei. Analele Bucovinei XXIII, 2, (47) 2016, 469-484.
- Niculică 2017:** B.P. Niculică, Din gândirea teoretică a lui Dionisie Olinescu, primul arheolog român al Bucovinei. Analele Bucovinei XXIV, 1 (48), 2017, 111-134.
- Niculică 2020:** B.P. Niculică, 150 years since the foundation of the first archaeological museum society in Bucovina: Society of the Siret Museum. Tyragetia s.n. XIV/1, 2020, 301-312.
- Niculică 2020a:** B.P. Niculică, Muzeul Țării Bucovinei în „Gazeta Bucovinei” din Cernăuți, la sfârșitul secolului al XIX-lea. In: (Eds. A. Melniciuc, B.P. Niculică, S. Ignătescu, S.-C. Enea) Eternitatea Arheologiei. Studii în onoarea profesorului Dumitru Boghian la a 65-a aniversare (Cluj-Napoca: Mega 2020), 627-641.
- Niculică, Ungureanu 2019:** B.P. Niculică, Șt.-M. Ungureanu, Josef von Gutter, cel dintâi arheolog al Bucovinei și scrisorile sale către istoricul Franz A. Wickenhauser (Suceava 2019).
- Olinescu 1885:** D. Olinescu, Necesitatea unei societăți arheologice. Familia XXI, nr. 39, 29 septembrie/11 octombrie, 1885, 460, 462.
- Olinescu 1885a:** D. Olinescu, Anticități din Bucovina. Tribuna II, nr. 47, 28 februarie/12 martie, 1885, 186-187.
- Olinescu 1885b:** D. Olinescu, Anticități din Bucovina. Tribuna II, nr. 48, 1/13 martie, 1885, 190-191.
- Olinescu 1885c:** D. Olinescu, Scrisori din Bucovina. (Descoperire arheologică, o Societate arheologică română în Cernăuți, artiste). Familia XXI, 52, 29 Decembrie st. v./10 Ianuarie st. n., 1885, 625.
- Olinescu 1886:** D. Olinescu, Starea arheologică în Bucovina. Tribuna III, nr. 15, 19/31 ianuarie, 1886, 57-58.
- Olinescu 1886a:** D. Olinescu, Starea arheologică în Bucovina. Tribuna III, nr. 16, 21 ianuarie/2februarie, 1886, 61-62.
- Olinescu 1886b:** D. Olinescu, Starea arheologică în Bucovina. Tribuna III, nr. 17, 22 ianuarie/3 februarie, 1886, 65-66.
- Olinescu 1894:** D. Olinescu, Charta arheologică a Bucovinei. Buletinul Societății Geografice Române XV, I-II, 1894, 64-94.
- Olinescu 1894a:** D. Olinescu, Chărțile Bucovinei. BSGR XV, III-IV (1896), 3-10.
- Olinescu, Morariu 1891:** D. Olinescu, C. Morariu, Societatea arheologică română din Bucovina. Gazeta Bucovinei I, nr. 64, 8/20 decembrie, 1891, 2.
- Predescu 1999:** L. Predescu, Enciclopedia României. Cugetarea. Material românesc. Oameni și înfăptuiri. Ediție anastatică (București 1999).
- Satco 2004:** E. Satco, Enciclopedia Bucovinei, vol. I-II (Iași 2004).
- Satco, Niculică 2018:** E. Satco, A. Niculică, Enciclopedia Bucovinei. Personalități, localități, societăți, presă, instituții, vol. I-III (Suceava 2018).
- Sbiera 1904:** I.G. Sbiera, Olinschi (Olinescu), Dionisiu. In: Corneliu Diaconovich, Enciclopedia Română, tom III (Sibiu 1903), 453.
- Torouțiu, Cardaș 1931:** I.E. Torouțiu, Gh. Cardaș, Studii și documente literare, vol. I (București 1931).
- Vatamaniuc 1996:** D. Vatamaniuc, Dionisie O. Olinescu, arheolog și cronicar al vieții științifice, culturale și artistice. Analele Bucovinei III, nr. 1, 1996, 17-32.
- Weckbecker 1902:** W. Weckbecker, Freiherrn von, Handbuch der Kunstpflege in Österreich. Herausgegeben vom K.K. Ministerium für Cultus und Unterricht, Dritte Auflage (Wien 1902).

135 de ani de la fondarea Societății Arheologice Române din Cernăuți (Bucovina)

Cuvinte-cheie: istoria arheologiei din Bucovina, Societatea Arheologică Română, Muzeul Țării Bucovinei, Dionisie Olinescu.

Rezumat: Studiul de față constituie o marcă a aniversării unui moment important al arheologiei românești, care, spre sfârșitul veacului al XIX-lea era dispersată în spațiul a două mari imperii: Austro-Ungar și Imperiul Țarist, precum și în Regatul României. În anul 1886, la 12 iunie, inspectorul financiar Dionisie Olinescu din Cernăuți, capitala Bucovinei, a fondat *Societatea Arheologică Română*, prima societate arheologică națională, românească, din această provincie, având ca bază patrimonială colecțiile fostei *Societăți a Muzeului Siret* a căpitanului Josef von Gutter, decedat la 8 mai 1886. Arheolog amator, cu studii juridice la Viena, Innsbruck și Cernăuți, autodidact cu o pasiune neobosită pentru antichități, pentru arheologie și conservarea / protejarea patrimoniului, Dionisie Olinescu

și-a dedicat întreaga viață cunoașterii. Rezultatele sale au fost recunoscute de înalte foruri științifice ale timpului: în 1886 a fost numit membru al *Societății Geografice Române* din București, iar în 1891 devine membru corespondent al *Comisiei Centrale* din Viena. *Societatea Arheologică Română* avea menirea de a sprijini salvarea patrimoniului / antichităților din Bucovina și de a contribui la înființarea unui Muzeu Național. Olinescu este cel mai important vector de afirmare al științei arheologiei din provincie, el publicând intens, nu doar studii științifice, ci și articole în reviste cunoscute, românești: *Tribuna* (Sibiu), *Familia* (Oradea), *Voința națională* (București). Alături de publicistica sa bogată, în care a promovat valorile naționale și arheologia, a elaborat și lucrări de anvergură, așa cum este cazul primului repertoriu arheologic al Bucovinei: *Charta archeologica a Bucovinei* (București 1894) (1896), în format text, la care se adaugă și harta propriu-zisă, păstrată în manuscris la Biblioteca Academiei Române. Aceste rânduri se constituie într-o succintă sinteză asupra personalității lui Dionisie Olinescu și a creației sale unice: *Societatea Arheologică Română* din Cernăuți, marcându-se astfel aniversarea a 135 de ani de la fondarea societății.

Lista ilustrațiilor:

Fig. 1. Dionisie Olinescu (după Niculică 2009).

Fig. 2. Prima pagină a studiului *Charta archeologica a Bucovinei*, publicat de Dionisie Olinescu în „Buletinul Societății Geografice Române”, XV, I-II, București, 1894, 64-94.

Fig. 3. *Charta archeologica a Bucovinei*, la care se referă Dionisie Olinescu în studiul *Chărțile Bucovinei*, publicat în „Buletinul Societății Geografice Române”, XV, III-IV, 1894 (1896), 3-10. Harta, păstrată în prezent în mss. la Biblioteca Academiei Române, constituie singura reprezentare cartografică a descoperirilor arheologice din provincia austriacă Bucovina și a fost republicată în 2009 (Niculică 2009, harta anexată).

135 лет со дня основания Румынского археологического общества в Черновцах (Буковина)

Ключевые слова: история археологии в Буковине, Румынское археологическое общество, Буковинский краевой музей, Дионисие Олинеску.

Резюме: Настоящее исследование приурочено к годовщине важного события в румынской археологии, которая к концу XIX века была рассеяна на пространстве двух великих империй, Австро-Венгерской и Российской, а также Королевства Румынии. 12 июня 1886 года Дионисие Олинеску, финансовый инспектор из Черновцов, столицы Буковины, основал *Румынское археологическое общество* – первое национальное, румынское, археологическое общество в этой провинции, на основе коллекций бывшего *Музейного общества г. Сирет*, созданного капитаном Йозефом фон Гуттером, скончавшимся 8 мая 1886 года. Археолог-любитель, изучавший право в Вене, Инсбруке и Черновцах, самоучка с неумемной страстью к древностям, археологии и охране и защите культурно-исторического наследия, Дионисие Олинеску посвятил всю свою жизнь познанию. Его достижения были признаны высокими научными инстанциями того времени: в 1886 году он был принят в члены *Румынского географического общества* в Бухаресте, а в 1891 году стал членом-корреспондентом *Центральной комиссии* в Вене. *Румынское археологическое общество* должно было способствовать сохранению древностей Буковины и созданию Национального музея. Олинеску внес важнейший вклад в утверждение археологической науки в провинции, он интенсивно публиковал не только научные исследования, но и статьи в известных румынских журналах «Трибуна» (Сибю), «Семья» (Орадя), «Национальная воля» (Бухарест). Наряду с активной журналистской деятельностью, посредством которой он продвигал национальные ценности и археологию, он также работал над крупными трудами – например, над первым сводом буковинских археологических памятников – «Археологической картой Буковины» (Бухарест, 1894) (1896 г.), в форме текста, к которому добавлялась и сама карта, сохранившаяся в рукописи в Библиотеке Румынской Академии. Эти строки представляют собой краткое исследование, посвященное личности Дионисия Олинеску и его творению – *Румынскому археологическому обществу* в Черновцах, в ознаменование 135-ой годовщины со дня его основания.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Дионисие Олинеску (Niculică 2009).

Рис. 2. Первая страница исследования «Археологическая карта Буковины», опубликованного Дионисие Олинеску в «Бюллетене Румынского географического общества», XV, I-II, Бухарест, 1894, 64-94.

Рис. 3. «Археологическая карта Буковины», на которую Дионисие Олинеску ссылается в исследовании «Карты Буковины», опубликованном в «Вестнике Румынского географического общества», XV, III-IV, 1894 (1896), 3-10. Карта, в настоящее время хранящаяся в рукописи в Библиотеке Румынской Академии, является единственным картографическим отображением археологических открытий на территории австрийской провинции Буковина и была переиздана в 2009 году (Niculică 2009, карта прилагается).

10.06.2021

Dr. Bogdan Petru Niculică, National Museum of Bucovina, Ștefan cel Mare str., no. 33, Suceava, Romania, <https://orcid.org/0000-0001-7751-5705>, e-mail: niculicab@yahoo.com

---

АНАДОЛЬСКИЙ И ДМИТРОВСКИЙ МОНЕТНЫЕ КЛАДЫ ЮЖНОЙ БЕССАРАБИИ: РЕКОНСТРУКЦИИ НАХОДОК В КОНЦЕ XIX В.

Игорь Сапожников, Майя Кашуба

*К 100-летию со дня рождения
П.О. Карышковского (1921-2021)*

Ключевые слова: Южная Бессарабия, Анадол (современное Долинское), Дмитровка, монетные клады, Императорская археологическая комиссия.

В XIX - начале XX века тема древних сокровищ Бессарабии – пересказы преданий, поиски и действительные находки кладов – будоражила умы широкой общественности региона, включая просвещенную публику (см. «Свод памятников старины...» Н. Могилянского и Я. Эбергарда – Сапожников, Кашуба 2019; а также Кашуба, Сапожников 2020а; Кашуба, Сапожников 2020б; и др.). Важные и примечательные детали приключений кладоискателей и отдельных счастливых в Бессарабии того времени можно обнаружить в делах Императорской Археологической Комиссии (далее – ИАК), которые хранятся в рукописном фонде № 1 Научного архива Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург, Россия; далее – НА ИИМК РАН) (см. Сапожников, Кашуба 2021). В частности, архивные материалы ИАК проливают свет на обстоятельства обнаружения, покупки ИАК и передачи в музейные собрания двух разновременных монетных кладов – Анадольского и Дмитровского, найденных в конце XIX века на юге Бессарабии.

АНАДОЛЬСКИЙ КЛАД (рис. 1-5)

Это собрание золотых эллинистических монет занимает одно из почетных мест в собрании Государственного Эрмитажа (Спаский 1979,

174). Клад входит в перечень наиболее ценных подобных кладов мирового уровня, как это видно по специальной странице (IGCH 866) на интернет-ресурсе «Coin Hoards» (Монетные клады) Американского нумизматического общества (ANS)². Однако, несмотря на значимость Анадольского клада, обстоятельства его выявления изучены недостаточно, место находки установлено ориентировочно, время тезаврации дискуссионно, а численный состав определен приблизительно. Кроме того, остались практически неизвестными усилия ИАК, направленные на приобретение этого клада, что не нашло отражения в ее истории (Мусин и др. 2019, 62-353). По мнению хранителя клада Е.Л. Кувшиновой, изучение данных вопросов актуально и потому, что одна «часть клада безвозвратно „ушла“ из собрания», другая депаспортизирована, а в целом судьба Анадольского клада в составе собрания Государственного Эрмитажа «до сих пор не освещена должным образом» (Кувшинова 2013, 17).

Обзор источников

Охарактеризуем имеющиеся источники информации, заметив, что большинство специалистов пользуются публикацией Е.М. Придика (Придик 1902; Придик 1903)³, изредка также упоминается предварительная информация в Отчете ИАК за 1895 г. (Отчет 1897, 53). Известно, что при описании обстоятельств находки и процесса покупки клада Е.М. Придик использовал документы дела ИАК «О старинных золотых монетах, найденных в гор. Рени Бессарабской губернии»⁴. Кроме этого, он оперировал иными сведениями: от писаря Анадольского сельского правления

---

¹ М. Кашуба провела исследование в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н.э. - I тыс. до н.э.)».

² <http://coinhoards.org/id/igcho866?lang=de>

³ В 1899-1903 гг., во время работы над статьей, Е.М. Придик был хранителем Императорского Эрмитажа по отделению античных монет (Павличенко 2000, 198).

⁴ НА ИИМК, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 21, л. 39.

в изложении керченского торговца древностями Е. Запорожского (о численности клада в 2004 экз.), а также информацией о том, что ИАК отказалась от приобретения фрагментов медного сосуда⁵, в котором монеты были спрятаны (Придик 1902, 58-59). Однако имелся еще один, фактически оставшийся неизвестным источник – это вышедшая летом 1895 г. в журнале «Нива» заметка фотографа И.А. Сумовского, который побывал в Анатоле и опубликовал фотографии трех монет и самих находчиков на месте «раскопок» (рис. 3). Фотограф сообщил местное название этого урочища, описал его геологические наложения и привел некоторые подробности (Сумовский 1895, 770, 772; статья также представлена в оригинале в упомянутом выше деле ИАК – см. документ 15).

На этом круг известных источников об обстоятельствах обнаружения клада исчерпан, если не считать «полицейского протокола» о находке монет в Рени 1895 г., выявленного С.И. Пармакли в Одесском областном архиве в фонде «Одесское общество истории и древностей» (Ф. 93, оп. 1). Правда, этот документ не был напрямую увязан с Анадольским кладом (Пармакли, Руссев 1999, 366).

Топография района

Наиболее раннее описание интересующего нас микрорегиона военные топографы выполнили в 1827 г.: «Колония Анадолка⁶ лежит на левом берегу озера Большого Кацеля, название получила от турка из *Анадолии*, поселившегося хутором на этом месте, где с 1791 г. основалось селение». В названное озеро, которое было частью Кагула, впадала балка (лощина) *Бужарская* (Бужарка, Бужорка, Бужоры или Бужорул), и по ее долине проходила граница с землями г. Рени (рис. 1). Община владела 4000 дес. (4370 га) земли, в том числе каменоломней площадью 2000 кв. саж (около 0,9 га), а село входило в состав 5-го (Прутского) округа Колоний задунайских переселенцев и было населено в основном молдаванами. В колонии, на левом берегу долины, располагались виноградники и сады, аналогичная картина наблюдалась на ее правом, ренийском берегу, причем

Рис. 1. Район находки Анадольского клада; карта 1828 г. (Карта 1828; фрагмент).

большая часть этих плантаций сохранилась с турецких времен (Статистическое 1899, 384-386, 482-484). Что касается геоморфологии, то для района характерна повышенная мощность покровных отложений – высоты водоразделов достигают тут отметок +85-90 м (до +93,0 м у кургана Мовила Салул над с. Долинское), и соответственно наблюдается глубокий врез долины с довольно крутыми склонами (рис. 5). Обращает на себя внимание некая удаленность местности от древних сухопутных главных дорог и связанных с ними переправ через Дунай: Измаил – Тульча и Картал – Исакча (Новиодунум).

Место и обстоятельства находки

Общеизвестны данные о том, что 23 января 1895 г. крестьяне Анадола Никита Сасы-Куль (Кулев) с сыном Саввой, Захарий Стефанович Чернян и Никита Иванович Куку добывали камень на общинной земле в овраге близ села. Савва «киркой ударил в скрытый под землей медный сосуд, который от сильного удара разлетелся и из которого посыпались монеты» (Придик 1902, 58). Эта версия взята из отношения Бессарабского губернатора от 10.03.1895 г. (документ 4) и повторяется неоднократно (документы 9 и 10.2; и др.).

В деле ИАК есть копия документа, собранного из протоколов дознания и опросных листов вышеназванных и других причастных к делу

⁵ На самом деле – это бронзовый сосуд (документ 14; рис. 4).

⁶ Ныне село Долинское Измаильского района Одесской области Украины.

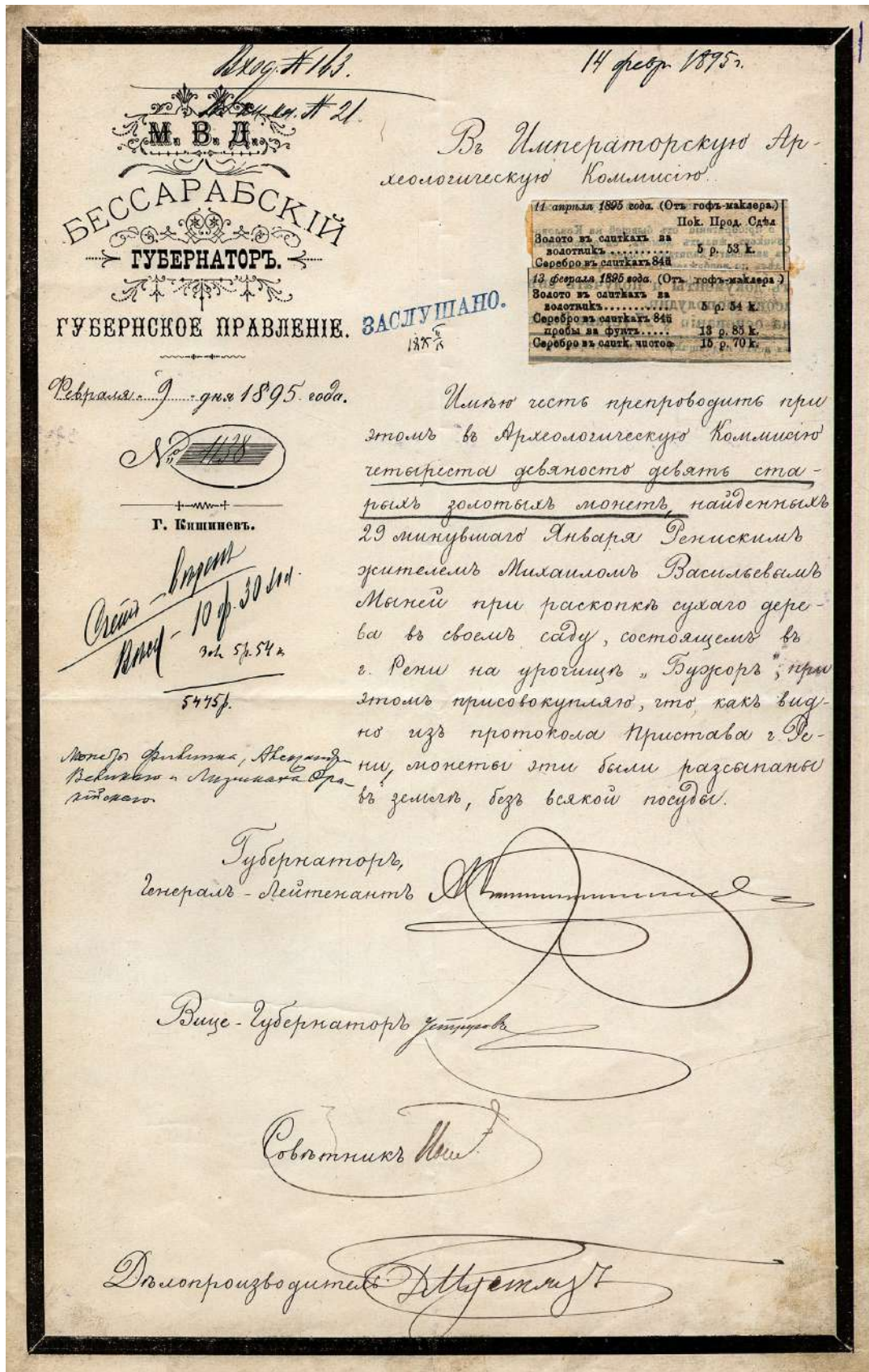

Рис. 2. Отношение Бессарабского губернатора в ИАК от 9 февраля 1895 г. Первая публикация
(© НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 21, л. 1).

лиц, составленных с 2 февраля по 22 марта 1895 г. полицейскими приставом г. Рени, приставом 4-го стана Измаильского уезда и исправником того же уезда (документы 10.1-10.10)⁷. В документе имеется ряд важных деталей, не учтенных в первой публикации клада, из которых две характеризуют место находки. Так, в одном протоколе говорится, что оно находилось в 20 саженьях [40 м] от села Анадол (документ 10.2), а во втором характеристика пространнее: «местность находится на выезде из села, с правой стороны дороги, по направлению к с. Фрикацей, заключается в овраге, образовавшемся, по показанию местных поселен, лет 30 тому [назад]» (документ 10.7).

И.А. Сумовский добавил, что камень добывали «в образовавшейся промоине, «на холме» (скорее – в балке) «Валя Москалудуй», а клад достали «из-под камня», на «глубине 6 аршин [4,26 м] от поверхности» под слоем чернозема толщиной около 0,7 м в мощном (более 10 м) горизонте песка, содержащем камни известняка (документ 15; Сумовский 1895, 770). Сузить круг поиска места обнаружения клада позволяет фотография И. А. Сумовского, на которой четыре крестьянина стоят прямо на нем, под склоном холма, а на втором плане виден правый берег балки Бужорул (рис. 3; Сумовский 1895, 772). При сопоставлении этой информации с военно-топографической картой 1940 г. (М 1 : 25 000) сделан вывод, что эта точка находится справа от дороги в с. Фрикацей (рис. 5)⁸, а в настоящее время это место застроено усадьбами села Долинское⁹. Уточнение ситуации на месте подтвердило правильность данного предположения и позволяет заключить, что постановочная фотография была сделана И.А. Сумовским с левого берега от вершка балки, с юго-востока (рис. 3).

В той же заметке находчики клада были охарактеризованы фотографом как «без исключения люди бедные, занимавшиеся до сих пор доставкой в г. Рени камня» (Сумовский 1895, 770). Непосредственно после находки Никита Кулев с помощью двух «коллег» и сына монеты

⁷ Судя по содержанию, часть протоколов была составлена задним числом.

⁸ Имеет координаты 45°27'52.0»N 28°19'42.5»E (45.464450, 28.328458) по программе «Гугл-карты».

⁹ Насколько известно, первую попытку картографирования Анадольского клада предпринял Г.А. Сейриг, но использовал для этого слишком мелкомасштабную карту (Seyrig 1969, fig. 5).

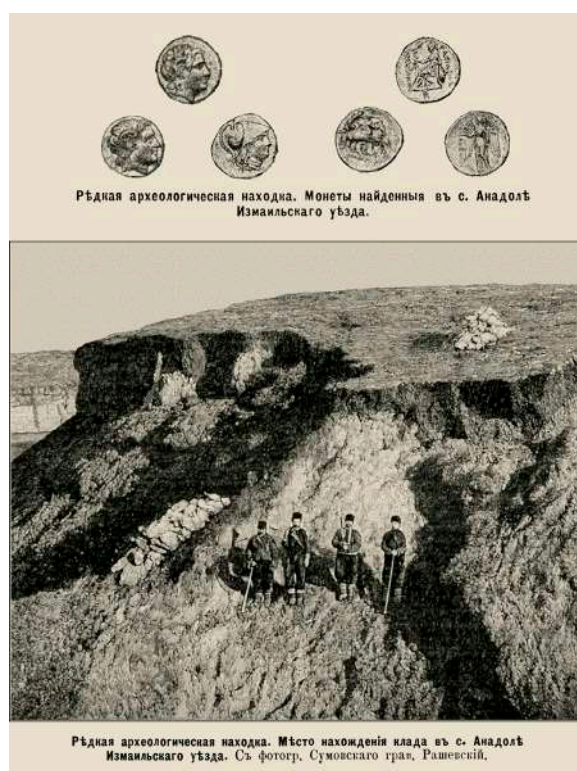

Рис. 3. Находчики на месте открытия Анадольского клада и монеты из него (по Сумовский 1895, 772).

«собрал в шапку и отнес в дом» свой, где они их поделили, причем Никите Кулеву и «сыну Савве досталось около 500 монет, а оставшиеся в таком же количестве половины были взяты Черняном и Кукой» (документ 10.2).

Первая официальная информация о кладе

Первой «всплыла» вторая часть находок, которую новые владельцы отдали для реализации ренийскому мещанину и торговцу М.В. Мыне (или Мыйне) «на условиях, что он монеты разменяет и за свой труд возьмет четвертую часть стоимости монет, остальные же деньги отдаст Черняну и Куке, причем в виде задатка через неделю Мыйня дал им 200 руб.» (документ 10.2). 2 февраля 1895 г. М.В. Мыня явился в ренийское полицейское управление и заявил, что 29 января, будучи в своем виноградном саду в г. Рени, находящемся на урочище «Бужор», при раскопке сухого дерева нашел клад, «заключающийся из древних золотых монет числом 500 штук, которые находились разбросанными в земле без всякой посуды». Монеты были взвешены, опечатаны и пере-

даны в «Измаильское уездное полицейское управление по надлежащем опечатании» (документ 10.3). Там через четыре дня при вскрытии оказалось, что монет в пакете было 499 экз. (документ 10.4). Уже 9 февраля все эти монеты при отношении бессарабского губернатора отослали в ИАК, после чего между этими учреждениями возникла переписка о покупке клада и оплате ИАК стоимости пересылки находок в Санкт-Петербург (документы 1-3).

Что происходило в это время в Анадоле мы не знаем, но 17 февраля Никита Кулев заявил о находке примарю этого села, а 20 февраля в управе 4-го стана Измаильского уезда (в с. Хаджи-Абдул – совр. Александру Ион Куза, Кагульский район, Молдова) передал ее полицейскому начальнику узел с 480 древними золотыми монетами «опечатанный примарийской печатью села Анадол». Там монеты взвесили, после чего они были «завязаны в ситцевый платок и вложены в кусок кожи, каковой узел опечатан казенной печатью пристава и примаря Хаджи-Абдул». Туда же положили «два куска кувшина», в котором эти монеты были найдены (документ 10.2). 10 марта при письме губернатора эту часть клада также отправили в ИАК (документ 4), где обе, уже неравные половины объединили и оценили в 14 тыс. 281 руб. 32 коп. (документ 7).

Эпизод с И.А. Сумовским

В конце февраля 1895 г. в ситуацию вмешался упомянутый выше фотограф, который до того побывал в Анадоле. Он написал председателю ИАК графу А.А. Бобринскому анонимное письмо из Рени с предложением купить у него два найденных 23 января золотых статера с профилем Александра Великого. К письму якобы прилагались «фотографические снимки места нахождения клада, остатки от копилки, содержащей золотые статеры, а также снимки трех разных монет с одной и другой стороны с подробным объяснением»¹⁰ (документ 6). 22 марта А.А. Бобринской отправил это письмо Бессарабскому губернатору «для сведений» (документ 5). Ответ на него вместе с самой анонимкой пришел лишь 31 мая, и в нем сообщалось, что ее автором оказался ренийский фотограф, кишиневский мещанин Иван Антонович Сумовский. Он по своей личной иници-

ативе, производя в с. Анадоле фотосъемки, «надеялся приобрести у тамошних поселян несколько монет из числа найденных», но «в данное время древних монет у Сумовского нет, а есть коллекция фотографических снимков означенной местности, за которые он желал бы получить 30 руб. за штуку» (документ 12).

Вышедшая позднее в популярном журнале «Нива» статья И.А. Сумовского (документ 15) вызвала письмо А.А. Бобринского от 22 октября, в котором он просил Бессарабского губернатора проверить изложенные в ней факты (документ 16). На этот запрос 25 января 1896 г. пришел ответ, что «поселяне с. Анадол Измаильского уезда никаких раскопок с целью извлекать древности не производили и не производят, а в той местности, где случилась находка тысячи древних золотых монет, с давнего времени существовала каменоломня, из которой добывают камень и песок для местных нужд, и находка помянутых монет была случайная». Что касается монет, то их «в малом количестве отыскивали, просеивая песок», так как при разбитии сосуда они рассыпались (документ 17).

Теперь ясно, что слова Е.М. Придика о том, что обломки сосуда были предложены ИАК «каким-то евреем из Кишинева» (Придик 1902, 59), следует связывать с письмом И.А. Сумовского (документ 6). Некоторые данные о человеке, благодаря которому мы имеем важные сведения об Анадольском кладе, нашлись в сети Интернет. Так, в марте 1900 г. он переехал в Екатеринодар (совр. Краснодар), где открыл фотоателье на ул. Красной. Там он стал известным мастером, членом Кубанского фотографического общества (с 1911 г.). Дважды побеждал в международных конкурсах, получив Золотую медаль в Брюсселе (1905 г.) и Гран-при в Антверпене (1906 г.). После Октябрьского переворота И.А. Сумовский эмигрировал во Францию вместе с сыном¹¹, дальнейшая его судьба не известна.

Покупка клада ИАК и передача в Эрмитаж

Выше было упомянуто, что во второй половине марта 1895 г. ИАК оценила 979 золотых монет клада общим весом 20 футов 22½ зол. (около 9,2 кг) в 14 тыс. 281 руб. 32 коп. (документ 7)

¹⁰ Кроме самого письма в деле ничего не оказалось – И.С и М.К.

¹¹ <http://myekaterinodar.ru/ekaterinodar/cards/ekaterinodar-i-a-sumovskiiy-2/>

или 14 руб. 59 коп. за один статер. С этой ценой, впрочем, как и с любой другой, еще 17 марта согласились отец и сын Кулевы, подписав протокол, предполагавший «вознаграждение по усмотрению ИАК» (документ 10.10). Тогда же Н. Куку и З. Чернян подтвердили свое соглашение с М.В. Мыней, предоставив ему право и на торговлю (документ 10.8). Последний допускал цену «на усмотрение ИАК», но настаивал на цене «по 10 руб. за каждую монету и, кроме того, за археологическую редкость по 40 руб. за монету, так как почти по такой же цене идут монеты, появившиеся в последнее время в частной продаже» (документ 10.8).

Однако в деле о покупке появилась еще одна сторона: примар села Анадол С. Лунгу заявил, что раз «этот клад найден на земле, принадлежащей коммуне Анадол, то как собственность коммуны должен быть передан местному коммунному управлению в законных размерах, какие будут определены АК по удовлетворению нашедших» (документ 10.7). Эти пожелания бессарабский губернатор, ставший на сторону примара, изложил в отношении от 22 марта 1895 г. в ИАК, причем согласно действующему тогда закону доля владельца земли могла составить половину. Вывод был таким: «имею честь просить на случай определения денежного вознаграждения, согласно ходатайству поименованных поселян, ту сумму, которая будет назначена Комиссией, перечислить в депозит Бессарабского губернского правления, так как отыскатели клада свои части вознаграждения, в виду предъявленной примаром коммуны Анадол претензии на часть клада, должны будут получить не иначе, как по решению подлежащего судебного учреждения» (документ 9).

Отсюда понятна и попытка М.В. Мыни «связать» клад с садовым участком на правом берегу балки Бужорул, который был его собственностью, так как тогда примар Анадола не смог бы выдвинуть свои претензии. Однако все пошло не так, потому что Н. Куку и З. Чернян «не нашли нужным объяснить ему, что и другие лица вместе с ними нашли клад в с. Анадол, который они, вероятно, скрыли бы, если бы Михаил Мыня не предоставил в полицию переданные ими монеты, в чем их убеждает то обстоятельство, что они представили оставшиеся у них монеты в то время, когда узнали, что Мыня заявил о находке, о чем распространились слухи» (документ 10.6).

Дальнейшая судьба клада была определена 6 апреля 1895 г., когда император Николай II на ежегодной археологической выставке предметов ИАК «соизволил приказать приобрести означенный клад золотых монет для сохранения его в Императорском Эрмитаже целиком». По-видимому тогда же была установлена окончательная величина вознаграждения в сумме 15000 руб., которая была несколько выше первоначальной оценки¹² (документ 8). Точки в деле поставлены отношениями Эрмитажа от 31 мая и 17 июня 1895 г., которые свидетельствуют о получении им 979 золотых монет и неназванного числа обломков бронзового сосуда (документы 13 и 14)¹³.

Датировка, состав и современное состояние Анадольского клада

Среди специалистов имеются расхождения относительно датировки Анадольского клада. Первоначально Е.М. Придик отнес его тезаврацию к началу III в. до н.э. (Придик 1902, 59-60). Известный французский археолог и нумизмат Г.А. Сейриг датировал клад 228-220 гг. до н.э. (Seurig 1969, 43-44), и этой точки зрения долго придерживалось большинство исследователей (IGCH 866; см. выше). Недавно А. Вилку и Э. Петак, используя аналогии из Истрии и добавив другие аргументы, отнесли тезаврацию ко времени ранее 246-241 до н.э. или до начала Третьей Сирийской (Лаодикийской) войны (Vilcu, Petac 2012, 56-57).

Известно, что клад был сокрыт в литой бронзовый сосуд. Е.М. Придик, видевший фрагменты сосуда в Эрмитаже (документы 10.2; 14; рис. 4), допустил, что «он имел вид гидрии или вазы» (Придик 1902, 59). Еще ранее И.А. Сумовский сообщил о существовании фотоснимков «остатков от копилки» (документ 6). В журнале «Нива» он фантазийно написал, что «медная копилка, по всей вероятности, имела форму вазы, [от которой] остались только донышко, довольно массивное, и крышка с запаянным

¹² Средняя цена одной монеты составила 15 руб. 32 коп., то есть на 73 коп. больше предыдущей.

¹³ В архивном деле нет документов о распределении вознаграждения между четырьмя находчиками, М.В. Мыней и примэрией села Анадол. Однако можно уверенно предположить, что последняя получила 7500 руб., Н. и С. Кулевы – 3750 руб. на двоих, З.С. Чернян и Н.И. Куку – по 1406 руб. 25 коп (+ по 100 руб. аванса от М.В. Мыни), а сам М.В. Мыня – 937 руб. 50 коп., из которых следует вычесть 200 руб. аванса.

Рис. 4. Дно бронзового сосуда из Анадольского клада. Первая публикация (© НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 21, л. 21).

Рис. 5. Место находки Анадольского клада в 1940 г. (карта L35-93-Г-а «Рени»; фрагмент).

медью отверстием, которое служило для опускания денег» (документ 15). В деле ИАК сохранилась фотография дна сосуда (рис. 4), а «судьба» крышки остается неизвестной.

Если поставить вопрос об изначальном числе выявленных монет¹⁴, то в документах дела говорится, что находчики поделили их пополам, т. е. по 500 экз. После этого один статер была изъят (утрачен) М.В. Мыней, и еще 20 экз. – Кулевыми (документы 4, 10.2-10.4, 10.6, 10.8, 10.9). К ним можно добавить еще три монеты (рис. 3) – их фотографии сделал И.А. Сумовский, которые могли найти при просеивании песка (документ 17). Таким образом, в состав клада входило немногим более 1000 монет. Не исключено, что часть из 21 (или более) исчезнувших монет купил Е. Запорожский при помощи (или по информации) И.А. Сумовского¹⁵. Как видим, предположения о значительно большей величине клада

не получают подтверждения. Тем не менее в специальной литературе фигурирует число «более 1200» монет (см. Булатович 1980, 56-57, 64, табл. 1, прилож. 1).

По данным Американского нумизматического общества из неназванных источников, в Санкт-Петербурге находятся примерно 300-400, в Нью-Йорке – 4 и в Одессе – 1 монета (IGCH 866). О последней можно сказать, что речь идет о статере Лисимаха¹⁶, хранящемся в золотой кладовой ОАМ НАНУ, который находился там еще до Октябрьского переворота (Сальников 1960, 171) и, значит, может иметь связь с экземплярами, купленными Е. Запорожским в 1912 г. (см. выше). Кроме того, в нумизматической коллекции Йельского университета в середине 1950-х гг. хранилась еще одна монета, по-видимому, не учтенная специалистами Американского нумизматического общества. Это статер Александра, найденный

¹⁴ Напомним, что до Е.М. Придика дошли слухи о 2004 экз. монет (Придик 1902, 59), а И.А. Сумовский писал о находках монет после того, как клад был передан в Санкт-Петербург (документ 15).

¹⁵ За это И.А. Сумовский мог получить некое вознаграждение, которое вскоре использовал для открытия своего дела в Екатерининдаре.

¹⁶ Любопытно упомянуть, что в 2009 г. был зарегистрирован статер Лисимаха, который, по словам находчика, происходит «откуда-то возле Измаила». А. Болдуряну отметила редкую монограмму, продатировала монету III в. до н.э. и отметила, что подобная находка вполне правдоподобна, так как оттуда же происходит и Анадольский клад (Boldureanu 2011, 325, 330, fig. 1/1).

при невыясненных обстоятельствах до 1940 г. на севере Ренийского района, связь которого с Анадольским кладом П.О. Карышковский не исключал (см. Карышковский 1976, 172-173, № 1; ср. Булатович 1980, 66, прилож. 2, 7).

На протяжении последних 75 лет клад неизменно хранится в Эрмитаже. «Судьбе» эрмитажной части Анадольского клада была посвящена предварительная публикация Е.А. Кувшиновой. Известно, что депаспортизация и продажа части монет клада действительно имели место в ходе передачи в Обменный фонд в 1914 г., в Нумизматический фонд при Советской филателистической ассоциации, в специальное агентство «Антиквариат» при Наркомате просвещения в начале 1930-х гг., а также в ходе эвакуации фондов в глубь страны в годы Великой Отечественной войны. Так, например, из 11 статов Филиппа II на сегодня в Эрмитаже хранится 9 экземпляров (Кувшинова 2013, 17-18).

ДМИТРОВСКИЙ КЛАД (рис. 6; 7)

Этот монетный клад более столетия оставался вторым по численности в Южной Бессарабии¹⁷, однако и его находка в специальной литературе описана бегло, а с конца 1980-х гг. место находки указывается с ошибкой почти в 50 км (Нудельман 1988, 128-129). Причину этого понять трудно, так как в первой опубликованной информации ИАК за 1898 г. указано, что 33 серебряных талера XVI в., 880 серебряных турецких монет конца XV и начала XVI в. и 2 копейки Ивана IV были найдены «в селении Дмитровка Аккерманского уезда» (Отчет 1901, 63, 176). Более того, на то время село с таким названием было в названном уезде единственным (Списки 1861, 20). Однако в историографии укоренилось представление, что клад нашли в селе Дмитровка Татарбунарского района Одесской области Украины, так как оно на момент находки входило в состав названного уезда (Нудельман 1988, 128, 138; Янов 2020, 55). Этот факт частично соответствует действительности: в конце XIX в. село имело название Дельжилер (Списки 1861, 21), в 1944 г. в честь Георгия Димитрова название села изменили на Дмитровку, а в 2016 г. селу возвратили прежнее наименование Дельжилер.

¹⁷ До тех пор, пока в 2009 г. в долине р. Ялпуг (Молдова) не был найден Буджакский клад из 4736 османских акче и 7 копеек Ивана IV. Клад опубликован, но место хранения находок неизвестно (Кривенко, Сречкович 2013).

Относящиеся к Дмитровскому кладу документы составили «Дело о находке старинных серебряных монет в селении Димитровка Аккерманского уезда Бессарабской губернии», начатом 17 апреля и оконченном 26 сентября 1898 г.¹⁸

Место и обстоятельства находки

Селение Дмитровка, населенное вышедшими из Болгарии гагаузами, было основано в 1821 г., а в 1827 г. входило в состав Измаильского уезда Бессарабской области и одновременно во 2-й Верхне-Буджакский округ колоний задунайских переселенцев. Оно располагалось на обоих берегах долины Вале Пержи, впадающей в р. Киргиз-Китай (Статистическое 1899, 450-452; рис. 7). После поражения в Восточной войне и утраты Российской империей значительной части Измаильского уезда колония Дмитровка в 1856 г. вошла в состав 3-го стана Аккерманского уезда с центром в с. Тарутино, а позже – в состав Болградского района Одесской области Украины.

Клад был найден 29 января 1898 г. поселянином Федором Петровичем Ивановым «в рывине» при добыче глины, но был им спрятан и обнаружен уже полицейским урядником Цурканом. Последний передал находки по инстанции (документ 18).

Изучение, оценка и покупка клада

10 апреля, спустя более двух месяцев со дня находки, клад был отправлен полицейским приставом 3-го стана из с. Тарутино в ИАК вместе с соответствующим рапортом. Примечательно, что в этом документе имеется информация о большей части процедур, проведенных с кладом в Санкт Петербурге: «Счет – 33 талера, 885 малых [монет]; Из этого клада 33 талера принесены в дар Киевскому университету, 49 турецких монет отобраны Эрмитажем, 54 [таких же] посланы ООИД. Остальные монеты сплавлены» (документ 18; рис. 6).

В других бумагах дела содержатся подробности. Уже 21 апреля 33 талера из клада были переданы в Эрмитаж вместе с отношением, в котором председатель ИАК А.А. Бобринский просил отобрать из них необходимые для коллекции мюнцкабинета, оценить, а затем

¹⁸ НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1898, д. 83, л. 34.

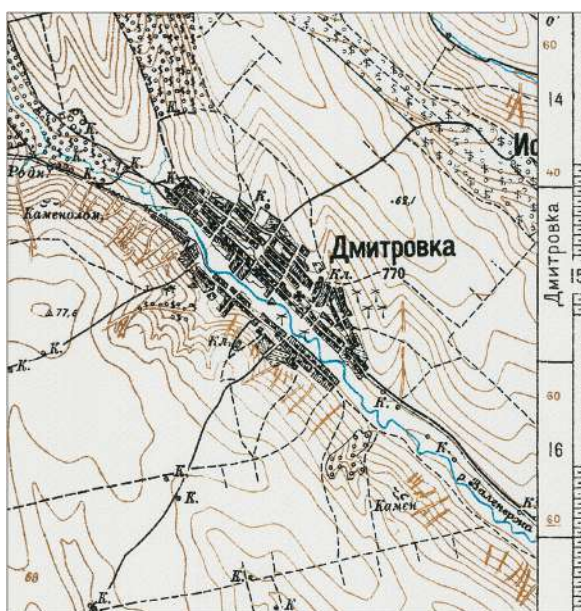

Рис. 7. Район находки Дмитровского клада; карта 1880-х гг.

вернуть все обратно (документ 19). К находкам был приложен перечень этих монет с подробными определениями и датировками, автор которых не указан (документ 20). В тот же день в Эрмитаж были отправлены и остальные монеты клада при отношении за № 638, отпуск которого в деле отсутствует. На следующий день (!) на него, а не на имеющееся в нашем распоряжении письмо за № 637, последовал ответ, в котором старший хранитель Эрмитажа А. Кунин сообщил, что исполняющий обязанности хранителя отдела нумизматики А.К. Марков отобрал из турецких монет 49 экз. (оценив в 20 руб.), а остальные возвращаются в ИАК (документ 21) вместе со сведениями о кладах (документ 22).

Об этом документе скажем подробнее, так как на него имеются ссылки нумизматов, исследовавших клад позднее и приписывавших авторство определений А.К. Маркову¹⁹ (Нудельман 1988, 128-129, 138; и др.). Документ написан от руки на бланке ИАК и содержит в себе описание 883 мелких серебряных монет, но на нем нет подписи (документ 22). Исходя

¹⁹ Марков Алексей Константинович (1858-1920) – крупный археолог и нумизмат, с 1900 г. – руководитель Отдела нумизматики Эрмитажа, «в 1907 г. избран членом-корреспондентом ИАК за постоянное содействие в течение 20 лет по вопросам восточной и классической нумизматики» (Белова, Медведева, Мусин 2019, 50, 59, 288).

из этого факта, а также из того, что документ был отправлен в Эрмитаж еще 21.04.1898 г., можно заключить, что авторство А.К. Маркова для него, как и для заключения по западноевропейским талерам, нельзя считать установленным. Не исключено, что их выполнили сотрудники или консультанты ИАК.

Распределение монет, вознаграждение за находку и значение клада

Ход распределения монет, как и вознаграждение за клад представлены в архивном деле практически полным набором документов. В начале июня 1898 г. ИАК отправила в дар Киевскому университету Св. Владимира 33 талера²⁰, в ответ на что получила благодарственное письмо, отправленное в конце сентября (документ 26). 10 июня ИАК переслала 54 серебряные турецкие монеты в Одессу для ООИД²¹, на что последовал почти молниеносный ответ с благодарностью (документ 23). Тогда же оставшиеся монеты были отправлены в Санкт-Петербургский Монетный двор в указании их веса, составлявшего 1 фунт 11 золотников и 36 долей (или 503 гр)²², где и были переплавлены, а стоимость полученного серебра оценена в 24 руб. 50 коп.²³

ИАК назначила находчику вознаграждение в сумме 84 руб., которые были переведены через Аккерманское казначейство приставу 3-го стана того же уезда для передачи Ф.П. Иванову под расписку²⁴. Последние документы дела освещают процесс перевода и передачи этой суммы, а чуть позже – еще 24 руб. 50 коп. стоимости серебра по той же процедуре, который закончился в конце августа 1898 г. (документы 24 и 25).

Проведенный А.А. Нудельманом анализ компонентов Дмитровского клада по эмитентам, номиналам и годам чекана показал, что наиболее ранние монеты относятся к эмиссиям начала 80-х гг. XV в., а наиболее поздние – не выходят за пределы третьей четверти XVI в. (Нудельман 1988, 129; ср. также документы 20 и 22). Исследователь отметил редкость находок в Днестровско-Карпато-Дунайских землях ранних русских монет («копейные деньги»).

²⁰ НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1898, д. 83, л. 13.

²¹ НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1898, д. 83, л. 14.

²² НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1898, д. 83, л. 15.

²³ НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1898, д. 83, л. 16-20.

²⁴ НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1898, д. 83, л. 10-11, 12-12об.

Приведенная им общая сводка (7 пунктов) показала, что русские монеты XVI в., депонированные в составе синхронных им тезавраций, «проникали и получили определенное хождение на денежном рынке рассматриваемого региона <...> но присутствуют пока лишь в качестве примеси (незначительной в количественном отношении) к прочим монетам <...> интенсивность их притока была незначительной, а проникновение носило эпизодический характер» (Нудельман 1988, 133-134, 136). Отмечена важность находок талерных монет в составе клада, которые составили всю «ценность» тезаврации, а сам этот качественно новый компонент сыграл особую роль в структуре регионального монетного обращения и денежного хозяйства (Нудельман 1988, 137-138). Что касается турецких серебряных монет, то сравнительный анализ с османскими акче, например, из других кладов региона, в том числе Буджакского клада, может показать интересные результаты. Так, было высказано предположение, что монеты из Буджакского клада могли быть частью локальных налоговых сборов, а близость этого клада с кладом из с. Топала позволила исследователям думать «о существовании на этой территории транспортного узла, либо некоего пункта османской администрации либо администрации Буджакской Орды» (Кривенко, Сречкович 2011, 101, с литературой).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Архивные материалы ИАК, картографический анализ и проведенные рекогносцировки на местности выявили важные детали истории находок Анадольского и Дмитровского монетных кладов Южного Буджака. Рассмотренные в статье материалы не только касаются разных по своей датировке кладов, но также продемонстрировали, по сути, два разных подхода ИАК к находкам такого рода.

Для *Анадольского клада* было точно определено место его находки и условия залегания бронзового сосуда. Удалось установить личности находчиков (и размеры полученного ими вознаграждения). Судя по архивным материалам, вопрос о количественном составе Анадольского клада можно считать исчерпанным – его численность ненамного превышала 1000 золотых статеров. Примечательно, что клад был сокрыт в местности, удаленной

от известных древних переправ через Дунай (Измаил – Тулча, оз. Картал – Исакача (Новиодунум)), что позволяет думать о возможном «проходе» через Дунай и Прут.

Относительно *Дмитровского клада* средневековых монет авторы исправили распространенную в последние десятилетия неверную привязку, описали процесс покупки монет и их распределения в Киевский университет и Одесское общество истории и древностей. Для Дмитровки также уточнено место его находки: территориально он «придвинулся» в к более крупному Буджакскому кладу. Центр локализации подобных кладов сдвигается к границе степи и лесостепи, в северо-западный Буджак, что позволяет говорить об их связи с древними дорогами региона («транспортный узел»?).

Что касается стратегии работы ИАК, то условно можно определить два разных подхода: *экстраординарный*, который был применен к уникальному археологическому объекту мирового уровня (Анадольский клад), и *обычный*, использованный для более «скромного» Дмитровского клада. Примеров работы ИАК с массовыми случайными находками много. Из того же региона в 1889 г. бендерский мещанин С.А. Семенов прислал в ИАК две римские монеты — серебряную Фаустины и медную колониальную, найденные, вероятно, близ с. Главаны Измаильского уезда. ИАК оценила вознаграждение за них в 1 руб., а сами монеты отправила в Симферополь в дар Музею Таврической археологической комиссии²⁵ (Отчет 1901, 90, 114-115).

На основе документов подтверждено, что в отношении монетных кладов ИАК применяла разную тактику: от полного собирания и хранения в одном музейном собрании (Анадол в Эрмитаже) до хранения в разных музеях и частичной переплавки массовых монет на металл (Дмитровка).

Благодарности. Авторы выражают искреннюю признательность за консультации Д.Н. Янову (Одесса, Украина), ученице П.О. Карышковского С.В. Булатович (Одесса, Украина) и А. Болдуряну (Кишинэу, Молдова).

²⁵ НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1889, д. 22, л. 1-5.

Документ 1

Отношение Бессарабского губернатора в ИАК

Кишинев, 9 февраля 1895 г. Исх. № 1138. Получено 14.02. Вход. № 163. Оригинал
(НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 21, л. 1)

Имею честь препроводить при этом в АК четыреста девяносто девять старых золотых монет, найденных 29 минувшего января ренийским жителем Михаилом Васильевым Мыней при раскопках сухого дерева в своем саду, состоящем в урочище «Бужор». При этом присовокупляю, что, как видно из протокола пристава г. Рени, монеты эти были рассыпаны в земле без всякой посуды.

/Подл. подписи/: Губернатор, генерал-лейтенант А. П. Константинович.

Вице-губернатор В.Г. Устругов.

Советник [неразб.]

Делопроизводитель [неразб.]

Надписи: «Заслушано 15.02.1894»; «Монеты Филиппа, Александра Великого и Лисимаха Фракийского»; Вес 10 фунт. 30 золотников. Оценка 5 руб. 54 коп. за зол. = 5454 руб.

Документ 2

Отношение ИАК Бессарабскому губернатору

Санкт-Петербург, 20 февраля 1895 г. Исх. № 208. Отпуск на бланке
(НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 21, л. 2)

Принося ВП искреннейшую благодарность за присланные при отношении от сего февраля за № 1138, – 499 золотых монет, найденных в г. Рени в саду тамошнего жителя Михаила Васильева Мыней, ИАК имеет честь покорнейше просить Вас сообщить ей, согласен ли он уступить ей этот клад в полном его составе или часть его и на каких именно условиях.

Подп.: Председатель, граф А. Бобринской.

Скрепил и верно: Делопроизводитель И. Суслов /подп. собств./

Документ 3

Отношение Бессарабского вице-губернатора в ИАК

Кишинев, 17 февраля 1895 г. Исх. № 1344. Получено 23.02. Вход. № 186. Оригинал
(НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 21, л. 3-3об.)

В дополнение к отношению г. начальника губернии от 9 сего февраля за № 1157, при котором препровождено четыреста девяносто девять древних золотых монет, имею честь уведомить ИАК, что на пересылку означенных монет употреблено 6 руб. 48 коп. из суммы, ассигнованной на канцелярские и хозяйственные расходы губернского правления, каковые деньги Комиссия не оставит прислать /зоб./ на пополнение приведенного расхода.

/Подл. подписи/: За Вице-губернатора старший советник [неразб.]

Советник Попов.

Документ 4

Отношение Бессарабского губернатора в ИАК

Кишинев, 10 марта 1895 г. Исх. № 2110. Получено 17.03. Вход. № 261. Оригинал
(НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 21, л. 6-7)

22 минувшего февраля поселянин с. Анадол Измаильского уезда Никита Сося-Куля представил приставу 4-го стана того уезда 480 древних золотых монет, при чем заявил, что 23 февраля 1895 года днем, он совместно с сыном своим Саввой и односельцами Захарием Черняном и Никитой

Кука добывал камень на надельной крестьянской земле с. Анадол, при чем сын его Савва киркой ударил в скрытую медную кубышку, которая от удара разбилась и из нее высыпались золотые монеты. Собрав монеты, все они поделались и заявителю с сыном досталось /60б./ около 500 штук, и столько же взяли Чернян и Кука. До 17 февраля он заявитель никому о находках не заявлял, а 17 февраля заявил сельским властям, а затем монеты с частями кубышки, в коей хранились монеты, представил приставу; Кука же и Чернян, подтверждая изложенное, добавили, что житель г. Рени Михаил Мыня обманным образом присвоил себе 499 монет и неправильно заявил, что он нашел их будто бы в своем саду.

Препровождая при сем в дополнение к отзыву от 9 минувшего февраля за № 1138, вновь представленные Измаильским уездным полицейским управлением 480 древних золотых монет, а также кусок кубышки, в которой хранились те монеты, – имею честь уведомить ИАК, что просимые отзывом от 20 минувшего февраля за № 280 сведения, будут сообщены Комиссии по установлению действительных собственников клада, при чем будут сообщены подробные сведения относительно этого клада, о чем вместе с сим /7/ дано поручение измаильскому уездному исправнику.

/Подл. подписи/: И. Д. Губернатора, Вице-губернатор [неразб.]

за Вице-губернатора Старший советник [неразб.]

Советник [неразб.]

Делопроизводитель [неразб.]

Надписи: «Заслушано 29.03 и 19.04.1894»; «Весу 9 фунт. 89½ зол.».

Документ 5

Отношение ИАК Бессарабскому губернатору

Санкт-Петербург, 22 марта 1895 г. Исх. № 385. Ответ на вх. № 2110. Отпуск на бланке
(НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 21, л. 8-8об.)

Имея честь уведомить ВП о получении высланных Вами в вверенную мне ИАК еще 480-ти древних золотых монет, принадлежащих к кладу, найденному в с. Анадол, и принося Вам глубокую признательность за принятие мер к выяснению подробных обстоятельств, сопровождавших эту интересную находку, /8об./ я считаю необходимым препроводить при сем к ВП, для сведений подлинное письмо, полученное мною из г. Рени от неизвестного лица, предлагающего мне монеты из означенного клада.

Подп.: Председатель, граф А. Бобринской.

Скрепил и верно: Делопроизводитель И. Суслов /подп. собств./

Документ 6

Анонимное письмо графу А. А. Бобринскому

Рени. Получено 3 марта 1895 г. Оригинал и копия
(НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 21, л. 31-31об. – оригинал; л. 9-9об. – копия)

Осмелюсь предложить Вашему сиятельству для пополнения коллекции вашего археологического кабинета две золотые монеты, найденные 23 января сего года в с. Анадол Измаильского уезда, в 4 верстах от г. Рени местными крестьянами. Прилагаю также к монетам фотографические снимки места нахождения клада, остатки от копилки, содержащей золотые статеры, а также снимки разных трех монет с одной и другой стороны с подробным объяснением. Имеющиеся золотые статеры изображают Александра и Победы времен македонского владычества; обе монеты одинаково сохранили поразительно рельефность чекана и с одной стороны изображают голову с каской, на другой же стороне изображение фигур Победы с надписями, на первой: АЛЕКСАНДР, на второй, кроме того, еще и прибавлено БАСИЛЕВС.

За подробностями прошу удостоить чести по адресу: в г. Рени (Бессарабской губернии) до востребования под лит. **Н**.

Документ 7

Результаты взвешивания и оценки монет Анадольского клада

Документ без названия и даты.

(НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 21, л. 10)

В день получения первой части клада золотых монет, котировка на золото была 5 руб. 54 коп. золотник, следовательно стоимость фунта = 529 руб. 4 коп.

Вес полученных в две присылки монет = **20 ф. 22½ зол.**,

составляющих стоимость металла 10.710 руб. 99 коп.

1/3 добавочных = **3.570 руб. 33 коп.**

Итого.....**14.281 руб. 32 коп.**

Делопроизводитель И. Суслов /подп. собств./

Документ 8

Рапорт Председателя ИАК министру Императорского двора

Санкт-Петербург, 26 апреля 1895 г. Исх. № 536. Отпуск на бланке

(НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 21, л. 11-11об.)

В январе сего 1895 г. в с. Анадол Измаильского уезда Бессарабской губ. местными крестьянами случайно найден исключительный по своему археологическому значению клад золотых монет царей Филиппа, Александра Великого и Лизимаха, в количестве тысячи экземпляров, из коих 979 монет весят 20 фунтов и 24 золотника, доставлены бесарабским губернатором в ИАК, а ею представлены на воззрение Его Императорского величества государя императора при обзоре им 6 апреля сего года археологической выставки предметов /11об./, поступивших в ИАК в минувшем году. Его Императорское величество, в присутствии исправляющего должность Вашего сиятельства, генерал-лейтенанта барона Фредерикса, соизволил приказать приобрести означенный клад золотых монет для сохранения его в Императорском Эрмитаже целиком.

Представляя Вашему сиятельству о таковой высочайшей воле, испрашиваю зависящее распоряжение об отпуске на уплату по принадлежности за означенный клад пятнадцати тысяч рублей по принятой для подобных случаев цене, в которую к стоимости металла прибавлена одна треть оной, в виду археологического значения находки.

Подп.: Гофмейстер Е.В., граф А. Бобринской.

Верно: Делопроизводитель И. Суслов /подп. собств./

Документ 9

Отношение Бессарабского губернатора в ИАК

Кишинев, 2 мая 1895 г. Исх. № 3358. Получено 08.05. Вход. № 404. Оригинал

(НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 21, л. 13-14)

Из доставленных мне ныне Измаильским уездным исправником сведений видно, что клад, из которого я имел честь представить в Комиссию 979 золотых монет, найден 23 января сего года в овраге, образовавшемся от стока дождевых вод лет 30 тому назад на надельной земле поселян с. Анадол Измаильского уезда поселянами того села Никитой Кулевым, сыном его Саввой Кулевым, Никитой Куку и Захарием Черняном, которые добывали для своих надобностей камень в том овраге, и где добывают песок все жители коммуны Анадол.

Из поименованных поселян Никита Кулев и сын его Савва свою долю, то есть 480 монет представили в примарию (сельское управление), а последние Куку и Чернян, как выяснилось дознанием, свою часть, то есть 499 золотых монет переуступили ренийскому жителю Михаилу Мыне с тем, чтобы он получил за них какое будет /13об./ следовать вознаграждение, за что получили уже от Мыни 200 руб.; причем Мыня обязался из полученного за эту находку вознаграждения выдать им три части, а в свою пользу получить четвертую часть.

Отыскатели клада Никита и сын его Савва Кулевы в особой сказке пояснили, что они согласны уступить ИАК всю свою часть, то есть 480 золотых монет, за вознаграждение по усмотрению Комиссии. Мыня же пояснил, что он с согласия Куку и Черняна желал бы получить на основании предоставленного ему права стоимость золота по 10 руб. за каждую 499 монет и, кроме того, за археологическую редкость по 40 руб. за монету или же, в крайнем случае, по усмотрению ИАК. Независимо [от] сего, примар с. Анадол Семен Лунгу заявил, что клад найден на надельной земле поселян сел. Анадол. Надел дан бывшим румынским правительством в 1874 г. из казенного участка на правах выкупа; что надельная земля каждому дана в подворное (семейное) владение, а не общинное, с тем, чтобы поселяне размежовывались между собой, но размежевания не было и границы участков каждого поселянина не определены еще, поэтому наделы состоят пока, частным порядком, в общественном владении. На этом основании примар коммуны Анадол просит, чтобы из вознаграждения, какое будет определено /14/ за означенный клад, законную часть передать местному коммунальному Управлению, как собственнику земли, в которой найден клад.

Сообщая об этом ИАК в дополнение отзыва от 10 марта за № 2108, с препровождением всей переписки по сему предмету, имею честь просить на случай определения денежного вознаграждения, согласно ходатайству поименованных поселян, ту сумму, какая будет назначена Комиссией, перечислить в депозит Бессарабского губернского правления, так как отыскатели клада свои части вознаграждения, в виду предъявленной примаром коммуны Анадол претензии на часть клада, должны будут получить не иначе, как по решению подлежащего судебного учреждения. Препровождаемую переписку по миновании в ней надобности прошу возвратить.

/Подл. подписи/: Губернатор, генерал-лейтенант А.П. Константинович.

Вице-губернатор В.Г. Устругов.

Советник [неразб.]

Делопроизводитель [неразб.]

Надписи: «Заслушано 10.05».

Документ 10

*Рапорт Измаильского уездного исправника о находке Анадольского клада*²⁶
2 февраля – 22 марта 1895 г. № 727. Копия. Приложения к документу 9
(НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 21, л. 15-22об.)

10.1. Рапорт от 22.03.1895 (НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 21, л. 15)

В исполнение предписания от 8 марта за № 2108, представляя при этом протоколы дознания о найденных 979 золотых монетах, а также сказки нашедших таковые, имею честь донести Губернскому правлению, что клад найден на надельной земле поселян с. Анадол. Надел земли дан бывшим румынским правительством в 1874 году из казенного участка на правах выкупа по закону о наделе – земля каждому дана в подворное (семейное) владение, а не общинное, с тем, чтобы поселяне размежевались между собою. Но размежевания не было, и границы участков каждого поселянина еще не определены, поэтому наделы состоят пока частным порядком в общинном владении.

10.2. Протокол от 22.02.1895 (НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 21, л. 16-17)

Пристав 4 Стана Измаильского уезда в присутствии нижеподписавшихся понятых и примара коммуны Хаджи-Абдул [совр. Куза-Вода, Кагульский район, Республика Молдова], согласно предписания Измаильского уездного исправника от 20 сего февраля за № 785 составил настоящий протокол в следующем: житель села Анадол Никита Саси-Куля представил узел с древними золотыми монетами, опечатанный примарийской печатью села Анадол. По вскрытии узла в нем оказалось 480 золотых монет времен греческих царей «Александра, Василия [sic!] и Филиппа». Затем монеты были взвешены и оказалось в них весу: 10 фунтов, 6 лотов и 1 золот-

²⁶ Состоит из рапорта, протоколов дознания и опросных листов (сказок), датированных от 2 февраля до 17 марта 1895 г.

ник, после чего монеты завязаны в ситцевый платок и вложены в кусок кожи, каковой узел опечатан казенной печатью пристава и примаря Хаджи-Абдул.

Спрошенный Никита Саси-Куля объяснил, что 23 января с. г. днем он с сыном своим Саввой и односельцами Захарием Черняном и Никитой Куку, на вотчине села Анадол, от последнего в 20 саженьях добывали камень, причем сын показателя киркой ударил о что-то твердое, каковой предмет от удара кирки разбился и из него посыпались золотые монеты, а предмет же оказался медным кувшином, стены которого развалились и остались лишь части, дно и верхняя крышка, которые и представлены. Все монеты показатель при помощи вышепоименованных лиц собрал в шапку и отнес в дом показателя, где поровну поделив, т. е. ему показателю и сыну Савве досталось /160б./ около 500 монет, а оставшиеся в таком же количестве половины были взяты Черняном и Кукой.

Найденные монеты показатель не заявил никому до 17 февраля, держал у себя дома, но 17 февраля сам добровольно заявил о том сельским властям и деньги представил сам приставу. Что же касается денег, т. е. половинной части монет, взятых Черняном и Кукой, то ему показателю известно, что они свои монеты отдали жителю гор. Рени Михаилу Мыйне (по уличному Картилян), по профессии – торговец, на условиях, что он монеты разменяет и за свой труд возьмет четвертую часть стоимости монет, остальные же деньги отдаст Черняну и Куке, причем в виде задатка через неделю Мыйня дал им 200 руб.

Спрошенные поселяне села Анадол Захарий Стефанов Чернян и Никита Иванов Куку во всем подтвердили показанное Никитой Саси-Куль, причем добавили, что, как им теперь известно, Михаил Мыйня-Картилян обманным образом присвоил монеты себе, представив их приставу гор. Рени как будто бы найденные в своем саду.

Постановил: о вышеизложенном заключить настоящий протокол, который с перепиской и опечатанными – узлом с древними монетами в количестве 480 штук и двумя кусками кувшина представить в Измаильское уездное полицейское управление на зависящее распоряжение.

Пристав Л. Савицкий.

Примар села Хаджи-Абдул Петр В[аилск]ий.

Поняты: Житель села Анадол [...] и сотский села Хаджи-Абдул Янакий Чазан, а за него неграмотного расписался В. Стамарпир. /17/

При осмотре, счете и взвешивании монет присутствовали поселяне села Анадол Никита Куля, Никита Куку и Захарий Чернян, а за неграмотных подписался Константин Кондов.

10.3. Протокол от 02.02.1895 (НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 21, л. 18)

Пристав г. Рени составил настоящий протокол в следующем:

Ренийский житель Михаил Васильевич Мыйня, явясь сего числа в вверенное мне управление, заявил, что 29 числа истекшего января месяца, будучи в своем виноградном саду в г. Рени, находящемся на урочище «Бужор», где при раскопке сухого дерева, он и нашел клад, заключающийся из древних золотых монет числом 500 штук, которые находились разбросанными в земле без всякой посуды. При осмотре означенных монет в присутствии Михайлы Мыйне и нижеподписавшихся понятых оказалось, что все монеты древнегреческие, в числе которых 364 штуки под наименованием «золотой статер Филиппа Архидея типа Александра Великого», 130 штук «тетрадрахма Александра Великого» и 6 штук «золотой статер Тарента», а всего 500 штук названных монет весом всего 10 фунтов и 30 золотников.

Постановил: объявить нашедшему клад особенные правила о находках, изложенные в 3 пункте приложения к статье 539 прим. 2, X том, 1 части, а затем настоящий протокол вместе с поименованными монетами, согласно тому закону предоставить на дальнейшее распоряжение в Измаильское уездное полицейское управление по надлежащем опечатании.

Пристав г. Рени.

Михаил Васильевич Мыйня.

Поняты: ренийский житель Дм. Варпам; отставной коллежский ассессор Юлиан Людвигович Шидловский.

10.4. Протокол от 06.02.1895 (НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 21, л. 180б.)

Присланные приставом г. Рени и доставленные в Измаильское уездное правление ренийским горожанином Михайлом Мыйня древние золотые монеты были проверены в Присутствии [здании] полицейского управления при бытности [в присутствии] нашедшего монеты Михаила Мыйни и оказалось:

Монет под названием «Золотой статер Филиппа Архидея типа Александра Великого» – 363, а не 364, как значится в Протоколе пристава [см. документ 10.3]. Монет под названием «Тетрадрахма Александра Великого» – 130 и монет «Золотой статер Терента» – 6 штук, всего 499 золотых древних монет, которые запечатаны печатью уездного Полицейского управления и приняты от Михаила Мыйни для представления в Губернское правление.

Уездный исправник.

Помощник исправника, секретарь Прокопович.

Ренийский житель Михаил Мыйня.

10.5. Протокол от 23.02.1895 (НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 21, л. 19)

В Измаильское уездное полицейское управление сего числа при бытности поселян с. Анадол 4-го Стана Измаильского уезда Никиты Иванова Кука, Захария Степанова Черняна и Никиты Саси Кули были проверены золотые древнего чекана монеты, представленные при настоящей переписке в сие Правление, и оказалось всех количеством 480 штук. Часть монет времен царя Александра Македонского: бюст его с каской на одной стороне, а с другой изображение женщины, означающей Победу, на этой части монет надпись «царя Александра». На другом сорте монет бюст царя Лисимаха с одной стороны, а с другой Минервы, держащей в руках Победу.

Уездный исправник.

Помощник исправника.

секретарь Прокопович.

10.6. Протокол от 17.03.1895 (НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 21, л. 20-200б.)

Пристав г. Рени, производя в с. Анадол дознание по поручению господина Измаильского уездного исправника, последовавшего согласно предписанию Бессарабского уездного правления от 8 сего марта за № 2108, вызвав в с. Анадол ренийского жителя Михаила Мыйня при бытности местного примара Симеона Лунги и тамошних поселян Никиты Куку и Захария Черняна, опрашивал Мыйню о найденном кладе и он объяснил, что 500 золотых древних монет доставили ему в г. Рени означенные выше поселяне и предоставили ему право поступить по его усмотрению, выдав им стоимость, равняющуюся трем частям клада, а четвертую часть получить в свою пользу. В обеспечение этого условия он выдал им 200 руб.

Спустя некоторое время, и не зная, что делать с этими монетами, он – Мыйня почел за лучшее представить их местному приставу, но объявил, что он их нашел в своем саду, так как поселяне его уверили, что они согласны на все средства, какие он найдет целесообразными для получения за этот клад вознаграждения, причем не посвятили его в возраст находки, а лучшего средства он придумать не мог.

Поселяне с. Анадол Куку и Чернян подтвердили это объяснение, добавив, что они, передавая Мыйне найденные монеты, не нашли нужным объяснить ему, что и другие лица вместе с ними нашли клад в с. Анадол, который они вероятно скрыли бы, если бы Михаил Мыйня не предоставил в полицию переданные ими монеты, в чем их убеждает то /200б./ обстоятельство, что они представили оставшиеся у них монеты в то время, когда узнали, что Мыйня заявил о находке, о чем распространились слухи.

Постановил: о вышеизложенном заключить настоящий протокол. Пристав г. Рени.

Изложенные в этом протоколе обстоятельства утверждает ренийский житель Михаил Мыйня, поселяне с. Анадол Никита Куку и Захарий Чернян, а за них неграмотных расписался В. Стамарпир.

При этом находился примар с. Анадол Simionu Lungu.

10.7. Протокол от 17.03.1895 (НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 21, л. 21-21об.)

Пристав г. Рени, на основании поручения Измаильского уездного исправника, последовавшего согласно предписанию Бессарабского уездного правления от 8 сего марта за № 2108, производит в с. Анадолке дознание о найденных 979 золотых монетах и оказалось:

1/ Местность находится на выезде из села, с правой стороны дороги, по направлению к с. Фрикацей, заключается в овраге, образовавшемся, по показанию местных поселян, лет 30 тому назад от стока воды. Местность эта принадлежит коммуне Анадол и там поселяне добывают песок и камень.

2/ что означенный клад найден 23 января сего года найден в означенном овраге поселянами с. Анадол Никитой Кулевым, сыном его Саввой Кулевым, Никитой Кукой и Захарием Черняном, которые в означенное время добывали камень. Из них первые представили свою часть в примарию с. Анадол, а последние переуступили свои права получения вознаграждения за этот клад ренийскому жителю Михаилу Мыйне.

3/ Примар с. Анадол Симеон Лунгу заявил, что, так как этот клад найден на земле, принадлежащей коммуне Анадол, то как собственность коммуны должен быть передан местному коммунальному управлению в законных размерах, какие будут определены АК по удовлетворению нашедших, о чем просит сделать распоряжение. /21об./

Постановил: о вышеизложенном заключить настоящий протокол. Пристав г. Рени.

Присутствовал и. д. примаря Simionu Lungu.

Анадольские поселяне: Никита и Савва Кулевы, Никита Куку и Захарий Чернян, а за них неграмотных расписался В. Стамарпир.

10.8. Протокол от 17.03.1895 (НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 21, л. 22)

Мы, нижеподписавшиеся, поселяне с. Анадол Никита Куку и Захарий Черняк дали настоящую сказку приставу г. Рени, при бытности примара коммуны Анадол в том, что 500 золотых монет, найденных нами на земле коммуны Анадол, мы передали ренийскому жителю Михаилу Мыйне с тем, чтобы он получил за них какое будет следовать вознаграждение, и за это получили от него 200 руб. сер.[ебром], причем Мыйня собирался из полученного за эту находку вознаграждения выдать нам три части, а в свою пользу получить четвертую часть. От этого условия мы ныне не отказываемся и предоставляем Мыйне поступить по своему усмотрению, не лишив нас условленной прибавки, в чем и подписались: поселяне с. Анадол Никита Куку и Захарий Чернян, а за них неграмотных расписался писарь коммуны Анадол В. Стамарпир.

Сказку отбирал пристав г. Рени.

Присутствовал и. д. примара Simionu Lungu.

10.9. Протокол от 17.03.1895 (НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 21, л. 22)

Я, нижеподписавшийся, ренийский житель Михаил Васильевич Мыйня дал настоящую сказку приставу г. Рени в том, что за 500 древних золотых монет, найденных в с. Анадоле вышепроеписанными поселянами, желал бы получить на основании предоставленного мне права стоимость /22об./ золота по 10 руб. за каждую монету и, кроме того, за археологическую редкость по 40 руб. за монету, так как почти по такой же цене идут монеты, появившиеся в последнее время в частной продаже или же, в крайнем случае, по усмотрению ИАК.

Ренийский житель Михаил Васильев Мыйня.

Сказку отбирал пристав г. Рени.

10.10. Протокол от 17.32.1895 (НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 21, л. 22об.)

Мы, нижеподписавшиеся, поселяне с. Анадол Никита и сын Савва Кулевы даем настоящую сказку приставу г. Рени, при бытности примара Семена Лунги в том, что мы согласны уступить ИАК клад, найденный нами совместно с поселенцами с. Анадол Никитой Куку и Захарием Черняном на земле, принадлежащей коммуне Анадол, и заключающийся в 979 золотых монетах, из которых на нашу долю принадлежит право на 480 штук, в половинном его составе за вознаграждение по усмотрению означенной Комиссии, в чем и подписываемся: Никита и Савва Кулевы, а за них неграмотных расписался писарь коммуны Анадол В. Стамарпир.

Сказку отбирал пристав г. Рени.

Присутствовал и. д. примаря Simionu Lungu.

Документ 11

Отношение ИАК Бессарабскому губернатору
Санкт-Петербург, 20 мая 1895 г. Исх. № 816. Отпуск на бланке
(НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 21, л. 26-26об.)

ИАК имеет честь уведомить ВП, что клад золотых монет, найденный в селении Анадол Бессарабской губ. и доставленный в ИАК в количестве 979 экземпляров, оценен ею в пятнадцать тысяч руб., несколько более принятой в Комиссии оценки (ценность металла с прибавлением одной трети), и деньги в количестве 15 000 руб. переведены из кабинета ЕИВ в бессарабское казначейство /26об./ для причисления к депозитам Бессарабского губернского правления, согласно отношения ВП от 2 мая 1895 г. за № 3358.

К сему считает долгом присовокупить, что означенные монеты, согласно воле ЕИВ, переданы в ИЭ.

Переписка, приложенная к отзыву ВП за № 3358, при сем возвращается.

Подп.: Председатель, граф А. Бобринской.

Скрепил и верно: за делопроизводителя.

Документ 12

Письмо Бессарабского вице-губернатора председателю ИАК
Кишинев, 27 мая 1895 г. Исх. № 3972. Получено 31.05. Вход. № 529. Оригинал
(НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 21, л. 30-30об.)

Ваше Сиятельство Андрей Александрович!

По присланному при отзыве ВС от 2 марта за № 385, письму неизвестного автора, предлагавшего приобрести древние монеты, найденные в с. Анадол, я распорядился обнаружить личность составителя того письма через измаильского уездного исправника, который ныне доносит, что автор письма оказался ренийский фотограф, кишиневский мещанин Иван Антонович Сумовский, давший следующее объяснение: производя в с. Анадол, по своей инициативе снимки местности, где обнаружен был клад, он /30об./ надеялся приобрести у тамошних поселян несколько монет из числа найденных и, зная ВС за любителя археологических редкостей еще с того времени, когда он, Сумовский, в имении вашем местечке Смела Киевской губернии занимался фотографическими работами, послал означенное письмо из скромности, так как лично известен в семействе брата ВС. В данное время древних монет у Сумовского нет, а есть коллекция фотографических снимков означенной местности, за которые он желал бы получить 30 руб. за штуку. Изложенные объяснения Сумовского и составляют те подробности, о которых он упомянул в конце своего письма.

Уведомляя о вышеизложенном ВС с возвращением письма, имею честь покорнейше просить принять уверение в отличном уважении и преданности.

/Подл. подпись/: Вице-губернатор В.Г. Устругов.

Документ 13

Отношение Эрмитажа в ИАК
Санкт-Петербург, 31 мая 1895 г. Исх. № 360. Получено 02.06. Вход. № 519. Оригинал
(НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 21, л. 29)

Императорский Эрмитаж имеет честь уведомить ИАК, что препровожденный при отношении Комиссии от 15 сего мая за № 723, для коллекции Эрмитажа, клад, состоящий из девяносто семидесяти девяти золотых монет, найденный в 1895 году в селе Анадол Измаильского уезда Бессарабской губернии, в Эрмитаже получен.

/Подл. подписи/: Обер-Гофмаршал С. Н. Трубецкой.

Делопроизводитель [неразб.]

Документ 14

Отношение Эрмитажа в ИАК

Санкт-Петербург, 17 июня 1895 г. Исх. № 394. Получено 17.06. Вход. № 504. Оригинал
(НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 21, л. 33)

Императорский Эрмитаж имеет честь уведомить ИАК, что препровожденные при отношении Комиссии от 20 минувшего мая за № 823, для коллекции Эрмитажа, обломки бронзового сосуда, в котором найден был клад золотых греческих монет в селе Анадол Измаильского уезда Бессарабской губернии в 1895 г., в Эрмитаже получены.

/Подл. подписи/: Старший хранитель [неразб.]

Делопроизводитель [неразб.]

Документ 15

Редкая археологическая находка

(Сумовский 1895, 770; НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 21, л. 34)

23 января сего года поселяне села Анадол, 4-го стана Измаильского уезда Никита Саси Куля, сын его Савва Никита Саси, Никита Куку и Захарий Чернян собирали и вырывали камни около своей деревни, в образовавшейся промоине, на холме «Валя Москалулуй», где первому из них неожиданно посчастливилось достать из-под камня клад, весьма ценный в археологическом отношении и состоящий приблизительно из 1000 штук золотых статеров (при номинальной цене каждого в 20 драхм), весом всего около 21 фунта; одни монеты имеют изображение Александра Великого, другие – с одной стороны голову в шлеме и греческую надпись (Филипп Василеос), а с другой – колесницу; третьи – с одной стороны голову, а с другой греческую надпись (Лизимах Василеос). В меньшем количестве найдены статеры пелопонесского города Тиринфа Аргольского. Вес всех монет одинаков, около двух золотников [8,5 гр].

Найденные монеты поразительно хорошо сохранились и удивляют рельефностью своей чеканки. Сохранены они были, как видно из остатков, в медной копилке, по всей вероятности, имевшей форму вазы; от времени менее толстые стенки вазы разрушились, а остались только доньшко, довольно массивное, и крышка с запаянным медью отверстием, которое служило для опускания денег; копилка эта окончательно была разрушена во время извлечения ее из земли, где она не подвергалась до настоящего времени разрушению только благодаря тому, что стояла нетронутой, чем объясняется и невероятная целостность монет и рельефность их чекана.

Местонахождение клада составляет толстый пласт песка приблизительно около 5-ти сажений, с верхним слоем чернозема в аршин. Деньги найдены в глубине 6-ти аршин от поверхности, где также можно было найти на значительной глубине окаменелых черепах. Можно предположить, что это место было не что иное, как дно моря или реки, так как здесь находятся в большом количестве совершенно гладкие камни разных причудливых форм и размеров.

Поселяне села Анадол без исключения люди бедные, занимавшиеся до сих пор доставкой в г. Рени камня, теперь заняты раскопкой вышеозначенного холма (как его здесь называют «Валя Москалулуй») и еще находят по несколько монет в день, а также извлекают человеческие скелеты. В другой стороне той же деревни найдены в значительном количестве русские медные монеты чекана 1810 по 1819 год, двухкопеечного достоинства (рис. на с. 772).

Документ 16

Отношение ИАК Бессарабскому губернатору

Санкт-Петербург, 22 октября 1895 г. Исх. № 1653. Отпуск на бланке
(НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 21, л. 38-38об.)

Узнав из журнала «Нива» № 32 за 1895 г. из статьи «Редкая археологическая находка», что поселяне с. Анадол Измаильского уезда самовольно производят раскопки в местности, где была сделана находка тысячи золотых монет, и еще находят по несколько монет в день, а также извле-

кают человеческие скелеты, ИАК имеет честь просить ВП сделать распоряжение о производстве /38об./ дознания о названных предметах, а также сообщить ей, кто разрешил поселянам с. Анадол производить раскопки, разрешать которые, по высочайшему повелению 11 марта 1889 г., предоставлено исключительно ИАК.

Подп.: Председатель, граф А. Бобринской.

Скрепил и верно: Делопроизводитель И. Суслов /подп. собств./

Документ 17

Отношение Бессарабского губернатора в ИАК

Кишинев, 19 января 1896 г. Исх. № 4988. Получено 25.01. Вход. № 78. Оригинал
(НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 21, л. 39-39об.)

Измаильский уездный исправник, которому сообщено было, для зависящих распоряжений, содержание отзыва ИАК от 25 октября 1895 г. за № 1653, доносит, что поселяне с. Анадол Измаильского уезда никаких раскопок с целью извлекать древности не производили и не производят, а в той местности, где случилась находка тысячи древних золотых монет, с давнего времени существовала каменоломня, из которой добывают камень и песок для местных нужд, и находка помянутых монет была случайная; что же касается того /39об./, что поселяне и после открытия сосуда с монетами находили по одной и более в той местности монет, то это объясняется тем, что, когда, ломая камень, поселяне, которые нашли сосуд с древними монетами, разбили его, то монеты рассыпались и их впоследствии в малом количестве отыскивали, просеивая песок; других же древностей находимо не было, и в той местности и в настоящее время добывается камень и песок.

Об этом имею честь уведомить ИАК, вследствие отзыва от 25 октября минувшего года за № 1653. /Подл. подписи/: Губернатор, генерал-лейтенант А.П. Константинович.

Вице-губернатор В.Г. Устругов.

Советник [неразб.]

Делопроизводитель [неразб.]

Документ 18

Рапорт пристава 3-го стана Аккерманского уезда в ИАК

с. Тарутино, 17 апреля 1898 г. Исх. № 321. Получено 17.04. Вход. № 484. Оригинал
(НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1898, д. 83, л. 1)²⁷

На основании циркуляра Департамента общих дел МВД от 10 ноября 1894 г. за № 31 при сем при описи имею честь предоставить в АК 13 [исправлено на 33] больших и 887 маленьких серебряных монет, найденных случайно в селении Димитровке, в рытвине 29 января сего года поселянином Феодором Ивановым при добывании глины и утаенных было им, но обнаруженных у него уже спрятанными полицейским урядником Цурканом.

/Подл. подпись/: пристав 3-го стана [неразб.]

Надписи: «Счет – 33 талера, 885 малых»; «Из этого клада 33 талера принесены в дар Киевскому университету, 49 турецких монет отобраны Эрмитажем, 54 [таких же] посланы ООИД. Остальные монеты сплавлены. Делопроизводитель И. Суслов /подп. собств./».

²⁷ К рапорту приложена «Опись найденным монетам» за подписью того же пристава (НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1898, д. 83, л. 2).

Документ 19*Отношение ИАК в ИЭ*

Санкт-Петербург, 21 апреля 1898 г. Исх. № 637. Отпуск на бланке
(НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1898, д. 83, л. 4-4об.)

ИАК, препровождая при сем 33 талера, перечисленные в прилагаемом списке, и определение которых значится на пакетиках, в кои они вложены, имеет честь предложить ИЭ отобрать из упомянутых талеров лишь те экземпляры, которые смогут служить пополнением коллекции мюнцкабинета его, и затем возвратить весь клад, по возможности в самом непродолжительном /4об./ времени, в Комиссию, с приложением списка необходимых для Эрмитажа талеров и указанием цен, по которым они могут быть приобретены. При этом Комиссия считает долгом присокупить, что означенные талеры найдены в январе сего года в селении Димитровка Аккерманского уезда Бессарабской губ., вместе с серебряными мелкими турецкими монетами.

Подп.: Председатель, граф А. Бобринской.

Скрепил и верно: Делопроизводитель Ил. Суслов /подп. собств./

Документ 20*Список 33-м талерам, препровожденным ИАК в ИЭ из Дмитровского клада*

Санкт-Петербург, 21 апреля 1898 г. Прил. к док. 19. Копия
(НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1898, д. 83, л. 5-5об.)

№/№	Наименование монет	число экз.
1	Город Любек талер, 1549 г.	1
2	Город Нимвеген, талер 1563 г.	3
3	Город Солотурн, талер XVI в.	1
4	Город Гамелн, талер 1557 г.	1
5	Город Кемпен, талер 1557 г.	1
6	Саксония: Маврикий (1547-1553), талер 1550 г.	1
7	Саксония: Август (1553-1586), талер 1554 г.	1
8	Саксония: Август (1553-1586), талер 1559 г.	1
9	Саксония: Август (1553-1586), талер 1558 г.	1
10	Саксония: Август (1553-1586), талер 1564 г.	1
11	Аббатство Фульдское и Торенское, Маргарита (IV) де Бредрод (1531-1577)	1
12	Графство Береенское (Монс) Вильгельм (1546-1586)	1
13	Графство Береенское (Монс) Вильгельм (1546-1586)	3
14	Графство Остфризландское, Эдвард – Христофор – Иоанн (1540-1566), талер 1564 г.	2
15	Графство Осттингенское, Карл – Вольфганг – Людвиг – Мартин (1522-1559), талер 1544 г.	1
16	Графство Мансфелдское, Иоганн – Георг – Петр – Эрнст – Христофор (1558-1579)	1
17	Графство Горнское, Филипп де Монморенси (1530-1568)	1
18	Графство Мансфельдское, Гебхард – Иоганн – Георг – Петр – Эрнст (1530-1568), талер 1557 г.	1
19	Герцогство Батенбургское, талер 1564 г.	1
20	Герцогство Батенбургское, талер XVI в.	1
21	Герцогство Бредеродское, Генрих (1568 г.+)	4
22	Герцогство Маклембургское, Иоганн – Альберт (1547-1576), талер 1549 г.	1
23	Герцогство Юлих и Берген, Вильгельм талер V (1543-1592)	1
24	Герцогство Реккгеймское (имп. Фердинанд I) (1556-1564)	2
Итого:		33

Документ 21

Отношение ИЭ в ИАК

Санкт-Петербург, 22 мая 1898 г. Исх. № 279. Получ. 26.05. Вход. № 442. Оригинал
(НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1898, д. 83, л. 8)

Из препровожденного при отношении ИАК от 21 апреля сего года № 638 клада мелких серебряных турецких монет весом 1 фунт 36 зол., найденного в Бессарабской губернии, отобрано для коллекции Эрмитажа 49 экз., оцененных и. д. хранителя Марковым в 20 руб., на перечисление каковых денег из кредита Эрмитажа по §3 сметы 1898 года в кредит Комиссии по §2 ст. 2 сметы того же года послана в Кассу МИД обратная ассигновка от 22 сего мая за № 93, остальные же монеты, препроводя обратно в Комиссию, Эрмитаж имеет честь покорнейше просить о получении не оставить уведомлением. Сведения о кладе при сем возвращаются.

/Подл. подписи/: Старший хранитель А. Кунин.

Делопроизводитель [неразб.]

Помощник делопроизводителя [неразб.]

Документ 22

Сведения о кладе, поступившем в АК при рапорте от 10.04.1898 за № 321

Санкт-Петербург. Не датированы. Оригинал. Отрывок. Прил к док. 21.
(НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1898, д. 83, л. 9-90б.)

Определение монет из Дмитриевского клада (кроме западноевропейских – см. выше)

Баязид II (886-918 г.х. – 1418-1512 г. РХ)	
Эдирне, 886 г.	1 экз.
Костентиние, 886 г.	1 экз.
Селим I (918-926 г.х. – 1512-1520 г. РХ)	
Навар, 918 г.	1 экз.
Костентиние, 918 г.	5 экз.
Брусса, 918 г.	2 экз.
Эдирне, 918 г.	2 экз.
Сирез, 918 г.	1 экз.
Сулейман I (926-974 г.х. – 1520-1566 г. РХ)	
Чайшия, 926 г.	5 экз.
Тире, 926 г.	1 экз.
Сребреница, 926 г.	6 экз.
Ускоб, 926 г.	2 экз.
Качание, 926 г.	1 экз.
Каратова, 926 г.	9 экз.
Сидре Кайси, 926 г.	20 экз.
Новаберда, 926 г.	8
Навар, 926 г.	15
Эдирне, 926 г.	3
Серед, 926 г.	2
Сируз, 926 г.	2
Константиние, 926 г.	14
Амасия, 926 г.	1
.....дава, 926 г.	1
Потертые и негодные для собирания монеты тех же трех султанов	778
Итого:	881
Иоанн Грозный	
2 копейки	2

Документ 23

Отношение ИООИД в ИАК

Одесса, 25 июня 1898 г. Исх. № 388. Получ. 07.07. Вход. № 842. Оригинал
(НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1898, д. 83, л. 17)

Общество имеет честь уведомить о получении с искренней благодарностью препровожденных ИАК для музея 54 экз. турецких серебряных монет, найденных в текущем году в селении Димитровке Аккерманского уезда Бессарабской губернии.

/Подл. подписи/: Вице-президент В. Юргевич.

За секретаря [неразб.]

Документ 24

Отношение ИАК пристава 3-го стана Аккерманского уезда

Санкт-Петербург, 7 августа 1898 г. Исх. № 1293. Отпуск на бланке
(НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1898, д. 83, л. 27-27об.)

В дополнение к отношению от 4 июня сего года за № 974, ИАК, препровождая при сем 24 руб. 50 коп., подлежащие к выдаче за остальную часть клада, найденного в с. Димитровке, имеет честь покорнейше просить ВВ объявить уряднику Цуркану благодарность ИАК за обнаружение этого клада у находчика и предоставление его местному начальству. О получении посылаемых /27об./ денег и препровожденных Вам при упомянутом выше отношении, Комиссия ожидает от Вас уведомления с приложением расписки получателя.

/Подл. подписи/: Тов. председателя Комиссии В. Тизингаузен.

Делопроизводитель Ил. Суслов.

Документ 25

Рапорт пристава 3-го стана Аккерманского уезда в ИАК

с. Тарутино, 5 сентября 1898 г. Исх. № 1938. Получено 20.09. Вход. № 1052. Оригинал
(НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1898, д. 83, л. 26)

Во исполнение предписания от 7 августа сего года за № 1293 при сем в АК имею честь представить расписку Иванова в получении им 24 руб. 50 коп. и расписку урядника Цуркана в объявлении ему предписания комиссии за № 1293 и доложить при этом, что присланные при предписании за № 974 деньги 84 руб. выданы Иванову под расписку, которая с перепиской представлена в Комиссию 3 августа за № 1314.

/Подл. подпись/: пристав 3-го стана [неразб.]

Документ 26

Отношение Университета Св. Владимира в ИАК

Киев, 22 сентября 1898 г. Исх. № 4560. Получ. 26.09. Вход. № 1109. Оригинал
(НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1898, д. 83, л. 30)

Университет Св. Владимира, уведомляя о получении 33 талеров XVI ст., приобретенных Комиссией из клада, найденного в с. Дмитровке Аккерманского уезда Бессарабской губернии, присланных ему в дар при отношении от 4 июня 1898 г. за № 975, долгом считает выразить за это пожертвование свою искреннюю благодарность.

/Подл. подписи/: Ректор Ф.Я. Фортинский.

Секретарь [неразб.]

Библиография

- Белова, Медведева, Мусин 2019:** Н.А. Белова, М.В. Медведева, А.Е. Мусин, Сотрудники Императорской археологической комиссии / Российской археологической комиссии, 1859-1918. В: (Науч. ред.-состав. А.Е. Мусин, М.В. Медведева) Императорская археологическая комиссия (1859-1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы, т. 1 (Санкт-Петербург 2019), 56-61.
- Булатович 1980:** С.А. Булатович, Распространение золотых монет Филиппа II, Александра и Лисимаха в Северо-Западном Причерноморье. В: (Отв. ред. П.О. Карышковский) Исследования по античной археологии Юго-Запада Украинской ССР (Киев 1980), 52-71.
- Карышковский 1976:** П.О. Карышковский, Находки античных и византийских монет в Одесской области. В: (Отв. ред. З.В. Першина) Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины (Киев, Одесса 1976), 172-177.
- Кашуба, Сапожников 2020а:** М.Т. Кашуба, И.В. Сапожников, Курганы и находки у села Троицкое на Нижнем Днестре как памятники древности и объекты кладоискателей XIX - начала XX вв. Археологические вести 27, 2020, 345-366.
- Кашуба, Сапожников 2020б:** М. Кашуба, И. Сапожников, История находки Бородинского (Бессарабского) клада. *Revista Arheologică s.n. XVI/1*, 2020, 21-47.
- Карта 1828:** Карта Бессарабии, собственно так называемой, или Буджака, представляющая 1-е: земли, отмежеванные под выгон к городам и к соляным озерам, а также отведенные для казенных селений, немецких и задунайских колоний; 2-е: участки населенных земель, принадлежащих казне; 3-е: пусто-порожные земли, Всемилостивейше пожалованные частным лицам; 4-е: владения, принадлежащие духовенству; 5-е: земли спорные с казною. Составлена с 1822-го по 1828-го год. М: 5 верст в дм. Рукопис. в цвете. /176×92 см/. 1828 г. (РО РНБ, Ф. 342, д. 447).
- Кривенко, Сречкович 2013:** А. Кривенко, С. Сречкович, Буджакский клад: предварительные результаты исследований. В: Международная научная конференция «РАСМИР: Восточная нумизматика», Одесса, 29-31 июля 2011 (Киев 2013), 96-104, 156-161.
- Кувшинова 2013:** Е.Л. Кувшинова, К вопросу о реконструкции Анадольского клада в составе коллекции античных золотых монет Государственного Эрмитажа. В: XVII Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений, Москва – Пушкино, 22-26 апреля 2013 года (Москва 2013), 16-18.
- Мусин и др. 2019:** А.Е. Мусин, М.В. Медведева Н.И. Платонова, Л.М. Всевиов, И.Л. Тихонов, Глава I. Очерк истории деятельности Императорской археологической комиссии в 1859-1917 гг. В: (Науч. ред.-состав. А.Е. Мусин, М.В. Медведева) Императорская археологическая комиссия (1859-1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы, т. 1 (Санкт-Петербург 2019), 62-353.
- Нудельман 1988:** А.А. Нудельман, Несколько неизданных монетных кладов XVI в. из Днестровско-Прутского региона. В сб.: (Отв. ред. Г.Ф. Чеботаренко) Археологические исследования в Молдавии в 1983 г. (Кишинев 1988), 126-141.
- Отчет 1897:** Отчет Императорской археологической комиссии за 1895 год (Санкт-Петербург 1897).
- Отчет 1901:** Отчет Императорской археологической комиссии за 1898 год (Санкт-Петербург 1901).
- Павличенко 2000:** Н.А. Павличенко, Е.М. Придик, петербургский филолог и эпиграфист. В: (Ред. А.К. Гаврилов) Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России, вып. II (Санкт-Петербург 2000), 189-206.
- Пармакли, Руссев 1999:** С.И. Пармакли, Н.Д. Руссев, К истории изучения античных памятников Бессарабии (по документам Имп. ООИД). *Stratum plus* 3, 1999, 359-368.
- Придик 1902:** Е.М. Придик, Анадольский клад золотых статеров 1895 года. В: Известия Императорской Археологической комиссии, 3 (Санкт-Петербург 1902), 58-92.
- Придик 1903:** Е.М. Придик, Поправки к описанию Анадольского клада. В: Известия Императорской Археологической комиссии, 7 (Санкт-Петербург 1903), 100.
- Сальников 1960:** А.Г. Сальников, Золотые монеты Лисимаха из собрания Одесского археологического музея. *СА* 4, 1960, 171-173.
- Сапожников, Кашуба 2019:** И. Сапожников, М. Кашуба, «Свод памятников старины и археологических находок в Бессарабии» Н. Могилянского и Я. Эбергарда. *Tyragetia s.n. XIII/1*, 2019, 121-148.
- Сапожников, Кашуба 2021:** И. Сапожников, М. Кашуба, «Имеем честь заявить, что мы нашли клад!»: искатели сокровищ Юга Бессарабии в XIX - начале XX ст. *Tyragetia s.n. XV/2*, 2021 (в печати).
- Спасский 1979:** П.Г. Спасский, Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета – Отдела нумизматики. *Нумизматика и эпиграфика VIII*, 1979, 123-234.

Списки 1861: Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом МВД. Т. III: Бессарабская область. Списки населенных мест по сведениями 1859 г. (Санкт-Петербург 1861).

Статистическое 1899: Статистическое описание Бессарабии собственно так называемой или Буджака с приложением генерального плана его края, составленное при гражданской съемке Бессарабии, производившейся по Высочайшему повелению [с] размежевание[м] земель оной на участки с 1822 по 1828 год (Аккерман 1899).

Сумовский 1895: И. Сумовский, Редкая археологическая находка. Нива 32, 1895, 770, 772.

Янов 2020: Д. Янов, Османські акче XIV-XVI ст. в колекції Одеського археологічного музею. Старожитності Лукомор'я 1 (1), 2020, 54-73.

Boldureanu 2011: A. Boldureanu, *Chronica descoperirilor numismatice* (V). *Tyragetia* s.n. V/1, 2019, 325-331.

Seyrig 1969: H. Seyrig, *Monnaies hellénistiques*. *Revue numismatique* 6, tome 11, 1969, 36-52.

Vîlcu, Petac 2012: A. Vîlcu, E. Petac, The Second Syrian War and Gold Staters of Alexander Type struck at Istros. *American Journal of Numismatics*, Second series 24, 2012, 53-60.

Tezaurile monetare de la Anadol și Dmitrovka din sudul Basarabiei: reconstituirea descoperirilor de la sfârșitul secolului XIX

Cuvinte-cheie: Basarabia de sud, Anadol (Dolinskoe), Dmitrovka, tezaur monetare, Comisiunea Arheologică Imperială.

Rezumat: Articolul continuă seria de lucrări ale autorilor, dedicate istoriei arheologiei din Basarabia și Nordul Mării Negre în sec. XIX - începutul sec. XX. În baza materialelor de arhivă a Comisiunii Arheologice Imperiale (păstrate în Secția manuscriselor a Arhivei științifice a Institutului Istoriei Culturii Materiale a AȘR, Sankt-Petersburg, Rusia), a analizelor cartografice și a cercetărilor de teren, au fost relevate detalii importante cu privire la istoria descoperirii tezaurilor monetare de la Anadol și Dmitrovka. În privința tezaurului de la Anadol (astăzi s. Dolinskoe, raionul Reni, regiunea Odesa, Ucraina), a fost stabilit locul descoperirii, componența numerică (peste 1000 de monede elenistice din aur), numele descoperitorilor, precum și mărimea recompensei primite de ei. Pentru tezaurul de monede medievale de la Dmitrovka (localitate eponimă, raionul Bolgrad, regiunea Odesa, Ucraina), autorii au identificat locul precis al descoperirii, au descris procesul de procurare a monedelor și de repartizare a lor către Universitatea din Kiev și către Societatea de istorie și antichități din Odesa. O parte din monedele acestui tezaur, considerate puțin importante, au fost topite la Monetăria din Sankt-Petersburg. Pe baza documentelor, a fost confirmată politica selectivă a Comisiunii Arheologice Imperiale față de descoperirile arheologice: de la colectarea completă și depozitarea într-un singur loc (Anadol) până la păstrarea în diferite locații și topirea parțială a monedelor (Dmitrovka).

Lista ilustrațiilor:

Fig. 1. Regiunea în care a fost descoperit tezaurul de la Anadol, hartă din anul 1828 (Карта 1828; fragment).

Fig. 2. Demersul guvernatorului Basarabiei către Comisiunea Arheologică Imperială din 9 februarie 1895. Prima publicare (© Arhiva științifică a Institutului Istoriei Culturii Materiale a AȘR, F. 1, inv. 1, 1895, d. 21, f. 1).

Fig. 3. Persoanele care au descoperit tezaurul de la Anadol și monede din componența lui (după Сумовский 1895, 772).

Fig. 4. Fundul vasului de bronz din tezaurul de la Anadol. Prima publicare (© Arhiva științifică a Institutului Istoriei Culturii Materiale a AȘR, F. 1, inv. 1, 1895, d. 21, f. 21).

Fig. 5. Locul descoperirii tezaurului de la Anadol pe harta topografică militară din anul 1940 (harta L35-93-Г-а „Reni”; fragment).

Fig. 6. Raportul șefului poliției districtului trei al districtului Akkerman către Comisiunea Arheologică Imperială din 17 aprilie 1898. Prima publicare (© Arhiva științifică a Institutului Istoriei Culturii Materiale a AȘR, F. 1, inv. 1, 1898, d. 83, f. 1).

Fig. 7. Regiunea în care a fost descoperit tezaurul de la Dmitrovka; hartă din anii 1880.

Anadol and Dmitrovka coin hoards of Southern Bessarabia: Reconstruction of chance finds in the end of the 19th century

Keywords: Southern Bessarabia, Anadol (modern Dolinskoe), Dmitrovka, coin hoards, Imperial Archaeological Commission.

Abstract: The article continues a series of works dedicated to the history of archaeology in Bessarabia and the Northern Black Sea Region in the 19th century - the beginning of 20th century. Analysis of the archive materials of

the Imperial Archaeological Commission (held now in the Scientific Archives of the Institute for the Material Culture of RAS, Saint-Petersburg, Russia, further addressed as IIMK RAS) and cartographic materials combined with reconnaissance in the field showed some important details of the history of discoveries of differently dated Anadol and Dmitrovka coin hoards. The place of Anadol hoard discovery is defined (the modern village of Dolinskoe in Reniysk region of the Odessa Oblast, Ukraine), as well as its mode of occurrence and number of coins (more than 1000 Hellenistic coins). Names of the finders and the size of their remuneration are mentioned. The incorrect placing of Dmitrovka hoard of Medieval coins (the village of Dmitrovka, Bolgrad Raion, Ukraine) is reconsidered, and the process of buying up the coins and their distribution between the University of Kyiv and the Odessa Society of History and Antiquities is described. A part of coins which were attributed as low-valued was melted in the Mint of Saint Petersburg. So, it is shown on the basis of the documents that the Imperial Archaeological Commission applied different types of politics for such finds. From gathering and keeping them in one museum (Anadol), on the one hand, and keeping them in various places and partial melting of the massive coin finds (Dmitrovka hoard), on the other.

List of illustrations:

Fig. 1. The region of the Anadol hoard discovery; map dated to 1828 (Капра 1828, a fragment).

Fig. 2. Letter of request from the Bessarabian governor to the Imperial Archaeological Commission, dated to the 9th February 1895. Previously unpublished (© Scientific Archive of the Institute for the Material Culture of RAS, Archive Group 1, inv. 1, 1895, f. 21, s. 1).

Fig. 3. The finders in the place of the Anadol hoard discovery and hoard's coins (after Сумовский 1895, 772).

Fig. 4. A base of the bronze vessel from the Anadol hoard. Previously unpublished (© Scientific Archive of the Institute for the Material Culture of RAS, Archive Group 1, inv. 1, 1895, f. 21, s. 21).

Fig. 5. Place of discovery of the Anadol hoard in 1940 (map L35-93-Г-а "Reni", a fragment).

Fig. 6. Report from a police officer of the 3rd district in the Akkerman uyezd to the Imperial Archaeological Commission, dated to the 17th April 1898. Previously unpublished (© Scientific Archive of the Institute for the Material Culture of RAS, Archive Group 1, inv. 1, 1898, f. 83, s. 1).

Fig. 7. The region where the Dmitrovka hoard was discovered; map dated to the 1880-es.

06.05.2021

Др. хаб. Игорь Сапожников, Отдел Крыма и Северо-Западного Причерноморья Института археологии, Национальная Академия наук Украины, пр. Героев Сталинграда, д. 12, 04210 Киев, Украина, <https://orcid.org/0000-0003-3889-6714>, e-mail: ssappog5@gmail.com

Др. Майя Кашуба, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры, Российская Академия наук, Дворцовая наб., д. 18, 191186, Санкт-Петербург, Россия, <https://orcid.org/0000-0001-8901-8116>, e-mail: mirra-k@yandex.ru

CRONICA DESCOPERIRILOR MONETARE (XV)¹

Ana Boldureanu

Cuvinte-cheie: descoperiri monetare, Stejăreni, raionul Strășeni, pul moldovenesc, aspru otoman, Ciutești, raionul Nisporeni, dublu groș, groș, Orheiul Vechi, Alexandru cel Bun, Ștefan cel Mare.

Cum am obișnuit în ultimii ani, continuăm să prezentăm descoperirile monetare de care am aflat în a doua jumătate a anului 2020 și prima jumătate a anului 2021. Și de data aceasta informația este destul de scundă, în mare parte fiind legată de situația pandemică din țară.

Am înregistrat o singură monedă antică, descoperită în satul Dumbrăvița, raionul Sângerei. Este un denar roman, bătut în timpul împăratului Hadrianus (117-138). A fost găsită de elevul școlii din localitate Gabriel Gheorghiuță, care a arătat piesa profesorului său de istorie Ion Porcescu.

Ne-a fost adus pentru determinări un nou lot de monede, descoperit în preajma localității Ciutești, raionul Nisporeni, care este compus dintr-un dublu groș de la Alexandru cel Bun și un groș de argint de la Ștefan cel Mare; din patru aspri otomani, o emisiune rusească de 15 copeici din anul 1878 și un inel. Menționăm că am mai publicat 19 monede medievale, provenite din această localitate, în anul 2015, intrate în patrimoniul Muzeului Național de Istorie a Moldovei (Boldureanu 2015, 317-319).

Repertoriul descoperirilor monetare de la Orheiul Vechi este completat cu două monede de cupru de tip rozetă și un aspru otoman de la Mehmed al II-lea (855-886 a.Ch. / 1451-1481) din anul 885 sau 886 a.Ch., bătut la Üsküp. Monedele au fost găsite întâmplător de colegul nostru Ion Tentiuc. Un alt coleg, arheologul Veaceslav Bicbaev, a descoperit a emisiune de la Alexandru cel Bun (1400-1432), pe teritoriul localității Stejăreni, raionul Strășeni.

1. *Dumbrăvița*, raionul Sângerei. Un elev al școlii din localitate a găsit o monedă romană, pe care a arătat-o profesorului lui de istorie, iar acesta a și anunțat descoperirea.

IMPERIUL ROMAN

Hadrian (117-138)

Denar

Av. HADRIANVS AVG COS III PP; cap laureat spre dreapta

Rv. neclar

AR 19 mm. RIC II, 226.

Informație: Ana Boldureanu și Mihail Băț.

2. *Ciutești*, raionul Nisporeni. În împrejurimile localității, în anul 2019, au fost descoperite câteva monede medievale.

MOLDOVA

Alexandru cel Bun (1400-1432)

Dublu groș

1. AE 1,19 g; 21,1 mm; MBR, tip IV.

Groș

Ștefan cel Mare (1457-1504)

2. AR ↓ 0,59 G; 14,5 mm; MBR, tip Ia.

IMPERIUL OTOMAN

Aspri

Mehmed al II-lea, a doua domnie 855-886 AH / 1451-1481

Amasya

3. AR ↑ 0,96 g; 10,5×11,3 mm, tip Av. Nicolae 2003, tip Ac.

¹ Acest articol a fost elaborat în cadrul proiectului 20.80009.0807.43 „Patrimoniul muzeal și memoria istorică: cercetare, interpretare, prezentare”.

Süleyman I 926-974 AH / 1520-1566

Srebreniçe

4. AR ↘ 0,45 g; 10,8 mm. Srećković 2003, tip Av. E4^ab.

Emitent neprecizat

5. 0,20 g; 9,8×10,4 mm.

6. 0,22 g; 9,2×10,2 mm.

IMPERIUL RUS

15 copeici

1878, Sankt Petersburg

7. 2,59 g; 20 mm, Биткин 2003, 247.

Inel medieval

AE placat cu AR: 2,96 g; D șaton: 18 mm, D inel: 21 mm, H: 20 mm.

Informație: Ana Boldureanu.

3. *Orheiul Vechi* (Trebujeni, raionul Orhei). În vara anului 2020, colegul nostru Ion Tentiuc a găsit pe teritoriul sitului arheologic trei monede medievale.

HOARDA DE AUR

Anonimă: Canibek (1341-1357)

Saray al-cedid

1. AE 1,58 g; 17×18 mm.

2. AE 2,06 g; 15,5×16,5 mm.

IMPERIUL OTOMAN

Mehmed II (855-886 A.H. / 1451-1481)

885 sau 886 A.H.

Üsküp

3. AR 0,73; 9,8×11 mm.

Informație: Ana Boldureanu

4. Stejăreni, raionul Strășeni. Moneda a fost descoperită de colegul nostru, arheologul Veaceslav Bicaev, în anul 2021, pe teritoriul localității, mergând pe drum.

MOLDOVA

Alexandru cel Bun (1400-1432)

AE ↙ 0,43 g; 12,5×14,5 mm; tocită; tip V, anii 1425-1430; MBR, nr. 418.

Informație: Ana Boldureanu.

Bibliografie

Boldureanu 2015: A. Boldureanu, *Cronica descoperirilor monetare* (IX). Tyragetia s.n. IX/1, 2015, 315-322.

MBR: G. Buzdugan, O. Luchian, C.C. Oprescu, *Monede și bancnote românești* (București 1977).

Nicolae 2003: E. Nicolae, *Moneda otomană în Țările Române în perioada 1415-1512* (Chișinău 2003).

Srećković 2003: Sl. Srećković, *AKCHES (Volume Three)*. Süleyman I Kanunî 926-974 AH (Beograd 2003).

RIC II: *The Roman Imperial Coinage, Vol. II: Vespasian to Hadrian* (London 1926).

Биткин 2003: В. Биткин, *Сводный каталог монет России, том 2 (1740-1917)* (Киев 2003).

Chronicle of coin finds (XV)

Keywords: coin finds, Stejăreni, Strășeni District, Moldavian pül coin, Ottoman akçe, Ciutești, Nisporeni District, 2 groschen coin, groschen, Old Orhei, Alexander I the Good, Stephen the Great.

Abstract: The author introduces into scientific use new coin finds from the Republic of Moldova, some recently discovered, but also earlier ones, from private collections.

The oldest coin is a Roman denarius, fortuitously found in the territory of the village of Dumbrăvița, Sângerei District. It is followed by three new finds from Old Orhei: two copper rosette coins minted at Sarai al-Jadid and an Ottoman akçe of Mehmed II (855-886 AH / 1451-1481) minted at Üsküp. In the village of Stejăreni, Strășeni District, a Moldavian pül coin of Alexander the Good (1400-1432), type V, 1425-1430, was fortuitously found. A new lot of finds was registered in the village of Ciutești, Nisporeni District. It contains four Ottoman akçe coins of the 15th-16th centuries, a type I groschen of Stephen the Great, a Russian silver 15 kopecks coin of 1878, as well as a medieval silver ring.

Хроника монетных находок (XV)

Ключевые слова: монетные находки, Стежэрень, Страшенский район, молдавский пул, османский акче, Чутешть, Ниспоренский район, двойной грош, грош, Старый Орхей, Александр I Добрый, Стефан Великий.

Резюме: Автор вводит в научный оборот новые монетные находки из Республики Молдова, как недавно обнаруженные, так и более ранние, хранящиеся в частных коллекциях.

Самая старая монета – римский денарий, случайно найденный на территории села Думбрэвица Сынжерейского района. За ним следуют три новых находки из Старого Орхей – две медные монеты типа «цветочная розетка», отчеканенные в Сарае аль-Джадид, и османской акче Мехмеда II (855-886 г. хиджры / 1451-1481), отчеканенный в Ускюбе. В селе Стежэрень Страшенского района был случайно найден молдавский пул Александра Доброго (1400–1432 г.), тип V, 1425–1430 г. Новая партия находок была зарегистрирована в селе Чутешть Ниспоренского района. Она содержит четыре османских акче XV-XVI веков, грош Стефана Великого, относящийся к типу I, русскую серебряную монету 1878 г. номиналом 15 копеек, а также средневековое серебряное кольцо.

20.08.2021

Dr. Ana Boldureanu, Muzeul Național de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chișinău, Republica Moldova, <https://orcid.org/0000-0002-3686-1393>, e-mail: anaboldureanu@yahoo.co

Michał Grygiel,
**CHRONOLOGIA PRZEMIAN KULTOROWYCH W DOBIE
PRZEŁOMU STARZEGO I MŁODZEGO OKRESU
PRZEDRZYMSKIEGO NA NIŻU POLSKIM**

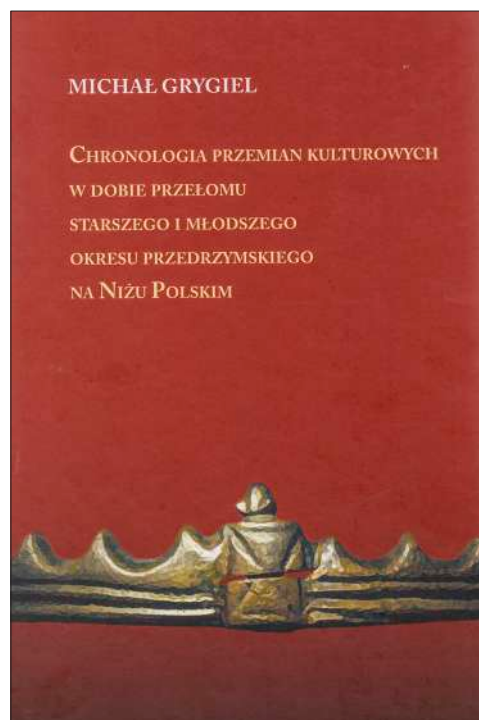
Łódź: Fundacja Badań Archeologicznych Imienia Profesora Konrada Jażdżewskiego,
2018, 822 p., ISBN: 978-83-948140-2-1

În rândurile ce urmează, semnalăm apariția unei monografii care, cu siguranță, va suscita interesul specialiștilor în arheologia epocii Latène. Este vorba de lucrarea *Chronologia przemian kulturowych w dobie przełomu starszego i młodszego okresu przedrzymskiego na Niżu Polskim* (Łódź), semnată de Michał Grygiel. Precizăm că monografia respectivă reprezintă varianta îmbunătățită a lucrării de doctorat, susținute de autor, în anul 2013, la Universitatea Jagielloń (Cracovia), avându-l drept conducător pe regretatul profesor P. Kaczanowski. Trebuie să subliniem că M. Grygiel a publicat, anterior, mai multe articole, în care au fost analizate diferite aspecte referitoare la acest subiect (Grygiel 2004; Grygiel, Pikulski 2006; Grygiel 2013).

Așa cum reiese din sumar, volumul este alcătuit din *Introducere* (p. 9-15) și patru capitole (p. 16-375), la care se adaugă *Catalogul descoperirilor* (p. 376-606), *Bibliografia* (p. 607-682), *Rezumatul în limba engleză* (p. 683-712), *tabele și planșe*.

În *Introducere*, M. Grygiel prezintă succint istoriografia problemei, scopul și obiectivele de bază ale lucrării, cadrul cronologic (sfârșitul sec. IV - sec. II a. Chr.) și geografic al lucrării. Totodată, este nuanțată importanța pe care o are elaborarea unei scheme cronologice a epocii preromane a fierului de pe teritoriul actual al Poloniei.

În primul capitol, intitulat „Chronologia przedmiotów metalowych i szklanych ze schyłku starszego i początku młodszego okresu przedrzymskiego odkrytych na Niżu Polskim” (Chronologia pieselor din metal și pastă de sticlă, datate în perioada de trecere de la epoca veche la cea recentă preromană) (p. 16-229), reprezintă cel mai consistent capitol al lucrării. Autorul analizează detaliat următoarele categorii de piese: fibule, coloane în formă de coroană, brățări, verigi, ace, paftale, arme/echipament militar și piese din pastă de sticlă. Potrivit opiniei noastre, M. Grygiel a reușit să ofere o imagine clară a respectivelor grupe de

artefacte, însoțindu-le cu lista siturilor în care au fost depistate.

În următorul capitol, denumit „Uwagi o chronologii ceramiki występującej w starym okresie przedrzymskim i na początku młodszego okresu przedrzymskiego odkrytych na Niżu Polskim” (Considerații cu privire la cronologia ceramicii din perioada preromană veche și începutul epocii preromane recente) (p. 230-335), autorul supune unei examinări minuțioase recipientele de lut, propunând propria tipologie pentru fiecare categorie de vase ceramice depistate.

În capitolul al treilea, „Podsumowanie. Ogólna periodyzacja materiałów y końca starszego okresu przedrzymskim i początku młodszego okresu przedrzymskiego odkrytych na Niżu Polskim” (Rezumat. Încadrarea cronologică a materialelor de la sfârșitul perioadei preromane vechi și a începutului perioadei preromane recente a fierului,

descoperite pe teritoriul Poloniei) (p. 336-351), M. Grygiel supune analizei cronologice toate categoriile de piese, examinate în capitolele anterioare. Foarte importantă, din punctul nostru de vedere, a fost cartarea descoperirilor în cauză, care sunt deosebit de importante nu doar la delimitarea reperelor cronologice, dar și la stabilirea originii acestor vestigii arheologice.

În ultimul compartiment, „Zakończenie. Chronologia przemian kulturowych na Niżu Polskim na przelomie starszego i młodszego okresu przedrzymskiego“ (5) (Concluzii. Cronologia transformărilor culturale de pe teritoriul Poloniei la sfârșitul epocii preromane vechi și începutul perioadei preromane recente a fierului) (p. 352-375), autorul prezintă propria schemă cronologică a acestei epoci. Conform lui M. Grygiel, primele elemente de tip Jastorf pătrund la est de Oder încă în LT B2, ceea ce, în cronologie absolută, corespunde perioadei cuprinse între sfârșitul sec. IV și prima jumătate a sec. III a. Chr. Însă, precizează autorul, cele mai multe vestigii de tip Jastorf ajung pe teritoriul actual al Poloniei, în LT C1 (a doua jumătate a sec. III a. Chr.). În a doua jumătate a sec. III a. Chr, consideră M. Grygiel, au început transformările etno-culturale ce au condus la trecerea la epoca preromană recentă a fierului (p. 353-355). Începuturile epocii preromane recente a fierului au fost plasate în ultimul sfert al sec. III a. Chr. Conform aceluiași autor, apariția vestigiilor de tip Jastorf, mai cu seamă cele datate

în a doua jumătate a sec. III a. Chr., trebuie puse în legătură cu migrația bastarnilor din nordul Europei Centrale spre regiunile est-carpatice, unde constituie cultura Poienești-Lucașeuca (p. 372-373). Începuturile acestei culturi este fixată de M. Grygiel la sfârșitul sec. III a. Chr. (p. 373). În acest sens, concluzionează autorul, transformările etno-culturale din a doua jumătate a sec. III a. Chr. de pe teritoriul actual al Poloniei constituie o parte din conglomeratul de fenomene cultural-istorice ce au avut loc pe un spațiu care se întinde de la Mărea Baltică și până la litoralul nord-vestic al Mării Negre, fenomene ce au condus la apariția unor noi culturi arheologice – Jastorf (faza Ripdorf și Seedor); Przeworsk, Oksywie, Poienești-Lucașeuca și Zarubincy.

Volumul se încheie cu catalogul descoperirilor (p. 376-606), Bibliografia (p. 607-682), rezumatul în limba engleză (p. 683-712), 101 planșe și trei tabele.

Rezumând, constatăm elaborarea unei monografii bine încheiate, care ne pune la dispoziție o imagine suficient de clară referitoare la transformările etno-culturale din sec. III-II a. Chr. de pe teritoriul actual al Poloniei. Indubitabil, monografia semnată de M. Grygiel va constitui un instrument de lucru pentru specialiștii preocupați de aceste fenomene. Nu ne rămâne decât să felicităm pe colegul nostru pentru acest valoros și interesant studiu.

Bibliografie

- Grygiel 2004:** M. Grygiel, Problem chronologii i przynależności kulturowej materiałów o charakterze jastorfskim z Brezścia Kujawskiego, woj. kujawsko-pomorskie, w świetle ostatnich badań nad problematyką okresu przedrzymskiego w Polsce. In: (Ed. H. Machajewski) *Kultura jastorfska na Nizinie Wielkopolska-Kujawskiej* (Poznań 2004), 13-82.
- Grygiel, Pikulski 2006:** M. Grygiel, J. Pikulski, Archäologische Forschungen von 2001-2002 an der multikulturellen Fundstelle 1 Zagórze, Gde. Kazimiersza Wielka, Woiv. Świętokrzykie, *Recherches Archeologiques* 1999-2000, 136-159.
- Grygiel 2013:** M. Grygiel, The Jastorf Culture on the Polish Lowland. In: (Eds. Z. Woźniak, M. Grygiel, H. Machajewski, A. Michałowski) *The Jastorf Culture in Poland*, BAR 2579 (Oxford 2013), 23-103.

25.08.2021

Dr. Vasile Iarmulschi, Muzeul Național de Istorie a Moldovei, str. 31 august 1989, 121A, MD 2012, Chișinău / Freie Universität Berlin, Institut für Prähistorische Archäologie, Fabeckstr. 23-25, 14195 Berlin, <https://orcid.org/0000-0002-9013-1973>, e-mail: vasile.iarmulschi@gmail.com

Lista abrevierilor

AARMSI	Analele Academiei Române. Memoriile Secțiunii Istorice. Academia Română, București
ActaMM	Acta Moldaviae Meridionalis. Anuarul Muzeului Județean Vaslui, Vaslui
ActaMN	Acta Musei Napocensis. Muzeul Național de Istorie a Transilvaniei, Cluj-Napoca
AIIAX	Anuarul Institutului de Istorie și Arheologie „A.D. Xenopol”, Iași
AIMSR	Arhiva Istorico-militară de Stat din Rusia, Sankt Petersburg
AISR	Arhiva Istorică de Stat din Rusia
AISRL	Arhiva Istorică de Stat a regiunii Leningrad
AMC	Arhiva Ministerului Culturii
ANRM	Arhiva Națională a Republicii Moldova
AO	Arhivele Olteniei, Craiova
Apulum	Apulum. Buletinul Muzeului Regional Alba-Iulia, Alba-Iulia
ArhMold	Arheologia Moldovei. Institutul de Arheologie, Iași
ASRO	Arhiva de Stat din regiunea Odesa
AUB	Analele Universității București, București
Basarabia	Basarabia, Chișinău
BOR	Biserica Ortodoxă Română, nr. 8, 1903
BNRM	Biblioteca Națională a Republicii Moldova
BBR	Buletinul Bibliotecii Române, Freiburg
BDA	Buletinul de Documentare Arhivistică, București
BRM	Bibliografia Românească Modernă
Byzantinobulgarica	Byzantinobulgarica, Sofia
CA	Cercetări arheologice, București
Candela Moldovei	Candela Moldovei. Institutul cultural-misionar „Trinitas”, Iași
Carpica	Carpica. Muzeul de Istorie și Artă, Bacău
CI	Cercetări Istorice, Iași
Cugetul	Cugetul. Revistă de istorie și cultură, Chișinău
Cumidava	Cumidava. Muzeul județean Brașov, Brașov
Datini	Datini. Revistă de cultură, București
Destin Românesc	Destin Românesc. Revistă de istorie și cultură, Chișinău-București
Destin Românesc s.n.	Destin Românesc. Serie Nouă. Revistă de istorie și cultură, Chișinău
FIASRO	Filiala din Ismail a Arhivei de Stat din regiunea Odesa
Magazin bibliologic	Magazin bibliologic, Biblioteca Națională a Republicii Moldova, Chișinău
Marisia	Marisia. Studii și materiale, Târgu Mureș
Mitropolia Olteniei	Mitropolia Olteniei, Craiova
MNAIM	Muzeul Național de Arheologie și Istorie a Moldovei
MNIM	Muzeul Național de Istorie a Moldovei
Ortodoxia	Ortodoxia. Revista Patriarhiei Române, București
Peuce	Peuce. Institutul de Cercetări Eco-Muzeale, Tulcea
Pyretus	Pyretus, Ungheni
Revista arheologică	Revista arheologică. Institutul de Arheologie și Istorie Veche, Chișinău

Revista arheologică S.N.	Revista arheologică S.N. Institutul Patrimoniului Cultural, Chişinău
Revista Arhivelor	Revista Arhivelor. Direcţia Generală a Arhivelor Statului, Bucureşti
Revista Bistriţei	Revista Bistriţei. Muzeul Judeţean Bistriţa-Năsăud
Revista de etnologie	Revista de etnologie, Chişinău
Revista de filosofie	Revista de filosofie, Bucureşti
Revista de istorie	Revista de Istorie, Bucureşti
Revista de istorie a Moldovei	Revista de istorie a Moldovei, Chişinău
Revista Muzeelor	Revista Muzeelor, Bucureşti
RRH	Revue Roumaine d'Histoire, Bucarest
SCIV(A)	Studii şi cercetări de istorie veche (şi arheologie), Bucureşti
Tibiscus	Tibiscus. Muzeul Banatului, Timişoara
Tyragetia	Tyragetia. Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, Chişinău
Viaţa Basarabiei	Viaţa Basarabiei, Chişinău
Ziridava	Ziridava. Muzeul judeţean Arad, Arad
Богословские Труды	Богословские Труды. Московская патриархия, Москва
ВИ	Вопросы истории, Москва
ЕАИВЕ	Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы
Етнография на България	Етнография на България, София
ЖМВД	Журнал Министерства Внутренних Дел (СПб.)
КЕВ	Кишиневские Епархиальные Ведомости, Кишинев
Киевская старина	Киевская старина, Киев
КСИЭ	Краткие сообщения Института Этнографии АН СССР, Москва
ПСЗРИ	Полное Собрание Законов Российской Империи
РА	Российская Археология, Москва
Русский Вестник	Русский Вестник, Москва
СЭ	Советская этнография, Москва
Труды ГИКМ	Труды Государственного Историко-Краеведческого Музея, Кишинев
УЗКГУ	Ученые Записки Кишиневского Государственного Университета (Кишинев)
Ученые записки	Ученые записки Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР
ЗООИД	Записки Одесского Общества Истории и Древностей

Condițiile de publicare în revista „Tyragetia”

Stimați colegi,

Revista prevede publicarea studiilor arheologice, istorice, muzeografice, rezultatele cercetărilor științelor interdisciplinare în domeniul arheologico-istoric, ocrotirea patrimoniului.

Articolele și alte tipuri de lucrări științifico-muzeografice vor reflecta din punct de vedere geografic spațiul balcanico-carpato-pontic și teritoriile limitrofe.

Articolele pot fi prezentate în limbile română, rusă, engleză, germană, franceză.

Toate materialele prezentate spre publicare urmează a fi recenzate de membrii Colegiului de redacție, precum și de alți specialiști în domeniu.

În cazul unui aviz negativ, Colegiul de redacție nu este obligat să comenteze decizia sa.

Volumul manuscriselor nu va depăși 100 mii caractere (aproximativ 2,5 c.a.), inclusiv bibliografia, rezumatele și ilustrațiile. Textul lucrărilor trebuie prezentat în formă de manuscris și în format electronic: *Microsoft Word*; *Times New Roman*; *Font size 12*; *Space 1,5*.

Articolele trebuie să fie însoțite de un rezumat în trei limbi: română; rusă; engleză (germană sau franceză).

Planșele (ilustrațiile), în format A4, se vor prezenta în formă grafică clară, cu numerotarea poziției fiecărui obiect. Materialul ilustrativ trebuie să fie însoțit de o listă a planșelor cu o legendă exhaustivă (tradusă și în limbile rezumatului). Planșele (TIF, JPG – nu mai puțin de 300 dpi) și lista lor (*Microsoft Word*) se vor prezenta și în format electronic.

Notele bibliografice se prezintă în original în textul manuscrisului: (Teodor 2005, 172, fig. 7/4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15/4-6; Петров 1999, 15, рис. 3/4-6).

Explicațiile, comentariile, precum și referințele la fonduri de arhivă, muzee etc. se vor face la subsolul paginii.

Bibliografia se prezintă în ordine alfabetică, la sfârșitul textului.

Modul de citare a monografiilor:

Boardman 1988: J. Boardman, Grecii de peste mări. Colonizarea greacă și comerțul timpuriu (București 1988).

Козуб 1974: Ю.І. Козуб, Некрополь Ольвії V-IV ст. до н.е. (Київ 1974).

Modul de citare a articolelor publicate în culegeri de lucrări științifice:

Behren 2005: Claudia von Behren, Sklaven und Freigelassene auf bosporanischen Grabreliefs. In: (Ed. V. Cojocaru) Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest (Iași 2005), 167-194.

Ванчугов 1981: В.П. Ванчугов, Поселение позднего бронзового века Ялпуг-IV в Нижнем Подунавье. В сб.: (Отв. ред. П.О. Карышковский) Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья (Київ 1981), 91-102.

Modul de citare a lucrărilor publicate în ediții periodice (reviste, anuare etc):

Postică 2005: Gh. Postică, Complexul monumental din piatră din secolul XV descoperit în citadela Orheiului Vechi. Revista Arheologică S.N. I, 2, 2005, 371-387.

Рехо 1973: М. Рехо, Атическа рисувана керамика в тракийския погребален контекст. Наблюдения върху съдовете, открити в България. Археология 31, 2, 1973, 11-19.

Modul de citare a materialelor publicate în volumele simpoziunilor și conferințelor științifice:

Trohani 2004: G. Trohani, Aspects concernant des rituels de fondation chez les geto-daces. Tracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chișinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II, Chișinău 2004, 332-337.

Бибикова 1972: В.И. Бибикова, О доместикации лошади на Юго-Востоке Европы. Материали XIII конференції Інституту археології АН УРСР (Київ, 1968), Київ 1972, 106-110.

În cazul utilizării unor prescurtări în text, precum și în bibliografie, se anexează o listă de abrevieri.

La sfârșitul textului se anexează date despre autor: numele, prenumele; gradul științifico-didactic; funcția; instituția; adresa; telefon, fax, e-mail.

Anual, termenul de prezentare a materialelor este 1 martie

The following conditions for publishing in the „Tyragetia” journal will apply

Dear Colleagues,

The journal provides publications on various aspects of archaeology, history, museology, results of scientific researches in interdisciplinary sciences in the field of archeology and history, protection of cultural heritage.

Contributions and other types of scientific-museological works should reflect the Balkan-Carpathian-Pontic regions and the neighboring territories from the geographic point of view.

Contributions should be submitted in Romanian, Russian, English, German and French.

All material presented for publication will follow review by the Editorial Board members and other specialists.

The Board is not obliged to comment negative reviews.

The volume of the manuscripts shouldn't exceed 100,000 signs, (approximately 2,5 ens), including bibliography, summaries and illustrations. The texts of the contributions should be submitted in the form of manuscripts and in electronic format: *Microsoft Word*; *Times New Roman*; *Font size 12*; *Space 1,5*.

Articles should be accompanied by a summary in three languages: Romanian, Russian, English (German or French).

Illustrations should be provided in A-4 format with all the objects supplied by numbers. The tables themselves should be numbered; a complete list of the tables should be offered and accompanied by relevant information (translated in the language of the summary). Tables (TIF, JPG - not less than 300 dpi) and lists (*Microsoft Word*) of illustrations should be provided in electronic format.

Bibliographical notes in the text of the manuscript should be presented in the original: (Teodor 2005, 172, fig. 7/4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15/4-6; Петров 1999, 15, рис. 3/4-6).

Bibliography should be provided at the end of a contribution in the alphabetical order.

Monographs:

Boardman 1988: J. Boardman, Grecii de peste mări. Colonizarea greacă și comerțul timpuriu (București 1988).

Козуб 1974: Ю.І. Козуб, Некрополь Ольвії V-IV ст. до н.е. (Київ 1974).

Samples of articles published in scientific collections:

Behren 2005: Claudia von Behren, Sklaven und Freigelassene auf bosporanischen Grabreliefs. In: (Ed. V. Cojocaru) Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest (Iași 2005), 167-194.

Ванчугов 1981: В.П. Ванчугов, Поселение позднего бронзового века Ялпуг-IV в Нижнем Подунавье. В сб.: (Отв. ред. П.О. Карышковский) Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья (Київ 1981), 91-102.

Articles published in journals:

Postică 2005: Gh. Postică, Complexul monumental din piatră din secolul XV descoperit în citadela Orheiului Vechi. Revista Arheologică S.N. I, 2, 2005, 371-387.

Рехо 1973: М. Рехо, Атическа рисувана керамика в тракийския погребален контекст. Наблюдения върху съдовете, открити в България. Археология 31, 2, 1973, 11-19.

Contributions to conference proceedings:

Trohani 2004: G. Trohani, Aspects concernant des rituels de fondation chez les geto-daces. Tracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chișinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II, Chișinău 2004, 332-337.

Бибикова 1972: В.И. Бибикова, О domestикации лошади на Юго-Востоке Европы. Материали XIII конференції Інституту археології АН УРСР (Київ, 1968), Київ 1972, 106-110.

If abbreviations are used, a list of them should be provided.

Personal data about the author should be provided at the end of the text: name, surname; academic degree; function; institution; address; phone and fax numbers and e-mail.

The deadline for contributions to be published: 1 March

Условия для публикации в журнале «Tyragetia»

Уважаемые коллеги,

В журнале будут опубликованы научные статьи по археологии, истории, музеологии, результаты междисциплинарных научных исследований в этих областях, а также работы по охране культурного наследия.

Статьи и другие типы научно-музееведческих работ должны отражать территорию балкано-карпато-понтийского региона и соседние территории.

Статьи могут быть представлены на румынском, русском, английском, немецком и французском языках.

Материалы представленные к публикации, рецензируются членами редакционной коллегии, а также другими специалистами.

Коллегия не обязана комментировать негативные рецензии.

Объем рукописи не должен превышать 100.000 знаков (примерно 2,5 авторских листа), включительно библиография, резюме и иллюстрации. Тексты статей должны быть представлены в виде рукописи и в электронном формате: *Microsoft Word; Times New Roman; Font size 12; Space 1,5*.

Статьи должны сопровождаться резюме на трех языках: румынском, русском, английском (немецком или французском).

Иллюстрации (таблицы) в формате A4 должны быть представлены в четкой графической форме с указанием номера каждого предмета. Иллюстрации должны сопровождаться списком таблиц с полной информацией (переведенным на языках резюме).

Таблицы (TIF, JPG- не менее 300 dpi) и списки (*Microsoft Word*) иллюстраций должны быть представлены в электронном формате.

Библиографические сноски представляются в тексте рукописи в оригинале согласно следующим критериям: (Teodor 2005, 172, fig. 7/4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15/4-6; Петров 1999, 15, рис. 3/4-6).

Библиография должна быть дана в конце текста статьи, в алфавитном порядке.

Примеры для монографий:

Boardman 1988: J. Boardman, Grecii de peste mări. Colonizarea greacă și comerțul timpuriu (București 1988).

Козуб 1974: Ю.И. Козуб, Некрополь Ольвии V-IV ст. до н.е. (Кіив 1974).

Примеры для работ, опубликованных в сборниках:

Behren 2005: Claudia von Behren, Sklaven und Freigelassene auf bosporanischen Grabreliefs. In: (Ed. V. Cojocaru) Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest (Iași 2005), 167-194.

Ванчугов 1981: В.П. Ванчугов, Поселение позднего бронзового века Ялпуг-IV в Нижнем Подунавье. В сб.: (Отв. ред. П.О. Карышковский) Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 91-102.

Примеры для работ, опубликованных в периодических изданиях:

Postică 2005: Gh. Postică, Complexul monumental din piatră din secolul XV descoperit în citadela Orheiului Vechi. Revista Arheologică S.N. I, 2, 2005, 371-387.

Рехо 1973: М. Рехо, Атическа рисувана керамика в тракийския погребален контекст. Наблюдения върху съдове, открити в България. Археология 31, 2, 1973, 11-19.

Примеры для работ, опубликованных в материалах конференций и семинаров:

Trohani 2004: G. Trohani, Aspects concernant des rituels de fondation chez les geto-daces. Tracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chișinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II, Chișinău 2004, 332-337.

Бибикова 1972: В.И. Бибикова, О доместикации лошади на Юго-Востоке Европы. Матеріали XIII конференції Інституту археології АН УРСР (Кіив, 1968), Кіив 1972, 106-110.

Если в статье использованы сокращения, тогда список сокращений прилагается.

В конце текста статьи прилагается также краткая информация об авторе: фамилия, имя, ученая степень, должность и место работы, адрес, телефон, факс, e-mail.

Ежегодно последний срок представления рукописей 1 марта

Casa Editorial-Poligrafică Bons Offices SRL
Chişinău, str. Feredeului 4/6, MD-2005
Tel./fax: +37322 50 08 94
Tel.: +37322 50 08 95, +37322 27 66 44
E-mail: bons@bons.md

